9(1)
Н 60

Нидерле Л.

Человечество в доисторические времена

1898

~~11.860~~

Д-ръ Люборъ Нидерле
проф. чешскаго университета въ Прагѣ.

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО
ВЪ
ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА.

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГІЯ ЕВРОПЫ
И
ВЪ ЧАСТНОСТИ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

524260

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

Ѳ. К. Волко

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. Н. Анучи

Съ 459-ю рисунками и картою

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

108601

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **Л. Ф. Пантелѣева.**
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 декабря 1897 года.

Типографія и Литографія В. А. Тихапова, Садовая № 27.

ОТЪ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА.

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ 1875 г., былъ изданъ подъ моей редакціей, въ Москвѣ, переводъ сочиненія Лёббока, «Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества, представленная на основаніи изученія остатковъ древности и нравовъ и обычаевъ современныхъ дикарей». Въ то время книга Лёббока была едва-ли не лучшимъ научно-популярнымъ сочиненіемъ по т. наз. доисторической археологіи или первобытной исторіи человѣчества. Авторъ, извѣстный натуралистъ, воспользовался не только имѣвшеюся литературой предмета, но посѣтилъ самъ большую часть мѣстностей Зап. Европы, замѣчательныхъ въ отношеніи къ палеонтологіи человѣка, самъ дѣлалъ раскопки, изучилъ важнѣйшіе музеи, былъ лично знакомъ съ выдающимися авторитетами въ этой области знаній и могъ, во многихъ случаяхъ, составить свое собственное мнѣніе по отдѣльнымъ вопросамъ. Не малое достоинство книги представлялъ проведенный въ ней сравнительный методъ, объясненіе быта доисторическаго населенія бытомъ современныхъ дикарей и очеркъ характерныхъ особенностей послѣдняго въ приложенныхъ къ концу книги четырехъ главахъ. Но, при всѣхъ его достоинствахъ, сочиненіе Леббока представляло и немаловажные пробѣлы; такъ, въ немъ почти не упоминалось о древностяхъ Германіи, Славянскихъ странъ, Россіи, недостаточно былъ разобранъ вопросъ о бронзовомъ вѣкѣ и еще болѣе поверхностно были описаны древности конца доисторическаго періода, наиболѣе важныя однако для пониманія эволюціи средневѣковой культуры. Чтобы нѣсколько заполнить эти пробѣлы, я позволилъ себѣ нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ перевода, передѣлалъ совершенно главу о бронзовомъ вѣкѣ и включилъ мѣстами добавленія—о раскопкахъ французскихъ пещеръ, о дольменахъ, въ особенности же о доисторическихъ древностяхъ Россіи, о находкахъ здѣсь предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣка, о «чудской» культурѣ, о замѣчательныхъ могильникахъ и курганахъ восточной, средней и южной Россіи и т. д. Всѣ эти дополненія составили однако въ общей сложности не болѣе $3^1/_2$ печ. листовъ, такъ какъ болѣе подробное изложеніе потребовало бы значительнаго увеличенія размѣровъ книги, а съ другой стороны все таки не могло бы дать сколько нибудь полной картины доисторической эпохи въ Славянскихъ земляхъ и

Россіи ввиду скудости данныхъ, имѣвшихся въ то время по этому отдѣлу археологіи въ названныхъ странахъ и отсутствія руководящихъ изслѣдованій, на которыя можно бы было при подобномъ обобщеніи опереться. Тѣмъ не менѣе, и въ томъ несовершенномъ видѣ, какой представляла книга Леббока въ русскомъ переводѣ, она, повидимому, удовлетворяла своему назначенію—дать достаточное понятіе о развитіи и состояніи въ тотъ моментъ науки о доисторическихъ древностяхъ Европы (отчасти и С. Америки). Книга вызвала многіе одобрительные отзывы (между прочимъ—со стороны извѣстнаго археолога графа А. С. Уварова), способствовала развитію въ русской публикѣ интереса къ отдаленной старинѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно разошлась, такъ что стала библіографическою рѣдкостью.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи послѣднихъ 22 лѣтъ, литература доисторической археологіи продолжала рости съ каждымъ годомъ. Въ разныхъ частяхъ Европы было сдѣлано много важныхъ находокъ, систематическихъ раскопокъ, появились новыя цѣнныя изслѣдованія, роскошныя археологическія изданія, цѣлый рядъ общихъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ науки и по всей ея совокупности. Усиленное стремленіе къ изученію отдаленной старины проявилось въ Италіи, Испаніи, славянскихъ областяхъ Австріи, Венгріи, Финляндіи, Россіи; возникли новые археологическіе музеи и существенно обогатились коллекціи древностей въ музеяхъ старыхъ. Все это значительно расширило область изслѣдованій, обогатило массою новыхъ данныхъ научный матерьялъ, возбудило новые вопросы, сопоставленія, догадки, гипотезы. Прежнія общія сочиненія, вродѣ Леббока, оказались уже неудовлетворяющими новому положенію науки, ушедшей далеко впередъ и значительно расширившей районъ своихъ изысканій. Болѣе и болѣе стала сознаваться потребность въ общемъ сочиненіи, которое бы представляло собою сводку прежнихъ и новыхъ данныхъ по доисторической антропологіи и археологіи Европы, и притомъ не только Западной—Франціи, Англіи, Скандинавіи, Швейцаріи и т. д.,—но и Средней и Восточной, включая сюда Славянскія земли, Венгрію, Румынію, Грецію, Россію и даже сосѣднія азіятскія окраины—Сибирь, Кавказъ, Малую Азію. Включеніе всѣхъ этихъ странъ являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ расширенія области археологическихъ изысканій, указавшихъ на важное значеніе Востока въ исторіи древнѣйшей культуры Европы и на мощное вліяніе, которое имъ оказывалось въ разныя эпохи на эволюцію искусства, техники, творческой мысли Запада. Европейскіе изслѣдователи не могли не убѣдиться въ этой важности изученія восточныхъ и прежде всего славянскихъ и русскихъ древностей, и съ конца 70-хъ годовъ мы видимъ цѣлый рядъ ихъ—посѣщающихъ Россію, изучающихъ русскіе музеи, собирающихъ матерьялъ на югѣ Россіи, на Кавказѣ, въ Сибири и т. д. Говорить теперь о доисторическихъ древностяхъ Европы, игнорируя археологическій матерьялъ, собранный въ восточной ея половинѣ, является невозможнымъ, ибо все болѣе и болѣе становится очевидною культурная связь Запада съ Востокомъ и многообразное вліяніе послѣдняго на ростъ и развитіе культурныхъ элементовъ Западной Европы. Изслѣдователь, ставящій себѣ задачею обобщеніе дан-

ныхъ по доисторической археологіи и антропологіи, не можетъ, поэтому, основываться лишь на результатахъ изслѣдованій въ Западной Европѣ; онъ долженъ быть одинаково знакомымъ какъ съ археологической литературой романскихъ и германскихъ странъ, такъ и славянскихъ, имѣть достаточное понятіе о находкахъ и изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ не только на Западѣ, но и въ Австро-Венгріи, Россіи, Финляндіи и т. д. Въ этомъ заключается существенная трудность изложенія данныхъ о доисторическомъ періодѣ человѣчества согласно ихъ современному состоянію,—трудность, съ которой приходится считаться какъ западнымъ изслѣдователямъ, такъ и русскимъ, и первымъ, можетъ быть, даже въ большей степени, въ виду обычнаго незнакомства ихъ съ русскимъ и другими славянскими языками.

Вотъ почему, ни въ западно-европейскихъ литературахъ, ни въ русской мы не встрѣчаемъ за послѣднее время ни одного сочиненія, которое бы давало достаточно удовлетворительное понятіе о совокупности результатовъ, достигнутыхъ наукой о доисторическихъ древностяхъ на всемъ пространствѣ отъ Атлантическаго океана до Сибири, и отъ Скандинавіи—до Греціи и Малой Азіи. Всѣ такія сочиненія трактуютъ обыкновенно или о древностяхъ западной Европы съ нѣкоторыми лишь добавленіями объ аналогичныхъ древностяхъ Россіи и ея азіатскихъ окраинъ, или—имѣютъ въ виду, по преимуществу, древности Россіи съ нѣкоторымъ лишь ихъ освѣщеніемъ однородными фактами изъ археологіи Западной Европы. Попытки соединить въ одномъ обзорѣ западную доисторическую старину съ восточною, связать древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соотвѣтственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра, можно было ожидать всего скорѣе отъ изслѣдователя изъ западныхъ славянъ, который соединялъ бы въ своемъ лицѣ нѣмецкую эрудицію съ знаніемъ славянскихъ языковъ и древностей, и былъ бы знакомъ ближе съ современнымъ состояніемъ русской археологіи. Такой изслѣдователь, дѣйствительно, и нашелся въ лицѣ профессора Пражскаго (чешскаго) университета д-ра Любора Нидерле, давно уже занимающагося антропологіей и археологіей, хорошо знакомаго съ древностями своей родины, Австро-Венгріи, равно какъ и съ литературой и музеями Западной Европы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомившагося обстоятельно и съ доисторическими древностями Россіи, какъ путемъ изученія русской археологической литературы, такъ и главнѣйшихъ русскихъ музеевъ, обстоятельно осмотрѣнныхъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Изданное имъ сочиненіе Lidstvo v době predhistoricke (Praha 1893) представило собою интересную и цѣнную попытку обзора доисторической археологіи въ Европѣ вообще и въ славянскихъ странахъ въ частности обзора, тѣмъ болѣе заслужившаго вниманія, что онъ сопровождался массою рисунковъ, дававшихъ наглядное понятіе о разнообразныхъ видахъ и типахъ описываемыхъ древностей.

Къ сожалѣнію, сочиненіе д-ра Л. Нидерле, какъ написанное и изданное на чешскомъ языкѣ, могло быть доступно только ограниченному кругу читателей. Особенно желательнымъ было видѣть его въ русскомъ переводѣ, въ качествѣ руководства для ознакомленія русскихъ

читателей съ совокупностью данныхъ о доисторическихъ временахъ Европы, съ поставленіемъ однако на первый планъ—древностей славянскихъ. Поэтому я не могъ не порадоваться, когда получилъ изъ Парижа, отъ нашего соотечественника О. Е. Деникера, извѣстнаго антрополога, библіотекаря парижскаго Музея Естественной Исторіи, извѣщеніе, что за переводъ книги Нидерле желаетъ взяться Ѳ. К. Волковъ, членъ Парижскаго Антропологическаго Общества, спеціально занимающійся этнографіей и антропологіей славянъ*). Затрудненіе заключалось только въ пріисканіи лица, которое бы изъявило готовность принять на себя расходы по изданію такой книги, довольно значительной по размѣрамъ и иллюстрированной притомъ множествомъ рисунковъ. Я рѣшился обратиться къ Л. Ф. Пантелѣеву, который и изъявилъ любезно готовность принять на себя изданіе книги, поставивъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы я взялъ на себя редакцію перевода. Пришлось по необходимости согласиться на это условіе, не смотря на всю его трудность для меня,—трудность, обусловленную главнымъ образомъ массой времени, требовавшагося на просмотръ текста перевода и исправленія его въ оригиналѣ и въ корректурахъ, причемъ однако я могъ взять на себя только просмотръ со стороны содержанія и слога, но не въ отношеніи къ вѣрности передачи чешскаго текста, оставляя отвѣтственность за это всецѣло на переводчикѣ, хорошо знающемъ чешскій языкъ и пользовавшемся къ тому же указаніями самого г. Нидерле, владѣющаго въ достаточной степени русскимъ языкомъ и просматривавшаго переводъ въ корректурѣ.

Необходимо еще прибавить, что настоящая книга является не простымъ переводомъ чешскаго сочиненія, какъ оно было издано въ 1893 году. Д-ръ Нидерле, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ бытность его въ Москвѣ, а потомъ бесѣдовать лѣтомъ 1895 г. въ Прагѣ, изъявилъ готовность приложить всѣ старанія къ тому, чтобы дополнить свой трудъ новыми данными и вообще исправить и обновить его во всѣхъ частяхъ, что имъ и было выполнено съ возможною тщательностью. Каждый печатный листъ оригинала доставлялся авторомъ переводчику съ поправками, вставками, дополненіями, послѣдняя глава была совершенно передѣлана, а равно приложены мѣстами новыя, иногда довольно обширныя примѣчанія. Такимъ образомъ, русскій переводъ является вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно новымъ, исправленнымъ и значительно дополненнымъ изданіемъ книги д-ра Нидерле. Кромѣ того, кое-гдѣ вставлены еще примѣчанія переводчика и отъ редакціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывалось достаточною необходимостью (всѣ такія примѣчанія имѣютъ соотвѣтственныя отмѣтки). Дѣлалось это, впрочемъ, сравнительно рѣдко, такъ какъ измѣнять въ большей степени взгляды и изложеніе автора ни переводчикъ, ни редакторъ не считали себя въ правѣ, хотя бы и были иногда не совсѣмъ съ нимъ

*) Изъ работъ Ѳ. К. Волкова, появлявшихся въ послѣднее время большей частью на французскомъ языкѣ, особенно обратила на себя вниманіе большая статья „Rites et usages nuptiaux en Ukraïne“ въ журналѣ „L'Anthropologie“, въ которомъ онъ состоитъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ.

согласны. Предлагаемая книга есть трудъ д-ра Нидерле, который и является отвѣтственнымъ за изложенные въ ней факты, мнѣнія и гипотезы. Мы съ Ѳ. К. Волковымъ, не можемъ, напр., считать строго доказанною теорію г. Нидерле относительно рѣзкаго измѣненія физическаго типа славянъ въ теченіе послѣднихъ тысячи лѣтъ и—причинъ, которыя могли вызвать такое коренное измѣненіе. Возможно также сомнѣваться въ утвержденіяхъ г. Нидерле относительно существованія гончарнаго искусства и погребальныхъ обычаевъ въ палеолитическую эпоху, нахожденія височныхъ колецъ исключительно въ славянскихъ могилахъ, нѣкоторыхъ мнѣній о находкахъ каменнаго вѣка въ Россіи и т. п., но авторъ основываетъ свои утвержденія на извѣстныхъ доказательствахъ, которыя и могутъ подлежать критическому разбору. Археологическіе факты допускаютъ нерѣдко различныя толкованія, и попытки освѣтить ихъ извѣстнымъ обобщеніемъ или гипотезой могутъ иногда приносить существенную пользу, уже однимъ тѣмъ, что способны останавливать большее вниманіе на этихъ фактахъ и вести къ пересмотру и пополненію соотвѣтственныхъ данныхъ.

Изданіе настоящей книги, начатое въ 1895 г., могло закончиться только къ концу 1897 г. Объясняется такая медленность тѣмъ, что каждый листъ требовалъ дополненій автора, труда переводчика, исправленія редакторомъ въ оригиналѣ и затѣмъ въ корректурѣ, что́, ввиду необходимости для того сношеній между Прагой, Парижемъ, Москвой и Петербургомъ, не̇ могло не вызывать задержекъ въ печатаніи. Какъ-бы то ни было, дѣло доведено до конца, и остается только пожелать, чтобы новое сочиненіе, способное служить руководствомъ по доисторической археологіи Европы и славянскихъ странъ, было встрѣчено сочувственно русской публикой и содѣйствовало бы распространенію интереса къ изученію древнѣйшей культуры вообще и къ изслѣдованію ея памятниковъ въ предѣлахъ нашего отечества—въ особенности.

Москва. 23 ноября 1897 г. **Д. Анучинъ.**

ВВЕДЕНІЕ.

Что такое доисторическая археологія. — Отношеніе ея къ антропологіи и исторіи. — Ея задачи и методы. — Очеркъ развитія доисторической археологіи.— Современное состояніе этой науки; археологическія учрежденія, общества, съѣзды, періодическія изданія и главнѣйшая общая литература.

Доисторическая археологія есть наука, имѣющая своимъ предметомъ изслѣдованіе культуры человѣчества въ доисторическія времена, т. е. въ тѣ времена, о которыхъ мы не имѣемъ ни печатныхъ, ни письменныхъ извѣстій, и о культурѣ которыхъ мы можемъ судить только по памятникамъ и случайно сохранившимся остаткамъ или по неяснымъ народнымъ преданіямъ и аналогическимъ явленіямъ въ жизни нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ [1]).

Въ послѣднее время у насъ и въ другихъ странахъ названія: доисторическая «археологія» и доисторическая «антропологія» часто употребляются одно вмѣсто другого. Во всякомъ случаѣ гораздо лучше точно различать эти термины и названіе «доисторическая антропологія» употреблять для обозначенія науки, которая имѣетъ въ виду происхожденіе, развитіе и видоизмѣненія человѣка въ доисторическія времена со стороны только тѣлесной. Родственность этихъ двухъ наукъ обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ что обѣ онѣ—и доисторическая археологія и доисторическая антропологія—занимаются человѣкомъ одной и той-же эпохи, достаточно ограниченной, при чемъ постоянно одна сторона вещественно обусловливается другою и одна наука помогаетъ другой. Въ той же могилѣ, которая интересуетъ археолога остатками культуры, способомъ погребенія и снаряженія мертвеца и т. п., находятъ и остатки человѣческаго тѣла—болѣе или менѣе сохранившіяся кости. Отсюда близкое соприкосновеніе этихъ двухъ

[1]) Это введеніе представляетъ собой отчасти извлеченіе изъ статьи: «Několik slov o pěstování archaeologie v Čechách», напечатанной въ журн. Česky Lid (I, стр. 317), въ которой авторъ говоритъ подробнѣе о задачахъ археологіи, особенно чешской.

наукъ, отсюда и ихъ родственность. Но родственность эта—только внѣшняя. Изслѣдованіе эволюціи доисторической культуры въ Европѣ и изслѣдованіе физической эволюціи европейскихъ племенъ и народовъ — двѣ вещи совершенно различныя, хотя взаимно другъ друга и обусловливающія. Проникновеніе новаго племени въ среду стариннаго населенія, скрещиваніе съ нимъ естественно ведутъ за собою и измѣненія въ культурѣ, измѣненія же въ культурѣ, въ свою очередь, помогаютъ подобнымъ сліяніямъ и физическимъ измѣненіямъ.

Что такое доисторическій бытъ человѣка? Это все то, что происходило съ человѣчествомъ до того предѣла времени, съ котораго начинаются письменныя извѣстія. Предѣлъ этотъ не представляетъ собой ровной и опредѣленной черты. Исторія не у всѣхъ народовъ начинается съ одного и того-же времени и очень часто бываетъ невозможно рѣшить, что относится къ періоду историческому и что къ доисторическому. Въ тѣ времена, когда сѣверная Европа и славяне находились еще во тьмѣ, Италія, Греція и прочія страны, лежащія около Средиземнаго моря, давно уже были озарены свѣтомъ исторіи. Наконецъ письменные памятники Ассиріи, Халдеи, Египта и пр. ведутъ насъ далеко и очень далеко во времена, предшествовавшія нашей эрѣ. Когда человѣкъ Средней Европы жилъ еще въ лѣсахъ подъ жалкой кровлей изъ вѣтвей или прутьевъ, когда съ грубо отесаннымъ каменнымъ топоромъ въ рукахъ онъ гонялся за звѣремъ или защищалъ свой очагъ отъ хищныхъ животныхъ или непріятелей, египтяне воздвигали уже храмы и города, строили великолѣпные памятники мертвымъ, покрывали стѣны ихъ письменами, украшали живописью и статуями,—словомъ, жили въ состояніи культуры, для развитія которой необходимо признать существованіе длиннаго ряда предшествовавшихъ столѣтій. Граница между историческимъ и доисторическимъ періодами такимъ образомъ очень различна хронологически. Доисторическій періодъ Греціи съ нашей точки зрѣнія короче, чѣмъ подобный же періодъ Средней Европы.

Намъ неизвѣстны политическія событія доисторическихъ временъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ позднѣйшія эпохи, такъ и въ тѣ давно минувшія времена бывали споры, ссоры и столкновенія, что чередовались владѣтели тамъ, гдѣ человѣчество доразвилось уже до извѣстныхъ общественныхъ формъ, что существовало уже то, что составляетъ предметъ политической исторіи — но обо всемъ этомъ мы ничего не знаемъ. Изъ всей жизни человѣчества въ доисторическія времена мы можемъ составить себѣ только картину его матеріальной и духовной культуры, на основаніи того, что говорятъ намъ сохранившіеся остатки, преданія и аналогіи.

Переходя къ обозначенію задачъ доисторической археологіи, мы считаемъ умѣстнымъ и необходимымъ сказать сначала нѣсколько словъ объ ея важности и значеніи. Наука эта встрѣчаетъ извѣстное расположеніе къ себѣ,

и въ довольно широкихъ кругахъ публики — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но зато въ болѣе узкихъ кругахъ людей, занимающихся точными науками, или по крайней мѣрѣ болѣе точными, чѣмъ археологія, на нее долго смотрѣли— да и до сихъ поръ еще смотрятъ—съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Это однако заблужденіе. Безъ сомнѣнія, предубѣжденіе противъ археологіи вызывается главнымъ образомъ тѣмъ, что наукой этой, кажущейся съ перваго взгляда очень доступной, занимается много людей непосвященныхъ, простыхъ диллетантовъ. Но слишкомъ несправедливо судить о наукѣ по такого рода адептамъ ея. Никто не исключаетъ изъ числа наукъ зоологію и ботанику, хотя и ими занимаются иногда непосвященные. Доисторическая археологія не заключается въ раскапываніи кургановъ и описываніи старинныхъ урнъ съ пепломъ, точно также какъ описаніе одеждъ, утвари и хатъ извѣстной страны не составляетъ еще исторіи культуры. Эти первоначальные, мелкіе матеріалы необходимы для познанія того, что представляетъ конечную цѣль этой науки. Разумѣется и эта работа необходима, и тотъ кто провелъ всю свою жизнь выкапывая, разсматривая и описывая отдѣльныя находки—хорошо исполнилъ свою задачу. Но это не составляетъ еще цѣли доисторической археологіи. Ея задача не заключается и въ томъ, чтобы собирать древности, аккуратно отчищать ихъ и выставлять въ музеяхъ съ надписями откуда тотъ или другой предметъ или кто былъ его благороднымъ жертвователемъ...

Задача доисторической археологіи иная—и, можно сказать, двойная: одна болѣе узкая, другая болѣе широкая. Первая, болѣе узкая, задача является результатомъ чувства патріотизма и національности, унаслѣдованнаго нами отъ предковъ или вызваннаго у насъ воспитаніемъ. Это чувство между прочимъ побуждаетъ насъ болѣе изучать *свой* народъ и его исторію. Очень естественно, что особенно въ послѣднее время, когда національныя чувства получили такое развитіе, каждый невольно старается этому содѣйствовать и приносить свой вкладъ въ изученіе своего народа. Вѣдь мы постоянно видимъ, что чувство національности играетъ большую роль и въ археологіи. Чуть-ли не въ каждой выходящей у чеховъ книжкѣ мы находимъ упреки тому или другому за то, что онъ сгребаетъ все для нѣмцевъ, не давая славянамъ того, что принадлежитъ имъ по праву, а взявши нѣмецкую книжку, читаемъ подобныя же вещи, но только направленныя противъ чеховъ. Нѣтъ надобности доказывать, что обѣ стороны бываютъ правы, подъ вліяніемъ того чувства, которое ими руководитъ; въ дѣйствительности трудно встрѣтить вполнѣ научную объективность въ тѣхъ наукахъ, которыя занимаются изслѣдованіемъ исторіи и прогресса культуры, цивилизаціи вообще и отдѣльныхъ народовъ въ частности, и притомъ постоянно принуждены сравнивать между собой и оцѣнивать разные виды культуры. Но то невыгодное вліяніе, которое оказываетъ въ этомъ случаѣ чувство національности, вознаграждается съ

другой стороны происходящимъ, благодаря ему-же, усиленіемъ научной дѣятельности. Пробудите въ самомъ маленькомъ народѣ чувство національнаго самосознанія и онъ сейчасъ же начнетъ работать интензивнѣе, въ особенности для изслѣдованія своего прошлаго. А въ изслѣдованіи прошлаго онъ необходимо придетъ къ той границѣ, которая отдѣляетъ историческія времена отъ доисторическихъ и затѣмъ уйдетъ еще дальше въ ту отдаленную эпоху, которая и составляетъ предметъ доисторической археологіи и доисторической антропологіи.

Такимъ образомъ болѣе узкая задача доисторической археологіи состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать познанію древнѣйшихъ культурныхъ стадій извѣстной страны и народа.

Но доисторическая археологія идетъ далѣе. Не одна исторія своего народа составляетъ задачу археолога. Онъ ясно сознаетъ, что исторія эта — только часть исторіи человѣчества, съ которой она соединена такой неразрывной связью, при которой невозможно пониманіе части безъ пониманія цѣлаго. Это приводитъ его къ изученію общей доисторической археологіи и первобытнаго состоянія человѣчества вообще. Сколько открывается передъ нами новыхъ горизонтовъ по пути въ отдаленное прошлое, по мѣрѣ приближенія къ самымъ началамъ человѣчества!

Пользуясь въ своихъ трудахъ результатами, добытыми цѣлымъ рядомъ другихъ наукъ, археологія даетъ намъ картину первобытнаго человѣчества. Съ своей стороны, это цѣльное, наглядное изображеніе того, какъ возникло и начало развиваться человѣчество, оказываетъ безконечныя услуги философіи, естествовѣдѣнію и другимъ наукамъ и даетъ прочныя основы нашему міросозерцанію. Приведемъ по крайней мѣрѣ одинъ примѣръ. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, въ какой степени измѣнила наши философскіе взгляды теорія эволюціи, особенно тамъ, гдѣ она касается человѣчества, его происхожденія, образа и подобія первобытнаго человѣка, его предшественниковъ и т. п. А кому же обязана наука наиболѣе компетентными отвѣтами на всѣ эти вопросы какъ не геологамъ и людямъ занимающимся доисторической археологіей?

Не забудемъ также и о томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ доисторическая археологія для сравнительной этнографіи. Само собою разумѣется, что значеніе это взаимно. Одна наука безпрестанно помогаетъ другой. Жизнь европейскаго человѣка въ доисторическія времена очень во многомъ выясняется для насъ жизнью современныхъ намъ примитивныхъ народовъ. Кажется, можно считать несомнѣннымъ, что для всего человѣчества существуютъ одни и тѣ-же законы развитія, которые обусловливаютъ одинаковость культуры, и только чисто внѣшнія вліянія, различія въ средѣ, нарушаютъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ это равномѣрное, вытекающее изъ внутреннихъ законовъ,

однообразіе и создаютъ индивидуальные признаки культуры отдѣльныхъ народовъ. Основы же ея вездѣ одинаковы. Такимъ образомъ доисторическая археологія столько же помогаетъ этнографіи, сколько эта послѣдняя—ей.

Таковы обстоятельства, дающія по справедливости мѣсто археологіи не только между науками—наукой называется всякое систематическое изслѣдованіе извѣстной области знанія при помощи правильнаго метода, — но и между науками, имѣющими особое значеніе, важность которыхъ заключается не въ одномъ расположеніи къ нимъ широкаго круга публики, но и въ томъ, что онѣ дѣйствительно помогаютъ рѣшенію проблемъ, занимающихъ въ нынѣшнія времена наиболѣе видное мѣсто въ нашемъ умственномъ кругозорѣ.

Методъ. Доисторическая археологія имѣетъ два главныхъ источника, изъ которыхъ черпаетъ свои свѣдѣнія: 1) сохранившіеся памятники и 2) аналогіи изъ жизни современныхъ первобытныхъ народовъ. Первые служатъ ей основаніемъ, вторые ее оживляютъ.

Первый источникъ разрабатывается главнымъ образомъ методомъ историческимъ. Имѣя дѣло съ какой-нибудь находкой, прежде всего стараются установить ея хронологическую дату. Это опредѣленіе даты почти никогда не бываетъ абсолютнымъ, но почти всегда только относительнымъ; оно даетъ только хронологическое отношеніе одной находки къ другимъ. Отдѣльная находка почти всегда носитъ на себѣ нѣкоторые признаки, которые были уже наблюдаемы на другихъ, и съ помощію ихъ опредѣляется ея относительная древность, т. е. или принадлежность ея къ какой-нибудь болѣе древней или болѣе новой эпохѣ, или современность съ какою-нибудь уже извѣстной группой.

Результатомъ такого хода изслѣдованія является спеціальный археологическій методъ, выработанный главнымъ образомъ сѣверно-европейскими учеными, такъ называемый типологическій методъ[1]), съ помощью котораго по отдѣльнымъ предметамъ вещественной культуры стараются опредѣлить время и мѣсто ихъ происхожденія и ихъ первичную форму, а затѣмъ прослѣдить ея дальнѣйшее развитіе и географическое распространеніе, съ тѣми видоизмѣненіями, которымъ она подвергалась подъ вліяніемъ разныхъ мѣстныхъ условій и т. д. При помощи типологическаго метода особенно хорошо удаются датированіе находокъ и опредѣленіе разныхъ культурныхъ вліяній на отдѣльныя страны. Но для примѣненія этого метода изслѣдователь прежде

---

[1]) Очень интересенъ споръ о значеніи этого метода, возникшій между защитникомъ его О. Монтеліусомъ и датскимъ ученымъ Софусомъ Мюллеромъ. O. Montelius. Den forhistoriska fornforskarens Metod och material. (Ср. рефератъ объ этомъ въ Archiv für Anthropologie XVI, стр. 645). Хорошія замѣчанія объ этомъ методѣ можно найти въ соч. Ing. Undset'a: Etudes de l'âge du bronze en Hongrie, стр. 39 и слѣд.

всего долженъ овладѣть очень обширнымъ матеріаломъ. Затѣмъ онъ отыскиваетъ въ этомъ матеріалѣ отдѣльные типы, устанавливаетъ ихъ различія, опредѣляетъ ихъ распространеніе и мѣста ихъ происхожденія, при чемъ часто недостаточно бываетъ опредѣлить только статистически, гдѣ извѣстный типъ чаще всего встрѣчается. Труднѣе всего находить въ каждой группѣ возникновеніе и эволюцію типа. «Типъ, говоритъ И. Ундсетъ, не представляетъ собою организма, который бы росъ и развивался изъ своихъ внутреннихъ началъ, а является результатомъ довольно произвольной человѣческой изобрѣтательности. Вслѣдствіе этого опредѣленіе среднихъ формъ часто приводитъ къ ошибкамъ. Необходимо также никогда не забывать и того, что одинаковые признаки культуръ далеко не всегда могутъ быть доказательствомъ ихъ взаимнаго соприкосновенія и очень часто являются въ различныхъ мѣстностяхъ вполнѣ самостоятельно. Въ высшей степени осторожнымъ слѣдуетъ также быть и съ обобщеніями. Посредствомъ же изученія отдѣльныхъ фактовъ наука приходитъ къ составленію цѣльной картины жизни той или другой эпохи съ выясненіемъ всѣхъ условій, результатомъ которыхъ являются находимые памятники старины.

Большія услуги оказываетъ доисторической археологіи и сравнительный методъ, но мы не думаемъ, чтобы были правы тѣ, которые въ послѣднее время отдаютъ преимущество этому методу, какъ первому и единственно цѣлесообразному требованію новѣйшаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, методъ этотъ принесъ уже много пользы и, несомнѣнно, принесетъ еще болѣе. Мы раньше упоминали уже о томъ, что изученіе нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ много содѣйствовало изученію первобытнаго состоянія европейскаго человѣка; жизнь, которую мы наблюдаемъ у нихъ до сихъ поръ, была, судя по сохранившимся остаткамъ, такою-же и въ доисторической Европѣ. Дошедшіе до насъ памятники представляютъ по большей части только нѣчто въ родѣ внѣшняго скелета, внутренняя жизнь котораго выясняется для насъ главнымъ образомъ аналогіей съ жизнью нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ. Въ историческомъ обзорѣ развитія археологіи мы укажемъ, какъ съ тѣхъ поръ только, когда сдѣлалось возможнымъ пользоваться этими аналогіями и сравнивать то, что было найдено въ европейскихъ раскопкахъ, съ тѣмъ, что бытуетъ еще у дикарей, достоисторическая археологія поднялась на степень науки. Главнымъ образомъ при помощи ихъ мы составляемъ себѣ понятіе о жизни нашихъ предковъ [1]).

---

[1]) Кромѣ упомянутыхъ нами двухъ источниковъ доисторической археологіи, въ послѣднее время немалыя услуги оказываются ей и языковѣдѣніемъ, именно тою частью ея, которая извѣстна подъ именемъ лингвистической палеонтологіи. O. Schrader на основаніи чисто филологическихъ данныхъ далъ интересную картину первобытной культуры индо-европейскихъ народовъ.

Вотъ и все, что мы считали необходимымъ сказать о методахъ доисторической археологіи. Разные спеціальные пріемы изслѣдованія и оцѣнки археологическихъ находокъ составляютъ уже предметъ особенныхъ руководствъ [1]).

Очеркъ развитія доисторической археологіи.

Прошлое доисторической археологіи сравнительно не такъ отдаленно. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда цѣлый рядъ прочихъ наукъ и между прочимъ классическая археологія имѣли за собой уже множество трудовъ, доисторическая археологія только что зарождалась. Правда, ея первыя зачатки могутъ быть отнесены къ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ, но это были по большей части только курьезныя извѣстія о разныхъ находкахъ, и имена, которыя мы можемъ здѣсь упомянуть, принадлежатъ главнымъ образомъ любителямъ старины, антикваріямъ.

Съ первыми извѣстіями о подобныхъ находкахъ мы встрѣчаемся еще въ древности. Древніе греки и римляне имѣли уже понятіе о доисторической культурѣ. Припомнимъ, какъ Лукрецій, Овидій и другіе воспѣвали былыя времена, вѣка золотой, серебряный и мѣдный. А разъ существовали уже понятія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что любители старины, которыхъ было и есть вездѣ достаточно, сохраняли древности, приписывавшіяся этимъ отдаленнымъ временамъ. Цѣлый рядъ свидѣтельствъ показываетъ намъ, что кости большихъ дилювіальныхъ и третичныхъ млекопитающихъ, находимыя въ разныхъ мѣстахъ [2]), считались останками гигантовъ, героевъ,—и цезарь Августъ по свидѣтельству Светонія, сохранялъ ихъ въ музеѣ, устроен-

---

[1]) Подобныхъ руководствъ было издано довольно много. Упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ. Прусское правительство само позаботилось о томъ, чтобы внесть извѣстный порядокъ въ обращеніе съ археологическими находками, издавши руководство: «Merkbuch Alterthümer aufzugraben und aufzubewahren» (Berlin 1888, 2 изданіе дополненное, въ 1895). J. Ranke Anleitung zu anthropol. vorgeschichtlichen Beobachtungen (Wien, 1881). Въ книгѣ, изданной G. Neumayer'омъ подъ заглавіемъ Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen (Berlin, 2 изд. 1888), часть относящаяся къ археологіи, составлена R. Virchow'ымъ. Е. Гаршинъ, курганы, ихъ раскопки, изслѣдованіе и нахожденіе кладовъ (СПБ. 1888). Ср. инструкціи для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и для производства раскопокъ кургановъ въ „Трудахъ III Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ", (т. I, стр. 69. 1874). Болѣе старинныя руководства были изданы O. Tischler'омъ, D. Luchs'омъ, Ed. von Sacken'омъ, Сахаровымъ и др. Въ Чехіи подобное руководство подъ заглавіемъ: «O českých starožitnostech a potřebě zachovávati je před zkázou» было издано Vocel'емъ въ 1845 г. Въ послѣднее время J. Novotný издалъ «Návod ku sbírání o zachranovani předhistorických památek» (Praha 1894). Heierli—Uebersicht über die Urgeschichte der Schweiz, Zürich 1894 и R .v. Weinzierl—Die jungere Steinzeit (neolithische Culturepoche) in Böhmen, Prag 1895.

[2]) Какъ напр. въ Тегеѣ въ Аркадіи, на Сигеѣ въ Троѣ, на Лемносѣ, Имбросѣ, Косѣ и т. д., по свидѣтельству главнымъ образомъ софиста Филострата.

номъ въ его дворцѣ на островѣ Капри. Что туда же поступали и другіе доисторическіе предметы, какъ это нѣкоторые хотѣли доказать, — представляется сомнительнымъ, но изъ нѣкоторыхъ извѣстій можно все таки заключить, что и тогда уже пользовались особеннымъ вниманіемъ каменные топорики, извѣстные у славянъ подъ именемъ, «громовыхъ стрѣлъ» и «топориковъ», у грековъ—κεραύνια, αστροπελέκεια (новогр.) и у римлянъ ceraunia, lapides fulminis. Въ то могущество и чудесную силу, которыя имъ приписываютъ до сихъ поръ простые люди всѣхъ европейскихъ народовъ, вѣрили уже древніе греки и римляне [1]).

Съ особеннымъ уваженіемъ къ ископаемымъ костямъ большихъ млекопитающихъ и къ каменнымъ орудіямъ мы встрѣчаемся и позже, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. Извѣстія о нихъ отличаются иногда достаточной странностью. Въ испанской Валенсіи зубъ мамонта долго былъ предметомъ поклоненія въ качествѣ зуба св. Христофора. Въ средневѣковой медицинѣ бивни мамонта также играли очень важную роль и даже въ новѣйшія времена разыскивали еще «ebur fossile» для той же цѣли во многихъ пещерахъ, главнымъ образомъ, въ Германіи и Венгріи. Для археолога занимательнѣе всего попадающіяся отъ времени до времени въ началѣ новыхъ вѣковъ извѣстія о находкахъ разныхъ доисторическихъ предметовъ, главнымъ образомъ урнъ съ пепломъ. «Удивительно», говорилось о нихъ, «что эти горшки растутъ въ землѣ какъ грибы, особенно во время весеннихъ дождей»! Другіе принимали ихъ за издѣлія живущихъ подъ землей карликовъ. Съ такого рода мнѣніями мы встрѣчаемся долго. О томъ напр., что погребальныя урны растутъ въ землѣ, можно прочитать въ письмѣ короля Фердинанда къ Отто изъ Нейдека 1546 г.; подобныя же вещи разсказывали въ своихъ сочиненіяхъ польскіе историки Matyász z Miechowa, M. Cromer, яхимовскій священникъ Mathesius (ум. въ 1568 г.), знаменитый богословъ J. Ursinus и еще въ 1704 г. Chr. Stieff и незадолго передъ нимъ чешскій ученый іезуитъ Bohuslav Balbin. Хотя правильное объясненіе погребальныхъ урнъ было уже въ то время неоднократно высказано, и Бальбинъ, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ, зналъ о немъ, онъ все таки не хотѣлъ ему вѣрить. «Я думаю, го-

[1]) Эти каменные топорики и стрѣлы въ народныхъ преданіяхъ обыкновенно считаются упавшими съ небесъ вмѣстѣ съ молніей. Въ Германіи ихъ называютъ: Donnerkeile, Blitzsteine, во Франціи — pierres du tonnerre, de foudre, въ Англіи—thunderstone, въ Испаніи—piedras de rayo, въ Италіи—saette o fulmini, въ Голландіи — donderbeitels, въ Даніи — tordensteen, въ Норвегіи — tonderkile, въ Швеціи — thorsviggar, въ Россіи — молніина стрѣла, громовая стрѣлка, и т. д., подобно тому, какъ и во многихъ странахъ азіатскихъ и африканскихъ. Объ ихъ исторіи см. прекрасное сочиненіе E. Cartailhac'a: «L'âge de la pierre dans les souvenirs et superstitions populaires». Paris, 1877.

воритъ онъ, что глина или илъ сами собою принимаютъ въ землѣ форму сосудовъ, какъ сама природа того желаетъ» [1]).

Очевидно, что въ тѣ времена отсутствовали еще понятія о первобытномъ состояніи человѣчества вообще. Эпоха возрожденія хотя и оживила воспоминанія о классической жизни, но о примитивной эпохѣ рѣчи еще не было. Къ тому-же для пониманія доисторическаго быта Европы необходимо было прежде получить понятіе о томъ, какъ живутъ люди въ состояніи низкой, неразвитой еще культуры, съ каменными орудіями, безъ умѣнья обращаться съ металлами и безъ прочихъ пріобрѣтеній цивилизаціи. Только тогда можно было дойти до объясненія того, что такое въ сущности громовыя стрѣлки, что такое погребальныя урны и тому подобныя находки. И дѣйствительно, только тогда, когда стали получаться извѣстія о современныхъ дикаряхъ, доисторическая археологія начала выступать на научный путь. Совершилось же это главнымъ образомъ благодаря большимъ морскимъ путешествіямъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ, которыя открыли Европѣ цѣлый новый міръ, съ жизнью и культурой, совершенно непохожими на тогдашнюю европейскую культуру. За открытіемъ Америки Колумбомъ послѣдовалъ рядъ великихъ экспедицій для открытія и изслѣдованія новыхъ странъ, Магеллана, Тасмана, Дампьера, Дрэка, Кука, Форстера, Ла-Перуза, а на азіатскомъ материкѣ—Мессершмидта, Крашенинникова, Палласа и др.

За этими открытіями непосредственно слѣдовало и расширеніе этнографическихъ свѣдѣній, а это въ свою очередь оказало воздѣйствіе на доисторическую археологію. Въ Европѣ начали пріобрѣтать болѣе правильные взгляды на жизнь своихъ предковъ, очевидно сходную съ жизнью народовъ, находящихся до сихъ поръ еще въ примитивномъ состояніи. Поворотъ этотъ не былъ впрочемъ особенно быстрымъ. Интересно, что еще въ 1730 году, когда Mahudel прочелъ во французской Академіи Наукъ свое изслѣдованіе «о стрѣлахъ считаемыхъ громовыми», то собраніе присутствовавшихъ ученыхъ, хотя и приняло къ свѣдѣнію мнѣніе автора, но все таки выразило

---

[1]) См. его Miscellanea historica regni Bohemiae D. I lib. I, 115. Сколько намъ извѣстно, первыя правильныя объясненія дали: Georgius Agricola 1546 г., затѣмъ Albinus—1589 г., польскій врачъ Jonston, Jac. Mallen (Historia sepulcralis Sarmatiae, Jena 1679), M. G. Treuern (Kurze Beschreibung der Heidnischen Todtentöpfe etc. 1688), Dr. Kundmann, Rhode, L. D. Hermann (Maslographia, 1711), Volkmann (Silesia subterranea 1720), J. Oesterling (De urnis sepulchralibus et armis lapideis veterum Cattarum 1714), M. Ch. Reusch (De tumulis et urnis sepulchralibus in Prussia, Koenigsb. 1724) и т. д. Первымъ, объяснившимъ громовыя стрѣлки какъ примитивныя каменныя орудія и оружіе, былъ врачъ M. Mercati, умершій въ 1593 г., за нимъ J. Oesterling, Eckhart, Nünning, Jussieu (1723) и др. Ср. Ledebur Ueber die deutsche Urnenliteratur von XVI—XVIII Jahrhundert (Verh. der Berl anthrop. Gesellsch. 1872).

сожалѣніе, что онъ не объяснилъ, почему бы эти стрѣлы не могли образоваться и въ облакахъ [1]).

Но этнографическія свѣдѣнія, собранныя по всему земному шару, не могли болѣе быть оставляемы безъ вниманія. Въ 1724 г. іезуитъ Lafitau издалъ свое большое сочиненіе: «Moeurs des sauvages américains, comparés aux moeurs des premiers temps»; въ 1758 г. Goguet написалъ книгу: «De l'origine des lois, des arts et des sciences et de leurs progrès chez les anciens peuples depuis le deluge»; въ Англіи W. Stuckeley, J. Douglas и A. Gordon опубликовали свои мемуары о британскихъ древностяхъ [2]). Въ Германіи священникъ Esper занимался изслѣдованіемъ Гейленрейтской пещеры во Франконіи; еще раньше его J. G. Keyssler, L. D. Hermann, G. A. Volkmann, K. F. Schultz, Balduin и пр. опубликовали монографіи о древностяхъ силезскихъ, лужицкихъ саксонскихъ и др. Въ Россіи уже Петръ Великій († 1725 г.) интересовался археологіей своего отечества, покровительствуя напр. собиранію и сохраненію памятниковъ болгарскаго царства на берегахъ Камы и Волги, разрушеннаго татарами въ 1236 г. Въ 1716 г. онъ отправилъ первую научную экспедицію въ Сибирь, подъ начальствомъ Мессершмидта, съ цѣлью, между прочимъ, и археологическихъ изысканій. Въ царствованіе Анны Іоанновны († 1740 г.) археологъ, этнографъ и историкъ Василій Никитичъ Татищевъ издалъ при помощи Академіи Наукъ первую въ Россіи инструкцію для собиранія древностей и разослалъ её во всѣ губернскія управленія; во второй половинѣ XVIII вѣка появляются уже этнографы и археологи: Миллеръ, Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Зуевъ, Рычковъ, и было положено основаніе музея въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ.

Въ концѣ того же прошлаго столѣтія появляются первыя замѣчательныя работы и у чеховъ. Дворянинъ Іосифъ Биненберкъ изъ Биненберка (1731—1798), присутствуя въ качествѣ военнаго инженера при крѣпостныхъ работахъ въ городѣ Кралевъ-Градецъ, когда случайно открыты были разныя древности, описалъ эти послѣднія въ своихъ сочиненіяхъ; въ концѣ XVIII вѣка великій славистъ Іосифъ Добровскій издалъ первое научное сочи-

---

[1]) Изъ словъ русскаго ученаго Гмелина мы видимъ, что онъ еще въ 1732 году склонялся больше къ стариннымъ взглядамъ, а въ С.-Петербургской академіи еще въ 1745 году «громовыя стрѣлы» помѣщались въ коллекцію минераловъ.

[2]) Dr. W. Stuckeley, Itinerarium Curiosum (2 т. in fol.) Лондонъ 1724; Stonenhenge a Temple restored to the British Druids, and Abury (in fol). Lond. 1740—43; James Douglas, Nenia Britannica. A Sepulchral History of Great-Britain (in fol.) Lond. 1793.

неніе по археологіи чешской земли, написанное по случаю нахожденія доисторическихъ гробницъ у Горжина возлѣ г. Мельникъ [1]).

Еще болѣе замѣчательными работами обозначаются начало и первая половина нынѣшняго столѣтія. Въ это время мы встрѣчаемъ уже сочиненія, выдающіяся по своему значенію, и поэтому нельзя согласиться съ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что собственно-научныя работы по доисторической археологіи начинаются только съ сороковыхъ годовъ, т. е. съ того времени, когда начались систематическія изслѣдованія датскихъ такъ называемыхъ «кухонныхъ кучъ». Еще къ началу нашего столѣтія относятся замѣчательныя изслѣдованія французскихъ пещеръ Billaudel'я, Tournal'я, Christol'я, de Serres'a и др. и классическія изысканія Schmerling'a въ бельгійскихъ пещерахъ (1833—1840 гг.). Въ Англіи Mac-Ennery и Godwin Austin подробно изслѣдовали кентскую пещеру, E. Home — видбергскую, W. Buckland — киркдальскую, а D. Wilson издалъ сочиненіе объ археологіи Шотландіи. Въ Даніи работали Nyerup, Vedel Simonsen, а знаменитый археологъ Chr. Thomsen издалъ уже въ 1836 г. свое извѣстное «Введеніе въ сѣверную археологію [2]).

Въ Германіи занимались въ это время доисторической археологіей Adler, Fuhrmann, W. Büsching, Dr. Fr. Wagner, H. F. Link, Lewetzow, Dorrow [3]); особенно же выдаются своими работами C. Klemm, K. Preusker, G. O. von Estorff, S. Wagener, G. C. Lisch, Fr. Kruse и другіе. Въ то же время началъ свою дѣятельность и знаменитый, недавно только умершій, археологъ L. Lindenschmit [4]).

---

[1]) J. Bienenberk von Bienenberk «Versuch über einige merkwürdige Alterthümer im Königreich Böhmen», 3 тома. (Прага 1778—85). J. Dobrovský. «Über die Begräbnissart der alten Slaven überhaupt und der Böhmen insbesondere» (Sitzungsberich. d. k. Gesellsch. der Wissensch. 1786).

[2]) Chr. Thomsen, Ledetraad til Nordisk Oldkyndighed. Копенгагенъ. 1836, вышло также въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde». 1837.

[3]) Dorrow, «Opferstätte und Grabhügel der Germanen und Römer am Rhein» (Wiesbaden, 1819—21). W. Büsching, «Die heidnischen Alterthümer Schlesiens (Лейпцигъ, 1820—24).

[4]) G. Klemm, «Handbuch der germanischen Alterthumskunde (Dresden, 1836) и Allgemeine Kulturgeschichte Bd. I (Leipz. 1843); K. Preusker, Blicke in die vaterländische Vorzeit (Leipz., 1841—43); G. O. von Estorff, Heidnische Alterthümer der Gegend von Uelzen im ehemaligen Bardengaue (Hannover 1846); G. C. Lisch, Andeutungen über die altgermanische und slavische Grabalterthümer Meklenburgs (Schwerin, 1837); S. Ch. Wagener, Handbuch der in Deutschland entdecten Alterthümer aus heidnischer Vorzeit (Weimar, 1842); F. Kruse, Budorgis (Leipz. 1819); Deutsche Alterthümer (Halle, 1824—28); Necrolivonica oder Alterthümer Livlands, Esthlands und Curlands (Dorpat, 1842); L. Lindenschmit, Das germanische Todtenlager bei Selzen in Rheinhessen, 1848; нѣмецкія и скандинавскія работы этой

Изъ славянскихъ земель въ этотъ періодъ Россія стоитъ впереди всѣхъ. Въ 1804 г. въ ней основано было первое «Общество исторіи и древностей россійскихъ» въ Москвѣ; въ 1839 г. было открыто подобное же общество въ Одессѣ, гдѣ уже раньше И. А. Стемпковскій подалъ мысль объ основаніи музеевъ (въ Одессѣ и въ Керчи). Работали въ это время главнымъ образомъ А. Ашикъ, Брунъ, Беккеръ, П. Дюбрюксъ, Н. Н. Мурзакевичъ, Н. И. Надеждинъ, Г. И. Спасскій, Dubois de Montpéreux[1]), А. Е. Люценко и др. Въ Петербургѣ уже въ началѣ нашего столѣтія занимались русской археологіей П. И. Кёппенъ, Ваксель, директоръ Имп. Публичной Библіотеки А. Н. Оленинъ[2]) и др. Нельзя не упомянуть здѣсь также и Авг. Шлецера, сочиненія котораго были изданы въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1846 г. возникло въ Петербургѣ «Археологическо-нумизматическое общество» (издававшее свои записки только на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ), которое позже было переименовано въ «Императорское русское археологическое общество» и въ 1851 г. раздѣлилось на отдѣлы русской, восточной и западной археологіи. Здѣсь работали гр. А. Уваровъ, И. П. Сахаровъ, П. С. Савельевъ, Из. И. Срезневскій, И. Е. Забѣлинъ, М. Калайдовичъ, митрополитъ Евгеній, А. А. Куникъ, В. В. Тизенгаузенъ, Д. А. Ровинскій, В. В. Стасовъ, не говоря уже о К. Е. фонъ Бэрѣ. Въ 1850 г. учреждена была кромѣ того при Министерствѣ Императорскаго Двора «Императорская Археологическая Коммиссія», задачей которой было поставлено приведеніе въ извѣстность, собираніе и храненіе русскихъ древностей. Императоръ Николай Павловичъ щедро поддерживалъ это учрежденіе, которое посылало въ разные края Россіи экспедиціи для раскопокъ, а также занималось и изданіемъ древностей; роскошное изданіе его «Древности Россійскаго государства» (1849—1853) посвящено впрочемъ главнымъ образомъ археологіи историческихъ временъ[3]). Въ 1812 г. гр. І. Потоцкій издалъ уже археологическій атласъ Европейской Россіи[4]).

эпохи перечислены у L. Undset'а въ его сочиненіи о скандинавской и средне-европейской археологіи (Христіанія, 1887).

[1]) Dubois de Montpéreux, Des Tumulus, des Forts et des Remparts de la Russie occidentale (Paris, 1845).

[2]) А. Н. Оленинъ. Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія Славянъ отъ времени Траяна и Русскихъ до нашествія татаръ (Спб. 1832).

[3]) Сочиненіе это должно было выйти подъ редакціей и съ текстомъ А. Н. Оленина съ рисунками академика Солнцева, но по случаю смерти Оленина оно было издано спеціальнымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ графа С. Т. Строганова. Текстъ былъ написанъ А. Ѳ. Вельтманомъ и И. М. Снегиревымъ.

[4]) Ср. М. П. Погодинъ, Судьбы археологіи въ Россіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1869) и Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, т. I, стр. 151 (Спб. 1872).

Много работали также въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія въ Украинѣ, въ Литвѣ и въ Польшѣ. Въ Кіевѣ были изданы большія сочиненія И. Фундуклея и М. Грабовскаго [1]), въ Литвѣ много собирали и писали R. Zieńkiewicz, гр. Eus Tyszkiewicz и главнымъ образомъ братъ его Konstantyn Tyszkiewicz. Въ 1855 г. основано было имъ въ Вильнѣ Археологическое Общество съ музеемъ. Въ Польшѣ, въ Бѣлоруссіи и въ Галичинѣ много работали: I. Kraszewski, A. B. Glebowicz, J. Lippoman, гр. Eus. Tarnowski, I. Lelewel, Żegota Pauli, M. Potocki, M. Grabowski, и другіе, а въ особенности Adam Czarnocki, иначе называвшійся Zorian Dołęga Chodakowski (Зоріанъ Долэнга Ходаковскій) [2]).

Въ Чехіи съ конца прошлаго столѣтія минуло много лѣтъ, пока доисторическая археологія шагнула впередъ [3]). Только въ тридцатыхъ годахъ появляется двое усердныхъ тружениковъ: собиратель P. Václav Crolmus (около 1790—1861) и двор. Kalina z Jaethensteinu (1772 — 1848), который съ помощью Крольмуса издалъ первое большое сочиненіе, цѣликомъ посвященное чешской археологіи [4]). Послѣ Калины вообще началось болѣе сильное движеніе. Павелъ Шафарикъ (Šafařik) подготовлялъ 2-й томъ Славянскихъ Древностей, который однако къ сожалѣнію не вышелъ; Янъ Колларъ (Kollár) усердно занимался археологіей и въ 1849 году былъ назначенъ профессоромъ славянскихъ древностей въ вѣнскомъ университетѣ, и наконецъ

---

[1]) И. Фундуклей. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ. (Кіевъ, 1848). M. Grabowski—Ukraina dawna i terazniejsza (Kijów, 1850).

Къ тому же времени относятся и раскопки многочисленныхъ кургановъ, произведенныя Кіевскою Археологической Коммиссіей подъ руководствомъ Предсѣдателя ея проф. Н. Д. Иванишева; результаты ихъ были опубликованы въ 1846 г. подъ заглавіемъ: „Древности, изданныя Временною Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ", in folio съ XII табл. и текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ (3 вып.). *Прим. переводч.*

[2]) E. Tyszkiewicz, Rzut oka na źrzódła archeologii krajowej (Wilna, 1842). Главное сочиненіе его брата вышло позже: O kurganach na Litwie i Rusi zachodniej (Berlin, 1868). Главное сочиненіе I. Крашевскаго—Sztuka u Słowian szczególnie w Polce i Litwie przedchrześciańskiéj, вышло только въ 1860 г. въ Вильнѣ. Żegota Pauli, Starożytnosci galicyjskie (Lwow, 1838). Z. D. Chodakowski—O Słowianszczyznie przed Chrześciaństwem (Krakow, 1835). I. Lippoman — Zastanowienie się nad mogiłami etc. (Wilno, 1832).

[3]) Можетъ быть слѣдуетъ причислить также сюда родившагося въ Прагѣ I. M. Konrad'a, который въ 1818 г. издалъ въ Вѣнѣ сочиненіе: Uebersicht einer Urgeschichte der Welt und des Menschen in Bezug auf die ersten Ansiedelungen und Wanderungen des menschlichen Urstammes.

[4]) Kalina von Jaethenstein, Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber und Alterthümer mit 35 Steindrucktafeln (Прага, 1836).

Jan Erasim Vocel открылъ новый періодъ чешской археологіи изданіемъ своего сочиненія «Grundzüge der böhmischen Alterthumskunde» въ Прагѣ въ 1845 г. [1]).

Къ этому времени относится также и организація археологическихъ работъ въ Чехіи. Въ 1841 г. по почину Ф. Палацкаго положено было основаніе археологической коллекціи при музеѣ королевства чешскаго (открыта она была, впрочемъ, только въ 1843 г.), а въ 1853 г. Vl. Zap'омъ было начато изданіе «Památky archeologické a mistopisné».

Въ Моравіи въ это же время сначала A. Boček, а послѣ него главнымъ образомъ Beda Dudik, I. Eder, M. Koch, Christian d'Elvert и др. начали съ большимъ вниманіемъ относиться къ археологическимъ находкамъ [2]).

Не желая разбрасываться въ нашемъ историческомъ очеркѣ, мы перешагнули однако за сороковые года и можемъ видѣть, что эта эпоха вовсе не представляетъ собой какой нибудь опредѣленной грани въ ряду научныхъ археологическихъ работъ, какъ это одно время утверждалось. Нельзя отрицать впрочемъ, что съ 40-хъ и 50-хъ годовъ работы эти стали болѣе выдѣляться, особенно въ отношеніи систематичности изслѣдованій. Усиленное движеніе, которое появляется, начиная съ этого времени, въ доисторической археологіи Европы, было вызвано главнымъ образомъ тремя важными открытіями. Первые два изъ нихъ указали на необходимость болѣе систематическаго и методическаго изслѣдованія, а третье дало матеріалъ и поводъ къ великой теоретической и практической работѣ, предметъ которой заключается въ изслѣдованіи вопроса о началѣ человѣчества.

I. Въ 1848 г. по предложенію датской академіи послана была коммиссія, состоявшая изъ трехъ ученыхъ Steenstrup'a, Forchhammer'a и Worsaae (Ворсо) для изслѣдованія датскихъ доисторическихъ сорныхъ кучъ, такъ наз. Kjökkenmödding'овъ. Шесть подробныхъ отчетовъ, изданныхъ этой коммиссіей, не мало содѣйствовали установленію болѣе научнаго метода въ доисторической археологіи.

II. Еще большее движеніе было возбуждено открытіемъ доисторическихъ свайныхъ построекъ въ Швейцаріи. Они были найдены случайно въ 1853 г., около береговъ Цюрихскаго озера и съ этого времени были внимательно изслѣдуемы д-ромъ Ферд. Келлеромъ и другими [3]). Эта находка послужила стимуломъ къ изслѣдованію многихъ озеръ не только въ Швейцаріи, но и въ

---

[1]) Главное сочиненіе Воцеля: „Pravěk země české“ вышло въ Прагѣ только въ 1866 — 1868 гг. Въ 1850 г. Воцель былъ назначенъ профессоромъ археологіи (а потомъ и чешской литературы) въ Пражскомъ университетѣ.

[2]) Dr B. Dudik, Ueber die heidnischen Begräbnissplätze in Mähren (Sitzungsbericht d. k. Akademie in Wien, 1854).

[3]) Оффиціальные отчеты выходили подъ заглавіемъ «Pfahlbauberichte» въ запискахъ Археологическаго Общества въ Цюрихѣ.

другихъ странахъ Европы, увѣнчавшемуся во многихъ мѣстахъ успѣхомъ. Въ Швейцаріи въ теченіе перваго періода работъ (отъ 1854 до 1870 годъ) изслѣдованія производились болѣе или менѣе случайно и только съ того года, когда федеральное правительство рѣшило осушить нѣкоторыя озера и вслѣдствіе разныхъ работъ значительно понизился уровень нѣсколькихъ озеръ, изслѣдованія начались производиться систематически во всей странѣ и главнымъ образомъ на озерахъ Женевскомъ, Боденскомъ, Цюрихскомъ, Моратскомъ, Біеннскомъ, Невшательскомъ, Пфеффиконскомъ и др. Въ Австріи, въ озерахъ зальцбургскихъ и нижне-австрійскихъ изслѣдованія также дали очень интересные результаты. Подобныя же свайныя постройки были найдены затѣмъ во Франціи (въ Савойѣ), въ сѣверной Германіи (по берегамъ Балтійскаго моря), въ Моравіи и въ другихъ мѣстахъ, какъ будетъ указано далѣе [1]).

III. Наибольшее вліяніе на развитіе доисторической археологіи въ указанный періодъ имѣли однако находки въ пещерахъ и вообще въ отложеніяхъ постпліоценоваго періода,—доказавшія, что человѣкъ жилъ въ Европѣ еще во времена гораздо болѣе отдаленныя, чѣмъ предполагали ранѣе. Далѣе, мы сообщимъ подробнѣе объ этомъ дилювіальномъ или постпліоценовомъ человѣкѣ въ Европѣ, пока же ограничимся только упоминаніемъ о томъ, какимъ образомъ наука пришла исторически къ этимъ заключеніямъ.

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія [2]), а главнымъ образомъ въ началѣ нынѣшняго, разные изслѣдователи находили различныя орудія, сдѣланныя человѣческими руками, или даже человѣческія кости въ такихъ слояхъ земли, образованіе которыхъ безъ всякаго сомнѣнія относится къ очень древнимъ временамъ, къ такъ называемой дилювіальной эпохѣ (или «допотопной» какъ думали въ старину). Это были находки въ пещерахъ, какъ напр. открытія Schmerling'а въ Бельгіи, Mac-Ennery и Buckland'а въ Англіи. Tournal'я, Christol'а и Serres'а во Франціи, Esper'а въ Франконіи и т. п. Но ни находки эти, ни ихъ обстоятельныя описанія не обращали на себя должнаго вниманія. Укоренившихся взглядовъ, а главное авторитета нѣкоторыхъ ученыхъ, рѣшительно возстававшихъ противъ новыхъ мнѣній, было достаточно для того, чтобы всѣ эти находки игнорировались и замалчивались. Во главѣ такихъ ученыхъ былъ прежде всего знаменитый французскій палеонтологъ G. Cuvier (Кювье), объ авторитетъ котораго разбивались всѣ попытки доказать, что человѣкъ жилъ во Франціи одновременно

---

[1]) Ср. L. Ettmüller, Zur Geschichte der Entdeckung und Erkennung der Pfahlbauten (Цюрихъ 1866).

[2]) Одной изъ первыхъ такихъ находокъ была сдѣланная, а главное описанная John'омъ Frère'омъ въ 1797 г. въ Hoxne въ Суффолькѣ (въ Англіи). Но еще передъ нимъ священникъ Esper выражалъ мнѣніе о современности человѣка съ дилювіальными животными.

съ большими, вымершими, дилювіальными животными. Впрочемъ къ Кювье, въ этомъ вопросѣ часто относятся слишкомъ строго. Правда, что своимъ авторитетомъ онъ задержалъ нѣсколько успѣхи археологіи точно такъ-же, какъ задержалъ ихъ въ зоологіи и антропологіи своими спорами съ Жоффруа-Сентъ-Илеромъ и Ламаркомъ. Но Кювье вовсе не былъ безусловнымъ противникомъ существованія дилювіальнаго человѣка. «Pas encore» (еще нѣтъ»), отвѣтилъ онъ только, когда его кто-то спросилъ, нашли-ли уже «допотопнаго» человѣка. Кювье не вѣрилъ, чтобы человѣкъ существовалъ въ Европѣ непрерывно отъ эпохи дилювія до настоящаго времени. Онъ не могъ въ это вѣрить на томъ основаніи, что путемъ разныхъ соображеній онъ пришелъ къ принятію теоріи катаклизмъ, т. е. полагалъ, что всѣ великіе періоды въ исторіи земли, въ томъ числѣ и дилювіальная эпоха, оканчивались внезапными переворотами, въ которыхъ погибало все жившее на сушѣ, а все являвшееся послѣ того было результатомъ новаго творенія. Гдѣ-то, въ какомъ-нибудь уголкѣ земли можетъ быть и удалось уцѣлѣть человѣку, но у насъ, въ Европѣ, по его мнѣнію,—это было невозможно. Мы не имѣемъ также права забывать и того, что Кювье долженъ былъ отличаться особенной осторожностью въ виду тѣхъ увлеченій, какія уже давно случались съ допотопнымъ человѣкомъ, и въ виду тѣхъ нападеній, которымъ подвергалась палеонтологія со стороны публицистики (Вольтеръ). Еще была жива въ памяти случившаяся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ исторія съ I. I. Scheuchzer'омъ, который нашелъ въ Oeningen'скомъ сланцѣ отпечатокъ скелета «допотопнаго человѣка» (homo diluvii testis), оказавшійся потомъ отпечаткомъ большой саламандры.

Послѣ этого понятно, почему такой великій ученый, какимъ былъ Кювье, отвергалъ существованіе дилювіальнаго человѣка. Многія находки оставлялись безъ вниманія, пока плотина наконецъ не была прорвана упорствомъ Boucher de Perthes'a, которому принадлежитъ заслуга и честь совершенія этого научнаго подвига [1]).

Буше де Пертъ еще начиная съ 1838 г. находилъ въ четверичныхъ постпліоценовыхъ наносахъ рѣки Соммы, въ сѣверной Франціи, грубо обдѣланныя каменныя орудія вмѣстѣ съ остатками дилювіальныхъ животныхъ и приходилъ къ заключенію, что какъ тѣ, такъ и другіе относятся къ одной эпохѣ. Но ему очень долго не хотѣли въ этомъ вѣрить, и только тогда, когда вѣрность его находокъ и ихъ опредѣленія была засвидѣтельствована на мѣстѣ, кромѣ д-ра Rigollot изъ Аміена, еще нѣсколькими выдающимися англійскими геологами (Falconer, Evans, Prestwich и Lyell) и

[1]) Находки Буше де Перта были описаны имъ въ 3-хъ выпускахъ сочиненія «Antiquités celtiques et antidiluviennes (Paris 1847—64)». Ср. кромѣ того его работу «De l'homme antédiluvien et de ses oeuvres» (Paris 1860).

когда около того-же времени Ч. Ляйелль добился наконецъ всеобщаго признанія своей теоріи постепеннаго развитія земной коры (теоріи окончательно исключившей изъ исторіи земли всеразрушающіе внезапные перевороты Кювье), тогда только вѣра въ существованіе дилювіальнаго человѣка могла найти для себя надежную почву. Когда-же наконецъ въ 1859 г. Ч. Ляйелль самъ въ засѣданіи Лондонскаго Королевскаго Ученаго Общества высказался въ пользу мнѣній Буше-де-Перта, тогда сразу увѣровалъ въ нихъ и весь образованный свѣтъ. Авторитетъ былъ осиленъ авторитетомъ. Цѣлыя толпы ученыхъ начали посѣщать мѣста находокъ въ долинѣ Соммы и вскорѣ затѣмъ по всей Европѣ началось усиленное разыскиваніе дилювіальнаго человѣка.

Къ этимъ великимъ открытіямъ присоединилось еще одно событіе, способствовавшее выясненію вопроса о существованіи и происхожденіи древняго человѣка. Это было появленіе новой, въ высшей степени опредѣленной и научно-обработанной эволюціонной теоріи Ch. Darwin'a [1]). Ч. Дарвинъ въ своей первой книгѣ О происхожденіи видовъ не затронулъ еще вопроса о началѣ человѣчества и только въ книгѣ О происхожденіи человѣка изложилъ извѣстную гипотезу о развитіи человѣческаго рода изъ типа Primates, вѣроятнѣе всего изъ какого нибудь вымершаго типа высшихъ антропоморфныхъ обезьянъ. Съ этихъ поръ стало уже яснымъ, какъ для послѣдователей такъ и для противниковъ этой теоріи, что лучшее разрѣшеніе возникшихъ такимъ образомъ вопросовъ можетъ быть дано лишь палеонтологіей и доисторической археологіей. Что ими въ этомъ отношеніи сдѣлано—мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь-же мы хотѣли только указать на то ве-

---

[1]) Извѣстно, что еще ранѣе Дарвина подобнаго рода идеи уже высказывались цѣлымъ рядомъ ученыхъ. Въ видѣ цѣльной теоріи онѣ были изложены въ первый разъ Lamarck'омъ, величайшимъ изъ предшественниковъ Дарвина, въ его сочиненіи «Philosophie zoologique» (Paris 1809). Главныя сочиненія Дарвина слѣдующія: «On the Origin of Species by means of Natural Selection» (Lond. 1859) и On the Descent of Man and Selection in Relation to Sex (Lond. 1871). Оба переведены почти на всѣ европейскіе языки. О біографіи Дарвина см. соч. его сына Fr. Darwin'a «The life and letters of Ch. Darwin» (Lond. 1888), а также соч. Ch. Holder'a «Charles Darwin his Life and Work» (New-York 1891).

На русскій языкъ эти два соч. Дарвина были переведены—первое А. Рачинскимъ, подъ заглавіемъ: О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора (Моск. 1865) и второе, подъ ред. Благосвѣтлова, подъ загл.: Происхожденіе человѣка и половой подборъ (Спб. 1871) и подъ ред. Сѣченова: Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу (Спб. 1871). Теорія Дарвина и его личность были очерчены также весьма живо проф. Тимирязевымъ, въ его книжкѣ «Чарльсъ Дарвинъ». Въ настоящее время выходитъ новый переводъ главнѣйшихъ сочиненій Дарвина подъ редакціей проф. Тимирязева, изд. О. Н. Поповой, а объ его жизни и трудахъ появилось изслѣдованіе М. Антоновича.

ликое значеніе, какое имѣло появленіе теоріи Дарвина въ развитіи доисторической археологіи.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь долѣе на исторіи нашей науки въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій. Важнѣйшія данныя этой исторіи будутъ упомянуты въ дальнѣйшемъ изложеніи результатовъ сдѣланныхъ работъ; здѣсь же мы должны были бы занять слишкомъ много мѣста личными и географическими именами. Взамѣнъ того мы помѣщаемъ здѣсь краткій обзоръ важнѣйшихъ археологическихъ учрежденій, музеевъ, обществъ и періодическихъ изданій, прилагая къ нимъ въ концѣ и списокъ главнѣйшихъ общихъ сочиненій по доисторической археологіи.

Общества и періодическія изданія.

Изъ французскихъ археологическихъ обществъ слѣдуетъ отмѣтить «Société nationale des antiquaires de France» (Mémoires, Bulletins), а по доисторической археологіи еще болѣе «Société d'Anthropologie» въ Парижѣ, основанное въ 1859 г. знаменитымъ Broca, и издающее ежемѣсячный журналъ Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris [1]), а также Memoires de la S-te d'A. de P. Подобные же «Bulletins» и «Mémoires» издаютъ и антропологическія общества—въ Ліонѣ, въ Бордо, а въ Бельгіи—въ Брюсселѣ. Профессора парижской Антропологической Школы, состоящей при Обществѣ, издаютъ съ 1891 г. свой отдѣльный органъ «Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie de Paris». Наибольшее по объему и наиболѣе обстоятельное французское изданіе этого рода есть «L'Anthropologie», выходившее сначала подъ редакціей P. Topinard'a, E. Carthailhac'a и E. T. Hamy, а теперь Boule'я, Verneau и др. [2]).

Въ Англіи—Anthropological Institute of Great-Britain and Ireland издаетъ «The Journal of the Anthrop. Institute», а Society of Antiquaries of London, основанное королемъ Георгомъ II въ 1750 г.—два сборника: Proceedings of the S. of. A. и «Archaeologia». S. L. Gomme редактируетъ новое изданіе: «The Archaeological Review» (съ 1888 г.). Съ другой стороны, «British archaeological Association» и «Royal archaeol. Institute of Great Britain and Ireland» издаютъ свои «Journals». Нѣкоторыя провинціальныя англійскія общества имѣютъ также свои

---

[1]) Всѣ «антропологическія» общества и періодическія изданія занимаются иногда и даже по большей части и доисторической археологіей. Общества же и періодическія изданія «археологическія» посвящаютъ себя главнымъ образомъ классической и средневѣковой археологіи. Таковы напр. Revue archéologique (ред. Alex. Bertrand и G. Perrot), Gazette archéologique, англійскіе журналы и т. п.

[2]) Оно образовалось въ 1890 г. сліяніемъ трехъ прежнихъ журналовъ: Revue d'Anthropologie, Revue d'Ethnographie и Materiaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme.

органы. Въ Шотландіи существуетъ еще съ 1780 г. Society of Antiquaries of Scotland, издающее свои «Proceedings», а въ Ирландіи—Royal Historical and Archaeological Association.

Въ Италіи Антропологическое Общество во Флоренціи издаетъ «Archivio per l'Antropologia» подъ редакціей проф. P. Mantegazza; L. Pigorini, P. Strobel и A. Chierici издаютъ «Bolletino di paletnologia italiana» въ Пармѣ, а Л. Пигорини кромѣ того «Cronaca del Museo preistorico ed etnografico di Roma».

Изъ нѣмецкихъ журналовъ, кромѣ большаго «Archiv für Anthropologie» и «Correspondenzblatt», издаваемыхъ германскимъ Антропологическимъ Обществомъ, можно назвать еще цѣлый рядъ періодическихъ изданій, служащихъ органами разныхъ меньшихъ антропологическихъ и археологическихъ обществъ, одно перечисленіе которыхъ далеко перешло-бы предѣлы нашей возможности. Наиболѣе важныя изъ нихъ—«Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande», въ Боннѣ; извѣстный «Zeitschrift für Ethnologie», который вмѣстѣ съ «Протоколами Берлинскаго антропологическаго Общества» (Verhandlungen der Berlin. Ges. f. Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte) такъ дѣятельно занимается славянской доисторической археологіей; Nachrichten über deutsche Alterthumskunde (ред. R. Virchow и A. Voss); затѣмъ мюнхенскіе «Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns» (ред. I. Ranke и M. Rüdinger) и Praehistorische Blätter (ред. D-r I. Naue), два лужицкихъ журнала: «Oberlausitzer Jahreshefte d. Ges f. Anthrop. und Urgeschichte» (Görlitz) и «Mittheilungen d. anthrop. Vereins in Schleswig-Holstein» (въ Килѣ); «Schriften der naturforschenden Gesellschaft in Danzig»; «Schriften der physikalisch-oekonom. Gesellschaft zu Königsberg» и отчеты археологическаго Общества «Prussia» въ Кенигсбергѣ, «Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift» и рядъ другихъ журналовъ, издаваемыхъ разными мѣстными обществами (въ Мейнингенѣ, Штеттинѣ, Зигмарингенѣ, Галле, Байрейтѣ и пр.).

Между австрійско-нѣмецкими изданіями наиболѣе замѣчательны: «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», «Mittheilungen d. K. K. Centralcomission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale» и «Berichte und Mittheilungen d. praehist. Commission der K. Akademie d. Wissenschaften, всѣ выходящіе въ Вѣнѣ, и «Argo» изд. подъ ред. Müllner'a въ Лайбахѣ. Изъ швейцарскихъ слѣдуетъ упомянуть о двухъ: «Anzeiger für schweizerische Alterthumskunde» («Indicateur d'antiquités suisses», подъ ред. I. Rahn'a) и «Antiqua» (ред. R. Forrer), оба выходящіе въ Цюрихѣ. Изъ скандинавскихъ—выходящій въ Копенгагенѣ датскій «Aarböger for

nordisk Oldkyndighed og Historie» и «Mémoires de la Société royale des Antiquaires du Nord» (nouv. série), въ Стокгольмѣ—шведскій «Antiqvarisk Tidskrift för Sverige» и «Kong. Vitterhets Historie och Antiqvitets Akademiens Månadsblad».

У мадьяръ есть свой главный археологическій журналъ «Archaeologiai Ertesitö», выходящій въ Пештѣ и кромѣ доисторическихъ древностей посвященный также исторической археологіи.

У западныхъ славянъ—чеховъ и поляковъ также очень много занимаются доисторической археологіей. Изъ чешскихъ спеціальныхъ журналовъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія: Památky archaeologické a mistopisné, издаваемые археологическимъ отдѣленіемъ Музея королевства Чешскаго, подъ редакціей L. I. Pič'a (Л. И. Пичъ) и «Český Lid» (основ. Люб. Нидерле и Ченекомъ Зибртомъ) въ Прагѣ; «Časopis vlasteneckého musejního spolku» въ Ольмюцѣ (подъ ред. Palliardi) и Časopis společnosti přátel starozitnosti» въ Прагѣ. Польскія работы помѣщаются чаще всего въ первой, посвященной археологіи, части журнала «Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj», издаваемаго Польской Академіей наукъ въ Краковѣ. Въ Познани выходятъ кромѣ того «Zapiski archeologiczne poznańskie, издаваемыя тамошнимъ Обществомъ любителей наукъ подъ ред. Л. Яздзевскаго и Б. Ежепки.

Въ Россіи существуетъ цѣлый рядъ археологическихъ Обществъ (часть ихъ упомянута уже выше) и издаваемыхъ ими сборниковъ и журналовъ, но журналы эти только отчасти посвящены доисторической археологіи, спеціальнаго же органа для этой науки пока еще нѣтъ. Наиболѣе замѣчательны: «Записки Императорскаго Русскаго археологическаго Общества» въ С.-Петербургѣ, «Древности», изд. Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ въ Москвѣ [1]); начатыя изданіемъ съ 1883 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи» при Казанскомъ университетѣ, и Записки археологическаго Общества въ Одессѣ. Имп. Археологическая Коммиссія въ С.-Петербургѣ издавала въ 1859—81 годахъ подъ редакціей Л. Стефани «Отчетъ Имп. археологической коммиссіи», и продолжаетъ изданіе какъ «Отчетовъ», такъ и (съ 1866 г.) «Матеріаловъ по археологіи Россіи» (т.т. I—XIII). Кромѣ того, статьи и замѣтки по доисторической археологіи помѣщаются также въ «Трудахъ» нѣкоторыхъ губернскихъ Ученыхъ архивныхъ Коммиссій, въ изданіяхъ Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ и въ Отчетахъ двухъ антропологическихъ Обществъ

---

[1]) Въ 1891 г. Московское археологическое общество начало изданіе новаго органа «Археологическія Извѣстія и Замѣтки» сперва подъ редакціей А. В. Орѣшникова, затѣмъ гг. Линниченко и Михайловскаго, а нынѣ поступившія въ вѣдѣніе новой редакціи.

въ Петербургѣ [1]). Изъ южно-славянскихъ журналовъ слѣдуетъ отмѣтить болгарскій «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина» (ред. Д-ръ Ив. Шишмановъ), сербскій «Гласник земальског музеја у Босни і Херцеговини» въ Сараевѣ (ред. К. Херман) [2]), «Старинар српског археолошког друштва» въ Бѣлградѣ, хорватскіе «Vjestnik hrvatskoga arkeologičkoga družtva» въ Загребѣ (ред. S. Ljubić) и «Izvestja muzejskoga družtva za Krajnsko» (Лайбахъ).

Музеи.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ устраиваются отдѣленія при музеяхъ и спеціальные музеи предметовъ мѣстной доисторической археологіи [3]). Наибольшія учрежденія этого рода въ Европѣ находятся: въ Saint-Germain-en-Laye, возлѣ Парижа; въ Лондонѣ (въ Британскомъ музеѣ); въ Берлинѣ (Museum für Völkerkunde); въ Вѣнѣ (Отдѣленіе И. К. Естественно-Историческаго Музея); въ С.-Петербургѣ (въ Имп. Эрмитажѣ); въ Москвѣ (въ Историческомъ Музеѣ, въ Антропологическомъ музеѣ Университета, въ Румянцевскомъ Музеѣ); въ Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, Болоньѣ, Римѣ. Въ Австріи кромѣ Вѣнскаго выдающіеся музеи находятся еще въ Прагѣ, въ Краковѣ, въ Пештѣ, въ Лайбахѣ, въ Тріестѣ, а спеціально въ чешскихъ земляхъ—въ Ольмюцѣ и Брюннѣ (Брнѣ). Есть также нѣсколько прекрасныхъ музеевъ этого рода въ Германіи, въ Швейцаріи, а въ Россіи—еще въ Одессѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Казани, Екатеринбургѣ, Иркутскѣ, Минусинскѣ, Томскѣ, Гельсингфорсѣ, Тифлисѣ, и др.

Съѣзды.

Большое вліяніе на развитіе доисторической археологіи имѣютъ съѣзды, особенно большіе международные конгрессы по доисторической археологіи и антропологіи, начало которымъ было положено въ 1865 г. французскимъ археологомъ G. de Mortillet, въ Спеціи. До сихъ поръ ихъ было 11, а именно: въ 1866 г. въ Невшателѣ, въ 1867 г. въ Парижѣ, въ 1868 г. въ Нор-

---

[1]) Изъ южно-русскихъ ученыхъ изданій наиболѣе помѣщаютъ у себя статей по доисторической археологіи «Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца» въ Кіевѣ (съ 1879 г.), «Кіевская старина» (съ 1882 г.), Записки Харьковскаго Историко-филологическаго Общества (съ 1886 г.), Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Лѣтопись историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ (съ 1890 г.) и др. Прим. переводч.

[2]) Съ 1893 г. правительство Босніи начало издавать еще періодическій сборникъ мѣстныхъ работъ подъ ред. M. Hoernes'a: Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina (Wien Gerold.).

[3]) Ср. также Voss, Verzeichniss der in Deutschland und einigen angrenzenden Ländern befindlichen öffentlichen und privaten Sammlungen von anthrop., ethnol. und urgesch. Gegenständen (München 1876). Въ 1880 г. въ Германіи существовало 530 большихъ археологическихъ коллекцій.

вичѣ, въ 1869 г. въ Копенгагенѣ, въ 1871 въ Болоньѣ, въ 1872 въ Брюсселѣ, въ 1874 въ Стокгольмѣ, въ 1876 г. въ Пештѣ, въ 1880 г. въ Лиссабонѣ, въ 1889 г. въ Парижѣ, и въ 1892 г. въ Москвѣ. Двѣнадцатый конгрессъ предположенъ въ Аѳинахъ или Бухарестѣ. Труды всѣхъ этихъ конгрессовъ были въ свое время опубликованы. Изъ прочихъ съѣздовъ особенно важны были для доисторической археологіи Средней Европы конгрессы германскаго антропологическаго Общества, происходившіе до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ въ количествѣ 25-ти, а для славянской археологіи русскіе съѣзды: 1) въ Москвѣ въ 1869 г., 2) въ Петербургѣ въ 1871 г., 3) въ Кіевѣ въ 1874 г., 4) въ Казани въ 1877 г., 5) въ Тифлисѣ въ 1881 г., 6) въ Одессѣ въ 1884 г., 7) въ Ярославлѣ въ 1887 г., 8) въ Москвѣ въ 1890 г., 9) въ Вильнѣ въ 1893 г., а десятый назначенъ въ Ригѣ въ августѣ 1896 г.

Общія сочиненія о доисторическомъ человѣчествѣ.

Болѣе значительныя и обширныя сочиненія о европейскомъ доисторическомъ человѣкѣ—слѣдующія: Fr. de Rougemont, Le peuple primitif (Genève 1857); J. Evans, Archaeologia (Lond. 1861); его-же «Stone age» и «Bronze age», переведенные и на франц. языкъ; D. Wilson, Prehistoric Man. Researches into the Origin of Civilisation in the Old and New World (Lond. 1862); Sir John Lubbock, Prehistoric Times (Lond. I изд. 1865) (по русски: «Доисторическія времена» въ перев. подъ ред. Д. Анучина, Москва, 1874); Ed. von Sacken, Leitfaden zur Kunde des heidnischen Alterthums (Wien 1865); Marquis de Nadaillac, L'ancienneté de l'homme (2 изд. Paris 1870); H. Westropp, Handbook of Archaeology (Lond. 1867); Ed. Tylor, Researches into the Early History of Mankind (Лонд. 1870, русскій пер. подъ ред. проф. Мильгаузена, Москва 1868) и «Primitive Culture» («Первобытная культура», рус. пер. подъ ред. Коробчевскаго); E. T. Hamy, Paléontologie humaine (Paris 1870); H. H. Westropp, Prehistoric Phases (Lond. 1872). M. Venturoli, L'uomo preistorico (Bologna 1872); D. Riolacci, Anthropologie, Ancienneté de l'homme etc. (Paris 1873); Zaborowski—Moindron, De l'ancienneté de l'homme. Résumé populaire (Paris 1874); Fr. Ratzel, Vorgeschichte des europ. Menschen (München 1874); Corazzini, I tempi preistorici (Verona 1874); James C. Southall, Recent Origin of Man (Philadelphia 1875); его же The Epoch of the Mammoth and the Apparition of Man upon the Earth (Lond. 1878); Sales y Ferré, Prehistorica y origen de la civilizaciòn I (Sevilla 1880); E. Baer und Fr. von Hellwald, Der vorgeschichtliche Mensch (2 изд. Leipz. 1880); M. Venturoli, Le età preistoriche (Bologna 1880); Al. Carina, L'uomo preistorico (2 изд. Lucca 1881); J. Geikie, Prehistoric Europe (Lond. 1881); H. Hildebrand, De förhistoriska

folken i Europa (Stockholm 1881); Графъ А. С. Уваровъ, Археологія Россіи. Каменный вѣкъ, М. 1881, 2 т.; Marquis de Nadaillac, Les premiers hommes et les temps préhistoriques (Paris 1881), въ нѣмецк. перев. W. Schlösser'a и Ed. Seler'a (Штутгардъ 1884); Ans. d'Andrade, Paléontologia humana (Lissabon 1882): G. de Mortillet, Le préhistorique. Antiquité de l'homme. I. (Paris 1883); G. D. Lind, Man. Embreeing his origin, antiquity, primitive condition, races, customs, physical structures etc. (Chicago 1884); A. Rauber, Urgeschichte des Menschen (Leipz. 1884); C. Gallo, I tempi preistorici e le razze umane primitive (Catania 1885), популяр. соч. Dan G. Brinton, Prehistoric Archaeology (оттискъ изъ «Iconographic Encyclopaedia of the arts and sciences», Philadelphia 1886); Ch. Debierre, L'homme avant l'histoire (Paris 1887) (есть и въ русскомъ переводѣ), популяр. соч. J. Ranke, Der Mensch, 2-й т. (Leipz. 1887, 2-ое дополненное изд. 1895); S. P. M. Estacio da Veiga. Paleoethnologia (Lissabon 1887); Yesares B. Ensayos criticos sobre las tres edades de la historia. I. Tiempos préhistoricos (Madrid 1888); M. Alsberg, Anthropologie mit Berücksichtigung der Urgeschichte des Menschen (Stuttg. 1888); Marquis de Nadaillac, Moeurs et monuments des peuples préhistoriques (Paris 1888); C. F. Keary, The Dawn of History. An introduction to Prehistoric Study (New-York 1889); Th. Wilson, A study of prehistoric anthropology. Handbook for beginners (Washingt. 1890); I. S. Sampson, Primitive Man (Boston 1890); de la Peña y Fernandez, Manual de arqueologia prehistórica (Sevilla 1890); Dr. M. Hoernes, Die Urgeschichte des Menschen nach dem heutigen Standpunkte der Wissenschaft (Wien 1892), сокращенное изд. въ коллекціи Göschen'a (Stuttg. 1895); John Hunter Duwar, The Stone, Bronze and Iron Ages (Lond. 1892). Небольшія популярныя книжечки на чешскомъ яз. составили: Kl. Čermak «Pravěk lidstva evropského» I. (Прага, изд. Матицы Чешской 1887) и B. Popelka «Obrazy z pravěku evropskeho lidstva» (Mezirič 1889).

Наилучшимъ словаремъ по доисторической археологіи считается до сихъ поръ французскій «Dictionnaire des sciences anthropologiques», изданный подъ редакціей нѣсколькихъ ученыхъ, между которыми археологической частью завѣдывалъ Габріель де Мортилье (Парижъ 1884—1889). Самый лучшій атласъ по этой отрасли знанія издали Gabriel et Adrien de Mortillet «Le Musée préhistorique (Paris 1882); для австрійскихъ земель существуетъ спеціальный «Kunsthistorischer Atlas», изданный (Wien 1889) Имп. королев. центральной Коммиссіей для охраненія памятниковъ старины, подъ редакціей M. Much'a.

Приводимъ также нѣкоторыя наиболѣе важныя и новѣйшія работы, относящіяся къ нѣсколькимъ болѣе обширнымъ странамъ Европы, для того чтобы не ссылаться на нихъ постоянно въ дальнѣйшемъ изложеніи. Прочія

сочиненія, посвященныя отдѣльнымъ эпохамъ или ихъ подраздѣленіямъ, а также и монографіи—мы укажемъ далѣе въ видѣ примѣчаній къ тексту въ концѣ книги. Прибавимъ, что изъ перечисленныхъ нами ниже сочиненій, нѣкоторыхъ мы не имѣли случая видѣть.

Франція. Съ археологіей Франціи можно очень хорошо познакомиться по сочиненію E. Cartailhac'a La France prèhistorique (Paris 1889), котораго вышелъ пока только 1-й томъ, касающійся каменнаго періода, и работамъ Alex. Bertrand'a: Archéologie celtique et gauloise (P. 1876), Nos origines, La Gaule avant les Gaulois d'après les monuments et les textes (1 изд. 1884, 2-е 1891, въ Парижѣ). Ср. также Ed. Piette, Analyse de «La France préhistorique» de M. Cartailhac Angers 1890). Сюда же надо причислить и большой словарь «Dictionnaire archéologique de la Gaule. Epoque celtique» (P. 1869—79). Большой каталогъ Сен-Жерменскаго музея, изданный S. Reinach'омъ (Antiquités nationales. Description raisonnée du Musée de St.-Germain en Laye, P. 1890), котораго вышла только первая часть, посвященная коллекціямъ каменнаго періода, будетъ, разумѣется, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ однимъ изъ лучшихъ сочиненій по доисторической археологіи Франціи. Кромѣ того Франція обладаетъ множествомъ прекрасныхъ и обстоятельныхъ монографій, касающихся отдѣльныхъ провинцій или департаментовъ, какъ Бретань, Эльзасъ, Лотарингія, Нормандія, департ. Жиронды, Іонны, и т. д., которыхъ мы не можемъ перечислить. Изъ бельгійскихъ сочиненій приведемъ C. van der-Elst «La Belgique primitive» (Paris 1867) и книгу Alfr. de Loé L'archéologie préhistorique gauloise, galloromaine et franque (Bruxelles 1890).

Англія, Шотландія и Ирландія. Старинныя сочиненія: D. W. Stuckeley. Itinerarium Curiosum (Lond. 1724); James Douglas, Nenia Britannica, A Sepulchral History of Great Britain (Lond. 1793); W. Camden, Britannia chronographical description of England, Scotland and Ireland from the earliest antiquity (Lond. 1789); Akerman, Archaeological Index (Lond. 1847); Remains of Pagan Saxon dom (Lond. 1855); D. Wilson, The Archaeology and praehistoric Annals of Scotland royal (Edinb. 1851); Roach Smith. Collectanea antiqua (Lond. 1848—68); Roach Smith, Inventorium sepulchrale (Lond. 1856); Bateman, Ten Year's Diggings (Lond. 1861); Th Wright, The Celt, the Roman and the Saxon (IV ed. Lond. 1885); Henry de Neill, The fine arts and civilisation of ancient Ireland (Lond. 1863); S. Laing & Th. Huxley, Prehistoric Remains of Caithness (Lond. 1866); L. Jewitt, Grave mounds and their Contents (Lond. 1870); J. B. Warring, Stone monuments, Tumuli and Ornament of Remote Ages (Lond. 1870); M. Grenwell, British barrows, a record of the examination of sepulchral mounds in various parts of England (Oxford 1877); J. Rhys, Early Britain (2-е изд. Lond. 1884); H. Hicks, Prehistoric Man of Britain (Lond. 1889); Ch. Boutell, A Manuel of British Archaeology (Lond. 1891) и др.

Испанія и Португалія. A. F. Simoẽs Introducçao a Archeologia da Peninsula iberica, I. Antiguidades prehistoricas (Lissab. 1878). Очень цѣнное сочиненіе издалъ также французскій археологъ E. Cartailhac, Les âges préhistoriques de l'Espagne et du Portugal (Paris 1886). Кромѣ того ср. Don Manuel Góngora y Martinez, Antiguedades prehistoricas de Andalucia (Madr. 1868) Превосходное сочиненіе объ археологіи юговосточнаго побережья издали братья Henri et Louis

Siret, Les premiers âges du métal dans le Sud-Est de l'Espagne (Bruxelles 1887). S. P. M. Estacio da Veiga, Antiguidades monumentaes do Algarv e Tempos prehistóricos (Lissabon, 1886—89); Ribeiro C. Notice sur quelques stations et monuments préhistoriques (Lissabon 1878—80) 2 т.

Италія. E. Bignani-Sormani, L'archeologia preistorica in Italia (Milano 1875); F. Berté, Introduzione allo studio dell' antropologia preistorica della Sicilia (Catania 1883); Pomp. Castelfranco, Paléoethnologie italienne (Revue d'Anthropologie 1886—1889); In. Regazzoni, Paleoetnologia (Mil. 1885, 2-е изд. 1890); Pezzoli R. Paletnologia popolare (Bologna 1893); Oscar Montelius, La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des metaux (Berl. 1895).

Нѣмецкія земли. Кромѣ сочиненій указанныхъ выше ср. также Kemble's Horae Ferales or Studies in the Archaeology of the northern Nations ed. by A. Franks (Lond. 1863); Dr. A. Lissauer, Die praehistorischen Denkmäler der Provinz Westpreussen und der angränzenden Gebiete (Leipz. 1887); Dr. Bol. Erzepka, Album przedhistorycznych zabytków w ks. poznańskiem I. (Pozn. 1893); G. Ossowski, Zabytki przedhistoryczne ziem polskich I. Prusy królewskie (Kraków 1879—89) съ текстомъ на польскомъ и французскомъ яз.; A. Voss & Gust. Stimming. Vorgeschichtliche Alterthümer der Mark Brandenburg (Brandenb. 1887); Frau J. Mestorf, Vorgeschichtliche Alterthümer aus Schleswig-Holstein (Hamb. 1885); Otto Tischler, Ostpreussische Gräberfelder (Königsb. 1879); его же Oberpreussische Grabhügel (Königsb. 1887, 2-е изд. 1888, 3-е изд. 1890); Dr. R. Beltz, Die vorgesch. Zeit Mecklenburgs (Wismar 1894); Dr. J. Müller, Vor- und frühgeschichtliche Alterthümer der Provinz Hannover (Hann. 1893); Maack, Urgeschichte des schleswig-holsteinischen Landes (Kiel. 1869); Vorgeschichtliche Alterthümer der Provinz Sachsen und angränzender Gebiete, herausgeg. von. d. hist. Commission d. Prov. Sachsen (Halle съ 1883 г.); O. Martins, Die hauptsächl. praehist. Denkmäler Schlesiens (Breslau 1891); E. Wagner, Hügelgräber und Urnenfriedhöfe in Baden (Karlsruhe 1885). О Баваріи см. очень обстоятельный IV т. каталога коллекціи народнаго музея въ Мюнхенѣ (Die vorgeschichtlichen, römischen und merovingischen Alterthümer. Мюнх. 1892); L. Lindenschmit, Das Römisch-germanische Central-Museum in bildlichen Darstellungen (1889); L. Lindenschmit, Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit (выходитъ съ 1858 г.). Очень важно также изд. Dr. A. Voss'a Photographisches Album der Austellung praehist. und anthrop. Funde Deutschlands (Berl. 1880). Археологическую карту Баваріи издалъ F. Ohlenschlager въ Мюнхенѣ (окончена въ 1890 г.) Подобная же карта проектирована для всей Германіи. Меньшія частичныя карты составлены Zimmermann'омъ, Ossowski'мъ, Lissauer'омъ, Zingeler'омъ и др.

Швейцарія. A. de Bonstetten, Recueil d'antiquités suisses (Bern. 1855), Прибавленія (Lausanne 1860—67); O. Heer, Die Urwelt der Schweiz (Zürich 1865); Morlot, Etudes géologico-archéologiques en Danemark et en Suisse (Lausanne 1860); Les monuments préhistoriques de la Suisse occidentale et de la Savoie. Album des photographies avec texte (Lausanne 1872); V. Gross. Les Protohelvétes (Berl. 1883); B. Reber, Die Einwohner der Schweiz in der vorgeschichtlichen Zeit (Genf 1890); R. Ulrich & A. Heizmann, Beschreibender Katalog der antiquar. Sammlung in Zürich (Zürich 1892); I. Heierli, Übersicht über die Urgeschichte der Schweiz (Zürich 1895) Археологическія карты Швейцаріи изданы F. Keller'омъ и I. Heierli (Archeol. karte d. Canton Zürich (Zürich 1894).

Скандинавскія земли могутъ быть названы наиболѣе изслѣдованными. Chr. Thomsen еще въ 1836 г. издалъ въ Данцигѣ свое «Введеніе въ скандинавскую археологію», а послѣ него начали работать; J. J. A. Worsaae (Ворсо) — въ Даніи и Sven Nilsson въ Швеціи. Worsaae, Dänemarks Vorzeit (Kopenhag. 1844), на нѣмецк. яз. перевелъ Bertelsen; Afbildninger fra det k. Museum for Nordiske Oldsager (Kopenhag. 1854); Atlas de l'archéologie du Nord (Копенг. 1857; русское изданіе Академіи Наукъ); The industrial arts of Denmark from the earliest times to the Danish conquest of England (Lond. 1882); S. Nilsson, Skandinaviska Nordens Ur-inavare: Каменный вѣкъ (Lund 1838—43), Бронзовый вѣкъ (Stokholm 1862—65) вышло также по нѣмецки подъ загл. «Die Ureinwohner Skandinaviens» — «Bronzealter» (Hamb. 1863—65) и «Steinalter» въ переводѣ г-жи Месторфъ (Hamb. 1868).

Послѣ этихъ болѣе старыхъ работъ въ новѣйшія времена появились: O. Rygh, Norske Oldsager (Христіанія 1880—85); E. Wedel, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager (Копенг. 1886 г.); A. Madsen, Afbildninger af Danske Oldsager og Mindesmaerker (Копенг. 1868—76); A. Madsen, Antiquités primitives du Danemark (Парижъ и Копенг. 1872—73); F. Sehested, Fortidsminder og Oldsager (Копенгаг. 1878); Hans Hildebrand (перев. Mestorf'a), Das heidnische Zeitalter im Schweden (Hamb. 1873); The industrial arts of Scandinavia in the pagan time (Lond. 1882). Oscar Montelius, Antiquités suédoises (Stockh. 1873); Om lifvet i Sverige under hednatiden andra öfversedda upplagan (Stockh. 1878), въ нѣмецкомъ переводѣ съ прибавленіями подъ заглавіемъ: Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit (Berl. 2 изд. 1885); De förhistoriska perioderna i Skandinavien (Stockh. 1895); Sophus Müller, Ordnig af Danmarks oldsager I. Stenalderen, II. Bronzealderen (Копенг. 1888—91) и кромѣ того еще цѣлый рядъ другихъ замѣчательныхъ трудовъ.

Библіографія шведскихъ археологическихъ работъ до 1875 г., составленная О. Монтеліусомъ, вышла въ Стокгольмѣ въ 1875 г.

Славянскія земли. Чехи имѣютъ большое, къ сожалѣнію, теперь вполнѣ уже устарѣвшее сочиненіе J. E. Vocel'я «Pravěk země české» (Praha 1866—68) переведенное на русскій яз. М. Задерацкимъ подъ заглавіемъ «Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности» (Кіевъ 1875). Въ послѣднее только время вышла еще касающаяся въ своемъ предисловіи доисторическаго періода Чехіи книга д-ра J. L. Pič'a «Archaeologicky výzkum ve středních Čechách» (Praha 1893). Для Россіи графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ издалъ важный трудъ: «Археологія Россіи I. Каменный вѣкъ» (Москва 1881 г. 2 т.). Другія сочиненія: Albin Kohn & Dr. C. Mehlis, Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa (Jena 1879). Часть доисторической археологіи обработали графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ въ своемъ изданіи «Русскія древности въ памятникахъ искусства» I—IV (Спб. 1891), вышедшемъ отчасти также въ французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Antiquités de la Russie meridionale» (Paris 1891—92). Сюда же можно присоединить и заключающую въ себѣ только перечень фактовъ статью А. Г. Киркора—Доисторическія могилы и гробницы въ Польшѣ, Литвѣ и Руси (Славянскій сборникъ I, стр. 1 и слѣд.), а также работы проф. Д. Самоквасова: «Исторія русскаго права» (Варш. 1881, I ч.), «Хронологическая классификація могилъ» (Варш. 1890) и «Основанія хронологической классификаціи» и проч. (Варш. 1892). Наиболѣе всего изслѣдованы скифскія и греческія древности Южной Россіи, о чемъ будетъ сказано далѣе. Большое собраніе фактовъ для русской археологіи заключаютъ

въ себѣ: «Труды» русскихъ археологическихъ съѣздовъ и «Матеріалы по Археологіи Россіи», издаваемые Импер. Археологической Коммиссіей въ Петербургѣ (томъ I—XIII, Спб. 1866—1895).

Финляндія и восточно-балтійскія земли. F. Kruse, Urgeschichte des Esthnischen Volkstammes etc. (Москва 1846); Necrolivonica oder Alterthümer Livlands, Esthlands und Curlands (Dorpat 1848 и Leipz. 1859); J. K. Bähr, Die Gräber der Liven (Dresd. 1850); C. Grewingk, Heidnische Gräber Russisch-Litauens, Lettlands und Weissrusslands (Dorp. 1870); Zur Archaeologie Balticums und Russlands. (Braunschw. 1874). Н. Харузинъ, Обзоръ доисторической археологіи въ Балтійскихъ губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей (Ревель 1894); J. R. Aspelin, Suomalais—ugrilaisen muinaistut kinnon alkeita (Helsingf. 1875); J. R. Aspelin, Antiquités du nord finno-ougrien (1877—84); G. Retzius. Finland. Финскую археологическую литературу отъ 1745 до семидесятыхъ годовъ нашего столѣтія собралъ Aspelin. Въ Гельсингфорсѣ выходитъ періодическое изданіе Финскаго археологическаго общества подъ заглавіемъ: «Suomen Muinaismuista—Yhdistyksen Aikakauskirja». Заслуживаютъ также вниманія мемуары Финно-Угорскаго Общества въ Гельсингфорсѣ.

Венгрія. J. Hampel, Antiquités préhistoriques de la Hongrie (Ostřihom 1877). Dr. Fr. Rómer, Résultats généraux du mouvement archéologique en Hongrie (Pest 1878). Венгерская академія наукъ приготовляетъ для изданія въ нынѣшемъ году большое сочиненіе по археологіи Венгріи, двѣ части котораго (о бронзовомъ періодѣ и о времени отъ IV до X в. послѣ Р. Х.) уже выпущены J. Hampel'емъ.

ЧАСТЬ I.

ПЕРІОДЪ ДОМЕТАЛЛИЧЕСКІЙ.

ГЛАВА I.

Начала человѣчества.

Вопросъ о происхожденіи человѣка. — Геологическое введеніе. — Европа въ третичный періодъ.—Споръ о третичномъ человѣкѣ.—Anthropopithéque Габр. де-Мортилье и человѣкъ въ теоріи эволюціи.—Колыбель человѣчества.

Когда началось существованіе человѣка въ Европѣ — этого мы вѣроятно не узнаемъ никогда. Вопросъ о началѣ исторіи Европы—это то-же, что вопросъ о происхожденіи человѣка вообще.

Мы не станемъ излагать здѣсь ни разныхъ теорій о происхожденіи человѣчества, ни споровъ по этому поводу, ни всей исторіи этого вопроса. Это заставило-бы насъ предпринять обзоръ всѣхъ мнѣній и ученій, разсматривать всѣ тѣ отвѣты, которые давали на этотъ вопросъ миѳологія, богословіе, философія, естествовѣдѣніе и т. п. Въ этой главѣ мы ограничимся только краткимъ изложеніемъ того, что могли до сихъ поръ отвѣтить на этотъ вопросъ доисторическая археологія и антропологія.

Эпоха, къ которой относится появленіе человѣка на землѣ, уходитъ далеко за предѣлы современнаго геологическаго періода. Отодвигаясь далеко, за много тысячелѣтій назадъ, мы все таки постоянно встрѣчаемся со слѣдами, которые несомнѣнно указываютъ намъ, что и тогда уже въ Европѣ жилъ человѣкъ, похожій на нынѣшняго человѣка. Но, разумѣется, подвигаясь въ этомъ ретроспективномъ направленіи еще дальше, мы достигаемъ наконецъ эпохи, когда эти слѣды начинаютъ уже дѣлаться спорными. Что человѣкъ жилъ въ Европѣ въ теченіи всего такъ назыв. четвертичнаго (дилювіальнаго) или постплioценоваго періода, въ этомъ теперь не можетъ быть уже никакого сомнѣнія; но жилъ ли онъ также и въ такъ назыв. третичный періодъ,— по этому вопросу мнѣнія различныхъ изслѣдователей расходятся. Такимъ образомъ, вопросъ о времени появленія человѣка въ Европѣ сводится для насъ къ такъ назыв. вопросу о третичномъ человѣкѣ.

Для лучшаго пониманія этого вопроса нелишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь

краткій очеркъ образованія земной коры и перечислить главнѣйшія геологическія системы и эпохи.

Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, что земная кора состоитъ изъ ряда пластовъ, которые въ теченіи вѣковъ отлагались мало по малу на первобытной отвердѣвшей оболочкѣ расплавленнаго земного ядра. Образованіе этихъ пластовъ происходило вслѣдствіе дѣйствія то химическихъ, то чисто механическихъ процесовъ, главнымъ образомъ, путемъ разрушенія древнихъ пластовъ и отложенія новыхъ наносовъ. Послѣ долголѣтняго изученія, геологи раздѣлили всю земную кору на опредѣленныя системы пластовъ. Эти системы, въ которыхъ болѣе древніе пласты лежатъ подъ болѣе новыми, не встрѣчаются однако вездѣ, всѣ сполна, въ каждомъ разрѣзѣ земной коры. Были мѣста, которыя всегда оставались на поверхности земли безъ отложенія на нихъ новыхъ наносовъ; были и такія, на которыхъ механическимъ путемъ были разрушены и снесены болѣе древнія отложенія или нижніе пласты были перевернуты наверхъ.

При такой неодинаковости и неправильности, относительная древность пластовъ и ихъ одновременность при различномъ сложеніи и въ различныхъ мѣстахъ, могутъ опредѣляться главнымъ образомъ при помощи палеонтологіи, науки, занимающейся изслѣдованіемъ органическихъ остатковъ (животныхъ и растеній), сохранившихся въ разныхъ пластахъ земной коры. Палеонтологи нашли, что организмы въ однихъ пластахъ отличаются болѣе простымъ строеніемъ, чѣмъ въ другихъ,—что указываетъ на разныя ступени развитія. Отсюда естественно слѣдовало, что бо̀льшая простота организмовъ составляетъ признакъ ихъ большей древности, а съ помощью этихъ признаковъ могла быть установлена и опредѣленная послѣдовательность образованія пластовъ земной коры. И хотя только что изложенное правило и нельзя считать абсолютно вѣрнымъ, но оно однако представляетъ достаточно гарантій, чтобы служить наиболѣе надежнымъ критеріемъ послѣдовательности образованія пластовъ земной коры, которая, въ томъ видѣ какъ она теперь установлена, оказывается, по крайней мѣрѣ для всей Европы, вѣрной и точной. Разные слои земной коры не образовались, слѣдовательно, одновременно, и органическіе остатки въ нихъ не представляютъ собой, какъ думали прежде, слѣдовъ одного великаго потопа, но являются разновременными фазами непрерывнаго развитія организмовъ, которое продолжалось весьма долгое, а для нашего человѣческаго пониманія—почти безконечно долгое время.

Та часть геологической науки, которая занимается опредѣленіемъ древности различныхъ пластовъ земной коры, называется стратиграфіей или ученіемъ о строеніи (тектоникѣ, архитектоникѣ) земли. Все время образованія земной коры дѣлится прежде всего на нѣсколько крупныхъ эпохъ, обозначаемыхъ однимъ или двумя преобладающими надъ другими организмами.

Все это постепенно сложившееся строеніе земной коры представляется приблизительно такимъ: внизу всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ пластовъ залегаютъ образованія очень спорнаго происхожденія, такъ назыв. первобытныя архейскія, состоящія изъ исключительно кристаллическихъ породъ (главнымъ образ. гранитовъ, порфировъ, гнейсовъ, сіенитовъ, діоритовъ, діабазовъ, сланцевъ, филлитовъ и т. п.), въ которыхъ до сихъ поръ не было найдено достовѣрныхъ слѣдовъ органической жизни. Время образованія этихъ слоевъ носитъ поэтому новѣйшее названіе эпохи азойской (лишенной жизни). На эти первобытные слои отлагались потомъ пласты, заключающіе въ себѣ слѣды организмовъ, жившихъ въ теченіе четырехъ великихъ послѣдовательныхъ эпохъ: 1) первичной (палеозойской), обозначающейся развитіемъ мягкотѣлыхъ и членистыхъ животныхъ, главн. обр. трилобитовъ (изъ позвоночныхъ извѣстны въ эту эпоху только рыбы), 2) вторичной (мезозойской), характеризуемой большимъ развитіемъ гадовъ, 3) третичной (неозойской, кенозойской *), въ теченіи которой появляются уже млекопитающія и наконецъ 4) четвертичной (дилювіальной), конецъ которой, составляющій ея небольшую часть, замыкается уже исторической эпохой человѣчества.

Отдѣльныя эпохи подраздѣляются затѣмъ на послѣдовательные періоды или системы, образецъ которыхъ мы приводимъ здѣсь по послѣднему изданію учебника геологіи извѣстнаго ученаго A. Lapparent'a [1]) **).

Эпохи.	Періоды или системы.		Характеризующія животныя.	
			Позвоночныя.	Безпозвоночныя
I. первичныя.	Кэмбрійская.			Трилобиты.
	Силлурійская.			
	Девонская.		Рыбы.	
	Пермско-каменноугольная.		Лабиринтодонты.	
II. вторичныя.	Тріасъ.			
	Юрская.	ліасъ	Ящерицы.	Аммониты. Белемниты. Руконогія.
		оолитъ		
	Мѣловая.	нижняя мѣловая	Динозавры.	Головоногія. Рудисты.
		собст. мѣловая	Птице-ящеры.	
III третичныя.	Эоценовая.		Млекопитающія.	Гастероподы и Безголовыя.
	Олигоценовая.			
	Міоценовая.			
	Пліоценовая.			
IV.	Современная (Четвертичная).		Человѣкъ.	

*) Названія эти, равно какъ и предшествующія, составлены изъ греческихъ словъ и знаковъ (α отриц. частица, παλαιός = старый, μέσος = средній и καινός, νέος = новый) и ζῶον = животное.

**) Примѣчанія, обозначенныя цифрами, см. въ концѣ книги.

Въ концѣ такъ назыв. мѣловаго періода. Европа, пространство которой было значительно меньше нынѣшняго материка, начала выступать все болѣе и болѣе надъ поверхностью моря. главнымъ образомъ на сѣверѣ, а покрывавшее ее море — отодвигаться къ его нынѣшнимъ предѣламъ. Поверхность Европы, до тѣхъ поръ довольно однообразная, начала, вслѣдствіе поднятія разныхъ горъ, становиться болѣе рельефной и расчлененной. Это увеличеніе материка и связанное съ нимъ измѣненіе условій жизни, были причиной того, что третичная эпоха, сравнительно съ предшествовавшей ей вторичной, обозначается и полной перемѣной и новымъ богатымъ развитіемъ европейской флоры и фауны. Мы видимъ, что въ этотъ періодъ появляются организмы болѣе сложные и болѣе совершенные, видимъ, что млекопитающія, бывшія до тѣхъ поръ относительно слабо развитыми, начинаютъ выступать все въ болѣе и болѣе разнообразныхъ формахъ, что въ растительномъ мірѣ вмѣсто голосѣмянныхъ растеній появляются прекрасныя пальмы и разныя другія лиственныя деревья. Вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннія тектоническія и вулканическія силы, остававшіяся до того долгое время спокойными, снова пробуждаются и начинаютъ обнаруживать большее вліяніе на видоизмѣненіе поверхности Европы.

Вся обозначающаяся вышеизложенными явленіями третичная эпоха дѣлится теперь учеными на четыре періода: эоценовый, олигоценовый, міоценовый и пліоценовый. Въ теченіи всѣхъ этихъ четырехъ періодовъ климатъ, поверхность и органическій міръ Европы подвергаются постояннымъ измѣненіямъ. Въ первомъ, эоценовомъ періодѣ, который послѣдовалъ непосредственно за мѣловымъ, начались только что упомянутыя выше перемѣны, въ результатѣ которыхъ мало по малу произошло преобразованіе прежняго небольшого материка въ подобіе нынѣшняго. Климатъ быстро сдѣлался чрезвычайно теплымъ, не было вовсе зимы. Причиною этого было такъ назыв. нуммулитовое море, которое вслѣдствіе дѣйствія подземныхъ силъ разлилось по всему югу и вліяніемъ своимъ придало Европѣ африканскій характеръ. Въ нынѣшней южной Франціи средняя температура года была тогда около 25°, растительность имѣла тамъ характеръ чисто тропическій, кокосовыя и другія пальмы покрывали нынѣшнія среднеевропейскія страны, а между млекопитающими преобладали главнымъ образомъ толстокожія, близкія къ нынѣшнимъ тапирамъ (Coryphodon, Lophiodon, Palaeotherium).

Но затѣмъ. вслѣдствіе новыхъ измѣненій поверхности Европы, произошло новое наступаніе (трансгрессія) моря, на этотъ разъ на сѣверѣ. Въ то время, когда на югѣ нуммулитовое море убыло, новое сѣверное море разлилось до самой средины материка, достигая напр. верховьевъ Рейна, до нынѣшняго Базеля. Это было началомъ второго третичнаго періода—олигоценоваго. Указанное измѣненіе морей имѣло своимъ естественнымъ послѣдствіемъ и значительное пониженіе температуры. Тропическія формы животныхъ и ра-

стеній начали исчезать. Но во второй половинѣ олигоценоваго періода сѣверное море опять отступило назадъ, весь европейскій материкъ вышелъ изъ подъ воды, а рядъ большихъ средиземныхъ морей въ нынѣшней Франціи, Швейцаріи, Германіи, Австріи, Италіи и Греціи, со множествомъ прѣсноводныхъ озеръ, былъ причиной того, что климатъ оставался по прежнему влажнымъ и очень равномѣрно теплымъ во всей Европѣ. Пальмы росли тогда до 50° широты, а растительность вообще была вполнѣ одинакова на протяженіи всего материка, около Балтійскаго моря такая же, какъ и на Эвбеѣ. Изъ млекопитающихъ преобладали въ началѣ этого періода еще толстокожіе Palaeotherium'ы, позже—Anthracotherium (жвачныя этой эпохи еще не имѣли роговъ) и морскія сирены (глав. обр. Halitheria).

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ третичномъ періодѣ—міоценовомъ—мы видимъ опять рядъ новыхъ измѣненій. Рельефъ Европы становится еще болѣе сложнымъ. Средиземныя моря предшествовавшей эпохи осушились и исчезли, но за то очень скоро новое «молассовое» море разлилось по значительной части европейскаго материка, покрыло часть Франціи, Швейцаріи, Австріи и распространилось оттуда далеко на востокъ, черезъ Малую Азію къ Евфрату и озеру Урміи. Южная Европа получила характеръ группы острововъ, на которыхъ растительность развилась въ небывалыхъ размѣрахъ. Зима была постоянно мягкая, на берегахъ Боденскаго озера росли деревья, которыя теперь встрѣчаются только гораздо южнѣе—на Канарскихъ островахъ. Даже о-въ Исландія былъ покрытъ богатой растительностью. При этомъ поверхность земли постоянно подвергалась измѣненіямъ подъ дѣйствіемъ внутреннихъ тектоническихъ силъ, пока этотъ періодъ не закончился наконецъ образованіемъ альпійской горной системы. Въ міоценовомъ періодѣ млекопитающія дошли до своего высшаго развитія, а именно появились новые виды гигантскихъ толстокожихъ (мастодонтъ, динотерій, носорогъ и пр.). Съ этого же времени становятся извѣстными и человѣкоподобныя обезьяны (Dryopithecus и Pliopithecus).

Послѣдній третичный періодъ—пліоценовый—начинается со времени образованія альпійскихъ хребтовъ и оканчивается великимъ ледниковымъ періодомъ, о которомъ мы будемъ говорить далѣе. Въ началѣ пліоцена Средиземное море не заходило на западѣ дальше Сардиніи, но потомъ поверхность и границы Европы сдѣлались уже очень подобными нынѣшнимъ. Тектоническія силы продолжали дѣйствовать, но температура начала уже понемногу понижаться, и одновременно съ этимъ разные виды растеній и животныхъ стали постепенно отодвигаться къ югу. Изъ млекопитающихъ наиболѣе преобладаютъ въ эту эпоху травоядныя, которыя размножались безчисленными стадами по берегамъ большихъ соленыхъ озеръ, оставшихся послѣ молассоваго моря, главнымъ образомъ разные виды антилопъ и оленей; къ нимъ при-

соединялись предки нашей лошади, гиппаріоны, большія толстокожія (мастодонты, гиппопотамы, носороги) и новые виды обезьянъ. Въ концѣ пліоцена исчезаетъ мастодонтъ, но вмѣсто него появляются слоны (Elephas meridionalis), а наконецъ и лошадь [2]).

Въ эту-то третичную эпоху, при этихъ условіяхъ жизни, появился въ Европѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, и первый человѣкъ. Прежде всего мы должны признать, что à priori ничто не противорѣчитъ этому мнѣнію. Условія, необходимыя для обезпеченія человѣческой жизни, и животныя съ организаціей подобной организаціи нынѣшняго человѣка—уже существовали; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Климатъ былъ теплый и человѣкъ не могъ бы имѣть недостатка ни въ животной ни въ растительной пищѣ...

Съ другой стороны, человѣкъ представляется вѣнцомъ всей органической жизни и послѣдней ступенью въ ея развитіи. И тутъ, станемъ-ли мы на точку зрѣнія эволюціонной теоріи, по которой отдѣльные виды животныхъ развивались постепенно одинъ изъ другаго и человѣкъ является послѣднимъ и наиболѣе законченнымъ видомъ, развившимся изъ низшихъ формъ животныхъ, или станемъ на точку зрѣнія христіанско-богословскаго ученія, по которому человѣкъ сотворенъ былъ въ послѣдній день, какъ наиболѣе совершенное изъ проявленій воли Божіей,—мы одинаково не находимъ никакихъ основаній думать, чтобы человѣкъ не могъ появиться въ Европѣ уже въ теченіи третичнаго періода. Вся громадная и сложная лѣстница низшихъ видовъ была уже въ это время на лицо. Млекопитающія именно въ теченіи этой эпохи дошли до своего наибольшаго развитія, и между ними появились уже наиболѣе совершенныя послѣ человѣка животныя—обезьяны. Кювье еще не зналъ, или лучше сказать не узналъ третичныхъ обезьянъ, мы же знаемъ ихъ теперь цѣлый рядъ [3]), изъ котораго наиболѣе древніе виды принадлежатъ даже къ эоцену.

Словомъ, тѣ животныя, которыя въ зоологическомъ смыслѣ стоятъ всего ближе къ человѣку—существовали уже въ третичномъ періодѣ. Появленіе въ немъ человѣка не было-бы нисколько преждевременнымъ; дѣло только въ томъ, имѣемъ-ли мы положительныя доказательства этого появленія?

Вопросъ о томъ, жилъ-ли человѣкъ въ третичную эпоху или нѣтъ, является до сихъ поръ очень спорнымъ—и это одно уже показываетъ, что доказательства, на основаніи которыхъ его рѣшаютъ въ положительномъ смыслѣ, еще недостаточно опредѣленны и убѣдительны [4]). Доказательствъ этихъ очень немного и всѣ они допускаютъ сомнѣнія.

Мы не будемъ излагать ихъ въ полномъ объемѣ, но о болѣе важнѣйшихъ упомянемъ нѣсколько подробнѣе.

Первымъ ученымъ, высказавшимся въ пользу существованія третичнаго

человѣка, была Laurillard во Франціи, который въ 1814 г. нашелъ два человѣческихъ скелета въ вулканическихъ третичныхъ пластахъ въ Denise возлѣ Puy-en-Velay (деп. Верхней Луары [5]). Но въ то время, когда авторитетъ Кювье съ такой рѣшительностью не допускалъ еще признанія четвертичнаго человѣка, разумѣется нечего было и думать о признаніи возможности существованія человѣка третичнаго. Открытіе Laurillard'а было просто забыто и только тогда, когда было окончательно доказано, что человѣкъ жилъ уже въ постпліоцевную эпоху, о чемъ мы скажемъ далѣе, когда появилась новая эволюціонная теорія, тогда только естественнымъ образомъ опять возникъ вопросъ, не найдутся ли слѣды человѣка въ эпоху еще болѣе отдаленную,—и изученію въ этомъ отношеніи третичныхъ образованій было посвящено больше вниманія. И дѣйствительно, въ теченіи трехъ послѣднихъ десятилѣтій появляется цѣлый рядъ находокъ, на основаніи которыхъ разные изслѣдователи съ большей или меньшей опредѣленностью доказывали существованіе третичнаго человѣка.

Для болѣе удобнаго разсмотрѣнія мы раздѣлимъ эти находки на искусственныя нарѣзки на костяхъ животныхъ, на осколки кремня, о которыхъ можно думать, что они обработаны рукою человѣка, затѣмъ на находки человѣческихъ костей и наконецъ на такія третичныя находки, которыя не подходятъ подъ предшествующія категоріи.

Между первыми надо прежде всего упомянуть о нарѣзкахъ на костяхъ слона (Elephas meridionalis), найденныхъ Desnoyer въ St. Prest, близь Шартра; аббатъ Delaunay нашелъ подобныя же нарѣзки на костяхъ Halitherium'а въ міоценовыхъ пластахъ въ Pouancé (въ департ. Марны и Луары), а баронъ von Dücker полагалъ, что найденныя имъ въ Pikermi (возлѣ Аѳинъ въ Греціи) кости гиппаріоновъ, антилопъ и другихъ міоценовыхъ животныхъ носятъ на себѣ слѣды умышленнаго раскалыванія человѣческими руками. Но всѣ эти сообщенія были встрѣчены очень сильными возраженіями, относительно ихъ указывали (главнымъ обр. G. de Mortillet) на то, что подобнаго рода бороздки на костяхъ очень легко могли быть оставлены зубами грызуновъ или хищныхъ животныхъ, морскихъ или сухопутныхъ (главнымъ образомъ—акулъ). Гораздо болѣе важной была находка Capellini въ Poggiarone, недалеко отъ Monte Aperto въ Тосканѣ. На ребрахъ и лопаткѣ морскаго млекопитающаго изъ рода Balaenotus, открытыхъ въ пліоценовомъ пластѣ, оказалось много кривыхъ нарѣзокъ (рис. 1). На основаніи этого цѣлый рядъ французскихъ антропологовъ, главнымъ образомъ Broca, Quatrefages, затѣмъ самъ Capellini, изъ нѣмецкихъ ученыхъ Schaaffhausen, пришли къ рѣшительному заключенію о существованіи человѣка въ пліоценовомъ періодѣ и защищали такое мнѣніе на конгрессахъ въ Пештѣ и Лиссабонѣ. E. Magitot, E. Cartailhac и особенно G. de Mortillet выступили рѣшительными ихъ противниками,

причемъ де-Мортилье указалъ на то, что подъ увеличительнымъ стекломъ можно замѣтить въ этихъ бороздкахъ тонкія зазубрины, происходящія отъ зазубренныхъ зубовъ нѣкоторыхъ видовъ хищныхъ акулъ.

Какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, кремневые осколки имѣли очень большое значеніе въ развитіи первобытной человѣческой культуры. Уже въ первыя времена своего существованія, человѣку были извѣстны ихъ полезныя свойства, ихъ пригодность къ обдѣлкѣ въ примитивныя орудія. Въ третичныхъ пластахъ также найдено было извѣстное количество кремневыхъ осколковъ, которые, какъ предполагалось нѣкоторыми, были обдѣланы человѣкомъ. Дѣйствительно-ли они—дѣло рукъ человѣческихъ, рѣшить очень трудно; осколки эти по большей части имѣютъ такую форму, которая могла очень легко получиться и инымъ, чисто естественнымъ способомъ, напр. вслѣдствіе удара объ острые твердые края другого камня и т. п.

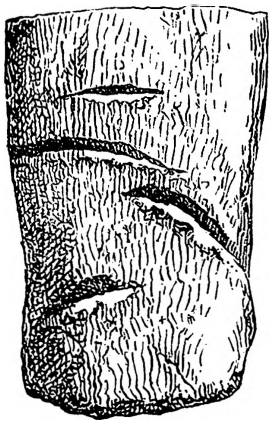


Рис. 1. Нарѣзки на ребрахъ Balaenotus.

Не особенно важныя и очень спорныя находки подобныхъ осколковъ были сдѣланы Roujou въ Fontainebleau, Cels'омъ въ окрестностяхъ Mons'a въ Бельгіи, A. Detroyate'омъ и генераломъ de Nansouty въ Mouligny (въ деп. Нижнихъ Пиренеевъ). Болѣе значенія имѣютъ осколки, добытые Rames'омъ изъ третичныхъ пластовъ въ Cantal'ѣ и особенно въ Aurillac'ѣ (въ Puy-Courny), возбудившіе на послѣднемъ парижскомъ съѣздѣ (1889) очень оживленныя пренія между защитникомъ ихъ искусственнаго происхожденія G. de Mortillet и противниками его E. Cartailhac'омъ и M. Boule'емъ.

Двѣ очень извѣстныя находки этой группы представляютъ кремневые осколки, открытые въ Otty въ Португаліи и въ Thenay недалеко отъ Pontlevoye (въ деп. Луары и Шеры) во Франціи.

Первая находка была сдѣлана Ribeiro въ пліоценовыхъ и міоценовыхъ образованіяхъ долины Тахо, возлѣ мѣстечка Otty, недалеко отъ Лиссабона. Сообщенія о ней были сдѣланы на съѣздѣ 1872 г., въ Брюсселѣ, затѣмъ на парижской выставкѣ 1879 г. Главная же научная оцѣнка этой находки была предметомъ съѣзда въ Лиссабонѣ въ 1880 г., при чемъ большинство присутствовавшихъ ученыхъ, между прочими G. de Mortillet, Capellini, Cartailhac, Belucci и португальскіе археологи высказались за намѣренную обработку осколковъ, тогда какъ R. Virchow, Villanova и нѣкоторые другіе—противъ. Въ послѣднее время мѣсто находки было изслѣдовано снова и систематически подъ надзоромъ Delgado, но не смотря на благопріятный результатъ этого изслѣдованія (по отчету Delgado), въ находку эту не вѣрятъ

даже нѣкоторые изъ тѣхъ, кто 10 лѣтъ тому назадъ еще вѣрилъ (какъ напр. Cartailhac).

Другая очень важная находка была сдѣлана въ шестидесятыхъ годахъ аббатомъ Bourgeois въ міоценовыхъ пластахъ, лежащихъ непосредственно на мѣловыхъ образованіяхъ въ Thenay, въ провинціи Beauce, во Франціи. Открытіе это и заключеніе въ пользу существованія третичнаго человѣка было сообщено прежде всего на Парижскомъ съѣздѣ въ 1867 г., но не вызвало общаго согласія. Только въ 1872 г. на съѣздѣ въ Брюсселѣ выбрана была коммиссія изъ 15 членовъ для изслѣдованія этой находки, и большинство этой коммиссіи (между прочимъ Cartailhac, Capellini, Worsaae, Dupont, Quatrefages) высказалось въ пользу заключеній Bourgeois на счетъ искусственной обработки этихъ осколковъ. Противъ нихъ выразились тогда Virchow, Steenstrup, Fraas, Desor; если-бы однако теперь снова были собраны голоса, то нѣтъ сомнѣнія, что большинство ихъ оказались бы отрицательными. Наиболѣе усерднымъ защитникомъ намѣренной обработанности кремней, найденныхъ въ Thenay, является въ настоящее время G. de Mortillet и его школа.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ этихъ осколковъ (рис. 2 и 3) вполнѣ могли-бы быть употреблены въ видѣ орудій, ножа, шила и т. п. Но такихъ между тысячами найденныхъ кремней такъ мало, да и тѣ изъ нихъ, отборные, которые въ качествѣ типическихъ находятся въ витринахъ Сен-Жерменскаго музея, не могли убѣдить меня въ дѣйствительно искусственномъ ихъ происхожденіи Поверхность нѣкоторыхъ изъ нихъ покрыта мелкими, но ясными трещинами. По мнѣнію Г. де Мортилье, это именно и составляетъ доказательство обработки ихъ человѣкомъ, такъ какъ трещины эти могли произойти отъ дѣйствія огня, при помощи котораге третичный человѣкъ разламывалъ большіе куски кремня, какъ это дѣлаютъ и до сихъ поръ нѣкоторые примитивные народы (какъ напр. первобытные жители Андаманскихъ о-вовъ). Очень возможно однако, что подобныя трещинки могли произойти и отъ другихъ причинъ, кромѣ огня, какъ напр. подъ вліяніемъ измѣненій температуры или вслѣдствіе химическихъ процессовъ. Поражаютъ также въ этой находкѣ очень небольшіе размѣры осколковъ, и, право, трудно себѣ представить, чтобы эти невзрачные, не подходящіе къ размѣрамъ рукъ, обломки были намѣренно сдѣланными орудіями человѣка. Г. де Мортилье

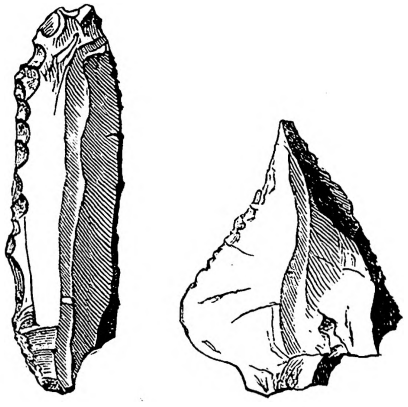


Рис. 2 и 3. Тенэйскіе кремневые осколки.

старается объяснить это остроумной, но однако мало обоснованной гипотезой, что человѣкъ, или лучше сказать, предшественникъ человѣка, который въ міоценовый періодъ жилъ въ нынѣшней Франціи, былъ гораздо меньшаго роста, а слѣдовательно и имѣлъ руки меньшаго размѣра, чѣмъ нынѣшній человѣкъ.

Къ третьей группѣ, кромѣ неимѣющей особеннаго значенія находки человѣческихъ костей въ Salles (деп. Жиронды) и упомянутой уже находки въ Denis, относятся главнымъ образомъ три итальянскія находки и прежде всего находка человѣческаго черепа въ долинѣ Olmo, возлѣ города Arezzo въ Тосканѣ. Cocchi считалъ отложеніе, въ которомъ былъ найденъ этотъ черепъ, пліоценовымъ, но G. de Mortillet, а въ послѣднее время d'Acy, рѣшительно признаютъ его четвертичнымъ. Подобнымъ же образомъ были найдены человѣческія кости въ пліоценовомъ слоѣ на Colle del vento, возлѣ города Savona на западной Ривьерѣ. Но находки эти были сдѣланы въ отсутствіи какого-бы то ни было компетентнаго лица, а поэтому и не могутъ считаться достовѣрными.

Третья важная находка была сдѣлана въ 1860 году профессоромъ Regazzoni въ Castenodola въ Ломбардіи. На этомъ мѣстѣ находили человѣческія кости нѣсколько разъ и позже, но на счетъ хронологическаго опредѣленія этой находки происходитъ и до настоящаго времени споръ между итальянскими учеными (съ G. Sergi во главѣ) и французскими. P. Topinard, A. Arcelin, G. de Mortillet, E. Cartailhac и др. считаютъ ихъ за остатки погребенія позднѣйшей (неолитической) эпохи, имѣвшаго мѣсто въ третичномъ слоѣ. Изъ итальянцевъ A. Issel присоединился къ этому-же мнѣнію [6]).

Четвертая группа заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно ничего не значащія находки: во первыхъ, просверленныхъ зубовъ акулы въ графствѣ Suffolk въ Англіи и во вторыхъ, будто-бы рисунка на кости мастодонта въ третичномъ образованіи въ Дарданеллахъ. Обѣ оказались фальшивыми [7]).

Положительнаго, точнаго доказательства существованія третичнаго человѣка не дала до сихъ поръ ни одна еще находка. Доказательство, которое могло-бы быть рѣшающимъ, должно точно и безспорно дать удовлетворительный отвѣтъ на слѣдующіе три вопроса: a) дѣйствительно-ли слой, въ которомъ найдены предметы—третичный? b) дѣйствительно-ли эти предметы современны образованію самаго слоя? и c) носятъ-ли на себѣ эти предметы очевидные слѣды человѣческихъ рукъ? Но до сихъ поръ не было еще ни одной находки, которая бы отвѣчала безспорно на всѣ эти три вопроса. Вслѣдствіе этого, всякій, кто не имѣлъ возможности лично, на мѣстѣ провѣрить находки, на основаніи которыхъ нѣкоторые ученые рѣшительно утверждаютъ существованіе третичнаго человѣка, неизбѣжно долженъ придти къ такому выводу: хотя возможно и даже правдоподобно, что человѣкъ

жилъ въ Европѣ уже въ третичную эпоху, но доказательствъ этого до сихъ поръ еще нѣтъ.

По поводу разныхъ упомянутыхъ выше находокъ возбужденъ былъ также вопросъ о томъ, должно ли было существо, приготовлявшее себѣ каменныя орудія въ третичную эпоху, быть вполнѣ сходнымъ съ нынѣшнимъ человѣкомъ, тождественнымъ съ нимъ? Эд. Тайлоръ, въ одномъ мѣстѣ своего «Введенія въ антропологію», говоритъ, что «человѣкъ отличается отъ животныхъ не столько употребленіемъ, сколько приготовленіемъ орудій». И обезьянамъ случается употреблять отломанные сучья или подобранные съ земли каменья въ видѣ орудія или оружія, но мы не имѣемъ доказательствъ того, чтобы онѣ когда нибудь оббивали камень, для того чтобы сдѣлать его болѣе пригоднымъ для извѣстной цѣли. Нѣкоторые археологи, особенно приверженцы эволюціонной теоріи, все таки затруднялись относить къ третичной эпохѣ древнѣйшаго человѣка, и Г. де-Мортилье, напр., полагаетъ, что существо, выдѣлывавшее тенэйскія или оттскія орудія, не было еще человѣкомъ, но только какимъ то его предшественникомъ («précurseur») или, какъ онъ позже его назвалъ, «Anthropopithecus», т. е. человѣко-обезьяной. Идя еще далѣе, Мортилье сдѣлалъ попытку даже раздѣлить этотъ родъ. Предшественникъ человѣка, жившій въ средней Франціи, отличался, по его мнѣнію, отъ португальскаго и другихъ, вслѣдствіе чего Мортилье и принимаетъ теперь три вида антропопитека, называя ихъ по именамъ лицъ, сдѣлавшихъ главнѣйшія находки: A. Bourgeoisii (для Thenay), A. Ramesii (для Cantal) и A. Ribeiroii (для Португаліи). Всѣ эти существа были значительно меньше ростомъ нынѣшняго человѣка и, по своему строенію, представляли переходную ступень между нимъ и обезьянами.

Эта фантастическая гипотеза Г. де Мортилье страдаетъ совершеннымъ отсутствіемъ убѣдительныхъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, она принимается не только его школой (какъ напр. проф. Hovelacque'омъ) и многими дарвинистами, но и нѣсколькими французскими богословами, какъ напр. P. Valroger, аббатъ Fabre d'Envieu, P. Monsabré; противникъ же эволюціонной теоріи, Катрфажъ, довольствовался предположеніемъ, что человѣкъ не былъ сотворенъ сразу такимъ, какимъ онъ является теперь, но доразвился до нынѣшняго состоянія изъ болѣе низшаго.

Другіе, съ большей осторожностью, вмѣсто этого предполагаемаго предшественника человѣка, приписывали выдѣлку вышеупомянутыхъ орудій одной изъ большихъ обезьянъ третичной эпохи. Такъ A. Gaudry считалъ одинъ видъ обезьяны, названный Dryopithecus Fontanae и установленный на основаніи нижней челюсти, найденной въ S-t Gaudens во Франціи, наиболѣе близкимъ изъ всѣхъ ископаемыхъ и нынѣ живущихъ видовъ обезьянъ къ человѣку, какъ бы переходной къ нему формой. Но новыя открытія дока-

зали, что и здѣсь произошла ошибка, и самъ Годри первый отказался отъ своего еще недавняго мнѣнія. Найденная челюсть принадлежала, какъ оказалось изъ сравненія съ недавно найденной челюстью взрослаго экземпляра, молодой особи, которая, какъ и вообще всѣ обезьяны въ томъ же возрастѣ, обнаруживала по строенію черепа и лица большую близость къ человѣку, чѣмъ особи взрослыя. Такимъ образомъ, и это доказательство существованія промежуточной формы между человѣкомъ и обезьяной потеряло всякое значеніе [8]).

Въ послѣднее время было сдѣлано новое открытіе въ третичныхъ отложеніяхъ близь Trinil, на о-вѣ Явѣ. Врачъ E. Dubois нашелъ тамъ остатки скелета (часть черепа, бедренную кость и два коренныхъ зуба), которые онъ отнесъ къ виду (названному имъ Pithecanthropus erectus), по своимъ признакамъ среднему между антропоморфной обезьяной и человѣкомъ. Если даже остатки эти и не принадлежатъ одной и той же особи, или даже одному и тому же виду, то уже одинъ черепъ представляетъ, дѣйствительно, такіе промежуточные признаки, судя по описанію и рисункамъ Дюбуа. Само собою разумѣется, что для окончательнаго заключенія необходимо еще обождать результатовъ болѣе обстоятельнаго изслѣдованія этого черепа европейскими учеными, которое по всей вѣроятности и не заставитъ себя долго ждать, такъ какъ остатки, найденные Дюбуа, находятся теперь въ Европѣ (въ Голландіи) [9]).

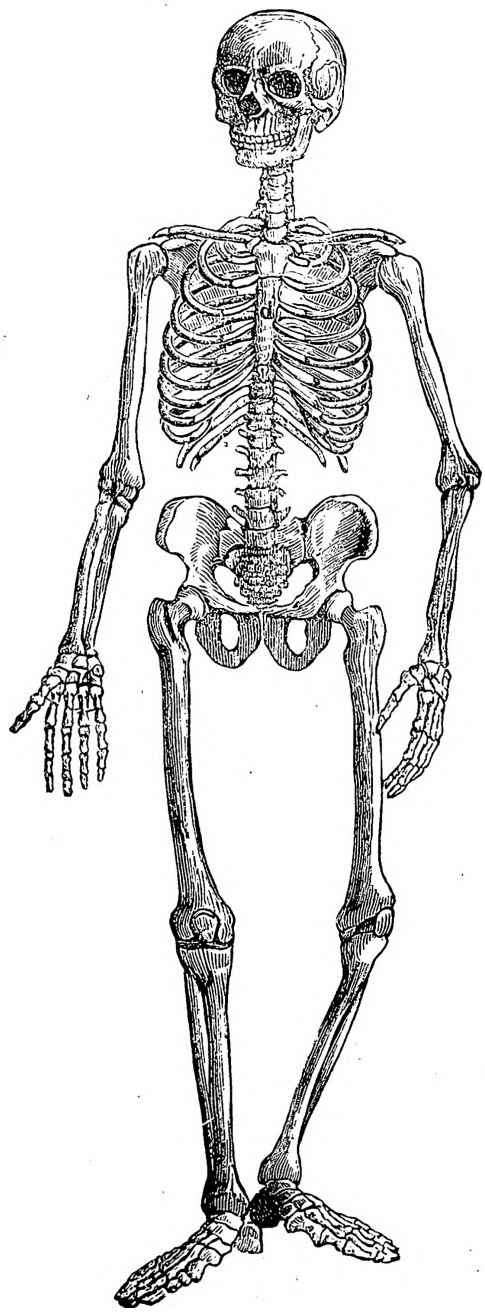


Рис. 4. Костякъ человѣка.

Человѣкъ по своему физическому строенію не отдѣляется широкой и глубокой пропастью отъ животныхъ; онъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ суще-

ствамъ позвоночнымъ, млекопитающимъ, одноутробнымъ. Анатомически къ нему наиболѣе приближается группа высшихъ обезьянъ, антропоморфныхъ приматовъ (Primates). Съ точки зрѣнія зоологіи, человѣкъ есть высшее, наиболѣе совершенное животное, отличающееся только въ подробностяхъ своей организаціи отъ ближайшихъ къ нему приматовъ. Значеніе этихъ отличій разными натуралистами понималось не одинаково; одни, какъ Топинаръ, Гексли и даже самъ Линней—включали человѣка въ одинъ и тотъ же отрядъ съ приматами, другіе, какъ Бюффонъ, Блюменбахъ, Катрфажъ—обособляли его въ отдѣльную группу. Но, во всякомъ случаѣ, черты сходства человѣческой организаціи съ животною настолько значительны и доказываются въ такой степени какъ исторіей эмбріональнаго развитія, такъ и сравнительной анатоміей, что почти всѣ современные зоологи, анатомы и физіологи не сомнѣваются въ томъ, что человѣкъ, какимъ онъ представляется въ своемъ строеніи теперь, долженъ былъ развиться изъ болѣе низшихъ типовъ, что, однимъ словомъ, можно разсуждать вполнѣ научно объ эволюціи или генезисѣ человѣка изъ животныхъ типовъ, ему предшествовавшихъ. Другой вопросъ, черезъ какіе именно типы шла эта эволюція, какими факторами она вызывалась, и было ли для нея достаточно только тѣхъ, какіе указаны Дарвиномъ и приняты его ближайшими послѣдователями.

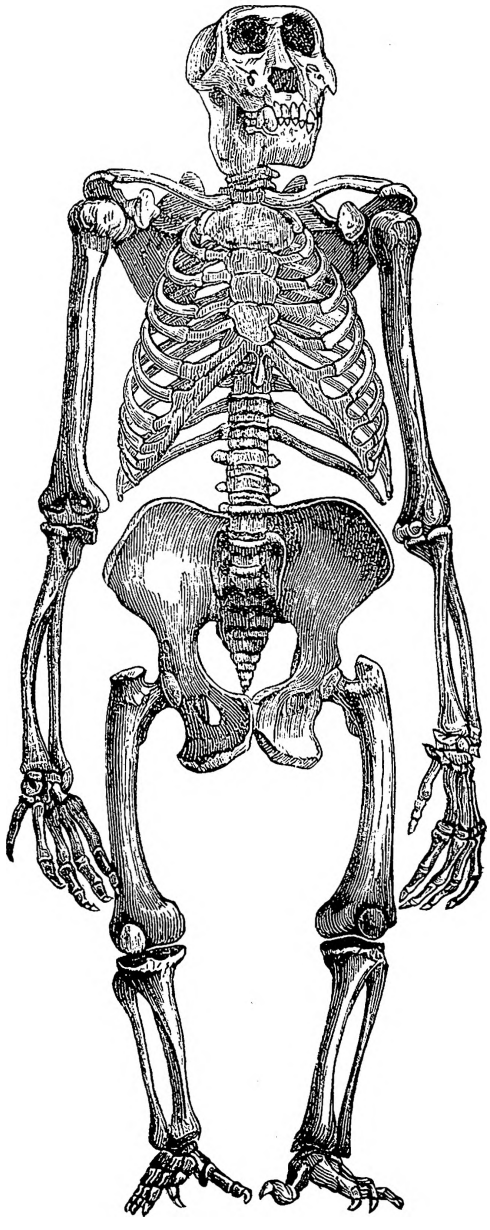


Рис. 5. Костякъ взрослой гориллы (самца).

Весьма вѣроятно, что въ данномъ случаѣ играли роль болѣе сложныя причины, чѣмъ одинъ только естественный подборъ и борьба за существованіе, и что наукѣ, можетъ быть, не удастся никогда выяснить вполнѣ гене-

зисъ человѣческаго типа и всѣ факторы, его обусловливавшіе. Тѣмъ не менѣе, эта ограниченность доступныхъ способовъ познанія не можетъ заставить натуралиста игнорировать факты, представляемые сравнительной анатоміей, эмбріологіей и палеонтологіей, и доказывающіе родство между собою животныхъ формъ и ихъ генезисъ однихъ изъ другихъ въ теченіи послѣдовательныхъ геологическихъ періодовъ. Родство это можетъ быть прослѣжено до человѣка включительно, который также явственно несетъ въ себѣ слѣды развитія изъ низшихъ типовъ, какъ и всѣ другія животныя, хотя онъ и стоитъ много выше ихъ по своему строенію [10]). Его мозгъ втрое больше мозга самой совершенной обезьяны и представляетъ на своей поверхности болѣе сложныя извилины; его голова и лице выказываютъ иное соотношеніе и развитіе; способность къ вертикальному хожденію отличаетъ его отъ всѣхъ приматовъ и соединяется съ большимъ различіемъ въ спеціальномъ приспособленіи конечностей, нижнихъ (ногъ) для поддержки туловища, верхнихъ (рукъ) къ свободнымъ и сложнымъ движеніямъ; развитіе мозга и органовъ рѣчи обусловливаетъ и большія умственныя способности и т. наз. «даръ слова» [11]). Уже старинные натуралисты пришли къ убѣжденію, что «природа не дѣлаетъ скачковъ»; новѣйшее естествознаніе подтвердило еще болѣе эту послѣдовательность и преемственность въ развитіи явленій и формъ, эту связь между различными силами, позволяющими говорить объ ихъ единствѣ, объ ихъ сведеніи къ единой первичной причинѣ, вызвавшей движеніе, а посредствомъ него и все разнообразіе силъ и формъ безконечнаго міра. Такой концепціи, объединяющей всю природу въ одной великой безконечной силѣ, несомнѣнно, нельзя отказать въ возвышенности представленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большемъ соотвѣтствіи съ накопляющимися, мало по малу, результатами знанія.

Еще нѣсколько словъ о колыбели человѣчества. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія (даже нѣсколько раньше) въ европейскомъ и американскомъ ученомъ мірѣ возникъ большой споръ о томъ, произошло ли все человѣчество отъ одной первичной пары, гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ, откуда путемъ миграцій распространилось по всей землѣ (теорія моногенетическая), или различія человѣческихъ расъ такъ велики и такъ наслѣдственно устойчивы, что нельзя предполагать общности ихъ происхожденія. По второй изъ этихъ теорій (полигенетической) человѣчество возникло изъ нѣсколькихъ паръ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ. За колыбель человѣчества моногенисты принимали Азію, главнымъ образомъ центральную ея часть. Не желая особенно распространяться объ этомъ очень спорномъ вопросѣ, скажемъ только, что до сихъ поръ онъ еще не разрѣшенъ научно и что въ настоящее время оба направленія имѣютъ своихъ горячихъ послѣдователей. П. Топинаръ въ своей послѣдней книгѣ о происхожденіи человѣчества склоняется въ пользу двухъ началъ его. Племена бѣлыя, желтыя и американскія имѣли по его мнѣнію одну

колыбель, племена же негритянскія и черныя океаническія расы произошли изъ другой.

Дарвинъ, будучи моногенистомъ, искалъ колыбель человѣчества въ Африкѣ; Уалласъ — въ центральной Азіи, Геккель и Гексли—въ проблематической Лемуріи, Фальконеръ—въ Остъ-Индіи, Мор. Вагнеръ—на сѣверѣ Европы или Азіи. Въ послѣднее время I. Мюллеръ въ своей интересной книгѣ возвращается къ мысли Вагнера. Онъ предполагаетъ, что начало ледниковаго періода съ его новыми и тяжелыми условіями жизни заставило прародичей человѣка, обитавшихъ на сѣверѣ Европы, совершенно измѣнить свой образъ жизни, перестать жить на деревьяхъ, не дававшихъ болѣе плодовъ, и искать орудій, чтобы добывать животныхъ для своего прокормленія. Зима и голодъ превратили питавшихся растительной пищей приматовъ въ животныхъ двуногихъ, разумныхъ и плотоядныхъ (или всеядныхъ), т. е. въ людей [12]).

ГЛАВА II.

Четвертичный человѣкъ.

Европа въ четвертичную эпоху.—Ледниковый періодъ и его фазы.—Отложенія четвертичной эпохи.—Фауна.—Раздѣленіе четвертичной эпохи на основаніи фауны и на основаніи издѣлій первобытнаго человѣка. — Подраздѣленія Г. де Мортилье.—Обзоръ европейскихъ находокъ четвертичной эпохи. — Культура европейскаго человѣка этого времени.—Вычисленія древности человѣка и продолжительности четвертичной эпохи [13]).

Въ обозрѣніи пластовъ земной коры, приведенномъ въ началѣ главы о третичномъ человѣкѣ, мы видѣли уже, что послѣднюю стадію въ развитіи земли составляетъ эпоха, называемая четвертичною (quaternaire), постпліоценовою или плейстоценовою. Лаппаранъ (Lapparent) опредѣляетъ эту эпоху слѣдующими словами: «это та часть послѣдней геологической эпохи, которая характеризуется появленіемъ человѣка на землѣ». Мы высказались въ отрицательномъ смыслѣ по вопросу о доказанности существованія человѣка въ теченіи третичнаго періода; но, допуская правдоподобность этого существованія, мы не можемъ принять и опредѣленія Лаппарана. Мы просто обозначаемъ названіемъ четвертичной эпохи время между концомъ третичнаго періода и нынѣшней эпохой. Четвертичную эпоху раздѣляютъ обыкновенно на двѣ. Древнѣйшая изъ нихъ, болѣе продолжительная, чѣмъ послѣдующая, и характеризуемая такъ назыв. ледниковымъ періодомъ, образованіемъ наносовъ и отложеній, содержащихъ остатки животныхъ, нынѣ отчасти вымершихъ, отчасти переселившихся въ болѣе теплыя страны, носитъ названіе дилювіальной; другой же эпохѣ, которой соотвѣтствуютъ тѣже геологическія (и климатологическія) явленія, и тѣ же животныя и растенія, что и въ настоящее время, дается названіе эпохи алювіальной. Иначе она называется еще эпохой позднѣйшихъ наносовъ въ отличіе отъ предыдущей эпохи древнѣйшихъ наносовъ Названіе «дилювіальной» (отъ diluvium — потопъ) образовалось еще въ то время, когда предполагали, что предъ наступленіемъ современной эпохи земля была покрыта великимъ наводненіемъ—потопомъ. Теперь, когда доказана непримѣнимость подобной теоріи, названіе это утратило свой прежній смыслъ, тѣмъ не менѣе имъ еще продолжаютъ иногда пользоваться и въ настоящее время.

Главнымъ геологическимъ явленіемъ четвертичной эпохи было измѣненіе климата въ умѣренной зонѣ сѣвернаго полушарія, имѣвшее своимъ слѣдствіемъ то, что громадныя массы снѣга и льда покрыли значительную часть Европы, особенно ея сѣверныя части. Этотъ ледниковый періодъ продолжался, повидимому, очень долго. Климатъ въ эту эпоху былъ холодный и вмѣстѣ съ тѣмъ влажный, такъ какъ только воздухъ, достаточно насыщенный парами, дѣлалъ возможнымъ накопленіе снѣговыхъ массъ и образованіе ледниковъ [14]).

Ледники мы находимъ и теперь въ Европѣ,— въ Альпахъ, на Кавказѣ, въ Пиренеяхъ, на Скандинавскихъ горахъ, но размѣры ихъ значительно уступаютъ прежнимъ. Нынѣшніе альпійскіе ледники, по Ляйеллю, образуютъ поясъ въ 25—30 килом. длины, тогда какъ распространеніе древнихъ было въ десять разъ большимъ, причемъ мощность ихъ достигала больше 1-го километра. Прилагаемый рисунокъ (6) представляетъ профиль Ронскаго ледника, который доходилъ когда-то до самаго Ліона. Ледники покрывали и такія горы, на которыхъ теперь ихъ нѣтъ вовсе, какъ напр. Шотландскія и Ирландскія, Вогезы, Карпаты, а также Шумаву (Богемскій лѣсъ), Рудныя горы и др. Болѣе того: ледники Скандинавскихъ горъ, слившись въ одинъ общій потокъ, выдвинулись мало по малу впередъ гигантской дугой, которая, въ эпоху своего наибольшаго развитія, не только захватила всю Скандинавію и все Сѣверное море, но, соединившись съ ирландскими и шотландскими ледниками, заняла почти всю Англію до самой Темзы, покрыла Голландію до Рейна, часть сѣверо-западной Германіи до подошвы Гарца, дошла почти до Рудныхъ горъ, покрыла всю сѣверо-восточную Германію, сѣверо-западную Россію, Финляндію и даже среднюю Россію (см. приложенную карту Европы въ ледниковый періодъ). Всѣ эти обширныя европейскія страны, нынѣшнія Балтійское и Сѣверное моря покоились тогда подъ однимъ общимъ гигантскимъ ледянымъ покровомъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ лежитъ подъ нимъ Гренландія. На этомъ ледяномъ пространствѣ человѣкъ, понятно, не могъ жить. Вотъ почему Германія сравнительно гораздо бѣднѣе находками слѣдовъ существо-

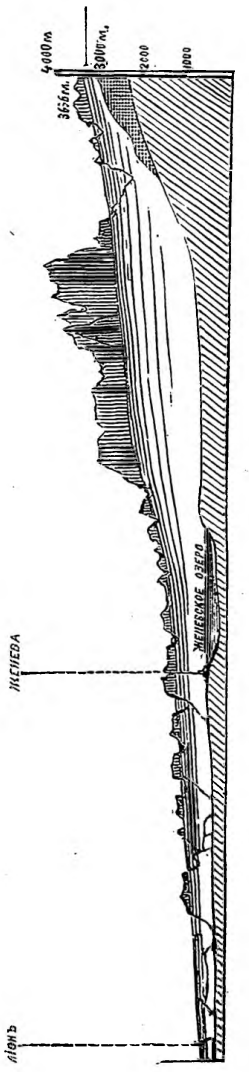


Рис. 6. Разрѣзъ Ронскаго ледника ледниковой эпохи (по Фальзану и Шантру). Современный ледникъ означенъ штриховкой на-крестъ.

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

ванія человѣка этого періода, чѣмъ напр. нынѣшняя Франція, которой только небольшая часть была въ то время подо льдомъ [15]).

Ледниковый періодъ имѣлъ не одинъ кульминаціонный пунктъ. Въ настоящее время доказано, что дилювіальные ледники то попеременно отступали назадъ, то выдвигались впередъ, и что можно установить по крайней мѣрѣ два ледниковыхъ періода, между которыми былъ промежутокъ болѣе теплый, съ ледниками значительно уменьшившимися, такъ называемый межледниковый періодъ (interglacial). Особенно хорошо были изслѣдованы въ этомъ отношеніи альпійскіе ледники и слѣды скандинавскаго ледника въ Германіи, причемъ оказалось, что границы послѣдняго, очень ясно обозначенныя вѣнцомъ холмообразныхъ моренъ перваго ледниковаго періода, далеко отстоятъ отъ границъ вторичнаго обледенѣнія, отступившаго значительно назадъ, но остававшагося затѣмъ еще долгое время въ этихъ новыхъ своихъ предѣлахъ. На нашей картѣ границы его обозначены особой чертой. Въ послѣднее время, впрочемъ, нѣкоторые геологи начинаютъ опять отрицать эту «періодичность» ледниковыхъ эпохъ, объясняя указанныя измѣненія только колебаніями одной и той же эпохи. Намъ кажется впрочемъ, что Прествичъ правъ, видя въ этомъ разногласіи только споръ о словахъ.

О причинахъ, обусловившихъ такое пониженіе температуры въ Европѣ, было много писано, причемъ для объясненія его предлагалось немалое количество гипотезъ. Нѣкоторые полагаютъ, что кромѣ причинъ земныхъ (теллурическихъ), выражавшихся въ иномъ распредѣленіи суши и моря, здѣсь играли роль и факторы астрономическіе, напримѣръ, измѣненіе эксцентрицитета земной орбиты. Но большинство считаетъ это сомнительнымъ и видитъ главную причину въ распредѣленіи суши; одно отсутствіе гольфштрема (теплаго теченія, идущаго къ берегамъ Ирландіи и Норвегіи изъ тропическихъ морей, омывающихъ западные берега центральной Америки и Мексики), способно было уже оказать значительное вліяніе на большое охлажденіе Сѣверной Европы, въ особенности если его мѣсто—какъ полагаетъ Гейки (Geikie) — занимало полярное теченіе, шедшее мимо береговъ Европы съ сѣвера [16]).

Послѣ ледниковаго періода, климатъ Европы началъ мало по малу становиться умѣреннымъ, причемъ таяніе громадныхъ массъ льда повлекло за собой образованіе многихъ озеръ и оказало существенное вліяніе на мощность рѣкъ, изъ коихъ нѣкоторые образовались вновь или проложили себѣ новые пути. Среднеевропейскія равнины и долины, ранѣе почти лишенныя цвѣтковой растительности, подобно нынѣшнимъ арктическимъ тундрамъ, превращались мало по малу въ травянистыя степи, въ пастбища для стадъ травоядныхъ животныхъ, смѣнявшіяся кое-гдѣ лѣсными островами, пока наконецъ лѣсная растительность не получила большаго развитія, и растительная и животная жизнь не вошли въ свою прежнюю шумную колею и

Европа не вступила въ умѣренный климатъ, въ которомъ мы живемъ и до сихъ поръ.

Человѣкъ былъ уже свидѣтелемъ всѣхъ этихъ перемѣнъ на поверхности Европы. Онъ не могъ жить на ледникахъ, но жилъ на ихъ окраинахъ, въ мѣстностяхъ болѣе теплыхъ, не бывшихъ покрытыми льдомъ. По мѣрѣ отступленія ледниковъ, онъ слѣдовалъ за ними и мало по малу заселялъ менѣе гостепріимныя страны сѣверной Европы. Древнѣйшіе слѣды четвертичнаго человѣка въ Европѣ мы находимъ въ отложеніяхъ, образовавшихся именно въ теченіи этой эпохи, а потому интереснѣе познакомиться съ ними подробнѣе. Число извѣстныхъ по настоящее время находокъ, однако, такъ велико, что мы можемъ указать только на болѣе важныя изъ нихъ или наиболѣе основательно изслѣдованныя.

Четвертичныя отложенія подраздѣляются, по ихъ строенію и по способу ихъ происхожденія, на образованныя ледниками, или такъ называемыя моренныя, на отложенныя рѣками, отчасти вытекавшими изъ подъ ледниковъ, или проложившими себѣ пути по отступленіи ледниковаго покрова,—такъ называемые рѣчные наносы, на морскія отложенія, обязанныя своимъ возникновеніемъ трансгрессіямъ моря, затоплявшаго временами прибрежныя страны, и на такъ называемый лёссъ,—образованіе отчасти воднаго, отчасти эоловаго или вѣтрянаго происхожденія.

Морены отлагались отчасти на краяхъ ледниковъ, гдѣ скоплялись сносимые послѣдними продукты разрушенія горныхъ породъ (камни, гравій, песокъ и т. д.), отчасти—на днѣ ихъ (основная или поддонная морена), гдѣ ледникъ до извѣстной степени выпахивалъ свое ложе и оставлялъ болѣе или менѣе мощные слои своей разрушительной и переносной дѣятельности, въ видѣ такъ называемыхъ валунныхъ глинъ и песковъ, т. е. рыхлыхъ отложеній, заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе крупные камни или такъ называемые валуны, происшедшіе отчасти отъ разрушенія непосредственно подстилавшихъ ледникъ твердыхъ горныхъ породъ или занесенные издалека ледниками въ своей толщѣ. По отношенію къ древнѣйшимъ слѣдамъ человѣка особенное значеніе имѣетъ такъ называемый лессъ—мощныя отложенія глинъ, смѣшанныхъ отчасти съ пескомъ и заключающихъ въ себѣ известковыя включенія и кости животныхъ. Въ Россіи отложенія лесса встрѣчаются въ болѣе южныхъ частяхъ, лежащихъ за предѣлами бывшаго обледенѣнія, причемъ сверху его залегаетъ обыкновенно черноземъ, а мѣстами—пески [17]). Образованіе этого лесса и до сихъ поръ еще составляетъ предметъ споровъ. Одни видятъ въ немъ отложеніе рѣкъ,—тѣхъ мощныхъ потоковъ, которые вытекали изъ подъ сѣвернаго ледника и уносили болѣе мелкія частицы ледниковаго ила, другіе, слѣдуя Рихтгофену, имѣвшему случай наблюдать образованіе подобныхъ глинъ въ Китаѣ, объясняютъ ихъ происхожденіе дѣйствіемъ вѣтра, переносившаго

въ теченіе тысячелѣтій массы пыли и отлагавшаго ее слой за слоемъ въ долинахъ и равнинахъ; иные, наконецъ, допускаютъ участіе того и другого фактора, воды и вѣтра, совмѣстно участвовавшихъ въ этомъ разнесеніи мелкихъ частицъ глины и песка. Но еще важнѣе, можетъ быть, для археолога отложенія въ пещерахъ, особенно въ известковыхъ, гдѣ они прикрыты слоемъ известковаго капельника или такъ называемыхъ сталагмитовъ. Пещеры въ известковыхъ (третичныхъ, а отчасти и болѣе древнихъ пластахъ) образовались вслѣдствіе того, что вода, насыщенная углекислотой проникала въ ихъ толщу и, измѣняя углекислую известь въ легче растворимую двууглекислую, образовывала сначала пустоты, а потомъ и гроты, которыя, вслѣдствіе размыва рѣками своихъ долинъ, открывались наконецъ наружу болѣе или менѣе значительнымъ отверстіемъ. Временами, въ періодъ половодья, рѣка иногда заливала эти гроты и отлагала въ нихъ наносы, съ которыми попадали нерѣдко и трупы или кости различныхъ животныхъ, а иногда, наоборотъ, потоки могли отчасти размывать содержаніе пещеръ и выносить его наружу. Впослѣдствіи, съ уменьшеніемъ водности рѣкъ или съ углубленіями ими своихъ руслъ, такія пещеры перестали заливаться водою, и ими нерѣдко пользовались различныя хищныя животныя, для устройства въ нихъ своего логовища, а иногда и человѣкъ, избиравшій ихъ временной стоянкой или постояннымъ жилищемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, въ пещерѣ необходимо должны были скопиться современемъ различные отбросы— въ родѣ утерянныхъ или поломанныхъ издѣлій, костей отъ съѣденныхъ животныхъ и т. д., и это тѣмъ болѣе, что первобытные люди не отличались чистоплотностью и оставляли вокругъ себя какъ остатки своей трапезы, такъ и образцы своихъ подѣлокъ (изъ камня, кости и рога) и отбросы отъ ихъ фабрикаціи. Такіе отбросы представляютъ большую цѣнность для археолога, ибо по нимъ онъ можетъ составить нѣкоторое понятіе, съ одной стороны, объ окружавшей тогдашняго человѣка фаунѣ, съ другой—объ образѣ жизни его самого, его обстановкѣ, промышленности и искусствѣ [18]).

Что касается окружавшей четвертичнаго человѣка фауны, то мы не будемъ, конечно, входить въ подробное ея разсмотрѣніе и ограничимся только краткими свѣдѣніями о болѣе крупныхъ характерныхъ видахъ, или имѣвшихъ значеніе для человѣка въ его тогдашней борьбѣ за существованіе. Изъ хищныхъ животныхъ заслуживаютъ особаго упоминанія:

Пещерный медвѣдь (Ursus spelaeus) былъ гораздо крупнѣе нынѣшняго и отличался отъ него болѣе выпуклымъ лбомъ и нѣкоторыми особенностями въ зубахъ, указывающими на то, что несмотря на свою большую величину, онъ былъ менѣе плотояденъ, чѣмъ современный. Профессоръ Фраасъ (Fraas) нашелъ въ Голенфельдской пещерѣ, въ Швабіи, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ метровъ остатки болѣе 400 особей пещернаго мед-

вѣдя; массы костей его (сотни череповъ) были найдены также въ нѣкоторыхъ пещерахъ южной Франціи (grotte de l'Herm, de Gargas и др.) и Богеміи. Только въ Россіи онъ былъ, повидимому, рѣдокъ; остатки его были добыты только изъ Нерубаевскихъ копей, около Одессы, въ пещерахъ южной

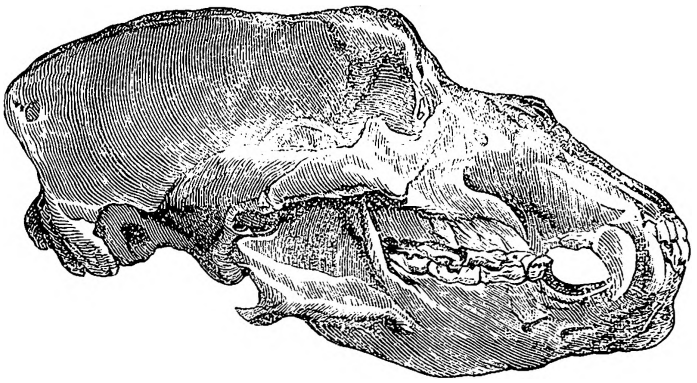


Рис. 7. Черепъ пещернаго медвѣдя.

Польши (Кѣлецкой губ.) и въ пещерѣ Ргани, на р. Квирилѣ, Шаропанскаго уѣзда (Кутаисской губ.). Въ неолитическую эпоху пещерный медвѣдь въ Европѣ уже не существовалъ и только въ Италіи онъ, повидимому, удержался до ея начала. Черепъ его представленъ на рис. 7.

Пещерная гіена (Hyena spelaea) водилась въ большомъ количествѣ въ Европѣ (хотя и не была повидимому такъ распространена, какъ медвѣдь); она почти не отличалась отъ пятнистой гіены Южной Африки.

Пещерный левъ (Felis spelaea) былъ крупнѣе нынѣшняго льва и до ихъ поръ не найденъ въ четвертичныхъ отложеніяхъ сѣверной Европы.

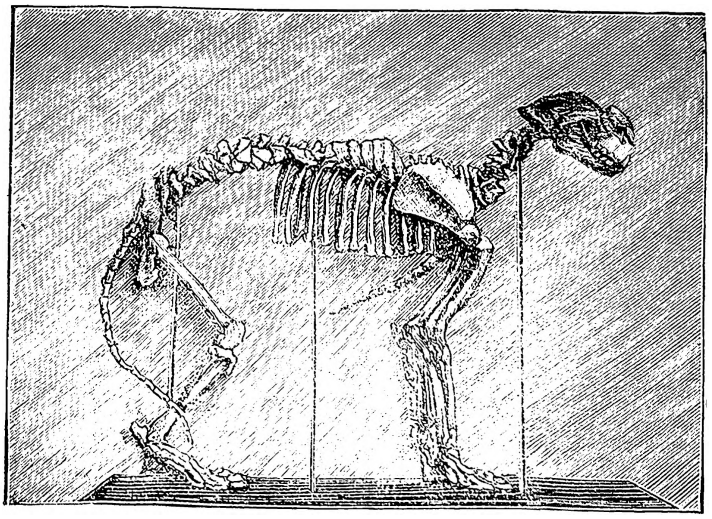


Рис. 8. Костякъ пещернаго льва.

хотя и былъ нерѣдокъ въ средней. Прекрасный скелетъ его найденъ д-ромъ Ванкелемъ въ Слупской пещерѣ возлѣ Брюнна, (нынѣ находится въ Вѣнскомъ кор. естественно-историч. музеѣ (рис. 8). Левъ жилъ въ южной Европѣ еще во времена историческія. По словамъ Геродота, львы напали на войско Ксеркса въ Өессаліи.

Мамонтъ (Elephas primigenius) — былъ очень распространенъ въ четвертичную эпоху. Отъ нынѣшнихъ слоновъ онъ отличался, кромѣ бо̀льшихъ размѣровъ, главнымъ образомъ своими громадными, загнутыми назадъ бивнями и длинной, грубой, покрывавшей его, шерстью (рис. 9). Остатки ма-

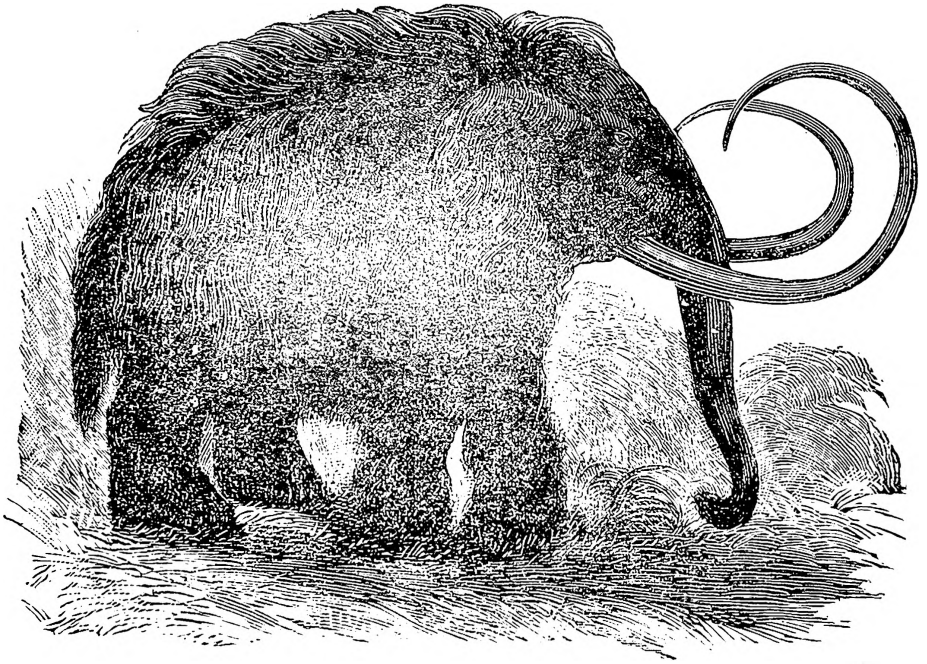


Рис. 9. Мамонтъ.

монта находятъ во всей Европѣ, кромѣ южныхъ ея странъ, гдѣ его замѣнялъ другой видъ слона (El. antiquus), отличавшійся нѣсколько по формѣ своихъ коренныхъ зубовъ *). Наиболѣе замѣчательныя находки мамонта (названіе это азіатскаго происхожденія и занесено въ Европу въ XVIII ст. Sthrahlenberg'омъ) были сдѣланы, впрочемъ, въ сѣверной Сибири, особенно въ дельтѣ Лены и на Новосибирскихъ островахъ. Тамъ былъ найденъ, между

*) Изъ большихъ травоядныхъ былъ характернымъ для третичной эпохи, кромѣ мастодонта, еще Elephas meridionalis («южный слонъ») ростомъ еще больше мамонта; отъ него, по мнѣнію проф. Вольдржиха (Woldřich) произошелъ El. antiquus, давшій въ свою очередь начало видамъ: El. intermedius, и El. armeniacus, изъ коихъ потомкомъ перваго былъ мамонтъ, а потомкомъ армянскаго слона—нынѣшній индійскій.

прочимъ, замерзшій въ вѣчномъ льдѣ цѣлый трупъ мамонта, съ кожей, волосами, даже мясомъ, такъ что, по преданію, мѣстные инородцы кормили нѣкоторое время имъ своихъ собакъ. Скелетъ и другіе остатки этого экземпляра хранятся въ петербургскомъ и московскомъ зоологическихъ музеяхъ.

Носороги—въ четвертичную эпоху жило два-три вида ихъ, изъ коихъ наиболѣе распространеннымъ былъ Rhinoceros tichorhinus (съ полной костяной перегородкой носа) (рис. 11). Въ южной Европѣ видъ этотъ не встрѣчается; повидимому, онъ не переходилъ Альповъ и Пиренеевъ. Въ Сибири были найдены, въ разное время, двѣ головы этого звѣря, еще съ сохранившеюся кожею, которая была, какъ оказывается, покрыта густою буроватою шерстью. Обѣ эти головы сохраняются въ Музеѣ Академіи Наукъ, въ Петербургѣ.

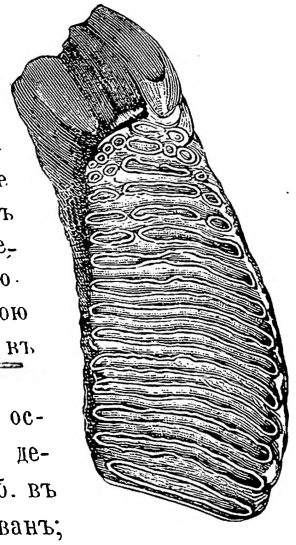


Рис. 10. Коренной зубъ мамонта.

Мускусный овцебыкъ (Ovibos moschatus); остатки его были находимы въ средней Европѣ—до департамента Везеры во Франціи и до Волынской губ. въ Россіи. Южнѣе до сихъ поръ не былъ констатированъ; въ Сибири найдено нѣсколько почти полныхъ его череповъ. Теперь овцебыкъ живетъ только на крайнемъ сѣверѣ Америки, въ Гренландіи и на другихъ полярныхъ островахъ.

Четвертичный гиппопотамъ (Hippopotamus major) былъ близокъ къ

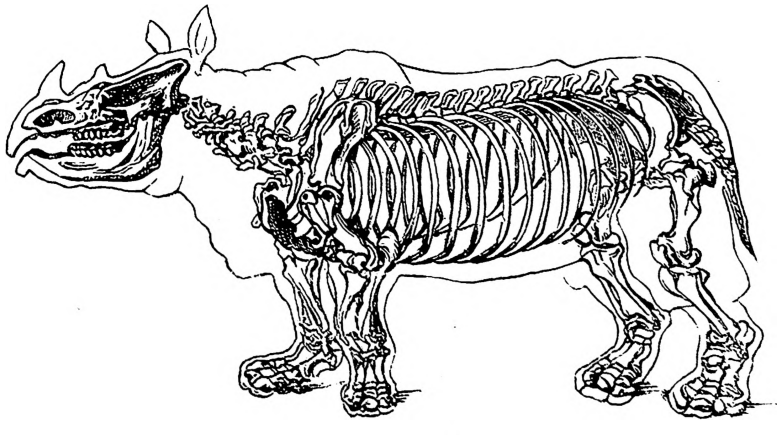


Рис. 11. Носорогъ.

нынѣшнему африканскому, но крупнѣе. Остатки его находятъ рѣдко и болѣе на югѣ (хотя были найдены и въ Англіи).

Гигантскій олень (Megaceros hibernicus) жилъ, главнымъ образомъ, въ западной Европѣ, особенно въ Ирландіи, но одинъ, довольно хорошо со-

хранившійся скелетъ былъ найденъ и въ торфяникахъ средняго Урала, и сохраняется въ Екатеринбургскомъ музеѣ. Олень этотъ имѣлъ громадные рога, разстояніе между концами коихъ доходило до 3—4-хъ метровъ (рис. 12).

Сѣверный олень (Cervus tarandus)—появился въ Европѣ почти одновременно съ мамонтомъ, позже пещернаго медвѣдя, но пережилъ всѣхъ крупныхъ млекопитающихъ. Въ то время, какъ другія только что упомянутыя животныя

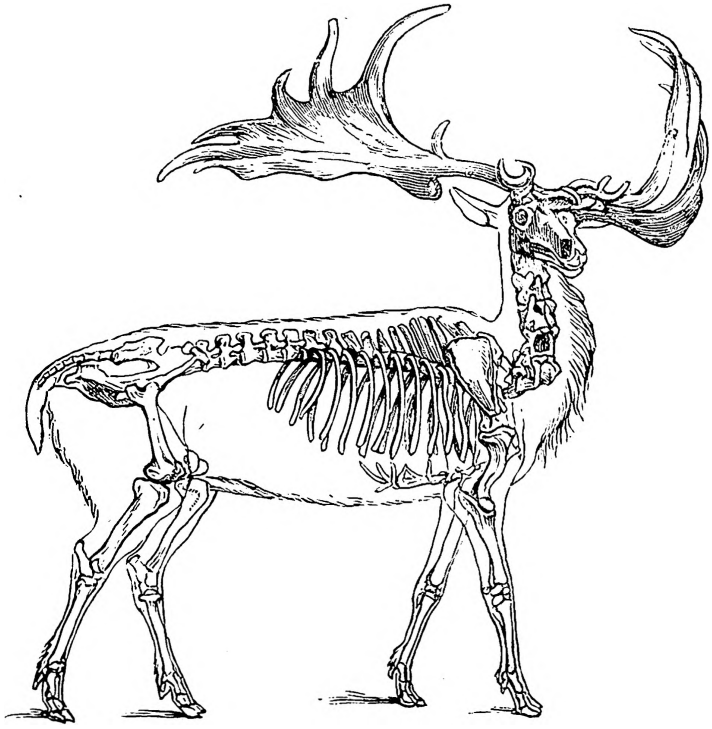


Рис. 12. Гигантскій олень.

вымирали или переселялись изъ Европы на югъ — въ Африку, или на востокъ—въ Азію, сѣверный олень продолжалъ оставаться и жилъ еще въ XII стол. въ Шотландіи и на Оркнейскихъ о-вахъ. Но въ неолитическую эпоху онъ уже не встрѣчался въ Средней Европѣ, за исключеніемъ ея сѣверныхъ странъ, куда онъ удалился вслѣдъ за отступавшимъ ледникомъ, отступая передъ оружіемъ человѣка все дальше и дальше на сѣверъ. Теперь этотъ видъ, бывшій наиболѣе характернымъ для второй половины постпліоценовой эпохи, существуетъ еще въ Европѣ только между 60 и 71° сѣв. шир. Кромѣ сѣвернаго оленя жилъ еще въ Европѣ и лось въ довольно большомъ количествѣ. Во времена Цезаря онъ встрѣчался еще въ Герцинскомъ лѣсу, но теперь сохранился только въ Россіи и восточной Пруссіи [19]).

Четвертичная лошадь — существовала, повидимому, въ двухъ или болѣе разновидностяхъ. Во Франціи она встрѣчалась въ большомъ числѣ, но уже въ неолитическую эпоху стала рѣдкой. Затѣмъ лошадь опять появляется

въ большомъ количествѣ въ эпоху металловъ, но уже въ прирученномъ состояніи.

Бизонъ (зубръ) и туръ или дикій быкъ (Bison europaeus, Bos bison, Bos primigenius, Bos urus priscus). Оба эти вида, изъ которыхъ первый, по Рютимейеру, вполнѣ сходствовалъ съ нынѣшнимъ американскимъ бизономъ, а второй былъ родоначальникомъ нѣкоторыхъ породъ крупнаго рогатаго скота, въ четвертичную эпоху были очень многочисленны во всей средней Европѣ. Они встрѣчались мѣстами даже въ началѣ исторической эпохи; въ пѣсни о Нибелунгахъ упоминается объ ихъ обоихъ. Въ позднѣйшія времена они попадались еще изрѣдка въ вѣковыхъ лѣсахъ Литвы и Польши (ихъ описалъ въ XVI вѣкѣ австрійскій посолъ въ Россіи, Герберштейнъ). Въ настоящее время туръ уже давно вымеръ, но небольшое количество зубровъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ головъ, живетъ еще въ Бѣловѣжской пущѣ (Гродненской губ.) подъ охраной закона, да въ Кубанской области, въ верховьяхъ рѣкъ Зеленчука и Лабы, сохранилось ихъ еще штукъ пятьдесятъ.

Кромѣ указанныхъ, въ дилювіальную эпоху жили еще въ Европѣ и многія другія животныя, по большей части тождественныя съ нынѣшними, какъ, напр., рысь, россомаха, волкъ, лисица, куница, бобръ и разные другіе грызуны, серна, кабанъ, сайга и др.; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, бобръ, тоже близки къ вымиранію, другіе, какъ россомаха, отступили на далекій сѣверъ, третьи, какъ сайга, разные суслики и тушканчики—на крайній востокъ, въ область Арало-Каспійскихъ степей.

Несомнѣнныхъ слѣдовъ домашнихъ животныхъ въ отложеніяхъ этой эпохи мы не встрѣчаемъ. Даже собака, повидимому, еще отсутствовала, хотя нѣкоторые и полагаютъ, что прирученіе ея относится къ концу этого періода.

Перечисленныя нами формы животныхъ не всѣ появились въ началѣ постпліоценовой эпохи и были не одинаково распространены въ продолженіи ея; въ извѣстныя времена преобладали одни виды, въ послѣдовавшіе затѣмъ — другіе. Такъ, напр., въ началѣ эпохи особое преобладаніе имѣлъ пещерный медвѣдь, а во второй половинѣ ея—сѣверный олень, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя другія формы, какъ гиппопотамы и носороги, успѣли уже къ этому времени удалиться изъ Европы или вымереть. Неодинаковое преобладаніе остатковъ различныхъ животныхъ въ разныхъ отложеніяхъ давно уже дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ ввести въ четвертичную эпоху подраздѣленіе. Уже въ 1861 г. Лартэ (Lartet) раздѣлилъ европейскій постпліоценъ на четыре періода, изъ которыхъ первый, самый древній, охарактеризованъ былъ пещернымъ медвѣдемъ, второй—мамонтомъ, третій—сѣвернымъ оленемъ и четвертый — бизономъ и дикимъ быкомъ. Скоро однако оказалось, что это раздѣленіе, хотя и имѣетъ кое-гдѣ мѣстное значеніе, но не можетъ быть распространено не только на всю Европу, но даже и на всю Францію. Оказалось,

что въ разныхъ мѣстахъ эти виды животныхъ переживали одинъ другого не одинаковымъ образомъ; въ то время, какъ въ одной странѣ извѣстный видъ уже исчезалъ или значительно уменьшался въ количествѣ, въ другой онъ находился еще въ полномъ расцвѣтѣ своего существованія, а въ нѣкоторыхъ продолжалъ даже быть видомъ наиболѣе характернымъ.

Поэтому раздѣленіе Лартэ было скоро оставлено. Нельзя также признать вполнѣ удовлетворительнымъ и раздѣленіе бельгійскаго ученаго Дюпона (Dupont), который нѣсколько усовершенствовалъ предыдущую классификацію, соединивши 4 періода Лартэ въ двѣ большія эпохи: древнѣйшую эпоху мамонта и позднѣйшую — эпоху сѣвернаго оленя [20]).

Въ Германіи, правда, принято было это общее раздѣленіе на «Mammuthzeit» и «Rennthierzeit» и, дѣйствительно, для западной Европы оно имѣетъ нѣкоторыя основанія, но какъ и всякая классификація, построенная на преобладаніи только одного или двухъ видовъ—не можетъ быть признана вполнѣ научной. Научная классификація эпохъ по фаунѣ должна основываться не на одномъ или двухъ видахъ, но на всей совокупности формъ; только на основаніи измѣненій въ общемъ характерѣ фауны возможно установить болѣе точныя подраздѣленія, причемъ предполагается, что перемѣны климатическихъ и почвенныхъ условій Европы должны были вести за собою и соотвѣтственныя измѣненія въ характерѣ ея флоры и фауны. Перемѣны эти несомнѣнно были, а поэтому и раздѣленіе четвертичной эпохи, установленное проф. Вольдржихомъ на основаніи этого принципа и особенно изслѣдованій проф. Неринга (Nehring) [21]), представляется, по нашему мнѣнію, по крайней мѣрѣ для средней Европы, до сихъ поръ наиболѣе удовлетворительнымъ [22]).

Проф. Вольдржихъ дѣлитъ постпліоценъ на:

1) эпоху арктической или ледниковой фауны;
2) эпоху степной или подъ-арктической фауны;
3) эпоху пастбищной фауны;
5) эпоху лѣсной фауны *).

Уже изъ названій этихъ эпохъ видно, что здѣсь дѣло идетъ о различномъ видѣ поверхности и растительности средней Европы и о томъ, что раз-

*) Разумѣется, мы не можемъ утверждать, чтобы всѣ эти послѣдовательныя измѣненія происходили въ дѣйствительности вездѣ и съ такой послѣдовательностью. Въ раскопкахъ всѣ эти четыре типа фаунъ рѣдко встрѣчаются въ совершенно чистомъ видѣ; по большей части попадаются смѣшанные остатки животныхъ, принадлежавшихъ къ двумъ сосѣднимъ эпохамъ. Въ Судславичахъ, въ Чехіи, проф. Вольдржихъ нашелъ, напр., въ одной горной трещинѣ (такъ же, какъ г. Машка, въ Чортовой дырѣ въ Моравіи) фауну 1-й и 3-й эпохи; затѣмъ первый изъ этихъ ученыхъ въ Нусдорфѣ, возлѣ Вѣны,— 2-й и 3-й эпохи и въ Судславичахъ, въ другой трещинѣ, фауну 3-й и 4-й эпохъ въ смѣшанномъ видѣ.

ница въ условіяхъ естественно обусловила и разницу въ фаунѣ. Полярныя животныя отличаются отъ степныхъ, а эти, въ свою очередь, отъ лѣсныхъ. Въ первую эпоху — эпоху ледниковъ и великаго сѣвернаго обледенѣнія большая часть средней Европы представляла изъ себя негостепріимныя равнины, походившія на нынѣшнія тундры или арктическія степи Сибири. Характерными животными были въ эту эпоху разные виды пеструшекъ или леммингов, земляныхъ мышей, песецъ или полярная лисица и др., а о томъ, что эти животныя дѣйствительно жили тогда въ большомъ числѣ, свидѣтельствуютъ громадныя количества остатковъ ихъ, найденныя чешскимъ ученымъ г. Машкой (K. Maška) въ Штрамбергскихъ пещерахъ, въ Моравіи. Послѣ этой ледниковой эпохи, когда равнины покрылись болѣе обильною травяною растительностью и сдѣлались похожими на нынѣшнія южно-русскія степи, измѣнилась и ихъ фауна. Въ это время имѣлось уже гораздо больше средствъ для пропитанія, что должно было вызвать большее богатство и разнообразіе фауны, а затѣмъ эти условія еще болѣе улучшились въ цвѣтущую эпоху пастбищъ (степныхъ пространствъ, перемежавшихся съ лѣсами), которыя, по мнѣнію Вольдржиха, давали пріютъ огромному количеству большихъ травоядныхъ съ мамонтомъ во главѣ. Къ концу дилювія степи отступили понемногу на востокъ, куда за ними послѣдовала и свойственная имъ фауна, именно въ Россію, а оттуда, по южно-русскимъ и приуральскимъ степямъ, и въ Сибирь. Послѣдняя эпоха — лѣсной фауны съ многочисленными видами оленей, дикимъ кабаномъ, бобромъ и т. д., продолжалась въ Европѣ до неолитическихъ временъ и даже до исторической эпохи.

Но естественно, что для археологовъ классификація эта, построенная на основаніяхъ чисто естественно-историческихъ, оказалась недостаточной. Предметъ ихъ изслѣдованія—человѣческая культура, остатки первобытной индустріи, а потому скоро почувствовалась необходимость какъ-нибудь разобраться во множествѣ этихъ остатковъ, подраздѣлить ихъ на группы, ввести извѣстную классификацію.

Эти первыя попытки классификаціи человѣческихъ издѣлій четвертичной эпохи представляли, несомнѣнно, извѣстный шагъ впередъ. Онѣ вели къ болѣе внимательному сличенію формъ издѣлій, къ нахожденію въ нихъ сходныхъ и отличительныхъ признаковъ, къ распредѣленію на основаніи ихъ всего имѣющагося матеріала. Но, разумѣется, здѣсь дѣло не могло идти о распредѣленіи по цѣлямъ, для которыхъ могли служить тѣ или иныя каменныя орудія, а только—по общей ихъ формѣ и, отчасти—степени отдѣлки.

Человѣкъ четвертичной эпохи употреблялъ въ качествѣ матеріала для своихъ издѣлій прежде всего камень (главнымъ образомъ кремень), затѣмъ дерево, кость и рогъ. Употребленіе камня для приготовленія орудій и оружія продолжалось, впрочемъ, еще долго и послѣ четвертичной эпохи. Нѣко-

торые первобытные народы живутъ еще и до сихъ поръ въ томъ состояніи, изъ котораго западная Европа вышла уже около 3000 лѣтъ тому назадъ. Весь этотъ періодъ жизни европейскаго человѣчества, въ теченіи котораго камень служилъ главнымъ матеріаломъ для орудій и инструментовъ, названъ былъ поэтому каменнымъ вѣкомъ человѣчества. Каменный вѣкъ, слѣдовательно, обнимаетъ собою, какъ мы видѣли, конецъ третичнаго періода (въ теченіе котораго существованіе человѣка представляется еще впрочемъ сомнительнымъ), четвертичный періодъ и часть новѣйшей эпохи.

Первая попытка классификаціи каменныхъ орудій древнѣйшихъ временъ была предложена сэромъ Дж. Лёббокомъ. Онъ замѣтилъ, что каменныя орудія, находимыя въ отложеніяхъ четвертичной эпохи, сдѣланы вообще гораздо грубѣе, чѣмъ большая часть орудій эпохи позднѣйшей. Главнѣйшимъ же образомъ постпліоценовымъ орудіямъ недостаетъ двухъ особенностей, отличающихъ позднѣйшія каменныя издѣлія; а именно: полировки и сверленія. Поэтому Леббокъ и раздѣлилъ весь каменный вѣкъ на эпоху орудій грубо-обработанныхъ, неполированныхъ и непросверленныхъ, такъ называемую эпоху палеолитическую (палеолитъ—древне-каменную) и на эпоху орудій тщательнѣе отдѣланныхъ, часто полированныхъ и просверленныхъ—эпоху неолитическую (неолитъ—ново-каменную) *).

Это раздѣленіе Леббока остается до сихъ поръ, и вѣроятно долго еще останется, вполнѣ подходящимъ. Полированные, или просверленные насквозь для укрѣпленія на рукояткѣ, топоры до сихъ поръ не были найдены ни въ одномъ дилювіальномъ мѣстонахожденіи, и если это и случалось иногда на первый взглядъ, то обыкновенно потомъ оказывалось, что находка относилась къ концу постпліоцена и представляла уже переходъ къ неолитической эпохѣ.

Но и это раздѣленіе все таки было еще недостаточнымъ. Оно проводило рѣзкую границу между четвертичной эпохой и позднѣйшимъ періодомъ каменнаго вѣка, но не касалось подробнѣе самаго постпліоцена. Лартэ уже въ 1861 г. пытался раздѣлить четвертичныя находки на основаніи нѣсколькихъ типическихъ формъ ихъ, но болѣе широкое распространеніе получила только классификація Габріеля де Мортилье, построенная на основаніяхъ отчасти Леббока, отчасти Лартэ. Она даетъ извѣстное представленіе объ общемъ развитіи культуры четвертичнаго человѣка, а потому мы должны изложить ее подробнѣе, хотя для насъ она и не имѣетъ того значенія, какъ для Франціи и вообще странъ западной Европы. Кромѣ того, не ознакомив-

*) Эти названія составлены изъ греческихъ словъ παλαιός (старый), νέος (новый) и λίθος (камень). Французы часто употребляютъ названіе «эпоха оббитаго камня» (époque de la pierre taillée) и «эпоха полированнаго камня» (époque de la pierre polie).

шись съ нею, для насъ остались бы непонятными многія обозначенія, обыкновенно употребляемыя въ археологическихъ сочиненіяхъ. Габріэль де Мортилье излежилъ свое раздѣленіе постпліоцена на четыре эпохи въ первый разъ на съѣздѣ въ Брюсселѣ въ 1872 году и затѣмъ обосновалъ его подробнѣе въ 1883 г. въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Le Préhistorique» [23]). Въ послѣднее время онъ сдѣлалъ нѣсколько небольшихъ измѣненій въ своей схемѣ, раздѣливши первую эпоху на двѣ и т. п. Вотъ послѣдняя изъ опубликованныхъ имъ схемъ классификаціи эпохъ каменнаго вѣка [23]).

Каменный вѣкъ.	Третичные періоды.	Эолитическая эпоха.	Тенэйская эпоха.	Thenay (Beauce).
			Пюикурнійская эп.	Puy-Courny (Cantal)
	Четвертичные періоды.	Палеолитическая эпоха.	Шельская эп.	Chelles (Seine et Marne).
			Ашёльская эп.	St. Acheul (Somme).
			Мустьерская.	„Le Moustier“ (пещера) (Dordogne).
			Солютрейская.	Solutré (Mâconnais).
			Мадлэнская.	„La Madeleine“ (пещера) (Dordogne).
			Турассьенская. (переходная).	„La Tourasse“ (Haute Garonne).
	Нынѣшніе періоды.	Неолитическая эпоха.	Кампиньенская.	Campigny (Seine Inferieure).
			Робенгаузенская.	Robenhausen (Швейцарія, Цюрихскій кант.).

Первую, Шельскую, эпоху Мортилье помѣщаетъ передъ ледниковымъ періодомъ. Климатъ въ теченіе ея былъ умѣренный и влажный. Въ фаунѣ преобладали разные виды оленей, а также древнія формы носороговъ (Rhinoceros Merkii) и слоновъ (Elephas antiquus). Человѣческія издѣлія, главнымъ образомъ каменныя орудія, были еще очень грубо обдѣланы, но носятъ уже на себѣ несомнѣнные признаки работы рукъ человѣческихъ. Наиболѣе характеризующій эту группу предметъ — клинообразное орудіе, имѣющее болѣе или менѣе миндалевидную форму (рис. 13) и оббитое съ обѣихъ сто-

ронъ. Подобныя формы обозначаютъ до сихъ поръ вездѣ наиболѣе глубокія, древнія отложенія. Кромѣ нихъ встрѣчаются и другія, но всегда очень грубо обработанныя орудія. Первоначально Мортилье назвалъ первую эпоху въ своей системѣ «Ашёльскою» по имени знаменитаго мѣстонахожденія подобныхъ орудій въ наносахъ р. Соммы, недалеко отъ мѣстечка St.-Acheul, но потомъ онъ замѣнилъ это названіе другимъ, давши соотвѣтственной эпохѣ названіе «Шельской» (отъ гор. Chelles на р. Марнѣ) и наконецъ раздѣлилъ эту первую эпоху на двѣ: старшую—Шельскую и младшую—Ашёльскую.

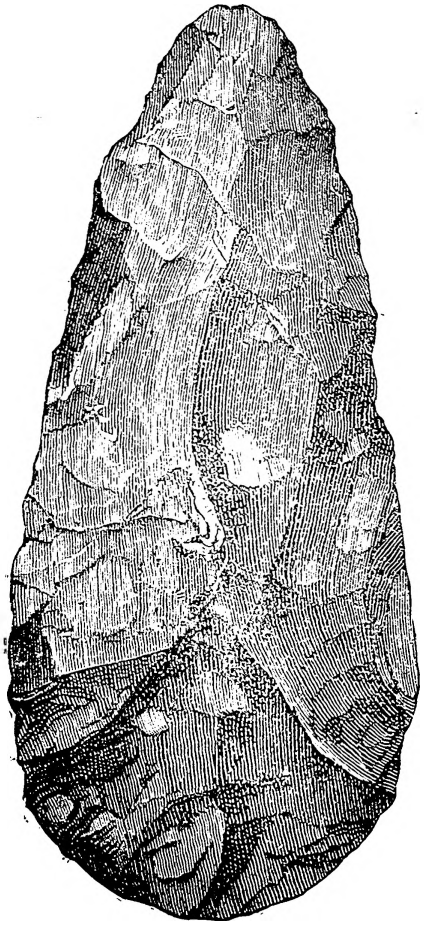


Рис. 13. Миндалевидное орудіе Шелльскаго типа.

Ашельская эпоха отличается отъ предыдущей только болѣе усовершенствованнымъ типомъ тѣхъ-же орудій. Орудія копьевидной формы (рис. 14), наиболѣе характерныя для эпохи Сенъ-Ашель, указываютъ еще на одинъ шагъ въ обработкѣ камня. Мѣстонахожденіе въ St. Acheul'ѣ впрочемъ не отличается уже такой чистотой какъ предыдущее [24]) и заключаетъ въ себѣ нѣкоторые позднѣйшіе типы, такъ что образуетъ скорѣе нѣкоторый переходъ отъ культуры первой группы къ слѣдующимъ. На основаніи этого Ф. Сальмонъ предлагалъ на съѣздѣ въ Марсели въ 1891 г. совершенное исключеніе этой переходной группы. Относящіяся сюда орудія бываютъ очень различной величины и вѣса. Одно изъ нихъ напр. (въ коллекціи г. Caixe de St. Aymour) вѣситъ больше двухъ килограммовъ.

Мустьерская эпоха совпадаетъ по Мортилье съ ледниковымъ періодомъ. Въ Европѣ господствовалъ климатъ холодный и влажный, человѣкъ принужденъ былъ искать убѣжища подъ защитой пещеръ и впервые началъ одѣваться въ звѣриныя шкуры. Основаніемъ такому предположенію можетъ служить, по мнѣнію Мортилье, отчасти—характеръ фауны, съ пещернымъ медвѣдемъ, густошерстымъ носорогомъ (Rhinoc. tichorhinus) и мамонтомъ, отчасти—то обстоятельство, что большая часть находокъ, сюда относящихся, принадлежитъ къ пещернымъ. Сама эпоха получила названіе отъ типическаго мѣстонахожденія въ пещерѣ возлѣ дер. Мустье, на берегу р. Везеры въ департаментѣ Дордони. Каменныя издѣлія, найденныя въ этой пещерѣ (и въ

нѣкоторыхъ другихъ, соотвѣтствующихъ ей по находкамъ), отличаются прежде всего большей легкостью формъ, похожихъ впрочемъ на формы предшествующихъ эпохъ, а главное — орудіями, которыя должны были быть весьма пригодными для обработки звѣриныхъ кожъ, именно для очистки отъ нихъ мездры. Поэтому орудія такого рода и получили названіе скребла (франц. racloir, нѣмец. Schaber). Другой типъ орудій, характерный для этой эпохи, представляетъ собою остріе миндалевидной или нѣсколько болѣе заостренной формы, отличающееся однако отъ Шелльскаго типа тѣмъ, что оно обдѣлано только съ одной стороны, тогда какъ другая остается гладкой, какъ она была получена при отбитіи осколка однимъ ударомъ отъ первоначальнаго кремневаго ядрища. Кремень принадлежитъ къ породамъ, обладающимъ такъ называемымъ раковистымъ изломомъ, причемъ то мѣсто отбиваемаго осколка, которое приходится подъ точкой удара, обозначается (на гладкой поверхности осколка) въ видѣ округленнаго широкаго возвышенія, такъ называемаго ударнаго бугорка (bulbe ou cône de percussion, Schlagmarke) (рис. 15).

Рис. 14. Остріе Ашёльскаго типа.

Солютрейская эпоха, названная по имени доисторической стоянки въ Солютрэ (Solutré, возлѣ Макона) относится уже къ послѣледниковому періоду. Климатъ въ это время сдѣлался уже, сравнительно съ предыдущею эпохою, болѣе умѣреннымъ и менѣе влажнымъ. На французскихъ равнинахъ появились огромныя стада лошадей и сѣверныхъ оленей; носорогъ исчезъ, но мамонтъ еще оставался. Человѣческія издѣлія носятъ на себѣ дальнѣйшіе признаки прогресса. Орудія—меньше величиною, тоньше и тщательнѣе отдѣланы. Наиболѣе характерны небольшіе наконечники копій и стрѣлъ въ формѣ лавроваго листа, затѣмъ разныя новыя формы скребковъ (Мортилье, для отличія отъ скребла Мустьерской эпохи (racloir), далъ этой новой формѣ названіе «grattoir») *) и особенно оригинальные, снабженные

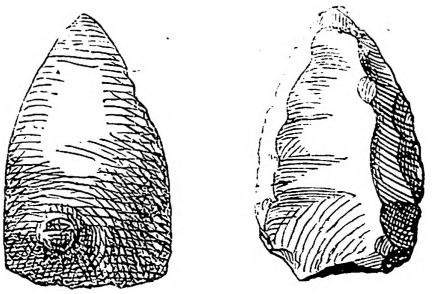


Рис. 15. Остріе Мустьерскаго типа.

*) Для обозначенія этого оттѣнка по-русски, мы принимаемъ для первой формы названіе скребла, а для второй скребка, употребляющіяся у насъ обыкновенно безразлично. *Прим. переводч.*

съ одной стороны вырѣзкой, кремневые наконечники стрѣлъ (pointes à cran) (рис. 16).

Мадлэнская эпоха заключаетъ собою постплiоценъ. Человѣкъ этого перiода обиталъ главнымъ образомъ въ пещерахъ и жилъ больше всего охотой на сѣверныхъ оленей (если даже не ихъ разведенiемъ уже). Сѣверный олень является въ эту эпоху животнымъ наиболѣе характернымъ, отчего она и называется часто эпохой сѣвернаго оленя (Epoque du renne, Rennthierzeit). Наиболѣе находокъ этой эпохи извѣстно изъ средней и южной Францiи, въ отложенiяхъ пещеръ, находящихся по берегамъ рѣкъ Везеры, Дордони и др. Названiе эпохи происходитъ отъ пещеры «La Madeleine» на лѣвомъ берегу Везеры.

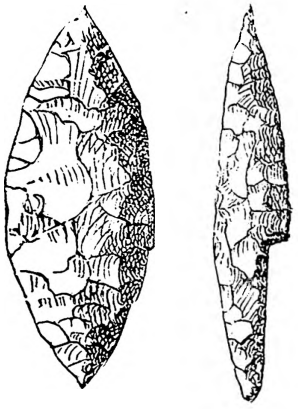


Рис. 16. Кремневые наконечники стрѣлъ типа Солютрэ.

Мадлэнская эпоха отличается отъ предшествующихъ тѣмъ, что въ теченiе ея древняя каменная индустрiя внезапно уступаетъ мѣсто новой. Большая часть орудiй сдѣлана уже изъ звѣриныхъ костей и изъ роговъ сѣвернаго оленя. Кремневыя орудiя по большей части ограничиваются небольшими наконечниками копiй и стрѣлъ, ножами и т. п. За то изъ кости и рога выдѣлывались въ большомъ количествѣ иглы, стрѣлы, кинжалы, гарпуны, затѣмъ особенныя орудiя съ сквозными дырами и рѣзьбой, можетъ быть, какъ думаютъ—нѣчто въ родѣ начальническихъ жезловъ (bâtons de commandement, Commandostäbe). Въ первый разъ здѣсь появляются и украшенiя: просверленные звѣриные зубы и раковины, подвѣски изъ камней и пр. Они, очевидно, нанизывались на шнурки или ремешки и носились на разныхъ частяхъ тѣла (см. рис. 17 и 18).

Такова картина распредѣленiя четвертичныхъ эпохъ Мортилье. Произнести сужденiе о степени точности и пригодности этой классификацiи—довольно трудно. Отмѣтимъ только въ короткихъ словахъ, какъ о ней судятъ другiе. Уже на съѣздѣ въ Брюсселѣ, гдѣ Мортилье въ первый разъ предложилъ свою классификацiю, она была встрѣчена возраженiями со стороны главнымъ образомъ Фрааса. Начиная съ этого времени, она постоянно должна была выдерживать нападки со стороны разныхъ ученыхъ. Въ особенности упрекали ее въ томъ, что она слишкомъ преждевременна и не подтверждается многими находками. Указывали при этомъ на цѣлый рядъ находокъ, которыя или вообще не подходили подъ типы эпохъ Мортилье, или доказывали иную ихъ послѣдовательность (ср. также примѣч. 24 и 26). Говорили, что эта классификацiя непримѣнима даже къ Францiи, не то что къ остальной Европѣ.

Въ этихъ упрекахъ было не мало справедливаго, но тѣмъ не менѣе классификація Мортилье удержалась и выдержала даже новое испытаніе на съѣздѣ въ Марсели въ 1891 г. Какъ оказалось, ее принимаютъ даже противники Мортилье: подраздѣленія Картальяка (Cartailhac), Амй (Hamy),

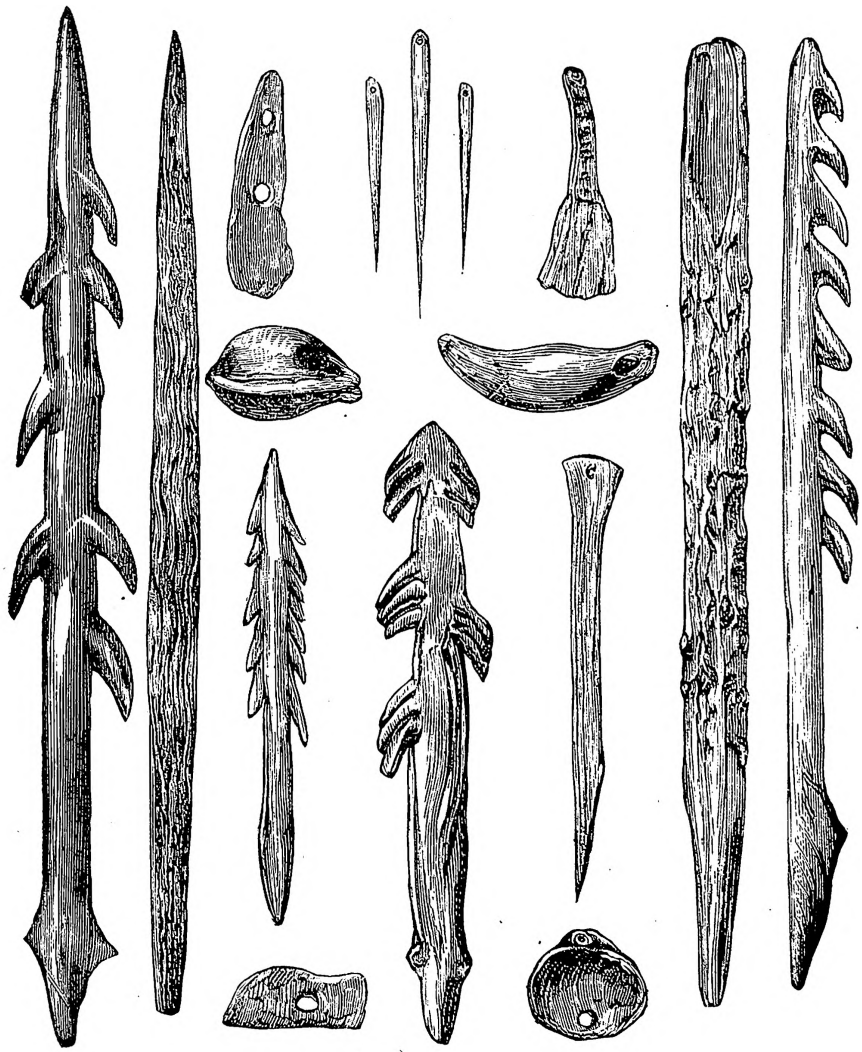


Рис. 17. Издѣлья изъ оленьяго рога и кости (гарпуны, шила, иголки), украшенія изъ продыравленныхъ зубовъ и раковинъ—мадлэнскаго типа.

Буля (Boule), Пьетта (Piette), д'О-дю-Мениля (d'Ault-du-Mesnil), Сальмона (Ph. Salmon) и др. [25]), въ основаніяхъ своихъ ничѣмъ не отличаются отъ дѣленія Мортилье. Причина этого заключается въ томъ, что еслибы классификація Мортилье и не была вѣрна хронологически (для Франціи, такъ

какъ для остальныхъ странъ западной Европы она не подходитъ [26]), то она все таки очень удобна типологически. Если и не вполнѣ справедливо то, что человѣческая индустрія шла во Франціи (и въ остальной Европѣ) хронологически именно этими пятью ступенями, установленными Г. де-Мортилье, то все таки, несомнѣнно, что въ примѣненіи къ общему характеру типовъ издѣлій, классификація эта оказывается весьма полезною. Въ Чехіи она была

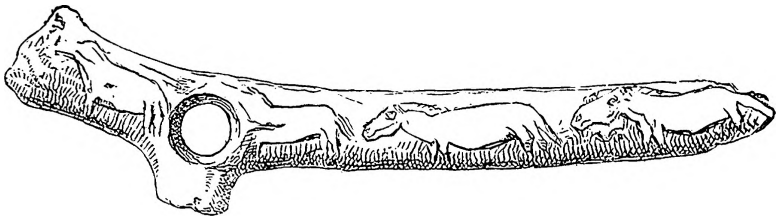


Рис. 18. „Начальническій жезлъ" съ рѣзными на немъ изображеніями (лошадей) изъ оленьяго рога. Изъ пещеры Laugerie-Basse (Dordogne).

принята впервые для классификаціи четвертичныхъ находокъ проф. Вольдржихомъ. Но мы не можемъ во всякомъ случаѣ имѣть здѣсь въ виду точную хронологическую послѣдовательность. Находки мадлэнскаго характера въ Чехіи, напр., хронологически не соотвѣтствуютъ (ни абсолютно, ни относительно) этой эпохѣ Мортилье. Перенося это названіе на находки въ другихъ странахъ, мы только обозначаемъ, не вдаваясь въ подробности, что находки эти своимъ характеромъ, типомъ издѣлій—соотвѣтствуютъ характеру Мадлэнской эпохи Мортилье.

Обзоръ европейскихъ находокъ четвертичной эпохи можетъ быть сдѣланъ нами только въ очень сжатомъ видѣ, безъ подробнаго описанія отдѣльныхъ случаевъ. Взамѣнъ послѣдняго мы предпочитаемъ соединить въ концѣ главы всѣ результаты сдѣланныхъ изслѣдованій въ одной общей картинѣ культуры четвертичнаго человѣка въ Европѣ. Поэтому мы не станемъ приводить и описанія геологическихъ разрѣзовъ разныхъ отдѣльныхъ отложеній, условій залеганія въ нихъ культурнаго слоя *), перечней животныхъ видовъ, остатки коихъ были найдены со слѣдами человѣческой индустріи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и т. д. Мы остановимся нѣсколько подробнѣе только на наиболѣе важныхъ находкахъ.

Франція. Наибольшее количество находокъ, относящихся къ четвертичному человѣку, было сдѣлано на территоріи Франціи. Это очень есте-

*) Культурнымъ слоемъ (couche archéologique—французовъ, Kulturschicht—нѣмцевъ) называется въ археологіи слой, заключающій въ себѣ остатки человѣческой культуры.

ственно, если мы припомнимъ, что человѣкъ могъ легко жить во Франціи даже въ теченіи самаго суроваго ледниковаго періода. Кромѣ того, во Франціи болѣе чѣмъ въ прочихъ европейскихъ странахъ имѣется дѣятелей въ области доисторической археологіи.

Не возвращаясь здѣсь къ тѣмъ находкамъ неопредѣленной древности, о которыхъ мы уже упоминали въ главѣ о третичномъ человѣкѣ, мы должны прежде всего обратить вниманіе на выдающіяся находки въ такъ называемыхъ открытыхъ отложеніяхъ, въ древнихъ рѣчныхъ наносахъ, главнымъ образомъ въ Chelles, въ долинѣ Марны и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ долины рѣки Соммы въ сѣверной Франціи. Стоянка въ Chelles, по имени которой Мортилье назвалъ свою первую четвертичную эпоху, была изслѣдована главнымъ образомъ Де-Шукэ (de Chouquet) и Д'Аси (d'Acy). Ихъ выводы во многомъ расходятся съ мнѣніями Мортилье, особенно въ томъ, что касается хронологическаго опредѣленія. Мортилье относитъ начало Шельскаго культурнаго слоя къ до-ледниковому періоду, они же къ гораздо болѣе позднему времени (*ср. примѣч. 24*). Изъ мѣстонахожденій въ наносахъ р. Соммы, отложившихся по берегамъ прежняго ея русла, заслуживаютъ упоминанія мѣстности, прославленныя открытіями Буше-де-Перта (Boucher de Perthes) и его сотрудниковъ, какъ было упомянуто уже въ нашемъ введеніи, наносы возлѣ м. Сентъ-Ашель недалеко отъ г. Аміена и въ Аббвиллѣ (въ Manchecourte) [27]). Кромѣ этихъ главныхъ французскихъ мѣстонахожденій извѣстенъ еще цѣлый рядъ ихъ во Франціи: въ постпліоценовыхъ пескахъ возлѣ Парижа, въ долинахъ рѣкъ Марны (въ Châlons sur Marne), Сены (Grenelle, Clichy), Уазы, Эны, Йонны, Луары, Дордони, Соны и т. п. Изъ нихъ наиболѣе важны оба упомянутыя мѣстонахожденія въ наносахъ Сены, въ Гренелли и въ Клиши, и въ долинѣ Соны въ Truchère. Во всѣхъ ихъ были найдены человѣческіе черепа рядомъ съ остатками четвертичныхъ животныхъ. Мортилье однако отвергаетъ ихъ современность между собою. Въ департаментѣ Віенны открыто множество мастерскихъ кремневыхъ орудій, изслѣдованныхъ главнымъ образомъ Meillet и Brouillet [28]).

Большаго вниманія заслуживаютъ однако пещерныя находки, относимыя Мортилье вообще къ позднѣйшему ледниковому и послѣ-ледниковому періодамъ. Нѣкоторый переходъ отъ жилищъ подъ открытымъ небомъ къ поселеніямъ въ пещерахъ представляетъ мѣстонахожденіе первобытнаго человѣка въ Солютрэ возлѣ Макона (деп. Соны и Луары). Здѣсь жилъ человѣкъ подъ нависшей скалой и питался главнымъ образомъ охотой на дикихъ лошадей. Въ древнихъ пластахъ констатировано здѣсь присутствіе около 40.000 (а по другимъ — до 100.000) конскихъ скелетовъ. Въ томъ же мѣстѣ было найдено также и большое количество человѣческихъ костяковъ, лежавшихъ въ гробницахъ изъ отесаннаго камня. Существуютъ однако боль-

шія сомнѣнія насчетъ принадлежности ихъ къ четвертичной эпохѣ; повидимому, онѣ относятся уже къ позднѣйшему времени, а нѣкоторыя, можетъ быть, даже къ временамъ историческимъ [29]). Краемъ, наиболѣе богатымъ пещерами съ четвертичными остатками, долженъ считаться департаментъ Дордони и особенно долина ея притока, рѣки Везеры [30]). Въ скалахъ, находящихся по обоимъ берегамъ этой рѣки, былъ найденъ длинный рядъ пещеръ, многія изъ коихъ получили всемірную извѣстность. По имени двухъ изъ нихъ Мортилье назвалъ свои третью и четвертую четвертичныя эпохи, именно: Moustier (съ остатками наиболѣе древней, сравнительно съ прочими, человѣческой культуры) и Madeleine. Кромѣ этихъ двухъ пещеръ очень извѣстны также пещеры «Les Eyzies», «la Gorge d'Enfer», «Laugérie Haute», «Laugerie Basse» (находка человѣческихъ костей) и недавно открытая пещера въ Teyjat. Очень замѣчательна также извѣстная Кро-Маньонская пещера (Cro-Magnon), собственно убѣжище подъ нависшей скалой, открытая въ 1868 г. въ Тауас (въ Дордонскомъ департ.). Въ ней были найдены остатки пяти человѣческихъ скелетовъ и, между прочимъ, три прекрасно сохранившихся черепа, давшихъ поводъ французскимъ антропологамъ назвать одну изъ четвертичныхъ человѣческихъ расъ Европы Кро-Маньонскою. Нѣкоторые ученые, впрочемъ, какъ Бойдъ Даукинсъ (Boyd Dawkins) и Мортилье, высказались противъ палеолитической древности этихъ скелетовъ и полагали, что это—погребеніе болѣе поздней неолитической эпохи, только въ древней почвѣ, заключающей въ себѣ остатки четвертичной фауны и палеолитической человѣческой культуры.

Подобное же мнѣніе было высказано нѣсколькими изслѣдователями, напр. Ляйэлемъ, Картальякомъ, Даукинсомъ и др. относительно человѣческихъ костей, найденныхъ въ знаменитой Ориньякской пещерѣ (Aurignac, въ департ. Haute Garonne). Въ этой пещерѣ, входъ въ которую былъ заваленъ огромнымъ плоскимъ камнемъ, были найдены случайно остатки 17 человѣческихъ скелетовъ. Кости эти однако потомъ исчезли (были похоронены мѣстнымъ кюрэ), и уже Лартэ, явившійся для изслѣдованія этой пещеры вскорѣ послѣ ея открытія, не могъ ихъ доискаться. Въ послѣднее время Пьеттъ произвелъ обстоятельныя раскопки въ пещерахъ Mas d'Azil (Ariège) и Brassempouy-en-Chalosse (Landes), относящихся къ солютрейской и мадлэнской эпохамъ *). Въ Ментонѣ, недалеко отъ Ниццы, находится рядъ

*) Тамъ было найдено между прочимъ нѣсколько любопытныхъ образчиковъ доисторическаго искусства, которые дали поводъ Пьетту предложить новое дѣленіе палеолитической эпохи. Въ теченіе солютрейской и мадлэнской эпохъ дилювіальный человѣкъ въ Европѣ началъ выдѣлывать рельефныя или скульптурныя изображенія. Поэтому г. Пьеттъ даетъ этимъ эпохамъ общее названіе periode glyptique, раздѣляя его на двѣ эпохи: 1) ер. éburnienne, болѣе древнюю,

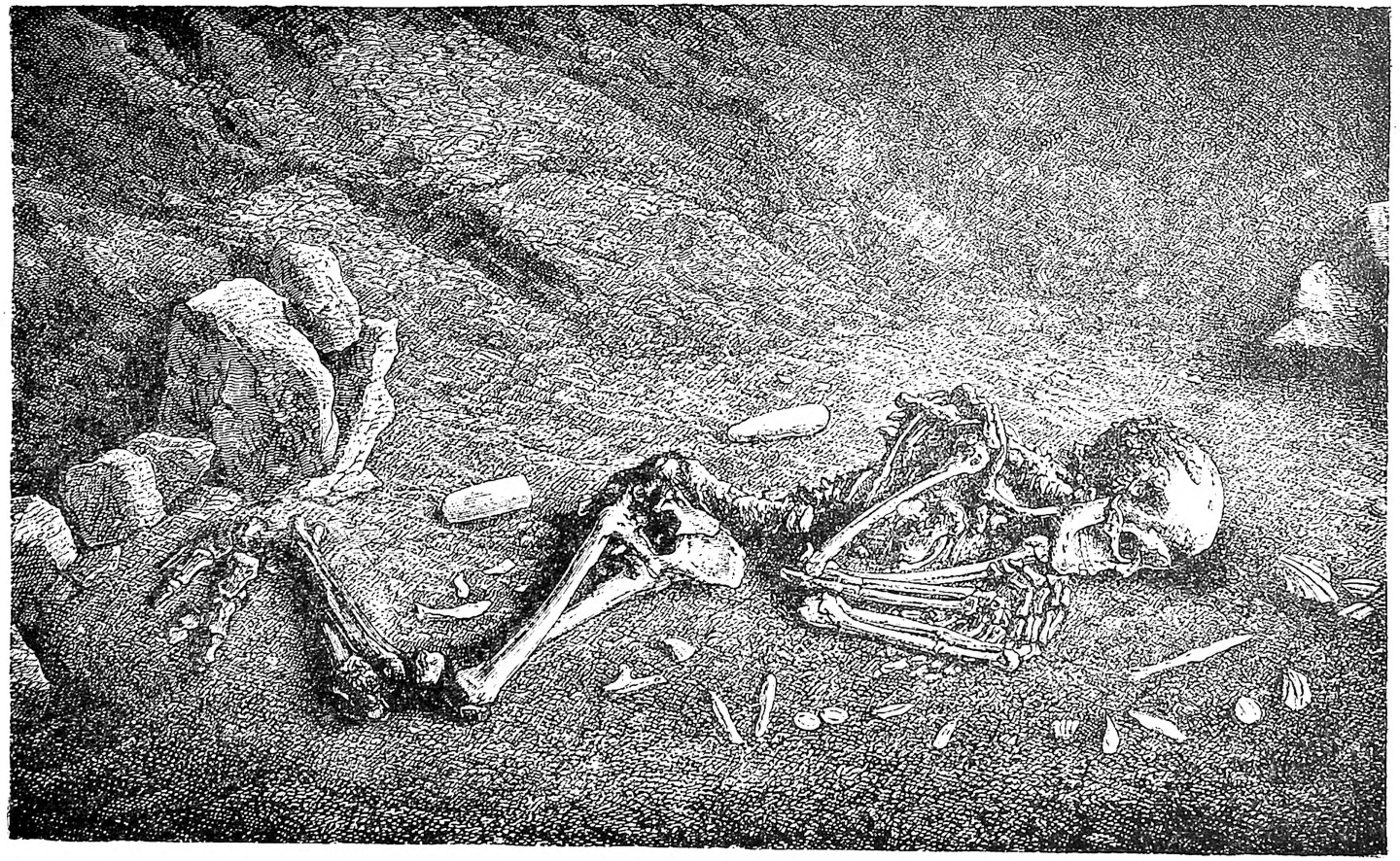


Табл. I. Остатки погребенія въ Ментонской пещерѣ.

пещеръ, называемыхъ Baoussés-Roussés, большая часть которыхъ была изслѣдована д-ромъ Ривьеромъ (E. Rivière). Во многихъ изъ нихъ найдены были скелеты людей, очевидно погребенныхъ тамъ, съ украшеніями изъ звѣриныхъ зубовъ, раковинъ и т. п. (ср. табл. 1). Многіе полагаютъ, однако, что эти погребенія относятся уже къ неолитическому періоду (Мортилье, Пигорини), тогда какъ другіе считаютъ ихъ палеолитическими, а Эвансъ (Evans) относитъ ихъ къ переходному времени между эпохами палеолитической и неолитической. Нижніе слои этихъ пещеръ дѣйствительно заключаютъ въ себѣ орудія и остатки животныхъ четвертичныхъ типовъ, за исключеніемъ только сѣвернаго оленя. Всего вѣроятнѣе, что человѣкъ жилъ здѣсь и въ древне-каменную и въ ново-каменную эпохи. Интересно замѣтить еще, что кости здѣсь оказываются часто покрытыми довольно толстымъ слоемъ красновато-бурой желѣзистой краски [32]).

Изъ другихъ французскихъ пещеръ важны еще пещеры въ Pondres возлѣ Нима, въ Arcy sur Yonne, недалеко отъ Фонтэнбло (человѣческая челюсть), въ Montgaudier, въ Gourdan (Верхняя Гаронна), въ Lombrive (Arrège), въ Duruthy, въ Sordes (Ланды), въ Bruniquel (Tarne et Garonne) надъ рѣкой Авейрономъ, въ Bize около Нарбонны, и недавно открытыя пещеры въ Placard (департ. Шаранты), слои которой превосходно соотвѣтствуютъ фазамъ культуры по классификаціи Мортилье, въ Malarnaud, недалеко отъ Mousseron (Arrège), гдѣ найдена была челюсть, похожая на извѣстную Нолеттскую, пещеры въ Mas d'Azil и Raymonden возлѣ Chancelades, въ деп. Дордони (съ человѣческимъ скелетомъ въ скорченномъ положеніи [33]), и др. Рядъ пещеръ въ Арьежскомъ департ., у подошвы Пиренеевъ, выдѣляется отъ прочихъ отсутствіемъ остатковъ сѣвернаго оленя.

Бельгія [34]). Къ французскимъ находкамъ, какъ географически, такъ и по своему характеру, наиболѣе близки находки въ Бельгіи. Обнаженія въ окрестностяхъ Монса и мѣстонахожденія въ Ixelles геологъ Мурлонъ (Mourlon) причислилъ въ 1889 году къ до-ледниковому періоду. Большая часть мастерскихъ кремневыхъ орудій, найденныхъ въ этихъ мѣстностяхъ, относится однако уже къ позднѣйшему неолитическому періоду. Въ Мастрихтѣ найдена была человѣческая челюсть, но древность ея не доказана [35]). Гораздо замѣчательнѣе бельгійскія пещеры въ долинахъ рѣкъ Мааса и Лессы. Пещеры на берегахъ Мааса были изслѣдованы и классически описаны еще въ тридцатыхъ годахъ Шмерлингомъ (Schmerling), а затѣмъ позже Дюпономъ (Dupont) и Френономъ (Fraipont). Въ Энгисской и Энгигульской пещерахъ, въ Льежѣ (Люттихѣ) найдены были сохранившіеся человѣческіе кости и черепа,

заключающую въ себѣ издѣлія изъ слоновой кости, и слѣдующую за ней 2) ép. tarandienne съ издѣліями изъ рога сѣвернаго оленя [31]).

но въ Энгисѣ вмѣстѣ съ ними оказались и обломки грубой примитивной глиняной посуды. Кромѣ разныхъ другихъ соображеній, это послѣднее обстоятельство дало поводъ Мортилье, который вообще отрицаетъ существованіе гончарнаго искусства у четвертичнаго человѣка, считать эти остатки костей—неолитическими.

Еще болѣе важны находки, сдѣланныя Дюпономъ въ долинѣ р. Лессы. Тамъ возлѣ Фурфоза (Furfooz) существуетъ цѣлый рядъ пещеръ, носящихъ разныя народныя названія: Trou Magrite, Trou de Balleux, Trou de Noutons и т. п. Между ними особенно замѣчательна Нолеттская пещера (Trou de la Naulette), въ которой найдена была извѣстная человѣческая челюсть, отличающаяся нѣкоторыми признаками низшаго типа, и пещера, называемая Trou de Frontal, въ которой Дюпонъ нашелъ 16 погребенныхъ скелетовъ. Въ послѣдніе годы надѣлали много шума находки въ пещерѣ Spy (въ пров. Намюръ). Де-Пюидтъ и Лоэстъ (De Puydt et Lohest) нашли тамъ подъ слоемъ, заключающимъ въ себѣ остатки четвертичной фауны, орудія типа мустье и два человѣческихъ скелета, анатомическіе признаки которыхъ подали поводъ къ многочисленнымъ толкованіямъ и интереснымъ ученымъ спорамъ [36]). Изъ другихъ бельгійскихъ пещеръ надо еще упомянуть о пещерѣ въ Gorget, въ Gendron въ долинѣ Лессы (съ 14 человѣч. скелетами и черепками глиняной посуды, найденными подъ слоемъ сталагмитовъ), о пещерахъ въ Chevaux между Намюромъ и Льежемъ, въ Sclaigneux возлѣ Намюра (съ 62 скелетами) и о недавно открытой пещерѣ въ долинѣ Mehaigne, заключавшей въ себѣ множество очень искусно сдѣланныхъ орудій. Часть этихъ бельгійскихъ мѣстонахожденій относится, впрочемъ, къ болѣе позднимъ эпохамъ.

Англія [37]). Наиболѣе ранняя извѣстная находка палеолитическихъ орудій была сдѣлана въ Англіи еще въ 1797 г. Дж. Фреромъ (John Frère) въ Hoxne, въ Суффолькѣ. Естественно, впрочемъ, что это открытіе осталось незамѣченнымъ, и только гораздо позже, когда существованіе четвертичнаго человѣка было уже признано, мѣстность эта опять была изслѣдована Прествичемъ (Prestwich) въ 1859 г. Дальнѣйшія находки ограничились, большею частію, южными графствами Англіи. Какъ мы уже упоминали, сѣверная ея часть, Шотландія и Ирландія, въ теченіе долгаго періода времени были покрыты ледниками, на которыхъ не могъ находить себѣ убѣжище человѣкъ. Изъ открытыхъ мѣстонахожденій въ рѣчныхъ наносахъ, слѣдуетъ упомянуть о стоянкѣ въ Bedford'ѣ, на рѣкѣ Ouse и въ Ingtham'ѣ (въ Кентскомъ графствѣ), въ моренныхъ наносахъ въ Hampshire, Craffield, Inklingham (въ Суффолькѣ), въ Southhampton'ѣ, въ окрестностяхъ Salisbury и пр. Долина р. Темзы, которая никогда не была покрыта ледникомъ, дала цѣлый рядъ мѣстонахожденій четвертичнаго человѣка, какъ напр., въ Ильфёрдѣ (Ilford), Илингѣ (Ealing), Тильбюри (Tilbury) и т. п. По-

слѣдняя мѣстность замѣчательна находкой человѣческаго скелета, который Р. Оуэнъ (Owen) отнесъ къ началу четвертичной эпохи. Вообще, нѣкоторые англійскіе геологи, какъ напр., Преcтвичъ, Гиксъ и др., считаютъ часть находокъ палеолитической эпохи, сдѣланныхъ въ Англіи, принадлежащими къ до-ледниковому періоду.

Изъ англійскихъ пещеръ наиболѣе замѣчательны: Кентская, недалеко отъ гор. Torquay, въ Девонширѣ, которая была уже въ тридцатыхъ годахъ очень подробно изслѣдована Макъ-Энери (Mac-Enery), а послѣ него Годвиномъ Аустеномъ, и Бриксгамская пещера (въ той же мѣстности, осмотрѣнная въ 1858 г. комиссіей, въ которой принимали участіе Prestwich, Busk, Falconer и Pengelly). Въ Кентской пещерѣ, подвергшейся новому изслѣдованію въ послѣднее время, оказалось 7 слоевъ, изъ которыхъ въ пятомъ сверху найдены были зубы большого хищнаго звѣря, махайрода (Machairodes latidens), жившаго главнымъ образомъ въ концѣ третичнаго періода, и подъ ними въ седьмомъ слоѣ—еще довольно искусно сдѣланныя кремневыя орудія. Изъ прочихъ пещеръ упомянемъ еше о пещерѣ гіенъ «Wokey-Hole», въ Уэльсѣ (въ Соммерсетширѣ), Robin-Hole, въ Cresswell (Дербиширъ), объ Артуровой пещерѣ въ Whitchurch и еще о рядѣ пещеръ, открытыхъ и изслѣдованныхъ въ послѣднее время въ горной части Уэльса, главнымъ образомъ Гиксомъ. Изслѣдователь этотъ полагаетъ, что найденные имъ тамъ культурные слои принадлежатъ до-ледниковому періоду. Подобныя же находки были сдѣланы также въ южной части Уэльса, въ графствѣ Glamorgan. Изъ нихъ наиболѣе интересной представляется Козья пещера (Goat's Hole) въ Paviland, изслѣдованная въ 1823 г. Bucklandомъ.

Испанія. На Пиренейскомъ полуостровѣ сдѣлано еще мало въ области доисторической археологіи, и то, что добыто, остается мало доступнымъ для другихъ изслѣдователей. Вслѣдствіе этого мы не имѣемъ достаточнаго количества свѣдѣній и о палеолитической эпохѣ Испаніи и Португаліи. Если мы не будемъ считать вполнѣ доказанной находку третичнаго человѣка въ Otty, достовѣрными свидѣтельствами существованія тамъ четвертичнаго человѣка являются до сихъ поръ только нѣсколько пещеръ въ Furninha въ Португаліи и Altamira въ Сантандерской провинціи, въ Кастиліи. Наиболѣе интересныя мѣстонахожденія находятся возлѣ Санъ-Исидро (San-Isidro) въ окрестностяхъ Мадрида, гдѣ было найдено большое количество орудій шелльскаго типа [38]).

Италія [39]). О палеолитическихъ находкахъ въ Италіи часто не встрѣчается въ справочныхъ археологическихъ сочиненіяхъ даже упоминанія, не смотря на то, что ихъ было сдѣлано тамъ достаточно и притомъ весьма интересныхъ. Миндалевидныя орудія ашёльскаго и шелльскаго типовъ называются въ Италіи Имольскимъ типомъ (tipo d'Imola), въ честь перваго мѣстонахож-

денія этихъ орудій, открытаго въ 1880 г. Скарабелли (Scarabelli), въ Cocciaiella въ провинціи Имолѣ. Другія мѣстонахожденія палеолитическихъ орудій были открыты въ Norci, въ Foggi, на Monte-Gargano, въ St. Egidio, въ St. Angelo di Celle, въ провинціи Перуджіи, во многихъ мѣстахъ въ отложеніяхъ Тибра, Вибраты и пр. Повсюду—это типы имольскіе или мустье. Находки орудій солютрейскаго типа и мадлэнскаго, какъ утверждаетъ большинство итальянскихъ археологовъ (P. Castelfranco, J. Pigorini, B. Gastaldi, G. Nicolucci) въ Италіи вполнѣ отсутствуютъ, хотя Г. де Мортилье дѣлалъ попытки доказать существованіе и здѣсь этихъ ступеней человѣческой культуры. Нельзя также помѣстить въ классификацію Мортилье и особенный, только въ Италіи встрѣчающійся типъ кремневыхъ орудій, такъ назыв. макролитическихъ. Этотъ типъ былъ въ первый разъ описанъ Кьеричи (Chierici) въ 1878 г., на основаніи находокъ въ Кіети (Chieti) въ Нижнихъ Абруццахъ. Подобныя же орудія нашли Strobel и Traversetola въ провинціи Пармѣ.

Изъ четвертичныхъ пещеръ Италіи особенно замѣчательны три группы: 1) пещеры въ окрестностяхъ Палермо въ Сициліи (въ San Cira, въ Maccagnone, въ Carburanceli, въ Mondella, въ Olivelli и пр.) отличающіяся изобиліемъ остатковъ слона, El. antiquus [40]); 2) пещеры «grotte dei Colombi» на островкѣ Palmaria, въ заливѣ Спецціи, древнимъ обитателямъ которыхъ Капеллини и другіе приписывали на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ обычай людоѣдства, и 3) группа пещеръ лигурійскихъ, изслѣдованныхъ подробно, главнымъ образомъ, Исселемъ и Морелли [41]). Интересно, что эти пещеры были обитаемы человѣкомъ долго и можетъ быть непрерывно даже до историческихъ временъ, такъ что надъ самымъ низкимъ культурнымъ слоемъ, который относится по крайней мѣрѣ къ концу постпліоцена, мы встрѣчаемъ слои гораздо позднѣйшіе, главнымъ образомъ неолитической эпохи. Двѣ наиболѣе замѣчательныя пещеры: «Pollera» возлѣ г. Финале, и «Grotte delle Arene Candide». О нихъ мы упомянемъ еще разъ ниже. Остальныя пещеры или не особенно важны, или четвертичная древность ихъ культурныхъ слоевъ болѣе или менѣе сомнительна.

Германія и Швейцарія.

Въ Германіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же, что видѣли уже въ Англіи: сѣверная ея часть почти не обнаруживаетъ слѣдовъ четвертичнаго человѣка; все же, что было найдено, оказалось въ тѣхъ болѣе южныхъ ея частяхъ, которыя не были покрыты ледниками по крайней мѣрѣ второго ледниковаго періода. Главныя двѣ находки были сдѣланы въ Таубахѣ (Taubach), въ Веймарѣ и въ Шуссенридѣ (Schussenried) у верховья р. Шуссена, въ Равенсбургѣ, въ Вюртембергѣ. Первая, какъ видно по остаткамъ животныхъ, относится къ межледниковому періоду и была открыта надъ древней ледни-

ковою мореной. Вторая находка относится уже къ послѣ-ледниковому періоду. Мѣстонахожденіе это замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ достаточномъ изобиліи появляются уже орудія изъ роговъ сѣвернаго оленя, но каменныхъ орудій немного. Въ Тиде (Thiede), въ Брауншвейгѣ, недалеко отъ Вольфенбюттеля и въ Вестрегельнѣ (Westregeln), въ Магдебургѣ, проф. Нерингъ открылъ подобныя-же замѣчательныя стоянки послѣ-ледниковаго періода [42]). Замѣчательна также еще находка въ Канштадтѣ (Kannstadt) возлѣ Штуттгарта [43]), находка въ Vöcklinshofen, въ Lohr, въ Enguisheim'ѣ (человѣческій черепъ) въ Эльзасѣ, также какъ стоянка охотниковъ за сѣверными оленями, открытая въ 1874 г. въ Munzingen'ѣ, возлѣ Фрейбурга.

Между германскими пещерами наиболѣе пользуется извѣстностью такъ называемая Неандертальская въ долинѣ р. Дюсселя въ Эберфельдѣ [44]). Въ 1856 г. Фульротъ (Fuhlrott) нашелъ въ ней, въ слоѣ вѣроятно четвертичномъ, знаменитые остатки «Неандертальскаго» человѣка, именно часть черепа и нѣсколько длинныхъ костей конечностей. Древность этихъ остатковъ нельзя считать вполнѣ доказанной (по отсутствію рядомъ съ ними костей живот-

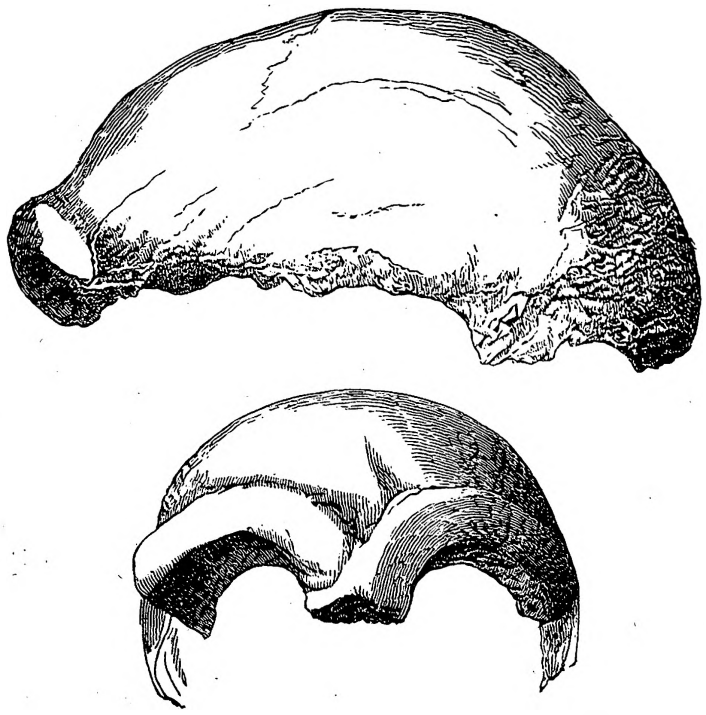


Рис. 19. Черепъ, найденный въ неандертальской пещерѣ.

ныхъ и человѣческихъ издѣлій), но есть значительное вѣроятіе, что они относятся къ четвертичной эпохѣ. Черепъ отличается нѣкоторыми рѣзкими аномальными признаками, именно сильно покатымъ взадъ лбомъ и выдающи-

мися надбровными дугами,—указывающими на относительно низкое физическое развитіе племени, представителемъ котораго онъ состоялъ (рис. 19). Вирховъ впрочемъ могъ констатировать въ костяхъ конечностей этого субъекта нѣкоторые слѣды рахитизма (англійской болѣзни), но что касается черепа, то и онъ не отрицаетъ его типичности, тѣмъ болѣе, что подобные признаки, хотя и въ значительно ослабленной формѣ, встрѣчаются, по его наблюденіямъ, и теперь среди потомковъ древняго германскаго племени фризовъ, живущихъ по побережью Нѣмецкаго моря.

Послѣ Неандертальской пещеры, въ особенности пещеры баварскія и швабскія дали доказательства тому, что человѣкъ жилъ уже въ четвертичную эпоху въ Южной Германіи. Швабскія пещеры хорошо изслѣдованы проф. Фраасомъ (O. Fraas) и другими. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ «Räuberhöhle am Schelmengraben», въ баварскомъ Пфальцѣ, «Hohlefels» въ Шельклингенѣ, въ Вюртембергѣ, «Ofnet» въ Nördlingen'ѣ и недавно изслѣдованный Hedinger'омъ «Heppenloch» въ Гутенбергѣ. Пещера Голефельсъ интересна массою остатковъ пещернаго медвѣдя, половинка нижней челюсти котораго съ клыкомъ на концѣ служила здѣсь, повидимому, первобытному человѣку однимъ изъ главныхъ орудій (фиг. 20) *). Кромѣ того, здѣсь, также

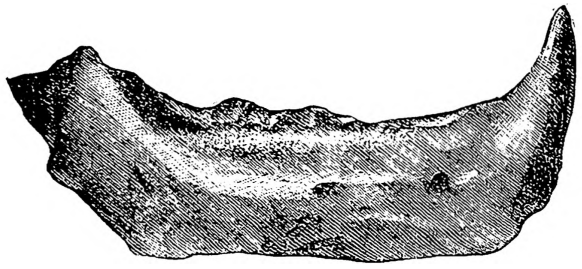


Рис. 20. Нижняя челюсть медвѣдя изъ Голефельской пещеры.

какъ и въ Шуссенридѣ, орудія изъ кости и рога настолько преобладаютъ надъ каменными, что Фраасъ хотѣлъ было даже установить на этомъ основаніи для Германіи особенную костяную эпоху. Но явленіе это до сихъ поръ имѣетъ слишкомъ мѣстный характеръ.

Изъ другихъ пещеръ заслуживаютъ упоминанія еще пещеры въ Бокштейнѣ (Bokstein), въ долинѣ Лоны, Линдертальская пещера въ Gery и Бильштейнская въ Варштейнѣ, въ Вестфаліи, съ большимъ количествомъ

*) Въ послѣднее время Dr. A. Nehring, производившій спеціальные опыты разбиванія костей нижней челюстью пещернаго медвѣдя, выражаетъ сомнѣніе, чтобы она могла служить орудіемъ первобытному человѣку, допуская впрочемъ употребленіе ея какъ оружія. (См. Verhandl. der Berlin. Anthropolog. Gesellschaft, Sitz. vom 16 Dec. 1893). *(Прим. переводчика).*

остатковъ человѣческихъ костей. Гайленрейтская пещера въ Мюггендорфѣ очень важна и извѣстна тѣмъ, что представляетъ собою одну изъ наиболѣе древнихъ, по времени ея открытія, пещеръ, съ остатками четвертичныхъ животныхъ. Уже въ 1774 г. священникъ Эсперъ производилъ въ ней рас-

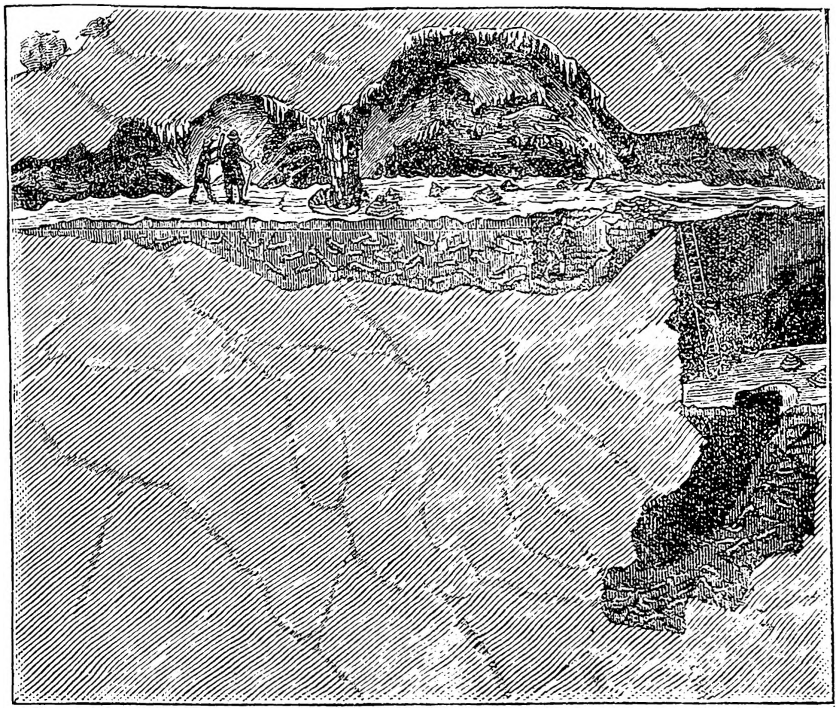


Рис. 21. Разрѣзъ гайленрейтской пещеры.

копки и добылъ большое количество костей. Мы прилагаемъ здѣсь разрѣзъ этой пещеры, такъ какъ на немъ явственно видно расположеніе слоевъ, со-

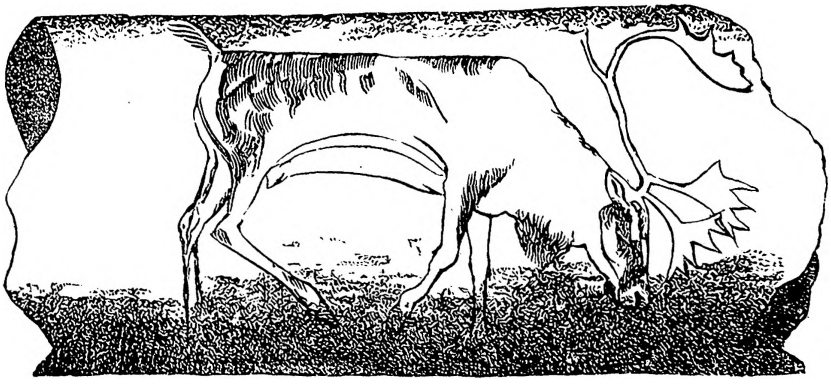


Рис. 22. Поддѣльное изображеніе сѣв. оленя изъ Таингенской пещеры.

держащихъ въ себѣ ископаемые остатки подъ слоемъ образовавшихся впо-

слѣдствіи сталагмитовъ (рис. 21). Особенной извѣстностью пользуется также пещера «Kesler-Loch», возлѣ Таингена (Thayngen), къ сѣверу отъ Шаффгаузена. Въ культурномъ слоѣ этой пещеры (изслѣдованной Меркомъ и Рютимейеромъ) было найдено около 12000 кремневыхъ орудій, множество костей сѣвернаго оленя и издѣлій изъ нихъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ костей были найдены искусно вырѣзанныя изображенія, но часть ихъ оказалась потомъ, по тщательному изслѣдованію, поддѣльною (напр. изображеніе лисицы, медвѣдя, пасущагося оленя,—скопированныя изъ одной дѣтской книжки) [45]). Пещеры той же древности были открыты E. Joos'омъ въ Freudenthal'ѣ и д-ромъ Nüesch'емъ въ Schweizerbild'ѣ возлѣ Шаффгаузена. Въ Швейцаріи были открыты еще четвертичныя пещеры (собственно—навѣсъ подъ скалой, давшій массу костей сѣверныхъ животныхъ, кремневыхъ и костяныхъ издѣлій и т. д.) въ Юрѣ, возлѣ Лисберга, близъ Женевы (Villeneuve) и проч. Находки эти, впрочемъ, относятся скорѣе къ послѣ-ледниковой эпохѣ, такъ какъ въ теченіе ледниковаго періода Швейцарія была покрыта льдомъ.

Данія и Скандинавія. Обѣ эти страны по тѣмъ же причинамъ не даютъ намъ настоящихъ четвертичныхъ находокъ, хотя нѣкоторыя мѣстонахожденія здѣсь и были относимы къ ледниковому періоду, какъ напр. въ Sodortel'ѣ.

Австрійскія земли.

Изъ подальпійскихъ австрійскихъ земель наиболѣе богата четвертичными находками Нижняя Австрія, которую однако все таки невозможно сравнивать въ этомъ отношеніи съ странами Сѣверной Австріи и въ особенности съ Моравіей [46]).

Находки въ постпліоценовыхъ наносахъ были сдѣланы въ Nussdorf'ѣ (проф. Вольдржихомъ), въ Willendorf'ѣ (I. Сомбати), въ Zeisselberg'ѣ (графомъ Вурмбрандтомъ), въ Stillfried'ѣ, Aggsbach'ѣ и проч.

Изъ пещеръ наиболѣе замѣчательна такъ называемая Гуденусова (Gudenus) пещера въ долинѣ р. Кремзы, у Гартенштейна. Въ 1883 г. она была тщательно изслѣдована патеромъ Гакеромъ (L. Haker), который нашелъ въ культурномъ слоѣ ея нѣсколько древнихъ огнищъ и множество каменныхъ орудій (между прочимъ нѣсколько издѣлій изъ горнаго хрусталя) и костяныхъ. По мнѣнію проф. Вольдржиха, они относятся уже къ концу четвертичной эпохи.

Въ Венгріи находки въ рѣчныхъ наносахъ вообще рѣдки. Черепъ, найденный въ лессѣ Nagy-Sapu, въ Гранскомъ комитатѣ, вѣрнѣе всего не относится къ эпохѣ его образованія. Первая достовѣрная находка постпліоценоваго характера была сдѣлана въ 1892 г. въ наносахъ ручья Szinva возлѣ Miszkolcz'a, гдѣ были найдены крупныя каменныя орудія шелльскаго типа [47]).

За то въ Карпатахъ Сѣверной Венгріи удалось найти нѣсколько пещеръ,

между которыми наиболѣе извѣстна «Baradla» въ селѣ Aggtelek, въ гемерской жупѣ. Часть этой находки относится, впрочемъ, уже къ неолитической эпохѣ. Нѣсколько другихъ пещеръ было изслѣдовано д-ромъ Roth'омъ и особенно Gabriel'емъ Teglás'омъ въ Седмиградскихъ Карпатахъ, въ Petrocz'ѣ (гуніадской жупы) и Buhny (Szören'ской жупы). Свѣдѣнія о болѣе мелкихъ находкахъ Семиградской области сообщены A. Koch'омъ.

Перейдемъ теперь къ находкамъ въ земляхъ славянскихъ.

Чехія. До начала послѣдняго десятилѣтія еще не имѣлось никакихъ точныхъ доказательствъ пребыванія человѣка въ Чехіи въ четвертичную эпоху. Наиболѣе древнія находки въ Kunersdorf'ѣ, у подошвы Крушныхъ горъ, на кирпичномъ заводѣ въ предмѣстьѣ Пумберкахъ въ Chrudim'ѣ, находки кремневыхъ орудій въ постпліоценовыхъ отложеніяхъ въ мѣстностяхъ Шарка и Паненска возлѣ Праги, въ Йінонницахъ и Чаславѣ и т. п., были все таки еще слишкомъ сомнительны, чтобы служить вѣрнымъ доказательствомъ того, что въ тѣ времена, когда по чешскимъ лѣсамъ бродили еще стада мамонтовъ и рыскали львы и прочіе большіе хищники, въ нихъ жили также и праотцы нынѣшнихъ чеховъ.

Гораздо болѣе важными были трмицкія находки въ Усти надъ Лабомъ, гдѣ профессора Лаубе и Вольдржихъ наблюдали на костяхъ несомнѣнные слѣды рукъ человѣческихъ [48]). Наиболѣе вѣрной находкой четвертичныхъ кремневыхъ орудій слѣдуетъ считать, кажется, недавнее открытіе проф. I. Кушты на кирпичномъ заводѣ въ Любне, возлѣ Раковника [49]). Между двумя слоями нетронутой кирпичной глины тамъ оказался небольшой, около 5 сантим. толщины, культурный слой съ костями животныхъ и кремневыми орудіями (рис. 23). Въ нетронутомъ слоѣ кирпичной глины найдены были рога сѣвернаго оленя, кости четвертичной лошади, носорога и. т. п.

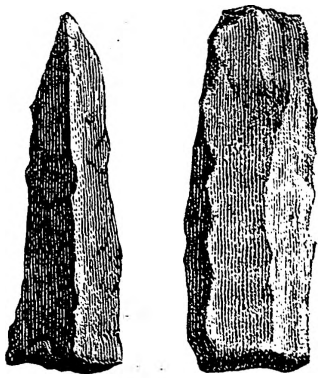


Рис. 23. Кремневые осколки изъ Любне въ Раковникѣ.

Остатки человѣческихъ скелетовъ были много разъ находимы въ постпліоценовыхъ отложеніяхъ Чехіи. Таковы черепа подбабскій, стршебиховицкій и мостецкій (рис. 24). Четвертичная древность всѣхъ ихъ впрочемъ не вполнѣ удостовѣрена. Находки не были сдѣланы въ присутствіи спеціалистовъ, а недалеко отъ подбабскаго черепа, въ томъ же слоѣ, оказался костякъ съ бронзовымъ браслетомъ на рукѣ. Однако черепа эти, особенно подбабскій, описанный проф. А. Фричемъ и Шаффгаузеномъ [50]), не отличаются по своему типу отъ другихъ череповъ четвертичной эпохи, а въ Подбабѣ найдено было уже нѣсколько кремневыхъ орудій несомнѣнно палеоли-

тическаго характера. При нахожденіи мостецкаго черепа также не присутствовало ни одно компетентное лицо, что и подало поводъ Лушану (F. Luschan) очень рѣшительно оспаривать его четвертичную древность. Проф. Вольджихъ выразилъ также сомнѣнія относительно его древности [51]).

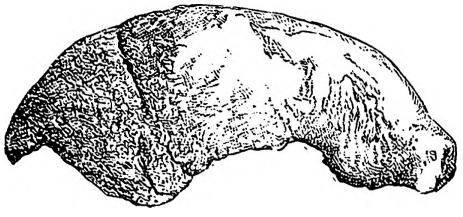


Рис. 24. Мостецкій черепъ.

Чешскія пещеры четвертичнаго періода не могутъ выдержать даже отдаленнаго сравненія съ описанными пещерами другихъ странъ. Часть ихъ еще не изслѣдована, другія же, какъ напр. святопрокопская, были уничтожены, прежде чѣмъ постарались ихъ изслѣдовать систематически. Главнѣйшихъ находокъ было сдѣлано двѣ: первая въ одной изъ Праховскихъ пещеръ у Йичина, въ которой Л. Шнайдръ нашелъ кости четвертичныхъ животныхъ вмѣстѣ съ человѣческими костями и грубыми каменными орудіями [52]), и вторая—въ двухъ расщелинахъ скалъ возлѣ Судславицъ подъ Вимперскомъ на р. Шумавѣ, гдѣ проф. Вольджихъ открылъ множество костей четвертичныхъ животныхъ, искусно сдѣланныя костяныя и каменныя (изъ известняка и кремня) орудія и куски человѣческаго черепа [53]).

Моравскія находки по своему количеству и важности далеко превышаютъ собою только что описанныя чешскія. Очень немногія страны Европы могутъ равняться съ Моравіей относительно богатства остатками палеолитическаго человѣка. Но и до сихъ поръ большая часть сдѣланныхъ здѣсь находокъ ждетъ еще своего научнаго изслѣдованія и оцѣнки. Наиболѣе усердно и систематически работали надъ ними д-ръ І. Ванкель, К. Машка (Maška), д-ръ М. Кржижъ (Kříž) и въ послѣднее время Кнесь (I. Knies). Количество находокъ такъ велико, что мы можемъ упомянуть лишь о главнѣйшихъ, а для болѣе подробнаго ознакомленія съ ними отсылаемъ читателя къ прекрасному, хотя нѣсколько и устарѣвшему, труду д-ра Машки—о четвертичномъ человѣкѣ въ Моравіи [54]).

Первые слѣды стоянокъ четвертичнаго человѣка, въ кирпичной глинѣ, были найдены случайно графомъ Г. Вурмбрандтомъ въ Ярославицахъ, на р. Днѣ, гдѣ прямо на третичномъ пластѣ, подъ толстымъ слоемъ глины оказались кости носорога и мамонта, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями [55]). Гораздо важнѣе однако было открытіе въ огородѣ г. Хромечка въ Пшедмости (Předmost) возлѣ Прерау, получившее въ послѣднее время особенную извѣстность, благодаря спору о значеніи этой находки, возникшему между мѣстными изслѣдователями и заслуженнымъ датскимъ геологомъ и археологомъ І. Стенструпомъ. Пшедмостскія отложенія, въ настоящее время вполнѣ изслѣдованныя, заключали въ себѣ, кромѣ костей волка, лошади, сѣвернаго

оленя, медвѣдя и многочисленныхъ кремневыхъ орудій, еще такое множество костей и бивней мамонта, какого не встрѣчалось ранѣе ни въ какомъ другомъ мѣстонахожденіи средней Европы. Что особенно важно, кости эти оказались расколотыми, а отчасти даже сложенными въ кучи. Сначала д-ръ Ванкель и К. Машка, которые наиболѣе занимались здѣсь раскопками, полагали, что это мѣстонахожденіе представляетъ собою древнюю стоянку людей, которые жили здѣсь одновременно съ мамонтомъ и охотились за нимъ. Но Стенструпъ, посѣтившій Пшедмость въ 1888 г. и осматривавшій мѣсто находокъ, призналъ упомянутое мнѣніе о современности пшедмостскаго человѣка съ мамонтомъ—ошибочнымъ. Мамонтъ, по его словамъ, жилъ здѣсь въ доледниковый періодъ, въ теченіе же ледниковаго періода, неизвѣстно какимъ образомъ, погибло здѣсь цѣлое стадо мамонтовъ; затѣмъ, по прошествіи уже долгаго времени, въ послѣледниковый періодъ, появился человѣкъ, нашелъ здѣсь кости этихъ животныхъ, добывалъ ихъ изъ земли и пользовался ими точно также, какъ это и до сихъ поръ дѣлается въ Сибири на берегахъ р. Лены. Эту теорію Стенструпа, основанную на нѣсколько смѣломъ предположеніи, принялъ немедленно д-ръ Ванкель [56]). Но К. Машка, которому два года тому назадъ (1894 г.) удалось найти тамъ цѣлый рядъ скелетовъ (гробницу?) четвертичнаго человѣка, продолжаетъ защищать свой прежній взглядъ относительно современности человѣка съ мамонтомъ въ Пшедмостѣ,—взглядъ, раздѣляемый впрочемъ почти всѣми австрійскими (и германскими) учеными спеціалистами, какъ напр. К. Гернесомъ (Hoernes), Сомбати (I. Szombathy) графомъ Вурмбрандтомъ, Р. Вирховымъ, проф. Вольдржихомъ, д-ромъ Кржижемъ и пр. [57]).

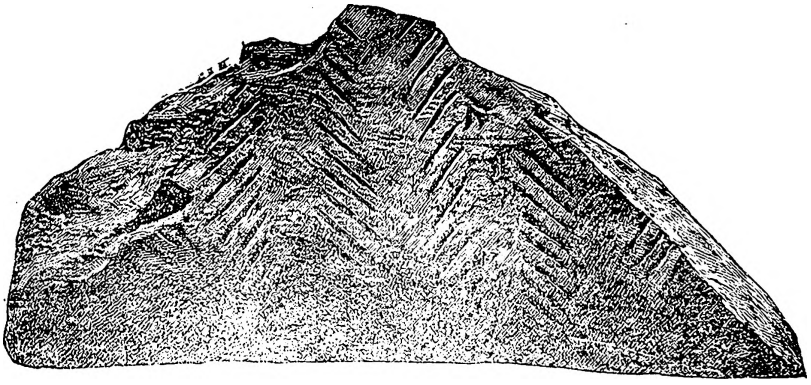


Рис 25. Обломокъ мамонтова ребра съ нарѣзками, изъ Пшедмости. (Находка проф. Машки).

Изъ другихъ четвертичныхъ мѣстонахожденій надо еще упомянуть о цѣломъ рядѣ мѣстностей въ Брненскомъ (т. е. Брюннскомъ) округѣ (Червена гора, Жлута гора, кирпичный зав. св. Томаша), объ отложеніяхъ около Гусовицъ, Знайма, Обржанъ, Тишнова,—въ которыхъ проф. Маковскій констатировалъ остатки огнищъ четвертичнаго населенія и разбитыя человѣческими руками звѣриныя кости и счелъ современными съ ними три тамъ-же найденныхъ человѣческихъ скелета. Г. Машка отрицаетъ, однако, и то и другое, и споръ этотъ не разрѣшенъ и до сихъ поръ [58]). Въ послѣднее время (въ 1891 г.) въ самомъ Брнѣ (Брюннѣ) были найдены, при сооруженіи канала, остатки мамонта и носорога вмѣстѣ съ человѣческими костями, разными подѣлками изъ кости, зубовъ, камня и пр. и съ любопытнымъ идоломъ, вырѣзаннымъ изъ мамонтоваго бивня. Черепъ, по описанію, имѣетъ характеръ наиболѣе древнихъ череповъ, кости покрыты красной желѣзистой краской. Это послѣднее обстоятельство представляетъ собою совершенно особенное явленіе, съ которымъ намъ не разъ еще придется встрѣтиться далѣе. Проф. Маковскій, Шааффгаузенъ и Вольдржихъ высказались за четвертичную древность этихъ находокъ, Машка-же, Герве и др.—противъ [59]).

Не меньшую, если еще не большую важность, чѣмъ открытыя отложенія, представляютъ моравскія четвертичныя пещеры. Наибольшее значеніе имѣютъ пещеры, расположенныя тремя группами въ трехъ разныхъ мѣстностяхъ Моравіи. Первая группа находится въ дикихъ ущельяхъ и долинахъ зоны девонскихъ известняковъ, тянущейся къ сѣверовостоку отъ Брна. Здѣсь особенно важны для археолога слѣдующія, по крайней мѣрѣ отчасти изслѣдованныя, пещеры: Бычья скала (Byčí skála) въ Іозефовой долинѣ, Яхимовка (Jachymovka) или иначе Евина пещера, Выпустекъ (Vypustek) въ Кржтеновской долинѣ, Житная (Zitný)—тамъ-же, Kůlna не далеко отъ города Слупа (Sloup), Костеликъ (иначе Пекарня, Диравица) между селами Мокрою и Охоземъ и Пустевна въ слупской долинѣ. Въ послѣднее время (въ 1890 г.) открыта была недалеко отъ Слупа I. Knies'емъ новая пещера возлѣ Шошувки (Šošůvka) [60]). Во всѣхъ этихъ пещерахъ были найдены слѣды четвертичнаго человѣка. Раньше всѣхъ изъ нихъ была изслѣдована Бычья скала въ 1868 г. Это была вообще первая находка остатковъ палеолитической культуры въ Австріи. Къ сожалѣнію, она и до сихъ поръ не изучена еще достаточно подробно. То-же надо сказать о Яхимовкѣ и о Пустевнѣ. Раскопки, производившіяся Житней, были потомъ обработаны г. Сомбати [61]). Оказалось, что тамъ жилъ человѣкъ почти къ концу постпліоцена, въ эпоху сѣвернаго оленя. Пещера Выпустекъ дала больше матеріаловъ для человѣка неолитической эпохи и была обстоятельно описана Гохштеттеромъ и Сомбати. Лучше всего были изслѣдованы въ этой группѣ пещеры Kůlna и Kostelik, обѣ д-ромъ Кржижемъ (Kříž), нотаріусомъ въ

Жданичичахъ, въ Моравіи. Еще до него тамъ производили раскопки—въ Кульнѣ д-ръ Ванкель, начиная съ 1880 г., а въ Костеликѣ Фл. Куделька въ томъ-же году, затѣмъ F. A. Krasser [62]), J. Wankel, J. Szombathy. Но только д-ръ Кржижъ рѣшился изслѣдовать ихъ вполнѣ обстоятельно и систематически [63]). Онъ прорылъ въ отложеніяхъ этихъ пещеръ 22 широкихъ траншеи, часть которыхъ была доведена до самаго дна пещеръ, до скалы и вынулъ изъ нихъ около 2000 куб. метровъ земли. Результаты этой работы оказались очень богатыми. Кромѣ множества остатковъ фауны, которая впрочемъ не вездѣ имѣетъ одинаковый характеръ, было найдено и очень большое количество костей, обдѣланныхъ человѣческими руками (между прочимъ и искусныя рѣзныя изображенія изъ кости рис. 26—29), кремневыя орудія и т. п. предметы. Въ обѣихъ пещерахъ оказалось возможнымъ различить три главныхъ слоя: самый верхній съ большимъ количествомъ позднѣйшихъ остатковъ, особенно костей домашнихъ животныхъ, второй (или средній) четвертичный съ остатками вымершихъ видовъ (при полномъ отсутствіи хотя бы одной кости домашнихъ животныхъ) и третій нижній слой, безъ всякихъ животныхъ и культурныхъ остатковъ. Д-ръ Кржижъ заключаетъ изъ своихъ изслѣдованій, что, въ противоположность теоріи проф. Вольдржиха, большія четвертичныя животныя появились въ Чехіи одновременно, и ранѣе чѣмъ болѣе мелкія. Илъ, по его мнѣнію, проникалъ въ обѣ пещеры черезъ какое-то отверстіе въ потолкѣ или верхней части ихъ съ потоками дождя, увлекавшими внизъ песокъ, щебень, кости животныхъ и т. д.

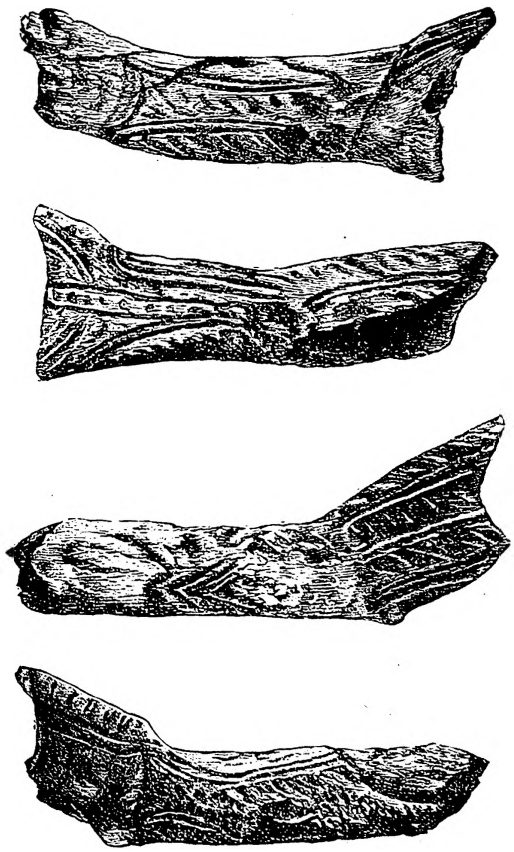


Рис. 26—29. Рыбы, вырѣзанныя изъ нижнихъ челюстей лошади, найд. въ пещерѣ Костеликъ.

Вторая группа пещеръ небольшого размѣра находится тоже въ скалахъ девонскаго известняка, въ окрестностяхъ города Литовля, къ сѣверозападу отъ Ольмюца. Въ 1881 г. Сомбати изслѣдовалъ пещеру Князя Яна (перво-

начально пещеры «u Mladče»), возлѣ села Louče, недалеко отъ г. Литовля надъ Тржешинымъ. Относительно найденныхъ тамъ человѣческихъ череповъ г. Машка выразилъ впрочемъ сомнѣніе, чтобы они принадлежали къ четвертичной эпохѣ. Тѣмъ не менѣе, тамъ было найдено достаточно доказательствъ существованія человѣка въ эту эпоху. Менѣе важная, находящаяся возлѣ предыдущей, пещера Подкова (иначе Бочкова дыра), была осмотрѣна д-ромъ Ванкелемъ и проф. Гавелькой.

Третья и наиболѣе замѣчательная изо всѣхъ группа пещеръ находится въ полосѣ юрскаго известняка, въ Штрамбергѣ, въ сѣверовосточной Моравіи, надъ Kotouč'емъ. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ двѣ извѣстныхъ пещеры Чортова дыра и Шипка, обѣ превосходно изслѣдованныя г. Машкою [64]). Въ «Чортовой дырѣ» этотъ ученый нашелъ слѣды человѣческой культуры въ слоѣ, относящемся къ межледниковому періоду; въ самомъ нижнемъ, доледниковомъ слоѣ, ихъ еще не оказывается. Это вообще наиболѣе древнія доказательства существованія человѣка въ австрійскихъ земляхъ, которымъ по мнѣнію Вольдржиха соотвѣтствуютъ только открытія въ самомъ нижнемъ слоѣ Бычьей скалы.

Пещера «Шипка» больше и замѣчательнѣе предыдущей. Она отличается многочисленностью остатковъ пещернаго медвѣдя, а въ нѣкоторыхъ слояхъ поразительнымъ количествомъ костей небольшихъ грызуновъ (леммингов или пеструшекъ), свидѣтельствующихъ о существованіи когда-то въ Моравіи эпохи тундръ и степей. Фауна нижнихъ слоевъ имѣетъ характеръ ледниковаго періода; къ послѣледниковому періоду относится слой, въ которомъ преобладаютъ мамонтъ и носорогъ. Орудія подходятъ къ типу мустье (рис. 31 и 32). Очень важное значеніе имѣетъ находка, въ самомъ нижнемъ

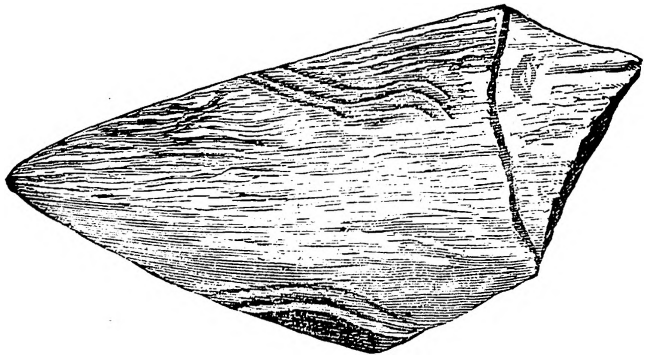


Рис. 30. Обломокъ кости съ рѣзьбой изъ пещеры Костеликъ

слоѣ человѣческой челюсти. Челюсть эта или вѣрнѣе ея фрагментъ (передняя часть съ рѣзцами, клыкомъ и подбородкомъ) выказываетъ замѣчательныя особенности. По величинѣ своей она соотвѣтствуетъ челюсти взрослаго чело-

вѣка, но заключающіеся въ ней зубы находятся въ періодѣ смѣны (молочныхъ постоянными), что указываетъ на возрастъ около 10 лѣтъ (рис. 33). Объ этой челюсти было много писано. Ванкель, считая ее дѣтской, выводилъ на основаніи ея заключеніе, что люди этой эпохи были гигантскаго роста

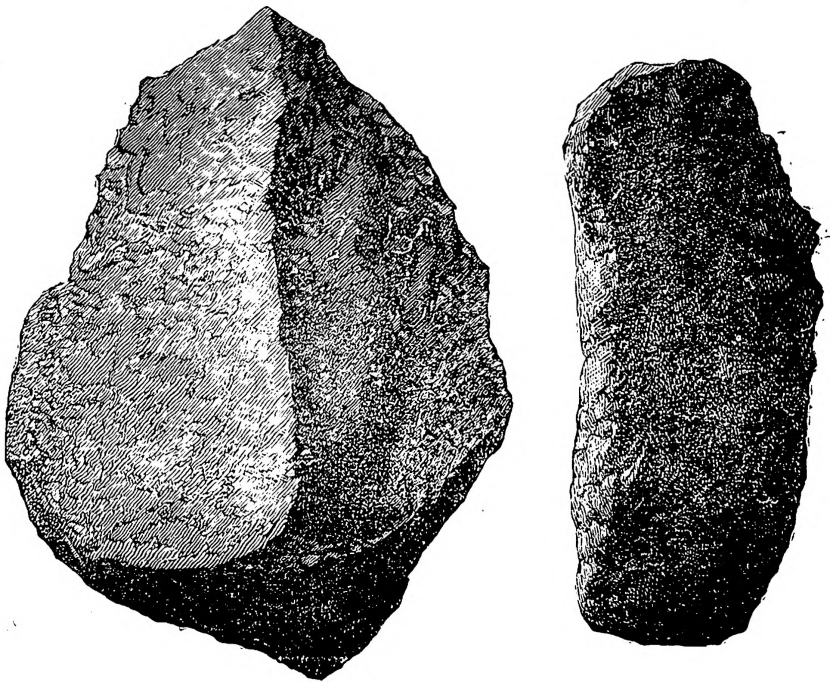


Рис. 31. Каменное орудіе изъ пещеры „Шпака“ (колл. г. Машки).

и отказался отъ этого мнѣнія только послѣ того, какъ въ Пшедмостѣ была найдена, тоже въ четвертичномъ слоѣ, другая нижняя челюсть совершенно нормальнаго вида и величины. Тѣмъ не менѣе, на принадлежности этой челюсти ребенку продолжали настаивать многіе ученые, тогда какъ Вирховъ представилъ довольно убѣдительныя доказательства, что эта челюсть—взрослаго человѣка, у котораго только вслѣдствіе какого то патологическаго процесса произошла ненормальная задержка въ развитіи и смѣнѣ зубовъ [65]).

Пещеры, разбросанныя въ другихъ мѣстностяхъ Моравіи, представляютъ уже менѣе интереса; при томъ ни одна изъ нихъ не была еще подробно изслѣдована. Вообще-же находки въ Моравіи, какъ и въ Польшѣ, даютъ намъ поводъ утверждать, что въ этихъ странахъ человѣкъ жилъ одновременно съ мамонтомъ, но въ эпоху не слишкомъ отъ насъ отдаленную. Въ то время, когда во Франціи большія толстокожія уже давно исчезли, здѣсь они могли еще долго держаться, въ эпоху, когда человѣчество на западѣ уже подвинулось въ своей культурѣ впередъ.

Галиція, русская Польша и Прибалтійскій край. Въ этихъ стра-

нахъ, особенно возлѣ Кракова, существуетъ значительное количество пещеръ, которыя были когда то обитаемы первобытнымъ человѣкомъ. Пещеры эти были описаны графомъ Завишей, Оссовскимъ, Ф. Ремеромъ и др. [66]). По большей части онѣ относятся уже къ позднѣйшимъ эпохамъ, главнымъ образомъ къ неолитической или къ переходному времени отъ палеолита къ неолиту. Какъ увидимъ далѣе, онѣ представляютъ большой интересъ въ вопросѣ о такъ назыв. перерывѣ (hiatus) между названными эпохами.

Къ четвертичной эпохѣ и именно ко второй ея половинѣ относятся нижніе слои Мамонтовой пещеры (у Wierzchowa) и пещера Машыца (Maszyca) возлѣ Ойцова (Ojców въ окрестностяхъ Кракова). Человѣкъ, слѣды котораго найдены здѣсь вмѣстѣ съ многочисленными костями мамонта, носорога и пещернаго медвѣдя, былъ вѣроятно древнѣйшимъ, появившимся на берегахъ р. Вислы. Указанныя животныя водились здѣсь очевидно въ изобиліи еще въ тѣ времена, когда въ западной Европѣ они сдѣлались уже рѣдкими. Мамонтова пещера была изслѣдована графомъ Завишей, Машыца — Оссовскимъ. Въ нижнихъ слояхъ обѣихъ пещеръ вовсе не оказалось костей домашнихъ животныхъ и гончарныхъ издѣлій, за то они были очень богаты остатками большихъ звѣрей четвертичной эпохи. Человѣкъ, кромѣ грубыхъ кремней (рис. 34) употреблялъ въ то время, въ качествѣ орудій, половинки нижней челюсти пещернаго медвѣдя, совершенно такъ, какъ это дѣлали жители Голефельзской пещеры. Г. Оссовскій относитъ нижній культурный слой

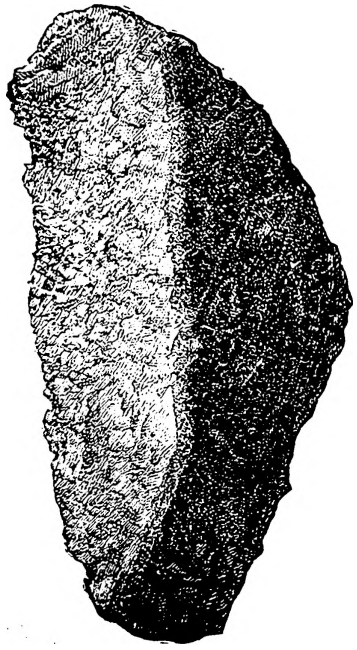
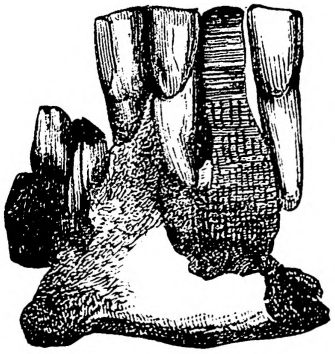


Рис. 32. Каменное орудіе изъ пещеры Шипка (колл. г. Машки).



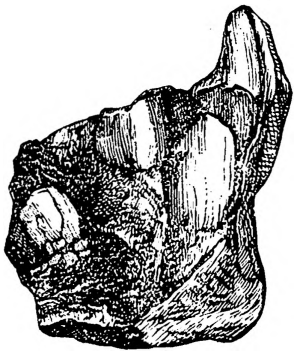


Рис. 33. Человѣческая челюсть, найденная въ пещерѣ «Шипка» (по Бауме).

Машыцкой пещеры къ началу неолитической эпохи; проф. Вольдржихъ, графъ Уваровъ и др. къ концу постпліоцена, къ эпохѣ соотвѣтствующей концу мадлэнской, главнымъ образомъ вслѣдствіе обилія и художественности костяныхъ издѣлій. Нижній слой пещеры na Milaszòwce — одинаковой древности съ предыдущими, но уже не заключаетъ въ себѣ орудій, сдѣланныхъ рукою человѣка. Относительно еще нѣсколькихъ другихъ пещеръ этой мѣстности трудно рѣшить, относятся-ли онѣ къ переходному періоду къ неолиту (въ нихъ были найдены уже черепки посуды) или принадлежатъ вполнѣ къ неолитическому періоду (гр. Уваровъ). Сюда относятся пещеры віержховская, ойцовская, окопская, збуйская и сосновская, изслѣдованныя Оссовскимъ. Другихъ замѣчательныхъ находокъ какъ въ Галиціи, такъ и въ восточной Германіи и еще болѣе въ Прибалтійскомъ краѣ—нѣтъ. Находка въ Wittenfeld'ѣ, въ западной Пруссіи, по крайней мѣрѣ, очень сомнительна. Іенчъ (Ientszch) считаетъ ее неолитической *).

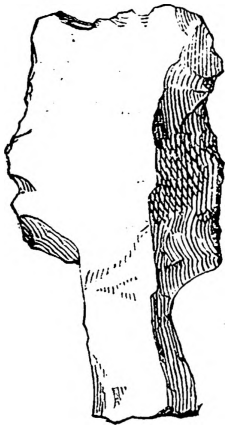


Рис. 34. Орудіе изъ Мамонтовой пещеры у Wierzchowa.

Россія [61]).

Находокъ четвертичной эпохи, столь тщательно изслѣдованныхъ какъ западно-европейскія или моравскія,—въ Россіи вообще нѣтъ; на этомъ основаніи о нихъ почти не упоминается ни въ одной изъ справочныхъ книгъ. Извѣстенъ, правда, цѣлый рядъ подобныхъ находокъ, но онѣ не достаточно изслѣдованы, и есть еще много мѣстностей, куда не проникалъ заступъ опытнаго археолога. Несомнѣнно также, что на громадномъ пространствѣ русской имперіи человѣкъ появился очень рано, и если справедлива теорія, по которой колыбелью человѣчества была Азія, то въ Россіи вообще мы должны найти болѣе древніе слѣды человѣка, чѣмъ въ западной Европѣ, такъ какъ человѣкъ, прежде чѣмъ появиться на западѣ Европы, долженъ былъ пройти черезъ нынѣшнюю Россію.

Въ четвертичную эпоху поверхность Европейской Россіи была, конечно, совершенно не такою, какъ теперь. Большая сѣверная часть ея была покрыта ледниками, слѣды которыхъ мы находимъ теперь въ видѣ мощныхъ валунныхъ отложеній, холмистыхъ грядъ, многочисленныхъ озеръ и болотъ.

*) О пещерахъ Кѣлецкой губ. и сосѣднихъ частей Галиціи появилась недавно обстоятельная статья Г. О Оссовскаго—на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „О геологическомъ и палеонтологическомъ характерѣ пещеръ юго-западной окраины Евр. Россіи и смежныхъ съ нею мѣстностей Галиціи“ съ планомъ и 81 рис. въ текстѣ, въ „Трудахъ Томскаго Общества естествоиспытателей и врачей“. Годъ пятый, 1895, стр. 57—86. *Прим. ред.*

Эта ледяная пустыня, лишенная какъ растительной, такъ и животной жизни, занимала всю сѣверную Россію и большую часть средней, выдвигаясь къ югу двумя языками въ долины Днѣпра и Дона. Ея южныя границы указываются намъ распространеніемъ сѣверныхъ (финляндскихъ) валуновъ, которое было изслѣдовано Мурчисономъ, впослѣдствіи, болѣе подробно, С. Н. Никитинымъ Внутри этихъ границъ совмѣстное существованіе человѣка и мамонта еще не было констатировано вполнѣ достовѣрнымъ образомъ, за предѣлами же ихъ слѣды такого существованія довольно многочисленны и выражаются во многихъ находкахъ грубо-оббитыхъ кремневыхъ орудій. По мѣрѣ отступленія къ сѣверу и сѣверо-западу великаго ледника, подвигались вслѣдъ за нимъ, въ томъ-же направленіи, и животныя, и человѣкъ. Къ концу четвертичнаго періода они достигли уже Финляндіи и Прибалтійскаго края. Затѣмъ крупныя млекопитающія этого періода вскорѣ исчезли на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, продолжая еще существовать въ сѣверо-восточной ея части и въ Сибири. Человѣкъ въ свою очередь подвинулся въ культурѣ до стадіи, соотвѣтствующей неолитическому періоду, о которомъ будетъ рѣчь далѣе; онъ началъ уже выдѣлывать себѣ орудія изъ полированнаго камня, приготовлять изъ глины посуду и т. д.

Не такъ давно еще былъ споръ о томъ, жилъ ли человѣкъ въ Россіи одновременно съ мамонтомъ и носорогомъ. Еще въ 1874 г. ученый Гревинкъ (C. Grewinck) стоялъ за то, что человѣкъ появился въ Россіи только послѣ эпохи мамонта. Но съ тѣхъ поръ было сдѣлано нѣсколько, достаточно убѣдительныхъ находокъ слѣдовъ палеолитической культуры вмѣстѣ съ костями гигантскихъ толстокожихъ. Такъ уже въ 1873 г. Г. С. Кирьяковъ, К. М. Ѳеофилактовъ и г. Каминскій нашли грубыя каменныя и костяныя орудія вмѣстѣ съ костями мамонта возлѣ сел. Гонцовъ, Лубенск. у., Полтав. губ., а за этой находкой послѣдовалъ рядъ другихъ—по берегамъ рѣкъ Удая, Лохвицы, Оржицы и Сулы—притока Днѣпра (въ сел. Вьязовкѣ, въ г. Лубнахъ, въ с. Краслянахъ, Яблуновкѣ и др.).

Замѣчательная находка каменныхъ орудій была сдѣлана графомъ А. С. Уваровымъ возлѣ села Карачарова, Муромск. у. Владимірской губ.; подобныя же находки удалось сдѣлать и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по долинѣ Оки, главнымъ, образомъ въ окрестностяхъ Мурома. Изъ позднѣйшихъ находокъ особенно интересна древняя стоянка четвертичнаго человѣка возлѣ села Костенокъ, на берегу Дона, въ Воронежской губ., открытая И. С. Поляковымъ и изслѣдованная затѣмъ г. Кельсіевымъ; кромѣ большого количества костей мамонта (между прочимъ—тазовой кости, съ остатками угля въ ея суставной впадинѣ) обращаютъ здѣсь на себя вниманіе, по мнѣнію Адріена де Мортилье, кремневыя орудія мадлэнскаго типа. Недавняя находка К. М. Ѳеофилактова въ Глубочицѣ, возлѣ Кіева, не можетъ, по мнѣнію г. Никитина,

считаться доказанной относительно своей древности; иное значеніе представляетъ собою несомнѣнная и чрезвычайно важная находка слѣдовъ четвертичнаго человѣка, сдѣланная въ послѣднее время въ Кіевѣ, на Кирилловской ул., на Подолѣ. Чешскій колонистъ, Ченекъ Хвойка, нашелъ тамъ въ своемъ саду цѣлую залежь остатковъ мамонта (расколотыя кости, зубы и т. п.), вмѣстѣ съ многочисленными кремневыми орудіями, остатками дерева, обработаннаго человѣкомъ, и слѣдами огня. Стоянка эта, по мнѣнію профессоровъ В. Б. Антоновича и П. Я. Армашевскаго, должна быть относима къ числу наиболѣе древнихъ слѣдовъ человѣка въ Россіи.

Находки позднѣйшей эпохи, т. е. переходной къ неолиту, въ Россіи довольно многочисленны. Въ ряду ихъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о находкахъ каменныхъ, костяныхъ и деревянныхъ издѣлій, а также многочисленныхъ костей животныхъ и человѣка въ торфяномъ слоѣ на южномъ побережьи Ладожскаго озера, собранныхъ при прорытіи новаго Сясьскаго канала въ концѣ 70-хъ годовъ, и описанныхъ проф. А. А. Иностранцевымъ, при участіи проф. А. П. Богданова, М. Н. Богданова и Д. Н. Анучина. Констатированная въ этихъ отложеніяхъ фауна весьма богата, но относится уже къ современному геологическому періоду. Кромѣ дикихъ животныхъ, здѣсь были найдены также остатки домашняго, именно собаки, представленной притомъ двумя породами, одной болѣе мелкой, соотвѣтствующей «торфяной» породѣ швейцарскихъ свайныхъ построекъ, и другой, болѣе крупной, названной г. Анучинымъ Canis Inostranzewi. Каменныя орудія сдѣланы, по преимуществу, изъ глинистаго сланца и отшлифованы; костяныя—тоже выказываютъ уже позднѣйшія формы. Тѣмъ не менѣе, проф. Иностранцевъ полагалъ, что отложенія эти по своей древности соотвѣтствуютъ эпохѣ, непосредственно слѣдовавшей за ледниковой и близкой по времени къ эпохѣ датскихъ кухонныхъ остатковъ. Богатый рядъ находокъ дали также побережья и дюны Оки, изслѣдованныя графомъ А. С. Уваровымъ, П. П. Кудрявцевымъ, В. В. Докучаевымъ и др., главнымъ образомъ въ части теченія этой рѣки между Рязанью и селомъ Павловымъ. Болѣе всего находокъ было сдѣлано въ окрестностяхъ Мурома. Особенно выдается между ними стоянка у села Волосова [68]) на берегу р. Велетьмы, но она относится уже очевидно къ неолитической эпохѣ, также какъ и слѣды стоянокъ у села Елина, Львиный курганъ и Плехановъ боръ на р Окѣ. Найденныя тамъ издѣлія вообще выказываютъ сходные типы; мы будемъ говорить о нихъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ. Всѣ эти мѣстонахожденія характеризуются присутствіемъ глиняной посуды (черепковъ), тѣмъ не менѣе гр. Уваровъ, принимая во вниманіе грубую обдѣлку многихъ каменныхъ орудій и отсутствіе слѣдовъ домашнихъ животныхъ, склоненъ былъ относить ихъ къ переходной эпохѣ. Впослѣдствіи, однако, здѣсь были найдены не только прекрасно оббитыя кремневыя стрѣлки, но и полирован-

ныя каменныя орудія, а также и скелетъ домашней собаки, описанный проф. Анучинымъ, что, въ связи съ общимъ характеромъ фауны, не оставляетъ сомнѣнія въ принадлежности этихъ отложеній неолитической эпохѣ. Впрочемъ, новѣйшій изслѣдователь Окскихъ стоянокъ, г. Городцовъ, выразилъ мнѣніе, что нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, отличаются бо́льшей древностью. Къ переходной же эпохѣ относитъ князь П. А. Путятинъ и кухонные отбросы, изслѣдованные имъ по берегамъ озеръ у с. Бологое, Балдайскаго уѣзда. Однако, и тамъ фауна представляетъ современный характеръ; были найдены даже остатки собаки и имѣется много черепковъ, что указываетъ, въ общемъ, скорѣе на неолитическую эпоху.

Пещеръ этой эпохи въ Россіи извѣстно мало. Пещеры Алтая (изслѣдованныя акад. Брандтомъ) и Урала доставили или только остатки животныхъ (современной фауны) или также и костяныя и металлическія издѣлія, указывающія на болѣе позднія эпохи. Въ Закавказьи—пещеръ очень много, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ (выдолбленныхъ въ скалахъ); послѣднія образуютъ нерѣдко цѣлые пещерные города (какъ напр. въ Уплисъ-Цихэ, Варъ-Цихэ и др.), но всѣ онѣ относятся уже къ историческимъ временамъ. Единственный, и то не вполнѣ достовѣрный, случай находки каменныхъ орудій представляетъ Язонова пещера на берегу рѣки Красной въ Кутаисѣ (изслѣдовалъ Эрн. Фабръ), и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ пещерѣ возлѣ Ргани, въ той-же губерніи, въ Шаропанскомъ у., г. Бернацкій нашелъ большое количество костей, среди которыхъ проф. Анучинъ могъ констатировать остатки пещернаго медвѣдя и благороднаго оленя вмѣстѣ съ фрагментомъ нижней челюсти человѣка [69]). Въ среднемъ и южномъ Уралѣ отсутствіе ледниковъ представляло, повидимому, благопріятное условіе для существованія человѣка въ послѣ-третичную эпоху; но всѣ сдѣланныя тамъ до сихъ поръ находки доисторической культуры относятся къ эпохамъ болѣе позднимъ. Заслуживаютъ еще вниманія пещеры, расположенныя по обоимъ берегамъ Днѣпра и изслѣдованныя и описанныя проф. В Б. Антоновичемъ [70]). Пещеры эти вырыты искусственно въ глинистыхъ высокихъ берегахъ и тянутся по берегамъ Днѣпра отъ устья Припети до самаго устья Тясмина. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жили монахи уже во времена историческія. Проф. Антоновичъ нашелъ на небольшомъ пространствѣ въ сто верстъ, отъ Межигорья до дер. Монастырки, очень большое количество пещеръ, изъ коихъ во многихъ еще сохранились слѣды человѣческаго пребыванія. Наиболѣе оказалось ихъ возлѣ Кирилловскаго монастыря къ С. отъ Кіева. Тамъ пещеры эти были наполнены кухонными отбросами: костями лошади, дикаго кабана, тура, птицъ, рыбъ и рѣчными раковинами. Кромѣ грубыхъ орудій изъ оббитаго кремня (полированныхъ орудій вовсе не было) здѣсь найдены были однако и черепки посуды. Вслѣдствіе этого гр. Уваровъ относитъ ихъ къ

переходной эпохѣ, такъ-же какъ и рядъ естественныхъ пещеръ, открытыхъ въ Крыму К. С. Мережковскимъ возлѣ Ялты, у с. Сюрень, на берегахъ рр. Бельбека и Качи, пещеры на склонахъ Чатыръ-Дага и въ особенности извѣстную «Тысячеголовую» пещеру (Бимъ-башъ-кала). Нѣкоторыя изъ нихъ были обитаемы человѣкомъ, другія же только животными. Орудія этихъ пещеръ нешлифованныя, но вмѣстѣ съ ними попадаются и обломки черепковъ. Г. Мережковскій самъ относитъ часть ихъ къ мадлэнской эпохѣ, а пещеру въ Симферополѣ, гдѣ были найдены кремневыя острія съ костями мамонта— къ эпохѣ Мустье.

О балканскихъ находкахъ до сихъ поръ нельзя еще сказать ничего положительнаго. Въ Далмаціи Сомбати открылъ много мѣстонахожденій четвертичной эпохи, но описаніе ихъ до сихъ поръ еще не опубликовано. Въ Босніи также есть много пещеръ съ четвертичными наносами, еще неизслѣдованныхъ. Въ Болгаріи г. Юриничъ нашелъ въ 1891 г. человѣческія кости вмѣстѣ съ черепками, каменными орудіями и многочисленными остатками сѣв. оленя и пещернаго медвѣдя, въ пещерѣ, называемой «Полички», возлѣ Габрова. Находки эти впрочемъ отнесены имъ къ послѣ-четвертичному періоду [71]).

Постараемся теперь выбрать изъ этого обозрѣнія отдѣльныхъ европейскихъ находокъ все то, что могли дать намъ разные остатки, для того чтобы составить себѣ общую картину культуры европейскаго человѣка въ четвертичную эпоху. Мы не станемъ входить въ подробности, такъ какъ о многомъ было уже упомянуто въ предыдущемъ изложеніи, а постараемся въ немногихъ чертахъ представить себѣ образъ жизни палеолитическаго человѣка и степень его культурнаго развитія.

Средній уровень его культуры походилъ вполнѣ на культуру первобытныхъ племенъ, еще и нынѣ живущихъ на далекомъ сѣверѣ (эскимосы) или югѣ (пешересы и др.). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ четвертичный человѣкъ стоялъ выше ихъ, въ другихъ они превосходятъ его, но въ общемъ между ними не было значительнаго различія. Человѣкъ сначала обходился несомнѣнно безъ одѣянія, спалъ подъ деревьями или подъ открытымъ небомъ и только во время непогоды или въ холодную пору, особенно когда климатъ Европы сталъ болѣе суровымъ, онъ началъ искать себѣ убѣжища подъ кровомъ пещеръ и сталъ одѣваться въ звѣриныя шкуры. Интересно, что типы орудій, характерныя по Габр. де Мортилье для теплой доледниковой эпохи, вовсе не встрѣчаются въ пещерахъ. За то тамъ находятся въ изобиліи (какъ напр. во Франціи—типъ Мустье) такія орудія, которыя могли быть вполнѣ пригодными для обдѣлки и очистки шкуръ. По мнѣнію Мортилье, человѣкъ жилъ въ продолженіи эпохи Мустье въ пещерахъ и при помощи скребковъ приспо-

соблялъ себѣ звѣриныя кожи для одежды. Что человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ концѣ четвертичной эпохи, дошелъ уже до искусства сшивать шкуры, при помощи нитокъ изъ оленьихъ жилъ, свидѣтельствуютъ костяныя иглы мадлэнскихъ находокъ (ср. рис. 17). Былъ-ли онъ знакомъ также съ плетеньемъ и съ приготовленіемъ тканей—этого мы пока навѣрное не знаемъ.

Главнымъ занятіемъ и главнымъ средствомъ существованія четвертичнаго человѣка была охота. Лѣса, долины и степи тогдашней Европы изобиловали множествомъ крупной дичи. Пока ея было достаточно, человѣкъ не сознавалъ еще потребности приручать животныхъ, а, можетъ быть, еще и не додумался до этого. Догадки Пьетта и Вольдржиха, что человѣкъ уже въ палеолитическомъ періодѣ дѣлалъ попытки приручить сѣв. оленя, не подтверждаются точными данными. Разведеніе домашнихъ животныхъ и воздѣлываніе земли были тогда еще совершенно неизвѣстны. Охотились въ то время, повидимому, на все, что попадало подъ руку. Большихъ звѣрей, для которыхъ копье съ кремневымъ наконечникомъ, стрѣла, деревянная палица или грубый каменный молотъ оказывались ненадежными, человѣкъ легко одолѣвалъ съ помощью хитрости. Для ловли мамонтовъ и носороговъ устраивались, вѣроятно, большія ямы, въ которыхъ не трудно было уже убить разъ туда попавшее животное. Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ извѣстныя эпохи, главнымъ предметомъ охоты служилъ исключительно одинъ видъ, какъ это было напримѣръ въ Солютрэ, гдѣ охотились сначала только на лошадей, а позже на сѣверныхъ оленей. Одинъ рисунокъ этой эпохи достаточно живо изображаетъ охоту на зубра (изъ Laugerie-Basse). Вообще, по Мортилье, предметомъ охоты служили до 70 видовъ млекопитающихъ и около 50 видовъ птицъ. Человѣкъ ухитрялся ловить также рыбъ съ помощью копья, удочки и гарпуна (ср. рис. 17). Очень возможно, что на какихъ нибудь примитивныхъ челнокахъ, безъ сомнѣнія, на выдолбленныхъ посредствомъ огня однодеревкахъ, человѣкъ отваживался уже пускаться довольно далеко отъ берега въ открытое море. Ривьеръ опредѣлилъ въ находкахъ ментонскихъ пещеръ 50 видовъ рыбъ, между ними 10 морскихъ. Убивая звѣрей, человѣкъ употреблялъ въ пищу ихъ мясо и костный мозгъ. Осколки костей, намѣренно расколотыхъ по длинѣ, находимые при раскопкахъ, представляютъ собою самое лучшее свидѣтельство того, что костный мозгъ считался въ то время лакомствомъ. Мясо употреблялось въ пищу, повидимому, по большей части сырымъ, хотя попадающіяся иногда обожженыя кости показываютъ, что человѣкъ умѣлъ уже поджаривать мясо на огнѣ или на плоскихъ, раскаленныхъ на угольяхъ камняхъ. Несомнѣнно, что человѣкъ въ эту эпоху не только уже былъ знакомъ съ огнемъ, но умѣлъ и пользоваться имъ для домашнихъ потребностей. Остатки очаговъ попадаются часто въ отложеніяхъ палеолитической эпохи. Огонь добывался или ударами крем-

ней другъ о друга, при чемъ сильной искры было достаточно, чтобы зажечь сухой мохъ, или, что вѣроятнѣе, быстрымъ треніемъ двухъ сухихъ кусковъ дерева одинъ о другой.

Не разъ уже возбуждался вопросъ о томъ, были-ли наши четвертичные предки—людоѣдами [72]). Положительныхъ доказательствъ этого нѣтъ, но правдоподобныхъ существуетъ цѣлый рядъ. На это указываютъ, напримѣръ, находки въ пещерахъ Chauvaux въ Намюрѣ (трубчатыя человѣческія кости, расколотыя для добыванія мозга); въ нѣсколькихъ французскихъ пещерахъ, въ дольменахъ Лозеры, въ пещерѣ на о-вѣ Пальмарія, въ Peniche возлѣ Лиссабона, въ Holzen'ѣ въ Брауншвейгѣ и въ др. мѣстахъ. Многіе не видятъ въ этихъ находкахъ ясныхъ признаковъ людоѣдства (Cartailhac, Virchow); но если мы обратимъ вниманіе, до какой степени распространенъ этотъ обычай у примитивныхъ народовъ и какъ естественно возникаетъ онъ по разнымъ поводамъ, а чаще всего изъ анимистическихъ религіозныхъ воззрѣній, то придемъ къ заключенію, что возможно предполагать его и у первобытныхъ обитателей Европы. Что древнему населенію этой части свѣта не былъ чуждъ каннибализмъ, доказываютъ многіе мифы, народныя преданія и сказки, даже древнія греческія поэмы (разсказы о Полиѳемѣ и Лестригонахъ въ Одиссеѣ). Кромѣ того, многія неолитическія находки также подтверждаютъ подобныя догадки.

Главными орудіями человѣка въ эту эпоху, кромѣ деревянной дубины и нижней челюсти медвѣдя—служили различнымъ образомъ обдѣланные камни. О главныхъ типахъ такихъ каменныхъ орудій—скреблахъ, скребкахъ, ножахъ, кинжалахъ, наконечникахъ копій и стрѣлъ—мы уже говорили выше. Добавимъ еще нѣсколько словъ о тѣхъ матеріалахъ, которые служили для ихъ приготовленія, и о способахъ ихъ выдѣлки. Въ ряду горныхъ породъ, употреблявшихся для изготовленія орудій, встрѣчаются роговикъ, кварцитъ, яшма, песчаникъ, кремень, порфиръ, базальтъ, известнякъ, но всего чаще кремень *). Кремень представляетъ собою смѣсь кристаллическаго и аморфнаго кремнезема, обладающую значительною твердостью и отличающуюся характернымъ раковистымъ изломомъ. Онъ встрѣчается въ видѣ конкрецій или желваковъ, различной формы и величины, въ мѣлу и каменноугольныхъ известнякахъ; цвѣта онъ бываетъ чернаго, бураго, желтоватаго, причемъ снаружи крем-

*) Древніе кремни отличаются отъ новѣйшихъ поддѣлокъ нѣкоторыми признаками. На поверхности ихъ замѣчаются нерѣдко такъ назыв. дендриты, т. е. расположенныя въ видѣ вѣточекъ или моха группы очень маленькихъ кристалликовъ, марганцевыхъ соединеній, и пятна желѣзистой ржавчины; поверхность излома у нихъ блестящая (тогда какъ на свѣжемъ изломѣ она матовая); наконецъ цвѣтъ древняго кремня всегда бываетъ свѣтлый (желтоватый, коричневатый и т. п.), свѣжаго же кремня—обыкновенно темный.

невые желваки бываютъ покрыты бѣлой оболочкой, изъ аморфнаго кремнезема. Для приготовленія себѣ орудій, человѣкъ долженъ былъ разбить такой желвакъ и, постепенно отбивая отъ него осколки, придавать имъ желаемую форму. Отдѣленіе осколковъ могло быть производимо или сухимъ ударомъ, помощью другого камня (отбойника) или—какъ это дѣлаютъ и теперь еще многіе дикари—сильнымъ нажимомъ въ одну точку при посредствѣ твердой кости. Оббитые со всѣхъ сторонъ кремневые желваки, изъ которыхъ потомъ приготовляли разныя орудія, называются обыкновенно ядрищами или nucleus'ами (рис. 35). Осколки, отбивавшіеся (или отжимавшіеся) отъ ядрища, подвергались обыкновенно дальнѣйшей обдѣлкѣ по краямъ, помощью мелкихъ ударовъ или послѣдовательной вторичной оббивки (retouche), что могло достигаться также и послѣдовательными нажимами (рис. 36). Употреблялись ли всѣ эти орудія отъ руки или нѣкоторыя изъ нихъ укрѣплялись въ рукоятки, остается не вполнѣ разъясненнымъ. Относительно миндалевидныхъ орудій шелльскаго типа Г. де Мортилье, а за нимъ Belucci, Castelfranco и др. полагаютъ, что они не вставлялись въ рукоятки. Отсюда и ихъ названіе «Coups de poing» (кулачныя орудія). Каменныя острія или наконечники копій и стрѣлъ, разумѣется, должны были прикрѣпляться къ древкамъ. Прикрѣпленіе это дѣлалось посредствомъ ремешковъ, лыка, а также разнаго рода смолы или асфальта, подобно тому, какъ это и теперь практикуется, напримѣръ, австралійцами. Прилагаемое изображеніе нынѣшняго каменнаго копья обитателей Новой Каледоніи можетъ служить намъ примѣромъ подобнаго прикрѣпленія (рис. 37).

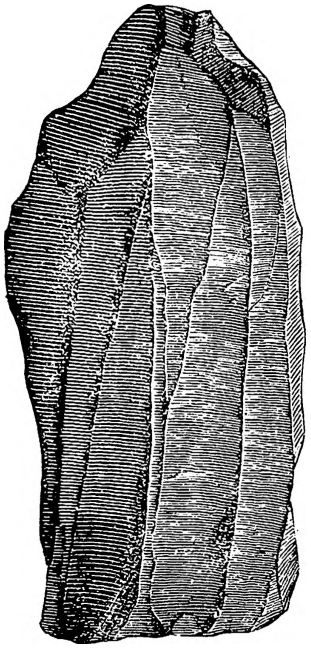


Рис. 35. Кремневый нуклеусъ (ядрище).

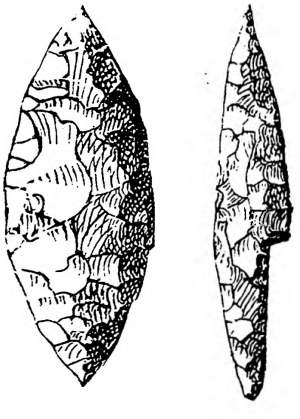


Рис. 36. Кремневыя орудія съ ретушированными ребрами.

Кремень встрѣчается не повсюду, а лишь тамъ, гдѣ распространены мѣловыя и каменноугольныя отложенія, а потому, несомнѣнно, что уже въ древнія времена, онъ долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ предметовъ торговли или обмѣна. Можно предполагать, напримѣръ, что кремневыя орудія, находимыя въ Бельгіи, дѣлались часто изъ французскаго кремня. Къ мѣсторожденіямъ или копямъ кремня четвертичный

человѣкъ предпринималъ, вѣроятно, экскурсіи за матеріаломъ, подобнымъ же образомъ какъ напримѣръ сѣверо-американскіе индѣйцы предпринимали цѣлыя путешествія за мѣдью къ берегамъ Верхняго озера. Относительно неолитическаго періода мы имѣемъ прямыя доказательства подобной торговли.

Кромѣ камня, какъ было уже замѣчено, рога и кости животныхъ служили также, особенно къ концу четвертичнаго періода, матеріаломъ для приготовленія разнаго рода орудій, шилъ, иголъ, кинжаловъ, гарпуновъ, стрѣлъ, и т. п.

До сихъ поръ еще не рѣшенъ вопросъ о томъ, былъ-ли человѣкъ четвертичной эпохи знакомъ съ гончарнымъ искусствомъ, дошелъ-ли онъ уже до умѣнья приготовлять себѣ изъ глины посуду и обжигать ее на огнѣ, для приданія ей надлежащей прочности и непроницаемости. Большинство ученыхъ оспариваетъ существованіе гончарства въ четвертичную эпоху: къ числу ихъ принадлежатъ: Г. де Мортилье, Картальякъ и Гёрнесъ. Но едва-ли такое отрицаніе справедливо. Если даже не принимать во вниманіе цѣлый рядъ прежнихъ находокъ черепковъ посуды совмѣстно съ костями четвертичныхъ животныхъ, во французскихъ пещерахъ, способный внушать нѣкоторое подозрѣніе, то новыя открытія въ пещерахъ Бельгіи доказали уже съ достовѣрностью существованіе гончарства въ четвертичную эпоху [73]). Фрэпонъ (Fraipont) добылъ собственными руками черепокъ горшка въ Энгисской пещерѣ, въ слоѣ, заключавшемъ въ себѣ кости мамонта, носорога, гіены (рис. 38) и каменныя орудія типа Мустье. То-же подтвердили и новѣйшія находки въ Spy и Petit Modave. Впрочемъ, сосудъ, найденный въ Фурфозской пещерѣ, судя по его виду, навѣрно относится уже къ позднѣйшей эпохѣ. Съ другой стороны, принимая во вниманіе, что во многихъ странахъ Европы, между прочимъ въ Моравіи *) и въ Мамонтовой пещерѣ возлѣ Віержхова въ Польшѣ, до сихъ поръ не было еще найдено остатковъ посуды въ четвертичныхъ отло-

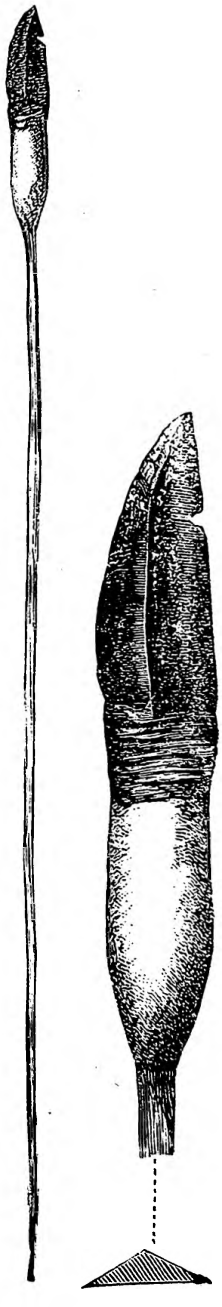


Рис. 37. Каменное копье изъ Новой Каледоніи.

*) Сомбати опубликовалъ, правда, подобную находку въ Костеликѣ; но д-ръ Кржижъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи рѣшительно оспариваетъ, чтобъ въ

женіяхъ, мы должны думать, что въ большей части Европы палеолитическій человѣкъ, дѣйствительно, не былъ еще знакомъ съ гончарствомъ, и только кое гдѣ, какъ напримѣръ въ Бельгіи и Франціи, успѣлъ усвоить себѣ этого рода технику.

За то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что палеолитическій человѣкъ достигъ сравнительно высокой степени развитія въ искусствѣ, именно въ рѣзьбѣ. Нѣкоторые оставленные имъ рисунки на кости и рогѣ способны поистинѣ возбуждать наше удивленіе. Какъ ни далеко подвинулись мы вообще въ культурѣ, но, навѣрно, девять десятыхъ нашего нынѣшняго населенія не въ состояніи въ такомъ совершенствѣ владѣть рисункомъ съ натуры, какъ владѣлъ имъ четвертичный человѣкъ. Первыя худо-

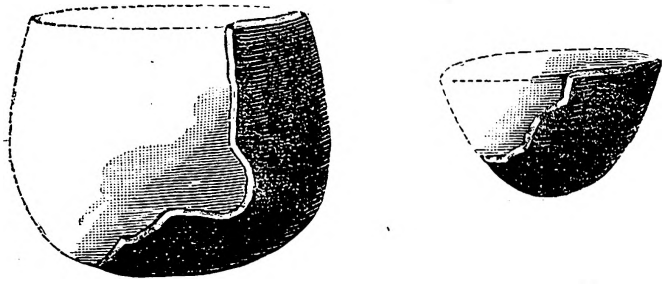


Рис. 38. Сосуды четвертичной эпохи изъ бельгійскихъ пещеръ.

жественныя попытки человѣка имѣютъ, безъ сомнѣнія, два источника своего происхожденія. Съ одной стороны, они сопровождали механическую работу; напримѣръ, при выдѣлкѣ орудій, случайно сдѣланныя нарѣзки дополнялись затѣмъ нарочно для соразмѣрности, повторялись; дыра, просверленная въ одномъ концѣ орудія, дѣлалась и на другомъ и т. д., и такимъ образомъ было положено мало по малу начало орнаментальному искусству. Съ другой стороны, художественныя попытки были результатомъ прирожденной человѣку способности къ подражанію, къ воспроизведенію знакомыхъ и интересовавшихъ его формъ, каковымъ путемъ возникло искусство фигурное. Въ томъ и другомъ случаяхъ мы должны, разумѣется, предполагать уже въ человѣкѣ извѣстное чувство изящнаго, понятія о соразмѣрности, симметріи и т. п., изученіе происхожденія и развитіе которыхъ входитъ впрочемъ уже скорѣе въ область психологіи. Въ памятникахъ палеолитическаго искусства мы видимъ зачатки обоихъ указанныхъ видовъ художества; мы находимъ какъ кости, орнаментированныя нарѣзками (рис. 39), такъ и превосходныя попытки подражанія природѣ, главнымъ образомъ въ видѣ изображеній животныхъ. Звѣрей, съ которыми четвертичный человѣкъ одновременно жилъ,

нетронутыхъ пластахъ Кульны или Костелика могъ быть найденъ черепокъ посуды. Точно также нельзя признать достовѣрными и прежнія показанія Ванкеля и Маковскаго.

которые были предметомъ его охоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его постояннаго вниманія, онъ научился изображать съ замѣчательной реальностью. Нельзя не удивляться, до какой степени онъ внимательно присматривался къ окружавшей его природѣ, какъ онъ схватывалъ типичныя черты интересовавшихъ его животныхъ формъ и воспроизводилъ ихъ на кости или рогѣ сѣвернаго оленя, главнымъ образомъ на такъ называемыхъ начальническихъ жезлахъ (bâtons de commandement).

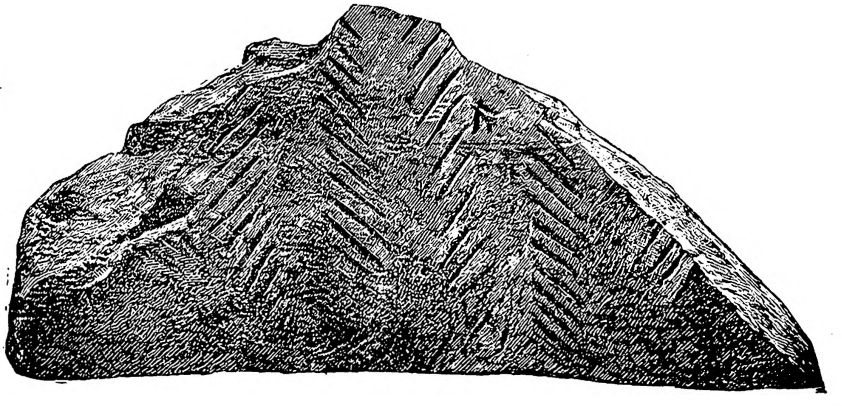


Рис. 39. Кусокъ ребра мамонта съ орнаментомъ черточками изъ Пшедмостья.

Прилагаемая таблица даетъ характерные образцы этого искусства; къ ней мы присоединяемъ еще нѣсколько рисунковъ въ текстѣ. Рис. 40, напримѣръ, изображаетъ превосходно очерченную голову антилопы; начальническій жезлъ, найденный въ Laugerie Basse, весь покрытъ рядомъ смѣло и натурально вырѣзанныхъ дикихъ лошадей (рис. 42). Рис. 43 представляетъ намъ какую то сцену изъ домашней жизни. Впереди мы видимъ дерево, начерченное, повидимому, вслѣдствіе недостатка мѣста, почти въ горизонтальномъ положеніи (нѣкоторые видѣли въ немъ, впрочемъ, змѣю *). Что означаютъ обозначенныя горизонтальными черточками перпендикулярныя полосы за деревомъ—трудно сказать, но можно предполагать, что это какая нибудь хижина, сплетенная изъ прутьевъ и соломы. Направо мы видимъ человѣческую фигуру, обозначенную простыми, но достаточно

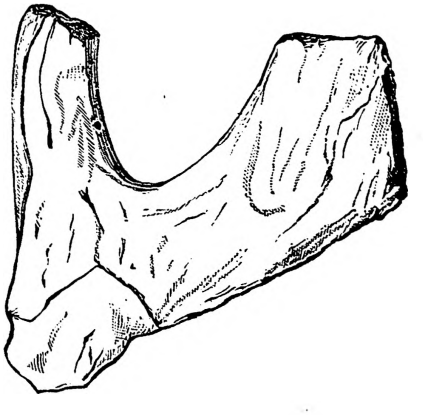


Рис. 40. Рѣзьба на части изъ пещеры Laugerie Basse.

*) По мнѣнію Габр. де Мортилье рисунокъ этотъ изображаетъ охотничью сцену, а то, что авторъ считаетъ деревомъ, есть не что иное какъ угорь.

(Прим. перев.)

явственными очертаніями между двумя лошадиными головами. Фигура держитъ на плечѣ какую-то палку. Большою извѣстностью пользуется изображеніе мамонта, грубое, но чрезвычайно выразительное, представленное на рис. 44. Примѣры замѣчательныхъ рисунковъ, свидѣтельствующихъ о большой наблюдательной способности, мы видимъ также на рис. 45 и 46. Первый представляетъ дикую лошадь, второй—группу сѣверныхъ оленей.

Часто мы можемъ наблюдать въ этого рода издѣліяхъ и удачную композицію и особенно умѣнье воспользоваться даннымъ пространствомъ. На дордоньскихъ изображеніяхъ мы находимъ и первыя попытки тѣней, находимъ даже предметы фантастическіе (что-то въ родѣ сфинкса, изъ пещеры Mas d'Asil). Въ общемъ рисунки (нарѣзками) встрѣчаются чаще, чѣмъ рѣзьба (рельефомъ). Примѣромъ послѣдней можетъ служить рукоятка кинжала, найденная въ Laugerie Basse. Она представляетъ оленя съ поджатыми передними

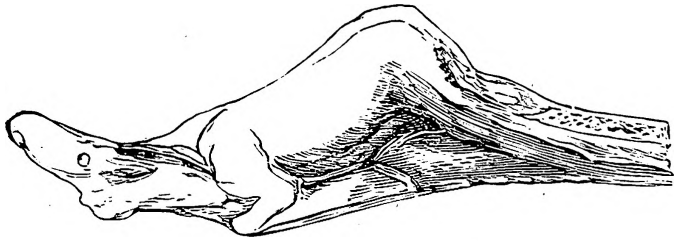
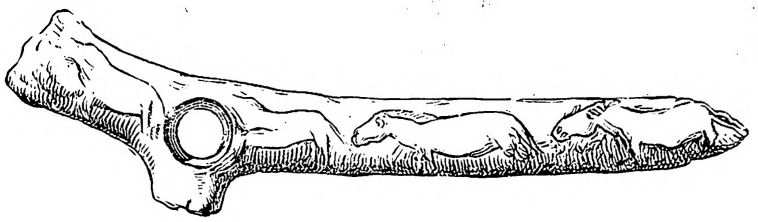
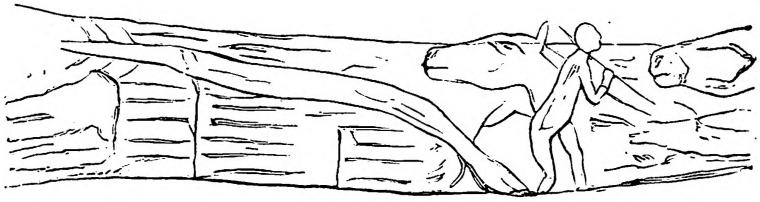


Рис. 41. Рѣзная рукоять кинжала изъ Laugerie Basse.

ногами (рис. 41). Не менѣе замѣчательна голова лошади, изображенная рельефно на одномъ издѣліи изъ пещеры Arudy (приведена въ сочиненіи Картальяка: La France préhistorique). Менѣе удачны изображенія людей, но и среди нихъ мы встрѣчаемъ любопытные образчики. Наиболѣе замѣчательныя изображенія этого рода были найдены въ пещерѣ Brassempouy (деп. Ландъ). Между ними выдаются фигурки изъ слоновой кости (откуда и названіе—éburnéenne, данное Пьеттомъ этой эпохѣ въ отличіе отъ слѣдующей—tarandienne, т. е. эпохѣ, когда преобладала рѣзьба на рогахъ сѣвернаго оленя), изображающія женщинъ и представляющія нѣкоторыя интересныя антропологическія черты;—такъ наз. стеатопигію, узкія висячія груди и сильное развитіе волосъ по всему тѣлу. Первыя находки подобныхъ художественныхъ издѣлій сдѣланы были еще въ пятидесятыхъ годахъ. Наибольшее количество ихъ было доставлено французскими пещерами въ деп. Дордони, главнымъ обр. Мадлэнскою, вся культура которой отличается вообще преобладаніемъ обработки кости и рога. Интересныя находки были сдѣланы въ пещерахъ Laugerie Basse, Брюникельской, Масъ-д'Азильской, въ Massat, Teyjat, Arudy, въ Brassempouy и др. [74]); въ Бельгіи—въ Trou Marguerite; въ Германіи, главнымъ обр. въ Тайингенской пещерѣ. Въ Чехіи прекрасные образцы

рѣзьбы были добыты д-ромъ Кржижемъ въ Кульнѣ и Костеликѣ, въ Моравіи (рис. 26—30); въ числѣ ихъ имѣются подражанія формамъ рыбъ и человѣческаго лица.





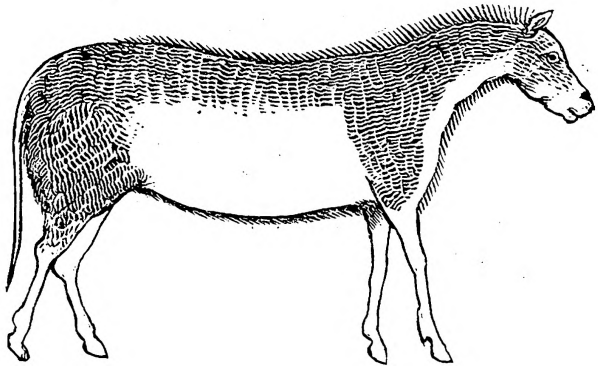


Рис. 42 Почетный жезлъ изъ пещеры Laugerie Basse. Рис. 43. Рисунокъ на кости изъ пещеръ Дордони (по Леббоку). Рис. 44. Изображеніе мамонта изъ Мадлэнской пещеры, найденное Лартэ. Рис. 45. Изображеніе дикой лошади изъ Тайингенской пещеры.

Эта, сравнительно высокая степень искусства четвертичнаго человѣка не

покажется намъ удивительной, если мы сравнимъ ее съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ этнографіи современныхъ первобытныхъ народовъ. Художественное воспроизведеніе формъ, особенно животныхъ, является какъ бы врожденною способностью дикаря, живущаго въ болѣе тѣсномъ и постоянномъ общеніи съ окружающею его природой. Подобныя художественныя попытки мы находимъ у цѣлаго ряда племенъ, даже у такихъ, которыя обыкновенно считаются самыми низшими по своему культурному развитію, какъ напр. у австралійскихъ дикарей, у папуасовъ, эскимосовъ, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, самоѣдовъ, чукчей, камчадаловъ и др. (ср. рис. 47).

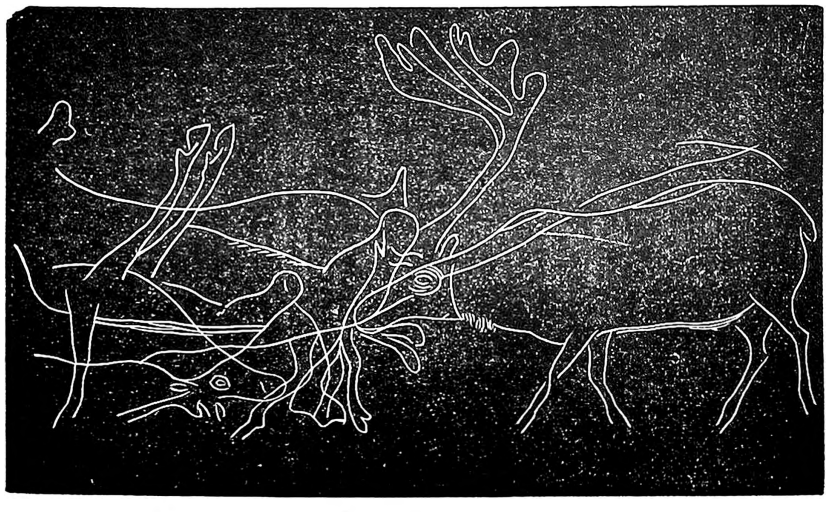


Рис. 46. Изображеніе сѣверн. оленей (по Лёббоку).

Пещера Mas d'Asil доставила намъ и древнѣйшія попытки живописи красками. Г. Пьеттъ нашелъ тамъ множество галекъ, раскрашенныхъ полосками красной желѣзистой охры, сдѣланными пальцемъ или какимъ нибудь предметомъ въ родѣ кисти *). Въ Гурданской пещерѣ найдены были подобные же рисунки.

Сказать еще что нибудь о культурѣ и вообще о духовной жизни четвертичнаго палеолитическаго человѣка—довольно затруднительно. Между французскими изслѣдователями продолжается и по настоящее время споръ о томъ, обладалъ ли четвертичный человѣкъ религіознымъ культомъ, погребалъ-ли онъ своихъ мертвыхъ, совершалъ-ли онъ при этомъ какіе нибудь обряды и т. п. На эти вопросы очень трудно отвѣтить сколько нибудь достовѣрнымъ образомъ. Просверленные зубы, раковины и камешки могутъ быть принимаемы за амулеты, но точно также, и съ гораздо большимъ вѣроятіемъ, ихъ можно считать простыми, примитивными украшеніями. О скелетахъ, па-

*) Сколько намъ извѣстно, Парижская Антропологическая Школа относится къ этимъ находкамъ г. Пьетта довольно скептически. *Прим. переводч.*

ходимыхъ въ пещерахъ, также трудно сказать съ достовѣрностью, были-ли они тамъ погребены съ какими нибудь обрядами, или безъ всякаго обряда. Слишкомъ смѣло поэтому мнѣніе Мортилье, который, составивши себѣ заранѣе теорію, что дилювіальный человѣкъ въ Европѣ не имѣлъ еще никакой религіи и не зналъ погребальныхъ обрядовъ, принесенныхъ въ Европу только въ слѣдующую эпоху новымъ народомъ, пришедшимъ изъ Азіи, отрицаетъ древность человѣческихъ костей, находимыхъ въ пещерахъ постплоценовой эпохи *). Мы съ своей стороны болѣе склонны думать, что въ концѣ палеолитическаго періода въ Европѣ существовало уже обрядовое погребеніе мертвыхъ.

Мы полагаемъ, вообще, что четвертичный человѣкъ обладалъ уже нѣкоторымъ религіознымъ культомъ и владѣлъ членораздѣльною рѣчью. Хотя мы и не можемъ согласиться къ Катрфажемъ, который, рядомъ съ нравственностью, признавалъ и религіозность существеннымъ признакомъ человѣка, отличающимъ его отъ животныхъ, тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что человѣкъ уже на очень раннихъ ступеняхъ своего развитія дошелъ до понятія о сверхъестественныхъ существахъ. Но существуютъ ли зачатки религіи у всѣхъ человѣческихъ племенъ, или, какъ утверждаетъ напр. Лёббокъ, есть среди нихъ и недостигшіе еще этой стадіи развитія,—вопросъ этотъ еще не вполнѣ выясненъ и до сихъ поръ. Очень часто впрочемъ споръ въ данномъ случаѣ

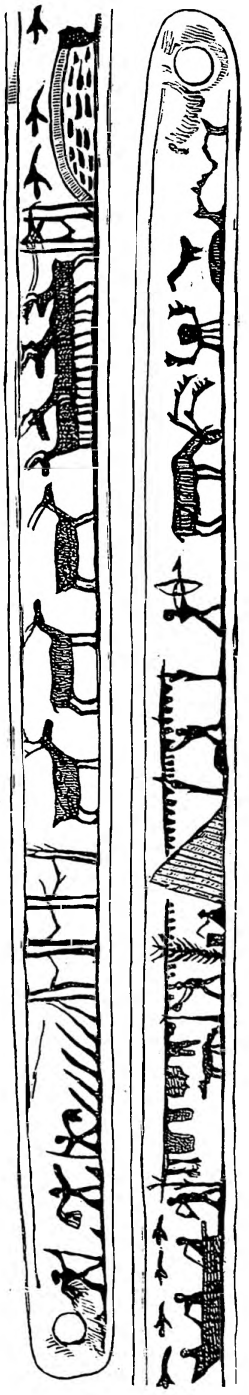


Рис. 46. Разные рисунки эскимосовъ.

*) Въ интересахъ научнаго изложенія необходимо замѣтить, что г. Габр. де Мортилье, отрицая древность костей, найденныхъ въ Энгисской пещерѣ (которыя очевидно имѣетъ здѣсь въ виду уважаемый авторъ), основывается главнымъ образомъ на геологическихъ и затѣмъ на археологическихъ данныхъ, при чемъ выводъ его подтверждается и антропологическими изслѣдованіями послѣдняго времени (Hervé). Трудно также считать предвзятымъ мнѣніе г. де Мортилье объ отсутствіи религіознаго культа у четвертичнаго человѣка, если нѣтъ до сихъ поръ ни малѣйшихъ доказательствъ его существованія.

Прим. переводч.

сводится только къ недостаточно выясненному понятію о томъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ религіей. Можно ли напр. считать за религію тотъ неопредѣленный страхъ, который чувствуетъ первобытный человѣкъ передъ грозными явленіями природы (громомъ, молніей и т. п.) или нѣтъ? Если даже о нѣкоторыхъ изъ современныхъ племенъ мы затрудняемся иногда сказать, есть-ли у нихъ религія или нѣтъ, то тѣмъ болѣе это трудно рѣшить относительно человѣка первобытныхъ временъ!

За то очень вѣроятно, что постпліоценовый человѣкъ владѣлъ уже членораздѣльною рѣчью. Человѣкъ безъ языка, «Homo alalus primigenius», существованіе котораго предполагали Геккель (Haeckel) и Фр. Мюллеръ (Friedrich Müller) не могъ бы быть прародителемъ человѣческихъ племенъ. У нижней челюсти, найденной въ Нолеттской пещерѣ въ Бельгіи (а также и въ добытой изъ пещеры Шипки, въ Моравіи), замѣчается, правда, малое развитіе подбородка и находящейся на внутренней его поверхности — подбородочной ости (spina mentalis interna, къ которой прикрѣпляются мускулы, управляющіе движеніями языка), что и дало поводъ Габр. де Мортилье сдѣлать заключеніе, что четвертичный человѣкъ не обладалъ еще рѣчью,—но находки другихъ человѣческихъ челюстей той же эпохи не подтверждаютъ такого предположенія).

Общественное устройство послѣтретичной эпохи намъ, конечно, неизвѣстно. По всей вѣроятности, оно не шло далѣе простѣйшаго общиннаго и семейнаго быта. Если бы украшенные изображеніями рога сѣвернаго оленя представляли собой дѣйствительно какіе нибудь почетные жезлы или знаки начальниковъ (bâtons de commandement, Commandostäbe), какъ нѣкоторые думаютъ, то они были-бы первыми символами власти. Но другіе съ той же степенью вѣроятія принимаютъ ихъ просто за приспособленія для выпрямленія сучьевъ, предназначенныхъ для луковъ (Keller, Müller, Ranke и пр.).

Хронологическое опредѣленіе дилювіальной эпохи и древность человѣка.

Въ концѣ этой главы мы должны сказать еще нѣсколько словъ о попыткахъ опредѣленія абсолютной древности нѣкоторыхъ дилювіальныхъ находокъ. Такихъ попытокъ было сдѣлано не мало. Основой для нихъ служили отчасти явленія астрономическія или геологическія (напр. медленное опусканіе и поднятіе нѣкоторыхъ частей европейскаго материка, на основаніи чего Ч. Ляйэлль опредѣлялъ напр. продолжительность четвертичной эпохи больше чѣмъ во сто тысячъ лѣтъ), отчасти же вычисленія времени, которое можно предполагать для образованія извѣстнаго отложенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывалось возможнымъ установить ростъ его въ теченіи извѣстной единицы времени, напр. одного столѣтія. Такимъ путемъ Горнеръ

(Horner) напр. вычислилъ древность отложеній Нильской дельты въ Египтѣ (древность черепка посуды, найденнаго на глубинѣ около 12-ти метровъ, онъ опредѣлилъ въ 13000 лѣтъ), Арселенъ и Ферри—древность отложеній рѣки Соны, Форель—наносовъ р. Роны у впаденія ея въ Женевское озеро, Морлô—отложеній ручья Tinière возлѣ Вилльнёва, Доулеръ и Беннетъ (Dawler and Bennet) отложеній Миссиссиппи и т. д. Но всѣ эти вычисленія ненадежны, такъ какъ нигдѣ не нашлось еще пункта, гдѣ-бы соединялись всѣ условія, необходимыя для полной точности вычисленія. Главное препятствіе въ этомъ отношеніи заключается въ отсутствіи равномѣрности въ отложеніи наносовъ. Ненадежность вычисленій явствуетъ уже изъ крупнаго различія въ результатахъ, полученныхъ разными изслѣдователями. Однимъ не хватаетъ и ста тысячъ лѣтъ для опредѣленія древности человѣка, тогда какъ Прествичъ (Prestwich), напр., опредѣляетъ древность человѣка, жившаго въ началѣ ледниковаго періода, въ 25—30000 лѣтъ до начала неолитической эпохи. Всѣ изслѣдователи сходятся однако между собою въ томъ, что древность человѣка на землѣ громадна сравнительно съ тѣмъ, какъ ее опредѣляли прежде.

ГЛАВА III.

Человѣчество въ неолитическую эпоху [75]).

Вопросъ о промежуткѣ или перерывѣ между двумя эпохами (hiatus Мортилье). — Подраздѣленія неолитической эпохи. — Неолитическія поселенія: стоянки подъ открытымъ небомъ и мастерскія. — Пещерныя жилища. — Кухонныя кучи (kjökkenmödding'и). — Сорныя ямы, жилища и городища. — Свайныя постройки. — Циклопическія сооруженія. — Города неолитической эпохи (Санторинъ, Мелосъ и Гиссарликъ). — Гробницы и священныя мѣста: мегалитическіе памятники (менгиры, качающіеся камни, жертвенники, дольмены, каменныя аллеи, кромлехи, гробницы). — Простыя могилы въ землѣ — Польскіе skrzyńkowe hroby и русскіе курганы. — Сожиганіе мертвыхъ въ неолитическую эпоху. — Картина культуры этого времени. — Хронологическія опредѣленія.

Согласно Леббоку, мы раздѣляемъ весь періодъ такъ наз. каменнаго вѣка на только что описанную древнюю, палеолитическую эпоху, характеризуемую каменными грубооббитыми орудіями, и на эпоху позднѣйшую, характеризуемую каменными орудіями болѣе искусно сдѣланными, часто шлифованными и просверленными, такъ назыв. неолитическую. Подобно тому, какъ палеолитическая эпоха характеризуется не одной только формой орудій, но и всѣмъ характеромъ культуры, особенностями среды, въ которой жилъ человѣкъ, своеобразной, окружавшей его, фауной и т. д., такъ и неолитическая представляетъ собою не только эпоху, въ теченіи которой люди употребляли шлифованныя и просверленныя каменныя орудія, но и знаменуетъ совершенно новую эру въ развитіи культуры, при иныхъ условіяхъ среды, климата, флоры и фауны. Кромѣ шлифовки и просверливанія орудій, остающихся типическими признаками неолитической эпохи, мы видимъ, что въ теченіи ея европейскій человѣкъ былъ знакомъ уже съ гончарнымъ искусствомъ, даже занимался земледѣліемъ и разведеніемъ домашнихъ животныхъ, однимъ словомъ мы видимъ рядъ новыхъ пріобрѣтеній — новую культуру.

Габр. де Мортилье полагаетъ весьма рѣзкое различіе между палеолитической эпохой и неолитической. По его мнѣнію, палеолитическій человѣкъ не имѣлъ никакого понятія о тѣхъ культурныхъ особенностяхъ, какими отличается

неолитическая эпоха, появившаяся въ Европѣ внезапно и сразу къ концу постпліоцена. Такое внезапное появленіе является для Мортилье доказательствомъ, что культура неолитической эпохи не развилась путемъ постепенной и непрерывной эволюціи изъ предшествовавшей древнѣйшей, а была принесена въ Европу новымъ народомъ. Начало неолитической эпохи обусловливается, такимъ образомъ, появленіемъ новаго населенія, которое было уже знакомо съ гончарнымъ искусствомъ и съ разведеніемъ животныхъ и земледѣліемъ, умѣло уже выдѣлывать изъ камня полированныя орудія и т. п., и которое распространилось скоро по всей Европѣ. Но Мортилье пошелъ еще далѣе и высказалъ мнѣніе, что этотъ новый народъ не нашелъ уже въ Европѣ ея древнѣйшаго населенія, за исключеніемъ развѣ незначительныхъ его остатковъ. То населеніе, которое жило здѣсь въ дилювіальную эпоху и питалось охотой на мамонта, носорога, а позже на сѣвернаго оленя, по мнѣнію г. Мортилье, исчезло еще до появленія неолитическаго человѣка, какъ и куда—остается неизвѣстнымъ. Мортилье высказываетъ предположеніе, что оно скорѣе всего могло переселиться вслѣдъ за только что названными животными, которыя по причинѣ измѣненія климата вынуждены были отступить куда то на сѣверъ.

Однимъ словомъ, Мортилье предполагаетъ, что между палеолитической и неолитической эпохами, по крайней мѣрѣ въ Зап. Европѣ, есть какой-то промежутокъ, въ теченіи котораго Европа, за немногими развѣ мѣстностями, оставалась необитаемой. Поэтому-то, по его мнѣнію, между древней палеолитической культурой и культурой неолитической нѣтъ никакой связи, никакого постепеннаго перехода, а замѣчается перерывъ, hiatus. Существованіе такого перерыва было принято вслѣдъ за Мортилье и многими другими изслѣдователями. Тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ остается еще спорнымъ [76]), почему мы и находимъ нужнымъ нѣсколько на немъ остановиться.

Главнымъ доказательствомъ hiatus'а служитъ для Г. де Мортилье и его послѣдователей (къ подобнымъ же заключеніямъ пришли напр. J. Ewans, и Boyd Dawkins, относительно Англіи, Lohest—относительно Бельгіи, K. Penka—въ своей теоріи происхожденія арійцевъ и пр.)—рядъ мѣстонахожденій, въ которыхъ, дѣйствительно, между культурнымъ слоемъ постпліоценоваго періода и слоемъ, заключающимъ въ себѣ предметы неолитической эпохи, находится слой пустой, лишенный всякихъ слѣдовъ человѣческой культуры и часто очень мощный. Подобный слой найденъ былъ напр. въ Placard'ской пещерѣ въ Vilhonneur'ѣ, въ Laugerie Haute (въ Дордони), въ Коровьей пещерѣ (Grotte de la Vache) въ Арьежскомъ деп. Въ наносахъ р. Соны Arcelin нашелъ подобный же, въ 3 метра мощностью, пустой слой и—на основаніи установленной имъ для этой мѣстности нормы осажденія осадковъ — вычислилъ, что эпоха hiatus'а продолжалась въ ней отъ 3 до 4 тысячъ лѣтъ.

На основаніи подобныхъ находокъ Г. де Мортилье полагаетъ, что четвертичный человѣкъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей (онъ самъ признаетъ нѣсколько мѣстонахожденій, гдѣ палеолитическій культурный слой безъ всякаго перерыва непосредственно переходитъ въ слой неолитическій), исчезъ изъ Европы и только по прошествіи значительнаго періода времени смѣнился въ ней новымъ населеніемъ. Споры о «перерывѣ» не всегда однако отличаются логичностью. Весь этотъ вопросъ сводится въ сущности къ двумъ: 1) явился ли вообще новый человѣкъ въ Европу или, лучше сказать, необходимо-ли приписывать появленіе неолитической культуры въ Европѣ прибытію въ нее новаго народа и 2) дѣйствительно ли передъ этимъ древнее населеніе Европы исчезло и существовалъ ли перерывъ въ ея заселеніи?

Пока дѣло идетъ о первомъ вопросѣ, не можетъ быть сомнѣній, что неолитическая эпоха характеризуется культурой, совершенно отличающейся отъ палеолитической, и что ее можно объяснить прибытіемъ новаго народа. Но мы допускаемъ только возможность такого объясненія. Подобное измѣненіе культуры еще не предполагаетъ необходимости появленія новаго населенія. Если мы пересмотримъ главные признаки неолитической культуры, по мнѣнію Г. де Мортилье вовсе не существовавшіе въ четвертичную эпоху, то мы сейчасъ же увидимъ, что нѣтъ никакой необходимости объяснять ихъ появленіе приходомъ новаго населенія. Какъ ранѣе своего прибытія въ Европу это новое населеніе могло дойти до скотоводства, земледѣлія и осѣдлой жизни, такъ точно могло усвоить себѣ все это и палеолитическое населеніе Европы. И если мы бросимъ взглядъ на тѣ условія, въ какихъ оно оказалось въ концѣ послѣтретичной эпохи, то намъ станетъ понятнымъ, что оно должно было прійти къ этому совершенно естественнымъ путемъ. Крупныя постпліоценовыя животныя были отчасти истреблены охотой, отчасти же, соотвѣтственно измѣненію климата, отступили къ сѣверу и востоку. Человѣку, такимъ образомъ, грозилъ недостатокъ пищи, отъ котораго онъ могъ обезпечить себя только ловя животныхъ, но не убивая ихъ, и заботясь о томъ, чтобы они размножались въ цѣлыя стада и доставляли такимъ образомъ запасъ пищи во всякое время. Такъ началось мало по малу прирученіе животныхъ. Подобнымъ же образомъ человѣкъ могъ быть приведенъ и къ хлѣбопашеству, т. е. къ искусственному разведенію хлѣбныхъ растеній про запасъ. Гончарство, знакомство съ которымъ Г. де Мортилье совершенно оспариваетъ у четвертичнаго человѣка, появляется уже, какъ мы видѣли, въ палеолитическую эпоху, въ Бельгіи, а можетъ быть и во Франціи, и въ концѣ палеолита въ Россіи. Человѣкъ легко могъ дойти до этого искусства самостоятельно въ разныхъ мѣстностяхъ. Знакомство съ нимъ могло распространяться изъ этихъ нѣсколькихъ центровъ и поэтому неудивительно, что въ неолитическую эпоху керамика стала уже извѣстна повсюду. То же можно

сказать и о шлифовкѣ каменныхъ орудій. Ошибочно было-бы думать, что она была непремѣнно принесена извнѣ. До усовершенствованія орудій посредствомъ ихъ полировки палеолитическій человѣкъ могъ также дойти самостоятельно во многихъ мѣстахъ. Въ мастерской кремневыхъ орудій въ Cissbury найдены были, кромѣ грубыхъ топоровъ миндалевиднаго типа, уже и первыя попытки шлифовки и оттачиванія. Въ Пшедмостѣ г. Машка также нашелъ въ постпліоценовомъ слоѣ два шлифованныхъ орудія, и подобные же примѣры извѣстны и изъ другихъ странъ. Все это свидѣтельствуетъ, что рѣзкое отдѣленіе палеолита отъ неолита, принимаемое Мортилье—едва ли справедливо. Во всякомъ случаѣ, нельзя доказать, что неолитическая культура появилась во всей Европѣ сразу; съ другой стороны, она недостаточно однообразна, чтобы ее можно было приписать одному народу, а тѣмъ болѣе пришедшему откуда-то извнѣ.

Тѣмъ не менѣе мы не утверждаемъ, чтобы подобнаго переселенія вообще не было. Принимая во вниманіе новые типы череповъ въ различныхъ неолитическихъ могильникахъ Европы, приходится скорѣе допустить, что въ теченіи неолитической эпохи въ Европѣ, дѣйствительно, начали появляться новыя племена. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы эти племена были исключительными носителями новой культуры. Мы полагаемъ, что древнее четвертичное населеніе Европы не исчезло, что палеолитическая культура постепенно развилась въ новую культуру, апогею которой, а затѣмъ и цѣлому было дано названіе культуры неолитической, и что прибытіе въ Европу новыхъ племенъ, къ которымъ относятся, напримѣръ, раса французскихъ и датскихъ мегалитическихъ гробницъ, имѣло на это развитіе только побочное вліяніе. Никакого великаго переселенія новыхъ народовъ, для этой эпохи, мы рѣшительно не допускаемъ.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что никакого hiatus'а, т. е. перерыва въ культурѣ, въ теченіе каменнаго вѣка, не было. Что это такъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ находокъ, въ которыхъ слой, заключающій предметы четвертичной эпохи, переходитъ непосредственно въ культурный неолитическій слой. Г. де Мортилье самъ указалъ на нѣсколько такихъ случаевъ, а въ послѣднее время описанъ былъ цѣлый рядъ ихъ, какъ напр. находки въ пещерахъ «Duruthy» въ Sordes, въ Nermont'ѣ (деп. Йонны), въ Delémont'ѣ (въ Швейцаріи), въ Yport'ѣ (деп. Нижней Сены), въ Manneville sur-Risle (деп. Eure), въ Reilhac'ѣ, въ Mas-d'-Azyl'ѣ, гдѣ производили недавно раскопки E. Piette и M. Boule, въ Россіи въ упомянутыхъ уже мѣстонахожденіяхъ по берегамъ Оки и пр. Ничего въ себѣ не содержащіе слои въ нѣкоторыхъ пещерахъ, на которые ссылается Г. де Мортилье, доказываютъ, разумѣется, что человѣкъ тамъ нѣкоторое время не жилъ, но это не значитъ еще, что онъ исчезъ вообще въ цѣлой странѣ и цѣлой Европѣ. Если

человѣку, жившему охотой, начинало не хватать дичи въ одной мѣстности, онъ переходилъ въ другую и оставлялъ прежнее жилище, которое легко могло оставаться долгое время незанятымъ, потому что прежніе его обитатели поселились въ другомъ мѣстѣ. Интереснымъ доказательствомъ такого взгляда являются пещеры Maszyca и na Milaszówce возлѣ Кракова, изслѣдованныя Г. Оссовскимъ и Я. Вольдржихомъ [77]). Въ первой изъ нихъ. между слоями дилювіальнымъ и неолитическимъ, былъ замѣченъ слой, не заключавшій въ себѣ остатковъ, тогда какъ во второй тотъ же самый слой оказался культурнымъ. Можно думать, что человѣкъ, уйдя изъ одной пещеры, переселился въ другую. Это ясно можно видѣть на слѣдующей таблицѣ:

Пещера „Maszyca".	Пещера „na Milaszówce".
Слой a) Остатки эпохи металловъ.	Слой a)
Слой b) Каменныя орудія, сдѣланныя поср. отбиванія и пришлифованныя, черепки посуды, кости домашнихъ животныхъ. Сѣвернаго оленя нѣтъ.	Остатковъ нѣтъ.
Отатковъ нѣтъ.	Слой b) Оббитыя каменныя орудія, непришлифованныя, черепки посуды, остатки домашняго быка и сѣвернаго оленя.
Слой c) Палеолитическія орудія и четвертичная фауна. Остатковъ глиняной посуды нѣтъ.	Слой c) Четвертичная фауна. Слѣдовъ человѣка нѣтъ.
Горная порода пещеры.	Горная порода пещеры.

Словомъ, существованіе какого-бы то ни было hiatus'а между эпохами палеолитической и неолитической не доказано и, если и замѣчается мѣстами промежутокъ, то не въ дѣйствительности: онъ заключается въ нашихъ свѣдѣніяхъ, какъ однажды высказался и самъ Мортилье.

Подраздѣленія неолитической эпохи. Г. де Мортилье раздѣлялъ прежде неолитическую эпоху на двѣ, на древнѣйшую Кампиньенскую эпоху (отъ мѣстонахожденія—въ Campigny, въ департ. Нижней Сены), и позднѣйшую Робенгаузенскую эпоху (отъ свайныхъ построекъ въ Robenhausen'ѣ на Пфеффиконскомъ озерѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ Швейцаріи); въ послѣднее время онъ установилъ передъ Кампиньенскою еще одну новую

эпоху Турассьенскую (отъ мѣстности La Tourasse, въ Верхн. Гароннѣ) какъ переходную. Г. Issel даетъ этой новой эпохѣ названіе «міолитической» (miolithique). Другой французскій археологъ Ф. Сальмонъ раздѣляетъ неолитическую эпоху на 3 періода: 1) Кампиньенскій, самый древній, представляющій переходъ отъ палеолита къ неолиту; сюда относятся между прочимъ и датскія кухонныя кучи, въ которыхъ появляются шлифованныя орудія и гончарное искусство. 2) Шассео-Робенгаузенскій (отъ мѣстонахожденій въ Chassey въ департ. Сены и Луары и въ Робенгаузенѣ), куда относятся главнымъ образомъ свайныя постройки каменнаго періода, съ шлифованными и отточенными орудіями и уже довольно развитою керамикой, и со слѣдами ткачества, земледѣлія, скотоводства и т. п.; и 3) Карнакскій (отъ мѣстности Карнакъ въ Бретани), характеризуемый главнымъ образомъ сооруженіемъ большихъ каменныхъ надгробныхъ памятниковъ, такъ назыв. мегалитическихъ, появленіемъ новаго погребальнаго обычая — сожиганія мертвыхъ и т. п. [78]). Раздѣленіе это имѣетъ однако и нѣкоторыя слабыя стороны. По формѣ орудій проф. Вольдржихъ раздѣлилъ неолитическую эпоху также на три періода: 1) періодъ шлифованныхъ, но не просверленныхъ каменныхъ орудій (атримолитическій); 2) періодъ просверленныхъ орудій (тримолитическій), и 3) періодъ орудій изогнутыхъ (кольполитическій), къ которому относится и появленіе первыхъ бронзовыхъ предметовъ *).

Для обозрѣнія главныхъ неолитическихъ находокъ въ Европѣ, мы раздѣлимъ ихъ на двѣ главныхъ группы: остатки человѣческихъ поселеній и неолитическія мѣста погребенія. Есть, впрочемъ, случаи, къ которымъ это раздѣленіе не можетъ быть примѣнено; таковы напр. пещеры, которыя сначала служили человѣку жилищемъ, а потомъ и мѣстомъ погребенія. Но въ общемъ мы можемъ раздѣлить всѣ памятники неолитической культуры на указанныя группы, установивши въ свою очередь въ каждой изъ нихъ соотвѣтственныя меньшія подраздѣленія. Такъ, въ отдѣлѣ о поселеніяхъ мы будемъ говорить сначала о мастерскихъ каменныхъ орудій, о такъ наз. стоянкахъ подъ открытымъ небомъ, затѣмъ о неолитическихъ пещерахъ, о кухонныхъ кучахъ (kjökkenmödding'ахъ), о такъ наз. сорныхъ ямахъ и неолитическихъ городищахъ, о свайныхъ постройкахъ и наконецъ о каменныхъ сооруженіяхъ и о городахъ неолитической эпохи. Неолитическія мѣста погребенія мы раздѣлимъ на погребальныя пещеры, мегалитическія гробницы, къ которымъ мы присоединимъ и памятники, не имѣющіе прямого отношенія къ погребенію, и на простыя могилы безъ всякихъ сооруженій, сдѣлан-

---

*) Названія эти составлены изъ греческихъ словъ τρύμη=дыра, κόλπος=загибъ и λίθος=камень.

ныя въ землѣ. Въ концѣ мы скажемъ еще нѣсколько словъ о началѣ сожиганія мертвыхъ и дадимъ общій обзоръ культуры этой эпохи.

Неолитическія стоянки и мастерскія. На поверхности земли или въ почвѣ попадаются часто довольно обширныя мѣста, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что въ очень отдаленныя времена на нихъ имѣлъ пребываніе доисторическій человѣкъ. Такія мѣста, покрытыя кремневыми осколками и орудіями (безъ всякаго слѣда металловъ), костями домашнихъ и дикихъ животныхъ, черепками посуды, пепломъ, углями и т. под. отбросами, называются обыкновенно неолитическими стоянками (stations), а если они служили центрами выдѣлки каменныхъ орудій въ большомъ количествѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество обломковъ и осколковъ камня, то—мастерскими каменныхъ орудій (ateliers). Въ нѣкоторыхъ странахъ эти стоянки служили, повидимому, постояннымъ мѣстопребываніемъ человѣкъ, въ другихъ-же только временнымъ, лѣтнимъ. Человѣкъ жилъ здѣсь подъ открытымъ небомъ, сюда онъ тащилъ убитыхъ въ окрестностяхъ звѣрей, приготовлялъ ихъ мясо на огнѣ и здѣсь-же, если оказывалось по близости достаточно матеріала, выдѣлывалъ свои орудія и оружіе. Тамъ, гдѣ человѣкъ для постояннаго жительства пользовался пещерами или иными жилищами подъ крышей, мы можемъ считать такія стоянки и мастерскія скорѣе всего за временныя охотничьи становища или за мѣста, посѣщавшіяся по временамъ людьми для заготовки себѣ изъ имѣвшагося въ окрестностяхъ матеріала, потребнаго оружія и орудій.

Такія неолитическія стоянки и мастерскія настолько многочисленны во всей Европѣ, что мы можемъ упомянуть здѣсь только о нѣсколькихъ, наиболѣе извѣстныхъ и важныхъ. Главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе мастерскія французскія и бельгійскія. Во Франціи особенно замѣчательны мѣстонахожденія въ Campigny (въ деп. Нижней Сены), въ

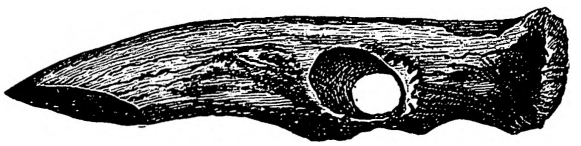


Рис. 47. Роговая мотыка изъ доисторич. шахты въ Mur-de-Barrez.

Grand Pressigny (въ деп. Индры и Луары), откуда кремень расходился на очень далекія разстоянія, въ Londinières (въ деп. Ниж. Сены), въ окрестностяхъ Meudon'a возлѣ Парижа и въ другихъ мѣстахъ по рѣкамъ: Сенѣ, Марнѣ и Уазѣ. Въ Mur de Barrez (въ Aveyron'ѣ) кремень добывался прямо изъ залежей съ помощью шахтъ. Прилагаемый рисунокъ (47) изображаетъ мотыку, сдѣланную изъ отростка оленьяго рога и служившую для этой ра-

боты. Еще болѣе извѣстная подобная же мастерская открыта была въ Mesvin въ Бельгіи. Тамъ, чтобы добраться до кремня, приходилось копать колодцы (puits d'extraction) сквозь послѣтретичные и третичные пласты до залежей мѣла, а затѣмъ дѣлать въ этихъ залежахъ довольно обширные подземные ходы. Подобная громадная мастерская, на пространствѣ около 25 десятинъ, была найдена въ Spiennes (Hainaut) въ Бельгіи; въ окрестностяхъ ея E. де Munck нашелъ еще цѣлый рядъ меньшихъ стоянокъ.

Въ Англіи сюда относится большая мастерская въ Cissbury въ Worthing'ѣ, гдѣ кремень тоже добывался съ помощью мотыкъ изъ оленьяго рога. Подобныя же мастерскія каменныхъ орудій открылъ Choffat въ Португаліи. Въ Италіи ихъ было найдено много въ Калабріи, откуда каменныя орудія разносились по всему Аппенинскому полуострову. Въ Веронской провинціи есть цѣлый рядъ очень интересныхъ стоянокъ въ Breonia, гдѣ по мнѣнію Пигорини и Кастельфранко жилъ одинъ и тотъ-же народъ отъ конца палеолитической эпохи до самаго начала римской; въ Prun'ѣ возлѣ Вероны есть стоянка очень интересная своеобразными формами каменнаго оружія. Въ Австрійскихъ земляхъ большія мастерскія кремневыхъ орудій болѣе рѣдки. Къ нимъ относятся слѣды поселеній на Gotschenberg'ѣ въ долинѣ Зальцаха, въ Нижней Австріи. Въ Германіи онѣ встрѣчаются на о-вѣ Рюгенѣ, въ бассейнѣ Гавеля, на Vitusberg'ѣ и др. мѣстахъ. Въ Румыніи упоминаютъ о стоянкѣ въ Cucuteni, гдѣ кромѣ обыкновенныхъ остатковъ были найдены еще очень интересные амулеты и глиняныя статуэтки, напоминающія старинныя восточныя произведенія.

Въ Чехіи найдены были небольшія мастерскія кремневыхъ орудій въ Vosice возлѣ Пардубицъ, въ Bukvice, возлѣ Йичина, въ Čistoves, недалеко отъ Кралева Градца (Königsgrätz), въ послѣднее время возлѣ Skočice; заключавшіе пепелъ культурные слои неолитическаго характера найдены были Л. Шнайдромъ, въ Louny, Březno, Vinařice на Охаркѣ, въ Citoliby и пр.

Въ Польшѣ подобныя мѣстонахожденія очень многочисленны въ окрестностяхъ Варшавы и главнымъ образомъ ея предмѣстья Праги и во многихъ мѣстахъ Варшавскаго уѣзда. Одно изъ наиболѣе богатыхъ мѣстонахожденій было изслѣдовано въ недавнее время Эр. Маевскимъ возлѣ села Оссовки въ Кѣлецкой губ. Вообще въ этой мѣстности г. Маевскій нашелъ въ теченіи двухъ лѣтъ 82 неолитическія стоянки [79]). Князь Вл. Сярковскій нашелъ мѣста, наполненныя черепками посуды, каменными орудіями и осколками въ окрестностяхъ Pińczowa, въ Кѣлецкой губ., Г. Оссовскій въ Юрковці, въ Сокириндяхъ, Щитовцяхъ, Грудку, въ Жабинцяхъ, Зоболотцяхъ и др. мѣстностяхъ Галиціи. Въ Познани надо упомянуть о находкахъ въ Miniszewo, Leg и пр. Gloger нашелъ 20 стоянокъ въ бассейнѣ р. Нѣмана и ея притока Хрона, гдѣ также жилъ человѣкъ въ неолитическую

эпоху. Въ балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ вовсе не встрѣчается слѣдовъ палеолитическаго человѣка, остатки стоянокъ и мастерскихъ неолитической эпохи очень многочисленны. Мы упомянемъ изъ нихъ только о знаменитой стоянкѣ Кунда въ Эстляндіи.

На Волыни много такихъ мѣстонахожденій встрѣчается въ Дубенскомъ уѣздѣ, а еще далѣе въ Россіи сюда относится цѣлый рядъ находокъ (о нѣкоторыхъ мастерскихъ переходной эпохи мы упоминали уже въ предыдущей главѣ): на берегахъ Оки отъ Рязани до с. Павлова, въ окрестностяхъ Онежскаго озера (между устьями рѣкъ Ошты и Мегры, по берегамъ Лугандозера, Тудозера, Кенозера, Свинаго озера, въ Волосовѣ на Окѣ, у ст. Бологое и пр). Въ окрестностяхъ Казани на Волгѣ было открыто нѣсколько стоянокъ профессорами А. А. Штукенбергомъ и Н. Ѳ. Высоцкимъ возлѣ с. Мордова, на Маломъ Бугрѣ, у Побѣдилова и пр. [80]) Далѣе, большія мастерскія каменныхъ орудій нашли гг. Зенгеръ и Кельсіевъ на такъ назыв. Зимнемъ берегу Бѣлаго моря у рѣки Золотницы, г. Нефедовъ на берегу р. Ветлуги съ интересными изображеніями (?) изъ кремня, графъ Бобринскій возлѣ Юрьевскаго пригорка недалеко отъ Смѣлы (Черкасскаго у. Кіевской губ.), проф. В. Б. Антоновичъ — при впаденіи р. Сулы въ Днѣпръ возлѣ с. Волошскаго; г-жа К. Н. Мельникъ нашла 40 стоянокъ въ бассейнѣ Днѣпра и пр. Сюда же относятся и стоянки, открытыя на р. Волховѣ у Ладожскаго озера и описанныя проф. Иностранцевымъ и И. С. Поляковымъ [81]). Тамъ были найдены многочисленныя орудія изъ полированнаго камня и изъ кости, остатки посуды и точно такой же фауны, какъ и въ Кундѣ въ Эстляндіи (сѣверный олень, дик. кабанъ, Bos primigenius, Castor fiber и пр.). Интересная стоянка была описана также В. С. Передольскимъ въ 1888 г. въ мѣстности, назыв. «Коломцы», на берегахъ оз. Ильменя и р. Волхова. Въ очень толстомъ слоѣ, наполненномъ доисторическими остатками, г. Передольскій собралъ массу предметовъ, носящихъ на себѣ слѣды человѣческой работы, какъ-то: каменныхъ и костяныхъ орудій, черепковъ посуды съ разнообразнымъ орнаментомъ, рѣчныхъ раковинъ и т. п., а также нѣсколько человѣческихъ череповъ—повидимому неолитическаго типа [82]).

Сорныя или кухонныя кучи (kjökkenmödding'и) [83]). Совершенно своеобразный типъ остатковъ представляютъ собою сорныя кучи въ Даніи, такъ называемыя kjökkenmödding'er *) (Küchenabfälle, rebuts de cuisine). Онѣ образуютъ часто большіе, въ нѣсколько метровъ высоты, холмы. Наиболѣе онѣ были изслѣдованы Яп. Стенструпомъ (Jap. Stenstrup), самое же новѣйшее изслѣдованіе ихъ было произведено Мадсеномъ (A. P. Madsen).

Эти кучи отбросовъ встрѣчаются на низкихъ, главнымъ образомъ во-

*) Отъ kjökken—кухня и mödding—сорная куча.

сточныхъ берегахъ датскихъ острововъ Seeland'a, Füen'a, Möen'a, Samsö и полуострова Ютландіи (наиболѣе замѣчательныя находятся на Issefjord'ѣ и въ Meilgaard'ѣ) и образуютъ длинные холмы отъ 1 до 3-хъ метровъ высоты, отъ 6 до 60 м. ширины и отъ 100 до 300 метровъ длины, состоящіе по большей части изъ милліоновъ раковинъ разныхъ съѣдобныхъ молюсковъ и костей животныхъ, перемѣшанныхъ съ золой, между которыми попадаются и грубо отдѣланныя каменныя орудія, грубые черепки посуды, но ни малѣйшихъ слѣдовъ металловъ или хлѣбныхъ растеній. Между раковинами преобладаютъ главнымъ образомъ съѣдобные виды (Ostrea edulis, Cardium edule, Mytilus edulis, Litorina litorea и т. п.), изъ млекопитающихъ—олень, сайга, кабанъ, дикій быкъ и много другихъ дикихъ животныхъ. Сѣверный олень рѣдокъ, а въ болѣе древнихъ кучахъ нѣтъ еще домашнихъ животныхъ. Найдены только кости собаки, которая была очевидно первымъ животнымъ, прирученнымъ человѣкомъ. Въ кучахъ позднѣйшаго происхожденія, какъ напр. въ Svendborg'ѣ и во многихъ мѣстахъ о-ва Фёна найдены были впрочемъ остатки и другихъ домашнихъ животныхъ, а именно, овцы, козы, свиньи

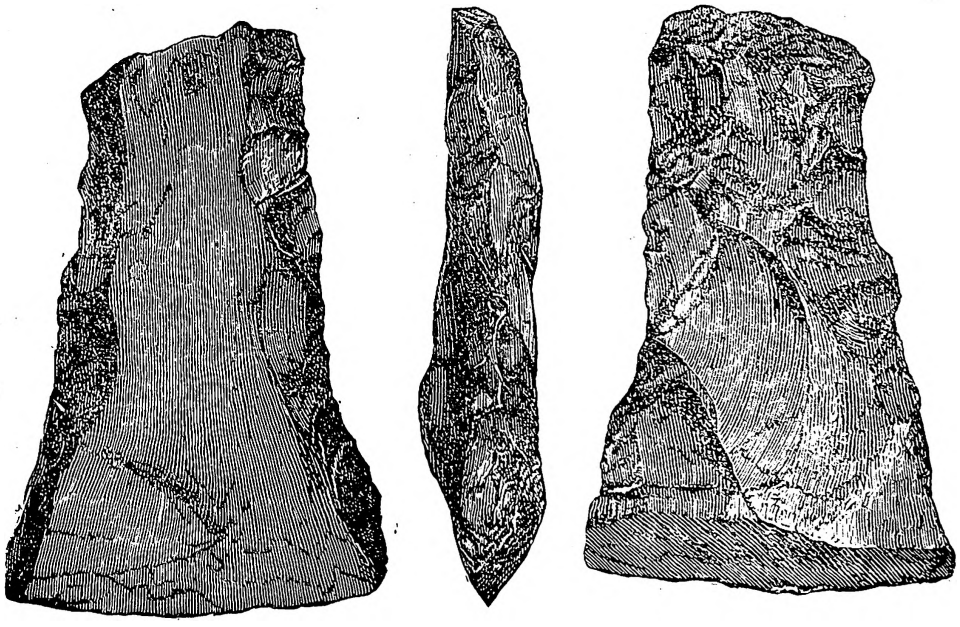


Рис. 48 Каменный топоръ изъ датскихъ кухонныхъ кучъ, спереди, сзади и сбоку

и лошади. Изъ птицъ многочисленны пѣвчій лебедь и тетеревъ, попадается также безкрылъ (Alca impennis), теперь уже вымершій; изъ рыбъ — селедка, угорь и пр. По всему видно, что здѣсь жило племя бѣдное, питавшееся главнымъ образомъ продуктами моря. Оно оставалось на побережьѣ и лѣтомъ и

зимою, какъ то доказываютъ кости пѣвчаго лебедя, залетающаго въ эти страны только во время зимы, а также и отростки роговъ оленя во всѣхъ фазисахъ роста. Народъ, оставившій по себѣ эти кучи отбросовъ, велъ такой же образъ жизни, какой ведутъ и до сихъ поръ обитатели Огненной земли на южной оконечности Америки. Орудія ихъ бо́льшей частью весьма грубы. Характерны топоры, имѣющіе форму, изображенную на рис. 48 и грубыя шила (рис. 49). Шлифованныя орудія встрѣчаются лишь изрѣдка, за то часто попадаются предметы изъ рога, и кости. Черепки посуды крайне грубой работы. Человѣческія кости въ кучахъ обыкновенно не встрѣчаются.

Стенструпъ, наиболѣе изслѣдовавшій эти датскія отложенія, полагаетъ, что они современны датскимъ гробницамъ каменнаго вѣка, такъ называемымъ дольменамъ, въ которыхъ впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, рядомъ съ прекрасными полированными орудіями изъ камня, встрѣчаются также въ изобиліи кости домашнихъ животныхъ; но онъ думаетъ, что населеніе кьёккенмеддинговъ состояло изъ бѣдныхъ рыбаковъ, тогда какъ дольмены принадлежали населенію болѣе богатому и культурному. Противъ этого, еще на съѣздѣ въ Копенгагенѣ въ 1869 г., высказался Ворсо (Worsaae), раздѣлившій неолитическую эпоху въ Даніи на двѣ: на болѣе древнюю эпоху кухонныхъ кучъ и на болѣе позднюю эпоху дольменовъ, въ которыхъ попадаются уже и металлическіе предметы. Къ этому взгляду присоединилось потомъ большинство изслѣдователей: Монтеліусъ, Катрфажъ, Картальякъ, Дезоръ, Софусъ Мюллеръ (дѣлитъ на 3 періода), Ундсетъ, а въ позднѣйшее время и д-ръ Гёрнесъ. Находки послѣдняго времени заставляютъ однако отчасти измѣнить это мнѣніе: часть кухонныхъ кучъ оказывается повидимому дѣйствительно современной дольменамъ [84]).

Рис. 49. Каменное шило изъ датскихъ kjökkenmödding'овъ.

Кромѣ Даніи, подобныя же кучи отбросовъ встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ по всему свѣту, причемъ иногда бываетъ трудно различить, слѣдуетъ ли ихъ считать кьеккенмеддингами или просто стоянками. Въ Швеціи онѣ были найдены въ провинціи Сканіи (Schonen), въ Норвегіи — на берегахъ противоположныхъ Ютландіи. Въ сѣверной Германіи Berendt изслѣдовалъ замѣчательныя неолитическія кучи въ Tolkemit'ѣ [85]) возлѣ Эльбинга, въ Пруссіи; во Франціи онѣ были найдены при устьѣ рѣки Соммы, на берегахъ Бретани, въ Plomeur'ѣ на Аррскомъ о-вѣ, въ St. Valéry, а главнымъ образомъ въ Penmore'ѣ, въ мѣстности, называемой Roches de la Torche; въ Англіи въ герцогствѣ Уэльскомъ, въ Perth'ѣ, Chwareu, въ Корнуэльсѣ,

въ Дэвонширѣ и въ Шотландіи. Очень интересныя кучи, отличающіяся отъ датскихъ только другими видами раковинъ (Lutraria compressa), были открыты въ Португаліи. Замѣчательный кьеккенмеддингъ, найденный уже въ 1863 г. Рибейрой въ Mugem'ѣ на р. Тахо, служилъ въ то же время и мѣстомъ погребенія. Въ немъ были найдены человѣческія кости, сложенныя такими правильными кучками, которыя позволяютъ заключить, что мертвыя тѣла были сначала очищены отъ мяса, послѣ чего были уложены въ порядкѣ. Другая подобная же находка была сдѣлана въ Salvaterry на р. Тахо и описана Riveiro и Paula e Oliveira [86]). Кремневыя орудія этой находки весьма несовершенны; шлифовки еще вовсе нѣтъ, какъ нѣтъ и гончарныхъ издѣлій. Человѣческихъ скелетовъ было найдено до сихъ поръ до 200 и между ними, что очень удивительно, вдвое больше женскихъ, чѣмъ мужскихъ. Особую группу представляютъ собою венгерскіе кьеккенмеддинги. Они расположены въ видѣ холмиковъ по берегамъ рѣкъ, протекающихъ по Альфёльдской низменности. Такъ какъ опредѣленіе древности этихъ кучъ остается спорнымъ, и обыкновенно ихъ относятъ къ бронзовой эпохѣ, то и мы упомянемъ о нихъ далѣе, тѣмъ болѣе, что по своему строенію онѣ болѣе всего подходятъ къ такъ назыв. итальянскимъ террамарамъ бронзовой эпохи. Кучи отбросовъ были найдены также въ Моравіи, напр. въ Ольмюцѣ, но онѣ до сихъ поръ не изслѣдованы и относятся вѣроятнѣе всего къ позднѣйшей эпохѣ.

Кромѣ Европы кьеккенмеддинги встрѣчаются еще въ большомъ количествѣ въ Японіи, въ Сибири (въ послѣднее время замѣчательная находка этого рода была сдѣлана г. Маргаритовымъ на берегахъ Амурскаго залива), въ Индіи, во всей Сѣверной Америкѣ по берегамъ озеръ (гдѣ онѣ носятъ названіе shell-mounds), во Флоридѣ, въ Бразиліи и Патагоніи (sambaquis и paraderos), въ Австраліи, на Андаманскихъ островахъ и т. д.

Неолитическія пещеры. Очень естественно, что человѣкъ и на болѣе высокой степени культуры не пренебрегалъ удобнымъ убѣжищемъ отъ непогоды, которое доставляли ему пещеры, а поэтому неудивительно, что какъ въ неолитическую эпоху, такъ и во времена еще болѣе позднія, мы постоянно встрѣчаемся съ пещерными жилищами. Весьма часто мы находимъ надъ первоначальнымъ, не содержащимъ въ себѣ культурныхъ остатковъ слоемъ пещернаго наноса, прежде всего культурный слой постплiоценовой эпохи, а надъ нимъ слои съ предметами позднѣйшихъ культуръ, неолитической и металлической. Что и въ тѣ времена, когда умѣнье строить жилища было уже вполнѣ развито въ извѣстныхъ странахъ, какъ напр. въ Италіи въ концѣ республики и въ эпоху цезарей, люди жили еще въ пещерахъ, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельства Діодора, временъ Цезаря и Флора, II-го столѣтія нашей эры, упоминающія о лигурійскихъ троглодитахъ, жившихъ

въ сѣверныхъ Аппенинахъ *). Болѣе точныя извѣстія о подобныхъ жилищахъ мы имѣемъ относительно среднихъ вѣковъ (въ Чехіи они существуютъ и понынѣ); извѣстны напр. пещерныя поселенія въ Крыму, на Кавказѣ и проч. Признакомъ неолитическихъ пещеръ можетъ служить то, что онѣ часто—искусственныя (подобныя извѣстны уже намъ въ Россіи на Днѣпрѣ—переходной эпохи) и что ими пользовались и для погребенія. Однѣ служили только для жилья, другія—только для погребенія, а нѣкоторыя и для обѣихъ цѣлей. Чаще всего люди жили въ пещерѣ, а потомъ въ нихъ же и были погребаемы. Подобное погребеніе въ прежнемъ жилищѣ представляетъ собой явленіе, съ которымъ мы неоднократно встрѣчаемся и въ доисторической жизни человѣчества и въ современной этнографіи.

Наиболѣе важныя находки неолитическихъ пещеръ доставила намъ опять-таки Франція. Упомянемъ прежде всего тѣ изъ нихъ, о которыхъ мы говорили уже въ главѣ о четвертичномъ человѣкѣ, и которыя, по крайней мѣрѣ погребенные въ нихъ костяки,—многими изслѣдователями относятся къ неолитической эпохѣ, какъ напр. Ориньякская пещера, гдѣ человѣкъ жилъ еще въ эпоху палеолита, но найденные въ которой остатки погребеній принадлежатъ, по мнѣнію многихъ, уже къ позднѣйшей эпохѣ; Кроманьонская пещера, Ментонскія и т. д. **) Остановимся подробнѣе на интересныхъ находкахъ, сдѣланныхъ барономъ де-Байемъ (J. de-Baye) въ долинѣ р. Petit-Morin въ департ. Марны. Де-Бай нашелъ тамъ рядъ пещеръ, искусственно выдолбленныхъ въ мѣловыхъ скалахъ каменными орудіями, слѣды которыхъ легко еще можно различить на стѣнахъ. По его мнѣнію пещеры эти служили сначала жилищами, а потомъ для погребенія; по мнѣнію же другихъ, особенно Картальяка—только для послѣдней цѣли. Въ пещеру вели сѣни или болѣе или менѣе длинная аллея, закрытая большой каменной плитой. Въ самыхъ пещерахъ баронъ де-Бай нашелъ множество, около 2000, человѣческихъ костяковъ; въ одной изъ пещеръ вдоль стѣнъ было уложено рядами множество костей съ правильностью, напоминающей сложенныя дрова, или наваленныхъ безъ всякаго порядка (только кости молодыхъ особей), въ другихъ же костей было очень немного, но за то при нихъ было гораздо больше положенныхъ при погребеніи предметовъ. Рядомъ съ костяками попадались, хотя и рѣдко, случаи сожиганія покойниковъ; одна такая пещера была со-

*) Названіе троглодитъ = житель пещеръ, греческаго происхожденія, отъ слова τρώγλη — пещера.

**) Извѣстный геологъ Бойдъ Даукинсъ (Boyd Dawkins) исключаетъ вообще изъ списка мѣстонахожденій четвертичнаго человѣка слѣдующія пещеры: павиландскую, энгисскую, фронтальскую, гендронскую, неандертальскую, гайленрейтскую, ориньякскую, брюникельскую, кроманьонскую, ломбривскую, кавильонскую въ Ментонѣ и пальмарійскую,—нѣкоторыя—очевидно неправильно.

вершенно наполнена пепломъ. Нѣкоторые черепа оказались трепанированными (объ этомъ обычаѣ мы упомянемъ подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи) или съ костяными и каменными амулетами. Предметы, положенные съ мертвыми, состояли главнымъ образомъ изъ каменныхъ топоровъ, стрѣлъ (очень многочисленны стрѣлы съ поперечнымъ лезвеемъ), сосудовъ безъ ушковъ, украшеній изъ камней, раковинъ, зубовъ и костей; найдены были также двѣ янтарныя бусы и одна изъ каллаита *). Чрезвычайно интересны вырѣзанныя на стѣнахъ нѣкоторыхъ изъ пещеръ рельефныя изображенія, представляющія то каменные топоры съ рукоятками, при чемъ самые топоры выкрашены черной краской (рис. 51), то подобія человѣческихъ фигуръ (въ пещерахъ въ Coizard, Courjonnet), въ которыхъ баронъ де-Бай желаетъ видѣть идолы домашнихъ боговъ **). Эти послѣдніе представляютъ очень грубо очерченную верхнюю часть женской фигуры, съ глазами, наполненными черной краской, съ сильно обозначенными грудями и съ какимъ-то шейнымъ украшеніемъ, на которомъ

Рис. 50 Каменная стрѣла съ поперечнымъ лезвеемъ.

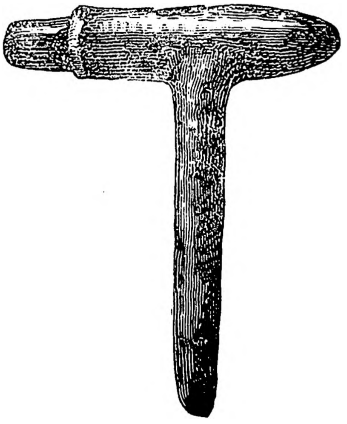


Рис. 51. Каменный топоръ изъ пещеры въ Petit-Morin.

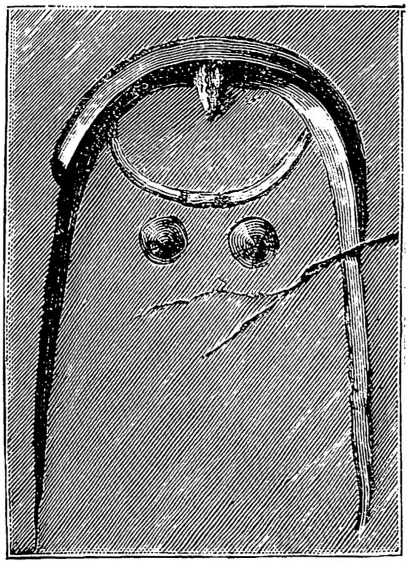


Рис. 52. Стѣнной рельефъ идола изъ пещеры въ долинѣ Petit-Morin.

виситъ предметъ, окрашенный желтою краской—вѣроятно янтарь (ср. рис. 52). Гернесъ считаетъ эти изображенія подражаніями какому нибудь грубому женскому идолу [88]).

*) *Каллаитъ*—минералъ зеленоватаго цвѣта, близкій къ бирюзѣ, очень рѣдкій и интересный по отношенію къ французскимъ и испанскимъ неолитическимъ находкамъ. [87]).

**) Подобныя скульптурныя изображенія были неоднократно находимы во Франціи въ неолитическихъ гробницахъ.

Кромѣ этихъ интересныхъ пещеръ во Франціи былъ найденъ еще цѣлый рядъ другихъ, при чемъ всѣ онѣ служили также и мѣстомъ погребенія. Сюда относятся пещеры въ Duruthy возлѣ Sordes въ департ. Нижнихъ Пиренеевъ (неолитическія, содержащія въ себѣ костяки, расположены надъ палеолитическими), пещера въ Pena-Blanque въ Арбасѣ (деп. Верхней Гаронны), въ Herme возлѣ Foix, въ Orrouy (деп. Уазы) и т. д. [89]). Наиболѣе находится ихъ въ долинѣ Арьежа и въ Лозерскомъ департаментѣ, въ дикихъ ущельяхъ рѣкъ Йонты и Тарна. Сюда относится знаменитая пещера Grotte de l'homme mort въ St. Pierre des Trépieds, въ которой было найдено 50 скелетовъ, пещера въ St. Georges de Levejac и «Beaumes-Chaudes» съ нѣсколькими сотнями человѣческихъ костяковъ, уложенныхъ такимъ образомъ, что всѣ черепа находились возлѣ одной стѣны.

Подобныя же погребальныя пещеры встрѣчаются и въ Бельгіи (ср. стр. 38); въ Англіи найдено было пять такихъ пещеръ около Perthi-Chwareu въ горахъ Уэльса со скелетами, уложенными возлѣ стѣнъ въ сидячемъ положеніи или на корточкахъ. Между прочими домашними животными и собака служила здѣсь пищею человѣку. Въ Испаніи и Португаліи неолитическія пещеры съ человѣческими костями были найдены въ Гибралтарскихъ скалахъ (изслѣдовали ихъ Brome, Busk, Falconer), возлѣ Alhama въ Гренадѣ, возлѣ Palmieria, возлѣ Carvalhal-d'Aljubarrota (съ многими скелетами)и др. Интересное мѣсто погребенія найдено было въ пещерѣ «Cueva de los Murciélagos» въ Андалузіи, на южномъ склонѣ Сіерры-Невады. Внутри пещеры разложено было полукругомъ вокругъ женскаго скелета съ золотой діадемой на лбу—12 другихъ скелетовъ; кромѣ золотыхъ украшеній весь прочій инвентарь пещеры оказался однако вполнѣ неолитическимъ (каменные топоры, костяные предметы, черепки посуды).

Въ Германіи и Швейцаріи нѣтъ также недостатка въ подобныхъ пещерахъ. Наиболѣе ихъ извѣстно во Франконіи, въ мѣстности между Байрейтомъ и Бамбергомъ, въ Баваріи [90]). Орудія, находимыя въ этихъ пещерахъ, главнымъ образомъ костяныя и изъ оленьихъ роговъ; каменныя же рѣдки и небольшихъ размѣровъ. Поэтому нѣкоторые ученые хотѣли установить для Германіи даже особенную эпоху костяной культуры (Knochenzeit). Очень характерны здѣсь плоскіе каменные топоры съ отверстіемъ, проходящимъ сквозь широкія плоскости; они очевидно служили мотыками (рис. 53). Вообще эти франконскія пещеры образуютъ интересную и вполнѣ обособленную въ географическомъ и культурномъ отношеніяхъ группу, отличающуюся отъ современныхъ имъ памятниковъ сосѣднихъ странъ. О находкѣ многихъ человѣческихъ скелетовъ въ не-

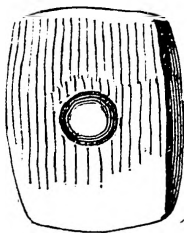


Рис. 53. Каменная мотыка изъ неолитическихъ южнонѣмецкихъ пещеръ.

олитической пещерѣ въ Штейнбахѣ, въ Горномъ Пфальцѣ, сдѣланъ былъ рефератъ проф. Ранке на археологическомъ съѣздѣ въ Мюнстерѣ въ 1890 г. Входъ въ эту пещеру былъ закрытъ большою плитой.

Очень интересны, хотя и сравнительно мало извѣстны, пещерныя находки, сдѣланныя въ Италіи. Часть итальянскихъ пещеръ естественныя, часть—искусственныя. Между первыми особенно замѣчательны лигурійскія пещеры, о нижнихъ пластахъ которыхъ, принадлежащихъ къ палеолитической эпохѣ, мы упоминали уже въ предыдущей главѣ: пещера въ Bergeggi, возлѣ Савоны (открыта недавно г. E. Modigliani), Grotta delli Fate (въ ней недавно найдены многочисленные остатки пещернаго медвѣдя), а особенно пещера Pollera въ финальской долинѣ, изслѣдованная г. Morelli и «Grotte delle arene Candide» (изслѣдованныя д-омъ Issel'емъ и Incoronato [91]). Пещера Pollera была обитаема долго, но съ перерывами. Человѣкъ приходилъ туда и затѣмъ уходилъ разъ девять. Въ верхнемъ слоѣ ея были най-

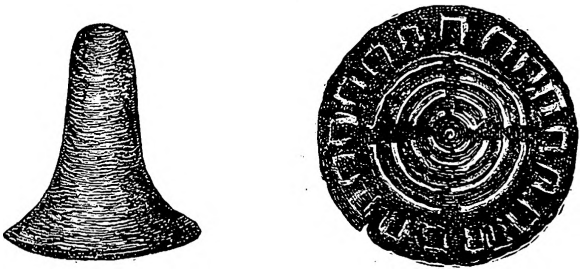


Рис. 54. Пинтадеры съ Канарскихъ о-вовъ.

дены предметы уже чисто римскіе, но большая часть ея слоевъ относится однако все таки къ неолитической эпохѣ, судя по найденнымъ каменнымъ орудіямъ (нѣкоторые изъ ядеита), примитивнымъ украшеніямъ и черепкамъ посуды. Оказалось также и нѣсколько мѣдныхъ вещей и три могилы съ костяками въ скорченномъ положеніи. Въ другой пещерѣ было найдено около 20 скелетовъ въ томъ-же положеніи, длинноголовыхъ, небольшого роста, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ красною краской; при нихъ же найдено было много украшеній изъ раковинъ и такъ назыв. пинтадеръ *). Искусственныя пещеры, которыхъ въ Италіи цѣлый рядъ, были описаны Foresi, Salinosi и главнымъ образомъ Chierici. Встрѣчаются онѣ больше всего въ средней и южной Италіи и на островахъ; чаще всего онѣ служили только для обитанія, но въ средней Италіи и для погребенія. Кьеричи дѣлитъ ихъ на пещеры четвероугольной формы и округленныя. Послѣднія могутъ быть соединены въ одну группу съ круглыми

*) Пинтадеры (слово испанское) — нѣчто въ родѣ штампъ, употребляются и до сихъ поръ гуанчами Канарскихъ о-вовъ для дѣланія отпечатковъ на хлѣбѣ. Въ древности они могли употребляться, какъ это дѣлается и теперь въ Африкѣ и Америкѣ, для оттискиванія узоровъ на тѣлѣ для украшенія. Въ Европѣ онѣ рѣдки [92]).

ямами—это остатки жилищъ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить подробнѣе, и Кьеричи, который изслѣдовалъ эти мѣстонахожденія, предполагаетъ тоже, не дѣлались-ли эти пещеры или ямы для землянокъ. Несомнѣнно искусственнаго происхожденія и пещеры, называемыя «domos de Gianas» (жилища русалокъ) въ Сардиніи.

Изъ Италіи перейдемъ къ приморскимъ окраинамъ Австріи. Здѣсь въ послѣдніе годы, благодаря трудамъ C. Marchesetti, I. Marinic'a и M. Hoernes'a, удалось открыть много пещеръ съ неолитическими отложеніями. Между наиболѣе замѣчательными выдается терезіанская пещера въ Duina, возлѣ Montefalcone (грубые сосуды, расписанные и украшенные орнаментами изъ черточекъ, выполненныхъ бѣлою массой; кремневыя орудія, пряслицы, кости домашнихъ животныхъ), пещера въ S-to. Canziano возлѣ Тріеста, въ Robigo, Gabrovica, Nabrezina («Lašča jama»), Igonico. Въ тирольскихъ альпахъ, въ долинѣ Эчи открыта была въ 1890 г. пещера съ неолитическими находками и человѣческими костями. Въ прочихъ альпійскихъ странахъ неизвѣстно до сихъ поръ сколько нибудь замѣчательныхъ находокъ, если не причислять сюда пещеру, изслѣдованную графомъ Вурмбрандтомъ въ окрестностяхъ города Peggau.

Зато въ Венгріи, въ боковомъ корридорѣ Аггтелецкой пещеры (въ гемерской жупѣ) найдено было множество человѣческихъ костяковъ, положенныхъ другъ возлѣ друга лицомъ къ землѣ. На головахъ ихъ лежалъ плоскій камень, возлѣ него небольшіе сосуды, а по сторонамъ тѣла каменныя орудія. Черепа этихъ скелетовъ, принадлежащіе какъ къ длинноголовому, такъ и къ короткоголовому типамъ, изслѣдованы были Руд. Вирховымъ. Очень большое количество человѣческихъ костей (остатки около 1000 скелетовъ) дала также пещера въ с. Лисковѣ (въ липтавской жупѣ), которая была раскопана въ 1876 г. L. Lóczy. Многія изъ этихъ костей носятъ на себѣ, какъ кажется, слѣды каннибализма [93]). Въ Босніи г. Фіала открылъ въ 1893 г. пещеру, называемую «Маринова Печина» между Сараевымъ и Мокро, заключающую въ себѣ неолитическія отложенія. Фауна ея современна нашему періоду и только присутствіе сурка—Arctomys marmotta указываетъ на нѣкоторое измѣненіе климата. Изъ другихъ славянскихъ земель, относительно Чехіи мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній, хотя и здѣсь, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ пещерахъ человѣкъ жилъ еще въ неолитическую эпоху, какъ напр. въ пещерѣ св. Прокопа, возлѣ Праги. Но въ многочисленныхъ моравскихъ пещерахъ человѣкъ несомнѣнно продолжалъ обитать отъ палеолитической эпохи до неолита. Во многихъ изъ нихъ мы находимъ въ верхнихъ слояхъ отложеній остатки культуры позднѣйшей каменной эпохи. Къ такимъ пещерамъ относятся главнымъ образомъ Костеликъ (Пекарня, Диравица) съ шарообразными сосудами, украшенными характерной орнаментаціей (см. рис. 55)

и Выпустекъ возлѣ Кштинъ съ подобнымъ же инвентаремъ и остатками домашнихъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ ранѣе польскихъ пещеръ въ окрестностяхъ Кракова нижніе культурные слои принадлежатъ къ палеолитической эпохѣ или къ переходной, верхніе же—къ неолитической (какъ напр. Maszyca); часть ихъ была обитаема человѣкомъ только въ теченіе позднѣйшаго каменнаго періода (na Milaszówce, пещера у села Mnikowa) и пр. Особеннаго упоминанія заслуживаютъ скульптурныя изображенія людей и животныхъ (см. рис. 56), найденныя въ Мниковѣ, въ слояхъ съ неолитической культурой, вмѣстѣ съ шлифованными каменными и костяными орудіями, съ пряслицами,

Рис. 55. Неолитическіе сосуды изъ пещеры «Выпустекъ».

черепками посуды и остатками домашнихъ животныхъ. Адр. де Мортилье и Э. Шантръ, осматривавшіе въ Краковѣ эти изображенія, выразили въ 1883 г. мнѣніе, что они поддѣльныя [94]). Такой отзывъ вызвалъ назначеніе особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ проф. Лепковскаго, которая послѣ внимательнаго изученія спорныхъ предметовъ единогласно объявила ихъ настоящими. Впрочемъ, еще ранѣе были найдены подобныя же фигурки, вырѣзанныя изъ янтаря, на берегахъ Балтійскаго моря, напр. въ Schwarzort'ѣ, и тоже были отнесены Клебсомъ и Тишлеромъ къ неолитической эпохѣ. Въ послѣднее время однако д-ръ Вейгель причисляетъ ихъ къ славянской эпохѣ.

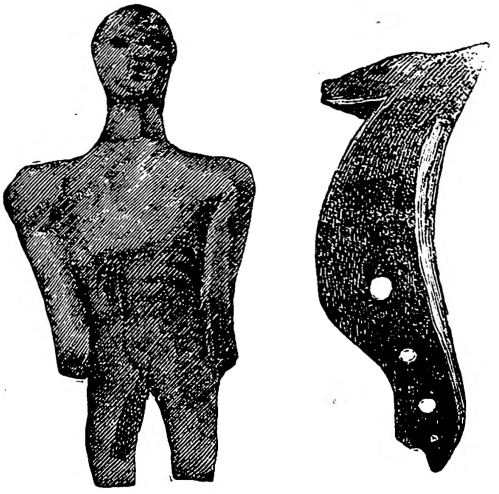


Рис. 56. Неолитическія скульптурныя изображенія изъ Краковскихъ пещеръ.

Въ Россіи, кромѣ тѣхъ пещеръ, о которыхъ мы уже упомянули выше, какъ о принадлежащихъ къ переходной эпохѣ отъ палеолитической къ неолитической, пещеръ съ неолитическими отложеніями—насколько намъ извѣстно—нѣтъ.

Остатки неолитическихъ жилищъ и культурныя ямы. Постоянное жительство подъ открытымъ небомъ въ теченіе неолитической эпохи въ большей части Европы было невозможнымъ. Зимнее время и непогода заставляли тогдашнихъ обитателей ея искать надежнаго убѣжища, а такъ какъ населеніе размножалось и пригодныхъ для жилья пещеръ было немного, то пришлось прибѣгнуть къ устройству искусственныхъ жилищъ. Первые несомнѣнные слѣды подобныхъ построекъ являются въ неолитическую эпоху въ образѣ деревянныхъ свайныхъ построекъ Швейцаріи и каменныхъ сооруженій южной и западной Европы.

Чаще всего однако долженъ былъ служить убѣжищемъ сдѣланный изъ дерева, хвороста, соломы или кожи — шалашъ или юрта съ землянкой. Подобныя жилища не могли разумѣется сохраниться, но они оставили послѣ себя нѣкоторые несомнѣнные слѣды. Человѣкъ, обитавшій въ подобномъ жилищѣ въ теченіи продолжительнаго времени, устраивалъ въ немъ свой очагъ и оставлялъ около него отбросы своей трапезы. Вслѣдствіе этого почва такого жилища скоро начинала отличаться отъ окружающей, и даже теперь, когда самыя жилища давнымъ давно исчезли, мѣста, гдѣ они стояли и гдѣ мы находимъ черную землю, золу и разные отбросы, указываютъ намъ, что на нихъ когда то стояло жилье человѣка.

Очаги (foyers) и культурныя или отбросныя ямы (Ustrinen, Trichtergruben, mardelles, penpits, weems) встрѣчаются въ большомъ количествѣ во всей западной Европѣ и представляютъ собой по большей части остатки доисторическихъ жилищъ. На поверхности почвы они представляются сѣрыми или темноватыми округленными пятнами, подъ которыми находятся углубленія котлообразной или воронкообразной формы, иногда и съ различнымъ образомъ наклоненными стѣнками, обыкновенно въ 1—2, рѣдко болѣе метровъ въ поперечникѣ. Глубиной чаще всего они бываютъ въ 1 м., но при бо̀льшемъ діаметрѣ—въ 2—4 метра, и оказываются наполненными пепломъ или землею, смѣшанною съ углемъ и многочисленными кухонными отбросами (костями животныхъ, черепками посуды и т. п., между которыми попадаются и цѣльные предметы, орудія, посуда и т. п.). Иногда въ нихъ встрѣчаются и человѣческія кости, даже цѣлые скелеты. Долго не могли найти удовлетворительнаго объясненія этихъ ямъ. Иногда въ нихъ видѣли несомнѣнные слѣды погребенія, иногда же ихъ размѣры и содержаніе были таковы, что ихъ можно было принимать только за отбросныя или сорныя ямы. Въ отдѣльныхъ случаяхъ часто очень трудно разобраться, имѣемъ ли мы передъ собою котлообразную могилу съ остатками сожженія трупа или же простую яму съ отбросами, или яму, возлѣ которой стояло когда-то жилье и въ которую выбрасывали кухонные остатки и всякій хламъ. Но несомнѣнно, что оба эти объясненія не должны исключать другъ друга. Сосуды съ остатками трупо-

сожженія и человѣческіе костяки встрѣчаются очень часто въ ямахъ, наполненныхъ пепломъ и разными предметами, которые мы скорѣе можемъ признать за постепенно накопившіеся отбросы, чѣмъ за остатки тризны, совершавшейся надъ умершимъ. Однимъ словомъ мы полагаемъ, что часть этихъ культурныхъ ямъ представляетъ собою остатки жилья и погребенія—вмѣстѣ.

Всякому, кто познакомился ближе съ жизнью нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ, должно быть хорошо извѣстно, что у нихъ отношеніе живыхъ къ мертвымъ совершенно иное, чѣмъ у насъ. У нихъ мы находимъ въ видѣ общаго правила вѣру въ то, что душа человѣческая не исчезаетъ, но продолжаетъ жить и требуетъ для своего существованія на томъ свѣтѣ того же, чего требовала и на землѣ. Эта-то вѣра и заставляетъ класть въ могилу умершаго разные предметы, служившіе ему при жизни — оружіе, пищу и питье, даже слугъ и жену; та же вѣра вызываетъ обычай предоставлять для дальнѣйшаго жительства покойника—его собственную хижину. Можно было бы привести рядъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что примитивныя племена въ разныхъ частяхъ свѣта хоронятъ своихъ мертвыхъ или возлѣ ихъ жилья, или даже въ самомъ жильѣ *), независимо отъ того, остаются ли наслѣдники сами жить въ хижинѣ или оставляютъ ее. Тамъ же, гдѣ исключительное предоставленіе жилища умершему требуетъ связаннаго съ неудобствами и издержками сооруженія новаго жилья, прибѣгаютъ часто къ такому ухищренію, что ставятъ надъ могилой небольшую модель жилища, или же строятъ для всѣхъ умершихъ одно общее сооруженіе.

Сообразно законамъ развитія человѣчества, установленнымъ трудами Лёббока, Тайлора, Спенсера и др., не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первобытный европейскій человѣкъ думалъ и поступалъ совершенно такимъ-же образомъ, а этимъ легко объясняются и находки человѣческихъ костей въ такъ называемыхъ отбросныхъ ямахъ. Нѣтъ надобности, слѣдовательно, предполагать въ каждомъ такомъ случаѣ погребальную тризну, хотя мы не отрицаемъ возможности примѣненія мѣстами и такого объясненія. Въ могилѣ, наполненной остатками тризны, трудно было-бы ожидать встрѣтить—какъ это мы видимъ въ ямахъ позднѣйшаго періода—тигли и льячки для плавки рудъ и металловъ, куски окалины и т. п. отбросы. Во всякомъ случаѣ только тщательныя изслѣдованія подобныхъ мѣстонахожденій могутъ окончательно разрѣшить вопросъ, что такое представляютъ собою эти такъ называемыя те-

*) Клеммъ считаетъ обычай погребать мертвыхъ въ ихъ собственной хижинѣ за первоначальный способъ погребенія у всѣхъ американскихъ индѣйцевъ; подобный же обычай извѣстенъ Вайтцу у многихъ африканскихъ племенъ (у дагомейцевъ, фулаховъ, готтентотовъ и пр.); онъ также часто встрѣчается въ Азіи, Австраліи и на о-вахъ Тихаго Океана.

перь «культурныя ямы», многія изъ коихъ относятся уже къ эпохѣ знакомства съ металлами, хотя другія, судя по формамъ сосудовъ и ихъ орнамента, каменнымъ орудіямъ и т. д.,—составляютъ, несомнѣнно, остатки неолитической эпохи. Въ этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ также кремневые ядрища и осколки, каменные шлифованные бруски, издѣлія изъ кости и рога, сосуды, глиняныя грузила конусообразной или пирамидальной формы

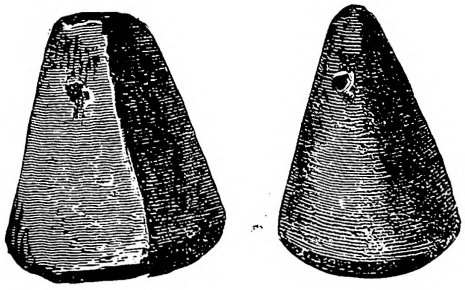


Рис. 57. Глиняныя грузила.

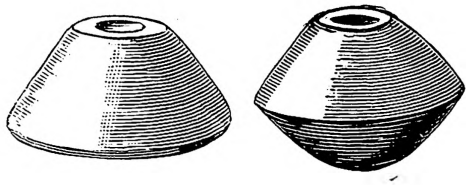


Рис. 58. Глиняныя пряслицы.

(рис. 57), пряслицы (рис. 58), фрагменты другихъ предметовъ изъ обожженой глины, глиняныя, каменныя и костяныя украшенія и т. п.

Надъ ямами стояла или хижина, сдѣланная изъ дерева, прутьевъ или камыша съ соломенной крышей, или шалашъ, покрытый кожами на подобіе чума или юрты азіатскихъ номадовъ. Часто такія хижины бывали обмазаны глиной, какъ это можно видѣть по обожженымъ кускамъ такой обмазки, которые при пожарѣ хижины (что очень часто случалось) падали въ яму и тамъ сохранялись; иногда стѣны состояли можетъ быть изъ одной только глины. Внутри былъ очагъ, а дымъ выходилъ сквозь отверстіе въ крышѣ, или черезъ двери. Описанія подобныхъ жилищъ у разныхъ народовъ сохранились у многихъ древнихъ писателей, Витрувія, Ксенофонта, Тацита. Въ описаніи быта фригійцевъ Малой Азіи упоминается о землянкахъ, а Тацитъ повѣствуетъ о германцахъ, что они дѣлаютъ себѣ или глиняныя хижины или копаютъ ямы въ землѣ для убѣжища зимою и для сохраненія припасовъ. Необходимо замѣтить, что часть подобныхъ ямъ могла служить уже въ неолитическую эпоху исключительно для храненія запасовъ, на что прямо указываютъ нѣкоторыя находки, какъ наприм. въ Ленгіэлѣ въ Венгріи, въ Райградѣ въ Моравіи и пр. *). Съ достаточной вѣроятностью можно возстановить наружный видъ первобытныхъ хижинъ на основаніи нѣкоторыхъ

*) Подобныя ямы для храненія запасовъ употребляются и въ настоящее время въ Италіи, Испаніи, Венгріи, Польшѣ и Россіи. Въ глинистой почвѣ выкапываютъ яму, затѣмъ зажигаютъ въ ней огонь, чтобы стѣнки ея затвердѣли, и потомъ сохраняютъ въ нихъ зерновой хлѣбъ. Отверстіе наверху прикрывается тоже глиною.

находокъ, главнымъ образомъ погребальныхъ урнъ, воспроизводящихъ собою жилища въ миніатюрѣ [95]). Хотя эти урны и позднѣйшаго происхожденія, относятся уже къ эпохѣ металловъ (въ Даніи, Германіи и Италіи,—въ послѣдней главнымъ образомъ изъ Альба-Лонги), но нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ нихъ, особенно круглыя и не имѣющія дверей, а только отверстіе въ крышѣ, представляютъ собою сохранившіяся изображенія примитивныхъ хижинъ. Подобныя же изображенія первобытныхъ жилищъ, покрытыхъ тростникомъ или соломой, можно видѣть также на барельефахъ колоннъ Марка Аврелія, Антонина и Траяна въ Римѣ. Хижины-же четырехугольныя и съ дверьми, какъ кажется, уже болѣе поздняго происхожденія (рис. 59).

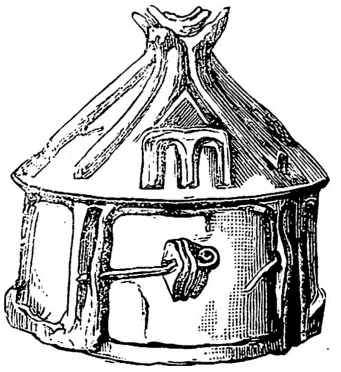


Рис. 59. Погребальная урна въ видѣ хижины изъ Альбано.

Другое подражаніе жилищамъ каменнаго періода представляютъ собой датскія могилы съ камерой внутри, въ которую ведутъ одинъ или два хода, такъ называемые Ganggräber (рис. 60). Первое указаніе на это было сдѣлано шведскимъ археологомъ Нильсономъ, и съ тѣхъ поръ оно получило

Рис. 60. Датская могила съ камерой и двумя ходами.

всеобщее признаніе. До настоящаго времени многіе сѣверные народы живутъ—лѣтомъ въ легкихъ шалашахъ, а зимою переселяются въ сдѣланныя на половину въ землѣ юрты (рис. 61). Арабскій путешественникъ Ибнъ-Даста разсказываетъ о приуральской Чуди, что она поселяется на зиму въ ямахъ, покрытыхъ деревянною крышею и засыпанныхъ сверху землей.

Культурныя ямы встрѣчаются или порознь, или довольно большими группами, заставляющими думать, что эти жилища составляли селенія. Иногда подобныя неолитическія поселенія охранялись отъ непріятелей осо-

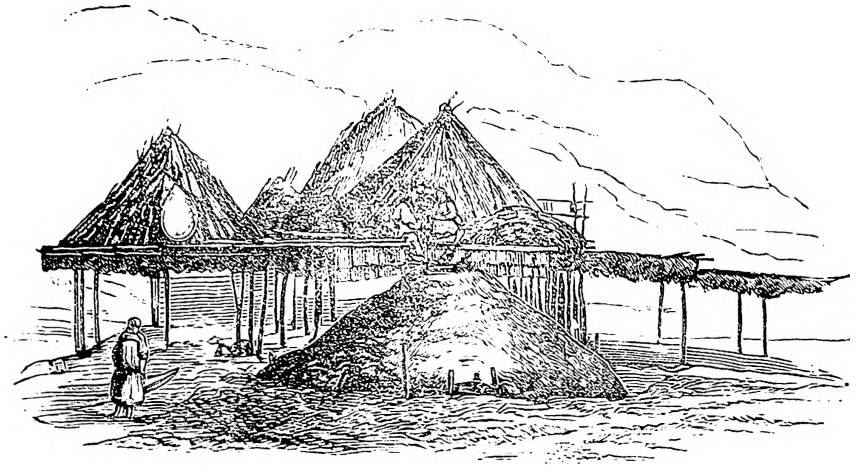


Рис. 61. Лѣтнія и зимнія жилища Камчадаловъ (по Лёббоку).

быми сооруженіями въ родѣ валовъ, поэтому мы упомянемъ здѣсь также и о валахъ или неолитическихъ городищахъ (camp fortifié, fort, Burgwall [96]).

Городищемъ называется доисторическое укрѣпленіе, защищенное валомъ и сдѣланное изъ земли (глины) или камня вокругъ какого нибудь мѣста, которое нуждалось въ охранѣ и защитѣ. *) Если такое мѣсто расположено въ открытой равнинѣ, низменности, то оно обыкновенно окружено кольцевымъ валомъ, простымъ или сложнымъ—изъ нѣсколькихъ концентрическихъ рядовъ. Если же мѣсто примыкаетъ съ одной стороны къ естественной преградѣ, выдается, напримѣръ, высокимъ мысомъ въ рѣку или озеро, то валомъ защищены только болѣе доступныя его стороны. Чаще всего при постройкѣ городищъ уже заранѣе обращалось вниманіе на то, чтобы мѣстность представляла собою естественную защиту, поэтому большая часть городищъ расположена на возвышенностяхъ, главнымъ образомъ на высокихъ обрывахъ, при чемъ одна или нѣсколько сторонъ ихъ защищены отвѣснымъ непри-

*) Совершенно особый видъ валовъ, до сихъ поръ еще какъ слѣдуетъ не объясненныхъ, представляютъ собою такъ назыв. обожженные или остекловванные валы (Remparts vitrifiés, Glasburgen, vitrified forts), отличающіеся тѣмъ, что матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, былъ какимъ-то способомъ обожженъ и приведенъ въ твердое состояніе, такъ что часто образуетъ настоящіе стекловидные слои. Впервые этотъ совершенно особенный видъ валовъ былъ описанъ въ 1777 году John'омъ William'омъ въ Шотландіи; въ 1837 Dr. Zippe описалъ подобные валы и въ Чехіи. Мы будемъ говорить о нихъ еще далѣе.

ступнымъ скатомъ, а то мѣсто, гдѣ возвышенность примыкаетъ къ другой возвышенности или представляетъ пологій спускъ, ограждено валомъ. Доступъ въ городище устраивался черезъ проходъ въ валу и является часто защищеннымъ изнутри и извнѣ особыми башнями. На самыхъ валахъ устраивались, повидимому, частоколы изъ заостренныхъ бревенъ.

Городища сооружались однако не для одной только защиты. Повидимому часть ихъ имѣла и другое, именно религіозное назначеніе, служила для охраны священныхъ мѣстъ. Изъ тѣхъ-же, которыя служили для защиты, только нѣкоторыя были постоянно обитаемы, т. е. заключали въ себѣ селенія. Другая-же часть городищъ служила только временнымъ убѣжищемъ для жителей равнинъ, принужденныхъ отступать передъ непріятелемъ и спасать себя и свое имущество. Невозможно однако-же опредѣлить, даже съ приблизительной точностью, назначеніе городищъ по ихъ виду и способу сооруженія, какъ это дѣлали прежде, такъ какъ видъ валовъ и способъ ихъ постройки обусловливались прежде всего самымъ характеромъ мѣстности и почвы. Къ этимъ вопросамъ мы впрочемъ еще вернемся, когда будемъ говорить объ эпохѣ, къ которой относится большинство городищъ въ среднеевропейскихъ и славянскихъ странахъ, именно къ концу доисторическихъ временъ. Но извѣстная часть ихъ принадлежитъ, по времени своего сооруженія, и къ неолитической эпохѣ, а поэтому намъ необходимо сказать о нихъ нѣсколько словъ здѣсь. Точное хронологическое опредѣленіе городищъ еще труднѣе, чѣмъ уясненіе ихъ назначенія. Какимъ образомъ узнать, къ какой эпохѣ они относятся? Въ пластахъ земли, находящихся внутри валовъ, мы часто находимъ остатки и неолитической и позднѣйшихъ эпохъ, которые свидѣтельствуютъ только, что на этомъ мѣстѣ жили люди и въ теченіи каменнаго вѣка. Но было-ли это мѣсто именно тогда и ограждено валами, были ли самые валы насыпаны именно въ ту эпоху—это бываетъ часто очень трудно опредѣлить. Городище съ неолитическими находками нельзя еще признать несомнѣнно неолитическимъ. Вѣрнѣе всего древность вала можетъ быть опредѣлена находками въ немъ самомъ и надъ нимъ. Внутри городища могутъ быть культурные слои разныхъ эпохъ,—внизу неолитическіе, а сверху—эпохи металловъ. Если мы не находимъ въ насыпи вала никакихъ культурныхъ остатковъ, то мы можемъ предполагать, что онъ былъ сооруженъ въ то время, когда здѣсь жили еще неолитическіе обитатели; если мы найдемъ тутъ предметы неолитической эпохи, напримѣръ черепки посуды и т. п., но ничего такого, что указывало бы на эпоху металловъ, то это будетъ также свидѣтельствовать, что валъ насыпанъ въ неолитическую эпоху или на границѣ ея съ эпохой металловъ. Предметы металлической культуры, находимые въ насыпи, свидѣтельствуютъ уже безошибочно объ ея болѣе позднемъ происхожденіи. Подобнаго рода изслѣдованія были

производимы однако до сихъ поръ только изрѣдка, и вообще имѣется очень немного городищъ, раскопанныхъ обстоятельно и вполнѣ научнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, весьма возможно, что нѣкоторыя городища, которыя мы теперь считаемъ неолитическими, окажутся впослѣдствіи болѣе поздними, и наоборотъ. По этой же самой причинѣ и авторы сочиненій по доисторической археологіи воздерживаются обыкновенно отъ хронологической классификаціи городищъ, относя ихъ всѣ въ одну рубрику. И мы здѣсь, хотя и дѣлаемъ попытку распредѣленія городищъ по разнымъ эпохамъ, но, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, не можемъ придавать этому распредѣленію рѣшающаго значенія.

Культурныя ямы и городища очень многочисленны почти во всей Европѣ, и мы позволимъ себѣ указать только на наиболѣе типичныя изъ нихъ. Во Франціи, возлѣ извѣстныхъ уже намъ стоянокъ въ Campigny и въ Chassey, найденъ былъ рядъ круглыхъ отбросныхъ ямъ. Изъ большого количества французскихъ городищъ однимъ изъ наиболѣе изслѣдованныхъ можно считать городище на вершинѣ Peu-Richard въ Thenac (въ деп. Нижней Шаранты). Городище это, состоящее изъ двойнаго вала съ пятью каменными воротами, относится къ неолитической эпохѣ, и въ немъ было найдено много слѣдовъ жилья и погребеній этого времени. Рядъ другихъ древнихъ городищъ былъ изслѣдованъ въ Вогезскихъ горахъ, на сѣверовостокѣ Франціи археологомъ de la Noé. Въ Бельгіи Дюпонъ (Dupont) относитъ къ этой эпохѣ городище въ Hastedon, которымъ позже пользовались римскія войска. Въ Англіи, кромѣ кургановъ (barrows), встрѣчаются въ большомъ количествѣ такъ называемые «Hut-Circles»—культурныя ямы съ кремневыми орудіями и съ черепками грубой посуды безъ орнамента. Затѣмъ извѣстны также

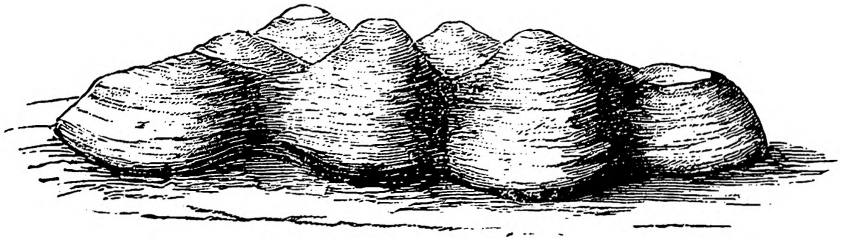


Рис. 62. Шотландскія ульеобразныя жилища.

остатки большого неолитическаго поселенія въ Cissbury возлѣ Worthing'a, въ Gillingham'ѣ (Wiltshire) въ Anglison'ѣ (Berkshire) и т. д. По мнѣнію Лёббока, къ каменному періоду (отчасти и къ бронзовому) относится часть такъ называем. ульеобразныхъ жилищъ въ Шотландіи (Beehive Hauses). Нѣкоторыя изъ нихъ впрочемъ были обитаемы еще въ 1823 году. Они образуютъ цѣлыя подземныя селенія (рис. 62). Въ Испаніи, бывшей до послѣдняго

времени страною еще совсѣмъ неизслѣдованной, братья Сирэ (Siret) и Картальякъ (Cartailhac) нѣсколько лѣтъ тому назадъ произвели рядъ раскопокъ съ весьма интересными результатами. Братья Сирэ изслѣдовали главнымъ образомъ побережье между Картагеной и Альмеріей (75 килом. длины и 35 килом. ширины). Они нашли тамъ большое количество доисторическихъ стоянокъ, изъ которыхъ 75 отнесены ими къ неолитической эпохѣ. Здѣсь жилища строились уже изъ камня, какъ показываютъ слѣды каменной кладки вокругъ культурныхъ ямъ. Съ появленіемъ металловъ здѣсь стали воздвигаться и настоящіе каменные дома [97]). Въ Швейцаріи вмѣсто хижинъ на землѣ сооружались озерныя постройки, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь. За то въ Италіи остатки жилищъ на землѣ такъ назыв. «fondi di capanne» очень многочисленны и обнаруживаютъ полное сходство съ культурными ямами. Гончарныя издѣлія въ нихъ двухъ типовъ, болѣе грубыя и болѣе тонкія, отличающіяся отъ керамики позднѣйшихъ итальянскихъ свайныхъ построекъ, такъ называемыхъ террамаръ, откуда Кастельфранко заключаетъ, что эти послѣднія были обитаемы уже другимъ населеніемъ. По остаткамъ фауны мы можемъ думать, что неолитическое населеніе Италіи жило главнымъ образомъ охотой. Интересно, что здѣсь, по изслѣдованіямъ Strobel'я, не найдено было остатковъ собаки, тогда какъ въ свайныхъ постройкахъ она уже появляется. За то эти ямы современны съ упомянутыми выше пещерами. И тѣ и другія Chierici, Issel и Pigorini приписываютъ одному и тому-же народу, называемому первымъ изъ этихъ ученыхъ Иберо-Лигурами. Индійскія жемчужныя раковины (Meleagrina margaritifera), найденныя въ итальянскихъ отбросныхъ ямахъ этой эпохи, свидѣтельствуютъ, что уже въ очень отдаленныя времена существовали торговыя сношенія между Италіей и Востокомъ.

Изъ городищъ къ концу неолитическаго періода относится городище (по итальянски castellaccio) возлѣ Имолы, выдающееся своимъ сходствомъ съ культурою террамаръ [98]). Сюда-же приходится отнести и изслѣдованныя въ послѣднее время укрѣпленныя поселенія въ приморскихъ австрійскихъ земляхъ, главнымъ образомъ въ Истріи. Эти «Castellieri» (славян. градиште) только отчасти принадлежатъ къ каменному вѣку, напримѣръ городище въ Вилланова (Villanova); большая же часть ихъ позднѣйшаго происхожденія. Въ альпійскихъ областяхъ Австріи культурныхъ ямъ было найдено очень немного (въ Штиріи онѣ найдены въ Глейхенбергѣ, Тиролѣ, недавно открыты въ Меранѣ на холмѣ Ипполита); за то здѣсь мы встрѣчаемся съ извѣстными свайными постройками на озерахъ. Вообще, какъ Верхняя такъ и Нижняя Австрія, къ югу отъ Дуная, сравнительно бѣднѣе неолитическими находками, чѣмъ къ сѣверу отъ него. Въ сѣверной части Верхней Австріи замѣчательно городище на Гоченбергѣ (Gotschenberg), на р. Мюльбахѣ,

гдѣ находилась также большая мастерская каменныхъ орудій. Въ Нижней Австріи находятъ множество неолитическихъ культурныхъ ямъ, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Горна и Эггенбурга, съ черепками, украшенными очень характернымъ орнаментомъ (сосудъ съ отверстіями въ стѣнкахъ и посуда, окрашенная въ бѣлый и красный цвѣта). Культурныя ямы съ интересными сосудами, среди которыхъ особенно выдаются покрытые шипами и поставленные на ножкахъ—были найдены въ Zierdorf'ѣ, въ Weikersdorf'ѣ, Hippersdorf'ѣ и пр. Между Мангартовой горой и р. Моравой находится также рядъ неолитическихъ городищъ, изслѣдованныхъ д-ромъ Much'омъ. Главнѣйшія изъ нихъ—Vitusberg и Heidenstatt въ Лимбергѣ; первое изъ нихъ было обитаемо непрерывно до позднѣйшихъ временъ [99]). Въ Германіи извѣстны многочисленныя культурныя ямы въ Мекленбургскомъ округѣ (какъ напримѣръ въ Dreweskirchen'ѣ, въ Wismar'ѣ, въ Bresen'ѣ, въ Rhen'ѣ и пр.), въ Пруссіи, Помераніи, Брауншвейгѣ и т. д. Въ этихъ странахъ и въ Баваріи онѣ бываютъ очень большихъ размѣровъ, до 15 метровъ въ діаметрѣ, и иногда окружены на подобіе вала набросанной глиною [100]).

Въ Венгріи было найдено большое количество поселеній неолитической эпохи. Наиболѣе важное изъ нихъ и наилучше изслѣдованное—это безъ сомнѣнія городище возлѣ Lengyel'я въ тольнайской жупѣ. Оно было раскопано свящ. М. Возинскимъ, а послѣ него Р. Вирховымъ и др. [101]). Городище, находящееся въ имѣніи графа Al. Apponyi, обнесено двойнымъ валомъ. Внутри его было найдено два большихъ кладбища со скелетами въ скорченномъ положеніи, одно (западное) неолитической эпохи, а другое (восточное) нѣсколько болѣе поздней, переходной къ эпохѣ металловъ, и кромѣ того цѣлый рядъ остатковъ жилищъ, ямъ ульеобразной формы, разбросанныхъ между могилами. Ямы эти отъ 3 до 4 метровъ глубины и на днѣ отъ 2 до 3-хъ въ поперечникѣ, имѣли стѣны, обложенныя прутьями и обмазанныя глиною; внутрь ихъ входили черезъ отверстіе сверху по бревну или по лѣстницѣ. Кромѣ этихъ подземныхъ ямъ для жилья попадалось еще много меньшихъ ямъ, только около 1 метра глубины, надъ которыми стояли нѣкогда особыя хижины, а также ямъ, наполненныхъ зерновымъ хлѣбомъ въ большихъ сосудахъ, которыя очевидно служили зернохранилищами. Между найденными тамъ предметами очень характерны миски на высокихъ ножкахъ (рис. 63), множество цѣльныхъ и поломанныхъ каменныхъ орудій, пряслицъ, украшеній, сосуды съ отверстіями въ стѣнкахъ, сосуды съ ушками на подобіе листьевъ клевера, раскрашенные сосуды, подобные южногреческимъ и гиссарликскимъ изъ Малой Азіи, и пр. Очень интересны также такъ называемые «изображенія луны» (Mondbilder) изъ глины, которыхъ тамъ было найдено около сорока. Ихъ принимали сначала за подставки подъ

голову, употребляемыя и въ настоящее время многими дикарями для спанья и бывшія извѣстными также въ древнемъ Египтѣ (рис. 64). Но новыя находки подобныхъ предметовъ, въ окрестностяхъ Oedenburg'a въ Венгріи, показываютъ, что это былъ или какой-то особый родъ идоловъ, или скорѣе подставки для предметовъ, приносимыхъ по обѣту (ex voto). Полумѣсяцы,

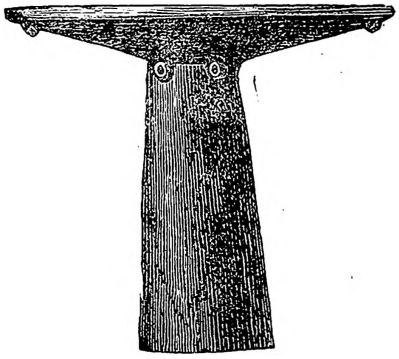


Рис. 63. Миска на ножкѣ. (Lengyel).

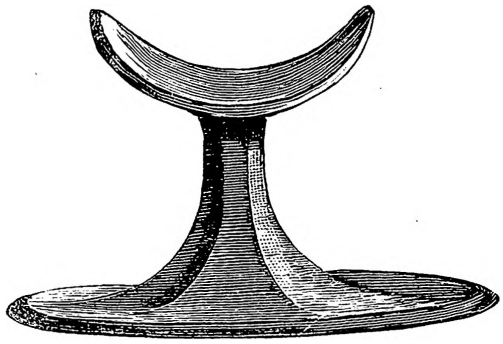


Рис. 64. Египетская деревянная подставка подъ голову изъ Луврской коллекціи.

найденные въ Oedenburg'ѣ, принадлежатъ впрочемъ уже болѣе позднему времени. Гернесъ (Hoernes) относитъ ихъ, равно какъ и находки въ Lengyel'ѣ, къ эпохѣ металловъ. Другіе большіе валы—можетъ быть неолитиче-

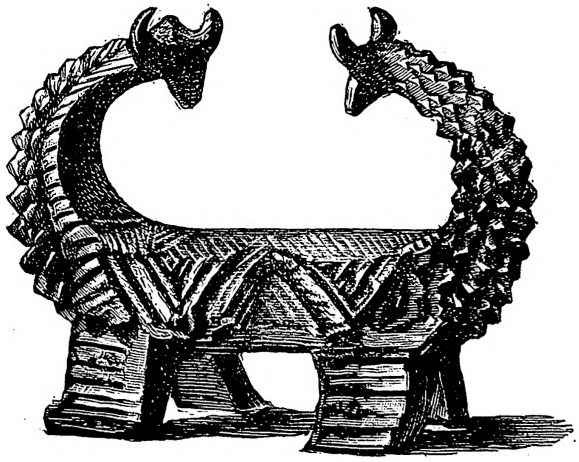


Рис. 65. Глиняный идолъ изъ Эденбурга.

скаго происхожденія—находятся возлѣ только что упомянутаго Oedenburg'a въ шопронской жупѣ, съ некрополемъ и остатками жилищъ эпохи болѣе поздней.

Въ прочихъ странахъ, прилегающихъ къ Венгріи, также были найдены неолитическія стоянки; въ Буковинѣ, Седмиградской области и

въ Румыніи ихъ цѣлый рядъ и, что очень интересно, онѣ обнаруживаютъ много слѣдовъ вліянія восточныхъ культуръ, подобно тому, какъ и стоянка въ Lengyel'ѣ, какъ напримѣръ описанная г. Diamandi стоянка въ Cucuteni, о которой мы упоминали уже на стр. 77, мѣстонахожденія въ Baiceni, Radašeni въ сѣверной Молдавіи и др., гдѣ были найдены расписныя вазы, украшенныя линейнымъ (завитками) и фигурнымъ (изображеніями всадниковъ, оленей и пр.) орнаментомъ, напоминающимъ нѣкоторые микенскіе сосуды, кромѣ того человѣческія статуэтки изъ терракоты, изображенія звѣрей и т. п. Г. Одобеску справедливо видитъ въ нихъ связь греческой и азіатской культуръ съ средне-европейскою [102]). Признаки этого восточнаго вліянія мы можемъ прослѣдить до Галиціи и Моравіи, особенно въ орнаментаціи сосудовъ (см. далѣе). На самомъ Балканскомъ полуостровѣ мнѣ извѣстны только неолитическія поселенія въ Босніи, найденныя Радимскимъ (Radimsky) на вершинѣ Sobunar'a и въ Бутмирѣ (Butmir) возлѣ Сараева. Послѣднее изъ нихъ, наиболѣе интересное, было осмотрѣно между прочимъ членами археологическаго конгресса въ Сараевѣ въ августѣ 1894 г. Это—доисторическая стоянка безъ малѣйшихъ слѣдовъ металла, давшая громадное количество топоровъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій, кремневыхъ осколковъ, черепки посуды, остатки угля и пепла въ очагахъ, находившихся другъ надъ другомъ и представлявшихъ остатки прежнихъ хижинъ отъ 5 до 7 метровъ въ діаметрѣ. Во время конгресса мнѣнія присутствовавшихъ археологовъ раздѣлились. Пигорини (Pigorini) и Мунро (Munro) находили, что эта стоянка представляетъ собою нѣчто въ родѣ террамаръ (см. далѣе), тогда какъ Радимскій, Германнъ и Р. Вирховъ были того мнѣнія, что это остатки нѣсколькихъ, послѣдовательно смѣнявшихся поселеній на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Не смотря на то, что здѣсь было найдено нѣсколько древнихъ свай, большинство высказалось въ пользу второго мнѣнія. По мнѣнію Г. де Мортилье поселенія эти были въ то-же время и мастерской каменныхъ орудій [103]).

Чехія и Моравія очень богаты находками неолитической эпохи, не только остатками поселеній, но и могильниками, причемъ въ послѣднихъ слѣды трупосожженія встрѣчаются сравнительно рѣдко [104]). Но до сихъ поръ все-таки еще очень трудно сдѣлать точное распредѣленіе встрѣчающихся въ этихъ странахъ культурныхъ ямъ по доисторическимъ эпохамъ. Эта группа мѣстонахожденій является здѣсь одною изъ наиболѣе загадочныхъ и наименѣе изслѣдованныхъ, а потому мы упомянемъ только о нѣсколькихъ мѣстностяхъ, изученныхъ болѣе обстоятельно. Очень хорошо изслѣдованы напр. неолитическія поселенія, открытыя Франкомъ (Fr. Franc) возлѣ дер. Штаглавице (Stahlavice), въ бассейнѣ р. Уславы въ Пильзенскомъ округѣ и главнымъ образомъ на вершинѣ холма на Bzy и у города Lopata [105]). Слѣды поселеній, нахо-

дящіеся въ двухъ послѣднихъ мѣстностяхъ, древнѣе, чѣмъ штаглавскіе; сосуды въ нихъ проще, сдѣланы самымъ примитивнымъ образомъ, и просверленные топоры еще неизвѣстны. Въ культурныхъ же ямахъ у Штаглавицы просверленные топоры уже многочисленны. Другую важную стоянку представляетъ собой мѣстонахожденіе въ кирпичныхъ заводахъ въ Чаславѣ. Въ окрестностяхъ этого города г. Кл. Чермакъ (Čermák) уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занимается разысканіемъ слѣдовъ неолитическихъ поселеній [106]). До

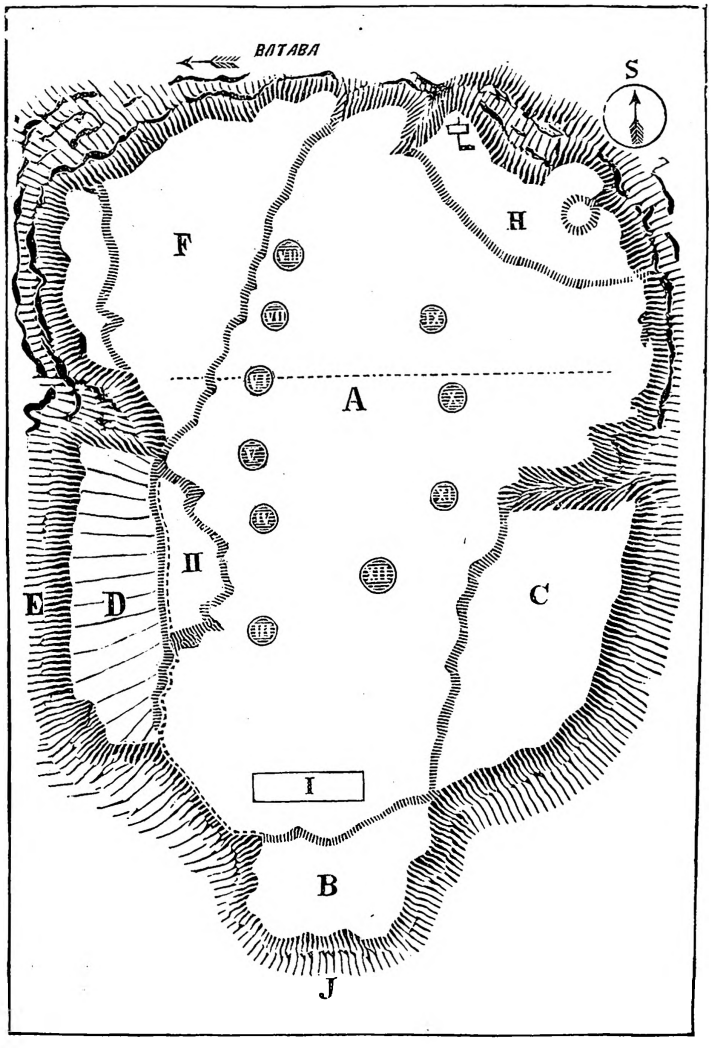


Рис. 66. Планъ городища на Рживначи съ остатками жилищъ.

сихъ поръ было изслѣдовано болѣе 30 ямъ съ неолитическими находками: каменными топорами, черепками посуды, украшенной точечнымъ орнаментомъ, столь характернымъ для неолитической культуры,—скребками, кремневыми ножами и осколками, костяными предметами, пряслицами, костями домашнихъ

животныхъ, главнымъ образомъ быка, овцы, козы, свиньи,—составляющими обыкновенный инвентарь чешскихъ культурныхъ ямъ неолитической эпохи. Въ одной изъ нихъ былъ найденъ и человѣческій скелетъ. Подобныя же ямы были найдены въ Пшемышлени и въ Подбабѣ возлѣ Праги (въ Пшемышлени—также и человѣческіе скелеты), въ Жаланахъ, Полепахъ, Новомъ Быджовѣ, Вел. Горкахъ, Ржепинѣ (человѣч. кости), у Куделова возлѣ Часлава, Велик. Липнѣ, Йіноницахъ, Прашинѣ, Шлюмчанахъ, Дивичѣ, Солопискахъ, Блажимѣ, Устѣ надъ Лабой, Трмицѣ (человѣч. кости) и т. д. и т. д. [107]). Вообще они чрезвычайно многочисленны въ сѣверозападной Чехіи. Изъ чешскихъ городищъ, древность которыхъ, судя по находкамъ, достигаетъ до неолитической эпохи, заслуживаютъ упоминанія городище въ Шаркѣ съ большимъ количествомъ каменныхъ орудій [108]) и главнымъ образомъ доисторическое поселеніе на вершинѣ Рживначи (Rivnáci) возлѣ Розтокъ надъ Влтавою, съ остатками 10 округлыхъ хижинъ чисто неолитическаго происхожденія [109]) (ср. планъ на рис. 66). Ямы эти были наполнены пепломъ, кусками обожженной глины, костями, черепками посуды и разными орудіями изъ камня и кости. Все это было вполнѣ неолитическаго характера и только сверху было найдено нѣсколько предметовъ металлическихъ. Далѣе сюда же относятся нижніе слои «na Hrádku» въ Чаславѣ, городище «na Zámkách» возлѣ Богницы [110]), городище на Сланской горѣ и на вершинѣ Рубина возлѣ Подборжанъ (Podbořany).

Моравія тоже очень богата неолитическими стоянками. Остатки очаговъ (иногда заключавшіе въ себѣ и человѣческіе скелеты) были открыты въ стоянкахъ въ Мировцѣ (Mirovce) возлѣ Myto, Malomerice, Nováves, Moravský Krumlov, Husovice, Romin, въ разныхъ мѣстностяхъ вокругъ города Ольмюца (Naklo, Prikasy, Charvaty, Namest), въ окрестностяхъ Holeiov (Żopy), на берегахъ р. Ольшавы, возлѣ Знайма (стоянка Novosady) съ расписными сосудами и статуетками изъ терракотты *), Velke Mašovice, etc. Изъ городищъ возлѣ Bile Hory и Divčího hradu въ Палавскихъ горахъ особенно замѣчательно изслѣдованное въ послѣднее время Leskoun возлѣ Моравскаго Крумлова, на вершинѣ котораго было нѣкогда тоже неолитическое поселеніе [111]). Интересно отмѣтить, что усилившіеся розыски древностей на Лескунѣ дали поводъ мѣстнымъ рабочимъ начать под-

*) Эта керамика носитъ на себѣ слѣды несомнѣннаго восточнаго вліянія и проникла въ Моравію черезъ Венгрію и Галицію. Остатки ея были неоднократно находимы въ Моравіи въ отложеніяхъ неолитической эпохи (Novosady, Rajhrad, Ořechovičky, Horahov, Holubice и пр.). Другой типъ неолитической керамики въ Моравіи представляютъ собой сосуды различныхъ формъ, украшенные узоромъ изъ линій, прерывающихся углубленіями. (Ср. рис. 55, съ правой стороны).

дѣлывать каменныя орудія и прочіе предметы. На предметахъ, отправленныхъ въ Вѣну, этотъ обманъ обнаружился вполнѣ явственно. Наиболѣе же изслѣдованное изъ всѣхъ городищъ находится въ Křepice, возлѣ Знайма. Г. Яромиръ Палліарди собралъ тамъ превосходную коллекцію орудій и прочихъ неолитическихъ предметовъ, между которыми чрезвычайно интересны сосуды съ пластическими украшеніями [112]).

Какъ уже сказано, точная и опредѣленная классификація чешско-моравскихъ ямъ по ихъ древности очень затруднительна. Не будетъ также удивительнымъ, если кто-нибудь изъ изслѣдователей станетъ считать нѣкоторыя изъ зачисленныхъ нами сюда мѣстонахожденій скорѣе за мѣста погребенія чѣмъ за жилища, а равно и наоборотъ. Подобныя опредѣленія при краткихъ и недостаточныхъ описаніяхъ всегда бываютъ неточны. Случается нерѣдко, что въ ямѣ, имѣющей во всемъ прочемъ совершенно неолитическій характеръ, оказываются и бронзовые предметы и даже желѣзные (какъ напр. въ Чаславѣ). Является вопросъ, попали ли туда эти предметы позже и случайно, или ихъ надо считать современными ямѣ и признать, что найденный въ ней инвентарь удерживался тамъ отъ каменной эпохи до желѣзной? Разрѣшить это чрезвычайно трудно и приходится говорить только объ общемъ характерѣ содержимаго этихъ мѣстонахожденій.

Подобныя же культурныя ямы встрѣчаются и за предѣлами Моравіи, хотя свѣдѣнія о нихъ, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ сѣверовостоку, становятся болѣе рѣдкими, главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ на нихъ мало было обращаемо вниманія. Въ Силезіи онѣ попадаются напр. возлѣ Ратибора (по мнѣнію Гёрнеса сюда же относятся и городища Burberg и Schallenberg возлѣ Krňov'a; въ Россіи—довольно много ихъ было найдено по обоимъ берегамъ рѣкъ Хрона и Нѣмана Глогеромъ; [113]) затѣмъ попадаются онѣ въ окрестностяхъ Кіева; несомнѣнно относящіяся къ неолитической эпохѣ сельбища съ остатками пепла были найдены профессорами А. А. Штукенбергомъ и Н. Ѳ. Высоцкимъ въ окрестностяхъ Казани на Маломъ Бугрѣ, у села Карташихи и т. д. Вообще свѣдѣній до сихъ поръ еще слишкомъ мало, хотя то, что есть, показываетъ уже, что этого рода стоянки встрѣчаются и на востокѣ. Нѣкоторыя русскія городища началомъ своимъ также принадлежатъ къ неолитической эпохѣ, какъ напр. Дьяковское городище возлѣ Москвы, въ нижнихъ слояхъ котораго В. И. Сизовъ нашелъ только каменные и костяные предметы.

Мы упоминали уже раньше о томъ, что человѣкъ слѣдовалъ шагъ за шагомъ за великимъ сѣвернымъ ледникомъ, который къ концу ледниковаго періода отступалъ къ сѣверу. Вслѣдствіе этого ни въ Скандинавіи, ни въ Даніи, ни въ Финляндіи, ни даже въ сѣверной Германіи мы не встрѣчали опредѣленныхъ слѣдовъ пребыванія тамъ четвертичнаго человѣка. За то въ

неолитическую эпоху сѣверныя окраины средней Европы съ Даніей были населены уже довольно густо и даже въ Скандинавіи было уже достаточно многочисленное населеніе. Мы уже говорили о неолитическихъ находкахъ въ кьёккенмёддингахъ на побережьи Даніи и Сѣверной Германіи, которыя съ очевидностью свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ существованіи въ этихъ странахъ человѣка въ теченіи неолитическаго періода. На съѣздѣ въ Стокгольмѣ, въ 1874 году, когда каменный вѣкъ сѣверныхъ странъ былъ главнымъ предметомъ разсужденій, Ворсо (Worsaae) доказывалъ, что культура, аналогичная культурѣ датскихъ кьёккенмеддинговъ, въ Скандинавіи не обнаружена. Тѣмъ не менѣе, послѣ этого, главнымъ образомъ въ провинціи Сканіи (Schonen), были найдены кремневыя орудія совершенно того же типа, хотя, правда, довольно рѣдкія, и очень можетъ быть, что въ Скандинавіи поселился уже народъ болѣе поздней и развитой культуры. Интересно во всякомъ случаѣ, что уже въ теченіи каменнаго вѣка, по словамъ Монтеліуса, здѣсь обнаруживается одновременное присутствіе двухъ разныхъ культуръ, принадлежавшихъ двумъ разнымъ народамъ. Кремневыя орудія, многочисленныя въ южныхъ провинціяхъ Швеціи, исчезаютъ постепенно къ сѣверу, гдѣ ихъ замѣняютъ орудія изъ чернаго сланца. То-же самое замѣчается, по изслѣдованіямъ O. Rygh'a, и въ Норвегіи. Оба ученые приписываютъ эти сѣверныя издѣлія изъ сланца короткоголовымъ лапландцамъ, кремневыя же, тамъ находимыя, длинноголовому арійскому племени, праотцамъ нынѣшнихъ шведовъ и норвежцевъ, пришедшимъ, по ихъ мнѣнію, уже въ неолитическую эпоху, откуда-то съ береговъ Чернаго моря, изъ страны близкой къ Дунаю. Съ тѣхъ поръ въ Скандинавію не появлялось никакого новаго народа.

Свайныя постройки.

Въ высшей степени интересную и своеобразную группу поселеній, начало которыхъ относится къ неолитической эпохѣ, представляютъ собою безспорно свайныя или озерныя постройки (palafittes, habitations lacustres, lake dwellings, Pfahlbauten). Мы видѣли уже, что Габр. де Мортилье назвалъ вторую, позднѣйшую часть неолитической эпохи — эпохою свайныхъ построекъ, Робенгаузенскою, по имени стоянки въ Робенгаузенѣ, на Пфеффиконскомъ озерѣ въ Швейцаріи. Свайныя постройки дѣйствительно начались въ эту эпоху, но существовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до гораздо болѣе поздняго времени, въ теченіи всего бронзоваго и даже желѣзнаго періода. Тѣмъ не менѣе, мы помѣстимъ общее описаніе ихъ здѣсь, для того чтобы въ слѣдующихъ главахъ имѣть возможность говорить о нихъ, какъ о вещи уже извѣстной, и только указать на то, чѣмъ позднѣйшія свайныя постройки отличаются отъ неолитическихъ. Естественно, что свайныя постройки могли возникнуть только тамъ, гдѣ была вода и притомъ вода, сравнительно, спокойная; онѣ не могли бы выдержать напр. прибоя

открытаго моря. Вслѣдствіе этого постройки такого рода мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, на озерахъ и болотахъ. Между европейскими странами наиболѣе пригодной въ этомъ отношеніи была богатая озерами Швейцарія, гдѣ эти доисторическія свайныя постройки были впервые открыты и до сихъ поръ наиболѣе изслѣдованы. Поэтому, дѣлая общій очеркъ этихъ построекъ, и ихъ культуры, мы будемъ основываться, по преимуществу, на швейцарскихъ находкахъ, и лишь слегка коснемся свайныхъ построекъ Италіи, Австріи и Германіи [114]).

Въ неолитическую эпоху альпійскіе ледники мало разнились по своимъ размѣрамъ отъ нынѣшнихъ, и альпійскія долины были покрыты такою же богатою растительностью и были такъ же удобны для жизни, какъ и современныя. Берега прелестныхъ швейцарскихъ озеръ и тогда уже манили къ себѣ поселенцевъ. Рыбы и дичи было изобиліе, а поэтому и не удивительно, что уже въ неолитическую эпоху Швейцарія была населена довольно густо, и притомъ именно на самыхъ озерахъ, не на берегахъ ихъ, но прямо надъ водою. Что̀ именно заставляло древнихъ обитателей этой страны возводить съ большимъ трудомъ свои постройки надъ водой—въ разстояніи отъ 50 до 100 и болѣе метровъ отъ берега — это очень трудно объяснить. Поступали ли они такимъ образомъ въ виду бо́льшаго удобства для рыбной ловли, или для огражденія себя отъ дикихъ звѣрей, или для лучшей защиты отъ непріятеля? Вѣроятно здѣсь оказывали вліяніе всѣ эти причины. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что почти всѣ швейцарскія озера, въ теченіи эпохъ неолитической, бронзовой, а отчасти даже и римской, были покрыты жилищами, отстоявшими иногда довольно далеко отъ берега и построенными на высокихъ сваяхъ, вбитыхъ въ озерное дно.

В. Гроссъ (V. Gross), одинъ изъ самыхъ лучшихъ знатоковъ свайныхъ построекъ, дѣлитъ эти сооруженія, относящіяся къ каменной эпохѣ, на слѣдующія три группы [115]).

1) Постройки древнѣйшей эпохи. Отличаются бѣдностью орудій, отсутствіемъ топоровъ изъ привознаго матеріала и преобладаніемъ сдѣланныхъ изъ мѣстныхъ породъ серпентина, діорита, соссюрита. Посуда грубая, сдѣланная отъ руки, никакихъ слѣдовъ металловъ. Сюда относятся стоянки въ Chavannes, Vingrave и др.

2) Постройки позднѣйшей эпохи, съ орудіями, тщательно отдѣланными, просверленными, съ топорами изъ рѣдкихъ горныхъ породъ: нефрита, ядеита и хлоромеланита, происхожденіе которыхъ и до сихъ поръ еще остается загадочнымъ; посуда, гораздо болѣе искусно сдѣланная; появляются первые слѣды мѣди или бронзы. Сюда относится большая часть стоянокъ: Latrigen, Locras, Concise, Wangen, Robenhausen, Wauwyl, Meilen и проч.

3) Постройки переходной эпохи отъ каменнаго вѣка къ бронзовому.

Характеризуются многочисленными предметами изъ мѣди, которые указываютъ на существованіе въ Швейцаріи мѣдной эпохи (Fenil, Suts, Saint-Blaise и пр.).

Свайныя постройки сооружались приблизительно слѣдующимъ образомъ. Разъ было найдено на озерѣ подходящее мѣсто, хорошо защищенное отъ вѣтра и волнъ и возможно болѣе удаленное отъ берега, на немъ прежде всего вбивали въ дно потребное количество свай. Какимъ образомъ производилась эта трудная работа—не такъ легко сказать. Самыя сваи приготовить было не трудно; дерево (обыкновенно дубъ) сваливалось при помощи огня, конецъ его обжигался и обрубливался каменнымъ топоромъ *). Гораздо труднѣе было вбивать сваи. Дѣлалось это вѣроятно такъ (въ особенности, гдѣ дно было твердое), что избранное мѣсто засыпалось пескомъ и камнями до такой высоты, чтобы сваи могли держаться въ этомъ слоѣ совершенно крѣпко. На сваи настилался помостъ изъ бревенъ, а на немъ уже становились хижины изъ прутьевъ и соломы, обмазанныхъ глиной (ср. прилаг. рис.). Куски обожженной обмазки съ ясными отпечатками прутьевъ были находимы неоднократно и свидѣтельствуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что подобныя постройки часто уничтожались пожарами. На такихъ именно мѣстахъ и было находимо, на днѣ озеръ, между остатками обгорѣлыхъ свай, наибольшее количество и притомъ наилучшимъ образомъ сохранившихся предметовъ. Вполнѣ понятно, что если-бы поселеніе было оставлено безъ поспѣшности, то все, что было лучшаго у жителей, было-бы взято ими съ собой, и археологъ не нашелъ бы среди остатковъ такихъ построекъ почти ничего, кромѣ развѣ какихъ нибудь отбросовъ и негодныхъ предметовъ. Хорошо сохранившіяся вещи, находимыя въ свайныхъ постройкахъ, нѣкоторыя объясняли даже тѣмъ, что онѣ были брошены въ воду нарочно, въ видѣ жертвы духамъ озера; но объясненіе это не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній.

Остатки свай были первымъ указаніемъ къ открытію свайныхъ построекъ. Между сваями въ нихъ были найдены разной толщины культурные слои.

---

*) Что все это можно было сдѣлать каменными орудіями—лучше всего доказалъ г Sehestedt въ Данцигѣ, который успѣлъ съ помощью однихъ только каменныхъ топоровъ построить цѣлую хижину. Такого рода постройки дѣлаетъ и до сихъ поръ, напр. племя бакаировъ въ Бразиліи, при помощи только діоритовыхъ топоровъ. Г. Франкъ нашелъ въ Шуссенридѣ цѣлую нижнюю часть деревяннаго жилища этой эпохи. Подобная же хижина, найденная въ торфяникѣ въ графствѣ Donegal въ Ирландіи, была сдѣлана, по мнѣнію Леббока, еще каменными орудіями. Наконецъ прекраснымъ доказательствомъ того, что все это могло быть сдѣлано посредствомъ однихъ только каменныхъ топоровъ, могутъ служить большіе храмы, «morai» таитянъ, построенные изъ четыреугольныхъ коралловыхъ плитъ, очень ловко отесанныхъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ достовѣрно извѣстно, что они были построены съ помощью только каменныхъ орудій.

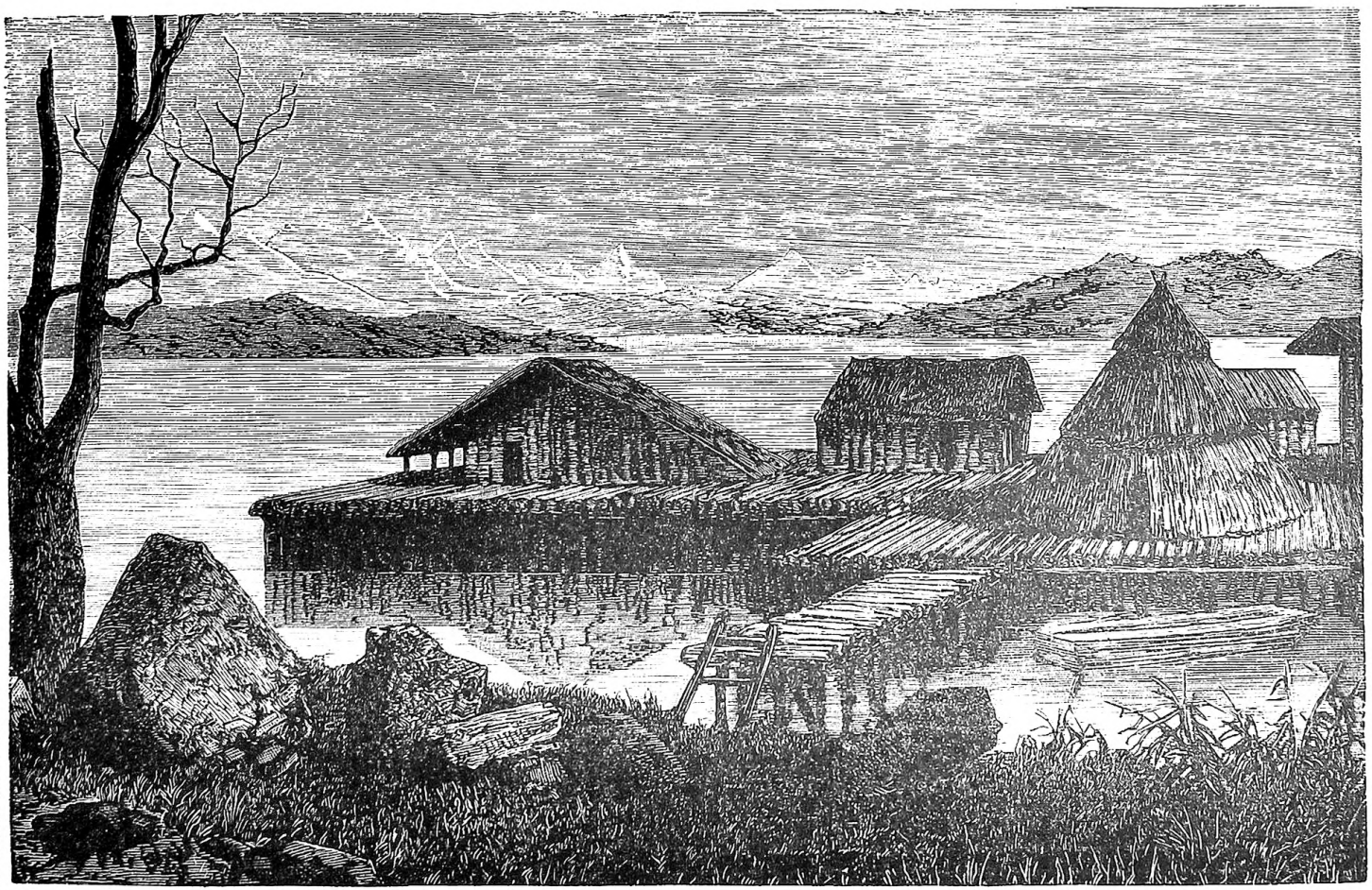


Табл. II. Воспроизведеніе швейцарской свайной постройки.

Свай въ иныхъ мѣстахъ оказывалось множество. Такъ напр. Вангенское поселеніе было расположено на 30—40 тысячахъ свай, Робенгаузенское на болѣе чѣмъ 100.000. Нѣкоторые вычисляли и величину хижинъ, и на основаніи этого вычисленія пробовали опредѣлять количество населенія; но всѣ такія вычисленія могутъ быть, разумѣется, только болѣе или менѣе приблизительными.

Описаннымъ способомъ была построена вѣроятно большая часть этихъ сооруженій. Только нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ исключеніе, какъ напримѣръ интересная постройка у Niederwyl'я на Эгельскомъ озерѣ (такъ назыв. «Packwerkbau»). Тамъ былъ прежде всего приготовленъ изъ бревенъ какой-то плавучій плотъ, около 2-хъ метровъ толщиною, затѣмъ нагруженъ и опущенъ на уровень воды, послѣ чего надъ нимъ сдѣланъ былъ новый плотъ и также опущенъ, затѣмъ третій и такъ, далѣе пока вся постройка не достигла наконецъ дна и прочно не уперлась въ него. Каждая хижина имѣла такимъ образомъ свой собственный искусственный островокъ около 8 метр. длины и 6 м. ширины. Нѣчто подобное было констатировано также въ стоянкахъ въ Inkwyl'ѣ и Wauwyl'ѣ. Аналогичныя сооруженія представляютъ и ирландскіе и шотландскіе кранноги (crannogs). Это тоже искусственно сдѣланные изъ бревенъ и камней острова.

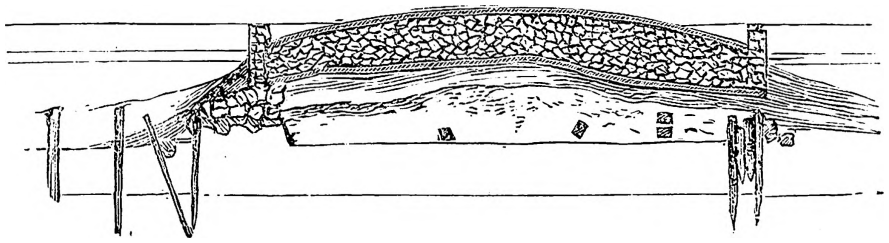


Рис. 67. Разрѣзъ ирландскаго краннога (по Леббоку).

Такой видъ имѣли швейцарскія свайныя постройки извнѣ. Присмотримся теперь ближе къ жизни и культурѣ ихъ обитателей. Человѣкъ ловилъ рыбу или дома, просто съ постройки, или спускался по лѣсенкѣ въ челнокъ изъ выдолбленнаго ствола и ловилъ рыбу посрединѣ озера. Кромѣ рыболовства онъ занимался также охотой на сушѣ, воздѣлывалъ свое поле на берегу, и тамъ же, повидимому, хоронилъ и своихъ мертвыхъ. Человѣческія кости на днѣ озеръ представляютъ большую рѣдкость, да и тѣ, которыя были найдены, относятся по большей части къ позднѣйшимъ временамъ. Надо однако признаться, что и мѣста погребенія на сушѣ до сихъ поръ необъяснимо рѣдки. Наиболѣе замѣчательную находку этого рода представляетъ собой гробница изъ каменныхъ плитъ, заключавшая въ себѣ 12 скелетовъ конца неолитической эпохи и найденная въ Auvernier. [116]) Свайное поселеніе въ Cham-

blades возлѣ Pully имѣло неподалеку также кладбище съ предметами каменнаго вѣка. Подобныя же мѣста погребенія найдены были въ Pierre-Portay, въ Châtelard и представляли собой гробницы изъ плитъ, содержавшія въ себѣ скелеты. Подробнѣе объ этихъ гробницахъ будетъ сказано далѣе.

Кухонные остатки и поломанныя вещи выбрасывались просто въ воду. Отъ времени до времени падали туда и лучшіе предметы, а въ случаѣ пожара—и очень много хорошаго. Всѣ предметы сохранились въ водѣ, при отсутствіи доступа воздуха, превосходно. На металлическихъ предметахъ нѣтъ напр. ни обыкновенно бывающей ржавчины, ни патины; вещи эти въ музеяхъ кажутся почти новыми. Кромѣ орудій и оружія (здѣсь попадаются

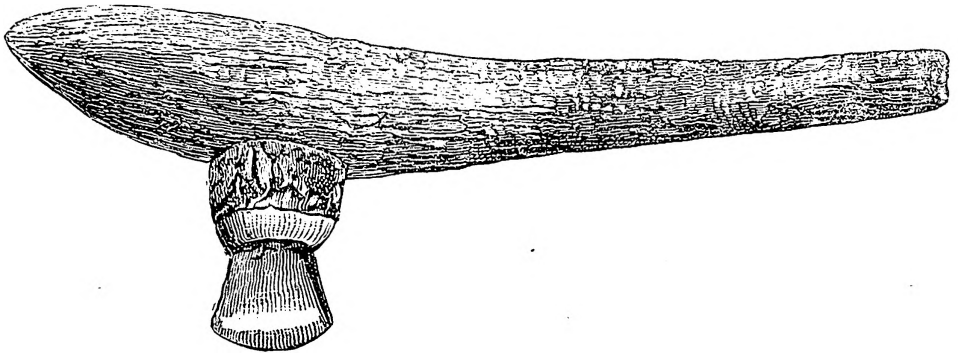


Рис. 68. Каменный топоръ въ деревянномъ топорищѣ.

всѣ виды каменныхъ топоровъ, ножей и шильевъ, изъ которыхъ многіе сохранились даже въ роговыхъ или деревянныхъ топорищахъ, втулкахъ или ручкахъ (рис. 68 и 69), копій, долотъ, дубовыхъ палицъ, деревянныхъ лу-

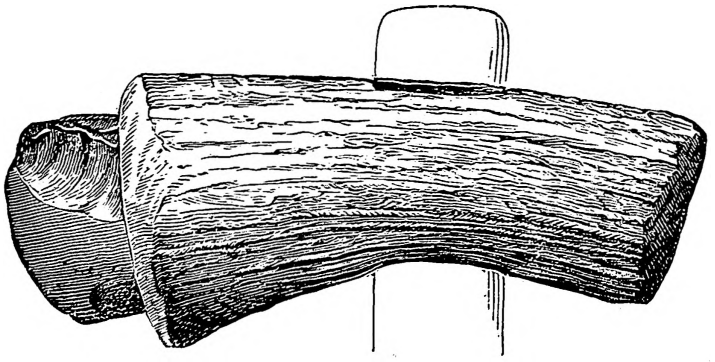


Рис. 69. Шлифованный топорикъ въ роговой втулкѣ.

ковъ въ Робенгаузенѣ и т. п.), въ культурномъ слоѣ встрѣчается множество глиняныхъ черепковъ, массивныя глиняныя подставки подъ голову, сосуды

древняго типа, дурно обожженные на огнѣ и съ грубымъ орнаментомъ (рис. 70), и болѣе поздняго, орнаментированные гораздо искуснѣе, а также и сосуды деревянные и роговые; затѣмъ угли, обоженные куски глиняной обмазки,

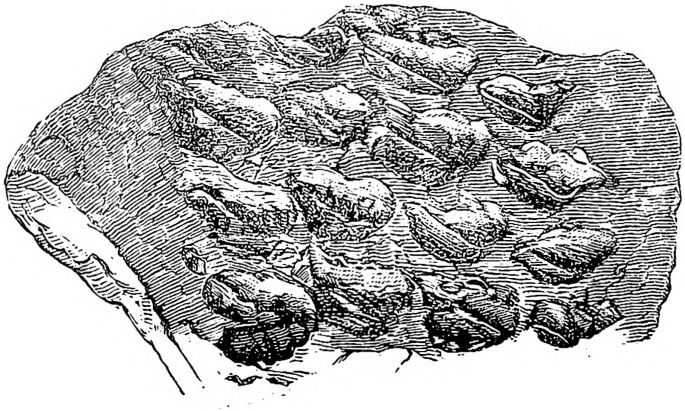


Рис. 70. Черепокъ сосуда болѣе древняго типа изъ швейц. свайн. постр.

коньки изъ лошадиныхъ костей для катанья по льду (въ Mooseedorf'ѣ), гребни, звѣриныя и человѣческія кости, куски грубыхъ тканей (рис. 71), бичевокъ, зерна хлѣбныхъ растеній, чаще всего обгорѣлыя, фрукты и прочіе съѣдобные предметы; въ Робенгаузенѣ было даже найдено что-то въ родѣ хлѣба, скорѣе лепешка, сохранившая на своей поверхности отпечатки пальцевъ. Мы

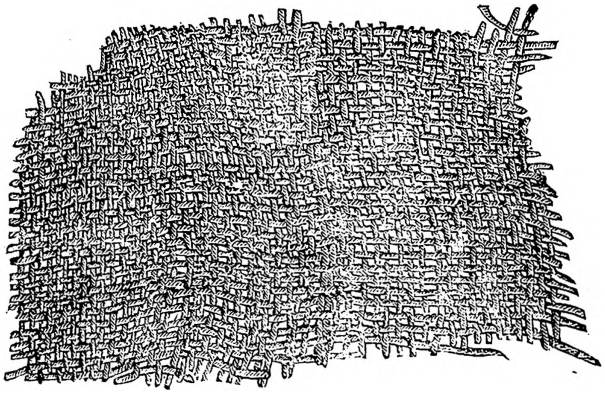


Рис. 71. Кусокъ ткани изъ свайнаго поселенія въ Робенгаузенѣ.

узнаемъ отсюда, что неолитическіе обитатели Швейцаріи были уже знакомы съ земледѣліемъ и разводили изъ хлѣбныхъ растеній главнымъ образомъ пшеницу (Trit. vulg. antiq.), ячмень (Hord. hexastichum и H. distichum), просо, ленъ (хотя и въ иной разновидности, чѣмъ нашъ) и разныя фруктовыя деревья, но не знали еще овса, ржи, гороха, чечевицы и другихъ овощей. Изъ животныхъ они питались больше всего мясомъ оленей, быковъ

и свиней. Фауна, характерная для четвертичной стоянки въ Тайингенѣ (Tayngen) исчезла уже совершенно, и вмѣсто нея появляются домашнія животныя: собака, свинья, коза, овца, рогатый скотъ и, можетъ быть, лошадь, которая въ эту эпоху была впрочемъ очень рѣдка [117]).

Свайныя поселенія каменнаго вѣка встрѣчаются главнымъ образомъ въ восточной Швейцаріи; въ западной же преобладаютъ позднѣйшія свайныя постройки бронзоваго вѣка. Впрочемъ, это географическое различіе по новѣйшимъ изслѣдованіямъ не такъ рѣзко выражено, какъ думали прежде. Стоянки бронзоваго вѣка, и притомъ очень замѣчательныя, были обнаружены и на восточныхъ озерахъ. Возможно также, что обѣ группы хронологически ближе между собою, чѣмъ казалось прежде, и что разница въ степени культуры должна быть объясняема скорѣе тѣмъ, что западная группа была доступнѣе новымъ вліяніямъ съ юга. Мы назвали уже выше нѣсколько наиболѣе важныхъ поселеній, поэтому и не станемъ заниматься дальнѣйшимъ ихъ перечисленіемъ, а обратимся къ свайнымъ постройкамъ другихъ странъ Европы.

Подобнымъ же образомъ, какъ швейцарскія озера, были заселены и подальпійскія озера Италіи. Тѣмъ не менѣе, италіанскія свайныя постройки относятся главнымъ образомъ къ болѣе поздней эпохѣ, и только нѣкоторыя изъ нихъ получили свое начало въ эпоху неолитическую, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ихъ нижніе и болѣе древніе культурные слои. Итальянскія палафитты были описаны еще въ пятидесятыхъ годахъ Пигорини и Стробелемъ *), но систематическое ихъ изслѣдованіе началось только съ 1863 года, когда Дезоръ, Габр. де Мортилье и Стоппани сдѣлали свою первую научную экскурсію на Варезское озеро [118]). Главныя находки доставляетъ теперь свайное поселеніе неолитической эпохи въ Lagozza, открытое Ломбардомъ въ 1877 г. Скудость костей животныхъ и обиліе растительныхъ остатковъ свидѣтельствуютъ, что древніе обитатели этого поселенія были не охотники, но хлѣбопашцы. Интересно, что Сорделли нашелъ здѣсь наиболѣе древнія зерна огороднаго мака. Мѣстонахожденіе это было изслѣдовано Сорделли, Регаццони и Кастельфранко. Другая группа свайныхъ построекъ, которую итальянскіе археологи называютъ «palafitte Varesine», расположена на берегахъ Варезскаго озера и въ его окрестностяхъ, въ Cazzaga-Brabia, Biandronna, Bardela, на озерахъ Монатскомъ, Варанскомъ и др. Главная стоянка на западномъ берегу озера находится на искусственномъ островкѣ Isolina (называемомъ также Isola Virginia). Она была изслѣдована Дезоромъ, Вальтеромъ, Форстеромъ и др., а въ послѣднее время главнымъ образомъ Ронше

*) Первая стоянка была открыта G. Moro въ торфяникахъ Mercurago, возлѣ Ароны, въ 1859 г.

(Ronchet) и Регаццони. При раскопкѣ почвы этого острова было обнаружено пять слоевъ, изъ которыхъ второй снизу оказался наиболѣе богатымъ археологическими остатками. Между сваями и бревнами найдено было здѣсь множество предметовъ каменнаго періода. Свайное поселеніе этого острова существовало однако очень долго, до эпохи металловъ, при чемъ вслѣдствіе накопленія отбросовъ почва его постоянно повышалась. Кастельфранко полагаетъ, что жители этого острова были лигуры. Прочія варезскіе палафитты, несмотря на то, что въ нихъ постоянно находятъ каменные предметы и мало металлическихъ, относятся уже, по мнѣнію италіанскихъ ученыхъ, къ бронзовому вѣку. Къ этой же эпохѣ относитъ Пигорини и свайную постройку на озерѣ Arqua возлѣ Падуи, не смотря на то, что въ ней тоже были находимы каменныя орудія. За то Parazzi относитъ палафитты между Vho и S. Lorenzo Guazzone къ періоду неолитическому.

Свайныя постройки были найдены не только на южномъ, но и на сѣверномъ склонѣ Альпъ, въ нынѣшней южной Германіи. «Островъ розъ» (Roseninsel), на Штрамбергскомъ, или иначе Вюрмскомъ озерѣ въ Баваріи, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ. Но за то одинъ изъ видовъ неолитическихъ свайныхъ построекъ былъ найденъ въ торфяникахъ возлѣ Шуссенрида, въ Верхней Швабіи, на нижнихъ сваяхъ которыхъ сохранились остатки деревянныхъ жилищъ. Въ послѣднее время остатки древнихъ свай были констатированы и въ другихъ баварскихъ озерахъ (Alpsee, Chiemsee, Kochelsee и т. д.) [119]). Но гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія свайныя постройки Сѣверной Германіи, расположенныя, главнымъ образомъ, въ Мекленбургѣ и въ Помераніи [120]). Древность ихъ остается, впрочемъ, еще спорною. Большая часть ихъ, какъ доказалъ Р. Вирховъ, относится несомнѣнно къ позднѣйшимъ эпохамъ, когда употребленіе желѣза было уже вполнѣ распространено, и главнымъ образомъ къ такъ называемой славянской эпохѣ; поэтому мы упомянемъ о нихъ далѣе на своемъ мѣстѣ. Къ неолитической же эпохѣ съ большой сдержанностью Лиссауеръ (Lissauer) причисляетъ свайное поселеніе на Чешевскомъ (Czeszew) озерѣ у рѣки Велны, а Р. Вирховъ— уже очень опредѣленно—свайную постройку на Шонтагскомъ (Szontag) озерѣ въ Восточной Пруссіи. Къ болѣе древнимъ и существовавшимъ отъ конца неолитической до бронзовой эпохи принадлежать также стоянки въ Диссмарѣ въ Мекленбургѣ, и Gägelowa возлѣ Шверина, изслѣдованныя Лишемъ, свайная постройка на Удкерскомъ озерѣ между Штеттиномъ и Н. Стрелицомъ и одна изъ свайныхъ построекъ на Сольдинскомъ озерѣ въ Штарнбергѣ въ Бранденбургѣ. Населеніе этихъ свайныхъ построекъ было здѣсь то же самое, какъ и населеніе жилищъ на сушѣ.

Западная Европа несравненно бѣднѣе свайными постройками. Во Франціи онѣ были найдены въ Альпахъ, въ Савойѣ на озерѣ Бурже (Bourget)

(гл. обр. въ Grésinée), въ Юрѣ—въ Clairvaux, на озерѣ Paladru въ Изерскомъ департ., въ торфяникахъ возлѣ Аббвилля на р. Соммѣ и въ другихъ мѣстахъ. Но первыя двѣ относятся уже къ бронзовому вѣку. Въ Англіи обращаютъ на себя вниманіе искусственные островки въ Ирландіи и Шотландіи—упомянутые уже выше кранноги. Но и они относятся уже къ позднѣйшимъ эпохамъ и продолжали существовать даже въ историческія времена (какъ напримѣръ на Ардекиллинскомъ озерѣ въ Roscommon'ѣ, въ Южной Шотландіи) [121]). Въ Испаніи, Португаліи, Бельгіи и Голландіи подобныя постройки на сваяхъ пока неизвѣстны. За то альпійскія и подальпійскія области Австріи представляютъ въ этомъ отношеніи наиболѣе замѣчательныя находки послѣ Швейцаріи. Первое мѣсто занимаютъ между ними Зальцбургскій округъ и Верхняя Австрія съ своими прекрасными озерами въ Зальцкаммергутѣ (Attersee, Gmundenersee, Mondsee, Almsee). Нѣкоторые ученые, какъ напримѣръ Ch. Hostmann и его послѣдователи, относятъ свайныя постройки всѣхъ этихъ мѣстностей вообще къ гораздо болѣе позднимъ временамъ, даже къ эпохѣ римской республики, но безъ достаточныхъ основаній. Эти свайныя поселенія, изслѣдованныя главнымъ образомъ графомъ Вурмбрандтомъ и д-ромъ Мухомъ [122]), принадлежатъ еще неолитической эпохѣ и, что очень интересно въ сравненіи съ швейцарскими, не удержались въ своемъ существованіи вообще до эпохи металловъ. Первые признаки бронзы и мѣди встрѣчаются и здѣсь, но съ наступленіемъ настоящей бронзовой культуры эта свайная постройка уже исчезла. Главныя стоянки были на

Рис. 72. Сосудецъ изъ свайной постройки на Аттерскомъ озерѣ.

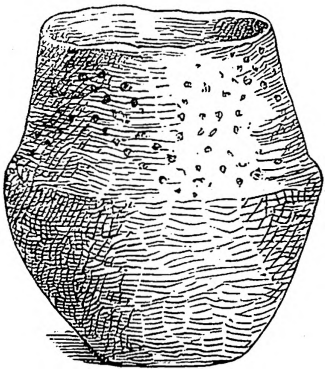


Рис. 73. Сосудъ изъ св. постр. на Аттерскомъ озерѣ.

Аттерскомъ озерѣ—въ Seewalchen'ѣ, въ Attersee, въ Kammer'ѣ, и пр. Характерную особенность ихъ составляютъ сосуды, сдѣланные отъ руки, снабженные ушками и богато украшенные линейнымъ орнаментомъ, при чемъ глубоко врѣзанныя черты искусно выполнены бѣлымъ веществомъ (рис. 72,

73). Кромѣ этихъ мѣстностей подобныя же сооруженія были открыты въ Хорутаніи, въ Цѣловцѣ (Seelowitz) и особенно въ Крайнѣ, въ обширномъ торфяникѣ, расположенномъ недалеко отъ города Люблянъ, изъ которыхъ была изслѣдована Дешманомъ стоянка въ Brunndorf'ѣ [123]). Это свайное поселеніе отличается постоянно орнаментированной посудой, какъ и предыдущее (рис. 74). Каменныя орудія въ немъ рѣдки и добывались повидимому болѣе путемъ торговли, за то очень многочисленны предметы изъ кости и рога; кромѣ того было найдено и много предметовъ металлическихъ. Жители питались главнымъ образомъ рыболовствомъ, охотой на птицъ (лебедей, пеликановъ, кормораковъ, аистовъ, утокъ и т. д.) и на звѣрей (оленей, кабановъ, бобровъ, зубровъ и пр.), но разводили также и домашнихъ животныхъ, главнымъ образомъ овецъ, меньше козъ, крупный рогатый скотъ, свиней и два вида собакъ. Остатковъ лошади не оказалось, такъ же точно какъ и хлѣбныхъ растеній, но повидимому тамъ разводили ленъ, а изъ съѣдобныхъ плодовъ собирали водяной орѣхъ (Trapa natans), лѣсные орѣхи и черешни.

Рис. 74. Изъ свайной постр. возлѣ Люблянъ.

Въ Чехіи послѣ долговременныхъ розысковъ только въ 1889 г. удалось открыть остатки какой-то свайной постройки въ торфяникѣ въ Františkovych lazni, заключавшей въ себѣ каменныя орудія и топорикъ изъ мѣди; изъ домашнихъ животныхъ здѣсь найдены были лошадь, собака, быкъ и свинья. За то въ Моравіи было найдено и изслѣдовано много свайныхъ построекъ, особенно въ Оломуцѣ (Olmütz) и въ Nakla, но всѣ онѣ относятся къ позднѣйшимъ эпохамъ. Д-ръ Ванкель даетъ свѣдѣнія о подобныхъ же находкахъ возлѣ Кожушанъ и Хорватъ, но намъ неизвѣстно о нихъ до сихъ поръ никакихъ подробностей. На берегахъ Нейзидерскаго озера въ Венгріи графъ Bela Szechenyi нашелъ въ 1874 г. множество неолитическихъ орудій на мѣстѣ древней свайной постройки [124]).

Относительно восточной Европы были извѣстія объ открытіи свайныхъ построекъ въ Припетскихъ болотахъ Полѣсья, у истоковъ Березины, на Аратскомъ озерѣ въ Балтскомъ уѣздѣ Подольской губ., возлѣ села Квачалы на Вислѣ, въ Галиціи—въ Ярославѣ на р. Сянѣ, затѣмъ въ сел. Дялко въ Люблинской губ. Слѣды подобныхъ же сооруженій найдены были также въ уѣздахъ Плоцкомъ, Новогрудскомъ, Мозырскомъ, а по словамъ Шантра и въ Мингреліи на Кавказѣ, гдѣ они извѣстны были еще въ древности Гиппократу (у колхидянъ на р. Фазисѣ). Древность всѣхъ ихъ представляется впрочемъ сомнительной. Древніе писатели оставили намъ довольно

много извѣстій о подобномъ образѣ жизни (уже въ историческую эпоху) у разныхъ народовъ, между которыми извѣстіе Геродота о Пэонахъ, на Празійскомъ озерѣ, во Ѳракіи, заслуживаетъ того, чтобы быть здѣсь воспроизведеннымъ. Геродотъ описываетъ образъ жизни этого народа въ слѣдующихъ чертахъ: Посреди озера находится укрѣпленный на высокихъ сваяхъ помостъ, къ которому ведетъ съ суши узкій ходъ по единственному мосту. Сваи, находящіяся подъ помостомъ, были утверждены давнымъ давно всѣми обитателями сообща, но съ того времени постоянно прибавляются новыя, такимъ образомъ: приносятъ ихъ съ горы, называемой Орбелосъ, и каждый разъ когда кто нибудь женится, онъ долженъ вбить три сваи, а каждый беретъ тамъ много женъ. Живутъ же они такъ: у каждаго на помостѣ есть хижина, въ которой онъ живетъ, и подъемная дверь, открывающаяся къ водѣ. Малыхъ дѣтей привязываютъ веревочкой за ногу, чтобы они не свалились въ воду. Лошадямъ и рогатому скоту даютъ въ пищу рыбу. Рыбы же тамъ столько, что когда кто нибудь откроетъ дверь и спуститъ на веревкѣ въ озеро пустую вершу, то черезъ очень короткое время вытаскиваетъ ее наполненною рыбою [125].)

Это живое описаніе даетъ намъ вѣрную картину жизни обитателей свайныхъ построекъ, и нѣтъ сомнѣнія, что такъ же точно, какъ на Празійскомъ озерѣ—жили люди и въ другихъ подобныхъ сооруженіяхъ въ Европѣ. Подобными же свайными постройками были въ древности поселенія Spina и Hatria при устьѣ р. По, жилища венетовъ по описанію Страбона, а также и города Равенна и Венеція въ началѣ своего возникновенія. И до сихъ поръ не только многія первобытныя племена Америки, Африки, Австраліи и Азіи строятъ свои жилища подобнымъ же образомъ, но аналогичныя постройки на сваяхъ мы можемъ встрѣтить еще и кое-гдѣ въ Европѣ, напр. на Дунаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Солуни, въ Россіи и т. д. [126]).

Постройки и укрѣпленія изъ каменныхъ глыбъ и плитъ. (Циклопическія постройки). Постройки такого рода встрѣчаются только въ южной Европѣ, въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю и находившихся въ глубокой древности въ сношеніяхъ съ Египтомъ и Финикіей. Эти доисторическія каменныя сооруженія, начало которыхъ относится отчасти еще къ неолитической эпохѣ, возникли вѣроятно подъ восточнымъ вліяніемъ, въ частности финикійскимъ, а нѣкоторыя могли быть построены и переселенцами изъ Финикіи. Кромѣ цѣлаго ряда такъ называемыхъ циклопическихъ сооруженій Греціи и Италіи [127])—сюда относятся своеобразныя укрѣпленія, встрѣчаемыя главнымъ образомъ въ Сардиніи и на Балеарскихъ островахъ. Въ Сардиніи онѣ извѣстны подъ именемъ nuraghi, а на Миноркѣ—talayoti. Нураговъ въ Сардиніи считается около 3000; они были неоднократно раскапываемы, но ихъ происхожденіе и цѣль остаются еще и до сихъ поръ

не вполнѣ разъясненными [128]). Скорѣе всего ихъ надо считать укрѣпленіями или постоянными укрѣпленными жилищами *). Нѣкоторые принимали ихъ за временныя убѣжища или за гробницы. Это массивныя каменныя постройки въ видѣ усѣченнаго конуса, съ ведущимъ наверхъ винтообразнымъ корридоромъ внутри, въ который открываются болѣе просторныя комнаты безъ оконъ (рис. 76). Въ нихъ находили издѣлія изъ камня, даже палеолитическихъ

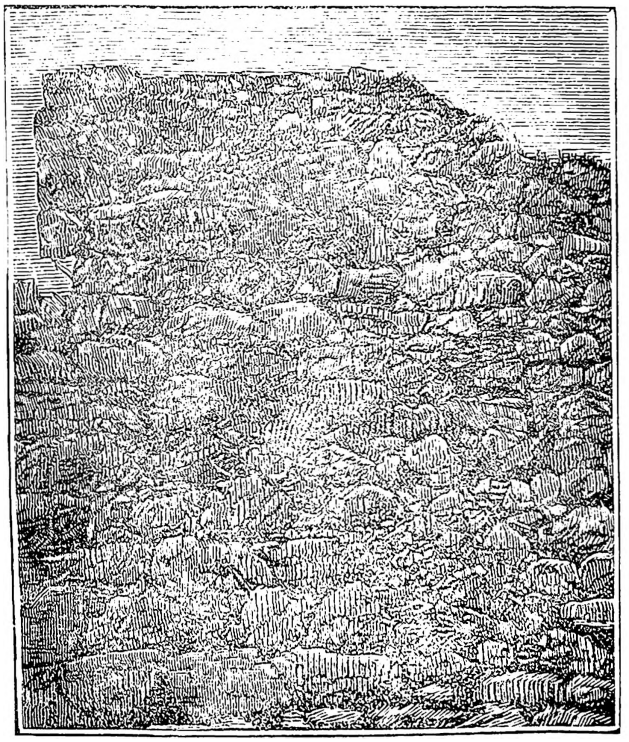


Рис. 75. Примѣръ циклопической постройки (въ Тиринтѣ).

типовъ, но остатки четвертичной фауны въ нихъ совершенно отсутствуютъ. Этимъ постройкамъ аналогичны шотландскія укрѣпленныя жилища (brochs), болѣе поздняго происхожденія, которыми пользовались даже въ историческія времена. Наиболѣе замѣчательна изъ нихъ башня на островѣ Mousa, одномъ изъ Шетландскихъ острововъ.

Неолитическіе города. Къ циклопическимъ сооруженіямъ могутъ быть отнесены и остатки городовъ, принадлежащихъ, по своему происхожденію по крайней мѣрѣ, къ концу неолитической эпохи, найденные на Санторинѣ и Мелосѣ, а также нижнія части развалинъ древней Трои. Хотя послѣдняя

*) Нѣкоторую аналогію нурагамъ представляютъ каменныя старинныя башни, встрѣчаемыя во многихъ селеніяхъ Кавказа (въ Сванетіи, Осетіи и т. д.) и служившія для убѣжища при нападеніяхъ. *Прим. ред.*

находится уже на азіатскомъ материкѣ, но мы упоминаемъ здѣсь о ней потому, что она служила во всякомъ случаѣ извѣстною связью между европейскою и азіатскою культурами. Санторинъ (Тера) и лежащіе противъ него острова Тиразія и Аспронизи, представляютъ собою остатки острова большихъ размѣровъ, на которомъ находился вулканъ, почти посреди нынѣшняго залива. Во время одного изъ изверженій часть этого острова взлетѣла на воздухъ и разрушилась. Когда именно это случилось, неизвѣстно, но при этомъ изверженіи былъ засыпанъ городъ конца неолитической эпохи,

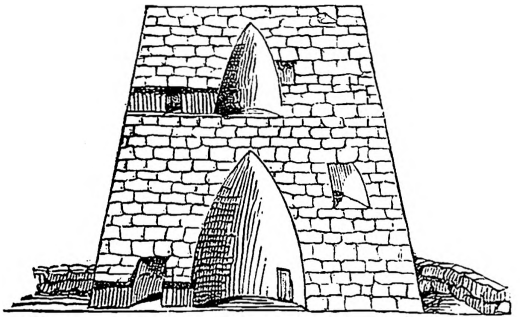


Рис. 76. Разрѣзъ сардинскаго нурага.

остатки котораго были открыты въ шестидесятыхъ годахъ. Въ этой неолитической Помпеѣ не оказалось вовсе ни орудій, ни оружія, сдѣланныхъ изъ металловъ; найдено было только нѣсколько золотыхъ и мѣдныхъ вещей, очевидно попавшихъ туда путемъ торговли. За то гончарное искусство было тамъ замѣчательно развито, и продукты его указываютъ на вліяніе такъ наз. Микенскаго стиля. Способъ постройки жилищъ въ этомъ городѣ былъ совершенно особенный. Они строились изъ кусковъ лавы, причемъ стѣны съ внѣшней стороны покрывались штукатуркой изъ бѣлой извести или четырыхъ яркихъ цвѣтовъ: краснаго, желтаго, синяго и темнобураго. Раскопки были производимы здѣсь Ch. Fouqué, A. Christomanos'омъ и др. На островѣ Мелосѣ удалось также найти остатки до-греческаго города, обнесеннаго толстой стѣной. Находки здѣсь оказались отчасти неолитическаго характера, отчасти нѣсколько болѣе поздняго. Города на Санторинѣ и Мелосѣ представляютъ намъ культуру каменнаго періода, въ которую проникли уже первыя вліянія металлической культуры съ Востока и съ материка Греціи.

Мѣстонахожденіе древняго Иліона, или знаменитой гомеровской Трои, оставалось долго неизвѣстнымъ. Древніе греки, чтившіе Гомера и его героевъ, сохраняли живое преданіе объ ея существованіи и знали то мѣсто, гдѣ она находилась. Въ древніе вѣка мѣстность ея указывали тамъ, гдѣ въ историческую уже эпоху находилась Новая Троя, Νέον Ἴλιον, эолійская колонія, расположенная недалеко отъ берега моря на холмѣ, называемомъ теперь Гиссарликъ. Но позже, особенно со временъ Деметрія изъ Скепсиса и Страбона

стали искать ее дальше отъ берега моря, въ городкѣ Ἰλίεων κώμη, на возвышенности, тянущейся отъ Новаго Иліона къ древней Кебреніи, или на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшняя турецкая деревня Чиблакъ, или, по Шлиманну, въ деревнѣ Акчи-кіой (ср. планъ на рис. 77). По воспоминаніямъ о

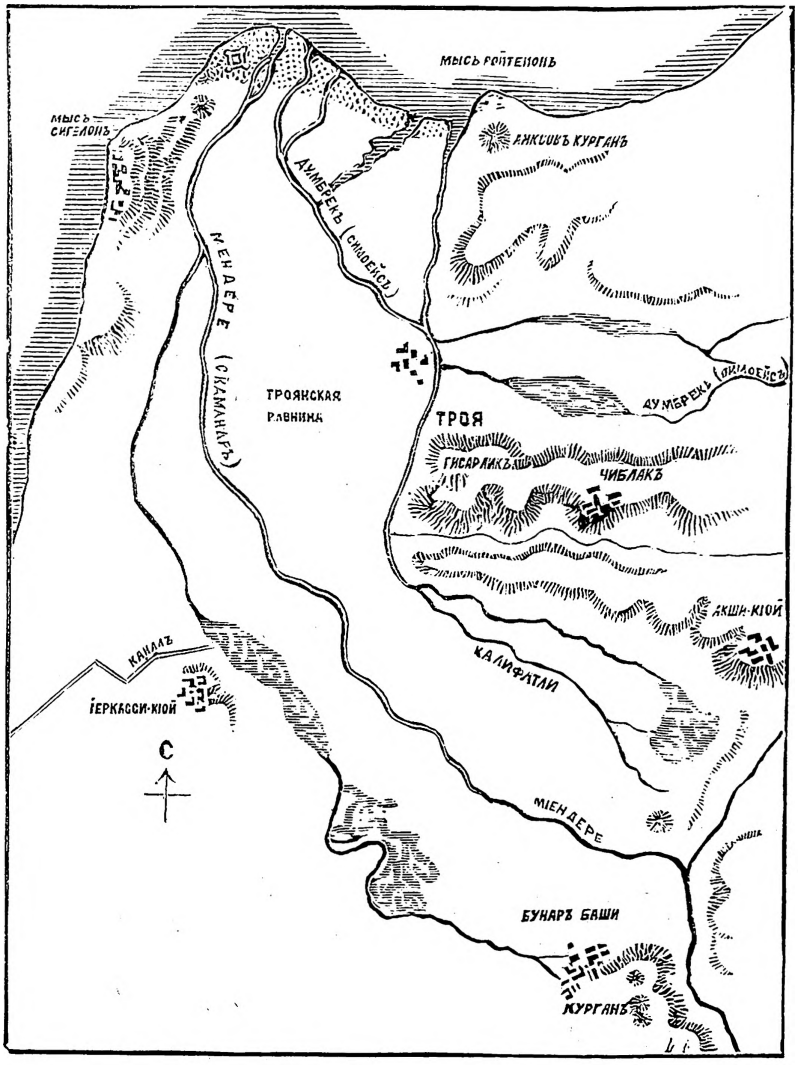


Рис. 77. Равнина Трои (по картѣ проф. Велишскаго).

знаменитомъ городѣ древности Новый Иліонъ пользовался большимъ уваженіемъ. Его удостоивали своимъ признаніемъ Ксерксъ, Александръ Македонскій, Антіохъ, Цезарь и римскіе императоры. Но въ первыя столѣтія нашей эры нападенія варваровъ захватили и Троаду, и Новый Иліонъ также исчезъ съ лица земли, по мнѣнію Шлиманна, въ IV стол., по мнѣнію же проф. Велишскаго—въ концѣ VI вѣка. Съ нимъ утратилась память и о мѣстонахожденіи Гомеровской Трои. Только въ концѣ прошлаго столѣтія, а

именно въ 1785 г., путешественнику Le Chevalier удалось снова побывать на мѣстѣ, гдѣ находилась древняя Троя. Прибывши въ Троаду, онъ опредѣлилъ мѣсто ея, но не въ Гиссарликѣ, не тамъ, гдѣ находился когда то Ἰλίεων χωμη,—но на отрогѣ горы Иды, находящемся нѣсколько южнѣе, на мѣстѣ покинутой турецкой деревни Бунаръ-баши. Его мнѣніе было скоро принято почти всѣми учеными, за него высказались Choiseul, Gouffier, Le Bas, Texier, Gell, Forchhammer, Welcker и особенно Leake. Первымъ, кто въ противность этому указалъ снова на Гиссарликъ, былъ Maclaren, а послѣ него Eckenbrecher, Büchner и главнымъ образомъ J. Schliemann (уже въ своемъ сочиненіи «Ithaka, der Peloponnes und Troja», изданномъ въ Лейпцигѣ въ 1869 г.) Главнымъ спорнымъ пунктомъ вопроса было опредѣленіе того, какія изъ трехъ нынѣ протекающихъ по равнинѣ Трои рѣкъ носили въ древности названія Скамандра и Симоейса. Шлиманнъ для окончательнаго разъясненія этого пункта рѣшился произвести раскопки для отысканія дѣйствительныхъ слѣдовъ Трои. Если она существовала, то не могла же исчезнуть съ лица земли до такой степени, чтобы невозможно было отыскать слѣдовъ ея подъ нынѣшнею высохшею и ничего въ себѣ не содержащею почвою. Получивши разрѣшеніе изъ Константинополя, онъ началъ свои розыски. Сначала онъ принялся за раскопки Бунаръ-Баши, тамъ гдѣ спорившая съ нимъ сторона полагала мѣстонахожденіе Трои и гдѣ замѣчались дѣйствительно остатки какого то укрѣпленія; но здѣсь оказался только неглубокій наносъ на скалѣ и въ немъ только черепки сосудовъ гораздо позднѣйшаго времени. Р. Вирховъ, производившій потомъ опять раскопки на томъ же мѣстѣ, пришелъ къ заключенію, что каменная постройка здѣсь была возведена уже при помощи желѣзныхъ орудій, и древность ея не заходитъ дальше Македонской эпохи. Шлиманнъ обратился затѣмъ къ Гиссарлику, холму надъ рѣкою Думбрекомъ—древнимъ Симоейсомъ, начавъ тамъ раскопки въ 1870 году, и важные результаты, полученные имъ послѣ многолѣтнихъ работъ, обезпечили за нимъ безсмертное имя не только въ исторіи классической археологіи, но и въ археологіи доисторической [129]). Теперь уже не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что Шлиманнъ нашелъ то мѣсто, гдѣ возвышались стѣны знаменитаго акрополя Трои. Въ общемъ результаты его раскопокъ относятся большею частью къ слѣдующимъ главамъ нашего труда, такъ какъ находки принадлежатъ уже эпохѣ металловъ, но самые глубокіе слои относятся еще къ каменному вѣку. Подъ верхнимъ слоемъ почвы Шлиманнъ встрѣтилъ пластъ, почти сплошь наполненный обломками историческаго города, Новаго Иліона, затѣмъ нѣсколько пластовъ, обозначающихъ послѣдовательный рядъ городовъ, которые воздвигались одинъ за другимъ надъ древнимъ городомъ на вершинѣ Гиссарлика, и исчезали, сравниваясь съ землей, чтобы уступить мѣсто новымъ. Изъ этихъ городовъ только самый нижній, или по счету Шлиманна

первый, относится къ эпохѣ, въ теченіи которой каменная культура въ долинѣ Трои была еще въ полномъ расцвѣтѣ. Металлическихъ предметовъ было найдено тамъ крайне мало, за то очень много вещей изъ камня и глины. Кромѣ нѣсколькихъ ножей и иглъ изъ мѣди, была найдена еще одна изъ серебра. Сосуды—очень простой примитивной работы, но украшены все-таки орнаментомъ и именно того типа, съ которымъ мы встрѣчаемся въ теченіи неолитической эпохи во всей Европѣ,—состоящимъ изъ углубленныхъ черточекъ, выполненныхъ бѣлою мѣловою массою. Городъ былъ обнесенъ стѣнами, среднимъ числомъ въ $2^1/_2$ м. толщины, изъ известняка, а внутри его были найдены остатки двухъ большихъ строеній. Дальнѣйшія раскопки этого города были пріостановлены, чтобы не разрушить остатковъ находившагося надъ нимъ другого—гораздо болѣе замѣчательнаго. Всѣ слои, находившіеся надъ этимъ городомъ, относятся уже несомнѣнно къ эпохѣ металловъ. Слои второй, третій и четвертый, вмѣстѣ съ верхнимъ, принадлежатъ уже къ бронзовому вѣку *).

Гробницы и священныя мѣста.

Въ предыдущемъ изложеніи мы познакомились въ общихъ чертахъ съ тремя группами неолитическихъ гробницъ: съ погребальными пещерами, съ погребеніями въ жилищахъ или возлѣ жилищъ и съ гробницами въ отбросныхъ кучахъ (въ Португаліи). О всѣхъ этихъ группахъ мы можемъ уже вполнѣ опредѣленно сказать, что погребенные тамъ мертвые не были застигнуты на мѣстѣ своего нахожденія естественной или случайной смертью (чѣмъ нѣкоторые старались объяснить подобныя находки четвертичной эпохи), но были дѣйствительно погребены тамъ, обряднымъ образомъ. Обрядъ погребенія мы можемъ принять слѣдовательно за отличительный признакъ неолитической эпохи, сравнительно съ палеолитической. Хотя мы признаемъ, какъ было уже сказано выше, что не представляется достаточно обоснованнымъ различать эти двѣ эпохи по отсутствію или присутствію погребальныхъ обрядовъ,—что вѣроятнѣе относить первыя начала погребенія (именно въ

*) Въ послѣдніе годы жизни Шлиманна между нимъ и его помощникомъ д-ромъ W. Dörpfeld'омъ съ одной стороны и капитаномъ E. Bötticher'омъ съ другой—возникъ чрезвычайно интересный споръ о значеніи троянскаго мѣстонахожденія. Бёттихеръ выступилъ противъ мнѣнія, что на Гиссарликѣ была расположена когда нибудь Гомеровская Троя, и утверждалъ, что мѣсто это не было никогда городомъ, а представляло собой кладбище, некрополь, подобный напр. ассирійскимъ некрополямъ, въ которыхъ погребались мертвые цѣлой страны; наносъ же, содержащій пепелъ, образовался не отъ истребленія города пожаромъ, а отъ кострищъ, на которыхъ сожигались въ теченіе многихъ лѣтъ умершіе. Споръ принялъ очень рѣзкій характеръ и окончился въ 1890 г., незадолго до смерти Шлиманна, рѣшеніемъ коммиссіи, которая вновь осмотрѣла раскопки и высказалась въ пользу мнѣнія Шлиманна.

пещерахъ) уже къ палеолиту, но такъ какъ мы видимъ, что въ неолитическую эпоху эта новая сторона человѣческой культуры является гораздо болѣе выраженною и распространенною, то съ этой относительной точки зрѣнія мы можемъ допустить извѣстное разграниченіе и признать обрядовое погребеніе за отличительный признакъ эпохи неолитической.

Самымъ замѣчательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе характернымъ для неолита видомъ гробницъ являются такъ называемые мегалитическіе памятники. Это—массивныя надгробныя сооруженія, сложенныя изъ

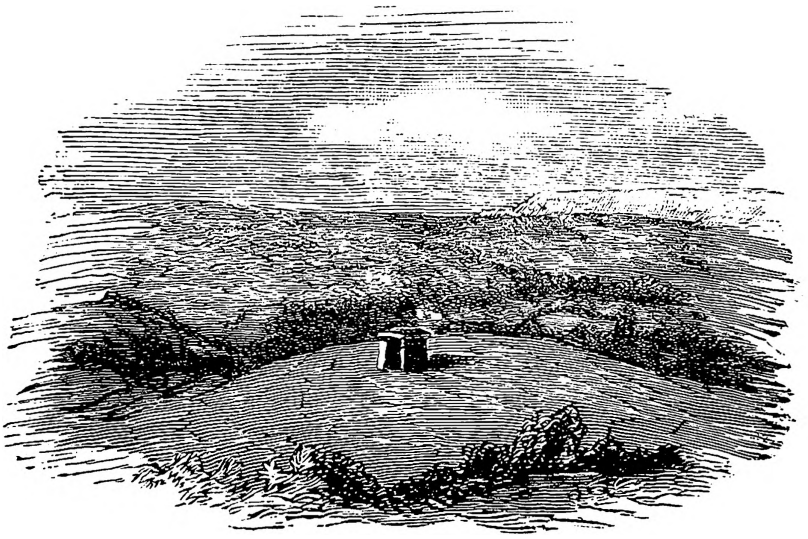


Рис. 78. Мегалитическая гробница въ Кентскомъ графствѣ въ Англіи.

большихъ и тяжелыхъ каменныхъ глыбъ или плитъ, отсюда и ихъ названіе «мегалитовъ» *). Они представляютъ собой или настоящіе надгробные монументы (такъ наз. менгиры, стелы, дилиты, трилиты, дольмены, курганы) или только памятники, для обозначенія какихъ либо священныхъ мѣстъ, или же, наконецъ, они служили непосредственно для религіозныхъ цѣлей (такъ назыв. каменные жертвенники, каменныя аллеи, кромлехи и т. п.). Однако мы полагаемъ, что первоначально и большая часть этого послѣдняго рода соору-

*) Отъ μέγας—большой и λίθος—камень. Названія менгиръ, дольменъ кромлехъ—происходятъ изъ словъ кельтскаго, галльскаго языка, введенныхъ въ литературу Леграномъ (Legrand d'Aussy). Dol значитъ столъ, men (maen) и lech—камень, hir—длинный, высокій, crom—кругъ. Прежде эти памятники носили общее названіе друидическихъ, и о нихъ думали, что они были поставлены кельтами и имѣли связь съ жертвоприношеніями друидовъ. Первый, кажется, A. Bertrand рѣшительно присоединился къ мнѣнію, что мегалитическіе памятники докельтическаго происхожденія, и названіе «друидическихъ» памятниковъ почти совершенно исчезло затѣмъ изъ ученой литературы.

женій имѣла соотношеніе съ могилами, а потому мы соединяемъ ихъ всѣ въ одну рубрику, тѣмъ болѣе, что часто невозможно опредѣлить съ точностью, представляетъ ли собою данный монументъ дѣйствительно надгробный памятникъ или онъ служилъ лишь для обозначенія какого либо священнаго или замѣчательнаго мѣста.

Что священныя мѣста, алтари и храмы имѣли по большей части мѣстомъ своего происхожденія могилы и кладбища—это намъ кажется вполнѣ правдоподобнымъ. Такая теорія происхожденія святилищъ весьма доказательно изложена Герб. Спенсеромъ въ его «Основахъ соціологіи». Опираясь на теорію анимизма Тайлора, Спенсеръ указалъ, какой цѣпью явленій первобытный человѣкъ былъ приведенъ къ представленію о смерти, какъ путемъ разныхъ болѣзней, сновъ, видѣній, тѣни и т. п., онъ пришелъ къ заключенію, что внутри человѣка существуетъ нѣчто, что владѣетъ имъ въ бодрственномъ состояніи, что временно оставляетъ его во время сна и снова возвращается къ нему при пробужденіи, словомъ, что въ немъ заключается нѣкоторое духовное существо, которое при смерти совершенно покидаетъ тѣло. Мертвое тѣло подвержено тлѣнію, но духъ продолжаетъ жить со всѣми своими свойствами, потребностями и желаніями, какія у него были до смерти. Вѣра въ посмертную или загробную жизнь — явленіе общее всему человѣчеству и Тайлоръ справедливо говоритъ: «не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вѣра въ загробную жизнь въ такомъ видѣ, въ какомъ мы ее находимъ у самыхъ низшихъ племенъ, является необходимымъ послѣдствіемъ первобытнаго анимизма».

Изъ этого представленія о дальнѣйшей посмертной жизни души умершаго развился и обычай класть мертвому въ могилу пищу, питье, оружіе, убивать его коня, рабовъ и женъ (ср. стр. 89), души которыхъ по смерти тѣла будутъ служить духу господина, такъ же, какъ служили ему при жизни; отсюда же и обычай чтить души умершихъ жертвами и молитвою, умилостивлять ихъ, если онѣ разгнѣваны, приносить жертвы и благодарить, если онъ содѣйствовали своею помощью. Словомъ почитаніе душъ умершихъ является однимъ изъ первыхъ источниковъ религіи вообще*), а мѣсто, на которомъ это почитаніе выражается жертвами, молитвою и т. п., является первымъ священнымъ мѣстомъ, алтаремъ и храмомъ. Этимъ мѣстомъ была могила умершаго. Духъ покойника по представленіямъ первобытныхъ людей оставался чаще всего въ непосредственной близости мертваго тѣла; можно представить множество доказательствъ такого именно

*) Герб. Спенсеръ въ Основахъ соціологіи заканчиваетъ свое изложеніе словами: „какъ страхъ передъ живыми является источникомъ общественныхъ законовъ, такъ точно боязнь мертвыхъ является источникомъ законовъ религіи“.

взгляда у примитивныхъ народовъ. Только позже, на болѣе высокой ступени развитія, человѣкъ начинаетъ удалять отъ могилы мѣстопребываніе душъ умершихъ и начинаетъ создавать въ своемъ воображеніи или надземное, но далекое—небесное, или подземное—царство мертвыхъ.

По этой теоріи, превосходно, хотя и слишкомъ односторонне развитой Герб. Спенсеромъ, большинство священныхъ мѣстъ возникло тамъ, гдѣ находились души умершихъ, т. е. на могилахъ и кладбищахъ. Погребеніе въ пещерахъ дало начало пещернымъ храмамъ и священнымъ гротамъ, сожиганіе жертвъ надъ могилой—первичный алтарный обрядъ, а погребеніе мертваго въ его жилищѣ или въ особой постройкѣ, куда затѣмъ ходили для принесенія жертвъ, дало начало большей части храмовъ. Мы увидимъ, что и надгробныя мегалитическія сооруженія становились часто мѣстами культа.

О назначеніи и происхожденіи мегалитическихъ памятниковъ было писано очень много [130]). Оба эти вопроса очень интересны и важны, и потому мы постараемся выяснить ихъ по возможности обстоятельнѣе.

Менгиры или стоячіе камни (menhirs, peulvans) представляютъ собой самый простѣйшій видъ мегалитовъ. Мы видимъ во всемъ мірѣ, что человѣкъ обозначаетъ памятное ему почему нибудь мѣсто тѣмъ, что воздвигаетъ на немъ камень въ положеніи возможно менѣе естественномъ, какъ напр. ставя его на самой узкой изъ сторонъ, чтобы его сейчасъ же можно было замѣтить и припомнить. Такой камень означаетъ иногда могилу, но по большей

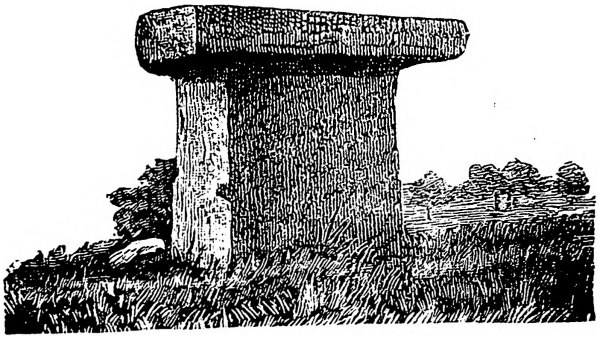


Рис. 79. Балеарскій дилитъ

части подъ нимъ и около него не находятъ ничего, и ближайшее значеніе его остается намъ неизвѣстнымъ [131]). Подобные менгиры очень многочисленны во Франціи, главнымъ образомъ въ Бретани, гдѣ они отличаются и своей высотой. Менгиръ въ Champ-Dolent имѣетъ 10 метровъ вышины, а менгиръ въ Lockmariaker'ѣ (департ. Морбиганъ) имѣлъ даже 19 метровъ. Въ Чехіи Воцель упоминаетъ о нѣсколькихъ подобныхъ камняхъ (возлѣ Клобукъ, въ Драгомышлѣ, Либеховѣ, Либани, Петршпуркѣ и пр.). Относительно ихъ въ

народѣ существуютъ по обыкновенію различныя преданія. На Балеарскихъ о-вахъ и въ сѣверной Африкѣ встрѣчаются особые виды этихъ памятниковъ, такъ наз. дилиты, сложенные изъ двухъ каменныхъ глыбъ на подобіе буквы Т (рис. 79), или трилиты на подобіе какихъ-нибудь воротъ. Трилиты другого рода, состоящіе изъ трехъ поставленныхъ другъ возлѣ друга менгировъ, найдены были надъ доисторическими гробницами въ Пруссіи, по Одеру (рис. 80).

Особый видъ памятниковъ, который скорѣе всего можетъ быть причисленъ въ эту категорію, представляютъ такъ назыв. колеблющіеся или качающіеся камни (pierres branlantes, logans, rocking-stones, viclany), т. е. камни,

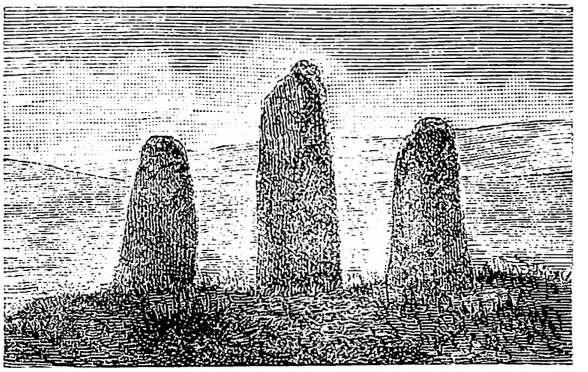


Рис. 80. Трилитъ возлѣ Одера въ Пруссіи.

поставленные на своей узкой плоскости такимъ образомъ, что могутъ быть легко приводимы въ колебательное движеніе рукою или даже вѣтромъ [132]). О подобныхъ камняхъ мы встрѣчаемъ извѣстія еще у древнихъ географовъ, теперь же они попадаются кое-гдѣ во Франціи (въ Бретани), въ Англіи (въ Іоркширѣ, Суссексѣ), въ Австріи и другихъ странахъ (даже въ Аргентинѣ) и по нашему мнѣнію—всѣ естественнаго происхожденія. Въ результатѣ разнаго рода механическихъ, физическихъ и химическихъ процессовъ камень вывѣтрился въ нижней своей части сильнѣе, чѣмъ въ верхней и осыпался такимъ образомъ, что центръ его тяжести случайно оказался подпертымъ именно въ наиболѣе узкой его плоскости. Мы не станемъ отрицать разумѣется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла оказать этому содѣйствіе и рука человѣка. По Воцелю, подобные «viklany» есть и въ Чехіи, въ Krtu, недалеко отъ Ессеницы, въ Кадовѣ, возлѣ Гораждовичъ, въ Здеславѣ на Раковничку, въ особенности же пользуются извѣстностью такъ назыв. «Kačena» или «Husova kazatelna», возлѣ Высокаго Хлумца въ Седльчанскомъ округѣ.

Каменные жертвенники [133]). Часто были находимы каменныя глыбы, на поверхности которыхъ замѣчались чашкообразныя углубленія, соединенныя иногда между собою или съ краями камня вырѣзанными въ

немъ чертами. Камни эти очень долго считались древними языческими жертвенниками, на которыхъ будто-бы приносились богамъ кровавыя и безкровныя жертвы. Позже однако началась реакція противъ этого объясненія, и подобнымъ камнямъ стали приписывать исключительно только естественное происхожденіе. Всѣ болѣе или менѣе глубокія чашкоообразныя углубленія, ямки и черты, произошли, будто-бы, вслѣдствіе дѣйствія падающей воды и вывѣтриванія. Истина, въ данномъ случаѣ, вѣроятнѣе всего, посрединѣ. Что значительная и даже большая часть этихъ углубленій (чашекъ) произошла естественнымъ образомъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ не могъ пользоваться этими естественными

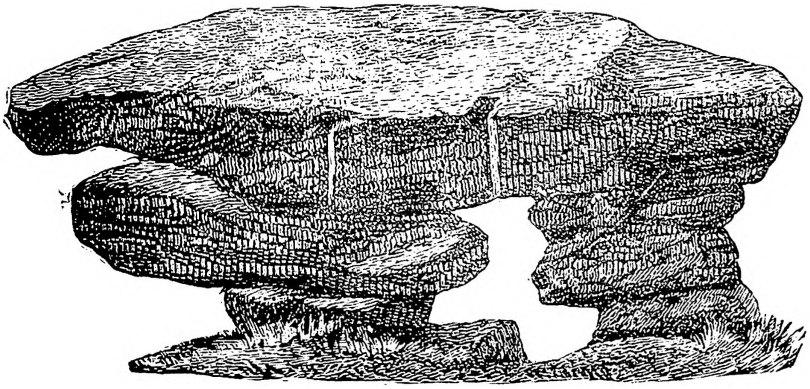


Рис. 81. Жертвенный камень въ Ландштейнѣ возлѣ Jindřichova Hradce.

углубленіями для своихъ цѣлей. Притомъ же въ спорахъ, веденныхъ по этому поводу, часто смѣшивали два вопроса: искусственнаго ли происхожденія эти углубленія и были-ли они употребляемы для религіозныхъ цѣлей? Нѣкоторыя изъ чашекъ, можетъ быть, и искусственнаго происхожденія, особенно тѣ, которыя обнаруживаютъ большую правильность въ очертаніяхъ, глубинѣ и отдѣлкѣ своихъ стѣнокъ.

Что многими изъ этихъ камней дѣйствительно пользовались для жертвенныхъ цѣлей, въ пользу этого есть достаточно доводовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были найдены на холмахъ, вообще на мѣстахъ, способныхъ обращать на себя вниманіе, относительно же другихъ въ народѣ сохранились названія, по которымъ можно заключить о томъ, что въ дохристіанскую эпоху они были мѣстами священными. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чашечные камни (нѣм. Näpfchensteine, Schalensteine, франц. pierres à écuelles, à bassins, à cupules, англ. cup-stones, чешск. miskovite kameny) называются чортовыми или камнями вѣдьмъ, эльфовъ и т. п. (Teufelsteine, также Hexenkessel, Hexenschüssel, на сѣверѣ Elfensteine, Baldersteine). Названіе же «чортовыхъ» произошло во многихъ случаяхъ вслѣдствіе того, что духовенство, обращаясь

къ новокрещенному народу, называло такимъ образомъ остатки прежняго языческаго культа*). Кромѣ того сохранились кое-гдѣ и другія преданія и обычаи, которыя прямо указываютъ на древнее религіозное значеніе подобныхъ камней. У лужичанъ и словенцовъ къ нимъ ходятъ и до сихъ поръ во время лѣтняго посѣва для совершенія извѣстныхъ обрядовъ (какъ напр. съ «majowkami», пещеры «Oltarno»), а на сѣверѣ, по словамъ Монтеліуса, кладутъ на нихъ и теперь разныя приношенія. То же самое было замѣчено и въ Швейцаріи. Группы ямокъ меньшаго размѣра на стоячихъ камняхъ дольменовъ служили можетъ быть для декоративныхъ цѣлей. На поверхности одной плиты Зееландскаго мегалита въ Borreby такихъ ямокъ было до 80-ти.

Чашечные камни очень многочисленны почти во всей Европѣ, и мы не можемъ вдаваться въ ихъ подробное перечисленіе. Кромѣ Франціи, Швейцаріи, Шотландіи (а также Алжира, Туниса, Египта) ихъ много въ Даніи и въ Германіи, главнымъ образомъ въ Фихтельвальдѣ. Тамъ они были описаны L. Zapf'омъ и H. Gruner'омъ. Эти камни подали недавно поводъ къ очень курьезному ихъ объясненію. Инженеръ Редигеръ (Fr. Rödiger) усмотрѣлъ въ нихъ картографическіе памятники, причемъ, будто бы, ямки и черты ихъ служили для оріентаціи мѣстности, на подобіе нынѣшнихъ картъ. Противъ такого объясненія полемизировалъ съ успѣхомъ A. Schmidt [134]). Въ Нижней Австріи были найдены жертвенные камни въ Kogelberg'ѣ; въ славянскихъ земляхъ они извѣстны въ Лужицкой Сербіи, у словенцовъ, въ Чехіи и въ Моравіи. Въ Чехіи они распространены главнымъ образомъ въ изерскихъ и крконошскихъ горахъ, напр. въ окрестностяхъ Яблонца, на чешско-моравской границѣ въ окрестностяхъ Индржихова Градца, на Блоксбергѣ, возлѣ Кунова, Конрача, Ландштейна (см. рис. 88), и въ другихъ мѣстахъ, изъ коихъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія Задній Градекъ и Скальска въ Младоболеславскомъ округѣ, многія мѣстности котораго свидѣтельствуютъ о священномъ значеніи ихъ въ доисторическія времена [135]). Въ Моравіи сюда относится напр. «Королевскій столъ» въ Модре, возлѣ Велеграда, и подобный же камень у Янковичъ, въ Стритежѣ. Въ Россіи они многочисленны на Кавказѣ, въ Мцхетѣ, Дербентѣ, попадаются также въ мѣстностяхъ у источниковъ Дона, въ Саратовской губ. въ Новгородской, Тульской, въ Терской области и т. п. Кое-гдѣ они носятъ названіе «Конь-камень», можетъ быть отъ того, что на нихъ, приносили въ жертву лошадей [136]). Въ Болгаріи братья Шкорпиловы нашли ихъ въ Гердѣ.

Древность жертвенныхъ камней не можетъ быть опредѣлена съ точностью, но по большей части они относятся къ позднѣйшимъ временамъ.

---

*) Сохранилось нѣсколько старинныхъ церковныхъ установленій, которыми предписывалось разрушеніе этихъ камней и запрещеніе почитанія ихъ.

Дольмены представляютъ собой искусственныя камеры изъ грубо отесанныхъ каменныхъ плитъ, находящіяся или просто подъ открытымъ небомъ или подъ земляною насыпью *). Былъ впрочемъ вопросъ о томъ, не были-ли первоначально всѣ дольмены покрыты насыпями, земля которыхъ могла быть разнесена въ теченіе вѣковъ вѣтромъ и размыта дождями. Но аналогическіе примѣры новѣйшихъ дольменовъ показываютъ намъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ древнихъ сооруженій могли и не быть покрыты землей. Внутреннее расположеніе ихъ представляетъ обыкновенно болѣе или менѣе

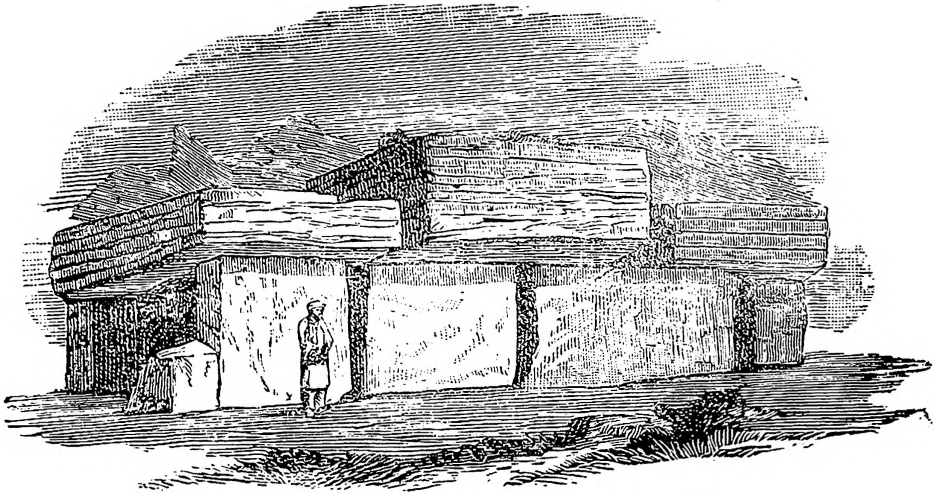


Рис. 82. Дольменъ въ Меттрэ во Франціи.

правильный четыреугольникъ, стѣны котораго состоятъ изъ вертикально поставленныхъ каменныхъ глыбъ или плитъ и на которыхъ положенъ массивный плоскій камень, образующій крышу. Изрѣдка встрѣчаются формы, нѣсколько уклоняющіяся отъ общаго типа; такъ у позднѣйшихъ дольменовъ крыша состоитъ иногда изъ камней, положенныхъ другъ на друга подъ угломъ. Величина дольменовъ очень различна. Длина достигаетъ до 10 метровъ, высота до 3-хъ, и ширина отъ 3 до 5 метровъ, отдѣльныя плиты бываютъ иногда гигантскихъ размѣровъ (ср. напр. рис. 82). Одинъ камень мегалитическаго сооруженія въ Pérotte (деп. Шаранты) во Франціи вѣситъ около 40.000 килограммовъ.

О назначеніи и происхожденіи дольменовъ ученые много спорили, и вопросъ объ этомъ и до сихъ поръ нельзя еще считать вполнѣ разрѣшеннымъ. Большинство изслѣдователей принимаютъ ихъ за гробницы: Бертранъ (A. Bertrand) и Гильдебрандъ—за гробницы, устроенныя на подобіе жилищъ, Г. де

*) Часто верхняя плита покоится на 3, 4 и болѣе подставкахъ, не образующихъ полныхъ стѣнъ, и дольменъ представляется чѣмъ то въ родѣ стола. Если же камни, поддерживающіе верхнюю покровную плиту, образуютъ полныя стѣны, то внутренность памятника образуетъ настоящую закрытую камеру.

Мортильс—за искусственныя пещеры позднѣйшаго періода каменнаго вѣка; подобнымъ же образомъ объясняетъ ихъ какъ мѣста погребенія и маркизъ Надальякъ (Nadaillac). Джонъ Лёббокъ и Дж. Фергюссонъ смотрятъ на нихъ, какъ на естественный результатъ того же инстинкта, который побуждаетъ дѣтей собирать камешки и деревяшки и строить изъ нихъ домики; другіе принимали ихъ за жертвенники и т. п.

Теперь въ наукѣ обыкновенно принимается только первое изъ изложенныхъ мнѣній *). Европейскіе дольмены представляютъ собою гробницы, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ рѣшительно ничего не было найдено, такъ какъ они были давно уже ограблены. Возможно однако, что нѣкоторые изъ нихъ могли служить также и алтарями. Идея приносить жертвы на могилахъ очень естественна, и мы встрѣчаемся съ такимъ обычаемъ во всемъ свѣтѣ (ср. то, что было сказано о почитаніи гробницъ, на стр. 119). Поэтому мы думаемъ, что было-бы несправедливо отрицать религіозное значеніе всѣхъ вообще дольменовъ, какъ это дѣлаютъ напр. Сакенъ, Рауберъ, Надальякъ. На верхней плитѣ нѣкоторыхъ дольменовъ имѣются чашеобразныя углубленія, иногда эта плита умышленно просверлена, а въ Швеціи, по словамъ Монтеліуса, на нихъ народъ приноситъ мѣстами жертвы и до сихъ поръ. Интересный примѣръ непосредственнаго перехода надгробнаго сооруженія въ священное приводитъ напр. Клеммъ въ своемъ описаніи черкесскихъ гробницъ на Кавказѣ. Надъ могилами простыхъ людей тамъ ставили только простые дольмены. Но чѣмъ знатнѣе былъ умершій, тѣмъ обширнѣе были и сооруженія на его могилѣ, и надъ гробницами лицъ важныхъ и святыхъ возводились уже настоящія часовни, въ которыхъ приносились жертвы. Подобнымъ же образомъ на полинезійскомъ о-вѣ Ротумагу погребальные дольмены служатъ по словамъ Ратцеля одновременно и мѣстомъ поклоненія духамъ.

Дольмены очень многочисленны во многихъ странахъ Европы [137]). Классической страною ихъ является однако Франція и страны, расположенныя по берегамъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Французскіе дольмены [138]) раздѣляются на настоящіе дольмены и на каменныя камеры, первоначально находившіяся подъ землей (grottes aux fées), къ которымъ ведутъ длинные, состоящіе изъ каменныхъ плитъ корридоры (allées couvertes). Самое знаменитое мѣстонахожденіе дольменовъ и мегалитовъ вообще во Франціи представляетъ собою Бретань (департ. Finistère, Morbihan, Côtes du Nord etc.), гдѣ ихъ на-

*) Многіе дольмены (во Франціи, въ Англіи, на Кавказѣ, въ Сиріи, Палестинѣ, Индіи, Алжирѣ и проч.) имѣютъ въ одной изъ стѣнъ (правильнѣе — въ камнѣ, запирающемъ входъ. Перев.) круглое отверстіе. Лёббокъ думаетъ, что оно служило для подаванія пищи умершимъ, другіе же, ближе къ истинѣ, объясняютъ эти отверстія какъ проходъ, посредствомъ котораго души умершихъ могли входить и выходить.

считывается около $2^1/_2$ тысячъ. Изъ бретонскихъ дольменовъ наибольшей величиной отличаются: «Mane-er-H'rock» (вершина фей) «Mane-Lud» (холмъ пепла) и «Loc-maria-ker»—въ Морбиганѣ. Въ одной этой послѣдней мѣстности ихъ насчитывается больше 30-ти. Между каменными камерами особенно замѣчательны «Gavrinis» въ Морбиганѣ и великолѣпная могила «Mont S. Michel» въ Карнакѣ. На сѣверѣ Франціи дольмены встрѣчаются только въ видѣ исключенія, такъ-же точно рѣдки они на лѣвомъ берегу Роны. За то они очень многочисленны по сосѣдству съ Пиренеями (dep. Hérault, Gard, Ardèche) и на о—вѣ Корсикѣ, гдѣ ихъ изслѣдовалъ Адр. де Мортилье [139]). Въ

Рис. 83. Крытая аллея въ Морбиганѣ.

Швейцаріи былъ найденъ неолитическій дольменъ въ 1887 г. на С. Бернардскомъ перевалѣ. Въ Англіи дольмены подъ открытымъ небомъ рѣдки, за то тамъ очень многочисленны гробницы съ каменными камерами и корридорами, о которыхъ мы упомянемъ далѣе. Наибольшее количество мегалитическихъ сооруженій встрѣчается въ графствѣ Уэльскомъ и въ Корнуэльсѣ, а также на Оркадскихъ и Гебридскихъ о—вахъ и на о—вахъ Ла-Манша: Джерсеѣ, Гернсеѣ, Гермѣ, Ориньи. Испанія также богата памятниками этого рода, въ особенности въ Альгарвской провинціи и въ Андалузіи, вообще въ странахъ вдоль западнаго берега до самаго Гибралтара. Есть они также и въ Португаліи [140]). На Балеарскихъ о—вахъ развились спеціальные ихъ типы. Здѣсь мы можемъ упомянуть также и объ алжирскихъ и марокскихъ дольменахъ, изслѣдованныхъ ген. Фэдербомъ (Faidherbe), главнымъ образ. въ окрестностяхъ Гаффы [141]). Хотя въ нихъ и встрѣчаются кремневыя орудія палеолитическихъ типовъ, но они относятся даже не къ неолиту, а къ болѣе поздней эпохѣ. Въ Италіи дольмены до сихъ поръ еще мало изучены, но они есть и тамъ, напр. въ Тосканѣ. Въ австрійскихъ земляхъ они очень рѣдки; Гёрнесъ (Hoernes) даже вообще отрицаетъ ихъ существованіе тамъ. Но мы имѣемъ свѣдѣнія о дольменѣ въ Граничиште въ Буковинѣ, не говоря уже о старыхъ, оказавшихся невѣрными, извѣстіяхъ Воцеля о дольменѣ въ городищѣ у Страконицъ и Елинковой, и о подобномъ же памятникѣ возлѣ Здеховицъ, въ Колинскомъ округѣ. Зато Германія и сѣверно-европейскія страны отличаются обиліемъ этихъ сооруженій (въ Бельгіи и Голландіи они рѣдки, кромѣ провинцій Drenthe и Oberyssel'я [142]), причемъ можно наблюдать разныя ихъ формы,

начиная отъ небольшой, обложенной камнями, могилы до настоящихъ мегалитовъ.

Монтеліусъ раздѣляетъ скандинавскія мегалитическія сооруженія на настоящіе дольмены (по шведски stendös; въ сѣверной Германіи такіе дольмены, непокрытые землей и находящіеся на холмахъ, обложенныхъ внизу камнями,—называются Hünnenbetten, Riesenbetten), и на дольмены съ коррндорами, Ganggräber (Riesenhäuser, швед. Jättestugor). Оба вида встрѣчаются въ Швеціи (главнымъ образомъ въ провинціи Schonen, Falköping, Westergötland, Bohuslän, Halland, Öland); въ Даніи (Jütland) и въ Норвегіи (здѣсь они рѣдки, только на южномъ берегу и покрыты землей); вторая группа отличается присутствіемъ корридора, ведущаго въ камеру. Третій видъ

Рис. 84. Кругъ камней, ограждающій дольменныя гробницы (по Лёббоку).

гробницъ—«Steinkisten»—составляютъ камеры безъ корридора, состоящія изъ мелкаго размѣра камней и представляющія переходъ къ такъ называемымъ ящикообразнымъ гробницамъ въ курганахъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Въ Швеціи такія Steinkisten находятся часто и на поверности земли, какъ напр. въ Westergötland'ѣ, Bohuslän'ѣ, Dalsland'ѣ и югозападномъ Wermland'ѣ. Интересно, что эти три вида гробницъ, различаемыя О. Монтеліусомъ, соотвѣтствуютъ и разнымъ эпохамъ въ той же послѣдовательности. Наиболѣе древни дольмены, наименѣе — ящикообразныя гробницы [143]).

Гёрнесъ говоритъ, что въ сѣверной Германіи мегалитическія гробницы встрѣчаются только на лѣвомъ берегу Одера. Лиссауеру извѣстны однако «Hünnenbetten» и возлѣ Slaboszew'a (въ окр. Mogilno) и, можетъ быть, въ Lupow'ѣ (въ окр. Stolp). Нѣсколько дольменовъ сохранено было правительственными мѣрами на о-вѣ Рюгенѣ, и большое количество ихъ находится въ Мекленбургѣ, Шлезвигѣ и Ганноверѣ; они многочисленны также въ Вестфаліи; на конгрессѣ въ Мюнстерѣ 1890 г. Р. Вирховъ выразился очень опредѣленно въ пользу ихъ неолитической древности и не нѣмецкаго происхожденія. Въ Altmarck'ѣ E. Krause и O. Schoeltensack [144]) изслѣдовали 45 дольменовъ, принадлежавшихъ несомнѣнно неолитической эпохѣ.

Въ восточной Европѣ дольмены многочисленны только на южныхъ окраинахъ Россіи, въ остальныхъ же мѣстностяхъ—рѣдки. По словамъ Киркора, не настоящіе дольмены, такъ называемыя могилы великановъ, встрѣчаются въ Литвѣ (на Жмуди въ Ковенской губ., на берегахъ р. Давгивена между Понѣвѣжемъ и Шавлями, въ дер. Ландышки и пр.) и въ Подоліи. Въ послѣдней на хуторѣ Манастирокъ надъ рѣкой Серетомъ, недалеко отъ Бильче, сохранился, по словамъ Киркора, дольменъ на трехъ подставкахъ, подъ которымъ была могила съ остатками костей. Въ Польшѣ и въ западной Россіи дольмены замѣняются меньшими надгробными сооруженіями, такъ назыв. ящикообразными гробницами. Описанія мегалитическихъ памятниковъ, найденныхъ въ этихъ странахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Пжиборовскимъ (Przyborowski), и свѣдѣнія, которыя были даны о нихъ Крашевскимъ, слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы эти сооруженія можно было признать за дольмены. Но мы встрѣчаемся съ несомнѣнными дольменами въ Крыму. Г. Д. Филимоновъ нашелъ ихъ въ Байдарской долинѣ группами въ 1—3 ряда, при чемъ каждая группа была ограждена низкой каменной стѣнкой. Покойники были похоронены въ нихъ въ сидячемъ положеніи. Найденныя въ нихъ предметы показываютъ однако, что они относятся къ позднѣйшему періоду, а именно къ желѣзному. Очень многочисленны также дольмены на Кавказѣ, гдѣ они расположены главнымъ образомъ двумя группами: у Чернаго моря на землѣ Шапсуговъ и на Кубани (какъ напр. въ долинѣ р. Пшада). Е. Д. Фелицынъ, изслѣдовавшій цѣлый рядъ ихъ на берегахъ р. Ходзы въ Баговской станицѣ Майкопскаго уѣзда, Кубанской области, причисляетъ ихъ къ неолитической эпохѣ. Они расположены небольшими группами по косогорамъ (12 на Любиковскомъ и 11 на Зацѣпинскомъ полѣ) и обращены отверстіями къ югу. Покойники были похоронены здѣсь въ сидячемъ положеніи [145]). Н. П. Кондаковъ и гр. Толстой считаютъ ихъ впрочемъ современными съ крымскими. Затѣмъ дольмены были открыты и далѣе—на Балканскомъ полуостровѣ и именно въ Болгаріи, главнымъ образомъ на Странджской и Сакарской планинахъ и на истокахъ р. Дуандере и Явуздере [146]).

Дольмены, какъ мы уже сказали, были первоначально гробницами, и во многихъ изъ нихъ были дѣйствительно найдены человѣческіе костяки, кости домашнихъ животныхъ и разные предметы, положенные при погребеніи. Покойники погребались или въ сидячемъ положеніи, на корточкахъ, или прислоненными спиною къ стѣнѣ или же, наконецъ, въ лежачемъ положеніи. Въ шведскихъ гробницахъ этого рода находили по 50, 100 и даже болѣе человѣческихъ скелетовъ. Въ нѣкоторыхъ французскихъ дольменахъ встрѣчается та особенность, что человѣческія кости оказываются тамъ перемѣшанными до такой степени, что единственнымъ объясненіемъ этого является

предположеніе, что они были принесены туда уже очищенными отъ мяса и положены тамъ, какъ въ костехранилищѣ (ossuarium) католическихъ кладбищъ. Возможно также, что трупы вообще очищали искусственно отъ мяса. Такой обычай былъ доказанъ Paolo Orsi для нѣкоторыхъ гробницъ Сициліи. Онъ существовалъ въ Галліи, и еще въ XII и XIII стол. привилегіей французскихъ королей было то, что ихъ трупы очищались отъ мяса и кости погребались отдѣльно. Такъ были погребены Людовикъ Добрый, Карлъ Лысый, Людовикъ Святой, Филиппъ Смѣлый и его жена Изабелла.

Поверхность каменныхъ плитъ, составляющихъ дольмены, обыкновенно необдѣлана и только иногда слегка притесана каменными орудіями. Украшенія на нихъ встрѣчаются очень рѣдко и то въ видѣ простого линейнаго орнамента—въ Бретани, какъ напр. на дольменѣ въ Gavrinis, или въ видѣ особенныхъ спиральныхъ чертъ съ хвостиками (въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи). Сохранившіяся на нихъ надписи относятся всѣ къ позднѣйшему времени. На стѣнахъ нѣкоторыхъ дольменовъ во Франціи найдены были въ послѣднее время рельефныя изображенія женскихъ фигуръ (божествъ?), похожія на тѣ, которыя намъ извѣстны уже въ пещерахъ Petit-Morin. Во многихъ изъ французскихъ дольменовъ (Collorgues, въ деп. Gard, Boury въ деп. Oise, d'Aveny въ деп. Eure, Trou aux Anglais въ деп. Seine et Oise, Bellchaye въ деп. Oise *) и т. д.) отдѣльныя глыбы украшены подобнымъ образомъ.

Между предметами, положенными въ дольменахъ при погребеніи, особенно замѣчательна характерная глиняная посуда, одинаковая въ Ганноверѣ, Вестфаліи и во Франціи, и очень похожая на находимую въ Великобританіи. Сосуды сдѣланы отъ руки, формы чаще простой, но иногда болѣе изящной, причемъ эти послѣдніе обыкновенно украшены глубоко врѣзанными чертами, заполненными потомъ бѣлымъ веществомъ — глиною или известью. Колоко-

Рис. 85. Колоколообразный сосудъ изъ Марковицъ въ Чаславѣ (Чехія).

*) Подробный списокъ всѣхъ мегалитическихъ сооруженій во Франціи, украшенныхъ разнаго рода скульптурными изображеніями, данъ Адріеномъ де Мортилье въ его статьѣ Les figures sculptées sur les monuments mégalithiques de France, въ «Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie de Paris», 1894, IX, стр. 275—276.

(*Примѣч. переводч.*).

лообразныя формы сосудовъ и горшечковъ составляютъ характерную особенность посуды изъ дольменовъ. Приводимый нами рисунокъ (85) такого колоколообразнаго сосуда, хотя найденнаго и не въ дольменѣ, даетъ вѣрное понятіе о характерѣ мегалитической керамики. Неолитическій инвентарь мегалитовъ относится вообще къ эпохѣ полнаго расцвѣта каменной культуры, хотя довольно часто въ немъ появляются уже и первые слѣды металловъ. Поэтому Сальмонъ (Ph. Salmon) относитъ эпоху мегалитовъ, которую онъ называетъ «Карнакской эпохой», къ концу неолитическаго періода. Какъ мы увидимъ далѣе, въ дольменахъ появляется уже и новый видъ погребенія— сожиганіе мертвыхъ.

Наиболѣе замѣчательныя «каменныя аллеи» (alignements) находятся во Франціи въ Бретани возлѣ мѣстечка Карнакъ (деп. Morbihan). Тамъ имѣется 11 рядовъ вертикально поставленныхъ каменныхъ глыбъ, изъ коихъ нѣкоторыя достигаютъ 7 метровъ вышины, другія же по большей части гораздо

Рис. 86. Ряды каменыхъ памятниковъ въ Карнакѣ.

ниже (рис. 86). Очень многія изъ нихъ теперь лежатъ поваленными въ одномъ направленіи. О значеніи этихъ мегалитовъ дѣлалось очень много предположеній. Недавно еще Closmadeuc и Gaillard принимали ихъ за какіе то астрономическіе памятники. Подобное же предположеніе было высказано и E. Harroy въ Бельгіи. Сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія ихъ не было предложено и до сихъ поръ. Въ цѣломъ вся эта мегалитическая группа состояла изъ трехъ частей (Ménec, Kermario и Kerlecant), изъ которыхъ первая имѣла 10, вторая 11 и третья 13 рядовъ камней. Подобныя каменныя аллеи найдены были также на Оркнейскихъ о-вахъ; въ Средней Европѣ неизвѣстно ничего подобнаго имъ по размѣрамъ. Воцель упоминаетъ, впрочемъ, о подобныхъ аллеяхъ изъ 200 почти камней, находившихся на вершинѣ Липовицы возлѣ Страконицъ, а въ Нижней Австріи между горою Маннгардта и Моравою

были найдены тоже прямые ряды камней возлѣ дольменовъ и кромлеховъ, тянувшіеся съ верхушки горы въ долину, напр. на Stoitzenberg'ѣ въ Stoitzendorf'ѣ и въ Eggenburg'ѣ.

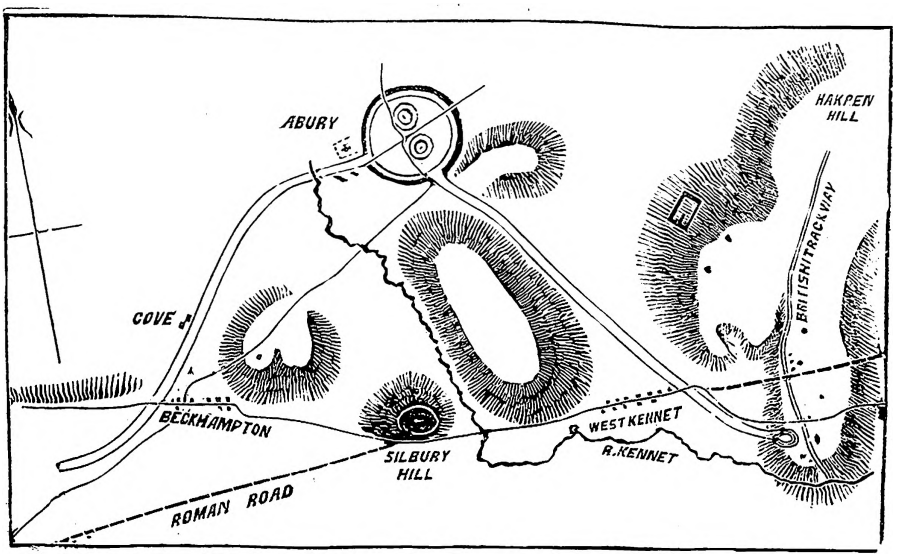


Рис. 87. Планъ священнаго урочища въ Abury (по Лёббоку).

Гораздо чаще каменныхъ аллей встрѣчаются круги изъ камней или кромлехи; они служили или только оградою священнаго мѣста (которое первоначально могло быть также и мѣстомъ погребенія), или, будучи болѣе значительными сооруженіями, могутъ быть и сами принимаемы за храмы. Подобные круги камней служили иногда,—хотя такое назначеніе было несомнѣнно уже вторичнымъ,—для засѣданій народныхъ судовъ; такъ это было напр. на Оркнейскихъ о—вахъ еще въ XIV стол., въ Lundby—въ Готенбургской провинціи Швеціи, въ Англіи; у Кабиловъ Хасіу такой кругъ камней служитъ мѣстомъ народнаго собранія и до настоящаго времени. Леббокъ думаетъ, что часть кромлеховъ могла имѣть уже первоначально подобное судебное назначеніе [147]). Извѣстно, что у Гомера въ Одиссеѣ феакійцы, а въ Иліадѣ троянцы сидятъ на совѣтѣ въ кругу на отесанныхъ камняхъ. Монтеліусъ считаетъ впрочемъ шведскія «Richterringe» за мѣста, первоначально назначенныя для жертвоприношеній.

Наиболѣе замѣчательные кромлехи находятся въ Великобританіи, гдѣ ихъ обыкновенно называютъ друидскими памятниками. Особенно извѣстны двѣ мѣстности: Avebury (Abury) въ Вильтширѣ (рис. 87) и Stonehenge [148]). На съѣздѣ въ Норвичѣ Стюартъ выразилъ мнѣніе, что это были гробницы, Льюисъ-же, Стивенсъ и Леббокъ—что это были храмы. Stonehenge, по мнѣнію Леббока, относится уже къ бронзовому вѣку; по крайней мѣрѣ къ этой эпохѣ относятся находящіяся возлѣ него могилы. Abury—древнѣе и принад-

лежитъ скорѣе всего къ неолиту. Фергюссонъ во всякомъ случаѣ ошибочно относитъ ихъ къ римской эпохѣ. Точно также ошибочно приписывать ихъ и друидамъ.

Прилагаемый рисунокъ (рис. 88) лучше всякаго описанія можетъ дать понятіе о Stonehenge въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ прежде. Въ Англіи

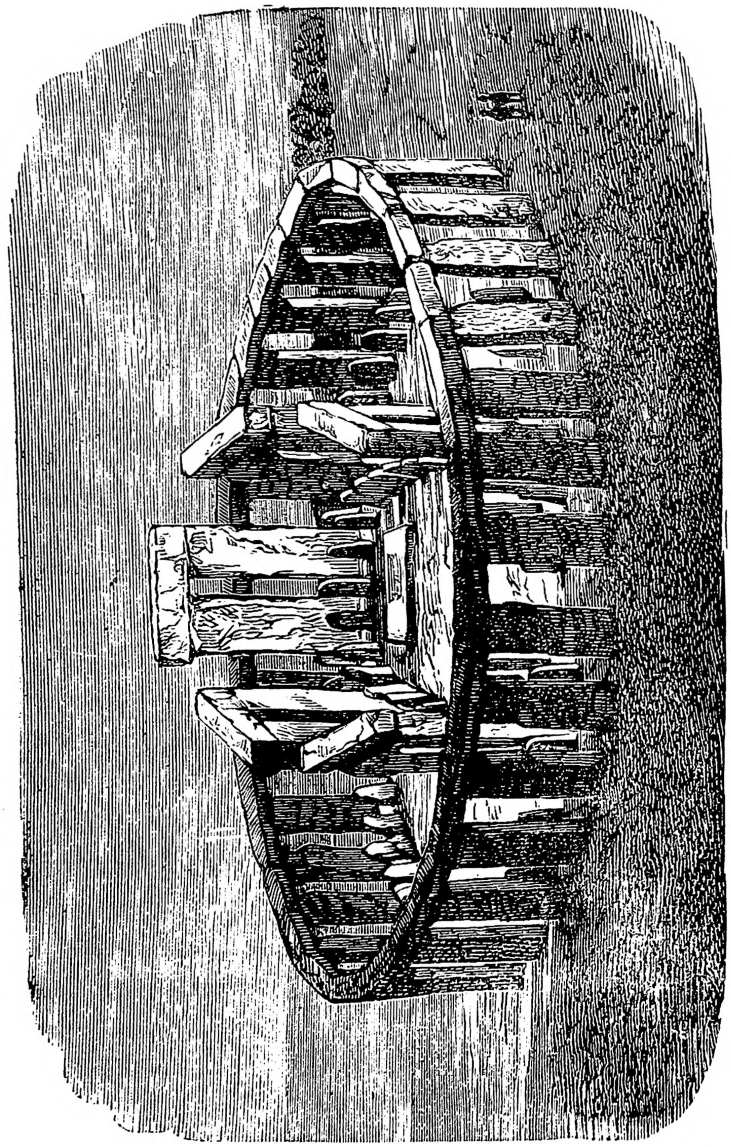


Рис. 88. Stonehenge въ идеально реставрированномъ видѣ.

круги камней встрѣчаются еще во многихъ мѣстахъ, главнымъ обр. въ Корнуэльсѣ и въ Шотландіи [149]) (см. рис. 89); во Франціи Cazalis de Fondouce нашелъ ихъ въ Севеннахъ, на берегахъ рѣки Видурль, затѣмъ много ихъ найдено также въ Бретани (въ деп. Finistère, Morbihan, Côtes-du-Nord) и порознь въ разныхъ другихъ департаментахъ Франціи. Они встрѣчаются также въ Пиренеяхъ въ Испаніи, въ Португаліи, на Балеарскихъ о—вахъ вокругъ

талайотовъ, въ Сардиніи вокругъ нураговъ, въ Швейцаріи вокругъ могильниковъ; цѣлый рядъ ихъ найденъ въ Германіи и именно въ Пруссіи вокругъ неолитическихъ гробницъ, какъ напр. возлѣ Оссова (въ Старгардскомъ округѣ),

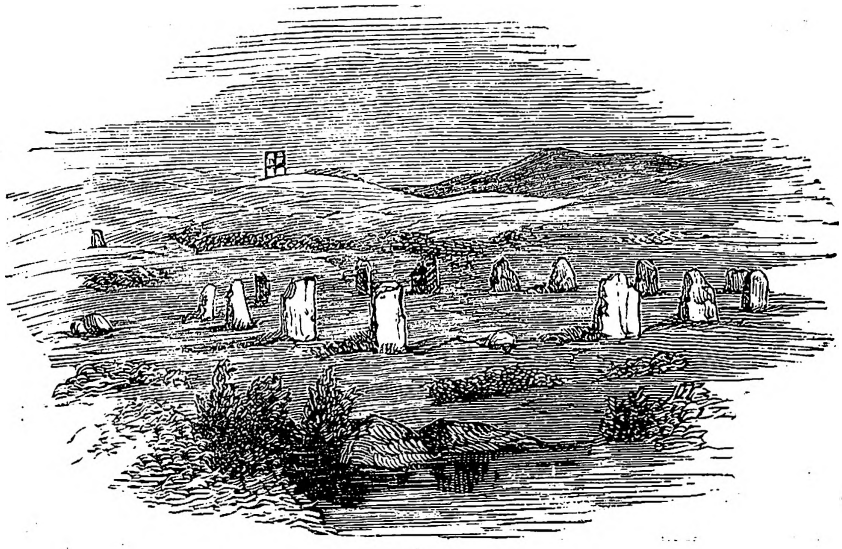


Рис. 89. Кромлехъ близъ Лэндсэнда въ Корнуэльсѣ.

въ Коницкомъ окр. въ Зеефельдѣ, въ Blandau и Trzebczy, Кульмскаго окр., въ Meisterwald'ѣ (Данцигскій окр.) и т. д.

Затѣмъ они встрѣчаются въ Скандинавіи, Даніи, на о—вѣ Исландіи, въ Нижней Австріи, на югѣ Европы—въ Болгаріи (на Странджской и Сакарской планинахъ), въ Греціи (извѣстная агора въ Микенахъ). Въ Галиціи, въ сел. Криницѣ Сяндецкаго окр., по словамъ Попеля, находится кругъ камней на Рунской горѣ, съ каменнымъ памятникомъ посреди. Кромѣ того къ нему вела еще каменная аллея въ 300 шаговъ длины.

Могилы или курганы представляютъ собою мѣста погребенія, надъ которыми насыпаны искусственные холмы. Если заключающаяся въ нихъ гробница состоитъ изъ мегалитическаго сооруженія, какъ мы это видѣли въ описаніи французскихъ и сѣверно-европейскихъ дольменовъ, то такой родъ могилы мы можемъ отнести еще къ группѣ мегалитовъ. Но если въ нихъ тѣло положено просто въ землѣ или въ деревянномъ срубѣ или въ камерѣ, состоящей изъ небольшихъ и тонкихъ каменныхъ плитъ, то мы причисляемъ ихъ уже къ слѣдующей группѣ могилъ или кургановъ. Иногда впрочемъ бываетъ трудно рѣшить, относится-ли данная гробница къ мегалитамъ или нѣтъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о гробницахъ послѣдней категоріи. Въ концѣ концовъ, въ особенно точномъ опредѣленіи въ такихъ случаяхъ нѣтъ и особенной надобности.

Къ настоящимъ мегалитамъ мы можемъ относить еще могилы съ мегалитическими камерами внутри, характерныя въ Великобританіи для эпохъ неолитической и бронзовой. Это такъ называемые british barrows, которые старинные англійскіе изслѣдователи дѣлили на двѣ группы: 1) продолговатые курганы (long barrows), относящіеся вполнѣ къ неолитической эпохѣ, и 2) круглые курганы (round barrows), относящіеся къ бронзовому вѣку [150]).

Очень долго господствовало мнѣніе, что long barrows неолитической эпохи заключаютъ въ себѣ только долихоцефалическіе черепа, тогда какъ round barrows—только брахицефалическіе. Еще Дж. Леббокъ на основаніи работы Thurnam'a далъ слѣдующую наглядную табличку *):

	Длинноголовые, index 63—73.	Среднеголовые, index 74—79.	Короткоголовые, index 80—89.	Число измѣренныхъ череповъ.
Long-barrows . .	55	12	0	67
Round-barrows. .	0	26	44	70

Позднѣйшія находки нѣсколько ослабили рѣзкость этого распредѣленія, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что первоначальное неолитическое населеніе Англіи было длинноголовое и что въ концѣ неолита, какъ мы это увидимъ далѣе, въ Англіи появился другой народъ—иного племени. Неолитическіе long-barrows заключаютъ въ себѣ поэтому остатки преимущественно долихоцефалическаго населенія, а barrows бронзоваго вѣка—брахицефалическаго. Въ большей части случаевъ, какъ напр. въ Tilshead'ѣ, черепа древнѣйшихъ нижнихъ могилъ длиннѣе, черепа же болѣе поздняго погребенія, въ тѣхъ же курганахъ, уже короткіе.

Barrows очень многочисленны во всей Великобританіи, въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и на сѣверныхъ о—вахъ. Они разной величины—отъ самыхъ незначительныхъ до огромныхъ. Наибольшій англійскій barrow «Silbury Hill», находящійся на абурійскомъ священномъ урочищѣ въ Уильтширѣ (см. планъ на стр. 131), имѣетъ почти 40 метровъ высоты. Костяки лежатъ въ немъ или просто въ землѣ, или въ небольшихъ каменныхъ гробахъ, иногда завернуты въ кожу или положены въ выдолбленныя деревянныя колоды. Гробницы эти, впрочемъ не относятся къ настоящимъ мегалитамъ. Тѣ англійскіе barrows, которые мы можемъ причислять къ мегалитическимъ памятни-

*) Извѣстно выраженіе Thurnam'a: Round barrows, round skulls; long barrows, long skulls (круглые курганы—круглые черепа; длинные курганы—длинные черепа).

камъ, имѣютъ внутри большія каменныя камеры съ ходами (напр. могила въ New-Grange возлѣ Droghedy въ Nether-Swell въ Glocestershire'ѣ и т. п.). Наиболѣе ихъ встрѣчается въ Шотландіи, въ Caithness'комъ и аргайльскомъ графствахъ, гдѣ они отличаются и нѣкоторыми мѣстными особенностями (horned barrows). Извѣстнымъ примѣромъ ихъ можетъ служить barrow въ Camster'ѣ.

Разсмотрѣніе содержанія этихъ могильниковъ показываетъ, что здѣсь сожиганіе мертвыхъ и погребеніе ихъ тѣмъ или другимъ способомъ встрѣчаются въ зависимости отъ мѣстности. Thurnam и Grenwell встрѣтили только небольшое количество могилъ съ слѣдами сожженія, за то въ Уильтширѣ, Дорсетширѣ, въ Корнуэльсѣ и въ Уэльсѣ преобладаетъ трупосожженіе. Въ случаѣ погребенія, костяки встрѣчаются большей частью въ скорченномъ положеніи; въ случаѣ трупосожженія пепелъ оказывается собраннымъ въ погребальныя урны, покрытыя плоскими камнями. Въ англійскихъ

Рис. 90. Сосуды изъ англійскихъ кургановъ (barrows).

Рис. 91. Орнаментированная кружка изъ англійскихъ кургановъ.

курганахъ (barrows) предметы, положенные въ могилы, относительно рѣдки, по сравненію напр. съ французскими. Изъ нихъ наиболѣе выдаются гончарныя издѣлія, отличающіяся своимъ оригинальнымъ и нигдѣ болѣе не встрѣчающимся характеромъ. Особенно многочисленны сосуды въ видѣ кружекъ (рис. 90 и 91).

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ видахъ каменныхъ памятниковъ. Первый изъ нихъ представляетъ рядъ камней, уложенныхъ на подобіе длинной, заостренной на концахъ лодки (такъ назыв. Schiffsetzungen—лодкообразныя ограды), окружающей въ Швеціи могилы поздней эпохи викинговъ. Подобное огораживаніе мѣстъ погребенія при помощи рядовъ камней можно впрочемъ прослѣдить, начиная съ неолитической эпохи, до самыхъ позднихъ временъ напр. въ Курляндіи и Лифляндіи [151]). Второй интересный видъ памятниковъ представляютъ финнскіе каменные лабиринты (или «вави-

лоны»), состоящіе изъ нѣсколькихъ концентрическихъ, различнымъ образомъ загороженныхъ и соединенныхъ между собою кругообразныхъ ходовъ, о которыхъ самое лучшее понятіе можетъ дать прилагаемый рисунокъ лабиринта, найденнаго въ Аппенѣ въ округѣ Velkua (рис. 92). Назначеніе и происхожденіе ихъ до сихъ поръ загадочны [152]).

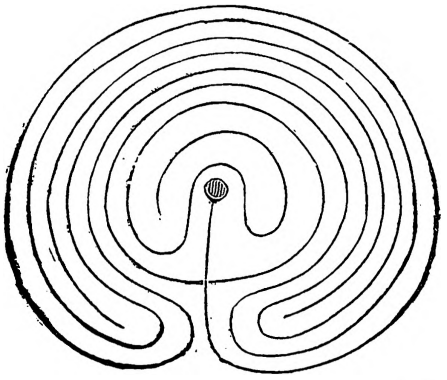


Рис. 92. Планъ каменнаго лабиринта (или вавилона) въ Аррен, въ Финляндіи.

Таковы различные виды европейскихъ мегалитическихъ памятниковъ, относящихся по большей части къ неолитической эпохѣ. Весьма затруднительнымъ для разрѣшенія оказывается вопросъ о томъ, какому народу принадлежатъ эти памятники, кѣмъ они сооружены? Какъ сказано, они относятся преимущественно къ неолитической эпохѣ, и культурные остатки ихъ могилъ (кости домашнихъ животныхъ, слѣды земледѣлія, каменныя орудія, посуда) казались многимъ въ значительной степени сходными. Не удивительно поэтому, что было высказано мнѣніе о принадлежности всѣхъ европейскихъ мегалитовъ одному народу; предполагали даже, что памятники эти могутъ указывать пути, по которымъ шелъ въ Европѣ этотъ народъ, и мѣстности, гдѣ онъ потомъ поселился. Такой взглядъ былъ высказанъ впервые Бонштеттеномъ (A. Bonstetten), по мнѣнію котораго народъ, воздвигавшій мегалиты, вышелъ откуда-то изъ Индіи, съ Малабарскаго берега, прошелъ черезъ Кавказъ въ Крымъ и тамъ раздѣлился. Часть его двинулась на сѣверъ Европы, другая же часть—на югъ, въ Грецію, Италію и Корсику. Народъ этотъ—по Бонштеттену—былъ кельты, которые такимъ путемъ переселились, въ продолженіи неолитической эпохи, въ Европу. Мнѣніе Бонштеттена было усвоено и другими археологами: Лэнъ-Фоксомъ (Lane Fox), Дезоромъ (E. Desor), ген. Фэдербомъ (Faidherbe) *), Надальякомъ и т. д. Въ новѣйшее время за кельтское происхожденіе германскихъ (вестфальскихъ) мегалитовъ высказался и Р. Вирховъ на мюнстерскомъ съѣздѣ въ 1890 году

*) Генералъ Фэдербъ полагалъ, что западно-европейскіе и африканскіе дольмены были воздвигнуты однимъ и тѣмъ же длинноголовымъ племенемъ съ свѣтлыми волосами и глазами, которое пришло съ береговъ Балтійскаго моря. Дезоръ предполагалъ подобное же переселеніе, но только въ обратномъ направленіи. Löher въ сочиненіи своемъ «Ueber Dolmenbauten» (München, 1888) доказываетъ, что дольмены во всей Европѣ, Африкѣ и Азіи (кромѣ Индіи) поставлены народомъ, знакомымъ съ мореплаваніемъ, и именно германцами.

противъ мнѣній Finke и Nordhoff'a. Несомнѣнно, что въ этихъ догадкахъ есть нѣкоторая доля основательности. Сходство въ культурѣ мегалитическихъ сооруженій и въ ихъ идеѣ во всей Европѣ (впрочемъ, всюду замѣчаются и и мѣстныя особенности въ подробностяхъ) не можетъ не обратить на себя вниманіе, хотя его и недостаточно еще для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса. На стокгольмскомъ съѣздѣ въ 1874 г. вопросъ о мегалитахъ былъ поднятъ снова Гильдебрандомъ, который пришелъ относительно его къ противоположному заключенію, именно что мегалиты не принадлежатъ

Рис. 93. Индійскіе дольмены (по Лёббоку).

одному какому нибудь племени, но что они представляютъ собою одинаковое выраженіе общей и свойственной почти всѣмъ первобытнымъ народамъ идеи: устраивать могилы на подобіе жилищъ. Съ этимъ заключеніемъ соглашаются и Габр. де Мортилье, Вестроппъ, Бастіанъ, Ворсо, Картальякъ, Казалисъ-де-Фондусъ и др.

По мнѣнію Ал. Бертрана мегалитическіе памятники были сооружены именно тѣмъ народомъ, который принесъ съ востока во Францію неолитическую культуру съ ея земледѣліемъ, скотоводствомъ и погребальными обрядами. Прибытіе этого народа произошло не сразу и шло двумя путями: сѣвернымъ—вдоль береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей (тамъ вездѣ есть мегалиты) и южнымъ—черезъ Кавказъ, вдоль Чернаго моря, по долинѣ Дуная, гдѣ тянется второй поясъ мегалитовъ. Тотъ же самый народъ принесъ съ собой и обычай воздвигать свайныя постройки.

Интересны пріемы, при помощи которыхъ были сооружаемы эти грандіозные памятники людьми, не знавшими ни металловъ, ни разныхъ механическихъ приспособленій. Поставить стоймя нѣсколько каменныхъ глыбъ и положить на нихъ еще другія въ нѣсколько сотъ килограммовъ вѣсомъ было

несомнѣнно дѣломъ нелегкимъ. Какимъ образомъ сооружались мегалиты, прекрасно разсказано уже датскимъ королемъ Бедрихомъ VII [153]). Всѣ наши новѣйшія приспособленія замѣнялись тогда просто рычагами и круглыми бревнами, обрубками стволовъ, по которымъ передвигали камни. Когда стѣны дольмена были уже установлены, ихъ засыпали землей до верхняго края и затѣмъ по образовавшейся наклонной плоскости втаскивали вверхъ каменныя глыбы, предназначенныя для кровли. Глыбы отламывались отъ скалъ посредствомъ сухихъ деревянныхъ клиньевъ, разбухавшихъ потомъ отъ воды.

Кромѣ мегалитическихъ гробницъ къ неолитической эпохѣ относится еще значительное количество могилъ, заключающихъ въ себѣ человѣческое тѣло, положенное просто въ землю или, самое большее, обложенное большимъ или меньшимъ количествомъ плитъ, которыя образуютъ иногда настоящіе ящики (groby skrzyńkowe, coffres, Steinkiste, stone-cist). Эти могилы нельзя уже причислять къ мегалитамъ, но весьма понятно, что между ними и группой, о которой мы только-что говорили, невозможно провести рѣзкой границы, и иногда бываетъ довольно трудно рѣшить, къ которой изъ группъ слѣдуетъ отнести ту или другую гробницу. Очень многочисленны, въ особенности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, насыпанныя надъ могилами высокіе холмы, курганы, иногда же мѣста могилъ ничѣмъ не обозначены и по крайней мѣрѣ теперь совершенно незамѣтны (плоскія могилы).

Такія простыя мѣста погребенія съ заключающимися въ нихъ предметами неолитическаго характера въ достаточномъ изобиліи распространены по всей Европѣ. Поэтому мы упомянемъ только о самыхъ главныхъ мѣстонахожденіяхъ ихъ и въ особенности о тѣхъ, которыя были констатированы въ славянскихъ земляхъ.

Плоскія могилы, находящіяся просто въ землѣ и принадлежащія къ этой эпохѣ, въ западной Европѣ, кажется, довольно рѣдки. Тамъ погребали мертвыхъ преимущественно въ мегалитическихъ гробницахъ, но и тамъ встрѣчаются мѣстами ящикообразныя могилы, которыя въ строгомъ смыслѣ нельзя уже считать мегалитическими [154]).

Кромѣ многочисленныхъ погребальныхъ пещеръ, о которыхъ было говорено выше, во Франціи пользовались также для погребенія, въ теченіи неолитическаго періода, колодцеобразными могилами, глубокими ямами, въ которыя опускали покойниковъ. Подобныя гробницы, заключавшія въ себѣ до 150 скелетовъ, относящихся, какъ можно полагать, по нахожденію нѣкоторыхъ предметовъ изъ бронзы, уже къ концу неолитической эпохи, были открыты

Никэзомъ, Арманомъ и Морелемъ въ долинѣ р. Марны. Извѣстными особенностями отличается одинъ видъ могилъ въ окрестностяхъ Парижа. Онѣ представляютъ собой выкопанныя въ землѣ ямы, покрытыя большими каменными плитами; нѣкоторыя изъ нихъ небольшихъ размѣровъ, нѣкоторыя же доходятъ до 10 и болѣе метровъ длины. Такая гробница въ Mizy (деп. Марны) была наполнена человѣческими костями, и подобныя «костехранилища» встрѣчаются очень часто въ западныхъ частяхъ средней Франціи. Это заставляетъ думать, что неолитическое населеніе, подобно тому, какъ дѣлаютъ и до сихъ поръ многіе дикари, собирало по истеченіи извѣстнаго времени кости погребенныхъ и перекладывало ихъ въ общія гробницы.

Въ сѣверной Германіи и въ Скандинавскихъ странахъ также погребали мертвыхъ больше всего въ мегалитическихъ сооруженіяхъ. За то въ средней Германіи, напр. въ Тюрингіи и Прирейнскихъ странахъ, рядомъ съ ящикообразными гробницами встрѣчаются часто и плоскія могилы съ костями, лежащими въ вырытой въ землѣ ямѣ. Этотъ видъ гробницъ распространенъ и въ австрійскихъ земляхъ. Характерную особенность этихъ среднеевропейскихъ могилъ представляетъ положеніе скелетовъ, сидячее или лежачее на боку, обыкновенно на лѣвомъ, съ одной рукой, подложенной подъ голову, и съ колѣнями, сильно поджатыми къ туловищу *).

Въ Германіи типическимъ примѣромъ этого вида погребенія является извѣстный некрополь въ Монсгеймѣ, возлѣ Гинкельштейна, [156]) въ Прирейнской Пруссіи. Мертвые въ немъ находились въ сидячемъ положеніи, будучи обращены лицомъ къ юго-востоку. Могилъ было тамъ около 300, но изслѣдовано изъ нихъ только 70. Костяки найдены были истлѣвшими. Сосуды, находившіеся при нихъ, были сдѣланы отъ руки и красиво украшены выполненными упомянутою уже бѣлою массою орнаментами. Возлѣ костяковъ найдены были небольшіе ножи изъ кремневыхъ осколковъ, большое количество топоровъ изъ діорита, сланца, сіенита и украшенія изъ раковинъ. Возлѣ каждаго находилась также грубая ручная мельница. Вовсе не было каменныхъ наконечниковъ копій и предметовъ изъ рога и кости.

Другіе большіе неолитическіе могильники, со скелетами въ скорченномъ положеніи, были найдены въ Rössen'ѣ возлѣ Мезибора, въ Ludwigsried'ѣ и въ Unter-Eberfing'ѣ въ Баваріи. Очень хорошо изслѣдована Копффлей-

*) Значеніе этого положенія скелетовъ было уже неоднократно объясняемо. Ближе всего къ истинѣ, повидимому, мнѣніе, что оно представляетъ просто положеніе спящаго человѣка. Это положеніе скелета съ небольшими только измѣненіями удерживалось и въ болѣе позднія времена и осталось характернымъ для части погребеній начала бронзоваго вѣка. По мнѣнію д-ра I. Matiegky положеніе на лѣвомъ боку, по крайней мѣрѣ въ Чехіи, измѣняется въ теченіи бронзоваго вѣка въ положеніе на правомъ боку [155]).

шемъ и Гётцомъ неолитическая эпоха въ Тюрингіи [157]). Тамъ встрѣчаются главнымъ образомъ два вида погребеній: ящикообразныя гробницы подъ холмами, отличающіяся сосудами амфорообразнаго и кружковиднаго типовъ, и плоскія могилы безъ каменныхъ камеръ съ горшкообразными сосудами. Эта вторая группа болѣе поздней эпохи. Многочисленны также ящикообразныя сооруженія, не заключающія въ себѣ могилъ.

Въ Шлезвигѣ и Голштиніи въ послѣднее время описанъ г-жею Месторфъ рядъ могилъ каменнаго вѣка безъ мегалитическихъ камеръ. Въ большей части ихъ скелетъ находится въ ямѣ, выкопанной посреди холма. Найденные предметы чисто неолитическаго характера.

Въ Англіи, кромѣ barrows съ мегалитическими камерами, встрѣчаются часто курганы безъ камеръ со скелетами, находящимися просто въ землѣ, иногда завернутыми въ кожу или помѣщенными въ выдолбленную изъ толстаго ствола колоду. Нѣкоторые полагаютъ, что эти англійскіе курганы представляютъ собою могилы только начальниковъ, простые же люди были тамъ будто бы погребаемы болѣе простымъ способомъ. Въ Швейцаріи, какъ мы уже видѣли на стр. 105 и 106, жители свайныхъ построекъ неолитической эпохи погребали своихъ мертвыхъ въ могилахъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ (Auvernier, Chamblades, Pierre-Portay, Châtelard и т. д.), т. е. въ ящикообразныхъ гробницахъ. Въ Испаніи братья Сирэ (Siret) нашли также неолитическія гробницы безъ мегалитовъ. Въ переходную эпоху тамъ встрѣчается уже сожиганіе труповъ, но рядомъ съ нимъ погребеніе продолжалось еще довольно долгое время [158]). Въ Италіи такія гробницы тоже очень многочисленны. Къ наиболѣе извѣстнымъ принадлежатъ напр. могильники въ Remedella въ пров. Бреціи, въ Fontanelli коммуны Casaromana въ пров. Мантуи, въ Cantalupo возлѣ Рима и многихъ иныхъ.

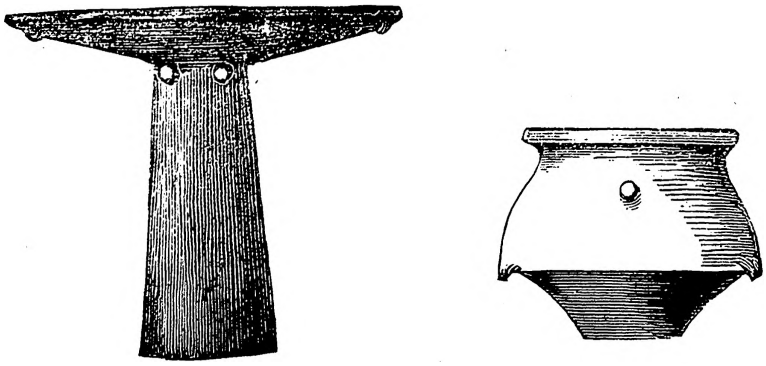


Рис. 94. Сосуды изъ Ленгіельскихъ гробницъ.

Первые два были подробно изслѣдованы R. Zampa, который сравнилъ

ихъ со всѣми остальными мѣстонахожденіями той же эпохи, въ особенности въ антропологическомъ отношеніи. Въ обоихъ онъ нашелъ слѣды новаго населенія, которое пришло въ Италію въ концѣ неолитическаго періода. Въ особенности характерны фонтанелльскія гробницы [159]). Къ переходной эпохѣ относятся гробницы въ Cumarola и Sgurgola, о которыхъ мы еще упомянемъ далѣе.

Въ альпійскихъ австрійскихъ земляхъ неолитическихъ гробницъ извѣстно очень немного. Но за то въ Нижней Австріи, и въ особенности по берегамъ Дуная онѣ очень многочисленны. Наибольшее количество ихъ было изслѣдовано I. Spöttel'омъ вблизи остатковъ поселеній той же эпохи.

Въ Венгріи сюда относится прежде всего кладбище Lengyel'скаго городища, о которомъ мы упоминали уже выше. Въ болѣе древнемъ могильникѣ найдены были изъ металловъ только мѣдныя бусы. Характерны чашеобразные сосуды на высокой ножкѣ и многіе другіе (рис. 94).

Въ Чехіи и Моравіи также довольно много неолитическихъ могилъ, находимыхъ очень часто вблизи такъ называемыхъ культурныхъ ямъ. Точное хронологическое опредѣленіе ихъ очень трудно, и это именно и составляетъ причину того, что нѣкоторые чешскіе археологи, какъ напр. гг. Смоликъ и Пичъ, не хотятъ признать существованія чисто неолитическихъ гробницъ въ Чехіи [160]). Но это мнѣніе нельзя признать справедливымъ. Въ Чехіи найдено уже очень много могилъ вполнѣ неолитическихъ, и постоянно находятъ новыя. Сюда относятся могилы въ мѣстностяхъ Sulejovice Kojetice, Hospozin, Křinec, Košiř, Lhota, Roudnice, Most и т. д. Возлѣ Коіетицъ найдены были костяки въ могилахъ, часть которыхъ относится, очевидно, къ концу неолитическаго періода. Въ Госпозинѣ, возлѣ Ржипа, г. Вондрачекъ, а недалеко отъ гор. Ловозица д-ръ Matiegka нашли костякъ

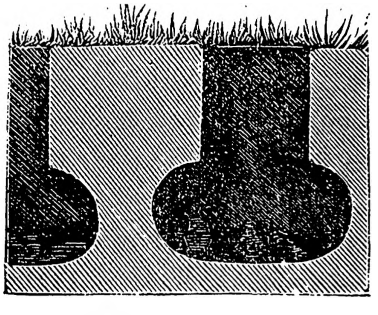


Рис. 95. Разрѣзъ могилы возлѣ Ловозица (по рис. д-ра Mateigky).

Рис. 96. Неолитическая могила съ костякомъ въ скорченномъ положеніи возлѣ Ловозица.

неолитической эпохи уже возлѣ могилъ съ остатками сожженія. Вообще, всѣ эти мѣста погребенія находятся въ сѣверозападной части Чехіи и показываютъ, что неолитическое населеніе пришло сюда, вѣроятнѣе всего, съ сѣвера, по долинѣ Эльбы. Это доказываютъ также и гончарныя издѣлія, представляющія много сходства съ тѣми, которыя были найдены въ неолитическихъ

Рис. 97. Содержимое могилъ конца неолитической эпохи, найденныхъ между Чижковицами и Іенчицами возлѣ Ловозица.

могилахъ Тюрингіи. Чешская неолитическая глиняная посуда представляетъ два типа: грубый, безъ украшеній или съ очень грубой орнаментаціей и болѣе искусный, очень красиво орнаментированный. Послѣдній принадлежитъ

болѣе позднему времени и скорѣе всего иностраннаго происхожденія (по крайней мѣрѣ его узоры). Выполненіе орнамента бѣлою массою замѣчается въ обоихъ типахъ. Прилагаемые два разрѣза одной ловозицкой могилы и таблица съ находками, сдѣланными въ другихъ могилахъ, неподалеку оттуда, даютъ понятіе объ устройствѣ и содержимомъ нѣкоторыхъ чешскихъ гробницъ (рис. 95—97). Часть ихъ относится уже къ переходной эпохѣ, какъ показываютъ слѣды бронзы, найденные возлѣ каменныхъ топориковъ. Въ Моравіи сюда относятся могилы, найденныя возлѣ Šlapenice, Stražnice, Hajany и въ другихъ мѣстахъ, впрочемъ вообще довольно рѣдкія.

Въ восточно-нѣмецкія земли, главнымъ образомъ въ Пруссію, неолитическая культура проникала, по мнѣнію Лиссауэра, тремя путями: съ нижняго бассейна Варты къ морю, со стороны Гнѣзна и со стороны Гопельскаго озера, вдоль р. Вислы. Приливъ новыхъ культурныхъ вліяній обусловливался здѣсь главнымъ образомъ торговлей янтаремъ. Наибольшее развитіе этой торговли относится къ бронзовому вѣку, какъ будетъ указано далѣе. Вдоль этихъ трехъ путей и особенно послѣдняго изъ нихъ находится и больше всего могилъ, далѣе же, на высотахъ ихъ очень мало. Могилы встрѣчаются здѣсь разныхъ видовъ. Въ Куявской области находятъ ящикообразныя гробницы, особеннаго своеобразнаго типа, называемыя поэтому куявскими гробницами. Костякъ въ нихъ лежитъ въ продолговатомъ саркофагѣ, сдѣланномъ изъ каменныхъ плитъ, вокругъ него тянутся еще другіе ряды камней, а все вмѣстѣ засыпано землянымъ холмомъ, вытянутымъ съ одной стороны въ видѣ длинной шпоры (рис. 98). Возлѣ головы и ногъ костяка находятся разные предметы, положенные при погребеніи. Подобныя гробницы были найдены главнымъ образомъ въ мѣстности, простирающейся на западъ отъ Вислы до самаго Гопельскаго озера, но встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Наиболѣе обширные могильники находятся въ Wierzbink'ѣ, на Гопельскомъ озерѣ, въ Janiszewk'ѣ возлѣ Любраницы, возлѣ Swierczynk'a y Faliszew'a, возлѣ Pcinn'a (тамъ же); наиболѣе замѣчательные— возлѣ Murzin'a (Gross Morin, въ Иноврацлавскомъ окр.) и въ Persanzig'ѣ (въ Ново-Штеттинскомъ окр.). Вмѣстѣ съ этими

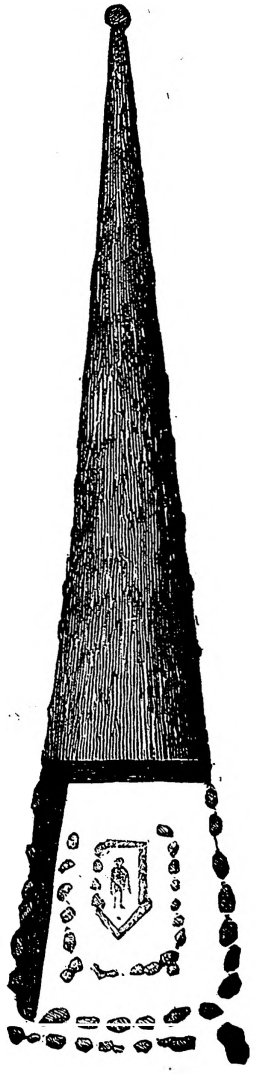


Рис. 98. Куявская гробница (по Лиссауэру).

ящикообразными гробницами встрѣчаются и простыя могилы безъ саркофаговъ (въ Briesen'ѣ, Riesenburg'ѣ) и какъ мы увидимъ далѣе, и первые остатки трупосожженія съ погребальными урнами, но съ предметами всетаки неолитическаго характера [161]).

Вполнѣ то же самое можно сказать и о юго-восточныхъ провинціяхъ бывшей Польши и о западной Россіи. Здѣсь былъ найденъ уже цѣлый рядъ могилъ неолитической эпохи. Это, прежде всего, ящикообразныя гробницы (groby skřzyňkowe), заключающія въ себѣ костяки, и представляющія, по мнѣнію польскаго археолога А. Г. Киркора, самый древній типъ польскихъ могилъ *).

Въ Галиціи, въ Краковскомъ округѣ и въ полосѣ, тянущейся отсюда до самаго Сандомиржа, такія каменныя гробницы до сихъ поръ не были еще найдены. Тамъ главнымъ образомъ встрѣчаются могилы съ остатками трупосожженія **). За то въ восточной части Галиціи, въ Покутті (южная часть

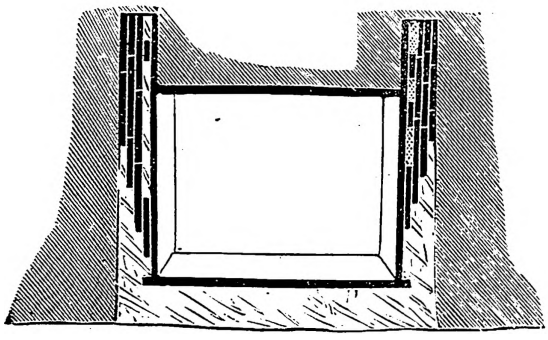


Рис. 99. Разрѣзъ ящикообразной гробницы въ Коцюбинцяхъ.

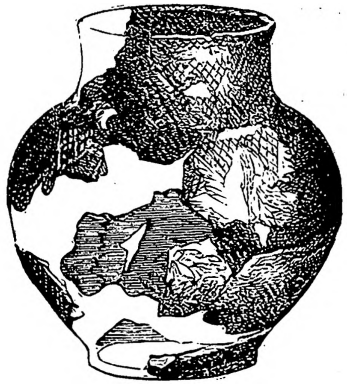


Рис. 100. Сосудъ изъ ящикообразной гробницы въ Коцюбинцяхъ.

Галичины состоитъ изъ округовъ Станіславівського, Городенського, Тлумацького, Снятинського и Коломийського) и въ Поділлі, а затѣмъ въ русской Подольской губ. (отдѣленныхъ другъ отъ друга рѣкой Збручемъ), а также въ Буковинѣ, неолитическая эпоха представлена очень явственно. Мѣстно-

*) Разсуждая, такимъ образомъ, г. Киркоръ очевидно имѣлъ въ виду политическія традиціи исторической Польши. Этнографически эти могилы гораздо справедливѣе могли бы быть названы «подольско-галицкими», такъ какъ мы видимъ, что въ этнографически польскихъ мѣстностяхъ они не встрѣчаются.

Примѣч. переводч.

**) Г. Оссовскій дѣлитъ Галичину въ археологическомъ отношеніи на слѣдующія три части: 1) западную или краковскую, гдѣ преобладаетъ трупосожженіе, 2) львовскую съ курганами всѣхъ эпохъ и 3) покутье-подольскую съ гробницами изъ каменныхъ плитъ.

сти эти вообще полны доисторическими памятниками, главнымъ образомъ насыпанными изъ земли холмами, въ извѣстной части которыхъ впрочемъ не оказалось ни одной могилы. Къ каменному вѣку относится здѣсь родъ ящикообразныхъ гробницъ съ костяками въ скорченномъ положеніи и заключающихъ въ себѣ сосуды, каменныя орудія, предметы изъ янтаря, но ничего металлическаго. Подобныя «польскія» могилы, «kamienne groby skrzyňkowe», найдены были въ Беремянахъ надъ Днѣстромъ, въ Хоростковѣ, въ Коцюбинцяхъ, недалеко отъ Гусятина, въ Чернокінцяхъ, Семеновѣ, Кушиловцяхъ и въ Чернолицяхъ на Покутьѣ.

Въ послѣднее время Г. Оссовскій открылъ въ г. Увислѣ (въ Гусятинскомъ окр.) могилу съ тремя костяками въ странномъ положеніи (см. рис. 101). Возможно, что мы имѣемъ здѣсь слѣдъ того же обычая, который существовалъ и во Франціи, гдѣ мѣстами кости, очищенныя отъ мягкихъ

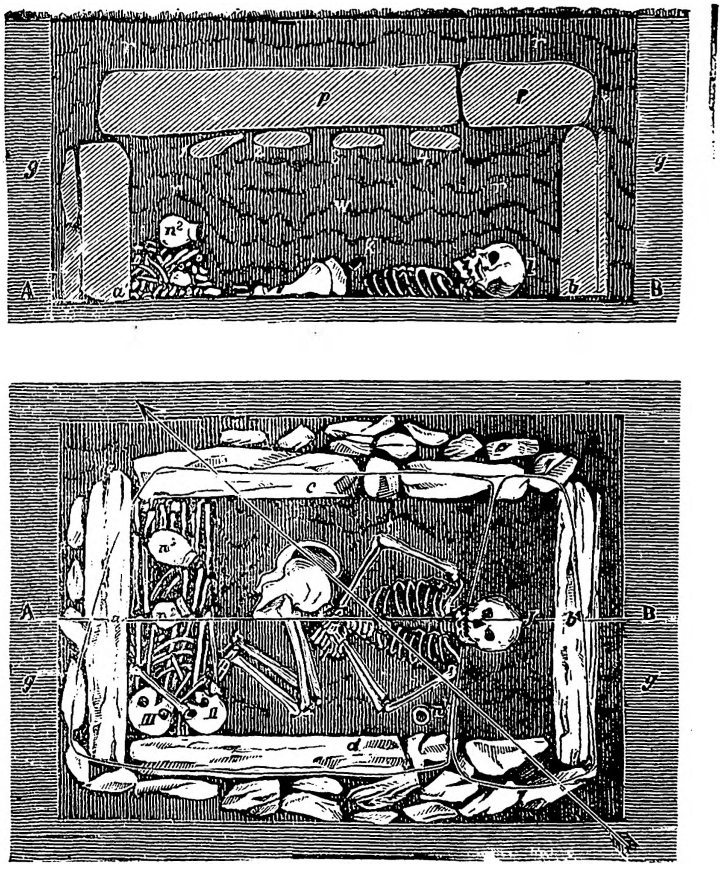


Рис. 101. Разрѣзъ гробницы въ Увислѣ.

частей, складывались въ кучи, или можетъ быть такое положеніе скелетовъ слѣдуетъ объяснять обычаемъ класть новоумершаго въ древнюю гробницу, отодвинувши предварительно имѣвшіяся уже тамъ кости.

Такой способъ погребенія продолжался здѣсь до самой эпохи металловъ, когда появляются такъ называемыя «groby podpłytowe», т. е. могилы безъ камеръ, но только прикрытыя нѣсколькими каменными плитами (откуда и названіе). О нихъ мы упомянемъ еще далѣе. Кромѣ того здѣсь есть еще могилы, которыя, по мнѣнію Киркора, всѣ принадлежатъ къ болѣе поздней эпохѣ, по новѣйшимъ же раскопкамъ отчасти и къ каменному вѣку, какъ напр. могила въ Заводинцяхъ въ Подоліи, въ Хоростковѣ, въ гусятинскомъ окр. Но кромѣ того къ каменному же вѣку должны быть отнесены и нѣкоторыя могилы безъ камеръ, только обложенныя порядочной величины камнями, съ костяками въ скорченномъ положеніи (groby brylowe), какъ напр. часть могилы въ Раковому Кути (Rakówkąt) подъ Пустоловкою въ Гусятинскомъ окр. Хронологическое опредѣленіе этой находки нельзя, впрочемъ, считать достаточно точнымъ.

Какъ мы увидимъ далѣе, обрядъ погребенія былъ здѣсь вскорѣ замѣненъ трупосожженіемъ, и часть этихъ новыхъ могилъ (groby cialopalne) относится все-таки еще къ эпохѣ неолитической.

Въ Царствѣ Польскомъ могилъ съ холмами (кургановъ) почти нѣтъ, или они попадаются только въ видѣ исключенія. Въ Бѣлоруссіи изрѣдка встрѣчаются ящикообразныя могилы, но вообще тамъ преобладаютъ могильныя насыпи или курганы.

Мы съ намѣреніемъ отложили описаніе этого вида могилъ къ самому концу. Курганы не отличаются ни идеей, ни видомъ, ни размѣрами отъ прочихъ могилъ этого рода, но русскіе курганы составляютъ до сихъ поръ и въ самой Россіи до такой степени спорную, а внѣ границъ Россіи и такую малоизвѣстную, хотя и весьма важную, часть археологическаго матеріала, что мы хотимъ посвятить имъ нѣсколько болѣе мѣста, чѣмъ это слѣдовало бы по размѣрамъ предыдущихъ описаній. Слово курганъ встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ въ первый разъ въ 1224 году (въ новгородской лѣтописи), но лишь въ смыслѣ городища (т. е. укрѣпленія). Въ этомъ мѣстѣ лѣтописи разсказывается о томъ, какъ Мстиславъ Удалой передъ битвой на р. Калкѣ перешелъ Днѣпръ и съ тысячью своихъ воиновъ напалъ на передовой татарскій отрядъ. Разбитые татары убѣжали въ половецкій «курганъ», но не удержались и въ немъ. Очевидно, что здѣсь слово курганъ невозможно объяснять иначе, какъ въ смыслѣ «городища», «огражденнаго мѣста». Въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно теперь употребляется, оно встрѣчается впервые въ XVI столѣтіи. Изъ этого Мухлинскій выводилъ заключеніе, что слово это не славянское *). Въ новоперсидскомъ языкѣ есть до сихъ поръ слово

*) Проф. I. Krek полагаетъ, что слово курганъ тюркскаго происхожденія и было заимствовано русскими отъ половцевъ и кумановъ. По тюркски же, по словарю Вамбери, слово qurgan значитъ «огражденное мѣсто».

«gürhâne», а въ джагатайскомъ языкѣ оно употребляется въ смыслѣ «надгробнаго дома». Теперь же оно имѣетъ совершенно одинаковое значеніе съ чешскимъ словомъ mohyla *).

Русскіе курганы относятся по большей части къ временамъ уже сравнительно позднимъ. Еще въ 1881 г. графъ А. С. Уваровъ въ своемъ сочиненіи о каменномъ вѣкѣ въ Россіи принималъ за отличительный признакъ неолитическихъ гробницъ отсутствіе надъ ними насыпи. Въ настоящее время мы должны однако отнести часть кургановъ къ каменному вѣку, по крайней мѣрѣ къ позднѣйшему его періоду. Сюда принадлежатъ напр. курганы могильника, открытаго В. С. Передольскимъ возлѣ деревни Коломцы (новгородск. уѣзда), называемаго «Юрьевскій жальникъ». Къ каменному же вѣку относится, какъ кажется, и часть кургановъ, раскопанныхъ графомъ А. А. Бобринскимъ возлѣ мѣстечка Смѣлы (Сміла) въ Черкасскомъ у. Кіевской губ. [162]). Въ насыпяхъ этихъ кургановъ встрѣчаются часто погребенія болѣе поздней эпохи (бронзовой), надъ первоначальными гробницами, находящимися внизу подъ насыпью. Графъ Бобринскій нашелъ также возлѣ Смѣлы неолитическую стоянку (Юрьева гора). Къ гробницамъ каменнаго вѣка относятся кромѣ того и нѣкоторые курганы между р. Серебрянкою и Ирдынскимъ болотомъ, курганы на юрьевской возвышенности со скелетами въ деревянныхъ колодахъ, а также и могилы на правомъ берегу р. Серебрянки. Въ нихъ скелеты лежали въ какомъ-то деревянномъ срубѣ, головами къ западу и съ скорченными ногами. Возлѣ костей кромѣ грубыхъ черепковъ посуды, каменныхъ и костяныхъ орудій и попадающихся отъ времени до времени мѣдныхъ предметовъ, ничего другого не найдено.

На археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ 1890 г., проф. В. Б. Антоновичъ раздѣлилъ гробницы каменнаго періода въ Кіевской губ. на три вида: на курганы со скелетами въ вытянутомъ положеніи, иногда обернутыми въ древесную кору, на могилы въ каменномъ ящикѣ, до сихъ поръ чрезвычайно рѣдкія, и на большіе курганы, заключающіе въ себѣ по нѣскольку скелетовъ въ скорченномъ положеніи. Къ нимъ проф. Антоновичъ причисляетъ и только-что упомянутые курганы возлѣ Смѣлы. Типическимъ орудіемъ этихъ кургановъ являются каменные топоры и нанизывавшіяся костяныя украшенія, оригинальная же ихъ особенность заключается въ томъ, что находимыя въ нихъ кости очень часто оказываются покрытыми слоемъ краснаго вещества минеральнаго происхожденія **). Костяки въ нихъ находятся не глубоко въ

*) Необходимо замѣтить, что и въ украинскомъ языкѣ слово курганъ вовсе не употребляется; курганы называются въ народѣ тоже «могилами».

Прим. переводч.

**) Это удивительное явленіе встрѣчается нерѣдко и въ другихъ русскихъ курганахъ конца неолитической эпохи, а также и болѣе позднихъ временъ въ

землѣ, въ скорченномъ положеніи; каменныя орудія или грубо оббитыя или шлифованныя. По свѣдѣніямъ Д. И. Эварницкаго сюда же относятся еще въ новороссійскомъ краѣ курганы на лѣвомъ берегу рѣки Орели и главнымъ

Бессарабіи, Новороссіи, въ губ. Кіевской, Полтавской и въ Кубанской области; напр. возлѣ Бѣлозерки, въ курганахъ возлѣ Смѣлы, въ Рыжановскомъ курганѣ (№ 5), гдѣ слой краски на костяхъ доходилъ до $^1/_2$ сантим. толщины, въ такъ называемыхъ скифскихъ курганахъ въ Крыму по свѣд. Кондакова, и т. д. Кромѣ того слѣды подобной же окраски были найдены на скелетѣ въ курганѣ съ желѣзными предметами, раскопанномъ г. Ц. Нейманомъ въ Липникахъ Подольской губ. По словамъ гг. Оссовскаго, Kohn'a и Mehlis'a въ Кіевской губ. подобная краска и до сихъ поръ употребляется для украшенія построекъ и памятниковъ. Интересно, во всякомъ случаѣ, что мы можемъ прослѣдить окрашиваніе человѣческихъ костей въ красный цвѣтъ въ продолженіи каменнаго вѣка и въ другихъ европейскихъ странахъ. Наиболѣе древніе примѣры, можетъ быть даже неолитической эпохи, представляютъ кости, найденныя въ Ментонскихъ и проч. пещерахъ во Франціи и въ Бельгіи. Въ одной пещерѣ (№ 3) такія кости лежали въ неправильномъ и перевороченномъ видѣ. Въ итальянскихъ неолитическихъ гробницахъ (напр. въ могилѣ возлѣ Sgurgola, въ пещерахъ возлѣ Палермо, Pianossa и др., также въ Сициліи) это явленіе встрѣчается довольно часто, также какъ въ Англіи и въ Испаніи. Въ Моравіи такого рода находка была опубликована недавно проф. Маковскимъ, сдѣлавшимъ ее въ постпліоценовомъ наносѣ въ Брнѣ; другая находка была сдѣлана возлѣ Strušovany въ гробницѣ бронзоваго вѣка (ср. стр. 47); въ Босніи д-ръ Truhelka тоже нашелъ окрашенный скелетъ въ одной древней могилѣ. Въ Чехіи указываютъ также на подобныя находки, хотя недостаточно ясныя и опредѣленныя, какъ напр. въ могилахъ въ Černosek'ѣ, Lovosic'ѣ и пр. Безъ всякаго сомнѣнія мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особеннымъ погребальнымъ обычаемъ. Трупы очищали вѣроятно отъ мягкихъ частей еще передъ погребеніемъ, и затѣмъ натирали или посыпали кости какою-то красною краскою. Подобные обычаи можно прослѣдить и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ, какъ напр. у сѣвероамериканскихъ индійцевъ, въ аргентинскихъ могилахъ (по словамъ Надайльяка) и въ венецуэльскихъ (по словамъ Маркана). О подобномъ же обычаѣ въ средневѣковой Франціи мы упоминали уже на стр. 129. И. А. Хойновскій объяснялъ довольно неправдоподобно такое окрашиваніе костей въ красный цвѣтъ тѣмъ, что люди этой эпохи красили себѣ волосы и одѣвались въ такимъ же образомъ окрашенныя шкуры, при чемъ, когда волосы и кожа истлѣвали, краска могла оставаться на костяхъ. Вопросъ объ этомъ былъ предметомъ обсужденія на московскомъ и виленскомъ археологическихъ съѣздахъ. Куски красной или желтой желѣзистой глины, часто находимые въ могилахъ вышеупомянутыхъ странъ, какъ будто имѣютъ связь съ этимъ обычаемъ и во всякомъ случаѣ служатъ доказательствомъ, что неолитическіе люди раскрашивали и татуировали свое тѣло, о чемъ мы скажемъ еще далѣе. [Къ сказанному здѣсь г-мъ Нидерле можно еще прибавить, что въ послѣднее время сдѣланныя въ Россіи находки окрашенныхъ костей относятся по преимуществу къ началу металлической эпохи и именно были сдѣланы въ могилахъ, заключавшихъ въ себѣ кромѣ каменныхъ и бронзовыя (или мѣдныя) издѣлія, особенно плоскіе, простые, кованные наконечники копій]. *Прим. ред.*

образомъ курганы въ Котовкѣ. Онъ нашелъ тамъ три типа погребенія: 1) курганы съ однимъ костякомъ въ ямѣ, выкопанной въ землѣ, ниже ея уровня; 2) курганы съ большимъ количествомъ скелетовъ въ выкопанной ямѣ, надъ которой въ самой насыпи находятся остатки трупосожженія, и 3) курганы съ костями, заключенными въ какихъ-то деревянныхъ срубахъ. Въ курганахъ всѣхъ этихъ трехъ типовъ были находимы только каменныя орудія, амулеты, сосуды и жерновые камни; скелеты (нѣкоторые въ согнутомъ положеніи) были оріентированы различнымъ образомъ. И. А. Хойновскій нашелъ также въ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ скелетъ, покрытый красною краской. На Волыни сюда относятся курганы съ костями, найденные въ Радзиминѣ, Сокиринцяхъ (острожскаго у.), въ Залужьѣ, и вообще курганы въ бассейнахъ рѣкъ Горыни и Виліи, курганы у села Заводинець въ Подольской губ., а можетъ быть и курганы въ селахъ Корытномъ и Муравѣ въ Минской губ. Г. Люба-Радзиминскій представилъ относительно волынскихъ могилъ очень интересное сообщеніе на IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ; особенно характерны найденные тамъ каменные ножи искривленной формы, скандинавскаго типа. Замѣчателенъ еще раскопанный г. Оссовскимъ курганъ № 1 въ селѣ Кобриновѣ, возлѣ гор. Звенигородки, Кіевской губ. Внутри его оказалось 12 могилъ съ 15 скорченными костяками въ разныхъ положеніяхъ, обращенными лицомъ внизъ. Безпорядокъ, въ которомъ они положены, былъ повидимому умышленнымъ. Всѣ скелеты были покрыты красною краскою; возлѣ нихъ были найдены костяныя шпильки, коралловыя бусы, просверленные звѣриные зубы и сосуды. Другое замѣчательное открытіе было сдѣлано въ курганѣ возлѣ Лозятина, недалеко отъ Бѣлой-Церкви. Подъ истлѣвшими досками лежалъ скелетъ въ скорченномъ положеніи, тоже покрытый краской. Возлѣ головы находился большой сосудъ (рис. 102).

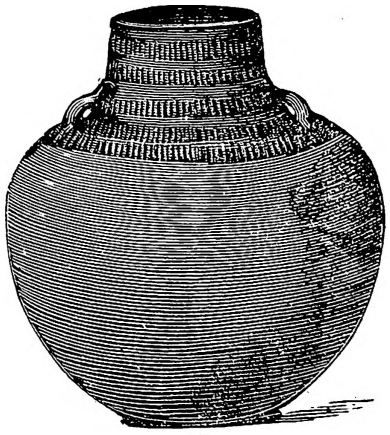


Рис. 102. Сосудъ изъ кургана въ Лозятинѣ.

Кромѣ кургановъ въ Россіи извѣстны и многія древнія могилы безъ насыпей. Мы упомянули уже о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ концѣ предыдущей главы, говоря о переходной эпохѣ между палеолитической и неолитической. Это наиболѣе древнія могилы въ Россіи. Сюда относится напр. стоянка Волосово, недалеко отъ г. Мурома, на берегахъ р. Велетьмы. Графъ А. С. Уваровъ нашелъ тамъ пять могилъ безъ всякой курганной насыпи. Костяки лежали по направленію отъ сѣвера къ югу, на боку, съ одной рукой подло-

женной подъ голову. Надъ головой на слоѣ угля находился сосудъ съ пепломъ, звѣриными костями и каменнымъ копьемъ. Сосуды, найденные въ Волосовѣ, очень типичны; они имѣютъ отверстія вмѣсто ушковъ и отличаются характернымъ орнаментомъ. Объ этой находкѣ говорилъ еще П. П. Кудрявцевъ на международномъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1892 г. Затѣмъ человѣческія кости были найдены еще въ стоянкѣ каменнаго вѣка на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря у устья рѣки Золотницы и кромѣ того А. А. Иностранцевымъ у южнаго берега Ладожскаго озера при прорытіи новаго сясскаго канала. Упомянемъ еще о могильникѣ близь села Фатьянова возлѣ Уткинской станціи, по линіи ярославско-вологодской жел. дор. Кромѣ слѣдовъ неолитическаго поселенія тамъ оказались и могилы, въ которыхъ были найдены человѣческія кости и каменныя орудія. Очень характерны для этой находки сосуды безъ ушковъ, образецъ которыхъ представленъ на рис. 103. Этотъ типъ посуды отличается отъ всѣхъ другихъ встрѣчающихся въ русскихъ курганахъ. Уткинскій могильникъ относится впрочемъ къ эпохѣ, когда уже здѣсь стали появляться металлическіе предметы. Онъ былъ изслѣдованъ въ 1875 г. графомъ А. С. Уваровымъ и В. Б. Антоновичемъ, а затѣмъ позже — Л. К. Ивановскимъ и И. С. Поляковымъ. Черепа волосовскіе, волховскіе и уткинскіе были описаны проф. А. П. Богдановымъ [163]).

Рис. 103. Сосудъ изъ Уткинскаго могильника.

Неолитическія могилы съ остатками трупосожженія. Обычай сожиганія мертвыхъ, естественно заставляющій предполагать существенное измѣненіе въ понятіяхъ о загробной жизни, устанавливается въ Европѣ только въ эпоху металловъ, и многіе полагали поэтому, что это измѣненіе произошло не путемъ постепеннаго развитія религіозныхъ идей, какъ думалъ Гриммъ [164]), но появилось вслѣдствіе вліянія извнѣ, со стороны пришлаго народа. Одновременно съ новою культурой и знакомствомъ съ металлами, а вѣроятнѣе всего и съ новымъ населеніемъ распространился въ Европѣ, какъ полагаютъ, и новый погребальный обрядъ. Вмѣсто прежняго зарыванія труповъ въ землю, ихъ стали сожигать на кострахъ, а собранный затѣмъ пепелъ класть въ могилу, или просто кучкой, или чаще всего въ сосудахъ, въ «погребальныхъ урнахъ».

Сожиганіе мертвыхъ производилось или надъ самой могилой, или на осо-

бенномъ мѣстѣ—устринѣ, обыкновенно выстланномъ камнемъ, откуда потомъ собирали остававшійся послѣ сожиганія пепелъ съ недогорѣвшими костями и относили его въ могилу *). Въ описаніяхъ мѣстъ погребенія мы очень часто читаемъ о подобныхъ, иногда выложенныхъ камнемъ мѣстахъ, покрытыхъ черною, содержащею пепелъ землею, называемыхъ обыкновенно «устринами». Но надо замѣтить, впрочемъ, что такія мѣста не всегда представляютъ собой настоящія «устрины», на которыхъ сожигались тѣла умершихъ. Это въ послѣднее время обстоятельно выяснено Olshausen'омъ, который указалъ, что главнымъ признакомъ настоящей устрины являются всегда остатки недогорѣвшихъ человѣческихъ костей, которыя, между тѣмъ, въ мѣстахъ принимаемыхъ за устрины, часто и отсутствуютъ. Такъ напр. извѣстные «Brandpletter» на о-вѣ Борнгольмѣ вовсе не представляютъ собою устринъ, а только ямы, наполненныя пепломъ, и ихъ правильнѣе было бы называть «котлообразными могилами съ остатками сожженія» («Brandgrubengräber» или еще точнѣе «Grubenbrandgräber») [165]).

Новый погребальный обрядъ хотя и распространился повсюду, но не сразу. Такъ-же точно, какъ мы встрѣчаемся съ остатками сожженія уже въ концѣ неолитическаго періода, такъ и позже въ эпоху металловъ мы увидимъ, что старый погребальный обычай еще не исчезаетъ вполнѣ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы упоминали уже о нѣсколькихъ мѣстахъ погребенія, гдѣ вмѣстѣ съ костями зарытыхъ въ землю труповъ встрѣчались также и кости обожженныя или даже совершенно превращенныя въ пепелъ. Баронъ де-Бай (I. de Baye) нашелъ слѣды трупосожженія въ пещерахъ Petit Morin (одна изъ пещеръ была совершенно наполнена пепломъ); они встрѣчаются также, особенно во Франціи, въ дольменахъ конца неолитическаго періода въ деп. Finistère, затѣмъ напр. въ дольменѣ возлѣ Calvisson'a (деп. Gard), въ Montigny, L'Engrain, Ribemont, Chassemy (деп. Aisne); очень много могилъ съ остатками сожженія въ департаментѣ Aisne [166]) и въ другихъ мѣстахъ поодиночкѣ. Въ Италіи хотя обыкновенно неолитическія гроб-

*) Римляне называли могилу перваго рода bustum, особое же мѣсто для сожиганія мертвыхъ ustrina, которая находилась обыкновенно только при большихъ общественныхъ гробницахъ (колумбаріяхъ). Для сожженія мертваго тѣла вовсе нѣтъ надобности въ такомъ большомъ количествѣ горючаго матеріала, напр. дровъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Очень большіе костры устраивались только для высокопоставленныхъ особъ и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда напр. вмѣстѣ съ умершимъ сожигали также его слугъ, женъ, лошадей и т. д., какъ мы увидимъ это далѣе при описаніи погребальныхъ обычаевъ норманновъ, древнихъ славянъ и проч. Въ самой могилѣ съ теченіемъ времени пепелъ еще болѣе уничтожается вслѣдствіе влажности и этимъ объясняется то, что теперь въ остаткахъ трупосожженія мы находимъ обыкновенно только очень небольшую кучку пепла и перегорѣвшихъ костей.

ницы заключаютъ въ себѣ скелеты, но въ Razza de Campeggine найдены были въ нихъ и погребальныя урны, а въ фонтанельскомъ и боволонскомъ могильникахъ (возлѣ Вероны) урны попадаются рядомъ съ погребеніями въ землѣ.

Въ англійскихъ barrows трупосожженіе рядомъ съ погребеніемъ встрѣчается довольно часто и, какъ мы уже упоминали, численное отношеніе случаевъ того и другого погребальнаго обряда измѣняется тамъ смотря по мѣстности (см. стр. 135). Въ нѣкоторыхъ barrows оба обряда встрѣчаются въ одномъ и томъ же курганѣ.

На сѣверѣ Европы сожиганіе труповъ, какъ это доказалъ въ послѣднее время Ольсгаузенъ, появилось также еще въ концѣ каменнаго вѣка. Въ шведскихъ и датскихъ мегалитическихъ гробницахъ обыкновенно находятъ несожженные костяки, но кромѣ мегалитовъ тамъ попадаются и могилы со слѣдами трупосожженія и притомъ, очевидно, еще неолитической эпохи. По мнѣнію Монтеліуса относительно Швеціи, Веделя—относительно о-ва Борнгольма и Петерсена—относительно Даніи, сожиганіе труповъ въ неолитическую эпоху еще не было извѣстно. Монтеліусъ причисляетъ поэтому и погребальныя урны съ предметами неолитической культуры—къ бронзовому вѣку. Подобныя находки были сдѣланы напр. въ Häkeby, Tommarp, Quilly, затѣмъ на о-вѣ Борнгольмѣ, въ Ютландіи, въ Roum'ѣ, Slotved'ѣ, Brabrand-Aarslev'ѣ, Rammedig'ѣ и др. мѣстахъ. Но характерную особенность неолитической эпохи составляетъ не погребальный ритуалъ, а другія ея стороны. Поэтому мы считаемъ справедливымъ мнѣніе Ольсгаузена, что на сѣверѣ Европы начали сожигать мертвыхъ уже въ концѣ неолитической эпохи. Въ сѣв. Германіи относительно нѣкоторыхъ областей, какъ Шлезвигъ и Голштинія, Мекленбургъ, Бранденбургъ, часть Пруссіи, Померанія,—нѣтъ еще подобныхъ вполнѣ достовѣрныхъ тому доказательствъ, но нѣкоторыя все-таки имѣются и тамъ.

Во всей западной Германіи, въ Баваріи, въ Гессенѣ, въ Брауншвейгѣ, въ Ганноверѣ и въ Вестфаліи мы встрѣчаемъ въ теченіе неолитическаго періода исключительно погребеніе въ землѣ. За то въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ мегалитовъ въ Нидерландахъ, особенно въ Дрентской провинціи, упоминаются уже и погребальныя урны.

Относительно о-ва Рюгена Ольсгаузенъ приводитъ три вполнѣ впрочемъ достовѣрныя находки въ Banzelvitz'ѣ, Altenkamp'ѣ и Stubnitz'ѣ. Въ Тюрингіи д-ръ Götze упоминаетъ четыре случая слѣдовъ сожженія въ неолитическихъ могилахъ, при чемъ ихъ не слѣдуетъ считать, какъ онъ это дѣлаетъ, за позднѣйшія погребенія въ старыхъ могилахъ (въ Lesau, Braunshayn'ѣ, Auleben'ѣ, Rössen'ѣ). Могила съ 6 погребальными урнами самаго древняго неолитическаго типа была найдена недавно въ Guntramsdorf'ѣ въ Австріи.

Въ Чехіи остатки трупосожженія были найдены, кромѣ погребеній въ

землѣ въ Hospozin'ѣ, въ Lovosic'ахъ (возлѣ Чинкеловой сушильни), въ Vebžan'ахъ; Jelinek нашелъ въ Либнѣ и въ Котляржкѣ также урны вмѣстѣ съ неолитическими предметами. Наконецъ уже Воцель, на основаніи пржилѣпскихъ могилъ, приходилъ въ своемъ сочиненіи о доисторическихъ временахъ къ заключенію, что въ Чехіи въ теченіи каменнаго вѣка мертвыхъ и погребали въ землѣ, и сожигали. Въ Венгріи первые слѣды трупосожженія были указаны Восинскимъ въ Ленгіэльскомъ могильникѣ. Лиссауеръ перечисляетъ цѣлый рядъ ящикообразныхъ каменныхъ гробницъ съ погребальными урнами конца неолитической эпохи въ Пруссіи и въ сосѣднихъ странахъ: возлѣ Ossow'a (Stargard'скаго окр.), Odri (Коницкій окр.), въ Trzebczy (Кульмскаго окр.), затѣмъ въ большомъ количествѣ въ бассейнѣ р. Варты (Mogilno, Obiezierce, Lulin, Ludwikovo), также возлѣ Mszano, Lunava (Кульмскаго окр.), Liebenthal'я (Маріенбургскаго окр.), Rogatka (Стольпскаго окр.) и т. д.

Г. Sopodzko нашелъ остатки сожженія, относящіеся къ неолитической эпохѣ, въ могилахъ Минской губ., князь Siarkowski въ Чеховѣ и Подольской губ., въ Новой Синявѣ (погребальныя урны съ каменными орудіями безъ малѣйшаго слѣда металловъ); въ Литвѣ, говорятъ, много ихъ было найдено Дюбуа въ шавельскомъ у. Д. И. Эварницкій нашелъ въ одномъ курганѣ неолитической эпохи возлѣ мѣстечка Котовки (Екатеринослав. губ.) костякъ съ каменными орудіями, а подъ нимъ въ деревянномъ срубѣ погребальныя урны съ остатками сожженія трупа.

Въ польской части Галиціи, какъ мы слышали, сожиганіе труповъ началось вообще очень рано. А. Н. Киркоръ относилъ еще всѣ могилы съ остатками сожженія къ позднѣйшимъ эпохамъ, но новыя открытія заставили его

Рис. 104. Двойной сосудъ изъ Городницы похожій на сосуды, найденные въ Златыхъ-Бильчахъ, и горшечекъ изъ Выгнанки.

измѣнить свое мнѣніе. Такъ, скорѣе всего къ каменному вѣку (не дальше впрочемъ какъ къ концу его) относится могильникъ съ остатками сожженія въ Васильковцяхъ возлѣ Гусятина. Погребальныя урны обложены здѣсь въ землѣ кирпичами. Къ тому же роду погребенія относятся, по мнѣнію г. Оссовскаго, и два замѣчательныхъ могильника въ Выгнанкѣ и въ Златыхъ Бильчахъ, съ очень характерной расписной посудой, указывающей уже на греческое вліяніе (рис. 104). На берегахъ Чернаго моря была уже въ это время въ полномъ расцвѣтѣ металлическая культура. Этимъ кое-гдѣ можно объяснить факты нахожденія вмѣстѣ съ неолитическими издѣліями предметовъ позднѣйшей культуры. Къ каменному вѣку причисляетъ г. Оссовскій также могилы съ остатками сожженія въ Мѣжинцѣ и Тенетникѣ (Рогатинскаго окр.), и сюда же, можетъ быть, относятся также могильники въ Dolnim Bakowie и въ Городищѣ надъ Днѣстромъ, и кладбища съ расписной посудой въ Віершняховкѣ и Козаччизнѣ. Проф. В. Б. Антоновичъ причисляетъ къ неолитическому періоду и часть гробницъ съ остатками трупосожженія въ Кіевской губ. Урны этихъ гробницъ заключены въ камерахъ изъ каменныхъ плитъ, такъ же какъ и найденыя проф. Самоквасовымъ.

Всѣ эти исчисленныя нами находки приводятъ къ одному очень важному заключенію, что нельзя, какъ это прежде дѣлалось, связывать появленія бронзы съ появленіемъ новаго погребальнаго обряда, ни прямо въ зависимости отъ появленія новаго населенія, ни вслѣдствіе столкновенія съ другимъ населеніемъ; это два культурныхъ явленія, которыя временно были близкими, но появились, каждое независимо другъ отъ друга, и притомъ сожиганіе труповъ ранѣе, чѣмъ бронза.

Обзоръ неолитической культуры.

Хотя неолитическая культура, въ общемъ, значительно выше, чѣмъ палеолитическая, и отличается болѣе сложнымъ развитіемъ, тѣмъ не менѣе, она все-таки еще настолько однообразна или сходна во всѣхъ странахъ Европы, что о ней можно говорить, какъ объ одномъ цѣломъ. Совершенно иное представляетъ собою культура эпохи металловъ; она обнаруживаетъ уже такія различія и особенности въ разныхъ странахъ, что дать ея общую картину было бы весьма затруднительнымъ.

Пища и ея добываніе [167]). Въ теченіи эпохи полированнаго камня населеніе Европы жило постоянно охотой. Западная и средняя части ея были въ это время, несомнѣнно, покрыты еще густыми лѣсами, въ которыхъ звѣри водились въ огромномъ количествѣ, а потому въ остаткахъ неолитическихъ поселеній мы постоянно встрѣчаемся со многими видами дикихъ животныхъ, главнымъ образомъ оленей, сернъ, кабановъ, зайцевъ и т. п. Зато почти всѣ большія животныя, характерныя для палеолитической эпохи, уже

исчезли къ этому времени. Неолитической эпохой былъ застигнутъ только сѣверный олень, отступавшій постепенно къ сѣверу (ср. датскіе кьёккенмёдинги и другія скандинавскія находки, шотландскія городища и т. д.). Зубръ и туръ, какъ мы замѣтили уже выше, тоже удержались до историческихъ временъ. Кромѣ охоты на звѣрей и птицъ (главнымъ образомъ водяныхъ: пѣвчихъ лебедей, дикихъ утокъ, пеликановъ), человѣкъ жилъ также и рыболовствомъ, особенно въ мѣстностяхъ, расположенныхъ по близости къ водѣ, или какъ въ свайныхъ поселеніяхъ—надъ самой водой. Онъ ловилъ рыбу, разъѣзжая на лодкахъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ, и при помощи каменныхъ, костяныхъ или сдѣланныхъ изъ раковинъ рыболовныхъ крючковъ и гарпуновъ, и грубо сплетенныхъ сѣтей, снабженныхъ каменными или глиняными грузилами. Въ многихъ мѣстахъ, какъ напр. на берегахъ Даніи, главнымъ предметомъ ловли были съѣдобные морскіе слизняки (Ostrea edulis, Mytilus edulis, Litorina litorea) и прѣсноводные Unio. Кромѣ охоты появляются впрочемъ и два новыхъ, рѣзко отличающихъ эту эпоху отъ предыдущей, способа добыванія пищи—скотоводство и земледѣліе. О томъ, какъ многіе связываютъ эти занятія съ приходомъ новаго населенія съ востока, мы упомянули уже выше, и тогда же высказали и свое о томъ мнѣніе. Прежде всего, вѣроятно, была одомашнена собака, гдѣ именно и какимъ способомъ — намъ не извѣстно. Наиболѣе древняя порода домашней собаки найдена была до сихъ поръ (и притомъ въ качествѣ единственнаго домашняго животнаго) въ древнѣйшихъ кухонныхъ кучахъ Даніи; въ болѣе позднихъ встрѣчаются уже и другія домашнія животныя. Въ неолитическую эпоху преобладала некрупная порода, названная Рютимейеромъ по нахожденію ея костей, главнымъ образомъ въ слояхъ торфа, «болотною» (Canis palustris, Torfhund), а въ концѣ этой эпохи появляются и болѣе крупныя разновидности, становящіяся еще болѣе обособленными въ теченіи бронзоваго вѣка.

Рис. 105. Костяной крючекъ для удочки.

При помощи собаки человѣкъ приручилъ затѣмъ и другихъ животныхъ, главнымъ образомъ большихъ жвачныхъ—быка (разновидности Bos brachyceros, B. frontosus, B. primigenius), овецъ (Ovis), козъ (Capra hircus) и свиней (гл. обр. Sus scrofa palustris Rüt и S. scrofa L.). Лошадь была въ это время сравнительно очень рѣдка [168]). Изъ молока домашнихъ животныхъ дѣлали уже сыръ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ продыравленные сосуды свайныхъ поселеній, культурныхъ ямъ и т. п. (рис. 123). Кромѣ разведенія домашнихъ животныхъ, мы встрѣчаемъ въ неолитическую эпоху и слѣды земледѣлія. Лучшее доказательство существованія хлѣбопашества представляютъ обуглившіяся зерна хлѣбныхъ растеній, находимыя въ свайныхъ по-

стройкахъ, въ ямахъ для запасовъ хлѣба или въ кладовыхъ Ленгіэльскаго городища, а также ручныя мельницы или плоскіе иногда углубленные камни для раздавливанія зеренъ (рис. 106), употребляемые и до сихъ еще для этой цѣли нѣкоторыми изъ примитивныхъ племенъ, и наконецъ

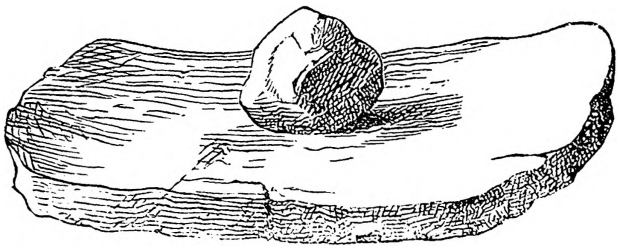


Рис. 106. Камень для раздавливанія зеренъ изъ Моравіи.

остатки настоящаго хлѣба (или лепешекъ) въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Изъ хлѣбныхъ растеній воздѣлывалась пшеница (три вида: Triticum vulgare antiquorum, Trit. vulg. compactum и Trit. turgidum), ячмень (Hordeum hexastichon, Hord. vulgare distichon), затѣмъ еще ленъ (Linum angustifolium), просо, горохъ, чечевица и др. Овса и ржи до сихъ поръ еще не найдено, зато разводились другія плодовыя растенія, какъ напр. виноградъ въ Италіи, макъ (въ свайномъ поселеніи въ Lagozz'ѣ) и употреблялись въ пищу плоды дико растущихъ растеній: яблони, груши, лѣснаго орѣха, водяного орѣха и др. [169]).

Жилища и домашняя утварь. О томъ, какой видъ имѣли вѣроятно жилища неолитическаго человѣка, если онъ не жилъ въ пещерахъ, было сказано уже на стр. 88. Всѣ работы при постройкахъ изъ дерева производились при помощи каменныхъ орудій. Заостренный камень оставался и въ это время главнымъ факторомъ культуры. Орудія изъ кости и рога занимаютъ сравнительно съ ними второстепеное мѣсто.

Каменныя орудія неолитической эпохи отличаются отъ палеолитическихъ или болѣе тонкой, искусной отдѣлкой, если они приготовлялись изъ кремневыхъ осколковъ, или шлифовкой, обтачиваніемъ и особенно просверленными въ нихъ дырами, если употреблявшійся матеріалъ оказывался для этого пригоднымъ. Впрочемъ, какъ мы уже указали на стр. 72 и 73, первыя начала этихъ техническихъ усовершенствованій появляются еще въ концѣ палеолитической эпохи.

Болѣе искусная отдѣлка кремневыхъ орудій замѣчается какъ въ прекрасныхъ длинныхъ и тонкихъ ножахъ и наконечникахъ копій (рис. 107), весьма ловко отбитыхъ однимъ ударомъ отъ ядрища (нуклеуса), такъ и въ тщательной, иногда истинно художественной оббивкѣ (рядомъ повторныхъ мел-

кихъ ударовъ) рѣжущихъ краевъ (ср. стр. 60) и въ выравниваніи поверхностей посредствомъ отбиванія множества мелкихъ осколковъ. Это тонкое оббиваніе дѣлалось впрочемъ не столько при помощи ударовъ, сколько посредствомъ надавливанія крѣпкою костью (рис. 108). Шлифовка производилась посредствомъ другого камня, главн. обр. песчаника, служившаго брускомъ, и затѣмъ воды и песку. Какъ мы говорили уже выше, открытіе искусства болѣе тщательнаго заостренія рѣжущихъ краевъ и сглаживанія сторонъ орудій произошло, вѣроятно, во многихъ мѣстахъ Европы самостоятельно. Не мало вліяло при этомъ и

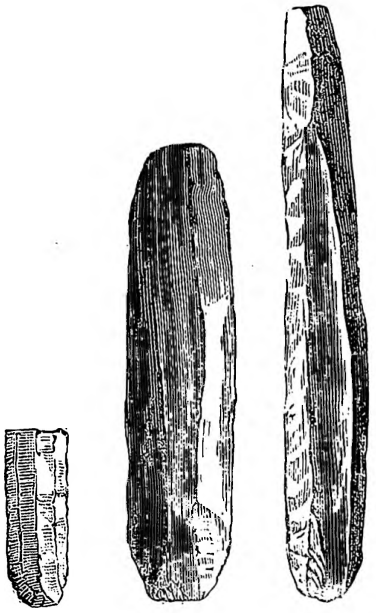


Рис. 107. Кремневые ножи, отдѣленные отъ ядрища однимъ ударомъ.

Рис. 108. Кремневой кинжалъ, сдѣланный съ помощью повторной оббивки.

то, какія горныя породы встрѣчались въ данной мѣстности.

Приготовлять каменныя орудія крупныхъ размѣровъ было дѣломъ не легкимъ. Опытомъ дознано, что для шлифовки обыкновеннаго топора среднихъ размѣровъ требовалось не менѣе пяти часовъ работы. Попадаются между тѣмъ экземпляры до такой степени превосходно отшлифованные, что поверхность ихъ и до сихъ поръ еще блеститъ, какъ стекло. Прекраснѣйшій образецъ подобной отдѣлки намъ пришлось видѣть въ Оксфордскомъ Музеѣ, именно *діо*ритовый топорикъ изъ одной сирійской могилы въ окрестностяхъ Антіохіи.

Интересенъ способъ, которымъ пользовались для просверливанія дыръ въ твердыхъ горныхъ породахъ. Долго полагали, что такое просверливаніе возможно лишь при помощи металлическихъ инструментовъ и что, слѣд., всѣ каменные топоры и молотки съ дырами—позднѣйшаго происхожденія и не должны быть относимы къ неолитической эпохѣ; теперь же обыкновенно ихъ относятъ къ концу неолита (ср. классификацію Вольдржиха на стр. 75), хотя нѣкоторые (Лёббокъ, Надайльякъ, Гёрнесъ) все таки склоняются къ мнѣнію, что извѣстныя формы ихъ сдѣланы по образцу металлическихъ. Мнѣніе это встрѣтило однако въ послѣднее время рѣшительнаго противника въ Th. Ortway, защищающаго неолитическое происхожденіе такихъ орудій [170]).

Просверливаніе дыръ началось впрочемъ уже съ палеолитической эпохи, какъ это доказываютъ, напр., такъ наз. «начальническіе жезлы» (рис. 42). Въ теченіи неолитической эпохи оно производилось на каменныхъ топорахъ, безъ всякаго сомнѣнія, при помощи влажнаго песка и путемъ вращенія дерева или рога. Возможныхъ способовъ было три: или для сверленія употреблялся плотный цилиндрическій предметъ, напр. древесный сукъ, подъ который подсыпался смачиваемый водою песокъ, или же вращеніе производилось полымъ цилиндромъ (напр. изъ рога, или какъ нѣкоторые думаютъ,—металлическимъ), или, наконецъ, дыра продалбливалась или вырѣзывалась какимъ нибудь острымъ инструментомъ (напр. изъ кремня). Въ томъ случаѣ, когда отверстіе получалось путемъ сверленія цилиндромъ (полымъ или хотя и плотнымъ, но съ болѣе твердыми стѣнками, чѣмъ сердцевиной), въ дырѣ долженъ былъ получиться въ концѣ концовъ цилиндрическій стержень (вывертокъ, noyau de rejet). Подобные стержни были находимы неоднократно въ неолитическихъ

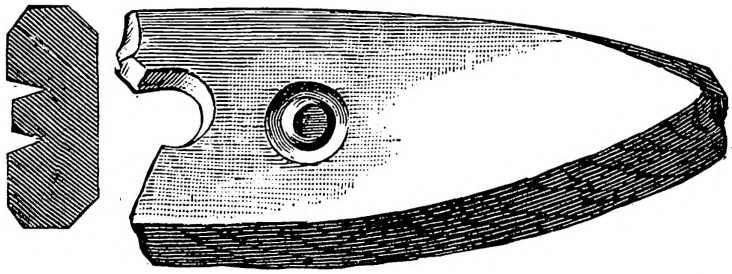


Рис. 109. Разбитый и начатый заново просверливаться топоръ изъ Нѣмчицъ возлѣ Знаима.

мастерскихъ каменныхъ орудій; тамъ же попадаются иногда и недодѣланныя орудія, въ которыхъ еще торчитъ не вполнѣ вырѣзанный цилиндръ. Въ Нѣмчицахъ возлѣ Знаима былъ найденъ интересный топоръ изъ серпентина (рис. 109), расколовшійся возлѣ отверстія, но въ которомъ владѣлецъ орудія

старался сдѣлать новую дыру, оставшуюся неоконченной. Недовысверленный стержень въ отверстіи замѣтенъ вполнѣ явственно *).

Возможность просверливать изложенными выше способами самыя твердыя каменныя породы **) была доказана опытами. Прежде всего проф. Ф. Келлеръ въ Цюрихѣ, а затѣмъ по его примѣру и графъ Г. Вурмбрандтъ устроили простыя приспособленія, подобныя тѣмъ, какія употребляются и теперь многими дикарями для добыванія огня, и показали, что при помощи этихъ приспособленій можно просверливать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ даже самые твердые топоры деревянной палкой или сукомъ при помощи песка и во-

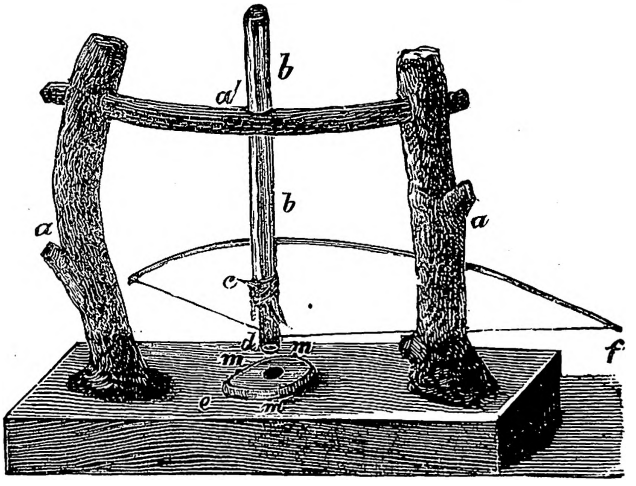


Рис. 110. Примитивное приспособленіе для просверливанія каменныхъ топоровъ.

ды. Прилагаемый рисунокъ (110) лучше чѣмъ описаніе можетъ дать понятіе о такихъ приспособленіяхъ.

Неолитическіе каменные топоры прикрѣплялись къ топорищамъ различными способами [171]). Мѣстами защищенныя отъ доступа воздуха, такія топорища дошли до насъ, напр. въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи (ср. рис. 68). Мнѣніе, будто просверленные каменные топоры, вслѣдствіе своей хрупкости

*) На другихъ недодѣланныхъ топорахъ-молотахъ (какъ то доказываютъ многіе образцы въ Моск. Антроп. Музеѣ), видно, что отверстіе выдалбливалось съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ видѣ тупо-коническихъ ямокъ, которыя должны были въ концѣ концовъ сойтись въ срединѣ и впослѣдствіи образовать сквозную дыру, которой могла быть придана потомъ болѣе правильная цилиндрическая форма. На одномъ молоткѣ внутреннія стѣнки отверстія представляютъ слѣды послѣдовательнаго его вырѣзанія—вѣроятно помощью кремневаго лезвея.

Прим. ред.

**) Надо при этомъ принять во вниманіе и то, что твердыя каменныя породы, нар. серпентинъ, въ свѣже-выломанномъ видѣ бываютъ обыкновенно мягче.

служили только символами власти, и не были употребляемы въ дѣло, какъ полагаетъ напр. Гёрнесъ, вполнѣ неосновательно.

Формы каменныхъ топоровъ (молотковъ, долотъ) довольно разнообразны [172]). Иногда попадаются и древніе грубые типы палеолитической эпохи, свидѣтельствующіе, что не всѣ неолитическія каменныя орудія отличаются непремѣнно тщательной отдѣлкой. Грубость или тщательность отдѣлки орудій вообще еще

Рис. 111. Каменный топоръ изъ датскихъ кьёккенмёддинговъ.

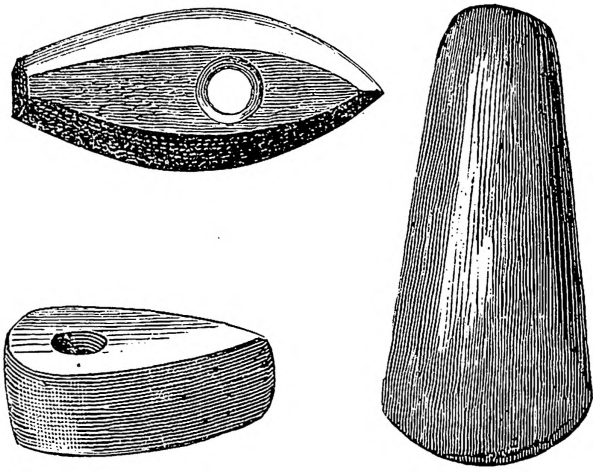


Рис. 112. Разныя формы шлифованныхъ и просверленныхъ топоровъ неолитической эпохи.

не можетъ служить абсолютнымъ признакомъ ихъ древности. Если у неолитическаго человѣка оказывалась внезапно надобность въ какомъ нибудь орудіи—онъ дѣлалъ его наскоро, напр. изъ кремня, безъ всякой шлифовки; для нѣкоторыхъ цѣлей, напр. для наконечниковъ стрѣлъ, которыя массами теря-

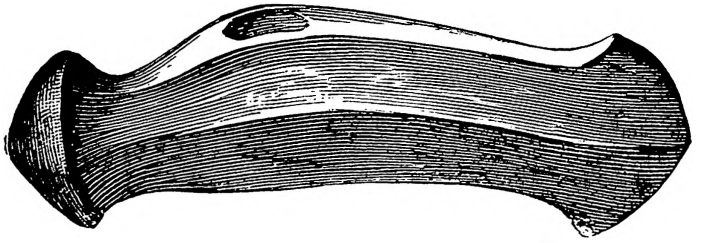


Рис. 113. Каменный топоръ-молотъ изъ дер. Mašuvky въ Моравіи.

лись, для проколокъ и т. д., оббитыя кремневыя острія вполнѣ достигали цѣли. Но въ общемъ можно прослѣдить постепенное усовершенствованіе выдѣлки орудій, начиная съ конца палеолита и начала неолитической эпохи,

до той поры, когда каменные топоры стали дѣлаться уже несомнѣнно по образцу металлическихъ. Наиболѣе древними неолитическими формами являются мало-обточенные топоры изъ Cissbury и топорики французскихъ стоянокъ переходнаго времени, какъ напр. въ Chassey. Датскіе кьёккенмёддинги доставили также весьма грубыя оббитыя орудія особой типичной формы (рис. 111). Болѣе совершенной работы кремневой топоръ мы видимъ напр. на рис. 69. Гладкіе полированные топоры и молотки изъ болѣе мягкихъ породъ изображены на рис. 112. Образецъ позднѣйшихъ типовъ, очевидно напоминающихъ уже металлическія орудія, мы видимъ на рис. 113.

Особенную категорію топоровъ составляютъ тѣ изъ нихъ, у которыхъ ось просверлена перпендикулярно къ линіи лезвея, подобно тому какъ у нашей

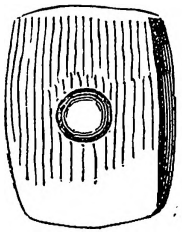


Рис. 114. Каменная мотыка.

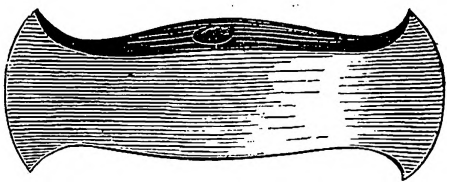


Рис 115. Обоюдуострый каменный топоръ изъ Англіи.

мотыки (рис. 114). Обоюдуострые топоры встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Чаще всего попадаются они въ англійскихъ неолитическихъ гробницахъ (рис. 115). Нѣсколько ихъ было найдено также въ Пруссіи.

Величина каменныхъ топоровъ различна. Они бываютъ отъ 2 до 30 сантим. длины. Маленькіе топорики употреблялись, какъ думаютъ, для приношеній (ex-voto) или служили игрушками для дѣтей. Наибольшій изъ извѣстныхъ мнѣ каменныхъ молотовъ въ Чехіи (изъ Noutonice возлѣ Праги) достигаетъ 42 сантим. длины; самый большой молотъ Сенъ-Жерменскаго музея—35 сантим. Особенный видъ молотовъ представляютъ собой каменные шары или булавы съ сквознымъ отверстіемъ для топорища. Позже, въ эпоху металловъ, мы встрѣчаемся съ подобными булавами чаще. Каменныя булавы были находимы въ Россіи, Седмиградской области, Италіи и т. д., причемъ ихъ принадлежность къ каменному вѣку нигдѣ не опредѣлена съ достовѣрностью. Въ Моравіи подобная булава была найдена у Пшиметицъ и возлѣ Кладника (рис. 116), но она вѣроятно позднѣйшаго происхожденія [173]).

Кромѣ молотовъ и топоровъ, которые являются для неолитической эпохи наиболѣе характерными орудіями, и прочіе виды оружія и орудій выдѣлывались тоже изъ камня, по большей части изъ кремня. Употребляли ихъ или держа непосредственно въ рукѣ, или же прикрѣпляя къ деревяннымъ, рого-

вымъ и т. п. рукояткамъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ и современные дикари (см. рис. 117).

Каменные кинжалы, наконечники копій и стрѣлъ имѣютъ также разнообразную форму и нерѣдко отличаются замѣчательной отдѣлкой. Кромѣ наконечниковъ стрѣлъ съ остріемъ, которыя по своей формѣ могутъ быть раздѣлены на пять главныхъ группъ (ср. рис. 118), мѣстами (напр. въ птиморенскихъ и крымскихъ пещерахъ, въ итальянскихъ палафитахъ, въ Швеціи) были находимы еще стрѣлки съ поперечнымъ лезвеемъ (рис. 50), давшія впрочемъ поводъ къ спорамъ. Многіе отрицали назначеніе этихъ кремневыхъ осколочковъ какъ стрѣлъ и принимали ихъ за особый родъ маленькихъ ножей, вставлявшихся въ костяные черенки. Подобные ножи найдены были, напр., въ одной гробницѣ близъ Montigny-l'Engrain (деп. Aisne) (рис. 121). Нѣтъ однако основаній отрицать и ихъ употребленіе какъ стрѣлъ, тѣмъ болѣе, что подобныя стрѣлы въ ходу еще и теперь у нѣкоторыхъ народовъ (рис. 119). У папуасовъ Новой Гвинеи напр., ширина такихъ стрѣлъ (въ лезвеѣ) доходитъ до 4-хъ сантим. Подобныя же желѣзныя стрѣлы съ лезвеемъ употреблялись еще недавно киргизами, бурятами и другими азіатскими народами. Въ Италіи извѣстны древнія каменныя стрѣлки на подобіе креста.

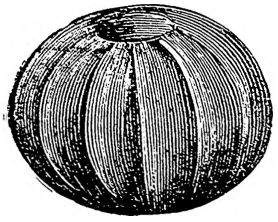


Рис. 116. Каменная булава изъ Кладника въ Моравіи.

О томъ, что сила проникновенія кремневыхъ стрѣлъ могла быть достаточно значительной, свидѣтельствуютъ нѣсколько найденныхъ человѣческихъ и звѣриныхъ костей, въ которыхъ оказались такія стрѣлы засѣвшими очень глубоко. Онѣ втыкались крѣпко даже въ переднія стѣнки позвонковъ, хотя для этого онѣ должны были прорѣзать толстый слой внутренностей.—Кромѣ стрѣлъ, отложенія неолитической эпохи доставили еще массу кремневыхъ шилъ или проколокъ, скребней (особый серпообразный видъ ихъ попадается въ Даніи), ножей, изрѣдка пилокъ изъ кремня (рис. 122) и т. п.

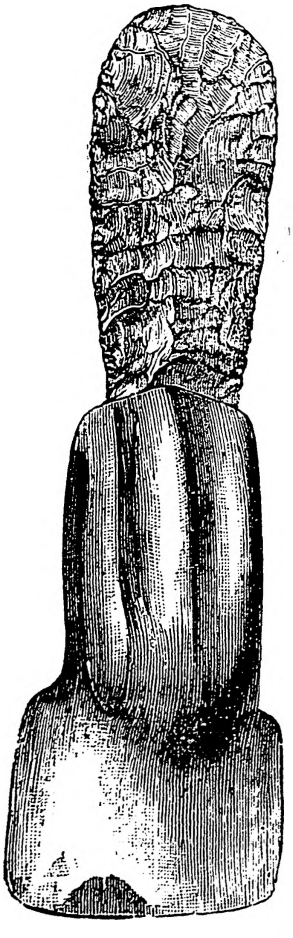


Рис. 117. Эскимосскій кремневой ножъ въ костяной рукояткѣ.

Матеріаломъ для этихъ орудій продолжалъ служить кремень. Но такъ какъ онъ трудно шлифуется и просверливается, то для выдѣлки топо-

ровъ и молотковъ начали довольно рано еще (уже въ палеолитическую эпоху) употреблять другія горныя породы, изъ коихъ въ неолитическую эпоху чаще всего пользовались діоритомъ, габбро, серпентиномъ, амфиболитомъ, діабазомъ,

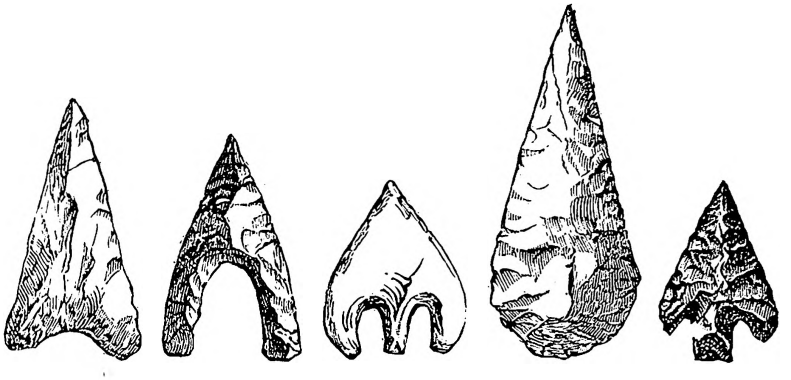


Рис. 118. Разные виды каменныхъ стрѣлъ.

базальтомъ; рѣже—порфиромъ, гнейсомъ, гранитомъ, трахитомъ, фонолитомъ и пр. Обыкновенно въ каждой странѣ преобладаютъ орудія изъ той породы, которая въ ней наиболѣе распространена.

Топоры изъ нефрита и ядеита (или—по-французски—жадеита). Совершенно особую и до сихъ поръ не вполнѣ выясненную группу представляютъ въ доисторической археологіи Европы топоры изъ нефрита, ядеита и темной его разновидности хлоромеланита. До недавняго времени распространено было мнѣніе, что эти породы въ Европѣ вообще не встрѣчаются и что слѣдовательно сдѣланные изъ нихъ топоры — происхожде-

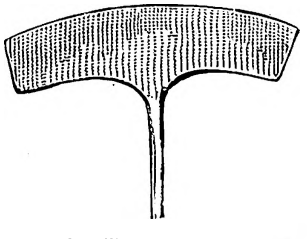


Рис. 119. Желѣзная стрѣла съ попереч. остріемъ изъ Нов. Гвинеи.

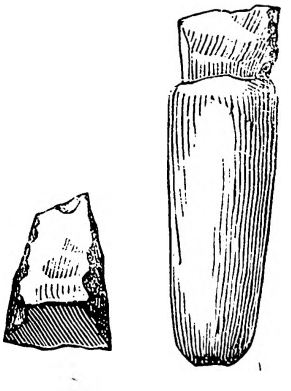


Рис. 120. Каменная стрѣлка съ поперечн. лезвеемъ. Рис. 121. Ножъ изъ Montigny-l'Engrain.

Рис. 122. Кремневая пилка изъ Лескуна въ Моравіи.

нія иноземнаго и занесены путемъ торговли изъ Азіи. Нефритовые топоры находятъ только въ Швейцаріи и въ сосѣдней съ нею части южной Герма-

нія. Единичныя, но болѣе или менѣе недостовѣрныя находки ихъ извѣстны еще въ Моравіи, въ Тиролѣ (въ 1890 и 1893 гг.), во Франціи, въ Галиціи и въ Сициліи. Топоры изъ ядеита были находимы чаще, именно въ Венгріи, въ Моравіи, въ Южной и Средней Германіи, въ Тиролѣ, въ Швейцаріи, во Франціи и въ Италіи. Они отличаются обыкновенно особенной своеобразно-миндалевидной формой. Такъ какъ обѣ эти породы считались не европейскими, то явился и цѣлый рядъ изслѣдователей, доказывавшихъ иностранное происхожденіе этихъ орудій,—въ томъ числѣ уже на съѣздѣ въ Брюсселѣ въ 1872 г. Дезоръ и Катрфажъ противъ Габр. де Мортилье, — а за ними Ф. Келлеръ, Фелленбергеръ, В. Гроссъ, Адр. де Мортилье, въ особенности же покойный минералогъ Г. Фишеръ, поставившій разрѣшеніе этого вопроса вообще задачей своей жизни и опубликовавшій о немъ наибольшее количество работъ [174].) Всѣ эти ученые стояли за азіатское происхожденіе указанныхъ орудій, такъ какъ въ Восточной Азіи и въ ближайшихъ къ ней странахъ находятся главныя мѣсторожденія какъ нефрита (въ Китаѣ, Тибетѣ, Туркестанѣ, Вост. Сибири, на Новой Зеландіи, Новой Каледоніи, Аляскѣ, въ Орегонѣ), такъ и ядеита (въ Бирманіи, Аляскѣ). Но въ противоположность имъ еще ранѣе Габр. де Мортилье, а въ послѣдніе годы наиболѣе д-ръ Бервертъ (Berwerth) и д-ръ А. Б. Мейеръ—высказывались за мѣстное происхожденіе нефритовыхъ и ядеитовыхъ орудій. Конечно, значительныхъ мѣстонахожденій этихъ минераловъ въ Европѣ до сихъ поръ еще не найдено, но есть указаніе на то, что они когда нибудь будутъ найдены. Валуны грубаго нефрита нашелъ уже Траубе въ Jordansmühle на вершинѣ Соботки въ Силезіи, въ ледниковомъ наносѣ сѣверной Германіи; затѣмъ они были констатированы въ рѣчныхъ наносахъ Муры и Самма въ Штиріи, а въ послѣднее время были найдены въ Тиролѣ, въ Калабріи и въ Сициліи; грубый ядеитъ найденъ былъ въ Италіи, Швейцаріи, въ Германіи и Тиролѣ; а съ другой стороны работы Арцруни и Френцля показали, что структура европейскихъ нефритовыхъ топоровъ отличается отъ структуры азіатскаго нефрита. Второе мнѣніе поэтому слѣдуетъ считать болѣе вѣроятнымъ.

Особенную группу составляютъ также обсидіановыя орудія. Обсидіанъ (вулканическое темноцвѣтное стекло) встрѣчается въ большомъ количествѣ въ Венгріи, главнымъ образомъ въ токайско-игіайскомъ хребтѣ, откуда приготовленныя изъ него орудія проникали на западъ и сѣверъ, въ Чехію, Моравію и на югъ до Босніи (Собунаръ). Итальянскія орудія изъ обсидіана происходятъ вѣроятнѣе всего съ Липарскихъ о-вовъ, а можетъ быть даже и съ о-ва Тенерифа. На Кавказѣ обсидіановыя орудія были находимы въ большомъ числѣ на р. Цалкѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Закавказья.

Какъ каменныя орудія, такъ и предметы изъ кости и рога доведены были въ теченіи этой эпохи до художественнаго совершенства. Кромѣ кинжаловъ,

шилъ, гарпуновъ, стрѣлъ и рукоятокъ къ орудіямъ, изъ этого матеріала выдѣлывались различныя подвѣски, бусы, пуговицы, также иглы, гребни и т. п. Въ нѣкоторыхъ странахъ костяное или роговое производство достигло даже до очень значительнаго процвѣтанія, напр. въ Швейцаріи, для которой Г. Мюллеръ устанавливаетъ даже особый «роговой періодъ» — нѣчто въ родѣ переходной эпохи между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ періодами каменнаго вѣка. Мѣстный расцвѣтъ костяного производства мы видимъ также въ французскихъ и краковскихъ пещерахъ.

Гончарныя издѣлія. Важную отличительную сторону неолитической культуры представляетъ собою гончарное дѣло. Въ общемъ неолитическую керамику (какъ и вообще сосуды всѣхъ эпохъ) можно раздѣлить на двѣ большія группы:

1) Сосуды грубой работы, въ неолитическую эпоху формы главнымъ образомъ шарообразной, котловидной, съ толстыми стѣнками, грубо обожженые и содержащіе въ себѣ значительную примѣсь песку во избѣжаніе слишкомъ большой хрупкости. Сосуды эти или вовсе безъ ушковъ или небольшія ихъ ушки снабжены очень узкими отверстіями; орнаментаціи или нѣтъ вовсе, или она ограничивается грубыми вдавленіями пальцевъ, ногтей, палочекъ или грубыми черточками. Этого рода сосуды служили очевидно для чисто кухонныхъ надобностей и образцами ихъ могутъ считаться сосуды моравскихъ неолитическихъ пещеръ—Выпустка и Пскарни (рис. 55). Къ нимъ же можно причислить и другіе виды посуды для домашняго употребленія, какъ напр. продыравленные горшечки для выдѣлки сыра (рис. 123).

Рис. 123. Сосуды изъ чешскихъ культурныхъ ямъ.

2) Вторую группу образуютъ погребальные сосуды, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые выдѣлывались вѣроятно только для помѣщенія въ могилы. Они сдѣланы вообще гораздо искуснѣе, между ними встрѣчаются прекрасныя издѣлія. Всѣ они однако, какъ и сосуды первой группы, дѣлались еще отъ руки, а не на гончарномъ кругѣ, хотя стѣнки ихъ иногда настолько тонки и такой равномѣрной толщины, что возбуждаютъ удивленіе. Формы ихъ весьма различны, смотря по употребленію, для котораго они предназначались. Между ними попадаются сосуды мисообразной формы, горшечки, кружки, чашечки, амфоры, сосуды на подобіе цвѣточныхъ горшковъ и т. п.

Между сосудами этой группы выдаются главнымъ образомъ слѣдующіе типы:

1) Первый, особенно характерный для англійскихъ barrows, французскихъ

дольменовъ, португальскихъ пещеръ, части могилъ въ Германіи, Чехіи, Польшѣ и пр. и заходящій на югѣ до Гиссарлика и о-ва Кипра, представляетъ собою такъ назыв. поперечно-полосатую керамику (Bandverzierte Keramik по Kopffleisch'у). Она относится къ концу неолитической эпохи и къ началу бронзовой. Большая часть ихъ украшена, горизонтальными искусно выдѣланными полосами орнамента. Черты врѣзаны глубоко и затѣмъ выполнены бѣлою мѣловою массою. Образцы подобныхъ сосудовъ приведены на рис. 124 и 91.

Рис. 124. Образецъ поперечно-полосатой керамики (сосудъ изъ Марковицъ въ Чаславѣ).

2) Второй типъ составляетъ керамика съ такъ назыв. шнуровымъ орнаментомъ (Schnurverzierte Keramik Kopffleisch'a). Различіе между этими двумя типами въ неолитическую эпоху было установлено д-ромъ Копффлейшемъ [175]). Этотъ видъ посуды является характернымъ для значительной части Германіи и сосѣднихъ съ нею странъ и вполнѣ можетъ служить признакомъ конца неолитической эпохи. Формы сосудовъ этого типа очень разнообразны и украшены или прямо оттисками плетеныхъ шнурковъ, или похожими на нихъ линіями изъ черточекъ; между ними можно различить двѣ разновидности: a) разновидность Monnsheim'скаго могильника (Rheinland) и b) разновидность ящикообразныхъ гробницъ въ Тюрингенѣ. Къ этой послѣдней принадлежатъ напр. сосуды, находимые въ одной группѣ могилъ въ Ловозицѣ въ Чехіи, изображенные на стр. 142-й и относящіеся къ концу неолита.

Неолитическая керамика Чехіи очень много говоритъ въ пользу мнѣнія, что страна эта испытала культурное вліяніе изъ Тюрингіи по долинѣ Эльбы.

3) Третью группу сосудовъ, попадающихся въ неолитическихъ находкахъ, главнымъ образомъ въ странахъ, которыя имѣли соприкосновеніе съ югомъ Европы, образуетъ посуда болѣе тонкой работы, небольшихъ размѣровъ и красивой формы, съ гладкой блестящей поверхностью, украшенною особаго рода желобковатымъ или вдавленнымъ орнаментомъ. Объ этомъ типѣ можно думать, что онъ относится уже къ началу металлической эпохи. Тамъ, гдѣ онъ встрѣчается въ Чехіи, онъ обозначаетъ всегда уже переходную эпоху.

4) Помимо трехъ указанныхъ характерныхъ типовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выработались свои особенные мѣстные виды посуды, какъ напр. въ свайныхъ постройкахъ Австріи (рис. 72—74) въ французскихъ дольменахъ, въ англійскихъ barrows (рис. 90), въ неолитѣ Моравіи и т. д.

5) Въ концѣ неолитическаго періода начинаетъ появляться особый типъ расписной посуды (la ceramique peinte) главнымъ образомъ на побережьѣ Лигуріи, въ Нижней Австріи, въ Галиціи, въ Седмиградской области, въ Россіи и въ др. мѣстахъ. На сосудахъ этого типа мы всегда встрѣчаемъ нарисованную спираль. Особенно интересно при этомъ то обстоятельство, что расписная керамика, встрѣчающаяся въ Моравіи, находится въ очевидной связи съ подобной же керамикой въ Седмиградской области и Восточной Галиціи. Я вижу въ этомъ фактъ, подтверждающій существованіе въ ту эпоху торговыхъ сношеній между центромъ Европы и восточными странами. То же самое думаетъ и Палльярди, нашедшій остатки расписной керамики въ Новосадахъ, возлѣ Знайма въ Моравіи. Г. Вирховъ ошибается, отрицая существованіе этого вида керамики въ неолитическую эпоху въ центральной Европѣ.

Другое важное явленіе неолитической эпохи составляетъ начало обработки волокнистыхъ веществъ (industrie textile)[176]. Найдены были не только остатки ручного плетенья изъ льна и соломы, но и куски грубыхъ настоящихъ тканей—въ свайныхъ постройкахъ въ Робенгаузенѣ, Вангенѣ и пр. (рис. 71). Часть этихъ тканей приготовлялась посредствомъ простого плетенья руками, часть была уже соткана на примитивномъ станкѣ. О существованіи же настоящаго ткачества свидѣтельствуютъ множество глиняныхъ кружковъ съ отверстіемъ посрединѣ, которые скорѣе могутъ быть принимаемы за пряслицы (fusaïoles) (ср. рис. 125). О троянскихъ пряслицахъ, украшенныхъ разными символическими изображеніями, главнымъ образомъ свастикой (рис. 126); Шлиманнъ, Надайльякъ и другіе думали, что онѣ служили для религіозныхъ цѣлей. Обыкновенныя же пряслицы употребляются для того, чтобы сдѣлать болѣе тяжелымъ нижній конецъ веретена и легче

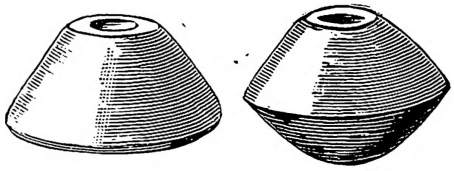


Рис. 125. Глиняныя пряслицы.

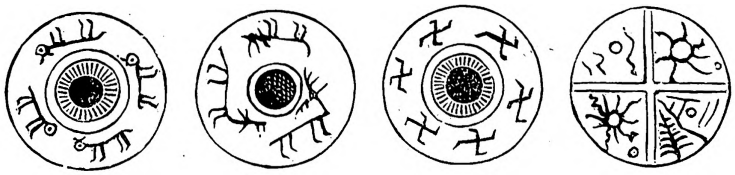


Рис. 126. Троянскія пряслицы.

удерживать его при пряденіи въ равномѣрномъ вращательномъ движеніи. Первобытный ткацкій станокъ состоялъ вѣроятно изъ вертикальной рамы, съ

верхней горизонтальной перекладины которой висѣли внизъ волокна, натягивавшіяся посредствомъ подвѣшенныхъ грузилъ. Челнокъ проходилъ между этими волокнами, переплетая ихъ. Подобный простой станокъ былъ устроенъ Раиг'омъ въ Цюрихѣ, но съ такими примитивными приспособленіями мы встрѣчаемся еще и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы (рис. 128). Кромѣ пряслицъ, въ неолитическихъ мѣстонахожденіяхъ, особенно въ Чехіи, въ могилахъ и въ культурныхъ ямахъ, попадаются еще особенныя глиняныя четыреугольныя пирамидки, просверленныя возлѣ своей вершины (рис. 127). Большинство археологовъ полагаетъ, что онѣ служили грузилами для натягиванія нитей на ткацкомъ станкѣ. Впрочемъ онѣ могли употребляться и для другихъ цѣлей, напр. для погруженія рыбачьихъ сѣтей

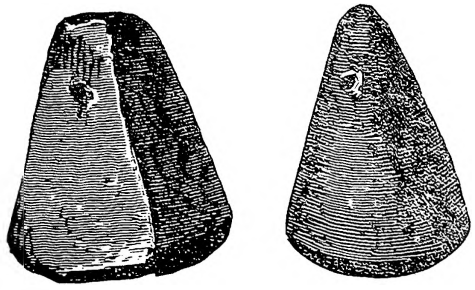


Рис. 127. Глиняныя грузила.

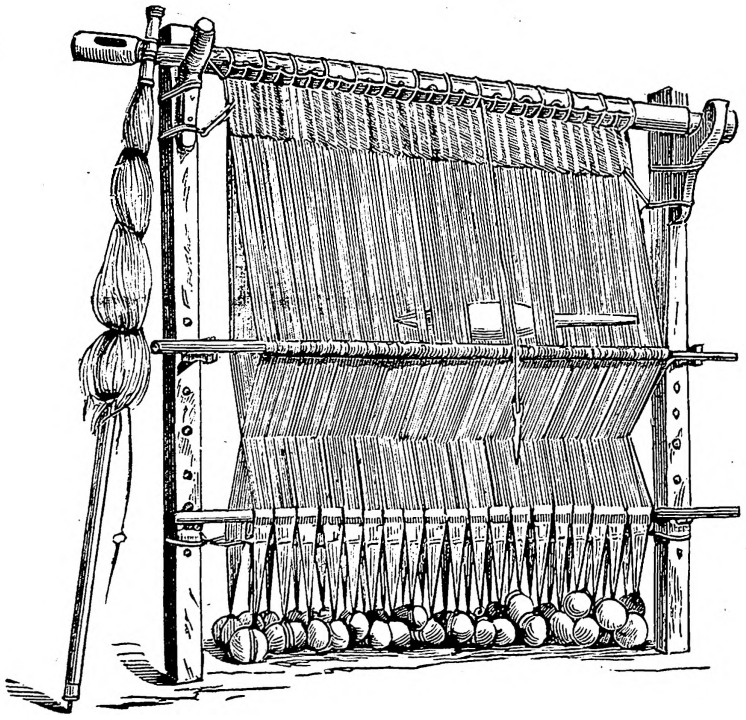


Рис. 128. Первобытный ткацкій станокъ съ Фарерскихъ о-вовъ (по Монтеліусу).

и т. п., а по мнѣнію Ленголека и Ромера и какъ подставки для вертела. Послѣднимъ предположеніемъ можетъ быть легче объяснить нѣкоторыя на-

ходки, гдѣ эти предметы оказались поставленными рядомъ вокругъ огнища (такъ напр. въ Ленгіэлѣ, въ Душникѣ, въ Либнѣ—въ Чехіи и т. д.). Во всякомъ случаѣ они встрѣчаются наиболѣе въ находкахъ начала желѣзнаго вѣка.

Шерстяныя ткани, по мнѣнію Шрадера, были уже извѣстны индоевропейскимъ народамъ въ теченіи каменнаго вѣка. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Бушена на сѣверѣ Европы преобладали вообще шерстяныя ткани, въ озерныхъ же жилищахъ Швейцаріи и въ южной Германіи—льняныя. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что и въ эту эпоху, какъ и ранѣе, служили для одежды и обдѣланныя звѣриныя шкуры.

Рис. 129. Ожерелье изъ каменныхъ бусъ, найден. въ пещер. Petit-Morin.

Украшенія. Съ усовершенствованіемъ одежды усилилась и наклонность къ украшеніямъ. Кромѣ предметовъ, служившихъ и въ палеолитическую эпоху для украшенія тѣла (шнурковъ, раковинъ, волчьихъ, медвѣжьихъ, человѣчьихъ зубовъ и т. п., каменныхъ привѣсокъ), въ эту пору появляется въ первый разъ янтарь, который безъ всякаго сомнѣнія уже тогда доставлялся путемъ торговли съ береговъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Въ отложеніяхъ неолитической эпохи янтарь встрѣчается отдѣльными находками въ видѣ просверленныхъ кусковъ, служившихъ подвѣсками. Въ большомъ количествѣ онъ попадается въ эту эпоху только въ скандинавскихъ странахъ. По мнѣнію Монтеліуса, характерной для неолитической эпохи формой этихъ подвѣсокъ можно считать изображенную на рис. 130. На сѣверѣ встрѣчаются также и вырѣзанныя изъ янтаря фигурки (рис. 131).

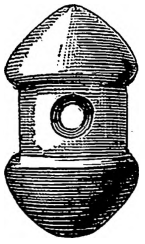


Рис. 130. Скандинавская подвѣска изъ янтаря.

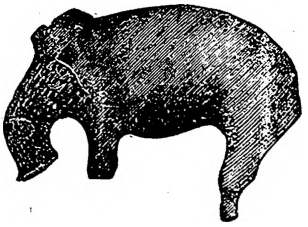


Рис. 131. Фигурка дикаго кабана, вырѣзанная изъ янтаря (въ окрестност. Данцига).

Не легко бываетъ иногда рѣшить съ точностью, относятся ли къ этой же эпохѣ и каменные браслеты (два прекрасныхъ кремневыхъ экземпляра изъ Ѳивъ хранятся въ Британскомъ и Оксфордскомъ музеяхъ), а равно браслеты, вырѣзанные изъ раковинъ. Браслетъ изъ раковинъ найденъ былъ

въ неолитической ямѣ Krumlov'a въ Моравіи. Прекрасные каменные образцы (изъ алебастра, мрамора и т. п.) были найдены въ Испаніи. Браслеты изъ раковинъ являются типическимъ издѣліемъ неолитической эпохи въ Испаніи и Португаліи, распространяясь до окрестностей Дижона во Франціи.

Судя по довольно многочисленнымъ находкамъ красной глины въ могилахъ, можно думать, что неолитическіе обитатели Европы раскрашивали себѣ тѣло. На этотъ счетъ существуетъ впрочемъ и позднѣйшія историческія указанія *)

Искусства. Хотя культура неолитической эпохи, какъ можно видѣть изъ предыдущаго изложенія, далеко превзошла своею сложностью древнѣйшую палеолитическую, тѣмъ не менѣе въ этой послѣдней мы находимъ одну сторону, которая и позже въ неолитѣ, и даже еще долго спустя не была достигнута въ той же степени; мы разумѣемъ графическое искусство, рѣзьбу, скульптуру. Искусство неолитической эпохи стоитъ далеко позади того, что было создано Мадлэнской эпохой палеолита. Мы не знаемъ ни одного предмета, ни одного сколько нибудь достовѣрнаго рисунка или рѣзнаго издѣлія, которые можно было бы поставить рядомъ съ нѣкоторыми изъ болѣе замѣчательныхъ палеолитическихъ образчиковъ этого рода. Во Франціи, гдѣ въ концѣ четвертичной эпохи искусство процвѣтало, предметовъ неолитическаго искусства извѣстно чрезвычайно мало. Украшенія морбиганскихъ дольменовъ очень просты и состоятъ лишь изъ геометрическихъ линій, также какъ и очень интересныя въ другихъ отношеніяхъ выпуклыя изображенія въ искусственныхъ пещерахъ Petit-Morin (см. рис. 51 и 52) и нѣкоторыя надгробныя стелы (плоскія каменныя плиты), которыя были найдены кое-гдѣ въ дольменахъ, Наиболѣе интересны стелы изъ песчаника, съ грубо обозначенными верхними частями человѣческаго тѣла, найденныя во Франціи, напр. въ дольменѣ въ Collorgues [178])

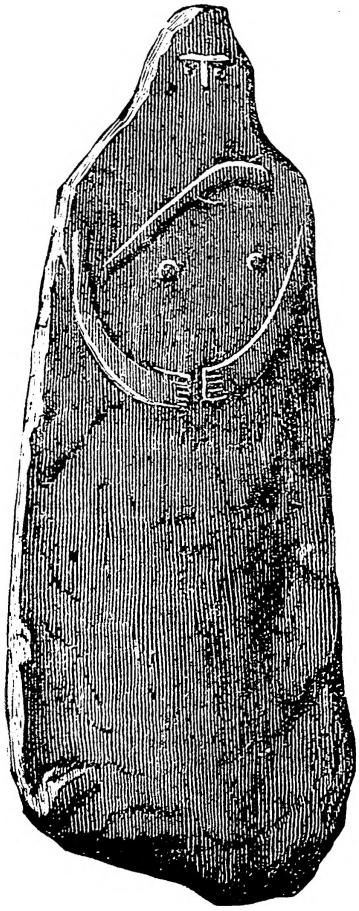


Рис. 132. Стела дольмена въ Collorgues.

*) Историческія указанія извѣстны напр. относительно жителей древней Англіи у Полибія, относительно Агатирсовъ въ Сарматіи—у Помпонія Мелы, относит. Ѳракійцевъ и т. д. Поэтому приведенныя выше объясненія цѣли, для которой мог-

(депар. Gard), гдѣ одна изъ нихъ стояла у входа, а другая составляла потолокъ. Трудно рѣшить, представляетъ ли продолговатый предметъ, находящійся подъ руками этого изображенія дубину, молотокъ, топоръ или что нибудь другое. Ротъ не обозначенъ, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ примитивныхъ изображеніяхъ (ср. напр. изображенія въ гротѣ Petit-Morin и позднѣйшія урны, представляющія человѣческія лица). Подобныя же стелы найдены были еще въ Castelnau-Valence, въ дольменахъ Boury (деп. Уазы), въ Epône (деп. Сены и Уазы), въ Dampsmenil (дер.d'Eure), на глыбѣ Pierre-aux-Dames въ Troinex возлѣ Женевы и проч. Въ послѣднее время были найдены настоящія грубо отдѣланныя женскія идолообразныя фигуры въ разныхъ мѣстностяхъ Авейронскаго деп. Интересно что г. Киркоръ нашелъ также украшенную рѣзьбой плиту (съ изображеніемъ человѣка), покрывавшую собой ящикообразную гробницу въ Валковцахъ Подольск. губ.

Кромѣ этихъ памятниковъ, извѣстны еще нѣсколько другихъ художественныхъ попытокъ изъ разныхъ мѣстностей средней и восточной Европы. Въ Люблянскихъ свайныхъ постройкахъ, на Буржетскомъ озерѣ (во Франціи), въ Нижней Австріи, въ Моравіи, въ Босніи и пр. были найдены глиняныя статуэтки. Въ неолитическихъ стоянкахъ Румыніи (Cucuteni) подобныя статуэтки обнаруживаютъ сходство съ нѣкоторыми восточными фигурками. Наиболѣе выдаются своими скульптурными издѣліями неолитическія пещеры въ окрестностяхъ Кракова (рис. 133), хотя и эти предметы далеко не достигаютъ художественности подобныхъ же издѣлій палеолитической эпохи (ср. стр. 65). Въ прибалтійскихъ странахъ были найдены рѣзныя фигурки изъ янтаря, опредѣленіе древности которыхъ впрочемъ не достаточно точно (напр. дикій кабанъ изъ Данцига (рис. 131), лошадь изъ Дризена и пр.). На одномъ костяномъ топорѣ изъ Сканіи (въ Швеціи) прекрасно вырѣзанъ самецъ сайги *).

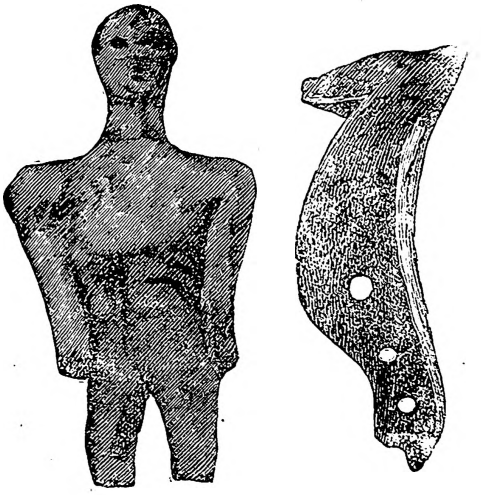


Рис. 133. Неолитическія скульптурныя изображенія изъ Краковскихъ пещеръ

ли служить куски красной желѣзистой глины, а равно и другихъ разноцвѣтныхъ глинъ, находимые иногда въ гробницахъ и доисторическихъ стоянкахъ, нельзя считать совершенно гипотетическими. [177])

*) Въ Россіи извѣстны кремневое изображеніе животнаго (тюленя?) изъ Нижней Золотицы на берегу Бѣлаго моря, и нѣсколько оббитыхъ изъ кремня изображеній животныхъ и человѣка изъ Волосовской стоянки на р. Велетьмѣ (около г. Мурома), находки П. Н. Кудрявцева и изъ Казанской губ., находки г. Пельцама).

Трепанація череповъ. Въ теченіи неолитической эпохи мы встрѣчаемся съ замѣтнымъ развитіемъ религіозныхъ идей. Лучшее доказательство тому представляютъ погребальные обряды, которые несомнѣнно свидѣтельствуютъ о большомъ почтеніи къ мертвымъ и о вѣрѣ въ загробную жизнь. Въ томъ, что неолитическій человѣкъ вѣрилъ въ загробное существованіе, удостовѣряютъ насъ предметы, помѣщавшіеся съ мертвыми въ могилахъ. Идеи, побуждающія поступать такимъ образомъ современныхъ дикарей, даютъ намъ право предполагать, что и человѣкъ неолитической эпохи руководился подобными же соображеніями. Мы не можемъ однако утверждать положительно, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что одной изъ характерныхъ особенностей нео-

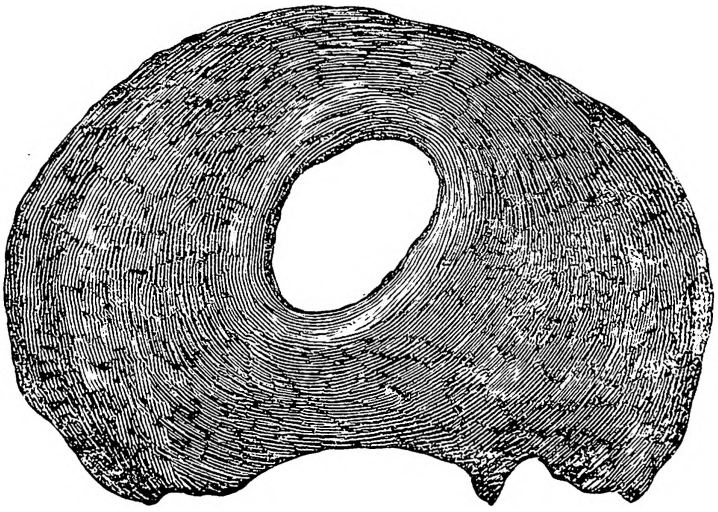


Рис. 134. Часть трепанированнаго черепа изъ Струпчичъ въ Чехіи.

литической эпохи является такъ назыв. трепанація череповъ, стоявшая въ связи съ религіозными представленіями. О трепанаціи доисторическихъ череповъ было заявлено въ первый разъ д-ромъ Прюньеромъ (Prunières) на съѣздѣ французскаго Общества развитія наукъ, въ 1873 г., въ Ліонѣ, гдѣ этотъ ученый демонстрировалъ нѣсколько череповъ изъ дольменовъ, съ вырѣзанными въ нихъ круглыми или овальными отверстіями, причемъ въ полости нѣкоторыхъ череповъ оказались и вырѣзанные изъ ихъ стѣнокъ кружки. Скоро потомъ подобные же черепа съ искусственно сдѣланными въ ихъ стѣнкахъ отверстіями были найдены барономъ де Бай въ гробницахъ дол. Марны, Ларте—въ пещерѣ «Duruthy», генераломъ Федэрбомъ въ африканскихъ дольменахъ, послѣ чего количество находокъ очень быстро увеличилось, и онѣ стали извѣстны изъ Франціи, Швейцаріи, Англіи, съ о-вовъ Даніи,

---

Прекрасныя рѣзныя изъ рога изображенія лосей, найденныя г. Савенковымъ на берегу Енисея, должны быть отнесены тоже къ концу неолита или къ началу мѣднаго вѣка. *Прим. Ред.*

изъ Португаліи, Италіи, Чехіи (два такихъ черепа были найдены у Струпчича возлѣ Билины, но позднѣйшей эпохи) [179]), Венгріи (одинъ чер. въ Lengyel), Польши (одинъ черепъ изъ могилы въ Туровѣ, въ Плоцкѣ) и Россіи (въ курганахъ возлѣ Смѣлы (?), одной могилѣ изъ Хулама (Тверской обл.) въ городищѣ на Княжей Горѣ (Кіев. губ.), въ городищѣ на бер. р. Ветлуги и пр.). Извѣстные до сихъ поръ случаи доисторической трепанаціи въ Россіи были описаны проф. Д. Н. Анучинымъ въ Трудахъ IX Археол. съѣзда въ Вильнѣ, 1893 г. *)

Вопросъ о трепанаціи череповъ былъ наиболѣе подробно изученъ Брока, представившимъ результаты своихъ изслѣдованій на международномъ съѣздѣ доисторической археологіи въ Пештѣ въ 1876 г. [180]). Этотъ ученый различилъ два рода трепанаціи: 1) Трепанацію на живомъ человѣкѣ (главн. обр. на дѣтяхъ), причемъ у пережившихъ эту операцію края отверстія представляются округленными, покрытыми новымъ костянымъ образованіемъ, и 2) посмертную (post-mortem) трепанацію, на черепѣ мертваго человѣка. Первая производилась, вѣроятно, всего чаще посредствомъ выскабливанія кости на темени или вискѣ, при помощи остраго кремня, вторая—посредствомъ прямого вырѣзыванія части кости кремневымъ ножемъ. Цѣль трепанаціи не вполнѣ выяснена. Брока искалъ происхожденіе этого обычая въ религіозныхъ представленіяхъ, другіе же видѣли въ ней простую хирургическую операцію надъ людьми, страдавшими извѣстными болѣзнями головы (напр. падучей, сумасшествіемъ). Вѣроятно въ обоихъ этихъ толкованіяхъ есть своя доля правды. Картайльякъ выразилъ предположеніе, что посмертная трепанація могла производиться просто съ цѣлью болѣе скораго высушиванія черепа, для того, чтобы родственники могли держать его у себя дома. Трепанація череповъ относится главнымъ образомъ къ временамъ доисторическимъ, но удержалась мѣстами и до болѣе позднихъ эпохъ, во Франціи напр. до галльской и меровингской. Изъ эпохи Меровинговъ извѣстны напр. трепанированные черепа изъ гробницъ въ Gauchy и Grugies (canton St. Simon), въ Luxeuil'ѣ (Haute Saône), въ Jeuilly и пр. Въ средніе вѣка (и даже позже) къ трепанаціи прибѣгали для излѣченія эпилепсіи. **)

Сказать что нибудь болѣе о неолитической культурѣ на основаніи данныхъ археологіи довольно трудно. Наши свѣдѣнія могли бы нѣсколько попол-

---

*) „Труды IX Арх. съѣзда въ Вильнѣ, 1893 г.“ Т. I. М. 1895.

**) Д-ръ Лушанъ описалъ недавно нѣсколько трепанированныхъ череповъ съ о-въ Тенерифа, большинство коихъ подверглось этой операціи, очевидно, еще при жизни. Изъ 210 череповъ оказалось 10 трепанированныхъ, т. е. 5%. Отверстія имѣются на лбу, темени, затылкѣ, по средней линіи или сбоку. Кромѣ того, изъ 210 череповъ—25, т. е. болѣе 10%, представляли особыя нарѣзки въ области большого (теменнаго) родничка, происшедшія, повидимому, отъ соскабливанія ненуж-

ниться лишь при помощи лингвистическихъ данныхъ, путемъ анализа словъ и понятій, которыми располагалъ человѣкъ въ Европѣ въ тѣ времена, когда онъ не зналъ еще металловъ, т. е. въ эпоху каменнаго вѣка. Подобнаго рода анализъ попытался сдѣлать проф. Шрадеръ (O. Schrader) [181]) и пришелъ къ интересному заключенію, что индоевропейское племя, главныя вѣтви котораго въ Европѣ представляютъ теперь народы славянскіе, германскіе и романскіе, еще до раздѣленія языковъ и распаденія на эти и другія группы, жило въ состояніи культуры каменнаго вѣка, соотвѣтствовавшей вѣроятно наиболѣе той, которая извѣстна намъ по находкамъ въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи. Гдѣ именно жило тогда индоевропейское племя—это составляетъ вопросъ, до сихъ поръ еще не разрѣшенный. Индоевропейцы той эпохи еще не знали другихъ металловъ, кромѣ мѣди и золота, пользовались каменнымъ оружіемъ, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ и умѣли уже обрабатывать волокнистыя вещества. Всѣ главныя выраженія, относящіяся къ этимъ занятіямъ, оказываются общими для всѣхъ индоевропейскихъ языковъ. Слова же, означающія бронзу, желѣзо и другіе металлы, равно какъ выраженія, относящіяся къ обработкѣ металловъ, уже различны, изъ чего можно заключить, что въ тѣ времена, когда культура металловъ стала господствовать въ Европѣ, индоевропейскія племена уже раздѣлились и каждое изъ нихъ выработало свои выраженія для новыхъ культурныхъ понятій.

Опредѣленіе древности неолитической эпохи. Сколько-нибудь точное хронологическое опредѣленіе неолитической эпохи очень рисковано. По мнѣнію Монтеліуса, неолитическая эпоха закончилась на сѣверѣ около 1500 года до нашей эры, по мнѣнію Лиссауэра—въ Пруссіи около 1000 года, по мнѣнію Картайльяка — во Франціи около 1200 года. Вообще мы не особенно удалимся отъ истины, если за наиболѣе поздній предѣлъ между эпохами камня и бронзы для сѣверной и средней Европы примемъ 1000 годъ до нашей эры.

Что же касается начала неолитической эпохи, то опредѣлить его еще труднѣе. Преcтвичъ недавно выразилъ мнѣніе, что она началась около пятаго тысячелѣтія до нашей эры. Лёббокъ и Ляйэлль считаютъ ея древность отъ 5 до 7000 лѣтъ.

наго слоя кости въ этомъ мѣстѣ, т. е. обязанные той же операціи, но неполной и не столь опасной. Лушанъ сопоставляетъ эти нарѣзки съ подобными же, констатированными Мануврiэ на нѣсколькихъ черепахъ неолитической эпохи изъ департ. Seine et Oise, гдѣ однако нарѣзки имѣютъ форму буквы T, причемъ вертикальная вѣтвь приходится на стрѣльчатый шовъ, а горизонтальная—поперекъ, нѣсколько выше ламбды (мѣста пересѣченія стрѣльчатаго и ламбдовиднаго шва). Возможно, что и эти нарѣзки дѣлались изъ подобныхъ же, религіозныхъ или терапевтическихъ цѣлей. Вирховъ выразилъ мнѣніе, что подобные рубцы могли вызываться нарывами на соотвѣтственныхъ мѣстахъ, отъ втиранія нарывныхъ мазей. См. Verh. d. Ber. Ges. für Anthropologie etc. 1896 Sitz. 25 Jan.

ГЛАВА IV.

Доисторическія племена каменнаго вѣка въ Европѣ.

Древнѣйшія племена четвертичной эпохи. — Мнѣнія двухъ главныхъ французскихъ школъ, Катрфажа и Мортилье. — Неандертальскій человѣкъ и его физическія особенности.—Племена неолитической эпохи.—Древнѣйшіе европейскіе народы: иберы, лигуры, баски и пр. — Теорія первобытнаго лапландскаго населенія. — Арійцы.

Вопросъ о томъ, какими признаками отличался европейскій человѣкъ послѣтретичной или четвертичной эпохи и представлялъ ли онъ собою одинъ или нѣсколько типовъ — еще далеко не можетъ считаться разъясненнымъ. Рѣшительность нѣкоторыхъ французскихъ антропологовъ, установившихъ для различныхъ, найденныхъ до сихъ поръ остатковъ человѣка различные типы или расы, не можетъ не возбуждать сомнѣній у болѣе осторожныхъ изслѣдователей. Сомнѣнія эти вызываются, главнымъ образомъ, двумя причинами. Во-первыхъ, намъ извѣстно, сравнительно, очень мало остатковъ дилювіальнаго человѣка, да и то, что извѣстно, представлено единичными находками въ разныхъ частяхъ Европы; понятно, что на основаніи такихъ единичныхъ и притомъ, большей частью, фрагментарныхъ находокъ рискованно дѣлать заключеніе о типѣ населенія и о значеніи встрѣчающихся особенностей въ строеніи его скелета. Во-вторыхъ, происхожденіе и древность большей части череповъ, относимыхъ различными авторами къ четвертичной эпохѣ, недостаточно доказаны, а потому и не достовѣрны. Только небольшая часть этихъ древнѣйшихъ остатковъ человѣка можетъ считаться невозбуждающею серьезныхъ сомнѣній. Вслѣдствіе этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ то время когда одинъ антропологъ, послѣ тщательнаго изученія этихъ доисторическихъ остатковъ, утверждаетъ, что въ Европѣ жили 3 или 4 различныхъ племени, другой, отбрасывая болѣе сомнительныя находки, находитъ возможнымъ выдѣлить только одинъ типъ.

Болѣе всего этимъ вопросомъ занимались французскіе антропологи, которыхъ можно раздѣлить въ этомъ отношеніи на двѣ группы. Одни, слѣдуя

большому краніологическому труду Катрфажа и Ами [182]), признаютъ доказанными и достовѣрными бо́льшую часть находокъ и на основаніи ихъ принимаютъ для четвертичной эпохи въ Европѣ слѣдующія расы: 1) канштатскую (свѣдѣнія и находки см. на стр. 41), 2) кро-маньонскую, 3) трюшерскую, 4) гренелльскую (см. стр. 36 и 35) и 5) фюрфоозскую (см. стр. 38). По головному показателю отношенія наибольшей длины череповъ къ ихъ наибольшей ширинѣ двѣ первыя расы принадлежатъ къ длинноголовымъ, а остальныя—къ короткоголовымъ; фюрфоозская раса представляетъ какъ бы переходъ къ короткоголовому типу. Другіе авторы соединяютъ однако эти пять расъ въ три: канштатскую, кроманьонскую и фюрфоозскую, которыя смѣнялись будто бы въ той же послѣдовательности, какъ онѣ названы; иные, наоборотъ, какъ напр. Дебьеръ, раздѣляютъ послѣтретичное человѣчество на еще большее количество расъ или типовъ. Рѣшительнымъ противникомъ такого множества типовъ является Габр. де Мортилье, который, оспаривая древность многихъ находокъ и относя ихъ къ неолиту, тѣмъ самымъ исключаетъ изъ числа четвертичныхъ череповъ кро-маньонскіе, гренелльскій, фюрфоозскій и трюшерскій, и удерживаетъ только тѣ, которые представляютъ извѣстный опредѣленный типъ, наилучшимъ выраженіемъ котораго является неандертальскій черепъ (ср. стр. 41), соотвѣтствующій канштатской расѣ Катрфажа, а затѣмъ черепа канштатскій, подбабскій, мостецкій, спійскій (Spy), ольмскій, денизскій, энгисгеймскій и нѣкоторые другіе *).

Такимъ образомъ исторія наиболѣе древней эпохи человѣчества въ Европѣ, въ представленіи Мортилье, является очень упрощенной. По мнѣнію его и его послѣдователей, въ теченіе четвертичной, палеолитической эпохи въ Европѣ жило только одно племя—такъ назыв. канштатская раса, всѣ же остальные типы являются уже слѣдами новыхъ этническихъ вторженій, происходившихъ только въ концѣ палеолитической эпохи и въ теченіи неолитической, и принесшихъ съ собою элементы новой неолитической культуры **). Только

*) Впрочемъ и противъ достовѣрности канштатскаго черепа высказался недавно Е. д' Асу. Въ послѣднее время на съѣздѣ нѣмецкихъ антропологическихъ обществъ въ Ульмѣ (въ 1892 г.). и нѣмцы, въ лицѣ Holder'a, Fraas'a, Virchow'a и Kollmann'a, также выразили рѣшительныя сомнѣнія относительно его постпліоценовой древности. Относительно древности неандертальскаго и другихъ череповъ также существуютъ возраженія. Изъ чешскихъ череповъ и мостецкій и подбабскій тоже не избѣжали сомнѣній. Возлѣ подбабскаго скелета найденъ былъ, какъ говорятъ нѣсколько дней спустя, женскій скелетъ съ бронзовымъ браслетомъ, въ томъ-же слоѣ четвертичнаго лёсса. Признакомъ постпліоценовой древности этого черепа служитъ все таки его краніологическій типъ, приближающійся къ типу неандертальскаго черепа.

**) Впервые сомнѣніе въ послѣтретичной древности кро-маньонскихъ и другихъ, яко-бы дилювіальныхъ, череповъ было высказано и подтверждено убѣдительными данными англ. геологомъ Бойдъ-Даукинсомъ. *Прим. Ред.*

что приведенное разногласіе между двумя французскими школами служитъ лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени еще бѣдна доисторическая антропологія свѣдѣніями по отношенію къ остаткамъ человѣка постпліоценовой или четвертичной эпохи. Мы склоняемся впрочемъ, — со всѣми, разумѣется необходимыми оговорками,—къ мнѣнію Г. де Мортилье, признавая, что первая значительная иммиграція брахицефаловъ въ Среднюю Европу произошла только въ неолитическую эпоху, а что въ теченіе собственно-четвертичной эпохи, въ Европѣ жило только длинноголовое племя, хотя мы и не считаемъ возможнымъ утверждать, чтобы типъ этого древнѣйшаго европейскаго человѣка былъ всюду одинаковъ и не выказывалъ мѣстныхъ варіацій. Фюрфоозскія и трюшерскія находки мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ недостовѣрныя; Картайльякъ также относитъ ихъ къ неолитической эпохѣ. Но даже и въ такомъ случаѣ остается еще много загадокъ, которыя вѣроятно долго еще останутся неразъясненными, и мы вовсе не имѣемъ въ виду объ этомъ умалчивать. Напротивъ того, необходимо, чтобы изслѣдователи имѣли постоянно въ виду этотъ недостатокъ свѣдѣній и чтобы о первобытныхъ типахъ населенія Европы не говорилось съ той увѣренностью, какую мы къ сожалѣнію встрѣчаемъ во многихъ сочиненіяхъ по доисторической археологіи.

Покуда можно сказать, что въ четвертичную эпоху Европа была населена племенемъ, типъ котораго можетъ быть названъ каннштатскимъ или неандертальскимъ *). Часть череповъ этого типа, какъ было уже сказано, происхожденія не вполнѣ достовѣрнаго, тѣмъ не менѣе сходство ихъ

*) И до сихъ поръ еще продолжается разногласіе между Р. Вирховымъ и почти всѣми нѣмецкими антропологами съ одной стороны, и французскими изслѣдователями—съ другой,—о томъ, слѣдуетъ ли считать неандертальскій черепъ типичнымъ для первобытнаго населенія Европы, или же скорѣе случайной аномаліей. Этотъ знаменитый черепъ отличается наибольшею степенью развитія всѣхъ признаковъ низшаго типа, характернаго для древнѣйшаго населенія; тѣмъ не менѣе Вирховъ, изучая найденныя вмѣстѣ съ этимъ черепомъ длинныя кости конечностей, констатировалъ на нихъ слѣды рахитизма (arthritis chronica deformans), который могъ оказать извѣстное вліяніе и на форму черепа. Однако, такъ какъ имѣется цѣлый рядъ находокъ (какъ напр. въ Spy), которыя дали подобный же черепной типъ, то есть основаніе признавать форму неандертальскаго черепа скорѣе за типичную, чѣмъ аномальную, не отрицая впрочемъ извѣстнаго вліянія на нее и патологическихъ факторовъ.

[Прибавимъ, что Вирховъ, доказывая слѣды патологическаго измѣненія формы костей неандертальскаго скелета, не отрицаетъ однако того, что черепъ его могъ быть типичнымъ для данной расы. Онъ нашелъ между прочимъ, что нѣкоторыя характерныя черты неандертальскаго черепа встрѣчаются и теперь нерѣдко въ населеніи низовьевъ Рейна и береговъ Нѣмецкаго моря, у потомковъ древняго германскаго племени фризовъ].

Прим. Ред.

типа съ типомъ несомнѣнно неолитическихъ череповъ допускаетъ возможность причисленія ихъ, съ нѣкоторыми оговорками, къ числу череповъ этой эпохи. Мы видимъ этотъ типъ распространеннымъ во всей Средней Европѣ: во Франціи, въ Англіи, въ Бельгіи, въ Испаніи, въ Италіи, въ Германіи и въ Чехіи [183]).

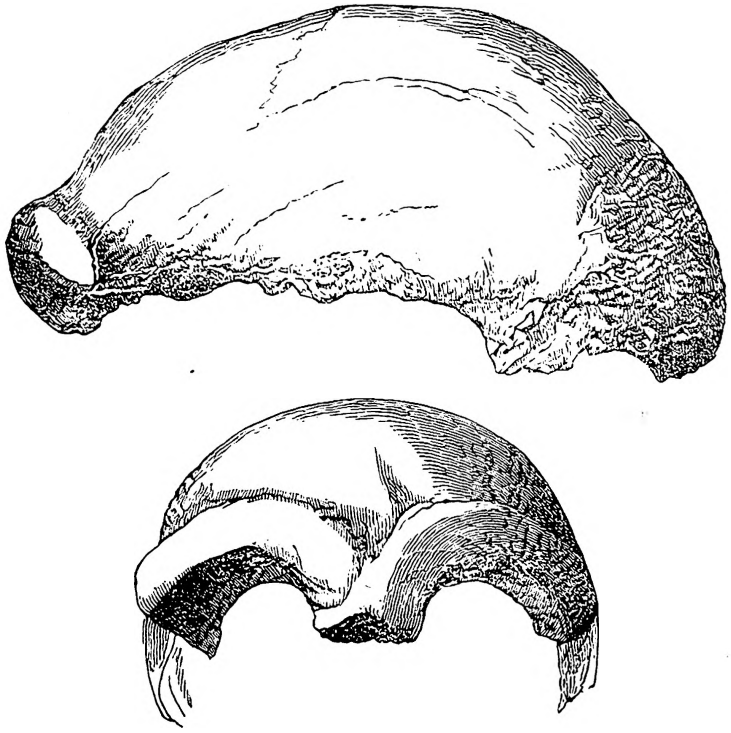


Рис. 135. Черепъ, найденный въ неандертальской пещерѣ.

Это древнѣйшее населеніе было невысокаго роста, коренастаго и сильнаго сложенія, съ удлиненной невысокой головой (долихо- и платицефалія), низкимъ покатымъ назадъ лбомъ, очень развитыми надбровными дугами и довольно выдающимся носомъ (рис. 135). Вмѣстимость черепа представляла варіаціи, но оставалась въ предѣлахъ, свойственныхъ нормальному человѣку. Болѣе о формѣ черепа и физіономіи этой расы сказать едва ли что можно, а потому воспроизведеніе портрета неандертальскаго человѣка, сдѣланное проф. Шаафгаузеномъ и прилагаемое нами здѣсь (рис. 137) для того только, чтобы тѣ, кому придется съ нимъ встрѣчаться, знали, что о немъ думать,— не имѣетъ никакого научнаго значенія. Шаафгаузенъ, горячій приверженецъ теоріи эволюціи, руководился очевидно желаніемъ изобразить нашего палео-

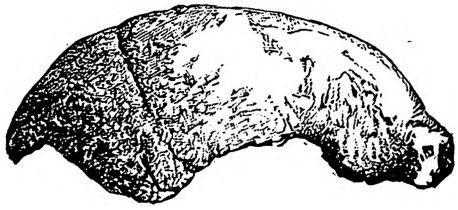


Рис. 136. Мостецкій черепъ.

литическаго предка въ возможно болѣе примитивномъ видѣ, какъ существо среднее между человѣкомъ и обезьяной. Но такъ далеко примитивный характеръ признаковъ этой расы не заходитъ. И въ наше время встрѣчаются нерѣдко особи съ подобнымъ же покатымъ лбомъ и выдающимися надбровными дугами, тѣмъ не менѣе, по общему своему виду эти субъекты не отличаются ничѣмъ существеннымъ отъ средняго человѣческаго типа.

Знаменитая Нолеттская челюсть (ср. стр. 38) отличается отсутствіемъ подбородка и на внутренней своей поверхности вмѣсто парнаго бугорка для прикрѣпленія язычнаго мускула имѣетъ только ямку [184]). Изъ этого также выводили заключеніе о питекоидныхъ (обезьяновидныхъ) признакахъ первобытнаго человѣка, но другія находки постпліоценовыхъ человѣческихъ челюстей показали, что этотъ признакъ нельзя считать постояннымъ. Тѣмъ не менѣе, низшій характеръ развитія Нолеттской челюсти все таки имѣетъ свое значеніе; болѣе или менѣе сходныя съ ней челюсти были найдены въ Malarnaud и въ Spy.

Переходя къ прочимъ физическимъ особенностямъ палеолитическаго человѣка, необходимо упомянуть о спорѣ, возникшемъ недавно между J. Fraipont'омъ и L. Manouvrier. Первый изъ этихъ ученыхъ, на основаніи костей, найденныхъ въ Spy, утверждаетъ, что человѣкъ, которому принадлежали эти кости, ходилъ нагнувшись впередъ, въ родѣ того, какъ антропоморфныя обезьяны, когда онѣ принуждены бываютъ ходить на заднихъ конечностяхъ. Но Мануврiэ опровергаетъ это мнѣніе и доказываетъ, что, хотя устройство голенно-бедреннаго сустава и показываетъ, что эти люди могли ходить иногда согнувшись впередъ, но явленіе это все таки не имѣетъ ничего общаго съ возвратомъ къ типу предковъ (атавизмомъ) и не составляетъ признака близости къ обезьянамъ. Такъ назыв. платикнемія (platycnemie) или сплющенность (съ боковъ) тѣла большеберцовой кости (tibia) также оказывается ни атавистическимъ, ни расовымъ признакомъ (какъ думали нѣкоторые, въ томъ числѣ и Брока), а представляетъ собою явленіе чисто физіологическое *).

Не безъинтересно также упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ фигуркахъ изъ слоновой кости, найденныхъ въ нѣсколькихъ случаяхъ въ палеолитическихъ отложеніяхъ французскихъ пещеръ, особенно Пьеттомъ въ пещерѣ Brassempouy en Chalosse (ср. библ. примѣч. 31). Судя по этимъ фигуркамъ (всегда женскимъ), человѣкъ соотвѣтственной эпохи отличался значительнымъ развитіемъ волоснаго покрова по всему тѣлу; длинными, висячими грудями,

*) Платикнемiей называется боковое сплющеніе большеберцовой кости, доходящее иногда до такой степени, что она принимаетъ саблеобразный видъ. Это сплющеніе, по мнѣнію Manouvrier, вызывается усиленной дѣятельностью заднихъ голенныхъ мышцъ (напр. при хожденіи въ гору) и наблюдается въ особенности у жителей гористыхъ мѣстностей, у охотниковъ и т. п. [185]).

объемистымъ и отвислымъ животомъ и такъ наз. стеатопигіей; большія губы женскихъ половыхъ органовъ были атрофированы, малыя же—очень развиты (la race stéatopygique Piette'a).

Но весьма возможно, что кромѣ этого только что очерченнаго типа первобытнаго человѣка, въ Европѣ существовали въ теченіи палеолитической эпохи и другіе типы. Такъ напр., возможно, что кро-маньонскія находки относятся также къ четвертичной эпохѣ, равно какъ и скелетъ, найденный Testut въ Chancelades (ср. стр. 37), отличающійся совсѣмъ особымъ типомъ и вообще признаками высшихъ расъ (Type Laugerie-Chancelades по классификаціи G. Hervé). Но совсѣмъ неяснымъ и до сихъ поръ неразрѣшимымъ остается вопросъ: представляютъ-ли всѣ эти различные между собою остатки первобытнаго человѣка особые первичные расовые типы, какъ это слишкомъ увѣренно полагалъ Катрфажъ, или же лишь типы мѣстные, развившіеся изъ первоначальнаго и представляющіе рядъ постепенныхъ переходовъ (рис. 137). Лобная

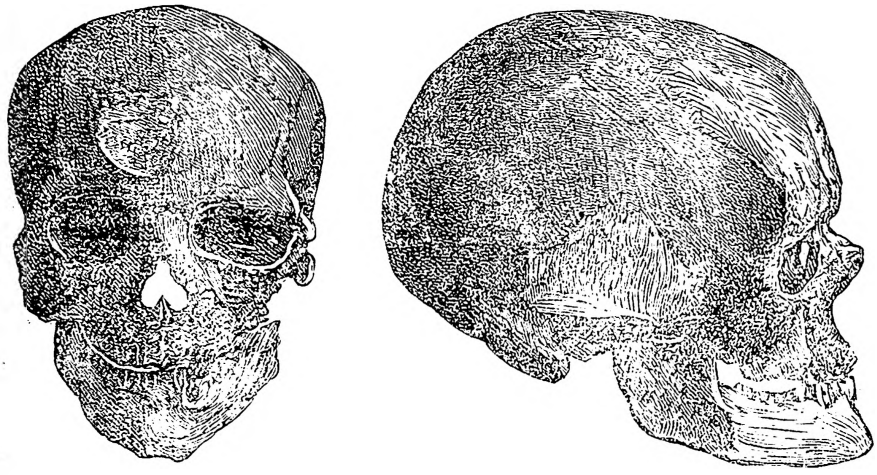


Рис. 137. Черепъ старика, найденный въ Кро-маньонской пещерѣ.

часть этихъ череповъ развита хорошо и не имѣетъ выдающихся надбровныхъ дугъ, а о степени вмѣстимости можно уже судить по тому, что напр. у кро-маньонскихъ череповъ она превышала среднюю вмѣстимость череповъ новѣйшихъ парижанъ. Ростъ людей палеолитической эпохи былъ различенъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Мануврiэ и J. Rahon'a у 5-ти мужскихъ скелетовъ этой эпохи ростъ оказался 1.63 м. Для неолитическихъ племенъ тѣ же ученые опредѣлили средній ростъ немного выше средняго роста нынѣшнихъ французовъ: для мужчинъ 1.625 м. и для женщинъ 1.506 м. [186]).

Кромѣ того новѣйшія находки въ Швейцаріи показали, что рядомъ съ этимъ населеніемъ большого и средняго роста въ Европѣ жила также и раса очень малорослая, карликовая. Слѣды ея были найдены д-ромъ Nüesch'емъ и

проф. Kollmann'омъ въ неолитическихъ гробницахъ въ Schweizerbild'ѣ возлѣ Шаффгаузена. Между скелетами (26, изъ коихъ 14 взрослыхъ) было найдено 4 очень малаго роста, 1424 мм., ростъ прочихъ, опредѣленный по методу Манувріэ, не превышалъ 1600 мм. Вмѣстимость 3-хъ череповъ этихъ карликовъ оказалась также меньшею, чѣмъ у прочихъ. На основаніи этихъ находокъ Колльманъ, а затѣмъ Р. Вирховъ, Серджи и др. предполагаютъ существованіе въ четвертичную эпоху расы малаго роста и притомъ болѣе древней, чѣмъ высокорослая. Эта раса, по мнѣнію Колльмана, была первичной расой Европы, точно также какъ такъ назыв. примитивные «пигмеи» въ Азіи и Африкѣ (Ведды, Акка, Бушмены и пр. [187]). Другіе однако видятъ въ этихъ малорослыхъ неолитическихъ субъектахъ только индивидуальныя варіаціи, и сомнѣваются, чтобы ихъ можно было считать представителями древнѣйшей европейской расы.

Выше мы уже привели мнѣніе Мортилье, что массовое появленіе короткоголоваго населенія въ Европѣ произошло только въ теченіе неолитической эпохи, находки же постпліоценовыхъ брахицефалическихъ череповъ въ Truchère'ѣ и Furfooz'ѣ представляются недоказанными. Но если бы даже палеолитическая древность этихъ двухъ череповъ и была подтверждена, то это значило бы только, что брахицефалическіе типы начали появляться мѣстами въ Европѣ, въ продолженіи или въ концѣ палеолитической эпохи. Это не измѣнило бы наше археологическое заключеніе, въ которомъ мы не слѣдуемъ за Мортилье, поставляющимъ культуру неолитическаго періода въ исключительную зависимость отъ прибытія въ Европу новыхъ племенъ, а, какъ было изложено выше, считаемъ ее развившеюся постепенно и въ значительной части самостоятельно изъ ей предшествовавшей.

Относительно позднѣйшаго каменнаго вѣка или неолитической эпохи, уже можно признать достовѣрнымъ, что въ это время какъ число племенъ, такъ и расовыхъ типовъ стало больше.

Археологи, доказывающіе существованіе въ Европѣ промежутка (hiatus) между эпохами палеолитическою и неолитическою, полагаютъ, какъ было уже сказано выше, что древнее населеніе Западной и Средней Европы большею частью исчезло. Одни изъ нихъ думаютъ, что оно выселилось черезъ Гибралтарскій проливъ въ Африку и видятъ потомковъ ихъ въ кабилахъ и берберахъ, въ гуанчахъ Канарскихъ о-вовъ и т. д.; другіе же полагаютъ, что оно слѣдовало за животными, отодвигавшимися постепенно къ сѣверу, главнымъ образомъ за сѣвернымъ оленемъ, и связываютъ его съ нынѣшними эскимосами (Boyd Dawkins) или даже съ арійской расой (K. Penka), образовавшейся будто бы въ Скандинавіи.

Въ общемъ неолитическое населеніе Европы можно раздѣлить въ антропологическомъ отношеніи на двѣ главныя группы: долихоцефаловъ и брахицефаловъ.

Долихоцефалы. По формѣ черепа эта группа довольно опредѣленно отличается отъ наиболѣе древнихъ обитателей Европы канштатскаго типа и приближается больше къ типу кроманьонскому. Значительная удлиненность черепа все-таки осталась, головной показатель довольно часто ниже 70 *), лицо или низкое (съ низкими глазницами, короткимъ носомъ и т. д.) или довольно высокое (съ большими глазницами и узкимъ, удлиненнымъ носовымъ отверстіемъ), причемъ типъ этотъ приближается къ тому, который имѣлъ широкое распространеніе въ позднѣйшія доисторическія времена въ Европѣ и извѣстенъ въ Германіи подъ именемъ типа «рядовыхъ гробницъ» («Reihengräbertypus»); типъ этотъ встрѣчается также и въ Россіи. Носъ на этихъ черепахъ высокій и выдающійся. Этотъ характерный признакъ былъ найденъ, напр. Вирховымъ, на ленгіэльскихъ черепахъ, Богдановымъ—на уткинскихъ (Яросл. губ.), Лиссауэромъ—на мурзинскихъ и мной самимъ на нѣкоторыхъ чешскихъ. Другимъ очень рѣзкимъ признакомъ этихъ неолитическихъ долихоцефаловъ является выдающійся затылокъ, обусловливаемый, вѣроятно, болѣе сильнымъ развитіемъ заднихъ частей мозга. Эта выдающаяся форма затылка и оказываетъ больше всего вліяніе на удлиненіе продольной оси черепа и на повышеніе долихоцефаліи, вслѣдствіе чего Брока и назвалъ этотъ

---

*) Головнымъ показателемъ или индексомъ (indice céphalique) въ антропологіи называется число, показывающее отношеніе наибольшей ширины черепа къ его наибольшей длинѣ, принятой = 100. Если, наприм., наибольшая длина черепа будетъ 180 мм., а ширина 140 мм., то головной показатель будетъ равенъ 77,7 (изъ уравненія: $x : 100 = 140 : 180$). Такое отношеніе двухъ главныхъ размѣровъ черепа дѣлаетъ возможнымъ до извѣстной степени сравненіе между собою цѣлаго ряда череповъ. Чѣмъ шире черепъ, тѣмъ болѣе показатель его ширины приближается къ 100, т. е. становится больше; чѣмъ онъ меньше, тѣмъ черепъ длиннѣе. Индексъ вообще очень рѣдко бываетъ ниже 60 и выше 100 (послѣднее только на нѣкоторыхъ искусственно деформированныхъ черепахъ). Чаще же всего онъ колеблется между 70 и 85. Вообще же теперь въ антропологіи установилась слѣдующая классификація череповъ по головному показателю: долихоцефалическіе (длинноголовые) черепа съ указателемъ до 75; мезоцефалическіе (мезатицефалическіе или среднеголовые, также ортоцефальные)—съ указателемъ отъ 75 до 80-ти и брахицефалическіе (короткоголовые) съ указателемъ выше 80-ти. Черепъ, показатель котораго вычисленъ нами выше, принадлежитъ слѣдовательно къ мезоцефалическимъ. Подобнымъ же образомъ дѣлаются и прочія измѣренія черепа и обозначаются съ помощью соотвѣтственныхъ указателей (напр. височный указатель, носовой, глазной и т. д.). [Замѣтимъ здѣсь, что приведенные выше предѣлы между долихо-, мезо- и брахицефаліей приняты, главнымъ образомъ, нѣмецкими антропологами. Французы слѣдуютъ схемѣ Брока, принимающей пять подраздѣленій, причемъ въ промежуткахъ между указанными тремя вставляются еще субдолихоцефалы и суббрахицефалы, и предѣлы между всѣми этими группами опредѣляются нѣсколько иначе. *Прим. ред.*]

видъ долихоцефаліи—«затылочнымъ» (dolichocephalie occipitale). Изъ прочихъ физическихъ особенностей этой неолитической расы мы встрѣчаемся опять съ частымъ сплющеніемъ голени (платикнемія). Кромѣ того, суставная ямка плечевой кости, въ которую при сгибѣ руки входитъ локтевой отростокъ предплечья (olecranon), оказывается у неолитическихъ скелетовъ сравнительно часто съ отверстіемъ или продыравленнымъ.

Эта длинноголовая раса преобладаетъ въ неолитическихъ гробницахъ всей Европы. Во Франціи съ остатками ея встрѣчаются въ гробницахъ всѣхъ родовъ, въ Великобританіи же, какъ мы уже упомянули выше, еще до недавняго времени могла считаться вѣрной формула Thurnam'a: «продолговатые курганы — длинные черепа, круглые курганы — короткіе черепа» [188]). Продолговатые же курганы (long barrows) являются главной особенностью великобританскаго неолита. То-же самое можно сказать и о прочихъ европейскихъ странахъ. На югѣ, въ Испаніи и въ Италіи, долихоцефалы преобладаютъ во всѣхъ находкахъ неолитическихъ костяковъ. Интересно, что въ Испаніи раса, встрѣчающаяся въ мюгемскихъ сорныхъ кучахъ и въ гробницахъ восточнаго побережья, долихоцефалична и, по мнѣнію французскихъ и португальскихъ антропологовъ, близка къ кро-маньонскому типу, который встрѣчается и на материкѣ Африки и даже на Канарскихъ островахъ (гуанчи) *). Явилась ли эта раса съ юга на сѣверъ, или наоборотъ съ сѣвера въ Африку— пока сказать еще очень трудно. Въ Италіи, по мнѣнію Raf. Zampa [190]), новый короткоголовый типъ появляется только въ концѣ неолитическаго періода (въ могильникахъ въ Remedella, Fontanella, Cantalupa и пр.); древнѣйшимъ же долихоцефалическимъ населеніемъ были тамъ Лигуры.

Въ Германіи и скандинавскихъ странахъ оказывается два типа: долихоцефалическій и другой съ болѣе короткимъ черепомъ, о которомъ мы скажемъ далѣе. Въ Чехіи почти всѣ сдѣланныя до сихъ поръ находки представляютъ длинноголовый типъ съ спорадическими индивидуальными уклоненіями въ сторону брахицефаліи. Въ Венгріи, въ неолитическихъ гробницахъ въ Lengyel'ѣ и отчасти въ Aggtelec'кой пещерѣ, мы находимъ то-же самое. Точно также польскія гробницы каменнаго вѣка, по изслѣдованіямъ Коперницкаго, заключаютъ въ себѣ почти исключительно долихоцефалическіе черепа; наоборотъ, въ неолитическихъ могильникахъ Пруссіи, по таблицѣ, составленной Лиссауэромъ, и въ датскихъ гробницахъ преобладаютъ брахицефалы. Въ Россіи

*) Интересно, что гуанчи, по свидѣтельству Miss Haigh, во время открытія Тенерифа испанцами жили еще тамъ совершенно такъ же, какъ неолитическіе обитатели Европы, именно преимущественно въ пещерахъ и въ пещерахъ же погребали своихъ мертвыхъ въ вытянутомъ или въ скорченномъ положеніи, причемъ совершенно не знали еще употребленія металловъ, довольствуясь орудіями изъ твердаго камня [189]).

черепа кургановъ каменнаго вѣка и позднѣйшихъ эпохъ преимущественно длинноголовые съ сравнительно узкими лицевыми костями Точно также и черепа изъ наиболѣе древнихъ могильниковъ (не-кургановъ).

Брахицефалы. Мы не можемъ подробно говорить здѣсь о всѣхъ спорахъ и предположеніяхъ, существующихъ между археологами различныхъ странъ относительно того, представляютъ-ли собой только-что описанные неолитическіе долихоцефалы потомство древнѣйшаго палеолитическаго населенія, или новыхъ пришельцевъ въ Европу. Скорѣе всего есть своя доля правды въ обоихъ мнѣніяхъ. Относительно же второго типа—брахицефаловъ, встрѣчающагося довольно часто въ неолитическихъ гробницахъ, всѣ согласны въ томъ, что онъ скорѣе всего долженъ былъ принадлежать расѣ, пришедшей въ Европу съ востока. Это новое населеніе отличалось отъ прежняго главнымъ образомъ формою черепа. Черепъ его былъ шире, брахицефалическій, а въ низкомъ широкомъ лицѣ можно часто прослѣдить сходство съ типомъ, характеризующимъ племена урало-алтайскія, въ томъ числѣ и съ типомъ лопарей, а поэтому и неудивительно, что многіе антропологи приписывали этимъ неолитическимъ племенамъ «монгольское», «туранское», «финское» или «лапландское» происхожденіе [191]). Другимъ отличительнымъ признакомъ черепа этого типа служитъ плоскій короткій затылокъ, которымъ онъ рѣзко отличается отъ предыдущей группы, характеризуемой выпуклымъ затылкомъ. Эта новая раса разселилась въ большей части Европы и затѣмъ, позднѣйшими нашествіями народовъ, была, повидимому, оттѣснена въ альпійскія и подъальпійскія страны.

Эти брахицефалы появлялись въ теченіе неолитической эпохи въ однихъ странахъ раньше, въ другихъ позже, а въ нѣкоторыя части Европы, какъ кажется, не проникли совсѣмъ, какъ напр. въ южную Италію. Въ мюгемскихъ сорныхъ кучахъ (въ Испаніи) они встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ долихоцефалы. Но зато во Франціи они попадаются очень часто въ дольменахъ, особенно въ восточныхъ. Тамъ можно даже различить два типа ихъ: фурфозскій и гренелльскій. Въ мегалитической гробницѣ въ Murreaux (въ департ. Сены и Уазы) найдены были остатки по крайней мѣрѣ 60-ти человѣкъ съ черепами по большей части долихоцефалическаго типа, но брахицефалическіе черепа между ними выдѣляются чрезвычайно рѣзко, какъ это можно видѣть на рис. 138. Проф. G. Hervé, спеціально изучавшій въ послѣднее время антропологическіе типы неолитической эпохи Франціи, нашелъ, что въ наиболѣе древнихъ стоянкахъ этого времени, какъ въ Baumes-Chaudes и L'Homme-Mort, встрѣчаются только долихоцефалическіе типы. Изъ этого можно заключить, что въ этой странѣ долихоцефалы неолитической эпохи предшествовали брахицефаламъ. Эти послѣдніе пришли съ востока и распространились двумя путями. Одни двигались по рѣкамъ

Марнѣ, Энѣ, Мёзѣ и Уазѣ и затѣмъ сконцентрировались въ бассейнѣ Сены, откуда расходились частями въ прочія мѣстности страны. Судя по сдѣланнымъ раскопкамъ слѣдуетъ думать, что предѣломъ этого распространенія брахицефаловъ во Франціи можно считать діагональную линію, проведенную

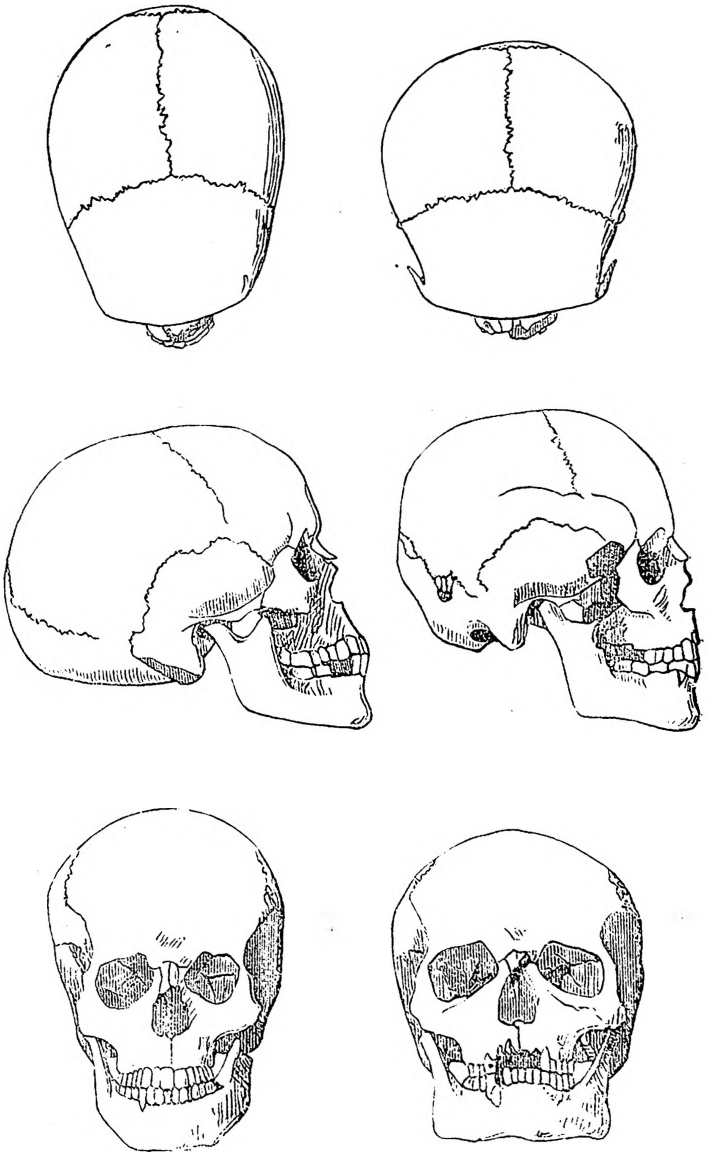


Рис. 138. Образцы долихо- и брахицефалическаго череповъ изъ мегалитической гробницы въ Murreaux (по Verneau).

отъ Бретани до Приморскихъ Альпъ. Черепа этой области имѣютъ средній головной указатель 83,5. Другая зона неолитической брахицефаліи, проникшей путемъ альпійскихъ долинъ черезъ Швейцарію [192]), соотвѣтствуетъ среднему бассейну Роны (погребальныя пещеры въ Chambery, Balmes и Buisse)

и доходитъ до Пиренеевъ (пещера въ Ombrive). Hervé называетъ эти два центра распространенія неолитическихъ брахицефаловъ: первый — бельгійскимъ, а второй — аллоброгскимъ. Въ прочихъ частяхъ древней Галліи брахицефалы являются только въ видѣ исключенія. Въ Бельгіи типы долихо- и брахицефалическій также являются въ нѣкоторыхъ находкахъ очень смѣшанными, какъ напр. въ пещерѣ въ Hastières, гдѣ мы находимъ черепа съ головными указателями отъ 71 до 88, и въ пещерахъ въ Méhaigne. Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ встрѣчаются главнымъ образомъ неолитическіе брахицефалы [193]), въ Германіи ихъ меньше, но зато въ Даніи они встрѣчаются въ значительномъ количествѣ въ мегалитическихъ гробницахъ, и извѣстная теорія Шаффгаузена о лапландскомъ населеніи доисторической Европы была построена на основаніи череповъ изъ могильниковъ въ Borreby. Въ Венгріи, въ агтелецкой пещерѣ оба типа были найдены смѣшанными. Въ Чехіи, какъ было уже сказано, до сихъ поръ не было сдѣлано ни одной вполнѣ достовѣрной находки короткоголоваго типа, но возможно, разумѣется, что онъ будетъ и тамъ со временемъ найденъ. Такъ-же точно и въ прочихъ странахъ, гдѣ жили въ древности и живутъ теперь славяне, брахицефалическіе черепа въ неолитическихъ могилахъ очень рѣдки и встрѣчаются почти только въ одной Пруссіи.

Очень трудно сказать что-нибудь опредѣленное о томъ, какія изъ нынѣшнихъ европейскихъ племенъ представляютъ намъ эти два доисторическихъ типа или по крайней мѣрѣ къ какимъ изъ нынѣшнихъ или историческихъ народовъ они были болѣе всего близки. Обыкновенно неолитическихъ долихоцефаловъ отождествляютъ съ историческими иберами и лигурами и, дѣйствительно, кажется, что по крайней мѣрѣ населеніе Испаніи, части Галліи, почти всей Италіи и Сициліи, а также британскіе пикты были тождественны съ иберами или лигурами или по крайней мѣрѣ очень къ нимъ близки [194]). John Rhys называетъ цѣлую вѣтвь народовъ «иберо-пиктами». Подобное же мнѣніе защищаетъ во Франціи D'Arbois de Jubainville, хотя Al. Bertrand, напротивъ, оспариваетъ древнія поселенія иберовъ и лигуровъ по побережью Средиземнаго моря. Въ Италіи въ послѣднее время Серджи вполнѣ рѣшительно высказывается за тождественность первобытныхъ обитателей Италіи, Сардиніи и Сициліи не только съ лигурами и испанскими иберами, но и съ ливійцами и древними египтянами. По его мнѣнію, все это только разныя названія одной и той-же расы, обитавшей когда-то по берегамъ Средиземнаго моря,—расы, которую онъ называетъ «famiglia Ibero-Ligure-Libica» [195]).

Но не только рискованно, а и вполнѣ ошибочно было бы причислять къ этой-же группѣ и неолитическихъ долихоцефаловъ остальной Европы и

считать ихъ тоже лигурами или басками *). О большей части европейскихъ долихоцефаловъ позднѣйшей эпохи каменнаго вѣка можно думать, что они принадлежали уже къ арійской, индо-европейской группѣ, представлявшей собой то племя, которое въ концѣ этой эпохи раздѣлилось на нѣсколько вѣтвей: галльскую, германскую, славянскую и пр. Поселенія ихъ, судя по сдѣланнымъ до сихъ поръ находкамъ, можно-бы пріурочить главнымъ образомъ къ сѣверной, средней и восточной частямъ Европы. Шрадеръ, какъ мы замѣтили выше, также указалъ, что европейская культура неолитической эпохи довольно точно совпадаетъ съ культурой, представленіе о которой мы можемъ составить на основаніи понятій и словъ, общихъ для всѣхъ индо-европейскихъ языковъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ право полагать, что по крайней мѣрѣ часть европейскаго населенія неолитической эпохи была уже арійской, индо-европейской, что не выдѣлившіеся еще въ особенныя народности германцы и славяне жили уже и тогда въ части средней и восточной Европы, вѣроятно въ сосѣдствѣ съ Карпатами и что слѣдовательно мы можемъ принимать часть могилъ этихъ странъ за древнѣйшія могилы славянъ или, правильнѣе выражаясь, за прото-славянскія. Впрочемъ ничего болѣе опредѣленнаго при нынѣшнемъ состояніи науки сказать объ этомъ нельзя. Р. Вирховъ въ послѣднее время также начинаетъ находить связь между неолитическими черепами и индоевропейскими.

Есть еще мнѣніе, что неолитическіе долихоцефалы имѣли смуглый цвѣтъ кожи и темные волоса и глаза, т. е. что они были брюнетами. Пёше (Poesche) и Пенка (Penka) высказали предположеніе, что въ болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края, Литвы и Бѣлоруссіи эти брюнеты съ теченіемъ времени вслѣдствіе климатическихъ условій утратили значительную часть пигмента въ своей кожѣ, волосахъ и радужной оболочкѣ глазъ и такимъ образомъ изъ болѣе древняго типа брюнетовъ образовался позже новый — длинноголовыхъ блондиновъ, имѣвшихъ большое значеніе въ позднѣйшей исторіи Европы. Къ этому вопросу мы будемъ имѣть случай вернуться позже.

Что касается неолитическихъ брахицефаловъ, то эта группа, безъ сомнѣнія, еще загадочнѣе первой. Она можетъ представлять собою типъ, развившійся физіологическимъ путемъ изъ болѣе древняго населенія, но она могла явиться и съ востока и быть родственной среднеазіатскимъ брахицефаламъ.

---

*) Очень правдоподобно, что въ части нынѣшнихъ басковъ, главнымъ образомъ испанскихъ, сохранились остатки древняго иберійскаго племени [196]). Потомки лигуровъ, по мнѣнію Цампы, и до сихъ поръ представляютъ собою наиболѣе долихоцефалическое населеніе Италіи.

Несомнѣнныхъ доказательствъ въ пользу такого выселенія во всякомъ случаѣ мы еще не имѣемъ. Поэтому вѣроятнѣе думать, что въ извѣстной мѣстности, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, этотъ короткоголовый типъ появился гдѣ-нибудь въ самой Европѣ и что никакого великаго переселенія изъ Азіи не было, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ необходимо было бы допустить также переселеніе въ Италію, Францію и другія страны. По всей вѣроятности, это выдѣленіе брахицефаловъ послѣдовало въ Альпійскихъ и Балканскихъ странахъ, гдѣ и до сихъ поръ мы видимъ преобладаніе племенъ, отличающихся значительной брахицефаліей.

Обо всемъ этомъ мы будемъ говорить еще разъ въ послѣдней главѣ, когда подойдемъ къ вопросу о первоначальномъ типѣ славянскихъ народовъ. Славяне теперь вполнѣ короткоголовы, но прежде они, повидимому, такими не были, да и вообще брахицефалія значительно преобладаетъ теперь во всей Европѣ. Есть-ли это результатъ болѣе высокой цивилизаціи, племеннаго смѣшенія или большей способности къ выживанію и размноженію брахицефаловъ—это до сихъ поръ еще не выяснено, но всякій, кто обратитъ вниманіе на этотъ вопросъ, не можетъ не имѣть въ виду неолитическихъ брахицефаловъ, этихъ древнѣйшихъ представителей преобладающаго теперь типа

ЧАСТЬ II.

ЭПОХА МЕТАЛЛОВЪ.

ГЛАВА V.

Начатки употребленія металловъ.

Металлы и ихъ значеніе въ исторіи культуры.—Золото, серебро, свинецъ, олово и сурьма въ доисторическія времена. — Система трехъ періодовъ. — Возраженія Гостмана.—Датскіе торфяники.—Мѣдь.—Мѣдный вѣкъ въ Европѣ.

Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt
et lapides et item silvarum fragmina rami...
Posterius ferri vis est aerisque reperta,
sed prior aeris erat quam ferri cognitus usus
quo facilis magis est natura et copia maior *).
De rerum natura V, 1282.

Приведенные стихи находимъ мы у римскаго поэта Лукреція, жившаго въ I столѣтіи до нашей эры. Этотъ писатель не располагалъ конечно нынѣшними свѣдѣніями по доисторической археологіи, но все-таки выразилъ мнѣніе, раздѣляемое и современной наукой, что прежде завоеванія міра желѣзомъ человѣчество прошло двѣ другихъ культурныхъ эпохи, изъ которыхъ въ теченіи древнѣйшей служили оружіемъ дубины и камни, а въ послѣдующей—бронза. Взглядъ Лукреція не поражаетъ насъ. Таковъ былъ дѣйствительно естественный ходъ человѣческой культуры. Сначала простой сукъ, дубина и въ особенности оббитый камень были главными факторами культуры; они служили орудіями, оружіемъ и первобытными украшеніями тѣла. Наконецъ послѣдовало открытіе перваго металла. Человѣку могли попасться на глаза зернышки золота въ рѣчномъ пескѣ или кусокъ самородной мѣди въ обрывѣ скалы, или онъ могъ увидѣть случайно, какъ въ огнѣ образуется изъ руды блестящее вещество...

---

*) «Древнимъ оружіемъ были руки, ногти и зубы, затѣмъ камни и въ лѣсу сломленные сучья... Потомъ уже была узнана сила желѣза и мѣди, но раньше сдѣлалось извѣстно употребленіе мѣди, природа которой доступнѣе и количество больше, чѣмъ желѣза».

Какимъ образомъ произошло открытіе металловъ—мы не знаемъ, но, по всей вѣроятности, оно было дѣломъ случая. Почти вездѣ, гдѣ попадались людямъ на глаза блестящіе металлы, они сразу же обращали на себя вниманіе и ими начинали пользоваться для украшеній. При этомъ произошло разумѣется и ознакомленіе съ ихъ «металлическими» свойствами: тяжестью, ковкостью, тягучестью и плавкостью. А затѣмъ уже если не предположенная нами случайность, то сама тяжесть рудъ должна была навести человѣка на мысль, что внутри этихъ невзрачныхъ минераловъ можетъ заключаться подобный же металлъ, и онъ началъ разбивать руду, старался обработать ее и уже съ намѣреніемъ клалъ ее въ огонь, достигая такимъ образомъ превращенія ея въ блестящій металлъ. Одни металлы были мягче, но выдавались своей красотой, блескомъ и неизмѣняемостью, и были особенно годны для украшеній, какъ золото и серебро. Другіе обнаруживали по охлажденіи такую твердость, что острые края сдѣланныхъ изъ нихъ орудій могли вполнѣ замѣнять острые ребра камней. Камень отесывали, шлифовали — человѣкъ пробовалъ дѣлать то-же самое и съ металломъ. Но при этомъ пришлось узнать на опытѣ, что изъ мѣди можно выковать очень тонкое остріе, а съ другой стороны человѣку пришло въ голову воспользоваться съ той же цѣлью ея плавкостью. Оттиснувши въ пескѣ или глинѣ каменнымъ топоромъ его форму, человѣкъ налилъ въ нее расплавленный металлъ и черезъ нѣкоторое время вынулъ изъ нея, правда грубое, но твердое, острое и красивое металлическое орудіе.

Такимъ, вѣроятно, способомъ дошелъ человѣкъ до обработки и употребленія металловъ *). Какъ это произошло относительно каждаго изъ металловъ въ частности,—этого мы, конечно, не можемъ сказать. Мы не знаемъ, гдѣ и когда были открыты впервые различные металлы, гдѣ появилась первая обработка мѣди и гдѣ желѣза, гдѣ было сдѣлано первое золотое украшеніе. Повидимому одни и тѣ же металлы появились во многихъ мѣстахъ, если не одновременно, то по крайней мѣрѣ самостоятельно. Какимъ бы способомъ однако ни открылъ человѣкъ металлы, или, выражаясь словами Лукреція, «позналъ ихъ силу», открытіе это во всякомъ случаѣ было неожиданнымъ поворотомъ въ развитіи культуры и способствовало ея дальнѣйшему осложненію.

Само собою разумѣется, что, ознакомившись съ металлами, человѣкъ не разстался сразу съ издѣліями изъ камня. Въ первое время этого не дозволяла и сравнительная рѣдкость новаго металла, приготовленіе котораго требовало времени, а отливка не всегда могла быть удачной. Въ теченіи извѣст-

*) Лукрецій предполагалъ, что человѣчество познакомилось съ выплавкой металловъ случайно, при пожарѣ дѣвственныхъ лѣсовъ въ мѣстностяхъ, богатыхъ рудами. Такъ же думалъ и E. Reyer. Другіе, какъ напр. Goguet, полагали, что идея плавить руду могла быть внушена вулканами.

наго времени поэтому обѣ культуры—каменная и металлическая—существовали рядомъ, параллельно одна другой. Но со временемъ металлъ все-таки получилъ большее распространеніе и занялъ первенствующее мѣсто въ техникѣ. Съ этой точки зрѣнія, основываясь на доказанности факта совмѣстнаго въ теченіи извѣстнаго времени употребленія и каменныхъ и металлическихъ орудій, мы можемъ раздѣлить доисторическую культуру на двѣ большія части: культуру каменнаго вѣка и культуру вѣка металловъ, причемъ ко второй изъ нихъ отнесемъ и переходную эпоху, начиная съ того момента, когда металлъ рядомъ съ камнемъ сдѣлался важнымъ факторомъ человѣческой культуры.

Первыми металлами, которыми сталъ пользоваться человѣкъ, были, вѣроятно, тѣ, которые попадаются на поверхности почвы въ блестящемъ состояніи и которые должны были поэтому прежде другихъ обратить на себя вниманіе человѣка, каковы золото и мѣдь. Такъ оно было и въ самомъ дѣлѣ. Изъ четырехъ металловъ, играющихъ наиболѣе важную роль въ археологіи: золота, мѣди, бронзы и желѣза — первые два наиболѣе древни. Оба они обнаружили сильное вліяніе на ходъ человѣческой культуры, но истиннымъ культурнымъ металломъ въ археологическомъ смыслѣ слова, металломъ, служившимъ для приготовленія орудій и оружія, была изъ нихъ только мѣдь, въ особенности тамъ, гдѣ ее находили въ самородно-чистомъ видѣ или куда она легко могла доставляться путемъ торговли. Другіе два культурные металла—бронза и желѣзо—позднѣйшіе. У насъ они всюду появляются много позже [197]).

Изъ драгоцѣнныхъ металловъ вѣроятно прежде всего стало извѣстнымъ золото [198]), находимое на поверхности земли въ видѣ блестящихъ зеренъ и самородковъ въ наносномъ пескѣ (розсыпяхъ) или въ видѣ прожилокъ и частицъ, вкрапленныхъ въ пласты кварца. Блескъ и особенныя свойства золота ввели его скоро въ общее употребленіе. Въ находкахъ каменнаго вѣка оно обыкновенно не встрѣчается и появляется лишь въ концѣ его. Г. де Мортилье относитъ поэтому появленіе золота къ Робенгаузенской эпохѣ. На то, что оно дѣйствительно было извѣстно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, уже въ концѣ каменнаго вѣка, указываетъ намъ и лингвистика. Шрадеръ доказываетъ, что въ эпоху, когда индоевропейскія племена составляли еще одно цѣлое, они жили въ состояніи каменнаго вѣка, но были уже знакомы съ мѣдью и золотомъ. Для обоихъ этихъ металловъ близкіе между собою индоевропейскіе языки имѣютъ общія названія. Въ Чехіи намъ пока еще неизвѣстно ни одного случая находки золота въ отложеніяхъ каменнаго вѣка, но зато въ наиболѣе древнихъ мѣстонахожденіяхъ Индіи, Египта, Эѳіопіи, Ассиріи, Малой Азіи и южной Европы золотые предметы были находимы, главнымъ образомъ впрочемъ въ эпоху бронзы.

Въ этихъ странахъ были извѣстны уже съ древнихъ поръ многія золотыя розсыпи. Оттуда, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, напр. Гернеса, знакомство съ золотомъ проникло и въ сѣверную Европу, что возбудило вниманіе и къ мѣстонахожденіямъ золота во Франціи и въ Испаніи (гдѣ по свидѣтельству древнихъ историковъ находили его самородками вѣсомъ въ полфунта), въ Зальцбургѣ, Тиролѣ, Босніи, Македоніи, Венгріи, Седмиградской области, въ Чехіи на р. Отавѣ и пр. Особенно богаты золотомъ Венгрія, Седмиградская область и Уральскія горы.

Серебро, названіе котораго означаетъ почти во всѣхъ языкахъ «бѣлый, блестящій», встрѣчается вообще лишь въ позднѣйшихъ отложеніяхъ, изъ чего мы можемъ заключить, что оно было открыто позже чѣмъ золото. Въ пользу этого говоритъ и то обстоятельство, что оно встрѣчается въ Европѣ рѣдко въ чистомъ самородномъ видѣ, чаще же всего въ видѣ рудъ, обработка которыхъ такъ же трудна, какъ и обработка желѣзныхъ рудъ. Наиболѣе богатыя мѣстонахожденія самороднаго серебра въ Европѣ, именно въ Konsberk'ѣ въ Норвегіи, въ древнѣйшія времена не были вовсе извѣстны, также какъ и менѣе богатыя мѣстонахожденія въ Саксоніи, Чехіи, Венгріи и Седмиградской области. Серебряныя руды (аргентитъ, галенитъ и т. п.) попадаются главнымъ образомъ на Гарцѣ, въ Штиріи, въ Греціи, въ Испаніи, въ Чехіи (въ Красныхъ горахъ и въ Пржибрамѣ) и проч. *). Богаты также серебромъ и нѣкоторыя ближайшія къ Европѣ азіатскія страны, какъ напр. Понтійскій край и Арменія. Уже Гомеръ указываетъ тамъ мѣстонахожденіе серебра въ г. Алибѣ.

Достовѣрныя находки серебра въ отложеніяхъ каменнаго вѣка—намъ неизвѣстны. Оно начинаетъ появляться только въ эпоху металловъ. Въ Центральной Европѣ оно попадается прежде всего въ эпоху бронзы. Въ гробницахъ этой эпохи оно было найдено братьями Siret въ Испаніи, въ могилахъ изъ окрестностей долины Cuevas, откуда добывали его и финикіяне. По мнѣнію Г. де Мортилье, пока еще нельзя установить съ достовѣрностью время появленія серебра въ Европѣ; несомнѣнно, оно было однимъ изъ позднѣйшихъ металловъ. Археологическія раскопки въ Зальцбургѣ и Галльштаттѣ не дали серебряныхъ издѣлій, хотя въ Штиріи его добывали уже въ доисторическія времена; въ Италіи и въ Галліи оно также очень рѣдко въ находкахъ. Въ странахъ, гдѣ золото и серебро были въ изобиліи, очень часто примѣшивали второе къ первому. Золото вслѣдствіе этого принимало болѣе блѣдный цвѣтъ

*) Въ концѣ доисторическихъ временъ оно было въ Чехіи уже въ изобиліи. По словамъ русской начальной лѣтописи, оно вывозилось уже въ концѣ перваго тысячелѣтія нашей эры даже въ Болгарію; большія уплаты, производившіяся чехами нѣмецкимъ императорамъ серебромъ и золотомъ, свидѣтельствуютъ также о богатствѣ Чехіи этими драгоцѣнными металлами.

и извѣстно было подъ греческимъ названіемъ электрона. Электронъ очень часто встрѣчается въ находкахъ греческихъ, египетскихъ, мало-азіатскихъ, южно-русскихъ, и уже Гомеръ очень часто упоминаетъ о немъ. По рецепту, сообщаемому Плиніемъ, электронъ составлялся посредствомъ примѣшиванія 20% серебра къ золоту.

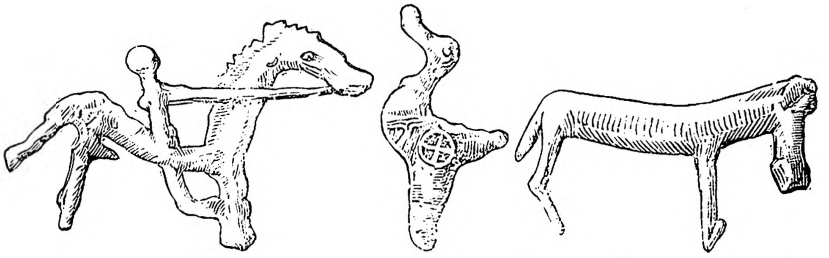


Рис. 139. Свинцовыя фигурки изъ гробницы въ Frögg (Хорутанія).

Свинецъ сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ, кажется, одновременно съ серебромъ, такъ какъ серебро въ рудахъ обыкновенно бываетъ въ сопровожденіи свинца [199]). Нѣкоторыя свойства его, какъ напр. легкая окисляемость, не особенно красивый цвѣтъ, мягкость—не доставили ему большого значенія въ доисторической культурѣ. Онъ, впрочемъ, попадается изрѣдка въ находкахъ, но почти всегда въ качествѣ матеріаловъ для украшеній, вродѣ, напр., фигурокъ, найденныхъ въ Фроггѣ въ Хорутаніи (см. рис. 139), или въ видѣ такъ назыв. «вотивныхъ» топориковъ въ Франціи, Италіи и др. странахъ. Г. де Мортилье относитъ начало употребленія свинца къ Гальштаттскому періоду, въ теченіе котораго въ первый разъ попадаются и чисто свинцовыя издѣлія; но на югѣ Европы свинецъ встрѣчается уже въ находкахъ бронзоваго вѣка, какъ напр. въ гробницахъ на о-вѣ Аморгѣ, одномъ изъ Циклад-скихъ о-вовъ, а также въ Чехіи въ находкахъ того-же времени. Большой процентъ свинца и цинка въ бронзѣ характеризуетъ, какъ мы увидимъ далѣе, издѣлія позднѣйшихъ доисторическихъ временъ.

Олово [200]) точно также, если и попадается гдѣ-нибудь въ находкахъ въ чистомъ видѣ, то служило главнымъ образомъ для украшеній и больше всего для накладныхъ работъ на другомъ матеріалѣ. Уже Гомеръ упоминаетъ о щитахъ, выложенныхъ украшеніями изъ олова, и подобнаго рода произведенія, по словамъ г-жи Месторфъ, были найдены и въ скандинавскихъ гробницахъ. Очень интересны также выложенные оловомъ сосуды изъ свайныхъ построекъ въ Швейцаріи, Савойѣ (на озерахъ Бурже и Невшательскомъ) и изъ датскихъ находокъ бронзоваго вѣка. Тѣмъ не менѣе употребленіе чистаго олова въ доисторической культурѣ было необширно и оно находило себѣ больше примѣненія въ качествѣ одной изъ составныхъ частей бронзы, какъ объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Въ вопросѣ о происхожденіи бронзовой культуры очень важно разъяснить, откуда получалось необходимое для приготовленія бронзы олово. Употребленіе бронзы могло очевидно возникнуть только тамъ, гдѣ залежи олова были подъ рукой или по крайней мѣрѣ достаточно близко для полученія его путемъ торговыхъ сношеній. Въ Европѣ въ настоящее время его находятъ во многихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ видѣ оловяннаго камня *), какъ напр. въ Англіи, въ Испаніи, во Франціи (въ Бретани), въ Россіи, въ Саксоніи и въ Рудныхъ городахъ Чехіи. Но всѣ эти мѣсторожденія олова въ древнія времена не были еще извѣстны, за исключеніемъ однихъ только рудниковъ на Касситеридскихъ островахъ въ Британіи, о чемъ мы имѣемъ прямыя историческія извѣстія, а также рудниковъ въ Испаніи. Послѣдніе впрочемъ по своей незначительности не могутъ идти въ счетъ. Важное значеніе имѣли только первые, и всѣ классическія бронзы—греческія и римскія приготовлялись съ помощью, главнымъ образомъ, британскаго олова. Въ наиболѣе древнія времена оно доставлялось въ города по берегамъ Средиземнаго моря финикіянами, потомъ привозили его также греческіе купцы (главн. обр. массиліоты) и римскіе. По извѣстіямъ Ю. Цезаря и Діодора Сицилійскаго оловяная руда добывалась на «Касситеридскихъ островахъ». Подъ этимъ названіемъ скорѣе всего можно понимать Корнуэльсъ и Девонширъ на югѣ Англіи. Тамъ жило племя, торговавшее оловомъ, главные рынки котораго были на островѣ Vectis (нынѣшній о-въ Уайтъ). Діодоръ называетъ эту рудоносную страну Белеріонъ.

Но дѣйствительно-ли вся европейская бронзовая культура и особенно наиболѣе древнія бронзы доисторической эпохи обязаны были своимъ происхожденіемъ британскому олову и можно ли считать несомнѣннымъ, что употребленіе бронзы началось въ Европѣ самостоятельно—это еще большой вопросъ, разрѣшеніе котораго, при нынѣшнемъ состояніи науки, не совсѣмъ легко. Необходимо, какъ мы увидимъ далѣе, обратить вниманіе и на другія мѣстонахожденія олова.

Кромѣ Европы, давно уже извѣстны большія залежи оловяннаго камня въ Малой Азіи возлѣ Синопа, затѣмъ въ сѣверной части Хорассана, на Паропамизѣ въ Иранѣ, въ Западной Индіи на Меварской возвышенности, въ Удайпурѣ, Дарикѣ, Гузератѣ, въ Восточной Индіи, въ Бирманіи, на Малаккѣ и Зондскихъ о-вахъ, больше же всего на о-вахъ Банка и Биллитонъ между Суматрой и Борнео. Въ Египтѣ олова нѣтъ, но оно появляется уже

*) Оловянный камень представляетъ собою окись олова, дѣйствіемъ жара превращаемую въ чистый металлъ; его находятъ или въ видѣ гнѣздъ и жилъ главнымъ образомъ въ гранитныхъ породахъ или, чаще всего, въ кускахъ и валунахъ въ наносахъ, образовавшихся путемъ вывѣтриванія горныхъ породъ. Такого рода мѣстонахожденіями особенно богаты Бирманія, Малакка и Зондскіе о—ва.

въ ассиро-аккадійскихъ надписяхъ подъ именемъ каздура, ассир. kasazatir; греческое названіе его κασσίτερος, по мнѣнію однихъ, какъ напр. Шрадера—ассирійскаго происхожденія, по мнѣнію же другихъ — оно было взято изъ санскрита, гдѣ олово называется kastira. Въ послѣднее время Sal. Reinach выразилъ мнѣніе, что первоначально это слово принадлежало кельтскому языку и было взято отъ названія Касситеридскихъ острововъ, откуда было занесено финикійскими купцами въ Грецію и оттуда уже въ Индію *).

Сурьма. Очень интересны доисторическія находки сурьмы. Еще недавно думали, что чистая сурьма въ древности вообще не была извѣстна, а знали только ея руду — сурьмяной блескъ (антимонитъ); но недавно Р. Вирховъ открылъ сурьму въ видѣ мелкихъ украшеній въ кавказскихъ мѣстонахожденіяхъ, въ Рѣдкиномъ лагерѣ, въ Кобани и проч. Затѣмъ она была найдена Сарзекомъ (Sarzec) въ развалинѣ Телло, Поллакомъ въ Ширазѣ,—въ новѣйшихъ находкахъ въ Крайнѣ въ Австріи и т. п.

Древніе египтяне употребляли антимонитъ (сѣрнистую сурьму) въ видѣ косметика, называвшагося «местемъ»» (греч. στίμμι), для черненія бровей **). Не безъинтересно упомянуть и о томъ, что настоящее косметическое средство изъ антимонія, какъ доказано теперь химическимъ анализомъ остатковъ его на муміяхъ, замѣнялось уже въ тѣ времена, въ качествѣ суррогата, подобнымъ же красящимъ веществомъ изъ олова, потому безъ сомнѣнія, что сурьма была рѣдка и дорога.

Наиболѣе важными металлами были мѣдь и желѣзо. Если мы разсмотримъ всѣ доисторическія находки въ Европѣ и распредѣлимъ ихъ сообразно матеріалу, который преобладаетъ въ нихъ, т. е. который служилъ для приготовленія оружія и орудій, то мы получимъ три большія группы. Въ одной изъ нихъ главнымъ матеріаломъ былъ камень, въ другой—бронза и въ третьей—желѣзо. Отсюда понятно раздѣленіе доисторическихъ временъ на три главныхъ эпохи, начавшее входить въ науку уже въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія. Первый установилъ его Христіанъ Томсенъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о скандинавскихъ древностяхъ «Ledetraad til Nordisk

*) Слово kassi встрѣчается часто въ кельтскихъ названіяхъ, въ собственныхъ и родовыхъ именахъ. С. Рейнахъ объясняетъ «insulae Cassiterides» какъ «далекіе» острова [201]). Подобное объясненіе было, сколько намъ извѣстно, предложено еще въ 1890 г. д-ромъ L. Wilser'омъ.

**) Это притиранье было очень широко распространено на всемъ востокѣ и удержалось тамъ и до сихъ поръ (ср. турец. sürme, араб. kihal). Съ востока оно перешло въ Европу—въ Грецію и Римъ, гдѣ было очень хорошо извѣстно въ дамскомъ мірѣ подъ назв. «kalliblepharon». Еще въ X в. оно, по словамъ Казвини, было извѣстно въ Шлезвигѣ. Въ Московской Руси оно употреблялось съ древнихъ временъ, а въ восточныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ употребляется и теперь. Выраженіе «насурмить брови» общеизвѣстно.

oldkyndighed», вышедшемъ въ Копенгагенѣ въ 1836 г. Классификація Томсена сдѣлалась скоро общепринятою и долгое время признавалось безспорною. Только въ теченіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій она стала встрѣчать себѣ противодѣйствіе, и вызвала даже рѣзкія пренія о такъ назыв. системѣ трехъ періодовъ [202]). Въ этихъ преніяхъ надо впрочемъ различать два обстоятельства: иногда спорили только кѣмъ и когда первый разъ было предложено раздѣленіе на три періода и кому принадлежитъ главная заслуга въ этомъ отношеніи, иногда же—о томъ, справедливо-ли это дѣленіе вообще.

Первый изъ этихъ вопросовъ обязанъ отчасти своимъ происхожденіемъ международнымъ столкновеніямъ. Послѣ несчастной для датчанъ шлезвигъ-гольштейнской войны, возникла въ значительной степени народная ненависть между датчанами и нѣмцами, даже и въ наукѣ, и между прочимъ возбудился споръ о томъ, кому принадлежитъ первенство въ установленіи трехъ періодовъ: Томсену или нѣмцу Эккарду, профессору въ Брауншвейгѣ († въ 1730 г.), который уже въ своей книгѣ «De origine Germanorum», изданной послѣ его смерти въ 1750 г., провозгласилъ формулу: «lapideis armis apud omnes successere aerea». Но вскорѣ подобныя же возраженія послѣдовали и съ другихъ сторонъ: французы указали на Goguet, который въ 1758 г. въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о происхожденіи законовъ, искусствъ и наукъ (см. наше историческое введеніе стр. X) подраздѣлялъ жизнь человѣчества на три эпохи: каменную, бронзовую и желѣзную; англичане—на Rich. Colt'a Hoare, который тоже выразилъ когда-то подобное-же мнѣніе,—и эти безплодные споры наполняли собою нерѣдко столбцы разныхъ археологическихъ журналовъ. Мы полагаемъ, что если дѣло идетъ о томъ, кто первый провозгласилъ принципъ трехъ періодовъ, то это не былъ ни Томсенъ, ни Эккардъ, ни Гогэ, а еще Гезіодъ и Лукрецій, которые, въ свою очередь, заимствовали, какъ кажется, свое утвержденіе изъ народныхъ преданій. Но если вопросъ ставится такъ—кто далъ этому раздѣленію первыя научныя основанія и подтвердилъ его археологическими данными—то первенство въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ Хр. Томсену.

Другой вопросъ о системѣ трехъ періодовъ, гораздо болѣе трудный и сложный, вызвалъ не менѣе острую научную полемику. По тѣмъ же причинамъ, что и въ предыдущемъ вопросѣ, а кромѣ того еще и по другимъ (датскіе и шведскіе ученые, напр., высказывали сомнѣніе въ научныхъ достоинствахъ нѣмецкихъ музеевъ), въ Германіи начались нападки на правильность системы Томсена. Главный шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ Христіаномъ Гостманномъ [203]), а поводомъ къ его нападенію послужила книга шведскаго изслѣдователя д-ра H. Hildebrand'a «Das heidnische Zeitalter in Schweden» (нѣм. пер. Hamburg 1873), въ которой этотъ ученый

рѣшительно высказался въ пользу системы трехъ періодовъ и упрекнулъ нѣмцевъ въ несистематичности ихъ изслѣдованій. Гостманнъ отвѣтилъ очень рѣзко и подвергъ строгой критикѣ, какъ книгу Гильдебранда, такъ и всю скандинавскую систему. При этомъ онъ отрицалъ даже тотъ фактъ, что культура Европы пережила три упомянутыя стадіи своего развитія. По его мнѣнію металлы, въ томъ числѣ и желѣзо, были извѣстны человѣку уже въ эпоху, которую мы называемъ каменною только потому, что въ теченіи ея кромѣ металловъ употреблялся для орудій и оружія также и камень. Но употребленіе камня, по его мнѣнію, обусловливалось не столько практическими соображеніями, сколько религіозными; находки каменныхъ топоровъ свидѣтельствуютъ только о древнемъ особомъ почитаніи камней, удержавшемся и до нашихъ временъ (ср. то, что было сказано въ введеніи о громовыхъ стрѣлахъ). Поэтому каменныя орудія представляютъ собой прежде всего символическія изображенія, хотя этимъ не отрицается и возможность ихъ практическаго употребленія. Далѣе Гостманнъ думаетъ, что нѣмецкіе мегалитическіе памятники были сооружены германцами, и что поэтому древность ихъ не заходитъ далѣе 500 лѣтъ до нашей эры; позднѣйшіе же изъ нихъ были поставлены не позже V—VI вѣка нашей эры. Каменнаго вѣка на сѣверѣ Европы вовсе не было. Бронзовый вѣкъ, въ свою очередь, представляетъ не что иное, какъ эпоху, когда путемъ торговли доставлялись съ юга, въ среднюю и сѣверную Европу, бронзовыя издѣлія; никакого же особеннаго, самостоятельнаго періода бронзы, никакого мѣстнаго развитія бронзовой промышленности, по его словамъ, вовсе не было. Вслѣдствіе этого сѣверныя, напр., бронзы относятся не къ доисторической, а къ классической археологіи и т. д. и т. д.

Этими идеями Гостмана увлеклись и другіе, главнымъ образомъ L. Lindenschmit, Otto Schrader, A. Rauber, Ch. Petersen, Wright, J. Percy, J. Southall, Halma du Fretay, Alex. Ecker и др. *). Въ Чехіи въ настоящее время теорія эта раздѣляется проф. J. Smolik'омъ. Напротивъ, почти всѣ болѣе извѣстные современные археологи высказываются за систему трехъ періодовъ.

Теорія Гостманна и подобныя ей безусловно ложны и въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи читатели неоднократно найдутъ возможность въ этомъ убѣдиться. Въ послѣднее время онѣ были подвергнуты очень рѣзкой, но вполнѣ справедливой критикѣ д-ромъ Гёрнесомъ [204]). Но было-бы большимъ произво-

*) Нѣсколько иная теорія была предложена Ed. Tylor'омъ. Онъ думаетъ, что бронза и желѣзо были извѣстны одновременно, но что въ доисторическія времена эпоха бронзы дѣйствительно предшествовала эпохѣ желѣза, потому что бронза въ теченіи долгаго времени была доступнѣе, дешевле и удобнѣе для обработки, чѣмъ желѣзо. Когда произошло измѣненіе въ обратномъ смыслѣ—наступила эпоха желѣза. Подобныя же теоріи были предложены Beck'омъ, Blümner'омъ и др.

ломъ—и въ этомъ отношеніи Гостманнъ совершенно правъ,—ставить въ зависимость (какъ это сдѣлалъ Гильдебрандъ) новую эпоху и новую культуру съ приходомъ въ Европу новаго населенія. Съ другой стороны, никто не отрицаетъ того, что бронзовыя издѣлія заносились путемъ торговли съ юга на сѣверъ Европы, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что бронзовая культура не ограничивалась только такими привозными издѣліями, а развивалась въ разныхъ странахъ и самостоятельно, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже вполнѣ своеобразно и богато, какъ это мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Желѣзо вошло въ употребленіе много позже, и Гостманнъ, несомнѣнно ошибался, доказывая, напр., что уже Гомерово χαλκος—обозначало желѣзо (сталь) и что тонкіе орнаменты, встрѣчаемые нами на бронзовыхъ предметахъ, могли быть сдѣланы только при помощи твердой стальной иглы. Графъ Вурмбрандъ и Софусъ Мюллеръ доказали путемъ опыта, что это могло быть достигнуто и при помощи бронзоваго орудія.

Нѣкоторыя мѣстонахожденія показываютъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ, что постепенное развитіе культуры проходило въ отдѣльныхъ странахъ Европы дѣйствительно черезъ три упомянутыя эпохи, какъ это доказываютъ, напр. свайныя постройки въ Швейцаріи и въ Италіи. Весьма интересны также въ этомъ отношеніи датскіе торфяники.

Образованіе торфяниковъ обусловливается, какъ извѣстно, разложеніемъ и медленнымъ гніеніемъ на болотистыхъ мѣстахъ растеній, главнымъ образомъ травянистыхъ, но иногда и кустарниковъ и деревьевъ. Толщина этихъ растительныхъ остатковъ, называемыхъ торфомъ, постепенно возрастаетъ и если-бы было возможно вычислить съ точностью ежегодный приростъ торфа, то не трудно было-бы опредѣлить древность предмета, найденнаго, положимъ, на глубинѣ 3-хъ метровъ. Попытки подобныхъ опредѣленій и дѣлались, но безъ особенно точныхъ результатовъ. Оказалось, что ростъ торфа также происходитъ неравномѣрно, а вслѣдствіе этого основанныя на величинѣ этого роста хронологическія опредѣленія не могутъ имѣть большого значенія. По поводу этого можно сказать то-же, что было сказано нами ранѣе объ опредѣленіяхъ древности различныхъ четвертичныхъ пластовъ.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые торфяники, особенно датскіе, доставили очень интересный матеріалъ для доисторической археологіи. Наиболѣе они были изслѣдованы Яп. Стенструпомъ, на о—вѣ Зееландѣ. Тамъ на почвѣ четвертичныхъ отложеній образовались въ послѣледниковый періодъ большія углубленія съ достаточно крутыми закраинами, въ которыхъ задерживалась вода и которыя покрывались или лѣсною растительностью (по-датски этого рода торфяники назыв. skovmose) или луговою (kjaermose, lyngmose), превращавшеюся мало-по-малу въ торфъ, причемъ въ него попадали и большія деревья, выроставшія на крутомъ обрывѣ береговъ и въ теченіи вѣковъ

скатывавшіяся въ болото. Въ лѣсныхъ торфяникахъ образовались такимъ образомъ цѣлые пласты изъ скатившихся древесныхъ стволовъ. По остаткамъ хвойныхъ деревьевъ, находимыхъ на днѣ торфяниковъ и въ настоящее время въ Даніи болѣе не растущихъ, мы можемъ заключить, что въ послѣ-ледниковый періодъ растительность Даніи была совсѣмъ не такою какъ теперь, и именно, что въ ней преобладали хвойныя деревья. За этой эпохой слѣдовала другая съ преобладаніемъ уже лиственной растительности, состоявшей главн. обр. изъ дуба, пока наконецъ и надъ нимъ не взялъ перевѣсъ букъ, остающійся и въ настоящее время характернымъ деревомъ датскихъ лѣсовъ. Причины этихъ измѣненій мы должны искать въ перемѣнахъ климата и характера почвы. По мнѣнію Стенструпа, для образованія слоя торфа толщиною отъ 5 до 7 метровъ требовалось по крайней мѣрѣ 10—12000 лѣтъ, но вычисленіямъ этимъ, какъ мы уже замѣтили, нельзя придавать полной вѣры.

Указанная интересная палеонтологическая послѣдовательность имѣетъ не менѣе важное значеніе и для археологіи, такъ какъ въ нижнихъ слояхъ торфа, состоящихъ изъ хвойныхъ растеній и заключающихъ въ себѣ остатки зубра, тетерева и т. п., были найдены также и каменныя орудія. Эти издѣлія рукъ человѣческихъ, равно какъ и фауна, соотвѣтствуютъ неолитической эпохѣ, точнѣе—эпохѣ «кухонныхъ остатковъ», kjökkenmödding'овъ. Вмѣстѣ съ стволами сосны были найдены и кости tetrao (тетерева), птицы живущей только въ хвойныхъ лѣсахъ. Уже находки въ kjokkenmödding'ахъ заставляли думать, что въ соотвѣтствовавшую имъ эпоху въ Даніи были распространены главн. обр. голосѣмянныя растенія; «scovmoser»—только подтвердили это. Зато другой слой—дубовой растительности относится уже, судя по находкамъ, къ бронзовому вѣку, а верхній, заключающій въ себѣ остатки бука и другихъ растительныхъ видовъ, преобладающихъ въ Даніи и теперь—къ желѣзному. Такимъ образомъ, хронологическая послѣдовательность трехъ культурныхъ эпохъ прямо подтверждается въ Даніи соотвѣтствующими палеонтологическими напластованіями, заключающими въ себѣ характерныя издѣлія каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ.

Все до сихъ поръ сказанное—другія доказательства будутъ приведены нами въ дальнѣйшемъ изложеніи—заставляетъ насъ признать, что для Европы вообще,—старинное раздѣленіе доисторическихъ временъ на три культурныя эпохи: каменную, бронзовую и желѣзную, предложенное Томсеномъ, сохраняетъ до сихъ поръ свое значеніе, и всѣ сдѣланныя противъ него возраженія были съ успѣхомъ отражены *). Тѣмъ не менѣе является, какъ кажется, необходимымъ внести въ это

*) Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ встрѣчается иное дѣленіе эпохъ. Такъ Шантръ и Г. де Мортилье употребляютъ термины: période préhistorique для каменной и бронзовой эпохъ, pér. protohistorique—для начала желѣзной эпохи и

раздѣленіе одно, нисколько впрочемъ ему не противорѣчащее, дополненіе, а именно установить если не четыре самостоятельныхъ эпохи, то по крайней мѣрѣ вставить между первою и второю—промежуточную эпоху, такъ назыв. мѣдную.

Что отдѣльная эпоха мѣди существовала въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, въ этомъ теперь уже не можетъ быть сомнѣнія. Но предшествовала-ли она всюду въ Европѣ эпохѣ бронзы—это до сихъ поръ составляетъ еще вопросъ, хотя о большей ея части мы можемъ предполагать съ достаточною достовѣрностью, что эпоха мѣди здѣсь существовала. Дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ, возможно-ли распространить эту переходную эпоху и на другія страны Европы.

Теоретически существованіе самостоятельной эпохи мѣди вполнѣ допустимо. Представляется совершенно естественнымъ, что человѣкъ, прежде чѣмъ дошелъ до познанія и употребленія сплава мѣди и олова, познакомился сначала съ мѣдью и ея свойствами. Поэтому можно предположить съ достаточною вѣроятностью, что прежде изготовленія своихъ орудій изъ бронзы, онъ началъ дѣлать ихъ изъ мѣди, въ особенности тамъ, гдѣ мѣдь была для него доступнѣе, чѣмъ оловянная руда. Мѣдныхъ рудниковъ въ доисторическія времена было извѣстно достаточное количество, какъ въ самой Европѣ, такъ и особенно на связанномъ постоянными торговыми сношеніями съ Европой—Востокѣ *). Мѣдь встрѣчалась въ Азіи въ большомъ количествѣ въ Сибири, на Кавказѣ, въ Ливанскихъ горахъ, и проч. Наиболѣе же замѣчательныя залежи ея были на островѣ Кипрѣ, откуда она получалась въ теченіе всей классической древности и откуда черезъ посредство латинскаго языка произошло и одно изъ позднѣйшихъ ея названій (aes cyprium, cuprum, Kupfer, албан. Kjiprea). Другіе замѣчательные мѣдные рудники находились на Синайскомъ полуостровѣ возлѣ нынѣшняго Vâdî-Magâr'a. Властители Египта учредили тамъ большую колонію преступниковъ, которые гибли тысячами въ шахтахъ, добывая при помощи каменныхъ орудій мѣдную руду. Добыча мѣди была тамъ нѣкогда очень велика, но уже при фараонѣ Рамзесѣ III рудники были совершенно истощены.

---

pér. moderne для времени расцвѣта желѣзной эпохи, эпохъ римской, византійской и меровингской. Въ Чехіи и Моравіи различаютъ названія pravěký и předvěký.

*) Мѣдь встрѣчается чаще всего въ соединеніи съ кислородомъ или съ сѣрою. Обыкновенно ближайшія къ поверхности залежи состоятъ изъ окисловъ мѣди, а нижнія—изъ сѣрнистыхъ соединеній. Это имѣло важное значеніе для древней металлургіи, такъ какъ сначала добывали верхній, легче доступный и легче обрабатываемый слой окисловъ, дойдя-же до нижняго, сѣрнистаго слоя, который обрабатывали въ древности съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, оставляли мѣсторожденіе и искали другихъ залежей.

Въ Европѣ мѣдные рудники разрабатывались уже въ доисторическія времена, въ Испаніи въ Penaflor'ѣ, въ Севильскомъ округѣ, на Mitterberg'ѣ въ Бишофсгофенѣ, въ Зальцбургѣ, и на Kelchalpe въ Кицбюгелѣ, въ Тиролѣ; въ этихъ мѣстностяхъ были найдены древнія копи съ примитивными орудіями, съ остатками одежды, дровъ и посуды. На Миттербергѣ была открыта одна штольня, залитая водою, въ которой прекрасно сохранились древнія деревянныя подпорки, фрагменты деревянныхъ, каменныхъ и мѣдныхъ орудій, остатки факеловъ и множество шлаковъ, сваленныхъ возлѣ плавильныхъ печей. Черепки посуды, сохранившіеся въ этомъ рудникѣ и въ тирольскомъ Кельхальпѣ вполнѣ сходны съ керамикой свайныхъ построекъ, чѣмъ подтверждается, по крайней мѣрѣ отчасти, современность этихъ рудниковъ съ свайными поселеніями въ Швейцаріи. Теперь особенно богата мѣдью Швеція, но рудники этой страны, по мнѣнію О. Монтеліуса, стали разрабатываться лишь спустя тысячу лѣтъ по окончаніи эпохи бронзы [205]).

Эпоха мѣди была доказана впервые Фр. Пульскимъ (Fr. Pulszky) для Венгріи, потомъ существованіе ея было наиболѣе защищаемо M. Much'омъ и въ новѣйшее время Ундсетомъ и О. Монтеліусомъ [206]). Съ большей сдержанностью относятся къ этому вопросу Гроссъ (V. Gross), Сомбати (Szombaty), Гёрнесъ и Г. де Мортилье. По мнѣнію Муха уже неолитическая культура въ Европѣ принадлежала арійскому племени. А такъ какъ Шрадеръ доказалъ, что арійцамъ въ концѣ каменнаго вѣка была уже извѣстна мѣдь, то Мухъ приходитъ къ заключенію, что арійцы, принесшіе въ Европу культуру неолитическаго періода, земледѣліе, скотоводство и т. п., принесли съ собой также и знакомство съ мѣдью, но добывали и употребляли ее въ Европѣ только тамъ, гдѣ находили этотъ металлъ подъ рукою.

Существованіе особенной мѣдной эпохи очень вѣроятно для австрійскихъ и швейцарскихъ свайныхъ построекъ, для части Франціи и вполнѣ доказано для Испаніи, особенно же для Венгріи, Седмиградской области, восточной Европы а на юго-востокѣ для о-ва Кипра.

Изъ австрійскихъ свайныхъ построекъ орудія, приготовленныя изъ чистой мѣди, были найдены главн. обр. въ стоянкѣ на оз. Mondsee, изъ швейцарскихъ—на озерахъ Нейенбургскомъ и Бильскомъ. Такъ напр. въ свайныхъ постройкахъ на Mondsee было найдено 14 мѣдныхъ топоровъ, 6 кинжаловъ и цѣлый рядъ мелкихъ предметовъ. О томъ, что все это было сдѣлано изъ мѣди на мѣстѣ, свидѣтельствуютъ найденные тамъ же маленькіе тигли для выплавки металла. Мѣдная руда доставлялась туда очевидно изъ недалекаго мѣсторожденія ея на Миттербергѣ въ Зальцбургѣ, о которомъ мы уже упоминали выше.

Мѣдная эпоха въ Швейцаріи, по мнѣнію В. Гросса, совпадаетъ вполнѣ съ третьимъ періодомъ неолитической эпохи (ср. стр. 103—104), къ ней относятся

напр. поселенія Фенильское, Фонтское, Св. Власія (de St. Blaise), Люшерское и пр. Въ Фенильской стоянкѣ Фелленбергъ и Гроссъ нашли около сотни предметовъ изъ чистой мѣди, по большей части кованныхъ. Въ Испаніи Вилланова и братья Сире (Siret) констатировали также ясные слѣды мѣдной эпохи. Мы полагаемъ, что по всей справедливости можно отнести къ этой эпохѣ тѣ мѣстонахожденія, въ которыхъ только одни украшенія оказались сдѣланными изъ бронзы; всѣ же орудія и оружіе состояли изъ чистой мѣди. Примѣромъ можетъ служить могильникъ въ Cuevas въ Альмеріи. Подобные же несомнѣнные слѣды мѣдной эпохи находимъ мы и въ Италіи. Въ гробницахъ въ Remedella di Sotto, въ провинціи Бресчіи, найдено было большое количество лежавшихъ на боку или на спинѣ въ скорченномъ положеніи скелетовъ. Находившіеся при нихъ предметы имѣли по большей части характеръ неолитическій, изъ металлическихъ же были только одинъ топоръ и два кинжала изъ мѣди. Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи могильникъ возлѣ Кумаролы, описанный Cavedoni и Castaldi. Въ немъ при каждомъ скелетѣ находился мѣдный кинжалъ и кремневая стрѣла, а иногда и каменный топоръ. Въ орудіяхъ нѣкоторыхъ свайныхъ поселеній процентъ олова въ бронзѣ оказывается иногда весьма незначительнымъ. Существованіе мѣдной эпохи въ французскихъ Севеннахъ доказывается A. Jeanjean'омъ [207]). По словамъ Леббока, въ Дублинскомъ музеѣ есть довольно большая коллекція мѣдныхъ топориковъ, а лучшій знатокъ британскихъ древностей, Эвансъ, признаетъ существованіе мѣдной эпохи и для Великобританіи.

Наибольшее количество мѣдныхъ орудій и оружія найдено было въ Венгріи. Для этой страны существованіе отдѣльной мѣдной эпохи можетъ быть при-

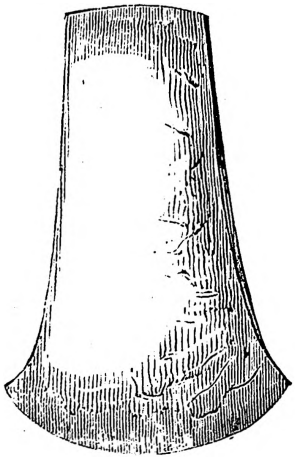


Рис. 140. Плоскій топоръ изъ мѣди.

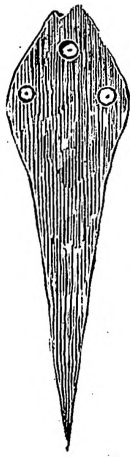


Рис. 141. Кинжалъ изъ мѣди.

нимаемо по преимуществу; обусловливалась же она здѣсь или тѣмъ, что олово въ это время вообще не было еще извѣстно, или же, какъ доказывалъ на

съѣздѣ въ Пештѣ въ 1876 г. Эвансъ, что металла этого въ теченіе долгаго времени недоставало для выдѣлки бронзовыхъ издѣлій. Мѣдные предметы въ Венгріи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, отличаются простотою своихъ типовъ. Это по большей части гладкіе плоскіе топорики съ расширеннымъ лезвеемъ.— типъ, который характеризуетъ и наиболѣе древніе топоры бронзоваго вѣка (рис. 140). Изъ предметовъ оружія встрѣчаются еще особенной формы кинжалы, вѣроятно кипрской работы, какъ будетъ объяснено далѣе, или плоскіе треугольные, снабженныя сквозными отверстіями на верхнемъ расширенномъ концѣ, для прикрѣпленія помощью трехъ и болѣе гвоздей, къ деревянной или костяной рукояткѣ (рис. 141). Изъ другихъ предметовъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ булавки или шпильки, рѣже—ножи, крючки для удочекъ и кружки: очень многочисленны также мѣдныя бусы или мониста (уже въ находкахъ неолитическихъ, напр. въ Ленгіэльскомъ могильникѣ и др.).

Предметы изъ мѣди находятъ въ Венгріи въ большомъ количествѣ на пространствѣ отъ Пресбурга и хорватской границы до города Maros-Vásárhely; на сѣверѣ естественною границею ихъ распространенія служатъ Карпаты, на западѣ же они достигаютъ до Австріи, тогда какъ на югѣ граница ихъ до сихъ поръ еще съ точностью не опредѣлена. Венгерскія мѣдныя издѣлія весьма отличаются своимъ видомъ отъ позднѣйшихъ бронзовыхъ; они большей частью кованныя, а не литыя и притомъ не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній. По всей вѣроятности кузнецы и литейщики мѣди не умѣли еще выдѣлывать на ней тѣхъ орнаментовъ, которые такъ многочисленны и такъ характерны на позднѣйшихъ орудіяхъ и оружіи изъ бронзы. Очень интересно сходство между нѣкоторыми венгерскими мѣдными древностями и кипрскими. Очевидно, что съ Кипромъ, гдѣ, какъ было уже сказано, находились очень богатыя копи мѣди, происходила уже въ то время оживленная торговля какъ сырымъ матеріаломъ, такъ и издѣліями изъ него. *) Указан-

*) На о-вѣ Кипрѣ эпоха мѣди процвѣтала долго. Это доказывается большимъ количествомъ находокъ, сдѣланныхъ или случайно безъ точнаго опредѣленія мѣстностей, или въ гробницахъ съ инвентаремъ, состоящимъ исключительно изъ мѣди: мѣдными плоскими топорами, наконечниками копій и стрѣлъ, кинжалами, серпами и разными украшеніями простѣйшей формы, безъ орнаментовъ. Кипрскія гробницы этой эпохи—двоякаго рода. Однѣ представляютъ четыреугольныя ямы, выкопанныя въ землѣ и вполнѣ похожія на наши могилы, другія же, встрѣчающіяся чаще, имѣютъ соединенную съ ямою особую камеру. Въ этой камерѣ помѣщалось несожженное тѣло, и отверстіе, ведущее отсюда въ главную яму, закрывалось каменною плитой. Сосуды этихъ гробницъ отличаются или полнымъ отсутствіемъ всякой орнаментаціи (болѣе древній типъ) или украшены врѣзанными черточками, выполненными мѣломъ—тотъ же видъ керамики, который мы встрѣчали въ Средней Европѣ уже въ позднѣйшій періодъ каменнаго вѣка, и на основаніи

работки рудниковъ мѣди попадаются также въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи.

Изъ сказаннаго можно заключить, что обработка мѣди въ этихъ мѣстностяхъ была нѣкогда очень распространена. Но мы и до сихъ поръ не можемъ еще рѣшить окончательно, была ли это самостоятельная эпоха мѣди, предшествовавшая бронзовой эпохѣ, или-же мѣдныя орудія и оружіе выдѣлывались просто по образцу бронзовыхъ, по той причинѣ, что при большомъ обиліи мѣди мѣстами не имѣлось олова, которое приходилось получать издалека.

На дальнемъ Востокѣ, культура котораго имѣла такое важное значеніе для развитія и европейской, существованіе самостоятельной эпохи мѣди, кажется, можно считать весьма вѣроятнымъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ Египетъ. Изъ разныхъ научныхъ споровъ выяснился фактъ, что древніе египтяне долгое время употребляли мѣдныя орудія. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ французскому археологу Оливье-Борегару (Ollivier-Beauregard). На древней египетской стѣнной живописи мы видимъ довольно часто и въ позднѣйшія эпохи орудія и оружіе, изображенныя красной краской, которою обозначались именно мѣдныя издѣлія, тогда какъ бронза передавалась желтымъ цвѣтомъ. Въ отчетахъ объ археологическихъ находкахъ въ Египтѣ тоже говорится очень часто объ издѣліяхъ изъ мѣди, хотя нельзя не замѣтить, что химическихъ анализовъ ихъ было произведено еще слишкомъ мало для полнаго уясненія этого вопроса. Находки, сдѣланныя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Флиндерсомъ Петри (Flinders Petrie) въ Кагунѣ и относящіяся ко времени XII династіи, т. е. къ концу третьяго тысячелѣтія до нашей эры, заключаютъ въ себѣ большое количество предметовъ, сдѣланныхъ изъ мѣди, но уже съ небольшою (около 2%) примѣсью олова. Эта примѣсь могла быть и натуральной *), но если бы она была и искусственной, т. е. если-бы олово было прибавлено намѣренно къ мѣди, то сплавъ, полученный такимъ образомъ, еще не представлялъ изъ себя бронзы, а сохранялъ всѣ наружныя свойства мѣди, оставался мягкимъ и краснымъ. При этихъ условіяхъ невозможно еще говорить о бронзовой культурѣ. Поэтому мы и эту находку должны причислить къ эпохѣ мѣди, тѣмъ болѣе что, по нашему мнѣнію, характеръ культуры опредѣляется не знакомствомъ съ извѣстнымъ металломъ, а его употребленіемъ. Подобно тому, какъ мы причислили къ неолитической эпохѣ и то время, когда уже начали появляться въ гробницахъ мелкіе металлическіе предметы, также точно мы должны отнести къ эпохѣ

*) Мѣдная и оловянная руды довольно часто встрѣчаются вмѣстѣ, и поэтому при первобытныхъ способахъ выплавки къ мѣдной рудѣ легко могли примѣшиваться куски оловянной. Въ Корнуэльсѣ напр. во многихъ шахтахъ встрѣчаются вмѣстѣ мѣдь и олово.

мѣди и то время, когда—по недостатку-ли олова или по незнакомству съ нимъ, а можетъ быть и еще по какимъ-нибудь причинамъ,—орудія продолжали еще приготовляться изъ мѣди. То же самое мы должны будемъ сдѣлать и въ отношеніи перехода отъ бронзы къ желѣзу.

Повторяемъ: для насъ эпохи культуръ мѣдной, бронзовой и желѣзной опредѣляются не общеизвѣстностью мѣди, бронзы или желѣза,—о которой мы до сихъ поръ судить еще не можемъ,—а для каждой отдѣльной страны, временемъ, въ теченіи котораго мѣдь, бронза или желѣзо преобладали въ употребленіи. Поэтому мы, не затрудняясь, относимъ къ эпохѣ бронзы такую напр. находку, въ которой есть и желѣзо, если только большая часть орудій, оружія и украшеній сдѣлана изъ бронзы и отличается свойственнымъ бронзовой эпохѣ характеромъ типовъ. Мы обращаемъ вниманіе читателей на эту точку зрѣнія, тѣмъ болѣе, что она отличается отъ принятыхъ въ настоящее время большинствомъ изслѣдователей. Этимъ расширеніемъ понятія о культурѣ и о вѣкахъ каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ — мы надѣемся устранить затрудненія, въ которыя впадаютъ тѣ, кто, руководясь въ своей классификаціи только присутствіемъ въ находкѣ напр. желѣза, хоть-бы въ видѣ маленькаго обломка или даже ржавчины,—становятся въ противорѣчіе съ другими признаками находки, какъ напр. съ типами оружія или орудій, ихъ орнаментомъ и т. д., указывающими часто на болѣе древнюю эпоху.

ГЛАВА VI.

Бронзовый вѣкъ.

Бронза.—Происхожденіе бронзовой культуры.—Теоріи Нильсона, Гёрнеса, Вирхова, Томашка, Софуса Мюллера, Габр. де Мортилье и др.—Формы для отливки и главные виды бронзовыхъ издѣлій: топоры и молотки (пальставы, цельты), наконечники копій, стрѣлы, кинжалы, мечи и другіе виды оружія, украшенія и т. п.—Керамика.—Бронзовый вѣкъ на Востокѣ.—Находки Шлимана въ Малой Азіи и въ Греціи.—Лелеги, Кары. — Италія. — Восточныя вліянія. — Террамары.—Италики.—Франція и Швейцарія.—Британія.—Испанія.—Бронзовый вѣкъ въ Венгріи.—Торговля янтаремъ.—Бронзовый вѣкъ на Сѣверѣ Европы.—Австрійскія земли.—Чехія, Моравія.—Восточная Германія.—Польша, Россія.—Заключеніе.

Смѣшивая расплавленную мѣдь съ нѣсколькими процентами олова, мы получаемъ новый металлъ, обнаруживающій по охлажденіи два прекрасныхъ качества. Во-первыхъ, онъ плавится гораздо легче мѣди, и значительно превосходитъ ее по твердости, поэтому гораздо болѣе пригоденъ для выдѣлки изъ него орудій и оружія; во-вторыхъ, онъ отличается и отъ мѣди и отъ олова красивымъ золотистымъ цвѣтомъ и блескомъ,—свойствами, которыя вездѣ и всегда увеличиваютъ цѣнность и привлекательность украшеній. Сплавъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ бронзы *). Происхожденіе этого на-

*) Процентное содержаніе олова въ древнихъ бронзахъ различно. Въ самыхъ древнѣйшихъ, оно никогда не превышаетъ 1—3% (какъ напр. въ египетскихъ и сѣверно-итальянскихъ). Если примѣсь олова очень незначительна, то сплавъ получается бурый и мягкій, если же, напротивъ, олова слишкомъ много—онъ дѣлается твердымъ и хрупкимъ. Поэтому практическимъ путемъ пришли къ наиболѣе выгодному составу смѣси, который измѣняется между 6 и 16% олова, но чаще всего между 8 и 12%, и представляетъ такъ назыв. классическую бронзу. Кромѣ олова, въ бронзовыхъ издѣліяхъ болѣе древнихъ эпохъ часто встрѣчаются случайныя примѣси другихъ металловъ: желѣза, свинца, цинка, серебра, никкеля и кобальта. Въ послѣднее время Гельмъ (Helm) открылъ въ прусскихъ и трансильванскихъ бронзахъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе древними, присутствіе сурьмы Но несомнѣнно, что эта примѣсь была сначала чисто случайною и непредумышленной. Мѣдныя руды сопровождаются почти вездѣ рудами желѣзными, никкеле-

званія долго не имѣло надлежащаго объясненія. Одни сближали его со словомъ bruno—бурый (отсюда brunitius), другіе же съ средневѣковымъ латинскимъ словомъ obryzum, означающимъ обработанное въ огнѣ золото; Pollack производилъ его отъ персидскаго названія пиринджъ, пока, наконецъ, Бертло (Berthelot) въ 1888 г. не предложилъ новаго, наиболѣе правдоподобнаго объясненія. Названіе бронза встрѣчается только въ XV стол., но уже въ одной рукописи XI в. мы находимъ выраженіе «βρεντήσιον», а въ еще болѣе древнихъ «brandisium», «brundus». Названія эти Бертло производитъ отъ города Brundusium'а, въ южной Италіи, нынѣшняго Бриндизи, гдѣ существовали аъ древности большія фабрики бронзовыхъ издѣлій.

выми и кобальтовыми, очень часто свинцомъ и цинкомъ, а нерѣдко также и серебромъ. При выплавкѣ мѣди изъ руды, къ ней легко такимъ образомъ могли примѣшиваться и другіе металлы, и дѣйствительно въ мѣди и бронзѣ древнихъ орудій мы обыкновенно встрѣчаемъ неопредѣленныя количества постороннихъ металловъ. Но это замѣчается только въ издѣліяхъ древнѣйшихъ эпохъ. Въ позднѣйшія-же времена, когда путемъ опыта сдѣлались извѣстными результаты такихъ примѣсей, ихъ начали дѣлать умышленно и притомъ въ бо́льшихъ пропорціяхъ. Такъ желѣзо, никкель, кобальтъ дѣлаютъ бронзу менѣе ковкой, но за то придаютъ ей большую твердость и упругость, вслѣдствіе чего она становится болѣе пригодной для выдѣлки оружія и орудій; свинецъ дѣлаетъ бронзу болѣе плавкой, но и болѣе мягкой, цинкъ придаетъ ей красивый цвѣтъ, а потому въ позднѣйшія эпохи, особенно начиная съ римской, оба послѣдніе металла начинаютъ правильнымъ образомъ входить въ составъ бронзы, употреблявшейся для отливки разнаго рода украшеній, и составляютъ химическую характеристику новѣйшихъ бронзъ. Многіе старались путемъ химическаго анализа бронзы получить точныя данныя для опредѣленія ея древности и мѣста происхожденія, но это пока не пошло дальше только что изложенныхъ выводовъ. Характеръ и типъ издѣлій все таки являются наилучшимъ указателемъ древности и принадлежности находокъ тому или другому народу. Поэтому то типологическій методъ, основанный на этихъ именно признакахъ, и является въ такой степени важнымъ и полезнымъ въ археологіи. Химическимъ анализомъ бронзъ занимались многіе изслѣдователи. Въ Чехіи составъ бронзъ изучалъ I. E. Vocel и пришелъ къ изложеннымъ нами выше результатамъ относительно примѣсей свинца и цинка. Въ Россіи, по поводу московской археологической выставки 1879 г. анализы бронзовыхъ орудій, найденныхъ въ русскихъ мѣстностяхъ, были сообщены графомъ А. С. Уваровымъ, а послѣ него произведены рядомъ другихъ изслѣдователей, И. П. Архиповымъ, П. П. Петровымъ и др. Работы эти не дали впрочемъ особенно значительныхъ результатовъ [208]).

[Изъ работъ послѣдняго времени замѣчательной строгостью научной методы и правильностью примѣненія химическаго анализа къ опредѣленію древности и происхожденія бронзъ, отличается упомянутая нами выше статья Montelius'а «Findet man in Schweden Ueberreste von einem Kupferalter» въ Archiv für Anthropologie].

Прим. переводч.

Это объясненіе было принято и A. Bertrand'омъ, помѣстившимъ статью Бертло въ новомъ изданіи своей «Археологіи Галліи».

Бронза, какъ мы только что сказали, отличается нѣсколькими прекрасными свойствами, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что, ознакомившись съ нею, человѣкъ оцѣнилъ ее и, имѣя въ своемъ распоряженіи оба составляющіе ее металла, началъ дѣлать изъ нея оружія и украшенія. Такимъ образомъ произошло то, что въ доисторическія времена бронза завладѣла цѣлою культурной эпохой, и мы въ правѣ называть и эту культуру и эту эпоху бронзовыми [209]).

Культура бронзоваго вѣка не обозначается впрочемъ только новымъ матеріаломъ издѣлій, но отличается и совершенно инымъ характеромъ послѣднихъ и цѣлымъ рядомъ новыхъ произведеній промышленности, о которыхъ въ теченіе каменнаго вѣка не было и понятія. Если мы сравнимъ инвентарь каменнаго вѣка съ инвентаремъ бронзоваго, то послѣдній поразитъ насъ богатствомъ и разнообразіемъ издѣлій. Не только извѣстные виды орудій, напр. топоры, появляются въ цѣломъ рядѣ новыхъ разнообразныхъ формъ, но входятъ въ употребленіе и совершенно новые предметы, въ предыдущую эпоху вовсе неизвѣстные: булавки, фибулы, мечи, перстни, браслеты, серьги, удила и т. д. Словомъ, съ новымъ матеріаломъ выступаетъ на сцену совершенно новая культура.

Невольно является вопросъ, откуда и какимъ образомъ появилась эта культура въ Европѣ? Былъ ли указанный сплавъ мѣди съ оловомъ открытъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ самостоятельно и независимо одинъ отъ другого, причемъ бронзовая культура явилась въ результатѣ подобнаго же развитія изъ предшествовавшей ей, какъ и культура неолитическая изъ древне-каменной, или же бронза была изобрѣтена первоначально только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ и стали приготовлять изъ нея разныя издѣлія, составившія мало-по-малу своеобразную промышленность, которая и распространилась затѣмъ широко по европейско-азіатскому материку?

Самостоятельное и одновременное открытіе бронзы въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Европы представляется очень неправдоподобнымъ. Въ Европѣ существуетъ собственно только одна мѣстность, въ которой въ древности было извѣстно мѣсторожденіе олова по сосѣдству съ мѣдной рудой. Естественнѣе поэтому предполагать одинъ первоначальный центръ появленія бронзы, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны и внимательное изученіе типовъ бронзовыхъ орудій приводитъ насъ къ тому же заключенію. Одна страна заимствовала отъ другой различные основные типы и затѣмъ передавала ихъ далѣе въ неизмѣненномъ видѣ или съ мѣстными особенностями; разбираясь же въ этихъ издѣліяхъ «типологическимъ» методомъ, отбрасывая мѣстныя варіаціи и стараясь прослѣдить только простѣйшія основныя формы, пришлось остановиться на

заключеніи, что правдоподобнѣе будетъ допустить одинъ центръ, одну колыбель бронзы и бронзовой культуры. Но самое мѣсто этой колыбели до сихъ поръ съ точностью еще не найдено; о томъ, гдѣ его искать, все еще ведутся споры. Мы упомянемъ здѣсь только о главнѣйшихъ теоріяхъ или гипотезахъ по этому вопросу, не присоединяясь впрочемъ рѣшительно къ которой либо изъ нихъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ни одна изъ теорій не ищетъ теперь колыбели бронзовой культуры въ Европѣ, но всѣ—внѣ ея. Результаты болѣе внимательныхъ типологическихъ изслѣдованій, въ противоположность нѣкоторымъ прежнимъ теоріямъ,—ведутъ за предѣлы Европы, на Востокъ, въ Азію. Тамъ, по наиболѣе вѣроятному мнѣнію—возникла эта новая культура и оттуда нѣсколькими путями она пришла и распространилась по Европѣ. Здѣсь, въ Европѣ, она, повидимому, скоро вытѣснила прежнюю культуру, хотя и не вездѣ привилась одинаково. Въ нѣкоторыхъ странахъ она получила богатое развитіе, пышно расцвѣла, пріобрѣла много новаго, мѣстнаго, своеобразнаго,—въ другихъ же, гдѣ условія для нея не были такъ благопріятны, она осталась на болѣе скромной ступени развитія и не заявила себя особой оригинальностью и разнообразіемъ.

Европейское происхожденіе бронзы было защищаемо цѣлымъ рядомъ изслѣдователей—Вибелемъ, г-жей Клемансъ Руайэ и др., ошибочно полагавшихъ, что происхожденіе бронзоваго сплава надо искать тамъ, гдѣ бронзовая промышленность получила особенное развитіе, гдѣ она представляется болѣе богатой и своеобразной. Вибель думалъ, что бронза была изобрѣтена самостоятельно въ южной Британіи, но противъ этого высказали основательныя возраженія Cohausen, J. Percy, A. Jenkin, J. Lubbock и др. [210]). Въ послѣднее время Саломонъ Рейнахъ также высказался въ пользу европейскаго происхожденія бронзы [211]).

Распространеніе бронзы изъ Финикіи было защищаемо прежде знаменитымъ шведскимъ археологомъ Свеномъ Нильсономъ. Изъ свидѣтельствъ древнихъ историковъ мы знаемъ, что финикіяне уже въ очень древнія времена вели торговлю оловомъ, добывавшимся на Касситеридскихъ островахъ. Финикіяне были народомъ не многочисленнымъ, но зато прирожденными моряками и торговцами. Ихъ небольшая страна на Сирійскомъ побережьи къ сѣверу отъ Палестины, высылала уже въ очень древнія времена торговыя экспедиціи по всему побережью Чернаго и Средиземнаго моря и даже къ берегамъ Атлантическаго океана. Финикійскія суда посѣщали западные берега Европы и нѣтъ сомнѣнія, что финикійскіе купцы уже рано узнали о мѣсторожденіяхъ олова на Касситеридскихъ о-вахъ, откуда этотъ металлъ и сталъ ими вывозиться, то водою—черезъ Гибралтарскій проливъ, то сухимъ путемъ черезъ нынѣшнюю Францію къ устьямъ р. Роны. Извѣстны

легенды, по которымъ финикіяне старались скрыть отъ римлянъ географическое положеніе островов, гдѣ добывалось ими олово. Выходя изъ этого историческаго и подтверждаемаго нѣкоторыми находками факта, Нильсонъ, а за нимъ и другіе, какъ напр. Ружмонъ, полагали, что открытіе бронзы, т. е. сплава мѣди съ оловомъ, принадлежитъ финикіянамъ [212]). Финикіяне по ихъ мнѣнію, не только первые стали выдѣлывать бронзовыя издѣлія, но, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ почти весь вывозъ олова, въ теченіе долгаго времени были единственными поставщиками самаго матеріала бронзы. Они доставляли его къ берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей и тѣмъ содѣйствовали распространенію бронзовой промышленности въ Греціи, Италіи, Галліи и Испаніи, до самаго центра европейскаго материка. Даже богатая бронзовая культура сѣверныхъ странъ, Даніи и Скандинавіи, была по мнѣнію Нильсона финикійскаго происхожденія. Финикіяне, утверждалъ онъ, стремившіеся получать янтарь, находимый въ наибольшемъ количествѣ на песчаныхъ берегахъ Балтійскаго моря, заходили даже въ эти страны и привозили въ обмѣнъ за янтарь свои товары, главнымъ образомъ бронзовыя издѣлія. Нильсонъ основывалъ свои заключеніи на цѣломъ рядѣ скандинавскихъ находокъ восточнаго,— финикійскаго, кипрскаго характера. Рис. 144 представляетъ напр. датскій ножъ съ черенкомъ несомнѣнно восточнаго типа.

Рис. 144. Бронзовый ножъ, найденный въ Даніи.

Эта теорія Нильсона не можетъ однако быть признана удовлетворительною. Въ томъ, что финикіяне въ извѣстную эпоху вели торговлю британскимъ оловомъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія, но нѣтъ основаній полагать, чтобы всѣ европейскія бронзовыя издѣлія были финикійскаго происхожденія. Даже тѣ единичные восточные продукты, на которые указываетъ Нильсонъ, не были привезены въ Скандинавію моремъ, а были занесены туда, по всей вѣроятности, сухимъ путемъ по одной изъ дорогъ, соединявшихъ побережье Балтійскаго моря съ морями Чернымъ и Средиземнымъ. Финикіяне, какъ показалъ Мюлленгофъ (Müllenhoff), никогда не доходили морскимъ путемъ далѣе Сѣвернаго моря; въ Балтійское же море ихъ корабли никогда не проникали. Бронза, конечно, была принесена въ Европу всего вѣроятнѣе изъ Азіи, но, надо думать, не однимъ, а нѣсколькими путями, и финикіяне были только отчасти посредниками въ ея распространеніи, позаимствовавъ, безъ сомнѣнія, и сами новую культуру изъ Передней и Центральной Азіи.

Въ этихъ странахъ мы и должны искать мѣсто происхожденія бронзы. Нѣкоторые полагали его въ Месопотаміи или Арменіи, какъ напр. А. Бертранъ, Томашекъ, а въ послѣднее время и Гёрнесъ [213]). Армянская возвышен-

ность къ югу отъ Кавказа, говоритъ онъ, очень богата мѣдными и оловяными рудами. Здѣсь жили племена, уже въ древности славившіяся своимъ искусствомъ въ обдѣлкѣ металловъ: тибарены и мосхи, называемые въ книгѣ Езекіиля тубалъ и мешекъ, а связанныя съ этими мѣстностями древнія легенды, напр. извѣстное сказаніе о походѣ Аргонавтовъ, должны были имѣть извѣстный реальный смыслъ. Золотое руно—цѣль похода—повидимому, не что иное, какъ символъ золотистой бронзы, за которою искатели приключеній ѣздили на восточное побережье Чернаго моря, въ нынѣшнюю Мингрелію. Отсюда, по мнѣнію Гёрнеса, бронзовая промышленность распространилась посредствомъ торговли на западъ, въ Европу, двумя путями:—южный шелъ черезъ Геллеспонтъ, Эгейское и Средиземное моря—въ Грецію, Италію, Галлію и Испанію, а также въ Финикію и Египетъ. Сѣверный путь направлялся вдоль береговъ Чернаго моря къ устьямъ Дуная и вверхъ по этой рѣкѣ въ среднюю и сѣверную Европу. Въ средней Европѣ, во многихъ мѣстностяхъ, оба теченія сходились одно съ другимъ и, принимая отчасти мѣстный колоритъ, проникали другъ друга; южное достигало сѣвера, а сѣверное заходило глубоко на югъ, появляясь напр. въ Италіи въ культурѣ террамаръ...

Р. Вирховъ встрѣтился съ вопросомъ о происхожденіи бронзы при изученіи своихъ находокъ на Кавказѣ и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: Кавказъ не можетъ быть мѣстомъ происхожденія бронзы уже по одной той причинѣ, что тамъ нѣтъ олова *). Но, во всякомъ случаѣ, кавказскія бронзы даютъ намъ извѣстное указаніе въ этомъ отношеніи. Бронзовые предметы, которыми такъ изобилуютъ кавказскіе могильники, имѣютъ совершенно своеобразный характеръ: они существенно отличаются отъ европейскихъ и показываютъ, что мѣсто ихъ происхожденія слѣдуетъ искать въ глубинѣ Азіи. Тамъ, по его мнѣнію, зародилась бронзовая культура и оттуда распространилась по всѣмъ направленіямъ. На западѣ она проникла въ Россію двумя путями, съ одной стороны черезъ Уралъ, при посредствѣ угро-финнскихъ народовъ, съ другой — по южному берегу Каспійскаго моря въ Малую Азію и оттуда въ Европу. Этотъ второй путь былъ самымъ главнымъ, онъ создалъ бронзовую культуру всей средней, южной и западной Европы. Но путь этотъ не шелъ черезъ Кавказъ, что видно изъ того, что въ Кобанскомъ могильникѣ не было найдено цельтовъ, представляющихъ собою едва ли не самыя характерныя орудія типичнаго бронзоваго вѣка въ Европѣ [214]).

По мнѣнію проф. Томашка, мѣсто происхожденія бронзы слѣдуетъ искать въ Месопотаміи и сосѣднихъ съ нею странахъ, гдѣ, какъ говоритъ онъ, древніе суммеро-аккадійцы, ассирійцы и хиттиты были первыми учителями въ

*) Напротивъ, другіе авторы признаютъ, по крайней мѣрѣ въ недалекихъ отъ Кавказа мѣстностяхъ, древнія, оставленныя потомъ мѣсторожденія олова, напр. въ Кастамуни, къ западу отъ Синопа.

дѣлѣ приготовленія и обработки бронзы. Мѣдь получали они съ Кавказа или изъ Макана въ Аравіи, олово же изъ Мидіи и изъ страны Таршишъ въ Европѣ, географическое положеніе которой точно опредѣлить нельзя. Суммеро-аккадійскій языкъ есть единственный, имѣющій отдѣльныя выраженія для олова, мѣди и бронзы. Бронза называется на немъ zabar (въ халдейскомъ яз. eru), мѣдь — urudu, олово anaku, kazduru. Ни въ одномъ изъ другихъ древнихъ языковъ первый и второй изъ этихъ металловъ не были различаемы *). Гомеровское χάλκος обозначаетъ тотъ и другой безразлично, точно такъ-же какъ латинское aes. Въ Месопотаміи съ сплавомъ мѣди и олова познакомились арійцы, которые, по теоріи Томашка, оттуда передвигались въ Европу, а съ другой стороны знакомство съ бронзой распространилось изъ Месопотаміи въ Среднюю Азію, въ Сибирь, въ Индію, такъ что можно и всю совокупность этихъ обширныхъ странъ считать колыбелью бронзовой культуры. Въ Хорассанѣ существовали богатые мѣдные рудники въ Ма'денѣ, а оловяная руда была найдена г. Огородниковымъ въ Мешхедѣ [215]).

Изъ другихъ теорій наибольшей оригинальностью отличаются теорія Софуса Мюллера, изъ которой многое было позаимствовано Гернесомъ и Вирховымъ, и французская теорія Габр. де Мортилье.

Софусъ Мюллеръ въ своемъ сочиненіи о происхожденіи бронзоваго вѣка въ Европѣ сдѣлалъ попытку разъяснить генезисъ бронзовой культуры при помощи типологическаго метода. Для этого онъ обратился прежде всего къ Греціи и занялся изученіемъ наиболѣе древнихъ греческихъ находокъ, главнымъ образомъ въ Микенахъ и въ Олимпіи. При этомъ оказалось, что бронзы указанныхъ мѣстностей имѣютъ много сходства съ восточными, но что типологически онѣ очень отличаются отъ находокъ бронзоваго вѣка въ остальной Европѣ. Очевидно, здѣсь не было еще непосредственной связи, прямого перенесенія культуры въ Европу: Греція не была родиной бронзовой культуры для средней и сѣверной Европы. Затѣмъ С. Мюллеръ перешелъ на Востокъ, къ южной Россіи и къ Кавказу, но и здѣсь онъ могъ констатировать тотъ же фактъ. Кавказскія бронзы обнаруживаютъ много чертъ сходства съ бронзовыми издѣліями дальнѣйшаго Востока, но большинство ихъ типовъ чуждо европейской бронзовой культурѣ. Такимъ образомъ, мѣстомъ происхожденія бронзы не могъ быть и Кавказъ. Но за то С. Мюллеръ былъ очень заинтересованъ сходствомъ между венгер-

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ суммерійскій и аккадскій языки не тождественны между собою. Аккадскій—есть языкъ семитическій, родственный ассирійскому, суммерійскій же—особенный, относящійся, по многимъ признакамъ, къ разряду туранскихъ или урало-алтайскихъ.

Прим. ред.

скими и сибирскими бронзами, которое привело его къ заключенію о прямой культурной связи между Венгріей и Сибирью. Многія формы орудій и оружія или принадлежатъ исключительно только этимъ странамъ, или сравнительно чаще всего въ нихъ встрѣчаются, напр. двойные топоры, топоры-молоты, серпы, особенно же топоры съ втулкой или такъ назыв. цельты. Послѣдніе, дѣйствительно, были находимы во множествѣ въ Сибири, затѣмъ они встрѣчаются въ Южной Россіи, въ Венгріи и въ остальной Европѣ, за исключеніемъ странъ, прилегающихъ съ Средиземному морю. Такимъ образомъ, уже одинъ этотъ видъ орудій указываетъ дорогу, по которой распространилась бронзовая культура въ Европу. Она появилась, очевидно, гдѣ-то въ Средней Азіи, получила затѣмъ большое развитіе въ Сибири и направилась вмѣстѣ съ тѣмъ на западъ въ Европу. Главный путь ея не пролегалъ ни черезъ Кавказъ, ни вдоль береговъ Средиземнаго моря, черезъ Грецію и Италію, но шелъ черезъ Южную Россію въ Венгрію и далѣе [216]).

Такова, въ главныхъ чертахъ, остроумная, хотя и не вполнѣ доказанная теорія Софуса Мюллера. Она была отчасти вполнѣ усвоена, напр. Ранке, отчасти послужила основой для другихъ новѣйшихъ теорій, напр. Вирхова и Гёрнеса.

Не менѣе оригинальная, хотя еще менѣе правдоподобная теорія была предложена Габр. де Мортилье. Этотъ знаменитый ученый является главнымъ защитникомъ такъ назыв. цыганской или индійской теоріи, по которой мѣсто происхожденія бронзы предполагается въ Индіи, откуда бронзовая культура была перенесена, будто бы, на западъ, главнымъ образомъ цыганами. Г. де Мортилье и даетъ поэтому бронзовому періоду въ Европѣ названіе цыганскаго (période bohémienne, ou tziganienne [217]).

Происхожденіе цыганъ до сихъ поръ еще не достаточно выяснено. Не смотря на то, что за послѣднее двадцатипятилѣтіе цыгане были предметомъ многихъ этнографическихъ, антропологическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій, ихъ раса и первоначальная родина не установлены еще вполнѣ опредѣленно. Извѣстно только, что они пришли изъ Индіи и принадлежатъ къ индійской семьѣ индоевропейскихъ народовъ. Теперь они бродятъ по всей почти Европѣ, въ однихъ мѣстахъ въ бо̀льшемъ, въ другихъ—въ меньшемъ числѣ, больше всего въ Испаніи, Венгріи и на Балканскомъ полуо-вѣ. Мѣстами они живутъ осѣдло, мѣстами кочуютъ, представляя собой послѣднихъ вымирающихъ номадовъ въ цивилизованныхъ странахъ Европы. И кочевые и осѣдлые, они занимаются и до сихъ поръ больше всего кузнечествомъ; нѣкоторые виды металлическихъ издѣлій, какъ напр. выдѣлка мѣдныхъ котловъ въ юговосточной Европѣ, составляетъ ихъ спеціальность. Когда именно цыгане въ первый разъ появились въ Европѣ, трудно опредѣлить съ точностью. Французскій изслѣдователь Батальяръ (P. Bataillard) еще съ 1844 г.

сдѣлавшій изученіе цыганъ въ Европѣ задачей всей своей жизни и написавшій о нихъ рядъ сочиненій [218]), полагаетъ, что нынѣшніе европейскіе цыгане появились въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Италіи въ первый разъ въ началѣ XV стол., около 1417 г. Впрочемъ и Батальяръ допускаетъ, что цыгане еще задолго до этого времени стали проникать въ южную и восточную Европу, гдѣ кочевали отдѣльными группами и еще въ очень отдаленныя времена принесли къ намъ бронзу. По мнѣнію Батальяра и Мортилье, Геродотовы сигинны были, по всей вѣроятности, цыгане. Въ Галиціи и Буковинѣ, главнымъ образомъ, на правомъ берегу р. Прута, цыгане, такъ назыв. злотарі или дзвонкарі, и до сихъ поръ занимаются отливкой разныхъ предметовъ изъ бронзы или латуни.

По мнѣнію Габр. де Мортилье, цыганское племя, главнымъ занятіемъ котораго было литейное и кузнечное дѣло, вышло въ незапамятныя времена изъ Индіи на западъ и принесло новую металлическую культуру прежде всего въ Месопотамію и въ Египетъ. Оттуда цыганскія семьи передвигались дальше на западъ, въ Европу, принося съ собой бронзу и торгуя своими издѣліями, орудіями и оружіемъ. Кромѣ того новая культура распространялась и съ помощью другихъ торговцевъ, двумя уже извѣстными намъ путями, изъ которыхъ одинъ шелъ мимо Каспійскаго моря и вдоль Чернаго къ Дунаю и въ Венгрію, а другой—Средиземнымъ моремъ въ Грецію, Италію и т. д.

Свою «индійскую» теорію Габр. де Мортилье подкрѣпляетъ нѣкоторыми доказательствами. Между ними главную роль играетъ соображеніе, что олово, особенно въ юговосточной Индіи, представляетъ весьма распространенный продуктъ, и что вывозъ олова оттуда превышаетъ теперь добычу этого металла во всѣхъ остальныхъ странахъ земного шара. Нѣтъ тамъ также недостатка и въ мѣди. Кромѣ того, Г. де Мортилье находитъ и нѣсколько спеціальныхъ признаковъ, указывающихъ на индійское происхожденіе бронзы. Находимые напр. въ Европѣ бронзовые мечи отличаются одною замѣчательною особенностью, именно: рукоятки ихъ обыкновенно представляютъ чрезвычайно малые размѣры. Очевидно, онѣ предназначались не для нашей нормальной мужской руки. По даннымъ, собраннымъ Мортилье, руки у индусовъ, а также и у цыганъ, и до сихъ поръ сравнительно очень малы, такъ что кисть ихъ свободно проходитъ сквозь браслетъ, который у насъ едва можетъ надѣть только женщина; средняя же длина рукоятокъ индійскихъ мечей, по измѣреніямъ Мортилье, не превышаетъ 78 миллиметровъ, тогда какъ у европейскихъ народовъ она равна 109 миллим. *). Поэтому найденные въ Европѣ

*) Цифры эти получены Габр. де Мортилье путемъ измѣренія рукоятокъ, большой коллекціи оружія всевозможныхъ народовъ въ Артиллерійскомъ Музеѣ въ Hôtel des Invalides въ Парижѣ. (*Прим. переводч.*).

бронзовые мечи являются какъ бы прямымъ доказательствомъ ихъ индійскаго происхожденія и свидѣтельствуютъ, что они изготовлялись людьми, которые приспособляли ихъ къ размѣрамъ своей руки. Другимъ доказательствомъ индійскаго происхожденія бронзовой культуры Мортилье считаетъ особенныя бронзовыя погремушки, назначеніе которыхъ точно не опредѣлено, и которыя изрѣдка попадаются въ европейскихъ находкахъ (въ Швейцаріи, въ Савойѣ и т. д.). Мортилье сближаетъ ихъ съ сходными звенящими инструментами, употребляемыми и теперь въ буддійскомъ культѣ. Въ Музеѣ религій Гиме (Musée Guimet), въ Парижѣ, можно видѣть подобные предметы въ большомъ количествѣ. Мы прилагаемъ здѣсь также изображеніе одной статуэтки Будды, держащаго въ рукѣ подобный инструментъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на пьедесталѣ этой статуэтки, мы замѣчаемъ и еще одинъ знакъ, который Мортилье считаетъ за одно изъ вѣскихъ доказательствъ своей теоріи, именно—изображеніе свастики 卐.

Рис. 145. Статуэтка Будды (по Мортилье).

Нѣтъ сомнѣнія, что символъ этотъ имѣлъ уже важное значеніе въ древнѣйшемъ буддизмѣ, хотя смыслъ этого знака и не достаточно еще выясненъ *). Одни принимаютъ его за знакъ священнаго вѣчнаго огня, который добывался посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева, и полагаютъ, что онъ изображаетъ именно такіе два куска дерева (аранѝ), положенные накрестъ; другіе считаютъ свастику за символъ блеска и т. д. Жмигродскій

*) Свастика была извѣстна въ Индіи, какъ религіозный символъ, задолго до появленія буддизма, который только воспользовался ею, подобно тому, какъ онъ усвоилъ себѣ и многія воззрѣнія и символы другихъ мѣстныхъ, первобытныхъ и политеистическихъ религій. Въ позднѣйшихъ своихъ лекціяхъ самъ Мортилье, говоря о свастикѣ въ буддизмѣ, имѣетъ въ виду только ея широкое распространеніе въ этомъ культѣ и признаетъ ея гораздо большую древность въ Европѣ. По его мнѣнію, свастика появляется уже на сосудахъ бронзоваго періода.

(Прим. ред.).

(Zmigrodzki), въ недавно изданной имъ монографіи, принимаетъ ее просто за символъ неизвѣстнаго божества [220]).

Мы не придаемъ особеннаго значенія заимствованіямъ разныхъ символовъ, благодаря которымъ въ археологіи и миѳологіи было надѣлано не мало ошибокъ. Изъ того, что на какомъ нибудь сосудѣ оказывается крестъ изъ двухъ пересѣкающихся черточекъ, нельзя еще заключить, что символъ этотъ былъ принесенъ извнѣ; рискованно усматривать заимствованіе въ сходствѣ встрѣчающихся у самыхъ различныхъ народовъ простѣйшихъ мотивовъ орнамента: завитковъ, кружковъ и т. п. Эти мотивы орнаментаціи могли появиться всюду, вполнѣ независимо и самостоятельно. Тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ, относительно свастики, теоріи Мортилье нельзя отказать въ извѣстной правдоподобности. Интересно, что этотъ символъ, столь характерный для Индіи, встрѣчается часто и на бронзовыхъ орудіяхъ и оружіи, находимыхъ въ Европѣ, а также на предметахъ изъ Гиссарлика (ср. рис. 126) и на глиняныхъ издѣліяхъ изъ Кипра, Греціи, средней Европы и славянскихъ странъ. Мы находимъ его, въ качествѣ символа неизвѣстнаго значенія, и на стѣнахъ римскихъ катакомбъ, и въ нашемъ современномъ славянскомъ орнаментѣ, въ народныхъ вышивкахъ, на раскрашенныхъ пасхальныхъ яйцахъ (писанкахъ) и т. п. Только на Востокѣ свастика была находима до сихъ поръ довольно рѣдко. Трудно полагать, чтобы во всѣхъ этихъ различныхъ мѣстностяхъ свастика возникла совершенно самостоятельно. Она слишкомъ сложна и выразительна (главнымъ образомъ въ загнутыхъ назадъ перекладинахъ креста), чтобы можно было отрицать ея символическое значеніе и принимать ее за простой мотивъ орнаментаціи. Мы не настаиваемъ конечно на томъ, что ремесленнику всегда было извѣстно символическое значеніе того знака, который онъ вырѣзывалъ на оружіи или вышивалъ на ткани; мы хотимъ только сказать (не принимая впрочемъ всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ Мортилье), что свастика представляетъ собою символъ, воспринятый нами изъ Азіи, путемъ какого-то, до сихъ поръ еще достаточно невыясненнаго, культурнаго вліянія.

Для теоріи Мортилье свастика является конечно весьма благопріятнымъ доказательствомъ. Она указываетъ — повидимому убѣдительно — на индійское происхожденіе европейской бронзовой культуры. Теорія эта принята очень многими учеными, какъ напр. Эрн. Шантромъ, Батальяромъ, А. Кёркомъ (Arv. Kürck) и др., *) противъ нея возражаетъ Сол. Рейнахъ.

Таковы главныя теоріи о происхожденіи бронзы и европейской бронзовой

*) Къ теоріи азіатскаго происхожденія бронзы присоединились еще Ворсо, Унгеръ, Г. Гильдебрандтъ, несправедливо связывая ее съ приходомъ арійцевъ, затѣмъ еще Лёббокъ, графъ А. Уваровъ, Ленорманъ, и мн. друг. [221]). А. Бертранъ высказывается въ пользу Кавказа.

культуры. Мы не хотимъ рѣшительно высказываться ни объ одной изъ нихъ и не желаемъ противопоставлять имъ свою собственную. Мы можемъ только сказать, что мѣстопроисхожденія бронзовой культуры слѣдуетъ искать, безъ всякаго сомнѣнія, въ Азіи, откуда она распространилась въ Европу нѣсколькими путями, главнымъ образомъ, какъ кажется, тремя: черезъ Средиземное море—въ Грецію, Италію, Галлію;—черезъ Черное море—къ устьямъ Дуная и оттуда далѣе съ Среднюю Европу, и наконецъ—мимо Каспійскаго моря черезъ Россію — въ сѣверныя страны. Въ своемъ послѣдовательномъ распространеніи эти теченія приняли разумѣется извѣстную мѣстную окраску, чѣмъ и обусловливается, напримѣръ, то, что бронзовыя древности греческой эпохи во многомъ отличаются отъ венгерскихъ и средне-европейскихъ. Наконецъ, различныя теченія во многихъ странахъ еще сталкивались между собою и вліяли одно на другое. Все это можно считать почти несомнѣннымъ; но значительно менѣе вѣроятны, а можетъ быть и вполнѣ невѣрны, болѣе частныя опредѣленія странъ, откуда шло распространеніе бронзы. Намъ до сихъ поръ еще неизвѣстны тѣ мѣсторожденія олова, изъ которыхъ первоначально добывался этотъ металлъ для приготовленія бронзы, равно какъ мы не знаемъ ни мѣста жительства, ни имени народа, у котораго впервые появилась идея о сплавѣ мѣди съ оловомъ въ опредѣленной пропорціи и о выдѣлкѣ изъ этого сплава орудій и украшеній. Тѣмъ не менѣе, изъ приведенныхъ нами фактовъ и соображеній несомнѣнно вытекаетъ съ достаточной утвердительностью выводъ, что мѣсто происхожденія бронзы слѣдуетъ искать въ глубинѣ Азіи *).

Бронзовая культура проникла въ Европу повидимому мирно и постепенно, путемъ торговыхъ сношеній. Таково впечатлѣніе, производимое на насъ послѣдовательнымъ ходомъ ея развитія. Она не явилась, какъ полагали нѣкоторыя прежнія теоріи, напр. Тройона, въ результатѣ завоеванія. Не было

*) Происхожденіе бронзы изъ внутренней Азіи доказывается между прочимъ и ея раннимъ появленіемъ въ Китаѣ. Впрочемъ, въ Средней Азіи (напр. около Иссыкъ-куля) и въ Восточной Сибири (Минусинскомъ краѣ) мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, мѣдную, а не бронзовую промышленность. Важными нѣкогда центрами добыванія мѣди служили еще Алтай и Уралъ; съ Урала мѣдныя (и бронзовыя) издѣлія распространились по всему Сѣверу Россіи и доходили до Финляндіи, даже до Скандинавіи. Но здѣсь такія издѣлія (сибирскаго типа) встрѣчаются уже крайне рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ бронзовыя издѣлія скандинавскихъ, вообще западныхъ типовъ, которыхъ найдено теперь довольно много въ Финляндіи, а въ меньшемъ числѣ также въ Прибалтійскомъ и Западномъ краѣ, въ Польшѣ, въ Подоліи. Что касается до Новороссійскаго края, Херсонской и Екатеринославской губ., то найденные здѣсь цельты, серпы, наконечники копій и т. д., по всей вѣроятности греческаго происхожденія. Впрочемъ, въ послѣднее время стали извѣстны и многіе типичные цельты и другія бронзовыя орудія, найденныя въ Кіевской губ. (коллекція г. Хвойка), для которой ранѣе бронзовый вѣкъ отрицался (проф. Антоновичемъ). *Прим. ред.*

вторженія изъ Азіи никакого новаго народа, который ринулся съ бронзовыми мечами и копьями на древнее населеніе, вооруженное каменными топорами и стрѣлами, и насильственно привилъ ему свою новую культуру. Никакой рѣзкой границы между эпохами камня и бронзы мы не усматриваемъ. Возможно, конечно, что подобное насильственное внесеніе новой культуры могло быть гдѣ-нибудь на небольшой ограниченной территоріи. Передвиженія народовъ происходили въ Европѣ съ глубокой древности, и прежнее населеніе ея конечно не уступало своей земли новому безъ извѣстнаго сопротивленія, какъ это было и позже, во времена историческія. Очень вѣроятно, поэтому, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ смѣна культуръ могла произойти и болѣе рѣзкимъ или менѣе мирнымъ образомъ. Но въ общемъ — ходъ древнѣйшей культуры выказываетъ несомнѣнно характеръ постепеннаго развитія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію характерныхъ издѣлій бронзоваго вѣка. Бронза—металлъ ковкій и вмѣстѣ съ тѣмъ легко-плавкій, поэтому неудивительно, что мы встрѣчаемся съ двумя видами бронзовыхъ издѣлій: съ предметами кованными и литыми. Въ Европѣ, однако, кованныя бронзовыя орудія сравнительно рѣдки; большая часть ихъ была сдѣлана отливкой расплавленнаго металла въ формы, представлявшія негативы желаемыхъ предметовъ.

Доисторическій человѣкъ приготовлялъ себѣ эти формы, повидимому, троякимъ способомъ. Онъ или оттискивалъ предметъ, съ котораго желалъ имѣть бронзовую копію, во влажномъ мелкозернистомъ пескѣ, и въ сдѣланное такимъ образомъ углубленіе быстро наливалъ расплавленную бронзу. Это былъ вѣроятно наиболѣе древній и въ то же время наиболѣе простѣйшій способъ отливки, которымъ пользуются еще и до сихъ поръ. Гораздо болѣе совершенными были однако формы изъ глины, смѣшанной съ пескомъ. Модель отливаемаго предмета приготовлялась изъ воска или какого-нибудь подобнаго вещества и затѣмъ обкладывалась глиною. Когда глина обжигалась на огнѣ, распустившійся воскъ вытекалъ въ нарочно сдѣланныя

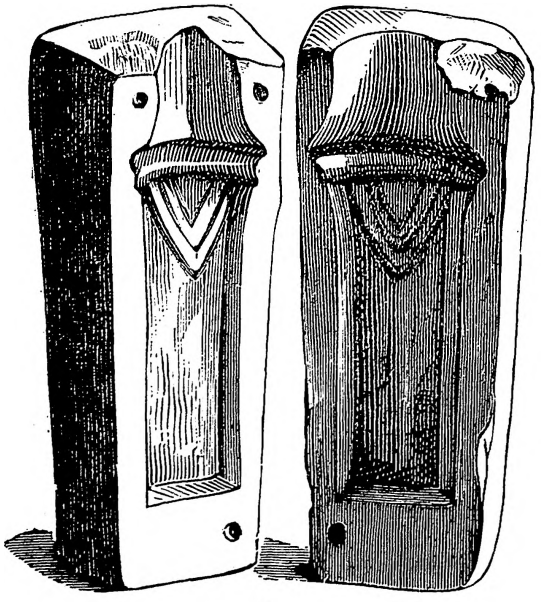


Рис. 146. Форма для отливки бронзоваго топора изъ Tisza-Földvâr въ Венгріи.

для этого отверстія, а внутри оставалась пустота — негативъ предмета. Затѣмъ въ болѣе широкое отверстіе вливался расплавленный металлъ, по охлажденіи котораго глиняную форму просто разбивали. Поэтому такія глиняныя формы и не сохранились. За то довольно часто попадаются формы каменныя. Приготовленіе ихъ было дѣломъ не легкимъ: негативъ приходилось выдалбливать въ камнѣ, въ видѣ двухъ гладкихъ половинокъ, которыя, будучи приложены одна къ другой, могли бы образовать полный негативъ (см. рис. 146); за то такого рода формы служили неопредѣленно долгое время. По охлажденіи металла разнимали половинки формы и вынимали отлитый предметъ, а камни опять клали одинъ на другой, и работа могла быть продолжаема дальше. Такихъ формъ найдено было въ Европѣ довольно много, между прочимъ и въ славянскихъ странахъ. Наиболѣе важная находка въ Чехіи была сдѣлана въ мѣстностяхъ Зволеновесь и Гостомице [222]). Найдены были также слѣды плавиленъ, которыя могли принадлежать и странствовавшимъ торговцамъ и домашнимъ ремесленникамъ, въ Чехіи напр. возлѣ с. Урчицъ, возлѣ Ольмюца, у Слатеницы и пр. Въ Южной Россіи формы для отливки бронзовыхъ орудій были найдены напр. въ селахъ Янковичі, Велика Половецька, Триліси—Кіевской губ., въ сел. Малыя Копані, Херсон. губ., возлѣ Днѣпровскихъ пороговъ въ Чутѣ, Волнигѣ и пр. *).

Изъ формъ, особенно болѣе примитивныхъ, орудія выходили очень гру-

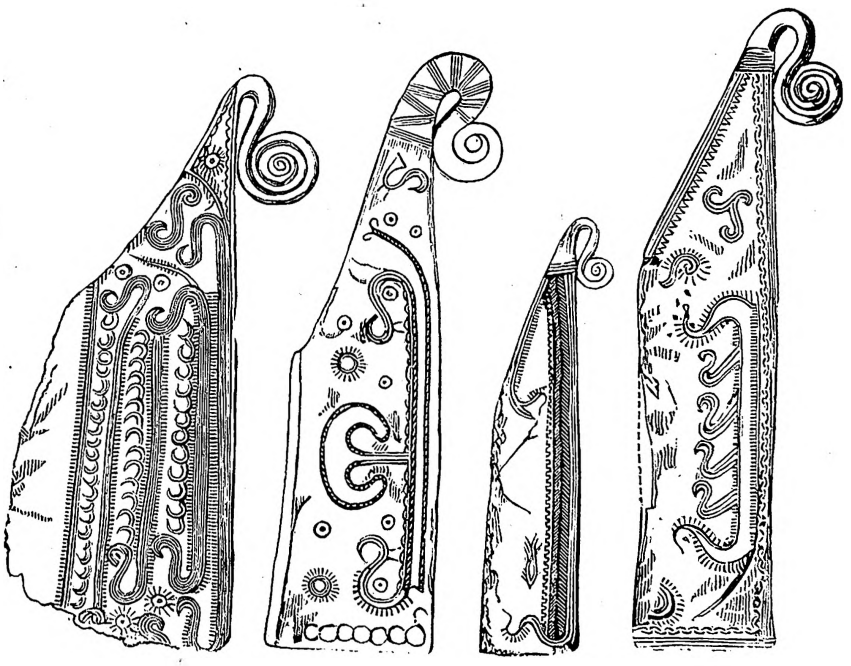


Рис. 147. Покрытыя орнаментами бритвы изъ Даніи.

*) См. Антоновичъ, Археологическая карта Кіевской губерніи, Спб. 1895;

быми, съ неровной шереховатой поверхностью, съ разными швами и затеками застывшей бронзы, вошедшей въ оставленныя для протока воздуха дырочки и въ отверстіе, черезъ которое вливался расплавленный металлъ. Такіе остатки или слѣды отливки (Gusszapfen) встрѣчаются нерѣдко въ находкахъ бронзовыхъ издѣлій, на предметахъ еще не отдѣланныхъ. Поэтому орудія и оружіе изъ бронзы, послѣ ихъ отливки, должны были подвергаться еще дополнительной отдѣлкѣ. Нужно было отбить швы и затеки, затѣмъ сгладить неровную поверхность, отполировать ее и старательно отточить лезвее или остріе. Иногда послѣ такой обработки приступали еще къ украшенію предмета; впрочемъ, болѣе грубые и крупные орнаменты получались уже при отливкѣ, напр. выпуклости, валики, и т. п., но болѣе тонкій орнаментъ, которымъ часто бываетъ покрыто цѣлое орудіе (ср. напр. прилагаемый рисунокъ 147 датскихъ бронзовыхъ бритвъ), вырѣзывался при помощи бронзовой иглы, а позже и стальной. Мы упоминали уже о томъ, что однимъ изъ доказательствъ, на которыя опирался Гостманнъ, отрицая существованіе бронзоваго вѣка въ Европѣ, было убѣжденіе, что нанесеніе тонкаго орнамента на предметы бронзовой эпохи могло быть сдѣлано только съ помощью острой стальной иглы, а это свидѣтельствуетъ о знакомствѣ съ желѣзомъ въ теченіе бронзоваго вѣка. Но графъ Вурмбрандтъ доказалъ произведенными имъ опытами, что для этого достаточно и острой твердой бронзовой иглы *).

Между разнообразными орудіями, оружіемъ и украшеніями, которыми отличается бронзовый вѣкъ отъ каменнаго, первое мѣсто, какъ по количеству находимыхъ экземпляровъ, такъ и по разнообразію типовъ, занимаетъ бронзовый топоръ или цельтъ. Изъ наиболѣе древней формы бронзовыхъ топоровъ, простой, плоской и совершенно сходной съ формами мѣдныхъ (ср. рис. 140 и 151) развился рядъ послѣдующихъ формъ, значительно болѣе приспособленныхъ для прикрѣпленія къ рукояткѣ. Усовершенствованіе происходило повидимому путемъ постепеннаго загиба кнаружи и внутрь продольныхъ краевъ топора для того, чтобы втиснутые между этими загибами концы расщепленной деревянной рукоятки могли держаться возможно крѣпче (рис. 148). Этотъ загибъ внутрь дошелъ наконецъ до того, что отогнутыя закраины, сходясь взаимно на каждой изъ сторонъ орудія, образовали втулку, въ

Ястребовъ, Опытъ топографическаго описанія древностей Херсонской губ. Одесса 1894; Мельникъ, Каталогъ коллекціи древностей П. Н. Поля, Кіевъ 1893. (*Примѣч. переводч.*).

*) Если къ мѣди примѣшано слишкомъ много олова, то сплавъ становится очень твердымъ и почти равняется по твердости стали. При помощи же ковки и примѣси небольшого количества фосфора, который препятствуетъ образованію окисла, бронза становится вполнѣ твердой, вязкой и упругой (бронзовая сталь, Hartbronze), можетъ даже и до сихъ поръ соперничать со сталью.

которую топорище могло быть вставлено уже вполнѣ надежнымъ образомъ. Большей частью впрочемъ такіе топоры имѣютъ загибы или крылья только съ одной стороны. Особенную форму представляютъ топоры, которые для болѣе удобнаго насаживанія на топорище снабжены такъ назыв. пяткой (talon), въ которую упирались края топорища и которая препятствовала ему расщепляться отъ ударовъ (см. рис. 149 и 152). Можетъ быть какъ результатъ дальнѣйшаго развитія цельта съ крыльями, а можетъ быть и самостоятельно появилась форма съ втулкою для насаживанія на топорище. Но эта втулка направлена не перпендикулярно къ длинной оси орудія и параллельно съ его лезвеемъ, какъ въ нынѣшнихъ топорахъ, а какъ разъ обратно, т. е. перпендикулярно къ лезвею (см. рис. 150, 153). Топорище всаживалось сзади подобно тому какъ въ нынѣшнемъ долотѣ, но для того чтобы орудіе можно было употреблять какъ топоръ, рукояткѣ его придавали загнутую форму. Топоры этого типа развились въ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ формъ и часто бываютъ украшены на своей поверхности литыми или вырѣзанными орнаментами (рис. 151). Топоры съ втулкой и съ крыльями бываютъ нерѣдко снабжены у задняго конца по

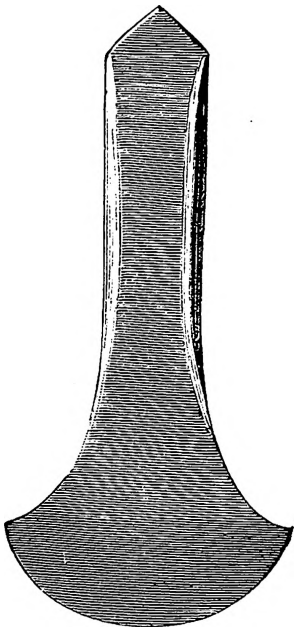


Рис. 148. Бронзовый топоръ съ слегка отогнутыми закраинами изъ Собехлеба въ Чехіи.

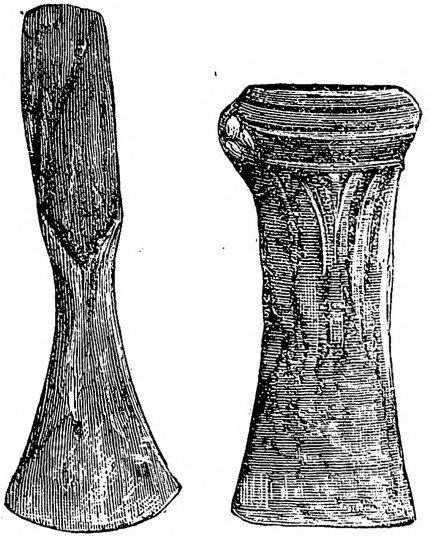


Рис. 149 и 150. Бронзовые топоры, первый съ пяткой и второй съ втулкой и ушкомъ.

Рис. 151. Бронзовый топоръ съ втулкой, покрытый орнаментами, изъ Моравіи.

сторонамъ, однимъ или двумя ушками, въ которыя продѣвался ремешокъ или бичевка, способствовавшіе укрѣпленію орудія на топорищѣ (см. рисун. 151—153).

На основаніи указаннаго вѣроятнаго хода развитія бронзовыхъ топоровъ, Габр. до Мортилье раздѣляетъ ихъ на 5 основныхъ типовъ, причемъ однако

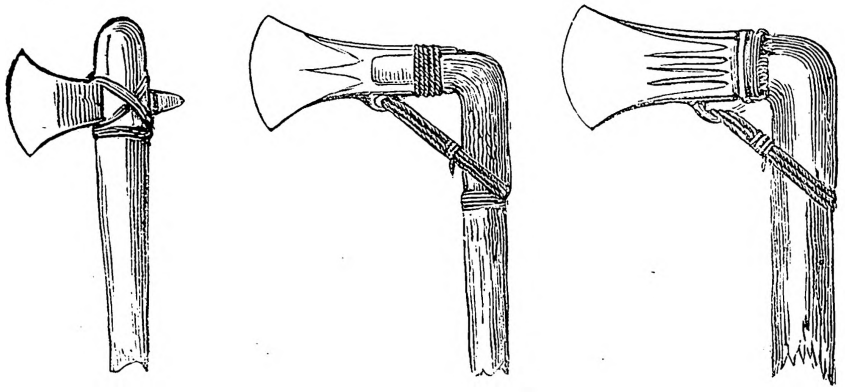


Рис. 151, 152 и 153. Способы прикрѣпленія бронзовыхъ топоровъ къ топорищу (по Леббоку).

онъ считаетъ простѣйшіе плоскіе топоры за болѣе поздніе, тогда какъ мы вмѣстѣ съ Гёрнесомъ и другими, видимъ въ нихъ наиболѣе древнюю форму [223]):

1) Топоры съ прямыми загнутыми краями (haches à bords droits, Beile mit Randleisten).

2) Топоры съ пяткой (haches à talons, Beile mit Absatzkanten).

3) Топоры съ крыльями (haches à ailerons, Beile mit Schaftlappen).

4) Топоры со втулкою (haches à douille, Hohlbeile).

5) Топоры плоскіе (haches plates, Flachbeile).

Къ этимъ пяти типамъ Г. де Мортилье присоединяетъ еще особый видъ топоровъ, съ которыми мы встрѣчаемся главнымъ образомъ въ Венгріи и у которыхъ отверстіе для топорища расположено, какъ и у нашихъ современныхъ топоровъ, и верхній край загнутъ на подобіе трубки. Мортилье впрочемъ относитъ ихъ уже къ болѣе поздней эпохѣ — желѣзной, на томъ же основаніи, на какомъ онъ считаетъ болѣе поздними и двойные мѣдные топоры. Двойные бронзовые топоры (haches à double tranchant) довольно рѣдки. Чаще всего они встрѣчаются въ Россіи, въ Великобританіи и юговосточной Европѣ, какъ напр. на о-вѣ Кипрѣ (рис 154) и въ Греціи.

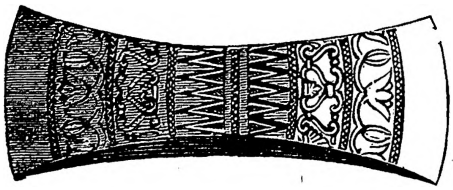


Рис. 154. Сѣкира о двухъ лезвеяхъ съ о-ва Кипра.

Двумъ формамъ бронзовыхъ топоровъ давались въ теченіе извѣстнаго времени особыя названія: пальставъ и кельтъ или цельтъ *). Мы считаемъ эти названія устарѣвшими и полагаемъ, что лучше бы было ихъоставить. Однако ими пользуются еще многіе археологи, при чемъ пальставомъ называютъ плоскій топоръ съ загнутыми боковыми краями, а цельтомъ или кельтомъ—топоръ съ перпендикулярною къ направленію лезвея втулкою. Нѣкоторые же, какъ Леббокъ, Эвансъ и др., называютъ всѣ указанные виды бронзовыхъ топоровъ кельтами.

Говоря о бронзовыхъ топорахъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе бронзоваго вѣка почти всюду продолжали еще употребляться и орудія изъ камня, какъ оббитыя, напр. ножи и наконечники стрѣлъ, такъ и шлифованныя—топоры и молотки. Доказательствъ тому имѣется не мало. Укажемъ напр. на извѣстную кагунскую находку въ Египтѣ, относящуюся къ бронзовой эпохѣ, и на каменные топоры, ножи, стрѣлы и т. п., найденные въ слоѣ бронзоваго вѣка на мѣстѣ древней Трои; такое же совмѣстное присутствіе каменныхъ орудій съ бронзовыми было констатировано, по свидѣтельству Онефальше-Рихтера (Ohnefalsche-Richter), въ гробницахъ о-ва Кипра. Даже кремневый кинжалъ продолжалъ еще употребляться, одновременно съ бронзовымъ, какъ то доказываютъ, по свидѣтельству г-жи Месторфъ, находки въ датскихъ гробницахъ. Въ Чехіи употребленіе каменныхъ топоровъ въ позднѣйшую металлическую эпоху было констатировано въ гробницахъ возлѣ Бразанекъ въ Стельчовси, у Любчанъ, у Либахованъ и пр., въ Моравіи—въ позднѣйшихъ могилахъ возлѣ Брюнна, въ Райградѣ и др. мѣстахъ.

*) Названіе бронзоваго топора „цельтомъ“ явилось въ концѣ прошлаго столѣтія у англійскихъ и ирландскихъ изслѣдователей, какъ у Лорта, Пегге, Банкса и др. Только позже скандинавскіе ученые начали отличать отъ цельта особый видъ топора palstav (paalstaf). Кельтоманы въ первой половинѣ нашего столѣтія, какъ напр. Г. Шрейберъ въ Фрейбургѣ, соединяли названіе «кельтъ» съ именемъ племени кельтовъ. Но слово celtis средневѣковое и означаетъ собою долото, въ классическомъ же латинскомъ языкѣ оно не существуетъ вовсе. Оно встрѣчается правда одинъ разъ въ Вульгатѣ (книга Іова XIX, 23), но и то очевидно по ошибкѣ переписчика (celte вмѣсто certe), какъ это видно при сличеніи съ первоначальнымъ еврейскимъ текстомъ и греческимъ переводомъ. Съ народомъ кельтами археологическій «кельтъ» не имѣетъ безусловно ни малѣйшаго соотношенія. По мнѣнію д-ра Муха (Much) все равно, какъ ни произносить это слово цельтъ или кельтъ, по мнѣнію же Вирхова правильнѣе цельтъ [224]). [Французской школой доисторической археологіи термины „кельтъ“ и „цельтъ“, какъ не имѣющіе ни строго опредѣленнаго значенія, ни типологическаго или историческаго смысла, а, напротивъ, разрушающіе генетическую связь между каменными топорами и нынѣшними,—совершенно не употребляются. *Прим. переводч.*].

Мы полагаемъ однако, что названіе „цельтъ“ было бы не безполезнымъ удержать, для того чтобы отличить эти орудія отъ настоящихъ топоровъ, какъ бронзовыхъ, такъ и желѣзныхъ, и именно въ примѣненіи къ бронзовымъ и мѣднымъ топорамъ со втулкою, перпендикулярною къ лезвею. (*Примѣч. ред.*).

Можно упомянуть еще о лужицкихъ гробницахъ съ остатками трупосожженія (по словамъ Behly), о могильникѣ желѣзнаго вѣка въ Казмѣржѣ и возлѣ Надзѣева въ Познани, въ Rogats'ѣ въ Пруссіи, въ Серочинѣ на рѣкѣ Швидерѣ, въ Самгородку въ Кіевской губ., о курганахъ возлѣ с. Жнибродъ въ Подоліи и возлѣ Муравы въ Минской губ., о гробницахъ на побережьѣ Днѣпра, въ Прикавказьѣ и т. д. [225]).

Ни одинъ изъ видовъ оружія не достигъ въ бронзовую эпоху такого развитія формъ, какъ топоръ. Булавы, о которыхъ мы упоминали уже при обзорѣ каменнаго вѣка, продолжали дѣлаться изъ камня, и еще въ болѣе позднюю эпоху. Попадаются, правда, и бронзовыя булавы, но, насколько намъ извѣстно, онѣ относятся уже къ желѣзному вѣку.

Наконечники копій и стрѣлъ могутъ быть раздѣлены на два главныхъ вида: на наконечники безъ втулки и съ втулкой. Особенно разнообразны наконечники стрѣлъ, которые бываютъ или плоскіе, съ черешкомъ, треугольные, или листовидные, или трехгранные, съ втулкой и часто съ зубцами или шипами при основаніи (рис. 155). Попадаются стрѣлки и съ поперечнымъ лезвеемъ—но рѣдко. Небольшіе желобки или ямки на граняхъ могли служить для втиранія въ нихъ яда, растительнаго или животнаго, какъ это практикуется и у нынѣшнихъ дикарей [226]). У нѣкоторыхъ стрѣлъ въ верхней части втулки замѣчается дырочка, которую также принимали за отверстіе для яда; но, кажется, она дѣлалась для гвоздика, прикрѣплявшаго наконечникъ стрѣлы къ ея древку. Особенный видъ бронзовыхъ стрѣлъ представляютъ собою стрѣлы трехперыя, встрѣчающіяся чаще въ болѣе позднихъ находкахъ, напр. гальштаттскаго періода.

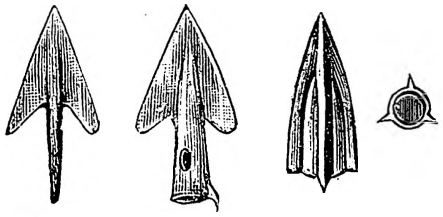


Рис. 155. Разныя формы бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ.

Рядомъ съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ, въ теченіе бронзоваго вѣка были въ большомъ употребленіи и наконечники кремневые, очевидно болѣе дешевые,—условіе, игравшее важную роль по отношенію къ такимъ, легко терявшимся метательнымъ снарядамъ, какъ стрѣлы. Долго продолжали быть въ ходу и наконечники костяные, даже рядомъ съ желѣзными стрѣлами, напр. у позднѣйшихъ тюркскихъ народовъ; очевидно, для многихъ цѣлей они были не менѣе удовлетворительными, чѣмъ сдѣланные изъ металла.

Кинжалъ—въ болѣе древнюю эпоху бронзоваго вѣка имѣлъ обыкновенно форму удлиненнаго узкаго треугольника, иногда съ закругленнымъ основаніемъ. Клинокъ его былъ безъ стержня, и рукоятка (деревянная, костяная или роговая) прикрѣплялась къ клинку нѣсколькими (3—6) гвоздиками.

Въ позднѣйшую эпоху рукоятка обыкновенно отливалась ужевмѣстѣ съ клинкомъ, напр. въ прекрасной работы кинжалахъ изъ гальштаттскаго могильника.

Новый видъ оружія, совершенно неизвѣстный предшествовавшему каменному вѣку, представляетъ собою мечъ [227]). Въ основѣ своей мечъ есть не что иное, какъ удлиненный ножъ или кинжалъ, достаточно тяжелый ля того, чтобы имъ можно было рубить или колоть въ нѣсколько большемъ разстояніи отъ непріятеля. Наиболѣе древніе мечи имѣютъ клинокъ обоюдуострый, съ прямыми лезвеями и постепенно съуживающійся къ концу. Позднѣйшіе же мечи бронзоваго вѣка имѣютъ клинокъ на подобіе камышеваго листа и рѣзко обозначенный стержень для рукоятки. Наиболѣе варіировали формы рукоятки и способъ ея прикрѣпленія къ клинку. Различныя страны и эпохи выработали въ этомъ отношеніи свои особенные своеобразные типы. Древнѣйшіе виды мечей обыкновенно безъ бронзовой рукоятки, но имѣютъ на плоскомъ стержнѣ или заднемъ концѣ клинка нѣсколько дырочекъ для прикрѣпленія пластинокъ изъ другого матеріала. Позднѣйшія формы имѣютъ бронзовую рукоятку или отлитую въ одномъ кускѣ съ клинкомъ, или отлитую отдѣльно и прикрѣпленную опять-таки гвоздями. Въ концѣ бронзоваго вѣка переходъ къ новому матеріалу и новымъ формамъ обозначается тѣмъ, что бронзовый клинокъ замѣняется желѣзнымъ, рукоять же остается еще въ теченіе долгаго времени изъ прежняго металла — бронзы. Объ одной особенности находимыхъ въ Европѣ бронзовыхъ мечей мы упомянули уже выше, именно, что рукоятка ихъ очень мала сравнительно съ размѣрами нашей кисти,— фактъ, въ которомъ Габр. де Мортилье, Э. Шантръ и другіе видятъ доказательство индійскаго происхожденія этихъ мечей. Во всякомъ случаѣ, этотъ малый размѣръ рукоятей остается до сихъ поръ загадочнымъ и намъ кажется, что разъясненію этой особенности не особенно помогли догадки Монтеліуса и Ранке, по мнѣнію которыхъ мечи такого типа служили не столько для того, чтобы ими рубить, сколько для того, чтобы колоть, причемъ рука держала мечъ, не обхватывая его всѣми

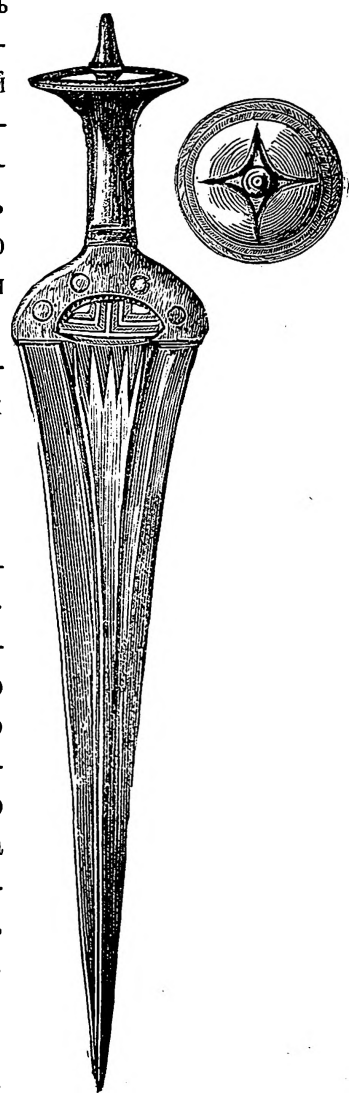


Рис. 156. Бронзовый кинжалъ изъ Перьена въ Тиролѣ.

пальцами, а болѣе опираясь на нее ладонью. То же самое полагаетъ и г. Виллнуази (F. de Villenoisy) [228]).

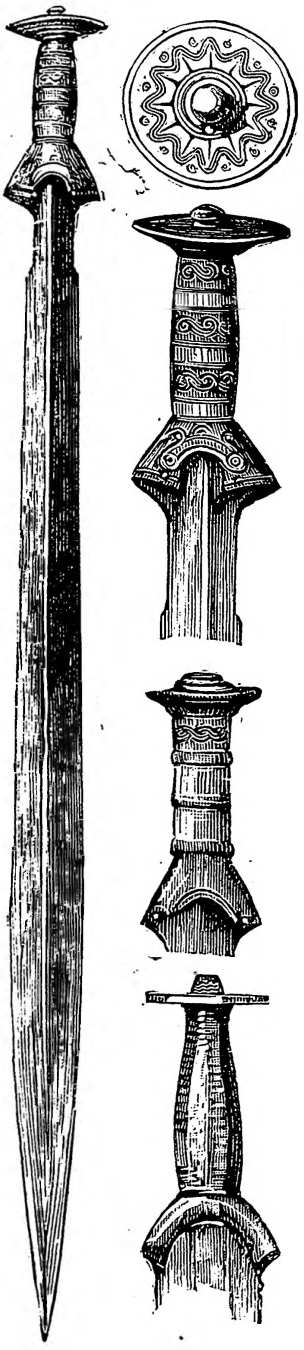


Рис. 157. Бронзовый мечъ, найд. въ р. Лабѣ возлѣ Мельника въ Чехіи, и рукоятки другихъ чешскихъ мечей.

Ножи получили въ бронзовомъ вѣкѣ также различныя формы. У болѣе древнихъ ножей бронзовыхъ рукоятокъ нѣтъ, и стержень клинка снабженъ лишь отверстіями для гвоздей или заостренъ для насаживанія въ рукоятку—въ родѣ того, какъ мы видѣли это относительно мечей и кинжаловъ (рис. 158). Ножи позднѣйшаго бронзоваго періода имѣютъ уже часто бронзовыя рукоятки, иногда простыя, иногда же тщательно отдѣланныя и украшенныя разными фигурками, въ родѣ какъ напр. у изображенныхъ здѣсь ножей изъ Даніи (рис. 159). Типическимъ признакомъ ножа бронзоваго вѣка, именно болѣе поздняго его періода, можетъ считаться слегка изогнутый клинокъ.

Вполнѣ новую форму представляетъ собой бритва. Въ находкахъ бронзоваго вѣка встрѣчаются довольно часто небольшія орудія, съ тонкимъ и широкимъ лезвеемъ, которыя не могли повидимому употребляться ни для какой иной цѣли, какъ для бритья. Можно догадываться, что бритвы вошли въ употребленіе еще въ теченіе каменнаго вѣка, въ формѣ тонкихъ и острыхъ ножей изъ кремня или обсидіана. Обсидіановыми бритвами пользовались древніе мексиканцы; мѣстами онѣ продолжали служить для той же цѣли въ Мексикѣ до новѣйшаго времени. Впрочемъ, форма бронзовыхъ бритвъ совершенно отлична отъ каменныхъ осколковъ. Бронзовыя бритвы являются въ видѣ широкихъ и тонкихъ, точно вырѣзанныхъ изъ бронзоваго листа ножей, заостренныхъ съ обѣихъ сторонъ или только съ одной, причемъ широкій клинокъ бываетъ нерѣдко украшенъ орнаментомъ. Изящныя однолезвейныя скандинавскія бритвы были найдены впрочемъ уже въ гробницахъ позднѣйшаго бронзоваго вѣка (ср. рис. 147). Обоюдуострыя бритвы, въ формѣ округленной пластинки съ вырѣзомъ на одной сторонѣ и съ ручкой на противоположной, такъ

называемыя лунуллы (lunulles), характеризуютъ собою исключительно бронзовый вѣкъ, въ продолженіе котораго употреблялись впрочемъ также че-

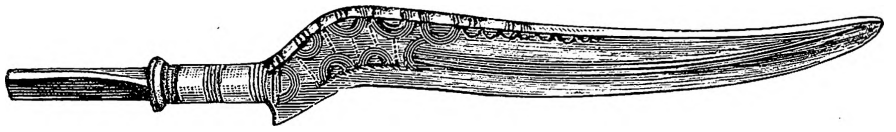


Рис. 158. Бронзовый ножъ изъ Швейцаріи.

тыреугольныя и другія формы (см. рис. 160). Въ Чехіи подобныя бритвы были найдены въ гробницахъ возлѣ Брозанекъ, Гостина, Воковицъ, въ Чимбурскомъ городищѣ возлѣ Кутней Горы и т. д. Для начала желѣзнаго вѣка въ Сѣверной Италіи и окрестныхъ странахъ, является характернымъ особый видъ бритвы на подобіе широкаго серпа новолунія или кухоннаго сѣкача съ ручкой возлѣ одного изъ роговъ. Въ находкахъ болѣе позднихъ эпохъ типы широкихъ бритвъ вполнѣ исчезаютъ.

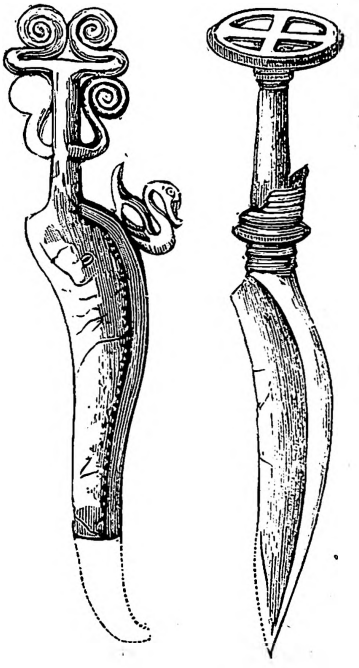


Рис. 159. Бронзовые ножи изъ Даніи.

Таковы главнѣйшіе типы бронзовыхъ орудій и оружія; объ остальныхъ мы упомянемъ только въ нѣсколькихъ словахъ. Сюда относятся напр. бронзовыя долота (рис. 161), представляющія собой не что иное, какъ небольшой, очень узкій топорикъ, пилы, шилья, принадлежности конской сбруи, какъ напр. часто встрѣчающіяся массивныя удила (рис. 162), тогда какъ стремена, подковы и шпоры въ эту эпоху еще отсутствуютъ [229]). Очень часто встрѣчаются бронзовые серпы, по своей формѣ нѣсколько отличающіеся отъ современныхъ (рис. 163). Габр. де Мортилье различаетъ болѣе древній типъ ихъ отъ позднѣйшаго по характеру загиба и по формѣ конечнаго острія. Древнѣйшій типъ менѣе загнутъ и не имѣетъ зазубринъ, какъ въ серпахъ болѣе позднихъ.

Предметы защитительнаго вооруженія, какъ шлемъ, латы, щитъ и т. п., въ эту эпоху сравнительно очень рѣдки, и были находимы почти исключительно лишь въ Сѣверной Европѣ. Щиты обыкновенно выдѣлывались изъ дерева или толстой кожи и потомъ оковывались бронзовымъ листомъ; цѣльные бронзовые щиты составляютъ большую рѣдкость.

Въ **украшеніяхъ** съ появленіемъ новаго матеріала замѣчается большое разнообразіе, и ковка, литье и рѣзьба по металлу въ нѣкоторыхъ странахъ доходятъ уже до замѣчательнаго совершенства, напр. въ Венгріи и на Сѣверѣ Европы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай заняться подробнѣе описаніемъ подобныхъ издѣлій, которыми различныя племена бронзоваго вѣка украшали свое тѣло и одежду, своихъ лошадей, повозки и т. п.

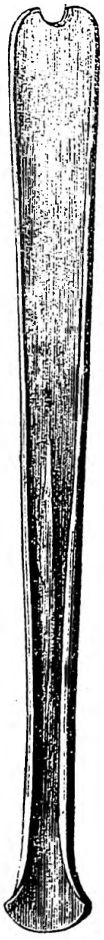


Рис 161. Бронзовое долото изъ Плавницы въ Чехіи.

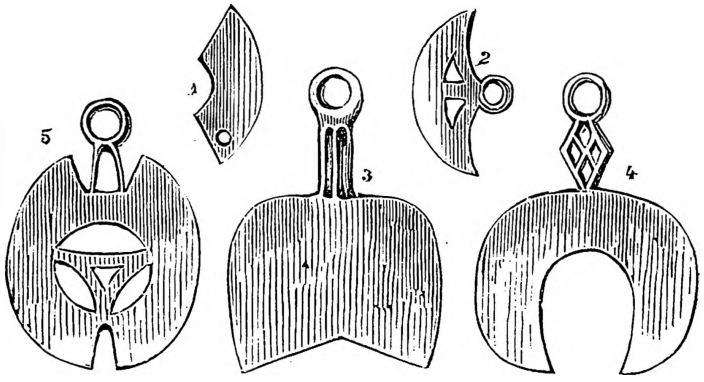


Рис. 160. Различныя формы бритвъ бронзоваго вѣка *).

На головахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носили діадемы, въ ушахъ—серьги, въ волосы вплетали разныя украшенія, на шеѣ обыкновенно носили большое бронзовое кольцо, или обручъ (torques, гривна), на рукахъ браслеты и перстни, на ногахъ часто подобныя же украшенія. Одежду закалывали булавками и обшивали часто разными бляхами и привѣсками. Относительно булавки слѣдуетъ замѣтить, что въ концѣ бронзоваго вѣка изъ нея развилась такъ называемая **фибула**,—видъ украшеній, варіаціи которыхъ представляютъ большую важность для археологіи позднѣйшихъ эпохъ. Въ **настоящемъ бронзовомъ вѣкѣ въ большей части Европы, фибулы вовсе не встрѣчаются**,—фактъ, являющійся важнымъ признакомъ для опредѣленія древ-

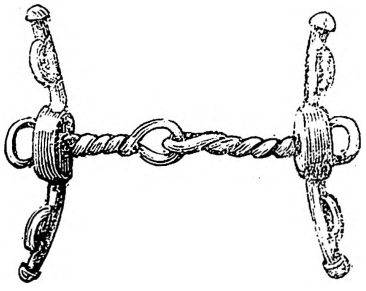


Рис. 162. Бронзовыя удила изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ.

*) Бритва № 1—изъ свайной постройки въ Мерингенѣ, въ Швейцаріи, № 2—изъ гробницы возлѣ Monceau Laurent (Котъ-д'оръ); № 3—изъ гробницы въ Парсбергѣ, въ Баваріи; № 4—изъ Брозанекъ въ Чехіи, № 5—изъ Макона во Франціи (рисовано съ оригиналовъ).

ности находокъ. Исключенія до сихъ поръ до такой степени рѣдки и такъ рѣзко ограничены немногими опредѣленными мѣстностями, что этотъ признакъ можетъ быть возведенъ въ настоящее правило. Фибула оказывается характернымъ издѣліемъ начала желѣзнаго вѣка, но приготовлялась, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, все-таки еще изъ бронзы. Въ теченіе бронзоваго вѣка фибула появилась только въ трехъ странахъ: въ Венгріи, въ южной части Альпъ и въ Скандинавскихъ странахъ, и то въ самомъ концѣ бронзоваго періода. Иногда, въ видѣ исключенія, фибулы попадаются и въ другихъ мѣстностяхъ, но въ такихъ случаяхъ онѣ оказываются занесенными изъ вышеупомянутыхъ странъ. Вмѣсто фибулы, для закалыванія одежды, употреблялись обыкновенно только различной длины и толщины булавки, какъ о томъ свидѣтельствуютъ находки такихъ булавокъ около скелетовъ въ гробницахъ бронзовой эпохи. Подобныя булавки отличаются иногда гигантскими размѣрами. Такъ напр. въ Гроссгмайнѣ въ Зальцбургѣ и въ Бернѣ въ Швейцаріи были найдены булавки почти въ полметра длиною; въ Чехіи подобныя же булавки извѣстны изъ Либни, Тмани и т. д.

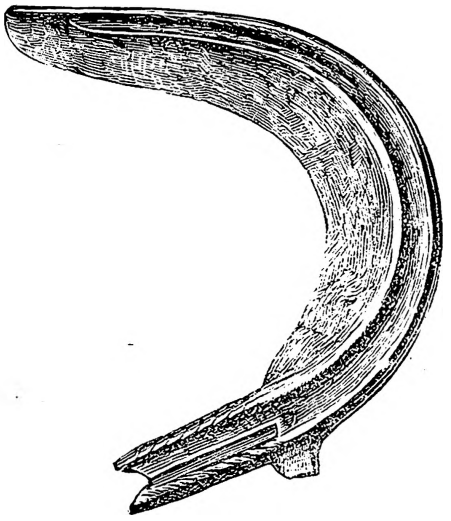


Рис. 163. Бронзовый серпъ изъ Чехіи.

Кромѣ скалыванія одежды, булавки служили также для укрѣпленія волосъ, но гораздо рѣже. Булавки бронзоваго вѣка отличаются отъ позднѣйшихъ главнымъ образомъ своими крупными размѣрами, а еще болѣе массивностью головокъ, состоящихъ или изъ плоскаго кружка, или изъ шарика, или же, и притомъ чаще всего, изъ ряда расположенныхъ одно надъ другимъ утолщеній (см. рис. 164).

Не менѣе впрочемъ многочисленны и простыя формы. Даже наиболѣе древній, какъ намъ кажется, видъ булавки, состоящій только изъ толстой, на одномъ концѣ расплющенной, а на другомъ сточенной проволоки, не только встрѣчается въ бронзовомъ періодѣ, но удерживается и до гораздо болѣе позднихъ временъ во всей Европѣ.

Новая металлическая культура обнаруживала свое вліяніе и на керамику. Въ находкахъ бронзоваго вѣка мы встрѣчаемъ различные виды сосудовъ изъ бронзы: чашки, котелки, миски, ведерки, сосудцы въ видѣ животныхъ и т. п. Но и глиняная посуда не была забыта. Напротивъ, въ нѣ-

которыхъ странахъ она дошла въ эту эпоху до наибольшей степени совершенства, хотя въ иныхъ, напр. на Сѣверѣ Европы, она долго оставалась на одномъ уровнѣ развитія съ неолитическою. Въ формѣ сосудовъ появляется новое усовершенствованіе—ушко,—получившее особое развитіе у чашечекъ и вообще у сосудовъ небольшой величины. Орнаментація становится также

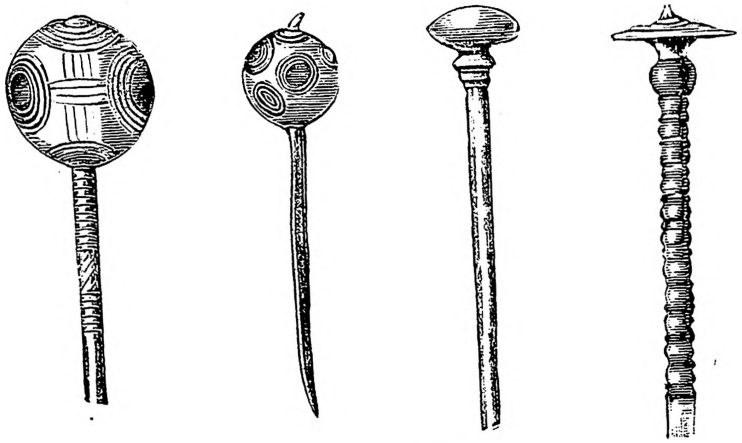


Рис. 164. Головки бронзовыхъ булавокъ изъ Швейцаріи.

болѣе разнообразной и тонкой; врѣзанныя черточки часто бываютъ выполнены бѣлою мѣловою массой. Бронзовые сосуды сравнительно рѣдки, вѣроятно вслѣдствіе дороговизны бронзы и трудности ея выдѣлки. Почти всѣ они сдѣланы очень старательно изъ кусковъ бронзоваго листа сбитыхъ гвоздиками, но еще не спаянныхъ.

Спайка вообще не была еще извѣстна, и ее замѣняло сбиваніе гвозди-

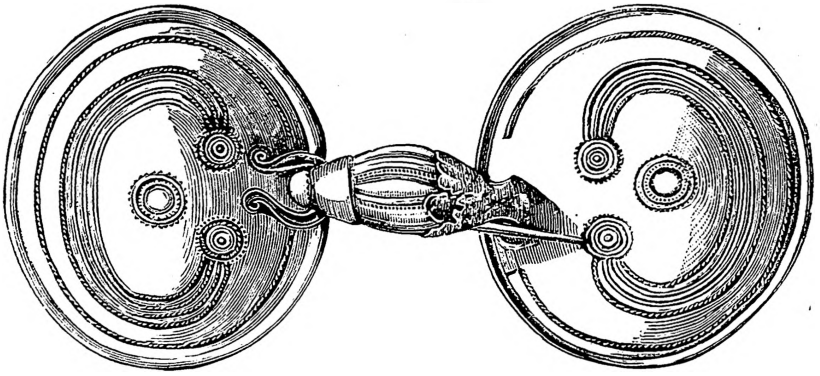


Рис. 165. Починенная бронзовая фибула изъ Мекленбурга.

ками. Поэтому, если напр. орудіе разбивалось или украшеніе ломалось, то разбитые куски не соединялись при помощи спайки, а орудіе или просто

переливалось, или-же части его соединялись самымъ грубымъ и примитивнымъ способомъ. Извѣстно нѣсколько интересныхъ экземпляровъ такихъ неумѣлыхъ починокъ съ помощью накрученной проволоки, прибиванія гвоздиками и т. п., какъ можно видѣть напр. на одной мекленбургской фибулѣ изъ Шверина (рис. 165).

Еще въ Гальштаттскую эпоху бронзовые сосуды продолжали дѣлаться изъ листоваго металла, сбитаго гвоздиками. По греческимъ преданіямъ спайка металловъ была открыта Главкомъ съ о-ва Хіоса. Но такъ какъ въ извѣстіи объ этомъ говорится только о спаиваніи желѣза (κόλλησις σιδήρου), а не бронзы, то Блюмнеръ полагаетъ, что спайка бронзы была уже извѣстна грекамъ раньше открытія Главка. Микенскіе бронзовые сосуды, впрочемъ, еще сбиты гвоздиками, и слѣды подобнаго же рода работы встрѣчаются и на наиболѣе древнихъ бронзовыхъ статуэткахъ греческаго происхожденія. За то въ Троѣ Шлиманномъ были уже найдены въ слояхъ бронзоваго вѣка только спаянные сосуды. Слѣдуетъ полагать поэтому, что умѣнье паять металлы пришло въ Грецію и въ Европу, вообще, съ Востока.

Нѣкоторые виды бронзовыхъ предметовъ встрѣчаются въ очень большомъ количествѣ, другіе-же очень рѣдки. Такъ напр. предметы охранительнаго вооруженія, шлемы, латы и щиты, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко; бронзовые мечи тоже оказываются сравнительно рѣдкими. За то очень многочисленны разные виды топоровъ—плоскихъ, съ крыльями и съ втулкой, серпы и т. п., поэтому гр. Вурмбрандтъ, можетъ быть, и правъ, дѣлая предположеніе, что большая часть этого рода предметовъ не служила для дѣйствительнаго употребленія, но представляла собою или форму сыраго матеріала, изъ котораго потомъ выдѣлывались различныя вещи, или нѣчто въ родѣ монеты для обмѣна на мѣстные продукты. У нѣкоторыхъ примитивныхъ народовъ и до сихъ поръ извѣстные виды орудій, какъ напр. желѣзные топоры въ Африкѣ, замѣняютъ собою деньги.

Встрѣчаются также находки, заключающія въ себѣ очень большое количество бронзовыхъ издѣлій и очень часто одного или нѣсколькихъ только типовъ. Это—такъ называемые клады или склады (cachettes, dépots). Ихъ объясняли различнымъ образомъ. Въ Даніи, гдѣ они попадаются напр. въ торфяникахъ, въ Ташбергѣ, въ Ангельнѣ, въ Крагерупѣ и Вимозѣ на о-вѣ Фіоніи (Füen), въ Шлезвигѣ, въ Нидамѣ, нѣкоторые ученые (Ворсо, Лиссауэръ и др.) принимали ихъ за жертвенныя приношенія подземнымъ богамъ, точно такъ-же какъ нѣкоторыми объяснялись находки вещей на днѣ швейцарскихъ озеръ, подъ свайными постройками, за жертвы, брошенныя водянымъ духамъ. Въ послѣднее время Г. Эроли (G. Eroli) объяснялъ подобнымъ же образомъ почти всѣ итальянскія находки. О подобныхъ обычаяхъ въ разныхъ мѣстахъ Европы имѣются историческія свидѣтельства, поэтому мы не рѣшаемся при-

знать объясненіе Ворсо вообще невѣроятнымъ. Но относительно нашихъ среднеевропейскихъ кладовъ подобное объясненіе было-бы все-таки искусственнымъ. По нашему мнѣнію сами названія—кладъ или складъ—заключаютъ въ себѣ наилучшее объясненіе подобныхъ находокъ. Бронза въ теченіе очень долгаго времени была металломъ рѣдкимъ, бронзовое оружіе и украшенія были наиболѣе цѣнными предметами изъ всего имущества отдѣльнаго лица или семьи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ древности ихъ прятали въ эпохи смутъ, при приближеніи напр. непріятеля, подобно тому, какъ поступали въ гораздо болѣе позднія времена съ монетами и драгоцѣнностями *). Не будетъ слѣдовательно большой натяжкой полагать, что кромѣ золотыхъ кладовъ и часть этихъ бронзовыхъ находокъ представляетъ собою тоже клады, спрятанные въ смутныя времена и потомъ не вынутые изъ земли. Большая часть ихъ однако была вѣроятно зарыта въ землю странствовавшими торговцами, которые занимались литейнымъ дѣломъ или сбытомъ готовыхъ бронзовыхъ издѣлій. Особенно въ началѣ бронзоваго вѣка, когда бронза еще не выдѣлывалась въ средней Европѣ, но доставлялась туда путемъ торговли изъ восточныхъ и южныхъ странъ, или въ видѣ уже совершенно готовыхъ, отдѣланныхъ издѣлій, или же только въ слиткахъ, ожидавшихъ обработки **),—купцы, пускавшіеся внутрь Европы по непроходимымъ дорогамъ, сквозь густые дѣвственные лѣса, вдоль рѣкъ и т. п., естественно облегчали себѣ торговлю тѣмъ, что въ извѣстныхъ мѣстахъ припрятывали часть своего товара. Затѣмъ они направлялись съ небольшимъ запасомъ въ окрестныя страны и, продавши все, что было съ ними, возвращались, брали изъ своего склада новый запасъ и отправлялись въ другія мѣстности. Только подобнымъ образомъ и можно объяснить себѣ нѣкоторые склады бронзовыхъ предметовъ, какъ напр. въ Венгріи, гдѣ оказалось въ находкѣ въ Hajdu-Böszörmeny, въ Podhering'ѣ, цѣлое собраніе мечей, чешскую находку дуксовскихъ (Duchcov) фибулъ, громадные запасы бронзовыхъ кинжаловъ въ Ripatransone, Castione, Campo Sacro — въ Италіи, складъ бронзовыхъ топоровъ въ Clohars-Carnoet (Финистеръ) во Франціи и т. п.

Если случалось, что торговецъ умиралъ въ дорогѣ насильственною или естественною смертью, или возвращеніе его къ зарытому имъ запасу оказы-

*) Въ Чехіи въ Млычехвостахъ былъ найденъ напр. сосудъ, наполненный янтарными кружечками, а кладъ, найденный въ Сарадѣ, въ тольнайской жупѣ въ Венгріи, заключалъ въ себѣ около тысячи янтарныхъ бусъ.

**) Что бронза доставлялась въ Европу и въ необработанномъ видѣ — объ этомъ свидѣтельствуютъ куски этого металла, находимые въ разныхъ странахъ. Въ Сварошинѣ въ Пруссіи, въ Старогардскомъ округѣ былъ найденъ подобный слитокъ въ 100 килограммовъ вѣсомъ.

валось, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, невозможнымъ—а это могло случаться очень часто,—то складъ оставался зарытымъ въ землѣ до тѣхъ поръ, пока случайно, съ расчисткой лѣсовъ и обработкой земли какое либо разрытіе почвы не вызывало находку зарытаго за многія тысячи лѣтъ тому назадъ товара или склада.

Такими торговыми складами слѣдуетъ признать прежде всего тѣ находки, въ которыхъ оказались совершенно готовыя бронзовыя издѣлія въ большомъ количествѣ. Но кромѣ торговцовъ готовыми издѣліями развился впослѣдствіи новый классъ странствовавшихъ бродячихъ купцовъ-ремесленниковъ, которые не только торговали готовыми вещами, но и сами занимались литейнымъ дѣломъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто. Они скупали поломанные и разбитые бронзовые предметы, вымѣнивая ихъ съ извѣстной выгодой на новыя, при чемъ, чтобы не таскаться съ лишней тяжестью, они закапывали иногда собранныя ими старыя вещи въ землю, и только тогда, когда ихъ набиралось достаточно, собирали ихъ въ одно мѣсто, устроивали мастерскую, плавили куски старой бронзы и отливали новые предметы. Торговцы этого рода были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками-литейщиками. Французы называютъ ихъ «marchands fondeurs», а ихъ склады «cachettes de fondeurs» (по англ. founders hoards). Этому второму роду бродячихъ торговцовъ мы приписываемъ довольно многочисленныя находки, въ которыхъ вмѣстѣ съ слитками бронзы или съ готовыми издѣліями оказываются также и испорченные или поломанные предметы. Иногда при этомъ находятъ и каменныя формы для отливки,—наилучшее доказательство того, что зарывшіе складъ были не только торговцами, но и литейщиками. Подобныя находки были сдѣланы напр. въ Чехіи въ Стражѣ возлѣ Радетицъ въ Рыдче, недалеко отъ Литомѣрицъ; въ другихъ странахъ сюда относится одна изъ наиболѣе обильныхъ находокъ въ саду св. Франциска въ Болоньѣ (складъ постоянной мастерской) и главнымъ образомъ громадная находка въ Гаммерсдорфѣ въ Седмиградской области. Этотъ послѣдній кладъ вѣсилъ болѣе 400 килограммовъ и состоялъ по большей части изъ бронзы въ слиткахъ, мѣди и олова, и изъ большого количества поломанныхъ мечей, топоровъ и серповъ.

Въ послѣднее время были сдѣланы находки подобныхъ же складовъ желѣзныхъ предметовъ. Такъ въ с. св. Михаила въ Крайнѣ въ 1891 г. былъ открытъ складъ изъ нѣсколькихъ сотъ штукъ желѣзнаго оружія. Замѣтимъ кстати, что были находимы также и склады каменныхъ орудій, напр. въ Россіи въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на границѣ Земли Войска Донскаго, и другой въ дер. Гамарнѣ въ Каневск. у., Кіевской губ.

Обращаясь теперь къ изложенію свѣдѣній о бронзовомъ вѣкѣ въ отдѣльныхъ странахъ Европы, сдѣлаемъ сначала небольшое уклоненіе и разсмотримъ предварительно начала металлической культуры на Востокѣ, а потомъ уже перейдемъ въ Европу, слѣдуя тѣмъ путямъ, по которымъ культура эта, по нашему мнѣнію, проникла на Западъ. Свѣдѣнія о бронзовой культурѣ восточныхъ странъ имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашему изложенію. Уже изъ того, что было нами сказано выше о происхожденіи бронзовой культуры, видно, что, говоря объ этой культурѣ въ Европѣ, невозможно оставить безъ вниманія тѣсно связанную съ ней культуру восточную. Западныя азіатскія страны и Египетъ имѣли несомнѣнно очень важное значеніе для развитія европейской цивилизаціи. Въ этихъ странахъ, изобилующихъ минеральными богатствами и расположенныхъ географически весьма благопріятно, образовались два наиболѣе древнихъ культурныхъ центра—въ Египтѣ и въ Месопотаміи. Здѣсь, еще въ тѣ времена, когда Европа пребывала въ полномъ варварствѣ, когда ея населеніе проходило еще примитивныя стадіи развитія, мы видимъ высокую цивилизацію, общества, организованныя въ государства, съ гражданскими законами и религіозными установленіями, находимъ сложную матеріальную культуру, развитое искусство, письменность, даже науку. А когда въ нынѣшнемъ столѣтіи начались болѣе глубокія изслѣдованія такъ назыв. классической культуры Греціи и Италіи, то сдѣлалось несомнѣннымъ, что и эта наиболѣе древняя высшая культура въ Европѣ имѣетъ свои корни на Востокѣ. Основы были чужія, восточныя, но затѣмъ новая среда и развившіяся въ ней другія основы человѣческаго духа дали европейской культурѣ новый и оригинальный отпечатокъ.

Первые зародыши культуры, которую мы съ археологической точки зрѣнія называемъ бронзовою, появились тоже гдѣ-то въ Азіи и пришли къ намъ съ Востока. И если мы не знаемъ въ точности мѣста ея первоначальнаго происхожденія, то намъ извѣстны по крайней мѣрѣ тѣ страны, въ Азіи и въ Африкѣ, откуда бронзовая культура начала непосредственно проникать въ Европу. Это, прежде всего, Египетъ въ Африкѣ, Финикія, Сирія, Малая Азія, Месопотамія и Персія въ Азіи. Среднеазіатскія страны, въ особенности-же Южная Сибирь, имѣли тоже непосредственное вліяніе на проникновеніе бронзы на Западъ; кромѣ того мы находимъ слѣды непрямыхъ сношеній и съ Индіей и Китаемъ, но объ этомъ мы упомянемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же мы коснемся только кратко бронзовой культуры въ странахъ, соотвѣтствующихъ болѣе узкому понятію «Востока» [230]).

О томъ, была ли въ Египтѣ особая и самостоятельная эпоха бронзы, между учеными ведется и по настоящее время споръ [231]). Въ этой странѣ цивилизація уже въ глубокой древности получила необыкновенное развитіе. Громадныя гизехскія пирамиды, построенныя изъ искусно отесанныхъ пра-

вильныхъ каменныхъ глыбъ и заключающія внутри ходы, съ искусно выведенными камерами и гробницами царей, представляютъ самое краснорѣчивое доказательство, что уже болѣе чѣмъ за 5000 лѣтъ тому назадъ Египетъ былъ очагомъ высокой культуры. Три наиболѣе древнія изъ этихъ сооруженій относятся ко времени фараоновъ IV династіи, т. е. къ началу III тысячелѣтія до нашей эры. Въ этой цивилизаціи было, конечно, много варварскаго, тысячи и тысячи рабочихъ были принуждаемы египетскими самодержцами трудиться изъ поколѣнія въ поколѣніе надъ возведеніемъ этихъ громадныхъ построекъ безъ всякой высшей идеи и гуманитарной цѣли,—но если мы присмотримся съ нашей точки зрѣнія къ способамъ и результатамъ этихъ работъ, то мы не можемъ не признать за древней египетской культурой уже очень значительной степени развитія.

Причину такого ранняго развитія культуры слѣдуетъ искать, прежде всего, въ географическомъ положеніи Египта и характерѣ этой страны. Будучи ограждена съ двухъ сторонъ моремъ, а съ третьей пустыней, она представляетъ собой настоящій оазисъ. Пришедшій туда народъ нашелъ тамъ всѣ условія счастливаго существованія, но, что очень важно, существованія, неразлучно связаннаго съ трудомъ. Богатство страны было даромъ Нила, его разливовъ, удобрявшихъ почву своими отложеніями, но пользоваться этимъ богатствомъ можно было только при условіи непрестанной работы. Работать долженъ былъ и каждый отдѣльный человѣкъ и весь народъ вообще; съ развитіемъ индивидуальнымъ шло постепенно и развитіе общественное. Благодаря богатству страны установились торговыя сношенія съ сосѣдями на югѣ, сѣверѣ и востокѣ. Существуютъ доказательства того, что несмотря на нѣкоторыя извѣстія о замкнутости египетскаго народа, пріобрѣтенія азіатской культуры постоянно проникали въ Египетъ, усваивались, утилизировались его населеніемъ, и способствовали такимъ образомъ необычайному росту культуры въ этой странѣ.

Между прочимъ и металлы сдѣлались извѣстными древнимъ египтянамъ чрезвычайно рано; золото и серебро встрѣчается уже въ самыхъ древнѣйшихъ находкахъ, мѣдь добывалась уже въ теченіе каменнаго вѣка, о чемъ свидѣтельствуютъ предметы, найденные въ древнихъ синайскихъ рудникахъ. Олово, не существующее въ странѣ, доставлялось вѣроятно или съ Парапамиза или черезъ Индійскій океанъ изъ Индіи, или же наконецъ изъ Западной Европы. Очень возможно, что по тѣмъ же путямъ произошло знакомство египтянъ и съ желѣзомъ, такъ какъ большая часть Африки представляется страной исключительно желѣзной культуры, и многія области ея составляютъ исключеніе изъ системы археологическихъ періодовъ, установленныхъ для Западной Европы, въ томъ отношеніи, что здѣсь желѣзная культура слѣдовала непосредственно за каменною. Но, повидимому, желѣзо не достигло въ Египтѣ

значенія культурнаго фактора раньше половины II тысячелѣтія до нашей эры, эпохъ XVIII и XIX династій, такъ что и здѣсь желѣзному вѣку предшествовалъ бронзовый. Такое мнѣніе защищалось по крайней мѣрѣ въ послѣднее время О. Монтеліусомъ противъ Оливье Борегара (Ollivier-Beauregard) и Г. де Мортилье,съ которыми согласны также многіе египтологи—Лепсіусъ, Видеманъ и др., отрицающіе существованіе въ Египтѣ бронзоваго вѣка.

Какъ мы упоминали уже выше, въ Египтѣ была и мѣдная эпоха, и предметы изъ мѣди, изображавшіеся на барельефахъ красновато-бурой краской, продолжали употребляться еще долго, до позднѣйшаго бронзоваго вѣка. Перро (Perrot) и Шипье (Chipiez) полагаютъ, что употребленіе бронзы въ Египтѣ началось съ V или VI династіи, Монтеліусъ отодвигаетъ начало его еще далѣе, къ первымъ временамъ государства. Оливье Борегаръ ошибается, утверждая, что въ Египтѣ нельзя доказать существованія бронзы до XVIII династіи. Орудія, найденныя Флиндерсомъ Петри (Flinders Petrie) близь нынѣшняго Кагуна, на мѣстѣ древняго поселенія временъ XII династіи, т. е. конца III тысячелѣтія до нашей эры, хотя и правильнѣе считать мѣдными, тѣмъ не менѣе въ нихъ имѣется уже примѣсь олова до 2%, т. е. такая, которую слѣдуетъ считать уже искусственною. На этомъ основаніи кагунскія находки могутъ служить доказательствомъ существованія въ Египтѣ и мѣдной и бронзовой эпохъ. Примѣсь олова къ мѣди, повидимому, была уже извѣстна, но за недостаткомъ перваго металла, привозившагося издалека, его примѣшивали къ мѣди въ очень малыхъ количествахъ. На стѣнной живописи соотвѣтственной эпохи встрѣчаются изображенія топоровъ, сдѣланныя красною или желтою краской. Послѣдняя изъ нихъ не можетъ обозначать ничего кромѣ бронзы. Находки кипрскія и микенскія имѣютъ для даннаго вопроса также важное значеніе. И въ гробницахъ бронзоваго вѣка на о-вѣ Кипрѣ, и въ извѣстныхъ Микенскихъ гробницахъ встрѣчаются многіе предметы, указывающіе на сношенія съ Египтомъ, но въ числѣ ихъ не было найдено желѣзныхъ. Изъ всего этого О. Монтеліусъ не безъ основанія заключаетъ, что бронза употреблялась въ Египтѣ еще раньше XVIII династіи, впрочемъ исключительно для приготовленія оружія и орудій.

Только начиная съ этой эпохи входитъ въ Египтѣ въ употребленіе желѣзо, въ живописи появляются изображенія орудій и оружія, написанныя свѣтлоголубою краскою, слова ba или bi', означавшія прежде металлъ вообще, начинаютъ встрѣчаться въ надписяхъ въ смыслѣ желѣза. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ существованія бронзоваго вѣка въ Египтѣ служатъ находки Петри въ Файюмѣ. О кагунской находкѣ мы уже упоминали. Другой городъ, основанный при Тутмесѣ III и процвѣтавшій до XIX династіи, былъ открытъ Петри возлѣ нынѣшняго Гуроба. Въ обоихъ поселеніяхъ онъ нашелъ множество металлическихъ (и каменныхъ) орудій, но ни одного же-

лѣзнаго. За то мы встрѣчаемся съ желѣзомъ въ очень большомъ количествѣ въ находкахъ позднѣйшихъ временъ, какъ напр. на мѣстѣ древней Навкратиды [232]). Египетское бронзовое оружіе вполнѣ своеобразно и обнаруживаетъ очень мало сходства съ европейскими типами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ

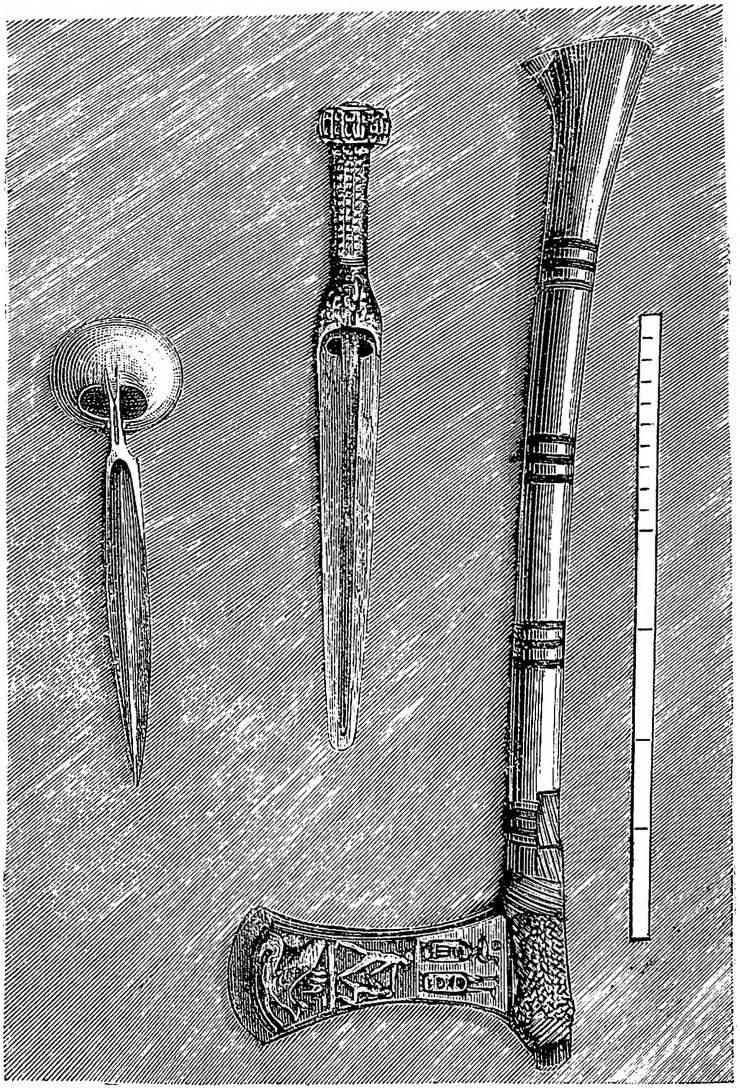


Рис. 166. Оружіе изъ гробницы царевны Аагготепы (Булакскій Музей).

импортированныхъ предметовъ. Прекрасная коллекція египетскаго бронзоваго оружія и украшеній изъ этого металла была доставлена гробницей царевны Аагготепы; часть ихъ изображена у насъ на рис. 162 [233]).

Изъ азіатскихъ странъ о-въ Кипръ имѣлъ, послѣ продолжительнаго мѣднаго періода, и свой бронзовый вѣкъ. Культурное значеніе Кипра для Европы обусловливалось какъ его богатыми мѣдными, желѣзными и серебряными рудниками, такъ и его выгоднымъ географическимъ положеніемъ. Кипръ ле-

житъ какъ разъ на морскомъ пути, связывающемъ часть Передней Азіи, Сирію, Финикію, можно сказать даже Египетъ, съ юговосточной Европой; поэтому онъ былъ колонизованъ очень рано. Первыми колонистами его, насколько извѣстно, были финикіяне; греческая колонизація началась уже нѣсколькими столѣтіями позже, и Кипръ сдѣлался извѣстнымъ вполнѣ только по окончаніи греко-персидскихъ войнъ. О наиболѣе древнемъ, до финикійскомъ періодѣ этого острова мы не знаемъ ничего. Только по нѣсколькимъ топографическимъ именамъ стали въ послѣднее время полагать, что тамъ жила вѣтвь загадочнаго до сихъ поръ племени хиттитовъ (или хетеевъ), родиной котораго были Малая Азія и Сирія. Первыя обширныя изслѣдованія кипрскихъ древностей были предприняты съ немалыми издержками братьями Л. и А. ди-Чеснола (di Cesnola). Собранныя ими коллекціи поступили большей частью въ Американскіе музеи. Находки были очень богаты, но оба изслѣдователя не имѣли достаточной подготовки, а потому научные результаты ихъ изысканій не велики. Болѣе серьезныя раскопки были произведены только въ самое послѣднее время Ф. Диммлеромъ, I. Науэ и особенно Максомъ Онефальше-Рихтеромъ [234]). Dümmler и Ohnefalsche-Richter изслѣдовали на Кипрѣ цѣлый рядъ могильниковъ въ Лапитѣ, Хитрояхъ, Никосіи, Аламбрѣ, Псемматисменѣ, часть которыхъ можетъ быть отнесена къ мѣдному періоду, часть къ бронзовому.

Гробницы этой эпохи устроены обыкновенно одинаковымъ образомъ, на подобіе тѣхъ, которыя были уже описаны нами на стр. 205, только погребальныя камеры здѣсь сдѣланы не въ землѣ, а въ скалѣ. Орудія и оружіе по большей части бронзовыя, но съ меньшимъ процентомъ олова, чѣмъ напр. въ такъ наз. классической бронзѣ. Изъ новыхъ типовъ надо упомянуть о наконечникахъ копій, въ которыхъ боковыя крылья широкаго черенка пригнуты другъ къ другу, такъ что образуютъ втулку, куда всаживалось древко; затѣмъ о топорахъ съ дырой для топорища и съ однимъ или двумя лезвеями (рис. 167). Двулезвейные топоры, бывшіе рѣдкими въ неолитическомъ періодѣ, остались рѣдкими и въ эпоху металловъ. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по свидѣтельству древнихъ историковъ, жили племена, употреблявшія исключительно двулезвейныя сѣкиры, таковыя въ находкахъ или вовсе не встрѣчаются или весьма рѣдко, да и то въ образцахъ восточнаго происхожденія.

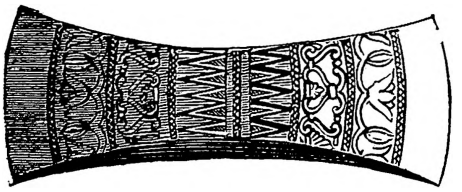


Рис. 167. Сѣкира о двухъ лезвеяхъ съ о-ва Кипра.

Керамика кипрскихъ гробницъ бронзоваго вѣка отличается, по Монтеліусу, отъ древнѣйшей тѣмъ, что сосуды обыкновенно расписаны—болѣе древніе

линейнымъ орнаментомъ, болѣе поздніе—растительнымъ и фигурнымъ. Рис. 168—169 представляютъ намъ два типическихъ сосуда изъ могильника въ Дали, древней Идаліи. На нихъ мы видимъ своеобразный линейный орнаментъ, состоящій изъ близко отстоящихъ одна отъ другой черточекъ или изъ разныхъ также вычерченныхъ квадратныхъ и круговыхъ полей. Кромѣ изображенныхъ нами формъ встрѣчаются также часто кувшинчики и миски съ трубкообразными носиками и сосуды, изображающіе звѣрей и птицъ. Особенную группу составляютъ лицевые сосуды, сдѣланные на подобіе человѣческаго лица (Gesichtsurnen, urnes à visage), съ грубо обозначенными на нихъ глазами, носомъ и ушами или же имѣющіе обыкновенную форму, но съ горлышкомъ,

Рис. 168 и 169. Сосуды, найденные въ Дали на о-вѣ Кипрѣ.

болѣе или менѣе искусно представляющимъ подобіе головы, въ родѣ египетскихъ канопъ. Интересно, что въ то время, какъ въ орнаментикѣ троянскихъ находокъ, приблизительно той же эпохи, мы встрѣчаемъ часто спиральныя линіи и свастику, въ кипрскихъ находкахъ эти декоративные мотивы являются только вмѣстѣ съ предметами начала желѣзнаго вѣка. Изъ этого Онефальшъ-Рихтеръ выводитъ заключеніе, кажется впрочемъ немного преждевременное, что арійское населеніе, близкое къ тому, которое въ теченіе бронзоваго вѣка жило и отбивалось отъ ахейскихъ нападеній въ Троѣ, переселилось на Кипръ только въ концѣ бронзоваго вѣка. Ранѣе же тамъ обитало другое племя, хотя тоже арійскаго, а не семитическаго происхожденія. Теорія эта впрочемъ не согласуется съ выводами, сдѣланными Дюммлеромъ, съ которыми вполнѣ соглашается и Науэ.

Сирійскія находки до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдованы. До самаго послѣдняго времени не знали почти ничего ни о древней исторіи Сиріи, ни о ея доисторическихъ временахъ. Только недавно было сдѣлано нѣсколько находокъ, которыя и вызвали такъ назыв. хеттейскій или хиттитскій вопросъ [235]).

Хиттиты (въ египетскихъ надписяхъ носящіе имя Кета, а въ ассирійскихъ Хаттъ) составляли могущественное племя, жившее въ Малой Азіи и въ Сиріи, въ эпоху, предшествовавшую завоеванію Ханаана Израилемъ. Оно обладало значительной культурой и удачно вело войны съ египетскими фараонами XVIII и XIX династій; еще въ концѣ II тысячелѣтія до нашей эры этотъ народъ причинялъ не мало безпокойства ассирійскимъ царямъ, и вліяніе его достигало далеко на западъ до Троады и Лидіи. Свѣдѣніями объ этомъ народѣ мы обязаны памятникамъ, барельефамъ и надписямъ, открытымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Евфратѣ, въ Каппадокіи, въ Сиріи и др. мѣстахъ и изученнымъ Сэйсомъ (Sayce), Кемпбелемъ (Campbell), Пейзеромъ и др.

Происхожденіе и территорія хиттитовъ до сихъ поръ еще не выяснены вполнѣ. Ассирійскіе памятники помѣщаютъ ихъ въ Сиріи, около Алеппо и Каркамыша на Евфратѣ; по египетскимъ надписямъ, они достигали до Оронта, на которомъ былъ расположенъ и главный городъ ихъ, Кадешъ, а Библія упоминаетъ объ этомъ же племени и на югѣ Палестины. Сэйсъ видитъ въ нихъ остатки обширнаго племени, жившаго первоначально въ предѣлахъ горной системы Тавра, въ Малой Азіи, и только путемъ завоеваній занявшаго Сирію и Палестину. Къ какой расѣ принадлежали они,—мы не знаемъ. Изображенія ихъ лицъ на ихъ собственныхъ и египетскихъ барельефахъ указываютъ на типъ не семитическій, по мнѣнію Сэйса, даже на монгольскій. Болѣе точнаго о нихъ однако ничего неизвѣстно, такъ что нѣкоторые причисляютъ ихъ къ семитамъ, другіе-же, какъ Гоммель, къ неарійской и несемитической группѣ племенъ, къ которой относили каровъ, ликійцевъ, лидійцевъ. пелазговъ, иберовъ и проч. Культура ихъ приближается по характеру къ вавилонской, но при этомъ и достаточно своеобразна. Ломбардъ предполагаетъ, что хиттиты составляли вѣтвь такъ наз. «хамитическаго» племени, которое до появленія семитовъ занимало всю западную Азію и Египетъ и образовалось изъ смѣшенія средиземно-морской и монгольской расъ. Этому племени принадлежала здѣсь каменная культура. Бронзовая-же была принесена кушитами, занявшими главнымъ образомъ Месопотамію, и только послѣ нихъ уже появились семитическія племена.

Каково-бы впрочемъ ни было происхожденіе хиттитовъ, можно считать вѣроятнымъ, что это загадочное племя было главнымъ носителемъ культуры до-ассирійской и до-финикійской во всей передней Азіи. Сэйсъ находитъ вліяніе хиттитской культуры и въ Троѣ, и считаетъ женскіе идолы, найденные тамъ Шлиманномъ, за изображенія великой каркамышской богини.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ Хиттиты, имѣли на европейскую культуру финикіяне. Южная Европа обязана именно имъ задатками своей цивилизаціи. Финикійская культура впрочемъ не была самостоятельною. Общія семитическія основы ея, какъ въ искусствѣ, такъ и въ промышленности, окра-

шены вліяніями всѣхъ тѣхъ различныхъ странъ, съ которыми соприкасались финикіяне, вліяніемъ хиттитовъ, ассирійцевъ, египтянъ и т. д. Для насъ финикіяне представляютъ тотъ интересъ, что они были главными проводниками восточной культуры въ Европу и не только въ Грецію и на острова Эгейскаго моря, но и далѣе на сѣверъ. Финикіяне уже рано усѣяли своими колоніями всѣ берега южной Европы. Прежде всего они колонизовали находившійся противъ нихъ Кипръ и южную часть побережья Малой Азіи, но уже въ XVI в. до нашей эры заселили Родосъ, затѣмъ Теру, Мелосъ, Оліаросъ, Цитеру, гдѣ добывали доставлявшія пурпуръ раковины изъ рода *Murex*, далѣе Критъ, усилили свои рессурсы золотыми рудниками на о-вѣ Ѳазосѣ, словомъ распространились по всему Эгейскому архипелагу и проникли по рѣкамъ даже на материкъ, напр. въ Арголиду. Эгейское море было колонизовано главнымъ образомъ сидонскими купцами; впослѣдствіи колонисты изъ Тира проникли еще далѣе на западъ и основали колоніи на Мальтѣ, въ Сициліи и Сардиніи (тирская колонія Caralis, нынѣш. Cagliari, Tharros), на противолежащихъ берегахъ Африки, въ Галліи (Массилія, нын. Марсель), Мавританіи, пока наконецъ не достигли Испаніи, гдѣ вѣроятнѣе всего и находилась богатая серебромъ страна Таршишъ. Цѣлый рядъ прибрежныхъ городовъ Испаніи, между прочимъ Кадиксъ (Gâder), обязанъ своимъ происхожденіемъ финикіянамъ. Вся эта колонизація южной Европы совершилась уже ранѣе I-го тысячелѣтія до нашей эры.

Колоніи эти даже въ Испаніи, но главнымъ образомъ въ Греціи и Италіи, вскорѣ уступили мѣсто карійскимъ и греческимъ, и только одинъ Карѳагенъ, основанный въ XI столѣтіи и находившійся на сѣверномъ берегу Африки противъ Сициліи, достигъ самостоятельности и, какъ извѣстно, пользовался большимъ значеніемъ въ древней исторіи. Тѣмъ не менѣе время, когда Финикія владычествовала на всемъ Средиземномъ морѣ, было достаточно продолжительно и способствовало тому, чтобы культура южной Европы находилась вполнѣ подъ вліяніемъ азіатскаго Востока. Это время совпадаетъ съ бронзовымъ вѣкомъ южной Европы, и финикіяне были посредниками въ переносѣ туда бронзовой культуры изъ западной Азіи. Они обмѣнивали бронзу на сырые продукты—на олово въ Британіи, на янтарь на берегахъ сѣверной Европы, на кожи, вино, скотъ, рабовъ и т. п.

Финикіяне славились искусствомъ въ обработкѣ металловъ. Гомеръ хвалитъ сидонскія серебряныя издѣлія. Описываемые имъ художественные щиты чеканной работы были несомнѣнно финикійско-кипрскаго издѣлія, того же стиля, какой мы видимъ на нѣкоторыхъ серебряныхъ финикійскихъ блюдахъ. Отъ XI вѣка до нашей эры дошло извѣстіе о двухъ громадныхъ бронзовыхъ колоннахъ въ гадерскомъ храмѣ, а тирскіе литейщики исполняли подобныя же работы и для храма въ Іерусалимѣ. Финикіяне были затѣмъ и искусными мастерами въ фабрикаціи стекла (рис. 170), въ рѣзьбѣ на

драгоцѣнныхъ камняхъ и изъ слоновой кости, въ керамикѣ, въ приготовленіи разныхъ косметическихъ средствъ, въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, тканей и т. п., въ разныхъ видахъ промышленности, которые поддерживали торговлю, а вмѣстѣ съ нею и вліяніе Востока на европейскія страны. Греки

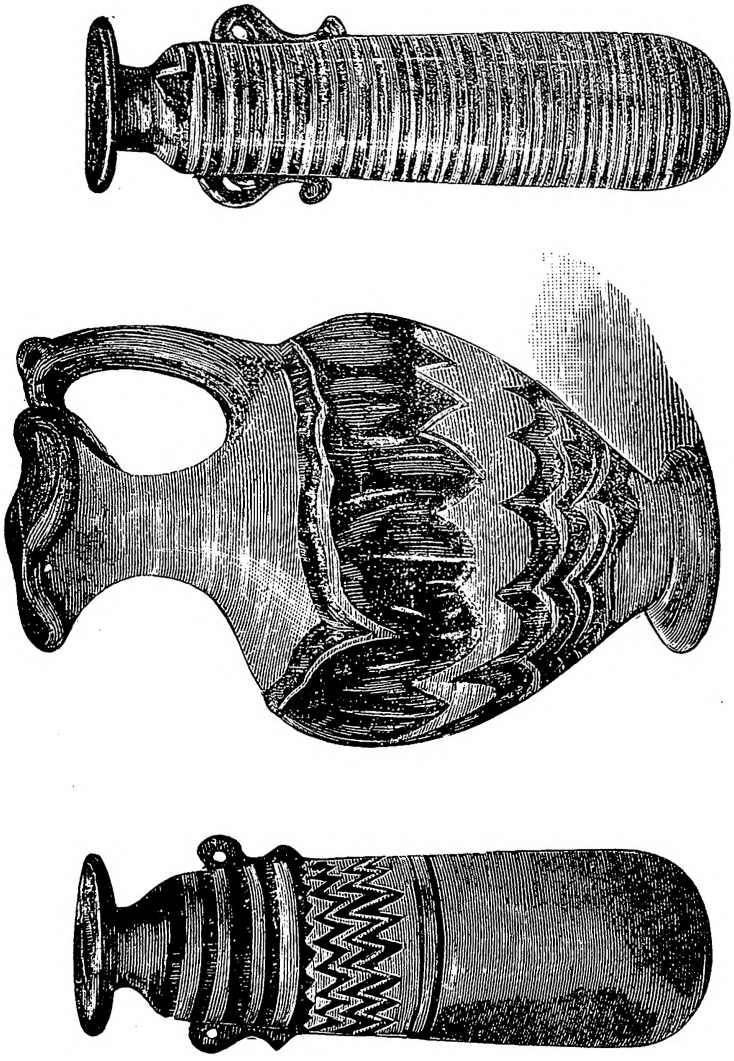


Рис. 170. Финикійскіе стеклянные сосуды.

заимствовали отъ финикіянъ письменность, мѣры и т. п. Словомъ, финикіяне изъ всѣхъ семитическихъ народовъ древности имѣли наиболѣе непосредственное вліяніе на Европу, внося въ нее культурные элементы изъ двухъ важнѣйшихъ культурныхъ центровъ Востока—Египта и Месопотаміи [236]).

Въ Месопотаміи культура развилась даже раньше, чѣмъ въ Египтѣ. Нѣтъ надобности напоминать о вавилоно-ассирійской цивилизаціи съ ея развитымъ государственнымъ строемъ, съ ея іерархіей, великолѣпной архитектурой, скульптурой, научными знаніями и т. д. Еще ранѣе половины II тысяче-

лѣтія до нашей эры, когда семиты-халдеи завладѣли страной въ долинѣ Тигра и Евфрата, когда кромѣ древнихъ городовъ Эрида, Сиргуллы, Ниппура, Ура находился уже въ періодѣ расцвѣта громадный Вавилонъ (Bâbîlu), когда нынѣшнія пустыни Месопотаміи, орошавшіяся водами многочисленныхъ каналовъ, представляли собой настоящій рай по богатству и плодородію,—еще Геродотъ писалъ, что онъ не знаетъ страны плодороднѣе этого края,—здѣсь жили племена несемитическаго происхожденія съ весьма развитою культурою, которую позаимствовали отъ нихъ пришедшіе позже семиты.

Рис. 171. Голова статуи сумеро-аккадійскаго типа найденная въ Телло.

Еще въ 1855 г. Лейярдъ открылъ въ развалинахъ Ниневіи такъ называемую библіотеку Ассурбанипала—множество глиняныхъ плитокъ съ надписями на ассирійскомъ языкѣ, между которыми оказались и другія плитки болѣе древнія, надъ прочтеніемъ коихъ долго трудились Раулинсонъ, Гауптъ, Ленорманъ, Фр. Деличъ, Гоммель и др. Долго не было извѣстно даже то, на какомъ языкѣ онѣ были написаны, пока наконецъ Гауптъ не различилъ въ нихъ двухъ нарѣчій одного языка, названнаго по двумъ частямъ вавилонскаго государства—южной и сѣверной—сумеро-аккадійскимъ (Sumer, Akkad). Языкъ этотъ оказался близкимъ къ языкамъ туранскимъ, главнымъ образомъ финскимъ. Гоммель считаетъ этихъ древнихъ обитателей Месопотаміи, сумеровъ и аккадовъ, принадлежащими къ алтайской вѣтви и полагаетъ, что они пришли туда съ Востока *). Они были знакомы уже со всѣми главными металлами, со скотоводствомъ и земледѣліемъ, имѣли деспотическое государственное устройство, семейныя и судебныя установленія и законы, занимались математикой, географіей, астрономіей и имѣли очень развитую архитектуру. Безъ всякаго сомнѣнія, они жили въ состояніи бронзовой культуры, хотя и не доказано еще, что они именно и изобрѣли бронзу, какъ это утверждаетъ проф. В. Томашекъ.

И здѣсь въ началѣ металлической культуры мы находимъ бронзовый вѣкъ. Желѣзо вообще стало извѣстнымъ позже, но и когда познакомились съ нимъ, оно, по своей дороговизнѣ, не употреблялось еще для выдѣлки оружія и

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, сумеръ и аккадъ—два языка совершенно различныхъ, изъ коихъ сумеръ представляется еще загадочнымъ, вѣроятнѣе всего —урало-алтайскій, аккадъ же—семитическій.

Примѣч. ред.

орудій, а только для украшеній. Мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ и въ Европѣ.

Раулинсонъ и Перро согласны относительно того, что знакомство съ желѣзомъ началось въ передней Азіи позже знакомства съ бронзой. Въ развалинахъ древнебиблейскихъ городовъ Ура и Урука (Эреха), лежащихъ по нижнему Евфрату возлѣ нынѣшнихъ деревень Мугайяра и Варки, найдено было множество гробницъ разныхъ періодовъ, ближайшее опредѣленіе которыхъ до сихъ поръ еще не сдѣлано. Во всякомъ случаѣ онѣ относятся къ очень отдаленнымъ временамъ, приблизительно отъ половины III тысячелѣтія до I тысячелѣтія ранѣе нашей эры. Нѣкоторые, впрочемъ, относятъ ихъ къ еще болѣе древнимъ временамъ: Н. П. Кондаковъ и графъ И. И. Толстой приписываютъ гробницы въ Варкѣ бактрійцамъ. Въ гробницахъ этихъ найдено было много каменныхъ предметовъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ, а также вещей изъ свинца, золота (серебра не оказалось вовсе) и желѣза. Но желѣзные предметы, найденные въ болѣе позднихъ могилахъ, встрѣчались рѣдко. Очевидно желѣзо было въ эту эпоху металломъ еще очень дорогимъ. Приблизительно ко второй половинѣ II тысячелѣтія до нашей эры относится также и находка бронзовыхъ орудій, топоровъ, мотыкъ и т. п., сдѣланная въ Тель-Сифрѣ и хранящаяся теперь въ Британскомъ музеѣ. Тѣмъ не менѣе, по сравненію съ Египтомъ, употребленіе желѣза началось въ Ассиріи повидимому раньше, какъ это будетъ изъяснено подробнѣе ниже.

Древняя Персія также доставила очевидныя доказательства существованія тамъ бронзоваго вѣка. Де Морганъ открылъ недавно въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, возлѣ Каспійскаго моря, большое количество гробницъ, часть которыхъ относится еще къ вполнѣ бронзовому вѣку, хотя другая часть принадлежитъ уже къ переходной эпохѣ. Гробницы первой категоріи расположены большею частью на холмахъ и имѣютъ сходство съ европейскими дольменами, гробницы же второй состоятъ уже не изъ большихъ каменныхъ глыбъ или плитъ, но изъ меньшихъ (ящикообразныя могилы).

Съ этими гробницами современна, т. е. относится также къ бронзовому вѣку, и часть кавказскихъ гробницъ. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. О. Монтеліусъ, причисляютъ извѣстные могильники самтаврскій, кобанскій, рѣдкинскій и пр., хотя отчасти, къ чисто бронзовому вѣку; другіе же приписываютъ имъ болѣе позднее происхожденіе и относятъ ихъ къ началу желѣзнаго вѣка. Въ то время какъ Морганъ опредѣляетъ эпоху наиболѣе древнихъ кавказскихъ гробницъ 2500—3000 гг. до нашей эры, Р. Вирховъ считаетъ кобанскій могильникъ относящимся только къ X—XI стол., а Кондаковъ и гр. Толстой пріурочиваютъ его къ самому началу нашей эры.

Изъ приведеннаго краткаго обзора можно видѣть, что на Востокѣ, также какъ и въ Европѣ, господствовала нѣкогда бронзовая культура, что тамъ

тоже существовала эпоха, когда орудія и оружіе дѣлались изъ смѣси мѣди съ оловомъ. Но въ то время, когда на Востокѣ бронза была уже извѣстна въ эпоху за 3000 лѣтъ до нашей эры, въ Европу знакомство съ нею проникло много позже, распространяясь постепенно внутрь материка.

Переходя къ болѣе подробному разсмотрѣнію бронзовой культуры въ разныхъ странахъ Европы, мы начнемъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыя находились ближе къ путямъ ея распространенія съ Востока и слѣдовательно могли ранѣе ее себѣ усвоить. Такой порядокъ отличается отъ принятаго другими изслѣдователями, напр. Гёрнесомъ, который дѣлитъ европейскія страны бронзовой эпохи на двѣ большія группы: на области съ богатымъ развитіемъ и на области съ бѣднымъ развитіемъ бронзовой культуры (entwickelungsreiche und entwickelungsarme Bronzezeitgebiete) и описываетъ ихъ въ этомъ порядкѣ. Первую группу составляетъ у него сѣверная и средняя Европа (включая сюда Скандинавскія страны, сѣверную Германію, Великобританію, Швейцарію и Венгрію); вторую—часть средней и южная Европа (Испанія, Франція, южно-австрійскія земли, Италія и Греція). Восточныхъ странъ Европы Гёрнесъ вообще не касается. Съ большой основательностью Гёрнесъ указываетъ на то, что въ Европѣ были страны, въ которыхъ бронзовая культура не только нашла изобиліе положительныхъ условій для своего развитія, напр. достаточное количество мѣди или олова или и того и другого вмѣстѣ, но и оставалась тамъ долгое время, будучи изолированной отъ новыхъ вліяній культуры желѣзной. Возьмемъ напр. Венгрію. Эта страна лежитъ въ котловинѣ, вполнѣ ограниченной и обособленной отъ всей остальной Европы. Когда бронза была принесена туда съ Востока, обитатели ея, имѣвшіе часть матеріала для ея приготовленія въ достаточномъ количествѣ, развили новую культуру настолько широко, что она вскорѣ превзошла культуру сосѣднихъ странъ и продолжала существовать даже тогда, когда въ сосѣднія страны, какъ находящіяся около Адріатическаго моря, проникла уже желѣзная культура и успѣла заглушить собою прежнюю. Желѣзо, распространяясь тамъ путемъ торговыхъ сношеній, скоро получило перевѣсъ въ промышленности, и бронза стала употребляться только для украшеній. Вслѣдствіе этого бронзовый вѣкъ въ Италіи и приморской Австріи былъ гораздо менѣе продолжительнымъ и соотвѣтственная культура тамъ не имѣла времени достигнуть такого развитія, какъ въ Венгріи. Этимъ и объясняется, почему Венгрія представляетъ собою такую богатую бронзой страну, тогда какъ Италія и Приморье—бѣдную, и почему въ послѣднихъ желѣзная культура была въ теченіе извѣстнаго періода современна съ бронзовою.

Установленное Гёрнесомъ подраздѣленіе археологическихъ областей, какъ можно видѣть, отнюдь не формально, а обосновано вещественными данными, и мы нисколько не утверждаемъ, чтобы принимаемая нами система была

раціональнѣе системы Гернеса. Но, имѣя въ виду, на основаніи изученія внѣшнихъ формъ, сдѣлать возможно болѣе нагляднымъ передвиженіе культуры съ Востока на Западъ, мы начнемъ нашъ обзоръ съ области соприкосновенія Европы съ Азіей—съ Трои, затѣмъ перейдемъ къ Греціи и на Архипелагъ, къ Балканскому полуострову, къ Италіи, навстрѣчу съ болѣе западнымъ теченіемъ, которое шло прямо въ Галлію, Швейцарію, Великобританію и Испанію. Оттуда мы обратимся къ Венгріи и на сѣверъ къ Даніи и Скандинавіи. Среднюю Европу мы оставимъ къ концу, желая связать ее при помощи Чехіи и Моравіи съ восточными странами Европы.

Троя [237]). О наиболѣе древнемъ, самомъ нижнемъ городѣ Трои мы упоминали уже въ одной изъ предыдущихъ главъ. Мы отнесли его къ эпохѣ неолитической, хотя въ немъ уже попадаются мелкіе металлическіе предметы—мѣдные и серебряные. Надъ этимъ первымъ городомъ, существовавшимъ, повидимому, въ теченіе очень долгаго времени, возникъ второй городъ, принадлежавшій уже бронзовому вѣку и довольно долго принимавшійся за городъ Пріама. Теперь уже извѣстно, что гомеровской Троей можетъ быть названъ только городъ, составляющій шестой слой троянскихъ развалинъ, какъ это доказано новѣйшими находками M. Dörpfeld'a. Оба эти города втораго и шестаго слоевъ относятся къ бронзовому вѣку, но первый изъ нихъ къ началу, а второй къ концу его. Слои III—V заключаютъ въ себѣ только остатки бѣдныхъ деревень и поэтому не представляютъ большого интереса. Мы будемъ имѣть здѣсь дѣло только съ находками II и VI слоевъ.

Поверхность Гиссарлика, на которой расположены послѣдовательно слои различныхъ поселеній, очень невелика. На ней не могъ быть расположенъ большой многовратный городъ, о которомъ говорится у Гомера. Остатки Гиссарлика представляютъ собой вѣроятно только кремль или акрополь древней Трои. Собственно же городъ состоялъ изъ нѣсколькихъ предмѣстьевъ и находился, безъ сомнѣнія, подъ южнымъ, югозападнымъ и юговосточнымъ склонами Гиссарлика.

I) Этотъ акрополь втораго города имѣлъ первоначально только двое воротъ на югозападной сторонѣ, которыя соединяли его съ предмѣстьями и надъ которыми возвышались башни. Позже восточныя изъ этихъ двухъ воротъ были разрушены, а вмѣсто нихъ, немного дальше, были построены новыя, какъ разъ противъ фасада двухъ большихъ построекъ, которыя сначала были приняты Шлиманномъ за храмы, но которыя, послѣ открытія древняго города въ Тиринтѣ, правдоподобнѣе будетъ считать за части дворца —мужскую и женскую (μέγαρον и γυναικονῖτις) (рис. 172). Обѣ постройки состоятъ изъ преддверія (πρόδομος) и главной залы, отдѣленной прочной стѣной. Значительное количество оконъ въ продольныхъ стѣнахъ заставляетъ

думать, что крыша была деревянная. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также слой древеснаго пепла и куски обгорѣлыхъ деревянныхъ балокъ съ бронзовыми гвоздями. Укрѣпленія Трои были построены не изъ большихъ глыбъ, а изъ мелкихъ кусковъ известняка и изъ кирпича. Внутренняя стѣна отвѣсна, внѣшняя же наклонена подъ угломъ въ 45°.

Слой остатковъ втораго города не одинаковъ во всей своей толщинѣ; болѣе подробное его изслѣдованіе, при которомъ въ послѣдніе годы была открыта вся верхняя часть акрополя, показало, что онъ состоитъ изъ двухъ или даже трехъ слоевъ, лежащихъ одинъ на другомъ, а также, что и городскія постройки были, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ частяхъ, передѣлываемы два или три раза, пока наконецъ не были уничтожены большимъ пожаромъ, обратившимъ въ пепелъ всѣ деревянныя части и оставившимъ глубокіе слѣды даже на каменныхъ и кирпичныхъ фундаментахъ *).

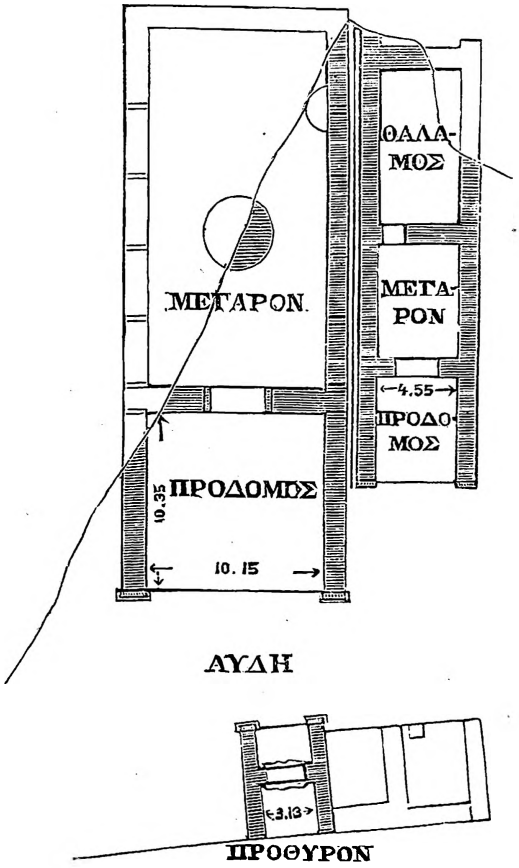


Рис. 172. Планъ средней части дворца въ Троѣ.

Во второмъ городѣ Трои желѣзо не было найдено; орудія и оружіе были только изъ бронзы и изъ камня (между прочимъ нефрита и ядеита). Мы имѣемъ передъ собой, слѣдовательно, городъ бронзоваго вѣка, въ которомъ впрочемъ для приготовленія орудій и оружія употреблялся еще камень. Брон-

*) Мы упоминали уже выше, на стр. 117, о томъ, что по поводу гиссарликскихъ раскопокъ возникъ въ послѣдніе годы оживленный споръ между E. Bötticher'омъ, съ одной стороны, и Шлиманномъ и Dörpfeld'омъ—съ другой. То, въ чемъ послѣдніе видѣли слѣды пожара, уничтожившаго Трою, Беттихеръ объяснялъ остатками костровъ, на которыхъ сожигали мертвыхъ. Гиссарликъ по его мнѣнію былъ мѣстомъ сожиганія труповъ—«Feuernecropole», nécropole à incinération. Мы не можемъ приводить здѣсь цѣлый рядъ „доказательствъ" этого, выставленный Беттихеромъ, замѣтимъ только для уясненія вопроса, что они по большей части

зовые предметы, состоящіе главнымъ образомъ изъ плоскихъ топоровъ, долотъ, короткихъ копьевъ и кинжаловъ кипрскаго типа, стрѣлъ, перстней, булавокъ, сосудовъ и т. п., всѣ очень бѣдны оловомъ, количество котораго въ бронзѣ колеблется между 3—8,6%. Важнымъ обстоятельствомъ является то, что въ этихъ раскопкахъ не было найдено ни одного меча и ни одной фибулы, которыя представляютъ собою, какъ мы уже упоминали, издѣлія болѣе поздней культуры. Кромѣ бронзовыхъ вещей обращаютъ на себя вниманіе украшенія и другіе предметы изъ золота или электрона и серебра. Они были находимы порознь въ развалинахъ или въ большомъ количествѣ вмѣстѣ въ такъ называемыхъ «сокровищницахъ». Наибольшая изъ такихъ

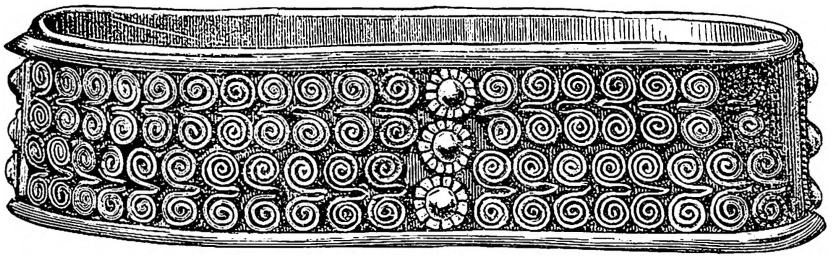


Рис. 173. Золотое украшеніе изъ Трои.

сокровищницъ, названная Шлиманномъ «кладомъ Пріама», который былъ вѣроятно спрятанъ намѣренно передъ взятіемъ города, была найдена въ пробоинѣ стѣны акрополя въ 1873 г. Кладъ этотъ состоитъ изъ 5 сосудовъ, 3 діадемъ, 2 ожерельевъ, 6 браслетовъ и множества серегъ и разныхъ другихъ мелкихъ предметовъ—все изъ золота или электрона; кромѣ того тамъ было найдено еще нѣсколько серебряныхъ вазъ и шесть плоскихъ кусковъ серебра, 3 сосуда и много оружія изъ бронзы. Все это изображено на прилагаемомъ рисункѣ. Всѣ вещи, найденныя въ этомъ кладѣ, имѣютъ особенно простой характеръ и этимъ отличаются отъ другихъ украшеній, найденныхъ порознь. Между этими послѣдними мы часто встрѣчаемся со спиральнымъ орнаментомъ, но не гравированнымъ, а сдѣланнымъ изъ проволоки и затѣмъ припаяннымъ къ предмету. Очень интересенъ орнаментъ, напоминающій по рисунку очки и сдѣ-

Рис. 174. Золотое украшеніе изъ Трои.

заключаются въ сравненіи болѣе раннихъ отчетовъ Шлиманна съ позднѣйшими, причемъ оказалось довольно большое количество противорѣчій, происшедшихъ отъ недостаточно научныхъ пріемовъ при первыхъ раскопкахъ Шлиманна. Новое обозрѣніе работъ особой комиссіей доказало однако справедливость мнѣній Шлиманна и безосновательность утвержденій Беттихера, который до послѣдняго времени самъ лично раскопокъ не видалъ [238]).

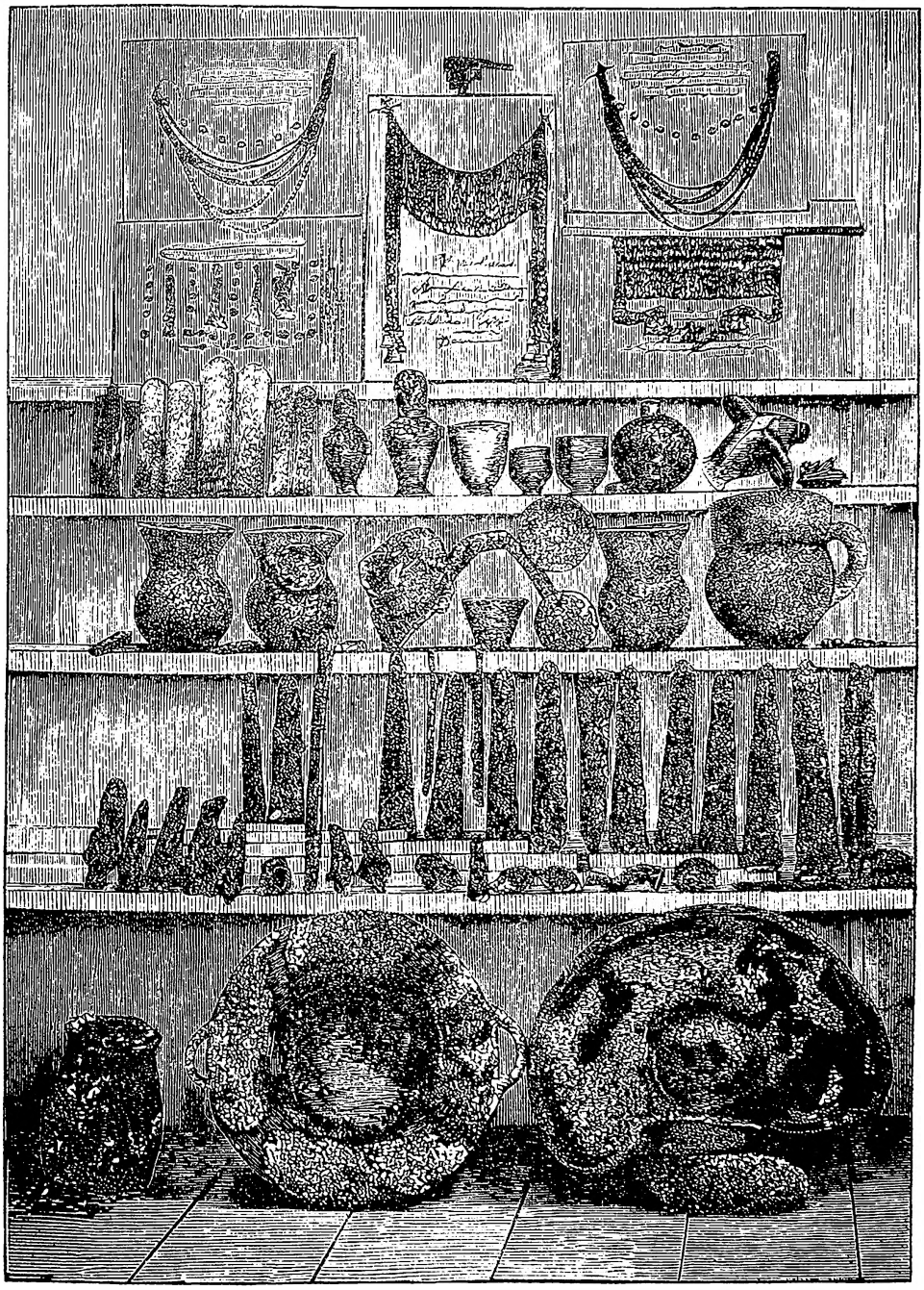


Табл. III. Кладъ Пріама, найденный въ Троѣ.

ланный изъ проволоки, спирально закрученные концы которой обращены спинками другъ къ другу (рис. 173 и 174). Украшенія эти были, кажется, мѣстной работы. Очень важна также керамика. Въ развалинахъ второго города было найдено очень большое количество разнаго рода посуды, сдѣланной отъ руки, изъ плохо промятой и обожженной глины. Изъ всѣхъ керамическихъ издѣлій, найденныхъ до сихъ поръ на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря, гиссарликскіе сосуды отличаются, кажется, наибольшею древностью. Большая часть ихъ соотвѣтствуетъ еще посудѣ кипрскихъ гробницъ до-

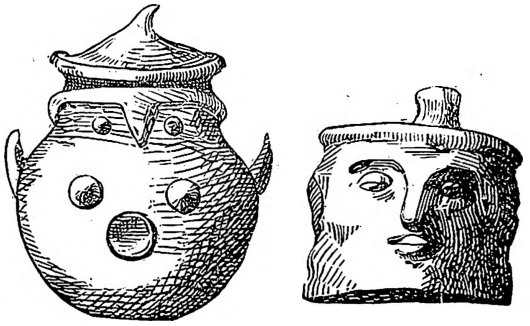


Рис. 175. Сосуды съ изображеніемъ человѣческаго лица изъ Трои.

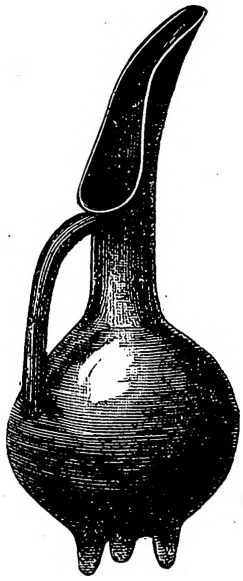


Рис. 176. Сосудъ изъ Трои.

финикійскаго періода, сосуды греческихъ мѣстонахожденій всѣ уже болѣе поздняго характера (ближе всего подходятъ къ троянскимъ сосуды изъ Тиринта). Больше всего обращаютъ на себя вниманіе сосуды, на бокахъ или на горлышкѣ которыхъ находится грубое изображеніе человѣческаго лица, женскихъ грудей, а иногда и полового органа. Сосуды эти прежде принимались за изображенія свѣтлоокой и совоокой (γλαυκῶπις) богини Аѳины. Характеръ носа и глаза этихъ изображеній дѣйствительно напоминаютъ иногда до извѣстной степени подобіе совы (рис. 175). Этотъ родъ сосудовъ вѣроятно кипрскаго происхожденія, да и въ другихъ видахъ керамики очень замѣтно вліяніе Кипра (если они не прямо привозились оттуда), какъ напр. на сосудахъ съ длиннымъ, вверху косо срѣзаннымъ горлышкомъ (рис. 176). Изъ прочихъ предметовъ въ Троѣ было найдено множество глиняныхъ пряслицъ, часто украшенныхъ на нижней своей части разными символами (свастикою) и орнаментомъ (рис. 126), мѣдныхъ гвоздиковъ,

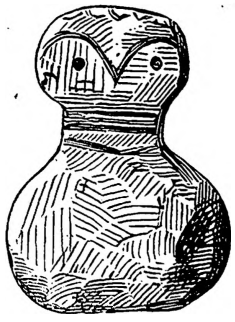


Рис. 177. Мраморный идолъ изъ Трои.

нѣсколько вещей, вырѣзанныхъ изъ слоновой кости, горнаго хрусталя, сердолика, предметы изъ стекла и египетскаго фарфора.

Уже въ наиболѣе древнемъ неолитическомъ городѣ Трои было найдено нѣсколько небольшихъ идоловъ. Во второмъ городѣ ихъ уже оказалось больше. Они сдѣланы изъ глины, кости, трахита, чаще всего изъ мрамора; на головахъ у нихъ обозначены только глаза, а носъ и волосы намѣчены очень грубо (рис. 177). Подобные же идолы были найдены Вл. П. Сизовымъ на Кавказѣ въ гробницѣ возлѣ станицы Раевской. Объясненіе ихъ очень трудно. Они были выдѣлываемы на мѣстѣ, но оловянная фигурка, изображающая обнаженную женщину, навѣрно финикійскаго происхожденія (рис. 178).

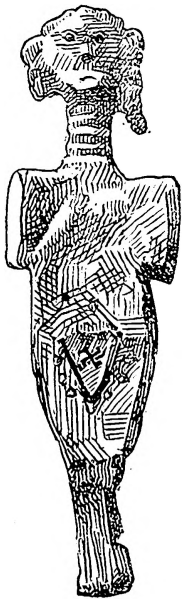


Рис. 178. Оловянный идолъ, найденный въ Троѣ.

II) Въ слояхъ, находящихся между только что описаннымъ вторымъ городомъ Трои и послѣднимъ самымъ верхнимъ слоемъ, принадлежащимъ уже городу римско-эллинской эпохи,— желѣзо въ Гиссарликѣ не встрѣчается. Къ этимъ слоямъ относятся также и города, которые по разрушеніи Трои были построены въ Гиссарликѣ на почвѣ древнихъ, грубо спланированныхъ развалинъ еще въ теченіе бронзоваго вѣка. Между этими слоями наибольшій интересъ для насъ представляетъ шестой слой, такъ какъ, судя по новѣйшимъ открытіямъ Дерпфельда, продолжавшаго работы Шлиманна, это единственный слой, въ которомъ можно признать остатки гомеровской Трои. Къ несчастію, большая часть этого города была уже уничтожена первыми раскопками Шлиманна, который былъ убѣжденъ, что городъ троянцевъ *) находится во второмъ слоѣ. Но найденные все-таки Дерпфельдомъ остатки большихъ комнатъ и домовъ, очень интересная зала (можетъ быть храмъ), остатки гигантскихъ городскихъ стѣнъ, окружностью своею далеко превышающихъ размѣры втораго города—достаточны для того, чтобы съ полнымъ основаніемъ видѣть въ нихъ слѣды очень большаго города, процвѣтавшаго въ ту же эпоху,

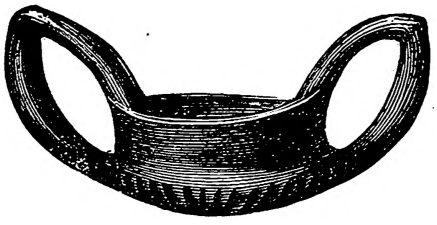


Рис. 179. Сосудъ изъ шестаго города Трои.

*) О происхожденіи троянцевъ было написано очень много. Одни считали ихъ ѳракійскимъ племенемъ, именно Шлиманнъ, Блиндъ (принимавшій въ то же время ѳракійцевъ за вѣтвь германскаго племени) и Сэйсъ; другіе допускали возможность позднѣйшаго заселенія Троады ѳракійцами, но населеніе собственно Гомеровской Трои считали болѣе древнимъ и, какъ напр. Флигеръ (Flieger),—иллирійскимъ.

къ которой относятся и постройки въ Микенахъ—города, носящаго всѣ черты культуры, описанной Гомеромъ. Остатки керамики и украшенія совершенно микенскаго стиля послужили для Дерпфельда главнымъ основаніемъ къ этому новому и наиболѣе правдоподобному заключенію, которое теперь принято уже всѣми, за исключеніемъ одного Беттихера [239]). Площадь акрополя микенской эпохи гораздо обширнѣе акрополя втораго слоя; по измѣреніямъ Дерпфельда она равняется 20000 кв. метровъ, тогда какъ площадь акрополя втораго города заключаетъ въ себѣ только 8000 кв. м. Стѣны построекъ шестаго города уже не кирпичныя, а состоятъ изъ небольшихъ камней, какъ въ Микенахъ; стѣны акрополя имѣютъ 5 метровъ ширины и 500 метровъ длины и образуютъ многоугольникъ съ очень тупыми углами. Существованіе этого шестаго города Дерпфельдъ относитъ къ 1500—1000 годамъ до нашей эры, тогда какъ второй городъ существовалъ по его мнѣнію въ 2500—2000 годахъ.

Греція и Циклады [241]).

Каменный вѣкъ въ Греціи до сихъ поръ еще недостаточно извѣстенъ, но онъ существовалъ и тамъ, какъ и вездѣ. Но когда съ востока появилась заря новой культуры, Греція была первой страной въ Европѣ, куда проникли ея теплые лучи. Острова, разбросанные по Эгейскому морю, представляли собою первые мосты, по которымъ новая цивилизація переходила на западъ. Здѣсь финикійскимъ купцамъ не было надобности размышлять о томъ, могутъ ли они безъ компаса пуститься въ дальнюю дорогу, конецъ которой никому не былъ извѣстенъ и возвращеніе изъ которой находилось въ рукахъ боговъ. Здѣсь передъ кормчимъ каждый день появлялся на горизонтѣ новый островъ, новая и удобная естественная пристань, да и сами берега греческаго материка были точно сотворены для того, чтобъ на нихъ могла развиться широкая морская торговля. Берега Греціи такъ расчленены и представляютъ столько хорошихъ гаваней, что чужеземные купцы охотно останавливались тамъ; мѣстное населеніе вскорѣ само превратилось въ мореходовъ и такимъ образомъ, при помощи постоянныхъ сношеній, легко ознакомилось со всѣми пріобрѣтеніями культуры, съ тѣмъ, что производилось на берегахъ Нила и съ тѣмъ, что развилось на почвѣ Месопотаміи, береговъ Понта и даже Индіи. Такимъ образомъ произошло то, что культура и просвѣщеніе, развивавшіяся очень постепенно у другихъ народовъ, въ Греціи выросли, расцвѣли и принесли плоды гораздо раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Дюммлеръ отождествляетъ ихъ съ до-финикійскимъ населеніемъ Кипра. Руд. Вирховъ, изслѣдовавшій рядъ череповъ изъ могилъ въ окрестностяхъ Трои и 4 черепа, найденные въ самой Троѣ, полагаетъ, что первоначальное длинноголовое населеніе Троады только гораздо позже смѣшалось съ короткоголовыми пришельцами изъ Ѳракіи [240]).

Нѣкоторыя части Греціи были особенно охотно посѣщаемы купцами-мореходами, и въ нихъ уже въ очень отдаленныя времена начали скопляться богатства.

Однимъ изъ такихъ мѣстъ былъ Арголидскій заливъ. На его берегахъ финикіяне имѣли свои станціи. Здѣсь же появились и знаменитые царскіе роды, изъ которыхъ наиболѣе извѣстнымъ былъ родъ Пелопидовъ. Отдѣльныя личности этого рода, фигуры Пелопса, Гипподамія, Атрея, Агамемнона и жены его Клитемнестры навсегда сохраняются въ памяти всякаго, кто знакомъ съ греческимъ эпосомъ. Всякому извѣстенъ походъ Атрида Агамемнона съ ахейцами противъ Трои, значеніе, которымъ онъ пользовался среди греческихъ героевъ и т. д. Десять лѣтъ провелъ онъ внѣ отечества, скопляя награбленную добычу—оружіе, стада скота и невольниковъ, и когда Троя пала и стѣны Пріамова дворца были разрушены, нагрузивъ всѣ свои богатства на ладьи, онъ возвратился въ отечество, но не нашелъ тамъ ни покоя, ни радости. Пока онъ воевалъ, жена его Клитемнестра сошлась съ какимъ-то Эгистеемъ, и страсть новой любви довела ее до того, что, по возвращеніи мужа, она согласилась на его убійство. Агамемнонъ и вся оставшаяся ему вѣрной дружина были однажды ночью перебиты и погребены въ акрополѣ въ Микенахъ. Такъ разсказываютъ преданія, и еще географъ Павзаній, путешествовавшій по Греціи въ началѣ нашей эры и посѣтившій опустѣлый микенскій акрополь, утверждаетъ, что онъ видѣлъ тамъ гробницу Агамемнона и его соратниковъ. Этотъ эпизодъ греческаго прошлаго далъ идею Шлиманну познакомиться ближе съ остатками этого славнаго жилища Атридовъ. Раскопки въ теченіе 16-ти лѣтъ привели его къ открытіямъ, превзошедшимъ всѣ ожиданія. Только много позже обратился онъ къ другому городу недалеко отъ Микенъ—къ Тиринту и сдѣлалъ новыя открытія, хотя и не настолько важныя, какъ первыя. При этомъ находки подтвердили то, что было уже извѣстно по преданіямъ, — именно, что Тиринтъ былъ древнѣе Микенъ, что Микены были основаны уже послѣ разрушенія древняго Тиринта. Поэтому и мы въ своемъ изложеніи открытій Шлиманна начнемъ съ Тиринта.

Тиринтъ [242]). Уже одинъ способъ постройки циклопическихъ стѣнъ Тиринта рѣшительно древнѣе, чѣмъ въ Микенахъ. Всѣ онѣ представляютъ собою сооруженія циклопическія. Каменныя глыбы, часто громадной тяжести, навалены въ нихъ одна на другую безъ всякаго вниманія къ тому, чтобъ верхняя прилегала плотно къ нижней. Происшедшія вслѣдствіе этого пустоты и дыры были наполняемы камнями меньшихъ размѣровъ безъ употребленія извести или какого нибудь другого цемента (ср. рис. 75). Стѣны эти возбуждаютъ удивленіе и теперь и возбуждали его въ древности. Строи-

тели ихъ, легендарные циклопы, не были обыкновенными людьми, какъ разсказываетъ преданіе, и пришли будто бы откуда-то изъ Малой Азіи.

Шлиманнъ пробовалъ еще въ 1876 г. изслѣдовать тиринтскій акрополь, но систематическія раскопки были произведены имъ при содѣйствіи Дерпфельда только въ 1884 г. Въ результатѣ работъ былъ открытъ весь верхній акрополь съ дворцомъ и часть нижняго съ нѣсколькими постройками меньшаго размѣра, вѣроятно служебнаго назначенія. Самая нижняя часть не рас-

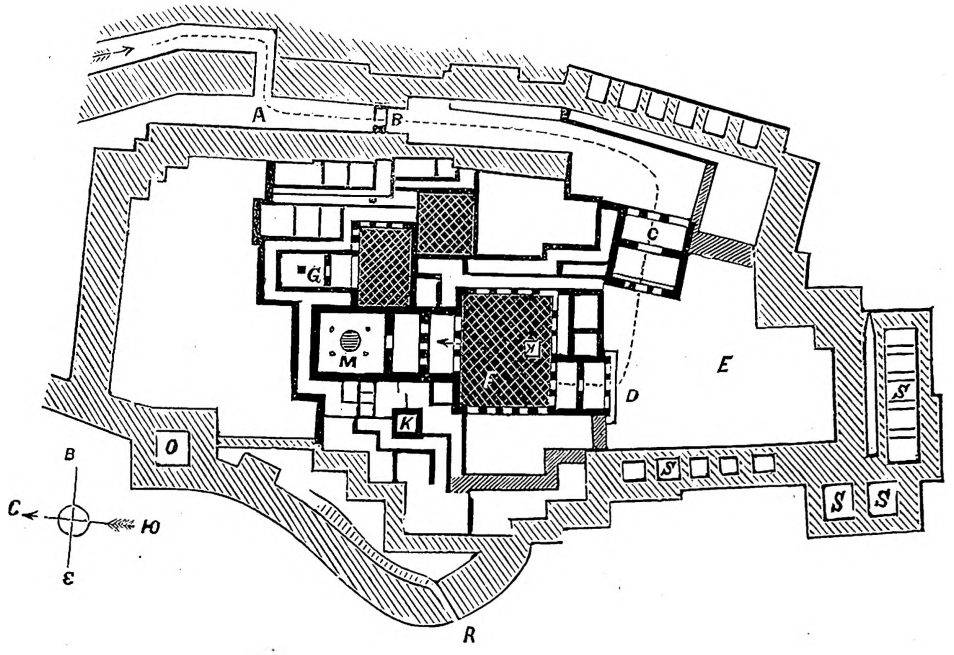


Рис. 180. Планъ акрополя въ Тиринтѣ (по Дерпфельду).

копана еще и до сихъ поръ. Сдѣланныя находки подтвердили вполнѣ прежніе взгляды на царскія сооруженія героической эпохи Греціи.

Прежде всего въ нихъ обращаютъ на себя вниманіе помѣщенія въ родѣ казематовъ въ стѣнахъ (*S*), которые однако не служили для военныхъ цѣлей, какъ полагалъ г. Штеффенъ (Steffen), а были заняты магазинами или складами. Подобнаго рода сооруженія извѣстны въ Карѳагенѣ и въ Тапсѣ. Очень возможно, что и тиринтскія—тоже финикійскаго происхожденія. Къ главному входу на восточной сторонѣ велъ глубокій спускъ (*A*, *B*), проложенный между крѣпостными стѣнами къ главнымъ воротамъ (*C*), по обѣимъ сторонамъ которыхъ были большіе столбы. Ворота ведутъ на широкій дворъ (*E*), на правой сторонѣ котораго расположенъ былъ дворецъ (стѣны его, сохранившіяся на 1 м. высоты, теперь открыты), а налѣво видны толстыя стѣны укрѣпленій съ казематами, примитивные своды которыхъ образованы слегка выдвинутыми другъ надъ другомъ камнями и съ массивной башней (см. прилаг. планъ).

Посредствомъ другихъ воротъ-пропилеевъ (*D*), также украшенныхъ спереди и сзади колоннами, входили во внутренній дворикъ (*F*), открытый сверху и окруженный перистилемъ, съ жертвенникомъ, расположеннымъ противъ входа въ мужское помѣщеніе дворца (*M*). Внутри этого послѣдняго, между четырьмя деревянными колоннами, помѣщался очагъ. Съ правой стороны отъ мужского помѣщенія, такъ наз. мегары, въ глубинѣ дворца находилось помѣщеніе для женщинъ, имѣвшее для себя отдѣльный перистиль (*G*). Съ лѣвой стороны между разными комнатами обращаетъ на себя особое вниманіе одна, полъ которой состоитъ изъ одной цѣльной большой глыбы камня, служившая вѣроятно царской купальней (*K*). Оба перистиля имѣли искусно сдѣланный и украшенный полъ. Стѣны дворца были также богато украшены. На известковой штукатуркѣ ихъ сохранились слѣды фресокъ, для которыхъ однако было употреблено только четыре краски: бѣлая, желтая, красная и синяя; зеленой вовсе нѣтъ. Интереснѣе всего картина, представляющая, по новѣйшимъ объясненіямъ, сцену ловли или укрощенія быка; прежде въ ней видѣли миѳологическій сюжетъ. Прекраснымъ украшеніемъ преддверія мегары былъ фризъ изъ розетокъ, часть котораго сохранилась (рис. 181). Онъ представляетъ собой безъ сомнѣнія образецъ подобнаго же фриза изъ кіаноса, о

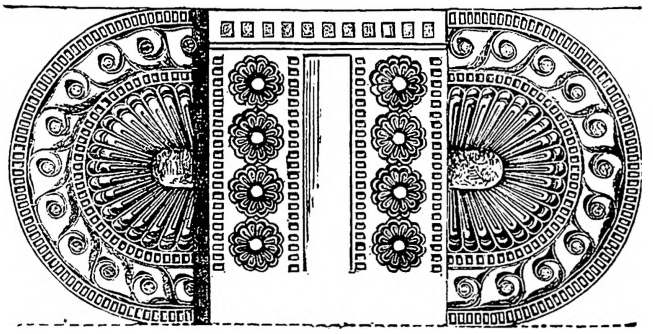


Рис. 181. Часть фриза изъ раскопокъ въ Тиринтѣ.

которомъ говоритъ Гомеръ въ описаніи дворца Алкиноя. Кіаносъ—не сталь, какъ объясняли прежде, а красивый камень голубого цвѣта, называвшійся въ Египтѣ шесбетъ. Этотъ дорогой камень поддѣлывался впрочемъ изъ темно-голубой стекляной глазури, и примѣръ такого украшенія мы и находимъ именно на тиринтскомъ фризѣ. На востокъ отъ главнаго, украшеннаго перистилемъ дворца сохранились остатки построекъ болѣе древней эпохи, чѣмъ дворецъ. Въ этой части развалинъ были найдены черепки посуды гораздо болѣе древняго характера, сдѣланной отъ руки и сходные съ типами перваго города Трои. Прочія находки отличаются характеромъ такъ наз. микенской культуры, о которой мы сейчасъ будемъ говорить. Между ними особенно многочисленны глиняныя статуэтки съ довольно большими

расширеніями, напоминающими серпъ луны. Вѣроятно это настоящіе идолы, хотя и не идентичные съ арголидскими изображеніями Геры, какъ полагалъ Шлиманнъ (ср. рис. 182).

Микены [243]). Вдали отъ берега, почти посрединѣ пространства между коринѳскимъ и арголидскимъ заливами, въ дикомъ ущельѣ потока Хава находится развалина древняго микенскаго акрополя. Раскопки производились здѣсь въ двухъ мѣстахъ, но и до сихъ поръ многое остается еще подъ землей. Знаменитыя микенскія гробницы были открыты Шлиманомъ еще въ 1876 г., затѣмъ въ 1886—1891 годахъ Греческимъ Археологическимъ Обществомъ были изслѣдованы различныя части дворца. Городскія стѣны, гораздо болѣе древняго происхожденія, чѣмъ тиринтскія, обнаруживаютъ три различныхъ способа постройки: часть ихъ имѣетъ характеръ циклопическій, другая часть состоитъ изъ четвероугольныхъ глыбъ и наконецъ третья, наиболѣе поздняя, очень тщательно построена изъ глыбъ многогранныхъ. Въ сѣверной и южной стѣнахъ замѣчаются ясные слѣды казематовъ. Въ сѣверозападномъ концѣ возлѣ крѣпкой башни (*B*) находится главный входъ, такъ наз. Львиныя ворота (*A*). Фронтонъ ихъ, украшенный двумя рельефными изображеніями львовъ, носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ ассирійскаго или фригійскаго искусства, въ которомъ можно указать цѣлый рядъ подобныхъ же композицій. Непосредственно возлѣ Львиныхъ воротъ Шлиманномъ было открыто нѣсколько стѣнъ, между которыми особенно обращаетъ на себя вниманіе двойной кругъ наклоненныхъ каменныхъ плитъ, врытыхъ въ землю своею узкою стороной; внутри этого круга было найдено впослѣдствіи шесть гробницъ *). Шлиманнъ полагалъ, что этотъ каменный кругъ представляетъ собою мѣсто, куда старѣйшины вмѣстѣ съ царемъ сходились для совѣщаній, такъ наз. агору, которая была окружена одною круглой каменной скамьей. Наклонъ плитъ онъ считалъ сдѣланнымъ нарочно для болѣе удобнаго сидѣнья. Но уже одна высота камней надъ землей дѣлаетъ это предположеніе неправдоподобнымъ. Кругъ этотъ не былъ агорой, но вѣроятнѣе всего былъ устроенъ просто для огражденія кладбища акрополя. Говоря короче, это—образецъ греческаго кромлеха, о которыхъ мы говорили въ главѣ о неолитической культурѣ (стр. 131). Гробницы, дно которыхъ было еще высѣчено въ скалѣ, оказались при раскопкѣ находящимися подъ тол-

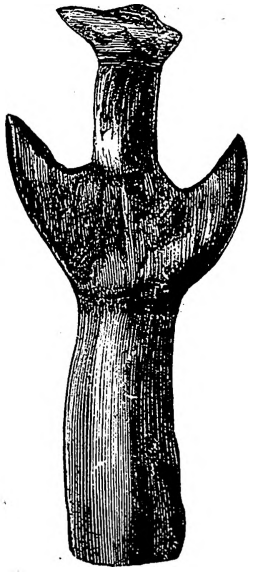


Рис. 182. Терракотовая статуэтка изъ Микенъ.

*) Въ планѣ Шлиманна обозначено только 5 гробницъ; шестая была открыта позже г. Стаметакисомъ.

стымъ, въ теченіе вѣковъ постоянно увеличивавшимся слоемъ наноса. Что эти гробницы первоначально не были засыпаны землей, свидѣтельствуетъ жертвенникъ, найденный надъ 4-ой гробницей, и многіе надгробные памятники, такъ наз. стелы. Только впослѣдствіи они были умышленно засыпаны толстымъ слоемъ земли, а сверху былъ сдѣланъ кругъ изъ камней, напоминавшій о священномъ значеніи этого мѣста. Надгробныя стелы были

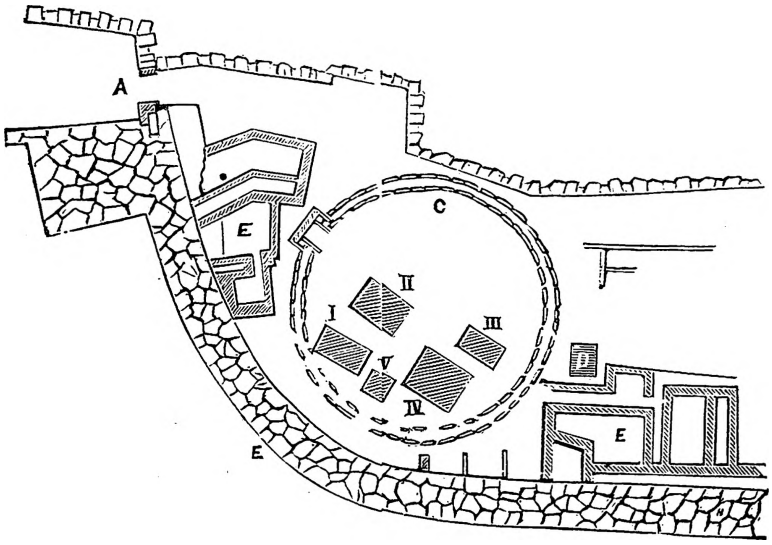


Рис. 183. Планъ части Микенскаго акрополя (по Шлиманну).

или украшены барельефами (рис. 184)—такія были только надъ гробницами мужчинъ,—или оставались гладкими—надъ гробницами женщинъ. Внутри гробницъ были только костяки; пепелъ и остатки, заставлявшіе думать о сожженіи, объясняются вѣроятно жертвами, приносившимися умершимъ. Шлиманнъ, открывшій сначала только пять гробницъ, полагалъ, что всѣ онѣ были одновременными, судя по одинаковому характеру найденныхъ въ нихъ предметовъ. Богатство ихъ свидѣтельствуетъ также о высокомъ происхожденіи, покойниковъ, и поэтому Шлиманнъ и пришелъ къ слишкомъ скорому заключенію, что это гробницы Агамемнона и его соратниковъ, убитыхъ по возвращеніи изъ Трои *), тѣмъ болѣе, что еще Павзаній упоминаетъ о томъ, что онъ видѣлъ въ Микенахъ гробницы Агамемнона и его спутниковъ «внутри стѣнъ». Но позднѣйшими изслѣдованіями было обнаружено, что покой-

*) Вопросъ о томъ, какія изъ микенскихъ гробницъ—эти ли, находящіяся въ акрополѣ, или другія, купольныя, находящіяся внизу—слѣдуетъ считать принадлежащими роду Атридовъ — разрѣшить очень трудно. Перро полагаетъ, что гробницы въ акрополѣ болѣе древняго происхожденія и могутъ быть относимы даже ко временамъ потомковъ Персея.

ники этихъ гробницъ не были погребены въ одно время, а одинъ послѣ другого. На это указываютъ и варіаціи въ устройствѣ гробницъ, хотя находки въ нихъ, въ общемъ, и принадлежатъ одной и той же культурѣ. Павзаній же гробницъ этихъ видѣть не могъ, такъ какъ въ его время онѣ уже были давно засыпаны. Благодаря этимъ обстоятельствамъ возникъ интересный вопросъ о правильности объясненія текста Павзанія. Шлиманнъ тоже полагалъ, что собственно гробницъ Павзаній не видѣлъ, но что проводники его по акрополю могли показать ему засыпанное мѣсто и сообщить народное преданіе о немъ. Шухардтъ (Schuchardt), напротивъ, утверждаетъ, что Павзаній въ своемъ

Рис. 184. Украшенная барельефомъ стела изъ Микенъ.

разсказѣ имѣлъ въ виду купольныя гробницы внизу акрополя, о которыхъ мы упомянемъ далѣе, а не гробницы въ самомъ акрополѣ. Бельгеръ (Belger), а за нимъ Перро оспариваютъ обѣ эти догадки и полагаютъ, что Павзаній не слышалъ своего разсказа отъ проводниковъ, а просто позаимствовалъ его у лѣтописца Гелланика, который посѣтилъ Арголиду въ половинѣ V столѣтія

до нашей эры и описалъ микенскій акрополь, въ которомъ (хотя онъ и былъ уже опустошенъ) онъ видѣлъ еще каменный кругъ, ограждавшій мѣсто погребенія.

Самыя гробницы заключали въ себѣ скелеты, мужскіе и женскіе. Найденные при нихъ богатые предметы, золотые, серебряные и бронзовые, мы перечислять здѣсь не будемъ и упомянемъ о нихъ только вкратцѣ. Въ женскихъ гробницахъ были найдены золотыя діадемы, гладкія или украшенныя розетками, нагрудныя украшенія, небольшіе вѣсы; въ мужскихъ—золотыя маски, искусно отдѣланные копья и кинжалы, мечи (рис. 185), золотые пояса и множество пуговицъ, вѣроятно украшавшихъ деревянные щиты и т. п. Въ тѣхъ и другихъ гробницахъ были найдены золотые браслеты, плоскіе золотые крестики и звѣздочки изъ листоваго металла, служившіе для нашиванія на одежду, булавки, золотые и серебряные сосуды, глиняные идолы, рѣзные предметы изъ сардоникса и аметиста, вещи изъ алебастра и фарфора и наконецъ янтарныя бусы, интересныя въ томъ отношеніи, что по химическому своему составу они не одинаковы съ сицилійскими, но подходятъ къ янтарямъ Сѣвернаго моря. Кромѣ того былъ найденъ еще цѣлый рядъ разныхъ драгоцѣнныхъ вещей. Но желѣзо и бронзовыя фибулы отсутствуютъ совершенно. Характеръ всѣхъ вещей одинаковый, а потому онѣ и соединяются вмѣстѣ съ подобными же вещами, найденными въ другихъ мѣстахъ, въ одно общее типическое понятіе микенской культуры. Микенскіе сосуды двухъ родовъ: одни наведенные блестящимъ лакомъ и другіе съ матовымъ рисункомъ. Фуртвенглреъ (Furtwängler) и Лешке (Löschke) въ сочиненіи своемъ о микенской керамикѣ выражаютъ мнѣніе, что раздѣленіе это примѣнимо къ микенской культурѣ всей Греціи, и утверждаютъ, что сосуды первой группы имѣютъ въ основѣ своей орнаментаціи только предметы, взятые изъ природы, особенно морской (водоросли, раковины, полипы и т. п.), орнаментація же второй группы—линейная, состоящая главнымъ образомъ изъ спиральныхъ линій.

Рис. 185. Бронзовый мечъ изъ Микенъ.

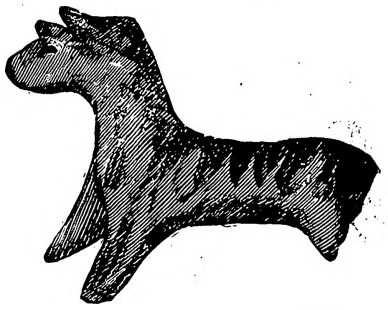


Рис. 186. Глиняная статуэтка изъ Микенъ.

Кромѣ гробницъ найдена была, немного южнѣе отъ нихъ и внѣ круга, яма, наполненная подобными же драгоцѣнными вещами, только болѣе массив-

ными (*D*). Это не была гробница, какъ думалъ Шлиманнъ, а безъ сомнѣнія кладъ, зарытый въ сундукѣ, теперь совершенно развалившемся. Черепки глиняной посуды имѣютъ здѣсь немного болѣе поздній характеръ, особенно часто попадаются стилизованныя птицы. Одинъ черепокъ украшенъ замѣчательною военною сценой.

Въ 1886 году Греческое Археологическое Общество начало подъ руководствомъ Тсунтаса раскопки къ западу отъ мѣста находокъ Шлиманна и открыло фундаменты построекъ, оказавшихся вскорѣ частью царскаго дворца, который въ этой сторонѣ возвышался прямо надъ ущельемъ Хавы *). Общій планъ его и подробности были тѣ же, что и въ тиринтскомъ дворцѣ: тотъ же дворикъ, та же мегара съ преддверіемъ и очагомъ, окруженнымъ колоннами внутри; женскія комнаты, меньшія комнаты, наконецъ и декоративные сюжеты были тѣ же. Это сходство акрополей троянскаго, микенскаго и тиринтскаго даетъ намъ возможность установить теперь ясно типъ дворца героической эпохи. Несомнѣнно, что всѣ царскіе дома этой эпохи строились такимъ способомъ, какой мы находимъ въ Тиринтѣ **).

Въ нижнемъ городѣ Микенъ наиболѣе интересны семь купольныхъ гробницъ, прежде называвшихся сокровищницами. Три изъ нихъ изслѣдованы, между прочимъ и наибольшая по размѣрамъ, такъ называемая сокровищница Атрея. Всѣ онѣ построены по одинаковому плану. Неширокій входъ открывается въ большую купольную камеру, предназначенную вѣроятно для религіозныхъ обрядовъ, изъ нея болѣе широкій входъ ведетъ въ небольшую нишу настоящей гробницы. Подобныхъ купольныхъ гробницъ найдено было въ Греціи еще нѣсколько: въ Менидѣ возлѣ Аѳинъ, въ Орхоменѣ, въ Біотіи, возлѣ Вафіи въ Лаконіи, въ Гераѣ возлѣ Микенъ и въ Вола въ Ѳессаліи. Онѣ являются признакомъ бронзовой эпохи. Адлеръ выводилъ ихъ происхожденіе изъ Фригіи, гдѣ, говоритъ онъ, существовали подобныя сооруженія для человѣческихъ подземныхъ жилищъ. Мы не разъ уже встрѣчались съ фактомъ, что въ доисторическія времена типъ жилищъ повторялся и въ мѣстахъ погребенія [244]).

Изъ купольныхъ гробницъ особенно замѣчательны менидская и вафій-

*) Въ стѣнахъ дворца въ 1890 году были открыты гробницы характера нѣсколько болѣе поздняго, чѣмъ предыдущія. Подобнымъ же образомъ въ толщѣ стѣны возлѣ Львиныхъ воротъ найдены были гробницы 4-хъ дѣтей и кладъ бронзовыхъ предметовъ (4 топора, 5 мечей и 2 фибулы типа итальянскихъ террамаръ) (рис. 187). Вообще въ послѣднее время въ Микенахъ находятъ все болѣе и болѣе доказательствъ соприкосновенія микенской культуры съ культурою аттическою и италійскою, изъ чего г. Тсунтасъ и выводитъ заключеніе противъ азіатскаго происхожденія микенской культуры.

**) Подобные же остатки древняго дворца найдены были въ 1887 году возлѣ Эрехтея и Парѳенона въ аѳинскомъ акрополѣ.

ская. Въ первой было найдено меньше золота и серебра, но зато очень много предметовъ изъ цвѣтнаго стекла и слоновой кости. Во второй—вафійской—въ 1889 году было найдено множество драгоцѣнныхъ художественныхъ вещей. Обѣ эти находки хотя и относятся повидимому къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ микенскія, но все-таки принадлежатъ еще къ культурѣ того же состава и характера.

Болѣе поздняго происхожденія гробницы, открытыя въ Микенахъ, возлѣ купольныхъ гробницъ, Тсунтасомъ въ 1887—1891 годахъ, въ нижней части города. Это—скальный некрополь, заключавшій въ себѣ болѣе пятидесяти гробницъ въ видѣ небольшихъ камеръ, вырубленныхъ въ скалѣ, къ которымъ ведетъ корридоръ въ нѣсколько метровъ длиной. Гробницы эти не были, впрочемъ, расположены всѣ вмѣстѣ, но образовали группы, каждая изъ которыхъ представляла нѣчто въ родѣ кладбища одного рода. Покойники нигдѣ не оказались сожженными: найденные остатки пепла составляютъ, вѣроятно, слѣды жертвоприношеній. Человѣческія кости, найденныя въ нѣсколькихъ случаяхъ въ проходѣ передъ гробницей, свидѣтельствуютъ, вѣроятно, объ обычаѣ погребать вмѣстѣ съ трупомъ господина его рабовъ и плѣнниковъ. Содержимое гробницъ отличалось полной бѣдностью; но зато въ нихъ встрѣчаются уже бронзовыя фибулы и желѣзо.

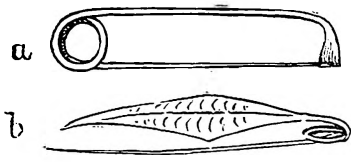


Рис. 187. Фибулы, найденныя въ Микенахъ.

Шлиманнъ, встрѣчавшій удачу вездѣ, гдѣ только онъ ни предпринималъ раскопокъ, обратился послѣ счастливыхъ находокъ въ Микенахъ и Троѣ еще къ другимъ замѣчательнымъ мѣстностямъ доисторической Греціи. Между прочимъ онъ началъ раскопки и въ Орхоменѣ, но безъ особенно большихъ результатовъ. Однако все-таки ему удалось открыть тамъ чрезвычайно интересный своей орнаментаціей плафонъ, покрывавшій погребальную камеру одной изъ тамошнихъ купольныхъ гробницъ. Совершенно подобный же орнаментъ былъ найденъ также на полу дворца Саргона [245]). Безъ сомнѣнія орхоменскій потолокъ былъ сдѣланъ или восточными ремесленниками или же подъ непосредственнымъ вліяніемъ ассирійскихъ образцовъ; онъ представляетъ для насъ одно изъ лучшихъ доказательствъ восточнаго вліянія на древнюю культуру Эллады.

Послѣдній планъ Шлиманна заключался въ намѣреніи обратить всѣ свои усилія на о-въ Критъ и тамъ искать разрѣшенія вопроса о происхожденіи микенской культуры. Но этотъ планъ остался невыполненнымъ; Шлиманнъ внезапно умеръ въ 1891 г. въ Неаполѣ, завѣщавши всѣ свои археологическія сокровища нѣмецкому народу, сыномъ котораго онъ не переставалъ

считать себя въ теченіе всей своей международной карьеры, *) изслѣдованіе же Крита осталось предоставленнымъ будущему. **) Находки Шлиманна, несомнѣнно, очень много способствовали выясненію вопроса о томъ, какой народъ былъ носителемъ культуры, господствовавшей когда-то по берегамъ и на островахъ Эгейскаго моря. Изъ находокъ бронзоваго вѣка намъ извѣстны еще мѣстонахожденія, изслѣдованныя Студничкой и Дюммлеромъ на о-вахъ Амаргѣ и Мелосѣ. Это почти однѣ гробницы съ костяками, — продолговатыя, выложенныя мраморными плитами ямы, но такого малаго размѣра, что покойникъ могъ помѣщаться въ нихъ не иначе, какъ только въ очень скорченномъ положеніи. Предметы, находимые въ нихъ,—разнообразны; кромѣ каменныхъ обсидіановыхъ орудій, тамъ оказались и плоскіе бронзовые топоры, кинжалы, наконечники копій, но вовсе не было мечей; кромѣ того свинецъ и серебро попадались тамъ только въ видѣ украшеній. Очень интересна также керамика, частью домашняго производства, сдѣланная отъ руки, безъ большого развитія формъ и орнаментаціи, частью же представляющая типы, позаимствованные съ востока. Здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемся съ сосудами, вытесанными изъ камня (мраморными кружками, котелками, украшенными спиральными линіями). Слѣды той-же микенской культуры были открыты также на о-вѣ Родосѣ (кладбища въ Salissos, Kameiros и т. п.) и въ Сициліи.

Разрѣшеніе вопроса о наиболѣе древнемъ населеніи Греціи до сихъ поръ еще оказывается невозможнымъ, и всѣ догадки, относящіяся сюда, слѣдуетъ разсматривать только какъ болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Вѣрно одно только, что эта страна въ теченіе каменнаго вѣка и начала бронзоваго была обитаема народомъ съ довольно самостоятельною уже культурою, но при этомъ еще вполнѣ отдѣльною отъ той, какую представляютъ собою, вѣроятно, позднѣйшія микенскія находки. Какъ находки, сдѣланныя во второмъ городѣ Трои, такъ и часть нѣсколько позднѣйшихъ находокъ на Цикладскихъ о-вахъ, равно какъ и часть находокъ на материкѣ (Тиринтъ, Дельфы) — имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ находки микенскія. Характеръ этотъ прежде всего сравнительно болѣе древній, и если греки не были носителями микенской культуры, то еще меньше могли быть творцами этой болѣе древней культуры, которую изслѣдователи называютъ цикладскою. Принадлежала же она вѣроятно народу, жившему въ этихъ мѣстностяхъ еще до грековъ; Дюммлеръ, Кёлеръ, Гёрнесъ, Кипертъ и другіе полагаютъ, что это были ле-

*) Шлиманнъ, какъ извѣстно, чуть-ли не большую часть жизни провелъ въ Россіи, гдѣ и пріобрѣлъ свое очень крупное состояніе, употребленное потомъ на раскопки. *(Прим. переводч.)*

**) Съ того времени, впрочемъ, на Критѣ было сдѣлано нѣсколько очень интересныхъ находокъ, относящихся къ микенской культурѣ, какъ напр. возлѣ Erganos'a, Camares'a, Kurtes'a, — д-мъ Гальбгерромъ.

леги, о которыхъ сохранилось нѣсколько историческихъ извѣстій,—Фуртвенглеръ же и Лешке думаютъ, что народомъ этимъ были карійцы.

Для насъ, впрочемъ, это не имѣетъ особенной важности. Съ нашей точки зрѣнія гораздо болѣе важно истинное пониманіе микенской культуры, какъ въ ея отношеніи къ позднѣйшей греческой культурѣ, такъ и относительно культуры, описанной въ пѣсняхъ Гомера. По мнѣнію В. Гельбига (W. Helbig), больше всѣхъ занимавшагося этимъ вопросомъ, микенская культура имѣетъ характеръ негреческій. Въ ней нельзя найти даже слѣда того греческаго духа, которымъ проникнуты работы позднѣйшія, несомнѣнно греческія, хотя бы и примитивныя. Народъ, выработавшій микенскую культуру, не былъ тѣми позднѣйшими греками, какихъ мы знаемъ въ исторіи; вожди, тѣла которыхъ были погребены въ микенскомъ акрополѣ, никогда не предводительствовали греками, а были повелителями неэллинскаго племени.

Шлиманнъ, а за нимъ Шухардтъ, Фуртвенглеръ и Лешке полагаютъ, что этимъ до-греческимъ народомъ были племена, смѣшанныя Гомеромъ подъ общимъ названіемъ ахейцевъ, а микенская культура, по ихъ мнѣнію, была та, которую зналъ Гомеръ и которую онъ изобразилъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Гельбигъ-же считаетъ этотъ взглядъ неправильнымъ. Микенская культура, по его мнѣнію, далеко не та, какую мы можемъ возстановить на основаніи Гомеровскаго эпоса. Эта послѣдняя имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ микенская, и сравнительно болѣе поздній. Въ Иліадѣ, составленной гораздо раньше Одиссеи *), мы встрѣчаемся естественно, какъ и во всякой подобной народной эпопеѣ, съ архаизмами, не существовавшими уже болѣе во время ея составленія, но мы не находимъ въ ней ничего того, что такъ ясно характеризуется намъ микенскими находками. Ахейцы Гомера жили уже въ желѣзномъ вѣкѣ, въ главныхъ же микенскихъ гробницахъ, какъ мы видѣли, напротивъ, желѣза вовсе не было. Гельбигъ высчиталъ, что въ Иліадѣ бронза упоминается въ 279 мѣстахъ, желѣзо же въ 23, въ Одис-

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ обѣ эти поэмы не состоятъ изъ собранныхъ вмѣстѣ народныхъ пѣсенъ, какъ думалъ когда-то Вольфъ, а за нимъ и весь ученый міръ. Изслѣдованія послѣдняго времени опять возвращаютъ Гомера въ міръ дѣйствительности. Весь характеръ Иліады и Одиссеи отличается полнымъ единствомъ, первая пѣсня Иліады такъ широко задумана, что нельзя не видѣть въ ней начала эпопеи, вся картина которой была уже готова въ головѣ поэта. Гомеръ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ жилъ въ началѣ перваго тысячелѣтія до нашей эры и сложилъ Иліаду на основаніи разсѣянныхъ народныхъ пѣсенъ о подвигахъ героевъ. Въ болѣе позднія времена первоначальная форма Иліады была очень расширена и измѣнена; разные пѣвцы дѣлали къ ней свои прибавки, и въ этой то измѣненной уже формѣ она сохранилась и до нашего времени. Подобнымъ же образомъ появилась затѣмъ и Одиссея. Основа ея также принадлежитъ одному поэту, имя котораго впрочемъ не сохранилось. Гомеръ же во всякомъ случаѣ не былъ ея авторомъ.

сеѣ—бронза въ 80 мѣстахъ, а желѣзо въ 25-ти. Затѣмъ въ микенской культурѣ мы находимъ гораздо больше роскоши. Самыя драгоцѣнныя микенскія вещи вовсе отсутствуютъ у Гомера: золотыя бляхи для украшенія одежды (рис. 189), нагрудныя украшенія, украшенные золотомъ мечи и кинжалы, разныя геммы и перстни съ печатями, алебастръ, горный хрусталь... Гомеровскіе ахеяне не знали также и такихъ построекъ какъ микенскія стѣны. Вообще гомеровская культура отличается гораздо болѣе простымъ характеромъ. Въ микенской Гельбигъ усматриваетъ явное восточное вліяніе, тогда какъ у Гомера просвѣчиваетъ гораздо больше греческій духъ. Время Гомера представляется переходной эпохой отъ восточнаго вліянія и остатковъ варварства къ самостоятельной греческой культуры. Погребальные обряды также совершенно различны у тѣхъ и другихъ. Въ Микенахъ, какъ и на Циклад-

Рис. 189. Золотая бляха изъ гробницы въ Микенахъ.

скихъ о-вахъ, были находимы только гробницы съ костями; тамъ было въ полной силѣ погребеніе покойниковъ въ землю; напротивъ у Гомера мертвыхъ всегда сожигаютъ. Затѣмъ фибулы совершенно отсутствуютъ въ микенской культурѣ, тогда какъ у Гомера онѣ очень обыкновенны (περόνη) и т. д. [246]).

На основаніи всего этого Гельбигъ и отрицаетъ то сближеніе, которое хотѣлъ-было установить Шлиманнъ между разсказомъ Гомера и находками въ Микенахъ. Находки микенскаго типа вовсе не принадлежатъ

тѣмъ ахеянамъ, которые описаны у Гомера. Поэтому нѣкоторые ученые, обратившись въ другую сторону, начали разыскивать другое до-эллинское населеніе Греціи и острововъ. Келеръ, въ особенности-же Дюммлеръ и Студничка вмѣсто ахейцевъ вспомнили о карійцахъ, которые по извѣстіямъ Геродота и Ѳукидида жили въ Греціи ранѣе ахеянъ. По ихъ мнѣнію микенскую культуру слѣдуетъ считать культурою карійскою, до-ахейскою, до-гомеровскою; [247]) ихъ взгляды раздѣлялъ одно время и М. Гёрнесъ*).

Карійцы пришли съ востока, откуда-то изъ Малой Азіи и завладѣли островами и материкомъ, вытѣснивши или подчинивши себѣ древнее населеніе ихъ (лелеговъ?). Въ Греціи они расположились главнымъ образомъ около Сароническаго залива, гдѣ по преданію основали Мегару, Эпидавръ и Герміонъ, разъѣзжали на своихъ утлыхъ ладьяхъ съ цѣлью грабежа по всему Эгейскому морю, бывали иногда въ сношеніяхъ съ финикіянами, торговали съ ними и въ теченіе долгаго времени господствовали въ странѣ, пока ихъ мо-

*) Винтеръ (Winter) въ послѣднее время присоединяется къ подобному же взгляду, но ищетъ, впрочемъ, началъ микенской культуры то въ сношеніяхъ съ Египтомъ, то въ Сиріи. Въ Микенахъ было найдено, дѣйствительно, много предметовъ аналогическихъ съ хиттитскими памятниками. Такимъ образомъ главная основа всѣхъ этихъ мнѣній оказывается общей; происхожденіе микенской культуры надо искать въ первобытной, неарійской, мало-азіатской культурѣ. Представители противоположныхъ мнѣній, главнымъ образомъ Мильхгёфферъ (Milchhöffer) ищетъ колыбель ея на о-вѣ Критѣ и является главнымъ защитникомъ ея арійскаго происхожденія. Вопросъ этотъ связанъ, разумѣется, и съ вопросомъ о происхожденіи первобытныхъ обитателей Греціи, такъ наз. пелазговъ, которыхъ разные изслѣдователи сближали съ различными исторически-извѣстными племенами, принимая или не принимая ихъ за арійцевъ. Вопросъ этотъ до сихъ поръ не разрѣшенъ и вѣроятно долго еще останется неразрѣшеннымъ. Но все таки теперь онъ принимаетъ новый оборотъ. По новѣйшимъ теоріямъ, предложеннымъ К. Паули, отчасти В. Томашкомъ, Е. Гессельмайеромъ, д'Арбуа-де-Жюбэнвиллемъ, де Кара (сюда же склоняется и Сал. Рейнахъ) и главнымъ образомъ Фр. Гоммелемъ, населеніе Греціи и ея острововъ, какъ-бы ни назывались ея отдѣльныя племена, было только частью большой этнической группы, которая занимала Малую Азію и Сирію. Общее имя этой группы неизвѣстно (Гоммель называетъ ее Алородами), но мы знаемъ относившіяся къ ней отдѣльныя племена, которыя до сихъ поръ соединялись въ Греціи подъ именемъ пелазговъ, затѣмъ лидійцевъ, карійцевъ и хиттитовъ въ Малой Азіи и Сиріи. Паули и Моратти причисляютъ къ нимъ также этрусковъ и ретійцевъ, а Гоммель наконецъ и лигуровъ и иберовъ. Трое послѣднихъ авторовъ, главнымъ образомъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ, приходятъ къ заключенію, что народъ этотъ не принадлежалъ ни къ семитамъ, ни къ арійцамъ. Мѣстомъ его происхожденія была Азія, откуда онъ пришелъ въ Европу, частью черезъ острова Эгейскаго моря, частію же черезъ Балканы—въ Грецію и затѣмъ въ Италію. Съ этими заключеніями согласуются, какъ кажется, и результаты антропологическихъ изслѣдованій Ф. Лушана (F. Luschan) и Г. Серджи (G. Sergi) [248]).

гущество не было наконецъ сокрушено критскимъ царемъ Миносомъ. А когда затѣмъ появились съ сѣвера настоящіе эллины, главнымъ обр. доряне и іоняне, карійскія колоніи исчезли одна за другой, и наконецъ карійцы ушли совсѣмъ, вернувшись туда, откуда пришли. Въ историческія времена карійцы жили только въ Малой Азіи, въ югозападной части Таврскихъ горъ. Вотъ исторія народа, которому теперь приписывается микенская культура. Сношенія, которыя имѣли карійцы съ Востокомъ уже въ своей странѣ, и затѣмъ во время своего господства на Эгейскомъ морѣ, отразились въ ихъ матеріальной культурѣ. Новое направленіе, представляемое главнымъ образомъ Тсунтасомъ, въ противоположность этимъ взглядамъ, защищаетъ греческое происхожденіе микенской культуры, какъ напр. Рейшъ, Рейхель, Сал. Рейнахъ и др. Несомнѣнно, что греки пересилились въ Элладу гораздо раньше, чѣмъ предполагалось прежде. Они тамъ были уже въ половинѣ II-го тысячелѣтія. Но принадлежала ли микенская культура имъ или кому другому,— до сихъ поръ еще не рѣшено. Э. Курціусъ также принимаетъ это послѣднее мнѣніе и находитъ, что поэмы Гомера имѣютъ своимъ предметомъ именно микенскую культуру, существующія-же и указанныя нами выше противорѣчія онъ объясняетъ тѣмъ промежуткомъ времени, которое прошло между героическою эпохою и эпохой составленія поэмъ. Въ теченіе этого промежутка воспоминанія о героическихъ временахъ ослабѣли и подверглись измѣненіямъ. Рейшъ думаетъ также, что микенская культура греческаго происхожденія, но считаетъ, какъ и мы, этотъ вопросъ еще далеко неразъясненнымъ.

Невозможно отрицать существованія сильнаго восточнаго вліянія на микенскую культуру, и особенно вліянія всѣхъ странъ восточнаго побережья Средиземнаго моря. Наиболѣе вліянія оказывали Фригія, Лидія, затѣмъ Месопотамія и Финикія. Египетское вліяніе было въ Греціи также очень сильно, какъ это доказано Адлеромъ, а въ послѣднее время Петри и Штейндорфомъ. Въ Микенахъ на это указываютъ страусовыя яйца, скарабеи, характеръ мечей, золотыя маски, стекло, барельефы съ изображеніями лотоса и папируса; въ Тиринтѣ—алебастровый и кіанитовый фризъ. Оружіе, украшенное такимъ-же образомъ, какъ и микенскіе кинжалы, найдено было и въ гробницѣ царевны Аагготепы. Значительная часть декоративной живописи и скульптуры сдѣлана также по египетскимъ образцамъ. Все это было результатомъ торговыхъ сношеній, которыя со временъ XVIII династіи сдѣлались очень оживленными между Греціей и Египтомъ.

Микенская культура существовала очень долго, навѣрно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; но хронологически опредѣлить съ точностью время ея существованія пока нельзя. Правдоподобно, однако-же, что она занимала собою вторую половину II-го тысячелѣтія до нашей эры. Флиндерсъ Петри на основаніи своихъ находокъ въ Кагунѣ относитъ въ послѣднее время куполь-

ныя микенскія гробницы къ XIV—XII стол., гробницы на агорѣ приблизительно къ XII стол., гробницы въ Менидѣ, Спартѣ, Навплія и остальныя микенскія къ XI—VIII стол., до нашей эры. Культура эта заканчивается съ вторженіемъ дорянъ. Они принесли съ собою тотъ геометрическій стиль, который характеризуетъ дипильскую керамику, и о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Сосуды этого стиля появляются на материкѣ вслѣдъ за микенскими, вытѣсняя ихъ, на островахъ-же старый стиль развивается еще далѣе.

Балканскія страны. Первое изъ указанныхъ нами выше теченій бронзовой культуры, направлявшееся черезъ Цикладскіе о—ва въ Грецію, проникло и внутрь Балканскаго полуострова—въ нынѣшнія Болгарію, Македонію, Сербію и Боснію. Существованіе въ этихъ странахъ древнихъ торговыхъ путей, способствовавшихъ этому движенію,—будетъ указано нами далѣе. Находки бронзоваго вѣка въ нихъ до сихъ поръ впрочемъ еще очень рѣдки; но это объясняется, вѣроятнѣе всего, почти полнымъ еще отсутствіемъ раскопокъ. Систематическія работы въ этомъ направленіи были начаты только въ самые послѣдніе годы въ Босніи, но то, что было найдено, относится по большей части къ позднѣйшимъ эпохамъ. Находки, соотвѣтствующія бронзовому вѣку, принадлежатъ здѣсь скорѣе къ венгерской группѣ, а слѣдовательно относятся къ теченію, шедшему съ востока дунайскимъ путемъ. Такъ напр. первый складъ бронзовыхъ предметовъ, найденный въ Герцеговинѣ въ 1882 г. подъ Крехинымъ Грацемъ возлѣ Мостара, указываетъ на сильное венгерское вліяніе. Другой складъ—бронзовыхъ серповъ былъ найденъ въ 1889 г. въ мѣстности Шуметацъ. На горѣ возлѣ одного изъ предмѣстьевъ Сараева—Собунара встрѣчаются слѣды поселеній, существовавшихъ въ теченіе большей части бронзоваго вѣка *). Въ Сербіи клады бронзовыхъ вещей были найдены возлѣ Бараева, недалеко отъ Бѣлграда, въ сел. Конюши въ бас. р. Дрины и т. д.

Италія. Финикійскіе купцы, плававшіе по Средиземному морю, принесли начала металлической культуры какъ въ Грецію, такъ и въ Италію и на три большихъ, прилегающихъ къ ней острова: Сицилію, Сардинію и Корсику. Они вездѣ основывали колоніи и торговали съ мѣстнымъ населеніемъ, обмѣнивая издѣлія промышленности на сырые продукты. Изъ острововъ Среди-

*) Сюда-же должны быть отнесены и замѣчательныя свайныя постройки возлѣ Рипаца (Ripac), прекрасно изслѣдованныя покойнымъ Радимскимъ (Radimsky) и существовавшія, по его мнѣнію, подтверждаемому и палеонтологическими изслѣдованіями проф. Вольдржиха, отъ конца неолитической эпохи, въ теченіе всего бронзоваго вѣка и даже въ такъ назыв. Ла-Тенскую эпоху (Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини, т. VII, 1895 г., в. 3 и т. VIII, 1896 г., в. 1). *Прим. переводч.*

земнаго моря наибольшее количество финикійскихъ колоній было въ Сициліи. Объ этихъ оживленныхъ сношеніяхъ туземныхъ племенъ съ восточными торговцами — включая сюда и военныя экспедиціи въ восточныя страны,—мы по крайней мѣрѣ имѣемъ два извѣстія, относящіяся къ царствованіямъ фараоновъ Менефты и Рамзеса III, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ болѣе древнихъ находкахъ бронзоваго вѣка мы замѣчаемъ очень сильное вліяніе Востока.

Въ описаніи неолитической эпохи мы упоминали уже о томъ, что каменныя постройки, разбросанныя въ нѣкоторыхъ странахъ южной Европы,— вѣроятнѣе всего восточнаго происхожденія. Такъ напр. сардинскіе нураги со сводчатыми камерами (рис. 76) могли имѣть по крайней мѣрѣ своимъ образцомъ постройки, сдѣланныя финикіянами *). Въ нихъ мы находимъ ту-же систему свода, образованнаго слегка выдвинутыми одинъ надъ другимъ камнями, какую мы видѣли въ казематахъ тиринтскаго акрополя и въ греческихъ купольныхъ гробницахъ. Сюда прежде всего относятся удивительныя каменныя постройки неизвѣстнаго назначенія на о-вахъ Гоццѣ (древ. Gaulos) и Мальтѣ. Наиболѣе изъ нихъ сохранились такая постройка, назыв. «giganteïa» на Гоццѣ и «Hagiar Kim» на Мальтѣ. На обоихъ островахъ были найдены и финикійскія гробницы, ямы съ камерой на днѣ. Но въ общемъ древнѣйшія находки бронзоваго вѣка въ Италіи, за исключеніемъ сѣверной ея части, очень немногочисленны. Причину этого слѣдуетъ искать или въ томъ, что въ Италіи, какъ и вообще въ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря, бронзовый вѣкъ не продолжался такъ долго, какъ внутри и на сѣверѣ Европы, будучи вытѣсненъ желѣзнымъ,—или-же въ томъ, что въ Италіи, гдѣ позже такъ развилась римская культура, вся почва была раскопана и прощупана въ тѣ еще времена, когда о доисторической археологіи еще и не думали. Разыскивали только классическихъ древностей, собирали бронзы греческія и римскія и вообще интересовались только позднѣйшими памятниками; маловажными-же съ тогдашней точки зрѣнія находками пренебрегали, забрасывали ихъ, и такимъ образомъ было уничтожено для науки очень много доисторическихъ памятниковъ. Почва Греціи была гораздо болѣе пощажена подобными научными раскопками.

Такимъ образомъ произошло то, что находокъ болѣе древнихъ эпохъ въ Италіи очень мало, особенно принимая во вниманіе ея густое населеніе и торговыя сношенія, существовавшія уже въ очень глубокой древности. На югѣ, сколько намъ извѣстно, болѣе важныя находки были сдѣланы только

*) Нураги обыкновенно приписываются первобытнымъ обитателямъ Сардиніи. Но нельзя отрицать, что они обнаруживаютъ достаточное сходство съ каменными постройками внутренней Аравіи, называемыми rigûm, и Синая, гдѣ они называются navanûs.

въ Сициліи. Тамъ къ бронзовому вѣку относится напримѣръ нѣсколько могильниковъ въ окрестностяхъ Сиракузъ, изслѣдованныхъ въ послѣднее время д-ромъ Паоло Орси. Могильники эти состояли изъ камеръ, вырубленныхъ въ скалѣ, по большей части округленной формы и со входомъ, заложеннымъ камнями; они принадлежали доэллинскому населенію Сициліи. Нѣкоторые, какъ напр. некрополи въ Мелиллѣ и часть некрополей въ Кастеллючіа (Castelluccia) относятся къ переходному періоду отъ неолитической эпохи къ бронзовому вѣку, гробницы возлѣ Племмирія и часть кастеллуччійскаго могильника—къ бронзовому вѣку. Находки этихъ гробницъ (форма мечей, сосуды) носятъ на себѣ очевидные слѣды восточнаго характера, кое гдѣ указывающаго на Микены и на Трою. Есть еще подобные-же могильники и въ другихъ частяхъ Сициліи (возлѣ Палермо, въ Кальтанизеттѣ и пр.), но они еще не изслѣдованы. Скелеты въ нихъ обыкновенно оказываются въ скорченномъ положеніи; иногда, какъ кажется, кости покойниковъ передъ погребеніемъ очищались отъ мяса и окрашивались въ красный цвѣтъ [249]).

Гораздо важнѣе въ отношеніи бронзоваго вѣка Сѣверная Италія. Но тамъ мы не встрѣчаемся болѣе съ культурой средиземноморскаго пути и восточнаго характера; тамъ мы имѣемъ дѣло съ культурой, которая, по заключеніямъ важнѣйшихъ итальянскихъ и прочихъ археологовъ, была принесена съ сѣвера и имѣетъ одинаковый характеръ съ началами бронзовой культуры въ Венгріи. Другими словами, въ Италіи мы видимъ то-же, что и на Балканахъ: проникновеніе и встрѣчу обоихъ теченій—средиземноморского и дунайскаго, при чемъ на сѣверѣ преобладаетъ второе изъ нихъ.

Факты относительно бронзоваго вѣка въ Сѣверной Италіи мы имѣемъ главнымъ образомъ изъ двухъ группъ памятниковъ: изъ свайныхъ построекъ этой эпохи и изъ кладбищъ ихъ обитателей. Озерныя свайныя постройки здѣсь тѣ же, о которыхъ мы говорили въ главѣ о каменномъ вѣкѣ. Тамъ мы упоминали о томъ, что отложенія каменной эпохи въ нихъ гораздо менѣе значительны, чѣмъ слѣдующіе за ними слои съ бронзовыми издѣліями, какъ напр. на островкѣ Isolino на озерѣ Варезе и вообще во всѣхъ остальныхъ палафиттахъ этой мѣстности. Свайныя постройки остр. Isolino были обитаемы, по мнѣнію Regazzoni и Castelfranco, до самаго конца бронзоваго вѣка, а можетъ быть и до начала желѣзнаго, когда поселеніе было уничтожено пожаромъ и потомъ совершенно оставлено. Обитатели озерныхъ свайныхъ построекъ жили въ нихъ слѣдовательно непрерывно съ каменнаго періода и только постепенно принимали новыя требованія металлической культуры. Каменное оружіе долго оставалось въ употребленіи рядомъ съ металлическимъ. Острія стрѣлъ, сдѣланныя изъ металла, попадаются въ высшей степени рѣдко, обыкновенно-же всѣ они кремневыя. Каменные топоры этой эпохи имѣютъ отверстія для топорища. Населеніе жило охотой, разведеніемъ

стадъ и хлѣбопашествомъ. Фауна и флора свайныхъ построекъ совсѣмъ уже не тѣ, съ какими мы встрѣчались въ находкахъ неолитической эпохи.

Типическимъ примѣромъ озерной свайной постройки бронзоваго вѣка можетъ служить поселеніе возлѣ Пескіеры (Peschiera) на Гардскомъ озерѣ [250]), изслѣдованное Стефани, Пигорини, Сакеномъ и Гохштеттеромъ. Инвентарь бронзовыхъ вещей этой мѣстности отличается замѣчательнымъ богатствомъ и характерностью. Въ культурномъ слоѣ было найдено множество остатковъ фауны, флоры и разныхъ издѣлій. Животныя этого поселенія еще недостаточно изслѣдованы; растенія—больше. Очень интересно здѣсь присутствіе ржи, которая вовсе не была находима ни въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, ни въ варесскихъ, ни въ террамарахъ Эмиліи. Изъ бронзовыхъ предметовъ были найдены плоскіе топоры, долота, серпы, очень интересныя двустороннія бритвы (lunuli), ножи, браслеты, серьги, своеобразныя булавки, наконецъ и фибулы наиболѣе древняго типа съ дужкой, расширенной въ тонкую пластинку (ср. подобный типъ на рис. 187, *b*). Характеръ бронзовыхъ предметовъ изъ Пескіеры имѣетъ много общаго съ венгерскими, и Пигорини полагаетъ, что новая цивилизація пришла сюда, также какъ и въ террамары—съ сѣвера. Пескіерское свайное поселеніе перестало существовать тоже вѣроятно въ началѣ желѣзнаго вѣка, который наступилъ тамъ сравнительно раньше. Въ Швейцаріи еще была въ полномъ расцвѣтѣ бронзовая культура, въ то время, какъ въ Италіи вслѣдствіе сношеній съ юго-востокомъ начало преобладать уже желѣзо.

Совершенно оригинальную и очень интересную группу свайныхъ построекъ въ Италіи представляютъ собою такъ назыв. террамары. Это—свайныя сооруженія, стоящія теперь на сушѣ, но первоначально, по крайней мѣрѣ отчасти построенныя на небольшихъ искусственныхъ озерахъ [251]). Почти всѣ они находятся въ эмильской равнинѣ, простирающейся отъ Арды до Рено между Аппенинами и р. По *). Въ одной половинѣ этого пространства, прилегающей къ Пармѣ, извѣстно уже около полусотни этого рода поселеній. Впервые они были описаны Гастальди и П. Стробелемъ въ 1861 г., послѣ нихъ они были изслѣдованы Пигорини и Кьеричи. Данныя, полученныя при тщательномъ изслѣдованіи террамары въ Castione dei Marchesi, даютъ возможность заключить, что эти постройки сооружались слѣдующимъ образомъ: высматривалось подходящее мѣсто или въ долинѣ, гдѣ-бы къ нему могла притекать вода съ сосѣднихъ возвышенностей, или-же на высотѣ, совершенно лишенной воды. Въ первомъ случаѣ свайная постройка воздвигалась надъ искусственнымъ озеромъ, во второмъ—на сушѣ. Но въ обоихъ—

*) Въ провинціяхъ Пармѣ, Реджіо, Моденѣ, Мантуѣ—ихъ много; въ Болоньѣ, Пьяченцѣ, Кремонѣ—меньше. Вообще-же извѣстно до сихъ поръ до 100 террамаръ.

все-таки устраивался какой-нибудь искусственный бассейнъ при помощи валовъ, образовавшихъ четыреугольникъ, внутри котораго вбивались въ землю сваи и на нихъ утверждалась деревянная настилка, поддерживавшая постройки. Если вода проводилась туда съ болѣе возвышеннаго мѣста, бассейнъ превращался въ неглубокое озеро. Террамара въ Кастіоне впрочемъ, судя по всему, стояла не надъ водой. Отбросы сваливались тамъ просто внизъ, между сваями, и когда они достигали деревянной настилки, тогда жители подымали эту послѣднюю и вмѣстѣ съ этимъ возвышали и насыпи, окружавшія поселеніе. Это повторялось нѣсколько разъ, такъ что сваи позднѣйшихъ перестроекъ не достигали уже естественной почвы, а вбивались въ плотную массу отбросовъ. Къ террамарѣ вела по особенному искусственному подъему дорога до вершины насыпи, имѣвшей первоначально около двухъ метровъ высоты (ср. разрѣзъ реставрированной террамары на рис. 190). Вокругъ насыпей съ наружной стороны выкопанъ былъ ровъ, какъ въ Castione, Casarodole, Montecchio, Roteglia и др., иногда же онъ бывалъ и съ внутренней стороны. Сваи для построекъ были вбиты очень густо, какъ деревья въ лѣсу. На

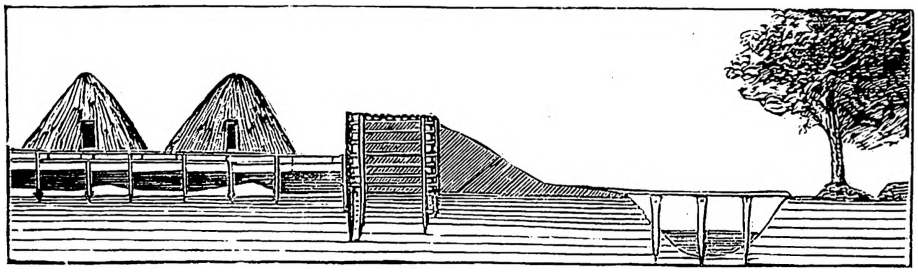


Рис. 190. Разрѣзъ реставрированной террамары (по Кьеричи).

нихъ сдѣлана была деревянная настилка (платформа), на которой уже стояли хижины, совершенно такъ-же, какъ и на озерныхъ свайныхъ постройкахъ. Все было сдѣлано изъ дерева, соломы и хвороста и разумѣется было подвержено очень частымъ пожарамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ съ очевидностью толстые слои пепла, встрѣчающіеся постоянно въ отложеніяхъ отбросовъ. Возможно также, что пожары производились иногда и умышленно, когда имѣлось въ виду сравнять поверхность почвы для новой болѣе высокой постройки; такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Кастельфранко. Изолированіе нижнихъ слоевъ отбросовъ подъ слоемъ пепла было выгодно также и въ гигіеническомъ отношеніи. Въ настоящее время террамары, находящіяся на равнинахъ провинціи Эмилія, образуютъ собою пригорки въ 3—4 метра высоты и въ 80—100 метр. ширины или длины. Кастіонская террамара занимала поверхность въ 9.000 квадр. метровъ. Изъ этого описанія устройства террамаръ можно видѣть, что жизнь въ нихъ не была особенно завидной. Всѣ

отбросы, всѣ нечистоты скоплялись подъ ними и тамъ, гдѣ не было воды, которая могла уносить все это, — они загнивали и отравляли воздухъ на далекое разстояніе.

Террамары относятся всѣ почти къ бронзовому вѣку, и только въ самыхъ верхнихъ слояхъ ихъ мы встрѣчаемся съ желѣзными предметами. Но каменныя орудія также очень многочисленны, особенно въ террамарахъ на лѣвомъ берегу р. По. Наиболѣе многочисленными впрочемъ оказываются въ культурныхъ слояхъ террамаръ керамическія издѣлія, въ видѣ цѣлыхъ тысячъ черепковъ посуды, сдѣланныхъ отъ руки и плохо обожженныхъ; цѣлыхъ сосудовъ встрѣчается немного. Посуда по большей части очень грубая; сосуды болѣе тонкой работы украшены геометрическимъ орнаментомъ и отличаются часто особеннымъ украшеніемъ ушковъ. Ушки эти имѣютъ сверху два рожка и называются поэтому рогатыми или луновидными ушками (ansa lunata, cornuta, рис. 191). Въ Италіи эти сосуды характерны для эпохи террамаръ и встрѣчаются, какъ слѣды южныхъ вліяній, и дальше, на сѣверѣ Европы, въ Венгріи (уже въ Ленгіэлѣ), въ Чехіи, въ Швейцаріи, а также на Балканахъ и въ Истріи. Гёрнесъ напротивъ думаетъ, что этотъ типъ рогатыхъ ушковъ былъ въ этомъ періодѣ распространенъ самостоятельно во всей центральной Европѣ и вовсе не итальянскаго происхожденія. Каменныя орудія въ террамарахъ рѣдки, изъ бронзовыхъ—встрѣчаются кинжалы, топоры, стрѣлы, изъ орудій—ножи, двусторонніе бритвы, серпы, долота, гребни, изъ украшеній—булавки и разныя другія вещи, кромѣ того много разныхъ привѣсокъ изъ камня, раковинъ и кости. Очень многочисленны глиняныя и известковыя пряслицы. Попадаются также и фибулы, но только въ позднѣйшихъ слояхъ и чаще всего тѣхъ же простыхъ формъ, какія мы встрѣчали уже въ Греціи и Микенахъ. Ундсетъ полагаетъ, что онѣ представляютъ собой основной типъ, изъ котораго развились потомъ позднѣйшія итальянскія, скандинавскія и венгерскія фибулы, но мѣстомъ происхожденія ихъ онъ считаетъ скорѣе Балканы, чѣмъ Италію. Въ Венгріи выработалась для захватыванія иглы спираль, на сѣверѣ же и въ Италіи развилась у фибулъ болѣе короткая или болѣе длинная пятка.

Рис. 191. Сосудъ съ рогатымъ ушкомъ, найденный въ городищѣ Живначи возлѣ Праги.

Вполнѣ подобный же способъ построекъ мы находимъ въ Венгріи въ Альфёльдѣ (Alföld), гдѣ и типы бронзовыхъ предметовъ и керамика обнаруживаютъ много сходства съ итальянскими. Изъ этого итальянскіе археологи заключаютъ, что культура террамаръ проникла въ Италію съ сѣвера, изъ Венгріи. Нѣкоторые идутъ даже далѣе и полагаютъ, что и населеніе въ Ита-

ліи было то же, что и въ Венгріи, что бронзовая культура террамаръ была принесена изъ венгерскихъ долинъ въ Италію новымъ населеніемъ. П. Кастельфранко, основываясь на томъ, что въ итальянскихъ могильникахъ, относящихся къ концу неолита и началу эпохи металловъ, уже появляются и новые черепные типы, думаетъ, что металлы были принесены въ Италію чужеземнымъ короткоголовымъ народомъ, не пытаясь впрочемъ опредѣлить, какимъ именно. Эвансъ, а за нимъ и Гернесъ готовы приписывать террамары и пещеры въ Pollera и Arene Candide и въ Иллиріи — одному народу, лигурамъ. Л. Пигорини принимаетъ жителей террамаръ за часть того же самаго народа, который пришелъ съ востока по долинѣ Дуная и принесъ съ собою свой оригинальный способъ построекъ—свайныя поселенія. Въ Италіи онъ различаетъ двѣ вѣтви — западную и восточную. Постройки первой изъ нихъ отличаются гораздо худшимъ качествомъ и нѣкоторыми рѣзкими признаками своихъ издѣлій. Такъ, луновидныя ушки, очень многочисленныя въ венеціанской области, отсутствуютъ совершенно въ Ломбардіи и въ Пьемонтѣ. То же относится и къ двустороннимъ бритвамъ. Террамары по его мнѣнію относятся вполнѣ къ восточной группѣ, и строившее ихъ населеніе было, по мнѣнію Пигорини, древними италійцами. I. Гельбигъ, написавшій одно изъ лучшихъ сочиненій о древней эпохѣ сѣверной Италіи, думаетъ подобнымъ же образомъ [252]). По его мнѣнію италійцы или умбро-сабеллы пришли изъ Венгріи и поселились въ мѣстностяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ жило первобытное населеніе каменнаго вѣка. Культура ихъ была, разумѣется, гораздо выше. Они жили кромѣ охоты скотоводствомъ и земледѣліемъ. Найдено очень много разныхъ остатковъ домашнихъ животныхъ и растеній. Изъ домашнихъ животныхъ они разводили рогатый скотъ, свиней; о томъ, что они умѣли приготовлять сыръ, свидѣтельствуютъ находки сосудовъ съ продыравленными стѣнками. Извѣстна была также и обработка волокнистыхъ веществъ, именно льна. Своихъ покойниковъ жители террамаръ сожигали. Изъ неолитической эпохи и переходной (Remedello, Cumarola) въ Италіи извѣстны только могилы съ костями. Остатки сожженія мертвыхъ въ эту эпоху попадаются очень рѣдко, такъ напр. мы упоминали уже о находкахъ погребальныхъ урнъ въ культурныхъ ямахъ въ Razza de Campeggine, на стр. 152. Но въ эпоху металловъ уже преобладало сожженіе. Гробницы обитателей террамаръ были найдены во многихъ мѣстахъ, какъ напр. на Monte Lonato и въ Piétole въ пров. Мантуа, въ Crespellano (Болонья), въ Casinalbo, Coarezzo, Castellazzo, Bovolone, Crescenzago, возлѣ Модены и пр. Кастельфранко описалъ въ послѣднее время подобныя мѣста погребенія, найденныя возлѣ Monza, съ плохими и поломанными бронзовыми предметами. Могилы этой эпохи заключаютъ въ себѣ вездѣ только остатки сожженія. Урны съ костями покойниковъ, иногда совершенно безъ всякихъ другихъ предметовъ, помѣ-

щались обыкновенно просто въ ямку, вырытую въ землѣ. Эти погребальныя урны обыкновенно бываютъ довольно большихъ размѣровъ, грубой работы и рѣдко съ украшеніями.

Къ бронзовому вѣку относится также и часть складовъ бронзовыхъ издѣлій, находимыхъ въ Италіи въ довольно большомъ количествѣ. Цаннони (Zannoni) различаетъ три вида ихъ: 1) небольшіе клады, спрятанные перекупщиками (сюда относятся напр. находки ножей въ Viadone, находки въ Castione dei Marchesi, Catinale, Montalto и т. п.); 2) болѣе значительные клады купцовъ-литейщиковъ (находки въ Monteprima, Livone, Goluzzo и Chiusi) и 3) большіе склады постоянныхъ мастерскихъ, какъ напр. складъ въ Castella di Parre, въ Teti—въ Сардиніи и друг. мѣстахъ. Г. Эроли (G. Eroli) считаетъ впрочемъ всѣ эти виды находокъ за обѣтныя приношенія какому-то божеству.

Бронзовая культура длилась въ Италіи въ однихъ мѣстахъ болѣе продолжительное время, въ другихъ болѣе короткое. На сѣверѣ и въ мѣстахъ, гдѣ были богатыя торговыя греческія колоніи, какъ напр. на о-вѣ Сициліи и въ южной Италіи, она была вытѣснена раньше, у племенъ же, находившихся внутри страны—позже. Въ сѣверной Италіи, по опредѣленію Конестабиле, могилы въ Villanova относятся къ IX—X стол. до нашей эры. До извѣстной степени мы имѣемъ опредѣленіе продолжительности бронзоваго вѣка въ извѣстіи Плинія, по которому этрусскій вождь Порсенна заключилъ въ 507 г. до нашей эры договоръ съ римлянами о томъ, что они въ будущемъ не будутъ имѣть права употреблять желѣзо для выдѣлки оружія и орудій за исключеніемъ только сельско-хозяйственныхъ орудій *). Вѣроятно въ эту эпоху желѣзное оружіе начало уже входить въ употребленіе, и Порсенна, зная хорошо его преимущества передъ бронзовымъ, хотѣлъ задержать его распространеніе, поставивши подобное условіе въ мирномъ договорѣ. Въ извѣстіи этомъ во всякомъ случаѣ важно то, что уже до V стол. у римлянъ было оружіе и орудія изъ желѣза. Гораздо болѣе широкаго развитія, чѣмъ въ Италіи, достигла бронзовая культура во Франціи и прилегающей къ ней части Швейцаріи.

Она была принесена сюда главнымъ образомъ по средиземноморскому пути и несомнѣнно, что этому болѣе всего способствовала финикійская торговля британскимъ оловомъ. Торговля оловомъ происходила или морскимъ путемъ, или по сушѣ, но по морю сравнительно съ бо̀льшимъ трудомъ. Дорога была далека, надо было пройти по всей его длинѣ Средиземное море, пробраться сквозь узкій Гибралтарскій проливъ, плыть вдоль всего восточнаго берега Испаніи и Галліи къ южнымъ берегамъ Британіи. Многіе при этомъ находили свою могилу въ

*) ... in foedere quod expulsis regibus populo romano dedit Porsenna nominatim comprehensum invenimus, ne ferro nisi in agri cultu uteretur (Plin. 34, 139).

бурныхъ водахъ Бискайскаго залива. Дорога по сушѣ была короче и удобнѣе. Суда приставали гдѣ нибудь въ устьяхъ Роны, и оттуда купцы пробирались по большимъ рѣкамъ и затѣмъ по материку къ сѣверо-западнымъ берегамъ, занимались тамъ своими торговыми дѣлами и возвращались тою же дорогою назадъ. Эти живыя сношенія имѣли своимъ естественнымъ послѣдствіемъ процвѣтаніе бронзовой культуры въ Галліи и Британіи, достаточное для того, чтобы она достигла въ обѣихъ этихъ странахъ извѣстной самостоятельности и приняла своеобразный характеръ. Но все-таки ни французскія, ни англійскія бронзы не отличаются такою степенью оригинальности, какъ бронзы венгерскія и сѣверныя. Очень интересно то, что наибольшее количество находокъ было сдѣлано именно въ тѣхъ странахъ, черезъ которыя, какъ мы только-что сказали, направлялась торговля оловомъ, напр. по берегамъ Роны, Изеры, или на сѣверныхъ берегахъ Франціи, напр. въ Бретани. Въ первой изъ этихъ мѣстностей памятники бронзоваго вѣка были изслѣдованы Эрн. Шантромъ (E. Chantre), о второй же была издана недавно большая монографія Поля дю-Шателье (P. du Chatellier) [253]). Теперь уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ Галліи существовалъ самостоятельный бронзовый вѣкъ и что мнѣніе Алексадра Бертрана (Alex. Bertrand), отрицающаго его и во Франціи и въ Швейцаріи,—лишено всякаго основанія.

А. Бертранъ признаетъ бронзовый вѣкъ только на сѣверѣ Европы, въ Венгріи и въ Испаніи. Французскія бронзы онъ считаетъ ввозными издѣліями, попадавшими во Францію не столько морскимъ путемъ, сколько сухопутнымъ и именно дунайскимъ *), швейцарскія же или савойскія свайныя постройки были по его мнѣнію только торговыми станціями и складами перекупщиковъ бронзовыхъ издѣлій, какъ это раньше еще доказывалъ Дезоръ. Мнѣніе это ошибочно; бронзовый вѣкъ въ такомъ смыслѣ, какъ было установлено нами выше, существовалъ въ этихъ странахъ и продолжался довольно долго. Габр. де-Мортилье раздѣляетъ его на два періода, изъ которыхъ каждый онъ назвалъ по имени наиболѣе выдающагося мѣстонахожденія: первый—болѣе древній моржскимъ (époque morgienne) отъ свайнаго поселенія въ Morges на Женевскомъ озерѣ и второй, позднѣйшій—ларнодскимъ (ép. larnaudienne) по мѣстности Larnaud въ юрскихъ горахъ **). По мнѣнію Мортилье издѣлія

*) Е. Шантръ, напротивъ, даетъ гораздо большее значеніе торговлѣ по Средиземному морю. Вліяніе дунайскаго пути обнаруживается въ Галліи только въ концѣ бронзоваго вѣка и главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ между Сеною и Луарою.

**) Габр. де-Мортилье дополняетъ свое раздѣленіе доисторическихъ временъ, первую половину котораго мы привели на стр. 29, относительно эпохи металловъ слѣдующимъ образомъ:

перваго періода отличаются тѣмъ, что они прежде всего литыя, тогда какъ во второмъ—они, напротивъ, кованыя. Это раздѣленіе, хотя Мортилье держится его и до сихъ поръ, не кажется намъ вполнѣ удовлетворительнымъ, въ особенности относительно французско-швейцарскихъ бронзъ, которыхъ нельзя распредѣлить по способу работы на двѣ хронологически отдѣльныхъ группы. Поэтому можетъ быть болѣе удачною слѣдуетъ признать классификацію Шантра, уже по одному тому, что онъ ограничивается меньшимъ, имъ самимъ хорошо обслѣдованнымъ пространствомъ южной Франціи. На съѣздѣ въ Стокгольмѣ въ 1874 г. онъ предложилъ два подраздѣленія бронзоваго вѣка: 1) древнѣйшую эпоху, въ теченіе которой бронза доставлялась во Францію только путемъ торговли (сюда относится большая часть бронзовыхъ складовъ) и 2) позднѣйшую, въ теченіе которой бронза выдѣлывалась на мѣстѣ; сюда относятся свайныя поселенія на Буржетскомъ озерѣ и склады бронзо-литейныхъ мастерскихъ, найденные въ бассейнахъ Роны, Изеры и на Юрѣ, какъ напр. складъ въ Larnaud. Позже, въ своемъ большомъ сочиненіи о бронзовомъ вѣкѣ южной Франціи Шантръ раздѣлилъ эпоху бронзы на древнѣйшій періодъ — севеннскій (période cévenienne), средній и собственно бронзовый—ронскій (p. rhodanienne) и послѣдній мёрингенскій, составляющій переходъ къ желѣзному вѣку (p. moeringienne); къ этой группѣ относятся опять ларнодскій складъ и грезинское свайное поселеніе.

		Эпохи.	Типическія мѣстонахожденія.
Желѣзный вѣкъ.	Періодъ меровингскій.	Вабенская (vabenienne).	Могильникъ въ Вабенѣ (Waben) (Pas-de-Calais).
	Римскій періодъ.	Шандоленская (champdoléenne)	Могильникъ въ Champdolent (Seine et Oise).
		Люгдунская (lugdunienne).	Гор. Ліонъ (деп. Роны).
	Періодъ галатско-этрусскій.	Бёврейская (beuvraysienne).	Mont Beuvray (Niévre).
		Марнская (Marnienne).	Гробницы въ деп. Марны.
		Галльштадтская (hallstattienne).	Гробн. въ Галльштаттѣ
Бронзовый вѣкъ.	Періодъ цыганскій.	Ларнодская (larnaudienne).	Складъ найденный въ Larnaud (Юра).
		Моржская (morgienne)	Свайное поселеніе возлѣ Morges (cant. de Vaud).

Во Франціи бронзовый вѣкъ представленъ рядомъ складовъ, могилъ и свайными поселеніями въ Савойѣ. Севеннскія стоянки почти неизвѣстны, за исключеніемъ стоянки въ Bois du Roc въ Vilhonneur (деп. Шаранты). Между французскими складами обращаетъ на себя вниманіе прежде всего ларнодскій кладъ, найденный въ 1865 г. и заключавшій въ себѣ около 1.500 предметовъ; кладъ, найденный въ Petit-Vilaitte (dep. de Cher), заключалъ ихъ только 628. Другой кладъ той же эпохи былъ найденъ въ 1888 г. въ Plurien'ѣ (Côtes du Nord) съ 751 топоромъ съ втулкой, кромѣ множества обломковъ; затѣмъ другой кладъ въ Монпелье, въ Réallan (Hautes Alpes) съ характерными браслетами (рис. 192), въ Clohars-Carnoet (Finistère) съ 203 бронзовыми топорами и т. д. Наибольшее количество ихъ было найдено въ бассейнѣ Роны и въ Бретани [254]).

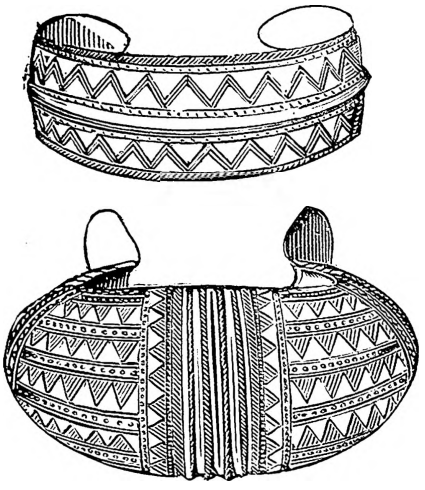


Рис. 192. Браслеты изъ реаллонскаго клада во Франціи (Hautes Alpes).

Свайныя постройки этой эпохи найдены были на Буржетскомъ озерѣ (гл. обр. въ Грезинѣ, Шатильонѣ и т. д.) Керамика не представляетъ здѣсь разнообразныхъ формъ. Сосуды по большей части чернаго цвѣта и полированы, иногда обложены оловомъ.

Гробницы бронзоваго вѣка по большей части еще мегалитическія. Теперь ихъ извѣстно уже болѣе ста съ большими находками бронзы и болѣе 250—если считать и гробницы съ мелкими вещами изъ того же металла. Онѣ разбросаны по слѣдующимъ 15-ти департаментамъ: Ardèche, Aveyron, Bouches du Rhône, Côtes-du-Nord, Finistère, Gard, Herault, Lot, Lozère, Maine et Loire, Manche, Oise, Haute Savoie, Tarn et Garonne, Vendée. Могилы безъ мегалитовъ, встрѣчающіяся во Франціи, по большей части относятся уже къ послѣдующимъ эпохамъ, хотя желѣзное оружіе въ теченіе еще очень долгаго времени существовало рядомъ съ бронзовымъ.

Съ французскимъ бронзовымъ вѣкомъ находится въ тѣсной связи и бронзовая эпоха Швейцаріи, такъ какъ бронзовая культура проникала въ эту страну съ запада по Ронѣ. Мы уже упоминали о томъ, что въ Швейцаріи свайныя поселенія каменной эпохи преобладаютъ на востокѣ, тогда какъ болѣе позднія—эпохи металловъ—многочисленнѣе на западѣ. Это географическое распредѣленіе можетъ быть вполнѣ удовлетворительно объяснено тѣмъ, что бронзовая культура пришла въ Швейцарію не съ Востока, черезъ узкіе проходы Тироля, а съ запада, изъ Франціи и утвердилась прежде всего

въ западной половинѣ страны. О томъ, что это было именно такъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ альпійскихъ странахъ Австріи бронзовый вѣкъ, кажется, и вовсе не существовалъ. Кромѣ случайныхъ находокъ единичныхъ бронзовыхъ издѣлій тамъ неизвѣстны ни гробницы, ни клады, характерные для этой эпохи. Въ Швейцаріи послѣдствіемъ такого хода культуры было то, что въ ней каменный вѣкъ въ теченіе извѣстнаго времени продолжался одновременно съ бронзовымъ. Въ то время, когда на западѣ распространялись уже новыя потребности, обитатели восточной половины приготовляли себѣ орудія еще по большей части изъ камня.

Внѣшній видъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ и жизнь въ нихъ мы не имѣемъ болѣе надобности описывать; они оставались вполнѣ такими же, какъ и раньше [255]). Наружностью своею свайныя постройки бронзоваго вѣка очень немного отличались отъ болѣе древнихъ. Обыкновенно онѣ располагались довольно далеко отъ берега, на разстояніи отъ 200 до 300 метр.; сваи ихъ сравнительно съ прежними болѣе толсты, лучше обдѣланы, часто отесаны съ четырехъ сторонъ; хижины также были вѣроятно уже деревянныя. Это все отличія, зависѣвшія только отъ усовершенствованія орудій. Каменнымъ топоромъ разумѣется нельзя было такъ работать, какъ металлическимъ. Но за то гораздо болѣе отличаются мѣстонахожденія позднѣйшихъ эпохъ своимъ инвентаремъ находокъ. Отъ бронзоваго вѣка въ Швейцаріи

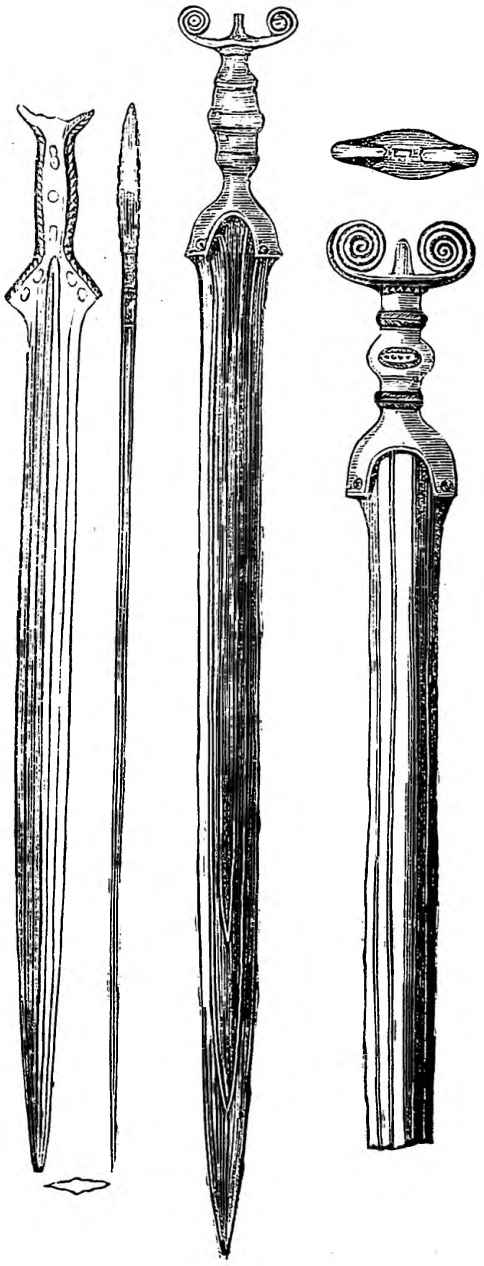


Рис. 193. Бронзовые мечи изъ Швейцаріи.

сохранилось много прекрасныхъ предметовъ, и Дезоръ совершенно справедливо назвалъ его «bel âge du bronze». Въ одномъ только Біеннскомъ (Bieler-See) и Нёвшательскомъ озерахъ найдено было, по словамъ Гросса, около 20.000 бронзовыхъ предметовъ: оружія, орудій и украшеній. Бронзовая индустрія проникла сюда путемъ торговли, но затѣмъ скоро сдѣлалась и мѣстною. Находки формъ для отливки въ свайныхъ поселеніяхъ очень многочисленны. Матеріалъ, впрочемъ, долженъ былъ постоянно доставляться извнѣ. По мнѣнію маіора Tröltsche швейцарскія мастерскія получали мѣдь скорѣе всего изъ рудниковъ возлѣ нынѣшняго Шесси (Chessy), находящагося къ сѣверу отъ Ліона, гдѣ велась также и торговля британскимъ оловомъ. Между предметами оружія особенно выдаются мечи троякаго вида: 1) съ плоскимъ клинкомъ и стержнемъ, къ которому прикрѣплялась гвоздями деревянная или костяная рукоятка; 2) съ бронзовой рукояткой, обложенной рогомъ или деревомъ, — такъ наз. оверньерскій типъ и 3) съ цѣльной бронзовой рукояткой, украшенной различнымъ образомъ, такъ назыв. мерингенскій типъ. Разновидность этого послѣдняго типа составляютъ мечи, имѣющіе на рукояткѣ два бронзовыхъ завитка (type à antennes, Antennenschwert, рис. 193).

Рис. 194. Бронзовый браслетъ изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ:

Кромѣ мечей очень многочисленны кинжалы, наконечники стрѣлъ и копій

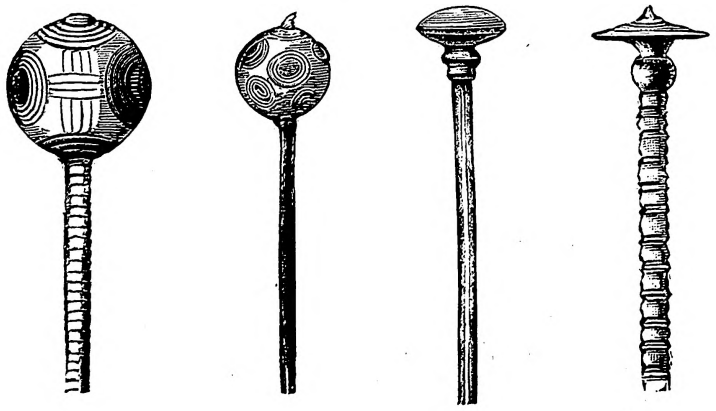


Рис. 195. Булавки изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ.

(всегда со втулкой), ножи, бритвы съ однимъ лезвеемъ и двусторонніе, топоры, серпы. Изъ украшеній наиболѣе многочисленны кружки, браслеты

(рис. 194) и булавки (рис. 195). Фибулы обыкновенно не встрѣчаются. Сосуды—разныхъ формъ и часто украшены прямолинейнымъ орнаментомъ. Здѣсь также найдены были сосуды, выложенные оловянными пластинками.

Какъ въ Италіи и во Франціи, такъ и здѣсь можно прослѣдить развитіе бронзовой культуры и дѣлить находки хронологически на болѣе древнія и позднѣйшія. Между болѣе древними поселеніями этой эпохи особенно замѣчательно поселеніе въ Моржѣ (Morges, cant. de Vaud), на сѣверномъ берегу Женевскаго озера. Въ окрестностяхъ Моржа найдено было нѣсколько стоянокъ, между которыми одна неолитическая (station de l'Eglise), и затѣмъ большая стоянка, относящаяся къ концу бронзоваго вѣка, съ издѣліями ларнодскаго типа, и стоянка болѣе древняго характера бронзовой культуры (station de Roseaux), по которой Габр. де Мортилье далъ названіе своей древнѣшей бронзовой эпохѣ. Здѣсь были найдены въ большомъ количествѣ формы для отливки, глиняные круги, служившіе подставками для сосудовъ съ округленнымъ дномъ, каменныя ступки, многочисленныя пряслицы и весь обычный инвентарь бронзоваго вѣка. Нѣсколько сюда же относящихся стоянокъ было найдено возлѣ Мерингена на Біеннскомъ озерѣ, въ Estavayer, Auvernier, Corcelettes на Невшательскомъ озерѣ, возлѣ Montilier на Моратскомъ озерѣ и т. д., наиболѣе, какъ мы сказали уже, въ западной Швейцаріи. Но и въ восточной половинѣ Швейцаріи извѣстны также поселенія бронзоваго вѣка на озерахъ Боденскомъ, Цюрихскомъ (возлѣ Большого Гафнера, у Воллисгофена) и проч. Изъ нихъ особенно замѣчательны воллисгофенскія свайныя постройки.

Какъ мало намъ извѣстны въ Швейцаріи неолитическія гробницы, такъ же мало знаемъ мы и о гробницахъ бронзоваго вѣка. Во всякомъ случаѣ это по большей части могилы, содержащія въ себѣ кости. Первыя доисторическія гробницы были найдены только въ 1876 году. Какъ-разъ возлѣ оверньерской свайной постройки была открыта громадная гробница съ остатками множества костей, о которой мы уже упоминали, описывая неолитическія свайныя поселенія. Подобныя же находки были сдѣланы въ Montreux въ 1881 г., въ Chamblades въ 1892 г., на Gärtensbergwald'ѣ (кант. Сен-Галленъ) и въ Cornaux возлѣ Невшателя, гдѣ были найдены могилы со скелетами, похороненными просто въ землѣ, вмѣстѣ съ разными предметами. Черепа этихъ могилъ совершенно сходны по своему типу съ тѣми немногими черепами, которые были найдены въ свайныхъ поселеніяхъ.

Какъ ни далеко находится Швейцарія отъ моря и какъ ни глубоко заброшена она среди горъ, но и въ ней мы можемъ прослѣдить южныя и восточныя вліянія, въ видѣ напр. кинжаловъ кипрскаго типа и имѣющихъ дугообразную форму итальянскихъ фибулъ. Въ швейцарскихъ мечахъ, очень похожихъ на галльштаттскіе, замѣчаются также слѣды восточнаго происхожденія.

Великобританія. Бронзовая культура въ Великобританіи получила широкое развитіе и обнаруживаетъ извѣстную близость не только съ французскою, но и съ бронзовой культурою сѣверно-европейскихъ странъ. Джонъ Эвансъ (Evans), наиболѣе изслѣдовавшій этотъ вопросъ [256]), полагаетъ, что она вышла изъ Франціи, т. е. другими словами, что она была принесена торговыми сношеніями съ Востока. Другіе, впрочемъ, какъ Надальякъ, Питтъ-Риверсъ, думаютъ, что бронза была принесена туда новымъ населеніемъ.

Дж. Эвансъ раздѣляетъ бронзовый вѣкъ въ Англіи на три отдѣла, изъ которыхъ первый, наиболѣе древній, характеризуется, кромѣ каменныхъ орудій, плоскими бронзовыми топорами и кинжалами безъ рукояти съ нѣсколькими отверстіями для гвоздей; второй, средній отдѣлъ, отличается топорами съ загнутыми краями и остріями копій со стержнемъ; третій — наиболѣе поздній—развитыми формами пальставовъ и топорами со втулкой, мечами и т. д. Продолжительность бронзоваго вѣка въ Великобританіи Эвансъ опредѣляетъ въ 8 или 10 столѣтій, начиная съ промежутка времени между 1400—1200 годами до нашей эры.

Въ общемъ, великобританскія бронзовыя издѣлія близки по своимъ формамъ къ французскимъ и швейцарскимъ. Но о существованіи сношеній съ Даніей, Скандинавіей и даже съ Венгріей свидѣтельствуютъ разные предметы, имѣющіе характеръ бронзовой культуры этихъ странъ. Такъ напр. въ Англіи встрѣчаются покрытые орнаментами топоры, похожіе на венгерскіе, фибулы скандинавскаго характера, діадемы, такъ назыв. tutuli, спиральный орнаментъ, полые браслеты и т. п. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что корабли, такъ часто бороздившіе позже съ цѣлью грабежа сѣверныя моря, уже и въ это время способствовали сношеніямъ Британіи съ Скандинавіей и Даніей. Сношенія эти, начиная съ неолитической эпохи, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе способствовали сближенію между культурами этихъ странъ.

Въ Великобританіи и главнымъ образомъ въ Ирландіи чрезвычайно многочисленны клады бронзовыхъ предметовъ (founders boards), — поломанныхъ мечей, топоровъ со втулками, наконечниковъ копій тоже со втулками особыхъ разнообразныхъ формъ, кинжаловъ, плоскихъ топоровъ, бронзовыхъ трубъ и т. п. Въ Британскомъ музеѣ сохраняются напр. склады, найденные въ Broadward'ѣ возлѣ Lentwardin'a, въ Dowris'ѣ, въ Ирландіи и т. д. Къ бронзовому вѣку относится затѣмъ большая часть могилъ, относительно которыхъ впрочемъ не всегда бываетъ легко рѣшить, принадлежатъ ли онѣ бронзовому вѣку или каменному. Какъ и въ предыдущую эпоху, такъ и въ эпоху бронзы мы встрѣчаемся съ обоими погребальными обрядами—собственно погребеніемъ и сожженіемъ. Относительно Англіи нельзя сказать при этомъ, произошло ли измѣненіе въ погребальномъ обрядѣ съ введеніемъ бронзы или же нѣтъ. Здѣсь, какъ мы уже упоминали на стр. 135, отношеніе ко-

личества гробницъ съ костями къ числу гробницъ съ остатками трупосожженія измѣняется сообразно мѣстности. Сожженныя кости находятся обыкновенно въ урнахъ, накрытыхъ плоскими камнями; гораздо рѣже пепелъ бываетъ вложенъ въ каменный ящикъ или просто высыпанъ на землю. Костяковъ бываетъ въ могилахъ разное число, лежатъ они безъ всякаго опредѣленнаго направленія, иногда на спинѣ, иногда на боку, но почти всегда съ сильно пригнутыми колѣнями. Изъ 301 скелета, найденныхъ Grenwell'емъ, только 4 были въ вытянутомъ положеніи.

Очень поражаетъ то обстоятельство, что англійскія могилы бронзоваго вѣка отличаются сравнительной скудостью своего погребальнаго инвентаря. особенно гробницы съ остатками трупосожженія. Бронзовые кинжалы, топоры и наконечники стрѣлъ и копій встрѣчаются во всей Великобританіи, мечи главнымъ образомъ въ Шотландіи. Украшенія очень рѣдки и мелки (раковины, булавки, пуговки, серьги) и попадаются только въ женскихъ гробницахъ; золотыя вещи незначительны и чрезвычайно рѣдки, но янтарь попадается сравнительно часто. Эта бѣдность поражаетъ, особенно если мы примемъ въ соображеніе, что именно югъ Великобританіи снабжалъ всю Европу оловомъ.

Зато керамика чрезвычайно многочисленна и представляетъ тѣ же оригинальныя формы, съ какими мы уже познакомились въ предыдущую эпоху. Всѣ сосуды сдѣланы грубо, отъ руки, и орнаментація ихъ, довольно примитивная, состоитъ только изъ нарѣзанныхъ черточекъ. Сосуды никогда не бываютъ раскрашены; но интересно, что уже въ эту эпоху, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ здѣсь вытискивали на днѣ сосудовъ съ внутренней стороны знаки наподобіе креста, главнымъ образомъ въ Суссексѣ, Дорсетширѣ и Уильтширѣ. Чаще всего встрѣчаются извѣстныя кружкообразныя формы (см. рис. 91).

Однимъ изъ наиболѣе изслѣдованныхъ могильниковъ представляется группа barrows, открытая генераломъ Питтъ-Риверсомъ въ Рушморѣ. Нѣкоторыя могилы оказались пустыми, другія заключали въ себѣ остатки погребенія, чаще всего урны съ пепломъ; скелеты попадались очень рѣдко [257]). Самыя могилы состояли изъ ямъ, вырытыхъ въ мѣловомъ слоѣ почвы. Положенные съ покойниками предметы были немногочисленны: черепки, кремневые осколки и разные обломки бронзы. Подобныя же могилы съ бронзовыми предметами были найдены въ Уильбери (Wilbury), Weawerthorp'ѣ, Cowlam'ѣ (East-Riding), Rudstone'ѣ, Aldbourn'ѣ, Hinton Down'ѣ (Wiltshire) и др. мѣстахъ.

Населеніе этой эпохи жило въ селеніяхъ, но продолжало мѣстами искать пріюта и въ пещерахъ, естественныхъ или вырубленныхъ нарочно въ известняковыхъ скалахъ. Одна изъ такихъ искусственныхъ пещеръ, въ которой жили люди бронзоваго вѣка, была найдена въ Дургэмскомъ графствѣ. Она

была вся наполнена разными отбросами, но кромѣ того оказалось и большое количество цѣлыхъ орудій и сосудовъ. Вѣроятно, она была покинута внезапно своими обитателями.

Испанія. Послѣдней страной на средиземно-морскомъ пути бронзовой культуры былъ Пиренейскій полуостровъ, нынѣшнія Испанія и Португалія. И здѣсь существованіе бронзоваго вѣка также доказано, главнымъ образомъ, раскопками братьевъ Сирэ [258]). На широкой полосѣ восточнаго побережья между Альмеріей и Картагеной братья Сирэ нашли рядъ сельбищъ, изъ которыхъ 15 они относятъ къ неолитической эпохѣ, 7 къ переходной мѣдной и остальныя 6 къ бронзовой. Въ Испаніи восточное вліяніе замѣчается

Рис. 196. Погребеніе въ большомъ сосудѣ въ Испаніи (по Сирэ).

сильно и въ искусствѣ, и въ металлической индустріи. Здѣсь, какъ мы уже упоминали выше, было основано много финикійскихъ колоній, и мы едва ли ошибемся, если отнесемъ разные признаки прогресса въ строительномъ искусствѣ насчетъ вліянія этихъ колоній, такимъ же образомъ, какъ это было

сдѣлано нами относительно каменныхъ построекъ въ Сардиніи и въ Сициліи. Въ средней и сѣверной Европѣ мы не знаемъ даже слѣдовъ каменныхъ построекъ этой эпохи, тогда какъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ Греціи, въ Италіи, на островахъ, въ Карѳагенѣ и т. д. постройки изъ камня съ известью въ это время начинаютъ уже преобладать. Въ Испаніи постройки, причисляемыя братьями Сирэ къ бронзовому вѣку, были также сложены изъ камня, и цѣлыя деревни были обнесены въ эту эпоху каменными стѣнами. Въ жилищахъ было найдено множество разныхъ предметовъ, главнымъ образомъ орудій и оружія изъ мѣди и бронзы, а также много керамическихъ издѣлій.

Къ той же эпохѣ относятся и около 1.300 найденныхъ Сирэ гробницъ со скелетами; изъ нихъ до 150 заключали въ себѣ скелеты, зарытые просто въ землю, столько же—положенные въ каменныя камеры, всѣ же остальныя, т. е. гораздо бо́льшая часть, представляютъ собою новый способъ погребенія: покойники были помѣщены въ очень большіе сосуды съ сферическимъ дномъ и въ такомъ видѣ зарыты въ землю (рис. 196). Этотъ особенный видъ погребенія составляетъ новое доказательство того сильнаго вліянія, какому подвергалась испанская культура бронзоваго вѣка со стороны финикіянъ *). Съ этимъ погребальнымъ типомъ мы встрѣчаемся какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ въ пуническихъ гробницахъ, открытыхъ въ окрестностяхъ древняго Карѳагена, гдѣ этотъ способъ хоронить умершихъ удержался, несмотря на всѣ превратности судебъ, даже до христіанской эпохи (могильникъ въ Сфаксѣ). Въ каждомъ сосудѣ бываетъ одинъ или два скелета въ скорченномъ положеніи, обыкновенно мужской и женскій, и большое количество мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ, принесенныхъ въ даръ покойникамъ: у мужчинъ топоръ и кинжалъ (изрѣдка мечъ), у женщинъ—ножъ и шило. Очень многочисленны ожерелья изъ металлическихъ, каменныхъ и т. п. бусъ, браслеты и серьги. Иногда попадается и серебро, желѣзо же вполнѣ отсутствуетъ.

Многіе изъ предметовъ, положенныхъ съ покойниками, носятъ на себѣ отпечатокъ восточнаго происхожденія, напр. мечи и кинжалы съ ровнымъ остріемъ, съ которыми мы уже встрѣчались въ Микенахъ и въ Сициліи. Подобный мечъ и два своеобразные типа кинжаловъ изображены на рис. 197. Керамика тоже очень своеобразна, особенно одна группа сосудовъ наподобіе широкихъ чашъ, иногда довольно большихъ размѣровъ (рис. 197).

Кромѣ гробницъ съ костями въ Испаніи встрѣчаются также и остатки трупосожженія, въ погребальныхъ урнахъ. Наибольшее количество этого рода гробницъ находится въ Гренадѣ и въ Альмеріи.

---

*) Въ Алжирѣ, напр. возлѣ Бискры и Шераги, также былъ найденъ могильникъ съ костяками въ большихъ сосудахъ. Нѣкоторые дикари, какъ напр. короады, тицуны, юмы — въ Бразиліи и до сихъ поръ погребаютъ такъ своихъ мертвыхъ.

Испаніей мы заканчиваемъ рядъ европейскихъ странъ, въ которыя бронзовая культура проникла, по нашему мнѣнію, прежде всего по Средиземному морю,—тѣмъ путемъ, который мы можемъ назвать средиземноморскимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Греція, южная Италія съ Сициліей и Сардинія, представляютъ несомнѣнные слѣды явственнаго восточнаго вліянія.

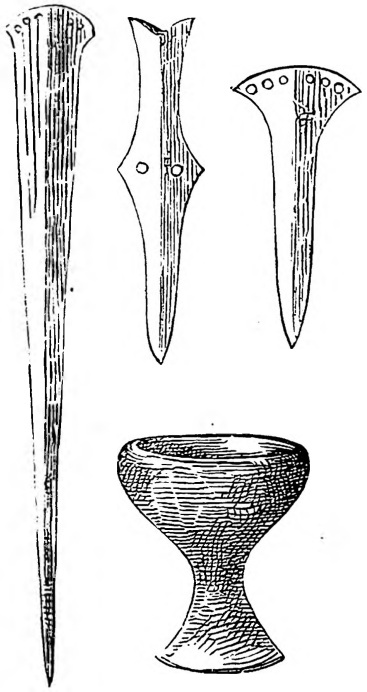


Рис. 197. Бронзовый мечъ, кинжалы и сосудъ изъ Испаніи (съ оригиналовъ Британскаго музея).

Но вскорѣ новая культура проникла и въ страны болѣе отдаленныя отъ береговъ Средиземнаго моря, и проникла опять-таки съ Востока, но уже другимъ путемъ, менѣе намъ извѣстнымъ, вѣроятнѣе всего черезъ Черное море. Она принесла съ собою основы бронзовой индустріи въ Венгрію, въ сѣверную Италію, на Балканы, затѣмъ на Сѣверъ и далеко на Западъ Европы. Изъ странъ, которыя обязаны происхожденіемъ своей бронзовой культуры вполнѣ или преимущественно этому новому, не средиземноморскому пути, на первомъ мѣстѣ стоитъ нынѣшняя Венгрія и части сѣверной Европы: Данія и югъ Скандинавіи.

Венгрія. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся знатоковъ бронзовой культуры въ Европѣ, датскій археологъ Софусъ Мюллеръ предложилъ теорію, по которой бронзовая культура въ Венгріи [259]) является только этапомъ культуры, проникавшей съ Востока черезъ Грецію и черезъ Балканы на сѣверъ, другими словами, что венгерская бронзовая культура ведетъ свое начало отъ греческой и очень близка къ скандинавской. Въ противоположность этому, раньше еще, Ворсо, а въ послѣднее время, на основаніи собственныхъ изслѣдованій, Сомбати (I. Szombaty)—смотрятъ совершенно иначе на происхожденіе венгерской бронзовой культуры; ихъ взглядъ поддерживается и д-ромъ Гернесомъ. Венгрія была богата мѣдью, и когда появилась бронза, во всей Европѣ не было вѣроятно мѣста болѣе благопріятнаго для развитія бронзовой индустріи, чѣмъ эта страна. Конечно, бронзовая культура не могла явиться здѣсь сразу въ той степени совершенства, въ какой мы видимъ ее въ витринахъ пештскаго музея; она началась, несомнѣнно, съ болѣе простыхъ формъ, изъ которыхъ только впослѣдствіи развились оригинальные типы, представляющіе совершенно мѣстный характеръ. Большой заслугой Сомбати было то, что онъ первый доказалъ находками существованіе двухъ періодовъ бронзоваго вѣка въ Венгріи: болѣе древняго, небогатаго, характеризуемаго плос-

кими топориками, треугольными клинками кинжаловъ безъ рукояти, двусторонними бритвами, и позднѣйшаго—когда прежніе типы развились въ роскошные топоры со втулкой, появились мечи, фибулы и т. п. Этотъ позднѣйшій періодъ впрочемъ уже совпадалъ съ началомъ желѣзнаго вѣка въ сосѣднихъ юго-западныхъ странахъ, съ такъ назыв. галльштаттскимъ періодомъ. Этому хронологическому дѣленію соотвѣтствуетъ до извѣстной степени и географическое распредѣленіе находокъ. Дунай раздѣляетъ Венгрію на двѣ большія части, изъ которыхъ западная бѣдна находками, а сѣверо-восточная напротивъ,—очень богата. Гернесъ сближаетъ это съ хронологическимъ дѣленіемъ Сомбати, полагая, что въ западную часть Венгріи желѣзная культура успѣла проникнуть раньше, а поэтому бронза и не успѣла дойти тамъ до своего полнаго расцвѣта, до котораго она дошла въ сѣверо-восточной Венгріи.

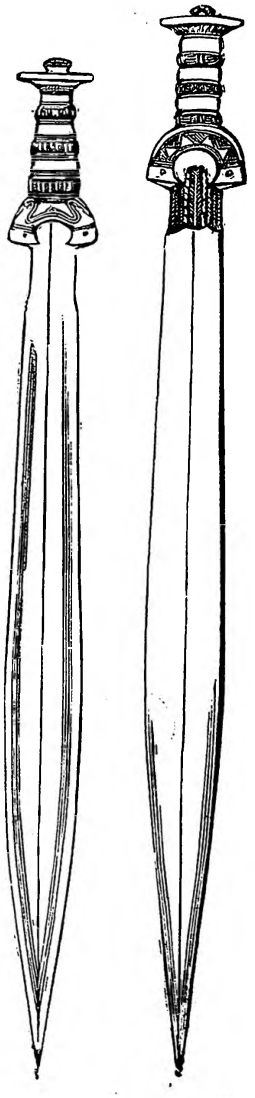


Рис. 198. Бронзовые мечи изъ клада, найденнаго въ въ Вельке (комит. Spis) въ Венгріи.

Типы бронзовыхъ издѣлій, съ которыми мы встрѣчаемся въ венгерскихъ находкахъ очень своеобразны. Здѣсь выработался особенный видъ мечей съ рукояткой, заканчивающейся полукруглымъ вырѣзомъ (рис. 198), кинжаловъ подобной же формы, большое количество топоровъ со втулками, простыхъ и искусно отдѣланныхъ, наконецъ, топоровъ-молотовъ съ насадкой для топорища и шляпкой по другую сторону лезвея (рис. 199). Топоры эти иногда такъ тонки и изящны, что едва ли могли служить настоящимъ оружіемъ или орудіемъ, а вѣроятно употреблялись только какъ украшеніе или какъ отличительный знакъ воина, подобно тому, какъ и до сихъ поръ въ Венгріи носятъ на палкахъ «фокоши», у словаковъ такъ наз. «валишки», а у гуцуловъ «келепи» или «топорці». Подобные топоры кромѣ Венгріи найдены были еще въ Буковинѣ, а затѣмъ въ Швеціи и въ Чехіи, какъ напр. въ кладѣ возлѣ Крштенова и Либоховицы (рис. 200), въ послѣднее время еще на Шибенякѣ и Тржиблицѣ и въ курганѣ на Уславѣ. Очень красивы венгерскіе браслеты и фибулы. Браслеты сдѣланы изъ мѣдныхъ прутовъ или пластинокъ, скрученныхъ спиралью (рис. 201), причемъ нерѣдко тонкіе концы этихъ пластинокъ бываютъ скручены въ отдѣльные конически сдвигающіеся завитки. Фибулы дѣлались

первоначально изъ проволоки и имѣли форму, представленную на рис. 202. Этотъ основной типъ развился впослѣдствіи въ разнообразныя формы посредствомъ искуснаго загиба согнутой части фибулы или же прибавкой разныхъ подвѣсокъ (рис. 203).

Происхожденіе этихъ венгерскихъ фибулъ не выяснено съ достовѣрностью. Въ своей основной формѣ онѣ сходны съ болѣе древними греческими и итальян-

Рис. 199. Орнаментированный топоръ-молотокъ изъ Puszta Sz. Király, Пештскаго комитата.

скими фибулами и возможно, что во всѣ эти страны форма эта проникла съ сѣвера Балканъ. Венгерскій типъ фибулъ попадается со всѣми своими осложненіями и въ странахъ сосѣднихъ съ Венгріей, въ Штиріи, Нижней Австріи,

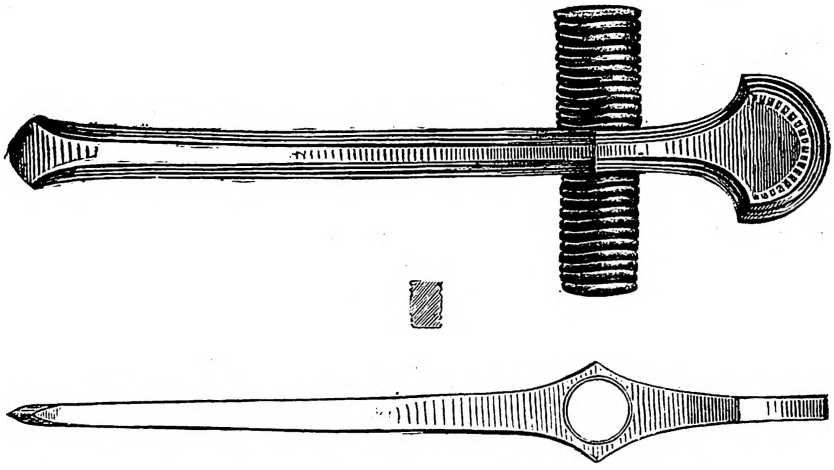


Рис. 200. Топоръ-молотъ венгерскаго типа, найденный возлѣ Либоховицъ въ Чехіи.

Чехіи, даже въ Силезіи и Познани, но только въ гробницахъ начала желѣзнаго вѣка (Maria-Rast, Stillfried, Hadersdorf, Zaborowo) и поэтому является болѣе позднимъ, чѣмъ бронзовый вѣкъ средней Европы.

Изъ прочихъ предметовъ въ Венгріи очень многочисленны ножи, бритвы, наконечники копій со втулкой, подобные же наконечники стрѣлъ, разныя

спиральныя украшенія (спирали изъ проволоки здѣсь вообще очень многочисленны), массивные съ тонкой рѣзьбой браслеты, булавки, покрытыя украшеніями подвѣски къ конской сбруѣ (рис. 204) и т. п.

Венгерскія находки бронзоваго вѣка заключаются главнымъ образомъ въ

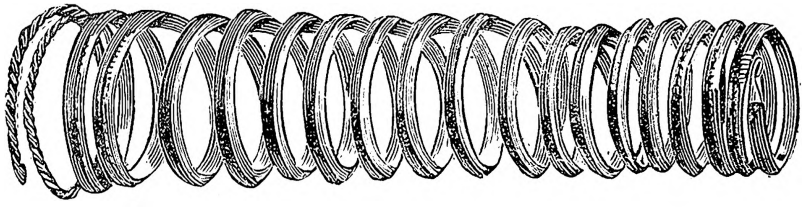


Рис. 201. Браслетъ.

кладахъ, состоявшихъ или изъ прекрасныхъ готовыхъ издѣлій или изъ слитковъ бронзы и предметовъ недодѣланныхъ или старыхъ, поломанныхъ, назначавшихся вѣроятно для переливки. Клады перваго рода были найдены напр. въ Hajdu Böszörmény — съ бронзовой чашей галльштатдскаго типа и 20 мечами, въ Kurd'ѣ, съ 14 желобчатыми бронзовыми ведерками, въ Podhering'ѣ, Zsujtâ, Rimavska Sobota и т. д.; клады второго рода въ Domohida, Bodrog, Felsö-Dobsza и пр. Всего ихъ было найдено около 160-ти. Наибольшимъ складомъ изломанныхъ вещей оказалась находка въ Hammersdorf'ѣ въ Трансильваніи, заключавшая въ себѣ до 400 килогр. бронзовыхъ фрагментовъ.

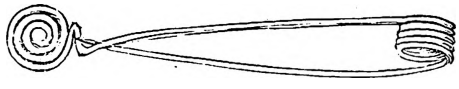


Рис. 202. Фибула.

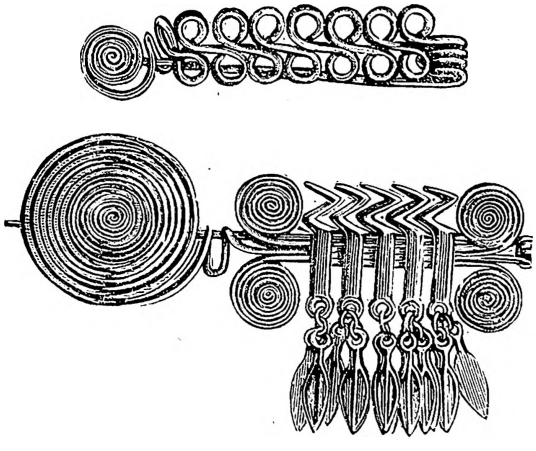


Рис. 203. Фибулы.

На ряду съ этимъ множествомъ кладовъ почти стушевываются другія венгерскія мѣстонахожденія (пещера, въ которой обитали люди бронзоваго вѣка, была найдена въ Банлакѣ бигарской жупы) и могильники этой эпохи.

Мѣста погребенія, которыя могутъ быть отнесены къ этой эпохѣ, за немногими исключеніями, какъ напр. въ Sümegh'ѣ, заключаютъ въ

себѣ остатки трупосожженія и состоятъ изъ могилъ, въ которыхъ содержащія пепелъ урны зарыты просто въ землю, т. е. принадлежатъ къ типу такъ называемыхъ Urnenfeld (поля урнъ), о которыхъ подробнѣе мы будемъ говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи. Проф. Гампель относитъ ихъ къ числу находокъ бронзоваго вѣка, такъ какъ въ погребальныхъ урнахъ найдена была бронза. Но этого рода предметовъ, положенныхъ вмѣстѣ съ костями покойниковъ, встрѣчается такъ немного, что мы не можемъ сдѣлать никакого рѣшительнаго заключенія о томъ, какіе изъ нихъ принадлежатъ бронзовому вѣку и какіе болѣе поздней эпохѣ. Къ бронзовому вѣку относятся вѣроятно могильники въ Lapujtö (новоградскаго комитата) съ гробницами, состоящими изъ каменныхъ плитъ, могилъ возлѣ Mohi, Ондрашовецъ, Великой Леготы и Нитры (въ комитатѣ Нитры), Tisza-Szöllös (боршодскаго ком.), часть пилинскаго могильника (въ новоградск. ком.), открытаго въ 1867 года барономъ Nyagy и проч. Въ пилинскомъ могильникѣ найдено было множество мечей, кинжаловъ, топоровъ со втулкой, серповъ, ножей, но все это въ миніатюрѣ; вѣроятно это были обрядовыя приношенія, изготовлявшіяся спеціально для умершихъ.

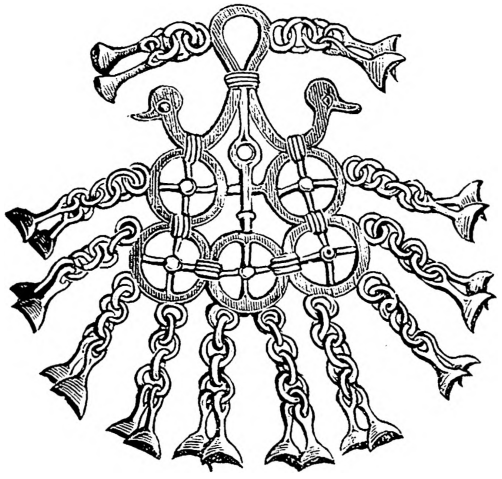


Рис. 204. Украшеніе конской сбруи.

Зато очень важное значеніе имѣютъ венгерскія сорныя кучи или террамары. Мы уже выше упоминали о томъ, что нѣкоторые выдающіеся изслѣдователи сближаютъ итальянскія террамары съ венгерскими и даже полагаютъ, что оба эти вида памятниковъ принадлежатъ одному и тому-же народу, перешедшему изъ Венгріи въ Италію. Если-бы это оказалось справедливымъ, то венгерскія террамары представляли-бы намъ нѣсколько болѣе раннюю ступень культуры, которая въ дѣйствительности и свойственна всему началу бронзоваго вѣка въ Венгріи. Пульскій (Pulzsky) сближаетъ ее еще съ каменнымъ вѣкомъ. Венгерскія террамары расположены въ видѣ многочисленныхъ пригорковъ по берегамъ рѣкъ, протекающихъ по альфёльдской низменности. Образовались онѣ такимъ-же образомъ, какъ и итальянскія террамары. Обитатели свайныхъ поселеній сбрасывали свои кухонные отбросы подъ свои хижины и вокругъ нихъ, и такимъ образомъ мало-по-малу накоплялись кучи отбросовъ и содержащихъ пепелъ слоевъ, достигающихъ иногда, какъ напр. на пустынной tószög'ской равнинѣ, до 10 метровъ въ діаметрѣ и до 8 метр.

вышины. Люди, набросавшіе эти кучи, были охотниками и рыболовами. Орудія и керамика во всѣхъ слояхъ одинаковы. Очень интересны глиняныя фигурки домашнихъ животныхъ, представляющія особенность стоянокъ по среднему теченію Дуная. Каменные наконечники стрѣлъ приготовлялись въ большомъ количествѣ изъ обсидіана, добывавшагося въ токайскомъ округѣ. Наибольшей извѣстностью изъ этихъ сорныхъ холмовъ пользуется Kuczorò возлѣ Tòszög'a, затѣмъ пригорки возлѣ Tisza-Földvár, Szebéreny, Aldozò-Halom возлѣNagy-Rév, Kerek-Tetök возлѣ Tisza-Ugh, Asott-Halom возлѣ Tisza-Füred, Szihalom въ боршодской жупѣ и мног. друг. Венгерскія террамары во всякомъ случаѣ еще не достаточно изслѣдованы, а потому и отношеніе ихъ къ прочимъ мѣстонахожденіямъ еще недостаточно опредѣлено. Впервые о нихъ поднятъ вопросъ на пештскомъ археологическомъ съѣздѣ, а затѣмъ онѣ наиболѣе были изслѣдованы Ундсетомъ [260]).

Рис. 205. Типическій сосудъ изъ венгерской террамары (Lapos-Halom) въ Tòszog'ѣ.

Бронзовый вѣкъ въ Венгріи во многихъ отношеніяхъ представляется еще загадкой и предметомъ ученыхъ споровъ. Мы упоминали уже о томъ, что Софусъ Мюллеръ считаетъ его продолженіемъ греческой бронзовой культуры и такимъ образомъ относитъ еще къ средиземноморскому теченію. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бронзовая культура Венгріи подвергалась извѣстнымъ вліяніямъ съ юга, но несомнѣнно также и то, что въ большей степени и даже преимущественно Венгрія обязана своей бронзовой культурой восточному дунайскому пути, теченію черноморскому, которое изъ внутренней Азіи, берегомъ Каспійскаго моря, перешло въ Закавказье, а оттуда или прямо по Черному морю къ берегамъ Болгаріи и къ устьямъ Дуная, или же черезъ кавказскую горную цѣпь и вдоль береговъ Кавказа въ южную Россію. Принявъ здѣсь въ себя элементъ третьяго уральскаго теченія, оно, вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, направилось къ западу и вышло на большую дорогу Дуная. По этой рѣкѣ бронзовая культура подвигалась быстро впередъ; Дунай уже съ незапамятныхъ временъ былъ главнымъ путемъ, по которому шли съ востока въ среднюю Европу и мирная торговля и бурныя военныя вторженія. Разумѣется, недостаетъ еще очень многаго для того, чтобы указать съ полной достовѣрностью распространеніе этого вліянія по средней Европѣ, но мы убѣждены въ томъ, что будетъ найдено достаточно археологическихъ доказательствъ существованія этого культурнаго теченія.

Самъ С. Мюллеръ, какъ было уже сказано на стр. 216, нашелъ явственныя черты сходства между венгерскими бронзовыми древностями и сибирскими, изъ чего пришелъ даже къ заключенію о средне-азіатскомъ происхожденіи бронзовой культуры. Съ другой стороны и Фр. Пульскій, связывающій

бронзовый вѣкъ въ Венгріи съ приходомъ туда новаго населенія, также полагаетъ, что это новое населеніе пришло откуда-то изъ Ирана, съ Парапомиза, вдоль береговъ Чернаго моря.

Вотъ откуда по нашему мнѣнію и появились главныя основы бронзовой культуры въ Венгріи. Мы не утверждаемъ, что бронзовая культура пришла въ Венгрію исключительно только черноморскимъ путемъ, но полагаемъ, что этотъ путь много способствовалъ ей, что путь этотъ, во всякомъ случаѣ, здѣсь существовалъ. Расцвѣту бронзовой культуры въ Венгріи много содѣйствовали также и вліянія съ другихъ сторонъ, съ Сѣвера, съ Балканъ, изъ Италіи. Фибулы и затѣмъ желобчатыя кисты и ситулы служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что во время существованія въ Италіи желѣзнаго вѣка, оттуда начало распространяться вліяніе его и на Венгрію. Болѣе древнія вліянія усматриваютъ Ундсетъ и Сомбати, напр. въ перенесеніи формы мечей изъ Греціи.

Другою областью, гдѣ бронзовая культура достигла необычайнаго расцвѣта, былъ Сѣверъ Европы, главнымъ образомъ Данія со своими островами и Скандинавія [261]). Но было-бы ошибочнымъ предполагать, что здѣсь она явилась самостоятельнымъ центромъ или результатомъ собственнаго культурнаго движенія. Оставляя въ сторонѣ своеобразныя мѣстныя формы, въ которыхъ является намъ скандинавская бронзовая культура и присматриваясь къ болѣе древнимъ и простѣйшимъ типамъ ея издѣлій, мы видимъ, что развитію ея способствовали вліянія съ разныхъ сторонъ: изъ южной Германіи, Швейцаріи, Италіи, Венгріи, съ Востока и Средней Азіи; нѣтъ даже недостатка въ издѣліяхъ чисто восточныхъ. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь слѣды обоихъ теченій бронзовой культуры, и кромѣ того, безъ всякаго сомнѣнія, еще и вліяніе третьяго прямаго теченія, шедшаго изъ Сибири и вообще Средней Азіи черезъ Россію на западъ. Южныя вліянія доказаны были Ворсо, Соф. Мюллеромъ, Ундсетомъ и Монтеліусомъ. Наиболѣе древнія скандинавскія фибулы имѣли свое начало на югѣ Европы; мечи съ бронзовой рукояткой сдѣланы по венгерскимъ или южно-германскимъ образцамъ, швейцарскія формы встрѣчаются очень часто въ кладахъ, покрытые орнаментомъ топоры, спиральные браслеты—венгерскаго происхожденія. Съ юга были принесены затѣмъ нѣкоторые виды щитовъ и бронзовыхъ сосудовъ (главнымъ образомъ котелковъ съ двумя подвижными ручками) истадская (Ystad) бронзовая повозочка, одинъ видъ крышекъ, ножи съ однимъ остріемъ и т. п., какъ это все указано Соф. Мюллеромъ въ его сочиненіи о скандинавской бронзовой культурѣ. Съ этрусками, впрочемъ, какъ это думали доказать Гостманнъ и Линденшмитъ, сѣверная бронзовая культура не имѣла ничего общаго. Но съ западомъ (Британіей) было достаточно соприкосновеній, хотя, по мнѣнію С. Мюллера, оттуда и не были заимствованы образцы бронзовыхъ

издѣлій. Здѣсь вліянія были скорѣе обратными. Дѣло въ томъ, что у обитателей скандинавскихъ странъ уже въ бронзовомъ вѣкѣ было развито мореходство, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя изображенія лодокъ съ гребцами, вырѣзанныя на бронзовыхъ орудіяхъ и на скалахъ въ Богусленѣ (Bohuslän), и они на такихъ лодкахъ, подобно тому, какъ и въ позднѣйшія времена, разъѣзжали по Сѣверному и Балтійскому морямъ и поддерживали сношенія съ Британіей. Возможно также, что въ эпоху расцвѣта бронзовой бультуры скандинавы и сами заботились о доставкѣ матеріаловъ—мѣди и олова—изъ Корнуэльса.

Наиболѣе сильнымъ вліяніемъ было однако южное. Сношенія съ югомъ продолжались въ теченіе долгаго времени. Необходимо замѣтить, что эпоха бронзы была на сѣверѣ еще въ полномъ расцвѣтѣ, когда остальная Европа перешла уже въ желѣзный вѣкъ. До сихъ поръ невозможно еще вполнѣ объяснить, почему желѣзо не проникало такъ долго на сѣверъ, не смотря на то, что съ юга доходили туда многіе элементы начала желѣзнаго вѣка, какъ напр. многочисленные предметы галльштаттской эпохи (бронзовые котелки и кисты, бронзовые пояса съ тонкой орнаментаціей, стилизованныя фигурки птицъ и рогатыхъ животныхъ, мечи, полыя внутри гривны и т. д.). Ундсетъ полагаетъ, что восточно-скандинавская бронзовая культура является продуктомъ желѣзной галльштаттской культуры,—явленіе, подобное тому, какое мы видѣли уже въ Венгріи. Южныя вліянія не были переносимы на сѣверъ новыми переселявшимися народами, но передавались торговыми сношеніями по великимъ воднымъ путямъ—Рейну, Эльбѣ, Одеру и Вислѣ *).

По нашему мнѣнію, сношенія юга съ сѣверомъ, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, съ неолитической эпохи, поддерживались главнымъ образомъ торговлей янтаремъ, которая, судя по всѣмъ признакамъ, достигла своего наибольшаго расцвѣта именно въ теченіе бронзоваго вѣка [262]). Янтарныя подвѣски или украшенія, въ неолитическую эпоху бывшія, кромѣ самыхъ мѣстонахожденій янтаря, очень рѣдкими (напр. во Франціи), въ бронзовомъ вѣкѣ становятся очень многочисленными, и мы можемъ сказать смѣло, что они распространялись по Европѣ наравнѣ съ бронзовыми издѣліями **). Янтарь и бронза шли по свѣту, такъ сказать, рука объ руку.

Янтарь—это отвердѣвшая смола ископаемыхъ хвойныхъ деревьевъ. Она встрѣчается въ видѣ безформенныхъ кусковъ чаще всего въ нижнихъ (оли-

*) Тѣмъ не менѣе нѣкоторые, какъ напр. Соф. Мюллеръ, опираясь на измѣненіе погребальнаго ритуала, сопровождающее проникновеніе бронзовой культуры на сѣверъ, допускаютъ, что по крайней мѣрѣ въ извѣстной части (восточной) Скандинавіи она появилась вмѣстѣ съ новымъ населеніемъ.

**) Очень интересно прослѣдить, какъ Монтеліусъ въ скандинавскихъ гробницахъ, а Ольсгаузенъ въ амрумскихъ, находили постоянно меньшее количество янтарныхъ украшеній, чѣмъ было ихъ въ позднѣйшихъ гробницахъ. Зато увели-

гоценовыхъ) третичныхъ пластахъ, прозрачна, съ жирнымъ блескомъ и красиваго желтаго цвѣта. Въ Европѣ янтарь находили уже въ древности во многихъ мѣстахъ, въ Италіи, Сициліи, Испаніи (онъ встрѣчается также во многихъ мѣстностяхъ Австріи и въ Румыніи) *), но главнымъ образомъ на плоскихъ песчаныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Отсюда ведутъ свое происхожденіе почти всѣ янтарныя украшенія, находимыя въ Европѣ при раскопкахъ. Итальянскія мѣстонахожденія остались почти вовсе не тронутыми торговлей; янтарь, добывавшійся въ нихъ, не пользовался, повидимому, распространеніемъ. Гельмъ [263]) доказалъ, что по своему химическому составу итальянскій янтарь (симетитъ) отличается отъ сѣвернаго (сукцинита), главнымъ образомъ процентнымъ содержаніемъ янтарной кислоты (отъ 4 до 7%), которой вовсе нѣтъ въ янтарѣ изъ Аппенинъ, находимомъ въ Scanella въ долинѣ Ситты и Силлара. Впрочемъ археологическія находки этой страны еще очень мало изслѣдованы, но въ сдѣланныхъ до сихъ поръ раскопкахъ встрѣчался вездѣ янтарь сѣвернаго происхожденія. Такимъ образомъ, и янтарные предметы микенскихъ находокъ и позднѣйшихъ болонскихъ, по изслѣдованіямъ Гельма—балтійскаго происхожденія, а не аппенинскаго и не сицилійскаго, и служатъ для насъ однимъ изъ наилучшихъ доказательствъ древней торговли янтаремъ. Даже и тотъ янтарь, который былъ найденъ въ египетскихъ гробницахъ V-й династіи, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, признается за янтарь сѣверный.

Торговля янтаремъ достигла своего расцвѣта въ бронзовомъ вѣкѣ и процвѣтала еще въ началѣ желѣзнаго. Она не прекращалась также и въ римскую эпоху и даже позже. Наиболѣе древнее письменное извѣстіе о торговлѣ сѣвернымъ янтаремъ было открыто Оппертомъ въ клинообразной надписи на ассирійскомъ обелискѣ, хранящемся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Болѣе позднее свидѣтельство представляетъ собою упоминаніе Плинія по извѣстію Питея. Германскія племена, говоритъ онъ, живущія на сѣверномъ побережьѣ, собирали янтарь на берегу моря и продавали его другимъ германскимъ племенамъ, а тѣ доставляли его главнымъ образомъ въ Паннонію, откуда уже венеты переносили его на югъ, къ Адріатическому морю. Побережье, гдѣ добывался янтарь, находилось, по словамъ Плинія, въ 600.000 шагахъ отъ города Карнунта, и еще во времена Плинія жилъ одинъ римскій патрицій, который былъ сосланъ Нерономъ на янтарные берега, и привезъ

чивалось въ Амрумѣ количество бронзы и золота, особенно небольшихъ золотыхъ свертковъ, что очень хорошо объясняется возрастаніемъ вывоза янтаря на югъ и обмѣномъ его на южно-европейскія золото и бронзу.

*) Въ Россіи, кромѣ Курляндіи, янтарь довольно впрочемъ плохого качества и въ небольшомъ сравнительно количествѣ встрѣчается въ пескахъ по среднему теченію Днѣпра. *Прим. переводч.*

оттуда въ Римъ кусокъ янтаря, вѣсившій 13 фунтовъ. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, что торговля янтаремъ продолжалась еще въ эпоху цезарей, служитъ складъ мастерской янтарныхъ подвѣсокъ, открытый въ 1886 г. въ торфяникѣ въ Бельгардѣ, въ Помераніи. Онъ состоялъ изъ 800 янтарныхъ подвѣсокъ и кусковъ необдѣланнаго янтаря, а также заключалъ въ себѣ множество бусъ изъ глины, стекла и эмали, бронзовые предметы и двѣ римскія монеты Веспасіана и Фаустины. О томъ, что балтійскія мѣстонахожденія янтаря разрабатывались еще въ V столѣтіи нашей эры, мы имѣемъ свидѣтельство Кассіодора, по словамъ котораго балтійское племя эстіевъ послало королю остготовъ Теодориху дары, состоявшіе изъ янтаря. Наконецъ, еще въ средніе вѣка, въ эпоху процвѣтанія арабской торговли, янтарь по прежнему вывозился оттуда.

Эта торговля не производилась, какъ думали прежде, только морскимъ путемъ, ея нельзя приписывать финикіянамъ, которые будто-бы перевозили янтарь съ береговъ Даніи черезъ Ламаншъ и Гибралтарскій проливъ въ восточныя страны Средиземнаго моря. Возможно, конечно, что часть этой торговли и шла этимъ путемъ, но большая часть ея все-таки производилась сухимъ путемъ, а именно или по Рейну до Галліи, и по Ронѣ до Массиліи, или вдоль Эльбы, Одера, черезъ Баварію, Чехію или Моравію, къ Дунаю, къ Карнунту и оттуда или нѣсколькими путями къ Адріатическому морю или по Дунаю—къ Черному.

На балтійско-адріатическомъ пути настаивалъ особенно Гельбигъ, но уже работами Генте (Genthe) и затѣмъ дебатами, веденными на съѣздѣ въ Стокгольмѣ 1874 г., было доказано, что надо искать еще одного торговаго пути далѣе къ Востоку. Находки греческихъ монетъ служатъ наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ существованія этихъ дорогъ, по которымъ навѣрно еще финикіяне перевозили запасы янтаря и бронзы. Такимъ образомъ, Генте, слѣдя за находками монетъ, прослѣдилъ одинъ путь, шедшій отъ восточнаго берега Балтійскаго моря, черезъ Познань, Силезію, Моравію, Венгрію и Сербію до Македоніи. Южнымъ исходнымъ пунктомъ была вѣроятно Халкида и островъ Тазосъ. Съ этого острова происходитъ самая большая часть найденныхъ на этомъ пути монетъ, главнымъ образомъ тетрадрахмъ съ головой Вакха и съ изображеніемъ Геракла.

Другою болѣе восточною дорогой, о которой часто забываютъ, но которая была также очень важною и много служившею для торговли, былъ путь, выходившій отъ устьевъ Днѣпра (или Днѣстра) и шедшій вдоль его теченія на сѣверъ, гдѣ онъ уклонялся къ р. Сяну, притоку Вислы и оттуда далѣе по Вислѣ спускался къ Балтійскому морю. Недалеко отъ Шубина были найдены греческія весьма древнія монеты. Еще одна дорога отдѣлялась отъ верхняго теченія Днѣпра къ Нѣману.

Эти двѣ послѣднія дороги соединяли главнымъ образомъ Сѣверъ съ Востокомъ, и ими пользовались, можетъ быть, еще финикіяне. Поэтому не удивительно, что вмѣстѣ съ позднѣйшими слѣдами греческаго вліянія мы встрѣчаемся на сѣверѣ и со слѣдами болѣе древняго, непосредственно восточнаго вліянія; ножъ, найденный въ Даніи, о которомъ мы упоминали уже (рис. 144), затѣмъ стекляныя бусы, раковины «каури» и цѣлый рядъ разныхъ признаковъ [264]) служатъ этому доказательствомъ.

Посредствомъ этихъ-то торговыхъ путей, полагаемъ мы, и проникла бронзовая культура на сѣверъ, въ Данію и Скандинавію, и тамъ достигла небывалой высоты самостоятельнаго процвѣтанія. Появленіе ея произошло, по мнѣнію Монтеліуса, почти въ половинѣ II-го тысячелѣтія до нашей эры, а процвѣтаніе ея продолжалось около 800 лѣтъ, еще въ тѣ времена, когда южная и средняя Европа находилась уже въ желѣзномъ вѣкѣ. По мнѣнію Софуса Мюллера, она появилась нѣсколько позже, а именно между 1000 и 500 годами до нашей эры.

О. Монтеліусъ, въ своемъ большомъ сочиненіи «Antiquités suédoises», раздѣляетъ бронзовую эпоху Скандинавіи на 6 подъ-эпохъ [265]), но по нашему мнѣнію достаточно удовлетворительно и болѣе простое раздѣленіе, предложенное имъ позже въ своей болѣе сжатой книгѣ «Om litvet i Sverige under hednatiden etc». По этому раздѣленію, предлагавшемуся и раньше другими сѣверными учеными, какъ напр. Ворсо (на съѣздѣ въ Стокгольмѣ въ 1874 г.) и Гильдебрантомъ, принимаются двѣ эпохи бронзоваго вѣка. Первая изъ нихъ, болѣе древняя, характеризуется прежде всего погребальнымъ обрядомъ: мертвыхъ въ это время хоронили въ землѣ, какъ и въ каменномъ вѣкѣ; бронзовые предметы, находимые возлѣ скелетовъ, украшены по большей части тонкой рѣзной работой, орнаментомъ въ видѣ тонкихъ спиральныхъ или зигзаго-ломанныхъ линій. Въ теченіе второй, болѣе поздней эпохи бронзоваго вѣка, преобладаетъ новый погребальный обрядъ, трупосожженіе, при чемъ пепелъ собирали въ урны и помѣщали въ гробницахъ. На бронзовыхъ предметахъ замѣчается уже другой орнаментъ, другой пошибъ. Вырѣзанная спираль исчезаетъ, но за то концы украшеній бываютъ закручены въ массивные завитки, какъ напр. у фибулъ (рис. 208), бритвъ (рис. 206) и браслетовъ.

О томъ, что первая эпоха бронзоваго вѣка предшествовала второй и что въ теченіе первой эпохи мертвыхъ зарывали въ землю, а во второй сожигали—свидѣтельствуютъ прямо нѣкоторыя находки въ могилахъ, въ которыхъ на днѣ помѣщается древнѣйшая гробница со скелетомъ, а надъ нею выше—позднѣйшее погребеніе, въ видѣ остатковъ трупосожженія (какъ напр. возлѣ Dömmerstorp'a на остр. Аландѣ).

Гробницы представляютъ собой по большей части курганы, насыпанные изъ песку, глины и камня надъ каменными камерами или надъ простыми ямами,

выкопанными въ землѣ. Внутри ихъ помѣщаются или скелеты или сожженныя кости въ сосудѣ или безъ сосуда. Погребальныя урны часто бываютъ прикрыты мискообразной покрышкой и представляютъ собой сосуды грубой работы и безъ всякихъ украшеній. Мегалитическія гробницы, дольмены и т. п. въ эту эпоху уже вышли изъ употребленія.

Кромѣ гробницъ очень важны также и клады, какъ предметовъ годныхъ къ употребленію, такъ и поломанныхъ. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и

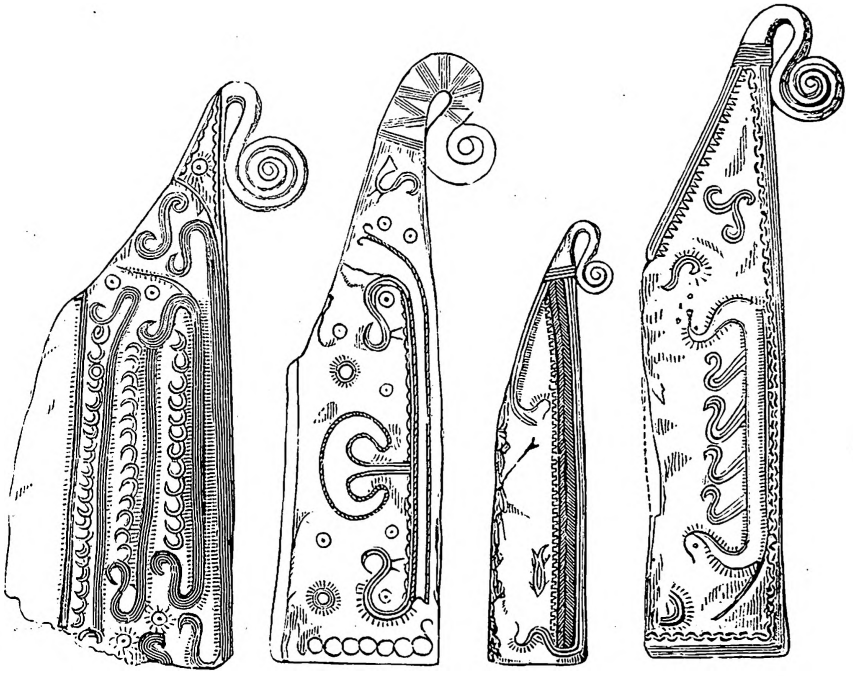


Рис. 206. Орнаментированныя бронзовыя бритвы изъ Даніи.

здѣсь клады эти имѣютъ различное значеніе. Одни изъ нихъ представляютъ собою склады торговцевъ и литейщиковъ (найдены были напр. въ Smörumövr'ѣ, Laaland-Falster'ѣ, Store Waldby, возлѣ Norre-Hylling'a и въ др. мѣстахъ); другіе, меньшіе, съ предметами болѣе разнообразными, но болѣе дорогими, показываютъ очевидно, что они представляли собой запасы отдѣльныхъ лицъ. Послѣдніе (depôts) подали поводъ ко многимъ различнымъ толкованіямъ (ср. стр. 235—236). Соф. Мюллеръ полагаетъ, что это запасы вещей, предназначавшіеся владѣльцами ихъ для самихъ себя, для пользованія ими на томъ свѣтѣ и закопанныя съ этой цѣлью ими самими. Но возможно, что это просто склады имущества, скрытые въ виду приближенія непріятеля и т. п.

Склады поломанныхъ вещей найдены были въ Bräcke (Dalsland), въ Alsed'ѣ (Vestergötaland), въ Fredshög'ѣ, Odarslöf'ѣ (Сканія), Rygaard'ѣ, Oes-

lös'ѣ и т. д. Бронзовыя издѣлія изъ складовъ и изъ могилъ сдѣланы обыкновенно весьма искусно. Тонкость стѣнокъ сосудовъ или литыхъ, полыхъ внутри топоровъ (со втулкой) поражаетъ часто своимъ совершенствомъ. Встрѣчаются также орудія и оружіе, выложенныя янтаремъ или другимъ смолистымъ веществомъ, а также листками золота. Наиболѣе впрочемъ преобладаютъ простая рѣзьба и выбитый орнаментъ.

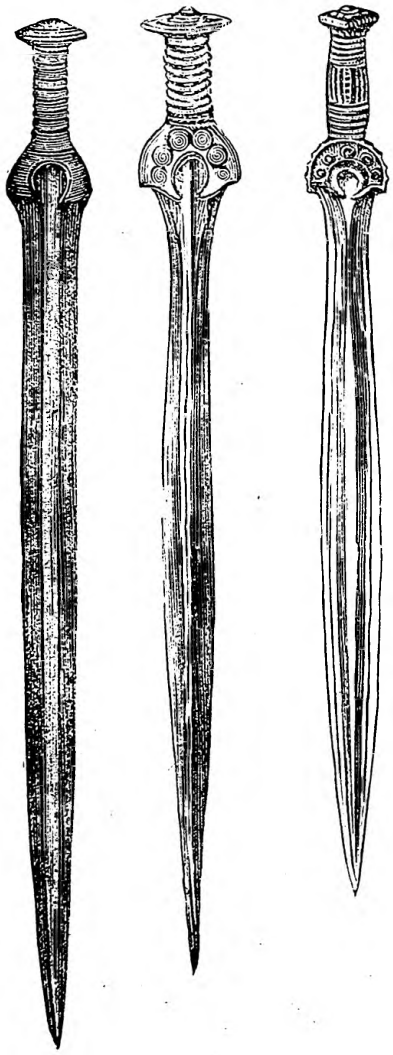


Рис. 207. Бронзовые мечи изъ Даніи.

Главнымъ оружіемъ былъ топоръ, плоскій и съ втулкой, всѣхъ типовъ, установленныхъ нами по Мортилье. Мечи и кинжалы отличаются богатой орнаментаціей, съ рукоятками, типы которыхъ изображены на рис. 207. Рѣже встрѣчается другой типъ, очевидно занесенный изъ Швейцаріи. Найдены были также деревянныя ножны. О скандинавскихъ ножахъ, о бритвахъ съ художественной рѣзьбой, представляющей по большей части изображенія лодокъ съ гребцами, мы упоминали уже ранѣе (см. рис. 206). Но мы встрѣчаемся здѣсь и съ нѣкоторыми своеобразными частями вооруженія. Въ Даніи были найдены фрагменты бронзовыхъ шлемовъ, въ Швеціи и Даніи,—боевые рога. Щиты, судя по рисункамъ и находкамъ, употреблялись въ большомъ количествѣ. Ихъ выдѣлывали по большей части изъ дерева или нѣсколькихъ слоевъ кожи, которую сверху еще раскрашивали; рѣже дѣлали ихъ изъ бронзы. Прекрасный бронзовый щитъ былъ найденъ въ торфяникѣ въ Nackhälle возлѣ Варберга въ 1865 г.

Скандинавскія фибулы произошли скорѣе всего изъ извѣстныхъ уже намъ примитивныхъ южноевропейскихъ формъ. Онѣ обыкновенно состоятъ изъ двухъ частей. Украшенная выгнутая часть фибулы отдѣлена отъ иглы, а эта послѣдняя только на неё надѣта. Нѣкоторые типы имѣютъ опредѣленное мѣстное распространеніе. Одинъ изъ нихъ, встрѣчающійся между прочимъ и въ Чехіи (рис. 208), попадается только въ Сканіи и на о-вѣ Борнгольмѣ. Другой типъ, позднѣй-

шій, и по мнѣнію Соф. Мюллера происходящій изъ восточной Германіи (дол. Одера), изображенъ на стр. 234. Кромѣ фибулъ въ Скандинавіи очень многочисленны браслеты, діадемы, перстни, булавки, мѣдные обручи (гривны), гребни,

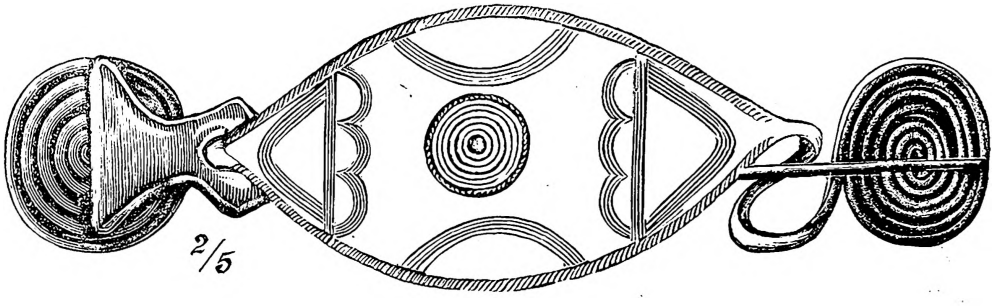


Рис. 208. Фибула сѣвернаго тока изъ Слатеницъ, въ Моравіи.

пуговки, удила и пр. Украшенія кромѣ бронзы бываютъ и золотыя, но за то серебро отсутствуетъ совершенно.

Счастливый случай доставилъ возможность еще ближе заглянуть въ бытовую обстановку обитателей Даніи бронзоваго вѣка. Благодаря ему, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія и объ ихъ одеждѣ, которая приготовлялась, кромѣ звѣриныхъ кожъ, и изъ шерсти, а изрѣдка и изъ льна, и сшивалась при помощи бронзовыхъ шилъ и иголъ. Нѣчто въ родѣ шерстяной шали было найдено въ 1869 г. въ могилѣ возлѣ Dömmerstorp'a (Аландъ), но еще ранѣе, въ 1861 г., въ Даніи, въ могилѣ «Treenhöi» въ Гавдрупѣ былъ найденъ гробъ, сдѣланный изъ двухъ половинъ выдолбленнаго дубоваго ствола *), и въ немъ муж-

Рис. 209. Шерстяныя шапки изъ кургана въ Гавдрупѣ (Ютландія).

*) Подобные гробы извѣстны уже съ неолитической эпохи въ Великобританіи (wooden coffin): въ Дорсетширѣ, Іоркширѣ и др. мѣстахъ. Позже они употреблялись еще чаще; примѣры этого мы находимъ въ бронзовомъ вѣкѣ въ Мекленбургѣ—въ Руховѣ, въ Россіи въ курганахъ въ Смѣлѣ (Сміла) Кіев. губ., на Юрьевскомъ холмѣ около Житомира. Въ Великобританіи, по словамъ Райта, (Wright) они держались до римской и даже англо-саксонской эпохъ, въ Вестфаліи до XI ст. нашей эры, какъ свидѣтельствуютъ могильники въ Büderich'ѣ, Rhynern'ѣ, Seppenrad'ѣ, Borghorst'ѣ, Nottuln'ѣ, уже христіанской эпохи [266]). Въ Шлезвигѣ и Голштиніи подобные гробы VIII стол. нашей эры были

ской скелетъ съ одеждой, удивительно сохранившеюся благодаря дѣйствію дубильной кислоты. Это былъ гробъ воина. На головѣ у него была шерстяная шапка (рис. 209), на плечахъ короткій плащъ (рис. 210) и нѣчто въ родѣ кафтана, подпоясаннаго поясомъ (рис. 211), шаль, на ногахъ шерстяные чулки и остатки кожаной обуви, сбоку мечъ (рис. 207, съ правой стороны), и въ ногахъ ящичекъ съ другой шапкой, гребнемъ (рис. 212) и ножемъ. Все это было завернуто въ бычачью шкуру.

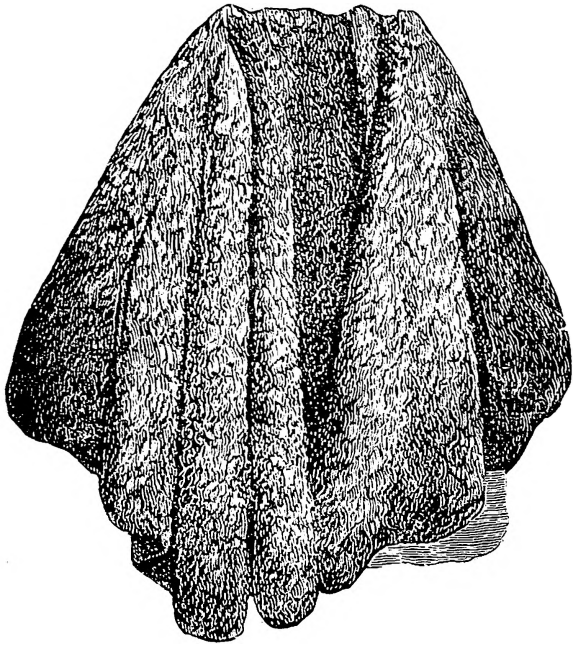


Рис. 210. Шерстяной плащъ изъ могилы въ Гавдрупѣ (Ютландія).

Подобный же гробъ былъ найденъ въ 1871 г. въ могилѣ Borum-Eshoï, въ Аргузѣ въ Ютландіи. Въ немъ оказался скелетъ женщины, одѣтой въ шерстяное платье, съ бронзовымъ кинжаломъ возлѣ тѣла. Оружіе за поясомъ у женщины представляетъ собою явленіе довольно необычное, но именно въ Даніи это часто встрѣчается. Кромѣ бронзовыхъ кинжаловъ были въ ходу искусно сдѣланные кинжалы изъ кремня.

Монтеліусъ сближаетъ эти находки вооруженныхъ женщинъ съ разсказами объ амазонкахъ.

Къ бронзовому вѣку относятся безъ сомнѣнія и изображенія, которыя мы находимъ вырѣзанными на скалахъ, главнымъ образомъ въ округѣ Богуслена (Bohuslän) и въ восточномъ Готландѣ [267]). Что эти изображенія относятся къ описываемой эпохѣ, а не къ болѣе позднимъ—доказывается рисунками топоровъ и прежде всего типомъ мечей, совершенно сходныхъ съ мечами, находимыми въ гробницахъ, и наконецъ полнымъ отсутствіемъ письменъ. Въ желѣзномъ вѣкѣ, какъ мы увидимъ далѣе, появляются въ Скандинавіи первыя письмена, такъ наз. руны. Эти-же изображенія представляютъ собой, вѣроятно, одинъ изъ видовъ такъ наз. фигурнаго письма, какія-нибудь записи, сдѣланныя на память славныхъ подвиговъ, сраженій и т. п. Предметомъ

найдены Лоренцомъ въ Имменштедтѣ, Ольсгаузеномъ—въ Esenhugh'ѣ на Амрумѣ и въ Швеціи, гдѣ ихъ впрочемъ былъ найденъ цѣлый рядъ (въ Сканіи, Аландѣ, Вестерготландѣ, Эстерготландѣ и др.), относящійся уже вѣроятно къ XII стол.

этихъ изображеній чаще всего бываютъ именно военныя сцены. Воины представлены съ мечами или бронзовыми топорами на рукояткахъ (рис. 213); очень часто встрѣчаются также изображенія военной ладьи (рис. 214), изъ кото-

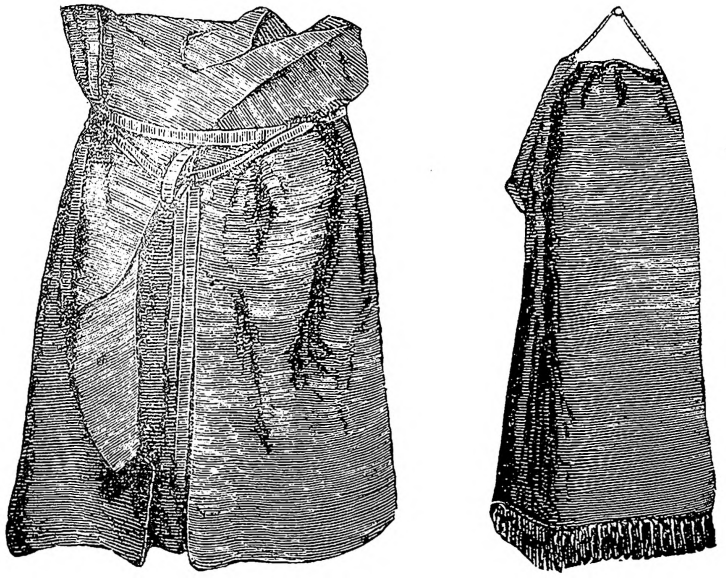
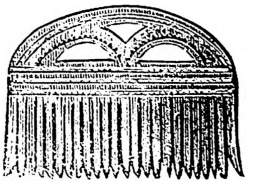


Рис. 211. Шерстяной кафтанъ и шаль изъ могилы въ Гавдрупѣ (Ютландія).

рыхъ видно, что ладьи той эпохи имѣли высоко поднятый носъ и корму, заканчивавшіеся иногда подобіемъ звѣриной головы. Мачты и паруса отсутствуютъ совершенно; повидимому, для передвиженія лодокъ пользовались тогда только веслами.

О хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ въ эту эпоху мы можемъ составить себѣ понятіе также изъ указанныхъ изображеній, и кромѣ того объ этихъ занятіяхъ свидѣтельствуютъ и находимыя въ гробницахъ кости животныхъ, многочисленные серпы и камни для перетиранія зеренъ. Нѣкоторыя находки открыли намъ и другія стороны тогдашней общественной жизни. Въ 1845 г. въ гробницѣ въ Гвидсгардѣ, близь Кодана былъ найденъ сожженный прахъ какого-то лѣкаря или чародѣя. Кромѣ оружія при немъ находился кожаный мѣшечекъ съ разными мелкими предметами, между прочимъ съ хвостомъ пресмыкающагося, птичьимъ когтемъ, челюстью бѣлки, клещиками, ножичками, осколками кремня и т. п.



212. Бронзовый гребень изъ могилы въ Говдрунѣ (Ютландія).

Софусъ Мюллеръ и Ундсетъ раздѣляютъ скандинавскую область бронзовой культуры на двѣ половины, на западную часть, къ которой относятся въ сѣверной Германіи нынѣшній Ганноверъ, Голштинія, Мекленбургъ, затѣмъ

Данія съ островами Фіоніей, Зееландомъ, Борнгольмомъ и южная Швеція, и восточную, обнимающую восточную Швецію, и лежащую противъ нея часть материка, Померанію съ Бранденбургомъ. Эта послѣдняя часть находится въ очень тѣсной связи съ Чехіей и съ Венгріей. Восточная группа представляется болѣе позднею, бронзовая культура развилась въ ней, вѣроятно, позже и продолжалось болѣе короткое время, скоро уступивъ затѣмъ свое мѣсто желѣзу. О. Монтеліусъ видитъ въ этихъ географическихъ группахъ С. Мюллера только группы хронологическія.

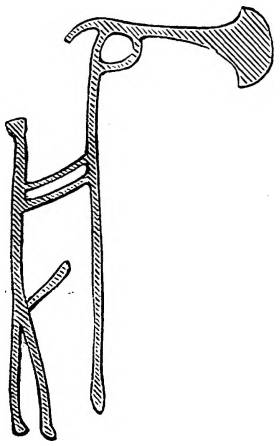


Рис. 213. Изображеніе на скалѣ, представляющее мужчину съ топоромъ (Bohuslän).

Только что названная полоса сѣверно-нѣмецкихъ земель, изъ которыхъ бронзовая культура проникла двумя указанными теченіями на сѣверъ, естественно должна быть также причислена къ области скандинавской культуры. Южнѣе расположенныя германскія страны, а также Чехія и Моравія составляютъ только переходъ между сѣверной областью и областью южно-европейской или венгерской. Въ средней Европѣ нѣтъ нигдѣ такой развитой и своеобразной бронзовой культуры, какъ въ Венгріи и на Сѣверѣ.

Въ Сѣверной Германіи бронзовая культура, по мнѣнію Ундсета, была распространена главнымъ образомъ въ Ганноверѣ, Голштиніи, Померанiи и Мекленбургѣ. Всѣ эти страны принадлежатъ къ скандинавской области бронзовой культуры. Мѣста погребенія въ этихъ странахъ главнымъ образомъ—курганы; слѣды трупосожженія, зарытыя въ землю погребальныя урны безъ всякой насыпи надъ ними — здѣсь почти вполнѣ отсутствуютъ. За то уже въ Бранденбургѣ и въ области лужичанъ мы встрѣчаемся съ вполнѣ развитымъ бронзовымъ вѣкомъ, въ цѣлыхъ поляхъ погребальныхъ урнъ, и хотя мы и можемъ здѣсь констатировать слѣды вліянія одновременной южной бронзовой культуры, но желѣза въ нихъ еще не встрѣчаемъ. Напротивъ, Ундсетъ еще 10 лѣтъ тому назадъ предполагалъ, что во всей восточной Германіи, въ Силезіи, Познани, Западной и Восточной Пруссіи и прилегающихъ къ ней балтійскихъ провинціяхъ Россіи не существуетъ вовсе настоящихъ гробницъ бронзоваго вѣка, въ которыхъ желѣзо было-бы вещью, никогда не встрѣчающеюся. Находки бронзы ограничивались здѣсь только кладами. Но съ того времени многое выяснилось, и теперь не подлежитъ

Рис. 214. Изображеніе на скалѣ, представляющее ладью съ воинами (Bohuslän).

сомнѣнію, что съ успѣхами детальнаго мѣстнаго изученія, вродѣ того, какое было сдѣлано напримѣръ Лиссауэромъ для Пруссіи, существованіе въ этихъ странахъ бронзоваго вѣка сдѣлается болѣе очевиднымъ. О восточныхъ частяхъ нынѣшней Германіи мы упомянемъ далѣе. Здѣсь же коснемся еще въ короткихъ словахъ южно-германскихъ странъ по Дунаю, главнымъ образомъ Швабіи и Баваріи [268]). Характеръ бронзоваго вѣка южной Германіи относится по мнѣнію маіора Трёльче (Tröltsche) вполнѣ къ области средиземноморского пути бронзовой культуры. Тамъ былъ найденъ цѣлый рядъ кладовъ въ Вюльфлингенѣ на берегахъ Рейна, въ Акенбахѣ, въ Пфефтингенѣ— въ Швабіи и т. д. Въ послѣднемъ оказались вещи вполнѣ мѣстнаго характера, общаго всему Вюртембергу, Гогенцоллерну и Баденскому герцогству. Трёльче даетъ этому типу предметовъ названіе «швабскаго».

Большій интересъ представляетъ бронзовая культура Баваріи. Кромѣ цѣлаго ряда кладовъ, зарытыхъ торговцами и литейщиками (въ Пфаффенгофенѣ было напримѣръ найдено до 300 экземпляровъ большихъ шейныхъ обручей, подобныхъ найденнымъ въ Вагендорфѣ близь Бергена), большое значеніе имѣютъ баварскія гробницы этой эпохи. I. Науэ, изслѣдовавшій около сотни гробницъ въ Верхней Баваріи и въ другихъ мѣстностяхъ, раздѣляетъ баварскій бронзовый вѣкъ на два періода: древнѣйшій и болѣе поздній [269]). Въ теченіе обоихъ періодовъ надъ могилами дѣлались насыпи, очень тѣсно одна отъ другой. Въ первомъ періодѣ мертвыхъ хоронили несожженными, и надъ могилой дѣлали насыпь изъ нѣсколькихъ (чаще всего 5-ти) слоевъ камня, перемежающихся со слоями глины. Высота этихъ насыпей различна, окружность—отъ 25 до 80 шаговъ. Обстановка погребенія довольно бѣдна: бронзовыя діадемы, шейныя цѣпочки, булавки для закалыванія одежды, браслеты, пояса, въ позднѣйшихъ могилахъ и перстни (между прочимъ и на пальцахъ ногъ), украшенія и ножи изъ литой бронзы; оружіе еще рѣдко—чаще треугольные кинжалы и топоры; мечей и наконечниковъ копій не встрѣчается. За то здѣсь очень многочисленны янтарныя украшенія; а также сосуды, которые отличаются впрочемъ грубымъ орнаментомъ. Во второмъ періодѣ насыпи надъ могилами устраивались уже только изъ камня и притомъ безъ правильныхъ слоевъ, и самыя могилы содержатъ только пепелъ сожженныхъ тѣлъ, съ положенными вмѣстѣ съ нимъ болѣе многочисленными и разнообразными предметами. Кромѣ поименованныхъ выше, здѣсь появляются уже мечи, бронзовые наконечники копій и особые изогнутые ножи. Орнаментъ на нихъ глубже, характернѣе и сдѣланъ литьемъ. Сосуды, особенно погребальныя урны, искусной работы и украшены чаще всего орнаментомъ изъ «волчьяго зуба» и зигзаговъ; поверхность ихъ иногда покрыта графитомъ. Позднѣйшіе орнаментированы также треугольниками и кружками. Янтарь въ этомъ періодѣ встрѣчается уже рѣдко. Кромѣ гробницъ, въ Ба-

варіи къ бронзовому вѣку относится также цѣлый рядъ стоянокъ, между которыми особенно замѣчательна свайная постройка на западномъ берегу острова Верта (Wörth) или «Розоваго острова», на Вюрмскомъ озерѣ.

Въ альпійскихъ провинціяхъ Австріи бронзоваго вѣка вѣроятно или вовсе не было или продолжительность его была такъ невелика, что бронзовая культура тамъ не успѣла развиться и не оставила сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ. Намъ по крайней мѣрѣ неизвѣстно никакихъ значительныхъ находокъ, и все найденное ограничивается нѣсколькими кладами. За то эти мѣстности отличаются весьма развитою культурою начала желѣзнаго вѣка.

Изъ австрійскихъ земель имѣли свой бронзовый вѣкъ только мѣстности, лежащія по Дунаю, главнымъ образомъ Нижняя Австрія [270]). Здѣсь эта эпоха представлена или кладами, какъ напримѣръ мейерсдорфскимъ, новомѣстскимъ, штокерскимъ, или могилами съ костями или съ остатками трупосожженія. Мы видимъ и здѣсь, что въ болѣе древній періодъ бронзоваго вѣка еще удерживался обрядъ погребенія, свойственный каменному вѣку, и поворотъ къ сожиганію мертвыхъ наступилъ только въ продолженіе бронзоваго вѣка. Рѣшительное доказательство этому представляетъ могильникъ въ Гемейнлеборнѣ, на тульнскомъ полѣ, возлѣ Трейсмауэра, изслѣдованный Сомбати. Могилы въ немъ оказались обоихъ родовъ — съ костями и съ остатками трупосожженія. И въ тѣхъ и въ другихъ было найдено множество бронзовыхъ предметовъ: топоровъ, кинжаловъ, браслетовъ, булавокъ и украшеній; о томъ, что здѣсь были вліянія и съ сѣвера и съ юга, свидѣтельствуютъ фибулы и керамика. Найдены были тамъ также, но только вмѣстѣ съ скелетами, и фибулы подобныя пескіэрскимъ и другимъ современнымъ итальянскимъ (фибулы съ дужкой); фибулы же гробницъ съ остатками трупосожженія имѣютъ совсѣмъ другой типъ и напоминаютъ двойныя сѣверныя фибулы. Вѣроятно, въ болѣе древнія времена здѣсь было больше сношеній съ Югомъ, а въ болѣе позднія — съ Сѣверомъ. Древнѣйшая керамика также напоминаетъ намъ типы, съ которыми мы встрѣчались въ итальянскихъ террамарахъ.

Скелеты, небольшаго роста, съ длинноголовыми черепами лежатъ обыкновенно въ этихъ могилахъ на лѣвомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи; нѣкоторые изъ нихъ были погребены даже въ вполнѣ сидячемъ положеніи. Гробницы съ остатками сожженія представляютъ собой ямы съ пепломъ или съ погребальными урнами, вокругъ которыхъ было поставлено по нѣскольку меньшихъ сосудовъ. Въ двухъ случаяхъ гробницы съ остатками трупосожженія оказались помѣщенными въ болѣе древнихъ могилахъ съ костями.

Къ тому-же бронзовому вѣку принадлежатъ и курганы въ Винкларнѣ, 31 ѣ Амштеттена.

Переходимъ затѣмъ къ славянскимъ землямъ.

Чехія и Моравія имѣли свой бронзовый вѣкъ, хотя можетъ быть и не настолько своеобразный, какъ въ другихъ странахъ. Вполнѣ точная оцѣнка бронзоваго вѣка въ Чехіи еще не можетъ быть сдѣлана, такъ какъ одна важная группа мѣстонахожденій здѣсь еще очень мало изслѣдована, равно какъ и могилы югозападной Чехіи, но во всякомъ случаѣ, въ существованіи нѣкогда бронзоваго вѣка въ Чехіи не можетъ быть сомнѣній. Часть предметовъ этой эпохи, очевидно, привозилась изъ другихъ странъ, въ особенности древнѣйшіе изъ нихъ. Но было бы слишкомъ смѣло утверждать, какъ это дѣлаетъ напримѣръ профессоръ Смоликъ, что всѣ бронзовые предметы, найденные въ Чехіи, иноземнаго происхожденія [271]). Едва-ли можно сомнѣваться, что мало по малу и мѣстное населеніе Чехіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, научилось приготовлять себѣ бронзовыя издѣлія, и что даже странствовавшіе торговцы и литейщики могли быть отчасти и изъ туземцевъ. Въ извѣстной части чешскихъ находокъ мы встрѣчаемся уже съ развитой бронзовой культурой, и этого достаточно, чтобы мы могли съ полнымъ правомъ говорить о бронзовомъ вѣкѣ въ Чехіи.

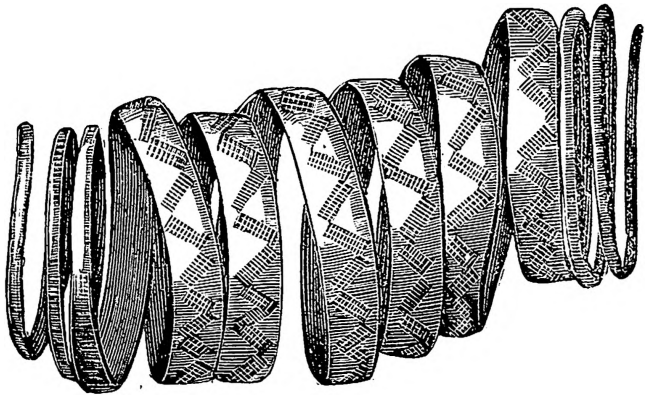


Рис. 215. Браслетъ изъ Кштеновскаго клада въ Чехіи.

Находки бронзовой эпохи въ Чехіи представляютъ собой главнымъ образомъ клады съ большимъ количествомъ предметовъ; между ними особенно обращаютъ на себя вниманіе кштеновская находка (въ мѣстн. Křtěnov) съ бронзовыми топорами венгерскаго типа, въ мѣстности Křteno (возлѣ Louny), съ массивными спиральными браслетами (рис. 215), пальставами, погремушкой, удилами; находка въ Тамашовѣ (пальставы), затѣмъ находки ічиневская, колинская, габартицкая, плавницкая, въ которыхъ попадались тѣ особенныя булавки кипрскаго типа (рис. 216), о которыхъ мы уже упоминали на стр. 206, находки въ Пасекѣ, въ Собехлебѣ, возлѣ Подборжанъ, возлѣ

Гусина, Церкевецъ, Чичовицъ, Соянъ, Собеницъ и т. д. Складъ поломанныхъ серповъ былъ найденъ въ Лажанахъ, возлѣ Хомутова, другой подобный-же складъ на Стражѣ, возлѣ Радетицъ, въ Рыдце, возлѣ Литомержицъ, и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Моравіи сюда относятся напр. кладъ бронзовыхъ шейныхъ обручей въ Славковѣ (90 шт.), въ Годонинѣ (около 600), складъ разныхъ вещей въ Слатеницахъ, съ фибулой сѣвернаго типа, меньшіе клады въ Глубочанахъ, Манковицахъ, Лесоницахъ, Крумловѣ, Власатицахъ и т. д. Въ Моравіи вообще преобладаютъ въ такихъ кладахъ массивные шейные обручи въ родѣ изображеннаго у насъ на рис. 217, назначеніе которыхъ съ точностью неизвѣстно *) [272]).

Гораздо важнѣе чешскіе могильники. Уже въ заключающихъ въ себѣ скелеты неолитическихъ гробницахъ, попадаются то здѣсь, то тамъ мелкіе бронзовые предметы, какъ напр. въ Ловозицкомъ могильникѣ (ср. рис. 97). Бронза проникла въ

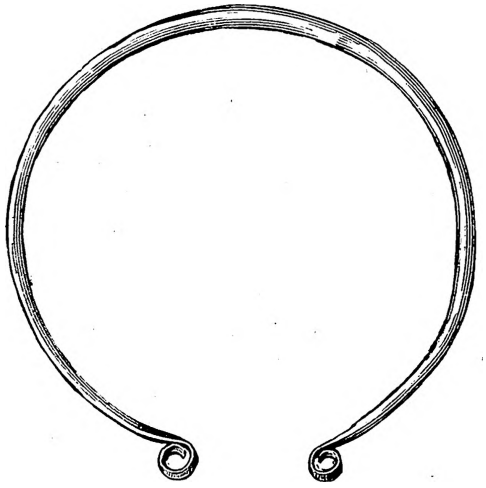


Рис. 217. Шейный обручъ (гривна) изъ Собехлебскаго клада въ Чехіи.

Рис. 216. Булавки Кипрскаго типа изъ Пловницкаго клада въ Чехіи.

Чехію, какъ и въ другія мѣстности, вѣроятнѣе всего путемъ торговли съ юга, изъ Венгріи, а можетъ быть также и съ сѣверо-востока. Выше мы уже упоминали о томъ, что черезъ Чехію по Эльбѣ и черезъ Моравію къ бассейну

*) Назначеніе этихъ бронзовыхъ обручей до сихъ поръ еще очень спорно. Сомбати съ большинствомъ прочихъ археологовъ считаютъ ихъ шейными обру-

Одера проходили главные торговые пути, пересѣкавшіе среднюю Европу и соединявшіе сѣверъ ея съ Италіей. Неудивительно поэтому, что между чешско-моравскими древностями мы находимъ слѣды того и другого вліянія—сѣвернаго и южнаго. Такъ въ Чехіи были найдены скандинавскія фибулы въ гробницѣ возлѣ Брозанекъ, въ кладахъ въ Слатеницахъ (рис. 218), возлѣ Чепъ, въ Прасколесихъ, Прачовѣ, браслеты въ Жегушицахъ, венгерскія фибулы въ Воковицахъ, возлѣ Обжанъ въ ямахъ у Видгостицъ, у Падебрада, браслетъ въ Слатеницахъ и т. д.

Топоры венгерскихъ типовъ были найдены въ гробницахъ въ Пильзенскомъ округѣ, въ Шаркѣ, въ Кштеновѣ, въ могилѣ съ костями возлѣ Тшиблицъ (ср. стр. 289). Керамика намекаетъ на сношенія съ Италіей. Сосуды съ ушкомъ, выбѣгающимъ кверху двумя рожками (рогатое ушко, ansa cornuta, lunata), характерные для итальянскихъ террамаръ, попадаются въ Чехіи спорадически отъ конца неолита до начала желѣзнаго вѣка (въ городищѣ въ Рживначи, возлѣ Богницъ, въ Шаркѣ, на Гродкѣ, въ Чаславѣ, въ могилѣ у Розтокъ, въ культурныхъ ямахъ въ Подбабѣ, въ могилѣ изъ каменныхъ плитъ возлѣ Вельваръ и т. п.) Южныя вліянія замѣчаются также въ сосудцахъ съ высокими ушками и въ нѣкоторыхъ видахъ орнаментаціи.

Чешскія могилы бронзоваго вѣка могутъ быть съ удобствомъ раздѣлены на двѣ главныхъ группы: 1) группу могилъ съ костями, унетицкаго типа

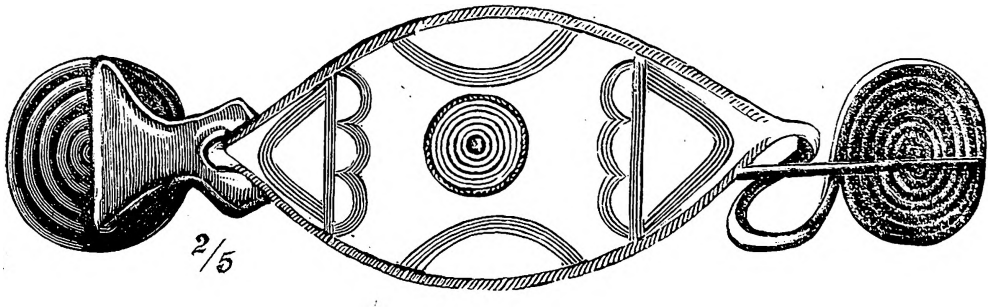


Рис. 218. Фибулы изъ клада въ Слатеницахъ.

и 2) группу могилъ съ остатками трупосожженія, главнымъ образомъ въ югозападной Чехіи. Могилы другихъ типовъ имѣютъ второстепенное значеніе. Первая группа была изслѣдована въ новѣйшее время д-ромъ Matiegka [273])

чами (torques, гривнами); Вольдржихъ принималъ ихъ прежде за украшенія конской сбруи, теперь же думаетъ, что они употреблялись для разныхъ цѣлей. Возможно также, что это было только грубо приготовленные слитки бронзы, приспособленные для продажи и служившіе матеріаломъ для дальнѣйшихъ издѣлій. Подобные современные желѣзные обручи авторъ видѣлъ въ Британскомъ музеѣ; тамъ они африканскаго происхожденія и употребляются у племени Барп.

и отличается слѣдующими признаками: скелеты лежатъ въ ямахъ, или просто выкопанныхъ въ землѣ, или обложенныхъ большими камнями, на правомъ боку, въ сильно скорченномъ положеніи. Правая рука обыкновенно подложена подъ голову, лѣвая—находится возлѣ головы или на животѣ. Положенные съ покойникомъ предметы очень характерны и состоятъ изъ бронзы и сосудовъ. Кромѣ рѣдко встрѣчающихся треугольныхъ кинжаловъ съ гвоздиками попадаются въ большомъ количествѣ особенныя булавки съ отогнутымъ въ сторону остріемъ и часто съ головкой на подобіе обращеннаго вер-

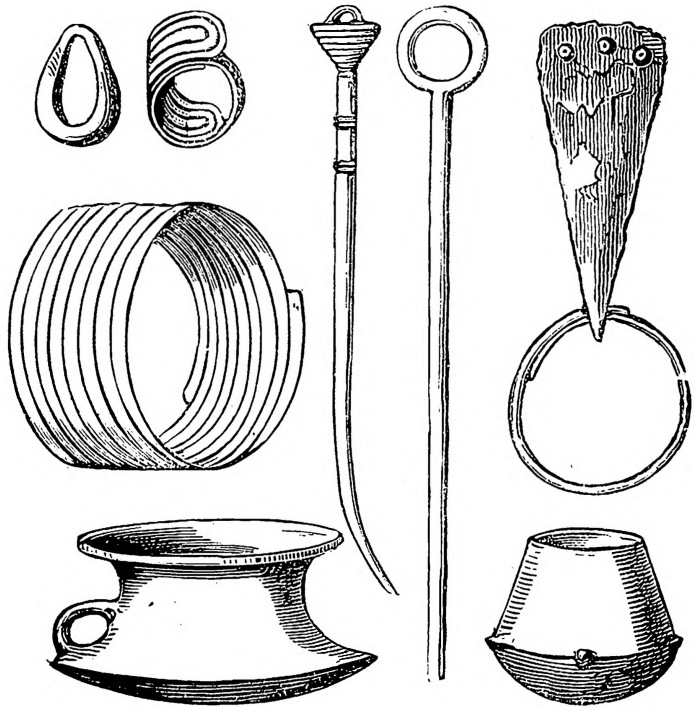


Рис. 219. Типическіе предметы изъ унетицкихъ гробницъ въ Чехіи.

шиною внизъ конуса, къ основанію котораго придѣлано сверху ушко. Браслеты свертывались первоначально изъ проволоки и были достаточно широкими, позже ихъ стали дѣлать массивными и желобчатыми—причемъ то, что ранѣе достигалось обвиваніемъ проволоки, стало воспроизводиться орнаментаціей. Другія украшенія—серьги, перстни и пр. тоже приготовлялись сначала большей частью изъ крученой проволоки (ср. рис. 219). Очень многочисленны также янтарныя украшенія, главнымъ образомъ въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ, отполированныхъ и просверленныхъ кусочковъ, которые носились на кускѣ ткани, повѣшенномъ на шею. Съ янтарными подвѣсками чередуются иногда трубочки, свернутыя изъ бронзовой проволоки. Сосуды

бываютъ двухъ родовъ—одни довольно грубые, другіе красивые, гладкіе и вычерненные—всѣ сдѣланы отъ руки. Между ними выдаются нѣкоторыя особенныя формы, изъ которыхъ отличаются своеобразностью сосуды съ небольшимъ расширяющимся дномъ; сбоку расширеннаго края этихъ сосудовъ прикрѣплено ушко, но не наверху, а внизу (рис. 219).

Въ Чехіи гробницы этого рода были найдены въ достаточно большомъ

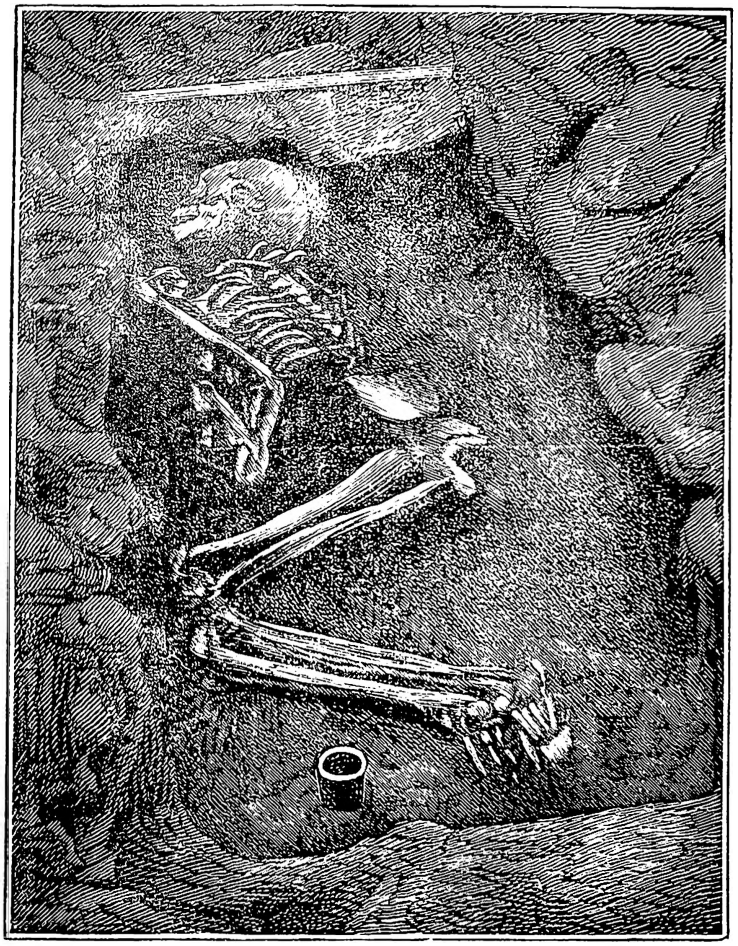


Рис. 220. Гробница съ скелетомъ въ скорченномъ положеніи, изъ Облековицъ. (Съ фотографіи Палліарди).

количествѣ только въ средней ея части и по берегамъ р. Лабы (Эльба). Наиболѣе замѣчательнымъ изъ изслѣдованныхъ могильниковъ должно быть признано кладбище возлѣ Унетицъ, недалеко отъ Праги. Другіе могильники того же рода были открыты у Чичовичекъ, Ледча, Ловосицъ, Заѣзда, Злоницъ, Брандыса, Клецанъ, Пржемышлени, Либушина, Ослухова и т. п *), въ Моравіи—возлѣ Маницъ, Большихъ

*) Могила съ скорченнымъ скелетомъ и съ прекрасными предметами найдена

Павловицъ (могилы овальныя, съ скорченными скелетами и бѣдныя предметами), Скороницъ, Горныхъ Дунаевицъ и пр.; главнымъ же образомъ сюда относится могильникъ, открытый Палліарди у Облековицъ возлѣ Знайма, изъ котораго изображеніе одной могилы можно видѣть на рис. 220. Другія могилы не были обложены камнемъ. Сюда относятся затѣмъ могилы, находившіяся между содержавшими пепелъ ямами въ Врбовкѣ и раскопанныя Игн. Шпётлемъ, очень сходныя съ нѣкоторыми мѣстонахожденіями въ Ниж-

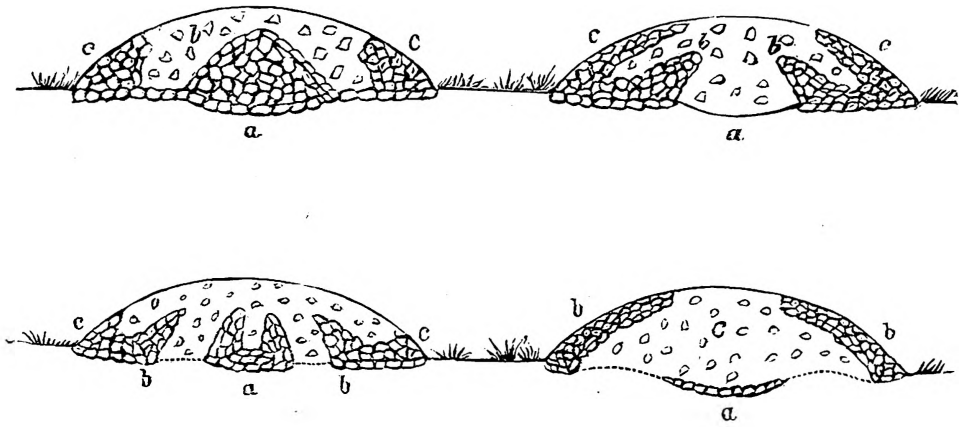


Рис. 221. Устройство могилъ въ Остржетицахъ (*a* собственно могилы, *b* и *c* каменные вѣнцы и пласты).

ней Австріи. Къ бронзовому же вѣку относится вѣроятно также и могила другого типа, со скелетомъ, золотымъ браслетомъ на рукѣ и съ бронзовыми спиралями на ногахъ, найденная возлѣ Грушованъ.

Вторую группу чешскихъ могилъ бронзоваго вѣка образуютъ южночешскіе курганы. Мы называемъ ихъ южночешскими, потому что они составляютъ особенность этой мѣстности и тянутся далѣе только на западъ, въ другихъ же мѣстностяхъ встрѣчаются только въ видѣ исключенія. Область чешскихъ могилъ этого типа занимаетъ весь бассейнъ р. Мжи съ Радбузою, Углавою и Уславою и южную половину бассейна Влтавы съ бассейномъ Отавы и Лужницы и Нежарки (здѣсь уже преобладаютъ гробницы желѣзнаго вѣка), и наконецъ можетъ быть также и область верхней Огржи. Въ другихъ мѣстахъ они встрѣчаются только поодиночкѣ.

Группа эта не изслѣдована еще систематически. Курганы, входящіе въ

была недавно на Шибенакѣ возлѣ Тршиблицъ. Кромѣ массивной булавки, трехъ бронзовыхъ стрѣлъ, поломаннаго меча и золотой проволоки, въ ней былъ найденъ прекрасный топорикъ венгерскаго типа, описаннаго нами на стр. 289 (рис. 199).

составъ ея, насыпаны изъ глины и камня. Обыкновенно въ срединѣ кургана бываетъ центральная часть изъ камня, на которую насыпана глина, перемѣшанная съ камнемъ, а наверху все покрыто опять пластомъ камня (ср. напр. разрѣзы остржетицкихъ кургановъ на рис. 221). Но встрѣчаются курганы и другой конструкціи, съ перемежающимися пластами глины и камня и т. п. Подъ курганомъ находится самое мѣсто погребенія обыкновенно съ остатками трупосожженія. Но встрѣчаются также и скелеты и, судя по аналогическимъ примѣрамъ въ Нижней Австріи и главное въ Баваріи, могилы съ остатками погребенія будутъ представлять собою болѣе древнюю группу, чѣмъ могилы съ остатками сожженія; но оба обряда были въ теченіе извѣстной эпохи одновременными. Наконецъ и своимъ строеніемъ и находимыми въ нихъ предметами, сколько можно теперь судить, эти южночешскіе курганы вполнѣ соотвѣтствуютъ сосѣднимъ баварскимъ—переходя, такъ же точно какъ и они, въ желѣзный вѣкъ.

Чешскіе курганы съ погребеніями были найдены напр. Францомъ возлѣ р. Уславы, вблизи Пильзена; сюда-же относится напр. курганъ, раскопанный въ 1822 г. возлѣ Худеницъ, курганы возлѣ Пивоня и прочіе на границѣ съ Баваріей, возлѣ Кышицъ, курганы въ урочищѣ Knezi-haj возлѣ Хотешова, часть коіетицкихъ кургановъ возлѣ Мельника и часть недавно раскопанныхъ кургановъ возлѣ Velka-Dobra. Здѣсь кромѣ могилъ съ остатками трупосожженія найдены были и гробницы съ костяками и съ тѣмъ-же самымъ инвентаремъ, относящимся къ концу бронзоваго вѣка. Могилы съ остатками сожженія здѣсь, по нашему мнѣнію, не болѣе поздняго времени, какъ думаетъ д-ръ Пичъ (Pič), но современны могиламъ съ остатками трупосожженія.

Пепелъ съ обожженными костями бываетъ сложенъ или въ большія погребальныя урны, въ которыя или вблизи которыхъ положены разные предметы покойника, или же просто высыпанъ на землю, а предметы, чаще всего сосуды, по всей вѣроятности предварительно разбитые, поставлены возлѣ пепла или на немъ. Иногда впрочемъ предметы бываютъ положены и сбоку кургана. Вообще курганы отличаются большою бѣдностью; такъ напр. изъ 29 могилъ въ Остржетицѣ (Ostřetice) было добыто только то, что мы видимъ на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 222). Но во всякомъ случаѣ это типическіе предметы бронзоваго вѣка: между ними мы находимъ топорики, кинжалы, небольшой серпъ, долото, ножъ; изъ украшеній чаще всего попадаются браслеты, булавки и янтарныя бусы. Иногда впрочемъ въ могилахъ не бываетъ ничего, кромѣ развѣ черепковъ.

Подобныхъ могилъ въ Чехіи, какъ въ южной, такъ и западной, масса и между ними много неизслѣдованныхъ [274]). Наиболѣе изучены курганы въ

Поленѣ, Габартицахъ, Остржетицахъ, возлѣ Клатовы, Миловецъ, Метельска, Луженицъ, Домажлицъ, Кштенова, Понешицъ, Чирганъ, Костельца и пр.

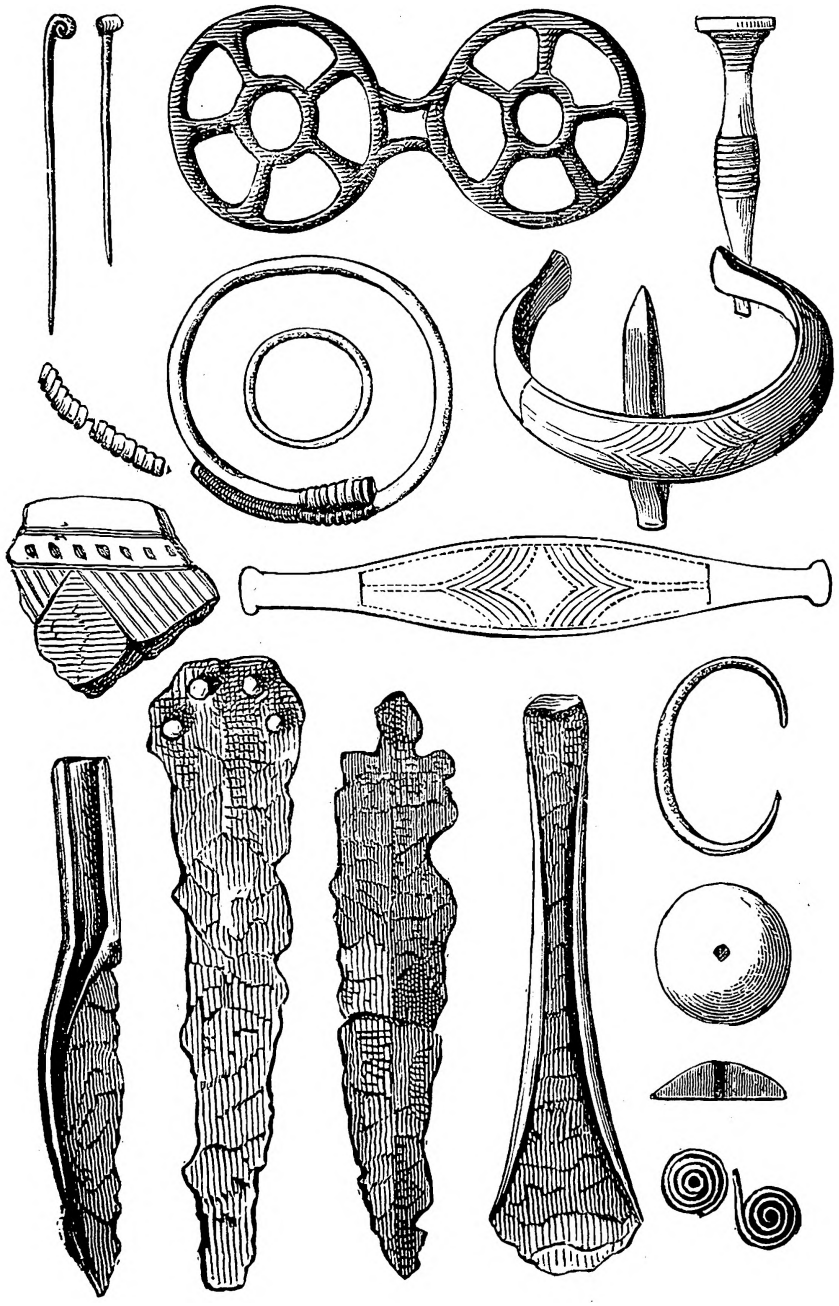


Рис. 222. Содержимое кургановъ въ Ostřetice.

Другую хорошо изслѣдованную группу представляютъ собою могилы въ бассейнѣ р. Уславы, раскопанныя Францемъ и описанныя Сомбати. Въ нихъ

были найдены бронзовые мечи и кинжалы, плоскіе топоры и пальставы (между прочимъ одинъ топоръ венгерскаго типа), наконечники копій и стрѣлъ, булавки, щипчики, браслеты, шейные обручи и другія мелочи. Сосуды имѣютъ опредѣленный типъ и украшены орнаментомъ изъ черточекъ. Все это доказываетъ, что въ Чехіи изслѣдовано уже достаточное количество этого рода могилъ, но оцѣнка ихъ въ цѣломъ заставляетъ еще себя ожидать *).

Сравненіе гробницъ унетицкаго типа съ южночешскими курганами приводитъ насъ къ интереснымъ выводамъ. Гробницы перваго типа не переходятъ, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, границъ Чехіи и Моравіи и географически прилегающей къ нимъ части Нижней Австріи и образуютъ, особенно въ Чехіи, группу, до такой степени ясно обозначенную, что мы смѣло можемъ назвать ее группою спеціально чешскою. Ту своеобразность культуры, какою отличается Данія или Венгрія въ ихъ бронзовомъ вѣкѣ, представляетъ намъ, разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ, и чешская группа унетицкихъ гробницъ. Эта своеобразность отличаетъ ее одинаково рѣзко отъ курганной группы, и хотя эта послѣдняя до сихъ поръ еще и недостаточно изслѣдована, но мы все таки не затруднимся высказать здѣсь предположеніе, что обѣ эти группы отличаются другъ отъ друга и этнологически, что каждая изъ нихъ принадлежитъ особому народу.

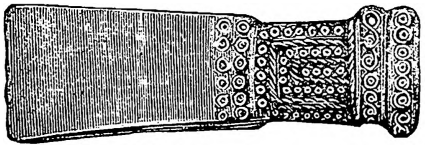


Рис. 223. Бронзовый топорикъ изъ кургана у Теметицъ въ Моравіи.

Если это такъ, то Чехія, слѣдовательно, была въ эту эпоху населена по крайней мѣрѣ двумя племенами. Группа кургановъ представляетъ намъ кладбища племени, которое густо населяло югозападную Чехію, распространяясь оттуда въ теченіе времени далѣе внутрь страны и на востокъ, и находилось въ тѣсной связи, если не было тождественно съ современнымъ населеніемъ Австріи и Баваріи. Этотъ народъ, какъ кажется, проникъ въ

*) Въ Моравіи также встрѣчаются гробницы бронзоваго вѣка, но до сихъ поръ нельзя еще сказать, имѣютъ ли они что нибудь общаго съ южно-чешскими Особенно богатыхъ находокъ можно было ожидать отъ раскопки кургана, называемаго „Kràlovsky kopec“ возлѣ Тешитицъ, о которомъ ходили народныя преданія, будто-бы тамъ похороненъ какой то король съ женою. Онъ былъ раскопанъ д-ромъ Ванкелемъ, но къ сожалѣнію на днѣ его было найдено двѣ могилы почти совершенно пустыя и вѣроятно давно уже ограбленныя. Только въ одной изъ нихъ найденъ былъ небольшой, покрытый орнаментомъ бронзовый топорикъ (рис. 223). Возможно однакоже, что курганъ этотъ по своему происхожденію относится уже къ желѣзному вѣку. За то къ бронзовому принадлежитъ курганъ въ Наклѣ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было найдено нѣсколько костяковъ съ бронзовымъ мечемъ, топорами и украшеніями.

Чехію черезъ Шумаву изъ Южной Германіи и принесъ съ собою новую культуру, скорѣе всего въ теченіе бронзоваго вѣка, а не неолита. Мы думаемъ такъ потому, что по изслѣдованіямъ Л. Шнайдра и проф. Вольдржиха неолитическая эпоха въ Южной Чехіи вообще представлена довольно слабо. Л. Шнайдръ еще въ 1884 г. предполагалъ эту иммиграцію. О физическихъ особенностяхъ этого населенія мы до сихъ поръ еще ничего не знаемъ. Немногія имѣющіяся указанія заставляютъ думать, что оно было длинноголовымъ.

Напротивъ унетицкія гробницы были находимы до сихъ поръ только въ средней и сѣверной Чехіи. Это географическое распредѣленіе обѣихъ группъ, отличающихся уже одна отъ другой характеромъ погребенія, подтверждается и типомъ положенныхъ съ покойниками предметовъ. Предметы, найденные въ курганахъ, не характерны, мы знаемъ подобные же типы въ Австріи и въ Баваріи; за то унетицкіе типы чрезвычайно своеобразны, и мы напрасно стали-бы искать соотношеній, которыя могли бы объяснить намъ этнологическія особенности населенія, оставившаго эти гробницы.

Типъ кургановъ въ южной Чехіи точно такъ же, какъ въ Баваріи и въ Австріи, перешелъ постепенно и въ желѣзный вѣкъ. Нѣкоторые могильники представляютъ собою очевидную связь между бронзовымъ вѣкомъ и желѣзнымъ, напр. Гусинскій возлѣ Клатовъ. Галльштаттская культура развилась въ этой части Чехіи скорѣе спокойно, чѣмъ, какъ думаетъ Сомбати, вслѣдствіе насильственнаго переворота, произведеннаго приходомъ новаго населенія.

Но затѣмъ на сѣверѣ и востокѣ Чехіи произошли все таки перемѣны. Намъ кажется, что сюда еще въ теченіе бронзоваго вѣка проникли новыя вліянія, скорѣе всего вслѣдствіе появленія новаго народа, который началъ устраивать могильники совершенно иного типа. Мы думаемъ по крайней мѣрѣ, что такъ назыв. поля погребальныхъ урнъ, могилы съ остатками трупосожженія безъ кургановъ или обозначенныя только небольшими насыпями, устраивались скорѣе всего новымъ населеніемъ, пришедшимъ въ Моравію, Австрію и вѣроятно въ Чехію въ концѣ бронзоваго вѣка, а не прежнимъ, которому принадлежатъ болѣе древнія могилы съ остатками погребеній. Мы болѣе всего расположены были-бы думать, что этотъ новый народъ проникъ въ Чехію съ сѣверовостока и понемногу вытѣснилъ и въ извѣстной степени слилъ съ собою древнее населеніе этой страны.

Поля погребальныхъ урнъ (champs d'urnes, Urnenfelder, Urnenfriedhöfe, urn-fields) представляютъ собой кладбища, состоящія обыкновенно изъ очень значительнаго количества могилъ съ остатками трупосожженія, обыкновенно расположенныхъ рядами. Пепелъ умершаго помѣщенъ въ урну, въ которой или возлѣ которой находятся и предметы, назначенные для покойника, обыкновенно попорченные огнемъ, бѣдные и невзрачные. Исключеніе составляютъ

одни только керамическія издѣлія. Обыкновеннымъ признакомъ этого рода погребенія является то, что погребальная урна бываетъ окружена или наполнена еще другими, иногда очень многочисленными сосудцами, жбанчиками, мисками, чашечками, горшечками и особыми глиняными погремушками съ шариками внутри невыясненнаго еще назначенія (дѣтскія игрушки?) и изображеніями разныхъ животныхъ (рис. 224). Круглая погребальная урна

Рис. 224.

съ пепломъ бываетъ впрочемъ всегда только одна, каждый покойникъ получалъ себѣ особенную могилу; семейныя гробницы, какими бываютъ обыкновенно напр. прусскія и польскія могильныя камеры съ остатками трупосожженія, на поляхъ погребальныхъ урнъ очень рѣдки. Урны съ пепломъ и съ разными предметами помѣщаются обыкновенно въ неглубокія, иногда выложенныя камнемъ ямы, которыя, въ видѣ общаго правила, не бываютъ ничѣмъ обозначены на поверхности земли, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоначально маленькіе холмики и указывали, что это мѣсто священное. Бегла полагаетъ, что и всѣ лужицкія гробницы были первоначально покрыты такими небольшими холмиками [275]).

Если мы бросимъ взглядъ на страны средней Европы, въ которыхъ встрѣчаются такія поля погребальныхъ урнъ наиболѣе древняго типа *), то уви-

*) Мы имѣемъ здѣсь въ виду только эту среднеевропейскую группу. Намъ очень хорошо извѣстно, что могильники подобнаго рода существуютъ въ западной Германіи, въ Галліи, въ Италіи и въ Англіи. Но опредѣлить отношеніе, въ которомъ находятся эти отдаленные могильники къ среднеевропейскому центру,

димъ, что они ограничиваются только слѣдующими мѣстностями: Лузаціей (областью лужичанъ), Бранденбургомъ, Силезіей, Моравіей, Австріей, сѣверной Венгріей, Галиціей и Познанью. Въ Чехіи они встрѣчаются только въ сѣверной и восточной ея частяхъ, главнымъ обр. въ бассейнѣ р. Лабы (Эльбы). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ съ теченіемъ времени выработались разные типы погребальной керамики, какъ напр. въ Лузаціи, въ Силезіи, въ Венгріи и т. д.

Ундсетъ выразилъ мнѣніе, что этотъ видъ могилъ появился еще въ очень раннюю эпоху бронзоваго вѣка изъ юговосточной Европы, прежде всего въ Венгрію, въ долину Дуная, откуда перешелъ отчасти на югъ, въ Италію съ бронзовою культурою террамаръ, и въ такомъ случаѣ съ италиками Гельбига, отчасти-же на западъ въ альпійскія страны и черезъ Австрію, Моравію и Чехію въ сѣверную Европу.

Какъ видно, Ундсетъ оставляетъ здѣсь болѣе восточныя славянскія страны совсѣмъ въ сторонѣ. А между тѣмъ онѣ въ данномъ вопросѣ имѣютъ очень важное значеніе. Вѣдь тамъ на сѣверномъ склонѣ Карпатъ найдены уже поля погребальныхъ урнъ съ инвентаремъ, который не смотря на нѣкоторые слѣды позднѣйшихъ вліяній, мы должны были все таки отнести къ каменному вѣку. Такой инвентарь напр. мы видѣли въ Чехіи, въ Новой Сѣнявѣ, въ Васильковцахъ, въ Выгнанцѣ, въ Златыхъ Бильчахъ, вообще въ бассейнѣ Вислы и т. д. Это намъ кажется первымъ и очень важнымъ фактомъ, который долженъ быть исходнымъ пунктомъ въ данномъ вопросѣ. Тамъ, на сѣверѣ отъ Карпатъ, жило населеніе, которое, не зная еще бронзы или будучи знакомо съ нею только какъ съ рѣдкостью, имѣло уже обычай погребать своихъ мертвыхъ такимъ способомъ, какой мы наблюдаемъ на поляхъ погребальныхъ урнъ позднѣйшихъ эпохъ. Можно поэтому думать, что часть полей съ урнами относится вполнѣ къ бронзовому вѣку. Разумѣется разрѣшеніе вопроса о томъ, какія изъ нихъ относятся къ этой эпохѣ и какія принадлежатъ уже позднѣйшей, когда населеніе стало пользоваться желѣзомъ представляетъ, иногда очень большія трудности, такъ какъ въ урнахъ этихъ по большей части попадаются только мелкіе обломки бронзовыхъ украшеній, оружіе же и орудія въ болѣе древнюю эпоху встрѣчаются только изрѣдка. Этимъ конечно опредѣленіе ихъ древности чрезвычайно затрудняется. И если тамъ не найдется ни одного куска желѣза, но только мелкіе бронзовые предметы, то на одномъ этомъ основаніи могильники нельзя еще относить къ бронзовому вѣку. Вѣдь населеніе, о которомъ идетъ рѣчь, могло уже пользоваться желѣзнымъ оружіемъ и орудіями. Одинъ бронзовый пальставъ, серпъ и т. п.

до сихъ поръ еще невозможно. Попытка сдѣлать это слишкомъ усложнила-бы наше изложеніе.

также недостаточны для того, чтобы могильникъ, въ которомъ они найдены, можно было отнести съ достовѣрностью къ бронзовому вѣку. Предметы этого рода существовали въ большомъ количествѣ и въ началѣ желѣзнаго вѣка. Съ другой же стороны, присутствіе обломковъ желѣза также не свидѣтельствуетъ еще о томъ, что гробницы, въ которыхъ они найдены, относятся къ желѣзному вѣку,—какъ мы понимаемъ его въ археологіи. Все это разумѣется весьма затрудняетъ хронологическое опредѣленіе древнѣйшихъ полей съ погребальными урнами. Мы не можемъ также настаивать и на томъ, что всѣ перечисленные нами могильники дѣйствительно относятся къ этой группѣ. Нашей цѣлью было только указать, что гробницы этого характера появились въ Чехіи уже въ бронзовомъ вѣкѣ.

По мнѣнію Оссовскаго, въ краковской части Галиціи не существуетъ могилъ бронзоваго вѣка съ остатками погребенія и всѣ кладбища заключаютъ въ себѣ остатки трупосожженія въ урнахъ, поставленныхъ рядами. Типическими примѣрами такихъ кладбищъ онъ считаетъ могильники въ Квачалѣ (Kwaczala) и въ Поповкѣ, но въ Квачалѣ уже было найдено желѣзо, въ Поповкѣ же только небольшой бронзовый серпъ. Въ обоихъ впрочемъ попадаются и сосуды, сдѣланные отъ руки и на гончарномъ кругѣ. Въ львовскомъ округѣ Галиціи, на Покутті и въ Поділлі преобладаютъ уже другіе виды гробницъ, хотя и тутъ попадаются еще въ отдѣльныхъ случаяхъ могилы съ остатками сожженія безъ кургановъ. Но форма и характеръ керамики отличаются напр. въ увисльскихъ гробницахъ отъ характера краковскаго округа. Киркоръ и Оссовскій полагаютъ, что эти области были населены другимъ народомъ, чѣмъ области западныя.

Въ Царствѣ Польскомъ можно отнести къ этой наиболѣе древней эпохѣ металловъ могильникъ въ Нижнемъ Банковѣ (Bąkow), въ Ловичской области, раскопанный Т. Довгирдомъ, могильники возвѣ селъ Lalin, Kochan, Zebraczky надъ р. Швидромъ, притокомъ Вислы (если они не относятся еще къ каменному вѣку) и вообще многочисленные въ бассейнахъ Вислы и Варты, гробницы въ Mikluszowicach и въ Krzemienicach, съ сосудами очень примитивныхъ типовъ, описанныхъ Киркоромъ. Въ могилахъ съ остатками сожженія на Лысой горѣ возлѣ сел. Rembowa подъ Пинчовымъ, кн. Сіарковскій также нашелъ только предметы каменные, костяные и очень немного бронзовыхъ; возлѣ Wloczyn'a близъ Калиша найдено было нѣсколько бронзовыхъ топоровъ со втулкой, браслетовъ и булавокъ *).

Въ Германіи—въ Бранденбургѣ и Лузаціи былъ найденъ рядъ

*) Такъ назыв. колокольныя (podkloszowe) гробницы, очень многочисленныя въ Пруссіи и идущія въ Польшу до Варшавы, считаются нѣкоторыми принадлежащими отчасти къ бронзовому вѣку; Лиссауэръ, впрочемъ, относитъ ихъ къ желѣзному.

полей съ погребальными урнами безъ всякаго слѣда желѣза и Ундсетъ поэтому съ полнымъ правомъ причисляетъ ихъ къ бронзовому вѣку. Самъ Бегла не различаетъ могильниковъ желѣзнаго и бронзоваго вѣка, но ясно говоритъ, что въ большей части ихъ встрѣчается только бронза.

Въ Силезіи извѣстны сотни могильниковъ этого рода, но большая часть изъ нихъ относится къ желѣзному вѣку. Бронзовый вѣкъ былъ здѣсь вѣроятно короче, чѣмъ на востокѣ и на западѣ, въ Лузаціи. Мы объясняемъ себѣ это торговыми сношеніями, которыя велись черезъ эту мѣстность между югомъ Европы и янтарнымъ побережьемъ. То-же увидимъ мы и въ Познани и въ Пруссіи. Этимъ-же можно объяснить и то, что въ могильникахъ бываютъ смѣшаны часто типы бронзовой эпохи съ желѣзомъ, какъ напр. въ Заборовѣ, въ Казмѣржѣ.

Въ Чехіи отнесеніе нѣкоторыхъ могильниковъ къ бронзовому вѣку не можетъ быть сдѣлано съ надлежащей достовѣрностью. Къ наиболѣе древнимъ принадлежатъ гробницы у стоянки Корунка-Елени (безъ всякихъ слѣдовъ желѣза), въ Горжиневѣ (бронзовый мечъ), въ Осице возлѣ Пардубицъ (безъ желѣза), возлѣ Сулеіовицъ (проф. Вольдржихъ относитъ ее къ бронзовому вѣку), въ Тржебеховице, Ловосице, Чичовице и пр. Рядъ типическихъ сосудовъ изъ гробницъ возлѣ стоянки Корунка-Елени представленъ на рис. 225. Еще больше извѣстно ихъ въ Моравіи и Венгріи. Тржицкій могильникъ въ Моравіи относятъ къ бронзовому вѣку, такъ же какъ и Могельницкій могильникъ въ Венгріи, о которомъ мы упоминали уже на стр. 292. Объ отношеніи къ полямъ погребальныхъ урнъ многочисленныхъ котлообразныхъ гробницъ съ остатками трупосожженія этой же эпохи въ Нижней Австріи (подобныя имъ встрѣчаются и въ Чехіи) мы не въ состояніи высказать свое мнѣніе. Могильникъ съ урнами въ Stillfried'ѣ имѣетъ очень древній характеръ, но въ немъ встрѣчается уже и желѣзо.

Изъ всего, что было сказано о поляхъ погребальныхъ урнъ, можно вывести покуда слѣдующія предположенія: поля погребальныхъ урнъ среднеевропейской группы, расположенныя въ бассейнахъ верхней Лабы, Одера, Варты, Вислы, Моравы и сѣверной части средняго Дуная, принадлежали вѣроятно одному народу, который, очевидно, распространился по всѣмъ этимъ странамъ. Ничто не препятствуетъ тому, чтобы отечество его искать въ странѣ подъ Карпатами, гдѣ подобный способъ погребенія существовалъ еще въ каменномъ вѣкѣ. Оттуда обычай этотъ, а вѣрнѣе всего и самъ раздѣлявшій его народъ началъ путемъ выселенія распространяться такъ, что въ концѣ бронзоваго вѣка уже занималъ нынѣшній Бранденбургъ и Лузацію, проникъ вѣроятно въ сѣверозападную Чехію и основалъ поселенія по Моравѣ и на побережьяхъ Дуная. Мы склонны скорѣе предполагать этотъ способъ распространенія, чѣмъ направленіе этого народа съ юговостока Европы,

защищаемое Удсетомъ, или то, что колыбелью его была Лузація, какъ полагаютъ другіе.

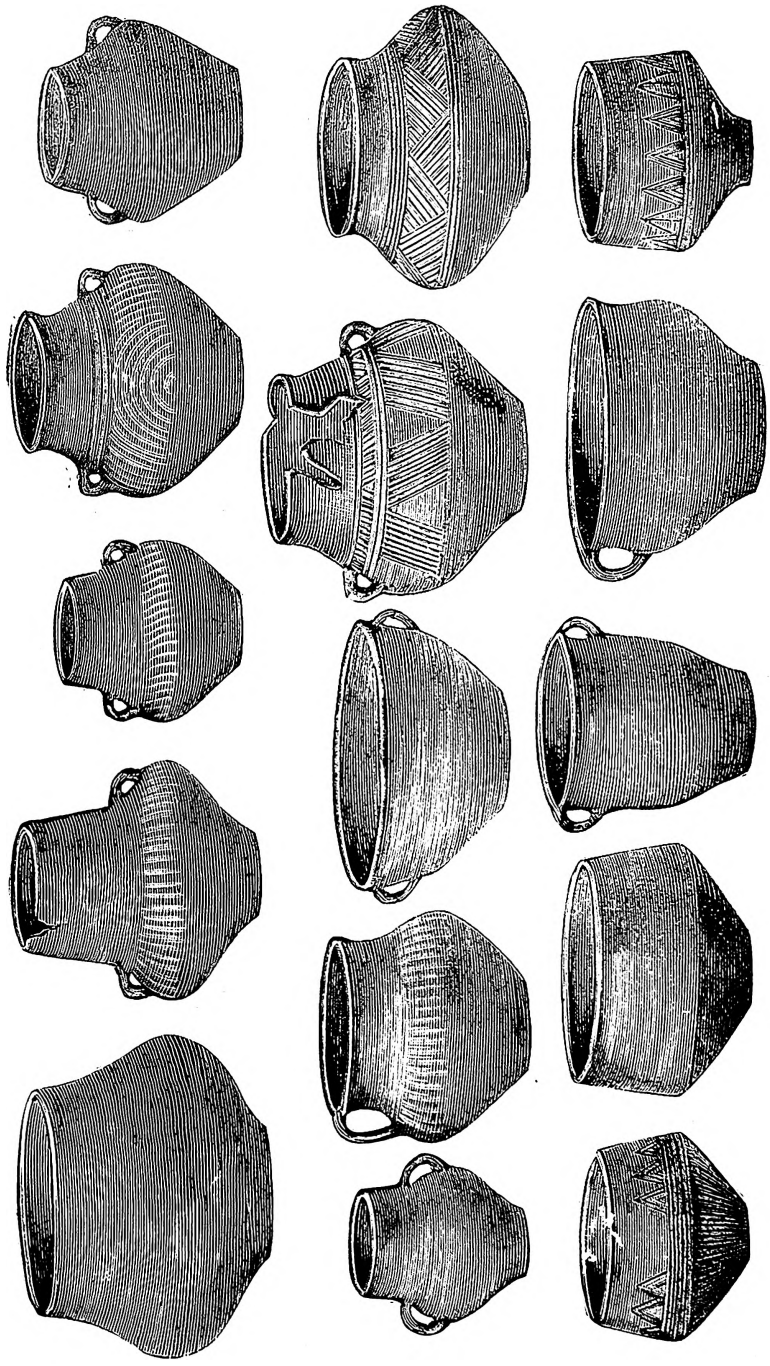


Рис. 225. Сосуды изъ гробницъ возлѣ стоянки Корупка-Елеия въ Чехіи.

Такое разселеніе происходило вѣроятно только въ концѣ бронзоваго вѣка, такъ какъ очень немногіе могильники могутъ быть отнесены къ бронзовому

вѣку съ полной достовѣрностью. Большая же часть носить уже болѣе поздній характеръ, приближающійся къ желѣзному вѣку, и понятно, что ихъ иногда и относятъ сплошь къ этой эпохѣ. Только въ нѣкоторыхъ странахъ, куда, какъ кажется, желѣзная культура проникла не такъ быстро, мы видимъ развитіе бронзовой культуры и въ поляхъ урнъ, и нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр. лужицкія, почти современны съ тѣми силезскими и моравскими, въ которыхъ уже встрѣчается желѣзо.

Что это былъ за народъ, которому принадлежали описанные могильники,— объ этомъ мы скажемъ больше въ слѣдующей главѣ. Теперь же мы возвратимся еще на короткое время къ Чехіи и Моравіи.

Въ томъ, что и часть доисторическихъ чешско-моравскихъ сельбищъ относится къ бронзовому вѣку, не можетъ быть сомнѣнія. Народъ, погребавшій и сожигавшій своихъ покойниковъ въ теченіе этого времени, долженъ-же былъ гдѣ нибудь жить. И дѣйствительно, часть отбросныхъ ямъ принадлежитъ именно этой эпохѣ, но онѣ очень мало изслѣдованы, и трудно, а часто даже и невозможно распредѣлить ихъ съ точностью по разнымъ эпохамъ. Возлѣ могильниковъ этой эпохи (за исключеніемъ впрочемъ южночешскихъ кургановъ) попадаются часто такъ наз. культурныя ямы, очень многочисленныя, напр. возлѣ могильниковъ унетицкаго типа, и мы можемъ поэтому съ увѣренностью отнести ихъ къ той-же эпохѣ, какъ и эти могильники. Нѣкоторыя городища также относятся по времени своего сооруженія къ этому же періоду. Это предполагаетъ напр. проф. Вольдржихъ относительно городища возлѣ Понешицъ.

Д-ръ Ванкель относитъ также къ бронзовому вѣку и начало свайныхъ поселеній, найденныхъ въ Оломуцѣ (Ольмюцѣ). При постройкѣ чешскаго народнаго дома въ этомъ городѣ обнаружены были остатки древнихъ свайныхъ сооруженій, стоявшихъ когда-то на рукавѣ рѣки Моравы, которая была введена въ свое нынѣшнее ложе только при князѣ Вратиславѣ, приблизительно между 1050 и 1060 годами нашей эры. Въ постройкахъ на сваяхъ тамъ жили еще въ теченіе среднихъ вѣковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ найденные между сваями сосуды позднѣйшей работы, монеты и прочія вещи. Но нижніе слои гораздо древнѣе и относятся можетъ быть и къ бронзовому вѣку. Чрезвычайной древностью отличаются также остатки свайныхъ построекъ въ Наклѣ, гдѣ было найдено нѣсколько прекрасныхъ бронзовыхъ сосудовъ, которые впрочемъ оказались относящимися уже къ желѣзному вѣку [276]).

Описаніе бронзоваго вѣка въ остальныхъ, нынѣ славянскихъ странахъ, оказывается очень труднымъ. На Востокѣ Европы еще недостаетъ того детальнаго изученія старины, съ какимъ мы встрѣчаемся на Западѣ, Югѣ и Сѣверѣ, а также и въ Германіи сравнительно довольно хорошо изслѣдованы только

западныя части Польши и главнымъ образомъ Пруссія, древности которыхъ тщательно описаны О. Тишлеромъ, А. Лиссауэромъ и В. Оссовскимъ *).

Въ каменномъ вѣкѣ характерными для Пруссіи были гробницы съ погребеніями, сложенныя изъ каменныхъ плитъ (ящикообразныя), хотя въ эту эпоху начали появляться и гробницы съ остатками трупосожженія. Въ теченіе же

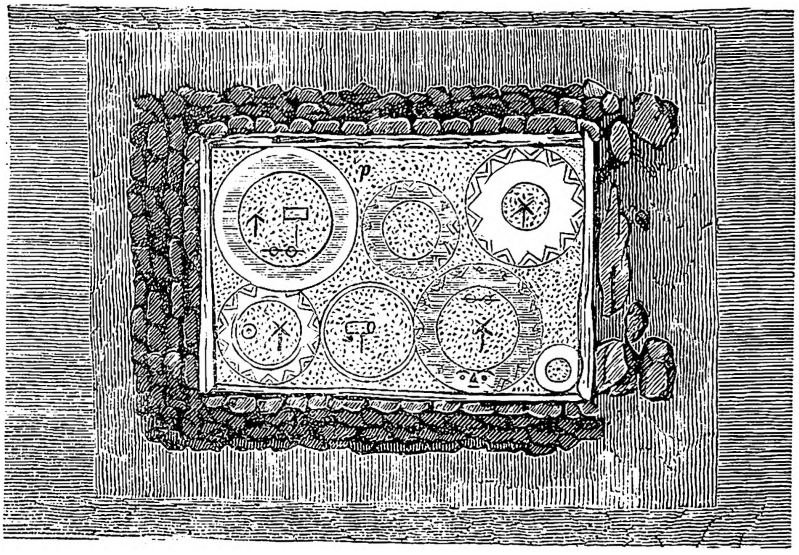


Рис. 226. Схематичный планъ ящикообразной гробницы съ погребальными урнами. (По Оссовскому).

бронзоваго вѣка и переходной эпохи къ желѣзному здѣсь господствовало только сожиганіе мертвыхъ, слѣды котораго мы находимъ сначала въ могилахъ съ насыпанными надъ ними курганами, въ концѣ-же—въ очень богатой и важной группѣ ящикообразныхъ гробницъ безъ кургановъ (рис. 226 и 227).

Предметы, находимые въ этихъ гробницахъ, очень своеобразны; нѣкоторыя формы нигдѣ больше не встрѣчаются. Между характерными бронзовыми пред-

*) О. Тишлеръ раздѣлялъ бронзовый вѣкъ всей сѣверной Германіи (гл. обр. Восточной Пруссіи) на 3 періода, названныхъ имъ по главнымъ находкамъ: 1) Pile-leubingen'скимъ (наиболѣе древній, къ которому относится только нѣсколько коллективныхъ находокъ), 2) Reccatel'скимъ, датированнымъ до первой половины перваго тысячелѣтія до нашей эры, и 3) переходнымъ къ желѣзному вѣку. Лиссауэръ, наиболѣе занимавшійся Западной Пруссіей и окрестными странами, раздѣлялъ бронзовый вѣкъ здѣсь на 1) древній періодъ, характеризуемый могилами съ остатками трупосожженія, 2) средній—съ курганами и кладами, 3) младшій—съ кладами и 4) самый младшій—съ гробницами изъ каменныхъ плитъ, достигающій даже конца III стол. до нашей эры [277]). Эти третій и четвертый періоды Лиссауэра соотвѣтствуютъ 3-му періоду Тишлера. Подобное-же раздѣленіе составлено Бельцомъ и для Мекленбурга.

метами особенно замѣчательны кольца съ ушками (такъ наз. Bügelringe) и мѣдные обручи, особенно состоящіе изъ нѣсколькихъ другъ на друга наложенныхъ и соединенныхъ сзади колецъ. Довольно часто мы встрѣчаемся здѣсь съ южными вліяніями, главнымъ образомъ венгерскими. Очевидно здѣсь происходили постоянныя сношенія съ Югомъ, и вся здѣшняя бронзовая культура является только результатомъ долговременной торговли янтаремъ. Чрезвычайно важна и характерна здѣсь керамика. Въ большомъ количествѣ встрѣчаются погребальныя урны, на верхней части которыхъ грубо обозначено человѣческое лицо, а именно: уши (иногда въ эти послѣднія бываютъ вдѣты бронзовыя кольца и янтарныя или стеклянныя

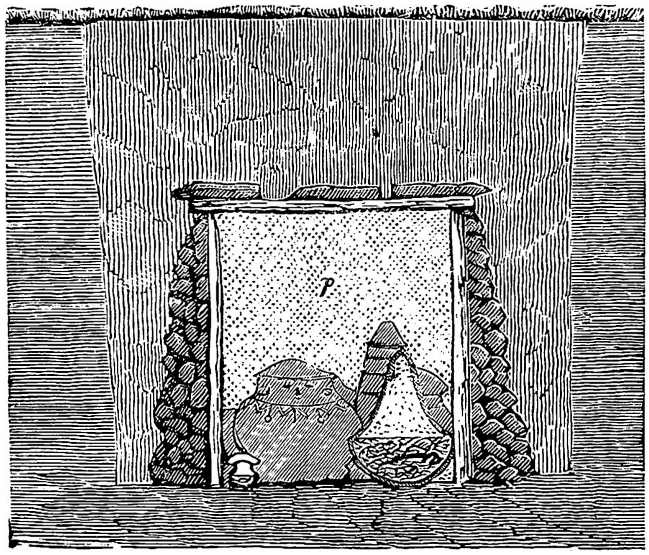


Рис. 227. Схематичный разрѣзъ ящикообразной гробницы съ урнами (по Оссовскому).

бусы, изображающія очевидно серьги), шея съ ожерельемъ, носъ, глаза и ротъ, рѣже и прочія части тѣла (рис. 228). Крышка урны сдѣлана въ видѣ шапки или шляпы съ полями. Носъ, иногда маленькій, иногда большой, всегда моделированъ отдѣльно и потомъ прилѣпленъ. Эти погребальныя урны еще болѣе многочисленны въ слѣдующемъ затѣмъ первомъ періодѣ желѣзнаго вѣка [278]).

Область ихъ распространенія обнимаетъ Западную Пруссію и Померанію, отчасти Познань, а именно часть ея, ограниченную рѣками Регою, Вислою и Вартою. Во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ такія урны являются только въ видѣ исключенія. Отдѣльныя находки извѣстны также въ Uckermark'ѣ, въ Силезіи и въ Польшѣ *).

*) Южнѣе онѣ попадаются только изрѣдка, и извѣстія о нихъ по большей части не особенно надежны. Такъ на одномъ сосудѣ изъ свіянскаго могильника въ

Идея перенести на урну изображеніе человѣческаго лица—очень естественна, и нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ ея было желаніе дать и посмертному хранилищу праха подобіе умершаго. Мы встрѣчаемся съ этой идеей и во многихъ другихъ странахъ, и было-бы очень ошибочнымъ объяснять подобное совпаденіе какими нибудь сношеніями, заимствованіями и т. п. Мы видѣли подобные факты въ Финикіи, на о-вѣ Кипрѣ (и Санторинѣ), въ Троѣ, въ Египтѣ, встрѣтимся съ ними еще въ Европѣ, больше всего въ Италіи у этрусковъ, по крайней мѣрѣ Пигорини нашелъ уже такія урны въ могильникѣ Bovolone—эпохи террамаръ. Въ Венгріи и Трансильваніи найдено было тоже нѣсколько подобныхъ урнъ г-жею Тормъ въ бассейнѣ Мароша. Объ американскихъ мы можемъ даже и не упоминать. Египетскій и ассирійскій обычай класть на голову покойника золотую маску выходитъ изъ той-же идеи. Отсюда этотъ обычай перешелъ въ Финикію, въ Микены, въ Тунисъ, Сардинію и можетъ быть въ Россію къ скиѳамъ; въ Этруріи, какъ мы увидимъ далѣе, начали украшать саркофаги цѣльными фигурами умершихъ.

Рис. 228. Лицевая урна изъ Пруссіи.

Въ Пруссіи, по нашему мнѣнію, лицевыя урны появились, вѣроятнѣе всего, самостоятельно, хотя и здѣсь возможно предполагать заимствованіе. Пруссія была вѣдь постоянно въ очень оживленныхъ сношеніяхъ съ Востокомъ. Лиссауэръ и Вирховъ полагаютъ, что типъ лицевыхъ урнъ былъ занесенъ въ Пруссію именно съ Востока. Садовскій ошибочно впрочемъ думалъ, что онѣ этрусскаго происхожденія. Ундсетъ тоже связываетъ ихъ съ южными вліяніями. Тишлеръ-же былъ противнаго мнѣнія.

Клады, найденные въ Пруссіи и Польшѣ, обыкновенно невелики и состоятъ изъ различныхъ предметовъ. Большіе клады торговцевъ и клады, состоящіе изъ большого количества одинаковыхъ предметовъ, въ этихъ мѣстностяхъ намъ неизвѣстны, кромѣ развѣ небольшой находки дутыхъ ожерельевъ въ Трампкенѣ Данцигскаго округа, кладовъ въ Szczodrowo въ Познани, въ Skarbienice, въ Bytyn'ѣ, Granow'ѣ, Chobienice, Beldowo и пр., находки поломанныхъ серповъ въ Заблакрукахъ въ восточной Галиціи и т. п. [279]).

Чехіи (желѣзнаго вѣка) д-ръ Пичъ усматривалъ такое грубое изображеніе лица. О двухъ другихъ болѣе древнихъ находкахъ подробностей неизвѣстно. Еще дальше на сѣверѣ Европы (даже на Рейнѣ и на востокѣ—въ Россіи) также попадаются этого рода сосуды, но только поодиночкѣ.

О нѣкоторыхъ гробницахъ Царства Польскаго и Галиціи мы упоминали уже на стр. 319, говоря о наиболѣе древнихъ поляхъ погребальныхъ урнъ. Часть ихъ мы относимъ къ бронзовому вѣку, такъ-же точно, какъ и часть ящикообразныхъ гробницъ въ русской Польшѣ, вполнѣ аналогичныхъ ящикообразнымъ гробницамъ въ Пруссіи, равно какъ и часть кургановъ съ остатками трупосожженія и съ погребеніями въ Львовскомъ округѣ въ Покутті и въ Поділлі. Сюда же относятся и гробницы, обложенныя небольшими камнями (очкообразныя гробницы), напр. часть могилъ въ ур. Раків-кутъ (Rakòwkąt) въ Гусятинскомъ округѣ и часть гробницъ, прикрытыхъ плитами, надъ Днѣстромъ. По отзыву Оссовскаго, бронзовые мечи находятъ въ Галиціи только на Покутті и въ Поділлі. Говоря это, мы разумѣется становимся на сторону тѣхъ, которые, въ противоположность прежнимъ взглядамъ Воцеля, Крашевскаго, Садовскаго, Тышкевича и другихъ, признаютъ существованіе бронзоваго вѣка въ этихъ странахъ фактомъ доказаннымъ.

Россія. Мало опредѣленнаго извѣстно о бронзовомъ вѣкѣ въ Россіи. Теоретически нельзя сомнѣваться, что и здѣсь былъ нѣкогда вѣкъ бронзы, но доказать это на основаніи находокъ до сихъ поръ еще очень трудно. Мѣстонахожденій металлической эпохи, при описаніи которыхъ не упоминалось бы вовсе о желѣзѣ, извѣстно еще слишкомъ мало. Отчасти это объясняется тѣмъ, что наиболѣе изслѣдованная, южная часть Россіи была въ оживленныхъ и долговременныхъ сношеніяхъ съ югомъ Европы и съ азіатскимъ Востокомъ, и если въ нее рано проникла бронза, то относительно рано должно было появиться и желѣзо.

Въ средней и восточной Россіи изслѣдованій покуда было сдѣлано еще меньше, а результаты ихъ еще менѣе доступны. Тѣмъ не менѣе, если бронзовая культура вышла изъ Азіи, то для нея въ Россію открывался широкій путь. Она шла сюда съ Востока или черезъ Средиземное море, или изъ Малой Азіи черезъ Черное море, или вдоль южнаго *), а можетъ быть еще скорѣе мимо сѣвернаго берега Каспійскаго моря черезъ Уралъ,—теченіемъ, которое мы поэтому и назвали ранѣе уральскимъ. Жившія тамъ племена—народъ называетъ всѣ оставленные ими памятники чудскими—научились очень скоро обрабатывать мѣдь. Мѣдью изобилуетъ Алтай, Хорасанъ, Уралъ и Кавказъ. Олово встрѣчается рѣже, но оно добывалось все таки не слишкомъ далеко, въ горахъ Парапомиза, а путемъ торговли могло доставляться и изъ Индіи. Этимъ объясняется, вѣроятно, почему мѣдныя издѣлія здѣсь постоянно были въ употребленіи рядомъ съ бронзовыми, а позже и съ желѣзными. Уральское теченіе бронзовой культуры существовало еще и въ позднѣйшія времена и

*) Графъ А. С. Уваровъ полагалъ, что металлы были принесены въ Россію новымъ азіатскимъ народомъ, пришедшимъ изъ Центральной Азіи черезъ Кавказъ.

проникало глубоко въ Россію на югъ и на западъ. Бронзовая культура эпохи переселенія народовъ была также затронута имъ въ значительной степени и позаимствовала отъ него рядъ орнаментальныхъ мотивовъ, въ особенности т. наз. животный орнаментъ.

Находокъ, которыя могли-бы быть отнесены несомнѣнно къ бронзовому вѣку, въ Россіи извѣстно очень немного. Повидимому, курганы этой эпохи встрѣчаются спорадически по берегамъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, однако, сравнительно съ неолитическими и въ особенности съ курганами желѣзнаго вѣка, они очень рѣдки. Д. И. Эварницкій указываетъ въ Новороссійскомъ краѣ только три такихъ кургана. Одинъ изъ нихъ—безыменный въ с. Веселомъ, въ Екатеринославской губ., былъ раскопанъ въ 1868 г. А. П. Засимовичемъ, который нашелъ въ немъ, кромѣ бронзоваго топора со втулкой, скелетъ, лежавшій на глубинѣ 4-хъ аршинъ, на правомъ боку и имѣвшій возлѣ себя спиральный браслетъ, подвѣску и два сосуда. Въ 1885 г. въ другомъ курганѣ, неподалеку отъ перваго было найдено большое количество бронзовыхъ топоровъ со втулкой и серповъ, а въ послѣднее время Эварницкій причисляетъ къ этимъ курганамъ еще одинъ въ с. Богодарѣ въ Александровскомъ уѣздѣ. Впрочемъ, предметы, характеризующіе въ другихъ мѣстахъ бронзовый вѣкъ, какъ бронзовые топоры, серпы, наконечники стрѣлъ, встрѣчаются здѣсь (отдѣльными находками) довольно часто, но мечи уже гораздо рѣже. Мѣстнаго-ли происхожденія эти орудія и оружіе или привознаго? Наиболѣе ихъ было найдено въ Херсонскомъ уѣздѣ возлѣ г. Херсона, въ Екатеринославскомъ уѣздѣ и на притокахъ Днѣпра, Омельникѣ и Мокрой Сулѣ. Первая и единственная литейная мастерская бронзы съ каменными формами была найдена Оссовскимъ возлѣ Бѣлой Церкви на Украинѣ *). Кладовъ было найдено довольно много.

На IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1893 г. одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ археологовъ проф. В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ сообщеніе о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра. По его мнѣнію существованіе бронзоваго вѣка въ этой области не можетъ быть точно констатировано, и возможно предполагать, что за каменнымъ вѣкомъ здѣсь непосредственно слѣдовалъ желѣзный, именно въ виду того, что здѣсь не найдено покуда ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка. Тѣмъ не менѣе, и онъ допускаетъ, что бронзовый вѣкъ существовалъ въ другихъ частяхъ Россіи, и что бронзовая культура проникла сюда двумя путями изъ Центральной Азіи, черезъ Уралъ и съ юга, или югозапада, изъ понтійскихъ колоній.

Но первое теченіе не пошло на западъ далѣе бассейна Камы (древняя Біармія), а второе—западное—ограничилось Бугомъ и Днѣстромъ; на всемъ же

*) Кромѣ этого бронзовые предметы и формы для ихъ отливки были найдены въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губ. и въ нѣсколькихъ мѣстахъ Кіев. губ. (*Прим. переводч.*)

пространствѣ между этими двумя областями, по мнѣнію В. Б. Антоновича, бронзоваго вѣка не было. Впрочемъ въ томъ же засѣданіи мнѣніе это встрѣтило возраженіе со стороны проф. Д. Н. Анучина, который напомнилъ о существованіи третьяго источника бронзовой культуры для Россіи—Кавказа, вліяніе котораго сказывается въ области Дона и выразилъ сомнѣніе въ возможности полнаго отрицанія существованія бронзоваго вѣка въ Центральной Россіи, въ виду отдѣльныхъ находокъ бронзовыхъ орудій (кельтовъ, наконечниковъ копій и т. д.) во Владимірской, Московской и др. губерніяхъ [280]).

Проф. Самоквасовъ въ своей классификаціи русскихъ кургановъ, называетъ наиболѣе древніе изъ нихъ киммерійскими [281]). Онъ приписываетъ ихъ полумиѳическому племени киммерійцевъ, жившихъ въ южной Руси до пришествія скиѳовъ. Они находились еще въ стадіи каменной культуры, въ то время когда жившіе на востокъ отъ нихъ скиѳы поднялись уже до бронзовой. Только когда скиѳы заняли въ VII вѣкѣ до нашей эры всю южную Русь, греческіе колонисты познакомили ихъ съ желѣзомъ, а начиная съ V вѣка мы находимъ у скиѳовъ уже полное вооруженіе изъ желѣза, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ находки въ курганахъ. Такъ думаетъ проф. Самоквасовъ.

По этому мнѣнію, слѣд., киммерійская эпоха и начало скиѳскаго періода обнимаютъ нашъ каменный вѣкъ и расцвѣтъ бронзоваго. Къ ней Самоквасовъ относитъ, кромѣ нѣсколькихъ собственно кавказскихъ мѣстонахожденій, двѣнадцать кургановъ, раскопанныхъ имъ возлѣ Кисловодска и Пятигорска, курганъ «Безщастну Могилу» и другіе безыменные возлѣ деревни Новогригорьевки въ Екатеринославской губ., «Довгу Могилу» возлѣ Александрополя (тамъ-же), большой курганъ у села Біленькаго и курганъ «Гермесову Близницю», раскопанный И. Я. Забѣлинымъ, въ которомъ было найдено большое количество скорченныхъ скелетовъ въ разныхъ положеніяхъ, съ предметами изъ кости, камня и бронзы, и наконецъ часть кургановъ изъ раскопокъ гр. Бобринскаго въ окрестностяхъ Смѣлы.

Въ курганахъ этихъ скелеты или положены навзничь, или въ скорченномъ положеніи, или въ сидячемъ, просто на землѣ или въ деревянныхъ или обложенныхъ камнемъ камерахъ. Возлѣ костяковъ кромѣ сосудовъ и многочисленныхъ каменныхъ орудій и оружія (долотъ, молотковъ, ножей) попадаются также и украшенія и оружіе изъ бронзы (мѣди?), главнымъ образомъ стрѣлы.

Къ бронзовому же вѣку можно отнести часть приуральскихъ могильниковъ. Обитатели этого края очень рано обработывали уже мѣдь, добывая ее сами изъ богатыхъ уральскихъ копей. Значительная часть металлическихъ предметовъ этой области сдѣлана изъ чистой мѣди или съ примѣсью олова. Впрочемъ, обыкновенно съ мѣдными орудіями и оружіемъ

встрѣчаются и желѣзные, указывая, такимъ образомъ, скорѣе на начало желѣзнаго вѣка. Собственно курганы, встрѣчаемые въ степныхъ мѣстностяхъ Пермской, Оренбургской и сосѣднихъ губерній, относятся уже къ болѣе поздней эпохѣ. Кое-гдѣ, въ Казанской, Оренбургской, Самарской губ. находили клады мѣдныхъ издѣлій, серповъ, топоровъ, зарытые очевидно торговцами.

Относительно Кавказа мы можемъ также съ большой правдоподобностью говорить о бронзовомъ вѣкѣ. Уже въ 1881 г. на русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ Г. Д. Филимоновъ говорилъ о признаніи настоящаго бронзоваго вѣка на Кавказѣ, въ существованіи котораго не сомнѣваемся и мы; но гр. А. С. Уваровъ его отрицалъ, а гр. Толстой и проф. Кондаковъ еще въ послѣднее время съ опредѣленностью относятъ извѣстный могильникъ въ Кобани ко времени начала нашей эры, хотя во многихъ могилахъ его и не найдено было желѣза.

Кобанскій могильникъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, большею своею частью еще бронзовому вѣку, разумѣется самому концу его (или—если угодно—началу желѣзнаго вѣка). Украшенія и большинство оружія въ немъ сдѣланы изъ бронзы, желѣзо встрѣчается только въ видѣ украшеній и орнаментовъ, которыми выложены бронзовыя издѣлія (напр. поясныя бляхи), и въ видѣ нѣсколькихъ кинжаловъ, найденныхъ однако въ гробницахъ позднѣйшаго времени.

Кобанскія гробницы открыты были въ 1869 г. во время наводненія недалеко отъ аула Кобанъ, въ Осетіи. Онѣ были изслѣдованы Г. Д. Филимоновымъ, В. Б. Антоновичемъ, Э. Шантромъ, Р. Вирховымъ и многими другими [282]). Давно уже ни одинъ могильникъ не производилъ такого волненія въ археологическомъ мірѣ, какъ этотъ. Признавая своеобразность открытой въ немъ культуры, все таки въ отдѣльныхъ ея деталяхъ многіе находили сходство съ бронзовыми древностями Греціи, Венгріи, Сѣвера, а главное, Галльштатта. Его причисляли больше всего къ области галльштаттской культуры, и много было написано о связи этой окраины Россіи съ центромъ Европы.

Дѣйствительно, мы находимъ здѣсь извѣстныя точки соприкосновенія съ другими странами. Мы встрѣчаемъ здѣсь кое что, что пришло въ Европу съ Востока (напр. венгерскіе спиральные браслеты, характеръ топоровъ, серпы, ожерелья), и кое что проникнувшее, наоборотъ, изъ Европы или вообще съ береговъ Средиземнаго моря, какъ напр. спиральные наручники (изъ Греціи—по мнѣнію О. Монтеліуса, или изъ Египта при посредствѣ финикіянъ—по мнѣнію Соф. Мюллера), дугообразная фибула начала желѣзной эпохи въ южной Европѣ, янтарь, сосуды на подобіе разныхъ животныхъ, эмаль и т. п. Болѣе соотношеній замѣчается впрочемъ въ Кобанскомъ могильникѣ, равно какъ и

въ другихъ позднѣйшихъ могильникахъ Кавказа—съ Сибирью и съ Средней Азіей. Такъ напр. фигурки разныхъ оленеобразныхъ животныхъ, подвѣски въ видѣ козлиныхъ головокъ, несомнѣнно, указываютъ на Сибирь. Но, не смотря на всѣ эти частныя сходства въ деталяхъ, въ общемъ кобанскія бронзы вполнѣ своеобразны и представляютъ собою очевидно мѣстную, богато развитую культуру, основы которой были принесены откуда-то изъ Средней Азіи. Относительно халдейскаго происхожденія, которое приписывалъ этой культурѣ Э. Шантръ, не имѣется пока никакихъ сколько нибудь убѣдительныхъ доказательствъ.

Рис. 229. Кобанская гробница (по Шантру).

Кобанскія гробницы заключаютъ въ себѣ обыкновенно по одному покойнику каждая, но встрѣчаются и семейныя гробницы. Принадлежатъ онѣ къ типу ящикообразныхъ гробницъ. Костяки лежали въ нихъ на боку, иногда въ скорченномъ положеніи, съ руками, приложенными къ груди (см. рис. 229). Самыя гробницы состоятъ изъ хорошо приложенныхъ одна къ другой, отесанныхъ каменныхъ плитъ. Предметовъ при костякахъ много, и въ числѣ ихъ совершенно отсутствуютъ вещи изъ камня и кости; почти все сдѣлано изъ бронзы, желѣзо встрѣчается рѣдко.

Между оружіемъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе топорики особенной изящной формы (рис. 230), часто инкрустированные или украшенные рѣзьбою; затѣмъ бронзовые кинжалы листообразной формы съ массивной рукоятью (въ гробницахъ позднѣйшаго времени попадаются и желѣзные). Между украшеніями особенно оригинальны большія лопатковидныя булавки, иногда болѣе 30 сантим. длины, оканчивающіяся вмѣсто головки большимъ расширеніемъ въ видѣ лопатки (подобныя неизвѣстны нигдѣ, за исключеніемъ только Южной Америки); затѣмъ булавки съ миніатюрными топориками и фигурками животныхъ вмѣсто головки (рис. 231), небольшія

«зеркальца» съ ушками, служившія по мнѣнію проф. Кондакова для украшенія конской сбруи, большіе спиральные браслеты (рис. 229), подобные венгерскимъ, и массивные гладкіе браслеты, аграфы для поясовъ, инкрустированные желѣзомъ или чѣмъ то въ родѣ цвѣтной эмали (рис. 232), фибулы съ дужкой, сходныя съ тѣми, съ которыми мы встрѣтимся въ слѣдующей главѣ въ южной Европѣ, нѣкоторыя съ цѣпочками и привѣсками вдоль дуги. Изъ привѣсокъ многія имѣютъ форму головы горнаго барана съ сильно загнутыми рогами (подобныя головки встрѣчаются и на фибулахъ, см. рис. 243), разныя спирали, скрученныя изъ толстой проволоки и слу-

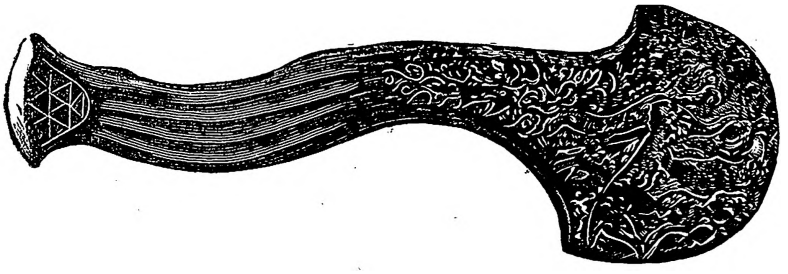


Рис 230. Бронзовый топорикъ изъ Кобани.

жившія очевидно украшеніемъ для волосъ, многочисленныя бронзовыя бляхи и пуговки, служившія для застегиванія одежды, и много другихъ мелкихъ предметовъ, какъ напр. бусы изъ янтаря, стекла и т. д. Керамика представлена также въ изобиліи. Сосуды сдѣланы отъ руки и орнаментированы треугольниками изъ глубоко врѣзанныхъ черточекъ, и четыреугольниками, наполненными бѣлою массою.

Изъ этого бѣглаго обозрѣнія кобанскихъ находокъ можно видѣть *), что онѣ должны быть отнесены еще къ концу бронзоваго вѣка или, пожалуй, къ эпохѣ переходной отъ бронзы къ желѣзу. Ничто не мѣшаетъ впрочемъ приблизить ихъ абсолютную древность и болѣе къ нынѣшней эпохѣ. Если правы гр. Толстой и Кондаковъ, относящіе ихъ къ самому началу нашей эры, то это значило бы только, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа бронзовый вѣкъ держался чрезвычайно долго. Но другіе опредѣляли древность этого могильника иначе. Вирховъ, напр., издавшій объ этомъ могильникѣ обстоятельную монографію, относитъ его къ XI—X стол., а Шантръ ко времени между XV и VII стол. до нашей эры. Монтеліусъ, на основа-

*) Сюда же относятся и наиболѣе древнія части могильниковъ возлѣ Самтавро и на Рѣдкиномъ полѣ. Остальные позднѣйшаго происхожденія. На Кавказѣ были найдены и нѣкоторые клады (dépots) этой эпохи, такъ напр. въ Бекешевской станицѣ въ Кубанской области.

ніи указанныхъ выше сближеній съ греческими и итальянскими находками, относитъ конецъ бронзоваго вѣка въ Кобани къ XIII стол., Морганъ же—наиболѣе древнія гробницы даже къ 2500—3000 годамъ до нашей эры! Замѣтимъ при этомъ, что еще византійскій историкъ Халкокондиласъ упоминаетъ въ XV в. нашей эры о бронзовомъ (мѣдномъ?) оружіи кавказскихъ алановъ. Но мы не можемъ рѣшиться ни на какое болѣе точное опредѣленіе, такъ какъ во всемъ этомъ вопросѣ очень многое остается еще неяснымъ.

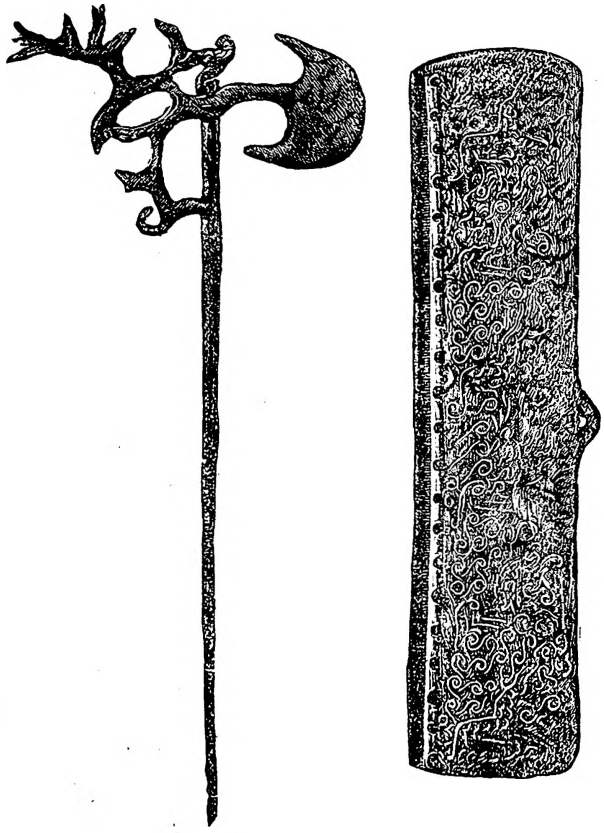


Рис. 231 и 232. Бронзовая булавка и поясная бляха изъ Кобани.

Точно также трудно разрѣшить вопросъ о томъ, какому народу принадлежала эта самостоятельная и своеобразная кавказская культура. Въ кавказскихъ горахъ и въ Закавказьѣ жили всевозможныя племена; они боролись между собою, и болѣе слабыя изъ нихъ искали убѣжища въ горахъ. Еще въ отдаленной древности страна эта была извѣстна своимъ многоязычіемъ; Плиній насчитывалъ здѣсь 130 языковъ, Страбонъ упоминаетъ о существованіи въ г. Діоскуріи переводчиковъ для 70 нарѣчій. Наибольшую извѣстность между народами Кавказа пріобрѣли себѣ аланы, по всей вѣроятности предки нынѣшнихъ осетинъ, но неизвѣстно—откуда пришедшіе *). Прямыя указанія на нихъ мы находимъ только у писателей I-го вѣка нашей эры; древности бронзоваго вѣка едва-ли могутъ быть имъ приписаны. Черепа, найденные въ Кобани—долихо- и мезоцефалическіе.

Такою представляется въ бѣгломъ обзорѣ картина бронзоваго вѣка Евро-

*) Въ настоящее время достаточно установлено, что аланы жили раньше сѣвернѣе, между прочимъ на Дону (don—по осетински—рѣка, и это слово встрѣчается во многихъ названіяхъ рѣкъ Осетіи, напр. Фіагъ-донъ, Ар-донъ и т. д.).
Прим. Ред.

пы. Мы видѣли, что бронзовая культура вышла вѣроятнѣе всего изъ Азіи и оттуда распространилась нѣсколькими путями на западъ, главнымъ образомъ средиземноморскимъ путемъ, съ уклоненіемъ черезъ Эгейское море на сѣверъ, и затѣмъ черноморскимъ путемъ и уральскимъ. По первому изъ этихъ путей перенесенію ея способствовали главнымъ образомъ финикіяне, распространившіе бронзу въ прибрежныхъ странахъ Средиземнаго моря, въ Греціи, Италіи, Галліи и Испаніи. Они же, но болѣе греки—занесли ее и на берега Чернаго моря, хотя тамъ было и другое теченіе, именно изъ Месопотаміи и Хорасана черезъ Закавказье. Уральскій путь, шедшій къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, также достигалъ Европы. Всѣ эти пути нашли себѣ затѣмъ общую большую дорогу къ центру Европы по теченію Дуная. Но кромѣ того новая культура подвигалась и съ юга на сѣверъ. Главнымъ двигателемъ этого послѣдняго теченія была преимущественно торговля янтаремъ, существовавшая уже въ концѣ каменнаго вѣка и особенно процвѣтавшая въ теченіе бронзоваго. Въ обмѣнъ на янтарь доставлялись на сѣверъ золото и бронза, въ сыромъ видѣ и въ издѣліяхъ. Главные торговые пути шли отъ сѣверныхъ береговъ на западъ по Рейну, къ устью Роны (путь этотъ соединялся съ другимъ, по которому шла сухопутьемъ торговля оловомъ съ Британіей), или по Эльбѣ, Одеру и Вислѣ и ея притокамъ къ среднему Дунаю и оттуда къ Адріатическому морю, или еще восточнѣе черезъ Венгрію и Балканы къ Эгейскому морю и подъ Карпатами по Днѣстру и Днѣпру до Чернаго моря. Этими путями бронзовая культура проникла въ внутреннюю Европу и на Сѣверъ ея, и была затѣмъ мѣстами раньше, мѣстами позже, вытѣснена желѣзною культурою, достигнувши однако ранѣе того, въ нѣкоторыхъ странахъ, замѣчательнаго мѣстнаго развитія.

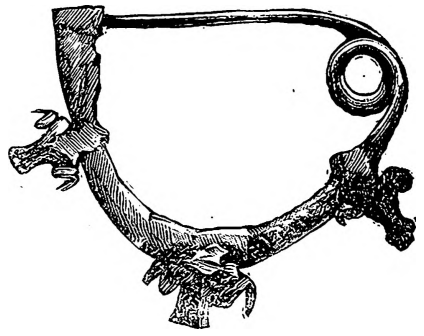


Рис. 233. Фибула изъ Кобани, украшенная головками горныхъ барановъ.

Однимъ изъ доказательствъ насильственнаго переворота въ культурѣ, происшедшаго на рубежѣ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, признается многими и до сихъ поръ измѣненіе погребальнаго обряда. Мы упоминали уже объ этомъ вкратцѣ на стр. 150 и вмѣстѣ съ тѣмъ указали и на то, что измѣненіе похороннаго обряда вовсе не представляетъ собою явленія, тѣсно связаннаго съ появленіемъ новой бронзовой культуры. Какъ уже сказано было выше, во многихъ мѣстностяхъ Европы сожиганіе мертвыхъ преобладало и въ неолитическую эпоху, а въ настоящей главѣ мы имѣли уже случай отмѣтить, что и въ послѣдовавшую затѣмъ эпоху, или по крайней мѣрѣ

въ началѣ ея, прежній обрядъ погребенія въ землѣ сохранялся еще долго напр. въ Баваріи, Австріи, Чехіи, Англіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сожиганіе мертвыхъ и вовсе не замѣнило собой погребенія, какъ напр. въ Греціи, Италіи, на Кавказѣ и на Востокѣ.

Все это рѣшительно свидѣтельствуетъ противъ того, что перемѣна погребальнаго обряда могла произойти только путемъ насильственнаго переворота, какъ думалъ между прочимъ и Р. Вирховъ. Религіозныя идеи бываютъ обыкновенно слишкомъ глубоко вкоренены у первобытныхъ людей и легко не мѣняются, но идеи указанныхъ двухъ обрядовъ погребенія вовсе не такъ противоположны одна другой, какъ думаетъ напр. Вирховъ. Мы встрѣчаемъ еще и въ настоящее время племена, у которыхъ оба обряда существуютъ совмѣстно; съ другой стороны и между доисторическими могилами встрѣчаются такія, въ которыхъ соединены оба эти погребальные обряда. Все это достаточно свидѣтельствуетъ, что нѣтъ особенныхъ основаній связывать перемѣну погребальнаго обряда съ насильственнымъ переворотомъ или появленіемъ новаго населенія.

ГЛАВА VII.

Древнѣйшій желѣзный вѣкъ.

Желѣзо, его распространеніе и добываніе въ древности.—Три пояса первобытной желѣзной культуры въ Европѣ.—Греція и греки.—Гипотеза Гёрнеса.—Италія: италики, этруски, венеты.—Галльштаттъ и область галльштаттской культуры.—Балканы, приморскія и альпійскія области Австріи.—Дунайская область.—Чехія и Моравія.—Галлія, Испанія и Британія.—Сѣверъ Европы. — Поля погребальныхъ урнъ этой эпохи и народъ, которому они принадлежали. — Россія и Польша. — Классификація русскихъ кургановъ. — Греческія и скиѳо-сарматскія древности южной Россіи.

За бронзовымъ вѣкомъ въ Европѣ слѣдовалъ желѣзный. Желѣзо — въ настоящее время металлъ наиболѣе распространенный и наиболѣе употребительный для приготовленія орудій [283]). Не отличаясь красивымъ цвѣтомъ, требуя много труда для обработки, легко подвергаясь окисленію и наконецъ не будучи теперь рѣдкимъ,—онъ не годится для украшеній. Рѣдкость матеріаловъ вездѣ возвышаетъ цѣну украшеній... Но это не всегда такъ было относительно желѣза. Есть цѣлый рядъ доказательствъ, что и желѣзо употреблялось нѣкогда для украшеній, и если его свойства не могли равнять его съ золотомъ, мѣдью и бронзой, то причиною его употребленія для этой цѣли могла быть его рѣдкость. Въ гробницахъ возлѣ Варки и Мугайяра,—въ Месопотаміи, желѣзо встрѣчается въ видѣ украшеній, такъ-же какъ и въ гробницахъ на о-вѣ Кипрѣ, въ древнѣйшихъ могилахъ Греціи, и наконецъ въ Кобанскомъ могильникѣ, гдѣ оно служило для насѣчки или накладки на бронзовое оружіе и на поясные аграфы. Желѣзный браслетъ найденъ былъ въ скиѳской «Луговой» могилѣ, желѣзные перстни въ курганѣ возлѣ Бѣлозерки. Въ Средней Европѣ извѣстны подобныя же находки въ Швейцаріи, въ сѣверной Италіи, въ сѣверной Пруссіи (бронзы, инкрустированныя желѣзомъ) и въ другихъ мѣстахъ.

Самородное желѣзо въ Европѣ почти не встрѣчается, за исключеніемъ развѣ метеоровъ. Обыкновенно же оно добывается изъ рудъ, чаще всего изъ магнитнаго желѣзняка, изъ бурой желѣзной руды (лимонита) или красной

(гематита). Черная и красная желѣзныя руды содержатъ въ себѣ около 70% химически-чистаго желѣза. Металлическое желѣзо получается изъ нихъ путемъ возстановленія окисловъ, составляющихъ главную часть руды, дѣйствіемъ сильнаго жара. Полученный такимъ образомъ металлъ никогда не бываетъ чистымъ, такъ какъ всѣ желѣзныя руды содержатъ въ себѣ разныя примѣси, очистить отъ которыхъ желѣзо и сдѣлать его годнымъ для обработки, при первобытномъ состояніи металлургіи, какъ говоритъ Рейеръ, было дѣломъ очень труднымъ. Вѣроятно поэтому уже и Гомеръ называетъ желѣзо σίδηρος πολύκμητος—«тяжко-обрабатываемымъ». Отсюда можно было бы заключить уже a priori, что желѣзо естественно должно было явиться однимъ изъ позднѣйшихъ металловъ, въ ряду игравшихъ наибольшую роль въ исторіи развитія человѣческой культуры.

Нѣкоторые ученые, впрочемъ, какъ напр. Бекъ (L. Beck), Джонъ Перси (John Percy), а вслѣдъ за ними и Блюмнеръ (H. Blümner) считаютъ наоборотъ добываніе желѣза изъ рудъ очень легкимъ, болѣе сподручнымъ, чѣмъ добываніе мѣди. Перси говоритъ, что достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы получить изъ руды, положенной въ огонь изъ древеснаго угля, металлическое желѣзо. Но, конечно, расплавить желѣзную руду можно только при очень высокой температурѣ (около 1200°), достиженіе которой для древнихъ литейщиковъ было весьма затруднительнымъ.

Во всякомъ случаѣ, находки повсюду свидѣтельствуютъ о томъ, что въ Европѣ желѣзо было однимъ изъ самыхъ позднѣйшихъ культурныхъ металловъ и вошло въ употребленіе позже мѣди и бронзы. Изъ этого однако нельзя заключать, что такимъ же образомъ дѣло шло и въ прочихъ странахъ Свѣта *) и что даже въ самой Европѣ не было какой-нибудь страны, въ которой знакомство съ желѣзомъ не произошло раньше знакомства съ бронзой.

*) R. Andree представилъ прекрасный обзоръ исторіи металловъ у примитивныхъ народовъ и въ немъ констатировалъ большое количество центровъ желѣзной культуры въ Старомъ Свѣтѣ: 1) въ Африкѣ; 2) въ западной Индіи; 3) на Малайскомъ архипелагѣ; 4) въ Индо-Китаѣ; 5) въ Китаѣ и 6) въ Японіи. Особенной древностью и распространеніемъ отличается обработка желѣза въ Африкѣ. Въ этой странѣ желѣзный вѣкъ слѣдовалъ, повидимому, непосредственно за каменнымъ. Желѣзную промышленность мы находимъ на р. Замбезе, у кафровъ, у готтентотовъ и т. п. и во всей средней Африкѣ. По словамъ Вайтца, въ Африкѣ, къ югу отъ Кордофана желѣзо добывается такимъ образомъ, что въ ямки, выкопанныя въ землѣ, помѣщаются куски руды, смѣшанные съ древеснымъ углемъ, затѣмъ сверху разводится огонь и поддерживается долго съ помощью раздуванія мѣхами. У нѣкоторыхъ племенъ, какъ напр. у бамбарра, надъ ямкой устраиваютъ печь. Джуры и бонги, по словамъ Швейнфурта, тоже строятъ для этого особенныя печи. На днѣ ихъ постепенно накопляются капли металла, изъ которыхъ при помощи ковки получаютъ уже хорошее и годное для издѣлій желѣзо.

Утвержденіе наше относится только къ Европѣ, какъ цѣлому, и къ ея главнымъ частямъ. Для нихъ слѣдуетъ считать вполнѣ вѣрнымъ старое положеніе Томсена, по которому желѣзному вѣку предшествовали вѣка каменный и бронзовый. И такъ-же точно, какъ находки фрагментовъ бронзы въ гробницахъ съ чисто неолитическимъ инвентаремъ нисколько не нарушаютъ справедливости системы трехъ періодовъ, такъ-же точно не нарушаютъ ея и находки въ сѣверо-германскихъ, скандинавскихъ и русскихъ неолитическихъ могилахъ слѣдовъ желѣза. Эти мелкіе предметы, не имѣвшіе въ то время никакого вліянія на общее развитіе культуры, могли заноситься въ то время такими же путями, какъ какія-нибудь стекляныя бусы, или украшенія изъ слоновой кости. Однимъ словомъ, желѣзо слѣдуетъ считать самымъ позднѣйшимъ культурнымъ металломъ въ Европѣ, который началъ проникать въ нее съ юга и юговостока тогда, когда бронзовый вѣкъ былъ въ ней еще въ полномъ расцвѣтѣ.

Происхожденіе европейской желѣзной культуры по всей вѣроятности не было мѣстнымъ. Какъ будетъ объяснено далѣе, желѣзная культура въ Европѣ была,—какъ и бронзовая—вѣроятно, восточнаго происхожденія. Но въ Европѣ желѣзныя руды такъ распространены, и такъ рано начали добываться и обрабатываться, что, несомнѣнно, значительная доля европейской желѣзной культуры, особенно такъ называемая культура Іа-Тѐпе и римская, имѣли своей основой уже мѣстную промышленность.

Въ тѣ времена, когда въ Европѣ желѣзо еще не было въ употребленіи, оно уже хорошо было извѣстно на Востокѣ. Относительно Египта вопросъ этотъ не разрѣшенъ еще окончательно, но можно полагать, что желѣзо вошло тамъ въ употребленіе съ той эпохи, когда въ стѣнной живописи орудія и оружіе начали изображаться голубою краскою, вмѣсто красной и желтой, т. е. съ начала XVIII династіи. Употребленіе его въ болѣе древнія времена, доказываемое Оливье-Борегаромъ, Лепсіусомъ, Видеманномъ, Бекомъ, Габр. де Мортилье и другими, возбуждаетъ сомнѣнія. Возможно однако, что первое начало ввоза этого металла изъ Азіи въ Египетъ относится и къ болѣе раннему времени. Въ находкахъ возлѣ Кагуна, относящихся къ XII дин., а также въ Гуробѣ, Флиндерсъ Петри не нашелъ желѣзныхъ предметовъ, но за то онъ встрѣтился съ ними въ позднѣйшей колоніи, Навкратидѣ. Египтяне добывали желѣзо въ Синайскихъ горахъ, въ Сиріи или во внутренней Африкѣ, въ Нубіи и Кордофанѣ. Въ западной Азіи также не знали сначала желѣза. Въ наиболѣе древнихъ находкахъ, какъ напр. въ гробницахъ возлѣ Мугайяра на Евфратѣ и въ Варкѣ оно попадается рѣдко. Орудія и оружіе этихъ гробницъ сдѣланы изъ камня, мѣди и бронзы, изъ желѣза же встрѣчаются только украшенія, да и то, какъ кажется, лишь въ болѣе позднихъ могилахъ. Указанныя гробницы относятся приблизительно ко

времени отъ 2500 до 1000 л. до нашей эры. Во всякомъ случаѣ, для этихъ странъ можно считать доказаннымъ, что уже въ XIII столѣтіи до нашей эры тамъ употреблялось желѣзное оружіе совмѣстно съ бронзовымъ и во дворцѣ Саргона въ Хорсабадѣ В. Плэсъ (Place) открылъ цѣлый запасный магазинъ желѣза въ сыромъ видѣ и въ издѣліяхъ, множество кузнечныхъ и земледѣльческихъ орудій, въ общемъ около 160.000 килогр. вѣсомъ. Въ VIII и IX вѣкахъ ассирійская желѣзная промышленность была уже на высокой степени развитія, и ассирійское желѣзное вооруженіе, часто съ бронзовой насѣчкой, имѣло широкое распространеніе.

Изъ другихъ странъ Востока, гдѣ были богатыя желѣзныя копи и гдѣ желѣзная промышленность также скоро достигла процвѣтанія, слѣдуетъ указать на сѣверную часть Малой Азіи и Закавказье. Здѣсь жили когда-то, по берегамъ Понта и въ Арменіи, халибы, умѣвшіе еще въ древности приготовлять самую лучшую сталь (называвшуюся по ихъ имени χάλυψ). Изъ Синопа и Амисса халибское оружіе развозилось по всему свѣту. Затѣмъ желѣзо находилось въ изобиліи и добывалось издавна въ Сиріи (на Ливанѣ), въ Парѳіи, во многихъ мѣстностяхъ Малой Азіи, въ Каппадокіи, Троадѣ, Виѳиніи, на о-вахъ Кипрѣ, Родосѣ, Серифѣ и проч.; во многихъ мѣстахъ въ этихъ странахъ оно добывается и теперь.

Если мы примемъ во вниманіе торговыя сношенія, которыя велись между Востокомъ и южной Европой сначала финикіянами, а потомъ карійцами и греками, если мы припомнимъ, что эти сношенія оставили въ Европѣ множество слѣдовъ внесенія и обмѣна культурныхъ элементовъ, — то намъ не покажется произвольнымъ предположеніе, что и первымъ знакомствомъ съ желѣзомъ Европа обязана тому же Востоку. Въ пользу этого говоритъ и то, что желѣзо, какъ и бронза, появляется ранѣе всего въ странахъ наиболѣе близкихъ къ Востоку. Оно проникало туда, очевидно, нѣсколькими путями—или на западъ, по морю, въ Грецію и на Балканы, въ Италію и въ приморскія области Австріи, или же на сѣверъ и въ этомъ случаѣ или черезъ Черное море въ Южную Россію къ скиѳамъ, или же прямо изъ Ассиріи торговыми путями черезъ Кавказъ или черезъ Каспійское море къ устьямъ Волги. Наиболѣе древнія желѣзныя орудія въ Европѣ извѣстны намъ до сихъ поръ изъ Греціи и Италіи. Въ Греціи однако желѣзная промышленность не сдѣлалась мѣстною *); еще довольно долго недостатокъ въ желѣзѣ покрывался тѣмъ вывозомъ изъ черномор-

*) Еще въ VI вѣкѣ, по извѣстію Геродота, спартанскій посолъ Лихесъ удивлялся кузнечной мастерской въ Тегеѣ въ Аркадіи. Въ Пелопонесѣ, хотя извѣстій объ этомъ и нѣтъ, желѣзо добывалось, какъ кажется, на м. Тенарѣ и въ Малеѣ, позже существовала также выдѣлка желѣза въ Бэотіи и на Эвбеѣ. Зато богатыя залежи желѣза въ Лавріонскихъ горахъ, въ Аттикѣ, остались незамѣченными.

скихъ странъ, отъ халибовъ и другихъ племенъ изъ Малой Азіи. Зато въ сѣверной части Балканъ производство желѣза, повидимому, скоро привилось, тѣмъ болѣе, что залежи желѣзныхъ рудъ очень многочисленны въ Македоніи, Далмаціи и Иллиріи. Въ Италіи, вѣроятно, уже финикіянами были открыты богатые желѣзные рудники на о-вѣ Эльбѣ (древн. Ilva). Въ другихъ мѣстахъ Европы, куда желѣзо сначала ввозилось, оно начало мало по малу добываться на мѣстѣ, какъ напр. въ Моравіи, гдѣ д-ръ Ванкель и другіе открыли древніе рудники и плавильни возлѣ селъ Рудичи, Габрувка, возлѣ Бланска *), Накля, Слатинекъ, и пр.; они встрѣчаются также во многихъ мѣстахъ Чехіи, въ Усти, Младомъ Болеславѣ, Бубенчѣ, Нусляхъ, Котляржкѣ, возлѣ Праги [285]); затѣмъ въ Карпатахъ, въ Силезіи, Штиріи и въ Хорутаніи они были найдены графомъ Вурмбрандтомъ; впослѣдствіи всѣ Норическія Альпы сдѣлались извѣстны своей желѣзной индустріей. Древніе желѣзные рудники были найдены и въ Испаніи, въ Галліи и Швейцаріи; (здѣсь Quiquerez нашелъ около 400 плавилень на Юрѣ, въ окрестностяхъ Courfaivre, Fornet, Ferrière и пр., изъ которыхъ 61 относятся къ до-римской эпохѣ), въ Британіи (Monmouthshire, Yorkshire) и т. д. Тѣмъ не менѣе, для нѣкоторыхъ странъ Европы желѣзо долго еще оставалось драгоцѣннымъ металломъ. По извѣстіямъ Цезаря—это было еще въ его время въ Британіи, а по словамъ Тацита у балтійскихъ племенъ (эстовъ, финновъ и пр.)

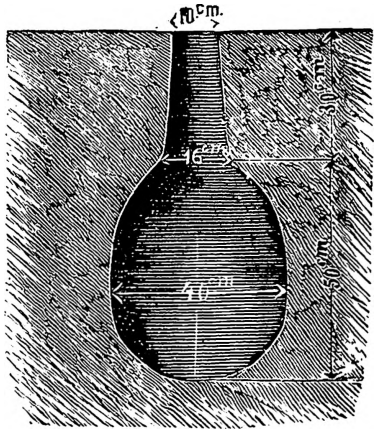


Рис. 234. Разрѣзъ печи для плавки желѣза, найденной въ Нусляхъ возлѣ Праги.

М. Гёрнесъ является, безъ сомнѣнія, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ культуры начала желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ; поэтому въ настоящей главѣ мы можемъ слѣдовать, главнымъ образомъ, его изложенію.

Уже въ теченіе бронзоваго вѣка, какъ мы видѣли, Дунай представлялъ собою границу между двумя обширными областями культуры. Съ одной стороны его мы видимъ Чехію и сѣверовосточную Венгрію, тѣсно связанныя съ Германіей, съ другой—намъ представляется полоса земель, тянущаяся отъ

*) Здѣсь желѣзная руда сплавлялась съ помощью мѣховъ въ тигляхъ грубой работы и желѣзо собиралось на днѣ ихъ. Ванкель нашелъ тамъ цѣлыя кучи тиглей 20 — 25 сантим. вышиною, въ слоѣ земли, перемѣшанной съ пепломъ и углемъ. Огонь, жаръ котораго возвышался дѣйствіемъ мѣховъ, раскладывался подъ нѣсколькими такими тигельками или вокругъ нихъ, или же въ яму, вырытую въ землѣ, ставили сосуды большихъ размѣровъ съ отверстіями и трубочками въ днѣ, черезъ которыя вытекало расплавленное желѣзо [284]).

адріатическаго побережья черезъ Альпы къ южной Германіи и къ бассейну Роны. Кромѣ этихъ двухъ областей самостоятельную также область образуютъ собою южно-европейскія страны, поэтому Гёрнесъ дѣлитъ Европу этого періода на три слѣдующіе культурные пояса:

1) Земли, лежащія на сѣверномъ побережьѣ Средиземнаго моря, т. е. Греція и Испанія (поясъ «сѣверосредиземноморскій» или просто «средиземноморскій»);

2) страны, обнимающія сѣверную часть Италіи, Альпы и Балканы, т. е. полоса средней Европы къ югу отъ Дуная (поясъ «альпійскій» или «южнодунайскій»).

3) Земли къ сѣверу отъ Дуная до морей Сѣвернаго и Балтійскаго (поясъ «сѣверодунайскій» или «сѣверноевропейскій»).

Культура, которой обыкновенно дается названіе Галльштаттской, принадлежитъ преимущественно второму поясу; тамъ, по мнѣнію Гёрнеса, она возникла и тамъ достигла своего наибольшаго развитія. Въ южномъ поясѣ она не продолжалась долго, принявши вскорѣ характеръ такъ назыв. классической культуры, и была тамъ постоянно подъ сильнымъ вліяніемъ Востока; сѣвернаго пояса эта культура достигла только въ небольшихъ размѣрахъ путемъ торговыхъ сношеній. Тамъ на сѣверѣ жили германцы (востокъ Европы и славянскія страны Гернесъ оставляетъ почти безъ разсмотрѣнія), на югѣ — греко-италійскія племена; среднюю область занимали въ эту эпоху кельты, на востокѣ жили иллирійскія племена, которыя по мнѣнію Гёрнеса и были главными носителями этой новой культуры. Такимъ образомъ центръ тяжести культуры начала желѣзнаго вѣка находился въ Иллиріи. Тамъ развились новыя формы, тамъ онѣ достигли расцвѣта и оттуда широкимъ кругомъ распространились во всѣ стороны.

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи Гёрнесъ слѣдуетъ порядку, установленному его культурными поясами, чему послѣдуемъ и мы, находя этотъ порядокъ наиболѣе удобнымъ. Но къ тремъ поясамъ Гёрнеса мы должны будемъ прибавить еще четвертый, обнимающій собою Востокъ Европы, т. е. большую часть нынѣшнихъ славянскихъ земель.

Средиземноморскій поясъ. Греція. Въ этомъ отдѣлѣ удобно коснуться культуры промежуточной эпохи между миѳическими временами, когда въ Греціи и на ея островахъ процвѣтала еще бронзовая микенская культура, и между историческимъ періодомъ, когда греческій духъ получилъ такое развитіе, что произведеніямъ его было усвоено впослѣдствіи наименованіе классическихъ.

Начало этого пробужденія, этого освобожденія отъ постороннихъ, главнымъ образомъ, восточныхъ вліяній, относится еще къ промежутку между доисторическими и историческими временами, и мы должны заняться имъ

здѣсь уже потому, что только при его выясненіи можемъ мы получить правильное понятіе о миценской культурѣ, столь важной для Греціи и для доисторическихъ временъ вообще. Однимъ изъ самыхъ главныхъ мѣсто-нахожденій этой эпохи являются болѣе древнія части раскопокъ въ Олимпіи [286]). На Пелопонезскомъ полуостровѣ, недалеко отъ береговъ Элиды, находилась надъ священной рѣкой Алфеемъ небольшое поселеніе Олимпія. Оно никогда не достигало до размѣровъ города, но несмотря на это получило всемірную извѣстность, и въ тѣни священной рощи, окружавшей храмъ Зевса, скрывались величайшія произведенія греческаго генія. Это были по большей части драгоцѣнныя художественныя приношенія богамъ отъ воиновъ. Причиной извѣстности этого незначительнаго поселка были знаменитыя олимпійскія игры. Начиная съ 776 года сюда сходились со всѣхъ сторонъ Эллады старые и юные въ надеждѣ получить величайшую награду, которая могла украшать голову грека—простой лавровый вѣнокъ. Олимпійскія игры происходили въ началѣ каждаго четырехлѣтія (олимпіады), на стадіи, находившемся въ предѣлахъ священнаго лѣса, Альтиса. Начались онѣ въ 776 г. до нашей эры и продолжались еще долго и по ея наступленіи. Даже въ тѣ времена, когда Греція подвергалась вторженіямъ варваровъ и домашнимъ междоусобіямъ, олимпійскіе праздники не прекращались. Только въ концѣ IV столѣтія нашей эры, когда страна была опустошена готами, много поселеній было истреблено и городовъ разрушено, насталъ конецъ и Олимпіи. Послѣднія состязанія происходили здѣсь въ 392 г., а черезъ годъ затѣмъ были прекращены по распоряженію императора Ѳеодосія I-го. Въ священной рощѣ Зевса воцарилась тишина. Наиболѣе драгоцѣнныя художественныя произведенія были давно уже разграблены, а чего не могли унести грабительскія руки варваровъ и римлянъ, то было разрушено временемъ; славный храмъ Зевса Олимпійскаго, съ художественными работами Фидія, Алкамена и Пэонія, храмъ Геры, Реи, алтарь Зевса, Пелопіонъ, Экзэдра и т. п. обратились въ развалины, размывались дождями, сравнивались съ почвой, заносились пескомъ и землей, такъ что до недавняго времени только нѣсколько жалкихъ хижинъ указывали мѣсто, гдѣ погребено было столько славы и греческаго величія.

Успѣхи археологическихъ изслѣдованій и результаты раскопокъ въ другихъ мѣстахъ Греціи обратили наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, вниманіе ученаго міра и на Олимпію*). На средства германскаго

*) Уже ранѣе нѣкоторые догадывались о тѣхъ богатствахъ, которыя должна было скрывать въ себѣ почва Олимпіи, какъ напр. въ 1723 г. Б. де-Монфоконъ, а затѣмъ Винкельманъ; разные путешественники осматривали ее, описывали (R. Chandler, Leake, Dodwell, Gell, главн. обр. лордъ I. S. Stanehope), а французы, когда въ 1828 г. маршалъ Мезонъ занялъ Морею, выслали туда ученую

правительства послана была туда ученая экспедиція и въ теченіе шести лѣтъ, съ 1875 по 1881 г., открывалась понемногу древняя почва Альтиды, выходили на свѣтъ остатки прежнихъ ея сооруженій, и изъ подъ развалинъ и наносной земли было извлечено множество памятниковъ художественнаго и промышленнаго искусства. Результаты раскопокъ оказались замѣчательными, и археологія Греціи обогатилась цѣлымъ рядомъ новыхъ открытій.

Вмѣстѣ съ этимъ было найдено также множество предметовъ доисторическихъ или лучше сказать доклассическихъ, главнымъ образомъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ. Интересно, что чѣмъ глубже шли раскопки, тѣмъ больше находили бронзы, конечно примитивной, но для насъ тѣмъ болѣе имѣющей значенія. Всѣ эти памятники, найденные въ наиболѣе глубокихъ слояхъ олимпійскихъ раскопокъ, имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ древности, найденныя въ другихъ мѣстахъ Греціи и относящіяся къ микенскому стилю. Какъ было уже объяснено выше, микенская культура обнаруживаетъ негреческій духъ; то что мы видимъ въ гробницахъ микенскаго акрополя, въ вафійской гробницѣ, въ менидской—все это выказываетъ вліяніе Востока. Напрасно стали бы мы искать тамъ ту наивность, ту простоту и вмѣстѣ съ тѣмъ ту красоту и изящество, которыми отличаются позднѣйшія греческія издѣлія классической эпохи. На этомъ основаніи изслѣдователи, наиболѣе основательно ознакомившіеся съ развитіемъ греческой культуры, и считаютъ микенскую культуру негреческою; но тутъ, въ этихъ наиболѣе древнихъ олимпійскихъ находкахъ видна уже печать эллинскаго духа. Олимпійскія находки уже несомнѣнно греческаго происхожденія.

Догреческія племена—карійцы, лелеги, финикійскіе колонисты и другіе жили въ Греціи достаточно долго, со временъ, начало которыхъ мы опредѣлить не можемъ, до самаго конца II-го тысячелѣтія. Но уже задолго передъ этимъ начали поодиночкѣ прибывать съ сѣвера на югъ новыя греческія племена, доряне, ахеяне и іоняне и населили въ 200 лѣтъ всю небольшую впрочемъ Элладу, населили затѣмъ вскорѣ и греческіе острова, оттѣсняя постепенно передъ собою болѣе древнія племена, завоевывая ихъ или изгоняя. Карійцы, по крайней мѣрѣ, по древнимъ извѣстіямъ, возвратились въ это время туда, откуда пришли, т. е. въ Малую Азію, къ югозападнымъ предѣламъ Таврскаго хребта.

Откуда пришли греки, гдѣ было ихъ мѣсто родины въ Европѣ, до сихъ поръ неизвѣстно. По мнѣнію прежнихъ изслѣдователей, греки и италійцы,

---

экспедицію подъ руководствомъ Абеля Блуэ (Ab. Blouet) и сдѣлали нѣсколько прекрасныхъ пріобрѣтеній для Луврскаго музея. Послѣ нихъ Олимпія долго оставалась нетронутой, хотя князь Пюклеръ-Мускау, Л. Россъ и Курціусъ и убѣждали въ необходимости новыхъ раскопокъ. Курціусу наконецъ удалось побудить къ этому въ 1874 году прусское правительство.

составляющіе вѣтвь арійскаго племени, жили гдѣ-то недалеко одни отъ другихъ, къ востоку отъ Альповъ или на сѣверѣ Балканскаго полуострова *). Оттуда, вѣроятно, тѣснимая иллирійскими племенами, одна часть ихъ передвинулась на западъ въ Италію, другая-же, именно греки,—на югъ, черезъ Балканы, въ Элладу. Первая вѣтвь нашла въ Италіи древнее ея населеніе, еще каменнаго вѣка, побѣдила или оттѣснила его, заселила большую часть полуострова и образовала собою основу будущаго великаго народа римско-италійскаго. Греки же заняли всю Грецію.

Олимпія принадлежала къ числу мѣстностей, заселенныхъ дорянами. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ туда собирались греки со всѣхъ сторонъ своего новаго отечества, а также изъ колоній и приносили туда свои дары, то мы не находимъ здѣсь какого нибудь однообразнаго характера памятниковъ. Довольно

Рис. 235. Бронзовый нагрудникъ изъ Олимпіи.

многочисленны даже восточныя издѣлія, представлявшія собою очевидно предметы ввоза; Фуртвенглеръ, издавшій недавно обстоятельное сочиненіе объ олимпійскихъ бронзахъ, описываетъ ихъ цѣлый рядъ. Мы укажемъ вкратцѣ только находки, относящіяся къ началу желѣзнаго вѣка, къ до-классической эпохѣ.

Первое, что бросается въ глаза и отличаетъ олимпійскую культуру отъ

*) Новѣйшіе изслѣдователи, впрочемъ, сближаютъ италійцевъ съ кельтами, на основаніи гл. обр. лингвистическихъ данныхъ, что разумѣется не исключаетъ еще сосѣдства съ ними грековъ.

микенской — это присутствіе желѣза. Олимпія принадлежитъ уже желѣзному вѣку, Микены-же—бронзовому. Въ Олимпіи и въ наиболѣе глубокихъ слояхъ раскопокъ изслѣдователи постоянно находили желѣзные предметы, хотя къ сожалѣнію большинство изъ нихъ дурно сохранились, а отчасти и совершенно разрушились. Кромѣ того Олимпія отличается цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ типовъ, главнымъ образомъ фибулъ, затѣмъ фигурокъ изъ бронзы, представляющихъ разныхъ животныхъ и людей, бронзовыхъ сосудовъ, а отчасти и вооруженія. Оружіе довольно многочисленно: мечи, обоюдуострые топоры, наконечники копій и стрѣлъ, части оборонительнаго оружія, шлемы съ греческимъ забраломъ, латы, наголенники. Мы прилагаемъ здѣсь рисунокъ нагрудника очень художественной работы, украшеннаго фигурными изображеніями, которыя обнаруживаютъ впрочемъ восточное вліяніе, замѣтное особенно въ изображеніяхъ животныхъ вверху и въ одѣяніи человѣческихъ фигуръ (рис. 235) внизу. За то здѣсь вполнѣ отсутствуютъ бронзовые топоры, какъ плоскіе, такъ и со втулкой.

Изъ многочисленныхъ украшеній больше всего обращаютъ на себя вниманіе своеобразныя греческія фибулы типа или «дугообразнаго» (рис. 236), у которыхъ дужка бываетъ иногда сплошная и не толстая, а иногда и полая внутри, расширенная наподобіе лодочки (ладьевидныя фибулы), или же змѣевиднаго, называемаго итальянскими археологами «fibule serpeggiante» и происшедшаго изъ перваго посредствомъ усложненія его загибомъ и завиткомъ дужки. Всѣ эти формы произошли, какъ указалъ Ундсетъ [287]), изъ болѣе древней простой формы фибулъ, съ которою мы встрѣчаемся въ находкахъ свайныхъ построекъ сѣверной Италіи и которая въ послѣднее время найдена была и въ Микенахъ (ср. рис. 187). Форма эта, бывшая первоначальной въ сѣверной Италіи или въ сѣверной части Балканъ, видоизмѣнилась затѣмъ въ Иллиріи и попала оттуда опять въ Италію, а также, какъ увидимъ далѣе, и въ Грецію и въ весь придунайскій поясъ. При этомъ впрочемъ въ разныхъ мѣстностяхъ изъ нея развились мѣстныя вторичныя формы. Такъ, въ Греціи изъ основной формы, встрѣчающейся въ террамарахъ, развилась дугообразная фибула (попадается уже въ скальныхъ гробницахъ микенскаго нижняго города), дужка которой или оставалась простою или же украшалась бусами, завитками, черточками и т. п. Иногда дужка расклепана въ пластинку, плоскую или лодкообразно-загнутую. Кромѣ этой формы встрѣчаются также и другія; между ними одинъ изъ типовъ, находимый только въ Греціи, представляетъ собою дугообразную фибулу,

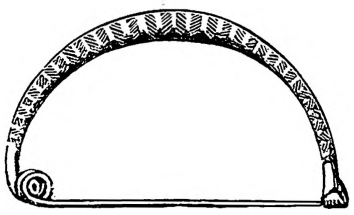


Рис. 236. Дугообразная фибула изъ Олимпіи.

пятка которой расширена не такъ, какъ въ Италіи, въ длинную, тонкую, полуоткрытую трубочку, а въ видѣ большой четырегранной дощечки, загнутой внизу для захватыванія иглы и украшенной рѣзьбой. Это типъ спеціально-греческій. Какого происхожденія форма, встрѣчающаяся въ Олимпіи и въ очень большомъ количествѣ въ Италіи, извѣстная подъ именемъ «fibula a sanguisuga» — до сихъ поръ неизвѣстно. По мнѣнію Ундсета, она скорѣе всего занесена въ Грецію финикійскими торговцами изъ Италіи.

Изъ другихъ наиболѣе характерныхъ для Олимпіи греческихъ издѣлій можно указать еще на бронзовые сосуды и примитивныя фигурки животныхъ и людей, на діадемы, фалеры и разныя другія украшенія. Къ вещамъ восточнаго происхожденія Фуртвенглеръ относитъ главнымъ образомъ тѣ, орнаменты которыхъ заключаютъ въ себѣ очевидно восточные мотивы: двойныя фигуры крылатыхъ львовъ, грифовъ, пальмы, спирали и т. п. Восточныя вліянія здѣсь еще удержались, но они далеко не такъ замѣтны, какъ въ Микенахъ и въ микенскую эпоху вообще. Прибытіемъ грековъ и завоеваніемъ ими полуострова нарушены были многія прежнія сношенія съ Востокомъ, и этимъ разумѣется было ослаблено въ значительной мѣрѣ и восточное вліяніе. Лучше всего выражается новый характеръ греческаго духа въ орнаментаціи и въ формахъ керамики [288]).

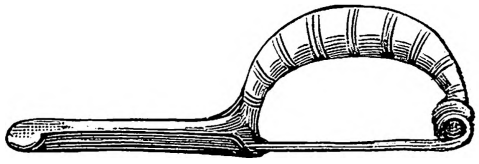


Рис. 237. Итальянская разновидность фибулъ „a sanguisuga“ (піявковидныхъ).

Спиралей и растительнаго орнамента, отличающихъ микенскую керамику,—мы здѣсь не находимъ, но вмѣсто нихъ видимъ орнаментъ изъ прямыхъ, ломанныхъ, зигзагообразныхъ черточекъ и меандра, этой спеціально въ Греціи выработавшейся формы орнамента *). Этотъ новый греческій стиль лучше всего выражается въ группѣ сосудовъ, происходящихъ изъ очень древнихъ, относящихся къ этой эпохѣ такъ назыв. дипильскихъ гробницъ, открытыхъ въ окрестностяхъ Аѳинъ; по имени древнихъ городскихъ воротъ Аѳинъ, называвшихся Dipyla (на сѣверозападной сторонѣ города по пути

*) Меандръ встрѣчается, впрочемъ, и въ древней керамикѣ средней Европы, а также въ народныхъ вышивкахъ славянскихъ странъ. Относительно средней Европы трудно рѣшить, гдѣ онъ появился подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ, а гдѣ самостоятельно. Во всякомъ случаѣ меандръ является вполнѣ самостоятельной формой перуанскаго, новогвинейскаго, китайскаго и японскаго орнаментовъ, а также орнаментики сѣвероамериканскихъ индійцевъ и Cliff-Dweller'овъ Въ этихъ странахъ было бы разумѣется безполезно искать какого-нибудь соотношенія съ Греціей. Меандры здѣсь имѣютъ другой характеръ, чѣмъ греческіе, но все-таки они—меандры... и служатъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того, что орнаментальные мотивы, какъ первобытные такъ и позднѣйшіе, могли появиться въ разныхъ странахъ совершенно самостоятельно.

къ Академіи и къ Пирею), за которыми были открыты эти гробницы, и греческій стиль былъ названъ дипильскимъ. Дипильская керамика слѣдовала въ Греціи за микенскою. Въ дипильскихъ гробницахъ костей уже не встрѣчается, а только пепелъ умершихъ; среди положенныхъ съ умершими предметовъ оказываются желѣзные мечи, наконечники копій, топоры и покрытые орнаментомъ только что описаннаго стиля — сосуды. Наиболѣе характерны для этой орнаментаціи поперечныя полосы изъ фигуръ, представляющихъ животныхъ или людей, очень просто стилизованныхъ. Это по большей части идущіе рядами воины, иногда и женщины въ хороводѣ, ряды оленей, лошадей, рогатаго скота, гусей, — но напрасно мы стали бы искать между этими фигурами столь характерныхъ для Востока: крылатыхъ львовъ, грифовъ, сценъ изображающихъ охоту на львовъ и т. п. (рис. 238).

Рис. 238. Сосуды изъ дипильскихъ гробницъ.

Здѣсь мы видимъ нѣчто совсѣмъ иное, пришедшее не съ Востока, а съ Сѣвера, хотя это и не даетъ еще основанія искать прототиповъ указанныхъ изображеній въ начертаніяхъ на скандинавскихъ скалахъ, что полагаетъ возможнымъ Гёрнесъ.

Во всѣхъ наиболѣе древнихъ мѣстонахожденіяхъ дипильскаго характера бронзовыя и керамическія издѣлія сопровождаются уже желѣзомъ, мы находимся уже въ желѣзномъ вѣкѣ Греціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общій характеръ издѣлій отличается отъ характера предыдущей эпохи бронзы и пріобрѣтаетъ сходство съ началомъ желѣзнаго вѣка Италіи и восточно-аль-

пійскихъ странъ, напр. съ культурой Галльштатта. Дипильскій стиль господствовалъ въ Греціи до VII-го и VI-го стол. до нашей эры и былъ распространенъ во всей восточной части материка и на островахъ, главнымъ образомъ на Мелосѣ, Терѣ и пр. Поэтому съ полнымъ правомъ можно приравнивать эти греческія находки къ среднеевропейскимъ начала желѣзнаго вѣка. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что между этими странами существовали взаимныя связи, но до сихъ поръ нельзя считать доказаннымъ, чтобы эти связи были такими, какъ ихъ представляетъ себѣ Гёрнесъ, который полагаетъ, что главнымъ центромъ новой культуры была Иллирія. Оттуда, по его мнѣнію, получили ее и греки, передвигавшіеся тогда на югъ.

Но какой именно народъ познакомилъ грековъ съ употребленіемъ желѣза? Дюммлеръ полагаетъ, что это были ѳракійцы, Гернесъ, что иллирійцы, народъ, о которомъ мы впрочемъ не знаемъ почти ничего. Но какимъ же образомъ стало извѣстно желѣзо этимъ иллирійцамъ. Всего вѣроятнѣе, по мнѣнію Гернеса, чрезъ посредство скиѳовъ, кочевавшихъ тогда на югѣ нынѣшней Россіи и которые въ своихъ странствіяхъ доходили до самаго Дуная. «Я не задумываюсь высказать догадку», говоритъ Гёрнесъ, «что греки и иллирійцы, въ то время, когда они жили еще въ состояніи неразвитой бронзовой культуры, гдѣ-то на сѣверѣ балканскаго полуострова, приблизительно около 1200 г. до нашей эры, познакомились съ желѣзомъ подъ вліяніемъ скиѳовъ. Затѣмъ, я думаю, что оба эти народа при своемъ передвиженіи—греки на югъ и востокъ, а иллирійцы — на сѣверъ и западъ,—выработали основы галльштаттскаго стиля, и что позже, когда они оба достигли моря и вошли въ сношенія съ финикіянами и другими восточными народами, они позаимствовали отъ нихъ и азіатскіе образцы и развили ихъ далѣе въ своей культурѣ».

Догадка Гёрнеса очень остроумна и мы не колеблемся принять ее, по крайней мѣрѣ отчасти. Что источникъ новаго стиля, новой культуры, лучше всего выражаемаго галльштаттскими находками, долженъ былъ находиться гдѣ-то въ предѣлахъ восточныхъ Альпъ или въ сѣверной части Балканъ—это весьма правдоподобно. Во всякомъ случаѣ, правдоподобнѣе предполагать здѣсь самостоятельное развитіе культуры извѣстнаго народа, чѣмъ объяснять ее въ смыслѣ вѣтви западно-европейской и принимать за культуру кельтическую, какъ это неосновательно дѣлали прежде.

Сомнительнымъ представляется только этническое опредѣленіе создателей этой новой культуры. Объ иллирійцахъ, объ ихъ поселеніяхъ и сношеніяхъ съ другими народами мы знаемъ такъ мало, что иллирійская теорія Гёрнеса можетъ быть принимаема только въ видѣ гипотезы. Наиболѣе слабой стороной ея является допущеніе скиѳовъ въ качествѣ учителей иллирійцевъ въ обработкѣ желѣза на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ. Съ этимъ мы не можемъ

согласиться потому, что, какъ было уже сказано, мы принимаемъ, что желѣзо проникло въ среднюю и южную Европу не съ сѣверовостока и съ сѣвера, но съ юга и востока, вѣроятно тѣми же путями, какими прежде проникла туда и бронза.

По мнѣнію русскихъ изслѣдователей, скиѳы не доходили до Днѣпра—не говоря уже о Дунаѣ — ранѣе VII-VIII стол. до нашей эры, т. е. именно того времени, когда заселеніе Эллады греками было уже давно закончено *). Кромѣ того въ эпоху своего появленія скиѳы, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, желѣза еще не знали и познакомились съ нимъ только при посредствѣ греческихъ колонистовъ въ VI столѣтіи. До VIII столѣтія въ южной Россіи жили какія то неизвѣстныя племена въ состояніи культуры каменной и бронзовой. Если это такъ, то принимаемые Гёрнесомъ иллирійцы едва-ли могли въ концѣ II-го тысячелѣтія заимствовать знакомство съ желѣзомъ отъ скиѳовъ.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Египтѣ желѣзо навѣрное употреблялось уже для орудій со временъ XVIII династіи, т. е. уже въ половинѣ II тысячелѣтія до нашей эры, что во дворцѣ Саргоновъ въ Хорсабадѣ найдено было множество желѣзныхъ орудій, что мы имѣемъ прямыя извѣстія о ввозѣ желѣзнаго оружія съ береговъ Чернаго моря и т. д., то было бы страннымъ, если бы при существованіи постоянныхъ сношеній Греціи съ Египтомъ, Финикіей и Чернымъ моремъ, новыя орудія и оружіе не проникли въ нее этимъ путемъ, если бы Греція должна была оставаться въ состояніи бронзовой культуры до X стол. ранѣе нашей эры, къ которому относится пришествіе дорянъ, побѣдившихъ древнихъ обитателей страны, какъ думаютъ Дюммлеръ и Гёрнесъ, только при помощи желѣзнаго оружія. Что скиѳское вліяніе на иллирійскую культуру,—если оно и было позже,—не могло быть значительнымъ, свидѣтельствуетъ между прочимъ и слабая связь формъ этой культуры со скиѳской. Въ такъ назыв. галльштаттской культурѣ мы находимъ крайне мало скиѳскихъ типовъ.

Италія. Подобно тому какъ въ Греціи, мы думаемъ, что и въ Италіи культура желѣзнаго вѣка развилась скорѣе подъ вліяніемъ Востока, при помощи морскихъ торговыхъ сношеній, чѣмъ подъ вліяніемъ Иллиріи. Этимъ, впрочемъ, мы не хотимъ отрицать существованія тѣсной связи между началомъ желѣзнаго вѣка въ Италіи и иллирійскимъ центромъ вообще.

По мнѣнію Гёрнеса, новая желѣзная культура была принесена въ Италію также съ сѣвера. Греко-италійцы, составлявшіе по Гёрнесу одно племя, жили

*) Иначе думаетъ, сколько намъ извѣстно, только d'Arbois de Jubainville. По его мнѣнію, скиѳы пришли къ Днѣпру уже въ 1500 г., а къ Дунаю приблизительно въ 950 г. Въ VII столѣтіи они, по его словамъ, господствовали уже въ Венгріи и Штиріи и доходили даже до Адріатическаго моря.

долгое время вмѣстѣ въ восточныхъ Альпахъ и на сѣверѣ Балканскаго полуострова *); отсюда часть ихъ, именно италійцы, вышли еще въ теченіе бронзоваго вѣка въ Италію, принеся съ собою культуру, извѣстную намъ изъ террамаръ. Въ сѣверной Италіи они нашли древнее населеніе этой страны, оттѣснили его, покорили, а сами расположились между Альпами и Аппенинами. За этимъ племенемъ послѣдовали впрочемъ вскорѣ другія, главнымъ обр. этруски, племя, происхожденіе котораго еще не выяснено, и иллирійскіе венеты, занявшіе всю восточную часть подальпійской области и принесшіе съ собою галльштаттскую желѣзную культуру. Отъ этрусковъ и иллирійцевъ культура эта перешла къ италійцамъ. Въ противность взглядамъ Гёрнеса, мы думаемъ, что желѣзная культура въ южной и средней Италіи, особенно у этрусковъ, происхожденія преимущественно заморскаго и занесена туда съ Востока путемъ торговыхъ сношеній, а равно что и первое появленіе желѣза въ сѣверной Италіи, въ области рѣки По, тоже можно приписать скорѣе всего торговымъ сношеніямъ сѣвернаго побережья Адріатическаго моря съ греческими и финикійскими колоніями Южной Италіи. Сношеніямъ этимъ способствовала постоянная торговля янтаремъ, украшенія изъ котораго очень многочисленны и характерны въ этихъ мѣстностяхъ для культуры начала желѣзнаго вѣка. Кромѣ того, на оживленныя торговыя сношенія съ Востокомъ указываетъ и цѣлый рядъ издѣлій не мѣстной работы, найденныхъ въ гробницахъ мѣстностей, прилегающихъ къ сѣверной части Адріатическаго моря, особенно прекрасныя стеклянныя украшенія, сосуды южноиталійскихъ и кипрскихъ формъ, вещи изъ слоновой кости; можетъ быть и трехгранныя бронзовыя стрѣлы и т. п.; въ фигурныхъ украшеніяхъ латъ и бронзовыхъ сосудовъ мы склонны видѣть также лишь мѣстную переработку орнаментовъ, такъ часто встрѣчающихся въ древнемъ искусствѣ Востока. Одно изъ лучшихъ доказательствъ восточной торговли мы видимъ въ стеклѣ, которое въ эту эпоху начинаетъ здѣсь впервые появляться въ видѣ одноцвѣтныхъ и пестрыхъ бусъ и подвѣсокъ. Стекло и эти пестрыя бусы въ особенности были въ данную эпоху несомнѣнно восточнаго происхожденія [289]).

Въ предыдущія эпохи мы встрѣчались со стекломъ только въ видѣ исключенія и то только въ странахъ, бывшихъ въ наиболѣе тѣсной связи съ Востокомъ, т. е. главнымъ образомъ въ средиземноморскихъ, — въ Греціи, Италіи, Испаніи, а также въ Россіи. Оно было найдено напр. въ Микенахъ, въ вафійской гробницѣ, менидской, въ Тиринтѣ, Кобани и т. д. и для всѣхъ этихъ мѣстъ возможно предположеніе, что оно восточнаго происхожденія и было занесено путемъ торговли. Колыбелью индійскаго стеклян-

*) Новѣйшія лингвистическія изслѣдованія говорятъ, впрочемъ, противъ этого сліянія греко-италійцевъ.

наго производства былъ Египетъ или Финикія, но истиннымъ мѣстомъ его происхожденія слѣдуетъ считать первую изъ этихъ странъ. Въ Финикіи и въ Ассиріи стекло было извѣстно въ очень отдаленныя времена, но оно явилось туда изъ Египта, хотя Плиній и сохранилъ намъ древнюю легенду о томъ, что его изобрѣли финикіяне. Возлѣ горы Кармель, недалеко отъ Птолемаиды, финикійскіе моряки, везшіе грузъ селитры, вышли на берегъ, желая приготовить себѣ обѣдъ. Они развели огонь на песчаномъ берегу и за неимѣніемъ камней поставили котелъ на нѣсколько кусковъ селитры. Селитра эта, говоритъ легенда, вскорѣ сплавилась съ пескомъ въ особое вещество — первые образцы стекла! Это извѣстіе Плинія невѣрно (прежде всего) уже съ технической точки зрѣнія, но все-таки оно свидѣтельствуетъ, что финикіяне, приписывавшіе себѣ славу изобрѣтенія стекла, выдѣлывали его съ очень древнихъ временъ. Города Тиръ и Сидонъ прославились главнымъ образомъ своимъ стеклянным производствомъ.

Съ Востока стекло доставлялось въ Европу преимущественно черезъ Адріатическое море, оттуда въ сѣверную Италію и дальше на сѣверъ. Наиболѣе часто встрѣчаются и наиболѣе древни небольшія одноцвѣтныя бусы, по большей части голубыя. Хотя онѣ и попадаются въ гробницахъ съ бронзовымъ инвентаремъ и иногда еще въ раннемъ періодѣ бронзоваго вѣка, но Ундсетъ справедливо полагаетъ, что во всей сѣверной Европѣ присутствіе стеклянныхъ бусъ можетъ считаться признакомъ близости желѣзной культуры. Въ гробницахъ бронзоваго вѣка онѣ были находимы напр. въ Пруссіи, въ Мекленбургѣ, въ Баваріи. Довольно древни онѣ также въ Чехіи, гдѣ ихъ находили въ гробницахъ у Поленки, въ Великой Веси, Великой Добрѣ, въ могильникѣ съ остатками сожженія въ Росицахъ; въ Моравіи онѣ были найдены на полѣ погребальныхъ урнъ возлѣ Кожушанъ и Тршицъ. Другія стекляныя издѣлія въ находкахъ бронзоваго и начала желѣзнаго вѣка—рѣдки.

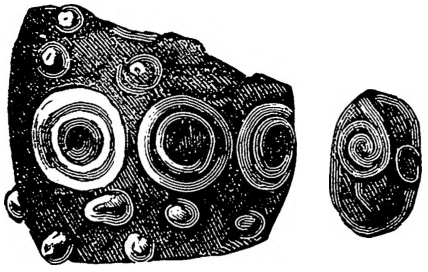


Рис. 239. Стеклянныя бусы съ глазками и бородавчатыми шишечками.

Особый видъ большихъ цвѣтныхъ бусъ (обыкновенно желтыхъ съ голубыми глазками), равно какъ и бусы, украшенныя сверху бородавчатыми шишечками (рис. 239) — нѣсколько позднѣйшаго происхожденія. По мнѣнію Тишлера, онѣ появляются около 400 года до нашей эры во всей Европѣ и особенно въ странахъ возлѣ Средиземнаго моря *). Происхожденія онѣ

*) Желтыя стеклянныя бусы съ голубыми глазками были найдены въ Чехіи, напр. въ лѣсу возлѣ Ртишовицъ, недалеко отъ Пржибрама, въ Жаловѣ возлѣ Праги, въ

несомнѣнно восточнаго; Перро, Тишлеръ, а также Гернесъ одинаково высказываются за ихъ восточное, финикійское или египетское, происхожденіе. Въ Британскомъ музеѣ и въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ мы видѣли цѣлыя собранія ихъ изъ находокъ египетскихъ, сирійскихъ, финикійскихъ (и пуническихъ), наконецъ римскихъ. Подобнаго же происхожденія и пестрыя бусы русскихъ, уральскихъ и кавказскихъ гробницъ *).

Независимо отъ такихъ стеклянныхъ бусъ, въ Италіи, въ эпоху императоровъ (въ II стол.) начали приготовлять бусы и сосуды изъ весьма пестро окрашеннаго стекла и совершенно особой техники, такъ назыв. millefiori. Въ этомъ производствѣ (хотя и восточнаго, именно египетскаго происхожденія) итальянцы дошли до замѣчательнаго совершенства. Техника millefiori заключалась въ томъ, что палочки разноцвѣтнаго стекла складывались вмѣстѣ такъ, чтобы они образовали различные узоры и затѣмъ спаивались въ огнѣ, послѣ чего опять обкладывались новыми слоями цвѣтнаго стекла и наконецъ разрѣзывались на тонкія пластинки, каждая изъ которыхъ представляла одинаковые узоры. Тонкія рзноцвѣтныя пластинки употреблялись потомъ для выдѣлки сосудовъ, бусъ и т. п., отличающихся разноцвѣтными полосками и слоями, образующими часто самые прихотливые узоры **).

Цитолибскомъ могильникѣ, въ гробницѣ у Лоховицъ, и т. д. Наиболѣе замѣчательная находка была сдѣлана у Виценицъ, въ Клатовскомъ округѣ, гдѣ было найдено шесть большихъ желтыхъ бусинъ съ бѣлыми и голубыми глазками и съ шишечками; онѣ находятся теперь въ Вѣнскомъ музеѣ. Воцель считалъ ихъ византійскими.

*) Въ Украинѣ подобныя бусы находятъ въ большомъ количествѣ во всѣхъ курганахъ такъ называемаго скиѳскаго періода, въ болѣе позднихъ онѣ уже не встрѣчаются.

(Прим. переводчика.)

**) Особый видъ стеклянныхъ бусъ, такъ назыв. «аггры» приготовлялись, по словамъ Тишлера, слѣдующимъ способомъ. Размягченную въ огнѣ стеклянную трубку окружали нѣсколькими слоями цвѣтнаго стекла, затѣмъ сжимали въ желобчатой формѣ и разрѣзывали на маленькіе кусочки, которые потомъ сглаживались или расплавлялись на поверхности, чтобы сдѣлать послѣднюю однообразной и ровной. Эти бусы также встрѣчаются во всѣхъ странахъ Европы и въ Америкѣ, извѣстны даже изъ Африки и съ острововъ Тихаго океана. Прежде имъ приписывалось древнеегипетское происхожденіе, главнымъ образомъ на основаніи внѣшняго сходства съ тѣмъ множествомъ бусъ, какія были распространены въ Европѣ съ желѣзнаго вѣка до времени переселенія народовъ. Но Тишлеръ доказалъ, что техника этихъ двухъ видовъ бусъ совершенно различна. Вторыя—происхожденія египетскаго или финикійскаго, тогда какъ «аггры» по мнѣнію Тишлера—позднѣйшаго и по работѣ своей напоминаютъ технику, развившуюся въ XV стол. въ Венеціи, и подражавшую старинной техникѣ millefiori. Такимъ образомъ эти «аггры» оказываются гораздо болѣе поздняго происхожденія. Послѣ открытія

Вывозъ стекла на сѣверъ былъ постоянно очень значителенъ и въ позднѣйшія эпохи. Во второй половинѣ желѣзнаго вѣка кромѣ бусъ и монистъ появляются еще въ большомъ количествѣ браслеты, кольца и другія украшенія, покрытыя стекломъ, а позже, въ эпоху римскаго вліянія—множество сосудцевъ и бусъ римской миллефіоровой работы.

Тѣмъ не менѣе, вывозъ стекла съ Востока не прекратился и тогда. Въ эпоху великаго переселенія народовъ инкрустація украшеній разнообразной стеклянной массой оказывается опять восточнаго происхожденія, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе. Даже въ средніе вѣка арабы не перестаавли доставлять въ Европу стеклянныя бусы, искусно выдѣлываемыя ими въ Египтѣ и въ Персіи. Арабы составляли даже сочиненія о приготовленіи такихъ бусъ. Славяне, по извѣстіямъ Ибнъ-Фадлана, носили ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, считавшіяся дорогимъ и рѣдкимъ украшеніемъ *). Въ русскомъ языкѣ и до сихъ поръ употребляется слово бусы—арабскаго происхожденія (бусръ, араб.=busra).

Дѣятельныя торговыя сношенія между Востокомъ и Европой, о существованіи которыхъ, послѣ всего сказаннаго о торговлѣ янтаремъ и стекломъ, не можетъ быть больше никакого сомнѣнія, способствовали разумѣется и ознакомленію Европы съ желѣзомъ. Особенно въ Греціи и въ Италіи вліяніе иллирійцевъ остается далеко позади прямаго вліянія съ Востока. Мы охотно принимаемъ гипотезу Гёрнеса о существованіи особой иллирійской культуры въ началѣ желѣзнаго вѣка, но вмѣсто скиѳовъ, отъ которыхъ будто бы перешло знакомство съ желѣзомъ къ иллирійцамъ, мы болѣе расположены вѣрить въ прямое перенесеніе желѣза путемъ торговли съ Востока.

Переходя затѣмъ къ описанію начала желѣзнаго вѣка въ Италіи, мы должны начать прежде всего съ южной и средней ея частей. Изслѣдованія Гельбига, Пигорини и Ундсета не оставляютъ сомнѣнія, что на развитіе желѣзной культуры въ сѣверной Италіи, кромѣ упомянутыхъ уже торговыхъ сношеній, имѣли сильное вліяніе и прямыя сѣверныя воздѣйствія, тогда какъ страны къ югу отъ Аппенинъ и особенно весь югъ Италіи и ея острова подвергались вліяніямъ восточному и греческому. Здѣсь происходили также сравнительно быстрыя смѣны культуръ; черезъ довольно непродолжительное время послѣ введенія желѣза начинается преобладаніе въ средней Италіи

Колумбомъ Америки, эти бусы были завезены путемъ торговли и въ Новый Свѣтъ.

*) Онъ говоритъ о руссахъ: «Наиболѣе частымъ украшеніемъ имъ служатъ бусы изъ зеленаго стекла, какія въ видѣ товара привозятся на ладьяхъ. Они очень гоняются за ними, платятъ по диргему за одну бусину и дѣлаютъ изъ нихъ ожерелья своимъ женамъ".

Рима, который скоро заглушаетъ своею культурою всѣ прочія поселенія и выходитъ изъ предѣловъ доисторическихъ временъ.

Еще раньше принялась новая культура на югѣ. Греческіе колонисты, заселившіе берега южной Италіи и Сициліи, приносили ее сюда цѣлымъ потокомъ. Извѣстно, что эти страны носили названіе Великой Греціи. Первыя колоніи здѣсь были основаны въ VIII вѣкѣ іонянами, дорянами, жителями Ахайи и Локриды (Наксосъ, Сиракузы, Леонтиной, Катанія, Мегара, Гела въ Сициліи). Вся колонизація совершилась въ VIII и VII столѣтіяхъ. Наиболѣе древняя колонія въ Италіи—Кимы подъ Везувіемъ—основана была въ 725 г., іонянами; въ томъ же столѣтіи появились Регіонъ, Сибарисъ, Кротона, Тарентъ и т. д.

Для средней Европы гораздо важнѣе развитіе желѣзной культуры въ сѣверной Италіи. По изслѣдованіямъ Гельбига, съ которымъ соглашается теперь большая часть археологовъ, культура террамаръ была принесена сюда италійцами откуда-то съ сѣвера, съ береговъ Дуная.

Италійцы заняли всю низменность р. По до самыхъ Аппенинъ *) и сами въ теченіе вѣковъ выработали себѣ желѣзную культуру изъ первоначальной бронзовой. Древнѣйшія гробницы этого періода, какъ наприм. гробницы въ Villanova, Benacci, Arnoaldi, Poggio, Renza принадлежали, еще этимъ италійцамъ (Бризіо и Заннони говорятъ—умбрамъ) и относятся приблизительно къ первымъ столѣтіямъ I тысячелѣтія до нашей эры (по Гёрнесу, италійцы еще прежде своего перехода черезъ Аппенины познакомились на югѣ уже съ новою высшею культурою, вслѣдствіе сношеній съ этрусками и съ иллирійскими племенами). Послѣ этого, по мнѣнію Гельбига, въ Италіи появился новый народъ, этруски, пришедшіе будто бы съ сѣвера; они заняли или уничтожили поселенія италійцевъ, оттѣснили ихъ къ югу и утвердили свое господство въ двухъ главныхъ центрахъ—позднѣйшихъ Мантуѣ и Болоньѣ. Здѣсь они жили до самаго начала IV столѣтія до нашей эры, когда натискомъ галловъ съ сѣвера были оттѣснены на самый югъ Аппенинскаго полуострова. Но въ то время еще, когда они находились на сѣверѣ, они пережили

*) Италійцы, разумѣется, распространились очень скоро по всему полуострову и раздѣлились на цѣлый рядъ племенъ, носившихъ различныя названія. Въ сѣверной части принадлежали къ нимъ главнымъ образомъ умбры, въ средней Италіи цѣлый рядъ племенъ (Picenti, Sabini, Falisci, Vestini, Aequi, Paeligni, Marsi, Volsci), между которыми выдвинулись и вскорѣ покорили всѣхъ прочихъ Latini; на югѣ—тоже разныя племена, между которыми главное мѣсто занимали самнитяне, имѣвшіе одинъ языкъ, названный римлянами оскскимъ. Разумѣется, распредѣленіе это можетъ быть названо только правдоподобной догадкой. Оно основано или на очень неясныхъ извѣстіяхъ древнихъ авторовъ, или на объясненіи ряда древнихъ надписей на языкѣ, который остается до сихъ поръ еще очень загадочнымъ [291]).

быстрый культурный процессъ. Они чрезвычайно скоро принимали разные культурные элементы, приносившіеся къ нимъ постоянными торговыми сношеніями съ греческими и финикійскими колоніями, и вскорѣ съ юга, съ западнаго побережья Этруріи, распространилась на сѣверъ, за Аппенины, новая высокая культура, происхожденія по большей части греческаго и восточнаго. Словомъ, Гельбигъ и вслѣдъ за нимъ Гёрнесъ, принимаютъ пришествіе этрусковъ съ сѣвера, но развитую культуру ихъ считаютъ совершенно справедливо результатомъ южныхъ вліяній и полагаютъ, что потомъ она распространилась обратно на сѣверъ, въ сѣверную Италію, съ западнаго берега черезъ Аппенины. Напротивъ, Оскаръ Монтеліусъ думаетъ, что съ Востока явилась не только этруская культура, но и сами этруски. Изъ древнихъ извѣстій Геродота и Ливія можно заключить, что этруски пришли въ среднюю Италію изъ Малой Азіи по морю, и изъ средней Италіи около начала V столѣтія распространились черезъ Аппенины въ равнину р. По. Подобнымъ же образомъ думаетъ въ послѣднее время и Бринтонъ. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ дѣло идетъ только о происхожденіи этрусковъ, относительно же ихъ культуры оба автора сходятся въ мнѣніяхъ, видя въ ней продуктъ иноземнаго вліянія—греко-восточнаго.

Наиболѣе древнюю группу италійскихъ находокъ начала желѣзнаго вѣка, принадлежащихъ, по мнѣнію Гельбига и Пигорини, еще италійскимъ племенамъ, составляютъ могильники, находящіеся въ окрестностяхъ нынѣшней Болоньи, возлѣ Виллановы, въ имѣніяхъ Benacci, de Lucca, Arnoaldi и въ самой Болоньѣ. Въ болонскомъ музеѣ гробницы эти обозначены умбрійскими. Могильникъ возлѣ Виллановы древнѣе и важнѣе прочихъ [292]). Итальянскіе археологи и Ундсетъ единогласно относятъ его къ X—IX в.в. до нашей эры. Въ немъ было найдено около 260 могилъ, изъ которыхъ почти во всѣхъ оказались остатки сожженія; съ костями могилъ той же эпохи нашлось всего 14. Гробницы представляли собою обыкновенныя каменныя кисты (ящики), внутри которыхъ находились большія часто прикрытыя крышками погребальныя урны съ пепломъ, окруженныя нѣсколькими (иногда даже до 40) меньшими

Рис. 240. Погребальная урна изъ Виллановы (Италія).

сосудами. Всѣ сосуды, въ особенности же самыя урны для пепла отличаются особымъ «виллановскимъ» характеромъ (рис. 240) какъ по формѣ, такъ и по орнаментаціи, состоящей изъ ряда горизонтальныхъ полосокъ и вырѣзанныхъ на глинѣ геометрическихъ узоровъ (чаще всего меандра и концентрическихъ кружковъ), а иногда и фигуръ. Между предметами, положенными съ покойниками, очень многочисленны пряслицы и дугообразныя фибулы, дужки которыхъ часто украшены кускомъ стекла или янтаря, затѣмъ браслеты, перстни и серповидныя бритвы объ одномъ остріѣ (рис. 241). Въ отличіе отъ бритвъ бронзоваго вѣка (см. стр. 232), этотъ видъ бритвъ съ однимъ остріемъ является характернымъ для начала желѣзнаго вѣка въ сѣверной Италіи. Другую особенность представляютъ здѣсь бронзовые тимпаны съ палочками (рис. 241). Оружіе (топоры, наконечники копій и пр.) по большей части желѣзное.

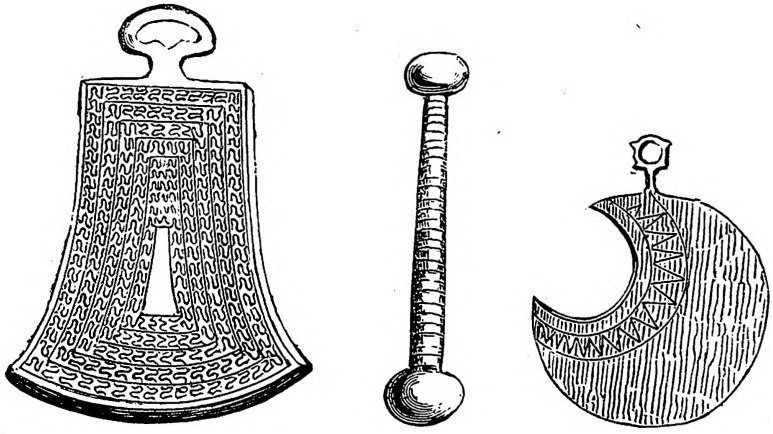


Рис. 241. Бронзовый тимпанъ съ палочкой и бритва изъ Виллановы.

Такой-же характеръ представили гробницы, найденныя возлѣ Болоньи, въ Benacci и нѣкоторыя могилы, открытыя въ 1857 г. въ самой Болоньѣ. Болѣе позднимъ характеромъ отличаются находившіяся немного дальше отъ города гробницы въ имѣніяхъ Arnoaldi и Tagliavini. Зато къ началу желѣзнаго вѣка относится большой кладъ бронзовыхъ вещей, найденный въ 1877 г. въ Болоньѣ въ паркѣ Св. Франциска и описанный въ прекрасномъ сочиненіи Zannoni подъ названіемъ «Fonderia di San Francesco»[293]. Этотъ кладъ былъ зарытъ еще въ желѣзномъ вѣкѣ. Оказалось въ немъ, конечно, много издѣлій древнихъ типовъ, напр. топоровъ съ пяткой и съ втулкой, бронзовыхъ наконечниковъ копій, серповъ, ножей и т. п., но громадное количество дугообразныхъ фибулъ (типа a sanguisiga), змѣевидныхъ и т. д. свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что кладъ былъ закопанъ въ

началѣ желѣзнаго вѣка. Всѣхъ бронзъ (часть вещей попорчена и сломана) насчитывается около 15000 штукъ. Zannoni, Conestabile, Belucci и др., считаютъ этотъ кладъ запасомъ литейной мастерской, скрытымъ въ смутныя времена, Ундсетъ-же принимаетъ его за жертвенное приношеніе богамъ, ссылаясь на извѣстіе, сохранившееся у св. Орозія, по которому послѣ счастливой битвы добыча, состоявшая изъ непріятельскаго оружія и украшеній, жертвовалась богамъ. Подобное-же мнѣніе раздѣляетъ и Г. Эроли.

Извѣстный могильникъ возлѣ Golasecca на р. Тичино и въ Sesto-Calende (изслѣдованный P. Castefranco) въ своей болѣе древней части обнаруживаетъ также сходство съ виллановскимъ типомъ, хотя и болѣе простыхъ формъ; желѣзо мѣстами еще совершенно отсутствуетъ.

Въ южныхъ Аппенинахъ, позднѣйшей Этруріи, къ этой эпохѣ, кромѣ нѣсколькихъ меньшихъ могильниковъ (Poggio, Renzo) относятся главнымъ образомъ до-этрусскія гробницы въ Corneto (древнихъ Тарквиніяхъ). Гробницы эти съ остатками погребенія и сожженія; пепелъ помѣщали въ глиняныхъ или бронзовыхъ сосудахъ. Здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемся въ урнами въ видѣ жилищъ*). Бронзовое оружіе, мечи, наконечники копій, остроконечные шлемы съ гребнемъ здѣсь еще очень многочисленны, украшенія въ высшей степени разнообразны. Все носитъ характеръ эпохи, въ теченіе которой древнюю бронзовую культуру начинаетъ заслонять культура новаго склада, выражающаяся главнымъ образомъ въ геометрическомъ орнаментѣ на бронзахъ и въ керамикѣ. Чѣмъ къ позднѣйшему времени относятся гробницы, тѣмъ погребеніе преобладаетъ подъ сожженіемъ и вмѣстѣ съ характеромъ гробницъ измѣняется и характеръ находимыхъ въ нихъ предметовъ, причемъ особенно увеличивается количество греческихъ издѣлій. Fr. Duhn объясняетъ это тѣмъ, что въ эти страны, по крайней мѣрѣ уже въ VIII вѣкѣ, проникли этруски, но не истребили древняго населенія, а жили съ нимъ или возлѣ него. Гробницы съ скелетами принадлежатъ имъ. Той же древности и гробницы возлѣ древней Ветулоніи (напр. Poggio alla Guardia), отличающіяся интересными слѣдами восточныхъ вліяній.

Какъ было сказано, гробницы, найденныя въ имѣніи Arnoaldi возлѣ Болоньи, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ находки виллановскаго или корнетскаго типовъ. Но все таки онѣ отличаются еще однимъ стилемъ, и

*) Въ гробницахъ въ окрестностяхъ древней Ветулоніи этого рода урны также очень многочисленны. Наиболѣе извѣстныя изъ такихъ погребальныхъ урнъ были найдены въ Албанскихъ горахъ возлѣ Рима (ср. рис. 59), гдѣ возлѣ Марино и Альбано они оказались въ слоѣ разлившейся лавы и вулканическаго пепла. Ундсетъ причисляетъ ихъ хронологически къ виллановской группѣ. Кромѣ того онѣ встрѣчаются и въ Греціи (на о-вѣ Мелосѣ), въ сѣверной Германіи, въ Даніи [291]).

принадлежатъ къ одной группѣ которую Гельбигъ и Пигорини называютъ италійскою, умбрійскою, Ундсетъ—просто древнеиталійскою, Гоццадини—протоэтрусскою.

Какъ удостовѣряетъ исторія, въ слѣдующую эпоху, въ сѣверныхъ и южныхъ Апеннинахъ жили уже этруски [295]). Какого они были происхожденія и откуда пришли, до сихъ поръ еще съ достовѣрностью неизвѣстно. Сами себя, по извѣстію Діодора, они называли Ῥασέναι, римляне называли ихъ Etrusci, Tusci, греки—Τυρσηνοι, Τυῤῥηνοι.

Антропологическія изслѣдованія не даютъ пока о нихъ ничего опредѣленнаго*), а археологія указываетъ только, что культура ихъ была до такой степени подчинена чужимъ вліяніямъ, что судить по ней о происхожденіи этрусковъ пока невозможно. Остаются затѣмъ только извѣстія древнихъ писателей и главнымъ образомъ лингвистическія изслѣдованія. Древніе авторы или приписываютъ имъ происхожденіе малоазійское, какъ Геродотъ и Тимей, или же отождествляютъ ихъ съ пелазгами (Ѳукидидъ и Геланикъ). По отзыву же Діонисія Галикарнасскаго, этруски не подходили ни къ одному изъ извѣстныхъ ему народовъ ни по своимъ нравамъ, ни по своему языку. Наиболѣе догадокъ и гипотезъ высказано было въ новѣйшее время на основаніи ряда этрусскихъ надписей, сдѣланныхъ письменами, позаимствованными изъ греческаго халкидскаго алфавита,—и теперь нѣтъ тоже ни одной сколько нибудь выдающейся вѣтви европейскихъ народовъ, съ которой бы ихъ не связывали по происхожденію. S. Maffei, C. Janelli, C. Tarquini, G. Stickel, Fr. Leoni признаютъ ихъ родичами семитовъ; C. Is. Taylor и R. Brown считаютъ ихъ племенемъ урало-алтайскимъ; большинство изслѣдователей и притомъ болѣе осторожныхъ причисляетъ ихъ къ индоевропейцамъ. W. Corssen и S. Bugge объявили ихъ очень близкими къ италійцамъ, и наконецъ извѣстный этрускологъ W. Deecke, думавшій сначала иначе, въ недавнее время присоединился къ этому послѣднему мнѣнію и считаетъ этрусскій языкъ однимъ изъ италійскихъ діалектовъ. Но совершенно другаго рода мнѣніе защищаетъ наиболѣе компетентный знатокъ языка этрусковъ C. Pauli, съ которымъ соглашаются вполнѣ и нѣкоторые другіе, главнымъ обр. Гоммель, Гесельмейеръ, Шеферъ (Schaefer), К. О. Мюллеръ и Zubaty. Паули отрицаетъ рѣшительно близость этрусковъ какъ къ индоевропейцамъ, такъ и къ семитамъ. По его мнѣнію, этруски составляли часть вполнѣ самостоятельной группы племенъ, которая жила когда-то въ Малой Азіи и въ Сиріи (Гоммель называетъ ее алородскою) и къ которой, какъ мы упоминали уже на стр. 268, принадлежали и загадочныя племена греческихъ

*) Антропологически этруски не принадлежатъ къ одному типу. Между черепами, измѣренными Zanetti, Nicolucci, Calori и Sergi, были и долихо и брахицефалы, послѣдніе въ меньшемъ количествѣ.

пелазговъ, сирійскихъ гиттитовъ, малоазійскихъ лидійцевъ, ликійцевъ, карійцевъ и т. д., а въ западной Европѣ—этрусковъ и ретійцевъ. Эти послѣдніе пришли туда съ Востока черезъ Балканы. Д. Бринтонъ сближаетъ въ послѣднее время этрусковъ съ древними ливійцами и съ берберами въ одну антропологическую и этнографическую группу и полагаетъ, что они пришли въ Италію моремъ съ юга. Изъ археологовъ, какъ мы сказали уже, Гельбигъ и Гёрнесъ думаютъ, что они пришли съ сѣвера, Монтеліусъ—что по морю изъ Малой Азіи; Ундсетъ и Фальки (Falchi), впрочемъ съ точки зрѣнія археологической, признаютъ только простой переходъ древней италійской культуры въ болѣе позднюю «этрусскую».

Въ началѣ историческихъ временъ этруски являются въ Италіи въ видѣ довольно сильнаго федеративнаго государства. Они не образовали монархіи, а только группу состоявшихъ между собою въ союзѣ поселеній, расположенныхъ отчасти къ сѣверу отъ Апеннинъ, въ долинѣ р. По, отчасти-же въ собственно—Этруріи. Главнѣйшими городами ихъ на сѣверѣ были Фельзина, позднѣйшая Бононія, Мельпумъ, въ мѣстности позднѣйшаго Медіолана (Милана) и Мантуя; на югѣ—Pisae, Arretium, Volterrae (Velatri), Vetulonia (Vetluna), Rusellae, Cortona, Clusium, Volsinii (Velsuna) и Veji.

Будучи хорошими моряками, какъ и греки, этруски рано начали вести торговлю на Тирренскомъ морѣ и въ особенности вступили въ сношенія съ греческими и финикійскими колоніями. Они заселили о-ва Эльбу, Сардинію, Корсику и основали въ Кампаніи цѣлый рядъ городовъ, между прочимъ Капую и Нолу; греки съ своей стороны основали также рядъ поселеній на берегахъ собственно-Этруріи, въ Пизахъ, Теламонѣ, Пирзахъ, Альзіонѣ, Спинѣ, Равеннѣ. Если вѣрны заключенія Деверіа, Руге́ и другихъ, прочитавшихъ на одной карнакской надписи (гдѣ исчислены средиземноморскія племена, набѣгъ которыхъ на Египетъ былъ отраженъ фараономъ Рамзесомъ) имена Туриса, Тирсены и видящихъ въ нихъ этрусковъ, — то этруски уже съ половины II-го тысячалѣтія до нашей эры были могущественнымъ морскимъ и хищническимъ племенемъ [296]).

Благодаря этимъ взаимнымъ отношеніямъ, то мирнымъ, то враждебнымъ, и развились этрусскія могущество и культура, разумѣется вполнѣ на греческихъ и восточныхъ основахъ. Но въ началѣ V-го столѣтія начались уже первыя потрясенія. Первые удары могуществу этрусковъ были нанесены сильными колоніями грековъ на югѣ (гл. обр. Кимами въ союзѣ съ Сиракузами), затѣмъ послѣдовало храброе наступленіе самнитянъ, а наконецъ и галловъ, начавшихъ заселять сѣверную Италію и положившихъ конецъ владычеству этрусковъ разрушеніемъ въ 396 г. Мельпума, самаго значительнаго ихъ города на р. По. Галльскія племена—инсубры, ценоманы, бойи, лингоны и сеноны наполнили собою всѣ бывшія этрусскія земли и подвига-

лись далѣе внутрь Италіи. Римляне послѣ сильной борьбы отразили ихъ, но скоро потомъ и Этрурія подчинилась вполнѣ римскому владычеству. Она была совершенно латинизирована и въ 89 г. до нашей эры всѣ этруски получили уже римское гражданство. Тѣмъ не менѣе, во времена своего процвѣтанія Этрурія успѣла значительно развить свою культуру. Этруски отличались наклонностью къ торговлѣ, заимствовали при этомъ много чужаго—греческаго и восточнаго, но успѣвали придать этому чужому свой особенный характеръ—больше всего въ техникѣ. Для позднѣйшей римской культуры этрусская имѣла очень большое значеніе: этруски во многомъ были учителями римлянъ. Римскій домъ—этрусскаго происхожденія, наиболѣе древніе храмы—тоже; римскіе строители научились у этрусковъ выводить своды и позаимствовали у нихъ умѣнье дѣлать постройки на водѣ. Отъ этрусковъ римское искусство получило все, что въ немъ есть наиболѣе оригинальнаго, а именно большое развитіе портретизма. Вообще-же римляне взяли у нихъ многое для развитія своихъ частныхъ и общественныхъ учрежденій.

Эпоху появленія этрусковъ въ сѣверной Италіи опредѣлить съ точностью мы не можемъ. Борсари относитъ ее къ XII стол. до нашей эры, другіе къ болѣе позднему времени. Но въ VII стол. они уже навѣрно были тамъ, и гробницы, которыя по разнымъ признакамъ могутъ быть съ достовѣрностью отнесены къ тому времени, носятъ уже этрусскій характеръ. Гробницы этрусковъ отличаются отъ древнихъ италійскихъ (умбрійскихъ) главнымъ образомъ измѣненіемъ похороннаго обряда (погребеніе въ землѣ преобладаетъ надъ сожиганіемъ труповъ), а затѣмъ и характеромъ керамики и металлическихъ издѣлій. Вмѣсто сосудовъ архаичныхъ формъ появляются греческія расписныя вазы или мѣстныя имъ подражанія, появляется кромѣ того и цѣлый рядъ новыхъ бронзовыхъ издѣлій: канделябры, треножники, зеркала, ящички, затѣмъ стеклянныя издѣлія, серебряныя фибулы и т. п. Оружіе было желѣзное. Кромѣ того, находятся уже и наиболѣе древнія бронзовыя монеты, изъ красной мѣди (aes).

Очень интересно при этомъ, что къ сѣверу отъ Апеннинъ мы не находимъ гробницъ древнѣйшаго этрусскаго характера; онѣ встрѣчались до сихъ поръ только южнѣе Апеннинъ въ позднѣйшей, собственной Этруріи; на сѣверѣ замѣняютъ ихъ, археологически современныя съ этой древней этрусской культурой—гробницы младшаго виллановскаго типа (Arnoaldi и т. п.). Явленіе это повидимому свидѣтельствуетъ въ пользу теоріи Монтеліуса, по которой этруски, придя въ Италію моремъ, распространялись отъ южныхъ Апеннинъ на сѣверъ. Но оно совмѣстимо также и съ обратнымъ ходомъ передвиженія этрусковъ. Разумѣется, мы должны представить себѣ, что этруски пришли въ Италію съ неразвитой еще культурой и что только путемъ торговыхъ сношеній усвоили себѣ свои позднѣйшія этрусскія культурныя

особенности, причемъ онѣ распространялись постепенно съ юга на сѣверъ. Здѣсь на югѣ культура развивалась быстрѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Къ болѣе древнему періоду этрусской культуры, когда греческое вліяніе не было еще такъ замѣтно, относятся, главнымъ образомъ, гробницы, найденныя въ окрестностяхъ нынѣшней Кьюзи (Chiusi), древняго Клузіума, также возлѣ Вульчи (Vulci) и пр. Гробницы въ Кьюзи, такъ назыв. tombe a pozzo — колодцеобразныя гробницы *) — представляютъ собою глубокія, выложенныя камнемъ ямы, въ формѣ бутылокъ, на днѣ которыхъ находятся урны съ пепломъ умершихъ. Этотъ видъ гробницъ для данной мѣстности наиболѣе древній, и въ нихъ не встрѣчается еще ничего греческаго. Вѣроятно, это протоэтрусскій типъ. Въ позднѣйшихъ этрусскихъ могильникахъ появляются или рядомъ, или взамѣнъ этихъ глубокихъ гробницъ болѣе мелкія «tombe a fossa»— продолговатыя четырехъугольныя ямы — обыкновенно съ остаткам погребенія, или же «tombe a ziro» съ большими сосудами, занимающими всю гробницу. Еще болѣе поздними оказываются гробницы на подобіе камеры, высѣченной въ скалѣ (tombe a camera). Этотъ характеръ имѣетъ напр. недавно изслѣдованный Гзеллемъ могильникъ возлѣ Вульчи въ имѣніи князя Торлоніа. И тутъ наиболѣе древними оказываются колодцеобразныя гробницы съ остатками сожженія, а болѣе поздними гробницы въ видѣ ямъ и еще позднѣйшими—камеры въ скалахъ. Въ этихъ послѣднихъ остатки трупосожженія являются рѣдкимъ исключеніемъ.

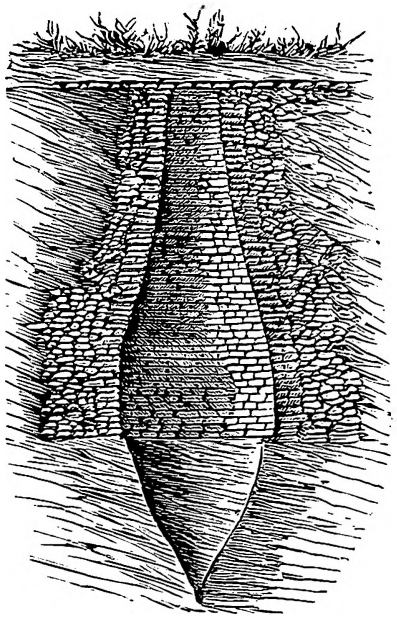


Рис. 242. Колодцеобразная гробница въ Марзаботто.

Въ сѣверной Италіи до сихъ поръ еще неизвѣстно этрусскихъ могильниковъ, которые бы соотвѣтствовали древнимъ гробницамъ въ Кьюзи. За то здѣсь сохранились два замѣчательныхъ памятника нѣсколько болѣе поздняго типа, именно могильники возлѣ Марзаботто и около Чертозы, недалеко отъ Болоньи. Марзаботто—это замокъ и небольшое поселеніе въ Апеннинахъ, на

*) Подобныя же колодцеобразныя гробницы были найдены возлѣ Казерты, Ветулоніи, въ Марзаботтѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ послѣднее время Кьеричи открылъ ихъ возлѣ Сервиролы и въ мѣстности Sanpola d'Enza. Это глубокія ямы съ урнами, бронзовыми и желѣзными вещами, костями домашнихъ животныхъ и т. п. Стробель считаетъ ихъ въ большей части современными съ Marzabotto.

дорогѣ, соединяющей Болонью съ Флоренціей. Мѣстонахожденіе это еще недостаточно оцѣнено, и ни одна часть его еще не была вполнѣ обстоятельно изслѣдована. Марзаботтскій могильникъ былъ открытъ въ шестидесятыхъ годахъ, и результаты сдѣланныхъ раскопокъ были прекрасно обработаны гр. Гоццадини [297]). Но въ Марзаботтѣ для насъ интересенъ не одинъ только могильникъ. Тамъ былъ открытъ и древній этрусскій городъ, который съ полнымъ основаніемъ называютъ этрусской Помпеей. Какъ назывался этотъ городъ, мы не знаемъ; но по находкамъ очевидно, что это былъ небольшой городокъ, основанный приблизительно въ V столѣтіи, который уже во время нашествія галловъ былъ сперва отчасти, а потомъ и совершенно покинутъ, причемъ послѣдующіе римскіе колонисты не основали на его развалинахъ никакихъ поселеній. Благодаря этому, основанія древнихъ построекъ остались вполнѣ нетронутыми и теперь, по снятіи верхняго слоя щебня, обнаружился вполнѣ сохранившійся планъ древняго города. Онъ былъ изслѣдованъ Эд. Бризіо, изъ описанія котораго можно заимствовать слѣдующее. Городъ былъ невеликъ; три улицы въ 15 метровъ ширины, съ широкими возвышенными троттуарами, шедшія одна съ сѣвера на югъ, а двѣ другія съ запада на востокъ, раздѣляли городъ на кварталы. Каждый изъ нихъ, въ свою очередь, перерѣзывался перекрещивавшимися между собою переулками на мелкія группы домовъ. Этрусскіе дома этого города имѣли свой особенный характеръ. На улицу выходили обыкновенно склады и лавки; между ними былъ проходъ въ вестибулумъ, а оттуда въ украшенный колоннами атріумъ, посреди котораго находилась сдѣланная въ помостѣ цистерна для дождевой воды. За атріумомъ слѣдовали комнаты, предназначенныя для жилья. Весь этотъ основной типъ дома былъ позаимствованъ у этрусковъ римлянами.

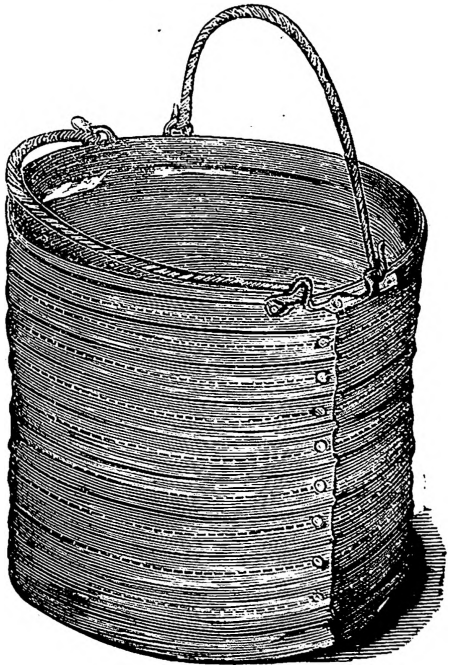


Рис. 243. Бронзовое желобчатое ведерко.

Неподалеку отъ города находилось кладбище. Гробницы въ немъ оказались двухъ типовъ: съ остатками погребенія и сожженія, — первые въ большемъ количествѣ. Устройство гробницъ было различно. Кромѣ знакомаго уже намъ колодцеобразнаго типа, встрѣчаются и гробницы въ видѣ камеры или ящика, сложеннаго изъ отесанныхъ каменныхъ плитъ. Сверху гробницы обозначались

или плоскими стелами, или столбами, или же большими каменными шарами. Пепелъ умершихъ заключали въ глиняныя или бронзовыя урны, а также въ желобчатыя ведра (рис. 243), называемыя итальянцами ciste a cordoni. Этотъ видъ бронзовыхъ ведеръ является характернымъ для всего начала желѣзнаго вѣка, особенно для находокъ въ сѣверной Италіи. Ундсетъ принималъ его прежде вообще за мѣстную этрусскую форму, и только Гель-

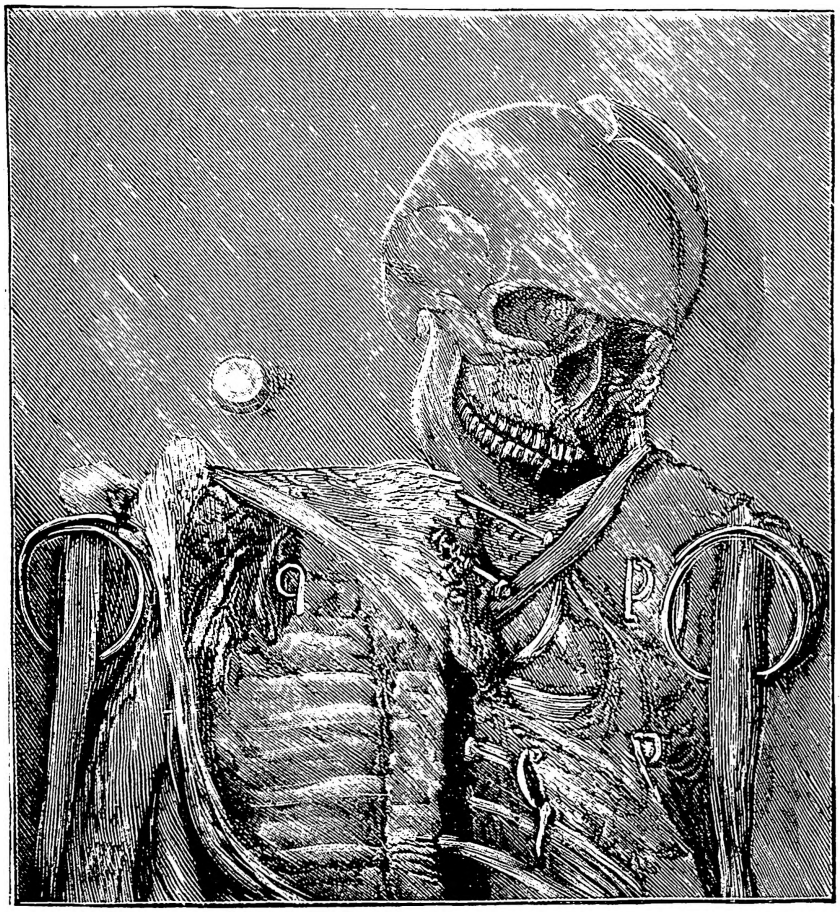


Рис. 244. Чертозская гробница.

бигъ, а послѣ него Орси показали, что это—издѣлія греческаго происхожденія. Позже, впрочемъ, они настолько распространились, что мы встрѣчаемся съ ними почти во всей Европѣ, даже въ находкахъ бронзоваго вѣка, въ странахъ, гдѣ бронзовая культура была еще современна съ началомъ желѣзнаго вѣка, какъ напр. въ сѣверной Италіи, въ Венгріи и т. д. Кромѣ погребальныхъ урнъ встрѣчаются впрочемъ въ большомъ количествѣ и сосуды, по формѣ и орнаментаціи чисто греческіе. Вообще въ керамикѣ этрусскихъ гробницъ

сказываются всего явственнѣе слѣды тѣхъ торговыхъ сношеній, какія существовали здѣсь въ эту эпоху. Почти вся посуда оказывается привозною, греческою — или изъ южно-италійскихъ колоній, или изъ самой Греціи. Кромѣ древнѣйшихъ вазъ, на которыхъ фигуры изображены черною краскою на свѣтломъ полѣ, здѣсь попадаются въ большомъ количествѣ типы болѣе современные, съ свѣтлыми фигурами на черномъ полѣ. Нѣтъ также недостатка и въ декоративной греческой скульптурѣ. Изъ прочихъ предметовъ, находимыхъ въ гробницахъ, надо отмѣтить еще бронзовыя зеркальца, бронзовыя украшенія (особенно массу фибулъ), золотыя и серебряныя вещи, разные камни, предметы изъ янтаря, изъ стекла (между прочимъ и небольшія бутылочки); изъ оружія—желѣзные мечи, наконечники копій, кинжалы и т. п.

Подобнымъ же богатствомъ отличался и могильникъ, открытый въ 1871 г. недалеко отъ Болоньи, возлѣ бывшаго монастыря La Certosa (Чертоза). По

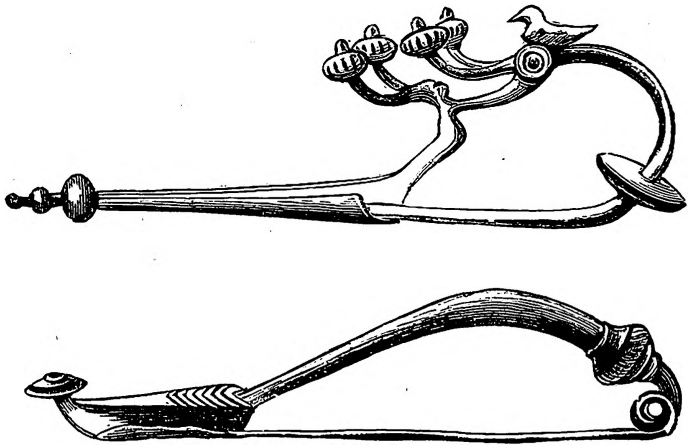


Рис. 245 и 246. Фибула съ рожками, найденная въ Грастьѣ въ Крайнѣ, и фибула чертозскаго типа.

формѣ и содержанію гробницы этого некрополя очень сходны съ марзаботтскими [298]). Могилы съ остатками погребенія здѣсь также преобладаютъ надъ остатками сожженія, и такъ же точно обнаруживается греко-восточное вліяніе во множествѣ привозныхъ издѣлій. Большой интересъ представляютъ здѣсь фибулы. Это—или уже знакомыя намъ змѣевидныя формы, въ которыхъ дужка согнута различными способами и часто украшена нѣсколькими рожками съ головками на концахъ (рис. 245), или же, и притомъ чаще, это особенный мѣстный видъ фибулъ съ продолговатой дужкой, переходящей въ трубко- или желобообразную пятку, конецъ которой украшенъ пуговкой. Подобная же пуговка или плоское круглое утолщеніе бываетъ обыкновенно насажена на дужку въ томъ мѣстѣ, гдѣ она однимъ или двумя завитками переходитъ въ иглу (рис. 246). Типу этому дано названіе «чертозскаго

типа», и мы встрѣчаемся съ нимъ довольно часто въ приморскихъ областяхъ Австріи, но очень рѣдко въ Швейцаріи и Франціи. Нѣкоторые видятъ въ немъ переходную форму къ фибулѣ ла-тенскаго типа, характерной для позднѣйшихъ эпохъ желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ и отличающейся тѣмъ, что конецъ пятки съ пуговкой обращенъ вверхъ и приближенъ къ внѣшней сторонѣ дужки (рис. 247). Любопытно, что эти фибулы ла-тенскаго типа были найдены уже въ Чертозѣ. Къ числу характерныхъ предметовъ относится также чертозская ситула. Ситулы — это бронзовые сосуды, въ формѣ обращеннаго вершиною внизъ усѣченнаго конуса, съ дугообразной ручкой [299]). Онѣ очень многочисленны и, подобно желобчатымъ ведрамъ, характерны для начала желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ; многія изъ нихъ по своей орнаментаціи очень цѣнятся въ музеяхъ. Извѣстенъ уже цѣлый рядъ подобныхъ ситулъ, которыя, такъ же какъ и чертозская, украшены опоясывающими ихъ фигурными изображеніями чеканной работы. Объ одной ситулѣ, найденной въ Вачѣ въ Крайнѣ, мы скажемъ подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи. Она интересна не только по своей работѣ, но и по находящимся на ней изображеніямъ, дающимъ наглядное представленіе о народной жизни. Мы видимъ воиновъ, идущихъ рядами, борьбу, пиры, танцы, охоту и т. п. Нельзя думать, чтобы эта фигурная орнаментація сосудовъ была сѣвернаго происхожденія и явилась въ Грецію и Италію изъ Иллиріи; скорѣе можно видѣть первообразъ подобныхъ изображеній въ ассирійскихъ и финикійскихъ издѣліяхъ. Вѣроятно, однако, что изображенія на этрусскихъ ситулахъ мѣстной работы и представляютъ сцены изъ жизни самихъ этрусковъ. Заннони приписывалъ этимъ ситуламъ умбрійское происхожденіе, Гохштеттеръ — мѣстное, альпійское; Бенндорфъ полагаетъ, что онѣ древнегреческой работы, другіе же, что мѣстной этрусской. Въ послѣднее время Сомбати склоняется больше всего въ пользу финикійскаго и пуническаго происхожденія, ихъ, признавая въ то же время близость ихъ декоративнаго стиля къ древне-іоническому искусству.

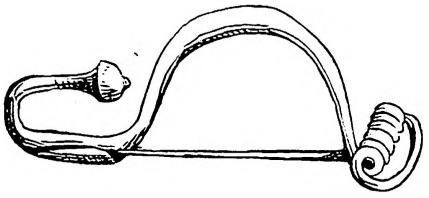


Рис. 247. Фибула ла-тенскаго типа.

Чертозская ситула украшена четырьмя поясами изображеній, на которыхъ представлено около 70 фигуръ людей и животныхъ. Въ верхнемъ поясѣ изображено войско, построенное въ ряды, отчасти конное съ сѣкирами на плечахъ, отчасти пѣшее. Пѣхотинцы почти всѣ вооружены большими щитами, шлемами и копьями. Во второмъ ряду мы видимъ какое-то праздничное религіозное шествіе. Мужчины одѣты въ длинныя одежды съ большими плоскими шляпами на головахъ; женщины несутъ на закутанныхъ покрывалами

головахъ амфоры. Въ третьемъ поясѣ сначала землепашецъ, съ плугомъ на плечахъ, выгоняетъ пару воловъ въ поле, затѣмъ слѣдуютъ сцены, изображающія охоту, музыку (игру на syrinx'ѣ и на лирѣ), пляску и приготовленія къ пріему гостей. Въ четвертомъ ряду изображено нѣсколько дикихъ и фантастическихъ животныхъ.

Подобныхъ ситулъ извѣстно нѣсколько. Въ Италіи онѣ были найдены Arnoaldi въ Эсте (такъ назыв. cista Benvenuti), въ Сесто-Календе; кромѣ Италіи—въ Крайнѣ (Vače, sv. Magdalina), въ Тиролѣ (Matrei, Moritzing), въ Нижней Австріи (Göttweig), причемъ не-итальянскія мы позволяемъ себѣ считать ввозными произведеніями. Изображенія подобнаго стиля встрѣчаются также на бронзовыхъ зеркалахъ, поясахъ, ножнахъ мечей (какъ напр. въ находкахъ въ Эсте, Галльштаттѣ, Вачѣ).

По своему археологическому характеру чертозскія гробницы сходны съ самой поздней частью кладбища древняго этрусскаго города Фельзины (позднѣйшая Боннонія). Кромѣ того, этрускамъ же принадлежала и часть гробницъ въ имѣніи Arnoaldi, de Lucca и въ «giardino Margherita» въ Болоньѣ. Относятся онѣ, по общему мнѣнію археологовъ, къ V столѣтію до нашей эры, такъ какъ въ началѣ IV столѣтія пришедшіе въ эту страну съ сѣвера галлы положили конецъ мѣстной жизни. Фельзина была уничтожена, опустошена и даже часть гробницъ, какъ доказалъ графъ Гоццадини, была разграблена галлами. Городъ оставался заброшеннымъ до самой римской эпохи, когда онъ снова былъ отстроенъ и заселенъ, о чемъ свидѣтельствуютъ римскія гробницы, найденныя въ слоѣ земли, лежащемъ поверхъ этрусскихъ.

Съ чертозскимъ могильникомъ мы выходимъ уже въ сѣверной Италіи изъ области доисторическихъ временъ. О слѣдующихъ эпохахъ мы имѣемъ уже историческія извѣстія, и археологическія находки, ихъ касающіяся, становятся уже предметомъ изслѣдованія и описанія классической археологіи. Для того же, чтобы закончить картину этрусской культуры, мы прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній.

За колодцеобразными гробницами съ остатками трупосожженія, о которыхъ мы не можемъ сказать съ точностью, этрусскія ли онѣ или до-этрусскія, слѣдуютъ въ древнихъ могильникахъ, какъ напр. въ Вульчи, Корнето, Бизенціи, Орвіето и т. д., гробницы въ видѣ ямъ, съ остатками погребенія. Еще болѣе поздними являются этрусскія камерныя гробницы, высѣченныя въ скалахъ, «tombe a camera» (рис. 248), двоякаго рода. Въ однихъ изъ нихъ камеры имѣютъ каждая свой короткій и прямой входъ, въ другихъ же существуетъ особенное, общее для всѣхъ преддверіе. Стѣны ихъ обыкновенно украшены прекрасною живописью. Въ камерахъ находятся остатки погребенія (обыкновенно тѣло не сожигалось), въ саркофагѣ, болѣе или менѣе художественной работы, часто украшенномъ цѣлыми статуями умершихъ,

типа», и мы встрѣчаемся съ нимъ довольно часто въ приморскихъ областяхъ Австріи, но очень рѣдко въ Швейцаріи и Франціи. Нѣкоторые видятъ въ немъ переходную форму къ фибулѣ ла-тенскаго типа, характерной для позднѣйшихъ эпохъ желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ и отличающейся тѣмъ, что конецъ пятки съ пуговкой обращенъ вверхъ и приближенъ къ внѣшней сторонѣ дужки (рис. 247). Любопытно, что эти фибулы ла-тенскаго типа были найдены уже въ Чертозѣ. Къ числу характерныхъ предметовъ относится также чертозская ситула. Ситулы — это бронзовые сосуды, въ формѣ обращеннаго вершиною внизъ усѣченнаго конуса, съ дугообразной ручкой [299]). Онѣ очень многочисленны и, подобно желобчатымъ ведрамъ, характерны для начала желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ; многія изъ нихъ по своей орнаментаціи очень цѣнятся въ музеяхъ. Извѣстенъ уже цѣлый рядъ подобныхъ ситулъ, которыя, такъ же какъ и чертозская, украшены опоясывающими ихъ фигурными изображеніями чеканной работы. Объ одной ситулѣ, найденной въ Вачѣ въ Крайнѣ, мы скажемъ подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи. Она интересна не только по своей работѣ, но и по находящимся на ней изображеніямъ, дающимъ наглядное представленіе о народной жизни. Мы видимъ воиновъ, идущихъ рядами, борьбу, пиры, танцы, охоту и т. п. Нельзя думать, чтобы эта фигурная орнаментація сосудовъ была сѣвернаго происхожденія и явилась въ Грецію и Италію изъ Иллиріи; скорѣе можно видѣть первообразъ подобныхъ изображеній въ ассирійскихъ и финикійскихъ издѣліяхъ. Вѣроятно, однако, что изображенія на этрусскихъ ситулахъ мѣстной работы и представляютъ сцены изъ жизни самихъ этрусковъ. Заннони приписывалъ этимъ ситуламъ умбрійское происхожденіе, Гохштеттеръ — мѣстное, альпійское; Беннндорфъ полагаетъ, что онѣ древнегреческой работы, другіе же, что мѣстной этрусской. Въ послѣднее время Сомбати склоняется больше всего въ пользу финикійскаго и пуническаго происхожденія, ихъ, признавая въ то же время близость ихъ декоративнаго стиля къ древне-іоническому искусству.

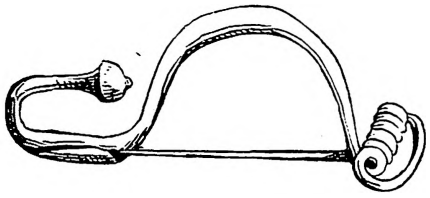


Рис. 247. Фибула ла-тенскаго типа.

Чертозская ситула украшена четырьмя поясами изображеній, на которыхъ представлено около 70 фигуръ людей и животныхъ. Въ верхнемъ поясѣ изображено войско, построенное въ ряды, отчасти конное съ сѣкирами на плечахъ, отчаети пѣшее. Пѣхотинцы почти всѣ вооружены большими щитами, шлемами и копьями. Во второмъ ряду мы видимъ какое-то праздничное религіозное шествіе. Мужчины одѣты въ длинныя одежды съ большими плоскими шляпами на головахъ; женщины несутъ на закутанныхъ покрывалами

головахъ амфоры. Въ третьемъ поясѣ сначала землепашецъ, съ плугомъ на плечахъ, выгоняетъ пару воловъ въ поле, затѣмъ слѣдуютъ сцены, изображающія охоту, музыку (игру на syrinx'ѣ и на лирѣ), пляску и приготовленія къ пріему гостей. Въ четвертомъ ряду изображено нѣсколько дикихъ и фантастическихъ животныхъ.

Подобныхъ ситулъ извѣстно нѣсколько. Въ Италіи онѣ были найдены Arnoaldi въ Эсте (такъ назыв. cista Benvenuti), въ Сесто-Календе; кромѣ Италіи—въ Крайнѣ (Vače, sv. Magdalina), въ Тиролѣ (Matrei, Moritzing), въ Нижней Австріи (Göttweig), причемъ не-итальянскія мы позволяемъ себѣ считать ввозными произведеніями. Изображенія подобнаго стиля встрѣчаются также на бронзовыхъ зеркалахъ, поясахъ, ножнахъ мечей (какъ напр. въ находкахъ въ Эсте, Галльштаттѣ, Вачѣ).

По своему археологическому характеру чертозскія гробницы сходны съ самой поздней частью кладбища древняго этрусскаго города Фельзины (позднѣйшая Боннонія). Кромѣ того, этрускамъ же принадлежала и часть гробницъ въ имѣніи Arnoaldi, de Lucca и въ «giardino Margherita» въ Болоньѣ. Относятся онѣ, по общему мнѣнію археологовъ, къ V столѣтію до нашей эры, такъ какъ въ началѣ IV столѣтія пришедшіе въ эту страну съ сѣвера галлы положили конецъ мѣстной жизни. Фельзина была уничтожена, опустошена и даже часть гробницъ, какъ доказалъ графъ Гоццадини, была разграблена галлами. Городъ оставался заброшеннымъ до самой римской эпохи, когда онъ снова былъ отстроенъ и заселенъ, о чемъ свидѣтельствуютъ римскія гробницы, найденныя въ слоѣ земли, лежащемъ поверхъ этрусскихъ.

Съ чертозскимъ могильникомъ мы выходимъ уже въ сѣверной Италіи изъ области доисторическихъ временъ. О слѣдующихъ эпохахъ мы имѣемъ уже историческія извѣстія, и археологическія находки, ихъ касающіяся, становятся уже предметомъ изслѣдованія и описанія классической археологіи. Для того же, чтобы закончить картину этрусской культуры, мы прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній.

За колодцеобразными гробницами съ остатками трупосожженія, о которыхъ мы не можемъ сказать съ точностью, этрусскія ли онѣ или до-этрусскія, слѣдуютъ въ древнихъ могильникахъ, какъ напр. въ Вульчи, Корнето, Бизенціи, Орвіето и т. д., гробницы въ видѣ ямъ, съ остатками погребенія. Еще болѣе поздними являются этрусскія камерныя гробницы, высѣченныя въ скалахъ, «tombe a camera» (рис. 248), двоякаго рода. Въ однихъ изъ нихъ камеры имѣютъ каждая свой короткій и прямой входъ, въ другихъ же существуетъ особенное, общее для всѣхъ преддверіе. Стѣны ихъ обыкновенно украшены прекрасною живописью. Въ камерахъ находятся остатки погребенія (обыкновенно тѣло не сожигалось), въ саркофагѣ, болѣе или менѣе художественной работы, часто украшенномъ цѣлыми статуями умершихъ,

изображающими иногда очень наивныя сцены домашней жизни. Извѣстнымъ образчикомъ ихъ можетъ считаться саркофагъ, хранящійся въ Британскомъ музеѣ (рис. 249). Весьма разнообразна и интересна этрусская керамика. Болѣе древнюю группу ея составляютъ красные сосуды изъ Ареццо и черные изъ Кьюзи, болѣе позднюю—сосуды коринѳскаго типа. Многочисленны также сосуды съ изображеніями человѣческихъ лицъ. У этрусковъ мы можемъ прекрасно прослѣдить исторію развитія этого рода сосудовъ. Сначала употреблялись портретныя металлическія маски, привѣшивавшіяся къ погребальнымъ урнамъ, затѣмъ горло сосуда обратилось въ голову, а на самомъ сосудѣ изображались разные члены тѣла и обозначалась одежда, и наконецъ появились сосуды, изображающіе цѣлую человѣческую фигуру.

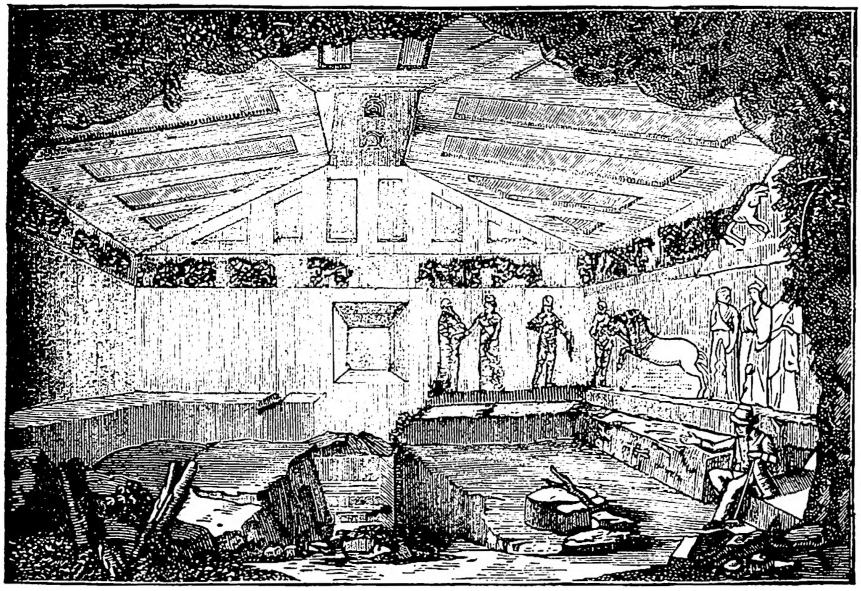


Рис. 248. Внутренность скальной этрусской гробницы въ Корнето.

Въ выдѣлкѣ бронзовыхъ предметовъ, оружія и украшеній этруски были настоящими мастерами. Они обладали сами богатыми мѣдными копями въ Кампильѣ и Вольтеррѣ, серебряными—въ Лунѣ, алебастровыми—въ Вольтеррѣ, желѣзными—на о-вѣ Эльбѣ, возлѣ Пуплуны.

До сихъ поръ мы говорили о такихъ итальянскихъ находкахъ, въ которыхъ преобладаютъ вліянія южныя и восточныя; теперь мы переходимъ къ тѣмъ, которыя могутъ быть относимы къ группѣ иллирійскаго характера, или къ поддунайской зонѣ Гернеса.

Кромѣ италійцевъ и этрусковъ, въ сѣверной Италіи, и именно въ восточной ея части, нынѣшней Венеціанской области, поселились венеты, которыхъ древніе писатели прямо обозначаютъ какъ племя иллирійское. Археo-

логическіе памятники, найденные въ ихъ странѣ, какъ показываютъ изслѣдованія, гораздо болѣе соотвѣтствуютъ собственно иллирійской группѣ, чѣмъ памятникамъ италійскаго или этрусскаго характера. По извѣстію Ливія, до венетовъ жили въ этой странѣ евганейцы, и этому именно загадочному племени A. Prosdocimi приписывалъ также очень извѣстные могильники, открытые въ 1876 г. въ Эсте. Позже оказалось что они съ гораздо большимъ вѣроятіемъ могутъ быть приписаны венетамъ [300]). О венетахъ на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря говоритъ уже Геродотъ, а за нимъ и рядъ другихъ писателей. По словамъ Полибія они отличались нравами и государственнымъ устройствомъ отъ своихъ сосѣдей кельтовъ. Главнымъ городомъ ихъ

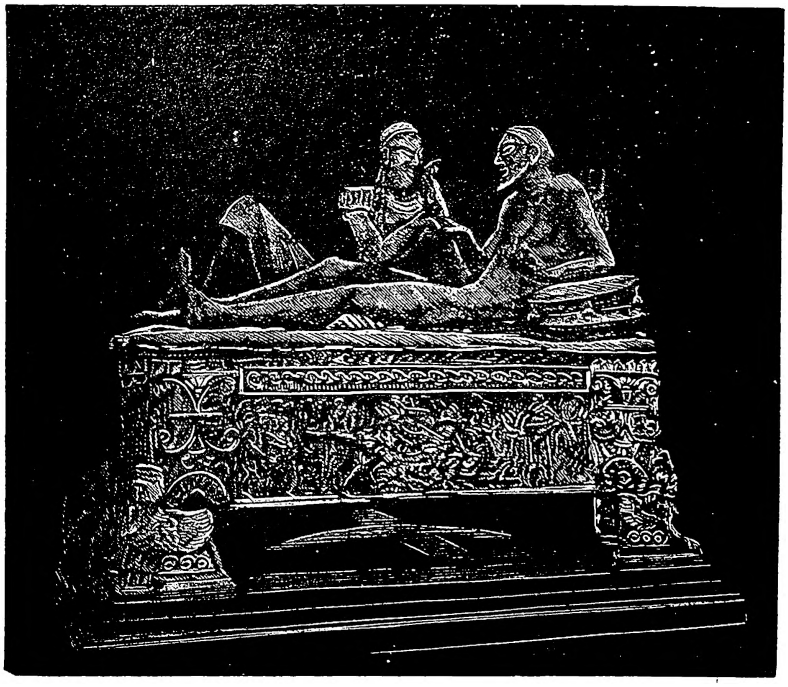


Рис. 249. Этрусскій саркофагъ.

былъ Патавіумъ, нынѣшняя Падуя, богатый и обширный городъ, бывшій главнымъ центромъ торговли съ Римомъ. Позже, когда венеты подчинились въ 215 году римскому владычеству, римляне основали тамъ, въ 181 г. до нашей эры, новую торговую колонію и гавань Аквилею. Иллиры покупали здѣсь южное вино, масло и т. п., обмѣнивая все это на рабовъ, скотъ, мѣха и янтарь, а позже и на желѣзо. Вслѣдствіе этого Аквилея достигла такого процвѣтанія, что въ IV ст. нашей эры была четвертымъ городомъ Италіи; но скоро затѣмъ, въ 452 г., она была разорена гуннами.

Наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ культуры венетовъ являются безъ сомнѣнія ихъ гробницы, открытыя А. Просдочими въ Эсте (древнемъ

Ateste), небольшомъ поселеніи, лежащемъ на югозападъ отъ Падуи [301]). Могильникъ въ Эсте оказался состоящимъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, расположенныхъ одинъ на другомъ. Просдочими различаетъ ихъ четыре; въ послѣднее же время Герардини а за нимъ и другіе (Гернесъ) — только три. Подъ слоемъ земли, заключающимъ въ себѣ остатки позднѣйшей римской эпохи, на глубинѣ не менѣе 3-хъ метровъ, находится слой съ гробницами такъ называемаго галльскаго періода, подъ которымъ лежитъ слой собственно венетскихъ гробницъ, и наконецъ, на глубинѣ болѣе 5 метровъ, наиболѣе древнія гробницы типа италійскаго, виллановскаго. Названіями этими мы вовсе не хотимъ, впрочемъ, сказать, что тутъ была смѣна различныхъ народовъ. По всѣмъ признакамъ всѣ три слоя принадлежатъ одному и тому-же народу — иллирскимъ венетамъ, но только въ гробницахъ древнѣйшаго періода встрѣчается больше слѣдовъ съ вліяніемъ виллановской культуры, а въ гробницахъ позднѣйшихъ—вліянія культуры галльской. Такъ какъ галлы въ половинѣ I-го тысячелѣтія поселились здѣсь возлѣ венетовъ, то весьма естественно, что между тѣми и другими возникли и взаимныя культурныя вліянія. Средній слой, самый характерный, обнаруживаетъ наименѣе чужихъ вліяній и наиболѣе сходствъ съ остальными памятниками иллирійскаго центра, а потому мы и называемъ его спеціально—венетскимъ.

Наиболѣе древній нижній слой заключаетъ въ себѣ погребальныя урны и предметы, положенные для умершихъ, по большей части подобные тѣмъ, какіе уже извѣстны намъ изъ могильника въ Виллановѣ. Гробницы второго слоя большею частью также съ остатками сожженія; костяки въ нихъ очень рѣдки. Самыя гробницы состоятъ обыкновенно изъ отесанныхъ каменныхъ плитъ, искусно сложенныхъ на подобіе небольшого ящика или же представляютъ собою простыя ямки въ землѣ. Иногда каменный ящикъ замѣняется большимъ грубо сдѣланнымъ сосудомъ, заключающимъ въ себѣ настоящія погребальныя урны и другіе сосудцы. Наиболѣе характерными предметами этихъ гробницъ оказываются глиняныя погребальныя урны на подобіе бронзовыхъ ситулъ, украшенныя рядами поперечныхъ полосъ, сдѣланныхъ рельефно или же черною и красною красками. Съ этими оригинальными по ихъ формѣ и орнаментаціи сосудами, мы встрѣтимся еще не разъ, напр. въ Грастьѣ, въ Лючіи (рис. 250 и 267), въ гробницахъ иллирійскаго характера. Не менѣе оригинальную орнаментацію встрѣчаемъ мы и на другихъ погребальныхъ урнахъ того-же слоя. Черная внѣшняя поверхность ихъ украшалась рядами блестящихъ бронзовыхъ гвоздиковъ, образовывавшихъ прямыя и волнистыя линіи, меандры и т. п. Рядомъ съ этими оригинальными типами мы встрѣчаемъ типы Виллановы, греческія издѣлія (кружки, чашки, кувшинчики) и особый видъ тарелкообразныхъ сосудовъ на высокихъ ножкахъ. Нѣтъ недостатка и въ бронзовыхъ сосудахъ, а одна изъ ситулъ, какъ мы упоминали

уже выше, богато украшена фигурными изображеніями. Изъ другихъ предметовъ болѣе всего встрѣчается украшеній. Оружія сравнительно немного: нѣсколько бронзовыхъ и желѣзныхъ топоровъ, наконечниковъ копій и ножей. Чаще встрѣчаются пояса изъ листоваго металла, покрытые украшеніями. Весьма обыкновенны также фибулы: дужки ихъ украшены бусами изъ стекла или янтаря или рядомъ кружечковъ и разныхъ привѣсокъ. Между ними встрѣчается также и форма sanguisuga (піявка), а въ гробницахъ позднѣйшаго характера и чертозскій типъ.

Въ гробницахъ третьяго, галльскаго слоя мы находимъ уже предметы иллирійскаго характера, въ значительной степени перемѣшанные съ типами позднѣйшаго желѣзнаго вѣка и главнымъ образомъ съ типами эпохи «La Tène». Такъ, здѣсь уже появляются ла-тенскія фибулы, стеклянные браслеты, множество желѣзнаго оружія и т. п. Керамика также представляетъ уже другой характеръ и отличается менѣе искусной выдѣлкой. Однако, какъ было уже замѣчено, и эти гробницы слѣдуетъ считать принадлежавшими венетамъ. Въ пользу этого свидѣтельствуетъ прежде всего цѣлый рядъ надписей, сохранившихся на надгробныхъ стелахъ. Языкъ этихъ надписей рѣшительно иллирійскій, письменность — особенная, своеобразная. Прочіе венетскіе могильники (Belluno, Oppeano) не представляютъ ничего особеннаго, а поэтому мы о нихъ и не будемъ говорить.

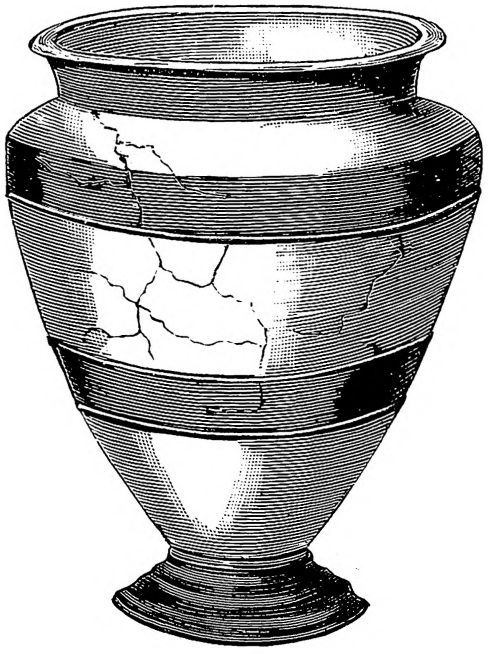


Рис. 250. Сосудъ типа Эсте изъ Грастья въ Крайнѣ.

Заканчивая обозрѣніе итальянскихъ находокъ, мы должны повторить опять то-же, что было сказано нами въ началѣ, а именно, что Италія даже въ области венетовъ, точно также какъ и Греція, достигла новой культуры, съ которою мы встрѣчаемся здѣсь въ началѣ желѣзнаго вѣка, гораздо больше путемъ непосредственныхъ сношеній съ Востокомъ, чѣмъ съ иллирійскимъ центромъ. Не говоря о южной Италіи, которая представляется вполнѣ вѣтвью греческой и восточной культуры, и въ сѣверной и въ средней Италіи мы встрѣчаемся со многими слѣдами тѣхъ-же вліяній; этрусская культура, безъ сомнѣнія, цѣликомъ на нихъ основана. Поэтому мы полагаемъ, что не только

полный общій характеръ культуры, но и въ частности самое появленіе желѣза гораздо лучше объясняются вліяніемъ торговыхъ сношеній сѣверной Италіи съ Востокомъ, чѣмъ иллиро-скиѳскимъ вліяніемъ, какъ утверждаетъ это Гернесъ. При этомъ, впрочемъ, мы не оспариваемъ существованія особой культурной области въ восточныхъ Альпахъ или въ сѣверной части Балканъ, а равно и извѣстной связи области съ Греціей и Италіей.

Поясъ южно-дунайскій или альпійскій. Была ли желѣзная культура, въ странахъ къ югу отъ Дуная, самостоятельнаго происхожденія*), или, какъ предполагаетъ Гернесъ, она ведетъ свое начало отъ иллировъ, населявшихъ тогда сѣвернобалканскія земли, восточныя Альпы и часть сѣверной Италіи,—необходимо признать во всякомъ случаѣ, что культура начала желѣзнаго вѣка въ этихъ странахъ была вполнѣ своеобразна. Этой культурѣ, которую мы до сихъ поръ называли иллирійскою, чаще придаютъ названіе по наиболѣе обширному и наилучше изслѣдованному могильнику соотвѣтствующей эпохи въ Галльштаттѣ—культуры галльштаттской.

Понятіе о галльштаттской культурѣ не совпадаетъ, впрочемъ, съ понятіемъ о началѣ желѣзной культуры въ Европѣ вообще. Она представляетъ собою только часть, географически ограниченную область, той культуры, которая возникла въ Европѣ со времени ознакомленія съ желѣзомъ; внѣ этой области мы находимъ только ея отпрыски, только слѣды ея вліянія. Поэтому, напр., галльштаттская эпоха въ Босніи выполнена цѣликомъ только этою культурой, но, напр., названіе галльштаттской эпохи въ Пруссіи вовсе не означаетъ, что мы находимъ и тамъ культуру галльштаттскаго характера. Тамъ это названіе обозначаетъ только археологическую эпоху, современную съ эпохой галльштаттской культуры, въ теченіе которой въ Пруссіи развилась достаточно обособленная культура, обозначающаяся лишь слѣдами вліяній, проникавшихъ туда изъ южнодунайскаго центра.

Характеръ галльштаттской культуры опредѣляется прежде всего присутствіемъ желѣза. Украшенія и т. п. продолжаютъ еще, разумѣется, дѣлаться изъ бронзы, но кромѣ этого металла входятъ въ употребленіе еще золото, серебро, отчасти и менѣе благородные металлы, затѣмъ стекло и ян-

---

*) Умѣстно упомянуть здѣсь о теоріи, предложенной въ свое время Гохштеттеромъ. Этотъ выдающійся археологъ, по случаю описанія находокъ въ Вачѣ, утверждалъ, что „галльштаттская“ культура не представляетъ собою ни культуры, принесенной съ юга, ни мѣстной, но что это арійская культура вообще, которую, какъ общее свое достояніе, арійцы принесли во всѣ занятыя ими въ Европѣ страны. Противъ этого справедливо возражалъ Вирховъ уже на археологическомъ съѣздѣ въ Трирѣ въ 1883 г. [302]).

тарь. За то всѣ орудія и оружіе начинаютъ уже выдѣлываться изъ желѣза. Конечно, все это происходитъ не сразу, но постепенно; мы видимъ, напр., что наиболѣе древніе мечи и кинжалы сохраняютъ еще формы бронзовыхъ, что рукоять меча дѣлается изъ бронзы, а клинокъ изъ желѣза, что вмѣстѣ съ желѣзнымъ оружіемъ встрѣчается еще очень много и бронзоваго Желѣзо достигаетъ полнаго господства только въ позднѣйшіе періоды желѣзнаго вѣка.

Изъ украшеній въ эту эпоху достигли большого развитія фибулы, браслеты, пояса, пряжки и разныя подвѣски. Большая часть бронзовыхъ предметовъ украшена тонкимъ рѣзнымъ или чеканнымъ орнаментомъ, какъ напр. это видно на рядѣ поясовъ, отдѣланныхъ искусно сдѣланными бляшками. Наиболѣе характернымъ является фигурный орнаментъ, составленный изъ рядовъ изображеній звѣрей и еще болѣе птицъ (лебедей, утокъ), съ длиннымъ загнутымъ вверхъ клювомъ.

Кромѣ того, галльштаттская культура характеризуется еще присутствіемъ стекла и множествомъ украшеній изъ янтаря. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, принимая во вниманіе, что колыбель ея находилась какъ разъ на самомъ пути торговли янтаремъ, бывшей въ то время въ апогеѣ своего процвѣтанія.

Разсмотрѣніе находокъ этой культуры естественно начать съ могильника, расположеннаго подъ городомъ Галльштаттомъ (Hallstatt), давшимъ свое имя всей этой культурѣ. Считаемъ впрочемъ необходимымъ сейчасъ же оговориться, что мы вовсе не думаемъ, чтобы Галльштаттъ былъ мѣстомъ ея происхожденія или центромъ. Въ этомъ отношеніи мы согласны съ Гернесомъ и другими, полагающими, что колыбель этой культуры надо искать южнѣе, ближе къ берегу Адріатическаго моря, въ приморскихъ областяхъ Австріи или даже на Балканахъ. Мы начинаемъ съ галльштаттскаго могильника только потому, что онъ является образцомъ мѣстонахожденій того же типа, что онъ очень обширенъ и лучше всего изслѣдованъ; съ нимъ мы можемъ удобно сравнивать прочія находки, указывая всегда на галльштаттскіе типы и образцы.

Галльштаттское кладбище было открыто въ 1846 году, а работы по его раскопкѣ были окончены только въ 1886 г. Отъ начала работъ по 1863 г. Рамзауэръ и Фонъ-Сакенъ вскрыли тамъ 980 могилъ, а послѣ нихъ, въ слѣдующіе годы, Шубертъ, Гуттеръ, Гауэръ и Гохштеттеръ нашли еще нѣсколько десятковъ. Въ 1886 г., во время послѣднихъ раскопокъ, Гауэръ и Гуттеръ открыли еще 13 могилъ. Число научно веденныхъ раскопокъ было во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ вдвое меньшее, чѣмъ раскопокъ хищническихъ, предпринимавшихся разными промышленниками. Общее количество могилъ можно принимать такимъ образомъ около 2000. Наиболѣе об-

стоятельное описаніе находокъ въ этомъ громадномъ могильникѣ было издано Сакеномъ (Ed. Sacken), подъ заглавіемъ «Das Gräberfeld von Hallstatt», въ Вѣнѣ въ 1868 г. Но эта работа все-таки не имѣла еще вполнѣ научнаго характера. Послѣ нея появилась меньшая по объему работа Майера (A. B. Mayer) [303]). Галльштаттское кладбище было расположено на отлогомъ склонѣ Соляной горы, подъ небольшимъ альпійскимъ озеромъ, въ Верхней Австріи. Изъ города Галльштатта можно добраться до могильника только послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительной ходьбы.

Въ галльштаттскомъ могильникѣ мы встрѣчаемся съ обоими похоронными обрядами: погребеніемъ и трупосожженіемъ и притомъ почти въ одинаковой мѣрѣ. Могилъ съ трупосожженіемъ оказалось лишь немногимъ меньше. Съ подобнымъ одновременнымъ существованіемъ обоихъ обрядовъ мы встрѣчались уже неоднократно въ эту эпоху въ Италіи и встрѣтимся еще не разъ въ другихъ могильникахъ галльштаттской области, напр. въ Вачѣ, въ Крайнѣ. Это своеобразное явленіе подало поводъ къ многочисленнымъ и разнообразнымъ толкованіямъ, особенно относительно вачскаго могильника, гдѣ впрочемъ сожженіе значительно преобладало. Нѣкоторые полагали, что одинъ обрядъ соблюдался относительно женщинъ, а другой относительно мужчинъ; иные искали объясненія въ этническихъ различіяхъ, другіе—въ сословныхъ (благородные и простолюдины, воины и рабы). Вѣрно только одно, что до сихъ поръ ни одно изъ объясненій не оказалось удовлетворительнымъ, и существованіе обоихъ обрядовъ на одномъ и томъ же кладбищѣ остается вообще невыясненной загадкой.

Въ Вачѣ могилы съ остатками сожженія были бѣднѣе заключавшихъ въ себѣ кости, въ Галльштаттѣ скорѣе наоборотъ, хотя разница и не была особенно велика. Костяки въ могилахъ лежали просто въ землѣ, часто обложенные или покрытые камнями, обыкновенно въ вытянутомъ положеніи; они обыкновенно небольшого роста и съ черепами долихоцефалическаго типа *). Пепелъ въ могилахъ съ остатками сожженія былъ насыпанъ или просто кучкой на землю, или же на мѣсто, выложенное камнями, иногда на большое продолговатое глиняное блюдо, изрѣдка въ деревянный гробъ. Только въ одномъ случаѣ онъ былъ найденъ заключеннымъ въ глиняную погребальную урну и въ двухъ—въ бронзовые сосуды. Тѣмъ не менѣе, каждая могила заключала въ себѣ сосуды въ качествѣ приношеній (отъ 2 до 5).

---

*) Въ галльштаттскомъ могильникѣ между массою могилъ съ цѣлыми скелетами нашлось около тринадцати, обнаружившихъ совсѣмъ особое явленіе. Часть тѣла была очевидно сожжена, другая же часть была погребена возлѣ кучки пепла. Этотъ обычай частичнаго погребенія былъ констатированъ и въ другихъ мѣстахъ кромѣ Галльштатта, но больше всего въ могилахъ этого именно періода: на кладбищѣ св. Лючіи въ Приморьѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ въ Германіи, въ

Оружіе, находимое въ могилахъ, частью бронзовое, частью желѣзное, и въ послѣднемъ случаѣ иногда сохраняетъ еще типъ бронзоваго, какъ напр. въ листовидной формѣ клинка мечей (рис. 251). Рукоятки мечей чаще всего заканчиваются шишкой, рѣже антенной, или имѣютъ другую форму. Отъ концовъ ноженъ сохранились бронзовые наконечники. У кинжаловъ клинокъ бываетъ обыкновенно желѣзный, рукоятка же бронзовая; отъ нѣкоторыхъ сохранились прекрасныя бронзовыя или деревянныя, окованныя бронзой, ножны (рис. 252). Ножи очень многочисленны, у небольшихъ бронзовыхъ лезвее всегда загнутое. Особенность галльштаттскихъ находокъ составляютъ большіе желѣзные ножи, похожіе на наши поварскіе, которые вѣроятно служили и оружіемъ (рис. 251). Топоры по большей части желѣзные. Чаще всего встрѣчается типъ пальставовъ съ крылышками, рѣже топоры со втулкой. Небольшіе топорики съ насадкой, прекрасно украшенные изображеніями животныхъ не служили для военныхъ цѣлей, но вѣроятно употреблялись только какъ отличительные знаки воиновъ и начальниковъ. Бронзовые наконечники стрѣлъ рѣдки и двоякаго типа: или плоскіе съ двумя крючками или трехгранные; наконечники копій обыкновенно желѣзные.

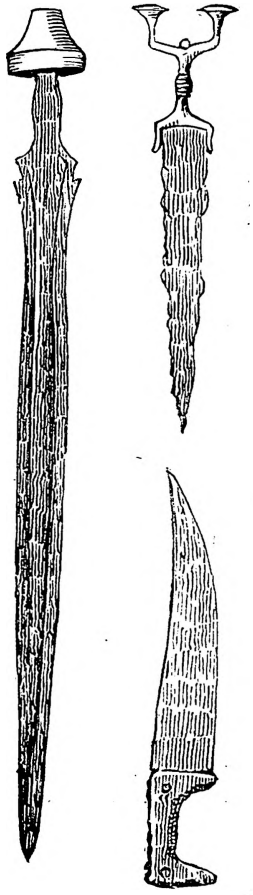


Рис. 251. Желѣзные мечъ, кинжалъ и ножъ изъ Галльштатта.

Гораздо разнообразнѣе галльштаттскія украшенія. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить опять фибулы, которыя могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: фибулы изъ проволоки, скрученной въ спирали, главнымъ образомъ такъ называемыя очкообразныя (рис. 253) фибулы и фибулы дугообразныя. Первыя наиболѣе характерны для галльштаттской культуры и

Гессенѣ, Люксембургѣ, Тюрингіи, Голштиніи, Мекленбургѣ. Науэ нашелъ подобные случаи въ баварскихъ курганахъ; они встрѣчаются также и въ курганахъ бриттовъ, въ могилахъ польскихъ и русскихъ. Извѣстны подобные же случаи и въ курганахъ (mounds) сѣверной Америки. Они наблюдались также въ Чехіи и въ Моравіи (въ курганахъ въ Пильзенскомъ округѣ, въ гробницахъ у Воковицъ, въ курганѣ возлѣ Петршпурка, около Ольмюца, Ярохновицъ и Квасицъ и т. д.). Объ обычаѣ частичнаго сожженія разсуждалъ уже Гизебрехтъ (Giesebrecht) въ 1846 г., но съ достовѣрностью онъ былъ доказанъ только находками Сакена, хотя и эти послѣднія оспариваются Гегеромъ (Heger). Напротивъ, Гостманнъ ошибочно предполагалъ, что сожигались только извѣстныя части тѣла [304]). Но при этомъ необходимо оговориться, что иногда, какъ напр. въ Чехіи, подобнаго рода показа-

носятъ поэтому названіе галльштаттскаго типа*); кромѣ указанной главной формы онѣ встрѣчаются также и во многихъ другихъ, болѣе или менѣе ей родственныхъ. Вторыя—представляютъ собою основной типъ, извѣстный уже намъ изъ Греціи и Италіи, со всѣми производными его формами, съ какими мы встрѣчались уже въ послѣдней изъ этихъ странъ: полукруглой, гладкой и узловатой (fibula a nodi), змѣевидной (рис. 255), «a sanguisuga», ладьевидной и чертозской. Въ гробницахъ позднѣйшаго періода желѣзнаго вѣка въ Италіи появляются также и фибулы ла-тенскаго типа. Въ Галльштаттѣ мы также встрѣчаемся часто съ фибулами, у которыхъ дужка не переходитъ въ одинъ или два завитка, но въ цѣлый рядъ завитковъ образующихъ собою трубочку, при чемъ проволока съ одного конца перегибается подъ дужкой или сверху ея—къ другому (рис. 256). Это такъ назыв. арбалетовидныя фибулы (fibules à l'arbalète, Armbrustfibel). Въ Галльштаттѣ изъ основной дугообразной формы развился еще особенный мѣстный типъ, очень красивый,

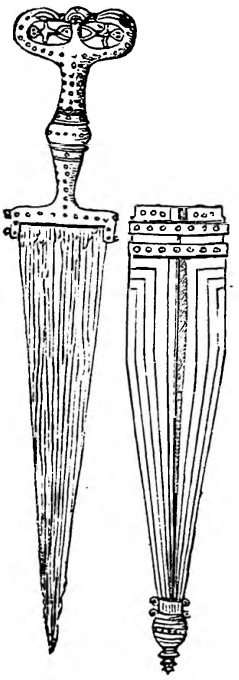


Рис. 252. Художественно сдѣланный кинжалъ съ ножнами изъ Галльштатта.

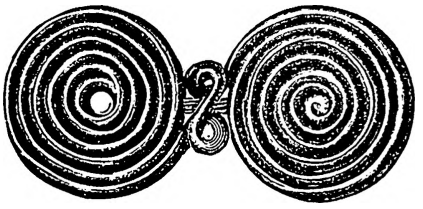


Рис. 253. Галльштаттская фибула спиральнаго (очкообразнаго) типа.

ніямъ особенно довѣрять нельзя. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ не было производимо детальнаго изслѣдованія, а такъ какъ случается, что нѣкоторыя части человѣческаго скелета истлѣваютъ раньше другихъ или же просто разрушаются иногда рабочими при раскопкахъ, то подобнаго рода случаи и могли подать поводъ къ ложному заключенію о частичномъ погребеніи. Тѣмъ не менѣе, на счетъ существованія этого обычая не можетъ быть никакого сомнѣнія, но удовлетворительнаго объясненія его до сихъ поръ еще не сдѣлано. Возможно, что онъ находился въ связи съ юридическими обычаями. Относительно среднихъ вѣковъ существуетъ сохранившееся извѣстіе о томъ, что въ дружинѣ короля Дагоберта одного вельможу хотѣли похоронить безъ головы «more gentilium».

*) На счетъ этой фибулы Ундсетъ предполагаетъ, что она греческаго происхожденія и была перенесена или въ самую Италію и очень распространилась тамъ, или же черезъ Балканы въ среднюю Европу, гдѣ мы встрѣчаемся съ ней уже въ концѣ бронзоваго вѣка въ Венгріи, и гдѣ она сдѣлалась признакомъ галльштаттской культуры Она проникла впрочемъ также и на сѣверъ. На Балканахъ подобныя же фибулы выдѣлывались изъ бляшекъ съ вырѣзанными на нихъ кружками (см. рис. 254).

образовавшійся посредствомъ уплощенія дуги фибулы въ бляшку на подобіе серпа луны и увѣшиванія ея рядомъ бронзовыхъ пластинокъ и бляшекъ, прикрѣпленныхъ къ ней цѣпочками. Это такъ назыв. лунообразный типъ

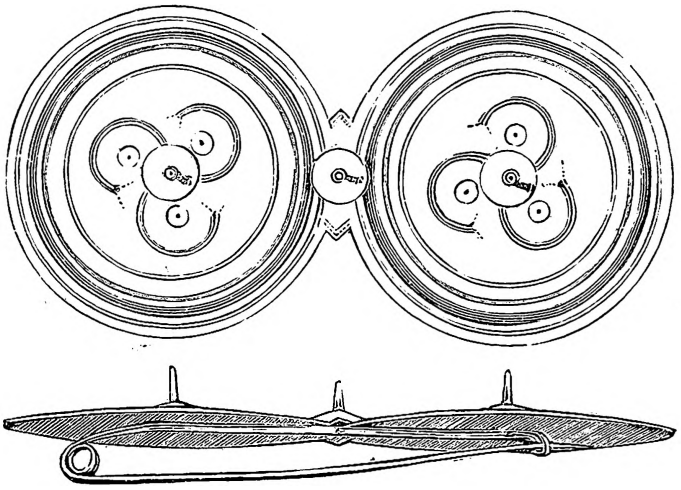


Рис. 254. Бронзовая фибула, найденная въ пещерѣ возлѣ Крехина Градца въ Герцеговинѣ.

галльштаттскихъ фибулъ (рис. 257), встрѣчающійся въ эту эпоху и въ другихъ мѣстахъ. Интересны еще фибулы, дужка которыхъ сдѣлана въ видѣ фигурки коня.

Изъ прочихъ украшеній выдающееся мѣсто занимаютъ въ Галльштаттѣ бронзовые пояса, не массивные или изъ цѣпочекъ какъ въ болѣе позднюю эпоху, а сдѣланные изъ широкаго и тонкаго куска листоваго металла и богато украшенные выбитыми извнутри выпуклинами, образующими линейные узоры: звѣзды, розетки, кресты, меандры, ромбики и т. п., перемежающіеся съ выбитыми же изображеніями птицъ, лошадей, людей и т. п. Многочисленныя подвѣски

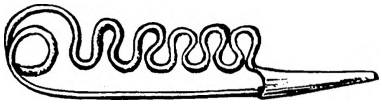


Рис. 255. Змѣевидная фибула изъ Галльштатта.

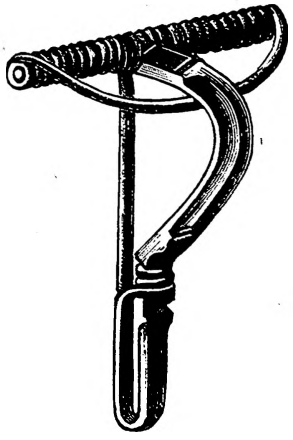


Рис. 256. Арбалетовидная фибула.

еще болѣе увеличивали богатство этихъ поясовъ, застегивавшихся спереди посредствомъ желѣзныхъ или бронзовыхъ крючковъ (рис. 258); пряжки еще

не были извѣстны. Иногда употреблялся и кожанный поясъ, только усаженный бронзовыми украшеніями.

Рис. 257. Лунообразная галльштаттская фибула.

Браслеты въ Галльштаттѣ или гладкіе, дутые, или массивные, покрытые нарѣзками и узорами. Въ большомъ количествѣ встрѣчаются также браслеты, украшенные бусообразными или яйцевидными выпуклинами, причемъ выпуклины эти иногда становятся на столько крупными, что получаются переходныя формы къ браслетамъ изъ ряда сплошныхъ или полыхъ полушариковъ, столь характерныхъ для позднѣйшей ла-тенской эпохи желѣзнаго вѣка.

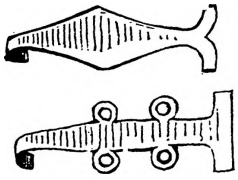


Рис. 258. Застежки для поясовъ изъ Галльштатта.

Кромѣ браслетовъ ручныхъ встрѣчаются часто еще ножные, шейныя кольца или обручи (torques), булавки съ головками, украшенными выпуклымъ орнаментомъ въ видѣ бусъ, и наконечники для охраны острія—костяные или бронзовые; небольшія бляшки, пуговки, щипчики, круглыя съ узорами пластинки и множество разныхъ привѣсокъ. Кромѣ бронзовыхъ украшеній многочисленны еще ожерелья изъ сѣвернаго янтаря, свидѣтельствующія о томъ, что путь янтарной торговли проходилъ недалеко отъ этой мѣстности, ожерелья изъ

стеклянныхъ бусъ, одноцвѣтныхъ и пестрыхъ, пряслицы, иглы, напильники, крючки для удочекъ и т. п.; золотыя вещи довольно рѣдки, серебро отсутствуетъ совершенно.

Бронзовые сосуды въ галльштаттскихъ находкахъ очень многочисленны и притомъ самыхъ разнообразныхъ формъ (см. напр. рис. 259—260). Встрѣчаются также желобчатыя цисты (ведра) и ситулы. Интересно, что сосуды, какъ и многія другія вещи, очень часто украшены въ верхней своей части прикрѣпленными посредствомъ гвоздиковъ фигурками разныхъ живот-

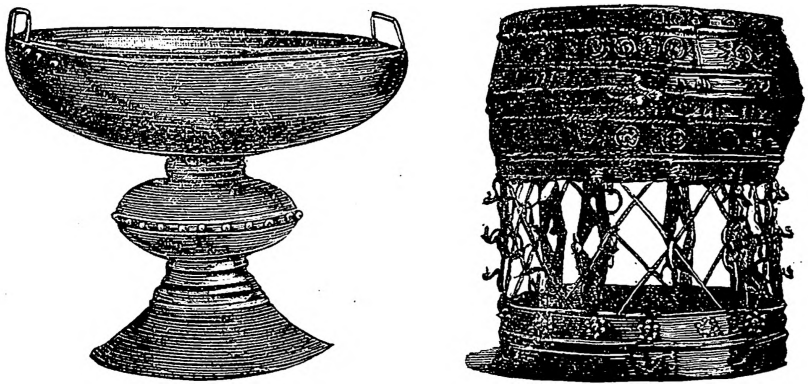


Рис. 259 и 260. Бронзовые сосуды изъ Галльштатта.

ныхъ—коровъ, лебедей, утокъ и т. п. (рис. 261). Сосуды вообще сдѣланы изъ отдѣльныхъ кусковъ листового металла, сбитыхъ гвоздиками. Галльштатт-

Рис. 261. Бронзовый котелокъ изъ Галльштатта.

ская керамика отличается своеобразнымъ характеромъ, даже крупные сосуды имѣютъ круглую форму съ невысокимъ горломъ, въ родѣ изображен-

наго на рис. 262; поверхность ихъ часто бываетъ натерта графитомъ и орнаментирована линейными узорами, чаще полосами зигзаговъ, окрашенными въ черный и красный цвѣтъ, или же дугообразными полосками. Сосуды сдѣланы обыкновенно отъ руки и плохо обожжены. Иногда и внутренняя поверхность сосудовъ, особенно плоскихъ, бываетъ также орнаментирована.

Галльштаттская культура производитъ впечатлѣніе большого богатства и разнообразія, и, хотя несомнѣнно, что мы встрѣчаемся здѣсь со многими слѣдами иноземныхъ вліяній, однако все то, что сохранилъ намъ галльштаттскій могильникъ, представляетъ продуктъ мѣстнаго населенія, слѣды жилищъ котораго были открыты въ 1888 г. на Соляной горѣ подъ Галльштаттомъ. Сакенъ высказывалъ предположеніе, что могилы съ остатками трупосожженія принадлежали мѣстному народу ретійскаго происхожденія. Могилы же съ погребеніями — пришлымъ галльскимъ воинамъ, таурискамъ, и относилъ эпоху основанія этого могильника ко второй половинѣ послѣдняго тысячелѣтія до нашей эры. Большая часть бронзъ, особенно сосуды, были по его мнѣнію этрусскаго происхожденія—мнѣніе, которое послѣ него раздѣляли и другіе: Генте (Genthe) и особенно Линденшмитъ. Напротивъ, Гохштеттеръ высказался за самостоятельность галльштаттской культуры и считалъ ее развившейся на основѣ общеарійской. Въ самое послѣднее время Гернесъ, а за нимъ П. Орси признали галльштаттскую индустрію за вѣтвь самостоятельной иллирійской культуры. Вѣтви, вышедшія изъ общаго источника, впрочемъ уже достаточно отличаются одна отъ другой, получивъ, каждая, свой мѣстный характеръ. Галльштаттъ не то что Эсте, не то что Марія Растъ (Maria Rast) или Санта-Лючія (Santa Lucia), но всѣ эти могильники имѣютъ и много общаго. Только бронзовые сосуды были вѣроятно занесены изъ Италіи путемъ торговли, все же остальное въ нихъ, по мнѣнію Гернеса, принадлежитъ иллирійской культурѣ. Вирховъ относится къ этимъ взглядамъ съ большою сдержанностью. Еще въ 1887 г. онъ высказалъ рѣшительное мнѣніе, что галльштаттская культура не развилась самостоятельно въ средней Европѣ, но была принесена изъ Италіи, куда въ свою очередь она пришла изъ Греціи и съ Востока. Сомбати полагаетъ, что въ началѣ послѣдняго тысячелѣтія до нашей эры народы, жившіе въ состояніи полной бронзовой культуры на южной и восточной окраинѣ Альпъ, уступили мѣсто новому населенію, которое принесло съ собою желѣзную культуру, новый стиль въ орнаментаціи, употребленіе фибулъ и т. п. Имени этого народа онъ не называетъ, но думаетъ, что населеніе это пришло скорѣе

Рис. 262. Глиняный сосудъ изъ Галльштатта.

съ нижняго Дуная, чѣмъ изъ Венгріи. Ундсетъ относитъ эпоху процвѣтанія Галльштатта къ 500 г.

Сдѣлаемъ теперь обзоръ находокъ, относящихся по своему характеру къ области галльштаттской культуры. Прежде всего обратимся къ странамъ, лежащимъ на югѣ, гдѣ было вѣроятно мѣсто ея происхожденія. Въ послѣднее время вниманіе всѣхъ изслѣдователей направлено въ этомъ отношеніи на Балканскія мѣстности—и съ полнымъ основаніемъ.

Балканскія страны были до недавняго еще времени краемъ, съ археологической стороны, совершенно невѣдомымъ. Было лишь извѣстно, что горныя долины Румеліи, Болгаріи, Сербіи, Босніи и Герцеговины скрываютъ въ себѣ не сотни, а десятки тысячъ древнихъ могилъ, но кромѣ довольно неудачныхъ попытокъ, сдѣланныхъ въ Румеліи, ни одна группа ихъ не была систематически изслѣдована. Въ послѣднее время, впрочемъ, въ трехъ странахъ начались усиленныя работы въ этомъ отношеніи, именно въ Сербіи, Болгаріи и главнымъ образомъ въ Босніи и Герцеговинѣ. То, что въ двухъ послѣднихъ областяхъ было сдѣлано при содѣйствіи правительства, Радимскимъ, Трухелкой, Фр. Фіала, Гернесомъ и другими, открываетъ цѣлый новый міръ и, несомнѣнно, вся иллирійская гипотеза Гернеса возникла у этого ученаго, главнымъ образомъ на основаніи боснійскихъ находокъ. То, что найдено до сихъ поръ въ Босніи, относится въ большей своей части къ галльштаттской культурѣ.

Боснія и Герцеговина полны археологическими памятниками, особенно могилами и курганами начала желѣзнаго вѣка [305]). О находкахъ неолитической эпохи и чисто бронзоваго вѣка въ этой странѣ намъ извѣстно мало. Наибольшее же число мѣстонахожденій принадлежитъ уже желѣзной эпохѣ. Самымъ типическимъ изъ нихъ является знаменитый могильникъ, расположенный на плоской возвышенности Глазинаца, недалеко отъ Сараева. Онъ состоитъ изъ множества невысокихъ, насыпанныхъ изъ мелкихъ камней, кургановъ, заключающихъ въ себѣ обыкновенно остатки погребенія. Остатки трупосожженія встрѣчаются лишь изрѣдка и, по мнѣнію Трухелки, сожиганіе было исключительной привилегіей только военнаго сословія. Первыя раскопки были начаты въ 1879 г., въ послѣднее же время онѣ производились систематически Трухелкой и Гернесомъ *). Курганы почти повсюду насыпаны изъ камней, но безъ опредѣленнаго плана; заключающіеся въ нихъ скелеты были положены просто на землѣ или же на слоѣ камней. При костякахъ обыкновенно находятъ мечи объ одномъ или двухъ лезвеяхъ, двойныя сѣкиры,

*) Въ самое послѣднее время надъ изслѣдованіемъ этихъ громилъ (Gromila), какъ они называются въ Босніи, особенно много работали покойный Радимскій и Франьо Фіала. (Прим. переводч.).

наконечники копьевъ, ножи, множество бронзовыхъ украшеній: браслеты, фибулы съ прицѣпленными къ нимъ разными кольцеобразными подвѣсками. Наиболѣе обыкновенная изъ такихъ глазинацкихъ фибулъ изображена у насъ на

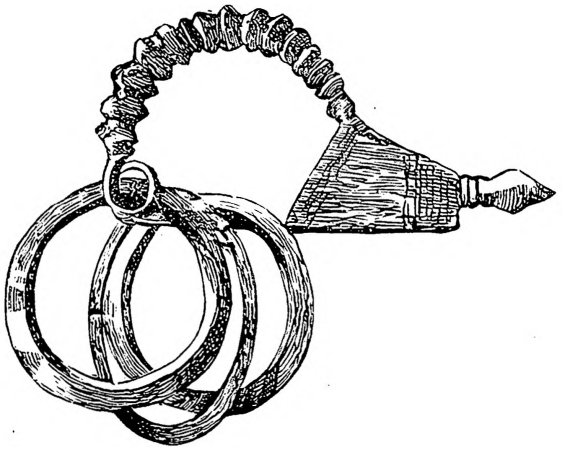


Рис. 263. Фибула изъ Глазинаца въ Босніи.

рис. 263. Это—дугообразная фибула съ сильно загнутой дужкой и трегранной или четырегранной пяткой. Очень интересны также виды фибулъ, соотвѣтствующіе греческимъ или южно-италійскимъ, такъ наз. очкообразнымъ, скрученнымъ изъ проволоки. Глазинацкія фибулы дѣлались изъ бронзы и изъ желѣза. Изъ прочихъ предметовъ слѣдуетъ упомянуть о булавкахъ, поясахъ, щипчикахъ, пуговкахъ, желѣзныхъ удилахъ; глиняныхъ сосудовъ—немного. Вещами, занесенными съ юга, можно считать бронзовый шлемъ вполнѣ греческой формы, нѣкоторые глиняные и бронзовые сосуды, а по мнѣнію Гернеса и Ундсета, и бронзовую повозочку, между четырьмя колесами которой находятся двѣ полыя бронзовыя же утки, изъ коихъ меньшая сидитъ на спинѣ большей (рис. 264). Повозочкамъ этимъ приписываютъ обыкновенно религіозное значеніе; мы упомянемъ о нихъ далѣе.

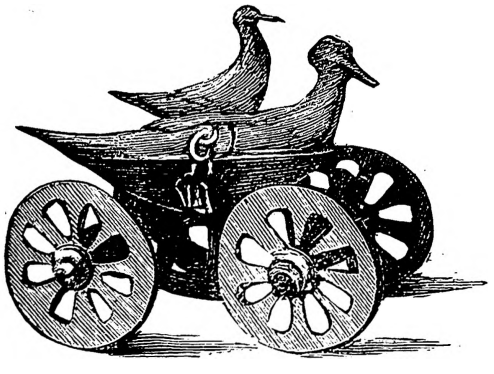


Рис. 264. Бронзовая повозочка изъ Глазинаца въ Босніи.

Къ этой же эпохѣ относится и часть могильника въ Заградинѣ, къ юго-западу отъ Ракитна въ Герцеговинѣ (другая часть относится къ позднѣйшей уже желѣзной эпохѣ), могильники въ Высоцкомъ окр. и т. д. Подобнаго же рода могильники встрѣчаются въ приморскихъ австрійскихъ земляхъ. Такъ, въ Кроаціи относится сюда могильникъ съ костяками въ Про-

зорѣ возлѣ Оточаца, характерный своими дугообразными фибулами, украшенными каменными или янтарными бусами, своими оригинальными бронзовыми діадемами, фигурками животныхъ и другими, встрѣчающимися и въ боснійскихъ могильникахъ, предметами. Въ Истріи сюда относятся: находки въ доисторическихъ городищахъ (итал. castellieri), наиболѣе нижніе слои которыхъ достигаютъ мѣстами даже до неолитической эпохи, и въ гробницахъ съ остатками трупосожженія. Городища въ этой мѣстности очень многочисленны и свидѣтельствуютъ о томъ, что она была густо населена даже въ доисторическія времена. Въ одномъ Порѣчскомъ округѣ ихъ считается 37, что свидѣтельствуетъ, если положить, вмѣстѣ съ Гернесомъ, по 200 душъ на каждое, о населеніи, превышающемъ 6.000 чел. Въ настоящее время этотъ округъ не имѣетъ столько населенія. Только подобной густотой населенія и можно объяснить то упорное сопротивленіе, которое оказывали когда-то Гистры римскимъ консуламъ. Находки въ этихъ городищахъ относятся ко всѣмъ эпохамъ, отъ неолита до римской и даже до болѣе позднихъ, металлическіе предметы относятся впрочемъ больше всего къ эпохамъ ла-тенской и римской. По отношенію къ галльштаттской культурѣ въ Истріи гораздо важнѣе могильники съ остатками трупосожженія, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны два: въ Порѣчьѣ (Parenzo) у подошвы городищъ, называемыхъ Pizzughi, и въ Вермѣ, возлѣ Пазина. Оба они состоятъ или изъ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ, или же изъ каменныхъ гробницъ, сложенныхъ въ видѣ ящиковъ. Погребальныя урны здѣсь самыхъ разнообразныхъ типовъ какъ мѣстнаго, такъ и иностраннаго производства. Онѣ имѣютъ обыкновенно круглый видъ, съ низкимъ широкимъ горломъ, орнаментированы черточками, зигзагами и меандрами, иногда-же бываютъ покрыты выпуклыми или вдавленными узорами. Въ послѣднемъ случаѣ вдавленныя черточки бываютъ выполнены бѣлымъ веществомъ. Нѣкоторые сосуды имѣютъ, впрочемъ, рѣшительно иностранный характеръ, южно-италійскій или даже кипрскій; попадаются также и бронзовыя ведерки греческаго происхожденія.

На основаніи этихъ послѣднихъ Гернесъ относитъ порѣчскій могильникъ къ V стол. до нашей эры, т. е. считаетъ его болѣе позднимъ, чѣмъ большую часть тѣхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также и первые образцы фибулъ чертозскаго типа и даже иногда ла-тенскаго. Другіе сосуды приближаются больше къ тѣмъ, которые извѣстны намъ изъ третьяго слоя гробницъ въ Эсте и въ Санта-Лючіи, въ Горицѣ.

Въ одной изъ порѣчскихъ гробницъ пепелъ покойника оказался сложеннымъ въ коническій бронзовый шлемъ (рис. 265). Въ вермскихъ гробницахъ особенно интересны нѣкоторыя оригинальныя мѣстныя формы урнъ, какъ напр. та, которая представлена у насъ на рис 266.

Изъ прочихъ находокъ на сѣверномъ побережьѣ Адріатическаго моря сюда относится, кромѣ Венеціанской области съ ея знаменитымъ некрополемъ въ Эсте, который мы отнесли къ Италіи, еще обильный могильникъ въ Санта-Лючіи возлѣ Толмина, въ Приморской области [306]). Этого могильника, въ которомъ Маркезетти (Marchesetti) открылъ уже около 5.000 гробницъ, невозможно сравнивать даже съ Галльштаттомъ, гдѣ ихъ было найдено всего около 2.000. Онъ почти весь состоялъ изъ могилъ съ остатками трупосожженія: ямъ, выкопанныхъ просто въ землѣ и содержавшихъ въ себѣ сосуды, пепелъ и положенные съ покойниками предметы. По большей части пепелъ былъ высыпанъ прямо въ яму, рѣже помѣщался въ большой глиняной или бронзовой урнѣ, яма же была прикрыта большимъ плоскимъ камнемъ. На поверхности земли не было никакихъ признаковъ могилъ—ни кургановъ, ни стелъ. Въ гробницахъ обыкновенно находятъ по два сосуда: одинъ большой съ нарисованными на немъ красною и черною красками кольцеобразными полосами (рис. 267), того же типа какъ и описанныя выше вазы изъ Эсте, а другой—меньшій въ видѣ чашки съ ушкомъ.

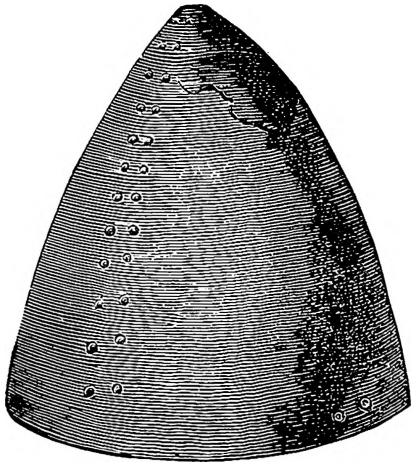


Рис. 265. Бронзовый шлемъ изъ порѣчскихъ гробницъ.

Рис. 266. Сосудъ изъ Верма.

Не было также недостатка въ привозныхъ греческихъ и восточныхъ сосудахъ. Между найденными въ гробницахъ предметами, которыми могильникъ сравнительно довольно бѣденъ, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе фибулы всѣхъ возможныхъ галльштаттскихъ формъ (чаще всего очкообразныя, затѣмъ чертозскаго типа и полукруглыя съ подвѣсками (рис. 280); кромѣ того простыя булавки съ головками, перстни, браслеты, шейныя гривны и т. п.—однимъ словомъ весь обычный галльштаттскій инвентарь. Но оружіе отсутствуетъ почти совершенно. Умершихъ сожигали въ нѣсколькихъ мѣстахъ на кладбищѣ. Между могилами попадаются и цѣлые конскіе скелеты съ многочисленными бронзовыми украшеніями и желѣзными удилами. Начало погребенія въ этомъ могильникѣ Гернесъ относитъ къ первой половинѣ перваго тысячелѣтія до нашей эры, отъ 650 до 300 г. и, принимая во вниманіе различныя формы фибулъ, отличаетъ двѣ серіи могилъ, изъ которыхъ первая, болѣе древняя, относится ко времени отъ 650 до 450 гг. и вторая—

позднѣйшая отъ 450 до 300. Въ могилахъ первой категоріи были найдены фибулы болѣе древнихъ типовъ (главн. обр. «очкообразныя»), въ могилахъ же второй—типовъ болѣе новыхъ (а именно—«змѣиная фибула», Schlangenfibel). Одинаковымъ характеромъ съ могильникомъ возлѣ Санта-Лючіи отличаются и недалеко отъ него находящіяся капорретскія гробницы.

Одной изъ наиболѣе богатыхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностей оказывается нынѣшнее воеводство Крайна. То, что было тамъ найдено, относится большею частью къ первой и второй эпохамъ желѣзнаго вѣка—галльштаттской и ла-тенской [307]). Въ окрестностяхъ Люблянъ, гдѣ мы уже имѣли дѣло съ очень важнымъ свайнымъ поселеніемъ неолитической эпо-

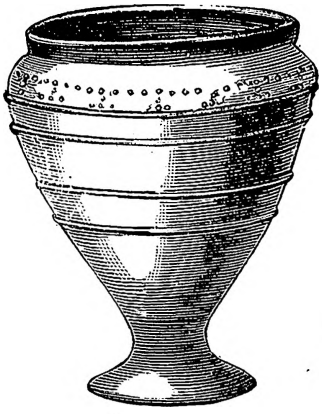


Рис. 267. Сосудъ изъ Санта-Лючіи.

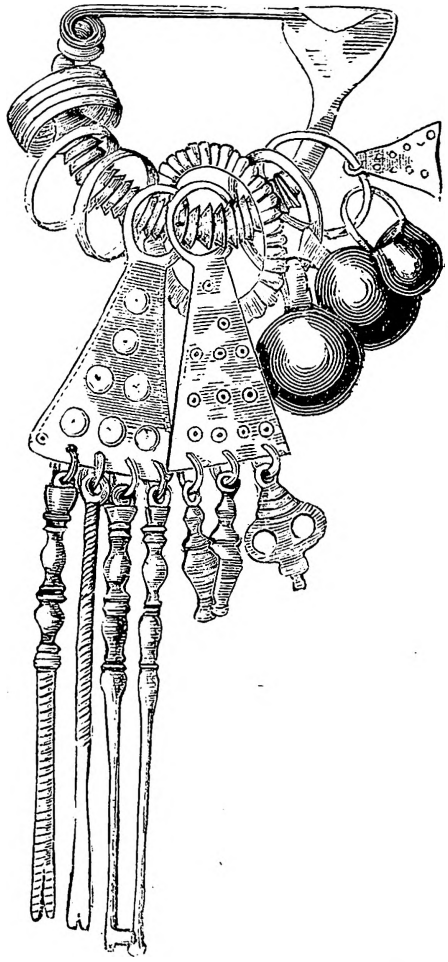


Рис. 268. Фибула изъ Санта-Лючіи.

хи, была составлена прекрасная коллекція мѣстнаго музея, расположенная въ образцовомъ порядкѣ покойнымъ консерваторомъ Дешманномъ. Изъ некрополей, относящихся къ этой эпохѣ, наиболѣе выдаются два: одинъ, найденный въ Вачѣ, и другой возлѣ св. Михаила недалеко отъ Постойны. Оба эти некрополя очень богаты, обширны и имѣютъ важное археологическое значеніе, такъ что нѣкоторые, какъ напр. П. Орси, видятъ тамъ одинъ изъ центровъ галльштаттской культуры. Мы уже упоминали о томъ, что въ Вачѣ встрѣчаются оба погребальные обряда—погребеніе и сожженіе—но послѣднее рѣшительно преобладаетъ (1:20), чѣмъ Вачъ главнымъ образомъ и отличается отъ Галль-

штатта. Затѣмъ между двумя способами погребенія здѣсь замѣчается также и различіе въ богатствѣ культуры: гробницы съ остатками трупосожженія сравнительно гораздо бѣднѣе бронзовыми издѣліями и тонкой керамикой, чѣмъ гробницы съ остатками погребенія, въ которыхъ впрочемъ опять-таки желѣзныя издѣлія преобладаютъ надъ бронзовыми. Керамика этихъ послѣднихъ гробницъ отличается большей тонкостью работы, богатствомъ орнаментаціи и,

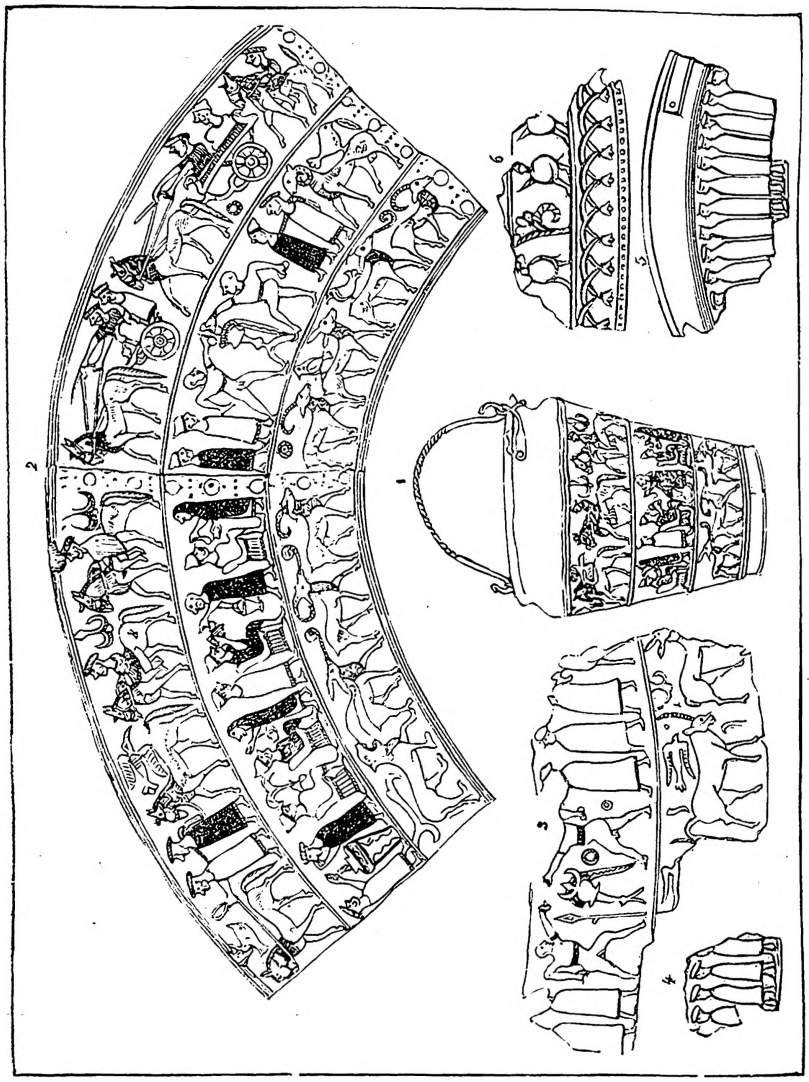


Рис. 269 Орнаментація вачской ситулы (1 и 2), части орнаментовъ ситулы, найденной въ Матреѣ въ Тиролѣ (3, 4 и 5), и другой, найденной въ Шмартнѣ въ Крайнѣ (6).

между прочимъ, еще тѣмъ, что кромѣ глиняныхъ сосудовъ въ нихъ были находимы и бронзовые, изъ которыхъ особенно замѣчательна искусно отдѣланная фигурнымъ орнаментомъ ситула. По своей формѣ эта ситула вполнѣ походитъ на чертозскую, но украшена только тремя кольцеобразными поясами чеканныхъ человѣческихъ и животныхъ изображеній (см. прилагаемый отдѣльный рисунокъ и фиг. 269). Въ верхнемъ поясѣ мы видимъ шествіе двухъ

мужчинъ, держащихъ въ поводьяхъ лошадей, затѣмъ двухъ всадниковъ, двѣ колесницы и наконецъ еще двухъ всадниковъ. Въ среднемъ поясѣ— сидящихъ въ гостяхъ нѣсколькихъ мужчинъ, изъ коихъ нѣкоторымъ прислуживаютъ женщины; далѣе, между четырьмя зрителями двое мужчинъ предаются состязанію на дубинахъ; въ нижнемъ поясѣ тянется другъ за другомъ цѣлый рядъ животныхъ.

Издѣліемъ подобнаго же характера является и найденный тамъ же поясъ изъ листовой бронзы, украшенный рядомъ фигуръ: впереди можно различить воина въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ, съ копьемъ, щитомъ и сѣкирою, затѣмъ двухъ сражающихся между собою всадниковъ, пѣшаго воина и наконецъ фигуру въ длинномъ одѣяніи съ широкой и низкой шляпой на головѣ, знакомой уже намъ по ситулѣ изъ Чертозы. Не менѣе интересны также и части вооруженія, найденныя въ Вачѣ. Сюда относятся прежде всего два шлема очень оригинальной формы (рис. 282), скорѣе всего вывезенные изъ Италіи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются подобные-же съ этрусскими надписями) *).

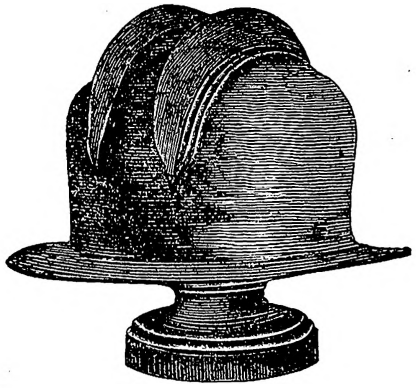


Рис. 270. Бронзовый шлемъ изъ Вачи въ Крайнѣ.

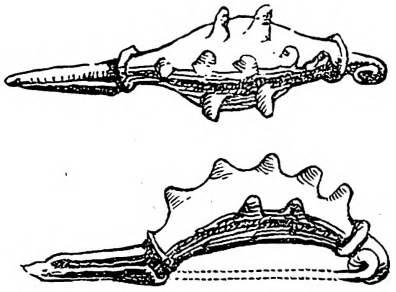


Рис. 271. Фибула съ стеклянной бусиной изъ Вачи въ Крайнѣ.

Предметы украшенія очень разнообразны; кромѣ бронзъ между ними было найдено большое количество прекрасныхъ эмальированныхъ бусъ восточнаго происхожденія. Дужки фибулъ часто заключены въ большія бусины изъ стекла, кости или янтаря (рис. 271). Иныя украшенія напоминаютъ собою боснійскія находки, другія—микенскія. Керамика оказывается отчасти привозною изъ болѣе южныхъ странъ и сходною съ типами изъ Эсте и Санта-Лючіи (вазы съ выпуклыми и раскрашенными орнаментами въ видѣ горизонтальныхъ полосъ); но въ большей своей части она все таки мѣстнаго производства и

*) О томъ, что они доставлялись сюда изъ Италіи, свидѣтельствуетъ цѣлый складъ, состоящій изъ 20 шлемовъ съ этрусскими надписями (вѣроятно, запасъ торговца), открытый въ Negau, возлѣ Радкерсбурга въ Штиріи.

своими формами напоминаетъ типы, встрѣчающіеся часто въ находкахъ галльштаттскаго періода.

Могильникъ св. Михаила, тщательно изслѣдованный Гернесомъ, находится недалеко отъ Постойны и состоитъ собственно изъ двухъ кладбищъ—болѣе древняго и позднѣйшаго. Гробницы—съ остатками трупосожженія; въ болѣе древнемъ кладбищѣ пепелъ заключенъ въ урнахъ, въ позднѣйшемъ же просто высыпанъ въ ямы. Инвентарь гробницъ—галльштаттскаго характера; кромѣ бронзовыхъ предметовъ попадается и много желѣзныхъ. Вообще же онъ даетъ возможность хорошо прослѣдить развитіе культуры и различать болѣе древнія формы отъ позднѣйшихъ. Въ младшемъ могильникѣ погребальныхъ урнъ нѣтъ, фибулы очень велики, массивны и тяжелы, типовъ чертозскаго, змѣевиднаго и ла-тенскаго (встрѣчаются также и желѣзныя). Оружіе почти все желѣзное и по большей части уже ла-тенскихъ типовъ: длинные мечи съ ровнымъ клинкомъ, наконечники копій со втулкой, элегантной формы сѣкиры новыхъ формъ съ поперечнымъ отверстіемъ для топорища и особенно оригинальные мечи съ однимъ лезвеемъ и съ клинкомъ, загнутымъ внутрь, а не наружу, какъ въ нынѣшнихъ сабляхъ, похожіе до извѣстной степени на ятаганы. Не смотря на это, Гернесъ все таки относитъ этотъ могильникъ еще къ галльштаттской эпохѣ и полагаетъ только, что здѣшнее иллирійское племя япудовъ позаимствовало, согласно извѣстію Страбона, свое вооруженіе отъ кельтовъ.

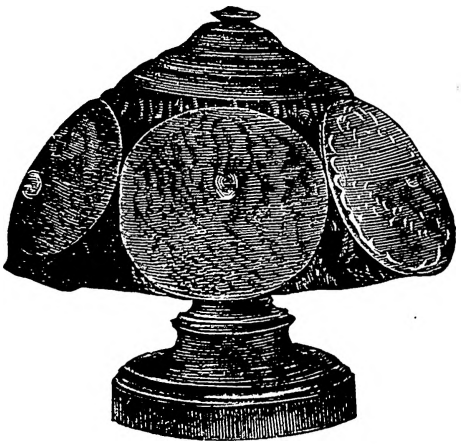


Рис. 272. Шлемъ, найденный возлѣ Св. Маркеты въ Крайнѣ.

Къ тому же періоду относятся, по крайней мѣрѣ отчасти, и гробницы возлѣ св. Магдалины, недалеко отъ Шмартна, и около сотни гробницъ возлѣ св. Маркеты, недалеко отъ Мокронога, отличающихся кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, находимыхъ при покойникахъ, еще и большимъ количествомъ домашнихъ сосудовъ прекрасныхъ формъ, съ вылощенной поверхностью, усаженной выпуклыми розетками изъ шишечекъ. Особенно характерны для этого могильника сосуды на высокой ножкѣ. Здѣсь также былъ найденъ извѣстный шлемъ полушарообразной формы, сплетенный изъ прутьевъ лѣснаго орѣшника и усаженный бронзовыми бляхами (фиг. 272). Подобные шлемы были найдены и въ другихъ мѣстностяхъ, въ Ровищѣ—въ Крайнѣ, въ Видемѣ — въ Штиріи и т. п.; на чертозской ситулѣ мы находимъ ихъ изображенными на головахъ воиновъ верхняго пояса.

Другія менѣе значительныя гробницы этого періода были найдены въ Крайнѣ еще въ Острожникѣ и въ Слепшекѣ, въ мокроножскомъ округѣ въ Грастьѣ, въ Добровѣ, въ Ровищѣ, въ Студенцѣ, на горѣ Винковѣ возлѣ Двора (съ замѣчательно огромными фибулами), въ Циркницѣ и въ Подземльѣ съ единственнымъ, найденнымъ въ Крайнѣ, бронзовымъ мечемъ этой эпохи [308]).

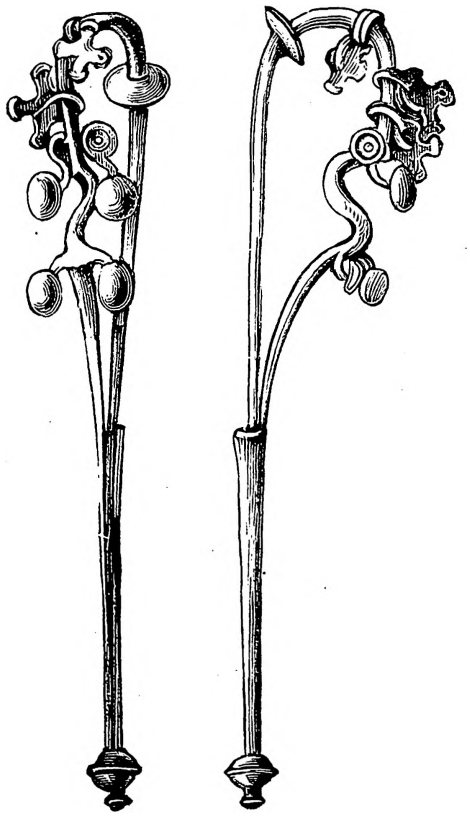


Рис.273. Фибула изъ могильника возлѣ Св. Маркеты въ Крайнѣ.

Въ Хорутаніи, между Вертскимъ и Оссіяшскимъ озерами на р. Дравѣ расположенъ очень интересный некрополь въ Фрёггѣ (Frögg) возлѣ Rosegg'а, систематически раскопанный барономъ К. Гаузеромъ [309]). Бронзовые сосуды этого могильника такіе же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, глиняныя урны, по формѣ и орнаментаціи, похожи на галльштаттскія. Бронзовые и желѣзные предметы также соотвѣтствуютъ общему характеру этой культуры (ср. рис. 274); какъ и въ могильникѣ св. Михаила, и здѣсь были найдены мечи оригинальной формы съ лезвеемъ, выгнутымъ внутрь. Но особенность этого могильника составляютъ плоскія оловянныя фигурки, весьма примитивной работы, представляющія птицъ, лошадей, всадниковъ, человѣческія фигуры съ распростертыми ногами и руками въ колечкѣ и т. п. (рис. 275 и 139). Онѣ употреблялись или для украшенія плоскихъ предметовъ, къ которымъ прикрѣплялись своей задней стороной, или же для украшенія реберъ или краевъ и тогда были прикрѣпляемы своими основаніями и стояли свободно (рис. 276). Съ подобнаго рода украшеніями мы встрѣчаемся и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Во Фрёггѣ олово было мѣстнаго происхожденія и добывалось или изъ залежей возлѣ Бѣляка или же въ Рудникѣ. Другимъ, хотя и менѣе важнымъ мѣстонахожденіемъ, относящимся отчасти еще къ этой эпохѣ, можно считать Гурину [310]). Тамъ было доисторическое поселеніе, которое, судя по находкамъ, существовало до позднѣйшей римской эпохи. На предметахъ изъ бронзы было найдено много иллирійскихъ надписей. Очень возможно, что здѣсь было мѣсто какого то религіознаго культа, о чемъ свидѣтельствуетъ множество

разныхъ приношеній, между которыми особенно обращаютъ на себя вниманіе бронзовыя изображенія человѣческихъ ногъ и рукъ, подобныя которымъ были найдены въ Эсте, въ Клейнъ-Глейнѣ и другихъ мѣстахъ.

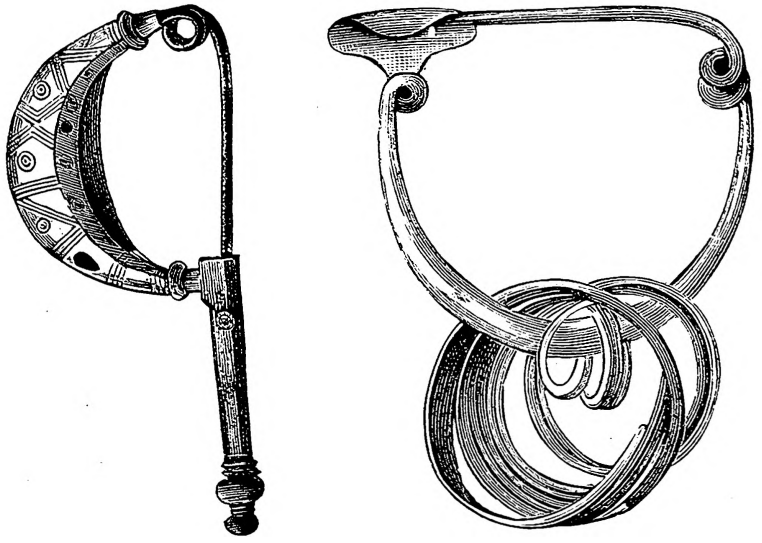


Рис. 274. Ладьеобразная и дугообразная фибулы съ привѣсками, изъ гробницы въ Фрёггѣ.

Въ Штиріи сюда относятся могилы съ остатками погребенія, найденныя подъ курганами въ Лойбенбергѣ, недалеко отъ Видема на р. Савѣ, съ прекрасною, украшенною прилѣпными шишечками, керамикой. Въ одномъ курганѣ былъ найденъ воинъ, погребенный въ полномъ вооруженіи (въ шлемѣ, съ копьемъ, сѣкирой и колчаномъ) и съ конемъ. Но еще болѣе важное мѣстонахожденіе представляютъ собою курганы, раскопанные В. Радимскимъ и I. Сомбати въ окрестностяхъ Віеса, возлѣ Лейбница [311]). Нѣкоторые изъ нихъ по своему богатству заслуживаютъ названія княжескихъ гробницъ. Такъ, въ курганѣ возлѣ Клейнъ-Глейна найдены были, вмѣстѣ съ десятью бронзовыми сосудами, желѣзной сѣкирой, удилами и фибулой, двѣ половины бронзоваго панцыря—передняя и задняя (рис. 277). Въ другомъ курганѣ той же мѣстности найдены были художественной работы бронзовыя крышечки (вѣроятнѣе всего—для закрыванія сосудовъ), украшенныя богатой чеканной орнаментикой

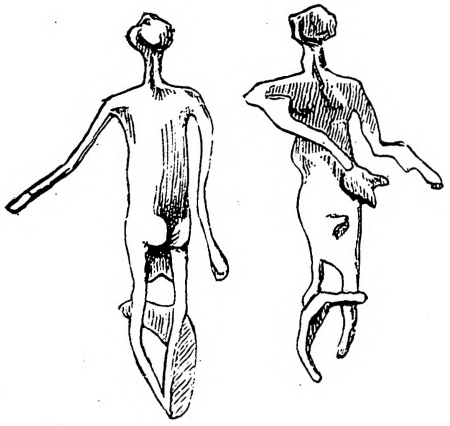


Рис. 275. Оловянныя фигурки изъ Фрёгга въ Хорутаніи.

(рис. 278), вмѣстѣ съ другими художественными предметами, между прочимъ съ обѣтными, вырѣзанными изъ листовой бронзы, изображеніями рукъ. Одинъ изъ кургановъ заключалъ въ себѣ больше 14-ти килограммовъ бронзовыхъ предметовъ. Вообще инвентарь отличается большимъ разнообразіемъ, причемъ особенно выдаются привозные предметы изъ Греціи и Италіи. Въ курганахъ мы находимъ обыкновенно остатки сожженія, большей частью одного покойника въ каждой могилѣ.

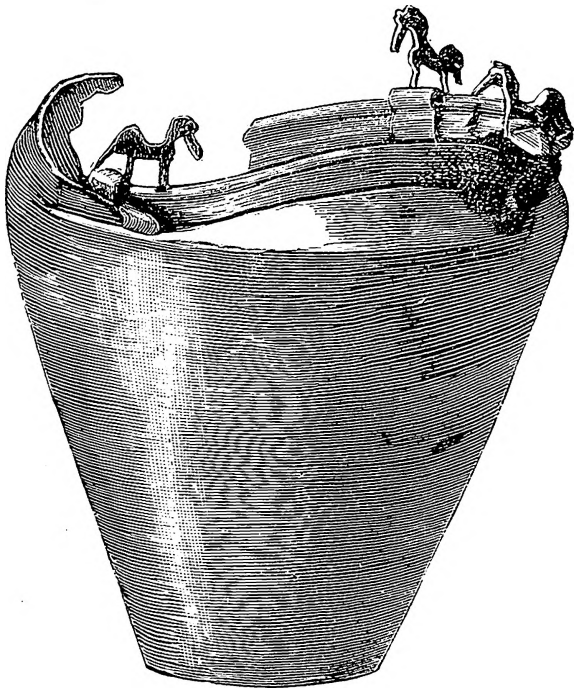


Рис. 276. Бронзовая ситула, украшенная фигурками, изъ Фрёгга въ Хорутаніи.

Погребальныя урны интересной формы, очень характерной для галльштаттской эпохи въ сѣверныхъ частяхъ восточныхъ Альпъ, изображены на рис. 279. Примѣрами

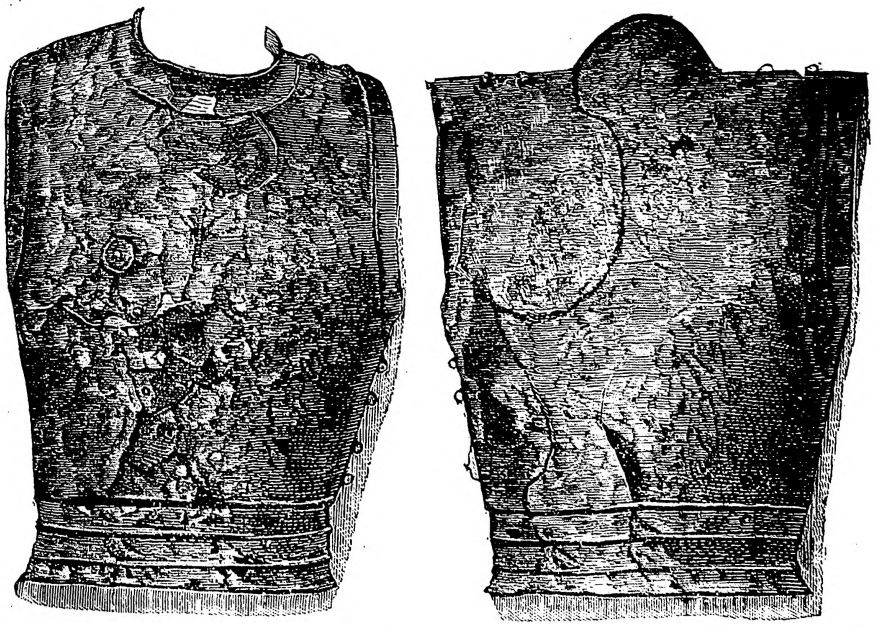


Рис. 277. Бронзовый панцырь изъ кургана въ Клейнъ-Глейнѣ, въ Штиріи.

другихъ характерныхъ издѣлій могутъ служить еще изображенныя на рис. 280—283. Но все таки слѣдуетъ сказать, что могильникъ въ Віесѣ,

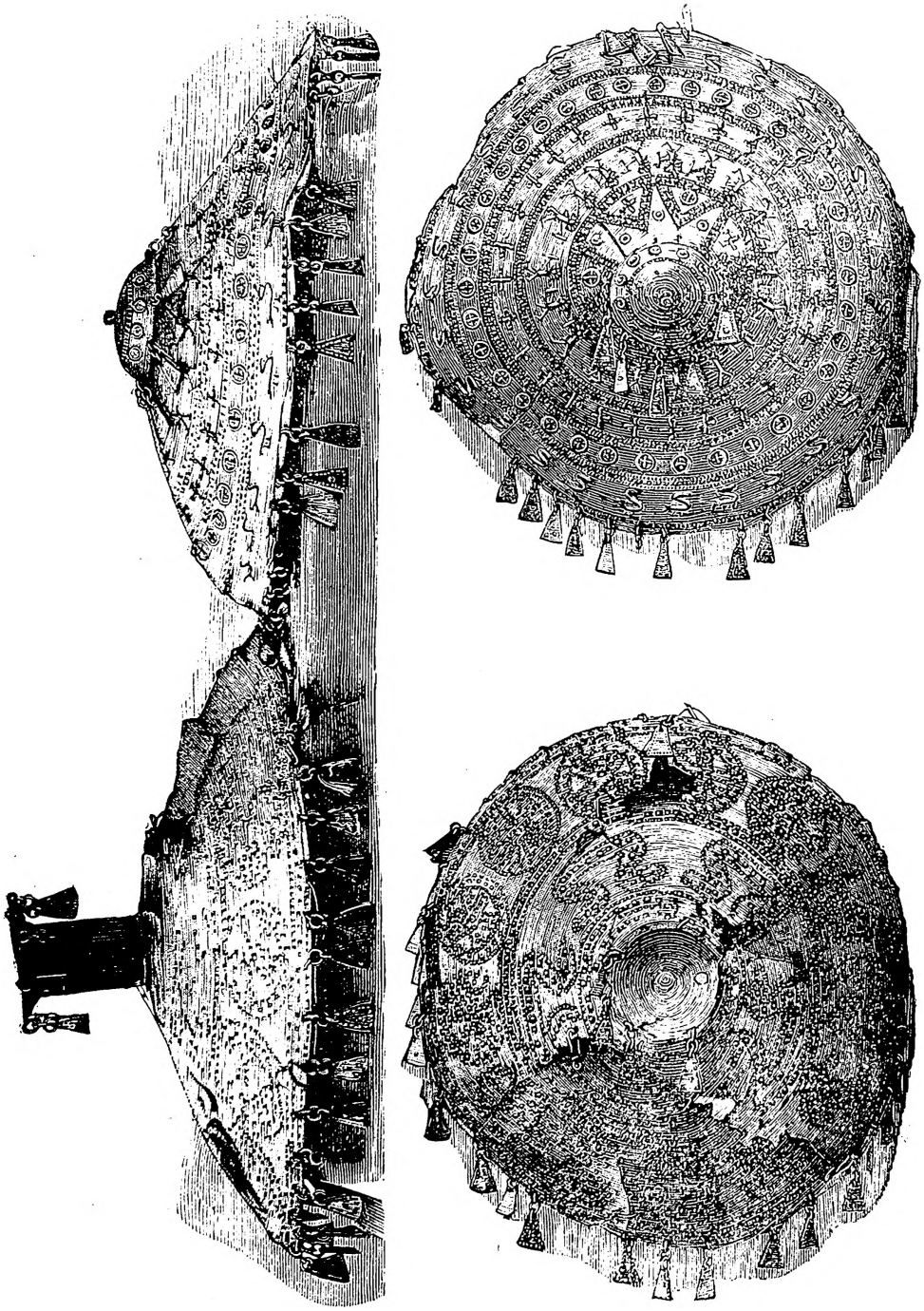


Рис. 278. Бронзовыя кришки изъ кургана въ Клейнъ-Глейнѣ въ Штиріи.

кромѣ этихъ болѣе древнихъ гробницъ, заключаетъ въ себѣ и могилы римскаго характера. Очевидно, что здѣсь погребенія продолжались непрерывно

съ галльштаттской эпохи до времени, когда въ эту мѣстность начала уже проникать провинціальная римская культура, при чемъ любопытно, что здѣсь

Рис. 279. Погреб. урна изъ кургана въ Віесѣ въ Штиріи.

остались также мѣстности, какъ кажется, вовсе не затронутыя галльскою культурой. По крайней мѣрѣ здѣсь вовсе не было найдено гробницъ ла-тѐнскаго характера. Большую извѣстность получила находка въ гробницѣ съ остатками трупосожженія какого-то, вѣроятно, очень знатнаго воина, въ Штреттвегѣ, возлѣ Юденбурга. Кромѣ нѣсколькихъ частей прекраснаго вооруженія, здѣсь оказалась извѣстная бронзовая повозочка съ находящейся на ней группой бронзовыхъ фигурокъ, разставленныхъ вокругъ одной большой, которая представляетъ обнаженную женщину съ плоскимъ сосудомъ на головѣ (рис. 284). Это—по всей вѣроятности изображеніе религіозной процессіи. Оно представляетъ собою лучшую и наиболѣе извѣстную изъ всѣхъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ, находокъ подобныхъ маленькихъ колесницъ. Ихъ найдено уже довольно много, но большей частью онѣ не такъ сложны, иногда безъ фигуръ,

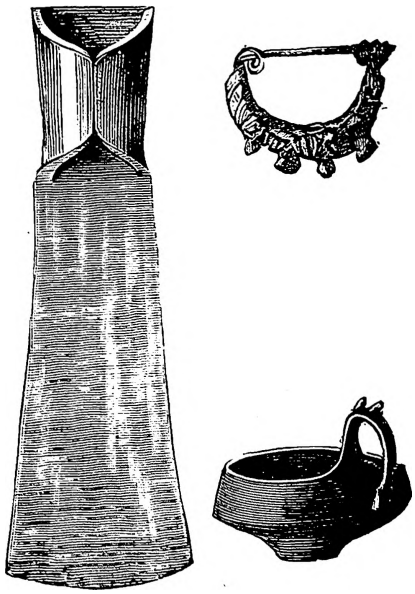


Рис. 280. Бронзовый топоръ, фибула и сосудецъ изъ кургана въ Віесѣ въ Штиріи.

но за то съ котлообразнымъ сосудомъ (Kesselwagen), какъ напр. найденныя въ Глазинацѣ въ Босніи, въ Эсте, Корнето, Лючерѣ, Кортонѣ и Палермо—въ Италіи, въ Истадѣ—въ Швеціи, въ Пеккателѣ и Пенисвитѣ—въ Меклен-

Рис. 281—282. Сосуды изъ кургановъ въ Віесѣ въ Штиріи.

бургѣ, въ Сасварошѣ (Szaszváros)—въ Трансильваніи, въ Радгони, въ Штиріи, въ Бургѣ на Шпре, Обертретѣ, и Франкфуртѣ на Одерѣ, въ Оберкеглѣ — въ Силезіи и одинъ поломанный въ Чехіи, въ курганѣ у Миловецъ, возлѣ Домажлицъ. Одна такая повозочка хранится и въ петербургскомъ Эрмитажѣ (Зала XIV, шк. 1).

Рис. 283. Бронзовый котелокъ изъ кургана въ Віесѣ въ Штиріи.

Всѣ эти повозочки принадлежатъ очевидно къ одной группѣ древностей и относятся въ средней Европѣ къ концу бронзоваго вѣка и началу желѣзнаго [312]). Ундсетъ считаетъ ихъ принадлежностями культа восточнаго происхожденія, въ чемъ съ нимъ соглашается и Шантръ. Гёрнесъ приписываетъ повозочкамъ съ котелками иллирійское происхожденіе, Вурмбрандтъ-же полагаетъ, что вѣроятнѣе всего онѣ мѣстнаго производства.

Кромѣ этихъ богатыхъ гробницъ, мы встрѣчаемся въ Штиріи еще съ обширными могильниками, заключающими въ себѣ остатки трупосожженія, бѣдными относительно находокъ, но очень важными для части бронзоваго и для желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ. Какъ въ этихъ альпійскихъ странахъ, такъ и далѣе на сѣверъ и на востокъ, поля погребальныхъ урнъ отличаются бѣдностью инвентаря. Кладбище изъ 100—200 могилъ даетъ обы-

кновенно весьма скудную коллекцію предметовъ. Кромѣ остатковъ керамики мы находимъ тамъ только самые незначительные металлическіе предметы и ихъ обломки; рѣдко случается найти цѣльный ножъ, топоръ или серпъ; даже фибулы очень рѣдки. Только болѣе южные могильники этого рода, напр. Санта-лючійскій, отличаются нѣсколько большимъ богатствомъ. Но Санта-Лючія находится на берегу Адріатическаго моря, гдѣ сосредоточивалась вся тор-

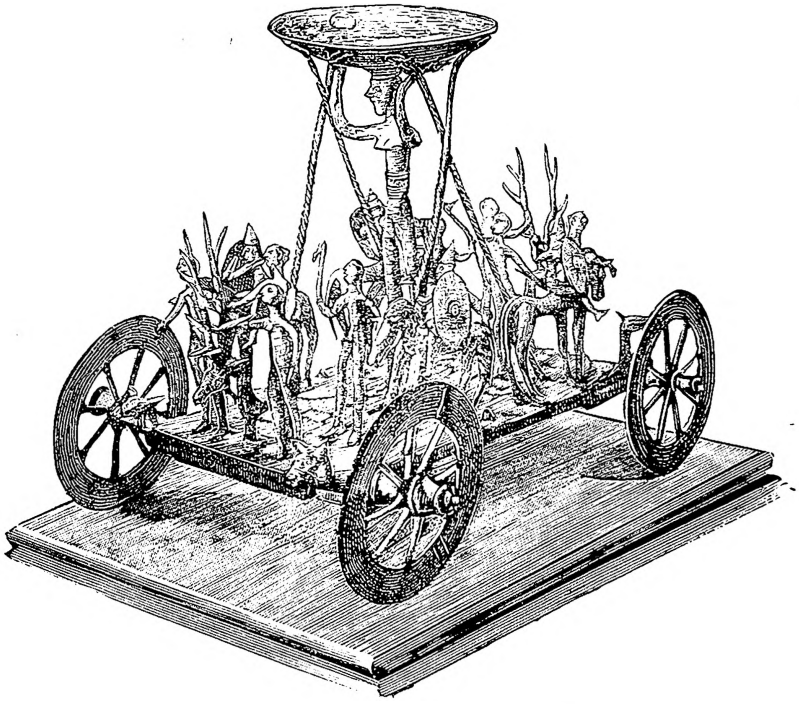


Рис. 284. Бронзовая повозочка изъ Штре ттвега.

говля средней и сѣверной Европы. Далѣе къ сѣверу, въ Альпахъ, трудно однако объяснить эту бѣдность полей съ погребальными урнами тѣмъ, что они болѣе удалены отъ моря и отъ Италіи. Вѣдь встрѣчаются же тамъ древнія кладбища, гораздо болѣе богатыя и иного характера въ керамикѣ. Поэтому мы склонны соединить всѣ поля погребальныхъ урнъ въ одну самостоятельную группу, какъ объ этомъ будетъ сказано подробнѣе дальше.

Въ Штиріи къ группѣ бѣдныхъ находками полей погребальныхъ урнъ, съ керамикой вполнѣ особаго характера, чѣмъ напр. видемскія могилы, относится могильникъ въ Маріа-Растѣ. Здѣсь не было найдено ни одного предмета вооруженія, а только нѣсколько бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ украшенія и масса остатковъ керамики (до 800 погребальныхъ урнъ) съ орнаментомъ изъ врѣзанныхъ и выполненныхъ бѣлымъ веществомъ черточекъ. Нѣсколько предметовъ римскаго характера побудили было графа

Вурмбрандта относить это кладбище къ римской эпохѣ, но Ундсетъ и Гёрнесъ относятъ его къ началу желѣзнаго вѣка, а римскія издѣлія считаютъ позднѣйшею примѣсью.

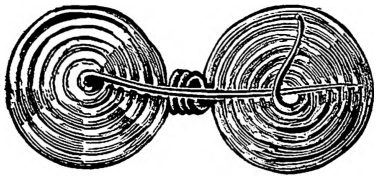


Рис. 285. Спиральная фибула изъ кладбища въ Маріа-Растѣ.

Въ Тиролѣ галльштаттская культура оставила не особенно большіе слѣды. Керамика могилъ этого періода отличается своеобразнымъ характеромъ, фибулы рѣдки и мѣсто ихъ занимаютъ длинныя булавки; предметы итальянскаго ввоза, естественно, очень многочисленны, напр. въ ваденскомъ могильникѣ возлѣ Больцано и пр. Ситулъ, подобныхъ чертозской и вачской, здѣсь было найдено двѣ, въ Матреѣ и Морицингѣ. Гробницы съ костями, относимыя Кампе къ до-этрусскому желѣзному періоду, найдены были также возлѣ Романьяно въ Трентской области.

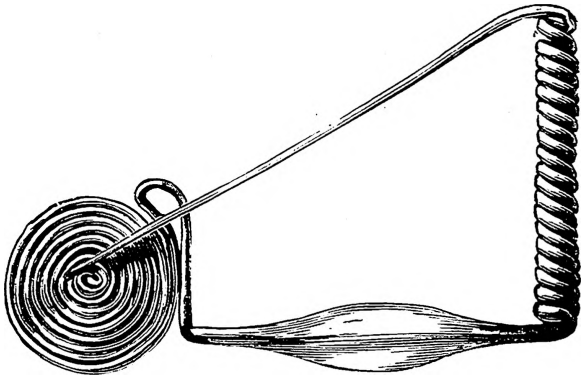


Рис. 286. Фибула венгерскаго типа изъ кладбища въ Штилльфридѣ.

Съ новой значительной группой кладбищъ галльштаттскаго періода мы встрѣчаемся въ Нижней Австріи, Здѣсь, впрочемъ, они представляютъ лишь бѣдныя поля погребальныхъ урнъ, образцомъ коихъ можетъ служить кладбище въ Гадерсдорфѣ (Hadersdorf), очень, похожее по своему характеру на Маріа-Растское, но только еще болѣе бѣдное металлическими предметами. Между 600-ми сосудовъ нашлось только около 20 бронзовыхъ предметовъ (фибулы венгерскаго типа, булавки, браслеты, серьги, ножи) и одинъ желѣзный. Возлѣ кладбища оказались еще культурныя ямы, очевидно остатки жилищъ населенія, погребавшаго здѣсь своихъ покойниковъ. Подобнымъ же характеромъ отличается кладбище въ Штилльфридѣ (Stillfried) на р. Моравѣ. Возможно впрочемъ, что, по крайней мѣрѣ отчасти, могилы этого кладбища относятся еше къ бронзовому вѣку. На этомъ основаніи можно бы было отнесть Штилльфридское кладбище, по его характеру, къ числу болѣе древнихъ. Въ немъ найдены были, впрочемъ, кромѣ другихъ предметовъ, и желѣзные ножи, но они относятся вѣроятно къ болѣе поздней части кладбища, точно также какъ и венгерскія фибулы конца бронзоваго вѣка (рис. 286). Совершенно другой характеръ, сходный съ тѣмъ, какимъ отличаются могильники віесскій, видемскій и галльштаттскій, имѣютъ нижне-австрій-

скіе курганы, относимые Гёрнесомъ къ нѣсколько позднѣйшей эпохѣ. Они расположены по одиночкѣ или группами на широкомъ пространствѣ въ окрестностяхъ Вѣны и представляютъ различіе по своей высотѣ (отъ 3 до 10 мет.) и по своему устройству. Иногда они заключаютъ въ себѣ погребальныя камеры, сложенныя изъ бревенъ. Остатки умершихъ обыкновенно въ сожженномъ видѣ, причемъ пепелъ заключенъ въ урны, возлѣ которыхъ положены предметы, предназначенные для покойниковъ. Лучше прочихъ изслѣдована Сомбати группа кургановъ въ Гемейнлебарнѣ, недалеко отъ Трейсмауэра на Тульнскомъ полѣ. Мы упоминали уже объ этомъ могильникѣ въ статьѣ о бронзовомъ вѣкѣ (стр. 306). Часть гробницъ его относится къ эпохѣ наиболѣе полнаго развитія бронзы, причемъ болѣе древнія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ кости, позднѣйшія же остатки трупосожженія. Уже тогда были нами указаны слѣды южныхъ вліяній какъ въ бронзовыхъ издѣліяхъ (пескіерскія фибулы), такъ и въ керамикѣ. Тѣ-же вліянія мы видимъ и въ содержимомъ трехъ открытыхъ одна возлѣ другой могилъ начала желѣзнаго вѣка. Своеобразная керамика и оружіе указываютъ намъ на югъ, на область галльштаттской культуры. Погребальныя урны украшены шишечками, насаженными на нижней окраинѣ горлышка, вытиснутыми полукруглыми поясками (рис. 287), иногда расписными геометрическими узорами (бѣлаго, краснаго и чернаго цвѣта), а также бронзовыми или оловянными накладками. Особенно оригинальны сосуды, на боковыхъ стѣнкахъ которыхъ сдѣланы два возвышенія, оканчивающіяся горлышками

Рис. 287. Сосудъ изъ Гемейнлебарна.

Рис. 288. Сосудъ изъ Гемейнлебарна.

съ бычачьими головками (рис. 288). Вкусъ къ подобному украшенію сосудовъ мы видимъ также на нѣсколькихъ фигурныхъ животныхъ и человѣческихъ головкахъ, которыя были первоначально прилѣплены на краяхъ сосудовъ (ср. оловянныя фигуры изъ Фрёгга и сосудъ изъ Эденбурга, рис. 276 и 289). Ситула, украшенная кругомъ фигурнымъ орнаментомъ, была найдена возлѣ бенедиктинскаго монастыря въ Гёттвейгѣ (Göttweig) между поселками Куффарна и Штатцендорфомъ, въ гробницѣ, заключавшей въ

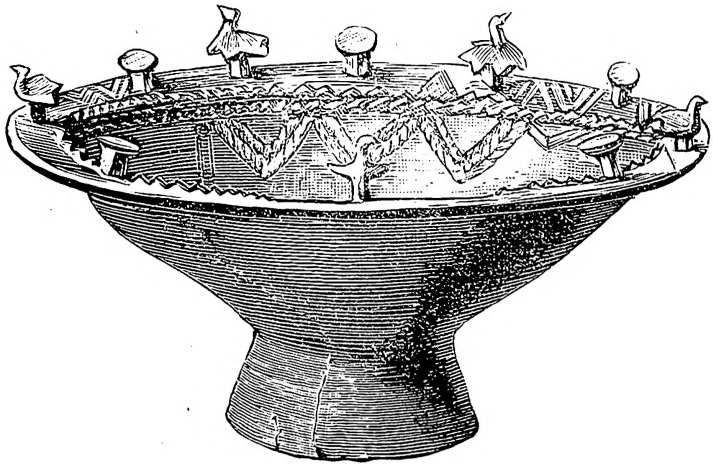


Рис. 289. Сосудъ изъ эденбургскихъ гробницъ.

себѣ скелетъ съ предметами позднѣйшаго галльштаттскаго типа. Прекрасно расписанные сосуды были найдены въ курганѣ возлѣ Пиллихсдорфа и Цегерсдорфа (Zögeersdorf). Сюда относятся также курганы возлѣ Матикгофена (Matighofen) въ Верхней Австріи, возлѣ Абсдорфа, Тирнталя и др. Большое количество культурныхъ ямъ (могилъ и остатковъ поселеній) галльштаттской эпохи было изслѣдовано покойнымъ археологомъ Игн. Шпёттлемъ (Ign. Spöttl). Въ одномъ изъ главныхъ мѣстонахожденій, на кирпичномъ заводѣ въ Ретцѣ, въ могилѣ съ костями были найдены превосходные сосуды.

Къ той же области галльштаттской культуры относятся еще нѣкоторыя находки въ западной части Венгріи, недалеко отъ границы подальпійскихъ странъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны раскопанные въ послѣднее время курганы съ остатками трупосожженій, разбросанные въ большомъ количествѣ возлѣ города Эденбурга (Oedenburg). Кромѣ могилъ здѣсь было найдено также множество такъ наз. культурныхъ ямъ, принадлежащихъ также галльштаттской эпохѣ и позднѣйшей ла-тѐнской. Наиболѣе богатую группу изъ находокъ представляетъ собою керамика (металлическіе предметы рѣдки); погребальныя урны этихъ гробницъ отличаются характеромъ близкимъ къ гемейнлебарнскимъ, но имѣющимъ свои мѣстныя особенности; это плоскія

чаши на высокихъ ножкахъ, встрѣчавшіяся уже намъ въ Ленгіэлѣ (рис. 63), двойные сосуды, глиняные идолы (рис. 65). Орнаментъ ихъ всегда линейный, изъ черточекъ или треугольниковъ. Рѣдкое исключеніе составляютъ урны, воронкообразное горлышко которыхъ украшено рядомъ человѣческихъ фигуръ, примитивно вычерченныхъ и самымъ геометрическимъ образомъ стилизованныхъ. На одной изъ нихъ одна фигура представлена на конѣ, а пять прочихъ пѣшими, при чемъ рядъ заключается лошадью. Повидимому, это изображеніе должно представлять нѣчто въ родѣ религіозной сцены, принесеніе жертвы у алтаря (рис. 290 и 291). Сосудъ этотъ былъ найденъ въ варишскомъ городищѣ. На «Бургшталлѣ» найдено было два такихъ сосуда, одинъ вполнѣ подобный предыдущему, а другой на высокой конусообразной ножкѣ, украшенный охотничьей сценой (охоты на оленя), повозкой съ запряженными въ нее лошадьми, двумя музыкантами и плясунами, которые впрочемъ уже не такъ геометрически стилизованы, какъ фигуры на предыдущихъ сосудахъ [313]).

Рис. 290. Украшенная фигурами погребальная урна изъ Эденбурга.

Сказаннымъ исчерпывается перечисленіе странъ, входившихъ болѣе интенсивнымъ образомъ въ область галльштаттской культуры. Все, что мы находимъ кромѣ того, представляетъ только ея развѣтвленія, уже уступаю-

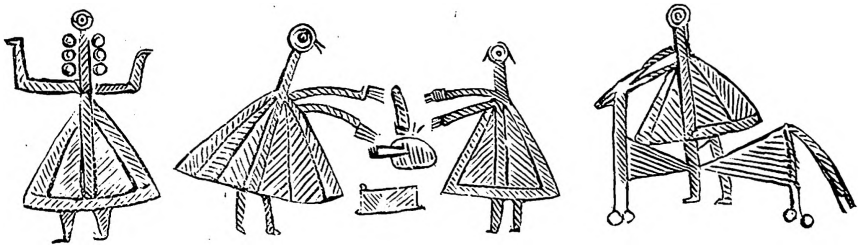


Рис. 291. Часть фигурнаго орнамента той же урны.

щія мѣстнымъ культурамъ. Даже въ наиболѣе близкой полосѣ земель, прилегающихъ къ этой области, особенно къ сѣверу отъ Дуная, мы встрѣчаемъ мало такого, что бы въ цѣломъ представляло непосредственное сходство съ галльштаттскимъ типомъ. Только на югѣ отъ Дуная, на сѣверныхъ склонахъ Альпъ, попадаются еще довольно замѣтные слѣды галльштаттскаго вліянія, какъ напр. въ верхней Баваріи. Изъ кургановъ, расположенныхъ между

Аммерскимъ и Стаффельскимъ озерами, изслѣдованныхъ д-ромъ Науэ, меньшая часть относилась къ бронзовому вѣку, большая же къ галльштаттскому періоду [314]). Галльштаттская культура развивалась тамъ постепенно изъ болѣе древней. Нѣкоторыя группы гробницъ можно прямо считать переходными. Никакой смѣны населенія здѣсь не было. Подобнымъ же образомъ совершился также и постепенный переходъ отъ галльштаттской культуры къ ла-тѐнской, хотя эта послѣдняя и не развилась здѣсь нигдѣ въ полной мѣрѣ.

Курганы этой эпохи, въ противоположность курганамъ бронзоваго вѣка, которые въ началѣ его заключали въ себѣ остатки погребенія, а позже— остатки трупосожженія,—представляютъ обѣ эти формы похороннаго обряда совмѣстно. Преобладаетъ однако-же все таки трупосожженіе, особенно въ

Рис. 292. Погреб. урна изъ кургана въ Шпатценгаузенѣ въ Баваріи.

позднѣйшемъ галльштаттскомъ періодѣ. Погребальныя урны своимъ типомъ, формами и орнаментикой похожи на галльштаттскія. Онѣ расписаны чаще всего черною или красною красками, и вдавленныя черточки орнамента часто выполнены еще бѣлымъ веществомъ (рис. 292). Кромѣ урнъ, тамъ были найдены еще желѣзные мечи съ бронзовыми гвоздиками и чашечкообразными головками (особенность Баваріи), кинжалы, кривые ножи, булавки, пояса изъ листовой бронзы, украшенные чеканной работой, или кожанные пояса съ желѣзными застежками, усаженные бронзовыми пуговками, и браслеты различныхъ формъ. Фибулы, которыхъ въ бронзовомъ вѣкѣ вовсе не было, начинаютъ появляться здѣсь въ большомъ количествѣ, а вмѣстѣ съ ними и шейныя гривны. Въ болѣе поздній періодъ галльштаттской эпохи встрѣчаются еще наконечники копій, богато украшенные пояса, полые

внутри браслеты, деревянные и бронзовые сосуды, цисты, ситулы и роскошно отдѣланныя маленькія колесницы, о которыхъ было упомянуто выше. Въ двадцати-одномъ случаѣ Науэ нашелъ въ гробницахъ кости дикаго кабана. Курганы не заключали въ себѣ каменной камеры внутри, а только каменныя стѣнки, но и тѣ въ болѣе позднихъ гробницахъ исчезаютъ. Богатая «княжеская» гробница галльштаттской эпохи была открыта въ Пуллахѣ, недалеко отъ Gross-Hessellohe съ остатками боевой колесницы, съ двумя конскими скелетами и множествомъ металлическихъ предметовъ и расписныхъ сосудовъ.

Изъ Баваріи мы можемъ прослѣдить вліяніе галльштаттской культуры и далѣе на западъ, до кургановъ Бадена, Вюртемберга и даже Гессена, а черезъ Эльзасъ и до самой Франціи. Объ этомъ впрочемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ этихъ южно-нѣмецкихъ земляхъ мы находимъ однако только культуру позднѣйшаго галльштаттскаго періода; болѣе древніе ея типы встрѣчаются тамъ очень рѣдко. Къ концу галльштаттской эпохи или къ началу ла-тѐнской относятся двѣ «княжескія» могилы, найденныя О. Фраасомъ, въ Вюртембергѣ, возлѣ крѣпости Гогенасперга. Одна изъ нихъ называлась Бельремизе, а другая Клейнъ-Аспергле. Въ обѣихъ главная гробница были заключена въ деревянной камерѣ, сверхъ которой былъ насыпанъ изъ земли курганъ въ 6 мет. вышины; прочія гробницы были расположены поперекъ главной оси. Вь обоихъ курганахъ (хотя въ первомъ изъ нихъ главная гробница была уже ограблена) найдены были богатыя вещи: золотыя діадемы и браслеты, бронзовые сосуды и греческія глиняныя вазы, обломки колесницъ и т. п.

Сѣверно-дунайскій поясъ. Переходя къ странамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ Дуная, мы замѣчаемъ сильное уменьшеніе галльштаттскаго вліянія и можемъ прослѣдить замѣтные слѣды его только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили торговые пути къ Адріатическому морю.

Въ Чехіи до сихъ поръ извѣстно очень немного могильниковъ галльштаттскаго типа. Изъ большихъ группъ юго-чешскихъ кургановъ значительная часть гробницъ все таки относится къ началу желѣзнаго вѣка. Курганы эти, какъ мы уже замѣтили выше, составляютъ переходъ отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному. Какія именно группы кургановъ могутъ быть отнесены къ этой категоріи, до сихъ поръ опредѣлить еще трудно. Сюда относится, сколько намъ извѣстно, часть кургановъ, расположенныхъ на берегахъ р. Уславы, изслѣдованныхъ Франкомъ и описанныхъ Сомбати, курганы въ бассейнѣ рѣки Клабавки у Дейшина, Кышицъ, Мирковицъ, Ровной, Противина и т. п. [315]). Нѣкоторыя группы, какъ напр. гусинская, заключаютъ въ себѣ типы бронзоваго вѣка вмѣстѣ съ позднѣйшими типами желѣзнаго вѣка, какъ напр. птицеобразными фибулами. Представляютъ-ли

собою курганы, найденные въ Пильзенскомъ округѣ, на берегахъ р. Уславы, и относящіеся по своему инвентарю къ началу желѣзнаго вѣка,—гробницы новаго, пришедшаго сюда населенія, какъ думаетъ Сомбати, или же принадлежатъ, какъ полагаютъ Франкъ и Шнейдръ, тому же населенію, которое жило здѣсь въ теченіе бронзоваго вѣка и оставило послѣ себя могилы, о которыхъ было упомянуто въ предыдущей главѣ—это будетъ разъяснено дальнѣйшими изслѣдованіями южно-чешскихъ памятниковъ. Чешскіе курганы этой эпохи низки, малы и заключаютъ въ себѣ остатки какъ погребенія, такъ и трупосожженія. Встрѣчалось также и частичное сожженіе покойниковъ. На побережьѣ Уславы найдены были при скелетахъ или возлѣ погребальныхъ урнъ бронзовые браслеты (большіе, полые внутри, сдѣланные изъ украшеннаго черточками листоваго металла, ср. рис. 293), желѣзные наконечники копій, ножи, топорики, рѣдко фибулы—змѣеобразныя, а также и двойныя, дугообразныя. За то здѣсь очень многочисленна посуда (до 25 шт. въ одной могилѣ), по большей части съ вылощенной блестящей поверхностью. Въ Дейшинскихъ курганахъ найдены были прекрасныя, расписанныя внутри вазы галльштаттскаго типа, очень многочисленныя въ современныхъ имъ баварскихъ курганахъ. Изъ другихъ находокъ можно отнести къ этому періоду гробницу съ костями, открытую въ каменной камерѣ возлѣ Вельваръ, съ сосудами, украшенными прилѣпными валиками и рогатыми ушками, находку возлѣ Паржедлъ недалеко отъ Моста; къ концу же его—цитолибскія гробницы съ остатками трупосожженія и съ красиво орнаментированными сосудами (рис. 294), часть воковицкаго могильника и рядъ полей погребальныхъ урнъ, о которыхъ будетъ сказано далѣе. Сюда также относятся могилы со скелетами въ скорченномъ положеніи и иногда съ остатками сожженія, найденныя Б. Елинекомъ возлѣ Бехлина и Браника, недалеко отъ Праги (рис. 295).

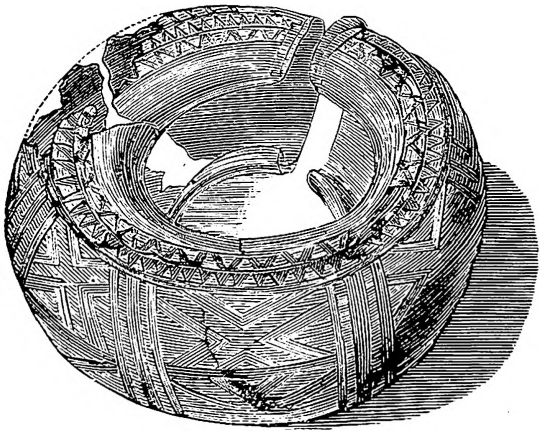


Рис. 293. Браслетъ изъ листовой бронзы, изъ Бычьей скалы въ Моравіи.

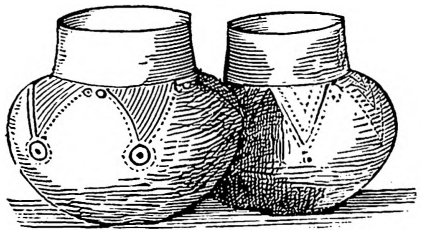


Рис. 294. Сосуды изъ цитолибскихъ кургановъ.

Къ этой же эпохѣ относится и складъ бронзовыхъ предметовъ, найденный

возлѣ Свіянъ, близь Турнова. Здѣсь въ одномъ сосудѣ было открыто 24 предмета изъ бронзы и между ними большія и маленькія фигурки птицъ

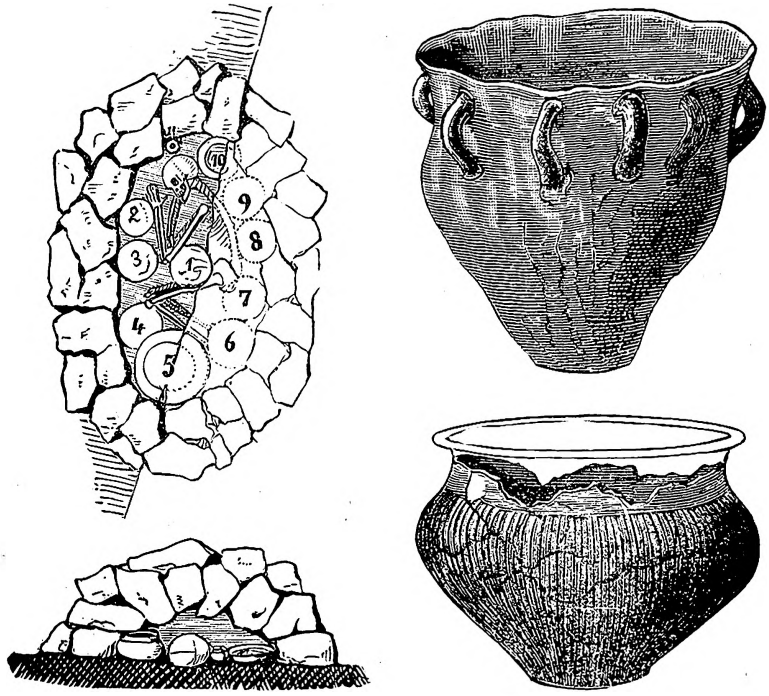


Рис. 295. Гробница съ остатками трупосожженія изъ Браника возлѣ Праги (нижній сосудъ изъ могилы съ ост. сожженія).

(лебедей, утокъ), стилизованныхъ въ галльштаттскомъ вкусѣ. Уже Воцель справедливо считалъ ихъ занесенными съ юга.

Въ Моравіи можно отнести сюда вполнѣ опредѣленно, по крайней мѣрѣ, одну замѣчательную находку. Это—уже извѣстная намъ пещера «Бычья

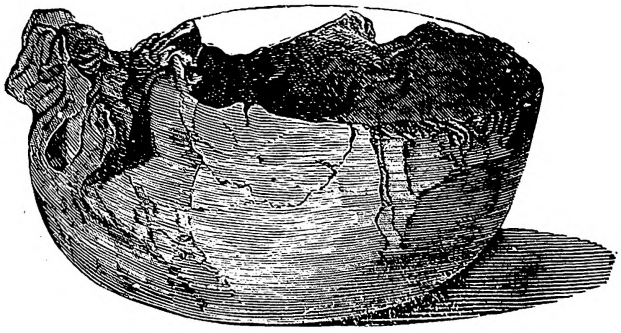


Рис. 296. Черепъ, обдѣланный въ видѣ чаши и найденный въ Бычьей скалѣ.

скала» возлѣ Адамова, первая въ Австріи, гдѣ были открыты слѣды четвертичнаго человѣка въ 1868 г. [316]). Съ тѣхъ поръ тамъ неоднократно про-

изводились раскопки, хотя находки четвертичнаго человѣка все-таки, къ сожалѣнію, не были достаточно изучены и изданы. Но Бычья скала получила еще извѣстность благодаря находкамъ галльштаттской эпохи, сдѣланнымъ въ ней д-ромъ Ванкелемъ и хранящимся въ Вѣнскомъ Музеѣ. Въ преддверіи, ведущемъ въ главную пещеру, Ванкель открылъ гробницу какого то древне-моравскаго князя. Иначе трудно объяснить эту гробницу съ остатками трупосожженія, богатую бронзовыми издѣліями и оружіемъ, возлѣ которой въ безпорядкѣ было положено около 40 скелетовъ обоего пола. По-видимому, эти скелеты, большей частью женскіе, представляютъ собой останки погребенныхъ съ своимъ господиномъ женъ и слугъ; съ ними лежали рядомъ и кости двухъ коней. Между предметами, положенными съ покойникомъ, первое мѣсто занимали бронзовые сосуды, уже извѣстныхъ намъ формъ, желобчатыя цисты, ситулы, котелки съ ручками, бронзовый жезлъ (рис. 297), большое количество сильно профилированныхъ браслетовъ и два громадныхъ дутыхъ браслета изъ прекрасно орнаментированной листовой бронзы, ладьобразныя фибулы и пр. (рис. 297 и 298), фрагменты бронзовыхъ поясовъ, множество стеклянныхъ и янтарныхъ бусъ, золотыя серьги и небольшой золотой браслетъ, костяныя и каменныя подвѣски и т. п. Многіе изъ этихъ предметовъ — южнаго происхожденія. Кромѣ того были найдены остатки окованной бронзою и желѣзомъ колесницы, желѣзныя сѣкиры, ножи, кинжалы и наконечники копій, бронзовые наконечники стрѣлъ. Керамика—чернаго цвѣта, но различныхъ формъ. Въ той-же пещерѣ Ванкель нашелъ небольшую фигурку быка, инкрустированную въ своей верхней части небольшой трегранной пластинкой (рис. 299). Ванкель, связывая эту находку съ названіемъ «Бычьей скалы»,

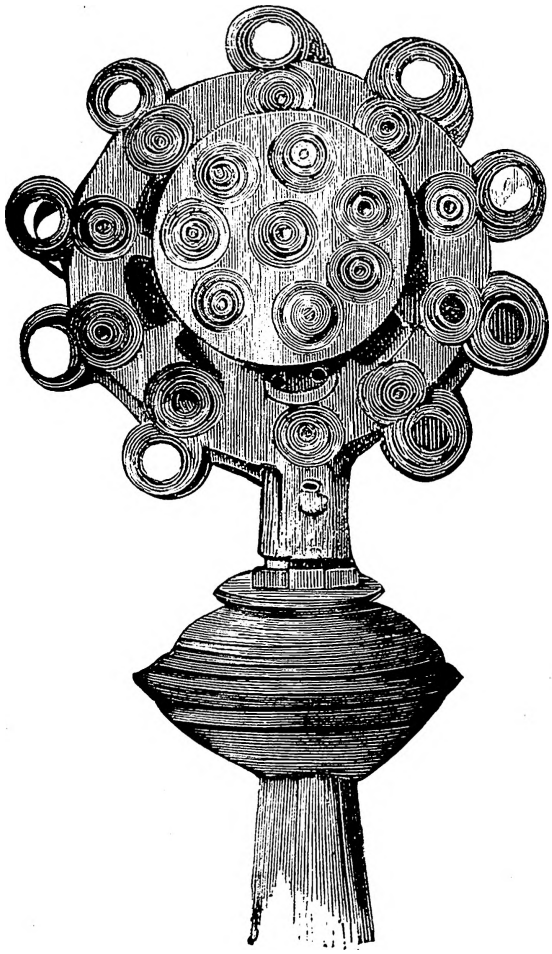


Рис. 297. Бронзовый жезлъ изъ Бычьей скалы.

высказалъ предположеніе, что пещера эта въ свое время была посвящена

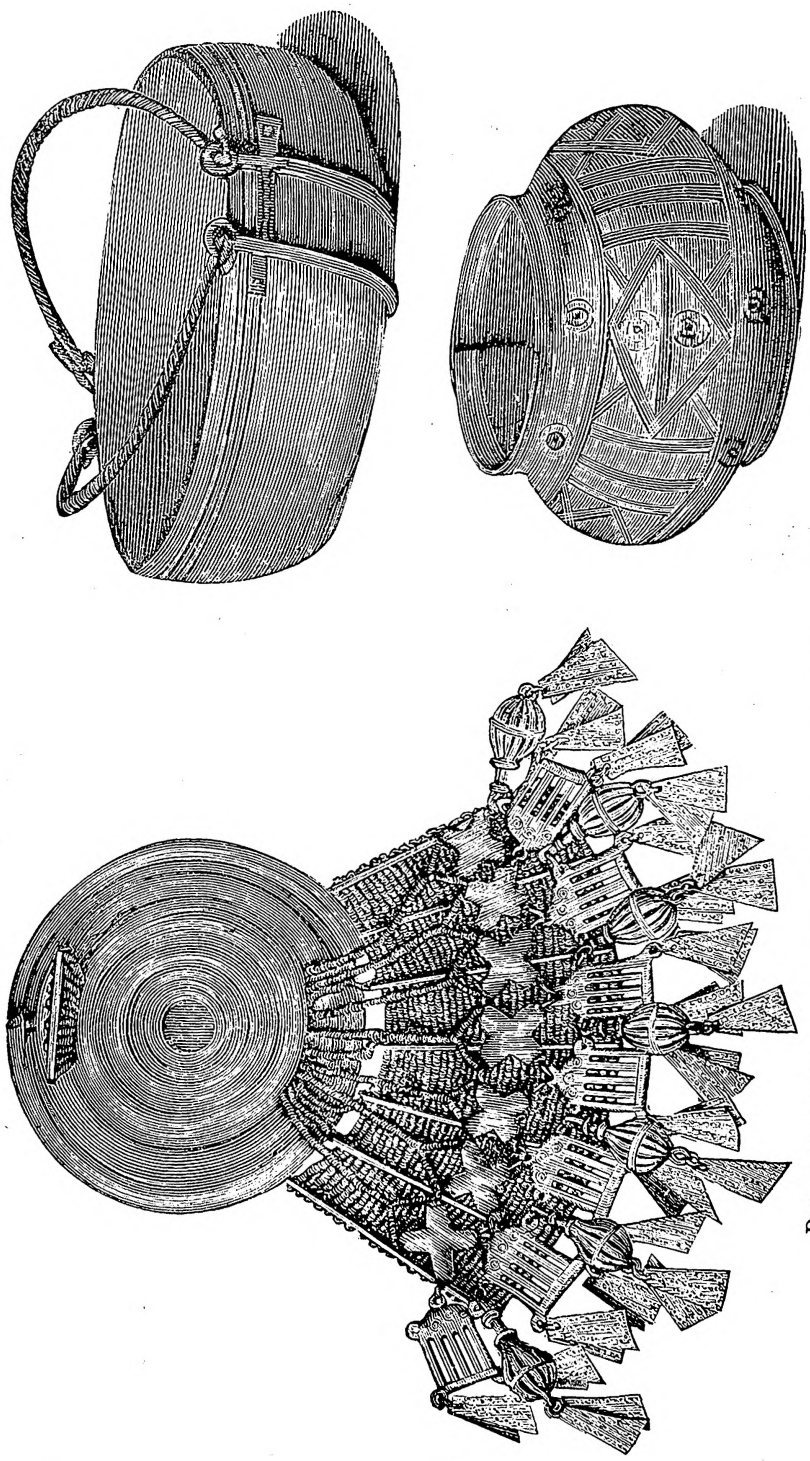


Рис. 298. Бронзовые котелокъ, браслетъ и фибула, найденные въ „Бычьей скалѣ".

религіозному культу быка, вродѣ почитанія Аписа въ древнемъ Египтѣ. Впослѣдствіи, впрочемъ, когда по этому поводу возникла полемика между

нимъ и, главнымъ образомъ, проф. Кадержабкомъ въ Вѣнѣ и архиваріусомъ Б. Брандлемъ, онъ отказался отъ этого предположенія. Сходство-же названія пещеры съ найденнымъ въ ней изображеніемъ остается все-таки загадочнымъ.

Преддверіе пещеры «Бычья скала» замѣчательно еще тѣмъ, что ранѣе своего превращенія въ гробницу оно въ теченіе долгаго времени служило желѣзной мастерской и плавильней. Въ задней ея части Ванкель нашелъ

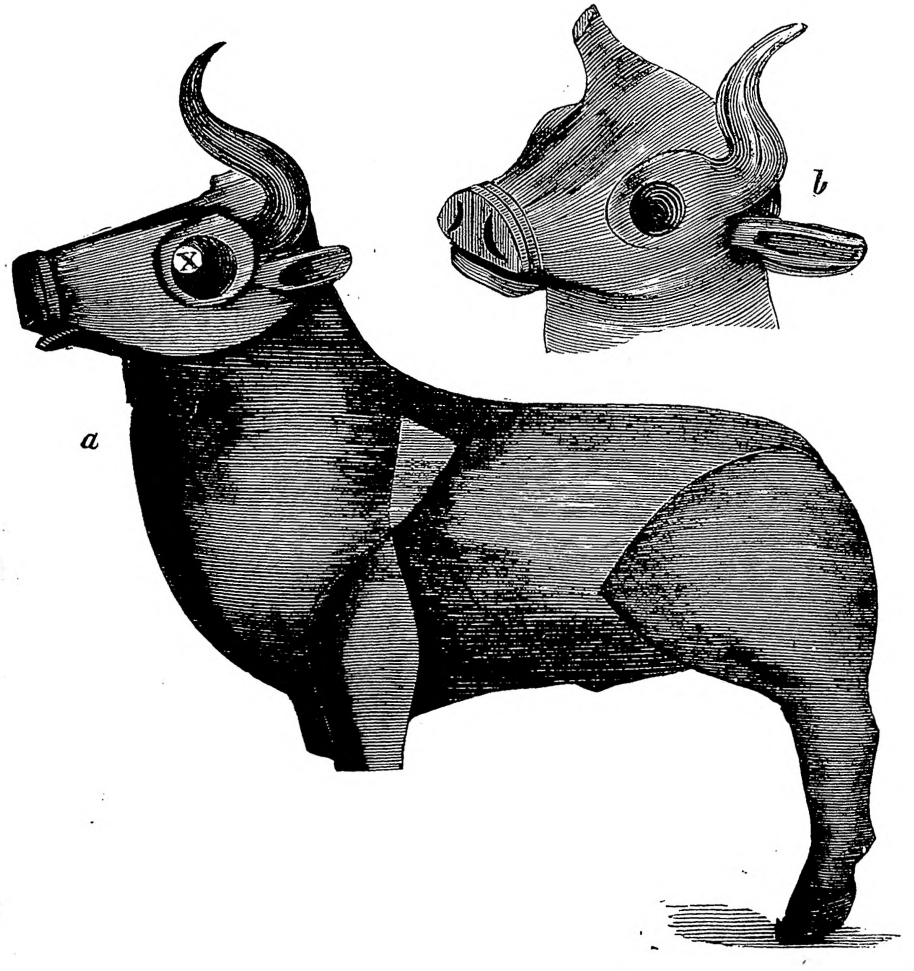


Рис. 299. Бронзовое изображеніе быка, найденное въ „Бычьей скалѣ“.

несомнѣнные тому слѣды въ видѣ кусковъ обработаннаго желѣза, окалинъ, желѣзныхъ клещей, молота, наковалень и разныхъ другихъ орудій. Кромѣ того тамъ также обрабатывалась и бронза, что подтверждаетъ уже высказанное нами ранѣе замѣчаніе о сравнительно быстромъ проникновеніи знакомства съ желѣзомъ въ страны средней Европы: гдѣ желѣзная руда оказывалась подъ рукой, тамъ немедленно-же начинало развиваться и мѣстное производство желѣза.

Изъ прочихъ моравскихъ находокъ относится, вѣроятно, также къ этой эпохѣ находка бронзовыхъ сосудовъ въ Накельскомъ свайномъ поселеніи, въ гробницахъ со скелетами въ скорченномъ положеніи. Въ нихъ заключается не особенно богатый инвентарь: бронзовыя серьги, браслеты и кружки, бусы изъ кости и стекла, украшенія изъ кабаньихъ зубовъ и сосудцы. О присутствіи желѣза Ванкель заключалъ только на основаніи слѣдовъ ржавчины. Моравскіе курганы до сихъ поръ еще мало извѣстны; за то въ этой области къ галльштаттскому періоду относится значительная часть полей погребальныхъ урнъ, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Во Франціи въ этотъ періодъ жили кельто-галльскія племена, которыя отчасти находились еще, вѣроятно, въ бронзовомъ вѣкѣ и выработали постепенно свою культуру или путемъ самобытнаго внутренняго развитія или подъ вліяніями извнѣ. Поэтому, строго говоря, галльштаттской культуры во Франціи мы не находимъ; тамошняя культура начала желѣзнаго вѣка раздѣляется на двѣ части, каждая изъ которыхъ представляетъ собою только ступень въ развитіи древней бронзовой культуры: 1) болѣе древній періодъ, въ которомъ преобладаетъ еще характеръ бронзовой эпохи и 2) болѣе поздній періодъ, характеризующійся появленіемъ новаго, но все-таки мѣстнаго галльскаго типа. Словомъ, здѣсь изъ бронзовой культуры прямо развилась культура галльская или ла-тенская, побѣдоносно овладѣвшая впослѣдствіи большею частью Европы; переходная-же къ ней эпоха составляетъ въ Галліи начало желѣзнаго вѣка. Само собою разумѣется, что въ теченіе всей этой эпохи развитія, и въ древнѣйшемъ и въ позднѣйшемъ ея періодѣ, сюда проникали и иноземныя культурныя вліянія, на сѣверъ Франціи—съ Дуная, на юго-востокъ, въ бассейнъ Роны—изъ Италіи и даже прямо съ Востока.

Въ сѣверной Франціи поэтому культура начала желѣзнаго вѣка имѣетъ связь по своему характеру съ культурою южно-нѣмецкою, образуя вмѣстѣ съ нею почти одну группу, родственную особенно въ гробницахъ позднѣйшаго типа. Сюда относятся кот-д'орскіе курганы въ Бургундіи, напр. группа въ Magny-Lambert (курганы, носящіе названія: Monceau-Milon, Monceau-Lambert, Vie de Bagneuse, La Combe-Bernard, съ желѣзными мечами галльштаттскаго типа, но съ инвентаремъ бронзоваго вѣка), въ Cosne, въ Apremont, могильникъ въ Hagenau (Haute-Rhin). Къ началу желѣзнаго вѣка А. Бертранъ относитъ еще могильникъ въ Garin (Верхн. Гаронна), гробницы на плато de Gers (деп. Верхн. Пиренеевъ), которыя онъ считаетъ современными съ бронзовой эпохой въ Швейцаріи, въ Gramat (деп. Лоты) и многіе другіе, въ которыхъ, кромѣ вліяній галльштаттскаго и итальянскаго, замѣчаются еще многіе слѣды болѣе древней эпохи. На сѣверѣ курганы позднѣйшей эпохи соотвѣтствуютъ по своему содержанію южно-нѣмецкимъ. Но кромѣ этихъ внѣшнихъ вліяній, мы находимъ здѣсь уже первые признаки новой мѣстной

культуры—галльской. Одну изъ наиболѣе громадныхъ курганныхъ группъ въ цѣлой Европѣ, принадлежащихъ къ этой галльской эпохѣ со слѣдами галльштаттскаго вліянія, составляютъ многочисленные курганы, расположенные на высотахъ въ Alaise и Amancey въ Франшъ-Конте́, курганы въ Méloisey, Créancey (Кот-д'оръ). Въ юрскихъ курганахъ Шантръ встрѣчалъ искусственно деформированные черепа.

На курганахъ южной Франціи мы видимъ, что здѣсь развитію культуры способствовали много итальянскія и восточныя вліянія [317]). Въ гробницахъ древнѣйшей эпохи мы встрѣчаемъ, напримѣръ, дугообразныя фибулы, однолезвейныя бритвы, столь характерныя для начала желѣзнаго вѣка сѣверной Италіи, свастику, орнаментъ изъ фигуръ животныхъ, стекло, золото, янтарь, чеканные пояса и т. д., кромѣ бронзовыхъ мечей.

Все это указываетъ на Италію. Сношенія съ ней происходили вѣроятно больше морскимъ путемъ черезъ Массилію, чѣмъ сухопутнымъ черезъ Альпы. Въ позднѣйшихъ гробницахъ мы встрѣчаемъ ладьевидныя фибулы, браслеты дутые изъ листовой бронзы, бронзовые сосуды и большое количество желѣзнаго оружія. Вліяніе съ Дуная достигало только этихъ позднѣйшихъ гробницъ. Вмѣстѣ съ гробницами, заключающими скелеты, здѣсь встрѣчаются и остатки трупосожженія.

О вполнѣ сложившемся характерѣ новой желѣзной культуры въ Галліи, слѣды которой мы начинаемъ встрѣчать уже здѣсь, намъ придется говорить въ слѣдующей главѣ.

Изъ странъ, лежащихъ вполнѣ внѣ области средне-европейской гальштаттской культуры, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть объ Испаніи. Она принадлежитъ къ средиземноморской полосѣ, но тогда какъ въ Грецію и въ Италію проникло все таки, въ достаточно сильной степени, и иллирійско-галльштаттское вліяніе, Испаніи оно даже не коснулось. Желѣзная культура явилась сюда съ Востока или изъ Греціи и Италіи. Гробницы этой эпохи какъ съ остатками погребенія, такъ и трупосожженія, постоянно обнаруживаютъ слѣды непосредственныхъ восточныхъ вліяній.

Въ Англію желѣзная культура проникла изъ Галліи и чрезъ посредство римлянъ. Еще во времена Цезаря бронза была здѣсь въ большомъ употребленіи, тогда какъ желѣзо было рѣдкостью, настолько, что служило орудіемъ обмѣна. Цезарь выражается объ этомъ очень опредѣленно (De bello gallico V, 12), замѣчая: «въ прибрежныхъ мѣстностяхъ тамъ встрѣчается желѣзо, но его очень мало... Желѣзные бруски служатъ монетою».

Въ сѣверной половинѣ Германіи, появленіе желѣза, какъ это доказано Ундсетомъ [318]), стояло въ связи съ галльштаттской культурой и произошло мирнымъ путемъ торговыхъ сношеній, а не вслѣдствіе пришествія новаго населенія. О томъ, что оно проникло сюда изъ южной и средней Европы, сви-

дѣтельствуетъ рядъ галльштаттскихъ типовъ, которыми обозначается первое появленіе желѣза во всей сѣверной Германіи. Тѣмъ не менѣе, галльштаттское вліяніе проникло сюда въ незначительной степени, и поэтому сѣверогерманскія страны, еще менѣе чѣмъ Чехія и Моравія, могутъ быть причислены къ области галльштаттской культуры. Важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что, какъ было констатировано Ундсетомъ, въ Саксоніи, Лузаціи, Бранденбургѣ, Помераніи, Мекленбургѣ, Ганноверѣ и Голштиніи, а также и въ Скандинавскихъ странахъ—Даніи, Швеціи и Норвегіи, на Борнгольмѣ и прочихъ о-вахъ, желѣзо вошло въ употребленіе только подъ вліяніемъ галльской культуры (ла-тенской) и римской. Изъ галльштаттской же тамъ были позаимствованы только новые образцы бронзовой индустріи *), тогда какъ желѣзные типы остались безъ подражанія. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ этихъ странахъ бронзовый періодъ закончился лишь подъ вліяніемъ галльской культуры.

Признаки болѣе развитой культуры начала желѣзнаго вѣка, подобной галльштаттской, встрѣчаются только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя лежали на торговыхъ путяхъ, соединявшихъ Средиземное море съ Сѣверомъ, какъ напр. въ Ганноверѣ, Голштиніи, Мекленбургѣ, затѣмъ въ Силезіи, Познани и въ Западной Пруссіи. Такихъ торговыхъ путей, по мнѣнію Ундсета, было главнымъ образомъ три: одинъ—западный, отъ Рейна къ Везеру, другой—восточный, отъ береговъ Чернаго моря, изъ Ольвіи по Днѣстру къ Вислѣ, и третій—шедшій отъ сѣвернаго побережья Адріатическаго моря, черезъ восточные Альпы, Моравію, Силезію вдоль Одера къ Вислѣ, откуда онъ развѣтвлялся къ морямъ Сѣверному и Балтійскому. Такимъ образомъ, напр., по изслѣдованіямъ Лиссауэра, южная культура проникала въ Пруссію или изъ нынѣшней Познани черезъ излучину Варты или изъ Гнѣзна черезъ Вельму и Вонгровицъ, или же съ Гопельскаго озера вдоль верхняго Нотеца и наконецъ изъ Плоцка вдоль праваго берега Вислы и черезъ Торнъ къ Ногату, Эльбингу и Замланду.

Что эти торговыя сношенія значительно способствовали развитію новой культуры, видно особенно явственно на примѣрѣ Западной Пруссіи, которая въ эту эпоху переживала свой наиболѣе богатый доисторическій періодъ. Находки этой эпохи здѣсь сравнительно наиболѣе многочисленны. Не только берега Вислы, но даже и поодаль отъ нея лежащія мѣстности были въ то время довольно густо населены. Даже тамъ, гдѣ вовсе не встрѣчается остат-

*) Такими Ундсетъ считаетъ напр. фигурки птицъ и рогатыхъ животныхъ, дутыя бронзовыя гривны и особенно спиральныя фибулы на подобіе очковъ. Ундсетъ не затруднялся даже прямо назвать восточную область скандинавской бронзовой культуры—дочерью галльштаттской, въ которой желѣзо все-таки не было еще въ общемъ употребленіи. Это—одна изъ загадокъ скандинавской археологіи.

ковъ болѣе древнихъ эпохъ, находки этой эпохи оказываются многочисленными. Одна только дельта Вислы представляетъ собою въ этомъ отношеніи загадочное исключеніе.

Д-ръ Лиссауэръ относитъ здѣшнюю культуру начала желѣзнаго періода приблизительно къ времени отъ 500 года до нашей эры до первыхъ столѣтій ея, когда эта культура продолжалась еще рядомъ съ позднѣйшей. Монеты цезарей и римскія фибулы попадаются еще въ ящикообразныхъ гробницахъ. Гробницы этой эпохи въ Пруссіи и сосѣднихъ странахъ оказываются почти исключительно съ остатками трупосожженія и образуютъ собой или просто поля погребальныхъ урнъ съ могилами, заключающими въ себѣ урны, окруженныя другими сосудами въ ямѣ, обложенной камнями (какъ напр. на кладбищахъ въ Горшевицѣ, возлѣ Kiączyna, Komorowa и Slopanowa—въ Самтерскомъ о. возлѣ Оборника на берегу Варты въ Kiekrze—въ Познани), или же курганы съ камерой, сложенной изъ каменныхъ плитъ и заключающей въ себѣ отъ 1 до 10 урнъ (такого рода гробницы встрѣчаются во всей собств. Пруссіи, въ Познани и въ Помераніи, напримѣръ въ Buchwald'ѣ, въ Стумскомъ округѣ, возлѣ Верхней Бродницы, Идмена, Тухомѣ, Картгаузскомъ округѣ и очень часто въ Шветцкомъ округѣ), или же, наконецъ,—и это наиболѣе характерный для этой эпохи видъ погребенія—настоящія ящикообразныя гробницы, съ которыми мы встрѣчались уже въ концѣ бронзоваго вѣка (рис. 226 и 227). Ящикообразныя гробницы находятся обыкновенно въ землѣ, на глубинѣ около 0,5 метра отъ поверхности и бываютъ различныхъ размѣровъ, смотря по количеству заключающихся въ нихъ погребальныхъ урнъ, прикрытыхъ крышечками. Въ отличіе отъ предыдущихъ могилъ,—это гробницы семейныя, въ которыхъ число урнъ со временемъ увеличивалось. Гробницы этого типа разбросаны по всей области, чаще всего вблизи рѣкъ и озеръ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ обозначаются небольшой насыпью. Урны имѣютъ обыкновенно форму горшковъ, иногда снабженныхъ небольшими ушками. Гробницы эти въ Пруссіи очень многочисленны

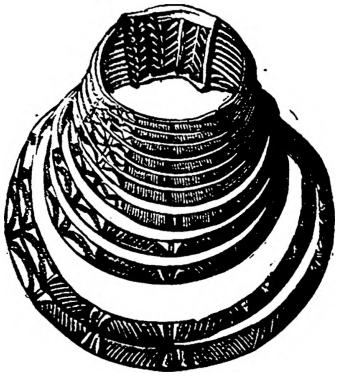


Рис. 300. Шейное украшеніе изъ гробницы въ Амаліенфельдѣ въ Пруссіи.

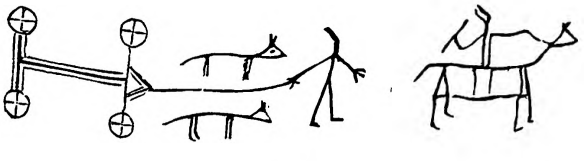


Рис. 301. Изображенія на погр. урнѣ изъ Даршлюба въ Пруссіи.

и, по мнѣнію Лиссауэра, относятся къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ курганы. Многія изъ нихъ были изслѣдованы В. Оссовскимъ (въ Госцѣрадзѣ Бромбергскаго округа, возлѣ Бралевницы, Яблувки, Кобушева, Касиски, въ Новоштеттинскомъ округѣ, въ Шлохавскомъ округѣ [319]) и пр.), кромѣ того Фліорковскимъ, Лиссауэромъ, Конвенцомъ и др.

Въ числѣ предметовъ, находимыхъ въ этихъ гробницахъ, мы встрѣчаемъ много бронзовыхъ, галльштаттскаго характера, занесенныхъ сюда съ юга. Между урнами особенно обращаетъ на себя вниманіе группа лицевыхъ урнъ, о которыхъ было уже упомянуто въ предыдущей главѣ (стр. 325). Къ той же эпохѣ Лиссауэръ и Оссовскій относятъ особенный видъ гробницъ, въ которыхъ погребальная урна бываетъ обыкновенно прикрыта другимъ сосудомъ большихъ размѣровъ, точно колоколомъ (groby podkloszowe) [320]). Въ Пруссіи былъ найденъ цѣлый рядъ ихъ (Kokocko, Brachnòwka, Zalesie и пр.). Сосуды по своей формѣ и орнаментаціи сходны съ находимыми въ ящикообразныхъ гробницахъ (рис. 302).

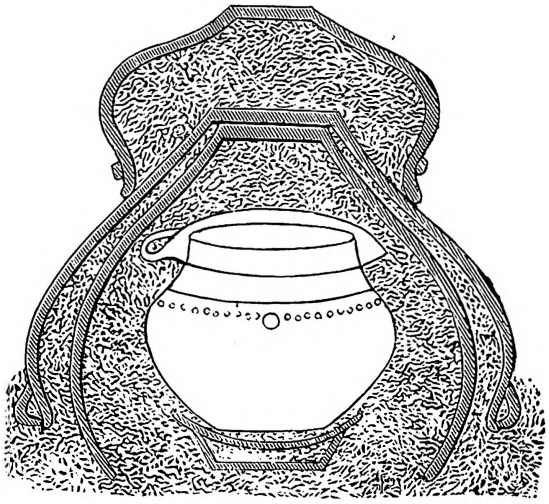


Рис. 302. Колоколообразная гробница изъ Гоголева (по Оссовскому).

Какъ Монтеліусъ для Скандинавіи, такъ и Лиссауэръ по отношенію къ Пруссіи, относятъ начало желѣзнаго вѣка къ половинѣ послѣдняго тысячелѣтія до нашей эры. Но, какъ мы уже сказали выше, только ла-тенская культура, а еще болѣе римская, доставили здѣсь желѣзу полное преобладаніе; кромѣ того, эти послѣднія эпохи, относящіяся здѣсь уже къ началу нашей эры, даютъ въ этихъ странахъ рядъ новыхъ культурныхъ элементовъ, о которыхъ мы скажемъ на своемъ мѣстѣ далѣе.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, всю южную, западную и сѣверную Европу, перейдемъ теперь къ странамъ, гдѣ, также какъ и на Сѣверѣ, слѣды южной и галльштаттской культуры выражены очень слабо, и гдѣ, вмѣсто гробницъ съ богатымъ археологическимъ содержаніемъ, мы встрѣчаемъ только могилы съ бѣднымъ, домашнимъ инвентаремъ—такъ назыв. поля погребальныхъ урнъ.

Мы уже упоминали объ этой своеобразной группѣ погребеній въ изложеніи культуры бронзоваго вѣка, такъ какъ мы не сомнѣваемся въ томъ, что часть ихъ, въ восточной половинѣ средней Европы, существовала еще во

времена, когда желѣзо тамъ еще не было въ употребленіи. Большая часть полей погребальныхъ урнъ относится однако уже къ началу желѣзнаго вѣка, хотя точное опредѣленіе эпохи оказывается иногда весьма затруднительнымъ. Штилльфридское кладбище, напр., представляетъ очень древній характеръ, сохранившіяся въ немъ орудія и оружіе сдѣланы еще изъ бронзы и отличаются древностью типа, тѣмъ не менѣе, тамъ попадаются уже и куски желѣза *). Къ какой же эпохѣ отнести это кладбище? То-же самое приходится сказать и о многихъ другихъ могильникахъ этой категоріи. Въ общемъ, однако, мы не сомнѣваемся, что они относятся отчасти къ бронзовому вѣку, большею же частью уже къ желѣзному.

Болѣе древніе изъ этихъ могильниковъ были уже описаны нами въ предыдущей главѣ, гдѣ была изложена и гипотеза о вѣроятномъ ихъ происхожденіи и распространеніи. Этотъ способъ погребенія распространялся, надо думать, въ средней Европѣ съ востока на западъ. На востокѣ, вдоль обоихъ склоновъ Карпатъ, особенно-же сѣвернаго, находятся самые древніе могильники этого рода; оттуда, вѣроятно, и распространился этотъ способъ погребенія, въ концѣ бронзоваго вѣка и въ началѣ желѣзнаго, на сѣверъ и западъ, по Одеру и Лабѣ (Эльбѣ), въ Пруссію, Познань, Силезію, Бранденбургъ и Лузацію, на югъ—въ Моравію и Чехію, а затѣмъ вдоль Дуная въ Австрію и по ту сторону Дуная въ восточныя альпійскія страны.

Въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ предполагаемому нами исходному центру, мы находимъ могильники этого рода еще съ признаками вполнѣ бронзоваго вѣка, въ областяхъ же болѣе отдаленныхъ они выказываютъ уже позднѣйшій характеръ. Исключеніе составляютъ, и то лишь по мнѣнію Ундсета, Лузація и Бранденбургъ, сравнительно съ Силезіей и Познанью. Въ первыхъ извѣстные до сихъ поръ могильники не выказываютъ вовсе слѣдовъ желѣза; въ Силезіи же и Познани Ундсету, наоборотъ, не приходилось слышать ни объ одномъ полѣ погребальныхъ урнъ съ предметами бронзоваго вѣка.

Но если-бы это было и такъ, это все-таки не опровергаетъ еще нашей теоріи. Мы убѣждены, что и въ Силезіи и въ Познани поля погребальныхъ урнъ чаще всего относятся къ болѣе древней эпохѣ.

Во всякомъ случаѣ, указанная нами теорія представляется болѣе подходящей, чѣмъ та, по которой мѣсто происхожденія полей погребальныхъ урнъ пріурочивается къ странѣ, гдѣ онѣ только позже получили большее и своеобразное развитіе, именно къ землѣ лужичанъ. Тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что этотъ лужицкій центръ оказывалъ и свое вліяніе на окрестныя области, изъ которыхъ для насъ наиболѣе интересна Чехія. Кромѣ Лузаціи и въ другихъ странахъ, какъ мы скажемъ далѣе, развились въ теченіе этой

*) Найденные тамъ желѣзные ножи, по мнѣнію Муха, составляютъ случайное явленіе.

эпохи мѣстные типы культуры, характеризующей поля погребальныхъ урнъ, главнымъ образомъ особенностями керамики. Изъ этихъ мѣстныхъ группъ, въ Германіи наиболѣе интересны: силезская, лужицкая и полабская (эльбская), на югѣ-же Ундсетъ первый различилъ группы альпійскую и венгерскую. Кромѣ того, восточная сторона Польши съ частью Россіи и Галиціи образуютъ, повидимому, особую, къ сожалѣнію до сихъ поръ еще мало изслѣдованную группу.

Силезская группа обнимаетъ мѣстности вдоль Одера и Вислы и отличается богатствомъ расписной керамики. Могильники съ расписными сосудами, многочисленныя въ Силезіи и Познани, исчезаютъ на востокѣ, а на западѣ сливаются съ группой лужицкой, идущей до Франкфурта на Одерѣ. На сѣверѣ они переходятъ постепенно въ другой видъ погребенія,—извѣстныя уже намъ семейныя ящикообразныя гробницы.

Въ Силезіи собственно почти нѣтъ могильниковъ инаго типа. Сосуды здѣсь сдѣланы обыкновенно отъ руки и отличаются красивыми формами, цвѣта они желтаго или сѣровато-чернаго. Снаружи и изнутри стѣнки ихъ бываютъ часто натерты графитомъ и украшены шишечками, полосками, ушками и черточками. Чрезвычайно красивы сосуды, расписанные по свѣтлому фону черными и красными узорами (рис. 303). Мѣстность въ которой они чаще всего встрѣчаются, простирается отъ р Варты къ Познани и къ среднему теченію Одера. Наиболѣе-же развито было производство ихъ на правомъ берегу Одера. Особенно замѣчательна расписная плоская ваза, найденная въ большомъ могильникѣ возлѣ Іезерицъ въ Нимпшскомъ окр. Другія замѣчательныя поля погребальныхъ урнъ были открыты въ Beichau, Klein-Breezen'ѣ, Stries'ѣ, Schlieben'ѣ, Schlaup'ѣ, Wohlau, Brauchitschdorf'ѣ, Petchkendorf'ѣ, Lessendorf'ѣ и проч. Изъ бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ могильникахъ, для Силезіи особенно характерны булавки, съ изгибомъ подъ головкой (рис. 304). Къ той-же группѣ относятся и познанскія гробницы съ остатками трупосожженія. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ могильниковъ считается открытый у Zaborow'a, на берегу Приментскаго озера и изслѣдованный Р. Вирховымъ. Погребальныя урны здѣсь оказались просто зарытыми въ землю, безъ каменной плиты, а вокругъ нихъ находились небольшіе сосудцы, часто отъ 15 до 20 и даже до 50 штукъ вмѣстѣ, весьма разнообразные и по формѣ и по орнаментаціи. Многіе сосуды имѣютъ форму животныхъ (птичьихъ головъ, бычачьихъ и т. п.); часто попадаются также двойные сосудцы. Изъ бронзовыхъ предметовъ тутъ были найдены булавки, кольца, щипчики, широкіе плоскіе ножи, топоры со втулкой, серпы, фибула венгерскаго типа, удила,—цѣлый рядъ типическихъ формъ бронзоваго вѣка—

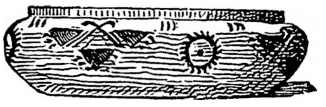


Рис. 303. Расписной сосудъ изъ Силезіи.

вмѣстѣ съ желѣзными топорами, кинжалами, ножами, фибулами, шейными кольцами и т. п., а равно и бусами изъ янтаря и голубаго стекла. Другія замѣчательныя кладбища того же характера открыты были въ Казмѣржѣ, въ Надзѣевѣ, возлѣ Пальчына, въ Манечкѣ, Котовѣ, Суленчинѣ, Злотовѣ, Вшединѣ и т. д., въ Помераніи—возлѣ Жарникова (Бельгардъ). Въ этихъ могильникахъ попадаются иногда еще каменные топоры рядомъ съ желѣзнымъ оружіемъ. Въ общемъ познанскія поля погребальныхъ урнъ сходны съ силезскими, а затѣмъ дальше на востокъ, въ Царствѣ Польскомъ также нѣтъ недостатка въ подобныхъ же могильникахъ желѣзнаго вѣка. Въ Галиціи сюда относится извѣстный могильникъ возлѣ Квачалы, недалеко отъ Кракова, съ желѣзнымъ топоромъ, наконечникомъ копья, желѣзными шейными кольцами, вмѣстѣ съ множествомъ бронзовыхъ обломковъ. Сосуды по большей части грубой работы, безъ орнаментаціи.

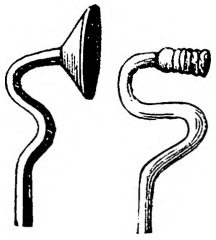


Рис. 304. Головки булавокъ силезскаго типа.

Другая группа лужицкая отличается въ деталяхъ инымъ характеромъ керамики [321]). Вмѣсто расписныхъ сосудовъ здѣсь находимъ сосуды, украшенные въ своей широкой части шишечками съ окружающими ихъ вдавленными дужками (рис. 306, 308) такъ наз. Buckelurnen. Небольшіе бугорки насажены сверху, болѣе крупные выдавлены изнутри. Кромѣ этого рода сосудовъ встрѣчаются еще часто и другіе, сдѣланные на подобіе двойного усѣченнаго конуса (рис. 305), также съ перегородками внутри, двойные и тройные представляющіе подобіе роговъ и т. п. Въ Лузаціи сосуды рѣже бываютъ натерты графитомъ, а звѣздообразныя украшенія на внутреннемъ днѣ плоскихъ сосудовъ, встрѣчающіяся въ Силезіи, здѣсь совершенно отсутствуютъ. Типъ лужицкой керамики распространяется также въ Бранденбургъ, почти до самаго Берлина. Въ сѣверномъ Бранденбургѣ поля погребальныхъ урнъ начинаютъ замѣняться курганами съ трупосожженіемъ, которые составляютъ исключительный типъ могилъ въ Помераніи, Мекленбургѣ и Голштиніи; только въ болѣе позднюю эпоху тутъ начали появляться кладбища съ урнами, украшенными меандрами и съ предметами характера ла-тенскаго или еще чаще римскаго.

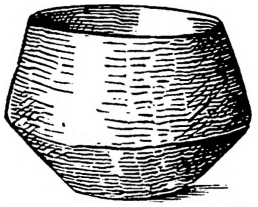


Рис. 305. Типическій сосудъ изъ гробницъ съ пепломъ лужицкаго типа.

Третья, менѣе важная группа полей погребальныхъ урнъ обнимаетъ страны, лежащія на западъ отъ Лузаціи, Саксонію и весь ближайшій бассейнъ Эльбы. Ея западную границу образуетъ рѣка Сала въ Тюрингіи. Въ нижнемъ теченіи Эльбы и эта группа переходитъ въ курганы, хотя мы встрѣ-

чаемся съ могилами безъ насыпей (съ урнами) еще въ Ганноверѣ и даже въ сѣверной Голландіи. Устье Эльбы отличается особымъ характеромъ сосудовъ въ своихъ могилахъ: они тамъ украшены продольными гранями и шишечками. Но и здѣсь, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ эти могилы оказываются болѣе поздняго происхожденія.

Чехія и Моравія представляютъ своими могильниками переходъ къ югу и подходятъ больше всего къ группамъ лужицкой и силезской. Но что касается мнѣнія Ундсета, который полагаетъ, что поля погребальныхъ урнъ распространились въ Лузацію и Силезію съ юга, изъ Чехіи и Моравіи, то мы думаемъ, что это происходило какъ разъ въ обратномъ направленіи. Въ Моравію они появились скорѣе всего съ востока, въ Чехію же или изъ Силезіи, или-же, можетъ быть, и изъ Лузаціи. Мы можемъ уже съ достаточной точностью прослѣдить распространеніе кладбищъ обѣихъ группъ въ Чехіи. Въ послѣднее время д-ръ Пичъ разграничиваетъ ихъ такимъ образомъ, что къ кладбищамъ силезскаго типа относитъ тѣ, которыя находятся на правомъ берегу Лабы: Тржебиховицы, Горжиневесь, Добра-Вода, Меникъ, Кралевъ-Градецъ, Росицы, Дражковицы, Ржедице, Свіяны, Либохованы, и моравскія кладбища: Обржаны, Богуславице, Тршице, Могельнице, Пржиказы и др.; къ типу же лужицкому относитъ кладбища совеницкое, нештемицкое, могилы у Корунки-Іелени и у Кунетицъ. Раздѣленіе это, впрочемъ, едва ли вполнѣ точно.

Изъ чешскихъ могильниковъ, принадлежащихъ уже къ желѣзному вѣку, обращаетъ на себя вниманіе Росицкое поле, возлѣ Пардубицъ, съ большими, грубой работы сосудами безъ орнаментаціи, и меньшими, натертыми графитомъ, съ желѣзными шейными обручами и ножами, бронзовыми гривнами, спиральными фибулами, булавками. Тамъ найдены были также стеклянныя бусы. Далѣе, сюда относятся большой могильникъ, открытый въ 1845 г. благодаря разливу Эльбы въ Весели или Нештемицахъ, могильникъ въ Ржедицахъ, Дражковицахъ, возлѣ Пардубицъ, въ Свіянахъ и пр. Точное опредѣленіе ихъ древности, впрочемъ, еще трудно и преждевременно. Обширный могильникъ (около 500 погребеній съ урнами, обложенными камнями) былъ открытъ барономъ Коллеромъ возлѣ Шкворжетицъ, недалеко отъ Блатна, но и здѣсь научные результаты раскопокъ еще неизвѣстны. Къ позднѣйшему желѣзному вѣку относятся, по крайней мѣрѣ отчасти, кладбища либохованское и меницкое и къ еще болѣе позднему—большое поле урнъ, найденное возлѣ Добржихова, со многими предметами римскаго характера, и костомлатскія гробницы. Этого рода могильники держались въ Чехіи до очень позднихъ временъ, какъ можно видѣть напр. на гробницахъ, открытыхъ проф. Вольдржихомъ, на вершинѣ горы св. Яна въ Нетолицахъ, и относимыхъ имъ къ IX стол. нашей эры.

Въ Моравіи къ началу желѣзнаго вѣка относится обржанскій могиль-

никъ. На сѣверозападной сторонѣ городища возлѣ Обржанъ, неподалеко отъ Брна (Брюнна), открыто было большое кладбище, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Моравіи, и очень было-бы желательно, чтобы результаты раскопокъ его были поскорѣе и возможно подробнѣе описаны. Сосуды, найденные въ этомъ могильникѣ, отличаются красивыми формами и богатой орнаментаціей; большая часть ихъ блестящаго чернаго цвѣта съ красивыми врѣзанными узорами и выпуклыми шишечками. Обращаютъ на себя вниманіе также нѣкоторыя особенныя формы. Между найденными предметами слѣдуетъ упомянуть о фибулахъ, характерныхъ для позднѣйшей эпохи въ Венгріи и найденныхъ также въ Штилльфридѣ, Гадерсдорфѣ, Маріа-Растѣ (рис. 286). Но здѣсь, кромѣ бронзовыхъ предметовъ, были найдены также и желѣзные.

Далѣе сюда относятся могилы, открытыя между Пржиказами и Наклемъ, могилы у Кожушанъ возлѣ Ольмюца, можетъ быть также и могилы возлѣ Брановицъ; съ обржанскими, говорятъ, очень сходны могилы

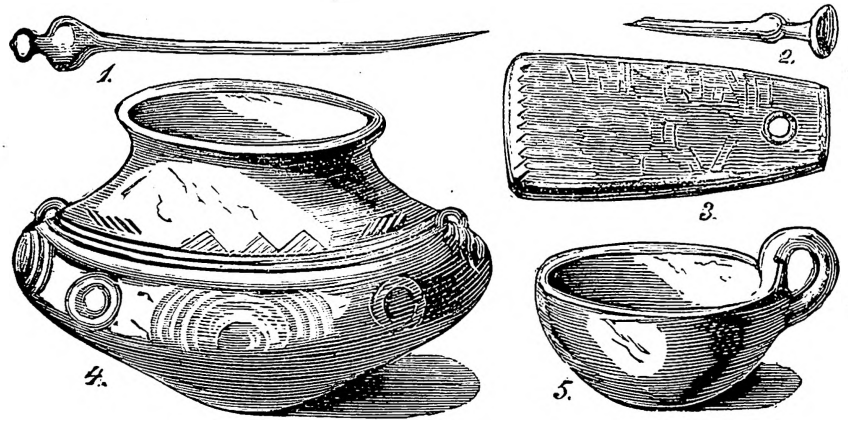


Рис. 306. Изъ могильника у Богуславицъ возлѣ Кыйова въ Моравіи.

боржитовскія, богуславицкія (рис. 306). Всѣ онѣ нуждаются до сихъ поръ еще въ подробномъ описаніи. Въ моравскихъ поляхъ погребальныхъ урнъ всѣхъ эпохъ очень многочисленны небольшіе закрытые сосудцы, часто представляющіе собой подобія животныхъ и т. п., съ глиняными шариками внутри, и принимаемые обыкновенно за дѣтскія погремушки. Образцы этого рода предметовъ изъ разныхъ мѣстностей изображены на рис. 224 и 307.

Чешско-моравскія поля погребальныхъ урнъ сходны во многихъ отношеніяхъ съ находящимися южнѣе—въ Австріи и въ Венгріи. Объ австрійскихъ мы уже говорили и потому скажемъ здѣсь только нѣсколько словъ о венгерскихъ.

Въ Венгріи, сколько намъ извѣстно, поля погребальныхъ урнъ многочисленны въ сѣверной ея части, на верхнемъ Дунаѣ. Часть ихъ принадле-

житъ еще бронзовому вѣку, часть же рѣшительно относится сюда, какъ напр. большой гатванскій могильникъ (въ гевеской жупѣ), гдѣ пепелъ умершихъ лежалъ или въ сосудѣ, или просто кучкой между нѣсколькими сосудцами (чаще всего 10 расположенныхъ кругомъ); лоцскій могильникъ возлѣ Пресбурга со многими предметами изъ бронзы, желѣза, стекла и пр., затѣмъ, кладбище въ Доманинѣ и возлѣ Верхняго Кубина. Отдѣльную группу мѣстнаго характера составляютъ сосуды, украшенные вдавленными линіями, рядами точекъ, кружковъ и т. д., выполненными бѣлымъ веществомъ, и найденные въ Гатванѣ и въ другихъ могильникахъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная, какъ напр. въ Зситвѣ (въ комаренской жупѣ) (рис. 310). Ромеръ назвалъ этотъ типъ паннонскимъ.

Рис. 307. Погремушки изъ Моравіи (1 изъ Тршицы, 2 изъ Ольмюца и 3 изъ Полешовицъ).

Поля погребальныхъ урнъ въ странахъ, о которыхъ мы только что говорили, представляютъ собою одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ группъ доисторическихъ памятниковъ. Начиная съ конца бронзоваго вѣка и до римской эпохи, и даже еще позже, этотъ способъ погребенія распространялся изъ своего центра во всѣ стороны. Судя по всему, что до сихъ поръ о немъ извѣстно, мы можемъ заключить, что онъ въ своей первоначальной формѣ принадлежалъ одному и тому же народу. Какой же это былъ народъ? На этотъ вопросъ, уже на основаніи географическаго распространенія кладбищъ даннаго типа, не трудно отвѣтить, что это были или нѣмцы, или славяне. Прежде въ предположенія по этому вопросу вводили и кельтовъ, но теперь этотъ третій элементъ вполнѣ справедливо

оставляется въ сторонѣ, и весь споръ, который въ теченіе многихъ лѣтъ былъ направленъ къ выясненію и научному опредѣленію полей погребальныхъ урнъ, сводится теперь только къ тому, нѣмецкаго или славянскаго они происхожденія.

Рис. 308. Сосудъ изъ могильника въ Доманикѣ въ Венгріи.

Мы должны сказать прежде всего, что вопросъ этотъ еще не разрѣшенъ, несмотря на то, что уже съ самаго начала существованія доисторической археологіи различные изслѣдователи дѣлали попытки къ его разрѣшенію. Такъ, уже и въ Чехіи, напр. Добровскій въ своемъ трудѣ о погребальныхъ обычаяхъ древнихъ славянъ, занимался вопросомъ о погребальныхъ урнахъ, найденныхъ у Горжина возлѣ Мельника, и пришелъ къ заключенію, что онѣ славянскія. Послѣ него къ такимъ же заключеніямъ пришли въ Чехіи Калина изъ Іетенштейна, Іос. Биненберкъ, а въ Германіи, относительно лужицкихъ кладбищъ — Верзебе; Лишъ (Lisch) признавалъ мекленбургскія вендскія кладбища («Wendenfriedhöfe») и Петеръ — силезскіе могильники, по крайней мѣрѣ отчасти, за славянскіе; Андріанъ склонялся въ пользу славянскаго происхожденія росицкаго кладбища; графъ Вурмбрандтъ, въ описаніи могильника у Маріа-Раста, признавалъ важность его, какъ географическаго пункта для теоріи славянскаго происхожденія этого рода погребенія вообще. Тѣмъ не менѣе, въ Германіи уже съ давнихъ временъ установилось мнѣніе, что славяне не сожигали своихъ мертвыхъ, но погребали, тогда какъ германцы, по свидѣтельству Тацита, сожигали ихъ (Worbs, Kruse, A. Heinrich, G. Klemm). Мнѣніе это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что всѣ могилы съ остатками трупосожженія на востокъ отъ Эльбы, такъ же точно какъ въ Чехіи и въ Моравіи и въ альпійскихъ странахъ, признавались нѣмецкими [1]). Главнымъ доказательствомъ въ пользу этого мнѣнія были сви-

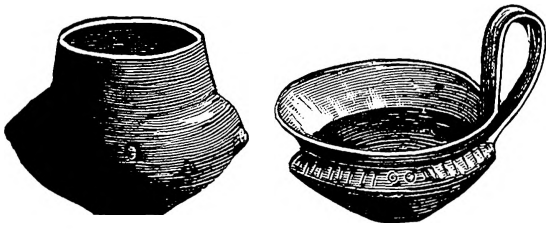


Рис. 309. Сосуды изъ могилъ у Верхняго Кубина.

[1]) По мнѣнію Белы относительно Лузаціи споръ этотъ рѣшенъ въ указанномъ смыслѣ Т. Шельцомъ (Th. Schelz) въ его очень почтенномъ трудѣ: «Waren germanische oder slavische Völker Urbewohner der beiden Lausitzen» 1842.

дѣтельства прежнихъ историковъ, объяснявшіяся большинствомъ позднѣйшихъ изслѣдователей въ томъ смыслѣ, что славяне пришли въ эти страны съ востока только во второй половинѣ 1-го тысячелѣтія нашей эры. Въ концѣ концовъ, все-таки было доказано, что первое мнѣніе о возможности отличать германскія могилы отъ славянскихъ, по способу погребенія, лишено всякаго основанія. У обоихъ народовъ оба способа погребенія были извѣстны и употреблялись одновременно. Съ тѣхъ поръ нѣмецкіе археологи опираются, главнымъ образомъ, только на второе, историческое доказательство, а затѣмъ еще на выставленное Р. Вирховымъ основное различіе въ стилѣ керамики полей погребальныхъ урнъ, относящихся по большей части ко временамъ до нашей эры, и керамики, характеризующей культурные слои городищъ позднѣйшей, несомнѣнно уже славянской эпохи.

Рис. 310. Сосудъ паннонскаго типа изъ Зситвы (Венгрія).

Лужицкому типу сосудовъ только что описанныхъ могильниковъ Вирховъ [322]), а за нимъ Іентчъ (Ientsch) *), противопоставили типъ городищъ (Burgwalltypus), о которомъ мы еще упомянемъ далѣе, типъ сосудовъ, сработанныхъ при помощи гончарнаго круга и отличающихся совсѣмъ другими формами и орнаментикой. Къ этому различію типовъ керамики думали пріурочить и различіе этнологическое, но, какъ мы увидимъ далѣе, безъ достаточнаго основанія. Особенности дѣйствительно существуютъ, но въ основаніи лежатъ, по нашему мнѣнію, не національныя различія, а хронологическія, эволюціонныя. Хронологической разницы между двумя этими группами совершенно достаточно, чтобы объяснить ею измѣненіе техники, именно развитіемъ гончарнаго мастерства, а не иной народностью ремесленниковъ.

Мы думаемъ, что разница въ техникѣ двухъ группъ гончарнаго производства, притомъ достаточно обособленныхъ одна отъ другой хронологически, вовсе не можетъ служить, сама по себѣ, главнымъ основаніемъ для разрѣшенія вопроса о національной принадлежности полей погребальныхъ урнъ. Мы придаемъ гораздо больше значенія географическому распространенію этого способа погребенія, и въ особенности мѣстности, откуда онъ распространялся. Этой же мѣстностью, по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ, не можетъ быть, по нашему мнѣнію, ни Лузація, какъ думаютъ Бела, Бушанъ и д-ръ Пичъ, ни юговосточная Европа, какъ полагалъ Ундсетъ, а скорѣе всего ею могли быть подкарпатскія страны и именно польская равнина къ сѣверу отъ Карпатъ, гдѣ, какъ было уже упомянуто на стр. 318, нахо-

*) Т. Іенчъ, впрочемъ, въ послѣднее время допускаетъ, что часть позднѣйшихъ кладбищъ съ остатками трупосожженія принадлежитъ въ Лузаціи славянамъ.

дятся наиболѣе древніе типы могилъ съ остатками трупосожженія, заключенными въ зарытыя въ землю урны. Оттуда, какъ намъ кажется,— болѣе рѣшительное заключеніе было бы еще преждевременно, — онѣ распространились въ Германію—къ Эльбѣ, въ Венгрію, въ альпійскія страны, въ Чехію и въ Моравію.

Изъ сказаннаго видно, что съ археологической точки зрѣнія мы больше склоняемся къ славянскому происхожденію полей погребальныхъ урнъ въ средней Европѣ, чѣмъ къ неславянскому, германскому. Въ Закарпатьѣ было настоящее европейское отечество славянъ. Здѣсь они жили еще въ каменномъ вѣкѣ, по всей вѣроятности не достигнувъ еще той ступени этнографическаго развитія, на которой мы видимъ ихъ въ началѣ историческихъ временъ. Мы впрочемъ говоримъ только о славянскомъ происхожденіи полей погребальныхъ урнъ, вовсе не настаивая на томъ, чтобы и позднѣйшіе могильники этого рода признавались тоже славянскими. Этого нельзя сказать, въ особенности о тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на границахъ занимаемой ими области. Погребальные обряды, какъ мы видимъ на многихъ другихъ примѣрахъ, очень легко заимствовались одними народами отъ другихъ. И этотъ способъ погребенія также могъ быть позаимствованъ отъ неславянскаго племени и затѣмъ получить своеобразное развитіе, причемъ могли выработаться и мѣстныя его особенности. Поэтому сходство въ характерѣ могильныхъ памятниковъ не даетъ еще права заключать и о тождествѣ населенія, и мы въ своей гипотезѣ вовсе не думаемъ утверждать, чтобы кладбище въ Маріа-Растѣ или могилы съ пепломъ въ Крайнѣ или на рѣкѣ Салѣ—должны быть непремѣнно славянскими. Но мы допускаемъ возможность такого предположенія. Разрѣшено же это можетъ быть только болѣе обстоятельными будущими изслѣдованіями. За то тамъ, гдѣ этотъ способъ погребенія преобладаетъ, мы считаемъ его, вѣроятнѣе всего, славянскимъ,—именно въ Польшѣ, въ восточной Германіи, въ Венгріи, въ Чехіи и въ Моравіи.

Доводовъ противъ этого мы не встрѣчаемъ и въ исторіи. Лучше всего это видно, напр. изъ доисторической археологіи Чехіи. Для этой страны разрѣшеніе вопроса о принадлежности полей погребальныхъ урнъ представляетъ капитальную важность. Вышеизложенное объясненіе могло бы быть согласовано и со сдѣланными до сихъ поръ выводами чешской исторіи и археологіи. Мы полагаемъ, что оно одновременно могло бы освѣтить давній споръ объ автохтонствѣ славянъ въ Чехіи и о существованіи въ ней бойевъ и маркомановъ. До сихъ поръ въ этомъ спорѣ обыкновенно допускалась одна важная ошибка, заключавшаяся въ томъ, что одна точка зрѣнія категорически исключала другую [323]). Историки учили, что славяне пришли въ Чехію только послѣ ухода изъ нея маркомановъ, которые упоминаются въ послѣдній разъ въ этой странѣ въ 451 году, когда они присоединились къ

войску Аттилы, шедшему въ Галлію; археологи, наоборотъ, утверждали, что славяне жили въ Чехіи съ незапамятныхъ временъ *) — и обѣ стороны — особенно историки — имѣли въ свою пользу рядъ серьезныхъ доказательствъ. Невозможно отрицать того напр., что существованіе въ Чехіи бойевъ и маркомановъ — фактъ хорошо обоснованный. Но ошибка заключалась во взаимной исключительности обѣихъ точекъ зрѣнія. Существованіе въ Чехіи бойевъ и маркомановъ нисколько не исключаетъ еще того, чтобы кромѣ нихъ, въ V стол. нашей эры, не могли жить въ извѣстной части страны пришедшія туда первоначально съ сѣверовостока отрасли славянъ, какъ это допускалъ и Шафарикъ.

Уже теоретически мы имѣемъ основанія предполагать, что первыя поселенія славянъ въ Чехіи были на сѣверовостокѣ и на востокѣ. А если мы обратимъ вниманіе на то, какія кладбища въ этой странѣ относятся къ первой половинѣ I-го тысячелѣтія нашей эры и даже еще къ болѣе ранней эпохѣ, то увидимъ, что преобладающими среди нихъ являются поля погребальныхъ урнъ. Если они, согласно вышеизложенному мнѣнію, славянскія, то этимъ объясняется все. Въ то время, какъ въ западной, средней и южной частяхъ Чехіи жили племена галльскія, и послѣ нихъ германскія, въ сѣверовосточную часть ея проникли уже первыя племена славянъ и жили до извѣстной поры одновременно съ ними. Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше они распространялись, и послѣ ухода маркомановъ заняли всю страну. Это сплошное разселеніе приходится какъ разъ на половину перваго тысячелѣтія нашей эры и было, какъ кажется, вызвано и довершено прибытіемъ новыхъ славянскихъ массъ съ востока.

Такъ можно представлять себѣ, согласно съ нашей гипотезой, доисторическое прошлое Чехіи. Галльскими могилами представляются намъ заключающія въ себѣ погребенія ла-тенской эпохи, маркоманскими же часть позднѣйшихъ могилъ съ костями и съ остатками трупосожженія. Мы не знаемъ только, какъ объяснить южно-чешскія гробницы. О нихъ можно сдѣлать предположеніе, что они оставлены безъимяннымъ населеніемъ, которому принадлежатъ подобныя же гробницы и въ Баваріи.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили проявленія желѣзной культуры въ юж-

*) Всѣ выдающіеся чешскіе историки защищаютъ существованіе въ Чехіи неславянскихъ племенъ — бойевъ и маркомановъ: какъ напр. Шафарикъ, Палацкій, Томекъ, Калоусекъ, Голль. Напротивъ, автохтонисты не имѣли успѣха въ исторіи, доходя даже до смѣшнаго. За то археологи (проф. Вольдржихъ, Смоликъ, Чермакъ, Іелинекъ, Пичъ, въ Моравіи главнымъ образомъ д-ръ Ванкель, Гавелка, Полякъ, Шульцъ) представили рядъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу того, что славяне жили въ Чехіи еще до V стол. нашей эры. Изъ археологовъ Шнайдръ, д-ръ Мартинъ Кржижъ (Kříž) и еще раньше Воцель примыкали къ исторической школѣ [324]).

ной, западной, средней и сѣверной Европѣ. Но остается еще восточная Европа, громадная область, ограниченная на сѣверѣ Ледовитымъ океаномъ, на востокѣ и югѣ Ураломъ, Каспійскимъ и Чернымъ морями и отдѣленная на западѣ отъ остальной Европы Карпатами и отчасти р. Вислою,—нынѣшняя Россія и часть Польши. Объ этихъ обширныхъ странахъ, покрытыхъ необозримою массою доисторическихъ могилъ, мы узнаемъ весьма мало изъ сочиненій, посвященныхъ доисторической эпохѣ Европы. Причина этого заключается между прочимъ въ томъ, что русская доисторическая археологія далеко не такъ еще разработана, какъ археологія средней, западной или южной Европы. Поэтому изслѣдователю, въ особенности не-русскому, чрезвычайно трудно составить себѣ сколько-нибудь ясное представленіе о древнѣйшемъ развитіи культуры на почвѣ нынѣшней Россіи и о соотношеніи ея съ развитіемъ культуры въ другихъ странахъ и въ остальной Европѣ.

Курганы желѣзнаго вѣка въ Россіи совершенно выходятъ изъ предѣловъ классификаціи, которой мы держались въ предыдущемъ изложеніи и именно потому, что вліяніе различныхъ, смѣнявшихъ одна другую культуръ, въ южной, средней и западной Европѣ, было за Вислой и за Карпатами слишкомъ слабо, чтобы наложить свой характеръ и на эту область; наоборотъ, здѣсь уже съ давнихъ временъ и гораздо сильнѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ, дѣйствовали другія вліянія: съ Чернаго моря—греческое и финикійское, съ Кавказа и Каспійскаго моря—иранское и ассирійское, съ Урала—сибирскія вліянія. Эти-то вліянія и дали русской культурѣ особый характеръ, во многомъ совершенно отличный отъ характера культуры остальной Европы.

Физическія особенности страны, заключающіяся въ ея равнинности, малой варіаціи рельефа, въ континентальности ея болѣе суроваго климата, въ обширной сѣти ея рѣкъ, въ особомъ характерѣ ея растительности, выражающемся въ тундрахъ далекаго Сѣвера, въ слѣдующей затѣмъ полосѣ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ и, наконецъ, въ поясѣ ковыльныхъ и полынныхъ степей, дѣлаютъ различіе въ ходѣ культуры на почвѣ нынѣшней Россіи еще болѣе понятнымъ [325]).

Многоводныя рѣки Россіи, впадающія въ Каспійское, Черное и Балтійское моря и сближенныя своими верховьями, съ давнихъ поръ облегчали разселеніе на ея территоріи различныхъ племенъ и возникновеніе оживленныхъ торговыхъ путей. По Волгѣ шелъ съ низу великій торговый путь изъ Передней и Средней Азіи; по Днѣпру и рѣкамъ Балтійскаго бассейна—важный путь изъ «Варягъ въ Греки».

На главныхъ водныхъ путяхъ появились позже и первые зачатки русской исторической и государственной жизни, именно на Днѣпрѣ,—въ Кіевѣ, на озерахъ—Ильменѣ и Волховѣ—въ Новгородѣ, на Окѣ и ея притокахъ—

во Владимірѣ, Суздалѣ, Москвѣ; Волга связывала Россію съ Азіей, Днѣпръ съ Югомъ, Нева—съ сѣверной и западной Европой.

Противоположность между сѣверными лѣсами и южными степями составляетъ одну изъ выдающихся особенностей русской территоріи. Противоположность эта, осложненная различіемъ геологической исторіи, почвы, отчасти также рельефа и климата, сказалась также и въ ходѣ культуры засельниковъ этихъ различныхъ зонъ. Степи, покрывавшіяся весною густыми травами, лишь кое-гдѣ, въ долинахъ рѣкъ и на водораздѣлахъ, уступавшими мѣсто лѣснымъ островамъ и рощамъ, въ теченіи ряда вѣковъ благопріятствовали жизни только кочеваго населенія, давая обильный кормъ стадамъ лошадей и рогатаго скота. Лишь мѣстами, гдѣ богатая жирная почва, такъ наз. «черноземъ», благопріятствовала развитію земледѣлія, мы встрѣчаемъ здѣсь, уже съ очень отдаленныхъ временъ, племена, занимавшіяся разведеніемъ и сбытомъ хлѣба. Но вообще южнорусскія степи благопріятствовали особенно жизни кочевниковъ, каковыхъ мы и встрѣчаемъ здѣсь съ отдаленныхъ временъ въ лицѣ, главнымъ образомъ, тюркскихъ племенъ, передвигавшихся сюда изъ Азіи по широкому степному пути, шедшему вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря и чрезъ южное Приуралье. Такимъ образомъ, Россія, уже по географическимъ условіямъ ея территоріи, была издавна тѣснѣе связана съ Азіей, чѣмъ съ остальной Европой, чѣмъ и объясняется то, что доисторическая археологія ея не укладывается въ рамки соотвѣтственной европейской культуры и примыкаетъ въ большей степени къ культурѣ азіатской.

Русскія древности нельзя поэтому классифицировать примѣнительно къ памятникамъ остальной Европы, въ нихъ нельзя, напр., искать культуры галльштаттской, ла-тенской и т. д., а возможно только распредѣлять ихъ по тремъ или четыремъ большимъ категоріямъ, которыя,—судя по сдѣланнымъ до сихъ поръ находкамъ, необходимо признать и для Россіи: т. е. по эпохамъ каменной, (мѣдной), бронзовой и желѣзной. Мы уже упоминали о слѣдахъ эпохъ каменной и бронзовой (мѣдной). Что касается желѣзной, то относящіеся сюда могильники и курганы можно всего удобнѣе раздѣлить на двѣ большія группы по слѣдующимъ признакамъ: къ первой мы отнесемъ курганы, относящіеся къ эпохѣ, предшествовавшей великому переселенію народовъ, т. е. главнымъ образомъ хорошо изслѣдованную группу кургановъ скиѳскихъ и сарматскихъ; ко второй мы причислимъ курганы эпохи переселенія народовъ и позднѣйшихъ временъ до XI—XII вв. (распространенія христіанства). Это была пора усиленія славянскаго племени, жившаго здѣсь и прежде, но не оставившаго по себѣ очевидныхъ слѣдовъ, теперь же давшаго всей эпохѣ преимущественно славянскій характеръ. Мы будемъ поэтому называть первую эпоху скиѳо-

сарматскою, а вторую—славянскою. Разумѣется, въ изложеніе второй эпохи мы должны будемъ ввести также могильники и курганы неславянскихъ племенъ, которыя со времени переселенія народовъ жили на территоріи нынѣшней Россіи, главнымъ образомъ племенъ урало-алтайскихъ, финскихъ и тюркскихъ.

Какъ въ южную Европу—Грецію и Италію, такъ и въ южную Россію проникли уже очень рано непосредственныя вліянія съ Востока. Южная Русь производила уже въ отдаленныя времена разные сырые продукты, главнымъ образомъ, хлѣбъ. Ея черноморскіе берега издавна стали посѣщаться финикійскими и карійскими, а позже греческими торговцами, а потому уже въ находкахъ неолитической эпохи мы начинаемъ встрѣчать здѣсь отрывочные слѣды болѣе развитой культуры, проникавшіе спорадически довольно далеко отъ береговъ Чернаго моря вглубь страны. Однако въ то время, какъ каменный вѣкъ въ сѣверной Россіи, напр. Владимірской, Костромской, Архангельской губ. относится, по всей вѣроятности, къ довольно позднему періоду,—припомнимъ извѣстіе Тацита о жившихъ гдѣ-то недалеко отъ Балтійскаго моря въ его время, феннахъ (fenni), пребывавшихъ еще въ каменной культурѣ, и не знавшихъ желѣза,—въ южной Россіи желѣзо было уже въ употребленіи за нѣсколько вѣковъ до нашей эры.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ дѣлитъ курганы Южной Россіи на слѣдующія эпохи: 1) наиболѣе древняя киммерійская, соотвѣтствующая каменному и бронзовому вѣкамъ въ Западной Европѣ; 2) скиѳская (отъ VI стол. до Р. Хр. по I стол. нашей эры); 3) сарматская (отъ I по V стол. нашей эры); 4) славянская (отъ VI по XI вѣкъ) и 5) половецко-татарская (XII—XVI ст.) *).

Въ южные предѣлы Россіи, отъ устьевъ Дуная, съ одной стороны, до кавказскихъ горъ, съ другой, въ нынѣшнія Бессарабію, Подолію, Волынь, затѣмъ въ Крымъ, въ губерніи Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую, Область Войска Донскаго и Ставропольскую, а также въ губерніи Черниговскую, Полтавскую и Харьковскую, словомъ во всю нынѣшнюю Украйну, съ Бес-

*) Противъ этой классификаціи проф. Самоквасова и дальнѣйшихъ его теорій были сдѣланы впрочемъ сильныя возраженія, главнымъ образомъ на VIII русскомъ археологич. съѣздѣ въ Москвѣ, въ 1890 г. Проф. А. Хвольсонъ указывалъ, что киммерійская эпоха кончилась раньше и критиковалъ названія 2-й и 4-й эпохъ. П. Н. Милюковъ также считалъ ошибочнымъ давать до-историческимъ эпохамъ названія этнографическія и предлагалъ назвать киммерійскую эпоху бронзовою, 4-ю византійской и 5-ю тюрко-татарской. Проф. Д. Н. Анучинъ выразился также противъ терминологіи Самоквасова; измѣненія ея желалъ и проф. Будиловичъ. Но мы всетаки проводимъ систему проф. Самоквасова, какъ единственную пока попытку классификаціи всѣхъ южно-русскихъ древностей.

сарабіей, Крымомъ и Дономъ, очень скоро проникла культура металловъ — бронзовая и желѣзная. Въ общемъ, кажется, что бронзовая культура въ этихъ странахъ и не существовала долго, а быстро смѣнилась желѣзною. Можно даже предполагать, что желѣзный вѣкъ начался здѣсь немногимъ позже, чѣмъ въ Греціи, но мы оставимъ этотъ трудно разрѣшимый вопросъ впрочемъ въ сторонѣ и постараемся дать только краткій обзоръ слѣдовъ этихъ древнѣйшихъ вліяній, насколько они выясняются изъ историческихъ свидѣтельствъ и сохранившихся памятниковъ.

Наибольшее вліяніе на Южную Русь имѣли греки. До нихъ еще финикіяне и карійцы вели торговлю по берегамъ Чернаго моря, но сколько-нибудь обстоятельныя историческія свѣдѣнія имѣются только о грекахъ [326]). Греческіе торговцы основывали здѣсь свои колоніи; первыя были основаны выходцами изъ Милета въ VIII стол. до нашей эры, и вообще іоническая колонизація была преобладающею. Самыя замѣчательныя колоніи, Ольвія (Борисѳенъ) и Пантикапея были милетскаго происхожденія. Ольвія была основана въ 644 г. при устьѣ рѣки Гипаниса, нынѣшняго Буга, по сосѣдству съ нѣсколькими осѣдлыми и занимавшимися земледѣліемъ племенами скиѳовъ, каллипидовъ и алазоновъ. Городъ этотъ скоро разбогатѣлъ, главнымъ образомъ благодаря хлѣбной торговлѣ, но когда въ III стол. до нашей эры окрестное населеніе перемѣнилось и вмѣсто упомянутыхъ выше племенъ появились племена сарматскія, а впослѣдствіи и готскія, Ольвія должна была выносить постоянныя нападенія варваровъ, подвергаться по временамъ опустошеніямъ, при этомъ, разумѣется, бѣднѣла, приходила въ упадокъ, пока наконецъ въ царствованіе Александра Севера не дошла до окончательнаго паденія, сохранивши до самаго конца свое демократически-республиканское государственное устройство.

Совершенно иною была политическая исторія наиболѣе важной милетской колоніи — Пантикапеи, нынѣшней Керчи, основанной въ началѣ VI стол. до нашей эры у пролива, соединяющаго Черное море съ Азовскимъ (Киммерійскаго Босфора). Пантикапея разбогатѣла такъ же быстро, какъ и Ольвія и тоже главнымъ образомъ благодаря торговлѣ хлѣбомъ, которымъ она снабжала когда-то всю Аттику; но тогда какъ Ольвія никогда не достигла высокаго политическаго положенія,— Пантикапея сдѣлалась центромъ знаменитаго Босфорскаго царства. Судьбы этого города шли рядомъ съ судьбами босфорскихъ царей, главная династія которыхъ, Спартокиды, происходила отъ архонтовъ, высшихъ сановниковъ союза нѣсколькихъ греческихъ городовъ, во главѣ которыхъ была Пантикапея. Упадокъ Босфорскаго царства начался въ концѣ II стол., и съ той поры имъ владѣли попеременно то Митридаты, то римляне, то слабыя мѣстныя династіи въ зависимости отъ Рима; вмѣстѣ съ политической самостоятельностью приходилъ въ упадокъ и го-

родъ, гордый акрополь котораго возвышался когда-то со своими храмами на нынѣшней Митридатовой горѣ. Какъ отъ Ольвіи, такъ и отъ Пантикапеи не осталось теперь ничего, кромѣ нѣсколькихъ развалинъ, а въ окрестностяхъ ихъ множества гробницъ ихъ бывшихъ обитателей.

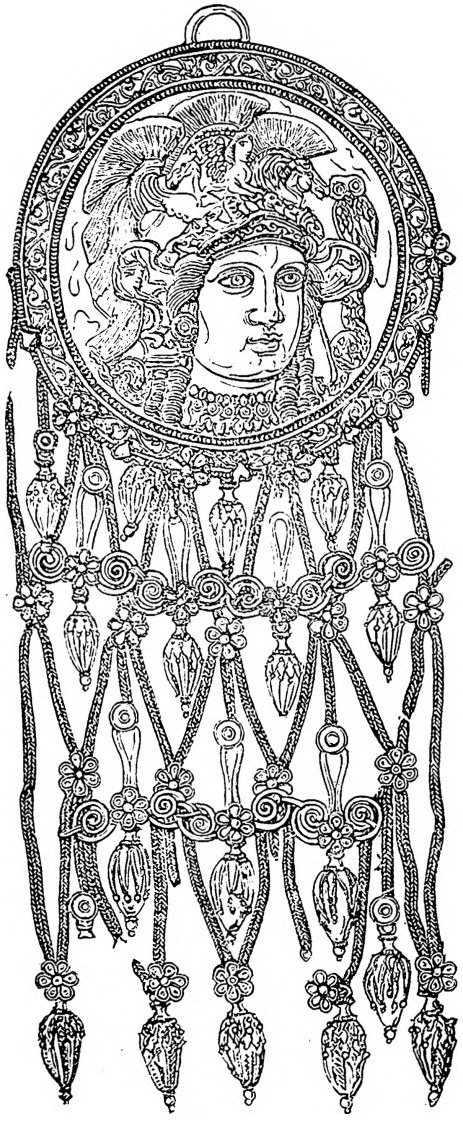


Рис. 311. Золотая серьга изъ греческой гробницы возлѣ Керчи.

Послѣ Ольвіи и Пантикапеи, прочіе греческіе города на сѣверномъ побережьи Чернаго моря были менѣе замѣчательны, какъ напр. Нимфея, Ѳеодосія, Тирасъ, дорійскій Херсонесъ. Четырьмя большими торговыми станціями были города: Танаисъ, при устьѣ нынѣшняго Дона, Фанагорія—противъ Пантикапеи,—гдѣ велась большая торговля съ сѣверными варварами, затѣмъ колоніи Фазисъ и Діоскуры на восточномъ берегу Чернаго моря у подножія Кавказа, гдѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ торговля съ Колхидой, Левантиной и Индіей. Здѣсь на рынкѣ Страбонъ слышалъ, какъ говорили на 70 языкахъ, а Плиній насчиталъ ихъ даже 130.

Отъ всѣхъ этихъ богатыхъ городовъ почти не осталось другихъ памятниковъ, кромѣ гробницъ. Эти гробницы, открываемыя съ теченіемъ времени вокругъ развалинъ, и позволяютъ намъ присмотрѣться ближе къ жизни бывшаго здѣсь населенія и къ его сношеніямъ съ варварами. Въ гробницахъ этихъ преобладаетъ греческая культура въ разныхъ стадіяхъ своего развитія, и мы можемъ поэтому считать ихъ гробницами греческихъ колонистовъ или, по крайней мѣрѣ, могилами сильно эллинизированныхъ туземцевъ. Тѣмъ не менѣе, и тутъ очень часто обнаруживается особый варварскій характеръ. Тамъ, гдѣ онъ преобладаетъ, мы, разумѣется, должны считать гробницы не греческими, а скиѳскими или сарматскими. Ко-

нечно, часто бываетъ весьма трудно рѣшить, имѣемъ-ли мы дѣло съ гробницей греческой или варварской. Греческія гробницы бываютъ двоякаго рода—или устроенныя въ землѣ съ насыпанными надъ ними курганами, или же камеры, высѣченныя въ скалѣ, катакомбы. Оба рода гробницъ встрѣчаются всего чаще по берегамъ Киммерійскаго Босфора, въ окрестностяхъ Керчи, на полуостровѣ Тамани, возлѣ древней Фанагоріи,—катакомбы по сторонамъ Митридатовой горы, — и относятся главнымъ образомъ ко времени отъ V ст. до Р. Хр. по II стол. нашей эры. Греческіе курганы обыкновенно насыпаны изъ земли (иногда впрочемъ на фундаментѣ изъ плитняка) надъ склепомъ или единственнымъ и обширнымъ, или состоящимъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ камеръ. Въ склепѣ этомъ клали мертвыхъ и затѣмъ все засыпали землей. Кромѣ этого рода гробницъ, сооружали въ болѣе позднія времена и камеры со сводами, составленными изъ выступающихъ одинъ надъ другимъ камней, совершенно похожими на своды древнѣйшихъ купольныхъ гробницъ въ Микенахъ, Вафіи и т. п. (ср. стр. 263) или же по скатамъ

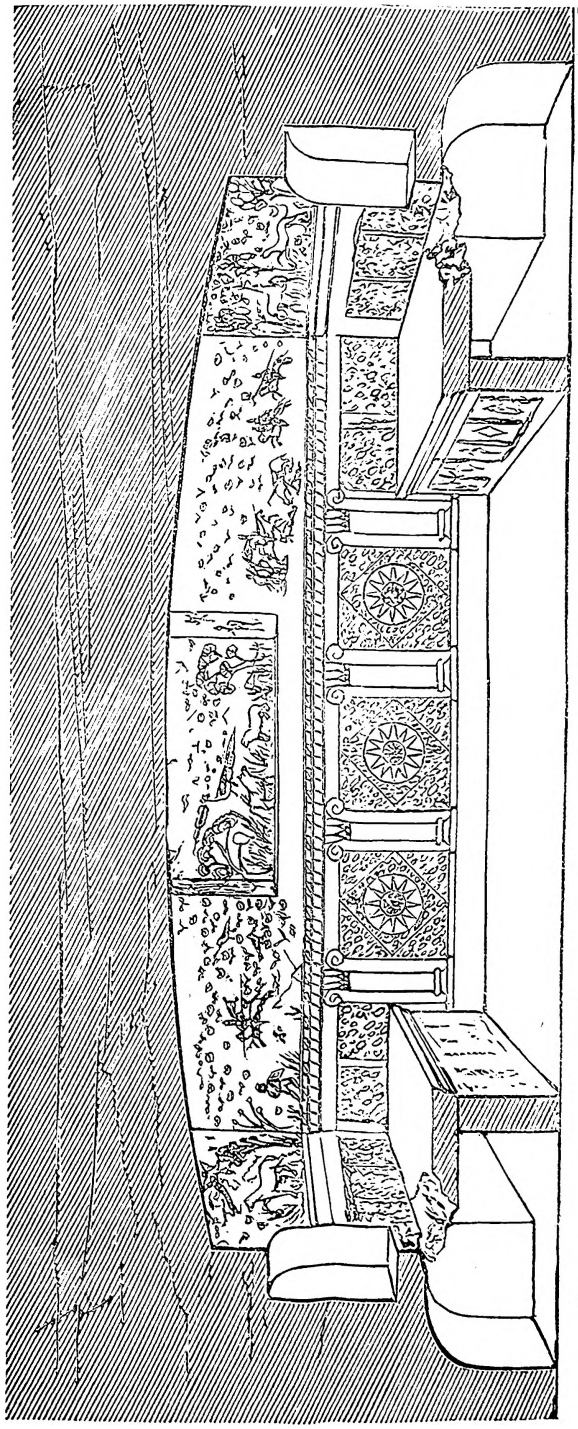


Рис. 312. Внутренность греческой катакомбы съ стѣнной живописью, открытой возлѣ Керчи.

горъ дѣлали гроты въ скалахъ въ родѣ катакомбъ, какъ напр. возлѣ Керчи, на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы. Внутрь этихъ катакомбъ велъ проходъ, иногда въ 4—6 метр. глубины. Въ камерахъ мертвыхъ помѣщали въ ниши, выдолбленныя въ стѣнахъ, а предназначенные для мертвыхъ предметы раскладывали на землѣ. Археологическое значеніе этихъ предметовъ впрочемъ не особенно велико, такъ какъ почти всѣ катакомбы относятся къ болѣе позднимъ временамъ—II—III стол. нашей эры, т. е. къ періоду упадка греческой индустріи. Гораздо важнѣе для ознакомленія съ жизнью строителей этихъ памятниковъ фрески, которыми бываютъ покрыты стѣны катакомбъ и на которыхъ, кромѣ сценъ изъ греческой жизни, встрѣчаются и очень важныя для насъ изображенія изъ жизни варваровъ (см. рис. 312 и 313).

Рис. 313. Фрески, представляющія варваровъ-воиновъ изъ тѣхъ же катакомбъ въ Керчи.

Въ греческихъ гробницахъ всѣхъ родовъ мы находимъ костяки, свидѣтельствующіе о погребеніи; но и трупосожженіе не было въ эту эпоху неизвѣстно. Предметы, положенные съ покойниками, какъ уже сказано, по большей части греческой работы, но нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ и вліяніе варварскаго вкуса. Больше всего между ними обращаютъ на себя вниманіе золотыя украшенія, которыя очевидно были здѣсь въ большомъ ходу. Нигдѣ, въ самомъ дѣлѣ, не находятъ такого множества золота какъ въ гробницахъ южной Руси и притомъ въ видѣ такихъ прекрасныхъ образцовъ греческаго ювелирнаго искусства, высокой техники и замѣчательнаго вкуса. Въ находимыхъ вещахъ преобладаютъ филиграновыя издѣлія изъ золотыхъ нитей, сплетенныхъ въ жгутики (filigrane tressé) и рѣже изъ зернистой филиграни (filigrane granulé). Умершіе помѣщались въ этихъ гробницахъ въ деревянныхъ саркофагахъ, которые при раскопкахъ оказываются уже развалившимися, на подушкахъ и въ лучшемъ своемъ одѣяніи. Наибольшимъ богатствомъ отличаются женскія гробницы. На черепахъ скелетовъ находятъ очень часто золотыя діадемы (на головахъ воиновъ—искусной работы шлемы), возлѣ череповъ серьги съ многочисленными привѣсками (и у мужчинъ, и у женщинъ) (рис. 311), ожерелья, золотыя маски, затѣмъ браслеты, перстни съ цѣнными камнями и т. п. Очень характерно обыкновеніе нашивать на ткани множество золотыхъ бляшекъ, занесенное вѣроятно съ Востока. Въ одной женской гробницѣ было найдено 210 такихъ бляшекъ, украшенныхъ

изображеніемъ головы Горгоны. Коллекція петербургскаго Эрмитажа заключаетъ въ себѣ ихъ теперь около 10.000 штукъ.

Керамика этихъ гробницъ вполнѣ греческаго характера. Греческое вліяніе въ керамикѣ замѣчается въ Россіи уже съ очень древнихъ временъ (еще въ неолитическую эпоху) и географически простирается даже до Кіева и Чернигова. Въ греческихъ гробницахъ, которыя обыкновенно не старше VI вѣка до нашей эры, мы находимъ впрочемъ уже сосуды вполнѣ развитаго стиля, чаще всего вывезенные прямо изъ Аттики съ красными фигурами на черномъ фонѣ, которыя съ конца VI стол. замѣняютъ въ Греціи черныя фигуры. Очень многочисленны также здѣсь образцы греческой керамики временъ упадка, сосуды первыхъ вѣковъ нашей эры съ рельефными орнаментами, покрытыми черной или красной эмалью, такъ наз. самскія или правильнѣе аретскія вазы, также стеклянные сосуды (стклянки для благовоній изъ извѣстнаго уже намъ миллефіороваго стекла, ср. рис. 170), терракотовыя лампочки и т. п. Другихъ предметовъ сохранилось мало, особенно изъ монументальной скульптуры—почти ничего, а что было найдено, то оказалось не особенно цѣннымъ. За то очень многочисленными оказываются монеты греческія, римскія и воспорскихъ царей.

Отъ этихъ гробницъ характера преимущественно греческаго и принадлежавшихъ, вѣроятнѣе всего, именно греческимъ колонистамъ, надо (что не всегда впрочемъ легко) отличать гробницы варварскія.

Приморскія страны южной Россіи были уже заселены задолго до появленія греческихъ колонистовъ, а кромѣ того возлѣ греческихъ городовъ мы встрѣчаемся въ болѣе позднія времена съ цѣлымъ рядомъ постоянно смѣнявшихся племенъ, происхожденіе которыхъ и этническій характеръ остаются для насъ по большей части загадочными.

Наиболѣе извѣстнымъ изъ жившихъ въ этихъ мѣстностяхъ племенъ были скиѳы. Если мы оставимъ въ сторонѣ нѣсколько неясныхъ извѣстій объ альбіяхъ и главное—киммерійцахъ (ср. стр. 328), то мы можемъ считать скиѳовъ за одно изъ древнѣйшихъ, извѣстныхъ намъ въ этой области племенъ. Туземцами впрочемъ они здѣсь не были. Приблизительно около VII стол. до нашей эры они явились, по согласнымъ между собою преданіямъ, изъ Средней Азіи, откуда были вытѣснены массагетами, отчасти истребили, отчасти разогнали древнія босфорскія племена и разселились во всей восточной половинѣ южной Руси. Геродотъ слѣдующимъ образомъ обозначаетъ границы ихъ поселеній: на западѣ Скиѳія граничитъ со страной агаѳирсовъ, живущихъ къ сѣверу отъ устьевъ Дуная, на сѣверѣ—съ землями невровъ, андрофаговъ и наконецъ меланхленовъ. — Агаѳирсы жили когда-то на верхнемъ Днѣстрѣ, къ западу отъ нихъ на Днѣпрѣ жили невры (племя вѣроятно славянское). Восточнѣе меланхленовъ Геродотъ помѣщаетъ гелоновъ

и будиновъ, за Танаисомъ—савроматовъ. Другіе писатели опредѣляютъ иногда географическое положеніе этихъ племенъ нѣсколько иначе, и очень трудно, да, пожалуй, и невозможно составить опредѣленное и ясное представленіе объ этнографіи южной Руси во времена Геродота. Собственно Скиѳія по Геродоту расположена была на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря отъ устья Тираса (Днѣстра) до нижняго теченія Танаиса (Дона). Самихъ скиѳовъ Геродотъ раздѣляетъ на три категоріи: скиѳовъ-земледѣльцевъ (Σκύθαι γεωργοί, ἀρότηρες), скиѳовъ-кочевыхъ (Σ. νομάδες) и скиѳовъ-царскихъ (Σ. βασιλήιοι). Первые жили между Борисѳеномъ (Днѣпромъ) и рѣкою Пантикапомъ; рѣка Герросъ отдѣляла кочевыхъ скиѳовъ отъ царскихъ, но поселенія ихъ очень трудно опредѣлить на картѣ, такъ какъ невозможно съ точностью сказать, какая изъ нынѣшнихъ рѣкъ называлась тогда Герросомъ и какая Пантикапомъ.

Греки называли ихъ скиѳами, персы—саками, а сами—себя, говорятъ, они называли сколотами. Съ ихъ образомъ жизни, нравами и обычаями мы знакомы достаточно хорошо по разсказу Геродота о войнѣ съ ними персидскаго царя Дарія, разсказу, который въ настоящее время подтверждается и найденными персидскими надписями. Интересныя свѣдѣнія о скиѳахъ были записаны также знаменитымъ врачемъ Гиппократомъ, а позже Арріаномъ и другими писателями.

Ни храмовъ, ни священныхъ изображеній у нихъ не было, и поклонялись они, главнымъ образомъ, огню. Божествамъ приносились въ жертву задушенныя животныя, больше всего лошади. Одно только божество войны имѣло свои постоянныя мѣста поклоненія, въ видѣ большихъ холмовъ, на верхушкѣ которыхъ былъ воткнутъ старинный желѣзный мечъ. Этому мечу приносили въ жертву животныхъ и людей; каждому сотому воину изъ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей отсѣкали руку и кровью ея обливали священный мечъ.

Жилищами скиѳамъ служили повозки, покрытыя кожами, разгороженныя внутри на 2—3 отдѣленія и передвигавшіяся съ помощью воловъ. Въ повозкѣ жили жены (у болѣе богатыхъ—нѣсколько женъ) и дѣти; мужчины же занимались охотой, верхомъ на лошадяхъ. Сражались скиѳы также на коняхъ. Конь вообще былъ вѣрнымъ товарищемъ скиѳа при жизни и по смерти. Скиѳы были прекрасными стрѣлками изъ лука, но умѣли также хорошо владѣть и желѣзными мечами, искусной работы. Убитыхъ враговъ они скальпировали, пили ихъ теплую кровь, а черепа употребляли вмѣсто чашъ для питья—обычай, съ которымъ мы часто встрѣчаемся у первобытныхъ народовъ. При заключеніи побратимства и въ случаѣ присяги, обѣ участвовавшія стороны пили взаимно немного крови другъ у друга. И этотъ обычай былъ также очень распространенъ у древнихъ народовъ, какъ напр.

у лидійцевъ, мидянъ и пр. Большой интересъ представляли ихъ погребальные обычаи, особенно въ царскихъ семьяхъ.

Когда царь заболѣвалъ, призывали сначала на помощь гадателей. Если они не помогали и царь умиралъ, то бальзамировали его трупъ, наполняли полости его разными кореньями, зашивали и возили по всѣмъ племенамъ, которыя были подвластны умершему царю. Вездѣ, куда ни привозили царскій трупъ, населеніе въ знакъ печали остригало себѣ волосы, отрѣзывало части ушей, дѣлало себѣ раны на лбу, на носу, на плечахъ и на рукахъ. Когда умершаго царя привозили наконецъ въ страну Герросъ, гдѣ находились царскія гробницы, его клали въ большую четвероугольную яму, вмѣстѣ съ одной изъ его женъ, съ его виночерпіемъ, поваромъ, слугами, съ лошадьми и со множествомъ всякой утвари и надъ этой могилой насыпали огромный курганъ. Но этимъ погребальный обрядъ еще не кончался. По прошествіи года убивали еще 50 царскихъ слугъ и столько же прекрасныхъ коней; трупы послѣднихъ укрѣпляли въ стоячемъ положеніи на кольяхъ, сажали на нихъ трупы слугъ, также подпертые шестами, и разставляли въ качествѣ вѣрной стражи вокругъ кургана. У простыхъ скиѳовъ погребальный обрядъ былъ гораздо проще; но и тутъ тѣло умершаго возили въ теченіи 40 дней къ его родственникамъ и друзьямъ, гдѣ устраивались прощальные пиры.

О происхожденіи скиѳовъ мы не знаемъ ничего достовѣрнаго. По извѣстіямъ древнихъ писателей, они пришли изъ Азіи, гдѣ въ центральной ея части, по словамъ Птоломея, тоже жили скиѳы, но были-ли они тѣмъ же племенемъ, что и скиѳы европейскіе—утверждать невозможно. Очень долго шли споры о томъ, принадлежали-ли скиѳы къ арійскому племени или къ монгольскому. Нравы и кочевой образъ жизни заставляли нѣкоторыхъ изслѣдователей, между прочимъ Шафарика, Неймана, Киперта — считать скиѳовъ монголами; Воцель, Эйхвальдъ, Пенка принимаютъ ихъ за угро-финновъ, но другіе, съ большимъ основаніемъ, за вѣтвь арійцевъ, въ пользу чего, какъ будетъ сказано въ послѣдней главѣ, свидѣтельствуютъ слѣды языка, и особенно арійскій физическій типъ. До сихъ поръ не разрѣшенъ также вопросъ о степени близости скиѳовъ къ славянамъ. Относительно части ихъ такая близость принималась Шафарикомъ и Пенкой, относительно всѣхъ скиѳовъ вообще — І. Г. Куно. Эта послѣдняя теорія нашла себѣ особенно много послѣдователей въ Россіи (Иловайскій, Прохоровъ, Забѣлинъ и Григорьевъ). Д'Арбуа де Жюббенвилль, Цейссъ, Мюлленгофъ, Фикъ, Бонелль, Крекъ, Ягичъ, Флигьеръ и др. приписываютъ имъ иранское происхожденіе. Бонелль считаетъ главное ядро ихъ предками германцевъ (готовъ), какъ полагалъ уже ранѣе Бергманнъ, а въ послѣднее время Фрессль [327]).

Но безъ всякаго сомнѣнія, какъ уже было указано Забѣлинымъ, назва-

ніе скиѳовъ вовсе не обозначало одного особаго народа, но было общимъ названіемъ многихъ народовъ, жившихъ въ предѣлахъ Скиѳіи. Названіе это, слѣд., было болѣе географическимъ, чѣмъ этнографическимъ или антропологическимъ.

Скиѳы жили въ южной Руси до III стол. до нашей эры. Во II-мъ столѣтіи они подпали подъ власть могущественнаго народа сарматовъ, которые тоже пришли изъ Азіи, и во времена Геродота жили еще на лѣвомъ берегу Дона. Начиная съ этой эпохи, греческіе и римскіе писатели очень часто смѣшиваютъ оба названія племенъ, но со второго столѣтія нашей эры страна ихъ уже постоянно называлась Сарматіей. Сарматы были несомнѣнно арійскимъ племенемъ. Объ отношеніяхъ ихъ къ скиѳамъ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго. По словамъ Геродота, языки ихъ были сродны, но все-таки различны. Языкъ сарматовъ, по свидѣтельству Овидія, отличался

Рис. 314. Изображенія скиѳовъ на золотыхъ бляшкахъ изъ Куль-обскаго кургана.

также и отъ языка готовъ. Собственныя имена въ сохранившихся надписяхъ указываютъ на арійскій характеръ сарматскаго языка. Внѣшностью и одеждой сарматы походили на пареянъ. Образа жизни ихъ мы хорошо не знаемъ, такъ какъ онъ часто смѣшивается съ скиѳскимъ. Кажется, впрочемъ, что они не были кочевниками, по крайней мѣрѣ у нихъ были постоянныя поселенія и укрѣпленія. Они жили скотоводствомъ, земледѣліемъ, но болѣе всего охотой, если судить по охотничьимъ сценамъ на ихъ памятникахъ. Они расписывали себя въ разные цвѣта, носили широкія или узкія панталоны, короткіе легкіе плащи, застегивавшіеся на груди, и часто также звѣриныя шкуры. Рубаха у нихъ подпоясывалась, а сверхъ нея они носили длинный кафтанъ изъ звѣриной шкуры, головы они покрывали остроконечными шапками, а также чалмами и какими-то башлыками. Наиболѣе полное понятіе о скиѳо-сарматскомъ костюмѣ даютъ намъ сохранившіяся изображенія на сосудахъ, терракотовыя статуэтки и стѣнныя фрески, образцы

которыхъ мы здѣсь прилагаемъ (рис. 313 и 314). Изъ оружія они употребляли шлемы, кожаныя латы, панцыри изъ роговыхъ или желѣзныхъ чешуй, длинныя копья, щиты, мечи (а также сабли), кинжалы и луки со стрѣлами (бронзовыми или желѣзными). Наконечники стрѣлъ и копій, по словамъ Павзанія, дѣлались у нихъ еще и изъ кости; по свидѣтельству Овидія, они намазывали свои стрѣлы змѣинымъ ядомъ. Кромѣ того, они употребляли также арканы (лассо). Двойныя сѣкиры до сихъ поръ не были находимы. Но вслѣдствіе того, что описанія жизни скиѳовъ и сарматовъ очень часто смѣшивались между собою, у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ для различенія ихъ памятниковъ и похоронныхъ обрядовъ. Только хронологическія данныя могли бы имѣть при этомъ рѣшающее значеніе, но и онѣ очень часто не поддаются точному опредѣленію ни на основаніи погребальнаго обряда, ни на основаніи устройства кладбищъ, а поэтому многіе русскіе археологи до сихъ поръ не различаютъ еще кургановъ скиѳскихъ отъ сарматскихъ, но говорятъ только вообще о скиѳо-сарматскихъ древностяхъ. Поэтому и мы соединимъ всѣ памятники этого характера, для обозрѣнія ихъ, въ одну группу.

Рис. 315. Золотой сосудъ изъ Куль-обскаго кургана.

Курганы скиѳо-сарматскіе распространены въ большомъ числѣ во всей южной Руси начиная отъ устьевъ Дуная, по Днѣстру, вдоль теченія Буга, до гор. Могилева, вдоль Днѣпра почти до Смілы, на Таврическомъ полуостровѣ, вокругъ всего Азовскаго моря и въ бассейнѣ р. Кубани до самаго Каспійскаго моря [328]). Они встрѣчаются часто рядомъ съ греческими гробницами, а иногда, какъ мы уже сказали, ихъ трудно различить отъ послѣднихъ. По устройству своему они не отличаются отъ другихъ кургановъ. Въ оружіи преобладаетъ желѣзо, а въ украшеніяхъ бронза и золото. Кромѣ того въ нихъ попадается много бронзовыхъ зеркалъ, фигурокъ животныхъ, бусы изъ агата, яшмы, янтаря и стекла, сосуды, разныя краски въ кожаныхъ мѣшечкахъ, средиземноморскія раковины, куски сѣры и т. п.

Наиболѣе извѣстные примѣры этихъ памятниковъ представляютъ такъ наз. гробницы скиѳскихъ царей, бывшія, безъ сомнѣнія, могилами мѣстныхъ владѣтельныхъ князей. Все, что въ нихъ найдено, способно под-

твердать справедливость вышеприведеннаго разсказа Геродота о погребеніи болѣе знатныхъ скиѳовъ. Возлѣ скелета князя мы находимъ часто костякъ его жены, а въ просторныхъ боковыхъ камерахъ—кости воиновъ и коней, и всюду многочисленные предметы роскоши и вооруженія, нерѣдко весьма искусной работы. Такое количество золота, серебра и другихъ цѣнныхъ вещей едва-ли было находимо еще гдѣ-либо въ могилахъ другихъ странъ, несмотря на то, что большинство этихъ царскихъ кургановъ, еще задолго до научной раскопки ихъ, было уже, по крайней мѣрѣ отчасти, разграблено—и притомъ не только въ новѣйшія времена, но еще и въ древности. Иногда правосудіе застигало грабителя на самомъ мѣстѣ преступленія. Въ Чертомлыцкомъ курганѣ, въ одномъ изъ ходовъ, ведшихъ въ наполовину ограбленную среднюю камеру, былъ найденъ костякъ одного изъ такихъ грабителей, засыпаннаго землей.

Чертомлыцкій курганъ представляетъ собой лучшій примѣръ скиѳской царской гробницы. Онъ былъ раскопанъ въ 1862 г. И. Е. Забѣлинымъ, извѣстнымъ вообще своими многочисленными раскопками скиѳскихъ кургановъ. Внутреннее устройство этого кургана, способъ его сооруженія и пр. могутъ служить типомъ всѣхъ прочихъ. Курганъ этотъ находился въ 20 верстахъ къ сѣверозападу отъ Никополя на Днѣпрѣ и имѣлъ первоначально 19 метр. высоты и болѣе 340 метровъ въ окружности. Внизу онъ былъ обложенъ камнями, а на верхушкѣ его стояла «каменная баба»,—статуя, представлявшая женскую фигуру и пользовавшаяся почитаніемъ у окрестныхъ жителей. Раскопка была начата сверху и уже на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ было найдено множество разныхъ украшеній, обломковъ оружія, панцырей и конской сбруи, въ томъ числѣ около 250 удилъ. Въ 1863 г. на днѣ кургана была открыта и самая гробница. Она состояла изъ средней камеры, давно уже ограбленной и лишенной всѣхъ болѣе драгоцѣнныхъ предметовъ, и изъ нѣсколькихъ боковыхъ камеръ, расположенныхъ или по угламъ средней камеры или поодаль отъ нея и заключавшихъ въ себѣ скелеты слугъ и лошадей со множествомъ драгоцѣнныхъ находокъ. Въ средней камерѣ, опустошенной грабителями, проникшими туда посредствомъ нарочно для этого прорытаго хода, не было найдено ничего кромѣ небольшихъ золотыхъ украшеній, бронзовыхъ сосудовъ, бронзоваго и желѣзнаго оружія и т. п. За то въ обширныхъ неограбленныхъ камерахъ оказалось цѣлое богатство, состоявшее въ совокупности изъ около 2500 предметовъ. Въ первой камерѣ было два костяка женскій и мужской. Женскій лежалъ въ саркофагѣ и имѣлъ на себѣ золотое ожерелье, золотыя серьги, браслеты, перстни, бронзовое зеркало и множество мелкихъ золотыхъ украшеній. Скелетъ мужчины имѣлъ при себѣ только бронзовыя украшенія и колчанъ со стрѣлами. Возлѣ нихъ найдена была та знаменитая серебряная

ваза, о которой мы скажемъ далѣе, и кромѣ того еще другія серебряные и многочисленные глиняные сосуды. Въ другой камерѣ найдены были тоже два костяка съ богатыми золотыми украшеніями, при чемъ возлѣ скелета мужчины былъ еще желѣзный мечъ съ золотою рукояткой и золотыми ножнами на бронзовомъ поясѣ, а также и колчанъ со стрѣлами. Въ третьей камерѣ былъ одинъ костякъ съ многочисленными предметами, а въ четвертой—одни предметы безъ скелета. Поодаль отъ камеръ было найдено еще пять гробницъ съ костями лошадей, съ золотыми, серебряными и бронзовыми украшеніями и съ остатками воиновъ, возлѣ которыхъ также положены были колчаны съ бронзовыми стрѣлами; дальше оказалось еще нѣсколько болѣе бѣдныхъ могилъ, между которыми были и дѣтскія.

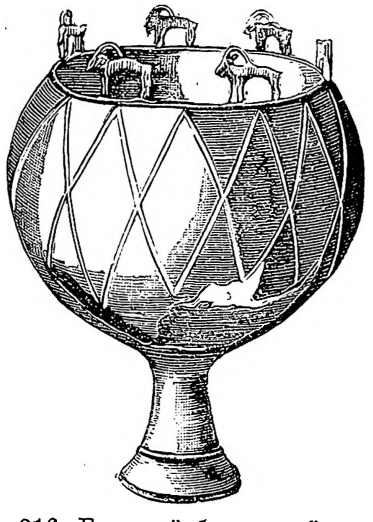


Рис. 316. Большой бронзовый котелъ изъ Чертомлыцкаго кургана.

Извѣстная чертомлыцкая «царская» ваза—серебряная, кое гдѣ съ позолотой; она украшена превосходной рѣзьбой греческаго стиля, сработанной впрочемъ на мѣстѣ—въ Скиѳіи. Очень интересенъ поясъ фигуръ въ верхней части вазы близъ ея горла, изображающій скиѳовъ въ широкихъ шароварахъ, съ подпоясанной одеждой, съ длинными непокрытыми волосами—укрощающихъ коней (рис. 317). Ваза эта находится теперь въ петербургскомъ Эрмитажѣ. Время сооруженія чертомлыцкаго кургана И. Е. Забѣлинъ и за нимъ Эварницкій относятъ къ эпохѣ IV вѣка до нашей эры; въ послѣднее же время гг. Кондаковъ и гр. Толстой, основываясь на стилѣ, къ болѣе поздней—между II—I ст. до нашей эры; они полагаютъ поэтому, что она могла принадлежать какому-нибудь изъ сарматскихъ князей, вслѣдствіе чего и обычное названіе «скиѳской царской могилы» дѣлается менѣе подходящимъ.

Другой замѣчательный памятникъ — это Куль-обскій курганъ, недалеко отъ Керчи, раскопанный еще въ 1831 году. Варварскій характеръ его, также какъ и предыдущаго, ясно проглядываетъ сквозь все наслоеніе греческой культуры. Крипта его была прямоугольная со сводомъ. Умершій, вѣроятно царь, въ остроконечной коронѣ, лежалъ въ саркофагѣ; возлѣ него была положена жена его съ золотой діадемой на головѣ и другими драгоцѣнными украшеніями. Здѣсь также было найдено множество прекрасныхъ вещей, главнымъ образомъ золотыхъ (рис. 319). Характеръ найденныхъ предметовъ тотъ же, что и въ чертомлыцкомъ курганѣ, поэтому ихъ можно

считать, вѣроятно, современными; относительно ихъ древности мнѣнія также раздѣляются.

Въ Екатеринославской губ. въ разстояніи 60 — 70 километровъ отъ Днѣпра возвышалась возлѣ села Александрополя большая «Лугова могила», имѣвшая 320 метровъ въ окружности (см. рис. 320). Она была раскопана въ 1851—55 годахъ А. Б. Терещенкомъ и А. Е. Люценкомъ. Кромѣ множества разныхъ предметовъ въ самой насыпи, на днѣ ея найдена была сложная центральная гробница, состоявшая изъ двухъ ямъ, изъ которыхъ велъ подземный корридоръ въ большую катакомбу. Хотя и здѣсь могилы были ограблены, но тѣмъ не менѣе найдено было множество вещей изъ золота, серебра, бронзы и желѣза по большей части прекраснаго греческаго стиля, остатки колесницы и конской сбруи, особенно цѣлая сбруя на костяхъ стоявшаго на колѣняхъ коня (см. рис. 321—324). Этотъ курганъ относится, вѣроятно, къ III стол. до нашей эры.

Рис. 317. Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго кургана.

Кромѣ упомянутыхъ кургановъ выдавались еще какъ своей величиной, такъ и цѣнностью добытыхъ предметовъ два кургана возлѣ хутора Геремесова, извѣстные подъ именами «Близниці» и «Товста могила» недалеко отъ станціи Краснокутской между Екатеринославомъ и Никополемъ. Оба они были изслѣдованы И. Е. Забѣлинымъ и оказались уже давно разграбленными. Возлѣ Геремесова хутора въ курганѣ были найдены скелеты въ скорченномъ положеніи съ предметами греческаго происхожденія, а также мѣстнаго варварскаго и восточнаго, и съ кусками разныхъ красокъ. Позже И. А. Зарѣцкій нашелъ въ 1888—89 годахъ прекрасныя вещи скиѳскаго типа въ курганахъ «Витова могила» и «Опішлянка» въ Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губ.

Это самые большіе и наиболѣе богатые скиѳо-сарматскіе курганы. Кромѣ нихъ было и есть еще множество меньшихъ и менѣе богатыхъ. Всѣ они характеризуются кромѣ варварскаго стиля издѣлій, главнымъ образомъ, пред-

метами, указывающими на обычай погребать вмѣстѣ съ господиномъ его жену и слугъ, или же на кочевой образъ жизни, о которомъ можно судить по присутствію лошадей съ ихъ сбруей, по множеству стрѣлъ (чаще всего трегранныхъ бронзовыхъ), скиѳскихъ мечей и т. п. Разумѣется, и здѣсь вещи, занесенныя съ юга, очень многочисленны.

Сюда относятся, напр., курганы возлѣ р. Томаковки, затѣмъ «Каменна могила», возлѣ ст. Краснокутской, т. наз. «Цимбалова могила», возлѣ села Велика Білозерка, и курганы возлѣ «Великої Знаменки» въ Мелито-

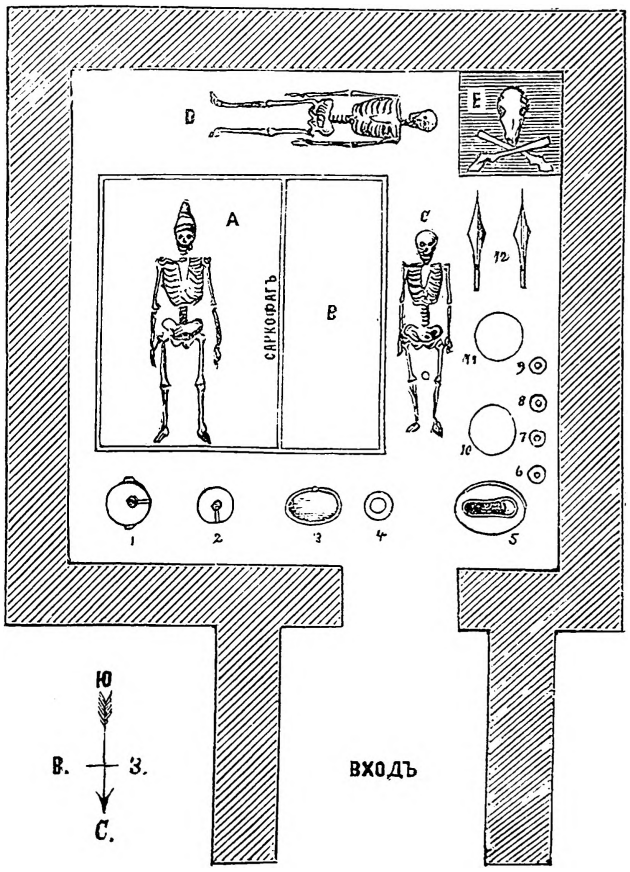


Рис. 318.—Планъ гробницы Куль-обскаго кургана.

польскомъ у. Таврич. губ., семь извѣстныхъ кургановъ «Семибратні могили» въ долинѣ р. Кубани въ Темрюкскомъ у., раскопанныхъ въ 1876 г. барономъ В. Г. Тизенгаузеномъ, курганы возлѣ ст. Сѣнной на Таманскомъ полуостровѣ (напр., Артюховскій кург.) и часть кургановъ возлѣ с. Новогригорьевки на берегу р. Конки, изслѣдованныхъ въ 1884 г. Д. А. Самоквасовымъ, съ довольно бѣдными находками и скелетами въ скорченномъ положеніи. Изъ болѣе отдаленныхъ, такъ назыв. скиѳскихъ курга-

новъ наиболѣе замѣчательны два кургана возлѣ села Рыжановки въ Звенигородскомъ у. Кіевской губ., раскопанные въ 1887 г. Г. Оссовскимъ [329]). Въ большемъ изъ нихъ подъ уровнемъ земли оказалась камера (рис. 327), въ которой лежалъ на спинѣ костякъ съ скорченными ногами, а возлѣ него на доскѣ стояла амфора греческой работы, бронзовое ведерко съ серебряной оковкой, зеркало, серебряная миска и другіе цѣнные предметы (рис. 325 и 326). У скелета, принадлежавшаго молодой женщинѣ, на головѣ была золотая діадема, возлѣ черепа золотыя серьги, на шеѣ ожерелье, далѣе поясъ съ золотыми украшеніями, восемь золотыхъ перстней, браслетъ и т. п. На двухъ перстняхъ были пантикапейскія монеты времени между 650 и 480 годами. Въ томъ же уѣздѣ относятся сюда и рызинскіе курганы, раскопанные отчасти тоже Оссовскимъ, и затѣмъ курганы возлѣ селъ Соколовки, Кирилловки и Котельни той же губерніи. Гг. Кондаковъ и гр. Толстой относятъ къ группѣ «скиѳосарматскихъ кургановъ» также часть кургановъ Роменскаго у., полтавскіе курганы по р. Сулѣ возлѣ дер. Аксютинецъ, Валковецъ и наконецъ часть находокъ графа Бобринскаго возлѣ Смілы. Чѣмъ далѣе однако мы подвигаемся на сѣверъ, тѣмъ болѣе такое опредѣленіе этихъ кургановъ становится сомнительнымъ. Способъ сооруженія ихъ кой въ чемъ соотвѣтствуетъ южнымъ гробницамъ, находимые въ нихъ предметы обнаруживаютъ часто тотъ-же характеръ, греческія вліянія въ видѣ, напр., амфоръ, кратеръ, украшеній, проникаютъ даже и сюда, но вліянія эти могли проникнуть и дѣйствительно проникали туда и черезъ границы скиѳскихъ поселеній. Курганы эти могутъ быть скиѳскими, но утверждать, что они должны быть таковыми—нельзя.

Рис. 319. Золотыя ножны изъ Куль-обскаго кургана.

Костяки въ этихъ курганахъ лежатъ обыкновенно на спинѣ, очень рѣдко въ скорченномъ положеніи и также рѣдко бываютъ покрыты красной краской, съ чѣмъ мы чаще встрѣчаемся въ гробницахъ болѣе древняго времени, главнымъ образомъ, неолитическихъ. Устройство самихъ кургановъ

впрочемъ очень разнообразно. Обыкновенно подъ ними находится яма, выкопанная въ землѣ, иногда покрытая деревяннымъ потолкомъ, или же цѣлый деревянный срубъ, рѣдко—каменная камера. Позднѣйшіе «сарматскіе» курганы, по мнѣнію проф. Самоквасова, заключаютъ въ себѣ, кромѣ погребенныхъ тѣлъ, также и остатки трупосожженія или въ погребальныхъ урнахъ или же прямо на кострищѣ. Можетъ быть, лучше бы было не включать пока кургановъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей, напр. возлѣ Новогригорьевки, Смілы, Аксютинецъ, такъ же какъ и кургановъ возлѣ селенія Смоляровъ въ Борисовскомъ уѣздѣ и возлѣ Кошаръ недалеко отъ Чернигова—въ группу скиѳскихъ и причислить ихъ къ безыменной среднерусской группѣ. Кому они тамъ могли принадлежать? Если держаться Геродота, то, можетъ быть, агаѳирсамъ, неврамъ, или же меланхленамъ, андрофагамъ, гелонамъ, будинамъ... Какіе народы въ дѣйствительности скрыты отъ насъ подъ этими именами,

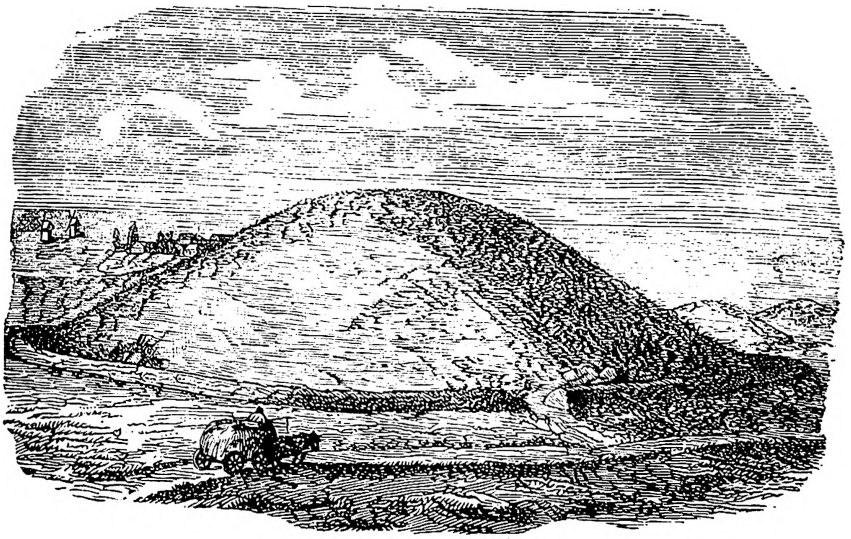


Рис. 320. «Лугова могила» возлѣ Александрополя.

мы не знаемъ. Вѣрно только то, что часть этихъ кургановъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ сѣвернѣе бывшей Скиѳіи, принадлежала уже въ эпоху до переселенія народовъ и до начала нашей эры — славянамъ, часть же ихъ была насыпана племенами, обобщаемыми до сихъ поръ, главнымъ образомъ на основаніи авторитета Начальной лѣтописи, подъ названіемъ финскихъ. Весьма правдоподобно, что невры Геродота были славянами, и что вообще уже въ это время всѣ страны на востокъ отъ Вислы и Карпатъ были заняты славянскимъ населеніемъ, которое, судя по всему, заселяло часть Галичины, Волынь, По-

долію и, кромѣ мѣстностей по Припети и верхнему теченію Днѣпра, также, вѣроятно, и часть западной Украины. Предполагать разселеніе въ это время славянъ далѣе на востокъ до сихъ поръ нѣтъ еще основаній. Поэтому мы могли бы считать курганы этихъ мѣстностей, относящіеся къ указанной эпохѣ,

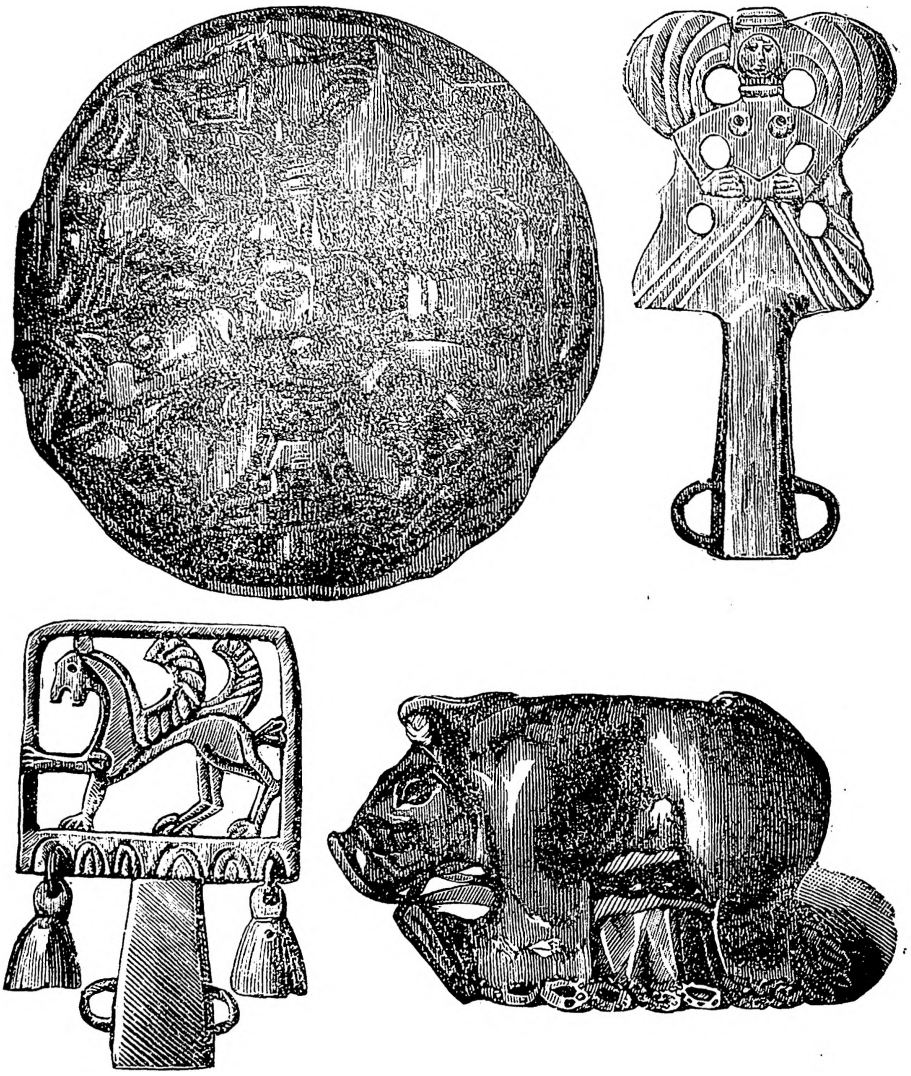


Рис. 321—324. Золотая пластинка, статуэтка кабана, и два сильно уменьшенныхъ бронзовыхъ украшенія изъ «Луговой могилы» возлѣ Александрополя.

вѣроятно славянскими. До сихъ поръ, впрочемъ, очень трудно различать среди позднѣйшихъ кургановъ средней Россіи курганы достовѣрно славянскіе и не славянскіе, финскіе, какъ напр. въ губерніяхъ Смоленской, Курской, Московской. Тѣмъ менѣе это легко, когда дѣло идетъ о курганахъ болѣе древней эпохи. Даже и тамъ, гдѣ съ полнымъ основаніемъ

можно было-бы искать признаковъ разницы въ типѣ сохранившихся че-

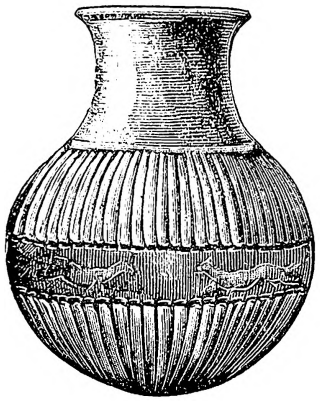


Рис. 325. Серебряная ваза изъ Рыжановскаго кургана.

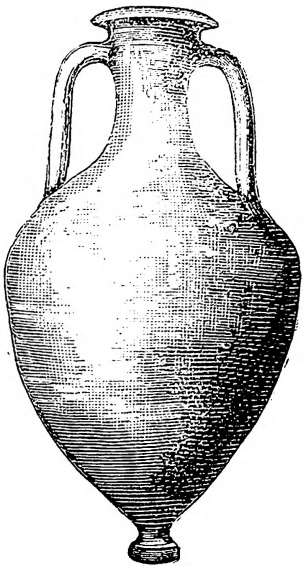


Рис. 326. Глиняная греческая ваза изъ Рыжановскаго кургана.

реповъ и скелетовъ, мы замѣчаемъ очень соблазняющее насъ однообразіе,

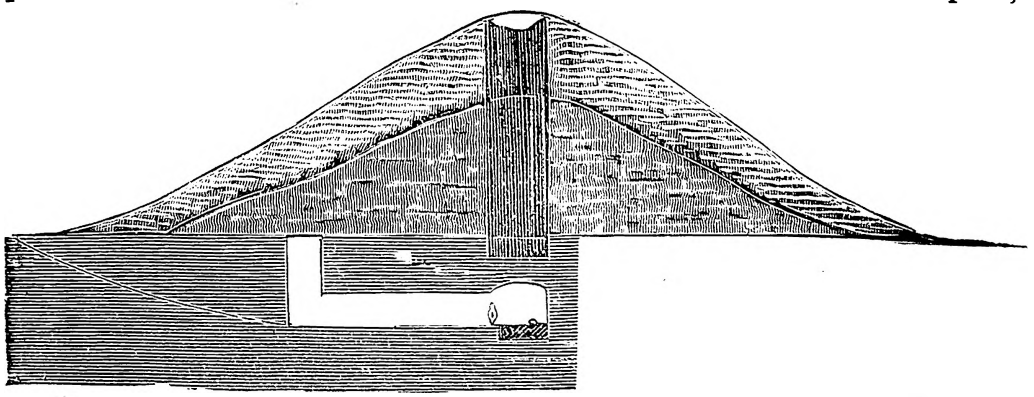


Рис. 327. Разрѣзъ большаго Рыжановскаго кургана (по Оссовскому).

которое сильно угрожаетъ прежнимъ объясненіямъ и теоріямъ. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ рѣчь въ нашей послѣдней главѣ.

Рис. 328. Изображеніе скиѳа на золотомъ перстнѣ греческой работы, найденномъ въ гробницѣ на Митридатовой горѣ.

ГЛАВА VIII.

Расцвѣтъ желѣзнаго вѣка.

Новыя вліянія съ запада.—Галлы и кельты.—La Tène и область галльской культуры въ средней Европѣ.—Бойи въ Чехіи.—Кельтскія монеты.—Часть римской исторіи въ эпоху императоровъ.—Римскія провинціи въ Галліи, Британіи, Испаніи, Ретіи, Норикумѣ, Панноніи, Мизіи, Дакіи; римскія колоніи въ нихъ и ихъ культура. — Маркоманы въ Чехіи. — Вліяніе культуры римскихъ провинцій на сѣверъ Европы.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло по преимуществу съ вліяніемъ Востока на развитіе культуры въ средней, западной и сѣверной Европѣ; до сихъ поръ мы изслѣдовали тѣ вліянія на древнюю культуру, которыя распространялись, главнымъ образомъ, въ направленіи съ востока на западъ и на сѣверъ.

Теперь, въ началѣ эпохи расцвѣта желѣзной культуры, мы встрѣчаемся съ противоположнымъ теченіемъ. Конецъ ранней эпохи желѣзнаго вѣка, въ продолженіи котораго, какъ мы видѣли, желѣзо не достигло еще полнаго господства и на ряду съ желѣзными употреблялись еще и древнія бронзовыя орудія и оружіе,—обозначается въ Европѣ, главнымъ образомъ, двумя вліяніями: однимъ, источникъ котораго возникъ на западѣ Европы, въ Галліи, и другимъ—нѣсколько болѣе раннимъ—итальянскаго происхожденія. Въ этихъ двухъ странахъ культура ранней эпохи желѣзнаго вѣка развилась несравненно быстрѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ и притомъ развилась совершенно своеобразно. Желѣзо появляется вездѣ, изъ него приготовляютъ не только оружіе и орудія, но даже и часть украшеній (какъ напр. фибулъ). Желѣзо является признакомъ двухъ новыхъ культуръ, которыя очень быстрымъ движеніемъ, перекрещиваясь одна съ другой, заняли въ теченіе очень короткаго времени почти всю Европу, кромѣ сѣверныхъ и восточныхъ ея частей. На западѣ Европы галлы, а на югѣ Римъ, были творцами и распространителями двухъ новыхъ вѣтвей развитой уже желѣзной культуры.

Галлы давно уже подчинились этому культурному завоеванію—прибли-

зительно въ концѣ V стол. до нашей эры. Точно опредѣлить это время впрочемъ нельзя. Скоро затѣмъ Галлія подпала подъ власть Рима. Уже въ концѣ республики и еще больше въ началѣ имперіи римское государство, занимавшее до тѣхъ поръ только страны вокругъ Средиземнаго моря, обратилось къ покоренію странъ сѣверныхъ. Въ одно столѣтіе римляне подчинили себѣ половину Европы, покрыли ее своими колоніями и распространили вездѣ, куда только проникли, новый духъ, новую духовную и матеріальную культуру.

Въ Галлію зачатки желѣзной культуры проникли двумя путями: съ одной стороны посредствомъ морскихъ торговыхъ сношеній черезъ южное побережье, и съ другой—черезъ Швейцарію и южную Германію, по Дунаю и черезъ Рейнъ. Они не возникли тамъ самостоятельно, совершенно такъ же, какъ и въ прочихъ странахъ. Но точно такъ же, какъ и въ иллирійскихъ странахъ, желѣзная культура въ Галліи развилась вполнѣ своеобразно. Изъ разныхъ элементовъ, восточныхъ, греко-италійскихъ, галльштаттскихъ и т. п., здѣсь развилась культура совсѣмъ особаго характера, которая и проникла потомъ очень скоро въ прочія страны Европы. Проводниками этой новой культуры было галльское племя, по имени котораго древніе историки назвали всю страну Галліей, а мы ихъ новую культуру называемъ галльскою.

Она не появилась въ Европѣ внезапно, но развивалась и распространялась въ теченіе всей первой эпохи желѣзнаго вѣка. Только съ начала IV стол. до нашей эры она начала растекаться быстро въ остальной Европѣ и скоро большей ея части сообщила отпечатокъ совершенно новаго характера.

Распространеніе это происходило отчасти путемъ мирнаго переселенія культурныхъ началъ, отчасти же и насильственнымъ путемъ; особенно начало его было связано съ побѣдоноснымъ движеніемъ галльскихъ племенъ изъ Галліи на востокъ и юговостокъ. И вездѣ, куда только проникали эти племена, мы встрѣчаемся, въ сохранившихся памятникахъ, съ появленіемъ новаго стиля, образцы котораго попадаются въ Галліи. Это согласіе историческихъ извѣстій съ археологическими находками даетъ намъ возможность опредѣлить время эпохи, въ теченіе которой галльская культура, съ одной стороны сразу, а съ другой постепенно, распространилась въ средней Европѣ: отъ IV стол. до нашей эры до начала ея. Въ продолженіи этой эпохи стала обнаруживаться во всей Европѣ и римская культура, во многихъ отношеніяхъ близкая къ галльской.

Колыбелью галльской культуры была, слѣдовательно, нынѣшняя Франція. Выработавшія ее и распространившія ее по всей Европѣ племена соединяются обыкновенно или подъ общимъ названіемъ галловъ (Galli, Γάλλοι) или подъ именемъ кельтовъ (Κελτοι, Celtae, у греческихъ писателей также Γαλάται). Римскіе и греческіе авторы употребляютъ оба имени попеременно.

Ниже мы увидимъ, что имя галловъ, сравнительно съ именемъ кельтовъ, было позднѣйшимъ.

О томъ, въ какомъ именно соотношеніи были между собою галлы и кельты, составляли ли они одинъ и тотъ же народъ или два различныхъ, въ наукѣ за послѣднее время возникъ споръ, не разрѣшенный окончательно и до сихъ поръ.

Мы не можемъ здѣсь особенно распространяться объ этомъ довольно запутанномъ вопросѣ и только въ нѣсколькихъ словахъ выразимъ о немъ свое мнѣніе. Несомнѣнно, что галлы не представляли собою единственнаго племени, которое населяло Галлію. Уже въ неолитическую эпоху, какъ мы видѣли, въ этой странѣ жило, по крайней мѣрѣ, два племени, на что указываетъ также и антропологія позднѣйшихъ эпохъ. Оставляя даже въ сторонѣ племена лигуровъ и иберовъ южной Галліи, можно утверждать съ достовѣрностью, что въ этой странѣ жило прежде воинственное племя людей высокаго роста, съ свѣтлыми волосами, съ свѣтлой кожей и глазами, какъ описываютъ его древніе авторы, съ которымъ римляне вступали въ сраженія, называя ихъ различно, то галлами, то галатами, то кельтами,—и другое, болѣе древнее, короткоголовое племя, съ темными волосами и смуглою кожею, которое было, вѣроятно, въ порабощеніи у перваго, а отчасти было даже вытѣснено и загнано въ центръ страны, главнымъ образомъ въ нынѣшнюю Овернь, Савойю и вообще къ западнымъ Альпамъ. Объ этомъ очень опредѣленно свидѣтельствуетъ антропологическій анализъ древняго и новѣйшаго населенія. Очень возможно и даже правдоподобно, что имя галловъ, галатъ—присваивалось первоначально только одному племени, а имя кельтовъ—другому, болѣе древнему, и что смѣшивать ихъ начали только незнавшіе первоначальныхъ отношеній римскіе и греческіе историки, которые познакомились съ ними въ эпоху, когда они были уже въ значительной степени смѣшаны между собою *). Весьма вѣроятно, что галлы были вѣтвью арійскаго племени, очень близкаго къ германцамъ и, какъ увидимъ далѣе, также и къ славянамъ, которая уже очень давно, до половины I тысячелѣтія до нашей эры, поселилась на сѣверѣ Галліи и скоро завладѣла всей страной иберовъ и кельтовъ. Иберы были оттѣснены въ Аквитанію, къ Пиренеямъ, кельты сосредоточились въ средней Галліи, на сѣверѣ же ея находилось

*) Мнѣніе это раздѣляется въ настоящее время большею частью французскихъ антропологовъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣ большихъ преній въ Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ въ 1864 и 1873 годахъ, Брока, Ланьо, Далли, Топинаръ и пр. начали различать кельтовъ и галловъ (Брока вмѣсто послѣдняго названія употреблялъ имя кимвровъ [Kymris]). Подобнымъ же образомъ разсуждали уже Гольцманнъ, Омаліусъ д'Аллуа (Omalius d'Halloy) и въ послѣднее время К. фонъ-Беккеръ, Шафгаузенъ, Бринтонъ и др. [330]).

наиболѣе густое населеніе собственно—галловъ. Тамъ жила та часть галльскихъ племенъ—между рѣками Марной, Сеной, Рейномъ и моремъ—которую Цезарь обозначилъ общимъ именемъ бельговъ. Цезарь говоритъ очень опредѣленно, что по своему языку, нравамъ и обычаямъ, бельги отличались отъ кельтовъ внутри страны и отъ жителей Аквитаніи. Что галлы, съ которыми сталкивались римляне, были очень близки къ германцамъ—это несомнѣнно. У нихъ были одни и тѣ же физическіе признаки: высокій ростъ, свѣтлый цвѣтъ кожи, свѣтлые глаза, бѣлокурые волосы. Страбонъ прямо называетъ ихъ единоплеменниками (συγγενεῖς). Кельты, напротивъ, были вѣроятно тѣмъ до-гальскимъ населеніемъ Галліи, которое потомъ смѣшалось съ галлами и вполнѣ ассимилировалось съ ними въ языкѣ и въ культурѣ.

Антропологически мы можемъ хорошо опредѣлить разницу между этими двумя народами, но въ отношеніи археологическомъ, культурномъ, это очень трудно. Мы не можемъ указать, до какихъ поръ имѣли вліяніе на развитіе культуры кельты и съ какихъ поръ галлы. Культура галльская и культура кельтическая представляются намъ покуда однимъ и тѣмъ же. Поэтому, такъ какъ съ археологической точки зрѣнія это смѣшеніе названій не имѣетъ особо важнаго значенія, то вѣроятно лучше всего было бы соединить ихъ въ одно и говорить о культурѣ кельто-галльской. Нравы кельтовъ, въ эпоху вторженія римлянъ, были, по описаніямъ, дикими, неукротимыми. Галлы говорили мало, многое выражали жестами, были гостепріимны къ чужеземцамъ, но страстны, хвастливы и охотно дрались между собою изъ за самыхъ ничтожныхъ причинъ. Въ бояхъ съ непріятелемъ они имѣли обычай вызывать на единоборство. Они носили длинные волосы, бороду иногда брили, иногда нѣтъ, болѣе знатные между ними носили длинные усы. Одѣвались они въ широкіе шаровары и въ тунику, подпоясанную поясомъ, а также въ плащи изъ особой ткани. На ногахъ они носили небольшіе сапоги (см. рис. 329). На войну они надѣвали латы, а голову покрывали шлемомъ, украшеннымъ рельефными фигурами или рогами. Объ остальномъ вооруженіи, часто богато украшенномъ, о длинныхъ мечахъ, копьяхъ, желѣзныхъ, бронзовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ поясахъ, въ эпоху Августа, мы имѣемъ извѣстія у Діодора. Болѣе богатые сражались на колесницахъ, управлявшихся особымъ возницей. Остатки колесницъ были находимы часто въ галльскихъ гробницахъ. Вся жизнь галловъ была посвящена поклоненію богамъ, пиршествамъ, охотѣ и войнѣ; работу они предоставляли рабамъ. На войнѣ они не щадили жизни, для доказательства своей храбрости скальпировали враговъ и вѣшали ихъ головы въ своихъ жилищахъ, или же дѣлали изъ нихъ сосуды. Головы особенно выдававшихся непріятелей они сохраняли въ кедровомъ маслѣ. Женщины у галловъ пользовались большой свободой. Онѣ сами выбирали себѣ мужей, но мужъ имѣлъ право жизни и смерти надъ женой

и дѣтьми, пока эти послѣдніе не дѣлались способными носить оружіе. Человѣческія жертвы были у галловъ такъ-же въ ходу, какъ и у германцевъ. Въ общественной организаціи мы встрѣчаемся у нихъ, какъ и у другихъ народовъ, съ двумя главными сословіями: съ свободнымъ высшимъ классомъ

Рис. 329. Статуя плѣннаго Галла (Clarac, Musée de sculpture pl. 847).

и съ подчиненной ему массой остальнаго населенія. Изъ людей высшаго класса особенно заслуживаетъ упоминанія духовное сословіе друидовъ. Въ основаніи этого сословія лежала не наслѣдственность, а образованіе. Члены его выбирались изъ наиболѣе талантливыхъ людей во всей странѣ, при чемъ

свѣдѣнія, которыми обладало это сословіе, оставались совершенно недоступными прочимъ. Друиды были жрецами, гадателями, колдунами и судьями вмѣстѣ. Глава ихъ пользовался среди народа неограниченною властью. Послѣ его смерти, его замѣняло другое лицо, по избранію, а иногда и путемъ насилія. Но предводительство на войнѣ было однако выдѣлено изъ сферы его дѣятельности. Интересно, что у италійскихъ галловъ, у дунайскихъ и у малоазійскихъ не было этого организованнаго и могущественнаго духовнаго сословія или касты; она существовала только въ Галліи, Британіи и Ирландіи. Цезарь полагалъ, что колыбелью друидизма была Британія.

Вотъ въ общихъ чертахъ, какъ жилъ и чѣмъ отличался народъ, начавшій, какъ учитъ исторія, въ концѣ I тысячелѣтія до нашей эры свое вооруженное нашествіе на югъ, западъ и востокъ. Ливій разсказываетъ легенду о томъ, какъ двое сыновей царя племени битуриговъ Амбигата, Белловесъ и Сиговесъ, въ царствованіе Тарквинія Приска, съ большимъ количествомъ народа вышли изъ Галліи, первый—въ сѣверную Италію и второй въ Герцинскіе лѣса. Въ основаніи этой легенды есть доля дѣйствительности *). Позднѣйшіе писатели подтверждаютъ этотъ древній походъ галловъ къ югу отъ Альпъ въ равнину р. По, къ сѣверу отъ Альпъ по теченію Дуная въ землю иллировъ, въ Паннонію и еще сѣвернѣе—въ страну, которая позже, отъ племени бойевъ, получила названіе Богеміи (Boiohaemum). Съ другой стороны они проникли вскорѣ и черезъ море въ Британію.

Но этими походами дѣло не ограничилось. Галлы проникли затѣмъ въ глубь Испаніи, въ Италію, на Балканы, въ 279 г. въ Македонію и Грецію, въ 276 г. основали въ Малой Азіи царство Галатское; кромѣ того, мы встрѣчаемся съ кельтскими воинами въ войскахъ царей и полководцевъ азіатскихъ, африканскихъ и испанскихъ. Наиболѣе опредѣленныя извѣстія сохранились о походѣ въ Италію. Въ сѣверной Италіи галлы заселили всю равнину р. По, которая получила у римлянъ названіе Галліи предальпійской (Gallia cisalpina), въ отличіе отъ настоящей Галліи, заальпійской (Gallia transalpina). Оттуда галлы распространились по побережью Адріатическаго моря до рѣки Аэзе, побѣдили отдѣльныя этрусскія племена, разорили ихъ города, между прочимъ Мельпумъ и Фельзину (ср. стр. 358 и 365) и въ концѣ концовъ перешли

*) О томъ, когда произошло первое передвиженіе галловъ на юговостокъ, о которомъ упоминаетъ легенда Ливія, историки впрочемъ несогласны между собой. Большая часть, вмѣстѣ съ Нибуромъ, первымъ подвергшимъ извѣстіе Ливія строгой исторической критикѣ, полагаетъ, что этотъ походъ галловъ на востокъ случился не при Тарквиніи Прискѣ, а въ началѣ IV стол. до нашей эры. Другіе и главн. обр. Момсенъ, а въ Чехіи Воцель стараются доказать, напротивъ, что этотъ походъ произошелъ гораздо раньше, и что галльскіе бойи пришли въ Чехію еще около 600 года до нашей эры.

и чрезъ Аппенины. Когда-же въ 388 г. сильное галльское войско осадило этрусскій городъ Клузіумъ, то противъ него выступили въ битвѣ и римскіе послы. Вслѣдствіе этого, галлы пошли на Римъ, разбили на р. Аліи, въ разстояніи двухъ миль отъ города, римское войско и опустошили и сожгли самый городъ. Удержался только одинъ Капитолій. Лишь послѣ семимѣсячной осады и полученія выкупа галлы оставили Римъ и вернулись обратно. Но римляне скоро отплатили имъ за это пораженіе. Постоянно возобновлявшіяся войны кончались большею частью побѣдами римлянъ, и когда въ 225 г. консулъ Эмилій Папъ и К. Атилій Регулъ разбили въ большомъ сраженіи надъ Телемономъ около 40.000 войска, состоявшаго изъ галльскихъ бойевъ, инсубровъ и гезатовъ, то въ Римѣ было рѣшено покорить цизальпинскую Галлію окончательно. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ это и было достигнуто.

Всѣ эти историческія свѣдѣнія подтверждаются и дополняются археологіей. Вездѣ, куда по историческимъ даннымъ проникали галлы, мы видимъ появленіе культуры новаго характера, колыбелью которой, какъ мы уже сказали, была Галлія.

Въ Галліи эта культура обнаружена особенно въ трехъ типическихъ мѣстонахожденіяхъ: въ находкахъ на мѣстѣ двухъ древнихъ галльскихъ городовъ Алезіи и Бибракта и на мѣстѣ бывшаго лагеря возлѣ Морэна, на берегу Невшательскаго озера въ Швейцаріи, въ странѣ древняго галльскаго племени гельветовъ, болѣе извѣстномъ подъ названіемъ «la tène» т. е. «мель», даннымъ ему мѣстными рыбаками. Перечисленіе находокъ въ этихъ мѣстностяхъ дастъ намъ самую лучшую картину галльской культуры.

Наиболѣе бросающуюся въ глаза особенность ея составляетъ военный характеръ. Вездѣ въ ней мы встрѣчаемъ только желѣзо и сталь, какъ въ оружіи, такъ и въ орудіяхъ; предметы украшенія (частью тоже изъ желѣза, частью изъ бронзы) остаются на второмъ планѣ, но и они отличаются уже новымъ стилемъ.

Галльскій городъ Алезія, нынѣшній Alise-S-te-Reine (въ деп. Côte d'or), расположенъ былъ на высокомъ холмѣ, въ странѣ галльскаго племени мандубіевъ, въ очень выгодной стратегически мѣстности. Цезарь, чтобы взять ее въ 52 г., принужденъ былъ окружить ее кольцомъ изъ нѣсколькихъ рядовъ траншей, сооруженныхъ на основаніи всей его военной опытности. Тѣмъ не менѣе, предводитель галловъ, Верцингеториксъ, держался долго, прежде чѣмъ принужденъ былъ сдаться римскому вождю. Паденіе Алезіи рѣшило судьбу Галліи: скоро потомъ она сдѣлалась римской провинціей. Наполеонъ III повелѣлъ точно опредѣлить и изслѣдовать это историческое мѣсто *). Разу-

*) Часть историковъ и археологовъ помѣщали прежде древнюю Алезію въ

мѣется, при этомъ было найдено множество памятниковъ эпохи Цезаря: желѣзнаго оружія, монетъ, фибулъ, гиппосандалій, очень много цѣлыхъ сосудовъ и множество черепковъ римской посуды, сдѣланной на гончарномъ кругѣ.

Подобное же множество археологическихъ находокъ доставили и разва-

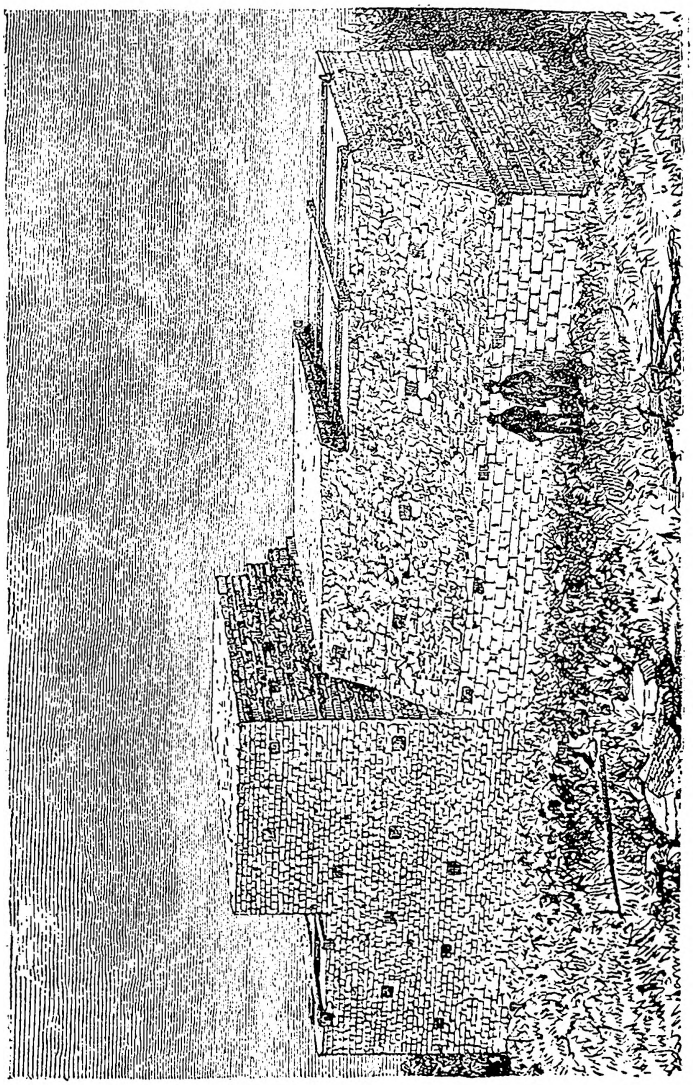


Рис. 330. Конструкція стѣнъ галльскаго города (по реставраціи въ С. Жерменскомъ музеѣ).

лины другого галльскаго города, Бибракта, въ странѣ эдуевъ, расположеннаго на горѣ, называемой теперь Mont Beuvray, возлѣ Autun'а, древняго Augusto-

общинѣ Alaise (cant. d'Amancey, Doubs) какъ напр., Quicherat, Martin, Castan, Delacroix. Вышеуказанное мнѣніе, теперь считаемое уже всѣми вполнѣ вѣрнымъ, защищали Ch. Lenormant, Saulcy, Наполеонъ III, герц. Генрихъ Орлеанскій, Barthelemy и пр. Вообще по этому поводу были большіе споры и было издано немало изслѣдованій [331]).

dunum'a [332]). Алезія и Бибрактъ отличались обыкновеннымъ характеромъ галльскихъ городовъ, такихъ напр. какъ Avaricum (нынѣш. Bourges), Gergovia (Gergoie), Uxellodunum и т. п. Они были обнесены надежными валами и рвами. Валы устраивались изъ бревенъ, промежутки между которыми заполнялись глиной, а внѣшняя сторона обкладывалась камнемъ. Бревна укладывались вдоль стѣнъ и поперекъ ихъ, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи (рис. 330). Этимъ значительно усиливалась крѣпость городовъ, и храбрымъ легіонамъ Цезаря съ трудомъ удалось одолѣть ихъ. По склонамъ Бёврейской горы было найдено много слѣдовъ хижинъ, въ которыхъ, вѣроятно, жили разные мастера металлическаго дѣла, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные остатки орудій и шлаковъ; вѣроятно тамъ была и какая нибудь фабрика оружія. Внутри города найдены были развалины болѣе значительныхъ построекъ, изъ которыхъ одну Bulliot принимаетъ за большой товарный складъ, такъ какъ Бибрактъ охотно посѣщался купцами и, по извѣстіямъ Цезаря, былъ самымъ крупнымъ изъ городовъ Галліи.

Очень интересными оказались остатки мастерской эмальера и вообще многочисленныя находки отбросовъ галльской эмали *). Техника эмали раз-

*) Эмалью (email, smalt) называется слой цвѣтнаго стекла, наложенный сверхъ какого нибудь предмета, главнымъ образомъ служащаго для украшенія. Техника эмали была знакома уже ассиріянамъ и вавилонянамъ, которые покрывали ею свои кирпичи. Египтяне, кромѣ того, накладывали эмаль часто и на металлы. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя, недостаточно еще опредѣленныя изображенія эпохи Рамзеса III, мы находимъ наиболѣе древнее эмальированное египетское украшеніе въ погребальномъ кладѣ царевны Ааготепы (XVII дин.) Это золотой браслетъ съ изображеніемъ на фонѣ изъ голубой эмали. Но на другихъ предметахъ того-же клада мы встрѣчаемъ уже другую технику, именно выкладываніе цвѣтными пластинками. Къ золоту припаивали золотыя перегородочки и въ углубленія между ними помѣщали или драгоцѣнные камни или стекло. Голубая эмаль была извѣстна, слѣдовательно, въ Египтѣ очень рано, а равно зеленая и бѣлая, но трудно приготовляемой красной эмали тамъ долго не знали; вмѣсто нея приклеивали замазкой кусочки стекла кровянаго цвѣта (Blutglas, у Плинія haematinum). Но уже въ Кобани были найдены запонки, эмальированныя стекломъ кирпично-краснаго цвѣта, называемымъ Тишлеромъ въ отличіе отъ предыдущаго — „Ziegelglas". Составъ его другой.

Значительная роль досталась на долю эмали въ ла-тѐнскую эпоху, въ теченіе послѣднихъ столѣтій до нашей эры, главнымъ образомъ въ Галліи, хотя и туда она пришла, какъ кажется, съ востока. Кромѣ настоящаго коралла, который въ эту эпоху встрѣчается очень часто въ отдѣлкѣ украшеній (на фибулахъ, браслетахъ, ножнахъ и т. п.), тогда начали уже употреблять подражаніе кораллу изъ кровянаго стекла. Большія пластинки его укрѣплялись въ готовомъ видѣ гвоздиками, маленькія — припаивались. Эмаль эта служила въ данную эпоху для выполненія узкихъ линейныхъ желобковъ (Furchenschmelz). Большія пространства покрывать имъ было трудно. Тѣмъ не менѣе, скоро было достигнуто и это, какъ

вилась у галльскихъ племенъ въ послѣднія 4 столѣтія до нашей эры и достигла большого совершенства.

О тенскомъ или «ла-тенскомъ» *) мѣстонахожденіи долго не знали, что оно собой представляетъ. Сначала принимали его за свайное поселеніе, одно изъ тѣхъ, которыя удержались еще до эпохи римскихъ императоровъ, нѣкоторые видѣли въ немъ остатки укрѣпленнаго убѣжища, другіе товарный складъ. Новѣйшими работами, главнымъ образомъ В. Гросса, было доказано, что въ этомъ мѣстѣ, на островкѣ, поросшемъ деревьями и находящемся недалеко отъ берега, построено было когда-то гельветами деревянное укрѣпленіе для помѣщенія гарнизона [334]). Островокъ былъ невеликъ и окруженъ плотиной. Въ почвѣ его, состоящей изъ дресвы и песку, найдены были основанія нѣсколькихъ построекъ, укрѣпленныхъ деревянными кольями или сваями и множество разныхъ желѣзныхъ орудій, оружія и пр., перемѣшан-

---

показываютъ нѣкоторые образчики болѣе развитой техники. Производство эмали сдѣлалось домашнимъ въ Галліи и Британіи, независимо отъ тогдашняго итальянскаго производства, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ упомянутая выше эмалевая мастерская въ Бибрактѣ [333]). Это подтверждаетъ и Филостратъ.

Римская техника, а съ нею и новый стиль начинаютъ господствовать только въ эпоху цезарей. Въ это время покрывали разноцвѣтнымъ слоемъ эмали цѣлыя поверхности, напр. металлическихъ сосудовъ (Flächenschmelz), хотя и тутъ попадается эмаль въ желобкахъ, главнымъ образомъ въ особенномъ видѣ эмалеваго рисунка (на дугообразныхъ фибулахъ и кинжалахъ). Но обыкновенно металлъ въ этомъ случаѣ образуетъ дорожки, контуръ между площадями отдѣльныхъ цвѣтовъ. Эта техника достигается двумя путями. Эмаль помѣщали или въ углубленія, сдѣланныя при отливкѣ или выдолбленныя (email champ levé, Grubenschmelz), или же въ углубленія, образованныя припайкой къ плоскости невысокихъ тонкихъ перегородочекъ (email cloisonnè, Zellenschmelz), какъ мы уже видѣли въ Египтѣ. Эмали эпохи цезарей—перваго рода. Цвѣтовъ эмали было нѣсколько: красная, оранжевая, зеленая, голубая, желтая и бурая; красная эмаль представляетъ собою вездѣ стекло кирпичнаго цвѣта. Эти произведенія римской техники, въ отличіе отъ прежнихъ мѣстныхъ, и вѣроятно не всѣ, выдѣлывались въ Италіи, но также и въ провинціяхъ (Галліи, Британіи, Панноніи), гдѣ искусство эмали давно уже процвѣтало. Наиболѣе красивыя вещи украшены эмалью изъ миллефіоровыхъ пластинокъ, о приготовленіи которыхъ мы упоминали уже на стр. 351 и которыя, по мнѣнію Тишлера, появляются во II стол. нашей эры въ Италіи, будучи все таки первоначально, безъ сомнѣнія, египетскаго происхожденія. Въ концѣ IV стол. эмальировка исчезаетъ во всей западной римской имперіи, въ V-мъ уже окончательно. За то въ это время появляется уже новый способъ этого рода украшенія, такъ назыв. verroterie cloisonnèe, о которой мы упомянемъ на своемъ мѣстѣ ниже.

*) Что касается названія этой эпохи, то отъ слова «la tène» (мель) правильнѣе всего было-бы образовать прилагательное тенскій (la есть членъ) или, если взять это слово какъ терминъ топографическій, латенскій. Вошедшій въ общее употребленіе терминъ La-Tène, ла-тенскій, авторъ считаетъ некрасивымъ.

ныхъ съ бронзовыми и другими предметами. Кухонные отбросы въ видѣ угля, черепковъ, костей животныхъ отсутствуютъ, впрочемъ, почти совершенно. Уже этотъ инвентарь находокъ показываетъ, что описываемое сооруженіе отличается отъ свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка, и что оно представляло собой стоянку, а вѣроятно также и военный складъ,—другой, гораздо болѣе поздней эпохи. Не только желѣзныя вещи, но и бронзовыя украшенія совершенно отличаются здѣсь отъ тѣхъ, съ какими мы встрѣчались въ бронзовомъ вѣкѣ. Мы видимъ здѣсь совсѣмъ иную культуру, которая не имѣетъ ничего общаго съ древне-швейцарской, но за то вполнѣ сродна съ культурой галльскихъ находокъ, напримѣръ, въ Алезіи, Бибрактѣ, въ галльскихъ гробницахъ въ долинѣ р. Марны и т. п. Судя по найденнымъ монетамъ тенская стоянка была обитаема въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Кромѣ галльскихъ монетъ и монетъ римскихъ колоній, лугдунскихъ, массильскихъ, віеннскихъ, немаусскихъ, здѣсь были найдены также монеты римскихъ цезарей до Гадріана (ум. въ 138 г. нашей эры) и даже до Константина Великаго (324—337). Основана была она галльскимъ племенемъ гельветовъ, по крайней мѣрѣ въ I вѣкѣ до нашей эры. Найденное оружіе совершенно галльскаго типа. Оно могло попасть на дно мели или во время наводненія, при чемъ жители должны были поспѣшно оставить укрѣпленіе, или же при оборонѣ его отъ непріятеля. Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что этотъ островокъ сдѣлался потомъ и военнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ римлянъ.

Между сдѣланными въ La Tène находками обращаетъ прежде всего на себя вниманіе множество оружія, почти исключительно желѣзнаго. Однихъ мечей найдено было около сотни—всѣ на подобіе изображенныхъ у насъ на рис. 332. Различіе ихъ отъ листообразныхъ, снабженныхъ характерной рукояткой, мечей бронзоваго и галльштаттскаго періодовъ бросается въ глаза съ перваго-же взгляда. Клинокъ ихъ очень длиненъ (80—100 сант.), лезвее, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшую эпоху, вполнѣ ровное, очень мало съуживающееся къ тупо заостренному и даже закругленному концу. Вверху клинокъ оканчивается стержнемъ безъ всякаго отграниченія его отъ костяной или деревянной рукояти поперечиной, по образцу мечей болѣе древняго типа (ср. напр. рис. 207). Ножны были обыкновенно изъ желѣза, рѣже изъ бронзы или изъ дерева, сверху онѣ были вырѣзаны язычкомъ (рис. 334—336), а на задней сторонѣ ихъ прикрѣплена была металлическая пряжка (?) для просовыванія носильнаго ремня или цѣпи; передняя сторона ноженъ была иногда очень богато украшена. Изъ остальнаго оружія особенно были многочисленны наконечники копій со втулкой, чаще всего листовидной формы, при чемъ края листа были различнымъ образомъ вырѣзаны; рѣже встрѣчаются копья съ короткимъ тупымъ остріемъ (рис. 337—338). Отъ шлемовъ сохранились болѣе украшенія, отъ деревянныхъ щитовъ только кованные

характерные умбоны (umbo), которыми они были украшены съ наружной стороны. Изъ домашнихъ орудій найдены были топоры съ отверстіемъ для топорища, образованнымъ посредствомъ пригиба краевъ (крыльевъ) плоскаго топора другъ къ другу (рис. 337) или топоры нынѣшней формы, серпы и косы, небольшіе ножи съ прямой спинкой, или же большіе въ родѣ повар-

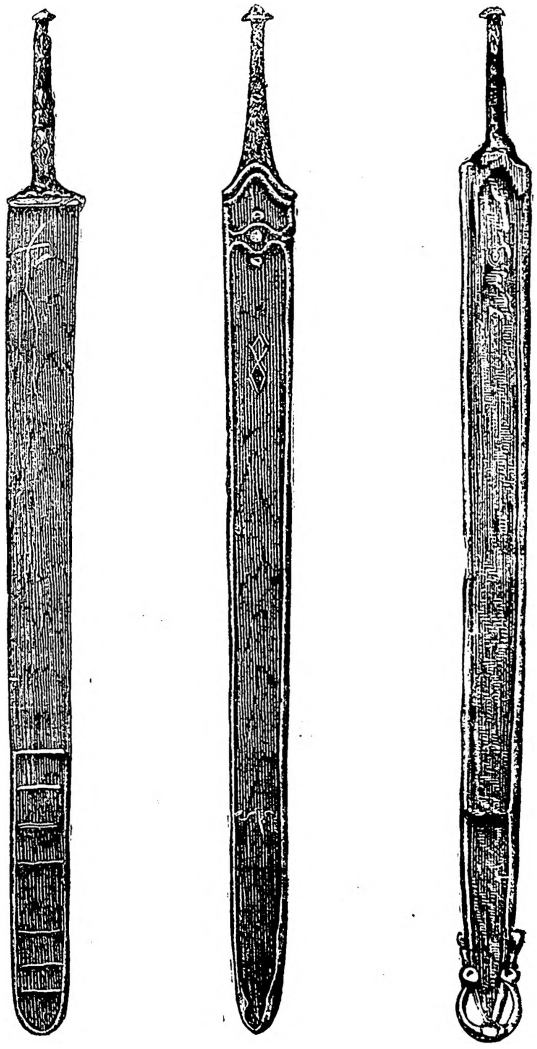


Рис. 331—333. Мечи ла-тенскаго типа: позднѣйшій типъ изъ Georges-Meillet (Marne), средній изъ ла-тенской стоянки и ранній изъ Алезіи (по Тишлеру).

скихъ, подобные которымъ уже встрѣчались намъ въ началѣ желѣзнаго вѣка. Найденныя здѣсь ножницы (рис. 338), совершенно похожи на наши овчарскія. Изъ предметовъ конской сбруи мы встрѣчаемся здѣсь, кромѣ удилъ, въ первый разъ со шпорами, снабженными короткимъ остріемъ (рис. 340 и

341); о нихъ нѣкоторые думаютъ, что они римскаго происхожденія, другіе же, какъ напр. Тишлеръ, приписываютъ ихъ кельтамъ. Изъ прочихъ орудій

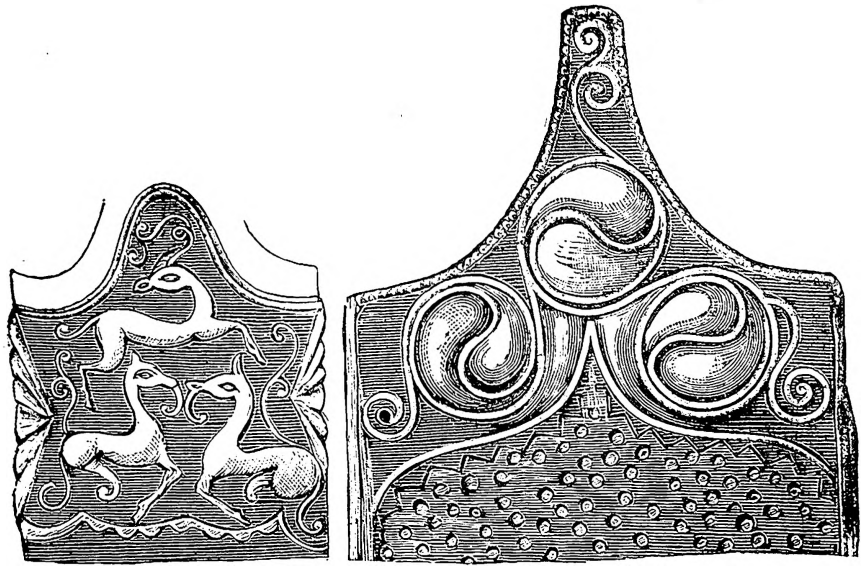


Рис. 334. Украшенія ноженъ мечей тенскаго типа.

найдены были еще молоты, пилы, щипцы, долота, крючки для уженья и т. п.; изъ посуды—два бронзовыхъ ведерка, цѣлый к рядъ котелковъ, снабженныхъ желѣзными крючками для подвѣшиванія; затѣмъ ручные каменные жернова, колесо повозки, бронзовая статуетка и наконецъ игральныя кости. Изъ украшеній, которыхъ было найдено сравнительно немного, наиболѣе замѣчательны бронзовыя и желѣзныя фибулы, имѣющія форму, за которой было признано названіе ла-тѐнской. Мы встрѣчались съ ней уже нѣсколько разъ въ находкахъ восточной стороны Альпъ,—находкахъ, которыя хотя и относились еще въ общемъ къ началу желѣзнаго вѣка, но были уже отчасти современны съ развившеюся въ Галліи ла-тенской культурой. Ла-тенская фибула—дугообразная, изъ одного куска проволоки съ перообразнымъ завиткомъ и съ пяткой, заворачивающеюся къ дужкѣ. У древнѣйшихъ фибулъ этого типа пятка не соединяется съ дужкой, а только приближена къ ней (рис. 247), у позднѣйшихъ же и собственно—тенскихъ фибулъ, она уже соединена съ дужкой совершенно (рис. 256 и 342), еще позже ихъ уже отливали, въ измѣненной формѣ римской эпохи. Нѣкоторые пола-

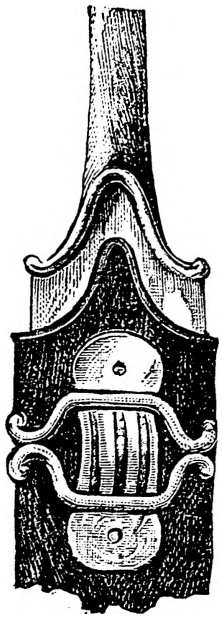


Рис. 335. Верхняя часть ноженъ меча тенскаго типа

гаютъ, что ла-тенская фибула развилась изъ чертозской, но это несправедливо *).

Шейныя гривны, браслеты и перстни, найденные въ ла-тенской стоянкѣ, отличаются по большей части простотою рисунка, гладкой поверхностью и сдѣланы или изъ массивнаго или изъ листоваго металла. Кромѣ этихъ вещей для тенской культуры характерны еще браслеты, поверхность коихъ украшена довольно сильно профилированными выпуклостями, составляющими

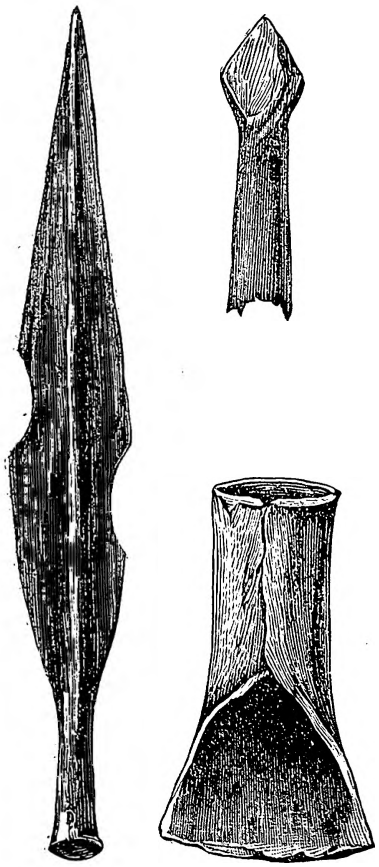


Рис. 336—337. Желѣзные наконечники копій и топоръ изъ La-Tène.

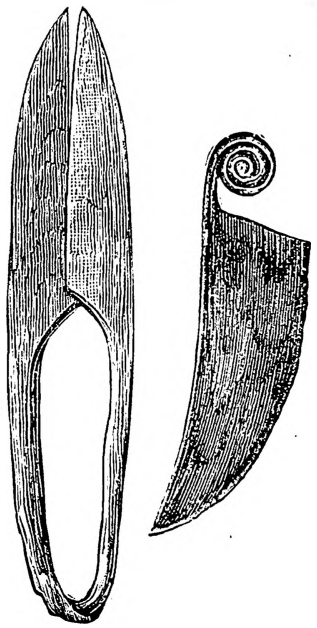


Рис. 338—339. Желѣзныя ножницы и большой ножъ изъ La Téne.

подражаніе бусамъ (рис. 343); форма эта пошла въ своемъ развитіи такъ далеко, что вмѣсто ряда бусъ появляется наконецъ только нѣсколько ихъ въ видѣ дутыхъ или массивныхъ полушарій, и браслетъ часто состоитъ только изъ двухъ половинокъ, отворяющихся и затворяющихся при помощи шарнира (рис. 344). Съ подобными издѣліями мы встрѣчались уже въ Галльштаттѣ, гдѣ было такъ много переходныхъ формъ отъ браслетовъ съ едва обозначенными слабыми поперечными углубленіями до состоящихъ изъ дутыхъ

*) Главнымъ образомъ на основаніи хронологіи этихъ трехъ типовъ фибулъ, а также и типовъ застежекъ, ноженъ и наконецъ мечей (ср. рис. 331—333), О. Тишлеръ и другіе раздѣляютъ всю тенскую эпоху въ Европѣ на три періода: ранній, средній и позднѣйшій [335]).

полушарій и поэтому возможно, что форма эта была принесена въ Галлію изъ Восточныхъ Альпъ.

Бронзовыя или желѣзныя головныя булавки не представляютъ особенно оригинальныхъ формъ; пряжки къ поясамъ также отличаются простотой.

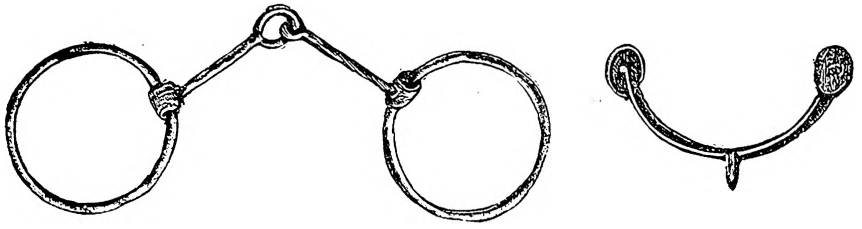


Рис. 340—341. Желѣзныя удила и шпора изъ стоянки въ La Tène.

Найдено было также много монетъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ — варварскихъ и римскихъ.

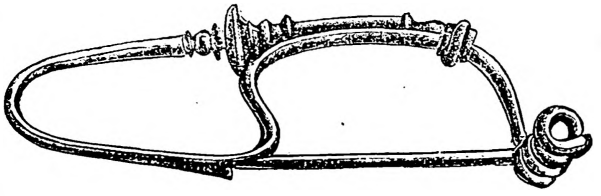


Рис 342. Ла-тенская фибула.

Ла-тенская или галльская культура распространилась очень быстро по всей средней Европѣ. Повсюду, раньше или позже, смотря по степени отдаленія отъ Галліи и большей или меньшей легкости сообщеній, мы можемъ прослѣдить отличающіе ее признаки: военный характеръ, преобладаніе желѣза надъ бронзой, сравнительно бѣдную хотя своеобразную орнаментацію, состоящую изъ варварски стилизованныхъ растительныхъ и животныхъ мотивовъ (рис. 334) и трикетра, начало употребленія гончарнаго круга [336]), варварское подражаніе грекомакедонскимъ и римскимъ узорамъ, эмаль, мѣстнымъ образомъ видоизмѣненныя формы фибулъ и браслетовъ, стеклянные или лигнитовые браслеты и т. п. Эти признаки сопровождаютъ ла-тенскую культуру постоянно, а потому и могутъ служить съ большимъ удобствомъ для хронологическаго опредѣленія находокъ. Уже по одному характеру орнамента мы можемъ съ полной опредѣленностью отнести найденный предметъ къ галльской эпохѣ.

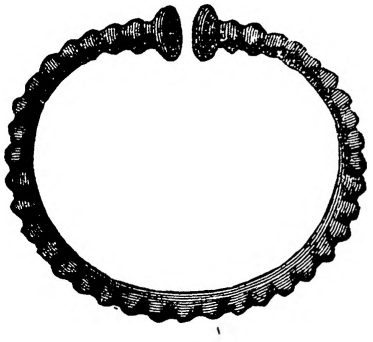


Рис. 343. Браслетъ ла-тенскаго типа изъ Нусдорфа, возлѣ Вѣны.

Наиболѣе роскошнымъ образомъ развилась ла-тенская культура въ самой Франціи. Кромѣ вышеуказанныхъ древнихъ городовъ Алезіи и Бибракта, находки галльскаго характера были сдѣланы еще во многихъ другихъ мѣст-

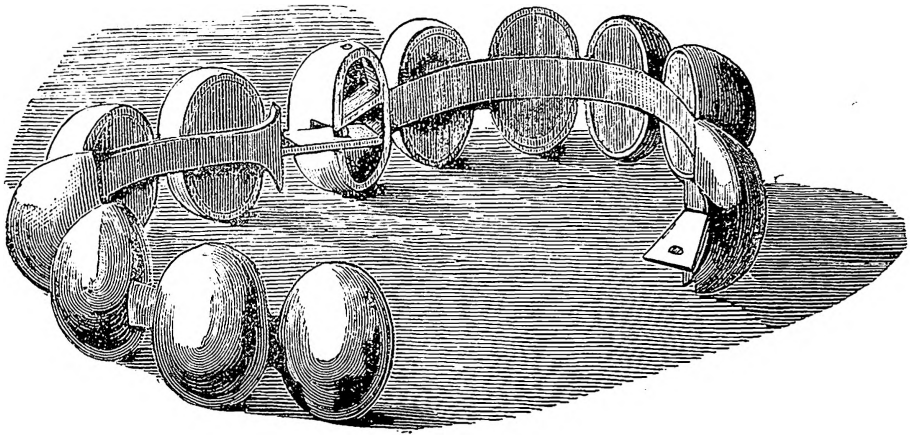


Рис. 344. Браслетъ изъ дутыхъ полушарій, найденный возлѣ Курдейова въ Моравіи.

ностяхъ. Ла-тенская культура представлена также блестящимъ образомъ въ галльскихъ гробницахъ (рис. 345). Во Франціи это могилы съ остатками погребенія; въ наибольшемъ количествѣ и въ наилучшей степени сохранности онѣ открыты были въ долинѣ р. Марны и къ востоку отъ р. Роны. Наиболѣе древнія галльскія гробницы, относящіяся къ V—III столѣтіямъ до нашей эры, были найдены въ долинахъ Сарры и Мозеля, въ Шампани и далѣе къ югу и востоку.

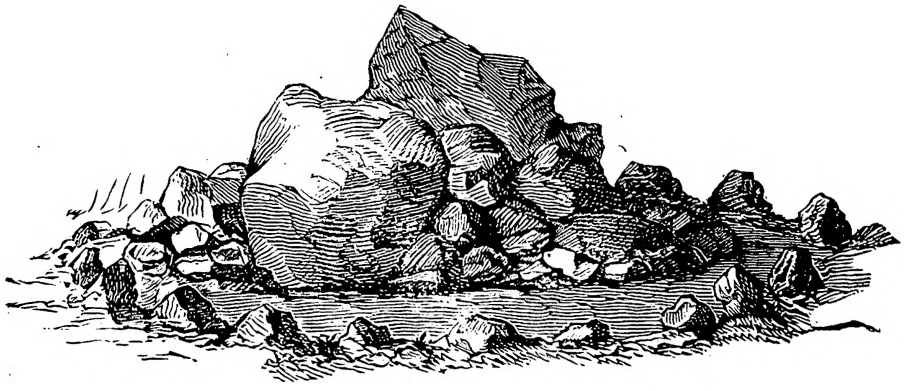


Рис. 345. Гробница галльскаго воина (по воспроизведенію въ музеѣ Клюни въ Парижѣ).

Въ департаментахъ марнскомъ, обскомъ (Aube), дубскомъ (Doubs) и энскомъ (Aisne), цѣлый рядъ ихъ былъ открытъ Коше (Cochet), Морелемъ (Morel), Никэзомъ (A. Nicaise) и др., въ мѣстностяхъ St.-Maur-les-Fossés,

Chassemy, Thuisy, Catillon, la Cheppe, St-Jean-sur-Tourbe, St.-Hilaire-au-Temple, Auve, Jonchery, Sommertourbe и пр. [337]). Костяки въ нихъ находились въ лежачемъ положеніи на спинѣ; на нихъ и возлѣ нихъ лежали фибулы, браслеты и разныя другія украшенія; мечи, кинжалы, стрѣлы, копья и наконечники копій, желѣзные шлемы, ножи, ножницы, удила, стеклянныя бусы и т. п., кое-гдѣ и золотыя вещи. Часто находимы были также остатки колесницъ (шины и оковка) напр., въ Sept-Saulx, въ La Cheppe и пр.

Въ керамикѣ преобладаетъ форма горшковъ, широкихъ, съ узкимъ дномъ;

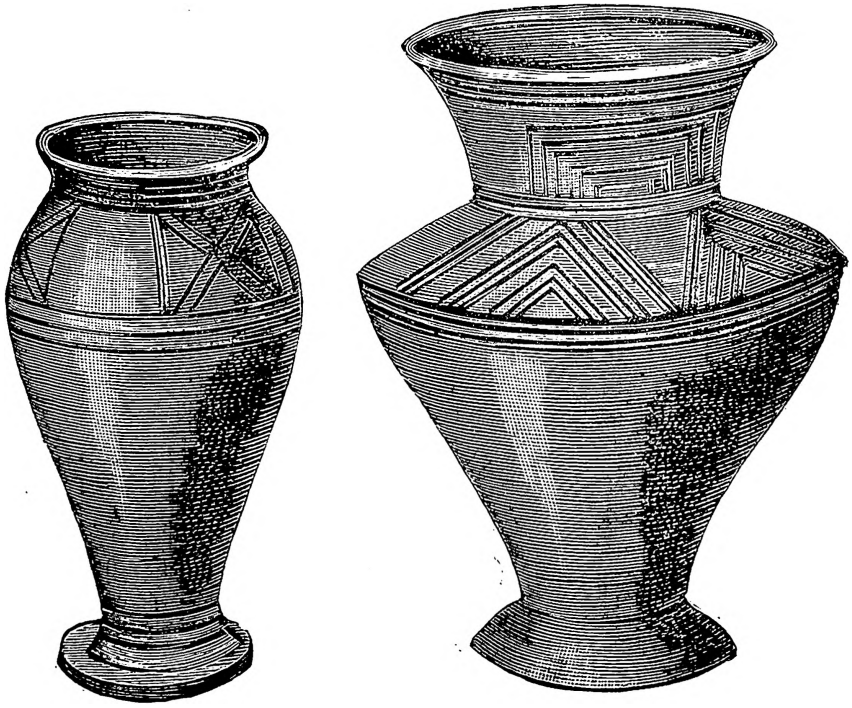


Рис. 346—347. Сосуды изъ галльскихъ гробницъ въ долинѣ Марны.

но особенно характерны здѣсь сосуды въ видѣ вазъ различныхъ формъ, стоящихъ на ножкѣ (рис. 346—347), и стеклянные сосуды.

Изъ украшеній наиболѣе оригинальны шейныя гривны (torques) и браслеты [338]), профилированные на концахъ въ видѣ расширенныхъ шишечекъ (рис. 348), браслеты изъ дутыхъ полушарій или изъ сплетенной проволоки, браслеты изъ голубого зеленоватаго стекла или лигнита, фибулы ла-тенскаго типа, наконецъ красивыя бронзовыя цѣпочки, состоящія изъ длинныхъ рядовъ звеньевъ (рис. 349), съ пряжкой на одномъ концѣ и крючкомъ на другомъ.

Весьма любопытно, что гробницы подобнаго-же характера встрѣчаются и

въ Чехіи. Это подтверждаетъ историческое извѣстіе о заселеніи когда-то Чехіи галльскимъ племенемъ бойевъ.

Рис. 348. Конечная часть галльской шейной гривны (torques).

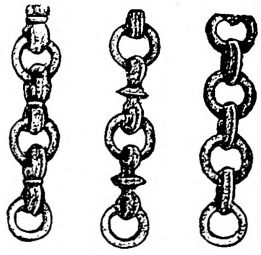


Рис. 349. Звенья галльскихъ цѣпочекъ.

Подобныя же гробницы попадаются и на лѣвомъ берегу Роны, въ Савойѣ, и на границахъ Швейцаріи до самыхъ береговъ Рейна.

Кладбище ла-тенской эпохи съ остатками трупосожженія было открыто д-ромъ Кёлемъ (Koehl) въ Вормсѣ, древнемъ Борбетомагѣ галльскаго племени вангіоновъ. Оно сходно по своему характеру съ нѣсколько болѣе позднимъ кладбищемъ въ Aylesford'ѣ въ Британіи и носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды римскаго вліянія.

Съ проникновеніемъ галловъ въ Британію, проникла туда и ла-тенская культура. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ доказательствъ этого является изслѣдованное въ 1886 году Эвансомъ кладбище въ Aylesford'ѣ въ Кентскомъ графствѣ [339]). Оно состоитъ изъ гробницъ съ остатками трупосожженія, безъ насыпи сверху *), съ погребальными урнами, стоящими на днѣ круглыхъ ямъ. Глиняныя урны имѣютъ форму вазъ съ узкимъ горломъ, украшены выпуклыми горизонтальными ободками и очень напоминаютъ собою сосуды изъ Эсте. Одна гробница съ подобными сосудами и съ ведеркомъ, украшеннымъ богатымъ ла-тенскимъ орнаментомъ, представлена у насъ на

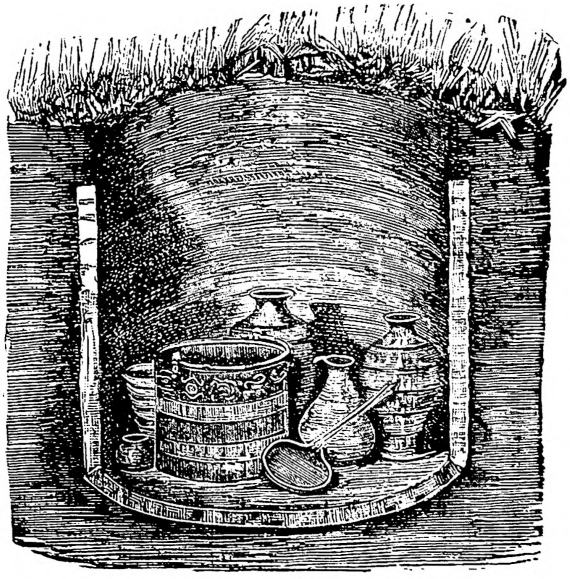


Рис. 350. Галльская гробница въ Aylesford'ѣ въ графствѣ Кентъ (по Evans'у).

*) Картальякъ и Эвансъ полагаютъ, что обычай погребать сожженныя тѣла въ ямахъ безъ насыпи былъ занесенъ туда изъ сѣверной Италіи, гдѣ онъ позаимствованъ италійскими галлами отъ древнихъ жителей сѣверной Италіи.

рис. 350. Типъ этого погребенія ранѣе вовсе не былъ извѣстенъ англійскимъ археологамъ. Часть найденныхъ въ немъ бронзовыхъ предметовъ несомнѣнно иностраннаго происхожденія, какъ напр. упомянутое выше ведерко и др.

А. Эвансъ полагаетъ, что галльскія племена пришли сюда съ материка въ III стол. до нашей эры. Остатки укрѣпленій галльской эпохи были найдены недавно въ Hunsbury возлѣ Норсгэмптона, гальскія гробницы съ остатками трупосожженія напр. въ курганѣ въ Арассѣ (Іоркширъ).

Вліянія гальской культуры на Пиренейскій полуостровъ мнѣ неизвѣстны. Гораздо скорѣе мы можемъ ожидать ихъ въ Италіи, гдѣ племена галльскихъ завоевателей (инсубры, бойи, ценоманы, лингоны, сеноны) основались очень прочно и гдѣ страна хорошо изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. Могилы галльскаго характера (инвентарь которыхъ разумѣется носитъ также на себѣ слѣды древнихъ мѣстныхъ вліяній) были найдены напр. возлѣ Лукки, и совершенно подобныя же въ Беначчи, возлѣ догалльскихъ гробницъ. Въ Марзаботтѣ часть древнихъ чертозскихъ гробницъ, какъ доказалъ гр. Гоцадини, была разграблена галлами. Галльскія вліянія мы можемъ прослѣдить и еще далѣе, до земли венетовъ. Такъ, въ верхней части гробницы извѣстнаго намъ некрополя въ Эсте мы видимъ явную смѣсь типовъ древняго желѣзнаго вѣка съ позднѣйшими ла-тенскими.

Рис. 351. Бронзовая статуэтка изъ кладбища въ Idria di Bace.

Очень хорошо представлена галльская эпоха въ приморскихъ областяхъ Австріи и въ Восточныхъ Альпахъ. Мы уже говорили, что и сюда проникали галльскія племена и здѣсь они также имѣли свои поселенія; это были въ особенности карны возлѣ Адріатическаго моря, тауриски въ Норикѣ, латовики, арависки, брейки, скордиски и другіе еще въ Панноніи, позже изгнанные туда изъ Чехіи и съ сѣвера бойи. Были впрочемъ изслѣдователи, которые отрицали галльское происхожденіе этихъ племенъ (D-r Much, D-r Prizinger). Эти галльскія племена жили здѣсь довольно долгое время и занимались не только своими древними промыслами, охотой и войной, но также и земледѣліемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя земледѣльческія орудія, находимыя въ могилахъ, какъ напр. въ Idria di Baca. Но кромѣ того въ Восточныхъ Альпахъ развилось также рудокопное дѣло и выплавка металловъ. Норическія

Альпы были, да и до сихъ поръ еще остаются, богатыми желѣзной рудой, и поэтому тамъ уже въ тѣ времена развились въ значительныхъ размѣрахъ добываніе и обработка желѣза. Мечи изъ норической стали считались у римлянъ самыми лучшими, а сбытъ норическаго оружія въ Италію былъ настолько великъ, что въ разныхъ мѣстностяхъ Норическихъ Альпъ существовалъ цѣлый рядъ большихъ фабрикъ оружія, какъ напр. въ Лавріакѣ на Дунаѣ (нынѣшній Lorch у устья Эмзы), въ Овилабѣ (нын. Wels), въ Нореѣ (Neumarkt), въ Аквилеѣ и т. п.

Историческія извѣстія о поселеніяхъ галловъ въ этихъ странахъ подтверждаются и археологіей. Находки показали съ очевидностью, что гальштаттская культура въ этихъ мѣстностяхъ не была вытѣснена непосредственно провинціальною римской, и что въ видѣ промежуточной стадіи между ними существовала еще культура вполнѣ подобная тенской, т. е. очевидно галльская. Находки кладбищъ ла-тенскаго типа постоянно увеличиваются. Въ Приморьѣ, въ странѣ древнихъ карновъ оказалось кладбище съ остатками трупосожженія; въ Idria di Baca было открыто, недалеко отъ извѣстнаго уже намъ древняго некрополя Санта-Лючія, другое кладбище съ желѣзнымъ оружіемъ, шлемами и многими другими желѣзными предметами домашняго и сельскохозяйственнаго быта, украшеніями и проч. Въ Славоніи сюда относится напр. мѣстонахожденіе возлѣ Митровицъ, гдѣ былъ добытъ типическій ла-тенскій мечъ, представленный на рис. 352. Наконецъ культура эта проникла и еще дальше, даже на Балканскій полуостровъ.

Рис. 352. Мечъ ла-тенскаго типа изъ Митровицъ на р. Савѣ.

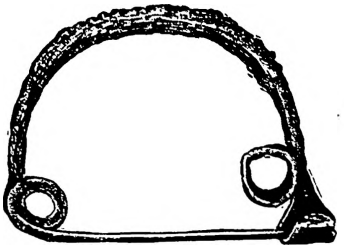


Рис. 353. Желѣзная фибула изъ гробницы возлѣ м. св. Михаила въ Крайнѣ.

Въ Герцеговинѣ сюда, по мнѣнію Радимскаго, относятся гробницы, найденныя

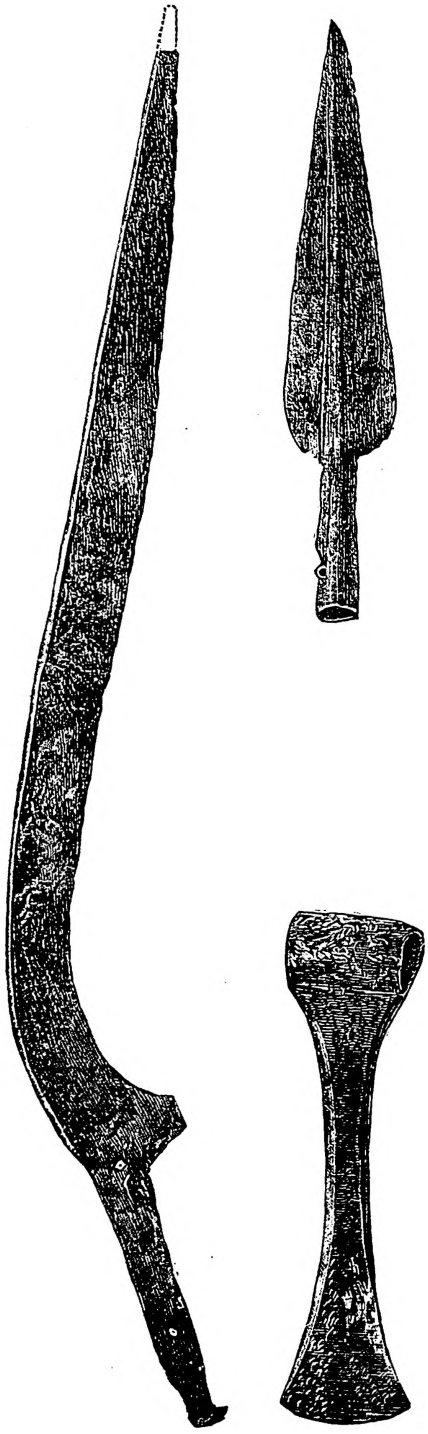


Рис. 354. Желѣзное оружіе изъ кладбища тенской эпохи возлѣ м. св. Михаила въ Крайнѣ.

возлѣ с. Ракитно въ Любушскомъ которѣ, съ фибулами позднѣйшаго характера, обвѣшанными бронзовыми кружками, и особенно чрезвычайно богатое кладбище возлѣ Іезерины, недалеко отъ Бигача (Bihač). Здѣсь Радимскій и Шантръ нашли болѣе 500 гробницъ, относящихся къ концу галльштаттскаго періода, къ галльскому періоду до начала римскаго [340]). Чрезвычайно богата тенскими находками—Крайна. Кромѣ болѣе древнихъ, недостаточно еще оцѣненныхъ находокъ въ мѣстности Біла-Царква, недалеко отъ Шмарьета, Шмартна, Подземля и Планины, обращаетъ на себя здѣсь особенное вниманіе кладбище возлѣ Мокронога, между Люблянами и Загребомъ, гдѣ кромѣ погребеній галльштаттскаго типа найденъ былъ цѣлый рядъ котлообразныхъ гробницъ съ остатками трупосожженія, вполнѣ ла-тенскаго характера: съ длинными желѣзными мечами, желѣзными наконечниками копій,—при чемъ тѣ и другіе оказались умышленно согнутыми и поломанными (что между прочимъ постоянно наблюдается въ тенскихъ гробницахъ съ пепломъ и жженными костями *),—съ топориками, съ umbo щитовъ, съ внутрь загнутыми

*) Изъ 12 мечей изъ Мокронога въ Люблянскомъ музеѣ 9 согнутыхъ. Сгибаніе и ломаніе оружія встрѣчается чрезвычайно часто въ ла-тенскихъ находкахъ въ Силезіи, Саксоніи, Тюрингенѣ, Познани, Мекленбургѣ, Помераніи и въ Даніи на о-вахъ Аландѣ, Борнгольмѣ и пр. Въ Чехіи также было находимо подобное согнутое оружіе, напр. въ послѣднее время въ гробницахъ съ остатками трупосожженія возлѣ Добржихова. Это явленіе объяснялось различнымъ образомъ, но по нашему мнѣнію только два изъ этихъ объясненій могутъ быть признаны вѣ-

ножами, ножницами, удилами и бронзовыми браслетами, застежками, прекрасной бронзовой цѣпью и т. д. Кладбище св. Михаила также обнаружило въ своей позднѣйшей части и въ характерѣ гробницъ (котлообразныя могилы съ остатками трупосожженія) и въ ихъ инвентарѣ очень много слѣдовъ ла-тенскаго вліянія (см. рис. 353 и 354).

Въ Тиролѣ сюда относятся находки въ Морицингѣ, Лаутерахѣ, въ Сольноградахъ, возлѣ Гроссъ-Арля и Дюренберга и въ Дрешендорфѣ въ Штиріи.

Очень многочисленныя находки галльскаго характера были сдѣланы въ западной части Венгріи, прежней Панноніи на правомъ берегу Дуная. Сюда относятся напр. тенское кладбище въ Эденбургѣ (др. Скарабанціи), могилы съ костями и согнутыми мечами возлѣ Плокаты и пр. [341]). Въ торфяникѣ возлѣ Сарада (Szárad) въ тольнайской жупѣ въ Венгріи былъ найденъ цѣлый складъ вещей (между прочимъ около 1000 янтарныхъ бусъ) этой эпохи, о чемъ свидѣтельствуютъ оказавшіяся тамъ же кельтскія монеты.

Относительно Чехіи и Моравіи мы упоминали уже, что по историческимъ извѣстіямъ тамъ поселилось галльское племя бойевъ (вѣроятно соплеменниковъ тѣхъ бойевъ, которые жили въ сѣверной Италіи), расположившееся въ Герцинскомъ лѣсу и остававшееся тамъ до половины I стол. до нашей эры. Гдѣ искать эту мѣстность? Несомнѣнно, вѣрнѣе всего будетъ искать ее въ странѣ, гдѣ удержалась еще память о самомъ имени бойевъ, въ древней Бойогеміи, позднѣйшей Богеміи, и считать фактъ жительства въ Чехіи этого галльскаго племени исторически доказаннымъ. Насколько это относится также и къ Моравіи, рѣшить пока трудно *). Указанное историче-

---

роятными. Одной изъ причинъ обычая ломать и сгибать оружіе было несомнѣнно то, что часто не было возможности помѣстить довольно длинный мечъ или копье въ небольшую гробницу или въ сосудъ иначе, какъ только согнувши или сломавши его. Объясненіе это очень естественно. Но мы не отрицаемъ, что кромѣ того могли оказывать свое вліяніе и другія идеи, съ которыми мы часто встрѣчаемся у примитивныхъ народовъ. Извѣстно, что у многихъ примитивныхъ племенъ обычай ломать оружіе и орудія, предназначенныя для помѣщенія въ могилу, вызывается повѣрьемъ, что только при такомъ условіи предметы эти будутъ годны для употребленія покойникамъ на томъ свѣтѣ. Въ основаніи этого повѣрья лежитъ анимизмъ неодушевленныхъ предметовъ. Принимается, что живущимъ въ нихъ духамъ необходимо облегчить выходъ на тотъ свѣтъ, совершенно также какъ смерть тѣла даетъ выходъ душѣ умершаго. Такія вѣрованія мы находимъ напр. у маорисовъ Новой Зеландіи, у жителей о-вовъ Фиджи, у индійскихъ брахмановъ, австралійцевъ, кафровъ, въ Америкѣ у чипевайевъ и проч. Объясненіе Якоби, что этого рода предметы представляютъ собой остатки грабежа, нельзя признать основательнымъ, особенно принявши во вниманіе количество оружія и разныхъ украшеній, встрѣчавшихся въ тѣхъ же гробницахъ, гдѣ были найдены и поломанныя вещи.

*) Тацитъ упоминаетъ, что еще позже маркомановъ и квадовъ тамъ жили

кое извѣстіе подтверждается и археологіей, а также и рядомъ мѣстныхъ топографическихъ названій. Говоря о галльскихъ гробницахъ сѣверной Франціи, мы упоминали уже о томъ, что могилы вполнѣ тождественнаго характера встрѣчаются и въ Чехіи (и въ Моравіи). Проф. Смоликъ еще въ 1884 г. ошибочно полагалъ, что ихъ тамъ нѣтъ. Этотъ родъ гробницъ представляетъ собой замѣчательнѣйшую группу галльскаго характера въ Чехіи. Это—плоскія могилы, съ костяками, лежащими на спинѣ и помѣщенными

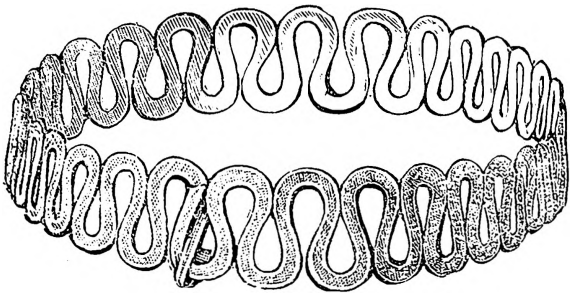


Рис. 355. Бронзовый браслетъ изъ духцовскаго клада.

просто въ выкопанныхъ ямахъ, безъ насыпей. При скелетахъ находятся обыкновенно прямые желѣзные мечи, желѣзные наконечники копій, стрѣлы, желѣзная оковка и umbones щитовъ, цѣпи для привѣшиванія мечей изъ бронзы или желѣза, фибулы тенскаго типа—бронзовыя и желѣзныя, браслеты

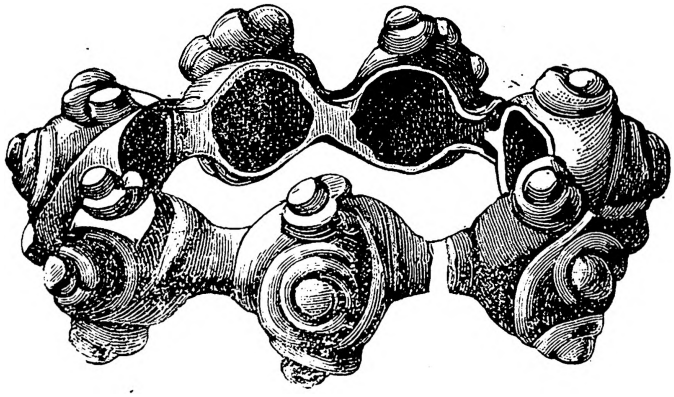


Рис. 356. Бронзовый браслетъ изъ Грделъ возлѣ Литомержицъ.

стеклянные, лигнитовые или же плетеные изъ бронзовой проволоки (рис. 355), но главнымъ образомъ браслеты съ дутыми полушаріями, украшенными иногда пластически сверху орнаментаціей изъ завитковъ (рис. 344 и 356). Между чешскими мѣстонахожденіями гробницъ этого рода особенно замѣчательны

свевскіе marsigni и buri, галльскіе cotini и паннонскіе osi. Поселенія могли отчасти находиться и въ Моравіи.

могилы у Верхнихъ Кшелъ (Horni Kšely) съ найденными въ нихъ желѣзнымъ копьемъ, цѣпью, мечемъ, щитомъ, фибулами, браслетами и сосудами; гробницы у Новаго Быджева (рис. 357), гдѣ было найдено нѣсколько могилъ галльскаго типа, у Страдоницъ возлѣ Перуци, у Тржебушицъ, на винокуренномъ заводѣ Юлиска возлѣ Праги, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Вообще въ Чехіи гробницы этого періода характеризуются браслетами съ дутыми полушариками и многочисленными тенскими фибулами [342]). Очень замѣчательное кладбище было открыто также въ Жижковѣ на площади

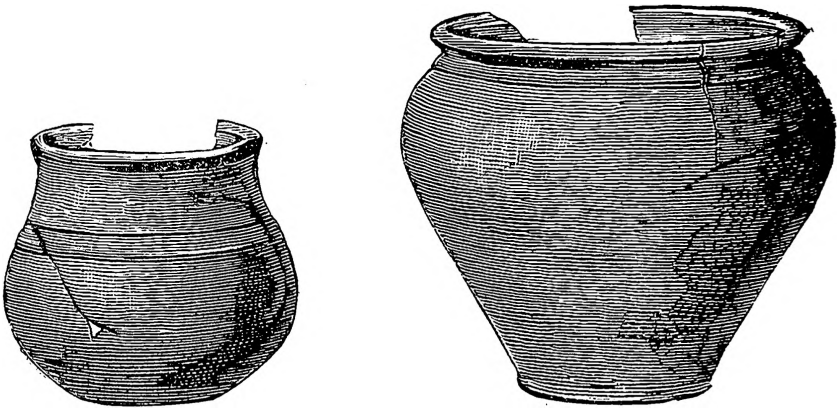


Рис. 357—358. Сосуды изъ гробницъ въ Быджевѣ.

Коменскаго. Тамъ было найдено 22 могилы съ костяками, лежавшими просто въ землѣ, при чемъ подъ головы были подложены плоскіе камни. Инвентарь этихъ гробницъ вполнѣ галльскаго типа: желѣзные сломанные мечи, ножи, наконечники копій, характерныя фибулы и браслеты и наконецъ— галльскія серебряныя и золотыя монеты. Сосуды уже сдѣланы на гончарномъ кругѣ. Довольно богатое кладбище было найдено также въ Либчевеси къ югу отъ Билина. Кромѣ обыкновенныхъ желѣзныхъ предметовъ въ немъ оказались при костяхъ: прекрасный бронзовый поясъ къ мечу, часть котораго представлена у насъ на рис. 359, браслеты съ дутыми полушариками, а также браслеты изъ лигнита, искусной работы стеклянные браслеты и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ могли бы быть легко приняты за найденные прямо въ Галліи, гдѣ нибудь въ долинѣ Марны; керамика также совершенно тождественна съ галльскою.

Въ Моравіи были найдены костяки съ браслетами изъ полушариковъ возлѣ Курдейова, недалеко отъ Густопечи, одна гробница съ предметами тенскаго типа у Грушованъ возлѣ Жидлоховицъ, одна въ Райградѣ возлѣ трехъ культурныхъ ямъ (у станціи желѣзной дороги), у Драгоновицъ возлѣ Ольмюца (ла-тенскій мечъ) и т. д. Много желѣзныхъ пред-

метовъ тенскаго типа (копья, наконечники стрѣлъ, ножницы и пр.) было найдено въ 1886 г. въ Хвалковицахъ, возлѣ Ивановицъ.

Бойи, пришедшіе въ Чехію съ запада, не нашли эту страну совершенно свободной отъ всякаго населенія, а также и не истребили прежнихъ жителей, поэтому мы находимъ въ Чехіи и современныя имъ гробницы другаго характера, но, разумѣется, со слѣдами латенскаго вліянія. Эти могилы, пока не будетъ опредѣленнѣе выяснена чешская доисторическая старина, мы можемъ приписывать населенію, жившему тамъ въ одно время съ бойями. Такъ, мы полагали-бы, что часть южно-чешскихъ гробницъ, которыя, при всемъ постоянствѣ болѣе древнихъ типовъ, обнаруживаютъ также слѣды вліянія ла-тенской культуры, и даже еще болѣе поздней, принадлежитъ народу, жившему здѣсь, въ юго-западной Чехіи, по нашему мнѣнію, еще съ бронзоваго вѣка. Къ нимъ мы относимъ гробницы возлѣ Кочваръ, недалеко отъ Лоховицъ (раскопаны Арнольдомъ въ 1802 г.), въ лѣсу Мала-Писечна возлѣ Противина, у Литицъ возлѣ Пльзны, въ Гостоунѣ, нѣсколько кургановъ въ окрестностяхъ Ратаевъ (раскопанныхъ Граше); въ сѣверной Чехіи такія гробницы были найдены у Грделъ, возлѣ Терезина.

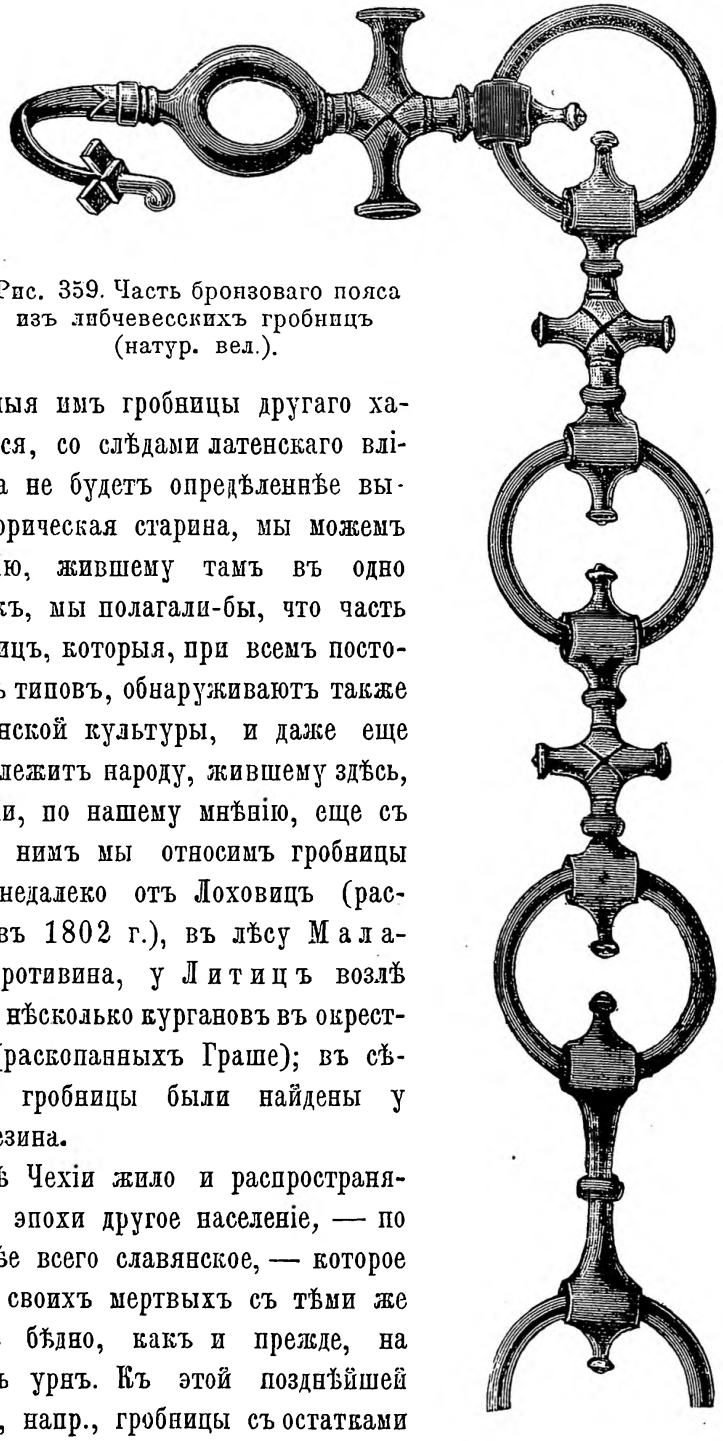


Рис. 359. Часть бронзоваго пояса изъ либчевесскихъ гробницъ (натур. вел.).

На другомъ концѣ Чехіи жило и распространялось въ теченіе этой эпохи другое населеніе, — по нашему мнѣнію скорѣе всего славянское, — которое продолжало хоронить своихъ мертвыхъ съ тѣми же обрядами и такъ-же бѣдно, какъ и прежде, на поляхъ погребальныхъ урнъ. Къ этой позднѣйшей эпохѣ можно отнести, напр., гробницы съ остатками трупосожженія возлѣ Мѣника (ла-тенская фибула, плетеные петлями браслеты), и часть либохованскихъ гробницъ; въ Моравіи на полѣ погребальныхъ

урнъ у Слатеницъ найдены были въ сосудахъ, сдѣланныхъ и отъ руки и на кругѣ, фибулы, шейныя гривны и браслеты галльскаго типа, въ Пшедмости возлѣ Прерау г. Машка раскопалъ также три гробницы тенскаго характера съ остатками трупосожженія. Интересна также чешская находка въ Костомлатахъ. Здѣсь были найдены также гробницы съ сожженными тѣлами и съ желѣзными вещами ла-тенскаго характера, и между прочимъ съ монетами цезарей Нервы и Августа. Это показываетъ намъ, что издѣлія тенскаго типа держались въ Чехіи еще въ теченіи I стол. нашей эры.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ чешскихъ мѣстонахожденій этой эпохи является городище у Стародоницъ, недалеко отъ Бероуна. Въ этомъ городищѣ окрестные жители давно уже находили разныя вещи и торговали ими. Серьезныя раскопки начались только въ 1877 г., но находки разошлись по разнымъ частнымъ коллекціямъ. Наиболѣе обширныя собранія были сдѣланы д-ромъ Бергеромъ, Гроссе, Леманомъ и В. Осборномъ (теперь въ Вѣнскомъ музеѣ). Къ сожалѣнію, болѣе подробныя изслѣдованія этой мѣстности до сихъ поръ еще не опубликованы [343]).

Страдоницкое городище служило въ теченіе долгаго времени укрѣпленнымъ поселеніемъ для жившихъ тамъ людей, занимавшихся разными ремеслами и торговлей. Оно навѣрно было въ то время однимъ изъ наиболѣе важныхъ центровъ, вѣроятно, городовъ доисторической Чехіи. Слѣды этого долговременнаго существованія и производительности остались въ видѣ раскинутаго на громадномъ пространствѣ культурнаго слоя съ пепломъ. Кромѣ безчисленнаго множества крупныхъ и мелкихъ черепковъ, въ немъ были найдены и цѣлые сосуды, сдѣланные съ помощью гончарнаго круга, а также желѣзные ножи, топоры, наконечники стрѣлъ, шпоры, куски цѣпочекъ и оковки, фибулы, булавки, бронзовые вѣски, стеклянные и бронзовые браслеты и разные другіе подвѣски и предметы изъ желѣза, бронзы, стекла, кости (гребни), обожженной глины и янтаря. Между ними особенно интересна находка бронзовыхъ статуэтокъ, представляющихъ дикаго кабана— извѣстный символъ галловъ *). Подобныя фигурки были найдены въ Чехіи

*) Фигурки кабана принимаются обыкновенно за кельтическіе символы, и нахожденіе ихъ до сихъ поръ служитъ основаніемъ для разныхъ „кельтическихъ“ теорій. Надо однако припомнить, что подобныя же фигурки встрѣчаются въ очень большомъ количествѣ и у другихъ народовъ, напр., германскихъ, какъ это было доказано еще Шафарикомъ. Голову кабана мы находили на гробницахъ меровингской эпохи и на шлемахъ того же времени. Г. Гильдебрандъ далъ рисунокъ бронзовой доски съ о-ва Аланда съ рельефнымъ изображеніемъ двухъ воиновъ, шлемы которыхъ украшены фигурой кабана (ср. рис. 361), а по словамъ Тацита балтійскіе эсты носили изображенія дикаго кабана на жердяхъ, какъ отличительный знакъ. Въ гробницахъ находятъ также часто кости дикаго кабана.

еще въ Таборѣ и въ сосудѣ возлѣ Воковицъ. Множество вещей, неоконченныхъ въ работѣ, какъ напр. фибулъ, и затѣмъ разныхъ орудій, тигельки и шлаки — свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь процвѣтала мѣстная металлическая индустрія, какъ для домашнихъ потребностей, такъ и для торговли. О существованіи торговли мы заключаемъ на основаніи находокъ золотыхъ, серебряныхъ и потиновыхъ *) монетъ варварскаго типа. Кромѣ тенскаго характера, сюда проникалъ впрочемъ уже въ значительной степени и римскій стиль, изъ чего можно заключать, что это городище было обитаемо еще въ тѣ времена, когда римское вліяніе проникало уже довольно сильно даже и въ Чехію. Страдоницкое городище было, по всей вѣроятности, поселеніемъ бойевъ.

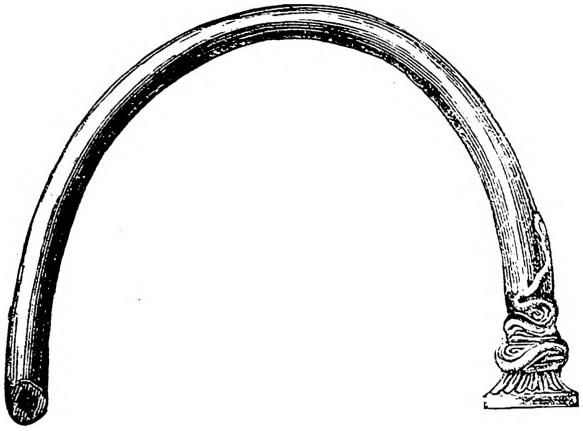


Рис. 360. Золотая шейная гривна тенскаго типа изъ Облатъ въ Чехіи.

Кромѣ этихъ находокъ тенская эпоха представлена въ Чехіи и другими. Сюда относится прежде всего чрезвычайно богатый складъ (depôt) бронзовыхъ украшеній, фибулъ, браслетовъ, перстней и двухъ экземпляровъ оружія, найденныхъ въ 1882 г. въ бронзовомъ котлѣ въ духцовскомъ (нѣм. Dux) источникѣ,—складѣ, который могъ-бы быть найденъ точно также гдѣ-нибудь надъ Марной во Франціи [344]). Прилагаемый нами рисунокъ (362) представляетъ рядъ образчиковъ этой богатой и характерной находки, благодаря которой очень часто и не безъ основанія тенская культура въ Чехіи называется «духцовскою». Фибулъ въ этомъ кладѣ около 400 и браслетовъ около 600 **).

Рис. 361. Украшенная изображеніями бронзовая доска, найденная въ курганѣ возлѣ Björnhofd'a (Öland).

*) Особый сплавъ мѣди, свинца и олова.

**) Подобный кладъ, но только римскаго характера (нѣсколько сотъ фибулъ и цѣлый рядъ браслетовъ въ бронзовомъ сосудѣ) былъ найденъ въ 1863 г. въ цѣлебномъ источникѣ въ Пирмонтѣ въ Вестфаліи. Три монеты Домиціана, Траяна и Каракаллы показываютъ съ опредѣленностью, что кладъ былъ спрятанъ позже III ст. нашей эры.

Здѣсь же мы упомянемъ также и о «кельтическихъ» монетахъ, особенно о такъ назыв. «радужныхъ чашечкахъ» [345]). Монеты варварскаго характера бывали многократно находимы въ Чехіи и въ Моравіи, какъ въ гробницахъ тенскаго періода (какъ напр. въ Жижковѣ, въ Пивонѣ), такъ и въ кладахъ,

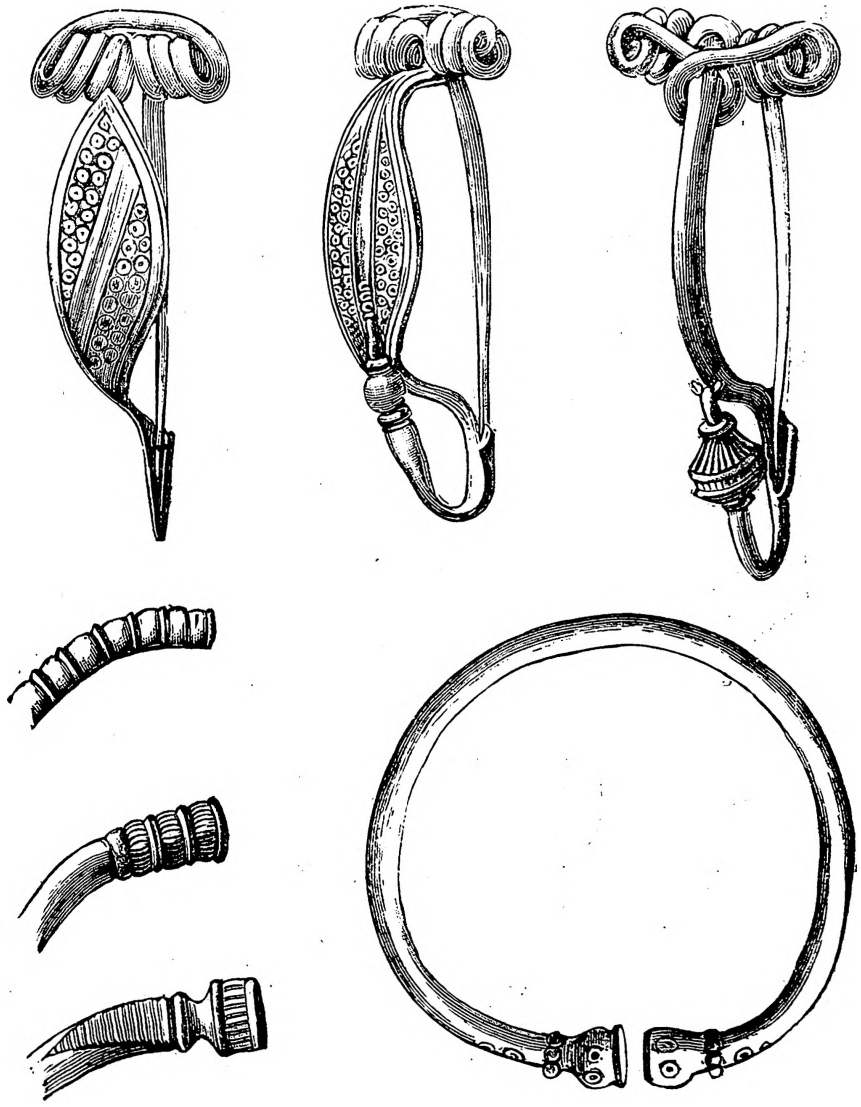


Рис. 362. Фибулы и браслеты изъ духцовскаго клада въ Чехіи.

но болѣе всего порознь. Кладъ подобныхъ монетъ былъ найденъ въ 1771 г. въ бронзовомъ котелкѣ возлѣ с. Подмоклы, въ Крживоклатскомъ имѣніи. Ихъ сохранилось 44 килограмма (почти $^2/_3$ цѣлаго клада) на сумму 90000 гульденовъ [346]). Въ страдоницкомъ городищѣ также было найдено ихъ довольно много (около 200 шт.); затѣмъ въ кладѣ, открытомъ въ 1893 г. возлѣ

Неханицъ и т. д.; въ Моравіи—главнымъ образомъ возлѣ Голешова, Вшемины, недалеко отъ Вызовицъ и т. д. Кельтическое происхожденіе этихъ

Рис. 363. Македонскія и кельтическія монеты (1. Золотой статеръ царя Филиппа II, 2. его имитація. 3. серебряная тетрадрахма того-же царя и 4, 5, ея имитаціи, 6. серебряныя кельтическія монеты, найденныя у Подивина въ Моравіи).

монетъ несомнѣнно *). Большая часть монетъ, чеканившихся или отливав-

*) Находки кельтическихъ монетъ внѣ Галліи принимались впрочемъ довольно неосновательно нѣкоторыми археологами за доказательство того, что въ мѣстности, гдѣ онѣ были сдѣланы, жилъ народъ, которому они принадлежали. Совершенно также находки римскихъ или арабскихъ монетъ въ Германіи и Россіи вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этихъ странахъ жили римляне или арабы. Монета—это предметъ, который заносится купцами далѣе какихъ бы то ни было другихъ предметовъ. Арабскія деньги оказались напр. на о-вѣ Исландіи. Поэтому и находки кельтическихъ монетъ, сами по себѣ, вовсе не составляютъ доказательства того, что кельты жили въ мѣстностяхъ, гдѣ находятъ эти монеты.

шихся кельтами, была подражаніемъ македонскимъ монетамъ, главнымъ образомъ статерамъ Филиппа II (рис. 363). Чеканка монеты развилась въ Галліи чрезвычайно быстро, но уже съ I стол. до нашей эры начала приходить въ упадокъ. Первоначальные значки и надписи македонскихъ монетъ были скоро замѣнены у галловъ разными мѣстными словами и изображеніями. На галльскихъ монетахъ мы находимъ чаще всего изображенія конныхъ фигуръ, кабановъ и центавровъ, грубыя очертанія человѣческихъ головъ и разныхъ фантастическихъ животныхъ, затѣмъ различнымъ образомъ расположенныя шишечки, звѣзды, полумѣсяцы, изображенія солнца съ лучами, кое гдѣ попадаются и надписи греческими или латинскими буквами. Простѣйшую форму этихъ монетъ представляютъ собою такъ назыв. радужныя чашечки (patellae iridis, Regenbogenschüsselchen). Это небольшія но очень массивныя монетки на подобіе чашечки съ одной стороной плоско-выпуклой, а другой—вогнутой, на

Рис. 364. Золотыя „радужныя чашечки". Три верхнія изъ клада возлѣ сел. Подмоклы, нижнія—изъ Венгріи.

которыхъ замѣчаются извилистыя черточки, треугольники, шарики, лучи или же неопредѣленныя изображенія звѣрей и т. п. (рис. 364). Монеты эти дѣлались изъ золота или серебра, или же изъ мѣди, бронзы и особаго сплава мѣди, свинца и олова (такъ назыв. потиновыя монеты).

Въ южной Германіи находки ла-тенской эпохи также очень многочисленны. Онѣ заключаются или въ гробницахъ чисто галльскаго типа или же въ современныхъ имъ могилахъ древняго населенія со слѣдами сильнаго тенскаго вліянія. Мы упоминали уже прежде о томъ, что поселенія галловъ переходили далеко за Рейнъ. По обѣимъ сторонамъ этой рѣки, въ долинахъ Мааса, Саары и Наги были сдѣланы извѣстныя находки галльскаго періода съ многочисленными предметами итало-греческой работы, занесенными на сѣверъ очевидно тѣми галлами, которые жили въ Италіи. Сюда относятся, напр., могильники съ остатками трупосожженія, открытые д-ромъ Khoel'емъ

возлѣ Вормса (древн. Борбетомага въ землѣ вангіоновъ), затѣмъ гробницы возлѣ Манхинга недалеко отъ Наугейма, въ верхнемъ Гессенѣ и пр.

Въ Баваріи и Гессенѣ, такъ же какъ и въ Чехіи, часть кургановъ тоже относится къ этой эпохѣ.

Затѣмъ новая культура проникла и въ сѣверную Германію. Въ предыдущей главѣ, на основаніи работъ Ундсета, мы указывали уже на то, что первое знакомство съ желѣзомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми формами, было принесено въ среднюю и сѣверную Германію вмѣстѣ съ галльштаттской культурой мирнымъ путемъ торговли, но что полнаго своего господства желѣзо достигло въ этихъ странахъ только въ ла-тенскій періодъ. Область тенской культуры въ сѣверной Европѣ гораздо обширнѣе и гораздо интенсивнѣе, чѣмъ область галльштаттской. Говоря кратко, можно сказать, что настоящій желѣзный вѣкъ наступилъ въ сѣверной Германіи только благодаря галльскому вліянію. Тенская культура выражается болѣе ясно въ Саксоніи, Тюрингенѣ, западной Лузаціи; менѣе опредѣленно: въ Бранденбургѣ, Помераніи, Восточной Пруссіи и Силезіи. Тюрингія представляетъ, кажется, вмѣстѣ съ тѣмъ и связь находокъ прирейнскихъ съ чешскими. За то, по мнѣнію Ундсета, въ Голштинію и Ганноверъ она проникла скорѣе со стороны Эльбы, чѣмъ Рейна. Выражается здѣсь эта культура по большей части плоскими гробницами съ остатками трупосожженія; могилы съ насыпями оказались только въ Восточной Пруссіи. Очень извѣстны мѣстонахожденія этой эпохи, открытыя въ Мейнингенскомъ герцогствѣ, напр. въ Глейхбергѣ возлѣ Ремгильза, гдѣ найдены были гробницы внутри городища. Въ Лузаціи Іенчъ относитъ къ латенской эпохѣ поля погребальныхъ урнъ съ фибулами, характеризуемыми обращенной взадъ пяткой (Губинъ, Слакойце, Гажовъ, Віерхнье-Блото, Любошойце, Кошина и пр.). Послѣднія двѣ находки обнаруживаютъ уже первые слѣды вліянія провинціальной римской культуры.

То, что мы сказали о сѣверной Германіи, можетъ быть распространено на скандинавскія страны: Шлезвигъ, Данію, Скандинавію и острова. Но здѣсь продолжительность ла-тенской культуры была не одинакова и вообще не велика. Только на о-вѣ Борнгольмѣ она утвердилась прочнѣе и на болѣе продолжительное время. Во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ она служила только введеніемъ къ провинціальной римской культурѣ, которая начала замѣнять ее уже съ I столѣтія нашей эры. На Борнгольмѣ мы встрѣчаемся съ тенской культурой, главнымъ образомъ, въ котлообразныхъ гробницахъ съ остатками трупосожженія (такъ назыв. Brandpletter'ахъ, въ которыхъ пепелъ былъ помѣщенъ въ сосудахъ или же просто высыпался въ землю). Это—небольшія котлообразныя ямы, выкопанныя въ землѣ, болѣе древнія изъ нихъ покрыты обыкновенно сверху плоскимъ камнемъ. Большая часть ихъ относится къ этой

эпохѣ, меньшая къ римской. Мертвыхъ сожигали не надъ могилой, но въ извѣстномъ мѣстѣ поодаль отъ нея [347]). Къ галльской культурѣ относится также знаменитая серебряная ваза съ орнаментаціей въ галльскомъ стилѣ, найденная возлѣ Гундеструпа въ Ютландіи [348]).

Въ Пруссіи, по мнѣнію Лиссауэра, тенская культура выражена слабѣе галльштаттской. На ряду съ 627 мѣстонахожденіями начала желѣзнаго вѣка Лиссауэръ до 1887 г. могъ насчитать только 29, относящихся къ ла-тенской эпохѣ. Существованіе тенской культуры начинается здѣсь съ 200 г. до нашей эры и оканчивается около 200 года по наступленіи ея. Погребальный обрядъ кое-гдѣ измѣнился; трупосожженіе удержалось, но устройство гробницъ было уже другое, чѣмъ въ предыдущую эпоху. Гробницы представляютъ собой или ямы съ погребальными урнами или же котлообразныя углубленія, куда пепелъ высыпался просто, безъ урнъ. Сюда относятся гробницы обоихъ типовъ возлѣ Оливы въ Данцигскомъ округѣ, затѣмъ въ Рондсенѣ (въ Грауденцскомъ окр.), въ Ладекоппѣ (въ Маріенбургск. окр.), въ Копновѣ — гробницы перваго типа и т. д. Керамика обнаруживаетъ упадокъ сравнительно съ прежней; преобладаютъ сосуды въ видѣ горшковъ. Встрѣчаются также и предметы изъ янтаря.

О тенской культурѣ въ остальныхъ славянскихъ земляхъ очень трудно что нибудь сказать. Есть историческія извѣстія о томъ, что и часть польско-русскихъ мѣстностей была также заселена галльскими племенами, но съ археологической точки зрѣнія мы не въ состояніи сказать объ этомъ много. Дѣло идетъ здѣсь о племенахъ бастарновъ и пейциновъ, поселившихся около 200 г. по сѣверному и восточному склонамъ Карпатъ, отъ верхняго Днѣстра до самыхъ устьевъ Дуная. Нѣкоторые (главн. обр. Шафарикъ и Томашекъ) считаютъ ихъ галлами, другіе-же, какъ Мюлленгоффъ и Мухъ, за смѣшанныя племена галло-германскія [349]). Эти народности разумѣется оставили здѣсь свои могилы, но какія изъ находокъ, сдѣланныхъ въ этихъ мѣстностяхъ, могутъ быть приписаны имъ, сказать съ опредѣленностью до сихъ поръ невозможно.

Въ Россіи тенской эпохѣ хронологически соотвѣтствовала-бы эпоха сарматская. Но о томъ, что до сихъ поръ не удалось еще найти признаковъ, отличающихъ болѣе раннія скиѳскія древности отъ позднѣйшихъ сарматскихъ, мы уже говорили въ предыдущей главѣ.

Римскія заальпійскія войны имѣли сначала характеръ только оборонительный. Но когда, къ концу временъ республики, набѣги заальпійскихъ племенъ на Италію начали учащаться, то явилась необходимость обезпечить сѣверныя границы государства полнымъ покореніемъ альпійскихъ народовъ. Это и было достигнуто въ царствованіе Августа, правившаго Римомъ отъ 30 года старой эры до 14-го новой. Кромѣ того успѣхи римскаго оружія, начатые Цезаремъ, возростали послѣдовательно и въ Галліи и въ Германіи.

Молодой пріемный сынъ цезаря Друзъ проникъ далеко въ эту послѣднюю страну, а послѣ его смерти Тиберій Клавдій Неронъ наслѣдовалъ ему въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ дошло и до перваго крупнаго столкновенія съ маркоманами, которые заняли оставленную галлами страну Бойогемію (Bojohaemum). Война продолжалась цѣлыхъ четыре года, пока наконецъ, въ 9-мъ году нашей эры сила маркомановъ не была сломлена и дунайскія провинціи Паннонія, Далмація и Мизія не были такимъ образомъ обезпечены отъ набѣговъ. Дальнѣйшее движеніе было впрочемъ остановлено извѣстнымъ пораженіемъ, которое потерпѣлъ римскій полководецъ П. Кв. Варъ въ томъ же году, въ тевтобургскомъ лѣсу. Тиберію удалось поправить нѣсколько это дѣло въ слѣдующемъ году, но планъ покоренія Германіи былъ сведенъ почти на нѣть.

При слѣдующихъ цезаряхъ къ войнамъ съ варварами присоединились и возмущенія собственныхъ войскъ, государство-же начало клониться къ упадку. Въ царствованіе Тиберія (14—37) удачно велъ войну въ Германіи сынъ Друза Германикъ, отомстившій за пораженіе Вара, что впрочемъ не принесло положительныхъ результатовъ. За то при Клавдіи (41—54) послѣ многолѣтнихъ войнъ была наконецъ покорена Британія и были присоединены къ римскимъ владѣніямъ Мавританія, Ликія и Ѳракія; въ Германіи также было одержано нѣсколько удачныхъ битвъ. Войны не прекращались и въ царствованіе Нерона. Только при первыхъ императорахъ изъ рода Флавіевъ (69—81) Веспасіана и его сына Тита — наступило сравнительное спокойствіе въ обширныхъ римскихъ владѣніяхъ. Но уже Т. Ф. Домиціанъ (81—96) предпринялъ въ 84 году новыя войны съ хаттами, даками и маркоманами, не окончившіяся впрочемъ большими успѣхами. Только въ Британіи сдѣланы были новыя завоеванія. Въ царствованіе Нервы и Траяна (98 — 117) римскія владѣнія опять расширились и при Траянѣ дошли до наибольшихъ размѣровъ. Особенно важны были войны его съ даками, жившими на лѣвомъ берегу Дуная, въ нынѣшнихъ восточной Венгріи, Румыніи и Трансильваніи. Римское войско перешло Дунай и заняло эти страны, сдѣлавшіяся затѣмъ римскими провинціями. Памятникомъ этой войны оставался многіе годы великолѣпный каменный мостъ, построенный Траяномъ черезъ Дунай, недалеко отъ нынѣшней Орсовы, остатки котораго сохранились и до сихъ поръ на берегу. На востокѣ также завоеванъ былъ цѣлый рядъ новыхъ земель; часть Аравіи, Арменія, Месопотамія и Ассирія сдѣлались провинціями Рима. Но уже послѣдовавшій ему императоръ Гадріанъ (117—138) самъ добровольно отказался отъ Месопотаміи и Арменіи, и недоставало немногаго, чтобы онъ поступилъ такъ же и относительно Даціи. При Антонинѣ Піи внутри государства было полное спокойствіе, но этого нельзя было сказать о границахъ. Съ царствованіемъ М. Аврелія (161—180) и Аврелія Вера на-

чинается постепенный упадокъ римскаго государства. Наступили новыя тягостныя войны въ Арменіи, Сиріи, а главное на Дунаѣ съ маркоманами и съ квадами въ Норикѣ, съ языгами въ Панноніи, въ Дакіи и въ Мизіи. Онѣ окончились послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы миромъ, но миромъ непродолжительнымъ. Не оставалось ничего, какъ отдать страны къ сѣверу отъ средняго Дуная варварамъ.

При слѣдовавшихъ затѣмъ императорахъ римская имперія падала все больше и больше. Властители смѣнялись очень быстро, умирая по большей части насильственной смертью. Они погибали въ битвахъ, но еще чаще отъ меча или яда своихъ приближенныхъ. Въ дѣйствительности власть была въ рукахъ тѣлохранителей императоровъ—преторіанцевъ; сенатъ утратилъ всю свою власть и вліяніе. Нѣкоторые цезари были еще способнѣе другихъ, какъ напр. Септимій Северъ (193—211), Каракалла (211—217), Александръ Северъ (222—235), Домицій-Авреліанъ (270—275), Пробъ и др. Имъ удавалось храбро отражать на границахъ имперіи постоянныя вторженія варварскихъ племенъ, но государство само, вслѣдствіе внутренняго разложенія, быстро шло на встрѣчу неотразимой гибели. Римское общество было испорчено въ конецъ, всюду господствовалъ только произволъ и право сильнаго, въ Римѣ и при дворѣ предавались роскоши, тогда какъ народъ окончательно обѣднѣлъ; все расшатанное государственное зданіе подвергалось постояннымъ ударамъ сѣверныхъ варваровъ, главнымъ образомъ германцевъ. На сѣверныхъ границахъ имперіи главную роль въ это время играли готы, съ которыми римляне сражались еще во времена Каракаллы и въ бою съ которыми палъ и одинъ изъ позднѣйшихъ императоровъ Мессій-Децій (251 г.), затѣмъ франки, алеманы и цѣлый рядъ другихъ племенъ, о которыхъ намъ еще придется говорить; на востокѣ римскимъ владѣніямъ угрожали цари новаго персидскаго государства Сассанидовъ, возникшаго въ 226 году. Этому положенію дѣла нисколько не помогли преобразованія Діоклетіана (284—305), его быстрота и довольно твердая рука. Только сильная власть Константина Великаго (324—337) привела на нѣсколько лѣтъ государство въ порядокъ и доставила ему спокойствіе, задержавши на короткое время его паденіе. Но паденіе было уже неотвратимо. Усилія самаго величайшаго человѣка не въ состояніи были бы остановить движеніе мірового процесса.

Этимъ бѣглымъ обзоромъ римской исторіи въ эпоху императоровъ мы хотѣли показать, въ какомъ близкомъ и постоянномъ соприкосновеніи были римляне съ сѣверными европейскими народами, главнымъ образомъ, съ галлами и германцами. Войны съ ними не прекращались и римскія войска были почти поселены въ заграничныхъ провинціяхъ. Это соприкосновеніе ихъ съ варварами, хотя по большей части и враждебное, было тѣмъ не

менѣе довольно тѣснымъ и вело за собою естественно и значительное культурное вліяніе. Съ римскими легіонами проникала послѣдовательно и глубоко въ варварскія земли и римская культура. Конечно, это не была чистая италійская культура, но все-таки это была культура, выработанная римскими воинами и поселенцами въ провинціяхъ, гдѣ имъ пришлось основаться болѣе или менѣе прочно. Основа ея была, разумѣется, италійская, но мы, конечно, напрасно стали бы искать въ ней тѣ черты классицизма, съ которыми мы встрѣчаемся на италійскихъ предметахъ. Все имѣетъ на себѣ извѣстный отпечатокъ варварства, что и вполнѣ естественно. Римскіе колонисты, будучи удалены отъ культурнаго центра Италіи, выработали себѣ свою особенную культуру, болѣе грубую, къ которой они примѣшивали обыкновенно мѣстныя культурныя начала. Такимъ образомъ, въ римскихъ провинціяхъ выработался особенный типъ римской культуры,—который мы называемъ въ отличіе отъ настоящей италійской, классической—провинціальною римскою культурой. Эта то именно культура и имѣла большое вліяніе на варваровъ: она почти всюду вытѣснила собою ихъ прежнюю старинную культуру—галльскую или тенскую—и продержалась почти до эпохи великаго переселенія народовъ, когда она должна была уступить мѣсто новымъ вліяніемъ.

Съ памятниками провинціальной римской культуры мы встрѣчаемся прежде всего въ странахъ, которыя были въ теченіе продолжительнаго времени римскими провинціями, въ Британіи, во всей Галліи, въ Альпахъ, въ Реціи, въ Норикѣ, затѣмъ въ Панноніи, Далмаціи и т. д. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ римляне, разумѣется, заботились прежде всего о томъ, чтобы извлечь изъ нихъ возможно больше богатствъ, взыскать возможно большую десятину. Республика и цѣлый рядъ цезарей, завоевывая новыя провинціи, меньше всего имѣли въ виду улучшить ихъ положеніе и дальнѣйшую судьбу мѣстныхъ обитателей. Провинціи были для нихъ всегда только источникомъ обогащенія. Римское правительство мало заботилось о провинціяхъ, если дѣло не шло объ усиленіи въ нихъ римской власти и увеличеніи дохода: устраивались прекрасныя дороги,[350]) сооружались великолѣпные каменные мосты черезъ рѣки и черезъ долины, водопроводы, сильныя крѣпости, укрѣпленные лагери, валы для защиты и т. п. Это главнымъ образомъ тѣ памятники, съ которыми мы встрѣчаемся прежде всего въ римскихъ провинціяхъ. Тріумфальныя арки, памятники побѣдъ и надгробные монументы также очень многочисленны. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ колонисты строили, впрочемъ, сами все, что требовалось для повседневной жизни и для развлеченій, сами строили и частные дома и общественныя зданія, храмы, амфитеатры, цирки и пр. Все это мы находимъ на мѣстахъ древнихъ римскихъ колоній, въ только что названныхъ провинціяхъ.

Въ Испаніи уже Плиній насчитывалъ четыреста большихъ городовъ, изъ которыхъ наиболѣе великимъ была Италика, родина Траяна и Гадріана, извѣстные развалины которой находятся въ Сантипонкѣ, Кордуба (Кордова), Таррако (Таррагона) съ сохранившимся до сихъ поръ великолѣпнымъ акведукомъ, съ остатками амфитеатра и цирка, Гадесъ (Кадиксъ) и др.

Въ Британіи римскіе полководцы воздвигли на сѣверѣ два большихъ вала для защиты отъ нападенія скоттовъ и другихъ племенъ. Въ Галліи только въ одной Нарбоннской провинціи было основано 7 колоній и 29 римскихъ городовъ. Здѣсь, съ эпохи покоренія, было наименѣе войнъ съ варварами, населеніе признавало римскую власть и охотно, безъ сопротивленія принимало римскіе нравы и порядки,—галльскіе воины, какъ говорилъ уже Страбонъ, сдѣлались рабочими. Начали работать на поляхъ и въ виноградникахъ, лѣса друидовъ вырубались, проводились дороги, строились водопроводы и другія общественныя сооруженія.

Наиболѣе богатыя римскія колоніи находились въ юговосточной Галліи, вблизи Италіи, и тамъ именно сохранилось наиболѣе памятниковъ архитектуры и другихъ пластическихъ искусствъ. Множество памятниковъ римскаго стиля встрѣчается въ Нарбоннѣ, гдѣ по словамъ Дюрюи «стоитъ только копнуть, чтобы наткнуться на древнюю постройку или что нибудь скрытое въ землѣ». Изъ другихъ городовъ особенно были замѣчательны: Арелате (нынѣшій Arles), Толоза (Toulouse), Немаусъ (Nîmes), о которомъ уже Тацитъ говоритъ, что это была «ornamentissima colonia valentissimaque», и гдѣ сохранился великолѣпный римскій храмъ; Aquae Sextiae (Aix), прославившійся еще въ тѣ времена своими теплыми источниками, Lugdunum (Ліонъ), Vienna (Vienne), затѣмъ Burdigala (Бордо), главная гавань для Испаніи и Британіи, Juliobona (Lillebonne) у устья Сены со многими памятниками. Въ самомъ Парижѣ, древней Лютеціи, сохранились еще остатки древнихъ римскихъ термъ, составляющіе теперь часть музея Cluny. Большой кладъ драгоцѣнныхъ вещей римскаго типа, относящихся вѣроятно къ концу III стол. нашей эры, найденъ былъ въ Bernay въ 1830 г.

Во всѣхъ этихъ трехъ провинціяхъ, главнымъ образомъ впрочемъ въ Галліи и Испаніи, мѣстное населеніе, подъ вліяніемъ колонистовъ и войскъ, романизировалось чрезвычайно быстро. На ряду съ мѣстными божествами начали покланяться и римскимъ богамъ; съ новой культурой въ мѣстномъ языкѣ появилось прежде всего множество новыхъ названій и затѣмъ вообще вошелъ въ употребленіе въ домашней жизни, особенно высшихъ классовъ, латинскій языкъ, въ качествѣ языка торговаго и вообще высшаго во всѣхъ отношеніяхъ. Люди высшихъ сословій хлопотали часто передъ ближайшими римскими властями о мѣстахъ чиновниковъ, потомки древнихъ галльскихъ бар-

довъ начали плохо подражать Катуллу, Овидію, Марціалу, и всѣмъ этимъ національная самостоятельность была подорвана такъ быстро и такъ основательно, что черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ населеніе до самыхъ низшихъ его слоевъ романизовалось окончательно, забыло свой родной языкъ и свои обычаи и подчинилось римской цивилизаціи со всѣми ея достоинствами и недостатками. Только въ нѣкоторыхъ уголкахъ этихъ странъ удержалось еще населеніе въ прежнемъ его видѣ, сохранивъ даже до сихъ поръ еще отчасти свои древніе обычаи и не забывъ своего родного языка. Въ Англіи, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Уэльса, Кёмберлэндѣ, затѣмъ въ Ирландіи и въ Шотландіи, а во Франціи—въ Бретани можно еще услышать старинныя народныя баллады и пѣсни на языкѣ древнихъ галловъ.

Романизація не пошла впрочемъ такъ далеко въ прочихъ европейскихъ провинціяхъ, особенно на Дунаѣ. И здѣсь мѣстная культура приняла въ себя много италійскаго, но языкъ и обычаи сохранились почти въ своемъ первоначальномъ видѣ и заимствованіе чужаго ограничилось только индустріей, проникшей впрочемъ далеко на сѣверъ. Съ римскими издѣліями мы встрѣчаемся не только въ настоящихъ провинціяхъ—Панноніи, Реціи, Иллиріи, Норикѣ, на мѣстахъ бывшихъ римскихъ колоній и въ римскихъ гробницахъ, но и въ могилахъ мѣстнаго населенія, въ странахъ, лежащихъ далеко внѣ границъ римскаго государства, напр. въ балтійскихъ.

Въ провинціяхъ Реціи, Норикѣ, Панноніи, Мизіи и Дакіи, занимавшихъ все правое побережье Дуная и часть лѣваго *), мы встрѣчаемся со множествомъ памятниковъ римскихъ войскъ и колонистовъ—разнаго рода постройками и римскими гробницами. Но въ отличіе отъ западныхъ провинцій, памятники эти имѣютъ другой характеръ. Здѣсь было сравнительно мало цвѣтущихъ колоній и богатыхъ городовъ, больше укрѣпленныхъ лагерей, крѣпостей, вообще сооруженій для военныхъ цѣлей. Изъ такихъ военныхъ построекъ въ южной Германіи наиболѣе замѣчателенъ громадный валъ, устроенный для защиты противъ германцевъ, такъ наз. limes romanus, положеніе котораго и до сихъ поръ еще съ достовѣрностью не опредѣлено; недавно для изслѣдованія его была учреждена спеціальная нѣмецкая коммиссія. Валъ этотъ отдѣлялъ Рецію и горную Германію отъ собственно-Германіи на пространствѣ 550 килом. и тянулся отъ нынѣшняго Гейнгейма черезъ Лорхъ мимо Штутгарда къ Рейнбролю и Андернаху. По всей длинѣ своей онъ былъ укрѣпленъ

*) Рецiя (Rhaetia) находилась въ Тирольскихъ Альпахъ и южной Баваріи до р. Инна; Норика лежала на востокъ отъ нея до цетскихъ вершинъ (Cetius Mons), нынѣшняго Kahlenberg'а; отъ нея еще далѣе на востокъ къ Дунаю и на югъ къ Савѣ находилась Паннонія; Мизія занимала сѣверную половину нынѣшней Болгаріи отъ р. Дрины къ Черному морю; Дакія — нынѣшнюю Румынію, часть восточной Венгріи и Трансильванію.

башнями и фортами. Остатки древнихъ римскихъ крѣпостей и укрѣпленныхъ лагерей были найдены напр. въ Аугсбургѣ (древн. Augusta Vindeliciorum) и другихъ мѣстахъ. Мѣстность, гдѣ находилась важная крѣпость Ализо, до сихъ поръ еще точно не опредѣлена.

Наиболѣе городовъ и колоній было въ Норикѣ и въ Панноніи по теченію Дуная [351]). Мѣстное населеніе было очень смѣшанное. Остатки древнихъ иллировъ проникнуты были остатками галльскихъ племенъ, главнымъ образ. бойевъ, пришедшихъ когда-то изъ Бойогема, затѣмъ германцами и италійскими колонистами. Между городами особенно выдавались расположенные на Дунаѣ Lauriacum (Лорхъ), Vindobona (Вѣна) и главн. обр. Carnuntum (Петронелль), главный центръ торговли съ сѣверомъ, черезъ который шелъ главный торговый путь съ юга на сѣверъ черезъ Мораву къ Одеру и къ Вислѣ; затѣмъ Brigetio (Ö—Szöny) и Acquincum на мѣстѣ нынѣшняго Стараго Будина. Внутри страны въ Норикѣ были извѣстныя Ovilaba (Вельсъ), Juvavia (Зальцбургъ), Noreja (Неймарктъ), затѣмъ Virunum (Маріазааль); въ Панноніи—Scarabantia (Эденбургъ), Savaria (Штейнъ-ам-Ангеръ), Síscia (Сиссекъ), Aemona (Люблянь) и главнымъ обр. Sirmium (Митровицы). На берегу Адріатическаго моря сдѣлались наиболѣе извѣстными два города Aquileja (Оглей) и Tergeste (Тріестъ)—«рынки Италіи». О мѣстномъ производствѣ желѣза въ Норикѣ мы уже упоминали. Паннонія была также мѣстомъ рожденія нѣсколькихъ изъ позднѣйшихъ римскихъ императоровъ.

Далматская и иллирійская провинціи также сохранили много римскаго. Назовемъ по крайней мѣрѣ родину и резиденцію Діоклетіана—Салону (въ Сплитѣ) съ развалинами его великолѣпнаго дворца. Въ Босніи найдены были многочисленныя римскія постройки, какъ напр. въ бассейнѣ рѣкъ Дрины, Сана (Радимскій). Сюда относятся остатки цѣлаго древняго города Domavia въ Градинѣ возлѣ Скребеницы, римскій лагерь возлѣ Добоя, Црквеницы и пр. Въ Мизію и главнымъ обр. въ Дакію переселилось такое множество римскихъ колонистовъ, что населеніе послѣдней изъ этихъ двухъ странъ, въ большей своей части, романизовалось такъ-же, какъ это произошло и въ западныхъ провинціяхъ [352]). Въ Карпатскихъ горахъ скрывались богатыя мѣсторожденія золота, и римляне разумѣется старались удержать ихъ въ своемъ обладаніи. Они разрабатывали богатыя золотыя копи, напр. у нынѣшняго Vöröspatak'а въ Трансильваніи. Въ Мизіи и въ Дакіи внутри странъ не было особенно выдававшихся колоній, но за то на Дунаѣ играла большую роль Ratiaria (Арзаръ-Паланка), Viminacium (Костолацъ), на морскомъ побережьѣ Tomi (Кюстендже) и Odessus (Варна). Въ Ѳракіи слѣдуетъ упомянуть хоть о Траянополѣ и Адріанополѣ. И здѣсь на сѣверѣ, какъ въ Германіи и Британіи, страна охранялась валомъ, остатки котораго въ Подоліи были изслѣдованы

Киркоромъ, главнымъ обр. отъ сел. Германівки вдоль Збруча до впаденія этой рѣки въ Днѣстръ. Онъ называется Траяновымъ валомъ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ находятъ фундаменты древнихъ римскихъ построекъ, частныхъ и общественныхъ: храмовъ, термъ, мостовъ, виллъ и т. п., сложенныхъ изъ кирпича или изъ камня, а въ окрестностяхъ ихъ и довольно большое количество римскихъ гробницъ съ надгробными памятниками.

Римскія гробницы представляютъ собой оба способа погребенія; въ первыя столѣтія нашей эры держалось еще трупосожженіе, затѣмъ мертвыхъ начали хоронить въ землѣ. Гробницы перваго рода состоятъ или изъ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ, въ которыя пепелъ иногда высыпался просто, иногда же помѣщался въ погребальныя урны, или жеизъ каменныхъ, кирпичныхъ или

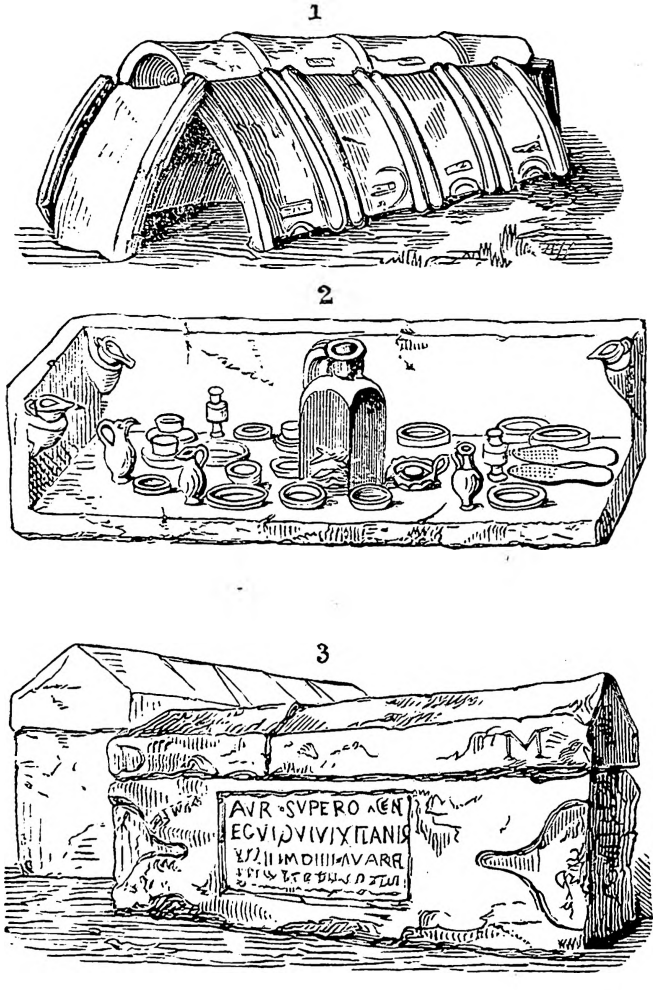


Рис. 365—367. Римскіе саркофаги въ Британіи.

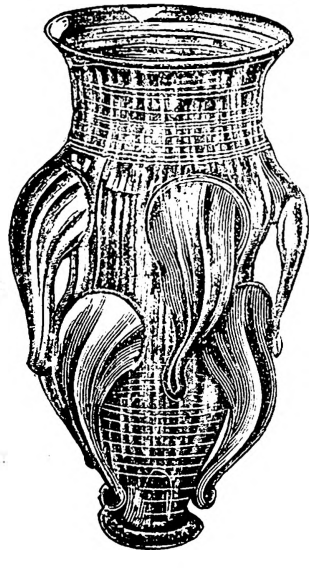


Рис. 368. Римскій стеклянный сосудъ, найденный въ Англіи.

досчатыхъ камеръ ,заключавшихъ въ себѣ урны съ пепломъ. Между гробницами втораго рода преобладаютъ саркофаги изъ камня или обожженной глины (см. рис. 365—367). Изъ предметовъ, положенныхъ съ покойниками, болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе оружіе чисто римскаго характера *), стек-

*) Вооруженіе римскаго воина этой эпохи состояло изъ шлема (galea), пла-

лянные и глиняные, сдѣланные на гончарномъ кругѣ сосуды, хорошо обожженные, чаще всего краснаго цвѣта. Римляне умѣли уже покрывать посуду поливой изъ свинца, какъ это доказано М. Фарреромъ [354]). Ихъ посуда украшена или простыми горизонтальными углубленными линіями, или же черточками, образующими иногда довольно сложный волнистый узоръ вокругъ вазы. Этотъ особенный видъ орнаментаціи, о которомъ, въ виду его важности, намъ придется упоминать еще дальше, встрѣчаются на римской посудѣ въ большей части лучше изслѣдованныхъ провинцій, но не въ самой Италіи. Будучи довольно рѣдкимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Галліи и Британіи, онъ въ другихъ мѣстахъ встрѣчается въ большомъ количествѣ, получивши вѣроятно мѣстное развитіе, какъ напр. на Рейнѣ, и еще болѣе въ Норикѣ, (мѣстонахожденія въ Биркельштейнѣ въ пров. Зальцбургѣ), въ Вассерингѣ въ Нижней Австріи и въ другихъ мѣстахъ. Изъ украшеній наиболѣе замѣчательны

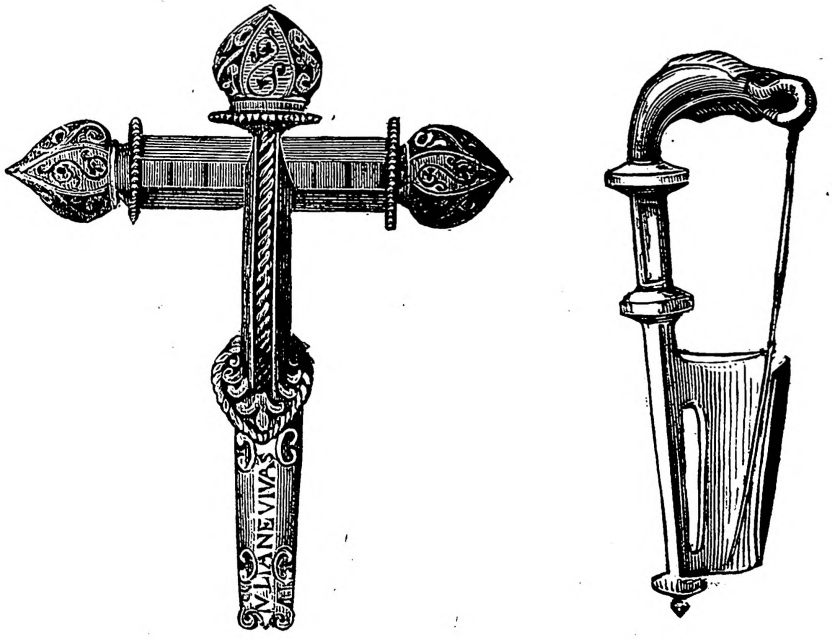


Рис. 369—370. Римскія фибулы провинціальнаго типа.

фибулы, выдѣлывавшіяся въ провинціяхъ фабричнымъ способомъ и служившія предметомъ обширной торговли. Это фибулы литыя, изъ плохой бронзы,

стинчатаго или чешуйчатаго панцыря (lorica), наголенниковъ (ocreae), въ послѣднее время впрочемъ менѣе употреблявшихся, затѣмъ обыкновенно изъ большаго четыреугольнаго щита (scutum), тяжелаго или легкаго копья (hasta, pilum) и изъ короткаго широкаго меча (gladius) [353]).

въ которой 10% олова, содержащихся обыкновенно въ древней классической бронзѣ, замѣнены смѣсью олова и цинка или же свинца[355]). Эта смѣсь обусловливаетъ между прочимъ и то, что на римскихъ и вообще позднѣйшихъ бронзахъ мы не находимъ уже той прекрасной зеленой патины, которою отличаются древніе предметы бронзоваго вѣка; патина римской бронзы бѣловато-зеленая, грязноватаго цвѣта, не блестящая и съ шероховатой поверхностью. Примѣры римскихъ провинціальныхъ фибулъ представлены у насъ на рис. 369 и 370. Дужка фибулы и игла не были уже сдѣланы изъ одного куска металла, но игла придѣлывалась снизу при помощи шарнира. Эти римскія фибулы получили въ разныхъ странахъ особый характеръ, мѣстныя особенности. О нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ изъ этихъ видоизмѣненій, какъ напр. о мекленбургскихъ фибулахъ, мы упомянемъ дальше. Кромѣ фибулъ, въ гробницахъ встрѣчаются серьги, перстни, браслеты, ножи, гребни, глиняныя лампочки, ложечки и очень многочисленныя бусы изъ простаго или пестро-окрашеннаго стекла; очень многочисленны также—въ гробницахъ и помимо гробницъ—находки римскихъ монетъ. Иногда находятъ цѣлые клады римскихъ монетъ на очень даже далекомъ разстояніи отъ бывшихъ границъ государства. Подобный кладъ открытъ былъ напр. на о-вѣ Готландѣ въ Камзѣ, въ Швеціи въ Гагестатборгѣ, въ Австріи—въ Трансильваніи въ Kis-Számos'ѣ, въ Венгріи—у Панчовы и Мегадіи, въ Россіи—въ Кіевѣ и многихъ другихъ мѣстахъ.

Гробницы римскія были найдены въ нынѣшнихъ австрійскихъ земляхъ, напр. въ Тиролѣ—въ Терланѣ, Меклѣ (часть могильника), возлѣ Мендолы, въ Крайнѣ, въ Любляни, Виноградѣ, Терновѣ, въ Св. Ахарѣ и пр.; въ Штиріи сюда относится часть кладбища въ Wies'ѣ, о которомъ мы говорили уже въ предыдущей главѣ. Часть гробницъ этого кладбища заключала въ себѣ инвентарь совершенно римскаго характера, какъ можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ (371).

Рис. 371. Сосуды изъ римскихъ гробницъ въ Wies'ѣ въ Штиріи.

Въ Нижней Австріи найдены были римскіе саркофаги съ костями въ

Маутернѣ, въ Клостернейбургѣ, въ Вельмѣ, въ Вельсѣ (здѣсь скелеты были впрочемъ отчасти въ саркофагахъ, отчасти же въ гробницахъ, сложенныхъ изъ камня), въ самой Вѣнѣ и въ окрестностяхъ ея, курганы съ римскими предметами въ Кильбѣ и Менкѣ, недалеко отъ С. Пёльтена (St. Pölten) и т. п. Въ Венгріи къ римской эпохѣ относятся напр. кладбища съ погребеніемъ въ землѣ въ Валкó близь Іедловы, въ пештской жупѣ, въ Островіанѣ въ саришской жупѣ (богатыя погребенія въ саркофагахъ).

Въ Чехіи находимы были отдѣльныя гробницы съ остатками трупосожженія, съ чисто римскими издѣліями и съ монетами главнымъ образомъ эпохи императоровъ, начиная съ Августа, въ Зливѣ возлѣ Йичина, въ Тейровѣ, въ Теплицахъ, въ Писекѣ, у Кошеницъ, въ Обриствахъ, Лысцѣ и т. д.; одна гробница съ костями возлѣ Врутицы Кропачовой. Римскія издѣлія здѣсь вовсе не означаютъ еще, что тамъ были похоронены римляне. Возлѣ Горжовицъ найдена была въ 1863 г. цѣлая коллекція предметовъ несомнѣнно римскаго происхожденія, между прочимъ 10 орнаментированныхъ фалеръ, 2 бронзовыя чаши, узда, фибула, желѣзный вертелъ и прочія металлическія мелочи.

Въ эту эпоху Чехія занята была германскимъ племенемъ маркомановъ (часть Моравіи — квадами), которые, придя съ береговъ Рейна, вытѣснили оттуда, по свидѣтельству Тацита, галльскихъ бойевъ на югъ, а сами основали тамъ прочныя поселенія. (По мнѣнію впрочемъ другихъ изслѣдователей выселеніе бойевъ не было въ зависимости отъ пришествія маркомановъ.) Государство маркомановъ скоро достигло большаго могущества при царѣ Маробудѣ и нѣсколько позже начало уже рядъ жестокихъ войнъ съ римлянами главнымъ образомъ при цезарѣ Маркѣ Авреліи Антоніи (166 — 180 г.г.). Послѣднія извѣстія о маркоманахъ въ Чехіи дошли до насъ отъ 451 г., когда они, вмѣстѣ съ квадами, присоединились къ войскамъ Аттилы, шедшимъ въ Галлію; затѣмъ памятники ихъ отсутствуютъ и дальнѣйшія извѣстія о нихъ прекращаются. Но у Прокопія есть извѣстіе о томъ, что уже въ 495 году германскія племена, передвигавшіяся на сѣверъ отъ Дуная, вѣроятно черезъ Чехію, встрѣтили на своемъ пути племена славянскія. Какія гробницы принадлежатъ маркоманамъ, опредѣлить очень трудно. Вѣроятно, имъ принадлежала та часть гробницъ, которую мы называемъ галльскими или тенскими, такъ какъ галльская культура навѣрно проникла еще раньше въ прежнія поселенія маркомановъ на Рейнѣ и на верхнемъ Дунаѣ (Палацкій впрочемъ помѣщаетъ ихъ на Одерѣ), и по всей вѣроятности, въ эпоху, когда маркоманы вторглись въ Чехію, большаго различія между галльскою и маркоманскою культурами уже не было. Отчасти же имъ легко могутъ принадлежать и гробницы, въ которыхъ въ первый разъ показываются слѣды такъ назыв. германскаго стиля. Всего этого, впрочемъ, недостаточно. Поэтому мы и не

отрицаемъ того, что выяснить археологически существованіе маркомановъ въ Чехіи до сихъ поръ вполнѣ и опредѣленно еще нельзя. Но, тѣмъ не менѣе, на основаніи историческихъ извѣстій мы не можемъ умолчать о нихъ, въ ожиданіи выясненія ихъ археологической характеристики въ будущемъ.

Мы замѣтили уже впрочемъ выше, что, по нашему мнѣнію, славянскія племена проникли еще въ предшествовавшую эпоху съ сѣверо-востока въ Чехію и Моравію, и что правдоподобнѣе всего имъ должны быть приписываемы тамошнія поля погребальныхъ урнъ. Теперь мы можемъ еще прибавить, что какъ вмѣстѣ съ бойями, такъ и вмѣстѣ съ маркоманами продолжали жить въ этихъ странахъ и славянскія племена. Война, въ результатѣ которой, по извѣстію Тацита, маркоманы изгнали оттуда галльское населеніе, не коснулась, вѣроятно, славянъ въ такой степени, чтобы измѣнить ихъ положеніе въ странѣ. Это была или война двухъ племенъ за владычество въ странѣ, за власть надъ ея мѣстнымъ населеніемъ, причемъ славяне должны были только подчиняться господству новыхъ пришельцевъ, или же она вообще касалась только заселенія не славянскихъ мѣстностей страны. Поля погребальныхъ урнъ, съ которыми мы уже встрѣчались раньше, доходятъ хронологически до эпохи римскаго вліянія. Вліяніе это касалось Чехіи въ очень сильной степени, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстіе о римской торговлѣ въ

Рис. 372. Сосуды изъ гробницъ въ Добржиховѣ.

главномъ городѣ Маробуда и о томъ, что черезъ Моравію пролегалъ главный торговый путь, связывавшій Италію съ сѣверной Европой *). Неудивительно поэтому, что мы встрѣчаемся въ могильникахъ, сравнительно болѣе богатыхъ чѣмъ древніе, съ предметами римскаго провинціальнаго типа. Наиболѣе замѣчательная находка въ этомъ родѣ была сдѣлана возлѣ Добржи-

*) Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что римляне оставили въ Чехіи и памятники своихъ военныхъ сооруженій. Думали, что такъ назыв. «маркоманская башня» въ Звиковѣ и «черная башня» въ Хабскомъ кремлѣ римскаго происхожденія или относятся къ римской эпохѣ (Воцель и Рзига въ полемикѣ противъ Грюбера). О звиковской башнѣ напр. Воцель полагаетъ въ своемъ «Pravěku země české» что она была построена по приказанію М. Аврелія [356]).

хова и описана недавно д-ромъ Пичемъ. Въ мѣстности, называемой «na Trebicke», найдено было большое поле погребальныхъ урнъ, заключавшее до 500 могилъ. Урны находились въ песчаной почвѣ безъ всякой каменной кладки, по большей части по одной въ каждой могилѣ. Старый обычай ставить вмѣстѣ съ погребальной урной еще нѣсколько другихъ сосудцевъ, въ видѣ приношенія покойнику, былъ очевидно уже оставленъ, но зато металлическіе предметы, въ особенности оружіе, были въ большомъ изобиліи. Но добржиховицкій могильникъ не только однимъ этимъ отличался отъ болѣе древнихъ типическихъ полей погребальныхъ урнъ; и характеръ его урнъ и самые предметы, при нихъ найденные, были совершенно другіе. Урны круглой формы по большей части были сдѣланы уже на гончарномъ кругѣ и очень хорошо орнаментированы (иногда у нихъ въ ушки продѣты кольца), а внутри ихъ кромѣ пепла и недогорѣвшихъ костей находимы были и предметы характера чисто римскаго: кривые мечи, ножи, сѣкиры, наконечники копій, бляхи щитовъ, шпоры, очень многочисленныя фибулы римскаго провинціальнаго типа и дугообразной формы, булавки, стеклянныя бусы, разныя подвѣски, пряслицы, ножницы, ключи, гвозди и т. п. Въ 1896 г., на томъ же мѣстѣ была найдена великолѣпная коллекція бронзовыхъ вазъ, бронзовыхъ же, а также золотыхъ и серебряныхъ украшеній—все это римской работы. Это была одна изъ самыхъ богатѣйшихъ находокъ въ Чехіи. Нѣсколько болѣе характерныхъ предметовъ этой находки представлены у насъ на рис. 373—374. Профессоръ Пичъ относитъ этотъ некрополь къ эпохѣ отъ III стол. до конца IV или до начала V нашей эры [357]).

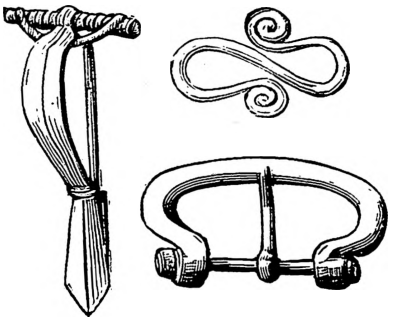


Рис. 373. Бронзовые предметы изъ гробницъ въ Добржиховѣ.

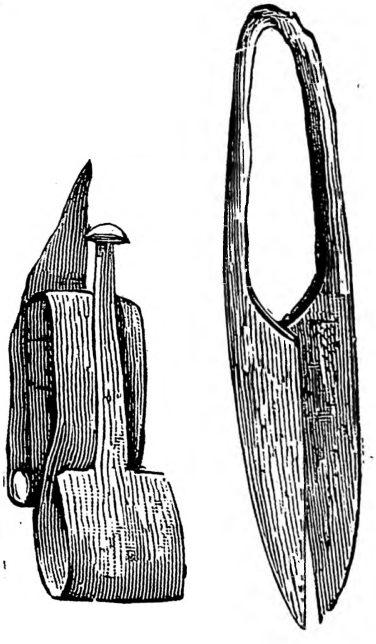


Рис. 374. Согнутый желѣзный мечъ и желѣзныя ножницы изъ добржиховскихъ находокъ.

Совершенно подобнаго же характера гробницы были найдены и въ Залужьѣ у Челяковицъ, въ Нымбуркѣ, въ Винтержицѣ. Профессоръ Пичъ скло-

няется къ мнѣнію, что отличительный характеръ этихъ гробницъ съ остатками трупосожженія, эпохи римской имперіи, не развился постепенно изъ древняго лужицко-силезскаго типа, но означаетъ собою новое вторженіе славянъ съ сѣвера *).

Въ Силезіи обращаютъ на себя вниманіе въ послѣднее время главнымъ образомъ три находки у Сакравы возлѣ Вратислава, описанныя Гремплеромъ [358]). Тамъ оказались костяки съ чрезвычайно интересными при нихъ предметами: бронзовой подставкой римской работы съ римской надписью и тарелкой, съ золотой фибулой, шейными гривнами (torques) и браслетами, сосудцемъ изъ миллефіороваго стекла, косточками, остатками кованнаго ведерка и т. п. Бронзовыя фибулы представляютъ собой видоизмѣненія римской провинціальной фибулы. Находка эта опредѣляется хронологически находками монетъ Клавдія Готика, т. е. относится по меньшей мѣрѣ къ концу III столѣтія.

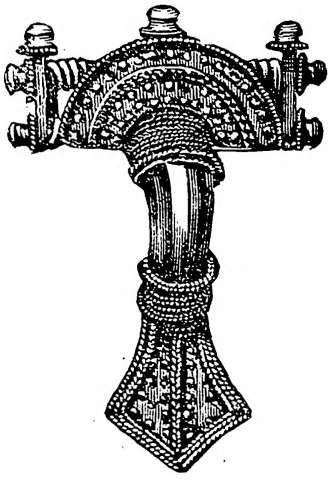


Рис. 375. Золотая фибула изъ сакравской находки.

Какую роль игралъ торговый путь, проходившій отъ Дуная черезъ Карнунтъ и Моравію на сѣверъ, въ распространеніи римской культуры далеко за предѣлами имперіи,— показываютъ намъ лучше всего памятники этой эпохи, отысканные въ странахъ, расположенныхъ у морей Сѣвернаго и Балтійскаго.

Мы видѣли уже, что во всей западной и сѣверной Германіи полное господство желѣза начинается только съ тенской культуры. По мнѣнію Ундсета, только приблизительно въ I столѣтіи нашей эры эта тенская культура была вытѣснена тамъ римскою провинціальною культурою, которая наиболѣе блестящимъ образомъ выражена въ сѣверной и восточной Германіи, главнымъ образомъ въ Мекленбургѣ, въ Помераніи и въ Пруссіи, откуда она перешла и на о-ва Балтійскаго моря и въ Скандинавію. Южнѣе отъ поименованныхъ земель она встрѣчается, какъ и слѣдовало ожидать въ виду ея направленія, въ Лузаціи, Бранденбургѣ и Тюрингіи (ср. предыд. примѣч. [359]). Въ Мекленбургѣ мы встрѣчаемся въ эту эпоху съ гробницами на поляхъ погребальныхъ урнъ, называемыхъ мѣстными жителями «вендскими кладбищами» (Wendenkirchhöfe). Погребальныя урны расположены

*) Напротивъ, Максъ Вейгель, изслѣдовавшій кладбище совершенно того-же типа, какъ и Добржиховское, возлѣ Дальгаузена (Бранденбургъ), приписываетъ его лонгобардамъ, которые будто-бы оставили его во время своего передвиженія съ сѣвера Германіи въ Италію. Подобныя же гробницы были изслѣдованы недавно возлѣ Рейхерсдорфа недалеко отъ Губена въ Лузаціи.

по склонамъ высотъ, на небольшой глубинѣ, по большей части просто въ землѣ и никогда не обложены камнемъ. Предметы, находимые въ урнахъ, обожжены и умышленно поломаны. Очень характерны сосуды, украшенные рядами точекъ и меандровымъ орнаментомъ, а также фибулы, провинціально-римскаго характера, но спеціально-мѣстнаго типа, такъ назыв. вендскія фибулы (рис. 376). Сюда относятся напр. большія кладбища возлѣ Вотеницъ, Пастена, Каммина, Притцира и пр. Часть этихъ кладбищъ принадлежала еще тенской эпохѣ, но большая часть все-таки относится къ эпохѣ

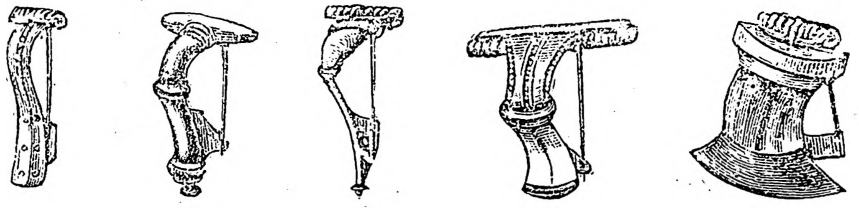


Рис. 376. Фибулы вендскаго типа изъ Пруссіи (по Лиссауэру).

римскаго вліянія. Еще издавна кладбища эти по существующему народному названію считались вендскими, т. е. славянскими. Потомъ, главнымъ образомъ Лишъ и Вирховъ, объявили ихъ германскими. Ундсетъ, въ своей книгѣ о началѣ желѣзнаго вѣка въ сѣверной Европѣ, и Лиссауэръ тоже присоединились къ этому мнѣнію. Мы же, разсматривая этотъ вопросъ съ своей точки зрѣнія, сомнѣваемся, чтобы всѣ эти кладбища были нѣмецкими. Очень раннее проникновеніе славянъ въ эти мѣстности весьма правдоподобно, но кромѣ того мнѣніе Ундсета, по которому господство римско-германской культуры, т. е. германской съ римскими вліяніями, было нарушено славянами на западѣ отъ Одера только въ 500 году нашей эры,—едва ли вполнѣ справедливо.

По мнѣнію Тишлера, римская провинціальная культура въ Восточной Пруссіи—была принесена туда путемъ торговли. Тишлеръ раздѣляетъ ее на нѣсколько эпохъ, изъ которыхъ первую онъ относитъ ко времени отъ 50 до 150 годовъ нашей эры, а во второй (отъ 150 до 250 г.) появляются нѣкоторыя издѣлія мѣстнаго характера, какъ напр. такъ наз. фибулы съ отростками (Sprossenfibel, рис. 377). Ундсетъ соглашается съ такой хронологіей.

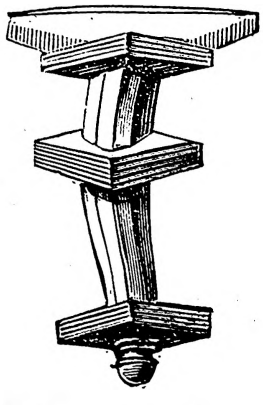


Рис. 377. Фибула съ отростками.

Если въ теченіе предыдущихъ эпохъ въ западной Пруссіи преобладало

трупосожженіе, то въ римскую вмѣстѣ съ нимъ появляется уже и погребеніе тѣлъ въ землѣ. Гробницы второго рода или плоскія или съ небольшой насыпью. Эти послѣднія, болѣе древнія, заключаютъ въ себѣ довольно бѣдный инвентарь: ножи, пряслицы, перстни и т. п. (какъ напр. гробницы въ Фёрстенау и многія могилы въ округахъ картаусскомъ, данцигскомъ, нейштадтскомъ); плоскія могилы, болѣе позднѣйшія—богаче. Сюда относятся могильники въ Амаліенфельдѣ (нейштадтскаго окр.), Эльбингѣ, Вармгофѣ и Тчевѣ (штаргардскаго окр.). Замѣчательное кладбище съ остатками трупосожженія найдено было возлѣ Оливы въ данцигскомъ окр., въ Ладекоппѣ и т. д. Въ Эльбингѣ найдены были снизу костяки, а надъ ними погребальныя урны, и тѣ и другія съ римскими издѣліями. Римскія фибулы доходили сюда до IV в. нашей эры. Народность жителей этой эпохи Лиссауэръ опредѣлять не рѣшается.

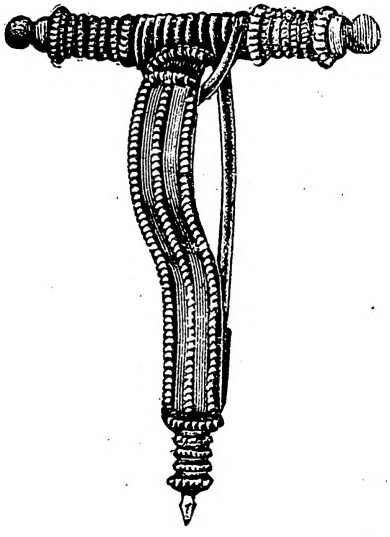


Рис. 378. Серебряная фибула римскаго типа съ о-ва Готланда.

Въ Ганноверѣ сюда относится извѣстный могильникъ въ Дарзау, относящійся къ первымъ столѣтіямъ нашей эры. Въ Шлезвигѣ и Ютландіи, гдѣ желѣзо появляется впервые въ значительномъ количествѣ, вездѣ попадаются издѣлія римскаго характера. Тоже самое надо сказать и объ остр. Зееландѣ. Въ Данію, по мнѣнію Ундсета, римская культура проникла вѣроятно только въ концѣ I стол. нашей эры и притомъ или черезъ западную Германію со стороны Рейна, или же черезъ восточную изъ Помераніи,—съ этой стороны нѣсколько позже.

Римское вліяніе проникло разумѣется моремъ и въ Скандинавію, Норвегію и Швецію, гдѣ только съ этого времени и началось развитіе желѣзной культуры. О. Монтеліусъ опредѣляетъ здѣсь тенскую и римскую эпохи отъ начала нашей эры до 400 г. *). О значительной торговлѣ,

*) Оскаръ Монтеліусъ въ французскомъ изданіи своей извѣстной книги Les temps préhistoriques en Suede (Paris 1896) раздѣляетъ весь желѣзный вѣкъ въ Скандинавіи слѣдующимъ образомъ:

А) До-римскій желѣзный періодъ. . .	I. 500—300 II. 300—150 III. 150—начало нашей эры.
В) Римскій желѣзный періодъ.	IV. Начало нашей эры—200 г. V. 200—400.

которую даже здѣсь вели римляне (съ войскомъ они никогда туда не заходили), свидѣтельствуютъ большія находки римскихъ монетъ, главн. обр. серебряныхъ денаровъ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры. Такіе клады были найдены напр. въ Гагестадборгѣ въ Сканіи, въ Камзѣ на Готландѣ (въ люммельлундскомъ окр.) и въ Синдарфвѣ (въ окр. Гемзе). Кромѣ монетъ, тамъ находили много и другихъ издѣлій очевидно римской работы. Торговля происходила морскимъ путемъ, съ помощью судовъ, изъ коихъ два, относящіяся къ этой эпохѣ, были найдены въ 1863 г. въ Нидамскомъ (Nydam) торфяникѣ въ Ютландіи. Это суда деревянныя, весельныя и безъ мачтъ (рис. 379).

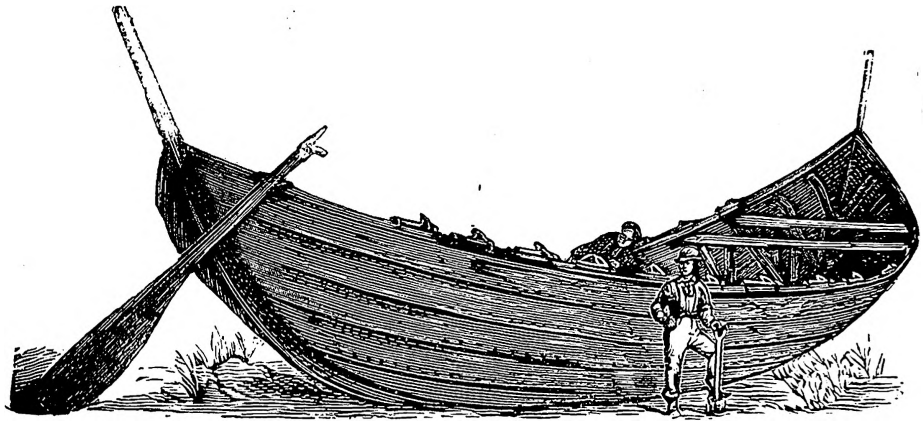


Рис. 379. Ладья римской эпохи, найденная въ Нидамѣ въ Ютландіи (по Монтеліусу).

Гробницы заключаютъ въ себѣ остатки трупосожженія вмѣстѣ съ простымъ погребеніемъ. Пепелъ покойниковъ складывался въ сосуды; несожигавшіеся трупы помѣщались часто въ гробницы въ видѣ каменныхъ ящиковъ. Оба похоронные типа обыкновенно бываютъ подъ курганами, насыпанными или изъ земли или изъ камней, плоскія гробницы очень рѣдки. Между найденными въ гробницахъ предметами, бронзовыхъ и золотыхъ шейныхъ гривенъ болѣе не встрѣчается, серебро также очень рѣдко, но за то многочисленны рога для питья, красивые глиняные сосуды, игральныя кости и камешки, желѣзные мечи, копья, стрѣлы и разныя украшенія.

Весьма понятно, что римское вліяніе проникло и въ область нынѣшней Россіи. Со времени смерти царя Митридата, т. е. съ 64 г. нашей эры, римляне овладѣли царствомъ Босфорскимъ. Вліяніе ихъ доказывается между

C) Періодъ великаго переселенія народовъ. { VI. 400—600 / VII. 600—800.

D) Періодъ викинговъ. . . . . { VIII. 800—1050 нашей эры.

прочимъ многочисленными находками римскихъ монетъ въ Россіи, каковы напр., кладъ, открытый въ городищѣ близь Новограда-Волынскаго (II в. нашей эры), или кладъ, открытый въ Кіевѣ и относящійся къ III—IV стол. н. э. (эпохи Гордіана, Галліена, Константина I и Константина II *).

Рис. 380. Серебряная кельтская монета изъ древней Паннонiи.

*) Оригинальное объясненіе происхожденія этихъ кладовъ римскихъ монетъ было представлено на русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1890 г. проф. Самоквасовымъ. По его мнѣнію, ихъ не слѣдуетъ разсматривать какъ слѣды римской торговли въ этихъ странахъ, но они скорѣе всего представляютъ собой—остатки имущества гото-дакійскихъ племенъ, разбитыхъ Траяномъ въ Дакіи и отступившихъ со своимъ имуществомъ къ сѣверу. У нихъ въ эту эпоху римскія монеты были вещью обыкновенною. Противъ этой теоріи, впрочемъ, на томъ же съѣздѣ были сдѣланы очень вѣскія возраженія.

ГЛАВА IX.

Конецъ доисторическихъ временъ.

Паденіе римскаго государства. — Германцы. — Великое переселеніе народовъ. — Культура рядовыхъ могилъ и перечисленіе главныхъ ихъ мѣстонахожденій. — Происхожденіе готскаго стиля. — Эпоха викинговъ на сѣверѣ Европы. — Славяне. — Ихъ распредѣленіе, распространеніе и очеркъ ихъ первобытной культуры. — Сохранившіеся памятники. — Городища, свайныя поселенія и гробницы въ славянскихъ земляхъ. — Торговля съ арабами. — Появленіе христіанства.

Мы видѣли, что римское государство при Константинѣ Великомъ еще разъ оправилось, усилилось и расширилось. Но это было уже послѣднее оживленіе организма, осужденнаго на неотвратимую гибель. Было бы очень ошибочно думать, что римская имперія обязана своимъ паденіемъ только варварамъ и главнымъ образомъ не тронутымъ еще цивилизаціей германцамъ. Причинъ гибели ея было нѣсколько, и главныя изъ нихъ таились внутри самого государства. Германскія полчища только помогли болѣе быстрой развязкѣ. Еще задолго до ихъ вторженія, римской имперіи угрожало паденіе, и она разрушилась бы и безъ ихъ нашествія, но только медленнѣе, путемъ внутренняго разложенія. Кромѣ варваровъ паденію имперіи способствовало также и христіанство, принесшее съ собой совершенно другіе соціальные взгляды и понятія.

Эти и другія причины и обусловили паденіе римскаго государства, въ скорости послѣ смерти Константина Великаго. Константинъ отчасти и самъ тому содѣйствовалъ, раздѣливши государство между тремя своими сыновьями и двумя племянниками. При Констанціи и Юліанѣ начались внутреннія междоусобія, а кромѣ того и новыя войны на Дунаѣ, Рейнѣ и Евфратѣ. Юліанъ поднялъ было немного государство, принялся за реформы учрежденій, нравовъ и обычаевъ, но послѣ двухъ лѣтъ царствованія (361—363 г.) умеръ. Его наслѣдникамъ приходилось съ немалымъ трудомъ защищать границы имперіи въ Британіи отъ пиктовъ и скоттовъ, на Дунаѣ—отъ германцевъ, на востокѣ—отъ персовъ. Къ этимъ врагамъ вскорѣ присоединился еще

одинъ, новый и страшный,—гунны. Они разорили часть государства готовъ и принудили визиготовъ къ посредничеству, а потомъ и къ войнѣ съ императоромъ Валенціемъ, которая окончилась страшнымъ пораженіемъ римлянъ въ 378 г. у Адріанополя и осадой самого Константинополя. Не могъ спасти имперіи и великій Θеодосій (379—395). Съ его именемъ связано одно очень важное обстоятельство, а именно: раздѣленіе имперіи между его двумя сыновьями Аркадіемъ и Гоноріемъ, которое повело къ постоянному уже раздѣленію государства на двѣ имперіи, западную и восточную. Восточная имперія продержалась еще около тысячи лѣтъ и пала только въ 1453 г. подъ напоромъ османовъ. Западная-же не могла просуществовать еще болѣе одного столѣтія. У варваровъ появился цѣлый рядъ замѣчательныхъ вождей и правителей: Аларихъ и Рагадаисъ у готовъ, Гейзерихъ—у вандаловъ, Аттила—у гунновъ, и предводители римскихъ войскъ напрасно старались защитить отъ нихъ предѣлы имперіи. Не помогли и неоднократныя пораженія Алариха Стилихономъ, не много пользы принесла Риму даже храбрость Аэція, заставившаго отступить Аттилу на Каталаунскихъ поляхъ въ 451 году. Аларихъ тѣмъ не менѣе три раза проникалъ далеко вглубь Италіи, осадилъ Римъ, взялъ его и опустошилъ; затѣмъ явился Аттила и наконецъ въ городѣ, владѣвшемъ до тѣхъ поръ всѣмъ міромъ, появились вандалы и въ теченіи двухъ недѣль грабили и уничтожали всѣ памятники бывшаго римскаго могущества, славы и искусства. Римскіе императоры, жившіе въ разныхъ меньшихъ городахъ, были безпомощны, находясь въ зависимости отъ своихъ полководцевъ, и мѣнялись безпрестанно, погибая послѣ очень кратковременнаго царствованія отъ кинжала или отъ задушенія. Наконецъ, въ 476 году полчища, состоявшія изъ германскихъ геруловъ, ругіевъ, скировъ, турцилинговъ и т. п. подъ предводительствомъ Одоакра низвергли въ Равеннѣ послѣдняго римскаго императора Ромула-Августула, удовольствовавшагося небольшимъ денежнымъ вознагражденіемъ и виллой на Байскомъ заливѣ. Такъ окончилась западная имперія послѣ болѣе чѣмъ тысячелѣтняго славнаго существованія.

Съ паденіемъ римской имперіи, во главѣ исторіи Европы становится германскій народъ. Мѣстомъ, гдѣ онъ развился и пріобрѣлъ ту силу, съ какой онъ выступилъ на сцену міровой исторіи, была, несомнѣнно, Европа. Независимо отъ того, азіатскаго ли вообще происхожденія индо-европейскія племена или европейскаго, во всякомъ случаѣ, вполнѣ достовѣрно, что процессъ ихъ раздѣленія на главныя вѣтви происходилъ въ Европѣ, гдѣ-то въ восточныхъ или сѣверныхъ ея странахъ. Тамъ германцы выработали свой

языкъ и свою народность; но опредѣлить ближе мѣстность, гдѣ это произошло, пока еще нѣтъ возможности.

Въ началѣ эпохи христіанства, мы видимъ германцевъ уже занимающими значительную часть Европы отъ Рейна на востокъ до Вислы, на югъ—до верхняго Дуная, на сѣверъ—до Скандинавіи. По крайней мѣрѣ Тацитъ называетъ Германіей (Germania magna) широкую полосу земли, заключающуюся между Галліей, Реціей, Панноніей (т. е. Рейномъ и Дунаемъ), Сарматіей, Дакіей и моремъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что эту Германію Тацита надо понимать въ смыслѣ болѣе географическомъ, чѣмъ этнографическомъ, совершенно такъ же, какъ мы замѣтили это на стр. 430 относительно Сарматіи. Другими словами, мы хотимъ сказать, что не всѣ племена, населявшія Германію Тацита, были германскими. Несомнѣнно, что часть племенъ, жившихъ на востокѣ,—тамъ, гдѣ по нашимъ предположеніямъ уже съ бронзоваго вѣка поселились славяне,—была славянскаго происхожденія. Но какія именно это были племена изъ ряда тѣхъ, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели, опредѣлить не легко. По большей части мы знаемъ только ихъ латинизированныя названія, на основаніи которыхъ нѣкоторыми и дѣлались вполнѣ неудачныя попытки опредѣлить ихъ народность этимологическимъ путемъ.

Тацитъ раздѣляетъ Германію этнографически на три большія части: западную—страну истевоновъ (Istaevones), побережную—ингевоновъ (Ingaevones) и среднюю—герміоновъ (Hermiones). Обыкновенно же онъ говоритъ объ отдѣльныхъ германскихъ племенахъ, между которыми упоминаются на западѣ: хатты, сигамбры, убіи, узипіи, марсы, батавы и пр.; по Рейну, на сѣверномъ берегу Германіи: фризы, хауки, саксы, ангриваріи; внутри страны—херуски, гермундуры; на востокѣ Германіи жило большое племя свевовъ, о національности котораго было столько ученыхъ споровъ между нѣмецкими и славянскими изслѣдователями. Это названіе служило собирательнымъ именемъ для цѣлаго ряда самыхъ различныхъ племенъ, между которыми были могущественные семноны, жившіе между Эльбой и Одеромъ, затѣмъ лугіи, бургундіоны, турцилинги, скиры, гуттоны, вандалы, ругіи и пр. Въ Чехіи, какъ мы уже говорили, жили въ эпоху императоровъ маркоманы, а на востокъ отъ нихъ квады. Тацитъ прибавляетъ, что за ними были еще свевскіе марсигны и буры, галльскіе котины и паннонскіе осы—отчасти вѣроятно еще въ Чехіи и въ Моравіи.

Первоначальная страна германцевъ была впрочемъ гораздо менѣе обширна, и болѣе широкое распространеніе этого племени произошло уже позже. Отдѣльныя германскія племена начали постепенно подвигаться съ оружіемъ на западъ, на югъ и на востокъ, такъ что въ эпоху цезарей занимали уже вышеперечисленныя мѣстности. Иногда отдѣльныя племена заходили чрезвы-

чайно далеко отъ своей первоначальной родины. Первое подобное передвиженіе германскихъ племенъ извѣстно намъ изъ исторіи конца римской республики. Нѣмецкіе кимвры и тевтоны двинулись въ 120 г. до нашей эры съ сѣвернаго побережья Германіи и послѣ длинныхъ переходовъ достигли наконецъ Норики и южной Галліи, гдѣ въ первый разъ столкнулись съ римскими войсками. Пораженіе римлянъ и страхъ, овладѣвшій ими при приближеніи этихъ варваровъ къ самому Риму, извѣстны всѣмъ. Только позже знаменитому полководцу К. Марію удалось побѣдить ихъ въ сраженіи у Aquae Sextiae въ 102 г. и на раудицкихъ поляхъ въ 101 г.

Первое германское нашествіе на римское государство такимъ образомъ было неудачнымъ. Римъ былъ еще слишкомъ силенъ, онъ находился еще въ періодѣ своего могущества. Но это вторженіе кимвровъ и тевтоновъ не было послѣднимъ. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ римляне укрѣпились въ своихъ дунайскихъ провинціяхъ и на Рейнѣ и вошли такимъ образомъ въ прямое соприкосновеніе съ мало по малу расширявшими свою территорію германцами, набѣги этихъ послѣднихъ становились все чаще и чаще. А когда ихъ военное могущество достигло полнаго развитія, тогда сила Рима начала уже падать. Нашествія съ сѣвера становились болѣе частыми, проникали глубже. Римляне начали понемногу отступать и мало по малу уступали имъ части своихъ провинцій, пока варвары наконецъ не проникли въ самую Италію и не нанесли смертельнаго удара государству.

Причины этого выхода германскихъ племенъ изъ ихъ прежнихъ предѣловъ были отчасти внутреннія, но еще болѣе—внѣшнія. Изъ Азіи, издавна посылавшей въ Европу свои народы, безпрестанно изливались новыя ихъ волны. Пока въ Европѣ было еще достаточно мѣста, эти вторженія новыхъ племенъ не оказывали большого давленія на древнее мѣстное населеніе. Но затѣмъ положеніе дѣлъ измѣнилось и въ началѣ нашей эры, когда новые приливы населенія изъ Азіи опять надвинулись на Европу, восточные предѣлы ея уже были довольно густо населены племенами славянскими и германскими. Разселеніе новыхъ пришельцевъ уже не могло происходить по прежнему мирнымъ путемъ, дѣло дошло до насилій и войнъ. Поэтому-то съ самаго начала перваго тысячелѣтія нашей эры и почти до самаго конца его *) мы видимъ въ исторіи Европы цѣлый рядъ постоянныхъ передвиженій впередъ и назадъ разныхъ народовъ, европейскаго и азіатскаго происхожденія, видимъ, какъ подъ напоромъ финскихъ и тюрко-татарскихъ племенъ, славянскія племена отодвигались на югъ и западъ, тѣсня германцевъ, а эти послѣдніе, находясь въ полномъ расцвѣтѣ своей силы и народной

*) Обыкновенно эпохой великаго переселенія народовъ называется время отъ пришествія гунновъ до полнаго утвержденія лонгобардовъ въ Италіи (отъ 375 до 568).

жизни, подвигались туда, гдѣ при постоянно ослабѣвавшемъ сопротивленіи имъ улыбалось ясное голубое небо, вѣчная весна, богатство и роскошь,—на югъ Европы. Весь этотъ напоръ происходилъ въ теченіе сравнительно короткаго промежутка времени, которое мы называемъ эпохой великаго переселенія народовъ. Всей картины этого историческаго явленія мы здѣсь дать не можемъ и ограничимся только обозначеніемъ нѣсколькихъ наиболѣе замѣчательныхъ его моментовъ [360]).

Наибольшее участіе принимали въ немъ готы, которые уже во II стол. вышли изъ своихъ первоначальныхъ поселеній на сѣверномъ побережьѣ и на устьяхъ Вислы и, направившись на юговостокъ, поселились на сѣверномъ берегу Чернаго моря и основали тамъ могущественное готское государство, раздѣлявшееся на двѣ вѣтви—восточную и западную: остроготовъ и визиготовъ. Здѣсь они достигли значительнаго могущества, и культура ихъ, какъ увидимъ далѣе, вслѣдствіе долгаго соприкосновенія съ странами, лежавшими далѣе къ востоку, пріобрѣла совершенно особенный характеръ. Они занимались пиратствомъ на Черномъ морѣ, пересѣкая его по всѣмъ направленіямъ на своихъ длинныхъ и легкихъ ладьяхъ. Значеніе государства было особенно поднято Германрихомъ, завоевавшимъ большую часть нынѣшней Россіи. Словомъ, готы за время своего пребыванія на берегахъ Чернаго моря сдѣлались народомъ очень замѣчательнымъ, какъ по своей дальнѣйшей роли въ исторіи переселенія народовъ, такъ и по своему значенію въ исторіи развитія германской культуры. Конецъ господству готовъ былъ положенъ нашествіемъ гунновъ.

Гунны,—народъ темнаго еще происхожденія, можетъ быть тюркскаго, можетъ быть угорскаго, напали въ 375 г. на остготовъ, уничтожили ихъ (кромѣ небольшой части, удержавшейся на Таврическомъ полуо-вѣ) и начали враждебныя дѣйствія противъ вестготовъ. Эти послѣдніе обратились къ Византіи съ просьбой, чтобы имъ позволили поселиться за Дунаемъ въ Мизіи. Императоръ Валентій I не отказалъ имъ въ этомъ разрѣшеніи, но затѣмъ начались ссоры, и въ войнахъ, происходившихъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, римской имперіи пришлось потерпѣть большія пораженія, особенно со времени воцаренія у готовъ ихъ вождя Алариха. Готы завоевали Грецію, прошли по Италіи и наконецъ достигли Испаніи, гдѣ уже давно поселились германскія племена алановъ, свевовъ и вандаловъ, и тамъ въ 419 году основали новое визиготское государство со столицей въ Толозѣ. Вскорѣ затѣмъ, впрочемъ, вандалы перешли въ Африку, завладѣли большею частью ея сѣвернаго побережья, а при царѣ Гейзерихѣ завоевали Италію, Сицилію и Корсику. Между тѣмъ на востокѣ опять надвинулись гунны подъ предводительствомъ Аттилы. Изъ нынѣшней Венгріи, бывшей центромъ ихъ владычества, они вторглись въ Западную Европу и послѣ страшнаго пораженія, которое

они потерпѣли отъ соединенныхъ римско-германскихъ войскъ въ Галліи на Каталаунскихъ поляхъ въ 451 г., обратились наконецъ къ Италіи, часть которой и опустошили.

Съ паденіемъ послѣдняго римскаго императора Ромула-Августула въ 476 г. миръ еще не водворился. Въ 493 г. Италія была покорена остатками визиготовъ подъ предводительствомъ Теодориха; въ 555 г. она была присоединена опять къ восточной римской имперіи, но уже въ 568 г. явились туда изъ Панноніи лонгобарды, завоевали всю сѣверную и части средней и южной Италіи и сдѣлали столицей своего государства Павію. Пока все это происходило въ Италіи, появились новыя германскія государства въ Англіи и въ Галліи.

Этотъ, хоть и самый поверхностный обзоръ главнѣйшихъ событій, даетъ все таки нѣкоторое представленіе о томъ, что называется эпохой великаго переселенія народовъ. Германскій элементъ распространился по всей Европѣ и вездѣ, куда онъ ни проникалъ, онъ прививался къ народамъ, съ которыми входилъ въ соприкосновеніе, сообщая имъ въ большей или меньшей степени свою кровь и свою культуру. Понятно поэтому, что въ данную эпоху во всей Европѣ мы встрѣчаемся съ новымъ характеромъ памятниковъ, съ новымъ вкусомъ или стилемъ—германскимъ. Постараемся теперь набросать картину германской культуры, на сколько мы можемъ возстановить ее по находкамъ въ гробницахъ. Подробнаго описанія ея мы дать не можемъ и ограничимся только обозначеніемъ тѣхъ основныхъ признаковъ, которыми отличаются памятники этой эпохи. Тѣхъ же, кто хотѣлъ бы подробнѣе заняться этимъ предметомъ, мы отсылаемъ къ извѣстному сочиненію Линденшмита, Handbuch der deutschen Alterthümer T. I. (Braunschw. 1889), которому почти вполнѣ слѣдуемъ и мы.

Періодъ, начинающійся со времени, когда на развалинахъ римской имперіи германцы овладѣли почти всей средней и западной Европой и кончающійся эпохой принятія германцами христіанства, прежніе археологи называли меровингскимъ по имени господствовавшей у франковъ династіи, основанной Хлодвигомъ изъ рода Меровеевъ. Многіе продолжаютъ называть такимъ образомъ до сихъ поръ и самую эпоху и характеръ ея культуры, въ особенности же своеобразный стиль, сопровождавшій вездѣ ихъ художественную индустрію, хотя, какъ мы увидимъ далѣе, гораздо лучше было бы примѣнять другое названіе. Періодъ этотъ, по мнѣнію Линденшмита, занимаетъ время главнымъ образомъ между V—VIII стол. до нашей эры и эпохой крещенія франковъ.

Гробницы съ ясно выраженнымъ характеромъ этого времени встрѣчаются въ большомъ количествѣ во всей Германіи, затѣмъ въ Бельгіи, сѣверной Франціи и въ Британіи. Въ земляхъ на югъ и на востокъ отъ этихъ

мѣстностей онѣ рѣже, хотя попадаются иногда въ Альпахъ, въ Венгріи, въ Чехіи и т. д. За то онѣ опять многочисленны на сѣверѣ—въ Скандинавіи и въ Даніи. Устройство этихъ гробницъ двоякое: онѣ или представляютъ собой курганы, насыпанные надъ тѣломъ не подвергавшимся сожженію, или же, и притомъ чаще всего, онѣ представляютъ собой ямы въ землѣ, въ которыхъ гробы поставлены рядами другъ возлѣ друга. Эти послѣднія и составляетъ собою типическія нѣмецкія, такъ называемыя рядовыя гробницы (Reihengräber), находимыя главнымъ обр. въ странахъ алеманновъ и франковъ. Употребляя выраженіе «рядовыя гробницы», до сихъ поръ обыкновенно имѣютъ въ виду именно этотъ видъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ могилъ, что впрочемъ не точно, такъ какъ подобный способъ погребенія тѣлъ одного возлѣ другаго рядами существовалъ и въ болѣе древнія времена и притомъ не только у нѣмецкихъ племенъ, но и у другихъ народовъ.

Гробницы эти не имѣютъ никакого внѣшняго обозначенія, но есть старинныя извѣстія о томъ, что первоначально онѣ бывали окружены кустами, терновникомъ или рѣшетками, что надъ ними ставили деревянные столбы (Charistado) или какія то деревянныя подмостки (?, selave), домики или даже каменныя стелы. Костяки лежатъ въ нихъ чаще всего просто въ землѣ или на доскѣ и прикрыты доскою же, иногда же въ гробу изъ досокъ или изъ выдолбленнаго древеснаго ствола. Въ могилѣ какого то, вѣроятно, князя,

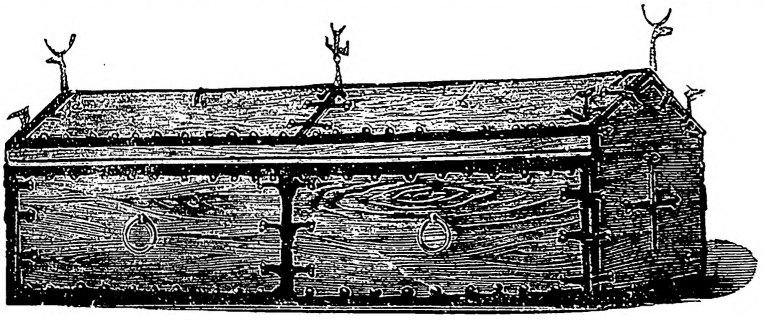


Рис. 381. Деревянный гробъ изъ кладбища возлѣ Цивезанна въ Тиролѣ.

возлѣ Цивезанна, былъ найденъ искусной работы окованный желѣзомъ гробъ (рис. 381). Франки и бургунды употребляли также позаимствованные отъ римлянъ каменные или гипсовые саркофаги, но въ Баваріи и у англосаксовъ ихъ не было.

Предметы, положенные съ покойниками, богаты или бѣдны, смотря по состоянію умершаго. Княжескія могилы, въ родѣ найденной въ Цивезаннѣ, наполнены желѣзнымъ оружіемъ, золотыми и бронзовыми украшеніями, часто отдѣланными стекломъ и драгоцѣнными камнями; иногда же при скелетахъ не оказывается ничего, кромѣ развѣ какого-нибудь невзрачнаго желѣзнаго ножа.

Оружіе почти все желѣзное. Чаще всего встрѣчается ножъ разной величины, но всегда съ прямымъ клинкомъ, а не загнутымъ (рис. 382, 390), какъ это было напр. у галльштаттскихъ ножей. Небольшіе ножи служили только орудіемъ, большіе же (sax)—и рубящимъ, и колющимъ, и метательнымъ оружіемъ. Широкій массивный ножъ, бывшій главнымъ образомъ рубящимъ оружіемъ, назывался скрамасаксомъ (Scramasax) и встрѣчается постоянно въ франкскихъ и бургундскихъ могилахъ. Названіе Scramasax — франкское, но

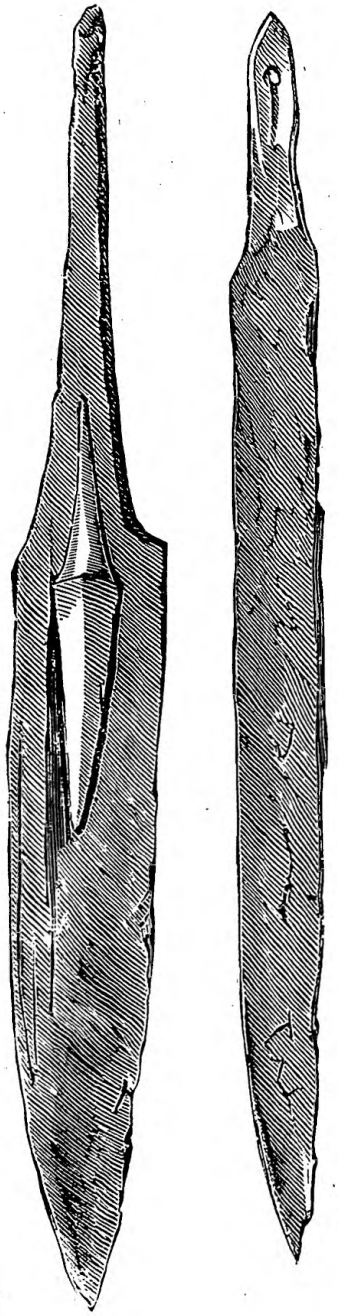


Рис. 382. Желѣзные скрамасаксы изъ гробницъ St. Georgen въ Верхней Австріи.

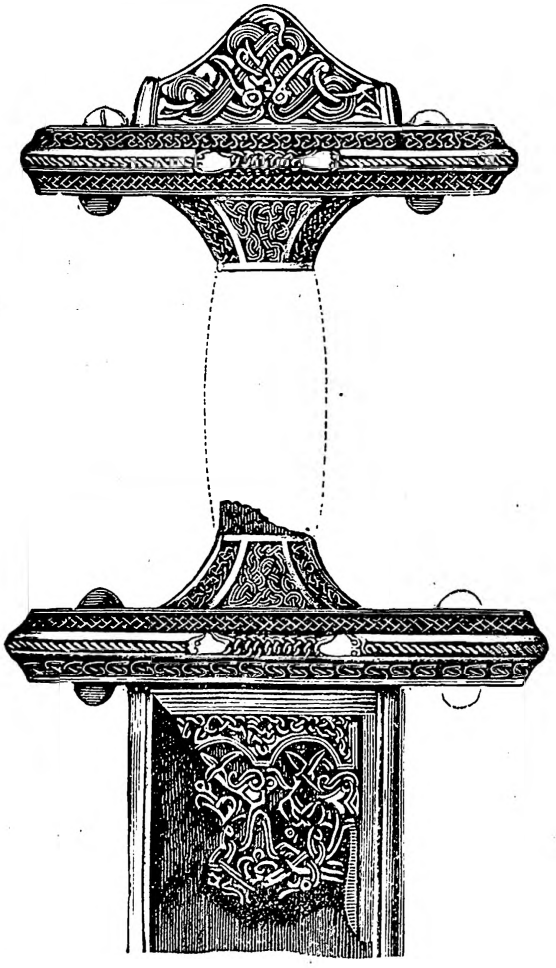


Рис. 383. Золотая рукоятка меча, найденная въ гробницѣ возлѣ Уллтуны въ Швеціи.

существуетъ кромѣ того другое латинское Semispatha. Главнымъ оружіемъ

были все таки длинный обоюдоострый мечъ (spatha) и сѣкира. По мнѣнію Линденшмита, мечъ этотъ (спата) былъ позаимствованъ германцами отъ римлянъ; по крайней мѣрѣ, онъ встрѣчается чаще всего именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ германскія племена были въ наиболѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ римлянами, главнымъ образомъ на Рейнѣ. Начиная оттуда, какъ въ западномъ такъ и въ восточномъ направленіи это оружіе встрѣчается все рѣже; въ Англіи оно уже очень рѣдко. Клинокъ его желѣзный; рукоятка, укрѣплявшаяся на желѣзномъ стержнѣ, дѣлалась изъ дерева или кости, а у болѣе богатыхъ мечей и изъ золота, и украшалась драгоцѣнными камнями. Ножны и наконечники ихъ также бывали или простыми или богато украшенными (рис. 383, 384).

Другимъ обычнымъ предметомъ вооруженія была сѣкира, служившая или рубящимъ или метательнымъ оружіемъ. Для послѣдней цѣли употреблялся еще у франковъ особый видъ легкаго топора съ короткимъ топорищемъ, извѣстный подъ названіемъ франциска; (рис. 385). Изъ предметовъ болѣе

Рис. 384. Наконечникъ ноженъ меча изъ гробницъ въ Венделѣ въ Швеціи.

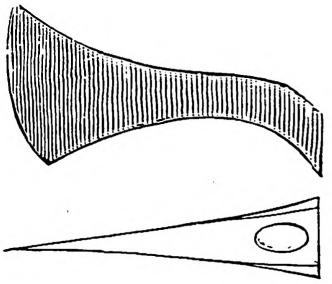


Рис. 385. Франциискъ (по Линденшмиту).

древнихъ эпохъ наиболѣе подходитъ къ этому роду оружія извѣстный уже намъ кобанскій топоръ. Кромѣ франциска употреблялись еще топоры и другихъ формъ, болѣе близкихъ къ современнымъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ лезвее на столько широко, что они представляютъ переходъ къ позднѣйшимъ алебардамъ. Двойныхъ сѣкиръ, не смотря на то, что о нихъ есть довольно много историческихъ извѣстій, до сихъ поръ еще найдено не было.

Изъ прочаго оружія мы находимъ въ гробницахъ копья самыхъ разнообразныхъ формъ, между которыми особенно интересны снабженныя загнутымъ взадъ крючьями, формы очень рѣдкой и скорѣе всего заимствованной отъ римлянъ (ango); затѣмъ оригинальныя копья съ двумя крылообразными придатками па втулкѣ (рис. 387). Нѣкоторые, какъ напр. проф. Ранке,

хотѣли видѣть въ нихъ (по крайней мѣрѣ для Баваріи) славянское оружіе, но это лишено основанія; у славянъ такого оружія не было, но за то оно въ большомъ количествѣ встрѣчается на западѣ. По мнѣнію Линденшмита, это оружіе охотничье, и крылья въ немъ не имѣли другой цѣли, какъ только задержать слишкомъ глубокое проникновеніе копья въ тѣло животнаго. Наконечники копій тоже весьма многочисленны, а равно найдены и вполнѣ сохранившіеся луки, но за то въ гробницахъ не оказывается колчановъ, пращей, булавъ, роговъ и трубъ и знаменъ, хотя они несомнѣнно употреблялись въ эту эпоху. О характерномъ металлическомъ орудіи, называвшемся cateia или teutona, Исидоръ разсказываетъ, что, будучи брошено, оно само возвращалось къ мѣсту бросанія. Вѣроятно, это было оружіе, подобное австралійскому бумерангу, встрѣчающемуся впрочемъ и въ другихъ странахъ. Изъ вооруженія оборонительнаго чаще всего встрѣчается щитъ, разумѣется въ видѣ только его срединной выпуклой бляхи (umbo) (ср. рис. 390,7). Самъ щитъ былъ деревянный, обыкновенно круглой или овальной формы, обтянутый кожей. Шлемы, латы и наголенники въ находкахъ очень рѣдки, хотя объ нихъ есть много извѣстій въ письменныхъ памятникахъ. Они составляли вѣроятно вооруженіе только особенно знатныхъ воиновъ. Не особенно часто встрѣчаются въ гробницахъ части конской сбруи: шпоры, обыкновенно желѣзныя, полукруглыя, снабженныя простымъ небольшимъ шипомъ *), желѣзныя удила, еще рѣже стремена и подковы. Линденшмитъ вообще отрицалъ употребленіе въ это время подковъ. По мнѣнію Шаафгаузена, и римляне и германцы въ эпоху императоровъ, вѣроятно, не знали еще подковъ, но позже онѣ уже вошли въ употребленіе. За то очень многочисленны разныя орнаментированныя фалеры, четыреугольной и округлой формы. Пока конскіе скелеты еще не исчезаютъ, но встрѣчаются только въ гробницахъ болѣе древняго типа и притомъ богатыхъ людей.

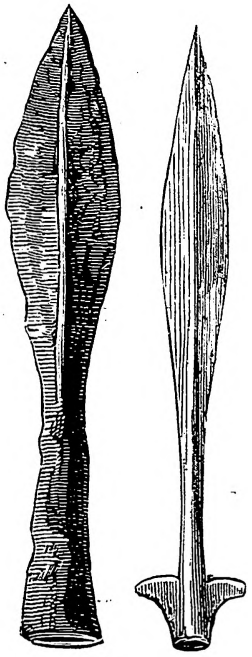


Рис. 386—387. Желѣзный наконечникъ копья изъ кладбища въ Цивезаннѣ и копье съ крылышками изъ Ленгенфельда въ Баваріи.

Очень многочисленны также украшенія и разныя другія вещи, относящіяся къ одеждѣ, какъ напр.: костяные гребни, которые носились съ прочими туалетными принадлежностями въ льняной или кожаной сумочкѣ, при-

*) Лонгобарды носили двѣ шпоры, франки и аллеманы только одну—на лѣвой ногѣ.

крѣпленной къ поясу, бронзовые щипчики для выдергиванія волосъ (бритва не была въ ходу), желѣзныя ножницы извѣстной намъ формы (рис. 338), ложечки и т. п.,—все это въ могилахъ мужчинъ и женщинъ. Одежда, о которой мы имѣемъ подробныя извѣстія у Сидонія Аполлинарія, Павла Діакона, Агаѳія, Эйнгарда и др., приготовлялась изъ кожъ, шерсти или льна. Для завязыванія ея служилъ поясъ, стягивавшій также шаровары, къ которому прицѣплялись сумочка и оружіе и который застегивался пряжкою. Пряжка перешла къ германцамъ отъ римлянъ; прежде, какъ мы уже знаемъ, для застегиванія поясовъ употреблялись крючки. Пряжки встрѣчаются въ эту эпоху двухъ родовъ, или простыя, иногда прикрѣпленныя къ поясу, или

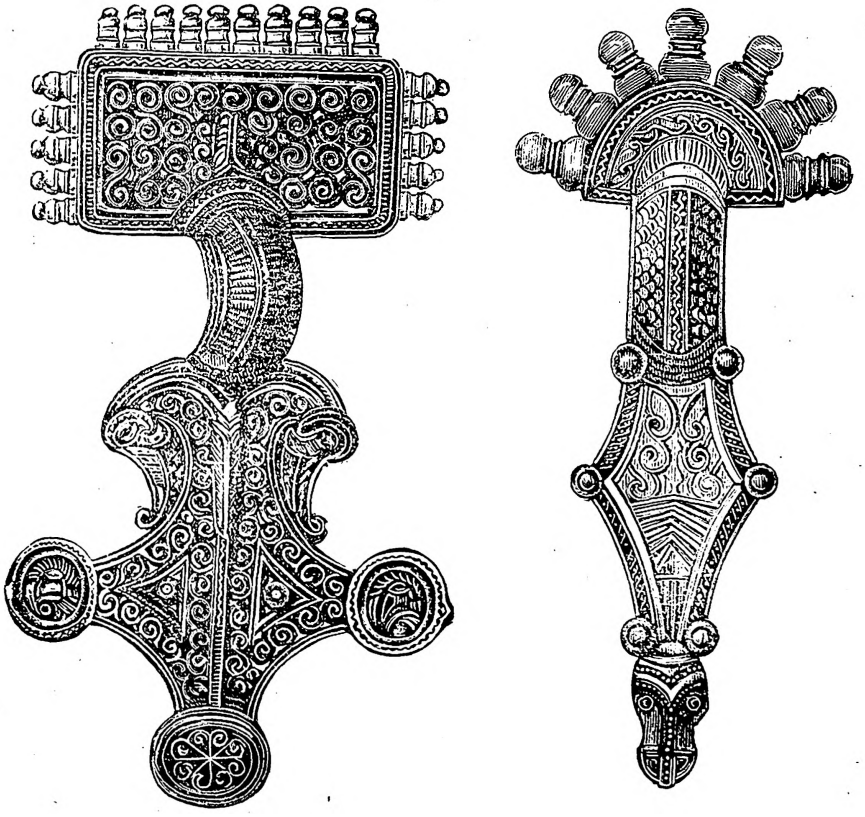


Рис. 388—389. Серебряная позолоченная фибула съ острова Аланда и фибула изъ Зальбаха.

выгнутыя на обѣ стороны въ видѣ длинныхъ язычковъ, обыкновенно богато украшенныя. Дѣлались онѣ изъ различнаго матеріала: желѣза, золота, серебра, стекла, горнаго хрусталя, но чаще всего изъ бронзы. Другою также очень важною частью одежды была фибула. Различныя формы германскихъ фибулъ этой эпохи произошли по большей части отъ римской фибулы (типа, представленнаго на рис. 369). Впрочемъ, отдѣлка ихъ въ эту эпоху уже

совсѣмъ иная, довольно своеобразная и настолько различная, что трудно найти двѣ фибулы, вполнѣ похожія одна на другую. Тогда какъ римскія фибулы выдѣлывались фабричнымъ способомъ, эти, напротивъ, дѣлались каждая штука отдѣльно. Отъ древнихъ доисторическихъ фибулъ онѣ отличаются тѣмъ, что соединеніе иглы съ дужкой и перовидный завитокъ помѣщены подъ пластинкой и не видны снаружи,—отъ римскихъ же главнымъ образомъ тѣмъ, что передняя пластинка, подъ которой прикрѣплена игла, гораздо большихъ размѣровъ и имѣетъ форму четыреугольника или полукруга и по краямъ часто усажена рядомъ лучеобразныхъ шишечекъ (fibules à rayons). Пятка продолговатая и заканчивается обыкновенно стилизованной головкой (рис. 389). Къ этому роду фибулъ мы можемъ отнести также и тѣ, у которыхъ пятка совершенно похожа на верхнюю пластинку. Другой родъ фибулъ представляютъ собой дисковидныя фибулы, скорѣе всего также южнаго происхожденія. Болѣе древніе виды ихъ отличались округленной пластинкой на столько выпуклой, что въ пустоту ея могла входить складка сцѣпляемаго платья, виды же болѣе поздніе, съ плоской пластинкой, не преслѣдовали уже этой первоначальной цѣли и служили только украшеніемъ; они были обыкновенно отдѣланы сверху филигранью или еще чаще усажены драгоцѣнными камнями или разноцвѣтнымъ стекломъ. Третій родъ составляютъ фибулы, пластинка которыхъ сдѣлана на подобіе какого-нибудь животнаго, чаще всего рыбы или птицы съ острымъ загнутымъ клювомъ, представляющей очевидно какую нибудь хищную порду, ястреба или сокола (рис. 390, 4). Подобныя римскія фибулы, по словамъ Линденшмита, всѣ безъ исключенія украшены эмалью и чернью, нѣмецкія-же—накладками и филигранью.

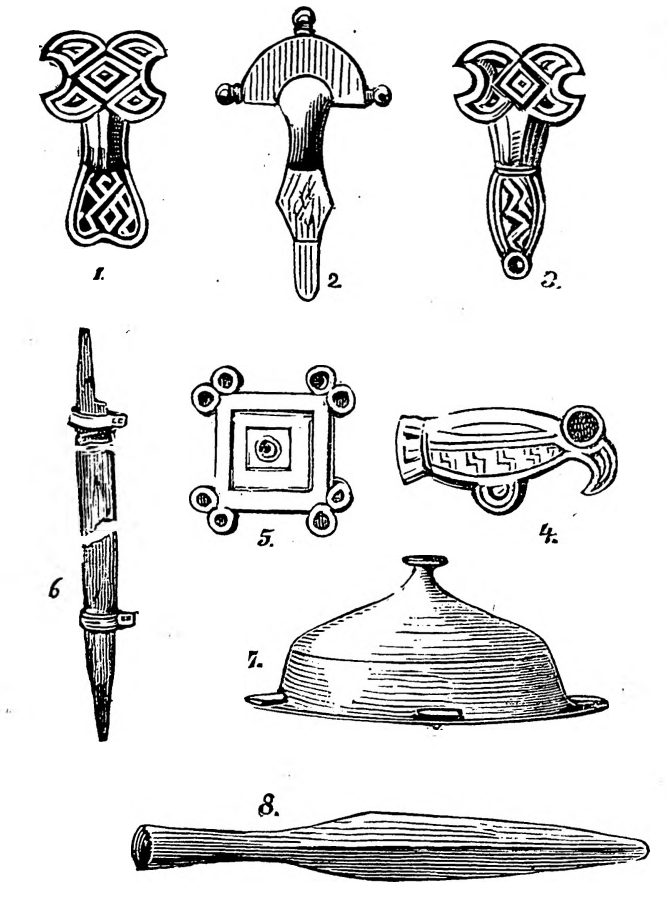


Рис. 390. Фибулы, ножъ, копье и umbo щита изъ гробницъ у Подбабы въ Чехіи.

Кромѣ этихъ предметовъ, положенныхъ съ покойниками, въ женскихъ гробницахъ встрѣчаются многочисленныя булавки для волосъ. Замужнія женщины носили волосы сплетенными въ косы, незамужнія-же распущенными и только стянутыми наверху повязкой. Мужчины свободнаго сословія почти у всѣхъ германскихъ племенъ имѣли обычай носить длинные волосы, но до плечъ они спускались только у князей. Исключеніе составляли лишь саксы.

Въ большомъ количествѣ встрѣчаются также серьги съ подвѣсками, ожерелья изъ стеклянныхъ, янтарныхъ, золотыхъ и разныхъ другихъ бусъ и подвѣсокъ (массивныя металлическія шейныя гривны чрезвычайно рѣдки), браслеты изъ бронзы и серебра, отличающіеся отъ болѣе древнихъ тѣмъ, что къ свободнымъ концамъ они утолщаются (рис. 391), а больше всего своей

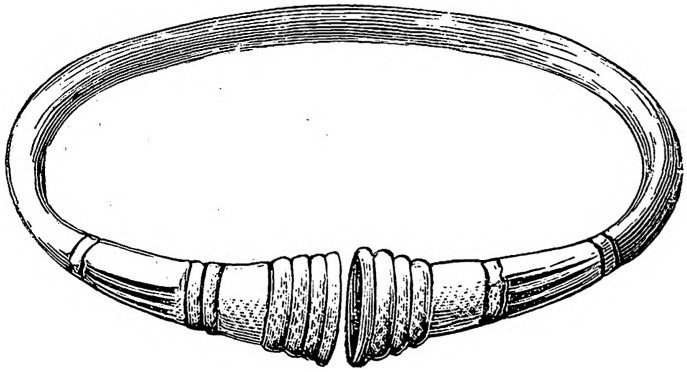
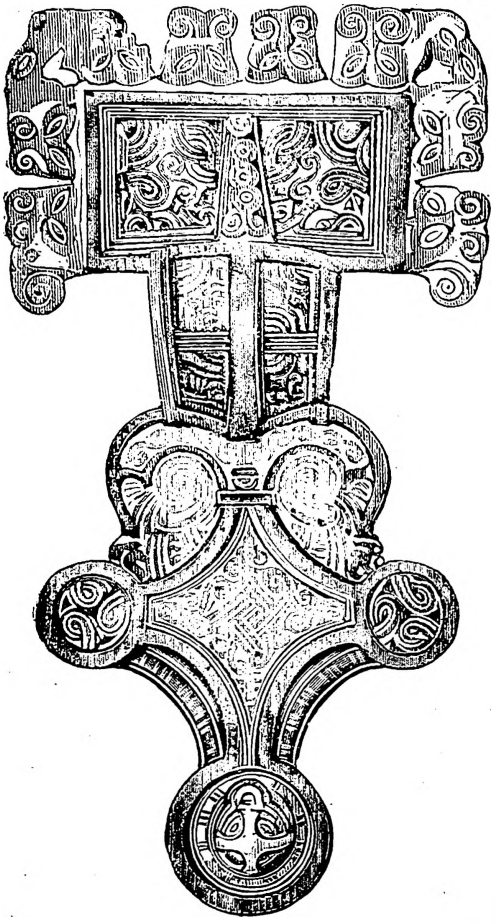


Рис. 391. Браслетъ изъ рядовыхъ гробницъ въ Игельсѣ возлѣ Иннсбрука.

орнаментаціей, затѣмъ кольца и перстни, гладкіе, широкіе или съ площадкой для печати и разныя другія подвѣски и украшенія. Нѣтъ также недостатка и въ монетахъ, римскихъ и мѣстныхъ; кромѣ того попадаются пряслицы, иглы для шитья, сумочки, ключи, огнива съ кремнями, кое гдѣ бронзовые вѣски и т. п. Иногда встрѣчаются возлѣ костяковъ и небольшіе ящички съ разными предметами.

Орнаментація украшеній своеобразна и оригинальна [361]). Отличительной чертой ея является сложность, переполненіе рисунка. Умѣренность стиля исчезаетъ совершенно, формы не обнаруживаютъ органическаго развитія. Болѣе всего преобладаетъ полосатый и животный орнаментъ. Орнаментаціонныя полосы часто очень сложнымъ манеромъ переплетаются, и между ними выглядываютъ удивительныя фантастическія и притомъ очень грубо стилизованныя головы и фигуры, рѣже человѣческія, обыкновенно же разныхъ животныхъ, чаще всего птицъ, или разнообразно свернувшіеся гады, драконы и т. п. (рис. 383, 384, 394, 403). Кромѣ стиля украшеній, совершенно новой оказывается и ихъ техника. Вмѣсто эмальировки, господствовавшей въ теченіе тенской эпохи въ Галліи и на римскихъ издѣліяхъ временъ имперіи, является

теперь усаживаніе драгоцѣнными камнями, чаще всего сирійскими темными гранатами, альмандинами, гіацинтами, топазами и бирюзой, подъ которые для усиленія ихъ блеска и красоты подкладывались золотые или серебряные листочки. Драгоцѣнные камни доставлялись въ Европу по большей части съ Востока, даже изъ Индіи, какъ можно судить по извѣстіямъ византійскаго писателя Кедрена. Этотъ родъ украшеній носитъ названіе verroterie cloisonnée, въ отличіе отъ выполненія орнаментовъ эмалью (ср. объ этомъ стр. 449). Происхожденія онъ тоже восточнаго. Самъ Линденшмитъ полагаетъ, что онъ былъ позаимствованъ нѣмецкой индустріей (которую онъ впрочемъ считаетъ оригинальной), съ Востока, путемъ торговыхъ сношеній съ Византіей. Позже драгоцѣнные камни, кромѣ разумѣется гранатовъ, замѣнялись цвѣтнымъ стекломъ. По мнѣнію Пульскаго (Fr. Pulzky), красныя орнаментныя инкрустаціи на многочисленныхъ готскихъ украшеніяхъ, хранящихся въ Пештскомъ музеѣ, сдѣланы изъ камня, зеленыя же—изъ стекла.



392. Фибула съ насѣчкой, изъ Англіи (по Гильдебранду).

Другой видъ орнаментаціи, извѣстный уже въ римскихъ издѣліяхъ, но развившійся только въ эту эпоху, достигался такъ наз. ніэллемъ, т. е. чернью и насѣчкой. Niello—это сплавъ сѣрнистаго серебра, синеватачернаго цвѣта, которымъ выполняли поле и углубленія серебряныхъ украшеній между гранями и позолоченными орнаментами. Чернь представляетъ собою обыкновенно ряды темныхъ треугольниковъ, кружковъ или кривыхъ линій на бѣломъ серебряномъ фонѣ. Насѣчкой называется украшеніе желѣзныхъ вещей орнаментомъ, обыкновенно серебрянымъ. Производилась она двоякимъ способомъ: или желѣзный предметъ весь покрывали серебромъ, накладывая тонкую серебряную пластинку, на которой вырѣзывали узоры, и потомъ снимая нѣкоторыя ея части, или же вырѣзывали орнаментъ на поверхности желѣза достаточно глубоко и въ полученныя такимъ образомъ углубленныя линіи забивали серебряныя нити и пластинки, стараясь укрѣпить ихъ въ

желѣзѣ возможно плотнѣе. Иногда и тотъ и другой видъ орнаментаціи соединялись на одномъ и томъ же предметѣ. Оба способа эти также чужіе и были занесены въ Германію съ юга. Линденшмитъ принимаетъ ихъ за остатокъ римскаго вкуса. Въ теченіе этой эпохи они были очень въ ходу въ примѣненіи къ разнымъ украшеніямъ (фибуламъ) и желѣзнымъ орудіямъ и оружію, но только въ тѣхъ галльскихъ и германскихъ земляхъ, которыя были римскими провинціями. Въ Саксоніи, Англіи, Скандинавіи предметы съ насѣчкой уже очень рѣдки и не были мѣстнаго приготовленія (рис. 392).

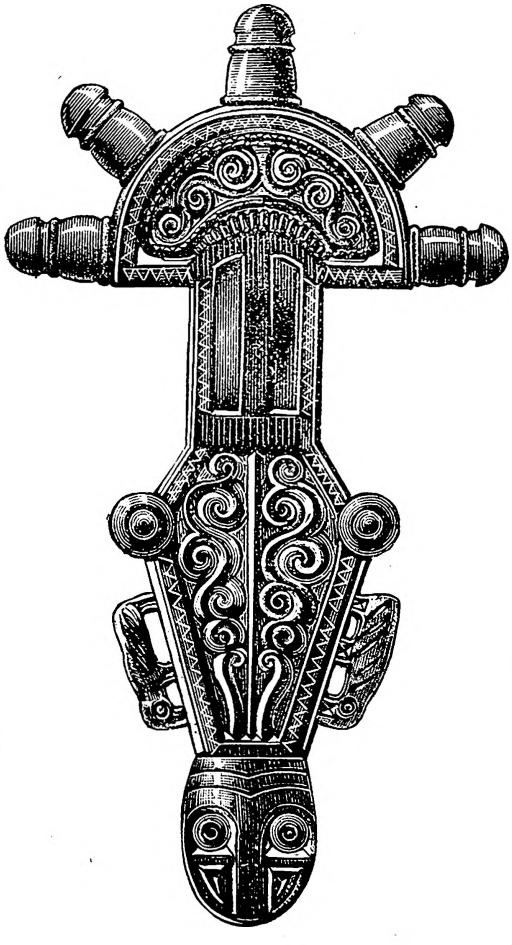


Рис. 393. Серебряная фибула изъ франкской гробницы въ Бингенѣ.

Германскія гробницы съ только что описаннымъ инвентаремъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ южной Германіи, сѣверной Франціи, Англіи и затѣмъ на Сѣверѣ. Отдѣльныхъ находокъ мы подробно перечислять не станемъ, и упомянемъ только о нѣсколькихъ, наиболѣе замѣчательныхъ. Одна изъ наиболѣе древнихъ гробницъ этого рода была открыта въ 1653 г. на кладбищѣ св. Брикса въ Doornick'ѣ въ Бельгіи и принадлежала очевидно франкскому королю Хильдерику и его женѣ Базинѣ. Впервые находка эта была описана и изображена I. Шифле (J. Chiflet), а затѣмъ подробнѣе аббатомъ Коше [362]), который былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ французскихъ древностей этой эпохи. Послѣ него работали въ томъ же направленіи во Франціи (Нормандіи, Пикардіи, Бургундіи)—Риголло, Бодо, Пейнье Делакуръ, баронъ де-Бай и др. [363]), въ Швейцаріи—Майеръ [364]), Тройонъ, Ваннеръ, Вишеръ, въ Голландіи—Янсенъ (I. Ianssen), въ Англіи—Дугласъ, Смитъ, Акерманнъ, Райтъ (Th. Wright), Кэмбль, Уили (W. Wylie) [365]). Англосаксонскія гробницы особенно многочисленны въ Кентѣ, Суссексѣ, на о-вѣ Уайтѣ, затѣмъ въ Глостерѣ, въ графствѣ Оксфордскомъ, въ Лейстерѣ, Дерби, Ноттингэмѣ, Норсгэмптонѣ, Линкольнѣ,

Кэмбриджѣ, Суффолькѣ, Норфолькѣ и Іоркѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ еще недостаточно изслѣдованы.

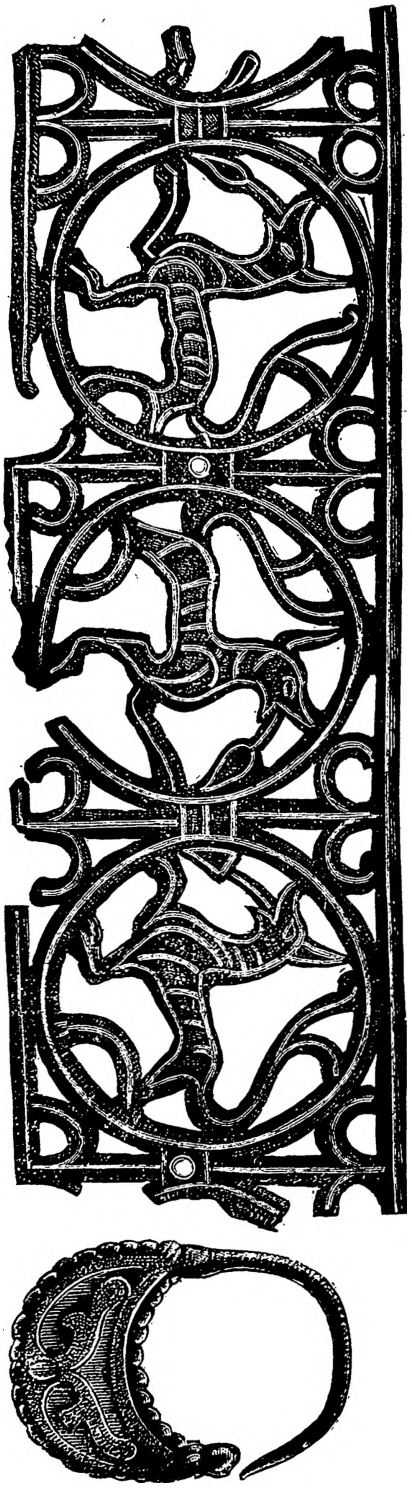


Рис. 394—395. Эмальированная серьга и часть латуннаго орнамента изъ кладбища въ Кеттлахѣ.

Наиболѣе гробницъ германскаго характера было найдено въ южной Германіи, начиная отъ Рейна до Баваріи. Сдѣланныя находки лучше всего описаны Линденшмитомъ. Изъ множества могильниковъ упомянемъ объ открытомъ и изученномъ Хлингеншпергомъ кладбищѣ въ Рейхенгаллѣ въ Баваріи [366]), заключавшемъ въ себѣ болѣе 500 богатыхъ гробницъ. Въ альпійскихъ австрійскихъ земляхъ, гдѣ жили главнымъ образомъ лонгобарды до завоеванія ими сѣверной Италіи, мы находимъ также довольно много германскихъ гробницъ. Очень богатое кладбище найдено было возлѣ сел. Цивезанна, возлѣ Тридента [367]). Одна изъ гробницъ заключала въ себѣ очевидно останки какого-то полководца. Костякъ лежалъ въ деревянномъ съ богатой оковкой гробу, изображеніе котораго мы дали на стр. 495. Возлѣ него былъ длинный мечъ (spatha), наконечникъ копья, стрѣлы и короткій мечъ (скрамасаксъ), umbo отъ щита, желѣзный браслетъ, ножницы и выложенный серебромъ кованный поясъ. На груди лежали крестъ изъ листоваго золота, двѣ желѣзныя фибулы и въ ногахъ большой бронзовый сосудъ. Замѣчательны также находки въ фріульскомъ округѣ; особенно богатая гробница воина была найдена въ Чивидале. Судя по надписи на саркофагѣ она принадлежала Гизульфу, племяннику Альбоина, короля лонгобардовъ [368]). Въ Австріи наиболѣе замѣчательно кладбище возлѣ Кеттлаха,

интересное еще въ томъ отношеніи, что оно представляетъ смѣшеніе германскихъ типовъ (рис. 394 и 395) съ признаками славянскими, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, а также богатое кладбище св. Вита (въ гитцингскомъ окр.) возлѣ Большого Горраса, въ Бруннѣ (съ монетами Валеріана). Въ Бернардсталѣ, С. Георгенѣ, Фрейнбергѣ подъ курганами оказались также скелеты воиновъ съ полнымъ, описаннымъ нами выше вооруженіемъ.

Въ Чехіи еще до недавняго времени можно было думать, что тамъ вовсе нѣтъ кладбищъ германскаго характера. Встрѣчались только отдѣльныя гробницы съ предметами этой эпохи у Винаржицъ, въ Угерцахъ, Желенкахъ, Бржизѣ, Паткѣ, Желеницахъ, Зволеньовесѣ и пр., и въ нихъ найдено было, между прочимъ, нѣсколько прекрасныхъ фибулъ меровингскаго типа (р. 396); но цѣлыхъ старинныхъ кладбищъ не встрѣчалось. Только очень

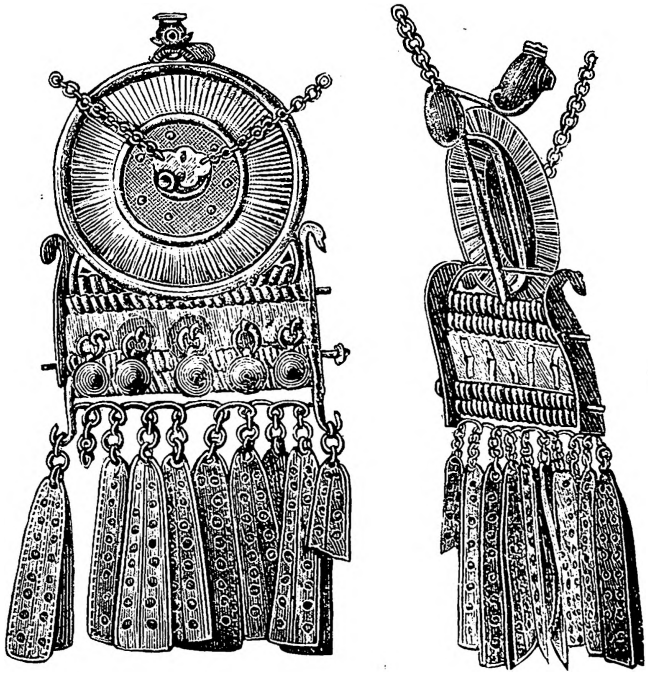


Рис. 396. Фибула изъ гробницы въ Желеницахъ.

недавно возлѣ Подбабы, недалеко отъ Праги, были найдены слѣды большого кладбища, отъ котораго сохранилось только нѣсколько гробницъ. Какъ инвентарь этихъ гробницъ (ср. рис. 390), такъ и типы череповъ, въ нихъ найденныхъ, обнаруживаютъ очевидное сходство съ южнонѣмецкими гробницами меровингской эпохи, и мы не затрудняемся признать въ этомъ могильникѣ слѣды германскаго племени, когда-то (по мнѣнію проф. Пича, въ V или VI стол.) жившаго въ окрестностяхъ Праги. Слѣды этого же племени найдены

были уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ на другой сторонѣ р. Влтавы, а въ 1872 г. еще и въ Либнѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ вокругъ Праги также попадались не разъ различные предметы германскаго типа. Бар. де Бай полагаетъ, что это гробницы франковъ, пришедшихъ въ Богемію съ Само, впослѣдствіи королемъ этой страны [369]). Намъ это предположеніе кажется сомнительнымъ.

Къ гораздо болѣе поздней эпохѣ, а именно къ IX—X стол. относится, по мнѣнію проф. Пича, гробница, найденная въ 1864 г. возлѣ Колина, въ которой проф. Штепанекъ расположенъ былъ прежде видѣть могилу Прокопа Большого XV стол. Чаша, фибула и пряжка, найденныя въ ней, рѣшительно романскаго стиля [370]). Въ Моравіи намъ извѣстны только единичныя гробницы съ богатыми украшеніями этой эпохи. Онѣ были найдены напр. возлѣ Накла (золотая эмальированная фибула и серебряный браслетъ) и въ Пшедмости (скелетъ съ перстнемъ и серьгами, украшенными филигранью).

Рис. 397. Часть удилъ изъ кудинетовскаго кургана.

Болѣе интересны гробницы этой эпохи въ Венгріи, найденныя напр. возлѣ Ordas'a, Szeged-Öthalom'a, Szeged-Sövenyhàs'a (V стол.), Szent-Endre, Puszt'ы Ozor'a (VII стол.). Въ Tisza-Szöllös'ѣ свящ. Tariczki нашелъ костякъ воина съ конемъ, въ богатомъ вооруженіи, въ золотомъ (?) панцырѣ, золотомъ шлемѣ, съ мечемъ съ золотой рукояткой и т. п.; впрочемъ это погребеніе принадлежало, вѣроятно, уже къ позднѣйшей эпохѣ. Но къ разсматриваемому нами времени относятся въ этой мѣстности гробницы съ остатками трупосожженія, какъ напр. въ урочищѣ Szalaszka на правомъ берегу р. Капоса, съ каменными камерами (IV—V стол.), гробницы въ Csurgo (фейерварскаго комитата) съ урнами въ деревянной камерѣ. Эрди относитъ ее къ эпохѣ кумановъ. Эпоху же отъ VI до IX ст., находки которой болѣе рѣдки, Пульскій называетъ аварскою.

Гробницы съ подобнымъ же инвентаремъ мы можемъ прослѣдить въ Южной Россіи и на Кавказѣ. Сюда относится также извѣстный кладъ, найденный въ 1864 г. возлѣ Новочеркасска, о которомъ мы еще упомянемъ далѣе; находки въ курганѣ возлѣ Голубинской станціи, въ курганѣ же возлѣ дер. Кудинетовой въ Терской области, находки въ гробницахъ возлѣ Алешекъ (Таврич. губ.), возлѣ Кайбалы (Самарской губ.), возлѣ Лебехівки (въ Полтав. губ.), Городища (Кіев. губ.), Вольнаго

(Екатеринослав. губ.) и вообще многочисленныя находки въ Крыму и въ Таврической губ. Находки инкрустированныхъ украшеній, по мнѣнію проф. Кондакова, не идутъ въ Россіи сѣвернѣе Кіева, далѣе уже начинается эмаль. Самая сѣверная находка, состоявшая изъ пары фибулъ, была сдѣлана въ Нѣжинѣ въ Черниговъ. губ. Но все-таки издѣлія готскаго типа (напр. фибулы) встрѣчаются и далѣе на сѣверѣ, даже въ Финляндіи. За то на Кавказѣ въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ могильниковъ или болѣе позднихъ гробницъ на кладбищахъ предшествовавшей эпохи, мы постоянно встрѣчаемся съ предметами такъ наз. «меровингскаго» стиля, какъ напр. въ Камунтѣ (лучеобразныя фибулы съ инкрустаціей и фибулы въ формѣ животныхъ), въ Комбультѣ, въ Чми подъ Казбекомъ, въ Самтаврѣ и т. д. (Ср. также рис. 398 и 399) *).

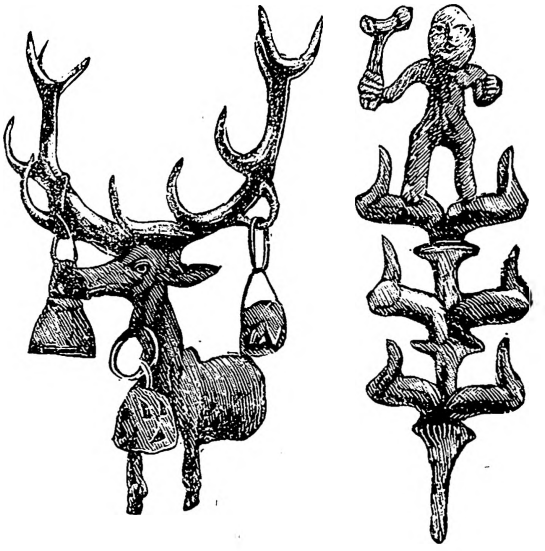


Рис. 398—399. Бронзовыя украшенія изъ кладбища у подножія Казбека.

Кромѣ гробницъ очень важны также клады или отдѣльныя находки драгоцѣнныхъ предметовъ этой эпохи. Предводители германскихъ племенъ во время своихъ походовъ награбливали громадное количество золота, драгоцѣнныхъ камней, украшеній, сосудовъ и прочихъ предметовъ. Кое-что отвоевывали у нихъ обратно, какъ это удалось, напр., византійскимъ войскамъ

*) Въ австрійскихъ земляхъ вообще, но главнымъ образомъ въ Венгріи, въ гробницахъ этой эпохи встрѣчаются часто искусственно-деформированные черепа. Примѣръ подобнаго черепа приведенъ у насъ на рис. 402 (атцгерсдорфскій черепъ). Въ Венгріи они были найдены до сихъ поръ въ Csongrad'ѣ, на р. Тиссѣ, въ ó-Szön'ѣ (коморнской жупы), въ Панчовѣ, въ Ленгіэлѣ, въ Трансильваніи—въ Székely-Udvarhély, въ Нижней Австріи—въ Фейерсбруннѣ возлѣ Графенэгга, въ Atzgersdorf'ѣ и еще, кажется, въ одной пещерѣ въ Баденѣ. На подбабскомъ кладбищѣ возлѣ Праги былъ также найденъ одинъ такой черепъ, хотя менѣе деформированный, чѣмъ предыдущіе. Всѣ эти черепа, за исключеніемъ Ленгіэльскаго, относятся къ эпохѣ переселенія народовъ. Очевидно, что въ эти мѣстности пришелъ тогда народъ, у котораго былъ обычай деформировать черепа, сильно стягивая головки новорожденныхъ дѣтей повязкой, которая накладывалась черезъ лобъ и затылокъ и оставлялась въ теченіе довольно долгаго времени. И въ остальной Европѣ большинство деформированныхъ череповъ относится къ этой же эпохѣ. Вездѣ, впрочемъ, они были находимы поодиночкѣ, порознь (въ Италіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи и въ Англіи), только въ одной Россіи они

подъ предводительствомъ Велизарія и Нарзеса, но многое и оставалось у варваровъ, въ сокровищницахъ предводителей или скрытымъ въ потаенныхъ мѣстахъ. Части подобныхъ кладовъ были найдены, напр., въ Петреоссѣ въ Трансильваніи, возлѣ Szilágy-Somlyó, Bakod'a, Osztropatak'a, Petrianecz'a Mezö-Beren'a, въ Pétikostel'ѣ—въ Венгріи, гдѣ вообще довольно часто находятъ и по одиночкѣ драгоцѣнныя украшенія германскаго типа. [372])

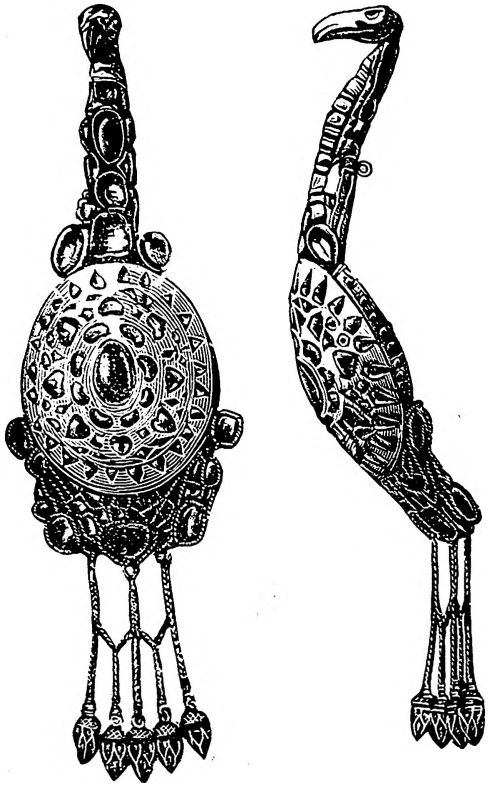


Рис. 400. Фибула изъ петреосскаго клада.

Петреосскій кладъ, найденный въ 1837 г. и одинъ изъ предметовъ котораго изображенъ у насъ на рис. 400, приписывался визиготскому королю Атанариху и состоялъ изъ золотыхъ, богато украшенныхъ сосудовъ, громадныхъ дорогихъ фибулъ на подобіе птицъ—римской и готской работы. Другой богатый кладъ, найденный въ гробницѣ возлѣ Nagy Szent-Miklóse, недалеко отъ Сегедина, приписывается Гампелемъ гуннамъ; народъ же считалъ его прямо спрятаннымъ Аттилой. Такъ же точно очень богаты были два клада, найденные въ Szilagy-Sotmyò. Первый изъ нихъ былъ открытъ еще

становятся опять многочисленнѣе въ крымскихъ и кавказскихъ гробницахъ, а равно встрѣчаются и въ Поволжьѣ. Какому народу принадлежали эти отдѣльные черепа—объ этомъ вопросѣ было много писано. Бэръ приписывалъ ихъ аварамъ, Брока—кимврамъ, Ленгоссекъ—позднѣйшимъ татарамъ; Анучинъ склоненъ считать венгерскіе черепа этого рода гуннскими, черепа же, найденные въ Россіи,—принадлежащими разнымъ народамъ какъ индоевропейскимъ, такъ и тюркскимъ; Смирновъ приписываетъ кавказскіе деформированные черепа осетинамъ; Харузинъ—крымскіе черепа изъ гробницъ въ Гурзуфѣ (VII—VIII стол.)—готамъ. Вѣрно только то, что здѣсь врядъ ли можетъ идти рѣчь объ одномъ какомъ нибудь народѣ и что до сихъ поръ найденные деформированные черепа не принадлежатъ народу монгольскаго племени (судя по типу). На Кавказѣ, гдѣ уже Гиппократъ упоминалъ о «макрокефалахъ», во Франціи (гл. обр. въ департ. de Deux Sèvres, de la Haute Garonne, въ окрестностяхъ Тулузы) и въ другихъ мѣстахъ этотъ обычай деформировать черепа дѣтей, существуетъ, хотя и въ слабой формѣ, до сихъ поръ [371]).

въ 1797 г. двумя валашскими пастухами, въ глиняномъ сосудѣ, на склонѣ горы Магуры. Онъ отчасти уцѣлѣлъ и поступилъ въ австрійскій Придворный музей. Состоялъ онъ, какъ видно по найденнымъ монетамъ временъ Валентиніана, Валенція и Граціана, изъ предметовъ отчасти римской, отчасти готской работы. Другой кладъ былъ найденъ въ иномъ мѣстѣ двумя рабочими, просто кучкой въ землѣ; вѣроятно, онъ былъ прежде завернутъ въ кусокъ какой-нибудь ткани. Онъ состоялъ изъ двадцати драгоцѣнныхъ фибулъ, по большей части, основнаго меровингскаго типа, богато украшенныхъ дорогими камнями (рис. 401), готской работы (Пульскій только одной парѣ, украшенной посрединѣ большими сардониксами, гранатами, сердоликами, изумрудами и горнымъ хрусталемъ, приписываетъ римское происхожденіе), изъ двухъ золотыхъ, усыпанныхъ гранатами чашъ и золотаго браслета. Всѣ эти предметы, по характеру своему, очевидно, одного и того-же происхожденія и одной и той-же техники. Оба клада представляютъ собой, вѣроятно, двѣ части сокровищницы какого-нибудь вождя. Ф. Пульскій полагаетъ, что они были закопаны готами въ то время, когда имъ уже начали угрожать гунны, и что они представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе древнихъ памятниковъ вполнѣ развитой готской индустріи. Относятся они къ IV вѣку нашей эры. Прочія венгерскія находки сравнительно менѣе богаты, но и онѣ переполнены золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Рис. 401. Золотая фибула изъ клада въ Szilagy-Somlyó.

Кромѣ Венгріи и въ другихъ мѣстахъ были сдѣланы очень богатыя находки того-же характера. Въ Россіи мы знаемъ, напр., кладъ, открытый на р. Морскомъ Чулекѣ (въ 1808 г.) возлѣ Таганрога со множествомъ предметовъ, относящихся главнымъ образомъ къ конскому убору (золотые съ инкрустаціей медальоны, подвѣски, шейныя гривны, перстни); затѣмъ

кладъ, найденный въ Михалковѣ на Днѣстрѣ, находящійся теперь въ коллекціи графа Дзѣдушицкаго въ Львовѣ. Въ церкви въ Монцѣ возлѣ Милана хранятся подобные-же драгоцѣнные дары готской королевы Теодолинды. Этого-же рода вещи есть и въ Равеннѣ и даже въ Испаніи. Тамъ, въ Гварразарѣ возлѣ Толедо, въ 1858 году, былъ найденъ кладъ, самая большая корона котораго, судя по надписи, принадлежала готскому королю Рецесвинту.

Наибольшаго и наиболѣе своеобразнаго развитія достигла германская культура на сѣверѣ Европы, въ Скандинавіи, въ теченіе эпохи, которую тамошніе археологи называютъ позднѣйшимъ желѣзнымъ вѣкомъ. Монтеліусъ относитъ ее въ круг-

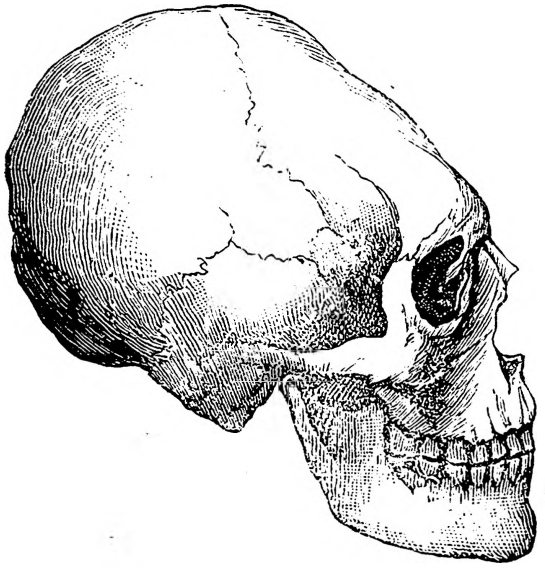


Рис. 402. Деформированный черепъ изъ Атцгерсдорфа въ Ниж. Австріи.

Рис. 403. Золотой «брактеатъ» съ рунической надписью съ о-ва Готланда.

лыхъ цифрахъ къ времени отъ 500 до 1100 г. нашей эры. Позднѣйшая часть этого періода называется обыкновенно эпохою викинговъ. Очень возможно, что еще до VII стол. шведы предпринимали уже на своихъ военныхъ ладьяхъ небольшіе набѣги на берега Сѣвернаго моря, но на побережьѣ Англіи, по извѣстію англо-саксонской хроники, ладьи викинговъ, извѣстныхъ скандинавскихъ пиратовъ, появились въ первый разъ только въ 787 году. [373])

Объ эпохѣ викинговъ мы имѣемъ наиболѣе свѣдѣній изъ найденныхъ памятниковъ и изъ сохранившихся у сосѣднихъ народовъ преданій, главнымъ образомъ исландскихъ. По памятникамъ мы можемъ прослѣдить уже съ половины I-го тысячелѣтія довольно частыя сношенія скандинавовъ съ Византіей, а потомъ съ Британіей и Русью. Византійскія монеты встрѣчаются въ Скандинавіи (гл. обр. въ Швеціи) въ большомъ количествѣ. Источникомъ этихъ монетъ, а также «брактеатовъ» (подвѣски на подобіе мо-

нетъ, украшенныя жемчугомъ, см. рис. 403) и вообще, множество цѣнныхъ вещей, переполняющихъ собой находки, была, разумѣется, та дань, которую византійскіе императоры были принуждены платить готамъ. Отъ нихъ золото переходило знакомымъ уже намъ путемъ по теченію Вислы на сѣверъ. Но клады болѣе поздней эпохи заключаютъ въ себѣ обыкновенно только серебро. Въ эпоху викинговъ появляются въ большомъ количествѣ опять англо-саксонскія и арабскія монеты, по большей части IX—X стол. Украшенія этой эпохи имѣютъ также своеобразный характеръ, о которомъ мы уже говорили и который успѣлъ развиться здѣсь во многомъ больше, чѣмъ въ средней Европѣ. Фантастичность и сложность орнаментаціи, равно какъ чрезмѣрное обиліе ея, достигаютъ здѣсь своей высшей степени. Чтобы видѣть это, достаточно нѣсколько примѣровъ, приведенныхъ нами на рис. 383, 384 и 405. Эта сложность орнаментаціи сближаетъ скандинавскія украшенія съ ирландскими. Но было-бы ошибочнымъ думать, что всѣ эти вещи иностраннаго происхожденія и были занесены въ Скандинавію во время походовъ грабителей-викинговъ. Это издѣлія мѣстныя, хотя сырой матеріалъ для нихъ, безъ сомнѣнія, по большей части, привозился извнѣ. Изъ металловъ въ Скандинавіи въ это время добывалось только желѣзо, да и то не въ рудникахъ, а изъ болотной руды, способомъ, который и до сихъ поръ еще практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи (Далекарліи и пр.), Финляндіи и Россіи. Монтеліусъ полагаетъ, что сѣверный стиль орнаментаціи былъ занесенъ въ Скандинавію изъ Ирландіи. До какой степени это справедливо — рѣшить до сихъ поръ еще очень трудно. Можно считать впрочемъ вѣрнымъ, что Скандинавія уже издавна подвергалась непосредственнымъ азіатскимъ вліяніямъ черезъ Русь и Финляндію, передававшихъ туда первыя начала восточнаго стиля.

Рис. 404—405. Трехлопастная пряжка изъ Норвегіи и орнаментированная бронзовая пластинка.

Находки памятниковъ этой эпохи въ Скандинавіи очень многочисленны; лучшія вещи были добыты на о-вѣ Готландѣ. Гробницы эпохи викинговъ свидѣтельствуютъ о существованіи обоихъ похоронныхъ обрядовъ погребенія и трупосожженія. Костяки лежатъ въ каменныхъ или деревянныхъ гробахъ или просто въ землѣ. Въ норвежскихъ курганахъ мы часто встрѣчаемся съ деревянными камерами. Очень интересны случаи погребенія въ ладьяхъ вмѣсто гробовъ, напр., въ вендельскомъ могильникѣ въ Уппландѣ, гдѣ было найдено 11 могилъ съ останками знатныхъ лицъ, погребенныхъ въ ладьѣ съ конемъ и другими животными *). Къ той-же, болѣе древней эпохѣ относится еще находка въ курганѣ возлѣ Ультуны, недалеко отъ Упсалы; къ болѣе поздней эпохѣ относятся ладьи изъ кургана въ Тунѣ, возлѣ Фредерикстада и изъ кургана въ Гокстадѣ возлѣ Сандефіорда въ Норвегіи. Форма ладьи осталась еще та самая, какая намъ извѣстна изъ болѣе древней эпохи въ нидамской находкѣ въ южной Ютландіи (см. стр. 487). Ладьи были обыкновенно безъ мачтъ и парусовъ и двигались съ помощью веселъ (до 60-ти паръ), но вмѣстѣ съ тѣмъ уже употреблялась и одна мачта. Оружіе и другіе предметы, клавшіеся съ покойниками, были въ здѣшнихъ гробницахъ такими же, какъ и описанные нами въ германскихъ рядовыхъ могилахъ. Принадлежности оборонительнаго вооруженія здѣсь рѣдки такъ же, какъ и тамъ, за то очень многочисленно оружіе для нападенія: мечи, копья, сѣкиры и луки со стрѣлами. Рукоятки оружія, особенно мечей, отличаются превосходной отдѣлкой (см. рис. 383).

Затѣмъ мы упомянемъ здѣсь хотя и кратко еще объ одномъ важномъ предметѣ. До начала желѣзнаго вѣка письменность вовсе не была извѣстна обитателямъ сѣверныхъ странъ, особенно если мы оставимъ въ сторонѣ фигурныя «письмена» богуслэнскихъ скалъ и т. п. Только въ римскую эпоху мы встрѣчаемся въ первый разъ съ настоящей своеобразной письменностью германскаго происхожденія—такъ наз. рунами [375]). Эти письмена встрѣчаются или на металлическихъ предметахъ, какъ напр. на фибулахъ, браслетахъ, брактеатахъ, такъ и на орудіяхъ, а иногда и на каменныхъ надгробныхъ памятникахъ. Слово «руна» по мнѣнію Монтеліуса значитъ «тайна». Руны произошли отъ латинскихъ письменъ, появившихся въ Скандинавіи, вѣроятно въ эпоху сношеній съ римлянами. Спеціальный характеръ рунъ объясняется тѣмъ, что позаимствованныя латинскія письмена вырѣзывались

*) Съ этимъ же обычаемъ мы встрѣчаемся и у славянъ. По извѣстію Ибн-Фадлана, простыхъ руссовъ послѣ смерти клали въ лодку и такъ сожигали. І. Гриммъ, А. П. Гаркави. А. Котляревскій и Т. Крекъ полагаютъ, что обычай этотъ, не смотря на вліяніе Скандинавіи на древнюю Русь, былъ древнеславянскимъ; другіе, какъ Кругъ, Куникъ и Стасовъ, напротивъ, того мнѣнія, что онъ былъ заимствованъ съ сѣвера [374]).

первоначально на деревѣ, причемъ естественнымъ образомъ исчезли всѣ линіи, которыя должны были идти вдоль слоевъ дерева, равно какъ и всѣ кривыя линіи. Наиболѣе древнія руны представляютъ собою только линіи перпендикулярныя и наклонныя. Различаютъ руны болѣе древняго характера и позднѣйшія, встрѣчающіяся главн. образ. на памятникахъ эпохи викинговъ. Наиболѣе древнія руны Монтеліусъ относитъ къ III стол. нашей эры; впрочемъ, происхожденіе ихъ слѣдуетъ считать на нѣсколько человѣческихъ поколѣній болѣе раннимъ. Во всякомъ случаѣ, это наиболѣе древніе памятники скандинавской письменности. Вездѣ, гдѣ только онѣ встрѣчаются (ихъ находили иногда и въ средней Европѣ), онѣ происхожденія германскаго. Руны позднѣйшей эпохи, главные знаки которыхъ мы воспроизводимъ здѣсь по рисунку Монтеліуса (рис. 406), встрѣчаются въ большомъ количествѣ на каменныхъ надгробныхъ памятни-

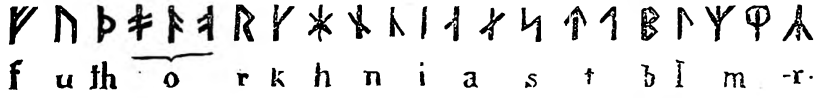


Рис. 406. Руны позднѣйшей эпохи (по Монтеліусу).

кахъ въ малерскомъ округѣ. Камни, покрытые рунами и прекрасными орнаментами, были найдены въ Упландѣ и Виггби, Викѣ и другихъ мѣстахъ. Руническое письмо было, впрочемъ, скоро вытѣснено латинской азбукой, пришедшей еще разъ въ Скандинавію вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Гробницы съ описаннымъ нами инвентаремъ считаются обыкновенно германскими. Отчасти это совершенно вѣрно, такъ какъ онѣ находятся въ наибольшемъ количествѣ и наиболѣе характерны именно въ странахъ, которыя въ эпоху великаго переселенія народовъ были населены германскими племенами. Но если мы обратимся къ происхожденію стиля и характера, лежащихъ въ основаніи индустріи этихъ гробницъ, то дѣло представляется намъ нѣсколько въ иномъ видѣ. Линденшмитъ считаетъ и этотъ стиль произведеніемъ нѣмецкаго духа. Онъ признаетъ, впрочемъ, что кое-что перешло сюда и изъ старинной галльской культуры, что многое было позаимствовано германцами отъ римлянъ (какъ напр. изъ оружія ango, umbo щитовъ, изъ украшеній извѣстные виды фибулъ, пряжки), что кое-что проникло къ нимъ путемъ торговли изъ Византіи, но что въ цѣломъ особенности стиля, который называли прежде меровингскимъ, вышли изъ германской среды и происхожденія нѣмецкаго. Такъ-же точно считали его нѣмецкимъ и Вейнгольдъ, графъ Lasteyrie (считавшій впрочемъ колыбелью его Россію), Heuszlmann.

Другіе, однако, уже давно указывали на то обстоятельство, что наиболѣе характеризующіе украшенія этого стиля способы отдѣлки: насѣчка, инкрустація

драгоцѣнными камнями и стеклянными сплавами,—представляютъ собою технику восточнаго происхожденія и искали поэтому мѣсто происхожденія ея на Востокѣ или въ Византіи. Донъ Хозе Амадоръ де лосъ Ріосъ назвалъ этотъ стиль латино-византійскимъ, Лебартъ выводилъ его изъ Византіи, де-Линасъ указывалъ, что мѣсто происхожденія его слѣдуетъ искать въ Персіи въ эпоху Сассанидовъ, Фр. Гампель также указываетъ съ очевидностью на вліяніе, которое имѣла на варваровъ сѣвернаго побережья Чернаго моря позднѣйшая греческая и восточная культура и склоняется больше всего къ мнѣнію Lasteyrie. Новѣйшими изслѣдованіями русскихъ археологовъ, а потомъ барона де Бая и Гремплера вопросъ этотъ доведенъ до еще болѣе полнаго освѣщенія [376]).

Главнымъ признакомъ памятниковъ этой эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ ихъ варварскаго происхожденія является ихъ пестрота и невиданная до тѣхъ поръ роскошь. Все блещетъ серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями. Очевидно, характеръ этого стиля могъ получить свое начало только тамъ, гдѣ было для него подъ рукою достаточно матеріала; а это было несомнѣнно въ передней части Средней Азіи. Мы видимъ, что въ эту именно эпоху, новоперсидское государство, усилившись подъ владычествомъ Сассанидовъ, начинаетъ обнаруживать вліяніе на Западъ и главнымъ образомъ на Византію. Въ эпоху Юстиніана императоры носили уже персидскія регаліи, части персидской одежды, и восточный вкусъ вообще получилъ уже господствующее значеніе. Нѣкоторыя части убора были также позаимствованы византійцами отъ гунновъ и другихъ сѣверныхъ варваровъ. Слѣдствіемъ этого явился, разумѣется, новый упадокъ старинной греческой культуры, и вмѣсто нея появились азіатскіе вкусы, а съ ними и стремленіе къ пестротѣ и роскоши.

Колыбель этого вкуса, являющагося однимъ изъ главныхъ признаковъ, характеризующихъ памятники эпоху переселенія народовъ, была очевидно въ Азіи. Только тамъ имѣлись условія для его развитія, было достаточно золота, драгоцѣнныхъ камней, богатства и роскоши. Средняя Азія была, впрочемъ, областью, откуда вышли многіе народы: скиѳы, сарматы, гунны. А среднеазіатскія племена, особенно тюркскія, отличались всѣ наклонностью къ роскоши. Отъ нихъ она перешла и къ индусамъ и къ арабамъ. Средняя Азія была также мѣстомъ, гдѣ издавна скоплялись несмѣтныя богатства, вслѣдствіе ли торговли, или благодаря плодородію страны, изобиловавшей и минералами и продуктами земледѣлія, главнымъ образомъ хлѣбомъ. Черезъ эти страны безпрестанно проходили торговые караваны изъ тѣснинъ Гинду-Куша къ Оксусу и къ Каспійскому морю, и съ высотъ Мидіи черезъ Хорасанъ и Ташкентъ въ Монголію; неудивительно поэтому, что здѣсь, въ области столькихъ торговыхъ путей роскошь и богатство развились въ неслыханныхъ размѣрахъ. И дѣйствительно,

мало гдѣ можно найти такое развитіе пышности, какая господствовала въ Иранѣ и въ Туранѣ во время послѣднихъ персидскихъ и парѳянскихъ династій, во времена калифовъ и монгольскихъ хановъ. Чего недоставало въ самой странѣ, то добывалось набѣгами на чужія земли, находившіяся далеко за ея предѣлами, и въ резиденціяхъ калифовъ и хановъ накоплялись несмѣтныя богатства, о которыхъ мы имѣемъ представленіе только по разсказамъ Тысячи и одной ночи. О господствовавшей тамъ въ былыя времена роскоши сохранился впрочемъ цѣлый рядъ историческихъ извѣстій. Уже Плиній повѣствуетъ намъ о благовоніяхъ, употреблявшихся у парѳянъ, одно изъ которыхъ приготовлялось изъ 26 различныхъ растительныхъ эссенцій. Когда въ 568 г. отправлено было посольство изъ Византіи къ хану Дизавулу, оно нашло въ его дворцѣ невообразимую роскошь. Менандръ разсказываетъ о томъ, какъ ханъ принималъ пословъ, сидя одинъ разъ на золотомъ тронѣ, а другой—на ложѣ, сдѣланномъ сплошь изъ золота. Въ ханскихъ палатахъ было множество различныхъ золотыхъ сосудовъ; передъ ними на большомъ пространствѣ стояли кибитки, наполненныя серебромъ и т. д. О богатствахъ Туркестана въ VI вѣкѣ мы имѣемъ извѣстія Табари. Персидскій полководецъ Беграмъ послѣ одного пораженія турокъ послалъ своему царю въ качествѣ военной добычи 250,000 верблюжьихъ вьюковъ золота, драгоцѣнныхъ камней и оружія. Когда, позже, арабы завоевали Туркестанъ, они нашли въ немъ цѣлые склады сокровищъ. Калифъ Муффадалъ раздѣлилъ однажды между своимъ войскомъ добычу изъ одного завоеваннаго города, при чемъ на каждаго воина пришлось по 800 золотыхъ диргемовъ. Въ городѣ Пайкандѣ, въ Бухарѣ, Кутаиба награбилъ столько дорогихъ женскихъ одеждъ, что цѣнность ихъ невозможно было опредѣлить. Когда расплавили и превратили въ слитки только золотыя ихъ украшенія, то получилось около 150000 фунтовъ золота. Въ числѣ добычи былъ также громадный идолъ изъ чистаго золота, съ глазами изъ драгоцѣнныхъ камней необыкновенной величины и красоты. Не менѣе громадныя богатства были найдены арабами въ Самаркандѣ. Идолы въ храмахъ, посвященныхъ поклоненію огню, доставили 50000 фунтовъ золота и серебра. Эти склады драгоцѣнностей не были исчерпаны и въ позднѣйшія времена. Когда въ 1077 году султанъ Меликъ-шахъ выдавалъ замужъ свою дочь, то въ видѣ приданаго было отправлено вмѣстѣ съ принцессой въ Багдадъ 2000 верблюдовъ, нагруженныхъ богатымъ запасомъ шелковыхъ византійскихъ тканей, 64 мула съ золотыми ожерельями и звонками на шеяхъ, которые несли на себѣ 12 серебряныхъ ящиковъ, наполненныхъ драгоцѣнностями. За ними шло еще 33 верблюда въ уборахъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Еще въ большихъ размѣрахъ проявилась роскошь при дворѣ владыки міра Тимура. Посолъ испанскаго короля Генриха III донъ Рюи Гонзалесъ де-Клавиго сохранилъ намъ извѣстія объ обычаяхъ, нравахъ и церемоніяхъ, господствовав-

шихъ при дворѣ Тамерлана, и его свѣдѣнія о богатствахъ и роскоши его дворца и нарядовъ кажутся просто невѣроятными. Онъ разсказываетъ о золотыхъ сундукахъ, наполненныхъ драгоцѣнностями (онъ видѣлъ ихъ собственными глазами), о столѣ, сдѣланномъ изъ цѣльнаго золота и выложенномъ драгоцѣнными камнями, на которомъ лежалъ громадный ярко-зеленый изумрудъ. Напротивъ этого стола помѣщалось въ комнатѣ золотое дерево на подобіе дуба, стволъ котораго былъ толщиной въ ногу мужчины и вѣтви и листья были тоже изъ золота; между листьями висѣли вмѣсто плодовъ рубины, изумруды, бирюза, сафиры, жемчужины и сидѣли золотыя съ разноцвѣтной эмалью птицы. Ѣли и пили всегда только изъ золотыхъ сосудовъ и т. д. и т. д.

Если бы всѣ эти извѣстія мы и признали слишкомъ преувеличенными, то все таки они свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этихъ странахъ были

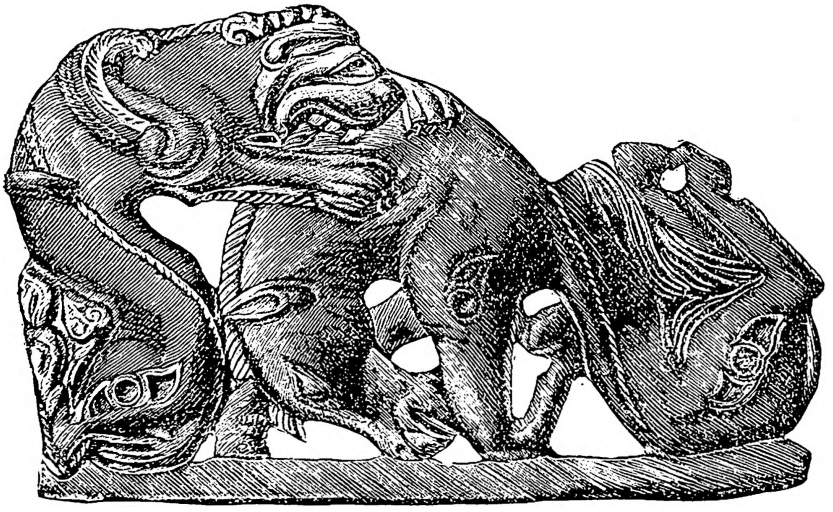


Рис. 407. Золотое украшеніе изъ сибирской коллекціи въ Эрмитажѣ.

несмѣтныя богатства и роскошь, и намъ становится совершенно понятнымъ развитіе тамъ совершенно своеобразнаго художественнаго стиля, главной особенностью котораго была пестрота и роскошь, блескъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Стиль этотъ съ теченіемъ времени развился и у нѣкоторыхъ кочевыхъ племенъ, особенно у саковъ (скиѳовъ), массагетовъ, пареянъ и бактрійцевъ. На всѣхъ ихъ со временъ походовъ Александра сильно отразилась греческая, а потомъ и римская культура, и кромѣ того оказали свое вліяніе Персія, Индія и Китай; въ результатѣ всего этого выработался такъ назыв. скиѳскій стиль, господствовавшій въ первыя столѣтія нашей эры на всемъ пространствѣ между западной Сибирью, Персидскимъ заливомъ и Индіей. Замѣчательное доказательство тому представляютъ, напр., находки въ афрозіабскомъ городищѣ, возлѣ Самарканда, сдѣланныя въ 1885 г. проф.

Н. И. Веселовскимъ, въ которыхъ преобладаетъ позднѣйшій греческій стиль, смѣшанный съ рядомъ прочихъ вліяній. Оттуда этотъ новый стиль распространялся на югъ, на западъ и на сѣверъ. Вмѣстѣ съ этимъ на немъ глубоко отразился и кочевой характеръ выработавшихъ его народовъ. Мы нигдѣ не находимъ столько и до такой степени драгоцѣнныхъ частей конскаго убора, какъ здѣсь: массивные золотые ошейники, фалеры, пояса, діадемы, бывшія, судя по ихъ тяжести, тоже частью конскаго убора, украшенія изъ золотыхъ пластинокъ, удила и т. п.

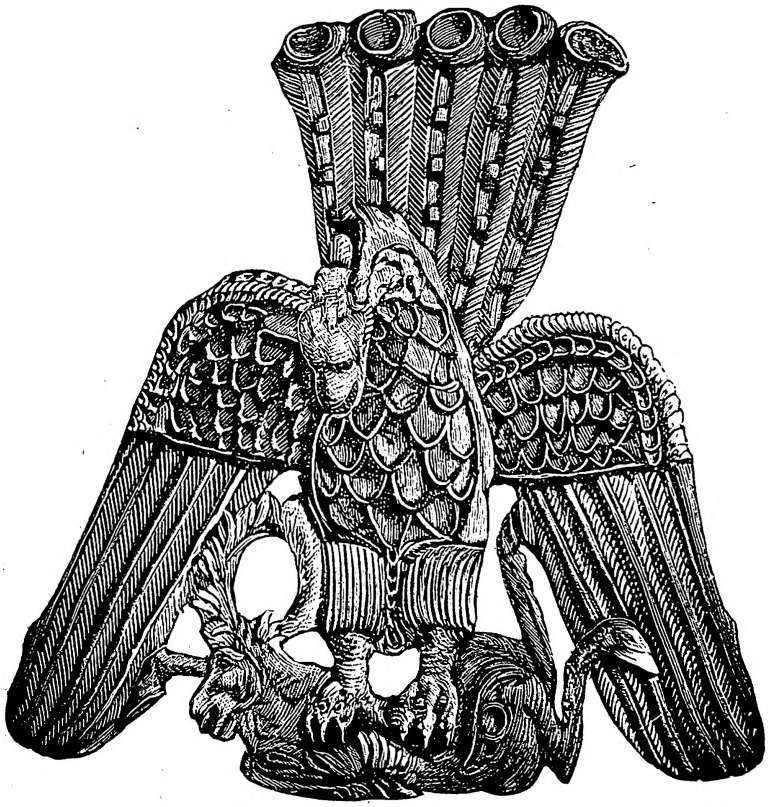


Рис. 408. Золотое головное украшеніе изъ сибирской коллекціи въ Эрмитажѣ.

И на всемъ этомъ мы безпрестанно встрѣчаемся съ тѣми самыми элементами орнаментаціи, которые, какъ мы говорили, такъ характерны для европейскаго искусства временъ переселенія народовъ: съ очень частымъ употребленіемъ стилизованныхъ и фантастическихъ фигуръ животныхъ, съ перевитыми полосками, изображеніями пресмыкающихся и т. п. (рис. 407). Очень характернымъ примѣромъ этого стиля можетъ служить напр. головное украшеніе въ видѣ хищной птицы, держащей въ лапахъ козла (рис. 408). Этотъ животный орнаментъ очень сближаетъ средне-азіатскія и сибирскія

ювелирныя издѣлія съ кавказскими и южно-русскими *). О той же близости свидѣтельствуютъ и котелки особеннаго типа, встрѣчающіеся отъ Минусинска, Томска и Семипалатинска до южной Россіи включительно (рис. 409 и 316). Чудскіе курганы сибирскихъ и монгольскихъ степей не могутъ быть относимы къ финнской культурѣ, но должны быть отнесены къ среднеазіатской **).

Рис. 409. Бронзовый котелокъ изъ Сибири.

Вообще мы ясно видимъ, что начала среднеазіатской культуры были, очевидно, перенесены отчасти путемъ мирныхъ торговыхъ сношеній, отчасти военныхъ столкновеній, на западъ, въ Европу и главнымъ образомъ въ южную Россію. Однимъ изъ прекраснѣйшихъ доказательствъ этого можетъ служить извѣстный новочеркасскій кладъ, о которомъ мы уже упоминали. Стиль составлявшихъ его предметовъ вполнѣ одинаковъ съ сибирскимъ. Кладъ этотъ былъ найденъ въ 1864 г. въ курганѣ возлѣ Новочеркасска и состоялъ изъ цѣлаго ряда превосходныхъ вещей: золотыхъ ожерельевъ (рис. 410), браслетовъ, сосудовъ, статуэтокъ, множества разныхъ укра-

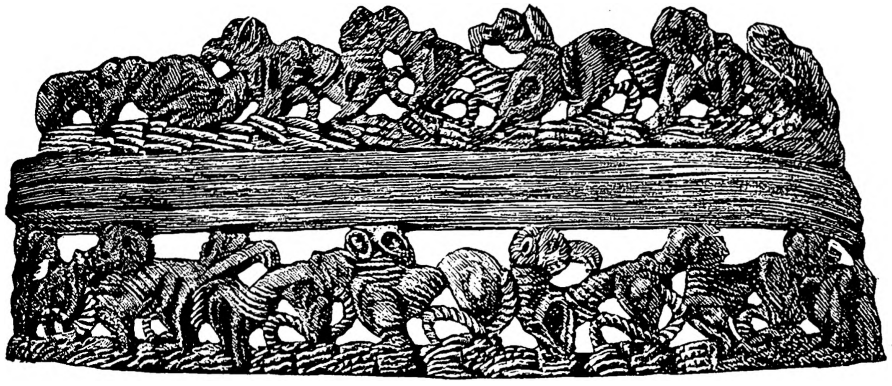


Рис. 410. Золотое ожерелье изъ новочеркасскаго клада.

шеній, серебрянныхъ и бронзовыхъ сосудовъ и т. п. Одна изъ самыхъ прекрасныхъ вещей изъ этого клада—золотая женская діадема, украшенная фи-

*) Это также мнѣніе барона де-Бая. Гильдебрандтъ и въ послѣднее время Гёдербергъ стоятъ за римское происхожденіе южнорусскихъ находокъ этого рода.

**) Большая часть сибирскихъ кургановъ была давно уже раскопана съ цѣлью отысканія золота и серебра. Кое-что изъ такихъ старинныхъ находокъ было сохранено однако Петромъ I для коллекціи петербургскаго Эрмитажа. Прежнія опи-

гурками, большими сирійскими гранатами и аметистами (рис. 411). Головка, вырѣзанная изъ халцедона, находящаяся на передней части діадемы, имѣетъ классическій характеръ, остальныя же украшенія, особенно фигурки оленей и козла, несомнѣнно азіатскій. Очевидно, что первоначальное южно-русское искусство III—IV стол. нашей эры развилось на основѣ вліяній классическихъ и азіатскихъ [378]).

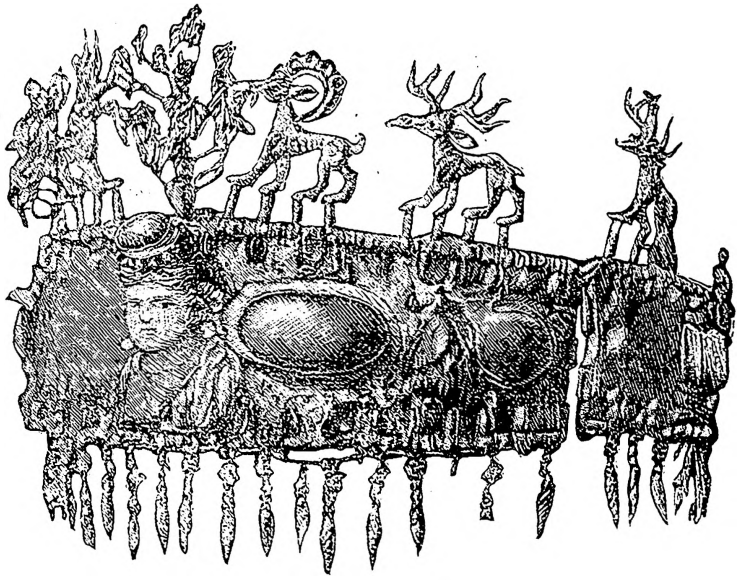


Рис. 411. Золотая съ драгоцѣнными камнями діадема изъ новочеркасскаго клада.

Азіатское происхожденіе этого стиля очевидно. Онъ проникалъ въ южную Россію нѣсколькими путями: отчасти черезъ Кавказъ, гдѣ слѣды его мы встрѣчали уже прежде, и черезъ Черное море, отчасти же, и притомъ главнымъ образомъ, черезъ Хвалынское (Каспійское) море или водою, или же по сѣверному берегу его сухимъ путемъ, по которому и ѣздили торговцы *), и ходили

санія этихъ предметовъ были сдѣланы голландцемъ Витсеномъ, затѣмъ Веберомъ, Беллемъ, Таббертомъ, Мессершмидтомъ, Виллеромъ, Фалькомъ, Гмелинымъ, Палласомъ и Рычковымъ. Въ записяхъ Успенскаго монастыря и въ дневникѣ капитана Ивана Унковскаго встрѣчается также нѣсколько очень интересныхъ извѣстій о нихъ. Въ новѣйшее время въ этомъ направленіи работали Кастренъ, Уйфальви, В. В. Радловъ и др. [377]).

*) Торговля шла особенно по Волгѣ и Камѣ вверхъ до Перми, древней Біарміи, какъ это указываютъ находки разныхъ издѣлій и монетъ. Въ 1846 г. найденъ былъ напр. возлѣ р. Камы въ соликамскомъ уѣздѣ кладъ сассанидскихъ монетъ V и VI стол.; другой кладъ наполовину изъ украшеній былъ найденъ у дер. Шестаковой въ 1851 г. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ въ теченіе многихъ лѣтъ было найдено множество другихъ древностей позднѣйшей греческой работы, византійской, персидской, индійской и т. д., особенно серебряныхъ блюдъ съ изоб-

средне-азіатскія хищническія племена. Въ южной Россіи новый стиль нашелъ почву очень удобную для дальнѣйшаго развитія; область войска Донскаго и часть бассейна р. Кубани были второй станціей искусства этого характера. Основа его осталась азіатской, но къ ней присоединились элементы античные и мѣстные—германскіе. Герулы и особенно готы, жившіе тамъ во II стол. нашей эры, позаимствовали начала орнаментаціи и техники, словомъ всѣ художественныя основы индустріи, съ востока и юга, изъ Византіи и изъ Малой Азіи и, переработавши ихъ, создали изъ всего этого свой собственный, оригинальный готическій стиль. Когда же затѣмъ пришли гунны и вытѣснили готовъ съ береговъ Чернаго моря, давъ такимъ образомъ толчокъ къ переселенію ихъ въ среднюю и западную Европу, указанное искусство распространилось по остальной Европѣ. Клады въ Szilogy-Somlyó прямо показываютъ намъ, какъ готы, унося съ собой свои богатства, состоявшія изъ драгоцѣнныхъ вещей въ восточномъ вкусѣ, уступали передъ натискомъ гунновъ. У германскихъ племенъ на западѣ, гдѣ была уже приготовлена прекрасная почва римской провинціальной индустріей, новый стиль и вкусъ сразу вошелъ въ общее употребленіе и во многихъ мѣстахъ, какъ напр. у алеманновъ, у франковъ, въ Англіи и Скандинавіи получилъ мѣстное развитіе. Объ искусствѣ германскихъ ювелировъ сохранилось много извѣстій.

Рис. 412. Серебряное блюдо съ изображеніемъ сассанидскаго царя (колл. гр. Строганова).

Изъ этой общей картины развитія стиля, который одни называли меровингскимъ, другіе византійскимъ, нѣкоторые—германскимъ и готскимъ, мы видимъ теперь ясно, что всѣ эти названія въ большей или меньшей степени

раженіями сассанидскихъ царей (рис. 412), которыя Стефани относитъ ко II стол. нашей эры, богатыя украшенныя фигурными изображеніями кружки и т. п. Въ упомянутомъ уже у насъ кладѣ, найденномъ въ Nagy Szent-Miklos'ѣ въ Венгріи, была найдена напр. на одномъ кувшинѣ орнаментація, вполнѣ сходная съ украшеніями сассанидскихъ блюдъ [379]).

имѣютъ свое основаніе. Несомнѣнно, что для средней и западной Европы названіе этого стиля «германскимъ» вполнѣ приложимо: онъ является характернымъ для германскихъ гробницъ и былъ принесенъ въ эти страны съ востока, скорѣе всего германскимъ племенемъ готовъ. Тѣмъ не менѣе онъ вовсе не германскаго происхожденія, хотя и былъ разработанъ и распространенъ по всей Европѣ германцами. Такимъ образомъ, названія «германскій» или «готскій» не ошибочны, но мы все таки предпочли бы названіе, обозначающее извѣстную эпоху названіямъ этнологическимъ. Баронъ де-Бай употреблялъ прежде терминъ «варварскій», но потомъ замѣнилъ его «готскимъ», которымъ пользуется и Сал. Рейнахъ.

Другимъ великимъ народомъ, который если не такъ шумно, какъ германскій, но все-таки очень дѣятельно принялъ участіе въ исторіи I-го тысячелѣтія нашей эры, былъ народъ славянскій.

Рис. 413. Золотая бляха съ чеканными фигурными изображеніями изъ Сиверской станицы въ Кубани.

О славянахъ почти нѣтъ древнихъ извѣстій, а если и есть, то они скрыты подъ неизвѣстными намъ именами. Классическому міру они были мало извѣстны. Они имѣли съ нимъ очень мало соприкосновеній, а потому о нихъ ничего не знали и не писали. Но они еще до начала нашей эры были въ восточной Европѣ могущественны и сильны, иначе они не могли бы занять того громаднаго пространства, на которомъ они появляются уже въ самомъ началѣ своей исторіи. Отъ Эльбы до Дона, отъ Балтійскаго моря до Альпъ и черезъ Балканы до самаго Средиземнаго моря, мы видимъ страны хотя и не на долго населенныя славянами. На сѣверъ отъ Карпатъ и на востокъ отъ верховьевъ Вислы «на неизмѣримыхъ пространствахъ живетъ многочисленный народъ венетовъ, имена которыхъ у разныхъ племенъ и въ разныхъ мѣстахъ мѣняются, но по преимуществу они извѣстны подъ именемъ склавоновъ и антовъ»: говоритъ о нихъ историкъ Іорданъ.

Съ тѣхъ поръ исторія восточной половины Европы относится къ исторіи

славянъ и это будетъ продолжаться еще долго, такъ какъ роль славянъ въ исторіи Европы далеко нельзя еще считать законченной.

Славяне появляются первоначально подъ двумя общими именами сербовъ (Serbi, Spori) и венетовъ (Venadi, Venethi, Venetae, Vinadae etc.). Первое изъ этихъ названій было впрочемъ очень скоро вытѣснено мѣстнымъ именемъ славянъ *)—въ примѣненіи къ племенамъ, жившимъ на юго-западѣ отъ оз. Ильменя черезъ р. Двину и Вислу къ Одеру и къ Днѣстру, тогда какъ для обозначенія племенъ на востокъ отъ Днѣстра появилось, хотя и не надолго, названіе «антовъ». Для всѣхъ же славянъ вообще продолжало еще употребляться имя «венетовъ», и названіе «славянъ» получило всеобщее распространеніе только съ X стол. Прежнія названія остались впрочемъ только въ приложеніи къ небольшимъ племенамъ или въ языкахъ сосѣднихъ народовъ, какъ напр. у нѣмцевъ.

Общее мѣстопребываніе славянъ въ Европѣ мы должны искать гдѣ-нибудь въ восточной половинѣ ея, въ западной части нынѣшней средней Россіи. Можно полагать, что они поселились прежде всего на пространствѣ между Допомъ и Днѣпромъ, распространяясь оттуда главнымъ образомъ на западъ по Припети къ Вислѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ скорѣе всего можно предполагать ихъ европейскую колыбель, изъ которой они впослѣдствіи распространились по всей восточной половинѣ Европы [380]).

Распространеніе это впрочемъ началось не по наступленіи лишь эпохи великаго переселенія народовъ; въ это время оно только сдѣлалось извѣстнымъ, а въ нѣкоторыхъ направленіяхъ уже завершилось. Отдѣльные же славянскіе роды и племена задолго еще до этого передвигались въ разныя стороны и, главнымъ образомъ, что для насъ наиболѣе интересно, на западъ къ Одеру и черезъ Карпаты къ Дунаю. На стр. 320 и 417 мы изложили уже правдоподобныя археологическія доказательства этого временнаго распространенія славянъ, о размѣрахъ котораго было столько споровъ между нѣмецкими и славянскими историками и ошибокъ съ обѣихъ сторонъ. Признавая фактъ этого распространенія, мы не считаемъ возможнымъ разсматривать его

*) Имя славяне встрѣчается во всевозможныхъ варіаціяхъ, по большей со вставкой звука κ и θ между первыми согласными: Σκλαυηνοι, Σκλαβηνοι, Σκλαβιοι, Σκλάβοι (подобнымъ же образомъ и со вставками θ). Sclaveni, Sclavini, Sclavi, Slavi, и пр., араб. Sacâliba. Наиболѣе древнія извѣстія, въ которыхъ встрѣчается это имя (Σκλαυηνοι) находится у Псевдо-Цезарія въ сочиненіи VI стол. Шафарикъ принималъ впрочемъ и имя русскаго племени Σταυανοι, сохранившееся у Птоломея, за то-же названіе, только въ искаженномъ видѣ (также и И. Забѣлинъ), а въ рукописи армянскаго географа Моисея Хоренскаго (ум. въ 489 г.) находится извѣстіе, что Ѳракія была завоевана 25 славянскими племенами (Sklavajin). Но мѣсто это считается впрочемъ всѣми за позднѣйшую вставку въ первоначальный текстъ. Такимъ образомъ за существованіе имени славянъ до III ст. поручиться нельзя.

подробнѣе и опредѣленнѣе въ этой книгѣ. Можно считать достовѣрнымъ, что между германскими племенами, упоминаемыми римскими писателями на восточной сторонѣ Великой Германіи, были и славянскія племена; достовѣрно также и то, что, какъ можно судить по нѣсколькимъ сохранившимся топографическимъ именамъ *), славяне еще въ до-римскую эпоху имѣли свои поселенія въ нынѣшней Венгріи (Панноніи),—но судить на основаніи сохранившихся латинизированныхъ и искаженныхъ племенныхъ или мѣстныхъ именъ о нѣмецкомъ или славянскомъ происхожденіи ихъ древнихъ жителей всегда рисковано и произвольно, и неуспѣхъ такъ назыв. славянской школы зависитъ до сихъ поръ именно отъ слишкомъ страстнаго и односторонняго отношенія къ дѣлу.

Намъ достаточно впрочемъ установить фактъ, что еще до эпохи великаго переселенія народовъ славяне были распространены далеко на западъ. Послѣ этой эпохи мы видимъ слѣдующее ихъ распространеніе [381]). На западъ отъ мѣста своего первоначальнаго поселенія они, послѣ удаленія лонгобардовъ и геруловъ, подвинулись до самой Эльбы (Лабы). По словамъ Прокопія, около 512 г. они жили въ Бранденбургѣ. Занявши потомъ и всю Чехію, они распространились дальше за Эльбой къ р. Салѣ, а отдѣльными племенами и въ Баваріи, Франконіи, Тюрингіи, Саксоніи, и даже въ Швейцаріи.

Въ началѣ историческихъ временъ поляки или лехи (поморяне, слезаки, поляне, куявцы, мазовшане, висляне и т. д.) занимали страны къ востоку отъ Одера, далеко за Вислу, гдѣ соприкасались съ ближайшими русскими племенами.

Славянъ, жившихъ далѣе на западѣ, въ нынѣшней Германіи, называютъ обыкновенно полабскими славянами. Они раздѣлялись на три главныхъ племени: 1) лютичей или велетовъ, жившихъ между Одеромъ, моремъ и Лабой, 2) бодричей (оботритовъ) на западъ отъ лютичей, въ Мекленбургѣ и Голштиніи и 3) сербовъ въ нынѣшнихъ Саксоніи и Лузаціи между Салою и Боброю. Каждое изъ этихъ большихъ племенъ дѣлилось въ свою очередь на рядъ меньшихъ: лютичи на чрезпенановъ, ратарей, украновъ, стодорановъ (гавелановъ) и пр.; бодричи—на вагровъ, врановъ, смолинцевъ, древянъ, раро́говъ; сербы—на лужичанъ, мильчанъ и т. п.

---

*) Это доказано съ полной опредѣленностью Шафарикомъ. Такъ, уже въ первыя столѣтія нашей эры мы находимъ въ надписяхъ и у римскихъ историковъ имена Pelso lacus, Tsierna, Bersovia, Bustricius и т. д., представляющія собою не что иное, какъ и нынѣшнія славянскія названія озера—Плесо, рѣки—Черная, Brzava (быстрая), Быстрица. Но Шафарикъ полагалъ, что славяне жили тамъ уже съ давнихъ временъ и что оттуда были оттѣснены назадъ за Татры нашествіемъ кельтовъ въ IV стол. до нашей эры, удержались же тамъ только остатки, тѣ, которыхъ Прискъ называетъ „служащими сарматами“.

Въ Чехію и Моравію, по сказанію Далимила, пришли уцѣлѣвшія племена изъ Закарпатья. Чешскіе историки по большей части относятъ появленіе славянъ въ Чехіи ко времени освобожденія этой страны отъ маркомановъ. О томъ, какъ мы къ этому относимся съ археологической точки зрѣнія, было уже сказано на стр. 418 и 481. Очень правдоподобно, что первыя славянскія поселенія въ Чехіи появились еще гораздо раньше, но въ половинѣ I тысячелѣтія они во всякомъ случаѣ были усилены и занятіе ими всей страны было уже закончено. Съ тѣхъ поръ въ Чехіи и Моравіи, въ теченіе долгаго времени, не было уже никакого вторженія новыхъ народовъ.

Въ Чехіи въ началѣ историческихъ временъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ племенъ. Собственно—чехи жили внутри страны, на востокъ отъ нихъ жили зличане, на югъ нетольцы и дудлебы; въ сѣверозападной Чехіи жили седличане, лучане, возлѣ нижней Эльбы лютомиричи и дечане; далѣе къ востоку—пшоване и хорваты. Только позже племя чеховъ получило преобладаніе надъ остальными и дало имъ и всей странѣ свое имя. О началѣ исторіи Моравіи у насъ меньше свѣдѣній. Часть славянъ заселила отсюда западные Карпаты и сѣверную Венгрію и образуетъ до сихъ поръ наиболѣе сохранившееся чешское племя словаковъ. По крови и по языку они родственны вполнѣ съ остальными чешскими племенами, но были оторваны отъ нихъ политически при паденіи великоморавскаго государства.

Во второй половинѣ VI столѣтія славяне начали распространяться и въ альпійскихъ мѣстностяхъ, въ нынѣшней Верхней Австріи, Тиролѣ, Штиріи, Крайнѣ, Хорутаніи и еще южнѣе.

Въ 630 г. сербы были призваны изъ Закарпатья императоромъ Гераклитомъ на помощь противъ аваровъ, которые завоевали уже было Далмацію. Но возвращаясь, они остались въ нынѣшней Сербіи и въ Босніи и очень скоро приняли христіанство; часть ихъ, отдѣлившись, поселилась въ Панноніи и въ Иллиріи и образовала нѣсколько выдѣляющееся въ культурномъ отношеніи племя нынѣшнихъ хорватовъ.

Въ южномъ направленіи изъ своей закарпатской родины славяне прежде всего начали распространяться довольно быстро въ Венгрію, и только позже подвинулись къ берегамъ Чернаго моря и къ устьямъ Дуная. Тамъ они въ теченіе долгаго времени были въ подданствѣ у готовъ, а потомъ у гунновъ. Гунны позаимствовали у нихъ нѣкоторые обычаи и названія, пили напр. сдѣланный изъ меда напитокъ «медосъ», надъ могилами устраивали поминальные пиры, называвшіеся «стравой»—какъ намъ повѣствуютъ объ этомъ Прискъ, бывшій посломъ императора Θеодосія при дворѣ Аттилы, и Іорданъ. Этимъ объясняется и то, что славяне кое-гдѣ смѣшиваются у позднѣйшихъ византійскихъ историковъ съ гуннами. Нѣкоторые новѣйшіе историки впро-

чемъ принимали гунновъ за славянъ, какъ напр. Венелинъ, а главнымъ образомъ Гавріилъ Крстовичъ, Забѣлинъ и Иловайскій.

По словамъ Суровецкаго и Павла Шафарика славяне начали свое вооруженное передвиженіе далѣе на югъ, къ нижнему Дунаю, только послѣ па-

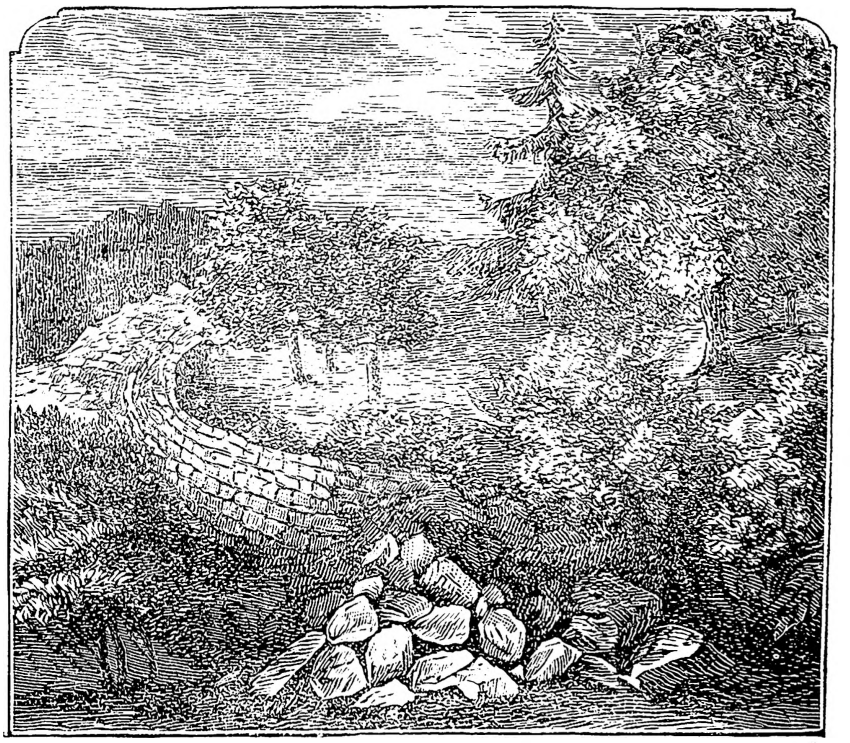


Рис. 414. Каменный валъ на горѣ Радельштейнѣ возлѣ Билины въ Чехіи.

денія могущества гунновъ въ 453 г., по мнѣнію Дринова и Иречка еще раньше, но понемногу и послѣдовательно, появлялись тамъ, и переходили Дунай. Заселеніе ими Балканъ продолжалось, по мнѣнію обоихъ упомянутыхъ историковъ, не менѣе 400 лѣтъ, отъ III до VII стол. нашей эры. Славяне достигли тамъ очень скоро большаго могущества, судя потому, что византійскій императоръ Юстинъ, а потомъ Юстиніанъ I и цѣлый рядъ византійскихъ полководцевъ были родомъ славяне. Сначала приходили туда только отдѣльныя племена, а массовое нашествіе славянъ на Балканы началось только послѣ отступленія остроготовъ въ Италію въ 488 г. Изъ Дакіи *) надвигались постоянно все новыя и новыя племена или одни, или

*) Жители этихъ странъ даки и жившіе къ востоку отъ нихъ геты были по извѣстіямъ древнихъ писателей — ѳракійскаго происхожденія (по Страбону). Дриновъ, Забѣлинъ, Брунъ видѣли впрочемъ въ нихъ предковъ славянъ, а К.

же въ соединеніи съ другими народами, напр. аварами, пока, наконецъ, въ половинѣ VII стол. заселеніе Балканъ не завершилось вполнѣ.

Главными племенами въ придунайскихъ странахъ были сѣверцы, тимочане, мораване, въ Македоніи — брсіяки, струменцы, смольяне, рынхины, сагудаты, драговичи, въ Өессаліи— велесичи и т. д. Вообще и вся Греція была наполнена славянскими поселеніями. Въ концѣ VI стол. сирійскій лѣтописецъ Іоаннъ Эфесскій даетъ извѣстіе о полномъ опустошеніи всей Греціи и завладѣніи ею «проклятымъ» народомъ славянскимъ. Съ теченіемъ времени славяне однакоже были мало по малу поглощены мѣстнымъ населеніемъ.

На сѣверъ и на востокъ славяне не подвинулись слишкомъ далеко изъ своего первоначальнаго мѣста жительства. Препятствіемъ этому были безъ всякаго сомнѣнія многочисленныя племена урало-алтайской вѣтви, которыя постоянно оттѣсняли ихъ съ востока къ западу и такимъ образомъ сдерживали распространеніе славянъ въ обратномъ направленіи *). На сѣверъ славяне проникли до самаго озера Ильменя, гдѣ и основали одинъ изъ главныхъ центровъ своего будущаго могущества—Великій Новгородъ.

По извѣстію лѣтописи, приписывавшейся монаху кіево-печерскаго монастыря Нестору (ум. въ 1116 году), на берегу Ильменя жило особое племя словенъ, которое и построило Великій Новгородъ. Кривичи жили на верховьяхъ Двины и Днѣпра, возлѣ нихъ по верхнему теченію Западной Двины жили полочане, имѣвшіе своимъ городомъ Полоцкъ. Ниже ихъ, на верхнемъ Днѣпрѣ, жили дреговичи, у которыхъ былъ городъ Туровъ. Вятичи жили на верхней Окѣ, радимичи на Сожѣ, древляне на Припети, сѣверяне между Десною и Днѣпромъ; на среднемъ Днѣпрѣ жили поляне, главнымъ городомъ которыхъ былъ Кіевъ, бѣлохорваты—между Днѣстромъ и Карпатами, тиверцы и уличи — по нижнему Днѣстру и Пруту, дулѣбы и бужане на Бугѣ и между Бугомъ и Стырью.

Этому мѣстному распредѣленію и распространенію славянъ предшествовало однако ихъ раздѣленіе по языку. Уже задолго до начала нашей эры, славяне

Мюлленгофъ полагалъ, что между даками и славянами вѣроятно была близкая родственная связь. К. Иречекъ, Крекъ и П. Шафарикъ считали даковъ и кельтовъ за өрако-иллирійское низшее сословіе (čeled).

*) Послѣ гунновъ появились въ Южной Руси авары, которые, перейдя въ 557 г. Волгу, напали на обитавшія тамъ племена. Въ концѣ VIII стол. надвинулись на Русь съ Волги хазары и подчинили себѣ часть славянъ. На Волгѣ жили еще въ это время сильныя племена болгаръ, печенѣговъ, мадьяръ, а далѣе на сѣверъ были густыя поселенія финскихъ племенъ (Весь, Мурома, Меря, Мордва и т. п.).

раздѣлились лингвистически на двѣ группы: сѣверовосточно-южную и западную. Таково мнѣніе Домбровскаго, Шафарика, Потебни, Куника и Крека Дальнѣйшій процессъ дифференціаціи происходитъ такимъ образомъ, что въ каждой изъ этихъ двухъ группъ начали образовываться новыя небольшія

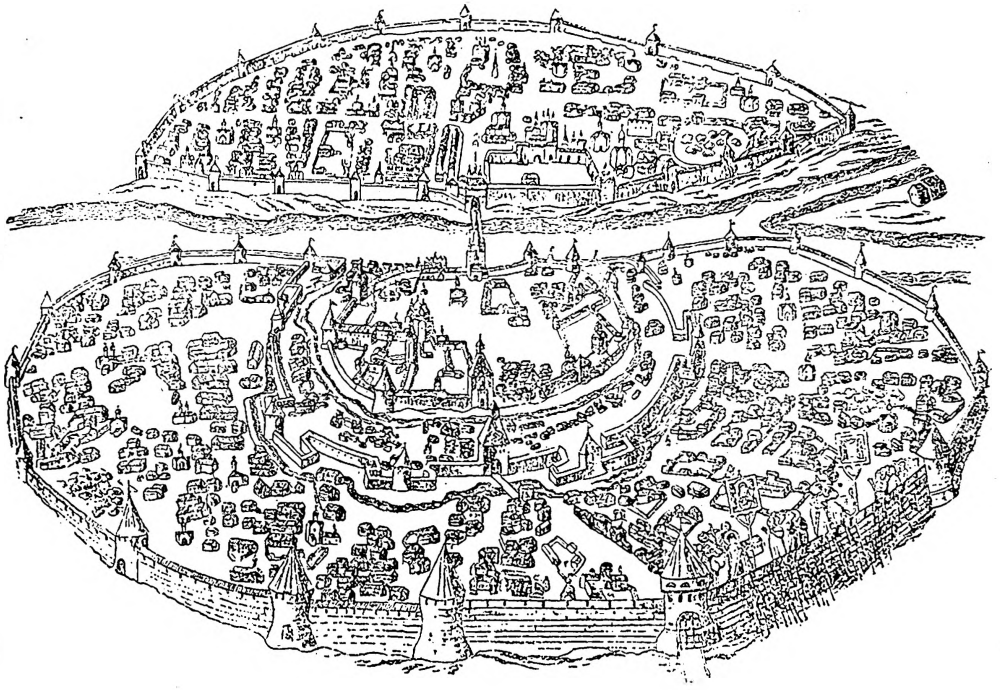


Рис. 415. Великій Новгородъ въ 1169 году.

различія, сдѣлавшіяся со временемъ болѣе значительными подъ вліяніемъ географическаго отдѣленія племенъ другъ отъ друга и передвиженія ихъ въ новыя мѣстности. Въ какомъ именно порядкѣ происходило это раздѣленіе, сказать очень трудно *). По мнѣнію Крека прежде всего отдѣлились отъ сѣверной группы полабскіе славяне. Затѣмъ они раздѣлились далѣе на собственно-полабскихъ славянъ и поляковъ; югозападная же группа раздѣлилась въ это время на двѣ под-группы—чешскую и сербскую. Группа сѣверовосточноюжная раздѣлилась на под-группы: русскую — на сѣверовостокѣ, и сербохорватскую и славянскую (болгарскую)—на югѣ.

*) Нѣкоторые, какъ напр. Востоковъ, Палацкій, Надеждинъ, Устряловъ и др., полагали, что послѣ раздѣленія славянскихъ народовъ на 2 группы, послѣдовало отдѣленіе третьей большой группы—русской, и только послѣ этого начались дальнѣйшія подраздѣленія.

Таковы были географическое расположеніе и лингвистическія отличія славянъ въ самомъ началѣ историческихъ временъ.

Нравы славянъ и ихъ матеріальная и духовная культура не были одинаковы. Въ цѣломъ замѣчалось очень много общаго, но въ деталяхъ уже были довольно замѣтныя различія. Существовали несомнѣнно также и физическія отличія, происшедшія отчасти отъ смѣшенія съ сосѣдними племенами, отчасти же путемъ развитія въ неодинаковыхъ условіяхъ среды, въ какихъ оказались отдѣльныя племена славянъ. Извѣстія о древнеславянской культурѣ довольно скудны, сохранившіеся вещественные памятники тоже не даютъ много. Наиболѣе въ этомъ отношеніи было сдѣлано путемъ сравненія нынѣшнихъ нравовъ и обычаевъ славянскихъ народовъ и анализа основныхъ элементовъ, общихъ всѣмъ славянскимъ племенамъ. Но это требуетъ еще очень много дальнѣйшей работы. Довольно цѣльную и обширную картину быта древнихъ славянъ можно составить на основаніи такъ назыв. лингвистической палеонтологіи. Прослѣдивши слова, общія всѣмъ славянскимъ языкамъ, мы можемъ познакомиться съ понятіями славянъ еще до ихъ раздѣленія на племена, такъ какъ слова, общія теперь всѣмъ славянскимъ языкамъ, должны относиться вообще къ тому времени, когда западные, восточные и южные славяне жили еще вмѣстѣ и для новыхъ понятій и предметовъ создавали и употребляли одни и тѣ же общія слова *).

Попытки возстановленія древнеславянской культуры были сдѣланы уже нѣсколькими изслѣдователями: Воцелемъ, Будиловичемъ, Ягичемъ и др. [382]). Въ послѣднее время Гр. Крекъ (Gr. Krek) въ своемъ введеніи къ исторіи славянскихъ литературъ изложилъ подробно все, что могло быть добыто до сихъ поръ лингвистикой для этой цѣли [383]). Считаемъ полезнымъ поэтому передать и въ нашей книгѣ въ краткихъ чертахъ содержаніе этого введенія, дополнивши его по возможности фактами изъ другихъ источниковъ.

Славяне были земледѣльцами, занимались скотоводствомъ и особенно пчеловодствомъ. Всѣ главныя названія земледѣльческихъ орудій и прочіе земледѣльческіе термины у нихъ у всѣхъ одни и тѣ же. Изъ хлѣбныхъ растеній они сѣяли рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, просо; общимъ названіемъ для хлѣбныхъ растеній у нихъ было слово жито, оставшееся потомъ въ видѣ названія одного какого нибудь изъ хлѣбовъ, у разныхъ славянъ различнаго. Зерна хлѣбныхъ растеній размалывались на ручныхъ жерновахъ или въ водяныхъ мельницахъ, и изъ муки пекли хлѣбъ.

---

*) Тѣмъ не менѣе и здѣсь необходима извѣстная осмотрительность, такъ какъ нѣкоторыя слова изъ чужихъ языковъ, позаимствованныя позже отдѣльными славянскими народами, распространились отъ нихъ и къ другимъ, какъ напр. было по мнѣнію Крека со словами вапно (известь), коляда, пѣнязь и т. п.

Кромѣ зерновыхъ продуктовъ употреблялась впрочемъ и другая растительная пища; затѣмъ славяне ѣли печеное и вареное мясо, употребляли въ пищу молоко, сыръ и разныя овощи, пили напитки изъ меда и вино. Тамъ, гдѣ господствуетъ земледѣліе—нѣтъ больше мѣста для кочеваго существованія. Вспаханное поле прикрѣпляетъ земледѣльца къ землѣ. Поэтому земледѣліе обусловливаетъ и появленіе прочныхъ постоянныхъ жилищъ.

Древніе славяне строили такія жилища изъ дерева. Умѣнье строить изъ камня и кирпича появилось у нихъ позже, послѣ ихъ раздѣленія *). Особенно въ Россіи, благодаря недостатку камня, постройки даже до новѣйшихъ временъ дѣлались только изъ дерева. Какъ по Геродоту городъ Гелоносъ въ землѣ будиновъ былъ построенъ изъ дерева, такъ же точно еще въ XVII в. стѣны укрѣпленія Вишни въ Ломжинской губ. и Норовля на Волыни еще въ XVIII стол. были деревянныя. Когда же семья, построившая себѣ жилище, размножалась, являлась потребность возводить новыя постройки, расчищать новыя поля и такимъ образомъ въ теченіе вѣковъ развивались общины. Институція славянской общины очень оригинальна, своеобразна и основана на принципахъ родовомъ и хозяйственномъ. Всѣ члены рода жили вмѣстѣ, образуя собой общину, которая носила имя первоначально своего предка-основателя: по имени Родована—Родованичи, по имени Лютомира—Лютомиричи и т. п. Только позже, когда начались развѣтвленія и раздѣленія родовъ, новымъ отдѣлявшимся общинамъ начали давать и другія имена по нравамъ и обычаямъ родовъ, по одеждѣ, по мѣсту жительства, по положенію выбраннаго имъ мѣста и т. п. Въ общинѣ, въ родѣ—управленіе было вполнѣ демократическимъ. Всѣ члены рода пользовались одинаковыми правами, имущество было общимъ. Въ основаніи ассоціаціи лежали не только родственныя отношенія, но и экономическія. Каждый работалъ на своемъ участкѣ, но результаты его труда шли въ общее пользованіе и самъ онъ жилъ на средства общины. Во всемъ остальномъ члены общины были вполнѣ свободны. Представителемъ общины выбирали кого нибудь изъ старшихъ по возрасту или же имъ былъ вообще всегда старѣйшій изъ членовъ. Онъ наблюдалъ только за сохраненіемъ мира и за порядкомъ во всемъ, исполнялъ обязанности судьи, князя, въ случаѣ надобности и предводителя на войнѣ,—

*) Наиболѣе распространенныя названія кирпича были позаимствованы въ славянскихъ языкахъ или съ нѣмецкаго (укр. цегла, чеш. cihla, пол. cegła), или съ греческаго или турецкаго (великор. кирпичъ, болг. карамида). То же произошло и съ названіемъ извести — вапно, хотя оно и общее всѣмъ славянамъ, но позаимствовано съ греческаго. Постройкамъ изъ камня славяне научились или на западѣ у римлянъ (отчасти при посредствѣ германцевъ), или на востокѣ у византійцевъ, хотя могли впрочемъ познакомиться съ ними и раньше, еще въ скиѳскую эпоху.

во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ былъ равнымъ съ остальными. Самодержавіе развилось у славянъ только въ болѣе позднія времена; названія, обозначающія монархическую власть въ славянскихъ языкахъ, всѣ чужія (князь, король, царь). Вообще кажется, что всѣ сословныя различія, съ которыми мы встрѣчаемся въ позднѣйшія эпохи, развились у славянъ подъ внѣшними вліяніями, главнымъ образомъ нѣмецкимъ: появилась княжеская власть, бояре, роды, право престолонаслѣдія, наслѣдства вообще и т. д.

Родовое устройство открывало широкое поле для развитія жизни индивидуальной и жизни семейной. Семья въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова была у славянъ очень организована. Въ ней по большей части господствовало единоженство, но встрѣчалось и многоженство въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ въ состояніи былъ содержать нѣсколькихъ женъ. Особенно лица болѣе знатныя въ позднѣйшую эпоху не ограничивались одной женой. О кіевскомъ князѣ Владимирѣ говорятъ, что онъ имѣлъ 5 настоящихъ женъ и кромѣ того еще 800 наложницъ. Начальный лѣтописецъ съ огорченіемъ говоритъ о томъ, что отдѣльныя славянскія племена древней Руси — древляне, вятичи, радимичи и сѣверяне умыкали себѣ женъ у воды. Но это былъ только остатокъ обычая, общаго всѣмъ примитивнымъ народамъ. Экзогаміи отдавалось преимущество передъ эндогаміей, женамъ изъ чужихъ родовъ—передъ женами изъ своего. Умыканіе женъ долго держалось у славянъ въ качествѣ переживанія, но только въ видѣ символическаго обряда; въ свадебныхъ же обрядахъ слѣды его держатся и до сихъ поръ.

Однако же разныя свѣдѣнія показываютъ намъ, что положеніе женщины въ древнеславянской семьѣ было довольно свободнымъ. Она, разумѣется, должна была работать, особенно въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя издавна считались женскими, какъ напр. пряжа, тканье шерсти и льна, шитье одежды и т. п. За супружескую невѣрность полагались самыя жестокія наказанія и притомъ для лицъ обоего пола. У женщинъ невѣрность встрѣчалась очень рѣдко. Въ обычаѣ «добровольной» смерти женъ съ мужьями мы впрочемъ не можемъ усматривать той степени супружеской любви, какую въ немъ обыкновенно видятъ.

Кромѣ женщинъ работали также и мужчины въ семьяхъ. Обыкновенно говорятъ, что славяне первоначально не имѣли рабовъ и что рабство развилось только впослѣдствіи путемъ личнаго присвоенія военноплѣнныхъ. По новѣйшимъ же изслѣдованіямъ Собѣстіанскаго рабство у славянъ существовало съ древнѣйшихъ временъ. Есть многочисленныя извѣстія о рабахъ-славянахъ, которыми торговали нѣмцы, мадьяры и главнымъ образомъ евреи уже съ давнихъ временъ и между прочимъ и въ Чехіи — въ Прагѣ. Евреи захватили въ свои руки торговлю уже въ концѣ прошлаго тысячелѣтія; послѣ нихъ больше всего занимались торговлей арабы. Но и сами сла-

вяне не пренебрегали торговлей; особенно ловкіе купцы вырабатывались изъ русскихъ славянъ. О торговлѣ, которая велась въ то время черезъ славянскія земли, мы скажемъ еще далѣе.

Кромѣ торговли славяне занимались и разными ремеслами. Они умѣли выплавлять металлы изъ рудъ и обрабатывать ихъ. Знакомство съ этимъ дѣломъ пришло къ нимъ съ востока и съ юга. Изъ металловъ имъ были извѣстны: желѣзо, золото, серебро, мѣдь и олово.

Поселенія древнихъ славянъ помѣщались обыкновенно или возлѣ водъ, или возлѣ дорогъ. Особеннымъ, чисто славянскимъ типомъ расположенія деревни можно считать болѣе или менѣе кругообразную группировку усадебъ возлѣ общаго выгона или центральной площади, въ чемъ родовой принципъ общины выразился топографически. Въ послѣднее время этотъ вопросъ былъ разработанъ съ большимъ успѣхомъ въ Германіи Мейтценомъ, въ Чехіи Пейскеромъ и въ Моравіи В. Гудекомъ. Деревни или города бывали обнесены валами (окопъ и градъ), о которыхъ, такъ какъ они принадлежатъ къ числу сохранившихся памятниковъ, мы скажемъ впослѣдствіи. Кромѣ того они часто строились въ трудно доступныхъ мѣстностяхъ, между болотами или на крутыхъ высотахъ, подобно городищамъ, служившимъ во время войны временными убѣжищами, а въ мирное время иногда мѣстами общественныхъ собраній и праздниковъ, главнымъ образомъ религіозныхъ. Особенныхъ мѣстъ для поклоненія богамъ у славянъ первоначально не было. Только позже у нѣкоторыхъ племенъ развилась духовная іерархія, а вмѣстѣ съ нею и религіозный культъ, до такой степени, что начали созидаться, какъ это было напр. въ Польшѣ и у балтійскихъ славянъ, роскошные храмы, украшенные изображеніями и статуями божествъ. Религія славянъ [384]), до сихъ поръ еще очень невыясненная и основанная на поклоненіи разнымъ явленіямъ природы и почитаніи предковъ, ни по происхожденію своему, ни по развитію не представляла исключенія изъ того, что мы находимъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Съ теченіемъ времени поклоненіе неопредѣленнымъ силамъ природы замѣнилось почитаніемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ, ясно обозначенныхъ существъ, боговъ съ различными свойствами и различными функціями. Но еще раньше, чѣмъ миѳологическая система у славянъ успѣла сложиться и выработаться въ опредѣленныя формы,—появилось христіанство. О разныхъ обычаяхъ и обрядахъ, пріуроченныхъ къ различнымъ эпохамъ жизни отдѣльнаго лица, къ рожденію, зрѣлости, вступленію въ бракъ и т. д., у насъ нѣтъ достаточно подробныхъ свѣдѣній, за исключеніемъ смерти и погребенія, о которыхъ разные путешественники и хронисты сохранили намъ довольно много извѣстій. То, что мы знаемъ отъ нихъ, во многомъ подтверждается и дополняется находками въ гробницахъ отдаленныхъ временъ [385]).

Здѣсь мы упомянемъ о погребальныхъ обычаяхъ древнихъ славянъ только вообще, подробности же ихъ будутъ дополнены дальнѣйшимъ описаніемъ сохранившихся памятниковъ. Благодаря тому, что нѣкоторыя изъ старинныхъ извѣстій говорятъ только о сожиганіи мертвыхъ у славянъ, другіе же только о погребеніи—мы теперь можемъ сказать съ увѣренностью, что древніе славяне и сожигали и погребали своихъ мертвыхъ, какъ это и было уже высказано Шафарикомъ. Когда, впрочемъ, практиковался одинъ изъ этихъ обрядовъ и когда другой, мы до сихъ поръ еще съ точностью не знаемъ. У однихъ племенъ, какъ указываютъ извѣстія и памятники, одинъ обрядъ, у другихъ—другой были въ исключительномъ или по крайней мѣрѣ въ случайномъ употребленіи.

Но и у одного и того же народа обычаи съ теченіемъ времени измѣнялись и вообще кажется, что трупосожженіе было обрядомъ рѣшительно болѣе древнимъ, чѣмъ погребеніе *). Нѣкоторые также думаютъ, что существованіе того или другого обряда зависѣло отъ родовыхъ традицій; что одинъ родъ извѣстнаго племени сожигалъ своихъ умершихъ, а другой родъ того же племени погребалъ ихъ, а Крекъ и Котляревскій упоминаютъ о случаяхъ, когда оба обряда встрѣчались въ одной и той же гробницѣ вслѣдствіе того, что одинъ изъ умершихъ, напр. жена, принадлежала къ другому роду, имѣвшему обычай сожигать мертвыхъ, тогда какъ другой—мужъ погребался по своимъ обычаямъ.

При самомъ погребеніи, какъ у простыхъ людей, такъ и особенно у знатныхъ, исполнялся цѣлый рядъ церемоній. Мертваго относили изъ дому къ мѣсту, назначенному для похоронъ и тамъ или погребали со множествомъ разныхъ даровъ или же сожигали. По словамъ начальной лѣтописи, нѣкоторыя русскія племена, какъ вятичи, кривичи, сѣве-

*) Трупосожженіе прекратилось у однихъ племенъ раньше, у другихъ позже, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ христіанства. Ни въ запрещеніяхъ Вратислава 1309 г., ни въ запрещеніяхъ епископа Войтеха 987 г., касающихся устраненія языческихъ обычаевъ въ Чехіи, о трупосожженіи болѣе не упоминается. У чеховъ и всѣхъ югозападныхъ славянъ, которые рано приняли христіанство, этотъ языческій обычай прекратился раньше всего. Поляки, по извѣстію Титмара, сожигали мертвыхъ еще въ X стол. Въ договорѣ съ рыцарями тевтонскаго ордена 1249 г. нѣкоторыя племена въ Пруссіи обязывались не сожигать болѣе своихъ мертвыхъ по языческому обычаю. Гваньини въ своемъ сочиненіи «Deductio et origo celeberrimae gentis Lithuanorum» говоритъ вполнѣ опредѣленно о томъ, что нѣкоторыя племена въ Литвѣ сожигаютъ мертвыхъ. Точно также и Карлъ Великій издалъ въ 785 году законъ для саксовъ, запрещавшій имъ подъ страхомъ смертной казни сожигать мертвецовъ, по языческому обычаю. Въ Лифляндіи и Эстляндіи, по словамъ Н. Харузина, были найдены могилы съ остатками трупосожженія, относящіяся къ XIV вѣку. (Обзоръ доисторической археологіи въ балтійскихъ губерніяхъ, Ревель, 1894, стр. 128, 133).

ряне, радимичи и другіе сожигали своихъ умершихъ, клали пепелъ ихъ въ сосуды и ставили ихъ на деревянныхъ столбахъ у дорогъ. Но та же лѣтопись въ другихъ мѣстахъ говоритъ и о погребеніи мертвыхъ тѣлъ.

Мы упомянули выше о существованіи у нѣкоторыхъ славянъ обычая, требовавшаго смерти жены вмѣстѣ съ мужемъ. Есть извѣстія о томъ, что это дѣлалось добровольно, но мы не думаемъ, чтобы это было такъ въ дѣйствительности. Жертву, отъ принесенія которой не отказываются, нельзя еще назвать вполнѣ добровольной. Это было скорѣе обязанностью, необходимостью, религіознымъ закономъ. Обычай этотъ могъ быть у славянъ ихъ собственнымъ, какъ онъ былъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ — у индусовъ, германцевъ (есть извѣстія о подобномъ же обычаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ), но могъ быть и позаимствованнымъ. Онъ былъ также у скиѳовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми такъ долго были славяне; о томъ, какъ онъ у нихъ соблюдался, мы сказали уже на стр. 429. Очень возможно, что съ женой умершаго господина убивали также и его слугъ.

О подобныхъ человѣческихъ жертвахъ у балканскихъ славянъ упоминаетъ Маврикій; Ибнъ-Фоцланъ наблюдалъ ихъ у руссовъ, болгаръ и сербовъ (о Руси говоритъ и Ибнъ-Даста), а Левъ Діаконъ, Массуди и св. Бонифацій—у западныхъ славянъ. Ибнъ-Фоцланъ оставилъ намъ подробное описаніе погребенія знатнаго русса, котораго онъ былъ самъ очевидцемъ въ 921 или 922 г. нашей эры. Оно настолько интересно, что мы считаемъ возможнымъ привести его здѣсь въ возможно полномъ извлеченіи.

Умершаго знатнаго человѣка прежде всего клали на десять дней въ могилу, а затѣмъ кроили и шили для него потребную одежду и дѣлили его имущество. Третья часть этого имущества отдавалась его семьѣ, другая треть шла на приготовленіе платья и наконецъ послѣдняя треть употреблялась на покупку опьяняющихъ напитковъ для погребальныхъ торжествъ. При этомъ попойка шла и днемъ и ночью. Если умиралъ начальникъ, то спрашивали у лицъ его свиты, кто хочетъ съ нимъ умереть, и когда кто-нибудь отвѣчалъ «я!»—а это бывали обыкновенно женщины — то возврата больше не было и отказаться нельзя было. Въ присутствіи Ибнъ-Фоцлана произошелъ подобный случай. Умеръ начальникъ, и одна изъ дѣвушекъ согласилась умереть съ нимъ; ее тотчасъ же отдали подъ надзоръ другимъ, а между тѣмъ происходили упомянутыя выше приготовленія къ похоронамъ. «Дѣвушка пила по цѣлымъ днямъ, пѣла, была весела и счастлива. Когда насталъ день похоронъ, изъ рѣки вытянули на сушу ладью, подперли ее и окружили большими деревянными изображеніями людей. На эту ладью поставили скамью, которую старая женщина, называвшаяся «ангеломъ смерти», покрыла драгоцѣнными тканями. Это была та женщина, которая распоряжалась приготовленіемъ одежды, а потомъ убивала и дѣвушку. «Я видѣлъ ее», говоритъ

Ибнъ-Фоцланъ: «это былъ чортъ съ мрачнымъ, зловѣщимъ взглядомъ». Затѣмъ отправились къ могилѣ и вынули изъ нея умершаго со всѣмъ, что было съ нимъ положено (напитками, пищей и лютней); одѣли его въ златотканныя одежды и положили въ ладью на приготовленную скамью подъ шатромъ. Вокругъ него поставили сосуды съ опьяняющими напитками и съ разными кушаньями и положили оружіе. Затѣмъ принесли собаку, убили двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицу, порубили все это и бросили въ ладью. Обреченная на смерть дѣвушка ходила между тѣмъ вокругъ и войдя въ одну изъ разбитыхъ тамъ же палатокъ отдалась одному мужчинѣ, вошедшему съ ней въ сношеніе «изъ любви къ покойному». Наконецъ въ пятницу послѣ полудня дѣвушка, по совершеніи какого-то недостаточно ясно описаннаго обряда, была приведена къ ладьѣ; тамъ она сняла свои браслеты и отдала старой женщинѣ, затѣмъ вошла въ ладью, но еще не подъ шатеръ, гдѣ лежалъ мертвый начальникъ. Ей подали чашу опьяняющаго напитка, она взяла ее, запѣла и выпила; подали другую чашу, она взяла и ту и запѣла новую пѣсню... Это продолжалось долго, но старая женщина поторопила ее выпить и войти въ шатеръ. Она боязливо и нерѣшительно наклонила голову къ шатру, но тутъ «ангелъ смерти» схватилъ ее сзади и вошелъ вмѣстѣ съ ней. Стоявшіе кругомъ мужчины начали бить палицами въ щиты, производя сильный шумъ, чтобы заглушить крики, которые могли быть слышны изъ шатра. Затѣмъ шестеро мужчинъ вошли въ шатеръ, каждый совокупился съ ней, а послѣ этого ее положили опьяненную возлѣ мертваго начальника и крѣпко держали, тогда какъ старая женщина, называемая «ангеломъ смерти», надѣла ей на шею веревку и воткнула глубоко въ сердце широкій ножъ.

Послѣ всего этого къ ладьѣ приблизился самый близкій изъ родственниковъ покойнаго и поджегъ горѣвшимъ кускомъ дерева костеръ, еще прежде наложенный подъ ладьей. Съ другихъ сторонъ сдѣлали то же самое прочіе родственники, и скоро огонь охватилъ всю ладью съ бывшимъ на ней шатромъ, мертвыми и всѣмъ, что было въ ней. Не прошло и часу какъ отъ всего осталась только куча пепла, надъ которою и былъ насыпанъ курганъ.

Къ этому разсказу Ибнъ-Фоцланъ прибавляетъ слѣдующую фразу, сказанную однимъ руссомъ его переводчику: «Вы, арабы,—глупый народъ. Вы берете того, кого вы наиболѣе любили и почитали и кладете его въ землю на съѣденіе разнымъ гадамъ и червямъ. Мы, наоборотъ, быстро сожигаемъ его, и онъ такимъ образомъ немедленно входитъ въ рай!»

Погребальные обряды сопровождались обыкновенно торжествами и пирами или возлѣ могилы или въ домѣ умершаго. Празднество это носило названіе тризны *).

*) Нѣкоторые, какъ напр. Шафарикъ, Котляревскій, а въ послѣднее время

Славяне любили музыку и пѣніе. Ѳеофилактъ Симокаттесъ разсказываетъ анекдотъ о трехъ славянскихъ плѣнникахъ съ цитрами въ рукахъ вмѣсто мечей, а по словамъ Ибнъ-Фоцлана умершему начальнику руссовъ дана была лютня и на тотъ свѣтъ. Также точно Ибнъ-Даста и Аль-Бекри упоминаютъ о музыкальныхъ инструментахъ славянъ, главнымъ образомъ о струнныхъ. Славяне дошли до значительной степени совершенства въ музыкѣ и лирической поэзіи — особенно въ пѣсняхъ. Эпическая поэзія возникла у нихъ позже.

Во многихъ книгахъ постоянно повторяются фразы о миролюбіи и голубиной кротости славянъ. Это неправда. Славяне вовсе не были мирнымъ и кроткимъ народомъ: древнѣйшая и позднѣйшая исторія ихъ даетъ достаточноя тому доказательства, и давно уже пора бы оставить въ сторонѣ эти идиллическія о нихъ представленія *). Ихъ занятія въ мирное время—хлѣбопашество, разведеніе скота и пчелъ, пѣніе съ игрой на струнныхъ инструментахъ—вовсе не исключали свирѣпой разнузданности страстей. Славяне способны были воевать съ такой же свирѣпой жестокостью, такъ же грабить и убивать всѣхъ, какъ и всѣ остальные, современные имъ народы. Достаточно послушать жалобы одного Іоанна Ефесскаго на «проклятыхъ славянъ», которые во времена императора Тиберія по нѣскольку лѣтъ сряду жгли, грабили, брали въ плѣнъ и убивали людей во всей Греціи.

Оружіемъ служили славянскимъ воинамъ лукъ со стрѣлами въ колчанѣ,

---

главнымъ образомъ Крекъ полагаютъ, что существовавшій по словамъ Іордана у гунновъ обычай устраивать погребальный пиръ, носившій названіе „стравы“, былъ позаимствованъ ими отъ славянъ, и что само это названіе славянскаго происхожденія и означаетъ собою угощеніе. Напротивъ, другіе, какъ Гриммъ, Мюлленгофъ, Поттъ и Дифенбахъ принимаютъ его съ меньшей правдоподобностью за слово не славянское и объясняютъ иначе.

*) Было время, когда у всѣхъ почти изслѣдователей господствовали какіе-то сантиментально-идиллическіе взгляды на характеръ древнихъ славянъ. Они имѣютъ впрочемъ своихъ послѣдователей и до сихъ поръ. И. М. Собѣстіанскій недавно указалъ на историческое развитіе этихъ ошибочныхъ взглядовъ [386]), приписывая происхожденіе ихъ главнымъ образомъ вліянію Гердера, который въ своемъ сочиненіи Ideen zu einer Philosophie der Geschichte der Menschheit изобразилъ славянъ какъ типъ мирной, гуманной народности. По мнѣнію Собѣстіанскаго это было вовсе не такъ: славяне были жестоки, какъ и другіе, имѣли рабовъ, имѣли по нѣскольку женъ, убивали своихъ дѣтей и слабыхъ стариковъ и т. п. Противъ взглядовъ Собѣстіанскаго въ Россіи появились возраженія, по большей части основательныя, особенно по отношенію къ его критикѣ нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ, напр. Шафарика, но въ основной своей мысли, что существовавшіе до сихъ поръ взгляды на бытъ славянъ были по большей части сантиментально-идеалистическими, мы думаемъ, что онъ былъ вполнѣ правъ.

часто напитанными ядомъ *), мечъ, сабля, которую они позаимствовали отъ азіатскихъ племенъ, копья (сулица есть вѣроятно первоначальное славянское названіе копья), сѣкира, иногда также съ поперечнымъ остріемъ, топоръ съ молотомъ, палица, ножъ, праща, щитъ, шишакъ (старославянское шлемъ произошло по мнѣнію Krek'а отъ нѣмецкаго Helm) и кольчуга—все главнымъ образомъ желѣзное. Желѣзо было знакомо славянамъ уже съ очень отдаленныхъ временъ.

Для перевозки тяжестей славяне на сушѣ употребляли возы на колахъ (колесахъ), а жившіе возлѣ воды умѣли прекрасно плавать на лодкахъ, главнымъ образомъ только при помощи веселъ. Есть цѣлый рядъ извѣстій о томъ, какъ они переѣзжали Сѣверное море и пускались по широкимъ русскимъ сплавнымъ рѣкамъ далеко по Черному морю съ цѣлью войны и грабежа. На ладьяхъ бывали паруса изъ льняной ткани и даже иногда изъ шелковой. Еще въ историческія времена такимъ отважнымъ пиратствомъ прославились запорожскіе козаки.

Благопріятны также для славянъ и древнія извѣстія, описывающія ихъ нравы, ихъ характеръ, ихъ умственное развитіе, не смотря на то, что показанія эти исходятъ отъ нѣмцевъ, грековъ и прочихъ неславянъ. Съ физической стороны ихъ изображаютъ какъ людей сильныхъ, здоровыхъ, высокаго роста съ свѣтлыми волосами и глазами. Въ характерѣ ихъ хвалятъ храбрость, любовь къ свободѣ, привязанность къ родинѣ, гостепріимство **), довѣрчивость, супружескую вѣрность и т. п.,—упрекаютъ же ихъ главнымъ образомъ въ отсутствіи единодушія. «Славяне вообще храбрые и неустрашимые

*) Намазанныя ядомъ стрѣлы были въ доисторическія времена въ Европѣ въ такомъ же обширномъ употребленіи, какъ и у нынѣшнихъ примитивныхъ народовъ. Онѣ продолжали употребляться еще въ позднія времена средпихъ вѣковъ, напр. у германцевъ, о чемъ свидѣтельствуютъ наказанія, полагавшіяся за пораненіе отравленными стрѣлами въ старинныхъ германскихъ кодексахъ, а также и у славянъ. Объ употребленіи отравленныхъ стрѣлъ у славянъ вообще свидѣтельствуютъ императоръ Маврикій и Левъ Мудрый; у чеховъ такая стрѣла называлась nàlep. Стрѣлами, предназначенными для отравленія, мы можемъ считать тѣ, которыя имѣютъ на своей поверхности бороздки или углубленія, удобныя для помѣщенія въ нихъ яда. Ядъ употреблялся для этой цѣли или животный, напр. змѣиный, или гнилостный (у скиѳовъ была въ ходу смѣсь и того и другаго), или же наконецъ—и чаще всего—растительный (изъ разныхъ растеній, главнымъ образомъ изъ видовъ Aconitum), но не минеральные яды.

**) Нѣтъ ни одного племени гостепріимнѣе славянъ, говорятъ Адамъ Бременскій и Гельмольдъ. Это гостепріимство доходило до того, что дозволялось украсть или взять силою то, что было необходимо, чтобы какъ слѣдуетъ принять гостя. Слова гость и чужеземецъ имѣли одно и то же значеніе. Отказъ въ гостепріимствѣ влекъ за собою самыя тяжкія наказанія; было даже позволено зажечь домъ, въ которомъ случилась подобная вещь.

люди, и если бы вслѣдствіе крайняго раздробленія на племена и роды они не находились постоянно во враждѣ между собою, то не было бы народа, который могъ бы помѣриться съ ними силою». Такъ писалъ о славянахъ Ибрагимъ Бенъ-Якубъ, и то же самое говорилъ о нихъ и императоръ Маврикій.

Съ кажущейся неблагопріятностью относится только къ культурѣ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ древней Руси авторъ начальной русской лѣтописи, хотя и хвалитъ во всѣхъ отношеніяхъ полянъ, къ которымъ и самъ онъ принадлежалъ. Но онъ писалъ очень кратко и притомъ съ точки зрѣнія христіанскаго монаха о язычникахъ, смѣшивая иногда даже умышленно нравственность съ языческой цивилизаціей, для того, чтобы тѣмъ ярче выставить добродѣтели христіанства. То же надо сказать и о Козьмѣ Пражскомъ, описывавшемъ жизнь чеховъ-язычниковъ. По его словамъ они не знали жилищъ, не знали вина, одѣвались только въ звѣриныя шкуры, пользовались женщинами сообща «звѣринскимъ образомъ» (more pecudum),—все это несправедливо и представляетъ притомъ собою отголосокъ римскихъ писателей. У полабскихъ славянъ нѣкоторые тоже отрицали на основаніи старинныхъ извѣстій признаки высшей культуры, какъ напр. знакомство съ хлѣбопашествомъ, постоянныя жилища и т. п., но это оказалось несправедливымъ.

Сохранившіеся памятники этой эпохи въ славянскихъ странахъ мы можемъ раздѣлить на двѣ большія группы—на остатки поселеній, къ которымъ относятся главнымъ образомъ городища и славянскія свайныя постройки, и—славянскія гробницы.

О томъ, что такое городища, было уже нами сказано на стр. 92, въ описаніи неолитической эпохи. Естественно, что древнѣйшія общины должны были ограждать себя отъ непріятеля сооруженіемъ укрѣпленій. Въ Европѣ мы встрѣчаемся съ мѣстами, огражденными валами во всѣ доисторическія эпохи—болѣе всего впрочемъ въ концѣ доисторическихъ временъ и въ началѣ историческихъ, и кажется, что они многочисленнѣе всего именно въ странахъ, заселенныхъ славянами [387]).

Въ теченіе этихъ эпохъ, точно также, какъ и прежде, городища возводились обыкновенно на высотахъ, которыя были уже защищены въ извѣстной степени своимъ естественнымъ положеніемъ, въ равнинахъ—на мѣстахъ, окруженныхъ густыми лѣсами, глубокими водами или болотами. Въ подобныхъ мѣстахъ насыпали валы, иногда на свайныхъ сооруженіяхъ и вообще на искусственномъ фундаментѣ. Ибрагимъ Бенъ-Якубъ, путешествовавшій по средней Европѣ въ качествѣ члена мавританскаго посольства къ императору Оттону I, описываетъ славянское укрѣпленіе Vîli-grâd слѣдующимъ образомъ: Вилиградъ построенъ на озерѣ, какъ и большинство градовъ у славянъ. Если

они хотятъ поставить градъ, то ищутъ мѣстность, богатую водами и болотами, выбираютъ тамъ круглое или четыреугольное пространство, смотря по тому, какую форму и размѣры они желаютъ дать своему сооруженію. Затѣмъ они выкапываютъ кругомъ ровъ и изъ вынутой изъ этого рва земли насыпаютъ валъ, который такъ утрамбовываютъ досками и колесами, что онъ становится твердымъ, какъ токъ на гумнѣ. Когда же валъ достигнетъ достаточной высоты, то въ одной изъ сторонъ его, которая удобнѣе, продѣлываютъ входъ, сообщающійся черезъ ровъ съ землей посредствомъ деревяннаго моста.

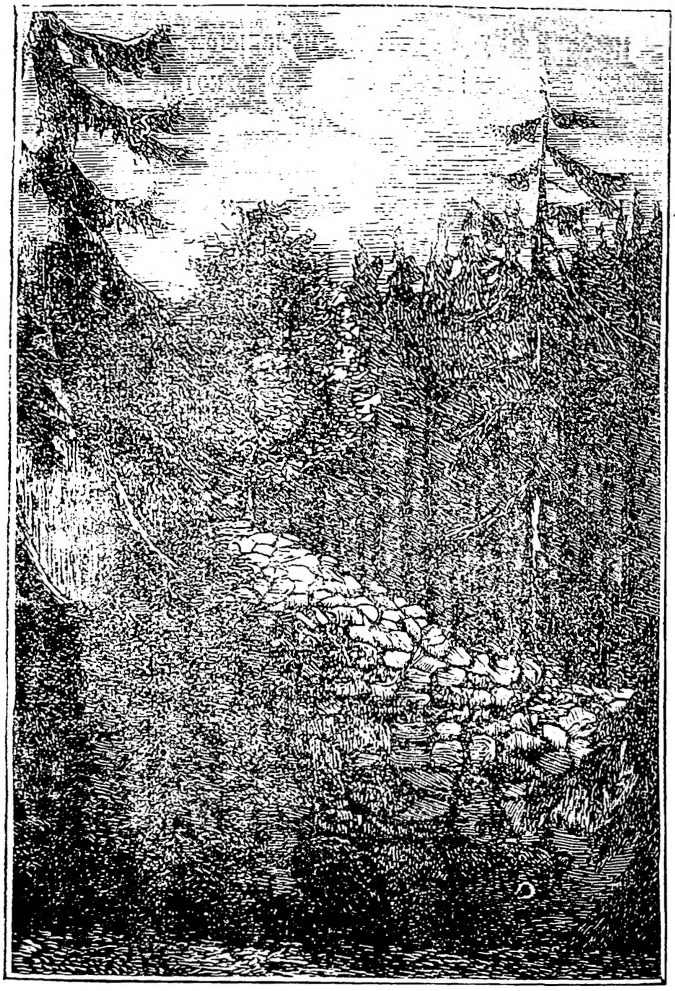


Рис. 416. Видъ части каменнаго вала на вершинѣ Здаре возлѣ Рокицанъ

Валы городищъ бываютъ сдѣланы обыкновенно изъ глины, гораздо рѣже изъ камня. Очевидно здѣсь сообразовались прежде всего съ тѣмъ, какой матеріалъ былъ болѣе подъ рукой. Особенную, до сихъ поръ хронологически, да и въ прочихъ отношеніяхъ, невыясненную группу представляютъ собой такъ называемые обожженные или остеклованные валы (camps vitrifiés, Glasburgen, vitrified forts). Они носятъ это названіе потому, что камни, изъ которыхъ они построены, высказываютъ на своей поверхности очевидные слѣды дѣйствія сильнаго жара, ихъ верхнія части полурасплавлены, покрыты шлаками, между камнями попадаются слои пепла, куски обгорѣлаго дерева, угля и т. п. Несомнѣнно, что такое обжиганіе вала производилось съ цѣлью сдѣлать поверхность его болѣе плотной и твердой, чтобы камень не крошился, т. е. вообще съ оборонительными цѣлями и умышленно. Это, слѣдовательно, не слѣды только пожара, бывшаго надъ валомъ деревяннаго палисада, сож-

женнаго непріятелемъ. Но не легко отвѣтить на вопросъ о томъ, какимъ образомъ производилось такое обжиганіе каменной кладки? Предположеній на этотъ счетъ было высказано много. Обыкновенно думаютъ, что обжиганіе производилось послѣ постройки вала путемъ разведенія большаго огня на его поверхности. Но обожженные камни и песокъ попадаются также и внутри валовъ, а поэтому уже проф. Г. Шаафгаузенъ, Р. Вирховъ и другіе вполнѣ основательно полагали, что это должно было дѣлаться иначе и ставили въ связь съ обжиганіемъ валовъ тѣ каналы, заключающіе въ себѣ остатки угля и пепла, которые въ нихъ иногда встрѣчаются. Въ послѣднее время чешскій проф. I. Вольдржихъ, внимательнымъ изслѣдованіемъ такихъ валовъ въ Литорадлицкомъ городищѣ, возлѣ Глубокой подъ Влтавой и въ городищѣ подъ Волынкой, у Страконицъ, въ извѣстной степени выяснилъ это обстоятельство. При раскопкѣ валовъ во многихъ мѣстахъ оказалось, что они состоятъ сверху до низу изъ перемежающихся слоевъ камня и песку и слоевъ пепла и древеснаго угля (ср. рис. 417). Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались и искусственныя дыры для прохода воздуха, тянувшіяся между пескомъ и камнемъ (рис. 418). Камень, слѣдовательно, складывался нарочно такимъ образомъ, чтобы внутри вала образовались каналы. Эти факты дали возможность проф. Вольдржиху прійти къ заключенію, что описываемые валы сооружались слѣдующимъ образомъ: «когда мѣстность, подходящая для сооруженія городища, была выбрана и направленіе вала обозначено, то всю почву, которая должна была находиться подъ валомъ, по всей длинѣ его покрывали слоемъ древеснаго угля; на этотъ слой угля кое-гдѣ накладывали слой глины, чтобы песокъ, который насыпался на всю поверхность, занятую углемъ, не вездѣ проникалъ между углями, затѣмъ на слой песку накладывались камни такимъ образомъ, чтобы между ними оставались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ про-

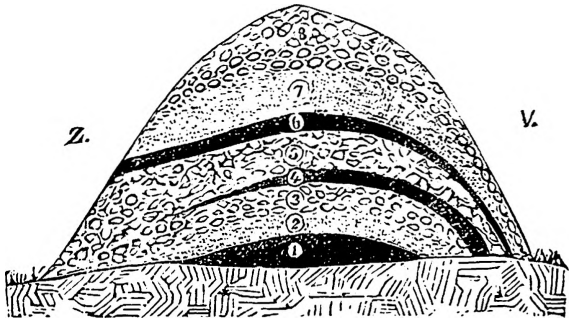


Рис. 417. Разрѣзъ главнаго западнаго вала Литорадлицкаго городища.

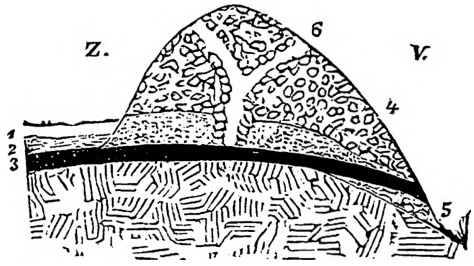


Рис. 418. Разрѣзъ главнаго восточнаго вала Литорадлицкаго городища.

межутки, образующіе нѣчто въ родѣ каналовъ для прохода воздуха, и наконецъ слой дополнялся камнями. Послѣ всего этого зажигали угли, жаромъ отъ которыхъ плавился песокъ и обжигались, остекловываясь на своей поверхности и приплавляясь другъ къ другу, камни, главнымъ образомъ вблизи воздушныхъ каналовъ. Такимъ образомъ наложенные слои осѣдали, пріобрѣтая вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащую плотность, причемъ разумѣется и каналы сами собою засыпались и остававшійся недогорѣвшій уголь погасалъ». Это повторялось послѣдовательно три раза. Вольджихъ съ полной справедливостью прибавляетъ, что существовавшее до него мнѣніе, по которому на готовые уже валы накладывался сверху большой слой дерева и зажигался — несправедливо. Такой способъ обжиганія валовъ не могъ бы дать надлежащихъ результатовъ, такъ какъ жаръ, производимый горѣніемъ дерева, могъ бы дѣйствовать только на поверхность вала, и то только дойдя до ней послѣ непроизводительной траты тепла, уходившаго прямо въ воздухъ, и произведя обжиганіе только самаго верхняго слоя песка и камня [388]).

Обожженные валы относятъ обыкновенно къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ валы съ славянскими признаками, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе. Такъ думаютъ напр. Р. Вирховъ и Л. Шнайдръ. Но проф. Вольджихъ, напротивъ, относитъ упомянутые выше чешскіе валы къ болѣе поздней эпохѣ и приписываетъ ихъ славянамъ. Въ Чехіи они довольно многочисленны. Кромѣ двухъ, уже упомянутыхъ нами, сюда относятся еще городище на Княжей горѣ возлѣ Катовицъ, валъ въ Буковцѣ возлѣ Пильзена, у Свакова возлѣ Собѣслава, въ Гостимѣ и т. п. Они встрѣчаются также въ Тюрингіи, Лузаціи, Силезіи и т. д.

Форма городищъ различна и по большей части вездѣ опредѣлялась естественными условіями мѣстности, такъ что здѣсь вполнѣ приложимо то, что было уже сказано нами на стр. 93. Прежде нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр. Изм. Срезневскій, классифицировали ихъ, смотря по тому, состоятъ ли они изъ одного вала или изъ нѣсколькихъ, имѣютъ ли они округленный видъ или угловатый, закрытый или открытый и т. п. Это во всякомъ случаѣ раздѣленіе чисто механическое, не имѣющее въ своемъ основаніи какого-нибудь болѣе глубокого принципа, какъ напр. назначенія городищъ и т. п. При установленіи его принимались во вниманіе только мѣстныя потребности *).

Много споровъ было по вопросу о назначеніи городищъ. Одни видѣли въ нихъ остатки постоянныхъ укрѣпленныхъ поселеній, другіе—только

*) На X Русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ въ 1896 г. проф. В. Б. Антоновичъ, сдѣлавши опредѣленіе городища, какъ «оставленнаго укрѣпленнаго мѣста поселенія», предложилъ классификацію этихъ памятниковъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра на пять слѣдующихъ группъ: 1) городища—майданы, наиболѣе древній типъ, существенную часть котораго составляетъ кольце-

временныя убѣжища для поселенія во время войны, затѣмъ нѣкоторые полагали, что это были мѣста общественныхъ собраній для совѣщаній, суда, для принесенія жертвъ и вообще для религіозныхъ цѣлей; другіе, наконецъ, предполагали еще разныя цѣли и т. д. Теперь ясно только то, что назначеніе городищъ было дѣйствительно различное. Одно и то же городище могло служить для всѣхъ этихъ цѣлей, но вообще всѣ они представляютъ собою только оборонительныя укрѣпленія и тамъ, гдѣ они находились на выдающихся возвышенностяхъ и недоступныхъ высотахъ, они служили очевидно и убѣжищемъ для населенія деревень, расположенныхъ на равнинѣ—внизу *). Большія укрѣпленія на равнинахъ, возлѣ воды и т. п. ограждали впрочемъ и постоянные поселки, разроставшіеся потомъ при увеличеніи населенія въ укрѣпленные города. Но всѣ городища не представляютъ собою остатки городовъ. О громадныхъ укрѣпленіяхъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ славянскихъ городовъ, какъ Арконы на о-вѣ Рюгенѣ (городъ былъ окруженъ валомъ въ 50 локтей высоты), Кореницы, Ретры, Велеграда, Кіева, Кракова, Гродна—у насъ есть и историческія свѣдѣнія и наконецъ археологическіе факты въ видѣ сохранившихся на мѣстѣ остатковъ. Очень многіе изъ славянскихъ городовъ сохранили и до сихъ поръ свои первоначальныя названія: Гродно, Городень, Городня, Городище, Hradiště, Hradek, Horodec и пр.

Нѣкоторыя городища, какъ напр. въ Лузаціи или въ Минской и Грод-

---

образное возвышеніе съ выходомъ съ одной стороны и иногда съ побочными возвышеніями, такъ называемыми крыльями; 2) циркулярныя городища, образованныя невысокимъ валомъ въ видѣ круга или овала и иногда рвомъ съ нѣсколько выпуклой посрединѣ площадью; въ виду связи съ древне-славянскими курганами они могутъ считаться первоначальными славянскими городищами; 3) городища княжеской эпохи, неправильной формы, иногда съ нѣсколькими концентрическими валами, расположенныя по большей части на возвышенностяхъ, обыкновенно надъ рѣкой, соединенныхъ съ материкомъ возможно узкимъ перешейкомъ, который перекапывался рвомъ и укрѣплялся валомъ; мѣстности ихъ соотвѣтствуютъ городамъ, существовавшимъ въ велико-княжескую эпоху; 4) городища литовскаго времени, XV—XVI в., равностороннія съ выступами по угламъ, приспособленныя уже къ дѣйствію огнестрѣльнаго оружія и 5) новѣйшія укрѣпленія (XVI—XVIII в.), съ бастіонами и т. п. (См. «Кіев. Стар.» 1896, окт. стр. 31—34). (Прим. переводчика).

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ особенности система ихъ расположенія. Тамъ, гдѣ племена граничили одно съ другимъ, мы видимъ тянущіеся другъ противъ друга ряды городищъ, кое-гдѣ укрѣпленныхъ стратегической линіей. Но такой впрочемъ системы, какую видѣлъ въ нихъ З. Д. Ходаковскій, который полагалъ, что они всегда расположены на разстояніи одной мили одно отъ другого—въ нихъ нѣтъ. Число ихъ и взаимное разстояніе зависѣли или отъ количества населенія, или же отъ надобностей фортификаціи. См. Шафарика, Славянскія Древности, (чеш. изд.) I, стр. 256.

ненской губерніяхъ, гдѣ они были описаны когда-то графомъ Тышкевичемъ,— слишкомъ небольшихъ размѣровъ для того, чтобы ихъ можно было принимать за укрѣпленія, а кромѣ того и не имѣютъ поблизости воды для питья. Назначеніе ихъ опредѣлить уже разумѣется труднѣе. Чаще всего предполагались въ этомъ случаѣ религіозныя цѣли. Валъ будто бы служилъ здѣсь не для обороны, а только для огражденія, отдѣленія священнаго мѣста отъ прочаго пространства (ср. греч. τέμενος). Такъ полагаетъ относительно бѣлорусскихъ валовъ д-ръ Каз. Шульцъ, объ австрійскихъ—д-ръ М. Мухъ и Бегла о круглыхъ валахъ въ Лузаціи.

На валахъ, служившихъ для укрѣпленія города, ставили еще деревянные палисады (заборола). Съ такими деревянными сооруженіями поверхъ валовъ мы встрѣчаемся чаще всего въ древней Руси. Позже начали возводить стѣны и изъ камня и изъ кирпича. Внутрь укрѣпленія велъ одинъ или нѣсколько входовъ, которые, въ особенности главныя ворота, были еще сильнѣе укрѣплены предградіемъ (podhradim). Самый входъ запирался толстыми деревянными воротами. Дорогу, ведшую къ городищу, старались устраивать всегда такъ, чтобы она была какъ можно менѣе доступна для непріятеля.

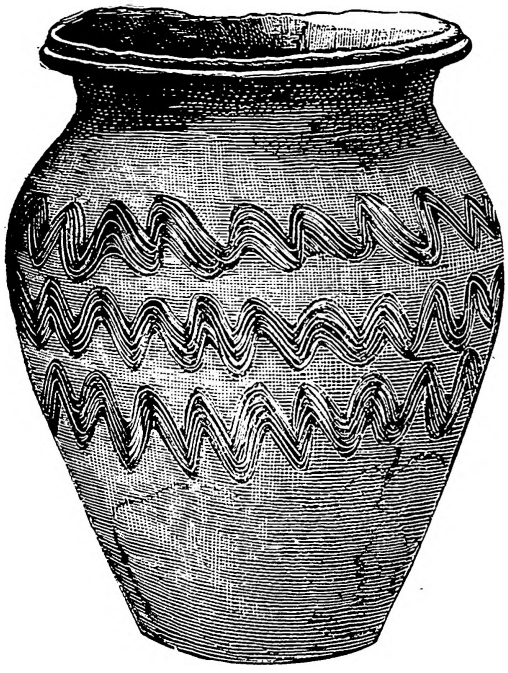


Рис. 419. Сосудъ типа городищъ изъ гробницы въ Коттлахѣ въ Нижней Австріи.

Наибольшая часть валовъ въ Европѣ, особенно находящихся въ странахъ, заселенныхъ прежде славянами, относится къ концу доисторической эпохи, ко времени, когда славяне жили уже въ этихъ мѣстностяхъ, и поэтому главнымъ образомъ славянскаго происхожденія. Эти позднѣйшія славянскія городища въ Лузаціи, въ Чехіи, въ Моравіи, въ Польшѣ и въ Россіи заключаютъ въ культурныхъ слояхъ внутри валовъ и въ самыхъ валахъ одинъ своеобразный видъ керамики, до такой степени своеобразный и повсюду одинаковый, что онъ получилъ названіе типа городищъ (Burgwalltypus). Р. Вирховъ первый установилъ въ Лузаціи опредѣленное различіе его отъ болѣе древняго керамическаго типа, который былъ извѣстенъ въ) тамошнихъ поляхъ погребальныхъ урнъ, такъ называемаго лужицкаго типа (см. стр. 412).

Признаки керамики городищъ слѣдующіе: сосуды сдѣланы уже на гончарномъ кругѣ (хотя попадаются и сдѣланные отъ руки), довольно высоки, чаще всего съ низкимъ горломъ и загнутыми краями; ушковъ обыкновенно не бываетъ. Они украшены горизонтальными бороздчатыми или вдавленными линіями и полосками, или рядами черточекъ и точекъ, расположенныхъ различными узорами, а чаще всего простою или состоящею изъ нѣсколькихъ параллельныхъ линій, сдѣланныхъ при помощи вилочки, полосой бороздчатаго волнисто-линейнаго орнамента (рис. 419—421).

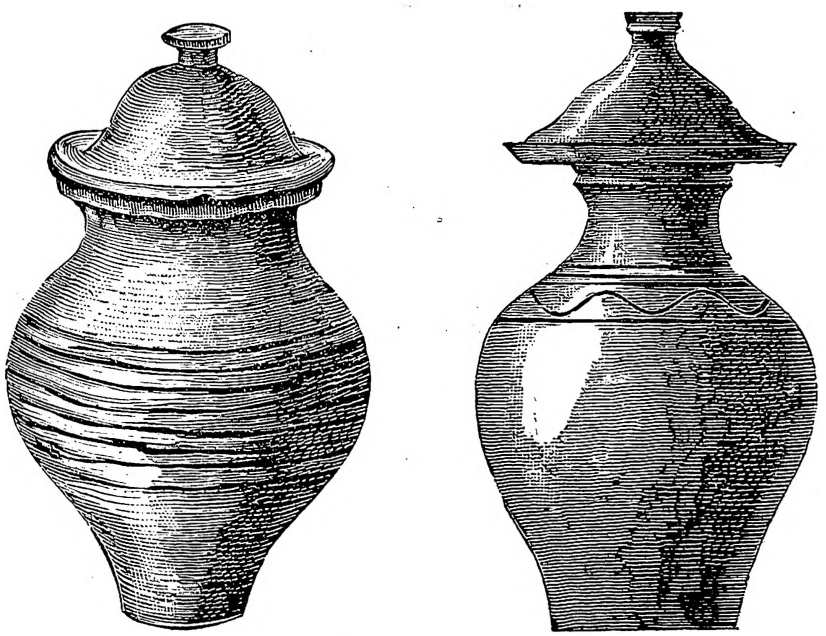


Рис. 420 и 421. Позднѣйшій сосудъ изъ Стараго Града въ Моравіи и погребальная урна, найденная въ Яромержѣ.

Этотъ волнисто-линейный орнаментъ, въ связи съ остальными вышеозначенными признаками, составляетъ отличительный характеръ данной керамики и мы съ нимъ встрѣчаемся вездѣ, гдѣ жили славяне *). Наиболѣе дальней запад-

*) Въ видѣ единичныхъ случаевъ этотъ волнисто-линейный орнаментъ встрѣчается и на сосудахъ болѣе древнихъ эпохъ, начиная даже съ неолитической, но принимаетъ типическій и постоянный характеръ только въ указанное время. Впрочемъ хотя керамика городищъ несомнѣнно указываетъ на славянское происхожденіе посуды, тѣмъ не менѣе происхожденіе самого этого узора вѣроятно неславянское. Намъ кажется, что первоначальный характеръ сосудовъ типа городищъ и орнаментація ихъ сложными волнистыми линіями позаимствована была славянами изъ провинціальной римской керамики, и что у славянъ типъ этотъ только удержался и получилъ болѣе широкое развитіе. Подобные взгляды высказывались уже и прежде, напр. М. Мухомъ. Я самъ внимательно изучалъ провинціальную римскую керамику въ нѣсколькихъ музеяхъ и нашелъ, что сосуды этого типа встрѣчаются во всѣхъ римскихъ провинціяхъ, хотя и не одинаково часто.

ной границей его распространенія въ Германіи Бушанъ считаетъ Фихтельвальдъ. Иногда эти сосуды сдѣланы изъ грубаго матеріала, но вообще хорошо выжжены, не имѣютъ слѣдовъ расписыванія и бываютъ обыкновенно бѣловатаго или черноватаго цвѣта. Глазурь почти совершенно отсутствуетъ; на днѣ встрѣчаются иногда вытисненные значки на подобіе крестика, звѣздочки, кружки и т. п.

Рис. 422. Современный сосудъ изъ Моравіи.

Этотъ видъ сосудовъ и служитъ главнымъ образомъ для хронологическаго опредѣленія городищъ и гробницъ. Дальнѣйшій инвентарь культурныхъ слоевъ городищъ этой эпохи заключаетъ массы костей дикихъ и домашнихъ животныхъ, живущихъ и до сихъ поръ (главнымъ образомъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ, козъ, кабана, разныхъ птицъ и рыбъ *), остатки хлѣбныхъ зеренъ и плодовъ, обломки разныхъ орудій и украшеній, костяныхъ, бронзовыхъ, но чаще всего желѣзныхъ, какъ напр. ножей съ прямымъ остріемъ, сѣкиръ, наконечниковъ копій и стрѣлъ, подковъ, долотъ, колецъ, шилъ и т. п. Примѣромъ подобнаго инвентаря можетъ служить цѣлое собраніе древностей изъ Лѣваго Градца возлѣ Праги, изображенное на стр. 545 (рис. 423).

Они очень рѣдки въ Галліи и Британіи, но гораздо многочисленнѣе уже на Рейнѣ (въ франкскихъ гробницахъ) и въ нѣкоторыхъ австрійскихъ мѣстностяхъ. Въ Австріи типическіе римскіе сосуды были найдены напр. въ Вассерингѣ въ Нижней Австріи, въ Биркельштейнѣ, въ Зальцбургѣ. Затѣмъ въ другихъ мѣстахъ волнисто-линейный орнаментъ становится опять рѣдкимъ и появляется въ большомъ количествѣ уже на сосудахъ позднѣйшихъ кавказскихъ гробницъ, какъ это можно видѣть на образцахъ ихъ, хранящихся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. На новѣйшей славянской керамикѣ волнисто-линейный орнаментъ изъ нѣсколькихъ линій встрѣчается рѣдко. Мнѣ извѣстны только рѣдкіе случаи въ Моравіи и болѣе многочисленные въ Славоніи. Въ Россіи я встрѣтилъ его почти въ одномъ только мѣстѣ, а именно на рынкѣ возлѣ знаменитой Троицко-Сергіевской Лавры; видѣнные тамъ мною горшки вполнѣ соотвѣтствовали типическимъ сосудамъ типа городищъ изъ славянскихъ гробницъ [389]).

*) См. спеціальную статью проф. Вольдржиха въ *Mittheilungen der anthropol. Gesellsch. in Wien*, т. XXIII, стр. 17.

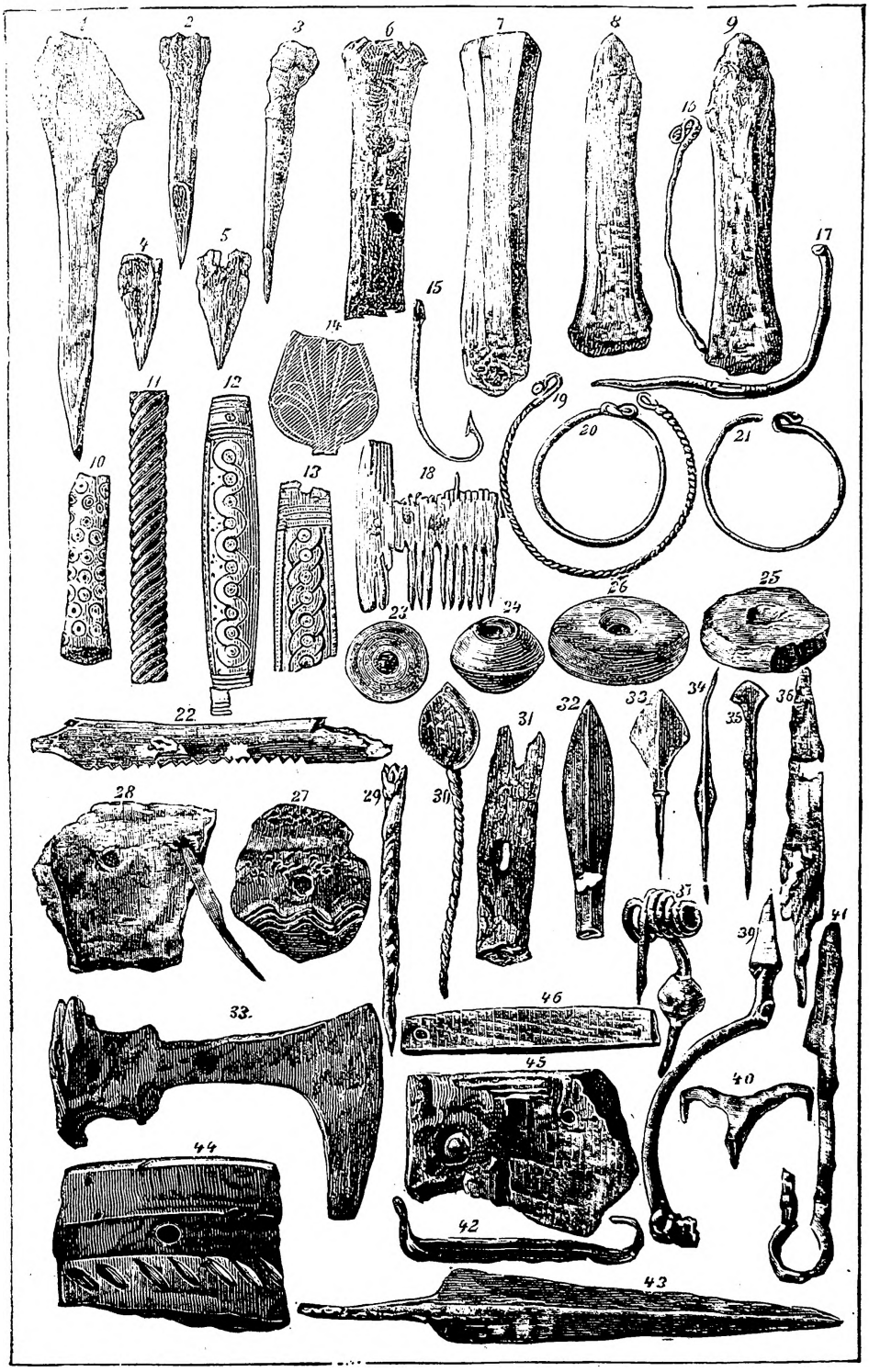


Рис. 423. Предметы, найденные въ городищѣ Лѣвомъ Градцѣ.

Городищъ описаннаго типа въ славянскихъ земляхъ такое громадное количество, что перечисленіе ихъ здѣсь мы не считаемъ возможнымъ. Въ Чехіи большинство валовъ—славянскаго происхожденія, съ инвентаремъ, подобнымъ только что описанному; то же самое въ Лузаціи, въ Бранденбургѣ, не говоря уже о восточныхъ славянскихъ земляхъ. Къ наиболѣе извѣстнымъ чешскимъ мѣстонахожденіямъ принадлежатъ валы на горѣ Плешивцѣ возлѣ Горовицъ, на горѣ Владаржѣ возлѣ Хыше, громадный валъ возлѣ села Чешова у Ичина, Тетинъ надъ р. Бероункою, Либушинъ у Смечна, валы возлѣ Либицы, которые могутъ служить примѣромъ городищъ на равнинѣ (рис. 424), городища возлѣ Коуржима, у Черносекъ, на

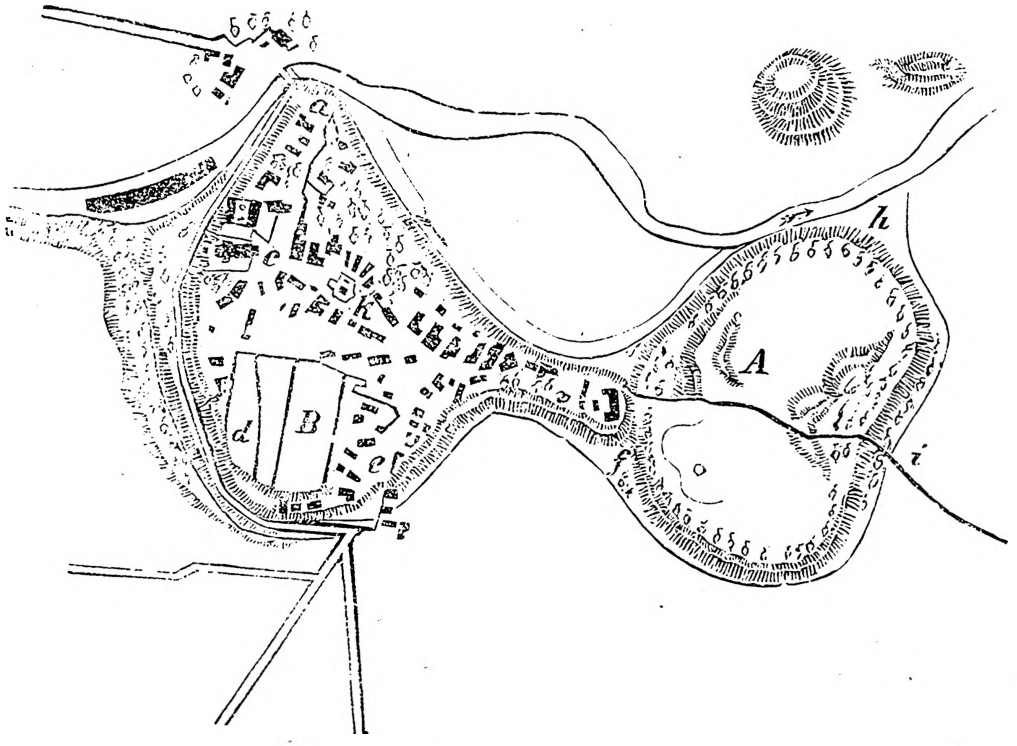


Рис. 424. Планъ Либицкаго городища.

Катовицкой горѣ, Лѣвый Градецъ и Шарка возлѣ Праги. Очень хорошо изслѣдованъ Градекъ въ Чаславѣ [390]).

На линіи укрѣпленій, тянущихся отъ Бакова къ Горжицамъ, очень интересны напр. два городища у Остромержа и Ходовлицъ, тоже представляющія собою примѣры двухъ разныхъ системъ. Ходовлицкое обнесено круговымъ валомъ изъ трехъ концентрическихъ линій (рис. 425—426). Вообще же въ Чехіи извѣстно уже около 250 городищъ всѣхъ родовъ, между которыми около 10 «обожженныхъ». Въ народѣ они часто извѣстны подъ именемъ «шведскихъ шанцевъ», какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ,

напр. въ Польшѣ. Въ Германіи ихъ называютъ также укрѣпленіями гусситовъ (Hussitenschanzen). Въ Моравіи и Венгріи напоминаютъ старинные грады нынѣшніе города Дѣвинъ, Велеградъ, Нитра, а городища сохранились еще во многихъ мѣстахъ. Болѣе обстоятельно изслѣдованы они у Знаима—Палліарди, у Лишня — Книсомъ, Гостынское городище—В. Гудкемъ и т. д.

Огромное множество валовъ—всѣ славянскаго происхожденія—находится въ Лузаціи; они описаны Прейскеромъ, Іентчемъ, Беглой и Шустеромъ. Еще больше ихъ въ Бранденбургѣ, но уже гораздо меньше въ Саксоніи. Саксонія и Тюрингія вообще составляютъ ихъ западную границу. Въ Силезіи д-ръ Бифель (Biefel) нашелъ три системы укрѣпленій въ окрестностяхъ Соботки и Глогова и между Козелемъ, Ратиборомъ и Глубчицами.

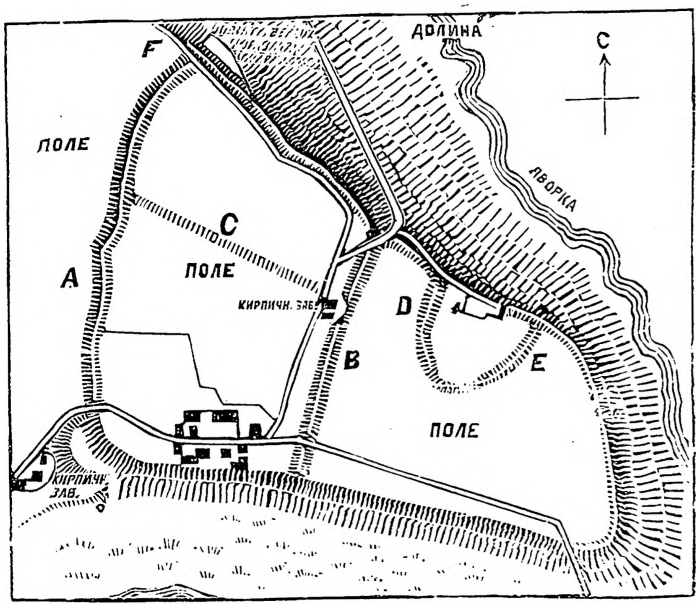


Рис. 424. Планъ городища въ Остромержѣ.

На сѣверѣ, на Балтійскомъ побережьѣ, всѣ славянскіе города, возникшіе тамъ въ теченіе исторической эпохи, были окружены высокими валами. Такъ, ихъ напр. очень много на о-вѣ Рюгенѣ. Въ Польшѣ городища называются «grodzisko», въ Литвѣ Болеславъ Бржоза далъ имъ названіе «pilokalnia». Одно изъ наиболѣе интересныхъ городищъ находится возлѣ села Giecze въ Познани, часть его построена на сваяхъ между болотами; затѣмъ замѣчательны валы у Павловицъ; цѣлый рядъ ихъ въ Познани на рѣкахъ Могильницѣ и Обрѣ былъ изслѣдованъ и описанъ Руд. Вирховымъ. Очень интересно еще городище на Ледногорскомъ о-вѣ въ Познани. Кромѣ вала въ немъ есть еще развалины, въ которыхъ нѣкоторые видѣли остатки языческ-

скаго храма *). О славянскихъ городищахъ на Вислѣ былъ сдѣланъ рефератъ на русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ графомъ де Флёри (L. de Fleury).

Въ Покутьи и въ Подоліи городища были описаны Киркоромъ (возлѣ Chocimierz'a, Подвербець и Исакова). Въ развалинѣ, называемой «Золота Дончиця», на Днѣстрѣ находится цѣлая система славянскихъ укрѣпленій. Одинъ изъ самыхъ большихъ памятниковъ этого рода въ Подоліи — «городище» возлѣ Бильчи надъ р. Серетомъ. Далѣе въ Россіи городища чрезвычайно многочисленны въ пинскихъ болотахъ, какъ напр. по теченію р. Ту-

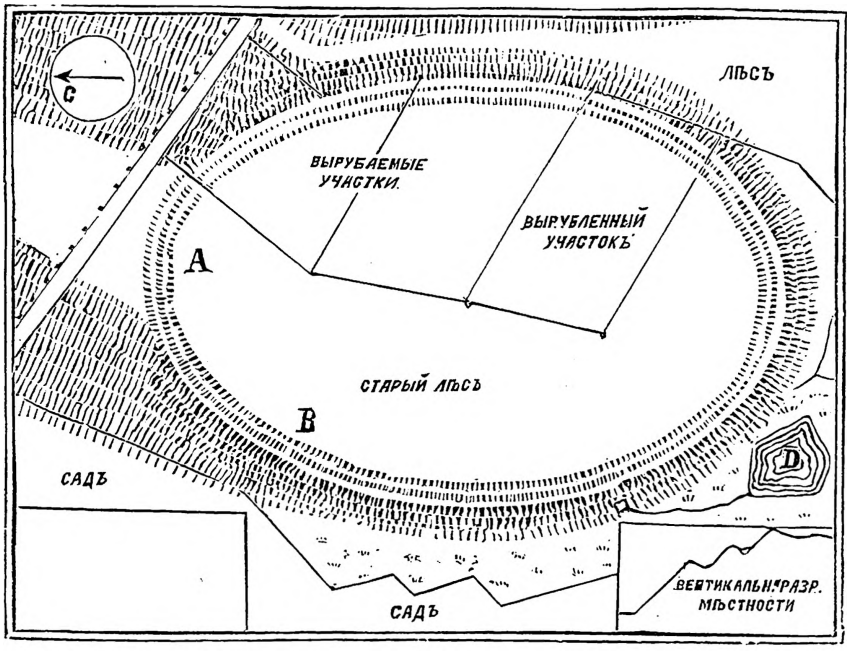


Рис. 425. Планъ городища у Ходовлицъ.

ріи; въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Черниговской и Курской проф. Самоквасовъ насчитываетъ ихъ болѣе 600 (очень извѣстны напр. Юхновское городище въ Черниговской губ., «Княжа-Гора» на берегу Днѣпра въ каневскомъ у. Кіевской губ. **) и др.

На сѣверѣ и на востокѣ эти городища переходятъ въ подобныя же

*) Гр. Пршездѣцкій объяснялъ ихъ какъ остатки древняго христіанскаго храма, Лелевель принималъ за остатки укрѣпленія Болеслава Великаго, Каз. Шульцъ видѣлъ въ нихъ языческій храмъ, превращенный впослѣдствіи въ христіанскій и присоединенный къ королевскому замку. Къ этому мнѣнію присоединился и Маріанъ Соколовскій.

**) О находкахъ въ этомъ городищѣ см. ст. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго: Раскопки на Княжей Горѣ (Кіевск. Старина, 1893, апр.) и рецензію Ѳ. К. Волкова въ L'Anthropologie (t. V, p. 332).

укрѣпленія финнскихъ и тюркскихъ народовъ (въ Харьковской губ. одни изъ нихъ носятъ славянскія названія, а другія—тюркскія), на югѣ они доходятъ до Румыніи и до Балканъ. На Балканскомъ полуо-вѣ есть напр. въ Босніи множество городищъ римской эпохи и славянской. Есть также городища и въ Сербіи [391]).

Кромѣ городищъ изъ сохранившихся древнеславянскихъ сооруженій замѣчательны еще сѣверныя свайныя постройки. Въ болотистыхъ мѣстностяхъ Польши и Прибалтійскихъ провинцій мы встрѣчаемся довольно часто съ свайными сооруженіями, построенными вполнѣ по тому же способу, какъ и свайныя поселенія въ Швейцаріи, но инвентарь ихъ отличается гораздо болѣе позднимъ характеромъ и состоитъ изъ желѣзныхъ предметовъ, черепковъ посуды, сдѣланной на гончарномъ кругѣ, типа городищъ и т. п., словомъ представляетъ собою инвентарь культурныхъ слоевъ славянскихъ городищъ. Только нѣкоторыя подобныя постройки въ Сѣверной Германіи можно причислить къ болѣе древнимъ эпохамъ (ср. стр. 109). По большей же части эти славянскія свайныя сооруженія относятся къ желѣзному вѣку и, по мнѣнію Р. Вирхова и другихъ, представляютъ собой остатки славянскихъ поселеній современныхъ городищамъ. Цѣпь этихъ сооруженій начинается почти отъ нижней Эльбы и тянется до Польши и Лифляндіи. Нѣкоторыя изъ нихъ, находящіяся на берегахъ озеръ, охраняются еще своими валами, какъ напр. свайная постройка на Персанцижскомъ озерѣ, въ другихъ и самый валъ насыпанъ на сваяхъ, напр. возлѣ мѣстности Велька-Тополя (въ окр. Адельнау), возлѣ Zahsow'a, недалеко отъ Хотебужа, возлѣ Поцлова на Лабендзскомъ озерѣ, возлѣ Виндека (въ Розенбергскомъ окр.) въ Пруссіи и проч.

Между болѣе извѣстными свайными постройками Вирховъ считаетъ славянскими въ Помераніи постройки на озерахъ Персанцижскомъ, Люптовскомъ, Бойссинскомъ въ Бранденбургѣ—на оз. Поцловскомъ, Вербелинскомъ, Сольдинскомъ, Руховскомъ. Онѣ многочисленны также въ Пруссіи и въ Познани (Эльбингъ, Горжицы, Лусово, Янково, Павловичи, Лагіевники и пр.). По изслѣдованіямъ Вирхова и большой городъ Юлинъ (Винета) у нынѣшняго Волина въ Помераніи, разоренный датчанами въ 1177 г., былъ также построенъ на сваяхъ. Персанцижскія свайныя постройки, изслѣдованныя въ 1863 г. Касицкимъ, заключали первоначально около 60-ти хижинъ.

Другую большую группу славянскихъ доисторическихъ памятниковъ составляютъ могилы со всѣмъ, что въ нихъ было найдено. Между могильниками обширнаго пространства отъ р. Лабы (Эльбы) и восточныхъ склоновъ Альпъ до р. Дона и верхней Волги въ Россіи есть много такихъ,

которые по разнымъ признакамъ могутъ быть отнесены круглымъ счетомъ ко второй половинѣ I тысячелѣтія нашей эры. А такъ какъ страны эти въ то время были населены славянскими племенами, то и найденныя могилы той эпохи могутъ приписываться славянамъ.

Какого нибудь общаго признака, которымъ бы отличались всѣ славянскія могилы — нѣтъ. Ни погребальный ритуалъ, ни устройство гробницъ — не одинаковы, не одинаковъ также и характеръ найденныхъ въ нихъ предметовъ, отличающихся большимъ разнообразіемъ. Характеръ русскихъ гробницъ во многомъ отличается отъ характера чешскихъ. По всему видно, что уже задолго передъ этой эпохой произошло культурное раздѣленіе западныхъ славянъ отъ восточныхъ, и тѣ и другіе успѣли подвергнуться новымъ культурнымъ вліяніямъ. Тѣмъ не менѣе существуетъ нѣсколько мелкихъ, но любопытныхъ признаковъ, которые отличаютъ большинство славянскихъ могилъ. Это прежде всего керамика типа городищъ, опредѣленія которой были сдѣланы нами на стр. 543. Она является обыкновенной принад-

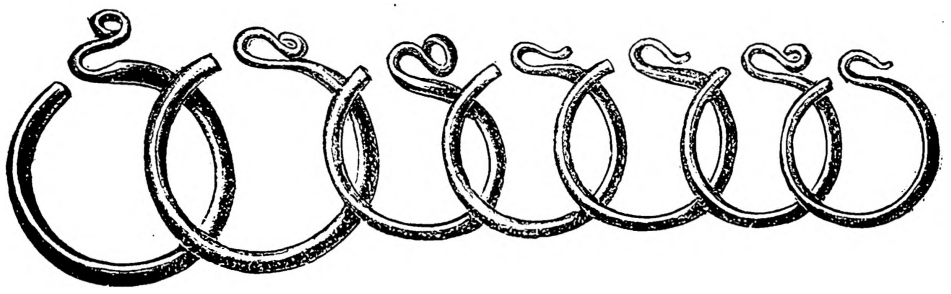


Рис. 426. Височныя кольца въ видѣ буквы S изъ Чехіи.

лежностью славянскихъ гробницъ конца доисторическихъ временъ. Другимъ интереснымъ признакомъ позднѣйшихъ славянскихъ погребеній въ восточной Германіи, въ Чехіи и Моравіи, въ Польшѣ и Россіи являются такъ назыв. височныя кольца (Schläfenringe, anneaux temporaux, zaušnice). Въ эту эпоху у славянъ распространился обычай, позаимствованный вѣроятно у азіатскихъ племенъ, съ которыми они сталкивались въ Россіи,—носить въ видѣ головнаго украшенія бронзовыя, сдѣланныя изъ посеребренной или позолоченной бронзы или олова, а также серебряныя кольца, и именно на вискахъ, гдѣ они прикрѣплялись къ льняной повязкѣ, ремешку, шерстяной ткани или прицѣплялись одно къ другому. Форма этихъ колецъ очень простая, но характерная. Концы составляющей ихъ проволоки или прямо пригнуты другъ къ другу, или загнуты (обыкновенно одинъ, рѣдко оба) назадъ крючкомъ на подобіе буквы S, почему эти кольца и называются височными кольцами въ видѣ буквы S (рис. 422, 426, 427, 433). Въ гробницахъ кольца эти встрѣчаются по обѣимъ сторонамъ черепа, обык-

новенно по 1—2, но очень часто и въ большемъ количествѣ отъ 3 до 6 и болѣе съ каждой стороны. Иногда впрочемъ отъ нихъ сохранился только слѣдъ въ видѣ пятна зеленой ржавчины, оставленнаго на кости разложившейся въ сырой землѣ, бронзовой проволокой. (Подобные слѣды мы находимъ впрочемъ и на скелетахъ болѣе древнихъ дославянскихъ гробницъ). Размѣры колецъ обыкновенно очень невелики; крупныя довольно рѣдки.

Сколько намъ извѣстно, первымъ ученымъ, признавшимъ эти кольца за отличительный признакъ славянскихъ могилъ, былъ Воцель; послѣ него Лишъ, Вейнгольдъ и Аспелинъ защищали это мнѣніе противъ Вирхова, Сакена и другихъ. Споръ былъ окончательно разрѣшенъ въ 1877 г. Софусомъ Мюллеромъ въ его статьѣ Ueber slavische Schläfenringe, направленной противъ д-ра Бифеля, который, сообщая о нѣкоторыхъ силезскихъ находкахъ, объявилъ эти кольца германскими. С. Мюллеръ представилъ обзоръ всѣхъ сдѣланныхъ до того времени находокъ съ височными кольцами и указалъ на то, что находки эти распространены только въ тѣхъ странахъ средней Европы, которыя въ началѣ историческихъ временъ были населены славянами. Къ западу отъ р. Салы кольца не встрѣчались, и кромѣ того позднѣйшія гробницы этихъ мѣстностей и въ прочихъ отношеніяхъ отличаются другимъ характеромъ, не заключая напр. въ себѣ сосудовъ типа городищъ. Разумѣется, возможно также предположеніе, что височныя кольца были занесены путемъ торговли къ германцамъ и къ славянамъ, при чемъ пріобрѣтаетъ особенную важность то обстоятельство, что они чаще всего встрѣчаются вмѣстѣ съ издѣліями несомнѣнно восточнаго характера *). Но восточные товары привозились и

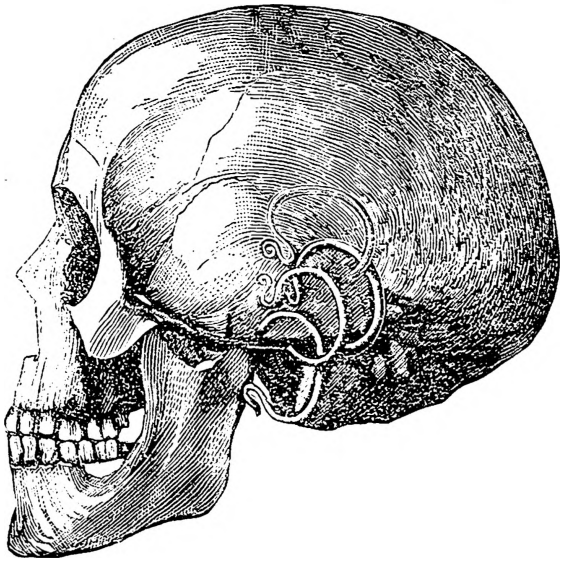


Рис. 427. Височныя кольца, сохранившіяся на черепѣ изъ гробницы на горѣ Св. Лаврентія у Кольдуса въ Пруссіи (по Лиссауэру).

*) Серебряныя височныя кольца попадаются въ Германіи часто согнутыми и разрубленными на части (такъ наз. Hacksilber) вмѣстѣ съ монетами и разными серебряными филигранными украшеніями; это свидѣтельствуетъ объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, о которыхъ мы упомянемъ далѣе. Подобные клады найдены были напр. въ Германіи возлѣ Биркова (Стольпскій

въ другія страны—въ Финляндію, Скандинавію и т. д., а между тѣмъ, тамъ не были никогда находимы височныя кольца въ видѣ буквы S. Такимъ образомъ ихъ приходится признать чисто славянскими [392]).

Таково было мнѣніе С. Мюллера, къ которому, въ виду его убѣдительности, присоединился Лиссауэръ и наконецъ самъ Р. Вирховъ. Справедливость этого взгляда до сихъ поръ не опровергнута, напротивъ, всѣ позднѣйшія находки только подтверждаютъ его. Внѣ странъ, населенныхъ славянами, сколько мнѣ извѣстно, ни одной находки височныхъ колецъ сдѣлано не было, точно также они не встрѣчаются и въ инвентарѣ болѣе древнихъ эпохъ. Подобнымъ образомъ согнутыя серьги или кольца съ отогнутымъ концомъ, разумѣется, могутъ встрѣчаться въ разныхъ странахъ, въ видѣ болѣе или менѣе случайнаго явленія, но загибъ кольца въ видѣ буквы S и широкое употребленіе такихъ колецъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ видѣ височнаго украшенія—оказываются специфическими только для славянскихъ странъ.

Въ Чехіи намъ извѣстно теперь до 130 мѣстонахожденій этихъ колецъ, по большей части въ могилахъ, заключающихъ въ себѣ кости; въ Моравіи ихъ уже меньше (намъ извѣстно ихъ до сихъ поръ только 16), въ Лузаціи, что въ высшей степени удивительно, ихъ не было найдено ни одного, но за то они опять довольно многочисленны въ Силезіи, въ Познани (ср. статью Köhler'a), въ Бранденбургѣ, Гольштейнѣ, Мекленбургѣ, Помераніи и вообще въ Пруссіи, но только на западъ отъ Вислы. На югѣ ихъ нѣтъ; въ Нижней Австріи они были найдены въ могилахъ возлѣ Тунавы, возлѣ Кеттлаха; въ Лайбахскомъ музеѣ — нѣтъ ни одного, но говорятъ, что они были найдены въ Славоніи и въ Штиріи. За предѣлами Чехіи на западъ они встрѣчаются спорадически, напр. въ Баваріи, гдѣ были найдены въ могилахъ на Ленгенсфельдскомъ городищѣ, вмѣстѣ съ снабженными крылышками наконечниками копій, въ Гроссбрейтенброннѣ, Айшгрундѣ, затѣмъ въ Тюрингіи до Эрфурта и Готы. Любопытно распредѣленіе ихъ въ Россіи. Въ русской Польшѣ они рѣдки (также какъ и въ Галиціи), и то же самое надо сказать и о самой Россіи. Въ бассейнѣ Днѣпра, бывшемъ колыбелью славянъ, находки настоящихъ височныхъ колецъ (загнутыхъ въ видѣ буквы S) не особенно часты (Житомиръ, село Буки на р. Раставицѣ, Ходорковъ, Зимно, Княжа-Гора и пр.), равно какъ и въ губерніяхъ центральной и сѣверной Россіи *). У финновъ

окр.), Обржицка (Самтерскій окр.)., Домброва (Флатовскій окр.), Мюнстервальда (Маріенвердерскій окр.), Темпельгофа (недалеко отъ Сольдина), Нидерландина (Ангермюндскій окр.), Гнихвицъ (въ Силезіи) и Раквицъ (въ Познани), возлѣ Гольдбека и Нотцкова въ Помераніи, возлѣ Кардсага (Kardszag) въ Венгріи. Самый большой кладъ былъ найденъ въ Германіи возлѣ Leissower-Mühle (около Франкфурта на Одерѣ) въ 1894 г. и заключалъ въ себѣ 21 фунтъ серебра (6000 монетъ).

*) Всѣ эти находки перечислены въ моей статьѣ 1894 г. (см. примѣч. 392).

встрѣчаются уже другія формы. Все это показываетъ намъ, что происхожденія височныхъ колецъ въ видѣ буквы S нельзя искать ни у финновъ, ни у арабовъ, какъ думаетъ Р. Вирховъ. Этой формы нѣтъ также ни въ южной Россіи, ни на Востокѣ, но она очень обыкновенна у западныхъ славянъ и главнымъ образомъ въ Чехіи гдѣ были найдены вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе древнія типическія формы этихъ колецъ *).

Въ Чехіи и Моравіи височныя кольца въ видѣ буквы S встрѣчаются обыкновенно въ могилахъ съ костями. Неоднократно ихъ находили вмѣстѣ съ монетами чешскихъ князей, чаще всего Бретислава I и II, Владислава и Вратислава II, какъ напр., въ Хрудимѣ, возлѣ Желчанъ, на Градку въ Чаславѣ, въ Желеницахъ, въ Сушицахъ, въ Отмикахъ, въ Вшелисахъ, на Лѣвомъ Градцѣ, у Великихъ Петровицъ, у Быджова, у Радоницъ и Ташловицъ, у Дунаевицъ, Врановицъ, Рокитни. Наиболѣе древни ржеповскія гробницы съ динаріемъ Болеслава II (967—999 г.). Точно также и въ Россіи древность ихъ, опредѣляемая монетами, доходитъ до XI—XII стол. (Слабошево, Віелунь, Борекъ и пр.) **).

Было бы впрочемъ ошибочнымъ заключать изъ всего сказаннаго, что появленіе височныхъ колецъ произошло только въ такую сравнительно позднюю эпоху (проф. Пичъ относитъ его теперь къ X—XII в.). Изъ разныхъ другихъ находокъ, напр. въ гробницахъ съ остатками трупосожженія возлѣ Кунетицкой горы, у Либенцъ, Нетовицъ и въ гробницахъ съ костями у Заколонъ, затѣмъ главнымъ образомъ въ венгерскихъ находкахъ (Letenye, Sós-Hàrtyàn, Keszthély, Abra, Nogy Vàrad и пр.) и австрійскихъ,—видно, что мы можемъ относить наиболѣе древнія изъ нихъ даже къ началу второй половины I тысячелѣтія нашей эры, къ V—VII столѣтіямъ. Къ тому-же періоду относятся и австрійскія находки въ Кеттлахѣ, Брюннѣ и пр. На этомъ основаніи мною и было выражено мнѣніе, что типическая форма височныхъ колецъ возникла первоначально у западныхъ славянъ, вѣроятно въ Венгріи въ половинѣ I-го тысячелѣтія нашей эры, и оттуда уже распространилась прежде всего въ Чехіи,

Рис. 428. Височное кольцо съ простымъ крючкомъ.

*) Самая простая форма (рис. 428) была вѣроятно вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе древней. Она также распространена по всей Россіи, даже у финновъ.

**) Монеты вкладывались мертвымъ по большей части въ ротъ, или въ сжатую руку [393]). Обычай этотъ, какъ кажется, былъ позаимствованъ у римлянъ и грековъ славянами и германцами; онъ встрѣчается также и на франкскихъ кладбищахъ, какъ напр. въ Мехенгеймѣ, Сельзенѣ, Оберольмѣ, Ледѣ и пр. Въ славянскихъ могилахъ намъ извѣстны находки въ Чехіи, Моравіи, Лузаціи, Галичинѣ и Россіи; кое-гдѣ этотъ обычай удержался и до нашего времени (ср. находки въ криптѣ древняго замковаго костела въ Прагѣ и современные обычаи у валашскаго населенія).

гдѣ она превратилась въ характерную чешскую форму въ VIII—XII вѣкахъ. Торговля между различными славянскими городами въ это время была очень оживленною.

Мы указали на два наиболѣе важныхъ признака славянскихъ гробницъ, вообще же онѣ довольно бѣдны предметами. Оружіе въ западно-славянскихъ находкахъ встрѣчается рѣдко, но вѣроятно только потому, что желѣзо въ землѣ скоро ржавѣетъ и разрушается; чаще всего попадаются сѣкиры, длинные прямые мечи (на востокѣ и сабли), скрамасаксы, желѣзныя копья *), стрѣлы, небольшіе прямые ножи, кое-гдѣ огнива, маленькія клещи, желѣзныя ножницы, шпоры съ небольшими шипами и т. п. Сосуды въ гробницахъ, заключающихъ въ себѣ скелеты, чаще всего поставлены возлѣ головы или въ ногахъ, также сбоку. Кромѣ глиняныхъ сосудовъ довольно часто встрѣчаются и деревянныя ведерки, снабженныя желѣзными кованными обручами и такими же дужками.

Украшенія въ славянскихъ могилахъ болѣе многочисленны, чѣмъ оружіе, но и ихъ у западныхъ славянъ, кромѣ только что описанныхъ височныхъ колецъ, сравнительно мало. По характеру своему они вполнѣ подходятъ къ описаннымъ уже нами германскимъ украшеніямъ, но отличаются большей простотой, какъ напр. браслеты, пряжки (безъ орнаментаціи); встрѣчаются также разные предметы восточнаго издѣлія, какъ напр. гроздеобразныя, украшенныя шариками серьги изъ бронзы и серебра. Весьма обыкновенны также разноцвѣтныя бусы изъ стекла и янтаря. Изъ прочихъ предметовъ надо упомянуть еще о молотахъ, пряслицахъ и разныхъ мелкихъ вещахъ желѣз-

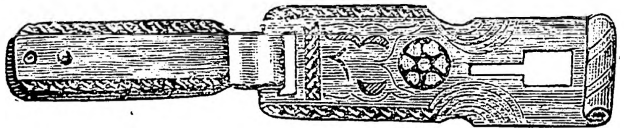


Рис. 429. Фибула изъ могилы возлѣ Сушичъ (Чехія).

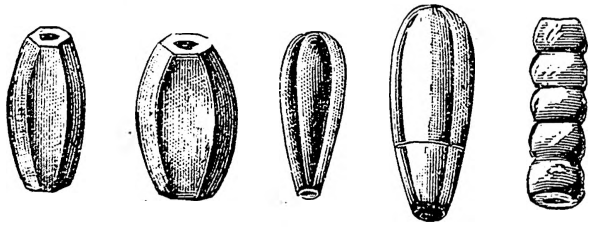


Рис. 430. Стеклянныя бусы изъ позднѣйшихъ чешскихъ могилъ.

*) Въ нѣкоторыхъ славянскихъ могильникахъ, но только, сколько намъ извѣстно, на западныхъ границахъ, напр. въ Баваріи, въ Ленгенфельдѣ (см. рис. 387), въ Австріи возлѣ Тунавы, недалеко отъ Гарса (Gars), попадаются наконечники копій съ «крылышками», т. е. съ двумя выростками на втулкѣ подъ остріемъ. Проф. Ранке сдѣлалъ относительно ихъ предположеніе, что они могутъ также служить отличительнымъ признакомъ славянскихъ гробницъ, но это несправедливо. Означенный видъ копьевъ неопредѣленнаго назначенія (крылышки скорѣе всего имѣли цѣлью помѣшать оружію входить глубоко въ тѣло), сколько мы знаемъ, не встрѣчается далѣе на востокъ въ славянскихъ земляхъ, за то сравнительно очень

ныхъ и костяныхъ, какъ напр. гребни, шила и т. п. Въ русскихъ могилахъ этой эпохи, которыхъ этническую принадлежность бываетъ часто трудно опредѣлить, — инвентарь богаче и постоянно съ очень замѣтнымъ восточнымъ характеромъ. Особенно много въ нихъ, сравнительно съ болѣе древними скиѳо-сарматскими гробницами, серебра, вслѣдствіе чего рус-

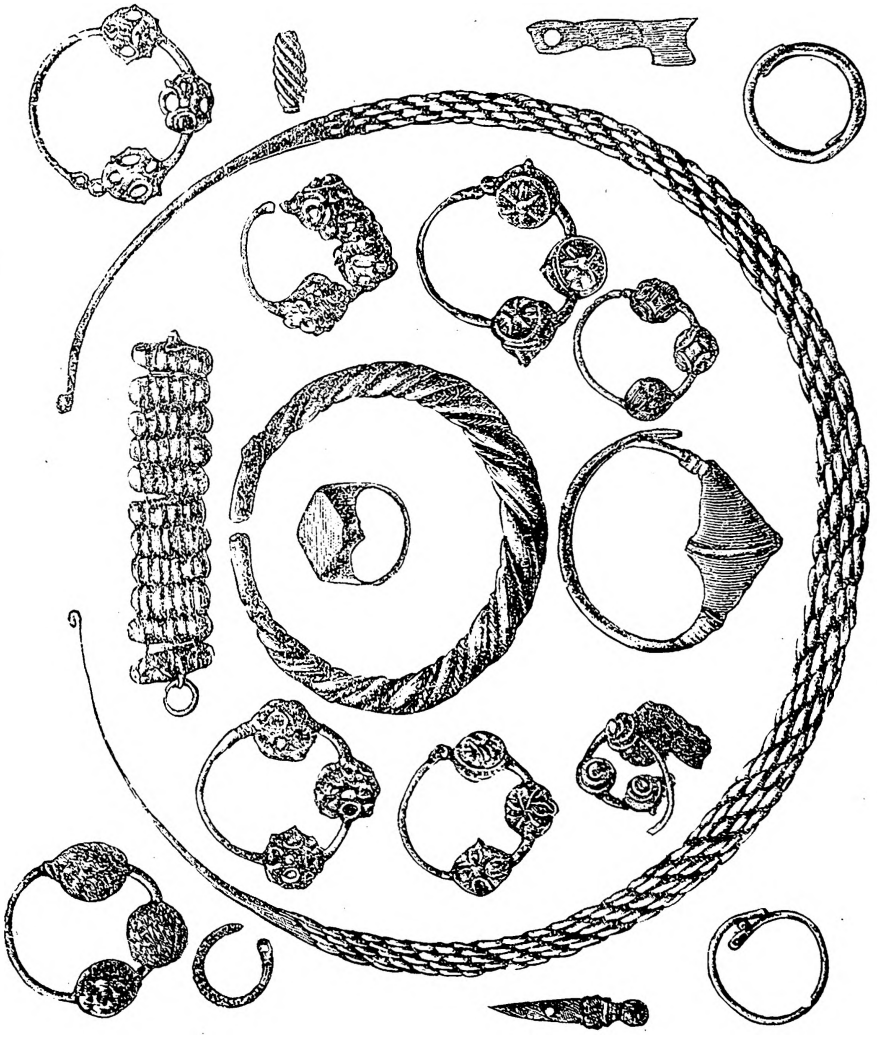


Рис. 431. Украшенія, найденныя на Княжей Горѣ возлѣ Канева.

скіе археологи и считаютъ серебро отличительнымъ признакомъ славянскихъ могилъ отъ болѣе древнихъ. Оружіе также встрѣчается чаще; изъ украшеній для насъ особенно интересны серьги съ подвѣсками на подобіе виноградныхъ гроздьевъ и еще болѣе серьги, состоящія изъ кольца, украшеннаго тремя или

распространенъ въ Галліи и въ Британіи, хотя, насколько я могъ прослѣдить въ коллекціяхъ разныхъ музеевъ, большая часть ихъ была найдена не въ гробницахъ (ср. стр. 498). Эта форма получила вообще распространеніе позже, въ новѣйшія времена (протазаны [pertuisans] и алебарды XV—XVIII стол.). См. мою статью въ Mittheilung. der anthropolog. Gesellsch. in Wien, 1894, стр. 208.

болѣе шариками съ шишечками, иногда очень искусной работы. Онѣ наиболѣе многочисленны въ южной Россіи. Изъ массы украинскихъ находокъ мы приводимъ здѣсь изображенія предметовъ, найденныхъ въ городищѣ на Княжей-Горѣ надъ Днѣпромъ. Серьги съ шариками такъ наз. кіевскаго типа здѣсь очень часты и отличаются разнообразіемъ и художественностью исполненія изъ золота и серебра (рис. 446).

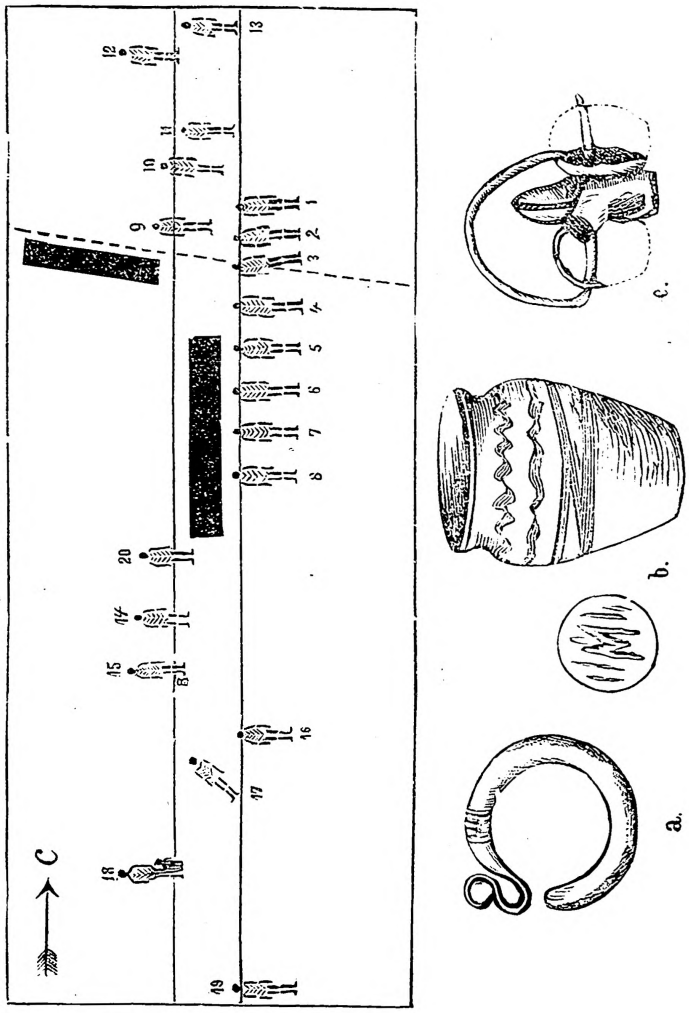


Рис. 432 и 433. Планъ позднѣйшаго кладбища въ Ловосицахъ съ найденными въ немъ предметами.

Вѣроятно изъ Россіи серьги съ подвѣсками въ видѣ виноградныхъ гроздьевъ распространились во всѣ стороны, между прочимъ въ Чехію, Моравію, въ Германію, Польшу, Венгрію и на Балканы. Въ Балканскихъ странахъ онѣ были найдены на средневѣковомъ кладбищѣ возлѣ Црквеницы въ Босніи. Въ Чехіи ихъ находили въ Жаловѣ, Желенкахъ, Ловосицахъ, въ Моравіи въ могилахъ у Рыбешовицъ, Квасицъ, Пшедмостья; серьги кіевскаго типа въ Чехіи до сихъ поръ еще неизвѣстны.

Сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ главныхъ мѣстонахожденій славянскихъ

могилъ. Въ Чехіи и Моравіи преобладаютъ въ эту эпоху могилы со скелетами, лежащими рядами просто въ землѣ, вполнѣ похожія на германскія «рядовыя могилы». Онѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно на склонахъ и у подошвы возвышенностей и въ городищахъ. Въ послѣднемъ случаѣ на древнемъ языческомъ кладбищѣ часто можно встрѣтить новое кладбище съ христіанской церковью (Іечовицы, Градекъ въ Праховскихъ скалахъ, у Іичина, Градска, въ Тетинѣ, Будечѣ и пр.). Скелеты оказываются въ вытянутомъ положеніи (скорченные и въ сидячемъ положеніи очень рѣдки), на спинѣ, съ головой, обыкновенно обращенной къ западу, хотя иногда въ одномъ кладбищѣ мы встрѣчаемъ и разную оріентировку тѣлъ. Руки вытянуты вдоль тѣла, рѣже сложены на груди. Мертвыхъ клали въ выкопанную яму или просто на землѣ, или на доску, гораздо рѣже погребали ихъ въ деревянномъ гробу, отъ котораго впрочемъ сохранились развѣ только нѣсколько кусковъ истлѣвшаго дерева и желѣзныхъ гвоздей. Возлѣ с. Дымокуръ были найдены скелеты въ гробахъ изъ выдолбленныхъ древесныхъ колодъ. Иногда могила бываетъ обложена и сводообразно прикрыта камнемъ; курганы надъ могилами очень рѣдки (Высокій Уѣздъ возлѣ Опочна, Великія Петровицы). Наиболѣе замѣчательныя кладбища этого рода были найдены въ Чехіи на Лѣвомъ Градцѣ, возлѣ Стодулекъ, недалеко отъ Праги, на Градку возлѣ Часлава, у Ржепова, Градска у Ечовицъ, Копидльна, Коуржима, Либшицъ, у Желевицъ, Любицъ, Заколанъ, Збузанъ и т. д., вообще около 200 [394]). Въ Моравіи сюда относятся кладбища у Боржитова, Горныхъ Дунаевицъ, Холины, Блучины, Жидлоховицъ, Жданицъ, курганы съ костяками въ лѣсу «Табарки» возлѣ Квасицъ (рис. 435), курганы въ Оборжѣ, у Кромерижа и пр. При костякѣ, найденномъ въ Пшедмостѣ, оказались прекрасныя украшенія

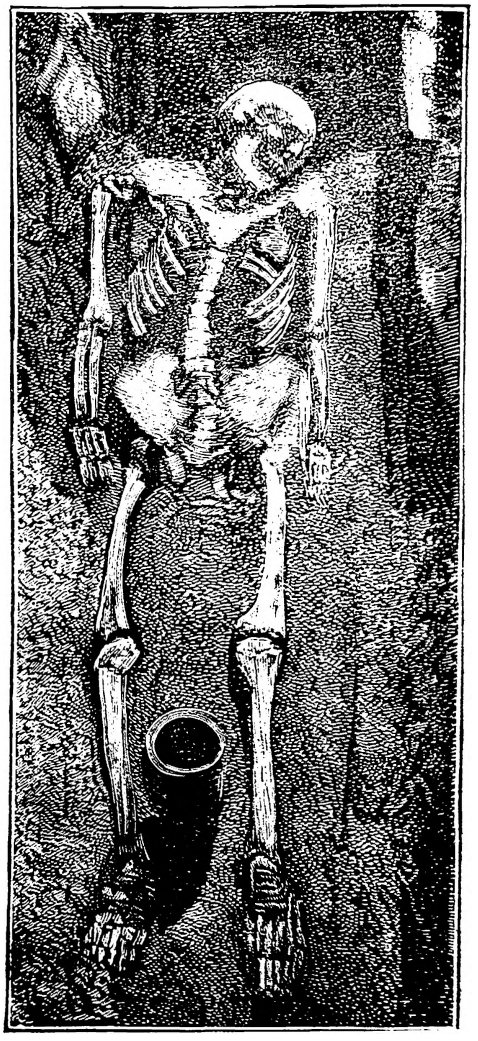


Рис. 434. Могила со скелетомъ изъ Желеницкаго кладбища.

(перстень и серьги) филигранной работы; въ курганахъ у Кромерижа—большое количество желѣзнаго оружія (мечъ, кинжалы, сѣкиры, копья, шпоры, стремена, а возлѣ головъ птичьи кости, см. рис. 436); въ курганахъ у Квасицъ прекрасныя серебряныя и золотыя гроздевидныя серьги восточной работы. Особенно замѣчательно кладбище возлѣ Рыбешовицъ недалеко отъ Райграда, изслѣдованное еще въ 1846 г. P. Wolny. Тамъ было найдено множество костяковъ съ окованными ведерками, височными кольцами, серьгами,

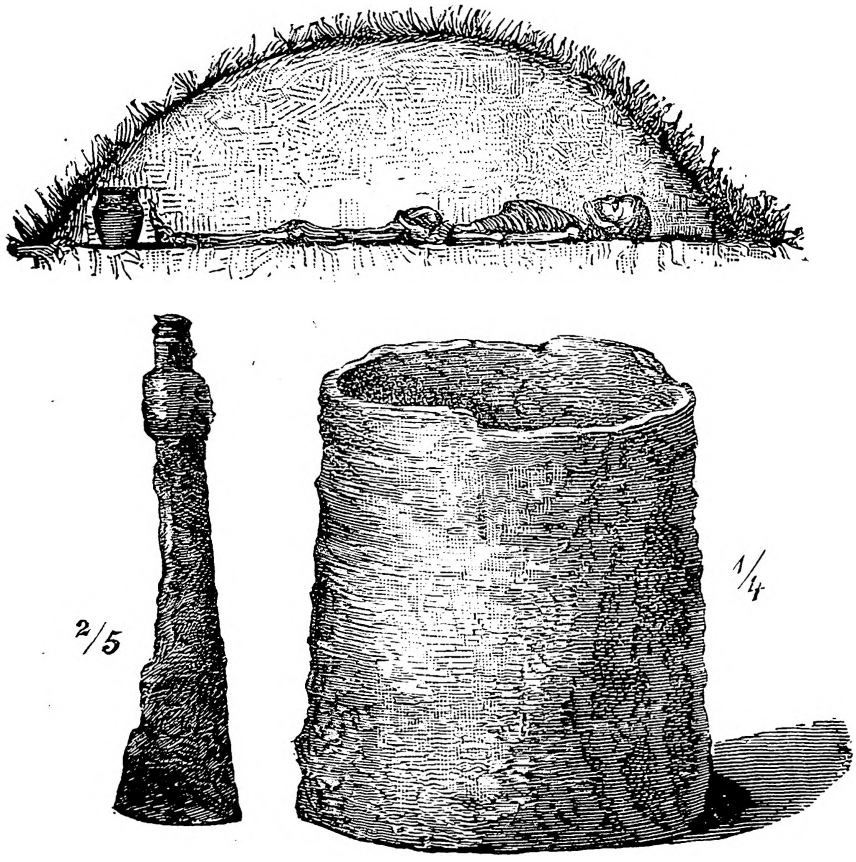


Рис. 435. Разрѣзъ кургана, желѣзный топоръ и сосудъ съ кладбища возлѣ Квасицъ въ Моравіи.

извѣстными уже въ Кеттлахѣ (см. рис. 395), желѣзными сѣкирами, ожерельями изъ стеклянныхъ бусъ, сосудами, украшенными волнистыми линіями и т. п. Многія гробницы оказались впрочемъ совершенно безъ всякихъ предметовъ.

Рядомъ съ погребеніемъ продолжало впрочемъ еще существовать и трупосожженіе. По всей вѣроятности, это послѣднее, какъ древній обычай, лишь понемногу уступало мѣсто погребенію и исчезло вполнѣ только подъ вліяніемъ христіанства (ср. стр. 532). Нѣкоторыя кладбища, на которыхъ кромѣ могилъ съ остатками трупосожженія попадаются и гробницы позднѣйшаго характера съ костями,

указываютъ довольно прямо на эту замѣну. Но что трупосожженіе держалось еще въ теченіе очень долгаго времени, объ этомъ свидѣтельствуютъ цѣлыя кладбища типа полей погребальныхъ урнъ, въ которыхъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ попадаются уже височныя кольца, напр. на кладбищѣ на вершинѣ св. Яна у Нетовицъ, изслѣдованномъ проф. Вольдржихомъ, и на кладбищѣ подъ Кунетицкой горой у Пардубицъ. Къ позднѣйшимъ временамъ относятся также могильники съ остатками трупосожженія у горы Савицы возлѣ Рудницы (сосуды съ волнисто-линейной орнаментаціей), у Нештемицъ на Эльбѣ возлѣ Усти, гробницы съ пепломъ, найденныя въ Литомѣржицахъ, въ Яромержѣ (рис. 420), въ Высочанахъ и т. д. Сюда относится также и нѣсколько кургановъ съ остатками трупосожженія, какъ напр. курганы въ лѣсу «Боръ», у Либеицъ, курганы у Хедрби возлѣ Часлава, въ Добре-Вуде возлѣ Мнихова Градишта, у Крхлебъ, въ Ратаѣ, у Михаловицъ. Къ одной и той же эпохѣ съ нетолицкимъ кладбищемъ Вольдржихъ относитъ и курганы у Плавницъ, курганы у Глубокой, Веселаго, Уѣзда Остролова и Червенаго Уѣзда. Въ Моравіи сюда относятся курганы съ остатками трупосожженія у Кремержа, у городища Обраницы (сосуды съ волнистымъ орнамен-

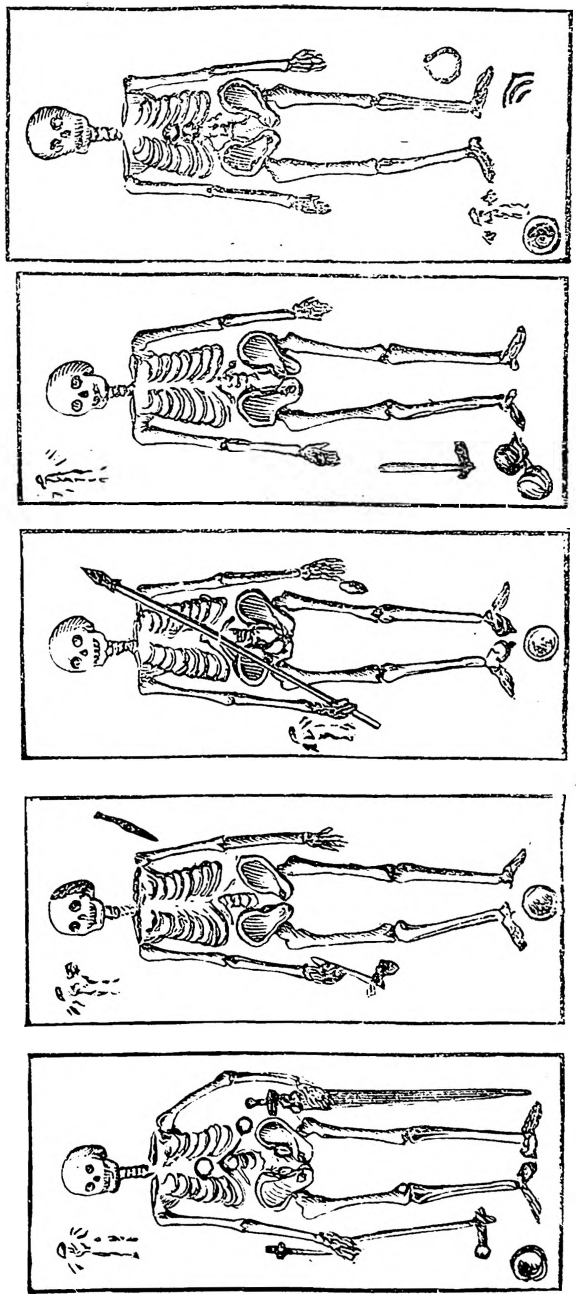


Рис. 436. Могилы въ Оборжѣ возлѣ Ярохновецъ, недалеко отъ Кромерижа въ Моравіи.

томъ), гробницы съ пепломъ, найденныя въ Бзенцѣ, въ Пшедмости у Угорскаго градища и пр. Въ послѣднее время было найдено также множество культурныхъ ямъ, изъ коихъ нѣкоторыя слѣдуетъ считать тоже котловидными могилами съ остатками трупосожженія *).

Находки височныхъ колецъ довольно многочисленны и въ могильникахъ съ остатками трупосожженія въ Венгріи. Сюда относятся напр. кладбища возлѣ Sós Hártyán'a, Szabad Bathyan'a Oroshasy, Letenë, Karásze, гдѣ были найдены также и крестики съ изображеніемъ Христа. Два очень замѣчательныхъ кладбища открыто было W. Lippe въ Keszthély съ болѣе чѣмъ $2^1/_2$ тысячами могилъ—одно въ городѣ, а другое на склонѣ горы Dobogo. Всѣ могилы были съ костяками, но между ними оказалось и 12 погребальныхъ урнъ. Возлѣ скелетовъ были найдены височныя кольца, а на сосудахъ—волнисто-линейный орнаментъ [395]). Судя по найденнымъ сосудамъ къ позднѣйшей эпохѣ относятся также и могилы съ остатками трупосожженія въ Velke Vsi.

Въ Нижней Австріи къ гробницамъ съ признаками славянскаго происхожденія относятся рядовыя могилы въ Кеттлахѣ (въ окр. Gloggnits) съ большимъ количествомъ прекрасныхъ вещей (рис. 384, 395) и Св. Вита (окр. Hietzing), возлѣ Тунавы, недалеко отъ Гарса, возлѣ Брунна и въ Альтенмарктѣ.

Въ восточной Германіи въ эту эпоху долго преобладало еще трупосожженіе. Погребеніе началось сравнительно позже. Въ Силезіи есть только поля погребальныхъ урнъ; рядовыя могилы съ костяками и височными кольцами были найдены только у Швановицъ (въ окр. Бржегъ), въ Малой Тыницѣ (въ Сретисловскомъ окр.) и у Велькихъ Раквицъ возлѣ Лёвенберга—всѣ довольно бѣдныя оружіемъ и прочими предметами.

Въ Лузаціи, по словамъ Іентша, еще не было найдено височныхъ колецъ въ видѣ буквы S при скелетахъ. Здѣсь повсюду господствовало трупосожженіе, могилы съ костяками очень рѣдки.

---

*) Отдѣльную группу очень позднихъ находокъ составляютъ глубокія колодцеобразныя ямы, въ которыхъ на помѣщенныхъ въ нѣсколько этажей одна надъ другой доскахъ поставлены сосуды. Они относятся уже къ очень поздней эпохѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ находки желѣзныхъ вещей и эмальированныхъ изразцовъ. Подобныя находки были сдѣланы въ Хрудимѣ, возлѣ Гологлавы, въ Нимбуркѣ, въ Нѣмецкомъ Бродѣ, въ Кутней Горѣ; въ Австріи, напр., въ Ретцѣ. Въ Нимбуркѣ было найдено 6 этажей съ сосудами, наполненными отчасти пепломъ; изъ нихъ 65 было нетронутыхъ. Въ нѣмецко-бродской ямѣ было также 6 этажей сосудовъ съ пепломъ, съ косточками сливъ, черешенъ и т. п. R. Stöckel на основаніи подобныхъ же находокъ въ Силезіи принимаетъ эти находки за „Kultustätten", другіе же считаютъ ихъ за жертвы, которыя закапывались при закладкѣ новыхъ домовъ.

Славянскими, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать также извѣстныя поля погребальныхъ урнъ позднѣйшаго періода въ Мекленбургѣ, для которыхъ и до сихъ поръ еще удержалось въ народныхъ преданіяхъ названіе вендскихъ кладбищъ (Wendenfriedhöfe), о чемъ мы уже упоминали на стр. 484.

Въ восточной Пруссіи Тишлеръ раздѣлилъ могильники отъ тенской эпохи до новѣйшихъ временъ на нѣсколько хронологическихъ группъ, которыя у него обозначены буквами A, B, C, D и E. Періодъ B онъ относитъ приблизительно къ времени отъ 50 до 150 года нашей эры, т. е. къ эпохѣ расцвѣта римскаго вліянія, періодъ C къ слѣдующему столѣтію (ср. стр. 485). Мы полагаемъ, что уже въ періодъ C проникли въ эту страну славяне. Могилы съ костяками безъ кургановъ, бывшія многочисленными въ теченіе періода B, въ періодѣ C уступаютъ мѣсто могиламъ съ остатками трупосожженія. Пепелъ мертвыхъ складывался въ урны или же высыпался просто въ яму. Содержащія пепелъ ямы въ эту эпоху весьма здѣсь многочисленны.

Въ западной Пруссіи и Познани встрѣчаются оба типа похороннаго обряда. Могилъ съ остатками трупосожженія, правда, меньше, но онѣ гораздо богаче могилъ съ костями. Эти послѣднія представляютъ собой повтореніе рядоваго типа, о которомъ мы уже говорили. Височныя кольца съ загибомъ въ видѣ буквы S были найдены въ могильникѣ съ скелетами возлѣ Нов. Кользиглова, Кёрлина, Кавенчына, въ Шубинѣ, въ Кальдусѣ, на горѣ св. Лаврентія (рис. 427), у Кассакова, Тчева (Tczew) и пр. и въ могилахъ съ остатками трупосожженія возлѣ Оливы и въ Познани возлѣ Тучна (Tuczno), Надзѣева (Nádziejewo) и т. п. Наиболѣе замѣчательное кладбище этой эпохи было открыто въ Слабошевѣ (Slaboszewo) въ окр. Могильно въ Познани и изслѣдовано проф. Тидеманомъ, Шварцемъ и Р. Вирховымъ. Костяки лежали въ землѣ рядами, въ вытянутомъ положеніи, съ руками вдоль тѣла и почти всѣ были обращены головами къ западу. Кромѣ множества височныхъ колецъ (польск. «kólki kabłaczkowe) изъ бронзы (мѣди), свинца и олова (посеребренныхъ), тамъ оказались мѣдные перстни, желѣзные ножи и т. п. Сосудовъ найдено очень мало. Судя по найденнымъ, хотя и очень попорченнымъ монетамъ, кладбище это относится къ XII стол. Оно очень интересно и въ антропологическомъ отношеніи, такъ какъ въ немъ найдены были только длинноголовые и среднеголовые черепа.

Другія кладбища того же типа были найдены въ Польшѣ возлѣ Жарнувки (Żarnówka) съ большимъ количествомъ сохранившихся остатковъ тканей, у Попува (Popów), въ Лужкахъ и Гродиску, возлѣ Собаницъ въ Плоцкой губ., у Чеканова (Czekanów) и Невядомы (Niewiadoma) въ Соколовскомъ у. (подъ небольшими курганами).

Въ Галичинѣ, въ Покутті и на Поділлі[396]) Оссовскій нашелъ въ Гродку

(Залещицькаго окр.) цѣлый рядъ «grobów podpłytowych» (погреб. камеръ изъ каменныхъ плитъ). Костяки лежали на спинѣ, между остатками гробовъ и костей не было найдено ничего, кромѣ клочковъ черной ткани на кожаной подкладкѣ. Возлѣ извѣстной уже намъ мѣстности Увислы въ Гусятинскомъ окр. найдены были могилы подобнаго же характера, но безъ каменныхъ плитъ. Одна изъ нихъ заключала въ себѣ костякъ, на шеѣ котораго было ожерелье изъ раковинъ Cypraea pantherina L. Кромѣ того возлѣ него были еще пряжка и гребень. Очень интересно также кладбище въ Мышковѣ на р. Серетѣ. Въ 1888 году тамъ было найдено два могильника этой эпохи: одинъ изъ нихъ состоялъ изъ трехъ могилъ съ гробами, вокругъ которыхъ было положено въ видѣ круга нѣсколько большихъ камней (рис. 437); другой—изъ пяти могилъ безъ гробовъ и безъ круговъ изъ камней. Въ тѣхъ и другихъ могилахъ были найдены очень интересныя серьги съ шариками кіевскаго типа—что составляетъ рѣдкость въ Галичинѣ,—затѣмъ височныя кольца въ видѣ буквы S, перстни, глиняныя подвѣски, сосуды и т. п. Возлѣ Быбло проф. Шараневичемъ былъ изслѣдованъ курганъ, въ которомъ находился костякъ съ височными кольцами. Другія интересныя кладбища христіанской эпохи были раскопаны Т. Зіемѣнцскимъ въ с. Подгірцяхъ на р. Сянѣ. Еще прежде тамъ былъ найденъ въ курганѣ скелетъ съ желѣзной саблей и эмальированными украшеніями. Зіемѣнцскій нашелъ возлѣ костяковъ длинные желѣзные мечи въ кожаныхъ ножнахъ, желѣзныя сѣкиры, огнива, окованныя ведерки, бронзовые пояса, перстни, ожерелья съ подвѣсками изъ сердолика, бронзовый медальонъ съ крестомъ, серебряные нагрудные крестики, височныя кольца; нѣкоторые курганы впрочемъ оказались крайнѣ бѣдными.

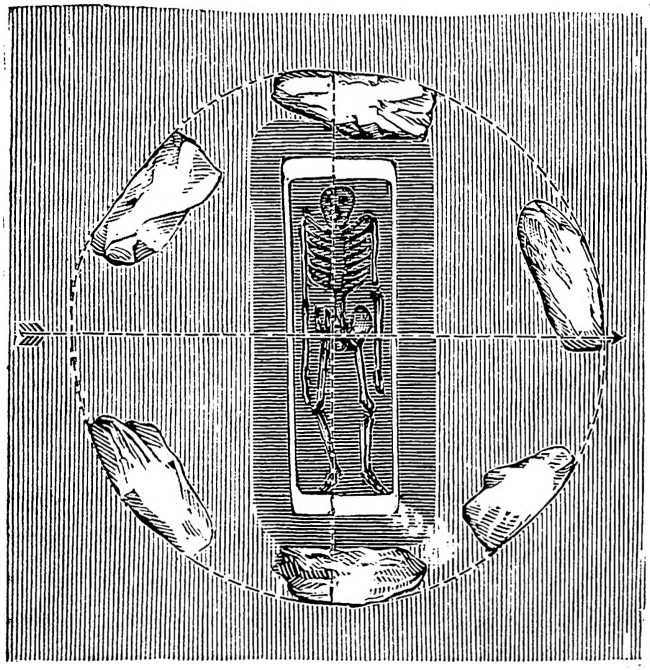


Рис. 437. Могила въ Мышковѣ въ Галичинѣ.

Къ этимъ находкамъ позднѣйшей эпохи относится еще курганъ, изслѣдованный Г. Оссовскимъ въ с. Заболотцяхъ въ галицкомъ Поділлі, Зезавское кладбище на лѣвомъ бер. Днѣстра (камеры изъ каменныхъ плитъ и

курганы) и группа кургановъ возлѣ с. Болганъ въ Ольгопольскомъ у. Подольской губ. Сюда же принадлежатъ и курганы съ желѣзными предметами у ст. Борокъ и у Жнибродъ въ Подоліи и многіе другіе. Здѣсь также были найдены Киркоромъ скелеты, обложенные толстымъ слоемъ извести. Могилы съ остатками трупосожженія и бронзовыми украшеніями были найдены А. Киркоромъ у Залещикъ.

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ былъ найденъ еще особый видъ памятниковъ, похожихъ на курганы, но неизвѣстнаго назначенія. Оссовскій называетъ ихъ «поставленными камнями» (kamienie ustawianè). Они были найдены напр. возлѣ с. Шидловки на р. Збручѣ въ Гусятинскомъ окр., у Новоселки въ Скалатскомъ окр. Въ первой изъ этихъ мѣстностей они были изслѣдованы Оссовскимъ, который находилъ въ нихъ только ямки, наполненныя черноземомъ. Оссовскій высказывается въ пользу скорѣе религіознаго, чѣмъ погребальнаго ихъ назначенія *).

Съ бо̀льшимъ разнообразіемъ могилъ, устройства ихъ, погребальнаго обряда и характера находимыхъ въ нихъ предметовъ мы встрѣчаемся въ эту эпоху

*) Упомянемъ здѣсь еще о другихъ «могилахъ» и «курганахъ», которые никогда не покрывали собой тѣло умершаго и были насыпаны очевидно, для другихъ, повидимому, очень различныхъ цѣлей. Русскіе археологи различаютъ нѣсколько видовъ подобныхъ кургановъ, изъ которыхъ чаще всего встрѣчаются и наиболѣе интересны сторожевые курганы. Они представляютъ собою высокіе насыпные холмы, которые особенно на равнинахъ, въ поросшихъ высокою травою степяхъ, служили мѣстами, откуда очень удобно можно было осматривать окружающую мѣстность. Они очень многочисленны въ южно-русскихъ степяхъ и доходятъ до Подоліи и Покутья въ Галичинѣ. Въ этихъ мѣстностяхъ нѣкоторые изъ нихъ были раскопаны Киркоромъ, который не нашелъ въ нихъ никакого слѣда погребенія. Подобныя же сторожевыя насыпи встрѣчаются также на Дунаѣ, Моравѣ, въ Балканахъ. Другіе, не содержащіе въ себѣ могилъ курганы насыпались иногда въ память какихъ нибудь выдающихся событій или въ видѣ памятника замѣчательнымъ личностямъ (памятные курганы). Новѣйшими примѣрами подобныхъ памятниковъ могутъ служить могила Костюшки возлѣ Кракова, насыпанная народомъ въ 1820 г. въ память защитника своей націи, курганъ Крокуса и Ванды—тамъ же, курганъ въ память Люблинской уніи возлѣ Львова и т. п. Въ Поділлі и Покутті въ Галиціи встрѣчаются такъ назыв. „дупныя“ могилы, имѣющія на своей верхушкѣ довольно замѣтное продольное углубленіе, не случайное, но сдѣланное умышленно. Назначеніе ихъ не выяснено. Нѣкоторые курганы въ русскихъ степяхъ служили для указанія границъ или дороги (пограничные и дорожные курганы). Наконецъ курганы безъ всякихъ слѣдовъ погребенія были найдены также и въ другихъ странахъ, напр. въ Босніи, возлѣ Купреша.

[Отличительнымъ признакомъ сторожевыхъ кургановъ въ Украйнѣ считаютъ ихъ расположеніе въ одну линію и притомъ такъ, что съ одного можно видѣть по обѣ стороны два ближайшихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ это названіе „сторожевыхъ“ придается курганамъ только гадательно, и возможно, что въ дѣйствительности иные изъ нихъ заключаютъ въ себѣ погребенія]. *Прим. перев.*

въ Россіи. Могилы славянской эпохи въ Россіи представляютъ собою группу до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ еще загадочную [397]). Здѣсь встрѣчаются оба похоронные обряда, и погребеніе и трупосожженіе, но какъ они относятся другъ къ другу хронологически и географически,— до сихъ поръ еще съ точностью не выяснено. Между данными археологіи и исторіи здѣсь существуютъ противорѣчія. Начальная лѣтопись напр. разсказываетъ, что славянскія племена кривичей, вятичей, радимичей и сѣверянъ сожигали своихъ мертвыхъ. Но на территоріи, гдѣ жили эти племена, мы находимъ большое количество могилъ съ костяками, и очень часто находимъ оба обряда въ могилахъ одной и той же группы, какъ напр. въ курганахъ Перепьятихѣ, возлѣ Яблуновки и возлѣ Суджи, въ Мироновѣ, въ Курской губ., въ курганахъ Лепельскаго у. Витебской губ., возлѣ Чернигова и т. п. Мы можемъ прослѣдить это до кургановъ Мерянской земли.

Могилы въ землѣ прежнихъ древлянъ, по изслѣдованіямъ В. Б. Антоновича, исключительно съ костяками, напротивъ сѣверянскія могилы—съ остатками трупосожженія. Такимъ образомъ г. Антоновичъ ставитъ различіе обряда въ зависимость отъ племеннаго различія. Другая важная теорія была предложена В. Ц. Сизовымъ. По его мнѣнію типъ могилъ съ остатками трупосожженія и могилъ съ остатками погребенія, по крайней мѣрѣ въ находкахъ Смоленской губерніи, различается хронологически. Славяне въ древности сожигали своихъ мертвыхъ. Такъ напр. въ центрѣ славянства, въ той же Смоленской губ. могилы съ костями, датируемыя непродыравленными монетами— не древнѣе X стол. Погребеніе сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ только позже, подъ вліяніемъ христіанства. Д. Я. Самоквасовъ, напротивъ того, съ меньшимъ впрочемъ правдоподобіемъ, полагаетъ, что разница ритуала опредѣлялась сословными или кастовыми различіями, что богатые сожигали своихъ мертвыхъ, а бѣдные погребали. Какъ можно видѣть изъ этого, вопросъ остается пока еще довольно темнымъ.

Въ высшей степени трудно также установить признаки славянскихъ могилъ въ Россіи. Въ нѣкоторыхъ частяхъ западной Россіи, гдѣ, какъ мы уже упоминали на стр. 187 и 522, славяне жили вѣроятно съ каменнаго вѣка, можно съ достовѣрностью принимать всѣ позднѣйшія погребенія за славянскія. Но совершенно иное мы видимъ, переходя оттуда на югъ—къ берегамъ Чернаго моря, на востокъ—къ Волгѣ и на сѣверъ—къ области озеръ. Тамъ историческія свѣдѣнія указываютъ поселенія цѣлаго ряда племенъ то неизвѣстнаго происхожденія, какъ скиѳы и сарматы, то несомнѣнно урало-алтайскаго. Неславянскія племена, съ остатками которыхъ тамъ мы встрѣчаемся еще и теперь, съ давнихъ временъ жили на сѣверъ и на востокъ отъ славянъ. Славяне называли ихъ Чудью. Начальная лѣтопись различаетъ между ними финскія племена — весь, мерю, мурому, черемисъ,

мордву, угровъ, пермяковъ и др. Между Волгой, Камой, Тоболомъ и по верхнему теченію Урала жили кромѣ башкиръ и мадьяры. На средней Волгѣ и Камѣ образовалось обширное Болгарское царство съ населеніемъ несомнѣнно очень смѣшаннымъ. Часть болгаръ уже въ V столѣтіи перешла оттуда въ южную Россію и скоро начала нападать и на Византійскую имперію *). На югѣ послѣ скиѳовъ и сарматъ появляется цѣлый рядъ разныхъ племенъ: германскія — готы, герулы и азіатскія—гунны, авары, хазары, затѣмъ печенѣги и половцы.

Тѣмъ не менѣе могильныя древности въ странахъ, когда-то населенныхъ этими племенами, не отличаются рѣзко, какъ бы этого можно было ожидать, отъ тѣхъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ курганахъ земель несомнѣнно славянскихъ. Причина этого заключается, какъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, главнымъ образомъ, въ томъ, что вся Россія издавна подвергалась очень сильному азіатскому вліянію, которое нивеллировало различія культуръ отдѣльныхъ народовъ. Нравы и обычаи древнихъ славянъ во многомъ были сходны съ обычаями неславянскихъ народовъ, извѣстія о которыхъ дошли до насъ. То же самое мы видимъ и въ матеріальной культурѣ, въ сохранившихся памятникахъ. Поэтому-то и было такъ много споровъ между мѣстными археологами о томъ, кому принадлежатъ курганы средней Россіи—славянамъ или урало-алтайцамъ.

А все-таки вопросъ о томъ, что славянское и что финское въ русскихъ древностяхъ, въ той же мѣрѣ является основной задачей русской археологіи, какъ напр. въ Чехіи или Германіи вопросъ о томъ, что тамъ славянское и что нѣмецкое? И тутъ и тамъ вопросы эти остаются пока неразрѣшенными. Только въ послѣднее время русскимъ изслѣдователямъ удалось найти нѣкоторые признаки для установленія различія между славянскими и финскими могилами въ средней полосѣ Россіи.

Отличительнымъ признакомъ финскаго погребенія, сравнительно съ славянскимъ, В. И. Сизовъ считаетъ прежде всего—въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напр. въ Рязанской, Тамбовской, Витебской и кое-гдѣ въ Московской—отсутствіе курганныхъ насыпей. Могилы не обозначены ничѣмъ на поверхности земли и находятся большей частью по песчанымъ берегамъ рѣкъ. Но главнымъ признакомъ ихъ все-таки остается характеръ находимыхъ въ нихъ предметовъ. Бронзовыхъ вещей обыкновенно встрѣчается очень много; между ними особенно характерны большія шейныя гривны изъ листовой бронзы или сплетенныя изъ бронзовой проволоки, множество подвѣсокъ всевозможныхъ формъ, литыхъ, но стилемъ своимъ напоминающихъ образцы изъ

*) Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о Болгарскомъ царствѣ на Волгѣ появляются только съ 922 г., когда болгарскій царь Альмушъ принялъ магометанство.

сплетенной и скрученной проволоки, спиральные браслеты, похожіе на венгерскіе бронзоваго вѣка. За то въ нихъ нѣтъ бусъ и серегъ распространеннаго въ западной части Россіи стиля. Но, разумѣется, встрѣчается также множество предметовъ восточнаго или скандинавскаго происхожденія (подвѣсокъ, фибулъ, пряжекъ и т. п.), общихъ обоимъ видамъ могилъ, и различать ихъ оказывается въ отдѣльныхъ случаяхъ чрезвычайно труднымъ.

На этомъ основаніи, приступая къ описанію славянскихъ могилъ этой эпохи, мы считаемъ нужнымъ оговорить, что ограничимся только тѣми мѣстностями, которыя, по свидѣтельству Начальной лѣтописи, были издавна населены славянскими племенами; о доисторическихъ же могильникахъ прочихъ мѣстностей Россіи мы упомянемъ только вкратцѣ, равно какъ и объ инородческихъ могильникахъ историческихъ временъ, доходящихъ до эпохи нашествія татаръ.

Славянскими курганами въ Южной Россіи проф. Д. Я. Самоквасовъ считаетъ тѣ, которые относятся ко времени отъ VI до XI стол. нашей эры *). Послѣ этого, по его мнѣнію, наступаетъ періодъ половецко-татарскій отъ XII до XVI ст. Курганы славянской эпохи по своему устройству значительно отличаются отъ кургановъ болѣе древнихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ-же разнохарактерны, какъ и тѣ. Деревянные срубы и небольшія каменныя камеры внутри ихъ очень рѣдки, за то чаще встрѣчаются могилы съ гробами, сколоченными желѣзными гвоздями. Могилы бываютъ и съ остатками погребенія и съ остатками трупосожженія.

Гробницы съ остатками трупосожженія — двоякаго рода. Однѣ изъ нихъ обнаруживаютъ признаки того, что мертвый былъ сожженъ, и потомъ тамъ же надъ мѣстомъ сожженія былъ насыпанъ курганъ (курганы съ кострищами). Другія же позволяютъ заключить, что трупъ былъ сожженъ въ особомъ опредѣленномъ для этого мѣстѣ, а затѣмъ пепелъ былъ собранъ въ урну и перенесенъ на мѣсто погребенія. Кромѣ человѣческихъ останковъ въ погребальныхъ урнахъ и въ кострищахъ оказываются также остатки сожжен-

*) Подробнѣе проф. Самоквасовъ ихъ не классифицируетъ. Напротивъ, проф. кіевскаго унив. В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ попытку подраздѣленія ихъ на три слѣдующія группы: 1) курганы древлянскіе на сѣверѣ Кіевск. губ. въ странѣ прежнихъ древлянъ; въ нихъ костякъ находится не глубоко подъ уровнемъ почвы, и при немъ почти вовсе нѣтъ ни оружія, ни цѣлыхъ сосудовъ, а только небольшіе ножи, огнива, пряслицы изъ краснаго шифера, бронзовыя или серебряныя височныя кольца, перстни, пряжки, фибулы, куски сѣры, остатки одежды и множество гвоздей отъ деревянныхъ гробовъ вокругъ; 2) полянскіе, съ ямами болѣе углубленными, въ которыхъ мертвые были погребены, сидя на конѣ, съ большимъ количествомъ оружія, желѣзными наконечниками копій, мечами, стрѣлами и съ шлемами, похожими на извѣстный шлемъ Ярослава Всеволодовича; двѣ подобныя гробницы найдены были въ самомъ Кіевѣ съ арабской монетой 764 г.; 3) сѣверянскіе, съ гробницами, въ болѣе раннюю эпоху, почти исключительно съ остатками трупосожженія.

ной одежды, украшенія, оружіе и обожженныя кости домашнихъ животныхъ. Иногда въ одномъ курганѣ заключаются двѣ или три погребальныя урны, а кромѣ того еще сосуды, въ которыхъ ставилась пища для покойниковъ въ могилѣ. Въ курганахъ съ костями тѣла или клались въ яму, выкопанную въ землѣ (или просто на землѣ, или на доскѣ, или же въ деревянномъ гробу), какъ напр. въ сѣверянскихъ курганахъ и, обыкновенно, въ полянскихъ, или же просто на землѣ—безъ ямы, какъ это можно видѣть въ курганахъ губерній Ярославской, Владимірской, Московской. Въ одномъ курганѣ находится иногда отъ 1 до 3 костяковъ, иногда же и больше. Голова покойника чаще всего бываетъ обращена къ западу, такъ чтобы лицо смотрѣло на востокъ, но иногда встрѣчается и другая оріентація, иногда-же, какъ напр. въ суджанскомъ могильникѣ, на одномъ и томъ же кладбищѣ оказываются могилы съ различной оріентаціей *). Костякъ обыкновенно лежитъ на спинѣ, рѣдко на боку или спиной кверху. Еще рѣже встрѣчаются скелеты въ скорченномъ положеніи, столь характерномъ для болѣе отдаленныхъ эпохъ. Довольно часто тѣло помѣщали на нарочно насыпанномъ слоѣ песку или желтой глины, иногда же его заворачивали въ березовую кору. Подобная подстилка, по свидѣтельству И. Н. Смирнова, употребляется и теперь у вотяковъ, а по словамъ Д. Н. Анучина—и у нѣкоторыхъ сибирскихъ племенъ.

Кромѣ человѣческихъ скелетовъ въ курганахъ встрѣчаются очень часто

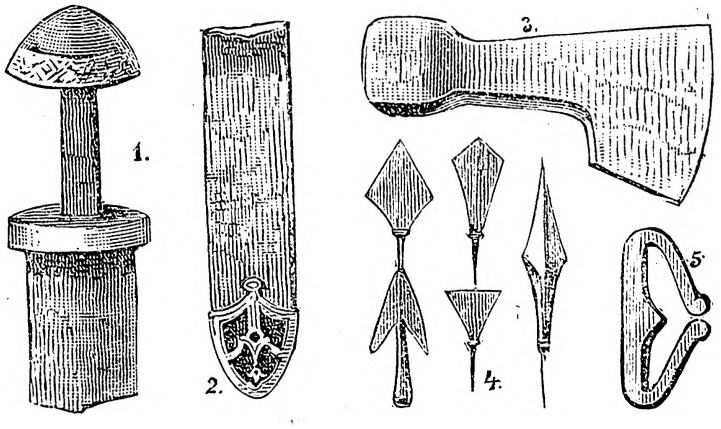


Рис. 438. Оружіе изъ славянскихъ могилъ въ Россіи. 1. 2. Мечъ съ украшеніями на рукояткѣ и ножнахъ; 3. Желѣзная сѣкира; 4. Желѣзныя стрѣлы; 5. Огниво.

и скелеты животныхъ, главнымъ образомъ лошадей, бывшихъ такъ характерными для скиѳскихъ могилъ **), и барановъ. Гораздо рѣже скелеты или че-

*) По словамъ И. Н. Смирнова финскія могилы обыкновенно оріентированы по направленію отъ сѣвера къ югу.

**) Порода лошадей была небольшого роста. Кости, найденныя въ рыжанов-

реца собакъ, чаще попадаются кости птицъ (хищныхъ и домашнихъ). Изъ предметовъ вооруженія, находимыхъ въ могилахъ, чаще всего встрѣчаются сѣкиры и наконечники копій. Кривыя сабли и прямые мечи вообще рѣдки. Кое-гдѣ попадаются еще каменные топоры вмѣстѣ съ бронзовымъ оружіемъ. За то очень многочисленны ножи, плоскія или трехгранныя стрѣлы (бронзовыя, желѣзныя и каменныя), рѣже — ножницы, огнива, пряжки, удила, пряслицы. Примѣры чаще встрѣчающихся типовъ представлены на рис. 438.

Рис. 439. Серьга съ привѣской съ Кавказа.

Украшенія также очень многочисленны и весьма разнообразны. Мы находимъ здѣсь бронзовыя пряжки того типа, который встрѣчается въ германскихъ гробницахъ западной Европы, но еще больше того, который извѣстенъ напр. изъ ливонскихъ гробницъ (рис. 451), съ той только разницей, что концы пряжекъ закруглены въ спиральные завитки вмѣсто утолщеній въ видѣ кубиковъ,—шейныя гривны и браслеты, изъ которыхъ для Россіи наиболѣе характерны гривны и браслеты, сплетенные изъ нѣсколькихъ проволокъ (ср. рис. 432), затѣмъ серьги (простыя кольца, гроздообразныя серьги съ подвѣсками кавказскаго типа (рис. 439), серьги сь шариками—кіевскаго типа, височныя кольца въ видѣ буквы S и т. п.), перстни (для рукъ и для ногъ), медальоны, зеркальца, побрякушки, а въ могилахъ позднѣйшаго времени и крестики *).

скомъ курганѣ, принадлежали, по мнѣнію проф. Вольдржиха, виду Equus caballus minor, который жилъ въ средней Европѣ еще въ четвертичную эпоху и удержался и позже въ степяхъ южной Россіи, въ видѣ тарпана.

*) На серебряныхъ украшеніяхъ довольно часто встрѣчается филиграновая орнаментація, состоящая изъ рядовъ мелкихъ шариковъ, припаянныхъ къ гладкой поверхности («filigran granulé») (рис. 440). Происхожденіе этой прекрасной техники остается еще спорнымъ. В. Б. Антоновичъ принимаетъ его за типъ славянскаго орнамента, другіе, какъ напр. В. И. Сизовъ, съ большимъ, кажется, правдоподобіемъ, приписываютъ ему восточное происхожденіе. Прекрасныя украшенія этого рода встрѣчались довольно часто отдѣльными находками въ гробницахъ, болѣе впрочемъ въ кладахъ, найденныхъ помимо гробницъ, и хранящихся по большей части въ Импер. Эрмитажѣ въ Петербургѣ. Между ними особенно замѣчателенъ гнѣздовскій кладъ изъ Смоленской губерніи, затѣмъ тереховскій (найденный въ 1876 г. въ Болховскомъ у. Орловской губ.), стариковскій (найд. въ 1883 г. въ Корочевскомъ у. Курск. губ.), два клада изъ Казанской губ. Спасскаго у.; волынскій кл. (Дубенскаго у.), льговскій (у сел. Льгова Чернигов. губ. въ 1879 г.), каневскій (найд. въ 1885 г. на поляхъ возлѣ Мироновки, Канев. у. Кіев. губ.), Рязанскій (въ с. Старая Рязань въ 1868 г.). Кладъ прекрасныхъ филиграновыхъ вещей изъ села Юрковецъ (Липовецкаго у. Кіев. губ.) хранится въ музеѣ кіевскаго университета; другой изъ Майкова въ Калишскомъ у. (найд. въ 1885 г.)—въ музеѣ Краков-

Украшенія бываютъ чаще сдѣланы изъ серебра — золотыя гораздо болѣе рѣдки. Нѣкоторые археологи принимаютъ поэтому присутствіе серебра за характерный признакъ славянскихъ гробницъ. Вмѣсто металлическихъ шейныхъ гривенъ встрѣчаются очень часто ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, простыхъ и пестрыхъ—въ гробницахъ съ остатками погребенія—часто позолоченныхъ или посеребренныхъ, иногда также ожерелья изъ небольшихъ морскихъ раковинъ (каури) или подвѣсокъ изъ горнаго хрусталя, сердолика (янтарь попадается рѣдко), а также зубы, рыбьи челюсти (амулеты?) и т. п. Для мѣстностей западной Россіи особенно характерны большія округленныя бусы (можетъ быть пряслицы?) изъ красиваго краснаго шифера. Онѣ очень многочисленны и въ древности выдѣлывались въ этихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ; впрочемъ мастерскія ихъ до сихъ поръ еще не найдены *).

Сосуды въ могилахъ обыкновенно бываютъ поставлены у ногъ покойника. Почти всегда ихъ находятъ пустыми, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ нихъ находили и остатки пищи, птичьи кости и т. п., напр. въ Потаповѣ. Сдѣланы они и на кругѣ и отъ руки. Описанный уже нами выше славянскій типъ горшкообразныхъ сосудовъ, съ отогнутымъ краемъ и орнаментированный рядами горизонтальныхъ бороздокъ съ простой или сложной волнообразной линіей,—можно прослѣдить далеко на востокъ Россіи до губерній: Калужской, Костромской и Московской, а на сѣверъ — до Ярославской и Тверской. Всего чаще встрѣчается этотъ типъ въ долинѣ Днѣпра въ Смоленской губ. (примѣромъ можетъ служить гнѣздовскій могильникъ), въ долинахъ Припети (въ Минской губ.) и Десны. Но и въ Московской губ. въ бассейнѣ р. Клязьмы въ Богородскомъ у. встрѣчаются также этого рода сосуды, цѣлая коллекція которыхъ хранится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. Не менѣе многочисленны они и въ находкахъ Калужской губ., въ Мещовскомъ у. (Мощины, Спасскій Городецъ). Въ тверскомъ музеѣ находится подобный же сосудъ изъ Осташковскаго у., въ которомъ былъ спрятанъ кладъ серебряныхъ монетъ—чешскихъ грошей XIV столѣтія.

скаго унив. Другіе клады были найдены еще въ губерн. Таврической, Ставропольской, Смоленской (возлѣ имѣнія Долины въ Юхновскомъ у. 1855 г.), Полтавской (переяславскій кладъ со множествомъ золотыхъ серегъ кіевскаго типа); три клада были найдены въ самомъ Кіевѣ (одинъ въ 1880 г. на Большой-Житомірской ул., другой въ 1885 г. на Троицкой ул., третій въ 1887 г. во дворѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря), одинъ—въ Черниговѣ, на Александровской площади, и одинъ во Владимірѣ въ саду въ 1865 г. Клады эти относятся ко времени отъ X-го до XIII стол. [398]).

*) Мастерскія такихъ пряслицъ были найдены не такъ давно въ количествѣ по крайней мѣрѣ пяти (Нагоряны, Коптевщизна, Хайча, Каменьщина и Михайловка) въ Овручскомъ у. Волынск. губ. (См. L'Anthropologie, VI (1895) p. 7,8).

Примѣч. переводч.

Довольно многочисленны въ курганахъ и очень интересны остатки одежды. Это или остатки кожи или льняныхъ и шерстяныхъ тканей, часто встрѣчаются также парча и шелкъ. Голова покойника была, повидимому, часто

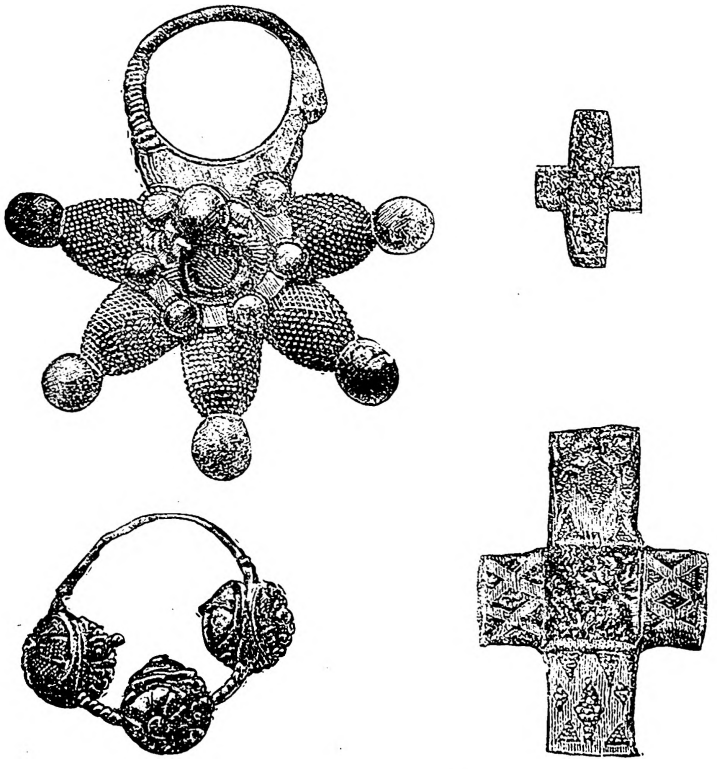


Рис. 440. Серьги и кресты изъ находокъ на берегу р. Оки возлѣ Старой-Рязани.

завернута въ тонкую или болѣе грубую ткань. На ногахъ носили кожаную обувь съ заостренными носками, какъ показываютъ нѣсколько находокъ, сдѣланныхъ въ Московской, Кіевской и др. губерніяхъ. Довольно многочисленны также находки монетъ — римскихъ, нѣмецкихъ, больше всего впрочемъ арабскихъ. Эти монеты относятся по преимуществу ко времени отъ IX до XI столѣтія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ было уже сказано, мы будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, могилы мѣстностей несомнѣнно славянскихъ. Изъ этихъ мѣстностей въ западной Россіи занимались болѣе всего раскопками бывшій варшавскій профессоръ Д. Я. Самоквасовъ и профессоръ кіевскаго университета В. Б. Антоновичъ, первый преимущественно въ Черниговской губ., второй—въ Кіевской.

Въ Черниговской губ. раскопано было много кургановъ въ окрестностяхъ г. Чернигова (главнымъ образомъ въ трехъ группахъ: возлѣ Троицкаго монастыря на р. Деснѣ, у впаденія въ Десну р. Бѣлоуса и на берегахъ р. Стрижня), затѣмъ возлѣ м. Седнева, Лариновки, Мериновки не-

далеко отъ Стародуба, возлѣ ст. Бахмачъ и Краснаго Берега на либаво-роменской жел. дор. Всѣ эти курганы, а также часть кургановъ Полтавской губ. (возлѣ Переяслава) Д. Я. Самоквасовъ считаетъ славянскими, сѣверянскими.

Костяки въ этихъ курганахъ находились обыкновенно ниже уровня почвы, лежали на спинѣ, головой къ западу; найденные при нихъ и перечисленные нами выше предметы не отличались богатствомъ. Вообще всѣ эти курганы съ остатками погребеній—болѣе поздняго времени. Древнѣйшіе курганы заключаютъ въ себѣ остатки трупосожженія; ихъ было найдено много въ разныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ самого Чернигова.

Примѣромъ замѣчательныхъ кургановъ этого рода могутъ служить извѣстные Чорна могила и Гульбище, раскопанные въ самомъ Черниговѣ. Тамъ были найдены сосуды съ пепломъ и бараньими костями (въ нихъ бронзовая человѣческая фигурка), два турьихъ рога, три желѣзныхъ шлема, желѣзный мечъ съ серебряной рукоятью, копья и стрѣлы, бронзовый щитъ, желѣзныя удила и стремена и двѣ византійскія монеты IX стол. Внизу всего этого въ курганѣ найдено было еще множество предметовъ въ томъ же родѣ и подобнаго же характера (оружія и украшеній) съ византійской монетой конца X столѣтія.

Отъ этихъ славянскихъ кургановъ Самоквасовъ отличаетъ курганы въ окрестностяхъ Суджи и Миропоря, въ западной части Курской губ. на р. Пслѣ, раскопанные имъ самимъ и еще раньше г. Дмитрюковымъ. Народъ называлъ ихъ прямо татарскими могилами, Самоквасовъ же призналъ ихъ принадлежащими какому-то кочевому неславянскому племени. Мнѣніе его основано отчасти на устройствѣ могилъ (мертвые были положены не въ ямѣ, а на поверхности земли), отчасти же на большемъ обиліи и иномъ характерѣ найденныхъ предметовъ (хотя въ числѣ ихъ были и височныя кольца), но ему въ значительной степени противорѣчитъ типъ череповъ, вполнѣ совпадающій съ типомъ череповъ сѣверянскихъ *). Здѣсь чаще встрѣчается и трупосожженіе; возлѣ Суджи часть могильника состояла изъ гробницъ съ остатками сожженія, отдѣльная же часть изъ могилъ съ костями. Сюда относятся затѣмъ и курганы возлѣ с. Липоваго, въ Роменскомъ у. Полтавской губ., со скелетами въ ямахъ и съ большимъ количествомъ серебряныхъ предметовъ (VIII—IX стол.).

Курганы Харьковской губерніи Самоквасовъ относитъ еще къ славянскимъ, но нѣкоторые изъ нихъ считаетъ принадлежащими не славянскимъ ко-

*) Несомнѣнно однако, что часть кургановъ южныхъ мѣстностей Россіи принадлежитъ жившимъ тамъ кочевымъ племенамъ. Половецкое поле, по лѣтописи 1207 г., начиналось отъ рязанской рѣки Прони и границу его на востокѣ составляетъ Осколъ; на юговостокѣ, по мнѣнію Забѣлина, на р. Пслѣ жило очень смѣшанное населеніе.

чевымъ племенамъ, напр. половцамъ. Въ Екатеринославской губ. Самоквасовъ считаетъ славянскими курганы, раскопанные имъ возлѣ Новогригорьевки.

Въ губерніяхъ Кіевской и Волынской и вообще въ странахъ древнихъ полянъ и древлянъ наиболѣе изслѣдованій было произведено В. Б. Антоновичемъ, издавшимъ въ 1893 г. прекрасное обобщеніе своихъ раскопокъ. Границу распространенія кургановъ древлянскаго типа представляетъ на сѣверѣ черта, проведенная южнѣе Припети, на востокѣ—теченіе Днѣпра отъ устья Припети до устья р. Ирпеня (по другой сторонѣ Днѣпра мы встрѣчаемся уже съ сѣверянскимъ типомъ), на югѣ—черта, тянущаяся отъ Днѣпра къ истокамъ р. Раставицы; на западъ типъ этотъ доходитъ вѣроятно до самой р. Случи. На этомъ пространствѣ В. Б. Антоновичъ насчиталъ 307 могильниковъ съ болѣе чѣмъ 7400 кургановъ. Изъ нихъ онъ самъ раскопалъ 261, между которыми 245 представляли древлянскій типъ, заключая въ себѣ вездѣ несожженныя тѣла, лежавшія не глубоко подъ поверхностью почвы, будучи часто окружены со всѣхъ сторонъ слоемъ угля. Въ каждомъ курганѣ былъ по большей части одинъ костякъ, лежавшій на спинѣ, головой къ западу. Характернымъ признакомъ древлянскихъ кургановъ является отсутствіе оружія и посуды. Чаще всего встрѣчаются украшенія, по большей части головныя діадемы и кольца, вплетенныя въ волосы.

Главные могильники этого типа были найдены у села Буки и возлѣ дер. Ягнятина на берегу р. Раставицы (наибольшіе могильники во всей Кіевской губ.), возлѣ м. Вчорайшого, возлѣ Грубскаго городища въ Сквирскомъ у. (височныя кольца), возлѣ села Стрижовки, гдѣ производилъ также раскопки г. Чеславъ Нейманъ, возлѣ Городища въ Радомысльскомъ у. и особенно въ окрестностяхъ гор. Житомира, на берегу р. Каменки, гдѣ послѣ Антоновича въ 1886 г. много кургановъ было раскопано С. С. Гамченкомъ. Здѣсь при скелетахъ также были найдены между прочими предметами и височныя кольца въ видѣ буквы S. Гамченко считаетъ этотъ могильникъ относящимся къ VII—IX ст. Изъ другихъ мѣстонахожденій Кіевской губ., не имѣющихъ уже древлянскаго характера и принадлежавшихъ, по мнѣнію В. Б. Антоновича, болѣе воинственному племени полянъ, наиболѣе замѣчательны: могильникъ у Самгородка, раскопанный Болесл. Поповскимъ, и главнымъ образомъ курганы по р.р. Роси и Рассавѣ, изслѣдованные Антоновичемъ и заключавшіе въ себѣ много разныхъ предметовъ и оружія. Антоновичъ считаетъ ихъ славянскими, другіе же, какъ напр. Сизовъ—неславянскими. Большое количество желѣзнаго оружія было найдено также въ гробницахъ возлѣ м. Кошеватаго и возлѣ с. Николаевки, въ Таращанскомъ у., а также возлѣ с.с. Пышекъ и Зеленки, Каневск. у.

На очень интересномъ кладбищѣ возлѣ Іорданской церкви въ Кіевѣ на

Подолѣ, въ одной могилѣ была найдена серебряная куфическая монета Абу-Джафара-аль-Мансура (754—775) и серебряный крестикъ съ ушками, прибитыми гвоздиками. Возлѣ с. Юрковецъ Липовецкаго у. былъ найденъ кладъ прекрасныхъ серебряныхъ филиграновыхъ украшеній, по мнѣнію Антоновича славянской работы, по нашему же мнѣнію скорѣе восточной.

Въ Минской губ. очень интересно Черниковское кладбище на р. Узѣ, въ которомъ были найдены, кромѣ могилъ, заключавшихъ кости, и могилы съ остатками трупосожженія и при томъ различнымъ образомъ устроенныя. Подобныя же могилы были найдены В. З. Завитневичемъ въ урочищѣ Кленикахъ въ Игуменскомъ у. и у г. Борисова на берегу р. Березины, въ Мозырскомъ у. у Скрыголова, а также возлѣ Ватожицъ Коморовичской волости и др. Здѣсь положеніе покойниковъ на уровнѣ почвы и въ ямахъ разграничивалось такимъ образомъ, что этотъ археологъ не задумался классифицировать курганы по указаннымъ двумъ признакамъ и видѣть

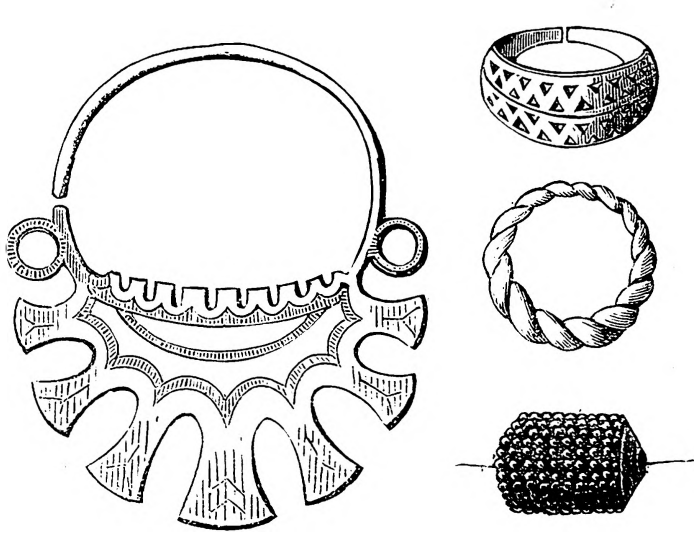


Рис. 441. Височная подвѣска и перстни изъ могилъ Московской губ. и типическая подвѣска изъ Минской губ.

въ нихъ могилы двухъ разныхъ сосѣдившихъ одно съ другимъ на р. Припети племенъ. Для него впрочемъ погребальный обрядъ служитъ главнымъ критеріемъ классификаціи вообще. Другое замѣчательное славянское кладбище въ Минской губ. было открыто г. Титомъ Соподзько возлѣ с. Муравы, на р. Березинѣ въ Игуменскомъ у. Тамъ были найдены при скелетахъ, лежавшихъ на доскахъ, кромѣ желѣзныхъ топоровъ и каменные. Изъ предметовъ, найденныхъ вообще въ курганахъ этой губерніи, наиболѣе характерны подвѣски, усаженныя на поверхности маленькими шаровидными шишеч-

ками, на подобіе ягодъ малины (рис. 441); въ Борисовскомъ и Минскомъ уѣздахъ довольно многочисленны также браслеты, неспаянные концы которыхъ обдѣланы въ видѣ змѣиныхъ головокъ. Пряжки приближаются вообще къ балтійскимъ типамъ, височныя кольца встрѣчаются довольно часто.

Въ Смоленской губ. прежде всего обращаютъ на себя вниманіе находки В. И. Сизова и В. Д. Соколова въ Гнѣздовскомъ могильникѣ съ остатками трупосожженія (въ Смоленскомъ у.) Вмѣстѣ съ большимъ количествомъ типическихъ славянскихъ сосудовъ съ орнаментомъ изъ волнистыхъ линій, здѣсь былъ найденъ цѣлый рядъ арабскихъ монетъ X вѣка, множество бронзовыхъ украшеній, желѣзное оружіе, огнива, шпоры и сассанидская бронзовая лампа. Погребальныя урны находились посреди курганной насыпи надъ слоемъ пепла и углей. Въ одномъ курганѣ было найдено полное вооруженіе воина: желѣзная кольчуга, остроконечный шлемъ, мечъ, умбо щита,—все по большей части поврежденное огнемъ и въ очень разрушенномъ состояніи. Между фибулами и пряжками оказались типическіе экземпляры скандинавскаго и балтійскаго типовъ, но—ни одного височнаго кольца. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что это погребеніе славянское, относящееся къ X-му вѣку. Другія замѣчательныя кладбища были изслѣдованы г. Керцелли возлѣ Юхнова и на р. Угрѣ. Тамъ уже курганы были съ костяками, лежавшими на спинѣ, головою къ западу. Между найденными при нихъ предметами интересны бронзовыя подвѣски, перстни съ ажурнымъ орнаментомъ (рис. 441), многочисленныя пряжки и пр. и наконецъ двѣ арабскія монеты. Подобныя же могилы были найдены возлѣ д. Зубова съ характерными сплетенными изъ проволоки браслетами, въ Бѣльскомъ у. возлѣ селъ Угрюмова, Прудянки, Заозерья, Янежина и т. п. Къ той же эпохѣ относятся и курганы, раскопанные г-жей Чебышевой на лѣвомъ берегу Днѣпра въ Смоленскомъ у. На серьгахъ были найдены остатки темныхъ прямыхъ волосъ, что замѣчено было и въ находкахъ Минской губ.

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ, кромѣ ихъ крайнихъ южныхъ и сѣверныхъ предѣловъ, мы съ большимъ правдоподобіемъ можемъ считать всѣ гробницы—славянскими.

Въ гораздо болѣе затруднительномъ положеніи окажемся мы при опредѣленіи принадлежности разныхъ могилъ, покрывающихъ равнины губерній Новгородской, Витебской, Тверской, Ярославской, Московской, Владимірской, Тульской, Орловской, Воронежской. Здѣсь въ теченіе разсматриваемой нами эпохи было несомнѣнно сильное смѣшеніе славянскаго элемента съ неславянскимъ, главнымъ обр. финскимъ *). Различать могильный археологиче-

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ между проч. и топографическія названія. Въ Ярославской, Костромской, Владимірской и Нижегородской губ. количество неславянскихъ топографическихъ названій очень велико, какъ указалъ напр. г. Износковъ

скій матеріалъ здѣсь очень трудно. Финны и славяне составляли несомнѣнно, какъ будетъ изложено въ нашей послѣдней главѣ, племенныя группы, весьма различныя въ этническомъ и главнымъ обр. лингвистическомъ отношеніяхъ. Но физически, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, часть финскихъ племенъ, перечисляемыхъ Начальной лѣтописью, была очень близка къ славянамъ, и погребальные обряды ихъ въ одной и той же мѣстности во всѣхъ могилахъ очень схожи, такъ что однѣ и тѣ же могилы были принимаемы нѣкоторыми за славянскія, а другими приписывались разнымъ урало-алтайскимъ племенамъ, третьи-же (Чертковъ) считали ихъ, наконецъ, варяжскими. Различить славянскія погребенія отъ неславянскихъ очень не легко, и мы считаемъ большой заслугой В. И. Сизова то, что онъ сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ отношеніи, о чемъ мы упоминали уже выше. Въ своемъ изложеніи мы не можемъ коснуться этого вопроса болѣе подробно, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе его въ отдѣльныхъ случаяхъ принадлежитъ по справедливости мѣстнымъ русскимъ изслѣдователямъ, и не можетъ быть сдѣлано авторомъ этой книги, далекимъ отъ Россіи и до сихъ поръ только въ скромныхъ размѣрахъ знакомымъ съ русскими памятниками. При томъ цвѣтущемъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время русская археологія, поддерживаемая и правительствомъ и частными лицами, можно надѣяться, что всѣ эти до сихъ поръ загадочные вопросы скоро дождутся своего разрѣшенія. Не можемъ не воспользоваться этимъ случаемъ для признанія того, что такая усиленно-обширная дѣятельность, какою отличаются напр. Императорское Археологическое Общество въ Москвѣ и Императорская Археологическая Комиссія въ Петербургѣ, а отчасти и другія общества, какъ напр. Петербургское, Одесское и Казанское,—рѣдко встрѣчается въ Европѣ, равно какъ и такія превосходныя изданія, какъ труды этихъ учрежденій и русскихъ археологическихъ съѣздовъ.

Могильники Витебской губ. имѣютъ по большей части финскій характеръ.

Въ Калужской губ. отмѣтимъ курганы съ остатками трупосожженія (могилъ съ костями очень много) возлѣ Шанькова въ Масальскомъ у., интересныя тѣмъ, что тамъ вмѣстѣ съ позднѣйшими фибулами римскаго провинціальнаго типа были найдены сосуды славянскаго характера съ орнаментомъ изъ волнистыхъ линій и нѣсколько меньшихъ сосудцевъ, сдѣланныхъ отъ руки съ блестящей черной поверхностью, напоминающей среднеевропейскую керамику болѣе древней эпохи. Въ томъ же уѣздѣ г. Булычевъ нашелъ чрезвычайно интересныя эмальированныя вещи. До этой губерніи

на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ въ 1887 г.; въ Московской губ. ихъ меньше, хотя самое названіе Москвы, какъ извѣстно, неславянское [399]).

достигало вѣроятно одно время сильное западное вліяніе съ Балтійскаго моря. Замѣчательно здѣсь также Мощинское городище и Спасскій Городецъ съ инвентаремъ вполнѣ славянскаго характера.

Въ Московской губ. работалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ извѣстный русскій антропологъ проф. А. П. Богдановъ, раскопавшій въ разныхъ мѣстахъ множество кургановъ (въ Московскомъ у. 15, въ Звенигородскомъ 13, въ Можайскомъ 5, въ Верейскомъ 22, въ Подольскомъ 17, въ Коломенскомъ 14, въ Богородскомъ 43 и т. д.) Кромѣ него производили раскопки возлѣ Потапова—Гатцукъ, въ Рузскомъ у. (возлѣ Волынщины, дер. Захряниной и с. Рыбушкина) и Подольскомъ у. (у Покрова)—Керцелли, Чертковъ, Нечаевъ и другіе, въ послѣднее время главнымъ обр. Вл. И. Сизовъ. Всѣ курганы здѣсь, хотя и принадлежатъ ко времени отъ VIII до X и XII стол., представляютъ много сходныхъ чертъ. Костяки въ нихъ находятся на материкѣ или ниже, часто на остаткахъ досокъ, въ вытянутомъ положеніи въ направленіи отъ запада къ востоку. Найденные при нихъ предметы очень многочисленны и типичны. Желѣзныхъ вещей (и вообще оружія) немного, но за то много предметовъ изъ серебра и бронзы (золотыя вещи не встрѣчаются). Между бронзовыми предметами для Московской губ. очень характерны височныя подвѣски (или височныя привѣски) формы представленной на рис. 441 *), затѣмъ перстни ажурные или изъ витой проволоки; очень многочисленны браслеты и шейныя гривны изъ нѣсколькихъ скрученныхъ вмѣстѣ проволокъ, подвѣски вродѣ лунообразнаго медальона (рис. 442) или такъ наз. «лунницы». Попадаются также и простыя или загнутыя въ видѣ буквы S височныя кольца (с. Казино, Обухово). Волосы, сохранившіеся на черепахъ почти всѣ каштановые или черные; Богдановъ находилъ и русые. Очень многочисленны возлѣ костей остатки тканей шерстяныхъ и шелковыхъ, остатки угля и обожженныхъ костей животныхъ. В. И. Сизовъ считаетъ курганы Московской губ. славянскими, но часть ихъ вѣроятно принадлежитъ и финнамъ. За то курганы сосѣднихъ восточныхъ губерній почти всѣ считаются фин-

Рис. 442. Подвѣска изъ Московской губерніи.

*) Объ этихъ извѣстныхъ семизубчатыхъ и семилепестныхъ славянскихъ височныхъ подвѣскахъ В. И. Сизовъ написалъ недавно превосходную статью (Археологич. Извѣстія и Замѣтки, Москва, 1895, № 6). Происхожденіемъ своимъ онѣ обязаны арабскимъ образцамъ, но затѣмъ арабская техника была замѣнена мѣстной «литой», а вмѣсто серебра начали употреблять сплавъ. Въ XII — XIII стол. было на нихъ только по 3 — 5 зубцовъ. Такъ же точно и типическія «лунницы», украшенныя зернью (granulées), были арабскаго происхожденія, но потомъ появились имитаціи ихъ въ Россіи — изъ сплава и съ литымъ орнаментомъ.

скими, а часть ихъ, благодаря изслѣдованіямъ знаменитаго русскаго археолога графа А. С. Уварова, соединяется въ группу Мерянскихъ кургановъ. Поселенія финскаго племени мерянъ (Мери) по словамъ Начальной лѣтописи были расположены въ нынѣшнихъ губерніяхъ Ярославской, Владимірской, части Московской, Тверской, Вологодской, Рязанской и Нижегородской. На западѣ сосѣдями ихъ были славяне (кривичи и вятичи), а съ прочихъ сторонъ они были окружены своими соплеменниками, которыхъ Повѣсть времянныхъ лѣтъ называетъ Муромой, Мордвой, Черемисой и Весью.

Въ мерянскихъ курганахъ мы встрѣчаемся съ обоими похоронными типами въ теченіе одной и той-же эпохи, какъ свидѣтельствуютъ находки однѣхъ и тѣхъ-же монетъ по большей части X—XI вѣковъ. Позже начинаютъ уже появляться въ курганахъ и христіанскіе символы, причемъ трупосожженіе прекращается *). Курганы съ остатками сожженія труповъ заключаютъ въ себѣ погребальныя урны, но возлѣ нихъ часто попадаются и человѣческія кости

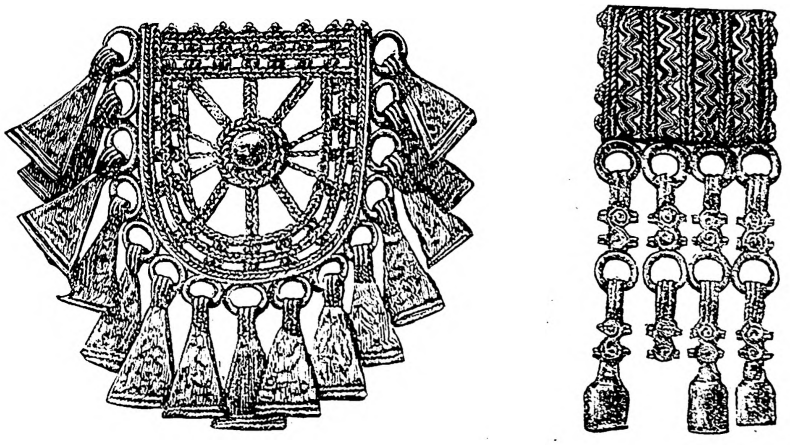


Рис. 443—444. Бронзовыя подвѣски изъ финскихъ могилъ.

(жертвы?) Костяки въ курганахъ лежатъ на спинѣ съ руками, вытянутыми вдоль тѣла или сложенными на груди, головой къ западу. Въ болѣе богатыхъ гробницахъ встрѣчаются и конскія кости. Погребальный инвентарь заключаетъ въ себѣ много предметовъ, съ которыми намъ уже приходилось

*) Интересное изслѣдованіе о крестикахъ и образкахъ въ языческихъ могилахъ средней и западной Россіи было представлено на X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ проф. Д. Н. Анучинымъ. Фактъ нахожденія подобныхъ символовъ въ могилахъ съ остатками трупосожженія и въ курганахъ, въ видѣ амулетовъ на шеѣ и подвѣсокъ къ серьгамъ (раскопки Ф. Д. Нефедова въ Костромск. губ.), онъ сопоставляетъ съ современными этнографическими данными изъ быта инородцевъ (остяковъ). *Примѣч. переводч.*

встрѣчаться въ предшествовавшихъ курганахъ *). Наиболѣе характерными, впрочемъ, для этихъ финскихъ могилъ оказываются: масса бронзовыхъ украшеній, больше всего подвѣсокъ, которыя, хотя и литыя, указываютъ своей орнаментаціей на первоначальные образцы изъ плетеной и крученной проволоки (рис. 457, 458); спиральные браслеты венгерскаго типа; типическія фибулы, къ которымъ присоединяется еще цѣлый рядъ разныхъ другихъ украшеній (рис. 443—444). Оружіе по большей части желѣзное: сѣкиры разныхъ формъ, короткіе кинжалы, ножи, копья и стрѣлы,—рѣже мечи (рис. 448). Но кромѣ желѣзнаго оружія, мы встрѣчаемся здѣсь еще и съ каменными топорами и стрѣлами. При женскихъ скелетахъ часто находятъ ножницы. Между глиняными сосудами встрѣчаются и деревянныя, окованныя ведерки.

Рис. 445—447. Фибула, крестикъ и серьга изъ мерянскихъ гробницъ.

Наиболѣе замѣчательныя группы кургановъ этого финскаго характера были найдены въ Рязанской губ., напр. г. Нефедовымъ возлѣ с. Парашина и Поповскаго въ Касимовскомъ у. Графъ Ѳ. А. Уваровъ (сынъ) описалъ могильникъ съ очень интересными находками въ Курманѣ того же уѣзда **). Въ

*) Большое количество височныхъ колецъ было найдено прицѣпленными къ кускамъ кожи, но закругленнаго въ видѣ буквы S конца ихъ здѣсь на востокѣ мы болѣе не встрѣчаемъ; если и встрѣчаются закругленные концы, то только въ видѣ простаго загиба.

**) Обстоятельныя свѣдѣнія о могильникахъ и курганахъ Рязанской губ. были представлены на Рижскомъ археолог. съѣздѣ проф. П. Н. Милюковымъ и А. И. Черепнинымъ. Могильники древнѣе кургановъ и принадлежали очевидно финскимъ племенамъ; въ нихъ встрѣчается мѣстами трупосожженіе, монетъ еще нѣтъ, фибулы указываютъ на эпоху приблиз. VII—VIII в. Курганы-же относятся къ болѣе позднему времени (XI—XII-в.). Одинъ изъ курганныхъ типовъ, характеризующійся погребеніями въ неглубокихъ ямахъ, обкладкой трупа берестой или лубомъ, слѣдами угля на извѣстной высотѣ въ толщѣ кургана, присутствіемъ горшка въ ногахъ и проч., П. Н. Милюковъ приписываетъ кривичамъ, указывая на то, что могилы съ такой же или сходной обстановкой тянутся на пространствѣ

Владимірской губерніи г. Керцелли дѣлалъ раскопки въ Муромскомъ у. на р. Племи, г. Добрынкинъ—возлѣ Максимовки; въ Тамбовской губ., въ долинѣ р. Цны въ Моршанскомъ у., были найдены курганы съ очень типичными фибулами.

Въ губерніяхъ Тверской и Ярославской отмѣтимъ по крайней мѣрѣ могильники, найденные при д. Заборье съ монетами XI стол. А. П. Кельсіевъ и гр. А. С. Уваровъ приписываютъ вообще большую часть здѣшнихъ погребеній мерянамъ, какъ напр. находки возлѣ Кирьякова, Клементьева, у дер. Вороновой, у Дертниковъ и т. п. Возлѣ Тимерева г. Кельсіевъ нашелъ могильникъ въ большей части съ остатками трупосожженія; при одномъ костякѣ въ немъ оказалась нѣмецкая монета X стол.; сосуды были сдѣланы на гончарномъ кругѣ. Другіе замѣчательные могильники были изслѣдованы Я. А. Ушаковымъ возлѣ с. Жукова въ Угличскомъ у. (желѣзные топоры, ножи, се-

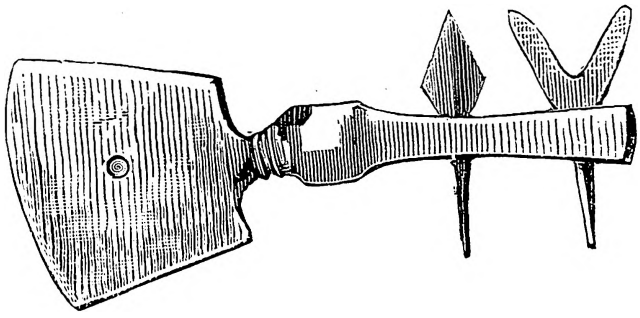


Рис. 448. Желѣзный топоръ и стрѣлы изъ мерянскихъ кургановъ.

ребряные медальоны, стеклянныя подвѣски, нѣмецкія и арабскія монеты) и Л. Н. Бастамовымъ въ Старицкомъ у. Эти курганы были бѣдны предметами, но на темныхъ волосахъ череповъ оказались височныя, загнутыя на концѣ, кольца. Богатый курганъ этой эпохи былъ раскопанъ еще г. Ушаковымъ на р. Юхоти.

Въ губерніяхъ С.-Петербургской и Новгородской было раскопано довольно много кургановъ, опредѣлить принадлежность которыхъ оказывается затруднительнымъ; таковы напр. курганы возлѣ с. Косицкаго (немногіе бронзовые и стеклянные предметы), у Волотова недалеко отъ Новгорода (вовсе безъ находокъ), бѣдные курганы съ остатками трупосожженія на р. Волховѣ и у оз. Ильменя, приписываемые г. Бранденбургомъ славянамъ.

Въ восточныхъ, главн. обр. поволжскихъ и приуральскихъ губерніяхъ, почти всѣ курганы этой эпохи, разумѣется, не славянскіе. Такіе курганы были раскопаны напр. покойнымъ А. С. Гацисскимъ у с.с. Баранникова,

---

отъ Мстиславскаго у. Могилевской губ., черезъ нѣкоторые уѣзды Смоленской, Тульской и Рязанской до Московской включительно. *Прим. переводч.*

Бокова и др., въ Нижегородской губерніи, а также въ той же губерніи. Дружкинымъ (предметы описаны проф. Анучинымъ); г. Поливановымъ—возлѣ Сызрани въ муранскомъ могильникѣ (но уже съ монетами XIV ст.) [400]) и др. Не можемъ также не упомянуть здѣсь о богатомъ мѣстонахожденіи древностей на мѣстѣ древнихъ Болгаръ, возлѣ с. Успенскаго въ Спасскомъ у. Казанской губ. Пермская губ. отличается находками цѣлаго ряда массивныхъ серебряныхъ шейныхъ гривнъ и большого количества серебряныхъ блюдъ и сосудовъ восточнаго издѣлія (сассанидской эпохи) (ср. стр. 519).

Оренбургскій край между Волгой, Камой и Каспійскимъ моремъ началъ населяться русскими только въ XVI ст. изъ Казани. Поэтому всѣ почти курганы разсматриваемой нами эпохи въ этой мѣстности мы можемъ считать не славянскими. Много раскопокъ въ этомъ краѣ (также въ Тургайской области) были произведены въ концѣ 80-хъ годовъ Ф. Д. Нефедовымъ, результаты изслѣдованій котораго издаются теперь Мос. Археологическимъ Обществомъ. Большая часть древнихъ могилъ здѣсь приписывается народомъ также Чуди, нѣкоторыя же ногайцамъ и другимъ кочевникамъ. Но описаніе этихъ и прочихъ инородческихъ могилъ въ Россіи выходитъ уже изъ предѣловъ нашего изложенія.

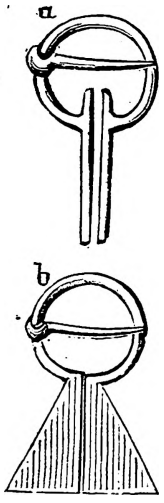


Рис. 449. Типическія пряжки изъ кургановъ поволжскихъ губерній.

Болѣе подходящимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о такъ назыв. каменныхъ бабахъ русскихъ кургановъ.

Вопросъ о томъ, что такое представляютъ собой и кому принадлежатъ курганы, на которыхъ были поставлены каменныя бабы, занималъ уже очень многихъ и русскихъ и не русскихъ археологовъ. Теперь можно, кажется, сказать съ достовѣрностью, что они относятся къ эпохѣ появленія въ Южной Россіи тюркскихъ народовъ и что они насыпались надъ могилами различныхъ племенъ урало-алтайской вѣтви.

Первыя свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ были сообщены монахомъ Вильгельмомъ Рубруквисомъ, который въ 1253 г. былъ посланъ королемъ Людовикомъ IX къ монгольскому хану и который имѣлъ случай наблюдать у половцевъ обычай ставить послѣ погребенія на курганъ статую съ сосудцемъ въ рукахъ. Другое древнее извѣстіе о томъ же обычаѣ находится въ новгородской лѣтописи подъ 1398 годомъ, затѣмъ подобныя же извѣстія были записаны барономъ Герберштейномъ въ его запискахъ о Московіи, составленныхъ по случаю его посольства къ московскому в. князю Василію III., имѣются у нѣмецкаго посланника Эриха Лассоты (1594 г.) и др.

Каменныя бабы—это грубо сдѣланныя изъ песчаника или гранита изваянія, изображающія сидячую или стоячую человѣческую фигуру съ руками, прижатыми къ передней части тѣла и держащими обыкновенно чашу. Нѣкоторыя фигуры представлены одѣтыми, другія обнаженными. Представляютъ онѣ собою лица чаще женскаго, но иногда и мужскаго пола. У мужскихъ изображеній часто можно различить усы, на головѣ шапку, возлѣ пояса ножъ или мечъ съ одной стороны и колчанъ съ другой, на ногахъ сапоги. На женскихъ фигурахъ изображены высокіе головные уборы (въ родѣ башлыковъ) и обозначены груди [401]).

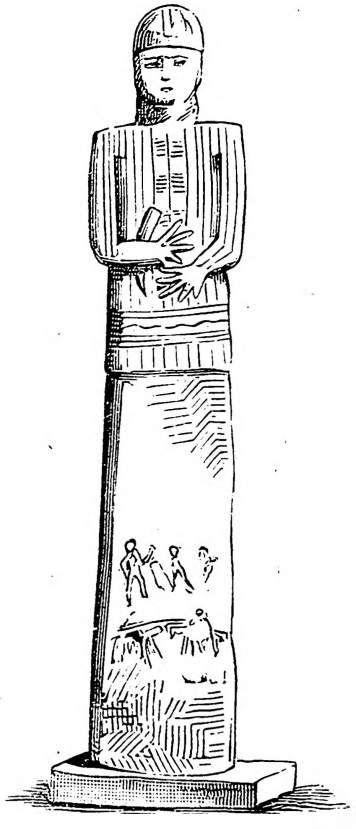


Рис. 450. Каменная баба, найденная возлѣ Пятигорска.

Уже географическое распространеніе этихъ памятниковъ указываетъ съ очевидностью на то, что они не славянскаго происхожденія, а также не финскаго и не готскаго, какъ показывалъ Гензельманнъ, но монголо-тюркскаго. По словамъ Ядринцева, они встрѣчаются въ сѣверной Монголіи, на Алтаѣ, въ окрестностяхъ Кульджи, Вѣрнаго, Иссыкъ-Куля, въ Киргизской степи, откуда переходятъ въ Южную Россію и доходятъ даже до Галичины, до г. Калиша и даже до восточной Германіи [402]). Въ Украинѣ они чаще всего встрѣчаются въ Таврической губ., въ Екатеринославской (главн. обр. въ Славяносербскомъ у.), затѣмъ въ южной части Харьковской и Херсонской губ. Не очень давно ихъ было тамъ еще очень много, теперь большая часть ихъ или уничтожена или увезена. Нѣкоторые предполагаютъ, что это статуи религіозныя—идолы. Но болѣе вѣроятно представляется намъ, что онѣ представляютъ собою изображенія умершихъ, погребенныхъ подъ курганомъ, или вообще—намогильные памятники.

Въ нынѣшней Финляндіи и на сѣверѣ Россіи могильныя находки по своему общему характеру приближаются къ остальнымъ русскимъ. Здѣсь только необходимо отмѣтить довольно значительное скандинавское вліяніе. До извѣстной

степени, то же можно сказать и о Лифляндіи и Эстляндіи. Тамъ вліяніе германской культуры настолько сильно, что г. Аспелинъ прямо связываетъ его съ заселеніемъ этихъ странъ германскими колонистами, племенемъ, которое Іорданъ называетъ розомонами.

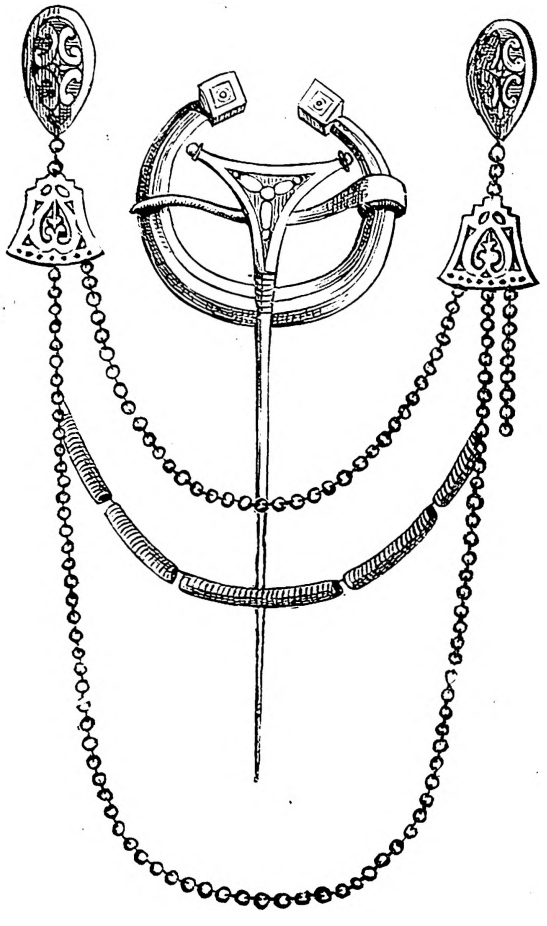


Рис. 451. Цѣпи съ бляхами, пряжка и булавка изъ гробницы въ Ашераденѣ.

Могилы Прибалтійскаго края были уже много лѣтъ тому назадъ изслѣдованы Фр. Крузе и І. Бэромъ [403]). Изъ нихъ мы отмѣтимъ замѣчательный могильникъ возлѣ Ашерадена, гдѣ кромѣ оружія было найдено множество своеобразныхъ пряжекъ, нагрудныя украшенія, состоящія изъ двухъ бляшекъ, прикалывавшихся къ плечамъ и соединявшихся между собою металлическими цѣпочками, булавки своеобразной формы, браслеты съ концами въ формѣ кубиковъ (рис. 451). Встрѣчаются также и эмальированные предметы. Находки хранятся отчасти въ Рижскомъ музеѣ, отчасти же въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Мы сдѣлали бы очень важный пропускъ, не посвятивши въ концѣ этой главы хотя небольшую часть нашего изложенія указанію на восточное, и именно арабское вліяніе, которое въ концѣ І-го тысячелѣтія въ значительной мѣрѣ начало проникать во всѣ славянскія земли и оказало во многихъ отношеніяхъ большое воздѣйствіе на развитіе славянской культуры. Вліяніе это проникало путемъ частыхъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ при посредствѣ купцовъ, главнымъ образомъ арабскихъ [404]). Мы уже не разъ имѣли случай указывать на то, что еще съ очень давнихъ временъ существовали близкія торговыя связи между восточной Европой и западной Азіей, сосредоточивавшіяся главнымъ образомъ на торговомъ пути черезъ Хвалынское море по Волгѣ вверхъ въ среднюю Россію. Но Черное море съ устьями Дона, и глав-

нымъ образомъ Днѣпра, служило также торговымъ путемъ въ очень значительной степени.

Арабская торговля съ Русью началась еще съ VIII вѣка, когда арабы подъ управленіемъ преемниковъ Магомета расширяли далеко свое господство, а городъ Багдадъ съ его гаванью Басрой сдѣлался центромъ восточной торговли между Индіей, Африкой, Китаемъ и Сѣверными странами. Кромѣ арабовъ большое участіе въ торговлѣ принимали и евреи. «Они говорятъ по персидски, по гречески, по арабски, по французски, по испански и по славянски и ѣздятъ съ запада на востокъ по водѣ и по сушѣ», говоритъ о нихъ Ибнъ-Хурдадбигъ. Когда же калифъ Омаръ изгналъ евреевъ изъ Аравіи, они переселились на сѣверъ, особенно на Волгу къ хазарамъ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній объ арабской торговлѣ въ Европѣ служатъ намъ, съ одной стороны, многочисленныя находки арабскихъ монетъ и украшеній восточнаго стиля, а съ другой—прямыя извѣстія арабскихъ и еврейскихъ торговцевъ и путешественниковъ. Между ними наиболѣе замѣчательны Ибн-Хурдадбигъ (ум. въ 912 г.), Ахмедъ Ибн-Аби Якубъ (жилъ около 890 г.), Ибн-Фоцланъ (путешествовавшій въ 911—912 годахъ, отрывки его путешествій сохранились у Якута и Казвини), Абу-Ишакъ ал-Истахри, Абу-л-Касимъ Ибн-Хаукалъ, Масуди (ум. въ 956 г.); Ибрагимъ бен-Якубъ (путешествовалъ въ 973 г., описанія его сохранились у Абу-Убаида аль Бекри), Мукаддаси (книга конца X стол.). Представляютъ также важность географическій словарь Якута (ум. въ 1229 г.) и космографія Казвини (ум. въ 1183 г.), труды Идриси, Димиски, Абулфеды и Ибн-Батуты *).

Процвѣтанію арабской торговли способствовало очень многое; ее поддерживала въ странахъ, гдѣ распространялся исламъ, сама религія, съ другой стороны ей содѣйствовала и обширность арабскаго калифата и чрезвычайно широкое,—для того времени всемірное—распространеніе арабскаго языка, на которомъ говорили отъ Индіи до Пиренеевъ. На востокѣ арабы ѣздили по обновленіи прежнихъ сухопутныхъ и морскихъ путей до самаго Китая и Индіи, на югѣ—даже въ южную Африку и на сѣверѣ до странъ сѣверной Европы. Проникновенію арабской торговли въ частности на сѣверъ, въ Россію помогло также въ значительной степени нарушеніе связи между Визан-

*) Нѣкоторые изъ нихъ сохранили для насъ очень важныя извѣстія о славянахъ, которыхъ они называютъ обыкновенно сакалибами [405]). Названіе Русь у нихъ очень неясно. Прежде отождествляли руссовъ арабскихъ писателей съ варяго-руссами, потомъ принимали ихъ за финское племя, за славянъ или же за норманновъ, вскорѣ потомъ ославянившихся. Необходимо, разумѣется, имѣть при этомъ въ виду, что слово Русь уже въ XI стол. употреблялось для обозначенія всѣхъ восточныхъ славянъ. Ср. мѣсто лѣтописи: „Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, и т. д.“ (Ипат. 6).

тійской имперіей и Сиріей и Египтомъ, а затѣмъ и разные эдикты папской и иныхъ властей Италіи, запрещавшіе торговлю съ Египтомъ и Левантомъ.

Арабская торговля шла на сѣверъ черезъ страну хазаръ на устьяхъ Волги (съ главнымъ городомъ Итилемъ), вверхъ по этой рѣкѣ, черезъ землю буртасовъ, къ нынѣшней Казани, въ приволжскую Болгарію. Здѣсь былъ большой торговый центръ, куда приходили купцы изъ средней Россіи и съ запада, съ Балтійскаго моря. Страна къ сѣверу отъ Болгаръ—Uîsü—не посѣщалась уже купцами. Другимъ торговымъ центромъ былъ Кіевъ, какъ мѣсто встрѣчи южныхъ и русскихъ торговцевъ съ сѣверными. По Дону, Днѣпру и вѣроятно также и по Днѣстру до самаго Чернаго моря очень дѣятельно торговали въ особенности норманны. Изъ Кіева торговля распространялась дальше на сѣверъ и западъ, и нѣкоторые славянскіе города, какъ напр. Краковъ, Великій Новгородъ, Гольмгардъ, Юмнета и Прага скоро пріобрѣли уже извѣстность и ихъ рынки сдѣлались очень посѣщаемыми. Ибрагимъ бен-Якубъ, бывшій въ Прагѣ въ 973 г., описываетъ ее (это описаніе сохранилось у Абу-Убаида-аль-Бекри) слѣдующимъ образомъ: «Городъ Прага (Frâga) построенъ изъ камня и извести и благодаря своей торговлѣ—богатѣйшій изъ городовъ. Руссы и славяне приходятъ туда съ своими товарами изъ Кракова, мусульмане, жиды и турки изъ турецкой земли съ товарами и византійскими миткалами (родъ монеты) и вымѣниваютъ на нихъ рабовъ и бобровые и другіе мѣха. Земля ихъ (жителей Праги) лучшая изъ сѣверныхъ странъ и наиболѣе богатая средствами жизни. У нихъ за одинъ кншаръ продается столько пшеницы, сколько надо одному человѣку на цѣлый мѣсяцъ, а ячменя за ту же цѣну такое количество, которымъ можно прокормить коня въ теченіе 40 дней. У нихъ можно купить также за одинъ кншаръ десять курицъ *). А въ городѣ Прагѣ дѣлаютъ сѣдла, уздечки и обыкновенные щиты, какіе употребляются въ этихъ странахъ. Въ странахъ Бвимы (Чеховъ) выдѣлываютъ легкія одежды изъ чрезвычайно тонкой ткани, какъ сѣть, которая ни къ чему не годится. Обыкновенная цѣна имъ у нихъ одинъ кншаръ за десять одеждъ. Ими они платятъ и дѣлаютъ подарки другъ другу; ими наполнены у нихъ цѣлые сундуки и эти одеженки считаются у нихъ

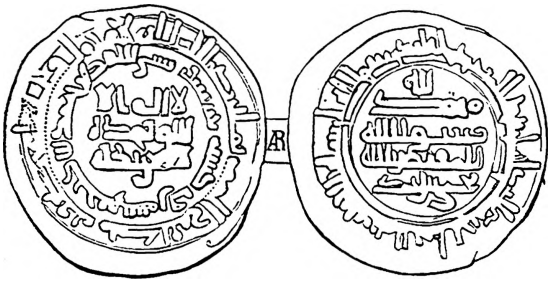


Рис. 452. Арабскій диргемъ, битый въ Самаркандѣ въ 903 г.

*) По переводу бар. Розена. Слово кншаръ довольно темное; de Goeje читаетъ это мѣсто pensê—пѣнязь.

богатствомъ и самой цѣнной вещью. За нихъ они покупаютъ пшеницу и муку, лошадей и золото, серебро и другія вещи».

Наиболѣе процвѣтала арабская торговля послѣ паденія великаго государства калифовъ, во время господства менѣе значительной династіи Саманидовъ въ Хорассанѣ, основателемъ которой былъ Измаилъ (893—907). Лучшимъ свидѣтельствомъ этого являются многочисленныя, а иногда очень богатыя находки арабскихъ монетъ въ большей части Европы. Возлѣ г. Мурома Владимірской губ. былъ найденъ напр. кладъ, состоявшій изъ 11,077 монетъ, почти исключительно саманидскихъ. Количество арабскихъ монетъ, найденныхъ вообще въ Европѣ, доходитъ до ста тысячъ. Кромѣ того въ Европѣ арабскія монеты также и поддѣлывались. Онѣ представляютъ собою деньги изъ тонкой серебряной пластинки, называемыя диргемами (рис. 452) и чеканенныя въ разныхъ городахъ (Самаркандѣ, Шашѣ, Балхѣ, Багдадѣ), очень часто также и въ г. Куфѣ, имѣвшемъ для своихъ священныхъ книгъ особенныя (куфическія) письмена. Арабскія монеты были находимы довольно часто въ Германіи, особенно сѣверной (Помераніи, Мекленбургѣ, Шлезвигѣ, Гольштейнѣ и Бранденбургѣ). Въ средней Европѣ онѣ рѣдки, *) но за то опять многочисленны какъ на югѣ, въ Италіи и Испаніи, такъ и на сѣверѣ—въ Даніи и Скандинавіи. Наиболѣе же часто находили ихъ въ Россіи, гдѣ онѣ давно уже были описаны Френомъ и Савельевымъ [406]). Самыя позднѣйшія изъ этихъ монетъ относятся къ началу XI столѣтія. Затѣмъ торговля очевидно прекратилась вслѣдствіе различныхъ причинъ. Съ одной стороны Русь начала воевать съ волжскими болгарами, съ другой-же—торговля начала переходить въ руки венеціанцевъ и нормановъ, вообще въ итальянскіе города.

Диргемы попадаются часто разломанными и разрубленными, очевидно съ цѣлью полученія болѣе мелкой монеты (въ Германіи такъ наз. Hacksilber, см. прим. на стр. 551). Кромѣ того они служили также украшеніями въ видѣ подвѣсокъ и т. п., какъ это видно по находкамъ монетъ съ дырочками. Изъ европейскихъ странъ арабскіе и еврейскіе купцы вывозили скотъ, ловчихъ соколовъ, мамонтовые бивни, изъ Россіи главнымъ образомъ мѣха (лисицъ, соболей, горностаевъ, куницъ, бобровъ), затѣмъ разные продукты рыболовства (клей, сушеную рыбу), медъ, воскъ, хлѣбъ, а также янтарь, ладонъ, разные металлы (гл. обр. олово), оружіе и рабовъ. Рабовъ-славянъ мы находимъ вездѣ — въ Хорассанѣ, въ Византіи, въ Италіи. Въ Испаніи они образовали собою даже цѣлыя славянскія колоніи. Въ Прагѣ торговали ими уже и тогда евреи **), иногда мадьяры и т. п. На сѣверъ

*) Въ Чехіи по словамъ Эд. Фіалà, приводимымъ проф. Пичемъ, была найденà только одна арабская монета у Литомержицъ.

**) Евреи же ихъ и кастрировали. О славянахъ-евнухахъ на Востокѣ Ибн-Хаукалъ говоритъ, что всѣ кастрированные славяне представляютъ со-

арабскіе купцы привозили разныя дорогія ткани, главнымъ образомъ хлопчатобумажныя и шелковыя, атласъ, парчу, ковры, затѣмъ оружіе, сирійскіе стеклянные товары (ср. стр. 350—351), разные туалетные предметы, какъ напр. металлическія зеркала, но прежде всего, разумѣется, ювелирныя издѣлія восточнаго характера, о которыхъ мы имѣли уже столько случаевъ упоминать. Украшенія были большей частью серебряныя. Вирховъ полагаетъ, что и часть височныхъ колецъ въ видѣ буквы S, главнымъ образомъ серебряныя, тоже ввозились арабами. Съ юга доставлялись еще морскія раковинки (каури) и вино (изъ Семендера).

Таково было состояніе и отношенія культуръ двухъ главныхъ великихъ народовъ, которые послѣ паденія римской имперіи завладѣли большею частью Европы—германцевъ и славянъ—въ эпоху появленія христіанства. У славянъ, конечно, и послѣ введенія христіанства во многихъ мѣстностяхъ долго еще держались остатки язычества. Съ другой стороны, какъ извѣстно, христіанство не вездѣ было принято съ миромъ и любовью, крестъ часто обагрялся кровью и проповѣдниковъ и крестимыхъ. У полабскихъ славянъ введеніе христіанства означало вмѣстѣ съ тѣмъ и истребленіе народа, у прочихъ—по крайней мѣрѣ раздробленіе и порабощеніе. «Nulla de christianitate fuit mentio sed tantum de pecunia»—такъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Гельмольдъ о крещеніи славянъ.

Съ появленіемъ христіанства древняя языческая культура или исчезла вовсе, или же значительно измѣнилась, приспособившись къ новымъ идеямъ, новымъ нравамъ и обычаямъ. Поэтому мы можемъ не безъ основанія отодвинуть конецъ доисторической эпохи въ средней, восточной и сѣверной Европѣ за границы исторіи въ обыденномъ смыслѣ этого слова, до времени принятія христіанства. Предметъ доисторической археологіи составляетъ изученіе культуры, а въ развитіи послѣдней введеніе христіанства представляетъ опредѣленную и многознаменательную черту.

Для насъ, славянъ, имѣетъ при этомъ весьма важное значеніе фактъ принятія новой религіи съ двухъ сторонъ: западными славянами—изъ Германіи и восточными—изъ Византіи. Послѣдніе были счастливѣе. Мы говоримъ здѣсь не о догматическихъ вопросахъ раздѣленія церквей, которое, какъ извѣстно, произошло гораздо позже, а только о томъ, что восточнымъ славянамъ новая религія была принесена на ихъ родномъ языкѣ, а не на томъ, какой былъ принесенъ къ западнымъ славянамъ нѣмцами, вслѣдствіе чего религія эта сдѣлалась у нихъ болѣе народною, а послѣ раз-

---

бою испанскій товаръ, такъ какъ тамъ ихъ кастрируютъ торгующіе ими жиды. Славяне же, доставлявшіеся прямо въ Хорассанъ, не были кастрированы. О томъ же свидѣтельствуетъ Мукаддаси и Ар-Ракикъ.

дѣленія церквей составила для восточныхъ славянъ твердый національный оплотъ противъ культурнаго порабощенія иноземцами, поддерживая въ очень сильной степени національную чистоту и индивидуальность. Послѣдствія этого факта не изчезнутъ никогда изъ исторіи славянства. Мы, западные славяне, подпали подъ культурное вліяніе Германіи и Рима, воспользовались поэтому очень многимъ въ интеллектуальномъ просвѣтительномъ отношеніи, но за то потеряли всякую реальную связь съ восточной половиной славянства. Всякое искусственное связываніе нашей культуры съ восточною— русскою было-бы теперь напраснымъ. Взаимныя сношенія, если и существовали, были слабы, а нѣмецкая очень зоркая администрація всегда умѣла мѣшать имъ и уничтожать ихъ послѣдствія. Мы остаемся разъединенными, но языкъ и умѣло пробуждаемое народное чувство всегда напоминаютъ намъ, что мы принадлежимъ всѣ къ одному великому славянскому племени.

ГЛАВА X.

Европейскія племена въ концѣ доисторической эпохи.

Развитіе европейскихъ племенъ и народовъ.—Типъ череповъ германскихъ рядовыхъ гробницъ.—Вопросъ о первоначальномъ типѣ германцевъ и славянъ.

Въ концѣ каменнаго вѣка Европа была населена уже нѣсколькими племенами. О типѣ населенія тогдашней средней и восточной Европы съ антропологической точки зрѣнія мы знаемъ лишь постольку, поскольку можемъ о томъ судить по сохранившимся черепамъ и костямъ, какъ это было уже кратко изложено нами въ IV главѣ. Этого, впрочемъ, достаточно, чтобы сказать съ полной опредѣленностью, что никакого единства типа въ то время уже не было. Наиболѣе выдѣляются въ эту эпоху два типа: типъ короткоголовый и типъ длинноголовый [407]). Какъ назывались тогдашніе народы, мы не знаемъ. Очень трудно также привесть ихъ въ какое-нибудь соотношеніе съ которой нибудь изъ племенныхъ группъ, имѣющихъ свое имя въ исторіи. Можно полагать только, что на югѣ Европы, судя по нѣкоторымъ сохранившимся извѣстіямъ о наиболѣе древнихъ обитателяхъ Испаніи, Галліи, Италіи и пр.,—иберы и лигуры относились еще къ этому первобытному населенію каменнаго вѣка и что въ средней части восточной Европы жила уже группа племенъ, которую мы привыкли называть арійскою или индоевропейскою.

Въ теченіе эпохи металловъ населеніе Европы сдѣлалось болѣе сложнымъ. Первоначальные засельники отдѣльныхъ мѣстностей подъ давленіемъ разныхъ внутреннихъ факторовъ передвигались съ мѣста на мѣсто, подвергались развитію и дифференцированію, отдѣльныя племена каменнаго вѣка сближались и смѣшивались между собою, а ко всему этому изъ сосѣднихъ странъ, главнымъ образомъ изъ великой азіатской родины народовъ, прибывали постоянно новые элементы, новыя приращенія, различныя и въ антропологическомъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Все это великое развитіе и передвиженіе европейскихъ народовъ еще очень темно для насъ, и намъ болѣе или менѣе извѣстны изъ него только единичныя теченія и моменты,

хотя и они по большей части далеко не вполнѣ еще освѣщены и выяснены научнымъ образомъ. Въ предыдущихъ главахъ мы уже упоминали о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся изъ этихъ моментовъ и поэтому не имѣемъ надобности больше говорить о нихъ. Мы указывали на колонизацію береговъ Средиземнаго моря азіатскими семитами, на заселеніе (по новѣйшимъ гипотезамъ) части южно-европейскаго материка—Греціи и Италіи—пелазгами и этрусками, пришедшими изъ западныхъ странъ Азіи, на постепенное занятіе восточной Европы, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до самыхъ позднѣйшихъ, новыми племенами иранскаго, финскаго, тюрко-татарскаго корня или даже неизвѣстнаго происхожденія, приходившими черезъ Кавказъ, черезъ Общій Сыртъ и Уралъ — скиѳами, сарматами, разными финскими племенами, половцами, мадьярами, гуннами, аварами, болгарами и наконецъ татарами... Къ концу каменнаго вѣка и къ началу эпохи металловъ относится также и окончательное раздѣленіе первоначально единаго арійскаго племени, которое, по нашему мнѣнію, развилось въ Европѣ (между Балтійскимъ и Чернымъ морями) изъ первоначальныхъ долихоцефаловъ болѣе древнихъ эпохъ и тамъ же отчасти измѣнило, какъ увидимъ далѣе, и свой внѣшній типъ.

Оттуда разошлись по Европѣ и Азіи различныя его вѣтви: галлы и германцы на западъ, италійцы, греки, фригійцы, албанцы и ѳракійцы—на югъ. ирано-индусы въ Азію, смѣшиваясь повсюду съ болѣе древними и вновь прибывавшими элементами.

Принявъ все это во вниманіе, станетъ понятнымъ, что по отношенію къ концу доисторической эпохи очень не легко разобраться въ антропологическомъ типѣ всѣхъ этихъ разныхъ наслоеній. Тѣмъ не менѣе можетъ быть отмѣчено одно явленіе, обращающее на себя вниманіе и вносящее много свѣта въ вопросъ о происхожденіи арійскаго или индоевропейскаго племени [408]).

Въ рядовыхъ гробницахъ съ предметами меровингскаго или готскаго стиля, какъ въ сѣверной Франціи, такъ и въ Германіи и далѣе на востокъ (въ Чехіи, напр. въ Подбабѣ) было погребено населеніе очень однообразнаго физическаго типа.

Гробницы эти, какъ мы уже указали выше, вполнѣ справедливо считаются по большей части германскими. Неудивительно поэтому, что и характерный типъ погребенныхъ въ нихъ людей, выражающійся главнымъ образомъ въ формѣ черепа, былъ по справедливости признанъ за образецъ типа германскаго населенія, который въ началѣ эпохи завоеваній и передвиженій сохранился еще достаточно чистымъ. Кромѣ названія германскаго черепного типа употребляется также выраженіе: типъ рядовыхъ гроб-

ницъ (Reihengräber-Typus) *). Черепъ этого типа проф. Кольманъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ.

Черепъ длинный, съ узкой лицевой частью, широкими округленными глазницами, узкимъ высокимъ носомъ и умѣренными скуловыми дугами. Лицевая часть по большей части ортогнатная, хотя встрѣчаются и прогнатическія лица (т. е. съ выступающими напередъ челюстями). Очертаніе черепа сверху овальное,

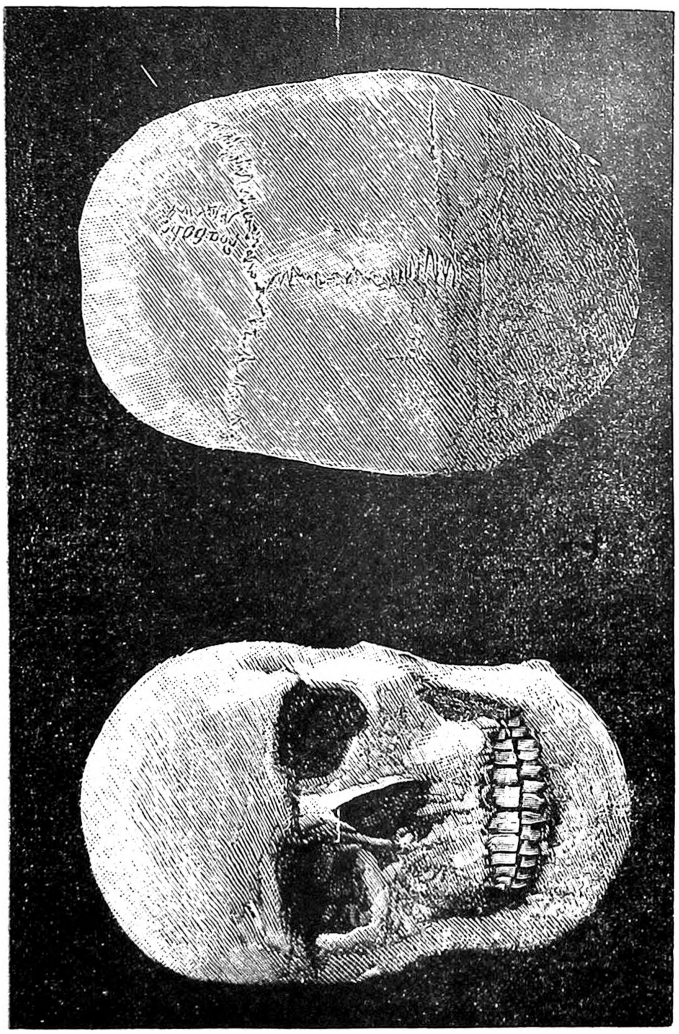


Рис. 453. Черепъ изъ подбабскихъ гробницъ (спереди и сверху).

съ выпуклымъ затылкомъ; бугры темянныхъ костей обозначены не особенно рѣзко, лобные бугры болѣе выражены. Лицо находится въ полномъ соотвѣтствіи съ срав-

*) Это тотъ же типъ, которому разные авторы давали въ своихъ работахъ названія: „Hochbergtypus“ (Гисъ и Рютимейеръ), „англосаксонскій“ типъ (Davis, Thurnam), „кимрскій“ (Брока), „курганный“ типъ русскихъ изслѣдователей. Названіе типа рядовыхъ могилъ употреблялъ Эккеръ.

нительной узостью черепа, одно только носовое (грушевидное) отверстіе бываетъ средней ширины (mesorrhinie). Головной показатель обыкновенно ниже 75, но встрѣчается мезатицефалія. Показатель высоты подверженъ сильнымъ колебаніямъ.

Уже въ германскихъ гробницахъ оказывается достаточно значительный процентъ смѣшанныхъ типовъ, но указанный нами преобладаетъ еще въ очень сильной степени. Въ Чехіи прекрасный примѣръ этого типа доставленъ могильникомъ возлѣ Подбабы (недалеко отъ Праги). У 8 череповъ, найденныхъ до 1891 г., я опредѣлилъ средній головной показатель 74,13. Одинъ изъ этихъ череповъ, могущій служить образцомъ типа рядовыхъ могилъ, представленъ на рис. 453.

А такъ какъ по древнимъ историческимъ извѣстіямъ у германцевъ были свѣтлые волосы и голубые глаза, то нѣмецкіе изслѣдователи и соединили оба эти признака: долихоцефалію и свѣтлую комплексію, принявши ихъ за главныя характерныя черты первоначальнаго германскаго типа. Съ другой стороны, главнымъ образомъ во Франціи, сложилось мнѣніе, что кельты и славяне представляютъ собою отдѣльную группу одного и того же происхожденія, характеризуемую брахицефаліей и темной комплексіей. Это объяснялось тѣмъ, что двѣ главныя части арійскаго народа, хотя и говорятъ обѣ очень близкимъ языкомъ, одного и того же корня, но принадлежатъ къ двумъ различнымъ расамъ, представляемымъ двумя типами, и изслѣдователи расходились между собой только въ мнѣніяхъ о томъ, какой изъ этихъ двухъ типовъ слѣдуетъ считать первоначальнымъ, собственно-арійскимъ типомъ и какой типомъ только потомъ аріанизованнымъ. Германскій типъ признавали подлинно-арійскимъ напр. Пеше (Poesche), Пенка (Penka), де Ляпужъ (de Lapouge), Гёксли (Huxley), Сейсъ (Sayce); типъ-же кельто-славянскій—напр. Овлакъ (Hovelaque), Эрве (Hervé), Ис. Тэйлоръ (I. Taylor) и др. *).

Между славянскими изслѣдователями, я самъ уже въ 1890 г. придерживался первой теоріи, которая послѣ моей недавней поѣздки въ Россію получила въ моихъ глазахъ новое подтвержденіе благодаря работѣ пок. проф. моск. унив. А. П. Богданова, представленной имъ на международномъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1892 г., и результаты которой сводятся къ тому, что русскіе славяне произошли отъ того же первобытнаго длинноголоваго праевропейскаго племени, которому принадлежатъ и черепа рядовыхъ германскихъ могилъ и къ которому принадлежала также и часть этнографически отличающихся племенъ какъ напр. финновъ и скиѳовъ.

Послѣ семилѣтняго изученія этого вопроса и выслушавши цѣлый рядъ

*) Другіе ученые, какъ Брока и Вирховъ, не соглашались съ этимъ мнѣніемъ и говорили о двоякомъ происхожденіи самихъ арійцевъ.

замѣчаній, я стою теперь тверже за свое мнѣніе, чѣмъ три года тому назадъ [409]). Мнѣніе это въ краткихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ:

Я полагаю, что славяне, какъ и германцы и галлы (въ отличіе отъ кельтовъ), принадлежали первоначально къ одному типу—длинноголовому и съ свѣтлой комплексіей и что еще въ началѣ исторической эпохи они были довольно сходны между собою. Только такимъ образомъ можно объяснить историческія извѣстія, о которыхъ мы упомянемъ далѣе. Нынѣшній славянскій типъ, противорѣчащій этимъ извѣстіямъ, надо объяснять или тѣмъ, что славяне съ очень древнихъ временъ (еще въ теченіе каменнаго вѣка) смѣшивались на востокѣ съ разными, физически отличавшимися отъ нихъ азіатскими племенами, а на югозападѣ съ неизвѣстной до сихъ поръ короткоголовой расой средней Европы, или же тѣмъ, что съ теченіемъ вѣковъ типъ ихъ измѣнился, вслѣдствіе эволюціи подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, внутреннихъ и внѣшнихъ.

Это мнѣніе мы основываемъ на слѣдующихъ доводахъ: 1) Теперь славяне представляютъ собою племя вполнѣ короткоголовое и по большей части съ темной комплексіей, т. е. съ темными волосами и глазами. Средній головной показатель 60 позднѣйшихъ чешскихъ череповъ, выведенный мною самимъ изъ измѣреній въ жамберскомъ костехранилищѣ, равняется 84,59, причемъ у 13% изъ нихъ показатель выше 90, долихоцефаловъ же ниже 75 не оказалось ни одного. Подобные же результаты дало измѣреніе 85 моравскихъ череповъ мюнхенскаго музея. У 75 хорватскихъ череповъ Вейсбахъ (Weissbach) опредѣлилъ средній показатель 84,4; у 30 словинскихъ—83,5; у 40 польскихъ 82,9, у 30 русинскихъ 82,3. Проф. Таренецкій на 323 мужскихъ великорусскихъ черепахъ нашелъ средній показатель 81,1 и на женскихъ 80,2. Д-ръ Бассановичъ на 2116 болгарскихъ черепахъ опредѣлилъ индексъ 85. То же подтверждаютъ и всѣ сдѣланныя до сихъ поръ г.г. Вейсбахомъ, Майеромъ и Коперницкимъ, Анучинымъ, Талько-Грынцевичемъ, Дибольдомъ, Янчукомъ, Иковымъ, Зографомъ, Гиммелемъ и др. измѣренія на живыхъ людяхъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ славяне вполнѣ короткоголовы, хотя, какъ можно замѣтить и изъ этихъ среднихъ чиселъ, короткоголовость ихъ уменьшается по направленію съ запада на востокъ и съ юга на сѣверъ. То же самое надо сказать и о темной комплексіи. Наиболѣе темноволосыхъ и темноглазыхъ встрѣчается у славянъ южныхъ и западныхъ. На сѣверѣ и на востокѣ ихъ меньше, но они преобладаютъ почти вездѣ. Между хорватами, изслѣдованными Вейсбахомъ, было только 9,64% свѣтловолосыхъ, напротивъ темноволосыхъ 90,36%; у солдатъ изъ окрестностей Знайма было 10,5% свѣтловолосыхъ на 89,5% темноволосыхъ; у галицкихъ поляковъ Майеръ и Коперницкій нашли 16% свѣтлаго типа на 57% темнаго; но уже у галицкихъ русиновъ 25% свѣтл. на 46% темн. Въ Россіи г. Зографъ между великорус-

сами губерній Ярославской, Тверской и Владимірской нашелъ 40% свѣтловолосыхъ и 20% темноволосыхъ, г. Анучинъ въ Московской губ. 52% темноволос. и 48% свѣтловолос.; 40% темноглазыхъ и 60% свѣтлоглазыхъ. Наиболѣе свѣтловолосыхъ—въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Въ этомъ отношеніи очень поучительна табличка, которую мы заимствуемъ изъ работы Д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича [410]).

	Блондиновъ:		Брюнетовъ:	
У Литвиновъ	60,1	:	5	66,6 : 5
» Жмуди	71,2	:	4,2	
» Латышей.	63,8	:	8,6	
У Бѣлоруссовъ западныхъ . .	61,2	:	7	57,1 : 11,4
» » восточныхъ . .	56,9	:	14,6	
» Полѣщуковъ	50,5	:	13.4	
У Поляковъ подлѣсскихъ . .	52	:	16	
» Украинцевъ.	25,5	:	38	
» Галицкихъ горцевъ. . . .	28	:	40	
» Подолянъ.	52,2	:	18,3	

Такимъ образомъ мы видимъ, что нынѣшніе славяне большей частью короткоголовые и темной комплексіи *). Но они не были такими въ древности. Тѣ, которые думаютъ, какъ напр. въ Чехіи проф. Пичъ, что славяне были издавна короткоголовыми, должны, разумѣется, признавать погребенія, найденныя въ славянскихъ земляхъ и заключающія въ себѣ большей частью длинноголовые черепа—неславянскими. Въ этомъ случаѣ защитникамъ прежней теоріи придется встрѣтиться съ большими затрудненіями. Въ славянскихъ странахъ встрѣчается множество гробницъ, съ исторической и археологической точекъ зрѣнія достовѣрно славянскихъ, какъ тѣ напр., которыя относятся къ эпохѣ, когда въ странѣ не было другого населенія кромѣ славянскаго—и типъ череповъ этихъ гробницъ—«германскій», долихоцефалическій. Сюда относится, напр., рядъ чешскихъ могильниковъ конца

*) Считаемъ полезнымъ привести здѣсь антропологическую характеристику славянъ одного изъ авторовъ Crania ethnica, профессора антропологіи въ парижскомъ Museum'ѣ д-ра Е. Ами (Dr. E. T. Hamy): этотъ ученый въ своемъ курсѣ, читанномъ въ этомъ учрежденіи два года тому назадъ (пока еще неизданномъ), раздѣляетъ славянъ по ихъ чисто антропологическимъ признакамъ на два основныхъ типа (deux types aborigènes slaves): 1) свѣтловолосый, субрахицефалическій и небольшаго роста, къ которому онъ причисляетъ полабскихъ славянъ или вендовъ, поляковъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ, и 2) темноволосый, брахицефалическій, высокаго роста, къ которому принадлежатъ сербо-кроаты, словинцы, чехи, словаки и украинцы или малоруссы. *Примѣч. переводчика.*

I-го тысячелѣтія нашей эры и начала II-го, когда исторія знаетъ въ Чехіи только чеховъ, а между тѣмъ долихоцефалическіе черепа здѣсь очень многочисленны: могильникъ на Лѣвомъ Градцѣ, у Либицъ, на Градкѣ въ Чаславѣ, возлѣ Ловозицъ, Дошицъ, Ржепова, Мнѣньянъ, на Градкѣ въ Прагѣ, у Жалова и пр. Въ Моравіи укажемъ на Горные Дунаевицы, Рыбешовицы, Холину и т. д. Въ Польшѣ отмѣтимъ, напр. извѣстный могильникъ у Слабошева (съ монетами XII в.), кладбища у Жарнувки, Попува и Тчева; въ Пруссіи гробницы у Эльбинга, Платико, Кальдуса, на горѣ св. Лаврентія; въ Россіи—въ мѣстностяхъ, издавна населенныхъ славянами, мы встрѣчаемся въ курганахъ славянской эпохи обыкновенно съ одними только долихо- и мезатицефалами, какъ свидѣтельствуютъ работы г. Богданова *). И только по мѣрѣ хронологическаго приближенія могилъ къ нашей эпохѣ, короткоголовый типъ начинаетъ встрѣчаться въ нихъ въ бо̀льшемъ количествѣ. Такъ, въ Прагѣ, между черепами XVI

Рис. 454—455. Вогулы (мужчина и женщина) изъ верхотурскаго уѣзда Пермской губ.

стол. D. I. Matiegka нашелъ уже только 5% долихоцефаловъ на 70% брахицефаловъ. Г. Богдановъ между черепами московскихъ и кіевскихъ кладбищъ XVI—XVIII стол., а Коперницкій между краковскими черепами XVII—XVIII

*) Противники этой теоріи, по примѣру Е. Д. Европеуса, находятъ себѣ убѣжище въ такъ назыв. финской теоріи. Г. Европеусъ предложилъ теорію, по которой отъ сѣвера и востока Россіи къ западу до самаго Днѣпра жило передъ славянами племя угровъ и долихоцефалическіе черепа принадлежатъ именно этому племени; черепа-же короткіе—только позже пришедшимъ колонистамъ, финамъ и славянамъ, оттѣснившимъ угровъ на востокъ. Прямыми потомками угровъ эта теорія считаетъ нынѣшнихъ вогуловъ и остяковъ. Но теорія эта во многихъ отношеніяхъ не выдерживаетъ критики, а у нынѣшнихъ вогуловъ и остяковъ черепа (см. рис. 454 и 455) имѣютъ совсѣмъ иной типъ. [Любопытно однако, что вогуло-остяцкіе черепа дѣйствительно отличаются отъ финскихъ и русскихъ своею большею долихоцефаліей]. *Прим. ред.*

стол. нашли уже значительное преобладаніе короткоголовости. Въ настоящее время у славянъ долихоцефалія является исключеніемъ.

Объясненіе этого измѣненія черепного типа не легко. Будь оно легко, тогда не было бы и противниковъ новой теоріи. Поэтому нельзя предполагать ничего другаго какъ только то, что первоначальный длинноголовый типъ измѣнился или вслѣдствіе скрещиванія съ древними среднеевропейскими брахицефалами, извѣстными намъ уже съ неолитической эпохи, и съ разными азіатскими племенами, которыя проникали черезъ Россію, или же, можетъ быть, и вслѣдствіе вліянія разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, иныхъ быговыхъ и культурныхъ условій.

2) Вторымъ доказательствомъ вышеизложенной теоріи служитъ то, что древніе славяне въ современныхъ имъ свидѣтельствахъ описываются въ физическомъ отношеніи совершенно такъ же, какъ германцы и галлы. Такъ напр. Прокопій говоритъ о славянахъ, что они очень сильны и высокаго роста, цвѣтъ ихъ кожи и волосъ ни темный, ни слишкомъ свѣтлый, но всѣ они рыжіе («ὑπερυθροι εἰσιν ἅπαντες»). Геродотъ въ описаніи будиновъ, племени по всей вѣроятности славянскаго, подобнымъ же образомъ замѣчаетъ, что они сильны и рыжіе («πυρροι»). Еще опредѣленнѣе говорятъ разныя арабскія извѣстія. Въ нихъ свѣтлый цвѣтъ волосъ вездѣ является характернымъ для славянъ (sakâliba). Поэтъ Ахталъ говоритъ въ своемъ «Диванѣ» о русыхъ славянахъ, также какъ и Масуди. Абу-Мансуръ (въ цитатѣ Якута) говоритъ: «славяне—народъ съ румянымъ цвѣтомъ лица и русыми волосами». Казвини описываетъ ихъ точно такимъ же образомъ и прибавляетъ еще замѣчаніе о «большой ихъ физической силѣ». Одинъ изъ современниковъ Абд-ер-Рахмана I-го прозванъ былъ за свой высокій ростъ, бѣлокурые волосы и голубые глаза—«славяниномъ», а въ словарѣ «Kâmus» мы находимъ свѣдѣніе, что названія «Saklâb», «Siklâb» давалось вообще людямъ съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Арабскіе писатели употребляютъ для обозначенія цвѣта волосъ у славянъ выраженія «Sûhube», «Saâkar» (быть русымъ).

Одинъ только Аль-Бекри составляетъ, повидимому, исключеніе, говоря по словамъ Ибрагима Бен-Якуба: «Очень удивительно (!), что у жителей Бвимы (Чехіи) цвѣтъ кожи темный и волосы черные и что русый цвѣтъ у нихъ очень рѣдокъ». Это говорится о чехахъ того времени, когда славяне на востокѣ описывались блондинами. Вѣроятнѣе всего, что чехи, какъ и вообще славяне на югѣ и западѣ, прежде всѣхъ подверглись смѣшенію и измѣненію типа. На востокѣ свѣтлый типъ сохранился въ болѣе чистомъ видѣ даже и до сихъ поръ, какъ можно видѣть изъ вышеприведенныхъ цифровыхъ данныхъ *).

*) Археологическія находки пока этому, повидимому, противорѣчатъ, такъ какъ большая часть сохранившихся въ могилахъ волосъ—темнаго цвѣта.

На основаніи этихъ данныхъ мы полагаемъ, что славяне были первоначально длинноголовы, свѣтлоглазы и свѣтловолосы. Это подтверждается и археологическими находками и историческими извѣстіями, хотя этому, повидимому, и противорѣчитъ нынѣшній типъ большинства славянскихъ народностей. Но если мы обратимъ вниманіе на сравнительную легкость, съ которою типы подвергаются преобразованію при измѣняющихся условіяхъ жизни, и особенно благодаря естественному или искусственному подбору,—то измѣненіе типа славянъ, совершившееся въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія, не можетъ быть признано противорѣчащимъ нашей теоріи *).

3) Только что указанный нами первоначальный физическій типъ славянъ испыталъ измѣненіе подъ вліяніемъ различныхъ, не достаточно ясныхъ для насъ причинъ въ томъ же направленіи, какъ и у германцевъ,—фактъ, имѣющій большое значеніе для нашей теоріи. Оба народа испытали тотъ-же самый процессъ эволюціи типа, который измѣнился, слѣд., во всей средней Европѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ югу, къ Альпамъ. Хорваты и чехи представляютъ собою теперь племена наиболѣе темноволосыя и наиболѣе брахицефалическія изъ всѣхъ славянъ, совершенно такъ же, какъ баварцы и вообще южные нѣмцы среди германцевъ. Въ то время какъ и теперь еще между учениками школъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Ольденбургѣ, Помераніи, Брауншвейгѣ и Ганноверѣ оказалось болѣе 40% чистыхъ блондиновъ—въ Баваріи ихъ уже только 20%, въ Эльзасѣ 18% (въ Чехіи 21%). Тогда какъ въ франкскихъ и алеманскихъ южно-германскихъ гробницахъ Колльманнъ насчиталъ 43% долихоцефалическихъ череповъ чисто «германскаго» типа на 9,8% типа брахицефалическаго,—теперь въ Баваріи, по словамъ проф. Ранке, ихъ только 1% на 83% брахицефаловъ. Такимъ образомъ, и тамъ произошло такое-же измѣненіе, какъ и въ Чехіи. У нѣмцевъ только на сѣверѣ сохранился болѣе чистый типъ, совершенно такъ же, какъ мы видѣли выше, у славянъ. Этотъ параллелизмъ типа у обоихъ народовъ служитъ для меня третьимъ сильнымъ доводомъ. Чего нельзя отрицать у одного племени, того нельзя отрицать и у другаго.

4) Если бы была вѣрна теорія, что славяне и прежде, какъ и теперь, были темнаго цвѣта, то въ такомъ случаѣ въ сѣверовосточной Германіи, гдѣ произошло наибольшее смѣшеніе нѣмцевъ съ славянами, слѣдовало бы ожидать гораздо большаго, сравнительно съ остальными чисто нѣмецкими странами, процента брюнетовъ и меньшаго процента блондиновъ. Однако это какъ разъ наоборотъ. Въ Мекленбургѣ, Помераніи и Пруссіи изъ всѣхъ странъ Германіи встрѣчается наибольшій процентъ чистыхъ блондиновъ.

*) Можетъ быть—извѣстный фактъ, что у дѣтей славянъ обыкновенно бываютъ свѣтлые волосы, темнѣющіе только впослѣдствіи съ возрастомъ, указываетъ также на первоначально свѣтлый типъ нашихъ предковъ.

5) Еще одно доказательство представляетъ для меня тотъ фактъ, что славяне и германцы принадлежатъ къ одной лингвистической группѣ, что они очень близки между собою въ отношеніи языка. Обстоятельство это само по себѣ не имѣло бы еще рѣшающаго значенія, такъ какъ языкъ и національность вообще не составляютъ признака расы и далеко не всегда обусловливаются общностью происхожденія,—но въ виду предыдущихъ доводовъ, и оно пріобрѣтаетъ немалое значеніе.

6) Наконецъ въ пользу нашей теоріи говоритъ и то еще, что латыши и литовцы—племена вообще наиболѣе близкія къ славянамъ и навѣрно составлявшія съ ними когда-то одно общее—до сихъ поръ еще отличаются преобладаніемъ свѣтлой комплексіи и долихоидностью.

На основаніи всѣхъ этихъ доводовъ мы и пришли къ вышеизложенной теоріи о первоначально длинноголовомъ и свѣтломъ типѣ славянъ. Болѣе подробно эта теорія изложена нами въ недавно изданномъ особомъ сочиненіи, заглавіе котораго приведено въ примѣчаніи 409 мъ *).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ предыдущаго, славяне не представляютъ собою чистой антропологической единицы. На западѣ они смѣшались, не считая нѣмцевъ, вѣроятно еще съ болѣе древними, неизвѣстными намъ европейскими племенами; на югѣ,—главнымъ образомъ, съ племенами иллирійскими и ѳракійскими; на востокѣ—съ племенами финскими и тюрко-татарскими. Наиболѣе чистый славянскій типъ представляютъ собой теперь, повидимому, бѣлоруссы; великоруссы уже проникнуты въ большой степени азіатскими примѣсями. Но во всякомъ случаѣ было-бы смѣшно считать эту примѣсь финской или татарской крови въ какомъ-бы то ни было отношеніи недостаткомъ. Мы скорѣе склонны видѣть въ этомъ преимущество. Сохраненіе племенной чистоты чаще ослабляетъ народъ, а смѣшеніе съ другими племенами его усиливаетъ. Извѣстныя историческія причины задержали въ теченіе минувшихъ

*) Замѣтимъ однако, что теорія Нидерле вызвала и возраженія; съ своей стороны мы полагаемъ, что самое слабое мѣсто ея—это объясненіе причины столь значительнаго измѣненія формы головы и вообще типа. *Прим. ред.*

вѣковъ развитіе въ Россіи культуры и просвѣщенія, но эти причины—политическія и географическія, а не біологическія, не зависящія отъ степени чистоты расы *).

Воспринятіемъ въ себя этихъ азіатскихъ элементовъ, которые, какъ кажется, внесли въ русскій характеръ извѣстную долю выносливости, стойкости, самоотверженія, восточные славяне вознаградили то, что ихъ братья потеряли на западѣ. Если-бы славянскій элементъ оказался такимъ же податливымъ на сѣверѣ и востокѣ, какъ на западѣ, то славяне никогда бы не достигли такого великаго значенія въ исторіи человѣчества. Теперь же они могутъ съ довѣріемъ смотрѣть въ будущее.

---

*) Съ очевидной и понятной для всякаго симпатіей западнаго славянина къ Россіи, почтенный авторъ, какъ намъ кажется, идетъ здѣсь нѣсколько дальше, чѣмъ бы слѣдовало, отрицая повидимому совершенно вліяніе расы на психологію массъ, а слѣдовательно и на извѣстныя особенности такихъ общественныхъ процессовъ, какъ развитіе религіозныхъ воззрѣній, соціальныхъ формъ и т. п., отрицать которые вполнѣ—едва-ли возможно. *Прим. перевод.*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

---

[1]) Для нашего геологическаго очерка мы пользовались его сочиненіями «Traité de Géologie» (3-е изд. Paris 1893) и извлеченіемъ изъ него «Abrégé de Géologie» (2-е изд. Paris 1892).

[2]) Ср. F. de Saporta. Le monde des plantes avant l'apparition de l'homme. (Paris 1878). Его-же. L'évolution du régne végetal. Tome I. Cryptogames Tome II. Phanerogaoms (Paris 1881, 1885). A. Gaudry. Les enchainements du monde animal dans les temps géologiques: Mammifères tertiaires (P. 1877, нов. изд. 1890). Его-же. Les ancêtres de nos animaux etc. P. 1888.—Ср. также Osc. Schmidt. Die Säugethiere in ihrem Verhältniss zur Vorwelt. (Leipz. 1884, франц. перев. 1886—лучше) и F. Priem. L'evolution des formes animales avant l'apparition de l'homme. (P. 1891).

[3]) Главные виды: Pliopithecus antiquus, Dryopithecus Fontani (оба изъ міоцена). Palaeopithecus sivalensis, Mesopithecus Pentelici, многіе виды семнопитековъ и пр. Ср. главн. обр. соч. Dr. Schlösser «Die fossilen Affen» (Wien 1887—1890). Dr E. Trouessart. Les primates tertiaires et l'homme fossile sud-americain (L'Anthropologie, III, p. 257).

[4]) Объ этомъ вопросѣ см. главн. обр. соч. M-is de Nadaillac. «L'homme tertiaire» (P. 1885), и главу 18 въ его же соч. Les premiers hommes et les temps préhistoriques (P. 1881), затѣмъ 1-ую часть соч. G. de Mortillet «Le préhistorique» (P. 1883).

[5]) Противъ этого опредѣленія древности, а въ послѣднее время и противъ вулканическаго происхожденія денисскихъ пластовъ сдѣлано было много возраженій.

[6]) Ср. рефератъ Ferraze de Macedo и пренія по поводу его на послѣднемъ антропологическомъ съѣздѣ въ Парижѣ въ 1889 г., а также соч. I. Regazzoni «La collina de Castenodolo» (Brescia 1880).

[7]) Кромѣ Европы нѣсколько любопытныхъ предполагаемыхъ доказательствъ существованія третичнаго человѣка было найдено и въ Америкѣ (напр. калаверскій черепъ, оттискъ человѣческой ноги въ третичномъ слоѣ въ Carson'ѣ въ Невадѣ и т. п.).—Всѣ они впрочемъ или ошибочны или не точны.

[8]) A. Gaudry. Le dryopithèque (P. 1890).

[9]) Эта часть текста была уже напечатана, когда Dr E. Dubois, голландскій морской врачъ, опубликовалъ свою первую работу объ этомъ чрезвычайно важномъ открытіи (Pithecanthropus erectus, eine menschenähnliche Uebergangsform aus Java. Batavia 1894), сдѣланномъ въ 1891—92 годахъ въ плейстоценовыхъ или

плiоценовыхъ слояхъ и вызвавшемъ величайшiй научный интересъ во всей Европѣ, тѣмъ болѣе, что счастливый авторъ этого открытiя лично представилъ свою находку нѣсколькимъ ученымъ собранiямъ. Это заставляетъ насъ добавить къ сказанному еще нѣкоторыя подробности въ настоящемъ примѣчанiи.

Въ 1891 г. Dr E. Dubois нашелъ на глубинѣ одного метра въ почвѣ и 12—15 метровъ подъ береговымъ обрывомъ р. Бенгована въ Тринилѣ зубъ, вполнѣ похожiй на третiй коренной зубъ верхней челюсти обезьяны. На разстоянiи 1 м. въ сторону, на той же глубинѣ была найдена потомъ верхняя часть черепа, какъ предполагали, какой-то большой обезьяны, а въ 1892 г., на 15 м. выше (по теченiю рѣки) отъ этого мѣста — лѣвая бедреная кость, соединявшая въ себѣ признаки обезьяны и человѣка. Послѣ этого былъ найденъ еще одинъ зубъ.

Вмѣстимость найденнаго черепа опредѣляютъ въ 900—1000 куб. сантим., что недостаточно для человѣка (за исключенiемъ разумѣется патологическихъ случаевъ), но слишкомъ много для антропоидной обезьяны (maximum 600 куб. стм.). По величинѣ черепа нельзя полагать, чтобы ростъ субъекта былъ особенно малъ. Главные признаки черепа заключаются въ сильномъ развитiи надбровныхъ дугъ, очень низкомъ наклонѣ лба и сжатiи послѣдняго за глазницами. Зубъ поверхностью коронки походитъ на человѣческiй, но по величинѣ, направленiю корней и т. д. отличается, хотя не вполнѣ сходенъ также и съ зубами антропоморфныхъ обезьянъ. Бедреная кость длинная, прямая; на ней находится костяной наростъ (экзостозъ), вызвавшiй много преренiй среди спецiалистовъ.

Описанные Дюбуа остатки возбудили два главныхъ вопроса: 1) принадлежатъ-ли всѣ эти кости (черепъ, бедреная кость и два зуба) одной особи и 2) представляютъ ли онѣ остатки обезьяны или человѣка хотя бы и на низшей ступени развитiя? Если дѣйствительно бедреная кость и зубы принадлежатъ той же особи, что и черепъ, то, это, очевидно, остатки существа, отличавшагося болѣе низкой организацiей, чѣмъ человѣкъ, особенно по формѣ и величинѣ черепа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличавшагося и отъ нынѣшнихъ антропоморфныхъ обезьянъ большей относительной величиной мозга, большимъ ростомъ и способностью къ вертикальному хожденiю. Это мнѣнiе защищаетъ главн. обр. проф. парижской Антропологической Школы Мануврiэ (Manouvrier) послѣ чрезвычайно тщательнаго и остроумнаго изученiя данной находки. Не всѣ ученые признаютъ однако принадлежность указанныхъ остатковъ одной особи или даже одному виду. Нѣкоторые считаютъ это недоказаннымъ и полагаютъ напр., что черепъ могъ принадлежать низшему типу человѣка, а зубы и бедреная кость обезьянѣ въ родѣ гиббона, а другiе — наоборотъ, что черепъ принадлежалъ крупному виду гиббона, а бедреная кость—человѣку. Въ пользу «обезьянности» черепа высказались Вирховъ, Ранке, В. Краузе, Вальдейеръ, Лушанъ: въ пользу человѣчности его Мануврiэ *), Турнеръ, Кённингамъ, Р. Мартинъ. Мануврiэ готовъ былъ

*) Мануврiэ опредѣляетъ вѣсъ мозга:

	у человѣкоподоб. обезьянъ	у Pithecanthropus'а	у австралiйца	у соврем. парижанина
граммовъ	500	870	1170	1360
разница	370	300	190	

Вѣсъ мозга у обыкновеннаго гиббона—103 гр.; у образованнаго интеллигентнаго человѣка сравнительно съ среднимъ парижаниномъ на 150 гр. больше.

даже допустить возможность того, что черепъ этотъ представляетъ случай микрокефаліи. Но при величайшей рѣдкости этой аномаліи (1:50000) невозможно предполагать, чтобы съ такой отдаленной эпохи могла сохраниться только аномалія, а не нормальный черепъ. Если бы это наконецъ и можно было допустить, то тогда пришлось бы признать черепъ принадлежавшимъ какому то субмикрокефалу, бывшему по развитію ниже своей расы, предполагать существованіе которой мы однако не имѣемъ никакихъ основаній.

Такимъ образомъ вопросъ о Pithecanthropus'ѣ нельзя назвать вполнѣ выясненнымъ. Но уже самъ по себѣ тотъ фактъ, что цѣлый рядъ компетентныхъ зоологовъ и антропологовъ не могъ прійти къ соглашенію относительно того, была-ли это обезьяна или человѣкъ, оправдываетъ предположеніе, что въ тринильской находкѣ мы имѣемъ дѣло съ новымъ видомъ промежуточнаго типа, какъ бы мы не назвали его—высшей-ли обезьяной или низшимъ типомъ человѣка.

Изъ работъ, касающихся Pithecanthropus, укажемъ главнѣйшія: Dr E. Dubois. Pithecanthropus erectus, eine menschenähnliche Übergangsform aus Java. Batavia 1894; L. Manouvrier. Discussion du Pithecanthropus erectus comme précurseur présumé de l'homme (Bullet. de la Soc. d'Anthrop. de Paris 1895, t. VI (IV-me serie) p. 12 и слѣд.; L. Manouvrier. Réponse aux objections contre le Pithecanthropus, Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris 1896, t. VII (IV-me serie, p. 396 и пр.; E. Dubois et L. Manouvrier. Le Pithecanthropus erectus et l'origine de l'homme (ib. p. 460); W. Krause, F. v. Luschan, R. Virchow u. Waldeyer. Pithecanthropus erectus (Verhandl. d. Berl. Ges. f. Anthrop. Ethnog. u. Urgesch. 1895, p. (78); R. Virchow ib. p. (336), (435), (648); Dr. Dubois. Pithecanthropus erectus, betrachtet als eine wirkliche Übergangsform u. als Stammform des Menschen. (ib. p. (723), (Cp. Nehring, Kollmann, Jackel, Virchow); Dr R. Martin. Kritische Bedenken gegen den Pithecanthrop. v. Dubois («Globus» t. XVII, 1895, 213—217); W. Turner. On M. Dubois description of remains recently found in Java, named by him Pithecanthropus erectus. (Journ. of anatomy and physiology, vol. XXIX, p. 424) и проч.

[10]) Объ этомъ см. хотя бы нѣкоторыя главныя и новѣйшія сочиненія: P. Broca. L'ordre des Primates. Parallèle anatomique de l'homme et des singes (P. 1870). Ср. Д. Анучинъ. Антропоморфныя обезьяны и низшія расы человѣчества въ Сборникѣ «Природа». 1874—75. Snell. K. Vorlesungen über Abstammung des Menschen. (Leipz. 1887). Ed. Perrier. Le transformisme (P. 1888). Huxley Th. Man's Place in Nature (Lond. нов. изд. 1890) [Гёксли. О положеніи человѣка въ ряду орган. существъ, пер. подъ ред. Бекетова. Спб. 1864]. Topinard P. L'homme dans la nature (P. 1891). Wallace A. R. The Darwinisme (Lond. 1891, нѣм. пер. въ Брауншв. 1891). Romanes S. Darwin and after Darwin (Lond. 1892, нѣм. пер. въ Лейпц. 1892).

[11]) W. Wundt въ своемъ сочин. Vorlesungen über Menschen- und Thierseele (2 изд. Leipz. 1892, p. 397 и сл.) говоритъ о возможности эволюціи души человѣка изъ психическихъ способностей низшихъ формъ.

[12]) J. Müller. Über Ursprung und Heimat des Urmenschen (Stuttg. 1894).

[13]) О четвертичномъ человѣкѣ въ Европѣ см. кромѣ общихъ сочиненій, поименованныхъ въ введеніи (гл. обр. Г. де Мортилье, Картальяка, Лёббока и др.) еще слѣд. работы: Boucher de Perthes. L'homme antédiluvien et ses oeuvres (P. 1860). A. Laugel. Der Mensch der Vorwelt (нѣм. перев.). (Leipzig 1863). V. de Fonville. L'homme fossile. (P. 1865). Sir Ch. Lyell. Geologi-

cal Evidence of the Antiquity of Man etc. (IV изд., London 1873, русскій переводъ: Ляйелль. Геологическія доказательства древности человѣка. Спб. 1864). P. Gervais. Recherches sur l'ancienneté de l'homme et de la période quaternaire. (P. 1867). Dr. H. Falconer. Palaeontological Memoirs. (Lond. 1868). H. le Hon. L'homme fossile en Europe. (P. 1868). Ed. T. Stewens. Flint Chips. A guide to prehistoric archaeology (Lond. 1870). W. Boyd Dawkins. Cave hunting. Researches on the evidence of Caves respecting the early inhabitants of Europe. (Lond. 1874), нѣм. пер. Spengel'я подъ загл. «Die Höhlen und Ureinwohner Europas» въ Лейпц. 1876. J. Evans. Ancient Stone Implements etc. (Lond. 1872) (недавно вышло новое дополненное изданіе; старое изданіе есть и во франц. переводѣ: «L'âge de la pierre» 1878. N. Joly. L'homme avant les métaux. (P. 1880). J. Geikie. Pre-historic Europe. A geological sketch. (Lond. 1881). J. Woldřich. Die ältesten Spuren der Cultur in Mitteleuropa (Wien 1886). J. Ranke. Der Meusch. 2 Aufl. II. 1894.

[14]) Прежде обыкновенно думали, что эти атмосферные осадки приносились туда съ моря, покрывавшаго по крайней мѣрѣ отчасти въ пліоценовую и четвертичную эпохи Сахару. Новыя изслѣдованія впрочемъ въ значительной степени поколебали эту теорію. Въ послѣднее время противъ нея высказался G. Rolland (Géologie du Sahara, P. 1890).

[15]) Ср. также прекрасную карту въ соч. A. Penck'a «Mensch und Eiszeit». Braunschw. 1884. (Оттискъ изъ Archiv für Anthropologie XV). Та же карта была помѣщена и д-ромъ J. Ranke въ его соч. «Der Mensch» (Часть II). Здѣсь надо упомянуть также о прекрасномъ соч. J. Geikie. The great ice age and its relation to the antiquity of Man (2 изд. Lond. 1877). Оригинальная карта Чехіи была сдѣлана для этого соч. В. Швамберой. Въ послѣднее время Гейки сдѣлалъ прекрасное объясненіе ледниковой эпохи въ рѣчи на геологической секціи Британской Ассоціаціи наукъ въ 1889 г. О новѣйшихъ подраздѣленіяхъ ледниковаго періода см. Supon, Grundzüge der phys. Erdkunde. 2 Aufl. 1896.

[16]) Ср. прежде всего основное соч. J. Crol'я. Climat and times in their geological relations (Lond. 1875). Его-же. Discussion on climate and chronology (Edinburg 1885). Затѣмъ новыя соч.: J. Prestwich. Considerations on the Glacial Period with reference to the Antiquity of Man. (Lond. 1887). Sir Rob. Ball. The cause of an Ice Age (Lond. 1892), и G. F. Wright. Man and the Glacial Period. (Lond. 1893). A. de Lapparent. Les causes de l'ancienne extension des glaciers. (Eytrait de la Rev. des Quest. scient. 1893). Ср. также рефераты и пренія о ледниковой эпохѣ на геологическомъ съѣздѣ въ Чикаго въ 1893 г. (L'Anthropologie 1894, p. 67).

[17]) Dr. Kříž. Über Lehm und Lösslager (отд. оттискъ). Wien 1894.

[18]) Martel E. A. Les abîmes, les eaux souterraines, les cavernes, les sources, la spélaelogie, P. 1894. Kraus Franz. Höhlenkunde. Wege und Zweck der Erforschung unterirdischer Räume. Wien 1894. J. Szombathy. Die Höhlen und ihre Erforschung. Wien 1883. Ср. также Boyd Dawkins. Höhlen und Ureinwohner Europas. (Leipzig 1876) p. 343, программу Щуровскаго («Антроп. Выставка» Москва 1878, I, 82) и С. В. Чернявскаго (Проток. V рус. археол. съѣзда въ Тифлисѣ, стр. 25—29).

[19]) Исторію сѣв. оленя въ отношеніи доисторич. человѣчества см. въ соч. F. J. Brandt'a, обработанномъ и изданномъ проф. Вольдржихомъ, въ Зап. Импер.

Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ подъ загл. «Diluviale europ-nord-asiatische Säugethierfauna und ihre Beziehungen zum Menschen» 1887.

[20]) Кромѣ Dupont'a различныя классификаціи, основанныя болѣе или менѣе на принципахъ Ларте, были предложены F. Garrigou (1867), Dr. E. T. Hamy (1870), P. Broca и др.

[21]) Ср. сочиненіе Nehring'a «Über Tundren und Steppen der Jetzt- und Vorzeit, mit besonderer Berücksichtigung ihrer Fauna» (Berlin 1890).

[22]) Ср. Dr. J. N. Woldřich. Die diluvialen Faunen Mittel-Europas und eine heutige Steppenfauna in Niederösterreich. (Mitth. d. Anthrop. Ges. Wien. XI, 1882). Его-же. Diluv. europäisch-nordasiatische Säugethierfauna auf Grundlage hinterlas. Manuscripte F. J. Brandt's. (Mémoires de l'Académie Imp des Sciences St.-Pétersb. 1887, T. XXXV). Его-же. Geologické příspěvky k otázce o posledních kontinentalních změnách evropských. (Rozpravy české akademie tř. II, č. 14, Praha 1892).

[23]) Le Préhistorique. Antiquité de l'homme. P. 1883, p. 127 до 478.

[23 bis]) Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie 1891, p. 47. Bulletins de la Soc. d'anthropol. de Paris 1894, 616.

[24]) Въ послѣднее время противъ чистоты шелльскаго мѣстонахожденія возражали d'Acy, Sal. Reinach и др. D'Acy нашелъ на томъ же мѣстѣ, въ нижнихъ пластахъ. орудія, несомнѣнно относящіяся къ типу мустье. Подобныхъ мѣстонахожденій смѣшаннаго типа существуетъ впрочемъ немало.

[25]) Ср. хотя-бы Ph. Salmon. Age de la pierre. Division industrielle de la période paléolithique quaternaire et de la période néolithique. (P. 1892). Онъ исключаетъ ашельскую и солютрейскую эпохи, какъ переходныя. Культура Солютре по его мнѣнію имѣетъ мѣстный характеръ. M. Boule. Essai de paléontologie stratigraphique de l'homme (P. 1888). Ed. Dupont. Sur la faune et l'homme de l'époque quaternaire (Bruxelles 1893).

[26]) Такъ напр. для Англіи, Австріи и особенно Италіи. Относительно послѣдней B. Gastaldi въ своемъ замѣчат. сочин.: «Iconografia da alcuni oggetti di remota antichità in Italia» (1869), выразился противъ примѣненія этой классификаціи въ Италіи; за нимъ Пигорини, Кастельфранко и другіе доказываютъ, что напр. типы эпохъ солютрейской и мадлэнской въ Италіи вообще не существовали. Г. и А. де Мортилье теперь и сами допускаютъ, что острія стрѣлъ солютрейскаго типа въ Италіи встрѣчаются и въ неолитѣ (находки въ Бреоніи). На московскомъ междунар. археологич. съѣздѣ 1892 г. M. G. Chamet выражался въ томъ же смыслѣ о находкахъ въ Азіи.

[27]) Ср. главн. обр. соч. Буше де Перта «Antiquités celtiques et antédiluviennes» I—III. (P. 1847—1864), и «L'homme antédiluvien et ses oeuvres» (P. 1860). Въ Moulin-Quignon недалеко отъ Аббвилля найдена была извѣстная человѣческая челюсть въ четвертичномъ наносѣ. Объ ея подлинности долго шли споры, пока въ 1863 г. спеціальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Мильнъ-Эдвардса не высказалась большинствомъ голосовъ въ ея пользу. Подобныя же челюсти были найдены еще въ Goyet, въ Arcy sur Cure, въ Malarneaud.

[28]) Meillet въ первомъ выпускѣ своего соч. «Époques antédiluviennes et celtiques du Poitou» (Poitiers и Paris 1864) пробовалъ мистифицировать публику поддѣльными рѣзными изображеніями нан айденныхъ костяхъ животныхъ, обманъ не разъ повторявшійся и потомъ.

[29]) H. de Ferry et A. Arcelin. Mâconnais préhistorique (Mâcon 1870).

Abbé Ducrost et Dr. Lortet. Études sur la station préhistorique de Solutré. (Lyon 1872).

[30]) Ср. объ этомъ Ed. Lartet et H. Christy. Cavernes du Périgord. (P. 1864). Reliquiae aquitanicae. Contributions to the archaeol. and palaeontol. of Perigord. (Lond. 1865—1875. 2 тома съ массой таблицъ). P. Girod & Elie Massenat. Les stations de l'âge du renne dans les vallées de la Vézère et de la Corrèze. (Paris 1888—1889). Perrier du Carne. La grotte de Teyjat. (P. 1889).

[31]) Ed. Piette. La station préhistorique de Brassempouy. (Angers 1893). Его-же. L'époque éturnienne et les races humaines de la période glyptique. (St. Quentin 1894).

[32]) E. Riviére. De l'antiquité de l'homme dans les Alpes-Maritimes. (Paris 1888). Jennings A. V. The Cave Men of Mentone 1892. A. I. Evans. On the prehistoric interments of the Balgi Rossi Caves near Mentone. (Journal of the Anthr. Inst. XXII, 287). Idem. Entdeckung von drei menschl. Skeleten in der Höhle Barma grande. (Praehist. Blätter IV, 33 a VI 26). Ср. статью Issel'я Verh. der berl. Gesellsch. f. Anthr. 1892, 288.

[33]) Объ этихъ трехъ находкахъ см. Отчетъ антропологическаго съѣзда въ Парижѣ въ 1889 г. стр. 140; соч. A. Testut. Recherches sur le squelette quaternaire de Chancelade (Lyon 1889) и M. Hardy. La station quaternaire de Raymonden à Chancelade (P. 1891).

[34]) E. Dupont. Les temps antéhistoriques en Belgique. L'homme pendant les âges de la pierre dans les environs de Dinant sur Meuse (Bruxelles et Paris 1874). E. van Overloop. Les origines de l'art en Belgique. Les âges de la pierre. (P. 1882).

[35]) Cas. Ubaghs. L'age et l'homme préhistorique et la station lacustre prés de Maëstricht. (P. 1884).

[36]) Ср. глав. обр. соч. Julien Fraipont et M. Lohest. La race humaine de Neanderthal ou de Cannstadt. Recherches éthnologiques sur les ossements humains découverts dans les dépôts quaternaires d'une grotte à Spy. (Gand 1887). De Puydt et M. Lohest. L'homme contemporain du mammouth à Spy. (Namur 1887).

[37]) J. Ewans. Flint implements in the drift (London 1860). Duckworth H. Artefacta antiquissima. Geology and its relation to primeval man. (Liverpool 1860). W. Boyd Dawkins. Cave hunting. (London 1874), въ нѣмецк. перев. J. Spengel'я подъ загл. «Die Höhlen und Ureinwohner Europas. (Leipzig und Heidelberg 1876). Очень важное соч. объ изслѣдованіяхъ англійскихъ и французскихъ пещеръ.—Его-же. Early Man in Britain. (London 1880). J. Ewans. Ancient Stone Implements, Weapons and Ornaments of Great Britain. (London 1872, нов. изд. 1897). Brown J. Palaeol. Man in N. W. Midlessex. (London 1887). Dawkins & Tideman. On the Evidence afforded by the Caves of Great Britain as to the Antiquity of Man. (Lond. 1877). Shone W. Postglacial Man in Britain. (Lond. 1894).

[38]) См. N. Delgado Noticia acêrca das grutas da Cesareda (Lisboa 1867); Его-же La grotte de Furninha въ отчетахъ междунар. археологич. съѣзда въ Лиссабонѣ въ 1880 г. О находкахъ въ С. Исидро см. Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris, IV (1893), p. 274 и 391.

[39]) Литературу главнѣйшихъ сочиненій о находкахъ каменнаго вѣка см. въ Revue d'anthropologie 1889, стр. 611, ср. P. Castelfranco.

[40]) F. Anca. Paleoetnologia sicula. (Palermo 1867). Minà Palumbo F.

Paleoetnologia sicula. (Palermo 1869). F. V. Andrian. Praehistorische Studien aus Sicilien. (Berlin 1878).

[41]) A. Issel. Nuove ricerche sulle caverne ossifere della Liguria (Roma 1874, 77—78). Его-же. Liguria geologica e preistorica (1892).

[42]) A. Nehring. Die quataern. Fauna von Thiede und Westregeln nebst Spuren des vorgeschichtlichen Menschen. (Braunschw. 1878).

[43]) Извѣстный каннштадскій черепъ, по имени котораго Катрфажъ и Ами назвали наиболѣе древнее изъ европейскихъ племенъ «каннштадскимъ», не имѣетъ, кажется, ничего общаго съ этимъ мѣстонахожденіемъ. Черепъ этотъ былъ найденъ въ 1700 г. и сохранялся очень долго безъ всякой надписи въ музеѣ, пока уже въ наше время на него не обратили вниманія. Происхожденіе его такимъ обр. очень сомнительно, хотя своими признаками онъ и не выходитъ изъ ряда прочихъ череповъ четвертичной эпохи. Ср. d'Acy «Les crânes de Cannstadt, de Néanderthal et de l'Olmo» (Paris 1889).

[44]) Fuhlrott C. Der fossile Mensch aus dem Neanderthal 1865. Schaaffhausen H. Der neanderthaler Fund. (Bonn 1888).

[45]) Ср. C. Merk. Der Fund von Thayngen. Höhlenfund im Keszler-Loch. (Zürich 1875). J. J. Müller. Öffentliche Erklärung über die bei den Thaynger Höhlenfunden vorgek. Falschung. (Zürich 1877). См. объ этомъ ст. Линденшмита въ Arch. f. Anthropologie томы IX, X, XI. Важнѣйшія новѣйшія находки палеолит. эпохи въ Швейцаріи были сдѣланы д-ромъ Nuesch близъ Шафгаузена, въ Schweizerbild'ѣ. См. его сочиненіе: «Das Schweizerbild». 1896. 4°.

[46]) M. Much. Über die Zeit des Mammuth im Allgemeinen und über einige Lagerplätze von Mammuthjägern in Nieder-Oesterreich. (Wien 1882). Wurmbrandt G. Über die Anwesenheit des Menschen zur Zeit der Lössbildung (Denkschriften der Akademie der Wiss. (Wien 1879). — P. L. Hacker. Die Gudenus Höhle. (Mittheilungen d. wiener anthrop. Ges. XIV, стр. 145). L. H. Fischer. Palaeolith. Fundstellen in der Wachau. (Mittheil. der Centralcomm. Wien 1892, 138). Dr. J. N. Woldřich. Reste diluv. Faunen und des Menschen aus dem Waldviertel Niederösterreichs. (Wien, Akademie 1893).

[47]) O. Herrmann. Der paleol. Fund von Miskolcz. (Mitth. d. anthr. Ges. Wien 1893, 77) etc.

[48]) Найденный еще тамъ недавно черепъ взрослаго мужчины, лежавшій въ четвертичной глинѣ, является по своему типу такимъ исключеніемъ между прочими находками этого рода, что Р. Вирховъ совершенно основательно не считаетъ возможнымъ признать его современнымъ съ прочими. Черепъ этотъ короткоголовый.

[49]) Jan Kušta. Památky práce lidské v útvaru diluvialnim v Čechách. (Věstnik král české společnosti nauk 1890). Его-же. Stanice diluviálního člověka v Lubné v Čechách. (Rozpravy II. třídy č. akademie č. 9). Praha 1891.

[50]) См. гл. обр. статьи Фрича въ Vesmír'ѣ 1884 г. стр. 195 и 1885 г. стр. 197. Затѣмъ его-же обстоятельныя работы, помѣщенныя въ отчетахъ засѣданій чешской корол. академіи наукъ 1884 и 1885. О статьѣ Шаффгаузена см. Verhandlungen d. niederrhein. Vers. Jahrg. XLI, стр. 364 и Correspondenzblatt d. deutsch. anthropolog Gesell. XV, стр. 48.

[51]) Статья Luschan'a помѣщена въ Mittheil. d. wiener anthrop. Gesellschaft III, стр. 25, Woldřich'a «Geologischer Bericht über den Brüxerschädel und weitere Funde aus Brüxer Gegend» тамъ-же, т. III, стр. 57. Французскіе уче-

ные относятъ подбабскій и мостецкій черепа къ числу череповъ несомнѣнно четвертичной эпохи и причисляютъ ихъ къ такъ наз. канштадтской или неандертальской расѣ. (Ср. хоть бы E. T. Hamy. Quelques observations anatomiques et ethnologiques à propos d' un crâne humain trouvé dans les sables du Brüx (Bohême) (Paris 1870), и его же статью въ Revue d'anthropologie 1872, стр. 669.

52) Woldřich, изслѣдовавшій и описавшій эти находки (Jahrb d. k. k. geolog. Reichsanstalt 1877, стр. 223), считаетъ ихъ станціями послѣледниковой эпохи.

53) «Diluviale Fauna von Zuzlawitz im Böhmerwalde, I, II, III. (Zprávy král. české společnosti nauk 1880, стр. 191, 1881, стр. 260, 1883, II, стр. 288 и Sitzungsberichte d. k. Akademie d. Wiss. in Wien II. Classe Bd. LXXXII, LXXXIV, LXXXVIII. (800—1883).

54) K. J. Maška «Der diluviale Mensch in Mähren. Mit 51 Abbildungen im Texte. (Оттискъ изъ программы городскаго реальнаго училища въ Новомъ Йичинѣ, Nový Jičín 1886). Болѣе извѣстно сочиненіе д-ра Wankel'я «Bilder aus der mährischen Schweiz und ihrer Vergangenheit» (Wien 1882). Изъ прежнихъ его сочин. см. напр. «Die Slouper Höhle und ihre Vorzeit» (Wien 1868). Praehistorische Alterthümer in den mährischen Höhlen (Wien 1871).

55) См. прим. 46.

56) J. Steenstrup. Die Mammuthjäger-Station bei Předmost im öesterr. Kronlande Mähren. Нѣмец. пер. д-ра R. Much'a въ Mitth. d. wiener anthr. Ges. XX, стр. 1 и слѣд. Статью Ванкеля о теоріи Стенструпа см. въ Correspondenzblatt der d. anthrop. Ges. 1890, стр. 32, и затѣмъ въ Časopis musea olomouckého 1890, стр. 1 и 53, въ Mitth. der Centralcommission für Erf. und Erh. d. Denkmäler 1890, стр. 226, и наконецъ въ спеціальн. соч. Wankel'я «Prae historische Jagd in Mähren. Olmütz 1892.

57) K. J. Maška. Über die Gleichzeitigkeit Mammuths mit dem diluv. Menschen in Mähren (Correspondenzblatt der d. anthr. Ges. 1889, 114). Výzkumy na táboristi lovců mammutich v Předmostí (Praha, Akademie 1893). Nález diluvialniho člověka v Předmostí (Журн. «Český Lid» IV стр. 161).

58) Ср. гл. обр. Alex. Makowsky. Der Löss von Brünn und seine Einschlüsse an diluvialen Thieren und Menchen. (Brünn 1887). Его-же. Lössfunde bei Brünn und der diluviale Mensch. K. Maška. Lössfunde bei Brünn und der diluviale Mensch (обѣ въ Mitth. d. wiener anthr. Gessellschaft XIX, стр. 46 и 179). Ср. также рефератъ Маковскаго «Über die Anwesenheit des Menschen während der Lössperiode in der Umgebung von Brünn» (тамъ-же, Sitzungsberichte стр. 60 и слѣд.) и пренія по этому поводу.

59) J. Makowsky Alex. Der diluviale Mensch im Löss von Brünn. (Mitth. der anthr. Ges. Wien. XXII, 73).

60) Jan Knies. Pravěké nálezy jeskyně šošůveckè na Moravè (Olomúc 1891). K. Maška. Die dil. Fauna und Spuren des Menschen in der Schoschuwker Höhle. (Jahrbuch d. geolog. Reichsanstalt. XLI. 1891, стр. 415).

61) Всѣ статьи Сомбати о моравскихъ пещерахъ помѣщены въ Извѣстіяхъ Вѣнской Акад. Наукъ (физико-математич. отдѣл.).

62) Статьи Krasser'a см. въ Mitth. d. wiener anthr. Ges. X, стр. 284 и XI, стр 98.

63) Dr. M. Kříž. Kůlna a Kostelík. Dvě jeskyně v útvaru devonského vápence na Moravě. Bádání a rozjímání o pravěkém a předvěkém člověku. Brno.

1889—91 Sešit I—III. Ср. Его-же. Höhlen in den mährischen Devonkalken und ihre Vorzeit. I. Die Slouperhöhle. II. Die Höhle Výpustek bei Kiritein. III. Die Býčí skála Höhle. IV. Die Höhle Kostelík im Mokráwalde nebst übrigen Grotten des Hádekerthales: Отд. оттискъ изъ Jahrbuch. der k. k. geolog. Reichanstalt. 1892, Bd. 42, Heft 3. (Wien. 1891, 1893).

[64]) Ср. примѣч. 55.

[65]) Ср. хоть-бы R. Baume. Kieferfragment von La Naulette und Schipkahöhle. (Leipz. 1883).

[66]) Пещеру эту изслѣдовалъ Готфридъ Оссовскій и результаты своихъ изслѣдованій опубликовалъ въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj. «Sprawozdanie z badań geologiczno-antropologicznych w jaskiniach okolic Kraków». (Часть III. стр. 74, IV. стр. 35, V. стр. 18, VI. стр. 28, XI. стр. 13) и въ нѣсколькихъ французскихъ брошюрахъ подъ заглавіемъ «Relation des fouilles etc.». Общее сочиненіе объ этихъ находкахъ «Jaskinie okolic Ojcówa I.» было напечатано въ Краковѣ въ 1885 году тоже по французски подъ заглавіемъ: «Cavernes des environs d'Ojcow au point de vue paléoethnologique» (Kraków 1885). Ср. также Ferd. Römer. «Die Knochenhöhlen von Ojcow in Polen». (Cassel, 1883). Статьи Р. Вирхова о найденныхъ тамъ человѣческихъ черепахъ были помѣщены въ Изв. Берлинскаго Антропологич. Общества, 1873, 1879 и 1880 гг. [На русскомъ языкѣ Оссовскій (недавно умершій) помѣстилъ подробный отчетъ о своихъ раскопкахъ пещеръ въ «Извѣстіяхъ Томскаго университета», т. IX].

[67]) См. главн. обр. большое сочиненіе графа А. С. Уварова «Археологія Россіи». I. «Каменный періодъ» 2 части. (Москва. 1881). Гл. III. О древнѣйшихъ каменныхъ орудіяхъ въ Россіи. П. И. Лерхъ. Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ» (С.-Петербургъ. 1862). Д. П. Сонцовъ. О каменномъ вѣкѣ. (Москва, 1870). См. также сообщенія С. Н. Никитина, Ѳ. Н. Чернышева, И. Е. Савенкова и др. въ I томѣ Comptes rendus du Congrès international d'archeol. préhistorique à Moscou (Moscou. 1892). О находкахъ въ Гонцахъ, Полт. губ. См. Труды III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, т. I, О находкахъ на Кирилл. улицѣ въ Кіевѣ, см.: П. Я. Армашевскій и В. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева (Кіевъ, 1897) и болѣе подробно ст. Ѳ. К. Волкова (Хв. Вовка): Передісторичні знахідки на Кирилівській ул. у Київі (Матеріали до українсько-руської етнольогії, вид. Наук. Тов. им. Шевч. у Львові. Львовъ, 1898, стр. 1—30).

[68]) Cf. P. Koudriavtsev. Les vestiges de l'homme préhistorique près du village de Volosovo. (Comptes rendus du XI. Congrès intern. préhistorique à Moscou. T. II, p. 233 (1893).

[69]) Cf. Dm. Anoutchine. Sur les restes de l'Ursus spelaéus trouvés en Russie (Comptes rendus du XI Congrès intern. préhist. à Moscou). T. I. (1892), p. 244.

[70]) О пещерахъ камен. вѣка по Днѣпру. (Труды IV археол. съѣзда въ Казани).

[71]) Сборникъ за народни умотворения. София VI (1892), стр. 362.

[72]) Изъ сочиненій о людоѣдствѣ вообще и о каннибализмѣ въ доисторическія времена укажемъ: Girard de Rialle. De l'antropophagie. Étude d'éthnologie comparée (1875). H. Schaffhausen. Anthropologische Studien XXIII. Über die Menschenfresserei (1885), R. Andree. Die Anthropophagie (1887), также статьи Hildebrand'a и Karsten'a въ Изв. Берл. антр. Общ. (1874, стр. 73; 1876,

стр. 75) и пренія въ Париж. антр. Обществѣ (Bulletins de la Soc. d'Anthr. 1888, стр. 27). [Добавимъ еще: Bergemann. Die Verbreitung der Anthropophagie, 1893; Воеводскій, Каннибализмъ въ греч. миѳахъ, 1874; Steinmetz, Endokannibalismus, 1896; Matiegka, Anthropophagie in der prähist. Zeit. 1896].

[73]) Julien Fraipont et J. Braconnier. La poterie en Belgique à l'âge du mammouth (Paris 1887). Съ ними соглашается также и J. D. Mac-Guire On the evolution of the art of working in stone. 1893.

[74]) Ср. A. Ecker, Über praehistorische Kunst (Braunschweig 1878). Cartailhac E. L'art chez les chasseurs des rennes de l'Europe préhistorique (Toulouse 1878). Piette Ed. L'art pandant l'âge du renne (Angers 1885, Paris 1891). Chauvet G. Les débuts de la gravure et de la sculpture. Étude préhistorique (Melle 1887). Ed. Piette. L'époque éburnienne et les races humaines de la periode glyptique (St. Quentin 1894).

[75]) См. прим. 13, гдѣ указаны соч. по каменному вѣку вообще.

[76]) Cf. J. A. Brown. Continuity of the Palaeolithic and Neolithic Periods и Boyd Dawkins. On the Relation of the Palaeolithic to the Neolithic Period. (Journal of anthr. Institute of Great Britain 1892—1894), а также M. Boule'я (L'Anthropologie 1894. 461) и проч.

[77]) См. ст. Вольдржиха въ журн. «Ziva» 1891, стр. 97. «O pravlasti indoevropského pranàroda».

[78]) Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthropologie 1891 стр. 26, 1892 стр. 24. Ср. также его работу: «L'age de la pierre. Division industrielle de la période paléolithique quaternaire et de la période néolithique» (Paris 1892).

[79]) Erasmus Majewski. Przedhistoryczne narzędzia krzemienne zebrane pod wsią Ossówką (Warszawa 1895).

[80]) Ср.: А. А. Штукенбергъ и Н. Ѳ. Высоцкій. Матеріалы для изученія каменнаго вѣка въ Казанской губерніи (Каз. 1885); Н. И. Заусайловъ. Древнія каменныя орудія, собранныя въ Казанской губ. (Каз. 1884).

[81]) А. А. Иностранцевъ. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера (С.-Петербургъ 1882).

[82]) Ср. статьи въ I томѣ Comptes rendus du XI. Congrès intern. d'archéologie préhistor. p. 139, 141 и книгу Б. Передольскаго. Бытовые остатки насельниковъ Ильменско-Волховскаго побережья. (Спб. 1893).

[83]) Ср. главн. обр. «Untersögelser i geologisk-antiquarisk Retning af G. Forchhammer, J. Steenstrup og J. Worsaae» (Копенгагенъ 1850) и Jap. Steenstrup. Sur les Kjökkenmöddings de l'âge de la pierre de Danemark (Копенгагенъ 1872). Его же Kjökken-möddinger. Eine gedrängte Darstellung dieser Monumente sehr alter Kulturstadien (Копенгагенъ 1886). — О каменномъ вѣкѣ въ Даніи см. затѣмъ S. Müller Ordning af Danmarks Oldsager. Stenaldern (Копенгагенъ 1889) Zink L. Nordisk Archaeologi-Stenalderstudier (Копенгагенъ 1890) и пр. Ср. литературу въ Введеніи, стр. XXVI.

[84]) Ср. по этому вопросу Archiv für Anthropologie XIX, стр. 363, XX, стр. 401 и рефератъ О. Монтеліуса на археол. съѣздѣ въ Данцигѣ: «Zur Chronologie der jüngeren Steinzeit in Skandinavien». (Correspondenzblatt d. deut. anthr. Ges. 1891, стр. 99).

[85]) G. Berendt. Altpreussische Küchenabfälle am Frischen Haff. (Königsberg 1876).

[86]) Paule a Oliveira. Raças dos kjoekkenmoeddings de Mugem (Lissabon, 1881). О томъ же въ Communicações da commissão dos trabalhos geologicos. II, 1.

[87]) C. de Fondouce. De l'emploi de la callais dans l'Europe occidentale aux temps préhistoriques. 1884.

[88]) J. de Baye. L'archéologie préhistorique (Paris 1880) и въ сокращ. видѣ L'archéologie préhistorique (Paris 1888). Его-же L'importance des temps néolithiques au Petit-Morin (Arcis-sur-Aube 1885).

[89]) F. Garrigou et H. Filhol. Age de la pierre polie dans les cavernes des Pyrénées Ariégeoises (Paris et Toulouse 1868).

[90]) J. Ranke. Fünf Abhandlungen über künstliche Höhlen in Oberbayern (München 1878). Его-же: Die vorgesch. Steinzeit in Bayern (Bayern 1880). Его-же: Die Felsenwohnungen der jüngeren Steinzeit in der fränkischen Schweiz (München 1880).

[91]) A Issel. Nuove ricerche sulle caverne ossifere della Liguria (Roma 1874—8). Его-же La Liguria e i suoi abitanti nei tempi primordiali (1885). Incoronato A. Scheletri umani della caverna delle Arene Candide (Roma 1878). Issel Liguria geologica e preistorica (1892).

[92]) Ср. G. Bellucci «Sopra due Pintaderas rinvenute nell' Umbria» (Firenze 1888). R. Verneau. Las Pintaderas de Gran Canaria (Madrid 1883).

[93]) L. von Löcsy. Die Liszkowaer Höhle (Pest 1878).

[94]) Ср. «Avis important» помѣщенный въ Matériaux pour histoire de l'homme, 1883; и Déclaration collective du Comité de la Commission archéologique de l'Académie des Sciences de Cracovie sur l'authenticité des fouilles des cavernes de Mnikow (Krakov 1886). Перечисленіе главныхъ работъ объ этихъ пещерахъ см. въ примѣч. 66.

[95]) Dr. Lisch. Über die Hausurnen (Schwerin 1856). Ans. Taramelli. I cinerarii antiquissimi in forma di capanne scoperti nell' Europa. Roma 1893, стр. 28.

[96]) О городищахъ вообще см. Břet. Jelinek. Über Schutz- und Wehrbauten aus der vorgeschichtlichen und älteren geschichtlichen Zeit mit besonderer Rücksicht auf Böhmen (Prag 1885) и Dr. R. Behly. Die vorgeschichtlichen Rundwälle im östlichen Deutschland (Berlin 1888). О проч. соч. мы упомянемъ далѣе. Наиболѣе старинное изъ нихъ: Osk. Schuster'a. Die alten Heidenschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des Oberlausitzer Schanzensystems (Dresden 1869). Ср. также G. de la Noë. Principes de la fortification antique depuis les temps préhistoriques. (Paris 1890). Въ послѣднее время большое сочиненіе объ этомъ предметѣ издалъ A. von Cohausen, Die Befestigungsweisen der Vorzeit und des Mittelalters (Wiesbaden 1893). [Краткій очеркъ городищъ (въ Западн. Европѣ и Россіи), см. въ ст. «Городища» Д. Н. Анучина въ «Энциклопед. Слов.» изд. подъ ред. Арсеньева и Петрушевскаго].

[97]) H. et L. Siret. Les premiers âges du métal dans le Sud-Est de l'Espagne (Paris, 1887).

[98]) G. Scarabelli. Stazione preistorica sul monte Castellaccio presso Imola (Imola 1887).

[99]) M. Much. Germanische Wohnsitze und Baudenkmäler in Niederösterreich (Wien 1875). Его-же. Älteste Besiedelung des österreichischen Kaiserstaates (Wien, 1884).

[100]) F. S. Hartmann. Überreste altgermanischer Wohnstätten in Bayern. (Zeitschrift für Ethnologie XIII. 1881, стр. 237, гдѣ также сдѣлано и перечисленіе остатковъ доисторическихъ жилищъ въ остальной Европѣ).

[101]) Ср. гл. обр. P. M. Wosinsky. Das praehistorische Schanzwerk von Lengyel I.—III. (Pest 1888—1890). появившееся сначала въ «Ungarische Revue». Подробные отчеты помѣщены были въ «Archaeologiai Közlemények». О рефератѣ Вирхова см. въ Verhandlungen d. berliner anthr. Gesellschaft 1890, стр. 97.

[102]) Объ этихъ находкахъ см. соч. проф. Gr. Tocilescu Dacia inainte de romani, Bucuresci (1880), рефератъ Odobescu о доисторическихъ древностяхъ въ Румыніи (отзывъ въ L'Anthropologie 1890. p. 369) и статью г-жи Торма Über neolithische Wohnstätten Siebenbürgens. (Correspondenzblatt d. d. anthr. Ges. 1882, стр. 90).

[103]) Ср. въ особенности крупную работу Радимскаго W. Radimský. Die neolithische Station von Butmir bei Sarajewo in Bosnien. Ausgrabungen im Jahre 1893. Wien 1895. Folio mit 15 Tafeln.

[104]) Прекрасное описаніе чешскихъ неолитическихъ мѣстонахожденій сдѣлано Л. Шнайдромъ въ соч. Počátkové předhistorického mistopisu země české a některé úvahy odtud vycházející (Pardubice 1891). Въ послѣднее время д-ръ Л. Нидерле напечаталъ обстоятельную работу о неолитической эпохѣ въ Чехіи въ журн. Český Lid, T. III. подъ загл. «Prispévky k anthropologii zemí českých. II. O mladši dobé kamenné v Čechàch. (Praha 1894).

[105]) См. статью J. Szombathy (Annalen des k. k. naturhist Hofmuseums 1888, стр. 130).

[106]) См. напр. Verhandlungen der berl, anthrop. Gesellschaft 1887, стр. 522, 1889, стр. 443, 1894, стр. 466 и обстоятельное изложеніе въ «Českém lidu» I. (1891) стр. 58.

[107]) О прочихъ неолитическихъ находкахъ см. Dr. J. Woldřich «Beiträge zur Urgeschichte Böhmens» II, стр. 6, 7.

[108]) Описалъ Beneš v Památkách archeologiských VII, стр. 165.

[109]) Изслѣдовалъ и описалъ Č Ryzner въ Památkách archeologických XII, стр. 209, 241, 299.

[110]) W. Osborne. Über einen Fund aus der jüngeren Steinzeit in Böhmen (Dresden 1879).

[111]) Описалъ Woldřich въ Mitth. d. wiener. anthr. Gesellschaft 1890 стр. 122, и въ Časopise musea olomúckého 1890, стр. 103.

[112]) J. Palliardi. Predhistorická sidla na Znojemsku. Olomouc 1895.

[113]) Ср. Н. Харузинъ. Обзоръ доисторич. археологіи въ Балтійскихъ губ. (Ревель 1894, стр. 14).

[114]) Изъ очень богатой литературы свайныхъ построекъ упомянемъ о «Pfahlbauberichte» проф. F. Keller'a въ Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich Bd. IX—XX, 1853—80; ср. также F. Keller. Lake-Dwellings of Switzerland and other parts of Europe, перев. Lee. II изд. (London 1878 I. 1866). Fr. Troyon. Habitations lacustres des temps anciens (Lausanne 1860). E. Desor. Pfahlbauten in schweizer. Seen (Neuchâtel 1861). Его-же Les palafittes ou constructions lacustres du lac de Neuchâtel (Paris 1865), R. Virchow. Hünengräber und Pfahlbauten (München 1866), A. Pallmann. Die Pfahlbauten und ihre Bewohnen (Greifswald 1866), R. Hartmann. Über Pfahlbauten, namentlich der Schweiz (Berlin 1870), и новое большое сочин. Rob. Munro. The Lake-Dwellings of Europe (Lond. 1890). Имъ же большею частью посвящена книга Dr. G. A. Müller'a Vorgeschichtliche Kulturbilder aus den älteren Höhlen- und Pfahlbautenzeit (Bühl 1892), Marquis de Nadaillac. Les populations lacustres de

l'Europe, Bruxelles 1894 (Extrait de la Revue des Questions scientifiques). [Важно также сочиненіе Gross'a Les Protohelvètes P. 1883, съ 33 табл. рис.].

[115]) V. Gross. La palétnologie en Suisse (Revue d'anthropologie 1889, стр. 720 и слѣд.).

[116]) V. Gross. Tombes lacustres d'Auvernier (Neuveville 1876).

[117]) Флора швейцарскихъ свайныхъ жилищъ была замѣчательно изслѣдована кромѣ F. Keller'a O. Heer'омъ: Die Pflanzen der Pfahlbauten (Zürich 1865), а фауна L. Rütimeyer'омъ: Untersuchungen der Thierreste aus den Pfahlbauten der Schweiz (Zürich 1860) и Die Fauna der Pfahlbauten in der Schweiz (Zürich 1862). [Ср. Studer, Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bilersees. Bern. 1883].

[118]) Strobel e Pellegrino. Avanzi preromani raccolti nelle terramare e nelle palafitte dell' Emilia (Parma 1863). Castaldi. Lake-habitations in the turbaries of Northern and Central Italy. Transl. by Chambers (Lond. 1865). Camillo Marinoni. Abitazioni lacustri e gli avanzi di umana industria in Lombardia (Milano 1868). Ср. также статью P. Castelfranco въ Revue d'anthropologie 1887, стр. 607, 1889. стр. 568.

[119]) M. Wagner. Das Vorkommen von Pfahlbauten im Bayern (München 1867). Fraas E. Die Pfahlbaustation Schussenried. (II изд. Lindau 1877).

[120]) R. Virchow. Die Pfahlbauten im nördlichen Deutschland. Фауну этихъ озер. жилищъ изслѣдовалъ больше всего A. Nehring. — G. Lisch. Pfahlbauten in Mecklenburg (Schwerin 1865). C. Grewingk. Zur Pfahlbautenfrage Liv., Est- und Kurlands (Dorpat 1880).

[121]) Munro R. The archaeological importance of ancient british lake-dwellings and their relation to analogous remains in Europe. (Journal of the anthr. Institute XV. 1866 стр. 453). Его-же. Ancien Scottish Lake-Dwellings. (Edinburg 1882).

[122]) Подробныя свѣдѣнія сообщилъ графъ Вурмбрандтъ на съѣздѣ въ Болоньѣ въ 1871 г. Затѣмъ многія извѣстія были напечатаны въ Mittheilungen Вѣнскаго антропологич. общ. (I, стр. 70, 145, 283; II, стр. 1, 203, 249, 322; IV, стр. 293; V, стр. 117; VI, стр. 161, 205).

[123]) E. Freiherr von Sacken. Der Pfahlbau im Laibacher Moore (Wien 1876). Deschman C. Berichte über die in der Nähe von Laibach gemachten Funde von Gegenständen aus der Pfahlbautenzeit. Изв. Вѣнской Академіи Наукъ, вып. LXXXI, LXXXXII, LXXXIV). F. v. Hochstetter. Über Nachforschungen nach Pfahlbauten in den Seen von Kärnthen und Krain (Wien 1865).

[124]) B. Széchenyi. Trouvailles de l'âge de la pierre polie dans le bassin du lac de Neusiedel. (Pest 1874).

[125]) Геродотъ кн. V, гл. 16. Ср. статью—K. Jireček'a «Jezerní stavby v starém Bulharsku» (Časopis Českého Musea 1875, str. 437).

[126]) Ср. также E. Rückert. Die Pfahlbauten und Völkerschichten Osteuropas besonders der Donaufürstenthümer (Würzburg 1869) и J. Heierli. Die Verbreitung der Pfahlbauten ausserhalb Europas. (Журн. Antiqua 1890 № 1).

[127]) Forchhammer. Kyklopische Mauern Griechenlands und schleswig-holstein. Felsmauern. (Kiel 1874). M. Gell. Probestücke von Stadtmauern des alten Griechenlands. (München 1831). Dodwell E. Views and descriptions of cyclopian or pelasgic remains in Greece and Italy. (Lond. 1834).

[128]) Лучшее сочиненіе о нихъ: Spano. Memoria sopra i Nuraghi di Sardegna.

(I изд. Cagliari 1854). Его-же. Paleontologia Sarda (Cagliari 1871). Срав. затѣмъ Fil. Vivanet. La storia antica della Sardegna (Cagliari 1881), Fr. Orsoni. Dei primi abitatori della Sardegna. (Bologna 1881).

[129]) Сначала онъ производилъ раскопки самъ, достаточно ненаучно и несистематически, и только въ 1882 г. пригласилъ себѣ въ помощь двухъ выдающихся археологовъ J. Höfler'a a W. Dörpfeld'a. Главныя изданія Шлиманна слѣд: Trojanische Alterthümer съ атласомъ (Leipz. 1874); Reise in der Troas (Leipz. 1881); Ilios. Stadt und Land der Trojaner (Leipz. 1881); Troja. (Leipz. 1884). Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890 (Leipz. 1891). Многія вышли также по французски и по англійски. Въ соч. «Ilios», ville et pays des Troiens (Paris 1885) соединены нѣмецкія изданія «Ilios» и «Troja». Новыя находки по смерти Шлиманна были описаны W. Dörpfeld'омъ въ книгѣ «Troja» (Leipz. 1894). Sofie Schliemann. H. Schliemanns Selbstbiografie. (Leipz. 1892). Послѣднія изданія Шлиманна заключаютъ въ себѣ главн. обр. работы Дёрпфельда. Результаты всѣхъ раскопокъ Шлиманна изложены въ прекрасной книгѣ C. Schuchardt'a Schliemanns Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenae, Orchomenos, Ithaka; 2-ое дополн. изданіе (Leipz. 1891). Изъ другихъ сочиненій, посвященныхъ археологіи гомеровской Трои, отмѣтимъ O. Keller Entdeckung Ilions zu Hissarlik (Freiburg 1876). J. Puiggari Monografia historica e iconografica del Troje. (Barcelona 1886). R. Menge Troia und die Troas (Gütersloh 1891). G. Sortais. Ilios et Iliade. Les ruines d'Ilios. (Paris 1892). Ch. Normand. La Troie d'Homère (Paris 1893) О послѣднихъ раскопкахъ Шлиманна см. критическіе отзывы и сообщенія G. Perrot (Journal des Savants 1891). R. Virchow также написалъ объ этомъ много статей. Ср. также А. П. Κεραμευς. Ἡ λιθινη ἐποχη ἐν τῃ Μικρᾳ Ἀσιᾳ. (Смирна 1875). E. Chantre L'âge de la pierre et du bronze en Troade et en Grèce. (Lyon 1875).

[130]) Изъ сочиненій о мегалитическихъ памятникахъ болѣе важны M. Cambry. Monuments celtiques ou recherches sur le culte des pierres (Paris 1805). Fergusson J. Rude stone monuments in all countries (Lond. 1872). Lukis W. C. A guide to the principal chambered barrows and other prehistoric monuments etc. (Ripon 1875), On the class of rude stone monuments whitch are commonty called in England Cromlechs and in France Dolmens etc. (Ripon 1875). Barr Feree. Primitive architecture. (Lond. 1889). См. также историческій очеркъ E. Cartailhac'a. Les premiers travaux sur le monuments megalithiques (Paris 1886).

[131]) Lukis W. C. Egyptian obeliscs and European monoliths compared (Proceedings of the Soc. of ant. Lond. 1880, стр. 293). Ср. также болѣе старинное соч. G. Zoegy. De origine et usu obeliscorum. (Roma 1797).

[132]) E. Wörner. Beiträge sur Würdigung der unter den Namen Hinkelstein vorkom. Denkmale (Corresp. d. Gessamtver. d. deutschen Gesch. und Alterthumsvereine 1877 и 1881).

[133]) Литература очень велика; упомянемъ только о соч.: marq. de Nadaillac. Les pierres à cupules (Revue d'Anthropologie 1886, p. 93). F. Keller. Die Zeichen- und Schalensteine der Schweiz. (Zürich 1870). Desor. Les pierres à écuelles. (Genève 1879). Faudel. Les pierres et les roches à écuelles et à bassins. (Colmar 1880). Наиболѣе, кажется, обстоятельно сочиненіе H. Gruner'a Opfersteine Deutschlands. Eine geologisch- ethnographische Untersuchung. (Leipz. 1881). Онъ высказывается за ихъ естественное происхожденіе.

[134]) Ср. объ этомъ Correspondenzblatt d. deutschen anthr. Ges. 1885 № 5, 1888 стр. 5 и 33, 1889 № 1 и 2.

[135]) Кромѣ упоминаній въ Pravěku Воцеля и статей въ Památky archeologicke, о чешскихъ камняхъ болѣе всего написалъ J. Hübler. «Über die sogenannten Opfersteine Isergebirges (1882). Проф. Smolík, въ статьѣ «Obětní kameny a jejich domnělý význam» (Památky archeologické XI, str. 245), защищаетъ ихъ богослужебное назначеніе, какъ Ранке, Надальякъ и др.

[136]) Ср. Протоколы VII русск. археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ въ 1887 г.

[137]) A. Bonstetten издалъ въ 1864 г. карту распространенія дольменовъ въ Европѣ. Послѣ него подобныя же карты составили Bertrand, Lane Fox, Maury, A de Mortillet. Bonstetten. Essai sur les dolmens (Paris 1865). E. Desor, Über Dolmens. (Braunschw. 1866). von Löher. Über Dolmenbaute. (München 1888).

[138]) A. Bertrand. De la distribution des dolmens sur la surface de la France. (Paris 1864). Его-же. Monuments primitifs de la Gaule. Monuments dits celtiques. Dolmens et Tumulus. (Paris 1868). J. Cotman Les antiquités monumentales de la Normandie. (Paris 1881. Первое изд. вышло по англійски въ Лондонѣ въ 1820). P. Cazalis de Fondouce. Les temps préhistoriques dans le Sud-est de la France. Allées couvertes. (Paris 1878). F. Gailard Cartes, plans et albums des monuments mégalithiques à Morbihan. (Paris 1885). J. Miln. Explorations des dolmens en Locmariaquer et en Carnac. (Vannes 1882). Наиболѣе компетентный инвентарь французскихъ дольменовъ былъ изданъ Коммиссіей мегалитическихъ памятниковъ въ Bullet. de la Soc. d'Anthrop. de Paris 1880.

[139]) A. de Mortillet. Rapport sur les monuments mégalithiques da la Corse. (Paris 1893).

[140]) F. A. Pereira da Costa. Monumentos prehistoricos (Lissabon 1868). Они тамъ носятъ названіе «antas».

[141]) Cartailhac E. Monuments primitifs des îles Baléares (Toulouse 1892). Géneral Faidherbe. Les dolmens d'Afrique. (Paris 1873). Tissot. Sur les monuments mégalithiques et les populations blondes du Maroc et les monuments mégalithiques dans l'Afrique septentrionale. (Paris 1876).

[142]) Ch. J. Comhaire. Les monuments mégalithiques de Solwastes. (Liège 1889). E. Haroy. Cromlechs et dolmens de Belgique (Namur 1891).

[143]) O. Montelius. Die Cultur Schwedens in vorgeschichtlicher Zeit (Berlin 1885) стр. 29 и слѣд: Ср. также R. Virchow. Hünengräber und Pfahlbauten (München 1866). H. Petersen раздѣляетъ еще датскіе мегалиты на круглые (Runddysse, Rundsteinbetten) и на продолговатые съ камнями у основанія холма (Langdysse, Langsteinbetten). «Om Stenalderens Gravformer i Danmark og deres Indbyrdes Tidsforhold». (Копенг. 1882. По нѣмец. перевод. г-жею J. Mestorf въ Archiv für Anthropologie 1883, XV, стр. 133).

[144]) Ed. Krause und Dr. O. Schoetensack. Die megalithischen Gräber Deutschlands. Berlin 1893. (Отд. оттиски изъ Zeitschrift für Ethnologie 1893).

[145]) Графъ А. С. Уваровъ. Мегалитическіе памятники въ Россіи. (Древности. Труды Моск. арх. общ. VI стр. 269 и VII стр. 245). Ср. также статьи В. Юферова (Matériaux pour l'histoire de l'homme 1886, стр. 320), И. Д. Филимонова (Антропологическая выставка III, I, стр. 223), соч. E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase (Paris 1885—7) I, стр. 51, E. Chan-

tre. Les dolmens du Caucase Paris 1885 и Ф. Д. Фелицына Кубанскія древности (Екатеринодаръ 1882, а также въ Антр. выст. Ш. стр. 26).

[146]) Бр. Шкорпиловы. Паметници изъ Българско. I. (София 1888).

[147]) Лёббокъ. Доисторическія времена, перев. подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1876 г.

[148]) «Stonehenge» объясняются или какъ «висячіе или стоячіе камни» (hanging-stones), или какъ «каменное поле» (stone-ing). Объ нихъ кромѣ общей литературы мегалитовъ см. также: Stukeley. Stonehenge, a Temple restored to the Britisch Druids. Abury. Folio. (Lond. 1740—43). Flinders Petrie. Stonehenge: plans, description and theories. (Lond. 1880). Lukis W. C. Report on the prehistoric monuments of Stonehenge and Avebury (Proceedings of the soc. of antiq. IX, стр. 141). [E. Barclay Stonehenge and its Earthworks. L. 1895.] Lewis A. L. On the Wiltshire circles. (London 1891).

[149]) Lukis W. C. Prehistoric stone monuments of Cornwall. (London 1885). Maclagan. Hill Forts, Stone circles etc. (Edinburgh 1875).

[150]) Наиболѣе обстоятельное соч.: W. Grenwell and G. Rolleston. British barrows. A record of the examination of sepulchral mounds in various parts of England. (Oxford 1877). Ср. кромѣ того Davis J. B. and J. Thurnam. Crania britannica. The Skulls of the aborig. inhabitants of the brit Islands (London 1857—65). Th. Huxley and S. Lang. Prehistoric Remains of Caithness (London 1866). J. B. Warring. Stone monuments, Tumuli and Ornament of Remote Ages (London 1870). L. Jewitt. Grave Mounds and their Contents (London 1870). Кромѣ того объ этомъ писали еще Bateman, Borlase, Warne, Smith, Petrie и др. Ср. литературу въ введеніи стр. XXIV и статью Nadaillac'a. Les barrows dans les îles britanniques (Revue d'Anthropologie 1885, стр. 300).

[151]) Grewingk C. Die Steinschiffe von Musching und die Wella-Laiwa oder Teufelsböte Kurlands überhaupt. (Dorpat 1879).

[152]) Описали Virchow и Aspelin (Verhandl d. berl. anthr. Ges. 1877, стр. 439).

[153]) Fréderic VII., roi du Denemark: Sur la construction des Salles dites des géants. (Копенгагенъ 1857), а по датски: Om Bygningsmaaden af Oldtidens Jaettestuers. Подробное излож. въ брош. Dr. Bonnejoy. «De l'érection par les anciens Gaulois des menhirs et des pierres des dolmens sans machines. (Carentan 1889).

[154]) Ср. G. Closmadeuc. La question des dolmens et des coffres de pierre. (Vannes 1890).

[155]) Dr. J. Matiegka. Hroby se skrčenými kostrami v Čechách (Otisk z Českého Lidu. Praha 1892), и M. Wosinski. L'attitude replié des morts aux temps préhistoriques. (Paris 1891, по нѣмецки въ Ungar. Revue 1892). Авторъ объясняетъ это положеніе подражаніемъ утробному положенію младенца. Мнѣніе это было принято и многими другими.

[156]) L. Lindenschmit. Das Grabfeld am Hinkelstein bei Monsheim (Archiv für Anthropologie, III, стр. 101).

[157]) Dr. A. Götze. Die Gefässformen und Ornamente der neolithischen schnurverzierten Keramik im Flussgebiete des Saale. (Jena, 1891).

[158]) L. Siret. La fin de l'époque néolithique en Espagne (L'Anthropologie III. 385).

[159]) R. Zampa. Gli scheletri di Remedello e di Fontanella di Casaromano nelle provincie di Brescia e Mantova (Firenze 1891).

[160]) Я объяснилъ это въ своей брошюрѣ вышедшей въ Прагѣ въ 1894 г. подъ загл. «Prispěvky k antropologii zemi českych II. O mladši době kamenné v Čechách».

[161]) Кромѣ упомянутаго въ введеніи соч. Lissauer'a, см. также O. Tischler. Beiträge zur Kenntnis der Steinzeit in Ostpreussen und den angrenzenden Gebieten. (Königsberg 1883), а также новый докладъ проф. A. von Bezzenberger'a въ протоколахъ IX русск. археол. съѣзда въ Вильнѣ 1893 г.

[162]) Графъ А. Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы 2 т. (Спб. 1887—1894) Ср. тоже G. Ossowski. Materialy do paleoetnologii kurgánow ukrajińskich. (Krákow 1888) I и II.

[163]) А. С. Уваровъ. Археологія Россіи I. стр. 295, 342, 387, 395. А. А. Иностранцевъ. Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. (Спб. 1882). P. Bogdanov. Étude sur les crânes et ossements de l'homme de l'age de la pierre du lac de Ladoga (St.-Pétesbourg 1882). О неолитѣ сѣв.-западныхъ русскихъ провинцій см. C. Grewingk'a, Steinalter in Liv- Est- und Kurland (Dorpat 1865); Его-же «Die neolithischen Bewohner von Kunda in Estland (Dorpat 1885) и «Über Stein- und Knochengeräthe der ältesten Heidenzeit Liv-, Est-, und Kurlands (Dorpat 1885). Обозрѣніе неолитической эпохи балтійскихъ провинцій сдѣлано также Н. Харузинымъ въ его книгѣ: Обзоръ доисторич. археологіи въ балтійскихъ губерніяхъ. Ревель. 1894.

[164]) J. Grimm. Über das Verbrennen der Leichen. Abhandlungen d. k. Akademie d. Wiss. Berlin 1840. A. Rauber полагаетъ, что этотъ обычай развился изъ сожиганія жертвъ на могилахъ умершихъ.

[165]) Olshausen. Leichenverbrennung. (Verhandlung. d. Berl. anthr. Ges. 1892 стр. 129).

[166]) Ср. сообщеніе Cartailhac'a на съѣздѣ Association française pour l'avancement des Sciences въ Нанси: «Les sépultures à deux degrès et les rites funéraires de l'âge de la pierre», и соч. P. du Châtellier: Les époques préhistoriques dans le Finistère (Paris 1889). Онъ нашелъ между 92 неолитическими гробницами 61 съ остатками трупосожженія.

[167]) Объ этомъ гл. обр. капитальное соч. G. de Mortillet: Sur l'origine de la chasse, de la pêche, et de l'agriculture (Paris 1890). О рыболовствѣ см. C. Rau. Prehistoric Fishing in Europe and North-America (Washington 1884). Ph. Salmon. L'ichthyophagie et la pêche préhistorique (Paris 1887).

[168]) Неолитическую фауну и одомашненіе животныхъ наиболѣе изучали L. Rütimeyer (Die Fauna der Pfahlbauten, Zürich 1862). V. Hehn (Culturpflanzen und Hausthiere in ihrem Übergang aus Asien... in Europa. (Berlin 1870. Послѣд. изд. 1883), A. Otto. Zur Geschichte der ältesten Hausthiere (Breslau 1890), J. Steenstrup, G. de Mortillet, E. Dupont, A. Sanson, R. Hartmann, A. Nehring, Dr. L H. Jeitteles, Bourguin, E. Toussaint, у славянъ prof. J. Woldřich, Д. Н. Анучинъ: Къ древн. исторіи дом. животныхъ въ Россіи, въ «Трудахъ VI археолог. съѣзда въ Одессѣ« т. I, и др.

[169]) Флорой наиболѣе занимался Oswald Heer (Die Pflanzen der Pfahlbauten, Zürich 1865 (6-е изд. 1895 въ Берлинѣ). Ср. также A. de Candolle. Der Ursprung der Kulturpflanzen (пер. съ франц.) и работы Buschan'a [См. G. Buschan, Vorgeschichtliche Botanik der Cultur- und Nutzpflanzen etc. Br. 1895].

[170]) Theodor Ortway. Vergleichende Untersuchungen über den Ursprung der ungar. und nordeurop. praehistorischen Steinwerkzeuge (Wien 1887) и его сообщеніе на съѣздѣ въ Вѣнѣ въ 1889 г.: «Durchbohrung der Steinwerkzeuge». Объ этомъ писали также: B. Stedding, P. Schumacher, O. Tischler. Ср. также Ch. Rau. Drilling in stone without the use of metals. (Washington 1869).

[171]) Lépic. De l'emmanchement des haches préhistoriques (Bulletins de la soc. d'Anthr. de Paris II sér. V, p. 145). Les armes et les outils préhistoriques reconstitués. Folio (Paris 1872).

[172]) См. главн. обр. соч. W. Osborn'a «Das Beil und seine typischen Formen in vorhistorischer Zeit. (Dresden 1887) Подобную же работу приготовляетъ и A. de Mortillet. Здѣсь же упомянемъ и о сочиненіяхъ о происхожденіи и развитіи орудій вообще: G. Klemm. Der Werkzeuge und Waffen, ihre Entstehung und Ausbildung (Leipz. 1854). L. Noiré. Das Werkzeug (1880). Förtsch O. Die Entstehung der ältesten Werkzeuge und Geräthe (Halle 1892). Mason Otis. The origin of invention London 1895. Fr. Kick. Die Entwickelung der Werkzeuge. Prag. (Sammlung gemein. Vorträge N. 33). Чешскую работу объ этомъ издалъ Kl. Čermák. Vývoj nejobyčejnějších nástrojů (Čáslav 1891).

[173]) d'Acy. Marteaux, casse-têtes et gaines de haches néolithiques en bois de cerf (Paris 1893), Extrait de «L'Anthropologie». Ср. также Revue mensuelle de l'École d'Anthropologie III, p. 194

[174]) H. Fischer. Nefrit und Jadeit nach ihren mineral. Eigenschaften so wie nach ihrer urgesch. und ethnogr. Bedeutung (Stuttgart 1875). A B. Meyer. Die Jadeit- und Nefritobjecte aus Asien, Oceanien und Afrika (Dresden 1883), Neue Beiträge zur Kenntniss des Nefrit und Jadeit (Dresden 1890—91). Карту распространенія въ Европѣ нефритовыхъ и ядеитовыхъ топоровъ издалъ E. von Tröltsch (Stuttgart 1885). Дополненія къ ней были сдѣланы P. Вирховымъ; противъ азіатскаго происхожденія ихъ высказался также и Chr. Bahnssohn въ статьѣ «По вопросу о ядеитѣ и нефритѣ въ Европѣ«. (Aarbörger, 1889, вып. 2).

[175]) См. главн. обр. соч. A. Kopffleisch. Über die neolithische Keramik in Deutschland (докладъ на съѣздѣ въ Дрезденѣ). Braunschw. 1875. Dr. A. Götze. Gefässformen und Ornamente der neolithischen schnurverzierten Keramik im Flussgebiete der Saale, Jena 1891 (оба главн. обр. о тюрингенской керамикѣ). О керамикѣ въ Россіи писалъ П. А. Путятинъ. О гончарномъ искусствѣ въ каменномъ вѣкѣ. (Спб. 1881). Его-же. Орнаментика древняго гончарства. (Одесса 1886).

[176]) Въ послѣднее время изслѣдованіемъ этого предмета занимался G. Buschan. См. его главн. работу: «Über praehistorische Gewebe und Gespinste». Archiv für Anthropologie XVIII, стр. 235. Кромѣ того Holmes, Hasselmann и др.

[177]) Ср. статью Dr. J. Matiegka въ журн. Český Lid. IV, str. 178.

[178]) Lombard-Dumas et Rousset. Sépulture mégalithique de Collorgues. Gard, Nîmes, 1887, 8°. Ср. L'Anthropologie 1894, p. 147, 203, et Revue mensuelle III, p. 381, а также сообщеніе бар. де Бая на международномъ археол. съѣздѣ въ Москвѣ (Compte rendus T. II, p. 263), наконецъ интересную статью A. de Mortillet въ Revue mensuelle de l'Ecole d'Ahthrop. V, p. 273.—Кромѣ того R. Forrer. Über primitive menschliche Statuetten (Antiqua 1888, № 1). O. Tischler. Die neuesten Entdeckungen aus der Steinzeit im ostbaltischen Gebiet und Anfänge plastischer Kunst in Nord-Ost-Europa (Königsb. 1883).

[179]) Prof. I. Kopernicki «O trepanovanych lebkách předhistorických nalezenych v Čechách». (Památky archaeologické XII, str. 217).

[180]) Dr. P. Broca. Sur la trépanation du crâne et les amulettes crâniennes à l'époque néolithique (Paris 1877). Кромѣ того: J. de Baye. La trépanation préhistorique (Paris 1876); G. de Mortillet. Races humaines préhistoriques et chirurgie religieuse de l'époque des dolmens (Paris 1877); marq. de Nadaillac. Mémoire sur les trépanations préhistoriques (Paris 1866). Horsley V. Trephining in the Neolithic Periode (Journal of the anthr. Inst. XVII, p. 100); Rob. Munro. The Trepanning of the Human Skull in Prehistoric Times (Edinburgh 1891). Д. Н. Анучинъ. Амулетъ изъ кости человѣческаго черепа и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи. Москва 1895. (Труды IX арх. съѣзда въ Вильнѣ). Еще объ этомъ писали: Sören Hansen (о датскихъ черепахъ), H. Tillmanns, R. Andree, M. Bartels, F. v. Luschan и др.

[181]) Dr. O. Schrader. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Waarenkunde (Jena 1886), Über den Gedanken einer Kulturgeschichte der Indogermanen auf sprachwissenschaftlichen Grundlage (Jena 1887). Главнымъ же образомъ: Sprachvergleichung und Urgeschichte (Jena I изд., 1883 II, 1890).

[182]) См. главн. образ. A. de Quatrefages a E. Hamy. Crania ethnica (Paris 1873—1882). Менѣе крупныя работы: Ph. Salmon Les races humaines préhistoriques (Paris 1888). R. Virchow. Die Urbevölkerung Europas (Berlin 1874); его-же рефератъ на съѣздѣ въ Висбаденѣ въ 1873 г. «Über die ursprüngliche Bevölkerung Deutschlands und Europas». О прочихъ соч. по антропологіи европейскихъ странъ мы упомянемъ далѣе.

[183]) E. d'Acy. Les crânes de Cannstadt, de Néanderthal et de l'Olmo (Paris 1889) и Correspondenzblatt d. deutsch. anthr. Ges. 1892, стр. 88 и слѣд. Кромѣ того объ отдѣльныхъ черепахъ см. слѣд. сочиненія: Fraas O. «Uber die Cannstadtrasse» (Рефератъ на съѣздѣ въ Нюренбергѣ въ 1887). W. Spengel. Die Schädel vom Neaderthaltypus (Braunschw. 1875). Fuhlrott C. Der fossile Mensch aus der Neanderthal (Duisburg 1865). W. King. The reputed Fossil Man of the Neanderthal. 1864. Fraipont J. et Lohest M. La race humaine de Néanderthal ou de Cannstadt en Belgique (Gand 1887). H. Schaaffhausen. Der Neanderthaler Fund (Bonn 1888). Ср. Его-же. Über die Urform des menschl. Schädels (Bonn 1868). Davis J. B. The neanderthal skull. (London 1864).

[184]) B. Baume. Die Kieferfragmente von La Naulette und der Schipka-Höhle (Leipz. 1883). P. Topinard. Caractères simiens de la machoire de la Naulette (Paris 1886).

[185]) L. Manouvrier. Mémoire sur la platycnémie (Paris 1888). J. Fraipont. Le tibia dans la race de Néanderthal. Paris 1888.

[186]) L. Manouvrier. La détermination de la taille d'après les grands os des membres (Paris 1892. Mémoires de la Soc. d'Anthropologie II. Sér. IV). J. Rahon. Recherches sur les ossements humains préhistoriques. (Revue mensuelle II, стр. 234). Болѣе обширная его статья объ этомъ въ Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris II, série IV, 4, стр. 403.

[187]) J. Kollmann. Das Schweizerbild bei Schaaffhausen und Pygmäen in Europa. (Zeitschrift für Ethnologie 1894, p. 189).

[188]) J. Thurnam. On the two principal forms of ancient british and gaulish skulls (London 1865).

[189]) См. R. Verneau. «La race de Cro-Magnon, ses migrations, ses descen-

dents». (Revue d'anthropologie 1886, стр. 10). Paula e Oliveira. Raças dos Kjoekkenmoeddings de Mugem (Lissabon 1881). V. Jacques. L'éthnologie préhistorique dans le sud de l'Espagne (Bulletin de la Soc. d'anthropologie de Bruxelles 1888). Fr. M. Tubino. Los aboriginos Ibericos e los Berberes en la Peninsula (Madrid 1876).

[190]) Raf. Zampa. Crania italica vetera. Antichi resti umani in Italia (Roma 1891).

[191]) Ср. пренія на съѣздѣ въ Дрезденѣ въ 1874 г. и гл. обр. реф. R. Virchow'a «Über die Verbreitung brachycephaler Schädel in vorgeschichtlicher und geschichtlicher Zeit in Deutschland».

[192]) См. статьи Georges Hervé въ Revue mensuelle de l'Ecole d'Anthrop. II, p. 80, IV, p. 393, V, p. 18, 137 и статистику неолитическихъ череповъ Галліи Ph. Salmon'a въ томъ же изданіи (V, p. 155).

[193]) R. Virchow. Pfahlbauschädel des Museums in Bern (Zeitschrift für Ethnologie 1885, стр. 283; ср. также стр. 548). Studer, Th. und E. Bannwarth. Crania helvetica antiqua. Leipzig 1894. G. Hervé. Les populations lacustres. (Revue mensuelle V, p. 137).

[194]) P. Nada. Les Chamites en Europe. Essai sur l'origine des Ibères, des Ligures, des Sicanes etc. (Louvain 1885). d'Arbois de Jubainville. Les premiers habitants de l'Europe (II изд., Paris 1889). Dr. John Beddoe. The anthropological History of Europe. (London 1893).

[195]) G. Sergi. Degli abitanti primitivi del Mediterraneo (Questionario del I. congresso geogr. ital.). См. также его статью Liguri e Celti nella Valle del Po (Archivio per l'antropologia 1883, стр. 18).

[196]) Изъ богатой литературы этого вопроса отмѣтимъ новѣйшее антропологическое соч. Telesphor'a de Aranzadi y Unamuno. El pueblo euskalduna (San Sebastian 1889).

[197]) О металлахъ въ доисторическія времена см. соч. C. Ch. Göbel. Über den Einfluss der Chemie auf die Völker der Vorzeit (Stuttgart 1842). Dr. Zippe. Geschichte der Metalle (Wien 1857). J. P. Rossignol. Les métaux dans l'antiquité (Paris 1863). A. A. Котляревскій. Металлы и ихъ обработка у племенъ индоевропейскихъ. (Москва 1865). Peigné-Delacourt. Technologie archéologique (Paris 1873). Chap. IV. R. Andree. Die Metalle bei den Naturvölkern mit Berücksichtigung praeh. Verhältnisse (Leipz. 1884), и прекрасная статья проф. B. Erben'a. Kovy pravěku. Mosaika z dějin kovů, Отд. оттискъ изъ I-го года изд. «Časopis pro průmysl chemicky» (Praha 1891). Литература металловъ и металлургіи вообще очень обширна.

[198]) J. et L. Sabatier. Production de l'or, de l'argent, et du cuivre chez les anciens (S.-Pétersbourg 1850). A. Frantz. Das Gold und Silber im Alterthum (Berg- und Hüttemannische Zeitung XXXIX. № 4, 21). A. Del Mar. A history of the precious Metals (London 1880).

[199]) Hoffmann K. B. Das Blei bei den Völkern des Alterthums (Berlin 1885).

[200]) Bapst G Sur la provenance de l'étain dans le monde ancien (Paris 1886). Его же. Les métaux dans l'antiquité et moyen âge. L'étain (Paris 1884). Dr. E. Reyer, Allgemeine Geschichte des Zinnes. (Österr. Zeitschrift für Berg- und Hüttenwesen 1880). Его же. Zinn (Berlin 1881).

[201]) См. L'Anthropologie. III, p. 275. IV, p. 563.

[202]) Изъ очень большой, но главнымъ образомъ журнальной литературы о системѣ трехъ періодовъ отмѣтимъ по крайней мѣрѣ слѣдующія болѣе важныя работы: H. Hildebrand. Zur Geschichte des Dreiperiodensystems (Verhandlungen der berl. anthrop. Ges. 1886, стр. 357); O. Montelius. Über die Geschichte des Dreiperiodensystems (ibid. 1887, стр. 613); Ing. Undset (ibid, 1886, стр. 18), Lisch (ibid. 1885, стр. 551), R. Virchow (ibid. 1876, стр. 40; 1885, стр. 263, 545, 552; 1887, стр. 614); S. Müller. Dr. Hostmann und der nord. Bronzealter (Archiv für Anthropologie IX, стр. 127); см. также и посвященную этому вопросу главу въ соч. Chr. Hostmann'a. Studien zur vorgeschichtlichen Archaeologie (Braunschweig 1890). Ср. также и Alex. Bertrand. Les âges de la pierre, du bronze et du fer (Académie des Inscriptions. Bulletins 1885. Octobre; L'Anthropologie IV, 476). Halma du Fretay. L'histoire préhistorique d'après les faits. (Quimper 1894).

[203]) См. главн. обр. соч. Hostmann'a. Studien zur vorgesch. Archaeologie (Braunschweig 1890); предисловіе къ нему написано L. Lindenschmit'омъ.

[204]) Dr. M. Hoernes. Geschichte und Kritik des Systems der drei praehistorischen Culturperioden. (Sitzungsberichte der anthr. Ges. in Wien. XXIII, p. 71).

[205]) M. Much. Das vorgeschichtliche Kupferbergwerk auf dem Mitterberge (Mittheilungen der k. k. Centralcommission. Wien 1878, IV Bd.).

[206]) Pulszky F. A rézkor Magyarországban (Budapest 1883), полный нѣмецкій переводъ «Die Kupferzeit in Ungarn» (Budapest 1884). M. Much. Kupferzeit in Europa und ihr Verhältniss zur Kultur der Indogermanen (Wien 1886). Сначала выходило въ изданіи Centralcommission въ 1885 и 1886 г.г. Новое изд. въ 1893 г. въ Іенѣ. Кромѣ Муха статистикой находокъ мѣдныхъ вещей занимались еще V. Gross, R. Forrer, I. Spöttl и др. Ср. также O. Tischler (Über die Kupferzeit in Europa. (Schriften der phys. ökon. Ges. in Königsberg. 1887). C. Delon. Le cuivre et le bronze (Paris 1877).

[207]) Ad. Jeanjean. L'age du cuivre dans les Cévennes (Nîmes 1885).

[208]) Статьи Воцеля помѣщались въ нѣмец. запискахъ Чешск. королев. ученаго общ. (V ч., 9 ч. 1854, 1855; 10 ч. 1857, и во II ч. его «Archaeologische Parallelen» (Wien 1855). Упомянутыя работы его на русск. яз. были помѣщены въ изд. «Антропологическая выставка» I, стр. 104, 311, 387, II. стр. 314, III. 1. стр. 197. Кромѣ того важны также работы Helm'a, Wibel'я, Olshausen'a, Schrötter'a, Virchow'a («Bronzeanalysen» въ Verhandl. der berl. anthrop. Ges. 1875 стр. 197, 247) и др. Въ Чехіи проф. Fr. Štolba, а до него Quadrat и Reuss помѣщали статьи въ зап. Чеш. кор. уч. общ. (1847 стр. 23, 1860 I. стр. 38, 1866 II., 9, 16) и въ Památkách archaeologickych (VII, стр. 206).

[209]) C. Künzel. Die Bronzelegirungen. (Dresden 1875). C. Delon. Le cuivre et le bronze. (Paris 1887). Dr. E. Bibra. Die Bronzen der alten und ältesten Völker. (Erlangen 1869). Ch. Hostmann. Zur Technik der ant. Bronzeindustrie. (Archiv für Anthropologie X. стр. 41). Dr. E. Reyer. Die Kupferlegirungen, ihre Darstellung und Verwendung bei den Völkern des Alterthums. (Archiv für Anthropologie XIV, стр. 357 и слѣд.). Morlot Sur le passage de l'âge de la pierre à l'âge du bronze, et sur les métaux employés dans l'âge du bronze. (Kopenhagen 1866). Chr. Petersen. Über das Verhältniss des Bronzealters zur historischen Zeit. (Hamburg 1868). F. Pérot. Archéologie préhistorique. L'âge du bronze. (Moulins 1887). Кромѣ того см. рядъ сочин. указанныхъ въ слѣд. примѣчаніяхъ.

[210]) Dr. F. Wibel. Cultur des Bronzezeit Nord- und Mittel-Europas. (Kiel 1865).

[211]) Revue archéologique, 1892, p. 275, L'Anthropologie III, p. 275.

[212]) S. Nilsson. Sur l'origine du bronze en Scandinavie. (Comptes rendus du congrés international à Paris 1867). Skandinaviska Nordens Ur-inavare. (Stockholm 1862). Bronsaldern. (Stockholm), нѣм. пер. въ Гамбургѣ въ 1863, III. изд. 1872. Fr. de Rougemont. L'âge du bronze ou les Sémites en Occident. (Paris 1866), нѣмец. перев. K. Keer'a (Die Bronzezeit) 1869 г.

[213]) Dr. M. Hoernes. Urgeschichte des Menschen, стр. 356. Его же. Genesis der europ. Bronzekultur. (Globus, т. XLIX, 1891, стр. 321).

[214]) R. Virchow. Über die Bronzezeit. (Verhandl. der berl. anthropol. Ges. 1876, стр. 175). Das Grabfeld von Koban im Lande der Osseten. (Berlin 1883).

[215]) W. Tomaschek. Die Zinngewinnung und Bronzebereitung in Asien. (Mittheilungen der Wiener anth. Ges. XVIII, стр. 8).

[216]) Müller Sophus. Zur Bronzealterfrage. (Archiv für Anthropologie IX, стр. 141, X, стр. 27, 63). Ursprung und erste Entwickelung der europäischen Bronzecultur (ibid. XV, стр. 323). Та же статья по французски въ Matériaux pour histoire primitive et nat. de l'homme. 1886, стр. 1, 88 и 143).

[217]) G. de Mortillet. Origine du bronze. (Paris 1876). Ср. также рецензію въ Revue d'anthropologie, 1875, стр. 650.

[218]) См. гл. обр. Paul Bataillard. De l'apparition des Bohémiens (Paris 1844). Sur l'origine des Bohémiens. Les Tsiganes de l'âge du bronze. (Paris 1876). Его же. État de la question de l'ancienneté des Tsiganes en Europe. (Paris 1877). Его же. Les Zlotars, dits aussi Dzvonkars. Tsiganes fondeurs en bronze et en laiton dans la Galicie orientale et Bukovine. (Mémoires de la soc. d'anthropologie. IV, Paris 1878). P. Bataillard. Historique et préliminaires de la question de l'importation du bronze par les Tsiganes. (Paris 1880). Общіе результаты работъ изложены въ статьѣ «Les débuts de l'immigration des Tsiganes dans l'Europe occidentale». (Bulletins de la Soc. d'anthropologie de Paris 1889, стр. 255, 1890 стр. 290). Ср. также A. F. Pott. Zigeuner in Europa und Asien. (Halle 1844—65). Simson. History of the Gipsies. (London 1865). Hopf. Die Einwanderung der Zigeuner in Europa, (Gotha 1870). Fr. Miklosich. Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas. (Wien 1872—80). Adr. Colocci. Gli Zingari. Storia di uno popolo errante. (Turin 1889). H. v. Wlislocki. Vom wandernden Zigeunervolke. (Hamburg 1891) и рядъ другихъ работъ.

[219]) G. de Mortillet. Le signe de la croix avant le christianisme. (Paris 1866). Ср. также Mourant Brock. La croix païenne et chretienne. (Paris 1881). Dan. Bructon. Le taki, le svastika et la croix en Amérique. (Philadelphie 1889).

[220]) Mich. Zmigrodzki. Zur Geschichte der Suastika. (Archiv für Anthropologie XIX, стр. 173). См. также Hein R. A. Maeander, Kreuze, Hackenkreuze u. urmotivische Wirbelornamente in America. (Wien 1891). Thom. Wilson The Swastika (Rep. of the U. S. Nat. Mus. for 1894). Washington 1896.

[221]) Lenormant. Les premières civilisations. Paris 1874), нѣмец. пер. подъ загл. Anfänge der Cultur. (Jena 1875).

[222]) Památky archaeologické (XIII, str. 193, 331), нѣкоторыя потомъ найденныя въ Чехіи формочки упомянуты въ статьѣ Br. Jelinka (Mitth. d. wiener anthr. Ges. 1890, стр. 143), и у Šnajdrá «Počátky predhist. mistopisu» стр. 9, 12, 50, 56.

[223]) G. de Mortillet. Classification et chronologie des haches en bronze. (Оттискъ изъ Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme. Paris 1880). Кромѣ того см. Osborn'a и друг. соч. привед. въ прим. 172. Находки топоровъ въ Чехіи перечислены у J. Smolik'a въ Archaeol. Památkách XI, стр. 495. Ср. также прим. Dr. J. Woldřich'a въ Mittheil. der wiener anthr. Ges. XVI, стр. 81 и статью Adr. de Mortillet dans la Revue mensuelle II, 313.

[224]) Dr. M. Much. «Kelt oder Celt oder keines von beiden?» (Mitth. der anthr. Ges. in Wien. 1894, p. 84) и R. Virchow. Kelt oder Celt oder keines von beiden. (Verhandl. des berl. anthr. Ges. 1894, 351).

[225]) Объ этомъ вопросѣ см. нашу полемику съ г. Шнайдромъ въ журн. Česky Lid., I, стр. 87 и 417. Тамъ же и болѣе подробное перечисленіе чешскихъ и др. находокъ. Ср. также J. de Baye. Les instruments en pierre à l'époque des métaux. (Paris 1881).

[226]) См. G. de Mortillet. Empoisonnement des armes. (Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie 1891, p. 97). См. также статью д-ра J. Matiegky въ Českém Lidu II, str. 333.

[227]) См. напр. A. Bastian и A. Voss. Die Bronzeschwerter im Museum zu Berlin. (Berlin 1878), J. Naue. Die praehistorischen Schwerter. (Мюнхенъ 1885). О мечахъ и кинжалахъ, найденныхъ въ Чехіи, см. статью J. Smolik'a въ Památky archaeol. XI, str. 145, напис. еще въ 1879 г. Позднѣйшія находки еще не изучены.

[228]) F. de Villenoisy. Du mode d'emploi des épées antiques. Revue archéol. 1894, 230).

[229]) Zschille R. und Forrer R. Die Pferdetrense in ihrer Formenentwickelung. Berlin. 1893. Folio.

[230]) См. гл. обр. замѣчательную статью O. Montelius'a: Die Bronzezeit im Orient und im Griechenland. (Archiv für Anthropologie XXI, стр. 1 и слѣд.).

[231]) O. Montelius. Bronsaldern i Egypten. (Ymer 1888, стр. 3) и на франц. языкѣ: L'âge du bronze en Egypte. (L'Anthropologie 1889 стр. 27). R. Lepsius. Les métaux dans les inscriptions égyptiennes. Trad. W.-Berend. Paris 1877.

[232]) Flinders Petrie. Naukratis. Part 1, 1884—1885. (London 1886). Kahun, Gurob and Hawara. (London 1890). Illahun, Kahun and Gurob. (London 1891). Ср. также извлеч. Dr. J. Hoopse. Die Ergebnisse von Flinders Petrie zehnjährigen Ausgrabungen in Aegypten. (Globus LXII. 1892, № 19, 20).

[233]) О древнеегипетской культурѣ вообще см. напр. Wilkinson J. G. The Manners and Customs of the ancient Egyptians (London 1837, II, изд. 1878). Lauth F. J. Aus Aegyptens Vorzeit. (Berlin 1879). Mook F. Aegyptens vormetallische Zeit (Würzburg 1880). Maspéro G. L'archéologie égyptienne (Paris 1887). Virchow R. Über die vorhistorische Zeit Aegyptens. (Verh. d. berl. anthr. Ges. 1838, стр. 344). Maspéro G. L'Egypte et l'Assyrie (Paris 1887). По нѣмец. въ пер. Birnbaum'a. Лейпц. 1891)—A. Erman. Aegypten und aegyptisches Leben in Alterthum (Tübingen 1887). Ср.: Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité. T. I. L'Égypte (Paris 1882), H. Brugsch'a Aegyptologie. (Leipzig 1890) и Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. 1896—97.

[234]) L. Palma di Cesnola. Cyprus, its ancient Cities, Tombs and Temples. (Lond. 1877). L. P. di Cesnola. A descriptive atlas of the Cesnola Collection...

in the Metropolitan Museum of Art, New-York. Vol I. Boston 1885. Cesnola. Lawrence-Cesnola Collection. London 1881. Alex. Palma di Cesnola. Salaminia (Lond. 1884). M. Ohnefalsch-Richter написалъ много статей и между проч.: Cyperns Cultur im Alterthum. (Mitth. d. wiener anthr. Ges. r. 1890. Sitzungsber. стр. 90). Обобщеніе его изслѣдованій см. въ соч.: Die antiken Culturstätten auf Kypros (Berlin 1891), а въ послѣднее время въ большомъ изданіи: Kypros, die Bibel und Homer (Berlin 1893). См. затѣмъ J. Naue. Die Bronzezeit in Cypern (Correspondenzblatt d. deut. anthr. Ges. 1888, стр. 118, 123). Holwerd. Die alten Cyprier in Kunst und Kultur (Leiden 1885). J. Dümmler. Aelteste Nekropole auf Cypern. (Mitth. d. kais. deut. arch. Inst. Athenes XI. стр. 209).

[235]) Campbell J. The Hittites: their inscriptions and their history (London 1891). Sayce A. H. The Races of the Old Testament. (London 1891). Conder C. R. Hittite Ethnology. 1888. The Hittites (London 1888). L. de Lantsheere. De la race et de la langue des Hittites. (Bruxelles 1892). F. E. Peiser. Die hetitischen Inschriften. Ein Versuch ihrer Entzifferung (Berlin 1892).

[236]) Для справокъ о финикійской культурѣ, а также халдейско-ассирійской и персидской, лучше всего пользоваться кромѣ археологическихъ монографій и историческихъ изслѣдованій Mowers, Pietschmann, Rawlinson, Texier, Layard, Loftus, Place, Botta, Dieulafoye, Oppert, Sarzec, Heuzey, Babelon и др. и разныхъ сочин. по исторіи искусствъ (здѣсь опять на первомъ планѣ надо поставить соч. Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité. Tome II. Chaldée et Assyrie. 1884. III. Phénicie-Cypre 1885. IV. Judée. 1888. V. Perse. Phrygie. Lydie et Carie. Lycie. 1890. Paris), еще и слѣдующими новѣйшими соч.: Halévy. Recherches crit. sur l'origine de la civilisation babylonienne. (Paris 1876). Hommel F. Die vorsemit. Kulturen in Aegypten und Babylonien. Leipzig 1882. Bescarven W. Prehistoric Civilisation of Babylonia. 1878. Geiger W. Ostiranische Cultur im Alterthum. Erlangen. 1882. A. Sayce. Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen. (Leipz. 1887, перев. съ англ.). Kaulen. Assyrien und Babylonien (III изд. Freiburg 1887). J. Menant. Ninive et Babylone. (Paris 1888). G. Cougny. L'art antique. Égypte, Chaldée, Assyrie, Perse, Asie, Mineure, Phénicie (Paris 1892). Léon Heuzey. Les origines orientales de l'art I. Antiquités chaldéo-assiriennes (Paris 1893).

[237]) См. литературу въ пр. 130.

[238]) Главныя статьи Bötticher'a были помѣщены въ газетѣ «Ausland» (1883 а 1886), въ «Kölnische Zeitung» (1884), въ «Zeitschrift für Museologie und Antiquitätenkunde» (1884, 1885, 1886), въ «Correspondenzblatt d. deutsch. anthr. Ges. (1889), въ бельгійскомъ журналѣ «Le Muséon» (1888). Полный списокъ ихъ см. въ «Le Muséon» (1888, стр. 344). См. еще его соч. «La Troie de Schliemann, une nécropole à incinération à la manière assyro-babylonienne» (Louvain. 1889). Отчетъ коммиссіи изданъ былъ въ 1889 г. въ Лейпцигѣ подъ загл.: «Protokoll der Verhandlungen zwischen Dr. Schliemann und Hauptmann Boetticher. См. также: Boetticher. Hissarlik wie es ist (Leipz. 1890) и Botticher. Troja im Jahre 1894 и мою статью въ «Listech filologickych» 1890, str. 109.

[239]) Cf. Dr. W. Dörpfeld. Troja 1893. Bericht über die im Jahre 1893 in Troja veranstalteten Ausgrabungen. Leipzig 1894.

[240]) R. Virchow. Beiträge zur Landeskunde Troas (Akademie, Berlin 1879). Его же. Alttrojanische Gräber und Schädel (Akademie, Berlin, 1882). K. Blind. The Teutonic Kinship of Thrakians and Trøjans (Academy 1884, 25, 35, 85, 121).

[241]) О бронзовомъ вѣкѣ въ Греціи см. еще E. Chantre, L'âge de la pierre et du bronze en Troade et en Grèce (Lyon 1875). Многое также въ сборникѣ извѣстій о новыхъ находкахъ (1883—1890), издававшемся S. Reinach'омъ: Chroniques de l'Orient (Paris 1891).

[242]) H. Schliemann. Tiryns. Der praehist. Palast der Könige von Tyrins. Mit Vorrede von Prof. F. Adler und Beiträgen von Dr. W. Dörpfeld. (Leipzig 1886). Ср. также примѣч. 243.

[243]) H. Schliemann. Mykenae. Mit einer Vorrede von W. E. Gladstone (Leipzig 1878). Его же. Catalogue des Trésors de Mycènes au Musée d'Athènes (Athènes 1882). O. Montelius. Découverte de M. Schl. a Mycènes (Stockholm 1878). Von Steffen. Karten von Mykenai. (Berlin 1884). Forchhammer. Mykenae und der Ursprung mykenischer Funde (Kiel 1880). A. Furtwaengler und Löschke G. Mykenische Vasen. (Berlin 1886).—Рядъ замѣч. работъ Тсунтаса былъ помѣщенъ только въ греческихъ археол. изданіяхъ, главн. обр. въ ἐφημερὶς ἀρχαιολογική 1888, 199. Cf. X. Τσούντας. Μυκῆναι καὶ Μυκηναῖος πολιτισμός. (Athenae 1893). Кромѣ того о микенскихъ находкахъ см. еще важныя работы Milchhöffer'a, Ch. Hostmann'a, Hirschfeld'a, H. Hildebrand'a, Schulze E., O. Montelius'a, Stefani. Кромѣ упомянутой уже раб. Schuchard'a хорошій обзоръ этихъ находокъ сдѣланъ въ статьѣ G. Perrot (Journal des Savants 1892 Juin-Octobre). Этому же будетъ посвященъ и VI т. Исторіи древняго искусства G. Perrot et Ch. Chipiez, начавшій уже выходить подъ загл.: «La Grèce primitive. L'art mycénien». Ср. еще Percy Gardner. New Chapters in Greek History. Historical results of recent excavations. (London 1892). J. Král. Schliemannovy nálezy v Tyrinthé a Mykénách (Praha 1887) и статью L. Niederle въ Listech filologickych 1871 str. 246.

[244]) Chr. Belger. Beiträge zur Kenntniss der griech. Kuppelgräber. (Berlin 1877).

[245]) H. Schliemann. Orchomenos. (Leipzig 1881),

[246]) W. Helbig. Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. 2 изд. (Leipzig 1887).

[247]) Dümmler. Reste vorgriech. Bevölkerung auf den Cykladen (Mitth. der kais. arch. Inst. Athen. Abth. XI. (1886), стр. 15.—Dümmler und Studniczka. Zur Herkunft der mykenischen Cultur (ibid. XII (1887), стр. 1 и слѣд.—W. Helbig. Das Homerische Epos. (Leipzig 1887).

[248]) H. D. Müller. Historisch-mythol. Untersuchungen. I. Pelasger und Hellenen. (Göttingen 1892). L. Benloew. La Grèce avant les Grecs. (Paris 1877). См. также Dr. Fligier. Die Urzeit von Hellas und Italien. (Braunschweig 1881). E. Hesselmayer. Die Pelasgerfrage und ihre Lösbarkeit. (Tübingen 1890). Fr. Hommel. Die semitischen Völker und Sprachen. I. (Leipzig 1884). C. Pauli. Eine vorgriech. Inschrift auf Lemnos. (Leipzig 1886).

[249]) P. Orsi въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Bolletino di paletnologia italiana 1801, стр. 53, 115; 1892, стр. 1, 67. Fr. Sav. Cavallari e P. Orsi. Megara Hyblaea. Storia, topografia, necropoli. (Roma 1892). P. Orsi. Necropoli sicule presso Siracussa con vasi e bronzi micenici. Roma 1893. P. Orsi. Contributi all' archeologia preellenica sicule. Parma 1894.

[250]) L. Pigorini. Le abitazioni lacustri di Peschiera nel lago di Garda. Atti delle Reale Academia dei Lincei. (Roma 1877). E. Sacken. Über den Pfahlbau im Gardasee. (Akademie des Wiss. XLVIII. Wien).

[251]) Наиболѣе важны работы: Gastaldi B. Lake Inhabitants and Prehistoric Remains in the Turbaries of Northern and Central Italy (London 1865). L. Pigorini. Terramara dell' età del bronzo situata in Castione dei Marchesi. Academia dei Lincei (Roma 1882—83). L. Pigorini и P. Strobel'я. Le terramare e le palafitte del Parmigiano. Atti della Soc. italiana di. sc. nat. VII. 1864. См. еще P. Strobel e Pellegrino. Avanzi preromani racolti nelle terramare e nelle palafitte dell' Emilia. (Parma 1863). G. Chierici. Le antichitá preromane della provinzia di Reggio nell' Emilia. (Reggio 1871).—C. Bonni. Sulle terramare Modenesi. (Modena 1870). Le terramara del Montale (Modena 1884). L. Pigorini. Appunti per lo studio delle stazioni lacustri e delle terramare italiane. Acad. dei Lincei (Roma 1888). Остальная литература приведена у Castelfranco въ Revue d'anthropologie 1889 стр. 438. Cf. также G. de Mortillet. Habitations de l'âge du bronze. Terramares. (Revue mensuelle de l'Ècole d'anthropologie. Paris 1894, p. 37).

[252]) W. Helbig. Die Italiker der Poebene. (Leipzig 1879). Ср. также статью G. Perrot. Les Italiotes dans la plaine du Pô (Journal des Savants 1880).

[253]) E. Chantre. L'âge du bronze dans le bassin du Rhône (Congrès de Budapest. 1876. Compte Rendu I. p. 260). Его же. Études paléoethnologiques dans le bassin du Rhône. Age du bronze. 3 вып. (Lyon 1875—76). Les palafittes ou constructions lacustres du lac du Paladru (II изд. Lyon 1875). Paul de Châtellier. Les époques préhistoriques dans le Finistère (Paris 1889). Perrin A. Étude préhistorique sur la Savoie spéc. à l'époque lacustre. (Paris 1870). Ср. также P. de Cessac. Le bronze dans l'ouest de l'Europe aux temps préhistoriques. (Tours 1873). О бронзовомъ вѣкѣ въ Бельгіи см. сообщеніе барона du Loë на междунар. археологич. съѣздѣ въ Москвѣ 1892. (Compte Rendu II).

[254]) Trésors archéologiques de l'Armorique occidentale. (Publié par la Soc. d'Émulation des Côtes du Nord). (Rennes 1886).

[255]) E. Desor et Favre. Le bel âge du bronze en Suisse (Neuchâtel 1874). Ср. также E. Desor. Les palafittes du lac de Neuchâtel (Paris 1865). Gross V. Les Protohelvétes ou les premiers colons sur les bords des lacs de Bienne et Neuchâtel (Berlin 1883). G. de Mortillet. Age du bronze. Tourbières et habitations lacustres. (Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie III, p. 105).

[256]) John Evans. The ancient bronze Implements, Weapons and Ornaments of Great Britain and Ireland (London I éd. 1872). Его же. Petit album de l'âge du bronze en Grande-Bretagne. (London 1876).

[257]) A. Pitt-Rivers. Excavations in Cranborne Chase, near Rushmore (Vol. I, II, 1880—1888). Privately printed. 1887—88.

[258]) Henri et Louis Siret. Les premiers âges du métal dans le Sud-Est de l'Espagne. (Bruxelles 1887).

[259]) Undset I. Etudes sur l'âge du bronze de la Hongrie (Christiania 1880). Jos. Hampel. Trouvailles de l'âge du bronze en Hongrie. (Budapest 1886). A bronzokor emlékei magyarhonban II. Rész a leletek statisztikája (Budapest 1892). J. Szombathy въ Sitzungsber. d. wiener anthr. Ges. 1890, стр. 14.

[260]) I. Undset. Die Terramaren in Ungarn. (Wien 1889).

[261]) S. Müller. Bronzealderens (Perioder Aarbörger. 1876. Копенгагенъ), тоже въ нѣм. пер.: Die nordische Bronzezeit. Aus dem dänischen von J. Mestorf. (Jena 1878). J. G. Madsen. Antiquités préhistoriques du Danemark II. L'âge du bronze. (Kopenh. et Paris 1873).

[262]) Изъ богатой литературы о торговлѣ янтаремъ отмѣтимъ Runge W. Der Bernstein in Ostpreussen. (Berlin 1868); H. Stolpe. Sur l'origine et le commerce de l'ambre jaune dans l'antiquité (Comptes rendus du congrès intern. à Stockholm I, p. 777, съ обширными преніями); Dr. Bujack. Bernsteinland und Bernsteinstrassen (Königsberg 1878); J. Oppert, L'ambre jaune chez les Assyriens (Paris 1880); R. Klebs. Der Bernsteinschmuck des Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Localitäten. (Königsberg 1882); O. Schneider. Zur Bernsteinsfrage, insbesondere über sicilischen Bernstein und das Lynkurion der Alten. (Dresden 1883). F. Waldmann. Der Bernstein im Alterthum. (Fellin 1883); A. Stoppani. L'ambra nella storia e nella geologia con speciale riguardo agli antichi popoli d'Italia nei loro rapporti colle origini e collo svolgimento della civiltà in Europa. (Milano 1886); G. Jacob. Der Bernstein bei den Arabern des Mittelalters. (Berlin 1886); W. Tudorpf. Gewinnung Bernsteins in Ostpreussen. (Jena 1888); Olshausen. Der alte Bernsteinhandel der cimbrischen Halbinsel (Verhandl. der berliner anthr. Ges. 1891).

[263]) Helm. Über Bernstein (Schriften d. naturforsch. Ges. in Danzig N. F. V и VI.).

[264]) J. Undset. Orientalische Einflüsse innerhalb der ältesten europ. Civilisation (Zeitschrift für Ethnologie 1891 s. 237).

[265]) См. объ этомъ также монографію O. Montelius'a. Om tidsbestämning inom bronsaldern med särskildt afseende pa Skandinavien (Stockholm 1885) и его статью въ журналѣ Svenska Fornminnesföreningens Tidshrift VIII. (Archiv für Anthrop. XXI p. 465).

[266]) Объ этомъ см. Dr. H. Landois и Dr. B. Vormann. Westfälische Todtenbäume und Baumsargmenschen. (Archiv für Anthropologie XVII c. 339).

[267]) См. главн. обр. роскошное изданіе L. Baltzer'a. Hällsistuingar fran Bohuslän (Göteborg 1882).

[268]) I. Undset. Über die Vorrömische Metallzeit in den Rheinländern (Westdeutsche Zeitschrift f. Gesch. u. Kunst V. 1, s. 6). E. baron von Tröltsch. Fundstatistik der vorröm. Metallzeit im Rheingebiete (Stuttgart 1884). Его же. Die älteste Bronzeindustrie in Schwaben. (Correspondenzblatt d. deuth. anthr. Ges. 1890 s. 51). Археологическое обозрѣніе Вестфаліи см. въ рефератѣ Dr. Nordhoff'a на археологич. съѣздѣ въ Münster'ѣ въ 1890 г.

[269]) J. Naue на археолог. съѣздѣ въ Вѣнѣ въ 1889 г. (Correspondenzblatt der deut. anthr. Ges. 1889 стр. 127) и гл. обр. въ его большомъ соч.: Die Bronzezeit in Oberbayern. München 1894.

[270]) J. Szombathy на съѣздѣ въ Вѣнѣ въ 1889 г. (Correspondenzblatt, стр. 177).

[271]) J. Smolik въ статьѣ о доисторич. врем. въ Чехіи въ Slovnik'ѣ Naučném, Otto подъ слов. «Cechy».

[272]) Ср. статью Dra S. Berger'a «Depôtfunde und Gussstätten aus Böhmen» (Mitth. d. k. k. Centralcommission. 1888, XIV стр. 161), а также статью проф. Smolik'a «Hromadné nálezy v Cechách» (Památky archaeol. XII). J. Richly. Die Bronzezeit in Böhmen. Prag 1894. Cf. замѣтки L. Niederle въ журналѣ Cesky Lid. IV, p. 86. Ср. также статью L. Cervinka въ Ceskem lidu II, стр. 511.

[273]) Dr. J. Matiegka. Hroby se skrčenymi kostrami v Cechách (Cesky Lid. I, 1891 str. 1 и сл.). Ср. также статью проф. Smolik'a о гробницахъ въ Zvo-

leňovsi (Pam. arch. XV str. 411), а также статью M. I. Palliardi. Hroby se skrčenymi kostrami na Znojemsku. Olomouc 1894.

[274]) См. перечисленіе ихъ, хотя и не вполнѣ точное, у Dr. Píč'a въ Památkách archeol. XV str. 272 и статьи проф. Smolík'a «Mohyly v Cechách a jich obsah» (Pam. arch. XII).

[275]) Dr. R. Behla. Die Urnenfriedhöfe mit Thongefässen des lausitzer Typus (Luckau 1882).

[276]) Časopis mus. olom. 1887 str. 68 и 1889 str. 49.

[277]) Dr A. Lissauer. Alterthümer der Bronzezeit in der Provinz Westpreussen und den angrenzenden Gebieten. I. Die Bronzen (Danzig 1891).

[278]) Ср. также Berendt. Die pomerellischen Gesichtsurnen. I и II. (Königsberg 1872, 1878).

[279]) Cf. Dr. B. Erzepki. Album przedhist. zabytków wielk. księstwa poznańskiego. (Poznań 1993).

[280]) Я могъ пользоваться только отчетами о работахъ этого съѣзда, напечатанными въ L'Anthropologie 1894 г. и въ Archiv für Anthropologie XXIII, p. 523.

[281]) См. гл. обр. Д. Я. Самоквасовъ. Хронологическая классификація кургановъ южной Россіи. (Варшава 1890). Основанія хронологической классификаціи. (Варшава 1892). Ср. также П. И. Лерхъ. Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ(Спб. 1862).

[282]) О Кобанскомъ могильникѣ и о кавказскихъ древностяхъ вообще см.: А. Берже. Кавказъ въ археологическомъ отношеніи (Тифлисъ 1874). E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase (Paris 1885—1887). 4 тома. Его же: Origine et ancienneté du premier âge de fer au Caucase (Lyon 1892). R. Virchow. Das Grabfeld von Koban im Lande der Osseter (Berlin 1883). Fr. Bayern. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. (Berlin 1885). J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase. Études archéol. et historiques (Paris 1890). Babst G. Souvenirs de deux missions au Caucase (Paris 1891), и порусски работу В. Б. Антоновича, помѣщенную въ Трудахъ Тифлисскаго съѣзда (стр. 242 и слѣд.). Множество мелкихъ работъ мы здѣсь перечислять не можемъ. Московское археологическое общество начало издавать подъ редакціею графини П. С. Уваровой большой сборникъ археологическихъ изслѣдованій о Кавказѣ подъ заглавіемъ: «Матеріалы по археологіи Кавказа». (I—III. Москва 1889—1893). Во 2 т. этого изд. В. И. Сизовъ описываетъ доисторическія памятники на побережьѣ Чернаго моря (Восточное побережье Чернаго моря. Археолог. экскурсіи. Москва 1889), въ 1 т. В. Ѳ. Миллеръ занимается доисторическими памятн. Терской области. По археологіи Кавказа см. еще два сочиненія: Латышевъ В. В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. I. (Спб. 1890) и М. Міансаровъ. Bibliographia Caucasica et Transcaucasica (Спб. 1874—75).

[283]) John V. Day. The prehistorical use of iron and steel (London 1877). L. Beck. Geschichte des Eisens in technischer und kulturhistorischer Beziehung (Jena 1884, II изд. 1891).

[284]) Dr. J. Wankel. Praehistorische Eisenschmelz- und Schmiedestätten in Mähren. (Wien 1879).

[285]) См. статьи Dr'a. J. Píč'a Pam. archaeol. XV, стр. 82 и слѣд.

[286]) Кромѣ двухъ наиболѣе важныхъ старинныхъ соч. John Sp. Stanhope.

(Olympia or topography illustrative and the actual state of the plain of Olympia, London 1824) и Abel Blouet (Expédition scientifique de Morée, Paris 1831—38, T. I), прежде всего надо упомянуть о монументальномъ изданіи нѣмецкой экспедиціи: Olympia (въ 5 том.). (Berlin 1876—1890), въ которомъ работали: E. Curtius, F. Adler, G. Hischfeld, G. Treu, W. Dörpfeld, A. Furtwängler, и объ извлеченіи изъ него: «Die Funde von Olympia». (Berlin 1882). Предметы до-классической эпохи описаны въ IV томѣ, составленномъ Furtwängler'омъ. Ср. также Ad. Bötticher. Olympia, das Fest und seine Stätte. (Berlin, 2 изд. 1886) и V. Laloux et Monceaux. Restauration d'Olympie. (Paris 1889).

[287]) I. Undset. Zu den ältesten Fibeltypen. (Zeitschrift für Ethnologie 1889 стр. 206, 1890 стр. 144).

[288]) По древне-греческой керамикѣ см. напр. Th. Lau. Die griechischen Vasen, ihr Formen- und Decorationsystem (Leipzig 1877). A. Furtwängler & G. Löschke. Mykenische Thongefässe. (Berlin 1879). Mykenische Vasen. Vorhellenische Thongefässe aus dem Gebiete des Mittelmeers (Berlin 1886). Densamme. Mykenische Vasen (Berlin 1886). S. Birch. History of ancient pottery (London 1873, 2 изд.). P. Milliet. Etudes sur les premières périodes de la céramique grecque. (Paris 1891). A. Dumont et J. Chaplain. Les céramiques de la Grèce propre (Paris 1881—90). A. Dumont. Peintures céramiques de la Grèce propre (Paris 1874). O. Rayet et M. Collignon. Histoire de la céramique grecque (Paris 1888). J. E. Harrison and Mac Coll. D. S. Greek vase painting (London 1894) и другія болѣе старинныя соч.

[289]) G. de Mortillet. Origine de la fabrication du verre (Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris 1886 стр. 261). Péligot. Le verre, son histoire, son fabrication. (Paris 1876). A. Deville. Histoire de l'art de la verrerie dans l'antiquité. (Paris 1875). Fröhner. La verrerie antique (Paris 1879). Wallace-Dunlop. Glass in the old world (London 1883).

[290]) Otto Tischler. Über Aggryperlen und über die Herstellung farbiger Gläser im Alterthume. (Königsberg 1886).

[291]) См. Dr. J. Zubaty. O nápisových památkách staroitalských. (Listy filologické 1889 стр. 1 и слѣд.). Fligier. Die Urzeit von Hellas und Italien. Ethnologische Forschungen. (Braunschweig 1881). Его-же. Zur praehistorischen Ethnologie Italiens. (Wien 1877). Онъ считаетъ древнихъ жителей Италіи (до-италиковъ) иллирами. R. Zampa. Le attinenze etniche degli Umbri (Roma 1889. Academia dei Lincei).

[292]) J. Gozzadini. La nécropole de Villanova. (Bologna 1870).

[293]) A. Zannoni. La fonderia di Bologna. (Bologna 1888).

[294]) Dr. Lisch. Über die Hausurnen. (Schwerin 1856). R. Virchow. Über die Zeitbestimmung der deutschen und italischen Hausurnen. (Berl. Academie. Sitzber. 1883, стр. 985).

[295]) Новѣйшія сочиненія о происхожденіи этрусковъ и ихъ культурѣ: Canon Isaac Taylor. Etruscan Researches (London 1874). Его-же. The Etruscan Langage (London 1876). W. Corssen. Über die Sprache der Etrusker (Leipzig 1874, 1875). T. Desjardins. L'art des Etrusques et leur nationalité. (Lyon 1875). Scheffler L. Über die Epochen der etrusk. Kunst. (Altenburg 1882). Casati. Ch. Fortis Etruria (Paris 1884). Ed. Brizio. La provenienza degli Etruschi (Modena 1885). Ol. L. Spadoni. The Etruscans: an historical and critical notice of the origin, development and civilisation of the early italian race.

(Roma 1887). Jules Martha. L'art étrusque. (Paris 1889). D. Brinton. The ethnological affinities of the ancient Etruscans (Philadelphia 1890). Fr. von Duhn. Bemerkungen über die etruskische Frage (Berlin 1890). Th. Spemann. Die Kunst der Etrusker (Dresden 1890). Iginio Gentile. Arte etruska e romana. (Milano 1891). Is. Falchi. Vetulonia e la sua necropoli antichissima. (Firenze 1891). St. Gsell. Fouilles dans la nécropole de Vulci (Paris 1891). Ср. также прекрасную статью Dr'a Zubatého, упомянутую въ прим. 291, и статью «Les Étrusques» And. Léfèvre'a въ Revue mensuelle de l'Ecole d'anthropologie, 1891, стр. 212. Изъ старинныхъ наиболѣе важны: K. Ott. Müller. Die Etrusker (Breslau 1828, нов. изд. въ Штутгартѣ 1877). Abeken W. Mittelitalien vor den Zeiten römischer Herrschaft nach seinen Denkmalen (Stuttgart 1843). G. Dennis. The cities and cemeteries of Etruria (London 1848), 3 изд. London 1883. Camilli S. L'antica Etruria marittima (Roma 1851). Conestabile G. Antiquités etrusques (Paris et Rome 1862—65). Canina. Sull'Etruria marittima (Roma 1847—1850). H. Gray. Tour to the sepulchres of Etruria (London 1843). G. Nicolucci. Antropologia dell'Etruria (Napoli 1869).

[296]) Borsari Ferd. Etnologia Italica. Etruschi, Sardi e Siculi nel XIV s. prima dell'era volgare (Napoli 1891).

[297]) J. Gozzadini. Di un'antica necropoli a Marzabotto (Bologna 1865). Di ulteriore scoperte nell'antica necropole a Marzabotto (1870). Renseignements sur une ancienne nécropole à Marzabotto (Bologne 1871). Brizio Ed. Una Pompei etrusca a Marzabotto nel Bolognese (Bologna 1887). Guide alle antichitá della villa e del museo di Marzabotto (Bologna 1886).

[298]) Наиболѣе важное соч.: A. Zannoni. Gli scavi della Certosa di Bologna (Bologna 1876). Его-же. Archaiche abitazioni di Bologna (Bologna 1893). H. Brunn. Über die Ausgrabungen der Certosa von Bologna (München. Akademie d. W. 1887). Ср. также R. F. Burton. Etruscan Bologna. (London 1876).

[299]) Ghirardini G. La situla italica primitiva studiata specialmente in Este. I. Roma 1893.

[300]) K. Pauli. Altitalische Forschungen. T. III. Die Veneter und ihre Schriftdenkmäler. (Leipzig 1891).

[301]) A. Prosdocimi. Le necropoli euganee di Este. (Este 1879).

[302]) Hochstetter: Denkschriften d. Akad. d. Wiss. in Wien. Math. naturwiss. Cl. Bd. XLVII. 1883, стр. 205.

[303]) Ниболѣе важное соч. по этому предмету: Ed. von Sacken. Das Grabfeld von Hallstadt in Oberösterreich und dessen Alterthümer (Wien 1868); до него о галльштаттскихъ находкахъ писали: J. Gaisberger (Linz 1848), Fr. Simony (Wien 1851). Новѣйшій обзоръ составилъ A. B. Mayer. Das Gräberfeld von Hallstadt (Dresden 1885). См. также Dr. M. Hoernes. Hallstadt en Autriche, sa nécropole et sa civilisation (Revue d'anthropologie 1889 стр. 328).

[304]) Chr. Hostmann. Das Skeletiren der Leichen und die theilweise Verbrennung. Studien zur vorgesch. Archaeologie (Braunschweig 1890), стр. 153.— Olshausen. Die Theilverbrennung oder der mindere Leichenbrand (Verhandl. der berl. anthr. Ges. 1892 стр. 163).

[305]) Кромѣ упомянутой выше книги В. Радимскаго см. еще Dr. C. Truhelka «O nejnovějších vyzkumech v Bosně» (Památky archaeol. XV, стр. 41) и его нѣмецкую работу: «Die Necropolen von Glasinac in Bosnien» (Mitth. der wiener anthr. Ges. 1889). Dr. M. Hoernes, Grabhügelfunde von Glasinac (Festschrift

der anthr. Ges. in Wien 1889). Franjo Fiala. Rezultati prehist. ispitivanja na Glasincu (Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини. Сарајево 1892, 389; 1893, 115, 717; 1894, 721).

[306]) C Marchesetti. La necropole di S-ta Lucia presso Tolmino (Trieste 1886). Scavi della necropoli di S. Lucia presso Tolmino (Trieste 1893) con 30 tavole (наиболѣе обширная работа по этому предмету). См. также работу P. Pervanoglú. Della paletnologia della penisola balcanica nelle sue attinenze colla penisola italica (Trieste 1886), статью Szombathy въ Mittheil. der wiener anthr. Ges. XVII. Sitzber. стр. 26, Much'a въ Mitth. der Centralcommission 1884 стр. CXL, и докладъ Marchesetti на съѣздѣ въ Вѣнѣ въ 1889 г. Очень важна также работа Dr. M. Hoernes'a подъ заглав.: Untersuchungen über den Hallstätter Culterkreis. I. Znr Chronologie der Gräber von S-ta Lucia. (Archiv für Anthropologie XXIII S. 582).

[307]) См. сообщеніе князя Виндишгреца на съѣздѣ консерваторовъ въ Цѣловцѣ (Zeelowitz) въ 1885 г.: «Bemerkungen über die Classifizierung der praehist. Funde in Krain» (Mittheilungen der wiener anthr. Ges. XV. Sitzungsber., стр. 90 и сл.) и пренія объ этомъ, въ которыхъ участвовали: Deschmann, баронъ Hauser, Dr. Much, Szombathy и Dr. Neumann.

[308]) Главныя сочин. о началѣ желѣзнаго вѣка въ Крайнѣ: C. Deschmann и F. Hochstetter. Praehistorische Ansiedelungen und Begräbnissstätten in Krain (Denkschriften der Akademie der Wissenschaft. Wien II. Cl. 1879 Bd. XLII). F. Hochstetter. Neueste Gräberfunde von Watsch und St. Margarethen in Krain (ibid. 1883 Bd. XLVII). Ср. также сообщенія Deschmann'a въ Протоколахъ Вѣнскаго антропологич. Общ. 1878, 1880, 1883, 1884, 1885, 1888 годовъ; Szombathy (ibid. въ 1888), и Hochstetter'a (ibid. въ 1883), Dr. M. Hoernes. Die Gräberfelder an der Wallburg von St. Michael bei Adelsberg in Krain (ibid. 1888 стр. 217).

[309]) Свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ помѣщены въ Извѣстіяхъ австрійской Центральной Коммиссіи для сохраненія древнихъ памятниковъ 1883—1892 гг. См. также Hochstetter. Über die Hügelgräber von Frögg bei Rosegg. (Wien 1884).

[310]) Meyer, A. B. Gurina im Obergailthal, Kärnthen. (Dresden 1885). Сообщеніе объ этой находкѣ было сдѣлано также Hoernes'омъ (Mittheil der wiener anthr. Ges. 1888. Sitzungsber. стр. 53).

[311]) V. Radimský и J. Szombathy. Urgeschichtliche Forschungen in der Umgegend von Wies in Mittelsteiermark (Mittheilungen der wiener anthrop. Ges. 1883 стр. 41, 1885 стр. 117, 1888 стр. 77). Заключительное сообщеніе Szombathy тамъ-же въ 1890 г., стр. 170.

[312]) J. Smolík. Bronzové vozíky. (Památky archaeologické XII, стр. 389). I. Undset. Über altitalische Bronzewagen. (Verh. der berl. anthr. Ges. 1883 стр. 197). О нихъ писали также Virchow, Chantre и др.

[313]) L. Bella и Dr. Otto Müller. Praehistorische Funde in der Umgebung von Oedenburg (Mittheil. der wiener anthr. Ges. 1891 стр. 166). Bella Lajos. Jelentés a Sopronmegyei régészesi társulas. 1892 (Sopron 1893). См. также рефератъ Сомбати на съѣздѣ въ Данцигѣ въ 1891 г.

[314]) Dr. J. Naue. Die Hügelgräber zwischen Ammer- und Staffelsee (Stuttgart 1887). См. его рефератъ на съѣздѣ въ Нюренбергѣ въ 1887 г.

[315]) Ср. Památky archaeolohické XII, стр. 343 и сл. и Annalen des k. k. na-

turhist. Hofmuseums in Wien r. 1888 стр. 130 и слѣд. См. также у Woldřich'a: Beiträge zur Vorgeschichte Böhmens (Mittheilungen der wiener anthr. Ges. XIII, стр. 1, XIV, стр. 200, XVI, стр 72, XIX, стр. 71).

[316]) H. Wankel. Bilder aus der mähr. Schweiz und ihrer Vergangenheit (Wien 1882, стр. 379). J. Havelka. Čelnějši památky moravské z doby kovové (Časopis mus. Olom. III. стр. 81 и слѣд.). Ср. также H. Wankel'я Bronzestier aus des Býčí skála-Höhle (Wien 1877).

[317]) E. Chantre. Études paléoetnologiques dans le bassin do Rhône. Premier âge du fer. Nécropoles et tumu us. (Lyon 1880) Его-же. Les nécropoles du premier âge du fer des Alpes françaises. (Lyon 1879). Duforcet, Testut et Taillebois. Les tumulus des premiers âges du fer dans la région sous- pyrénéenne. (Dax 1885).

[318]) Ing. Undset. Jernalderens Begyndelse i Nord-Europa (Christiania 1881). Нѣмецкій перев. г-жи J. Mestorf подъ загл. «Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa» (Hamburg 1882).

[319]) Kasiski F. W. Beschreibung der vaterländ. Alterthümer im Neustettiner und Schlochauer Kreise (Danzig 1881).

[320]) Dr. Rob. Behla. Die Urnenfriedhöfe mit Thongefässen des lausitzer Typus. Eine Monographie. (Luckau 1882). Ср. также H. Jentsch. Die praehist. Alterthümer der Gymnasialsammlung zu Guben. (Guben 1883). Его-же. Die praehist. Alterthümer aus dem Stadt- und Landkreise Guben I—V (Guben 1889—1892).

[321]) См. статью Lissauer'a въ Verhandlungen d. berl. anthrop. Ges. 1895, стр. 97.

[322]) R. Virchow въ статьѣ «Über Gräberfelder und Burgwälle der Niederlausitz und des überoderischen Gebietes». (Verhandl. der berl. anthr. Ges. 1372 (IV), стр. 226).

[323]) Я въ первый разъ указалъ на это подробнѣе въ рефератѣ, посланномъ на междунар. антропологич. съѣздъ въ Москвѣ въ 1892 г. (Comptes rendus I, стр. 75). Къ сожалѣнію, при переводѣ было сдѣлано нѣсколько ошибокъ, которыхъ я не имѣлъ возможности исправить.

[324]) P. J. Šafařík. Slovanské starožitnosti II. (§ 39. 1). Fr. Palacký. Dějiny národu Českého. (I, str. 38—50). V. V. Tomek. Děje království Českého str. 1 и слѣд. A. Šembera. Západní Slované v pravěku (Vídeň 1868). Его-же. Die Westslaven in der Vorzeit (Akademie der Wiss. in Wien Bd. LII, 87). Pavel Papáček. O předslovanské době v Cechách (Praha 1892). J. Woldřich. (Časopis mus. olom. 1885 стр. 71 и др. ст.). J. Smolík (въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей). K. Čermák (гл. обр. въ Mitth. der berl. anthr. Ges. 1889 стр. 443). Bř. Jelínek. Über Schutz- und Wehrbauten (Prag 1885) стр. 129 и слѣд. Dr. J. L. Píč. Památky archeolog. XV, стр. 193. Archaeologický výzkum ve středních Čechách (Praha 1893) стр. 1 и слѣд. (Ср. рецензію Dr'a L. Niederle въ Трудахъ Слав. Отд. Имп. Арх. Общ. въ Москвѣ. Выпускъ I). Dr. J. Wankel гл. обр. въ книгѣ «Beitrag zur Geschichte der Slaven in Europa» (Olmütz 1885) и во многихъ своихъ статьяхъ. J. Havelka (въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей и гл. обр. въ Casopis musea olom. II, стр. 2 и слѣд.). K. Szulc. Über die Ureinwohner zwischen Weichsel und Elbe (Wien 1889) и на съѣздѣ въ Бреславлѣ въ 1884 г. L. Šnajdr. въ статьяхъ, помѣщавшихся въ Zeitschr. für Ethnologie (Berlin 1888 стр. 102) и въ Verhandl. der berl. anthrop. Ges. 1881 стр. 243, 1882

стр. 11, 1884 стр. 120, 125. 1885 стр. 339 и т. д. Dr. Mart. Kříž. Kůlna a Kostelík (Brno 1891) стр. 194 и слѣд. J. E. Vocel. Pravěk země české (Praha 1868) díl I. čl. III a VIII. Díl II. čl. III. См. также Cas. museu král. Českého. 1850 a 1865.—Вопросомъ о маркоманахъ и особенно объ отношеніи маркомановъ къ Баваріи занимался много также Dr. Prizinger. (Mitth. der wiener anthr. Ges. XIV, стр. 1 и слѣд.). — Über die Herkunft der Bayern. (Salzburg 1881). Dr. Ad. Bachmann (Kelten, Germanen und Slaven in den oberen Donauländern въ Трудахъ Вѣнской Академіи XCI. 3; Die Einwanderung der Bayern I. Markomanenfrage. (Sitzungsber. der phil.-hist. Classe d. Akademie. Wien 1878. Bd. 91, стр. 815). C. Mehlis (Markomanen und Bajuwaren. Beiträge zur Anthropologie und Urgesch. Bayerns 1882, вып. V, стр. 1), еще раньше K. Zeuss (Die Herkunft der Bayern von den Markomanen. München 1839), Witmann (Die älteste Gesch. der Markomanen. München 1855), M. Koch, Kirchmayr, Dr. Sepp и многіе другіе.

[325]) Ср. введеніе къ книгѣ A. Rambaud. L'Histoire de la Russie.

[326]) K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. (Berlin 1855). L. Schwabe. Die Griechen und griech. Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres (1867). L. Bürchner. Besiedelung der Küsten des Pontos Euxinos durch Milesier. (Kempten 1885). Dr. G. Hertzberg. Kurze Geschichte der altgriech. Kolonisation (Gütersloh 1892). П. Беккеръ. Ключъ къ изъясненію нѣкоторыхъ древностей Ольвіи и Херсониса Таврическаго (Одесса 1858). Б. Кене. Описаніе музеума покойнаго князя В. В. Кочубея и изслѣдованіе объ исторіи и нумизматикѣ греческихъ (Спб. 1856). К. Косціюшко. Археологическія раскопки въ Херсонесѣ (Севастополь 1891). П. Мансветовъ. Историческое описаніе древняго Херсонеса. (Москва 1892).

[327]) L. G Niehbuhr. Untersuchungeu über die Geschichte der Skythen, Geten und Sarmaten. Kl. Schriften (Bonn 1828). E. Eichwald. Alte Geographie des Caspischen Meeres, des Kaukasus und des südl. Russlands (Berlin 1838). F. Lindner. Skythien und die Skythen (Stuttgart 1841). K. F. Neumann. Die Völker des südl. Russlands (Leipzig 1847). F. Bergmann. Les Scythes, les ancêtres des peuples germaniques et slaves. (Colmar 1858, 2-е изд. Halle 1860). Его-же. Les Gètes ou la filiation généalogigue des Scythes aux Gètes etc. (Strassburg 1859). Ф. Брунъ. Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи (Спб. 1869). K. Müllenhoff. Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten (Monatsber. der k. Akademie. Berlin 1866). J. G. Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. I. Die Skythen (Berlin 1871). Григорьевъ, В. В О скиѳскомъ народѣ Сакахъ. Спб. 1871. Fligier. Zur Skythenfrage (Wiener anthr. Mittheil. 1878). E. Bonell. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands I. (Спб. 1882). G. Mair. Das Land der Skythen bei Herodot. Gymnasial-Programm. (1884—1885). J. Fressl. Die Scythen-Saken, die Urväter der Germanen (München 1886). Ср. отвѣтъ Fr. Soltau'a: Zur Erklärung der Sprache des Volkes der Scythen (Berlin 1887). C. Krauth. Das Scythenland nach Herodotos (Neue Jahrbücher für Philologie 1890 I.). Латышевъ В. В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. (Спб. 1890) и проч.

[328]) О скиѳо-сарматскихъ и вообще о южнорусскихъ древностяхъ см. гл. обр. слѣд. сочиненія: N. Waksel. Über die alten Denkmäler an den Küsten des schwarzen Meeres (Спб. 1801). M. Guthrie. Tour through the Crimea, the Tau-

ric Chersones and all other countries on the north show of the Euxine. London 1802. А. Ашикъ. Боспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками и пр. (Одесса, 1848—1849). Raoul-Rochette. Antiquités grecques de Bosphore Cimmérien (Paris 1822). П. Кёппенъ. Древности сѣвернаго берега Понта (Москва 1822). П. П. Сабатье. Керчь и Боспоръ (Спб. 1851). Mac Pherson. Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian Bosporus (London 1857). А. Фабръ. Достопамятнѣйшія древности Крыма и соединенныя съ ними воспоминанія (Одесса 1859). Гр. А. С. Уваровъ. Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря (Спб. 1853). То-же на французскомъ языкѣ. 1855—56. Ср. также статью его въ Зап. Вѣнской Акад. Н. Т. VIII). И. Е. Забѣлинъ. Скиѳскія могилы. (Древности изд. Моск. археол. общества I. 1865). Его-же. Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ (Москва 1876). Древности Боспора киммерійскаго. Antiquités du Bosphore Cimmérien (Спб. 1854—64), вновь изданныя съ комментаріями Sal. Reinach'a въ Парижѣ въ 1892. Ср. кромѣ того Lenormant. Sur les antiquités du Bosphore cimmérien (Paris, Academie, 1861). Древности Геродотовой Скиѳіи. Recueil d'antiquités de la Scythie d'Hérodote, publié par la Commission impér. archéol. (С.-Петерб. I и II, 1866, 1873). К. Гёрцъ. Историческій обзоръ археол. изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII ст. до 1859 г. (Москва 1876). Его-же: Археолог. Топографія Таманскаго полуострова (Москва 1870). Погребальные обряды Грековъ и Скиѳовъ. (Сборникъ антр. и этногр. статей о Россіи В. Дашкова I. Москва 1868). А. Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности. (Спб. 1887). Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. II. Древности скиѳо-сарматскія (Спб. 1889). Эта книга издана S. Reinach'омъ по французски подъ загл.: Les antiquités da la Russie méridionale (Paris 1892). Ср. также Арсеній Маркевичъ. Taurica. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической г. вообще. Симферополь 1894.

[329]) G. Ossowski. Wielki kurhan ryżanowski (Kraków 1888). То же въ Zbióru wiadomości do antropologii krajowéj XII стр. 1 и слѣд.

[330]) Roget de Belloguet. Ethnogénie gauloise (Paris 1875). P. Broca. Nouvelles recherches sur l'anthropologie da la France etc. (Mémoires d'anthropologie III, p. 147). Gr. Lagneau. Des Gaëls et des Celtes (Mémoires de la soc. d'anthropologie I, p. 237). De quelques dates reculées intéressants l'ethnológie de l'Europe centrale (Revue d'anthropologie 1880, p. 441). A. Bertrand. Celtes, Gaulois et Francs (ibid. 1873, p. 235, 422, 629). D'Arbois de Jubainville. Celtes et Germains (Comptes Rendus de l'Acad. des Inscriptions. Paris 1886). Lemiére. Examen critique des expéditions gauloises etc. (Paris 1873). Etudes sur les Celtes et les Gaulois (1874—76). Holtzmann. Kelten und Germanen (Stuttgart 1855). H. Brandes. Das ethnograph. Verhältniss der Kelten und Germanen etc. (Leipz. 1857). Contzen. Die Wanderungen der Kelten (Leipz. 1861). Cuno. Vorgeschichte Roms I. Die Kelten (Leipz. 1878). K. von Becker. Versuch einer Lösung der Celtenfrage I. (Karlsruhe 1883). H. Schaaffhausen. Die Kelten (Festschrift zum 50 jährigen Jubiläum des Ver. von Alterthumsfreunden im Rheinlande. Bonn 1891). L. Joubert. Gaule et les Gaulois jusqu'a la conquête romaine. Paris 1890.

[331]) A. Delacroix. Alesia. Découverte d'Alesia (Paris 1856). Работы Quicherat собраны въ его книгѣ «Mélanges d'archéologie et d'histoire. Antiquitées celtiques romaines et gallo-romaines» (Paris 1865). A. Dey. Alesia (Paris 1856). C.

Rossignol. Alise, étude sur une campagne de César (Paris 1856). Colonel R. de Coynart. Étude historique... sur la cité gauloise d'Alesia (Paris 1856). Henri d'Orléans. Alésia (Paris 1858). A. de Barthelémy. Alésia, son véritable emplacement (Paris 1867) и т. д.

332) Изъ многихъ сочиненій о находкахъ въ Бёвре упомянемъ здѣсь о работахъ J. G. Bulliot et J. de Fontenaye. Le mont Beuvray (Autun 1851). J. Bulliot. Fouilles de l'oppidum de Beuvray (Autun 1856). Mémoires sur les fouilles de Bibracte. (Revue archeologique 14, 15, 20). Ср. также Ch. Mérandon. La Bibracte du Beuvray et ses inventeurs (Autun 1869).

333) V. Bulliot et H de Fontenay. L'art de l'émaillerie chez les Éduens avant l'ère chrétienne (Paris 1875). Изъ прочихъ сочиненій о древней эмали наиболѣе важны: O. Tischler, Eine Emailscheibe von Oberhof und kurzer Abriss der Geschichte des Emails (Königsberg 1887) и A. Cohausen Römischer Schmelzschmuck (Wiesbaden 1873). См. также Labarte. Recherches sur la peinture en émail dans l'antiquité et au moyen âge (Paris 1857).

334) См. главнымъ обр. соч. V. Gross. La Tène, un oppidum Helvète (Paris 1886) a E. Vouga. Les Helvètes à la Tène (Neuchâtel 1885).

335) Tischler O. Über Gliederung der Tène-Periode (Съѣздъ въ Karlsruhe въ 1885 г. Correspondenzblatt d. deut. anthr. Ges. 1885, стр. 159). Классификація и исторія фибулъ вообще изложены въ его статьѣ «Über die Formen der Gewandnadeln nach ihrer historischen Bedeutung». (Beiträge zur Anthr. und Urgesch. Bayerns. 1881, IV, стр. 47). Объ этомъ же см. большія работы: H. Hildebrand'a. Bidrag till spännets historia. (Antiqvarisk Tidskrift för Sverige IV) и O. Montelius'a. Spännen från bronsäldern (ibid. VI). Ср. также J. Ranke. Der Mensch II, 594.

336) Объ употребленіи гончарнаго круга см. въ Bulletins de la Soc. d'anthr. de Paris 1895, p. 225).

337) A. Nicaise. La Marne préhistorique (Paris 1876). L'époque gauloise dans le département de la Marne (Paris 1884). См. также Abbé Cochet. La Normandie souterraine. Rouen, 1855. Sépultures gauloises, romaines etc. (Paris 1857). Alfr. de Loé. L'archéologie préhistorique, gauloise, galloromaine et franque (Bruxelles 1890).

338) Ed. Fourdrignier. Étude sur les bracelets et colliers gaulois. Paris 1892.

339) Arthur J. Evans. On Late-Celtic urnfield at Aylesford, Kent. (London 1890). From the «Archaeologia».

340) Гласник зем. музеја у Босни и Херцег. IV, 37, 239. Ср. L'Anthropoogie V, p. 472.

341) Fr. Pulszky. Die Denkmäler der Keltenherrschaft in Ungarn (Pest 1879).

342) J. Smolik «Bronzové kruhy s dutými polokoulemi (Památky archaeologické XII, стр. 545).

343) Ср. W. Osborne. Der Hradischt bei Stradonic in Böhmen. (Prag 1880) и затѣмъ раб. M. Lehmann'a. Monumenta varia populorum et antiquorum et recentiorum statum illustrantia. I. Effossa de Stradonic (Praha 1878). Нѣсколько статей объ этомъ написалъ также Л. Шнайдръ.

344) О духцовской находкѣ см. статьи Dr'a St. Berger'a «Bronzy duchcovské» (Památky archaeol. XII, стр. 71, 109). «Der Bronzefund in der Riesen-

quelle bei Dux (Mith. d. Centralcommission, Wien 1882, стр. LXXX). Кромѣ того о ней писали: Smolík, J. Pudil, Virchow, Heger и др.

[345]) Изъ литературы о галльскихъ монетахъ упомянемъ только главнѣйшія соч.: A. Barthélemy. Études sur la numismatique celtique (Paris 1840—43). Nouveau manuel de numismatique ancienne (Paris 1851). G. Combrouse. Catalogue raisonné des Monnaies nationales de France, 2 vols. (Paris 1839—41). A. Duchalais. Description des médailles gauloises du Cabinet de France (Paris 1845). Description des medailles gauloises faisant partie des collections de la Bibliothèque royale (Paris 1846). Ed. Lambert. Essai sur la Numismatique gauloise du Nord-Ouest de la France (Paris 1845 et 1864). J. Lelewe Études numismatiques et archeologiques I. (Bruxelles 1840). L. de la Saussayc. Numismatique de la Gaule Narbonaise (Blois et Paris 1842). Evans. The coins of the ancient Britons (London 1864). Fr. Streber. Die Regenbogenschüsselchen (Abhandl d. k. k. baier. Akademie (München I, 1860, II, 1861). Antoine Fillioux. Nouvel essai d'interprétation et de classification des monnaies de la Gaule (2 изд. Paris 1867). E. Hucher. L'art gaulois ou les Gaulois d'aprés leurs médailles (Paris 1869—74). Fr. Lenormant. La Monnaie dans l'antiquité (Paris 1879). По чешски объ этомъ написалъ хорошую статью Dr. M. Kříž въ своемъ соч. Kůlna a Kostelík (Brno 1891) стр. 278 и слѣд., а также Vocel въ своемъ Pravěku země české, гл. VII.

[346]) A. Voigt. Schreiben an einen Freund von den bei Podmokl gef. Goldmünzen (Prag 1771). Ср. также J. E. Vocel. Über celtische Münzen in Böhmen. (Отчетъ о засѣд. чешскаго королев. ученаго общества 1850, стр. 45). Ср. Pravěk země české, стр. 141 и слѣд.

[347]) E. Vedel. Bornholms Oldtidsminder og Oldsager (Копенг. 1886).

[348]) Ср. L'Anthropologie V, p. 93.

[349]) См. Dr. R. Much. Die Bastarnen. (Sitzungsber. der anthr. Ges. in Wien 1890, стр. 75).

[350]) О торговыхъ и военныхъ путяхъ римскихъ провинцій существуетъ богатая литература, изъ которой мы укажемъ для славянскихъ земель только слѣдующія наиболѣе важныя сочиненія: Schlett J. Über Römerstrassen im Allgemeinen (München 1833). N. Bergier. Histoire des grands chemins de l'empire romain (Bruxelles 1834). Mayer H. Römische Alpenstrassen der Schweiz (Zürich 1861). F. Kenner и N. Kohn. Über die röm. Reichstrasse von Virunum nach Ovilaba (Wien. Akademie 1872—75). K. baron Hauser. Die Römerstrassen Kärntens. (Mitth. der wiener anthr. Ges. 1886, стр. 61). Fr. Berger. Über die Heerstrassen des röm. Reiches (Berlin 1882, Progr.). A. B. Mayer. Die alten Strassenzüge des Obergailthales und seiner Nachbarschaft (Dresden 1886). J. Naeher. Die röm. Militärstrassen und Handelswege in der Schweiz und in Süddeutschland 2 изд. (Strassburg 1888). J. Schneider. Die alten Heer- und Handelswege der Germanen, Römer und Franken im deutschen Reiche (Düsseldorf 1890). F. v. Duhn. Die Benutzung der Alpenpässe im Alterthum (Heidelberg 1892). Ballif Philip. Römische Strassen in Bosnien und der Hercegovina (Wien 1893). Подробности см. у F. Kenner'a и Dr. N. Kohn'a (Über die römische Reichsstrasse von Virunum nach Ovilaba etc. Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien 1872—1875). F. Presuhn, E. Richter и проч. Сюда-же относится и работа J. N. Sadowskjego. Drogi handlowe greckie i rzymskie (Kraków 1877) въ нѣм. перев. «Die Handelsstrassen der Griechen und Römer», Jena 1877.

[351]) О римскихъ древностяхъ въ Баваріи необходимо упомянуть по крайней мѣрѣ новую работу F. Ohlenschläger'a. Die Ergebnisse der röm. arch. Forschungen der letzten 25 Jahre in Bayern (Trier 1891). K. Miller. Die röm. Kastelle in Württemberg. (Stuttgart 1892). О римскихъ древностяхъ нынѣшнихъ австрійскихъ земель писали: Ed. von Sacken, J. Geisberger, S. Ljubič-Fr. Pichler, A. Müllner, E. Richter, K. Atz, P. Planta, Fr. Kerner (Noricum und Pannonien, eine Untersuchung über die Entwickelung, Bedeutung und das System der röm. Vertheidigungsanstalten in den mittleren Donauländern. Wien 1870), J. Douglas, J. Arneth, Mich. F. von Jabornegg-Altenfels (Kärntens römische Alterthümer. Seelowitz u. Wien 1870, Akademie der Wiss. LXI, 3, стр. 355, LXV, стр. 517). J. Jung (Römer und Romanen in den Donauländern. Innsbruck 1877). A. Muchar. (Römisches Noricum, Gratz 1825). J. Kukuljević-Sakcinski (Pannonija rimska. Rad jugoslavenske akad. XXIII. Zagreb 1873) и др. Монографіи о болѣе важныхъ римскихъ городахъ: F. Pichler Virunum (1888). Gaisberger J. Ovilaba und die damit in Verbindung stehenden römischen Alterthümer (Wien 1852). A. Müllner. Emona. Archaeologische Studie aus Krain (1879). Ed. Sacken. Die römische Stadt Carnuntum, ihre Geschichte und Überreste (Sitzber. der Akademie der Wiss. in Wien IX, стр. 660, 1852). Über die neusten Funde zu Carnuntum (ibid. 1853). Есть и отд. изданіе.

[352]) M. J. Ackner. Römische Alterthümer und deutsche Burgen in Siebenbürgen (Wien 1856). Die Colonien und milit. Standlager der Römer in Dacien (Wien 1857).

[353]) L. Lindenschmidt. Tracht und Bewaffnung des römischen Heeres während der Kaiserzeit (Braunschw. 1882).

[354]) Verhandl. der berl. anthr. Ges. 1893 S. 425, 553.

[355]) Ср. статью Helm'a. Verhandl. der berl. anthr. Ges. 1893, стр. 130.

[356]) J. E. Vocel. Über Römercastelle in Böhmen. (Отчеты о засѣдан Чеш. кор. ученаго общества 1850, стр. 45). Ср. также Pravěk zeme české str. 206 и слѣд.

[357]) J. Píč. Zárové hroby na Třebické u Dobřichova. (Pamàtky archaeol. XV, str. 561).

[358]) Dr. Grempler. Der Fund von Sackrau (Brandenburg 1887). Der II und III. Fund von Sackrau (Berlin 1888).

[359]) Объ этомъ археологич. періодѣ въ Лузаціи и Бранденбургѣ см. статьи M. Wiegel'я въ Archiv für Anthropologie XXII и въ Mith. der niederlaus. anthr. Ges. III, 24.

[360]) О великомъ переселеніи народовъ писали гл. обр. R. Pallmann. Geschichte der Völkerwanderung nach den Quellen dargestellt (Weimar 1864). Ed. von Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung (2-е изд. обработалъ F. Dahn. Leipz. 1880—81) и др. Ср. также Lecky W. E. H. History of European morals from Augustus to the Charle Magne (London 1869. По нѣмец. въ Лейпц. въ 1870—71). Fr. Nonnemann. Die Völkerwanderung und die Kultur ihrer Zeit (Leipz. 1888).

[361]) Müller S. Dyreornamentiken i Norden (Copenhagen 1880). Die Thierornamentik im Norden. Übers. von J. Mestorf. Hamburg. 1881. Dr. S. Söderberg. Om djurornamentiken under folkoandringstiden (Antiq. Tidskrift XI, 3, Stockholm), въ нѣмец. перев. подъ загл. «Die Thierornamentik der Völkerwanderungszeit». (Praehist. Blätter 1894, S. 67, 83, München). J. baron de Baye. L'art des Bar-

bares á la chute de l'empire romain (L'Anthropologie I, p. 385. Paris 1890). Его-же. De l'influence de l'art des Goths en Occident (Paris 1891).

[362]) Chiflet. Anastasis Childerici I. regis Francorum 1651. Abbé Cochet. Le Tombeau de Childeric I (Paris 1859).

[363]) Joly. Antiquités celto-germaniques et galloromains (Paris 1848). M. Rigollot. Recherches historiques sur les peuples de la race teutonique qui envahirent les Gaules. Sur le caractère des armes et ornements recueillis dans leur tombeaux (Paris 1855). Abbé Cochet. La Normandie souterraine (Rouen 1855). Его-же. Sépultures gauloises, romaines, franques et normandes (Paris 1857). Peigné Delacourt. Recherches sur le champ de bataille d'Attila, armes bijoux et ornements de Theodoric, roi des Visigoths (Paris 1860). H. Baudot. Memoire sur les sépultures des barbares de l'époque merovingienne découvertes en Bourgogne (Dijon 1860). J. de Baye. Le cimetière visigothe d'Herpes. Paris 1892. Barièrre-Flavy. Les sepultures barbares de l'ouest et du midi de la France. Paris (1893).

[364]) G. Meyer von Kronau. Alamannische Denkmäler in der Schweiz. Mitth. der antiq. Ges. in Zürich XVIII—XIX (Zürich 1873—76).

[365]) R. C. Neville. Saxon obsequies (London 1852). Roach Smith. Collectanea antiqua (London 1853—68). W. M. Wylie. Fairford graves (London 1852). J. Yonke-Akerman. Remains of Pagan Saxondom (London 1855). J. K. Kemble. Horae ferales etc. (London 1863). B. Fausett. Inventorium sepulcrale 1757—1773 edited by J. Mayer. (London 1853). Th. Wright. History of englisch Culture (London 1874). См. Его-же. The Celt, the Roman and the Saxon (London, 4 изд. 1885). Grant Allen. Anglosaxon Britain (London).

[366]) Max von Chlingensperg-Berg. Das Gräberfeld bei Reichenhall in Oberbayern (Reichenhall 1890). Дальнѣйшую литературу о древнихъ могильникахъ Германіи, Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, Англіи, кромѣ того что указано здѣсь, см. у Lindenschmit'a (Handbuch), стр. 64 и сл. L. Lindenschmit. Das römisch-germanische Centralmuseum in bildlichen Darstellungen (1860).

[367]) Dr. Fr. Wieser. Das langobardische Fürstengrab und Reihengräberfeld von Civezzano (Innsbruck 1887). L. Campi. Le tombe barbariche di Civezzano (Trident 1886).

[368]) Angelo Arboit. La Tomba del Gisolfo (Udine 1874).

[369]) J. de Baye. Antiquités francques trouvées en Bohême. (Caën 1894). Extrait du Bull. Monumental 1894.

[370]) Památky archaeologické XV, стр. 633 и сл. и статья Dr. Niederle «Die neuentdeckten Gräber von Podbaba etc.» въ Mitth. der anthr. Ges. in Wien XXII (1892), стр. 1 и слѣд. Ср. также мое Příspěvky k anthropologii zemí českých I, str. 19—23. О колинской гробницѣ см. сообщ. проф. J. Koulу (Památky umělecko průmyslové v Čechách seš. 3) и гл. обр. статью проф. J. Píč'a въ Pam. arch. XV, str. 715 pas. Ср. также Jan. Šafránek. O pohřebišti a podobě Prokopa Velikého (Pardubice 1881) и статью J. V. Práška. Archaeologicky nález kolínsky (Osveta 1892, str. 740).

[371]) О деформаціи череповъ въ доисторическія времена см. глав. обр. слѣд. соч.: K. E. von Baer. Die Makrocephalen im Boden der Krim und Österreichs (Mémoires de l'académie des sciences. S. Pétersbourg S. VII. T. II. Nro. 6, 1860). L. J. Fitzinger. Über die Schädel der Avaren. (Denkschriften der Wiener Aka-

demie II. Cl. V. S. 26, 1853). Josef von Lenhossék. Die künstlichen Schädelverbildungen im Allgemeinen und zwei künstlich verbildete makrocephale Schädel aus Ungarn (Pest 1878). Die Ausgrabungen zu Szeged-Öthalom in Ungarn etc. (Wien 1886). M. Bräss. Beiträge zur Kenntniss der künstlichen Schädelverbildungen (Leipzig 1866). Д. Н. Анучинъ. О деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ Россіи (Извѣстія общ. любителей ест., антроп. и этн. XLIX, стр. 367. Москва 1887). Sur les crânes anciens artificiellement déformés, trouvés en Russie (Congrés internat. Moscou 1892). Niederle, «Die neuentdeckten Gräber von Podbaba und der erste künstlich deformirte praehistorische Schädel aus Böhmen (Mitth. der anthr. Ges. in Wien XXII, S. 1, 1892).

[372]) Dr. Fr. Bock. Schatz des Westgothenkönigs Athanarich gef. im J. 1837 in Petreosa. (Mittheil. der k. k. Centralcommission 1868, S. 105). J. Hampel. Der Goldfund von Nagy Szent-Miklós (Pest 1886). См. также Ungar. Revue 1886, S. 652. Fr. Pulszky. Die Goldfunde von Szilágy-Somlyó (Pest 1889). J. de Baye. Le trésor de Szilagy-Somlyo, Transylvanie (Paris 1893).

[373]) См. Paul B. du Chaillu. The Viking Age. (London 1891). О желѣзномъ вѣкѣ въ Даніи и Скандинавіи вообще см. еще Engelhardt C. Denmark in the early iron age (London 1866). Ср. также Aarböger for nord. Oldkyndighed 1881, стр. 79 pas. Undset I. Fra Norgesäldre Jernalder (Kopenhag. 1880). H. Hildebrand. The industrial arts of Scandinavia (London 1883). Lorange A. L. Den yngere Jernalders Svaerd. (Bergen 1889) Folio.

[374]) Объ обычаѣ погребать мертвыхъ въ ладьѣ у германцевъ см. Grimm, Kl. Schriften. II, str. 266 и его-же Deutsche Mythologie 3 изд., стр. 790. — См. также K. Weinhold Altnordisches Leben (Berlin 1856) стр. 483, O. Montelius (Archiv für Anthropologie XVII, стр. 386) и Д. Анучинъ. Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда, «Древности», т. XIV.

[375]) Приведемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя новѣйшія сочиненія: L. F. Wimmer, Runeskriftens oprindelse og undvikling i Norden (Kopenhag. 1874). Нѣмецкій переводъ Dr'a F. Holthausen'a, подъ загл.: «Die Runenschrift» 2-е изд. Berlin 1887. Olsen B. M. Runerne i den oldislandske literatur (Kopenh. 1883). Stephens G. Old-northern Runic monuments of Scandinavia and England (Копенг. 1866—81). I. Taylor. Greecks and Goths: a Study on the Runes (London 1879). Stephens G. The old northern Runic Monuments of Scandinavia and England (London 1879). Handbook of the Old northern Runie monuments (London 1884). O. Montelius. Das Alter der Runenschrift im Norden. (Archiv für Anthropologie 1888, стр. 151). Henning R. Die deutschen Runendenkmäler (Strassburg 1889). Bugge S. Norges indskrifter med de aeldre runer etc. (Christiania 1891 г.) и др.

[376]) Charles de Linas. Orfévrerie mérovingienne. (Paris 1864). Les oeuvres de Saint-Eloi etc. la verroterie cloisonnée (Paris 1864). L'orfévrerie cloisonnée (Paris 1877—1887). F. de Lasteyrie. Histoire de l'orfévrerie. Epoque barbare (Paris, 2-е изд. 1877). Ср. также J. Schulz. Der byzant. Zellenschmelz (Frankfurt am M. 1890). И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности. Т. III. Древности временъ переселенія народовъ (Спб. 1890). Bar. J. de Baye. Sujets décoratifs empruntés au regne animal dans l'industrie gauloise (Paris 1866). Его-же. Études arhéologiques. Epoque des invasions barbares (Paris 1889). Его-же. Les bijoux gothiques de Kertch (Paris 1888). La bijouterie des Goths en Russie (Paris. Mémoires de la soc. nat. d'antiquaires 1892). Dr. Grempler. Ср. примѣч. 318 и докладъ «Zur Geschichte der Fibeln in ihrer Beziehung zum

Merovingerstyl», на съѣздѣ нѣмецкихъ антропологич. обществъ въ Данцигѣ, 1891. Ср. также примѣч. 361.

[377]) Г. Спасскій. О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей (Спб. 1857). C. E. de Ujfálvy. Expédition scientifique française en Russie. VI. Les antiquités altaïques de la Russie et de la Sibérie (Paris 1880). В. В. Радловъ. Сибирскія древности I. (Спб. 1889—91). Atlas der Alterthümer der Mongolei (Спб. 1892). Ср. также Д. Клеменцъ. Древности минусинскаго музея (Томскъ 1886—7). Martin F. R. Les antiquités de l'âge du bronze de le Siberie du Musée de Minoussinsk (Stockholm 1893). Idem. Die Sammlung R. Martins. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur der sibirischen Völker (Stockholm 1895), съ атлас. Поповъ: Общій обзоръ археологич. изслѣдованій въ Сибири (въ словарѣ Межова) и В. И. Межова «Сибирская библіографія» I—II (Спб. 1891).

[378]) Odobesco A. J. Antiquités scythiques. La grande couronne de Novo-Tcherkask (Bucarest 1879). Было издано и по румынски.

[379]) А. П. Смирновъ. О сассанидскихъ блюдахъ. Казань 1894.

[380]) L. Niederle. O původu Slovanů (Praha 1896).

[381]) Главнымъ соч. остаются и до сихъ поръ славянскія древности Шафарика P. J. Šafařík Slovanské starožitnosti. Praha 1837, 2 изд., 1863. Ср. Его-же. Slovanský národopis (Praha 1842, 1849), а затѣмъ всѣ сочиненія по начальной исторіи славянскихъ народовъ. Перечисленіе главнѣйшихъ изъ нихъ можно найти напр. у Krek'a. Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2 изд., стр. 347. Ср. еще Dr. T. Maretič. Slaveni u davnini (Zagreb 1889) и G. Buschan. Germanen und Slaven (Münster 1890).

[382]) J. Vocel. O vzdělanosti Slovanského národu v prvotnich sidlech jeho (Časopis musea král. českého 1864, str. 353). Ср. также Abhandl. der böhm. k. Ges. der Wissensch. Prag. 1864, II, стр. 99 и Pravěk země české, стр. 353 и слѣд.—Die Bedeutung der Stein und Bronzealterthümer für die Urgeschichte der Slaven (Abhandlungen d. böhm. königl. Ges. der Wiss. Prag. Серія VI, вып. 3, стр. 40, 1879). А. Будиловичъ. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ (Кіевъ 1878—79, 1882). Ср. также прибавленія къ книгѣ А. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ славянъ (Варшава 1880). Ср. также книгу бр. Иречковъ: Josef u. Hermenegild Jireček. Entstehen christlicher Reiche im Gebiete des heutigen österr. Kaiserstaates (Wien 1865) стр. 73 и слѣд.—J. Jagič. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga (Zagreb 1867) — въ введеніи. Отдѣльная глава посвящена этому также въ исторіи славянъ W. Bogusławskijego.

[383]) G. Krek Dr. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte (2 изд. Gratz 1887), стр. 108 и 353 pas.

[384]) Относительно религіи древнихъ славянъ укажемъ чешскую книгу: Dr'a H. Máchal'a «Nákres slovanského bájeslovi» (Praha 1891), гдѣ приведена, хотя и не безъ пропусковъ, новѣйшая литература этого вопроса.

[385]) Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ (Москва 1868, нов. изд. въ Спб. 1890). Ср. также статью Dobrovského: «Über die Begräbnissart der alten Slaven (Abh. d. böhm. Ges. d. Wiss. 1786). Caland, W. Über Todtenverehrung indogerm. Völker. Amsterodam. Akad. 1888 и сочиненіе Д. Н. Анучина: Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похорон-

наго обряда. М. 1890. (Отд. отт. изъ «Древностей» Имп. Моск. Археол. Общ., т. XIV).

[386]) И. М. Собѣстіанскій. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ Славянъ (Харьковъ 1892).

[387]) Перечисленіе и описаніе чешскихъ валовъ см. у Vocel'я Pravěk země české I, гл. 5, и II, гл. IX, кромѣ того у Jelínek'a, въ книгѣ Über Schutz- und Wehrbauten... mit besonderer Rücksicht auf Böhmen (Prag 1885) и Píč'a въ Památkách archaeol. XV, стр. 353, 376 pas., хотя тоже далеко не полныя. О валахъ въ прочихъ славянскихъ земляхъ ср. Z. D. Chodakowski. O Słowiańszczyznie przed chrześciaństwem (Kraków 1835). И. И. Срезневскій. Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ (Харьковъ 1846). Dr. Kaz. Szulc. Budowle i usypaliska Słowian pogańskich (Roczniki tovarzystwa przyjaciół nauki. Poznań 1863). Д. Я. Самоквасовъ. Древніе города Россіи (Варшава 1873). R. Virchow. Burgwälle an der Mogilnitza in Posen (Zeitschrift für Ethnologie IX. стр. 243). O. Schuster. Die alten Heidenschanzen Deutschlands mit specieller Beschreibung des oberlausitzer Schanzensystems (Dresden 1869). Fr. von Bönigk. Über ostpreussische Burgwälle (Königsberg 1880) R. Behla. Die vorgeschichtlichen Rundwälle im östlichen Deutschland (Berlin 1884). Konst. hr. Tyszkiewicz. Wiadomość historyczna o Zamkach na Litwie i Rusi litewskiéj (Wilna 1859). V. Oskar. Schlesische Heidenschanzen, ihre Erbauer und die Handelstrasse der Alten. (Grottkau 1890). Hialmar Appelgren. Suomen Muinaislinnat (Helsingfors 1891), о городищахъ финновъ ср. ст. «Городища» Д. Анучина въ «Энциклоп. Словарѣ» Брокгауза и Ефрона.

[388]) R. Virchow. Über gebrannte Steinwälle der Oberlausitz (Zeitschrift für Ethnologie 1870 стр. 257, 461). Dr. J. Woldřich. O složení nĕcolika hradišt jihočeských (Česky Lid. II, стр. 1, ср. также и стр. 489). См. также и рефераты на археол. съѣздахъ, особ. въ Трирѣ (Correspondenzblatt der deutsch. anthr. Ges. 1881 и 1883). F. Barthelémy. Camps vitrifiés et camps calcinés (Nancy 1892).

[389]) См. мои статьи «Příspěvek k ocenění vlnovky na našich nádobách (Čas. muz. olom. 1891 стр. 101). и Bemerkungen über einige Charakteristiken der altslavischen Gräber. II. Wellenlinie. (Mittheil. der anthropol. Ges. in Wien. 1893 стр. 205).

[390]) F. J. Beneš. Schloss Hrádek (Praha 1887). Наиболѣе впрочемъ подробныя свѣдѣнія о немъ далъ Kl. Čermák, руководившій раскопками и описавшій ихъ въ изд. Центральной Коммиссіи для сохр. австр. памятн. (1888 стр. 65, 1889 стр. 194, 1890 стр. 102, 1891 стр. 6, 52, 64) и проч.

[391]) О валахъ и укрѣпл. въ Сербіи см. Miličević. Kněževina Serbija. 1876.

[392]) S. Müller. Über slavische Schläfenringe (Schlesien-Vorzeit in Bild und Schrift III, стр. 189). Dr. J. Lissauer. Über den Formenkreis der slav. Schläfenringe (докладъ на арх. съѣздѣ въ Данцигѣ. Correspondenzblatt der d. anthr. Ges. 1891 стр. 138 и Archeologiai Ertésitö 1891 стр. 333). См. также мою спеціальную статью «Bemerkungen über einige Charakteristiken der altslav. Gräber. I. Schläfenringe. (Mittheil. der anthr. Ges. in Wien 1894, p. 194). О польскихъ находкахъ въ Познани въ послѣднее время была статья Köhler'a въ Verhandlungen der berlin. anthrop. Ges. 1896.

[393]) Ср. также R. Andree. Todtenmünze (Ethn. Parallelen und Vergleiche. I. Leipzig 1889).

[394]) См. гл. обр. мою работу: Příspěvky k anthropologii zemì českych, I. Hroby s kostrami z konce doby praehistorické v Cechách (Praha 1891).

[395]) W. Lipp. Die Gräber von Keszthély (Budapest 1885).

[396]) А. И. Павинскій. Доисторическое время въ Царствѣ Польскомъ (Варшава 1875). A. Kirkor. Pokucie pod względem archaeologicznym (Kraków 1886). Его-же. Mohyly a hroby předhistorické v Polsce, Litvě a Rusi. (Slovansky sbornik I, str. 1. Praha). См. также Введеніе стр. XIII.

[397]) Изъ очень обширной литературы о русскихъ курганахъ укажемъ только главныя работы въ порядкѣ нашего изложенія въ текстѣ: Д. Самоквасовъ. Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи (Антропол. выставка въ Москвѣ 1879 г. III, 1, стр. 338). Д. Самоквасовъ. Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи. Ср. и проч. работы Самоквасова какъ напр.: Могильныя древности Екатеринославской губерніи. (Одесса 1883). В. Н. Ястребовъ. Курганы и городища Херсонскаго края (1892). В. Б. Антоновичъ. Древности югозападнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. (Матеріалы по археологіи Россіи. XI. Спб. 1893). Ср. оч. почтенную старинную работу: Иванъ Фундуклей. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. (Кіевъ 1848). С. С. Гамченко. Житомірскій могильникъ. (Житоміръ 1888). Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. Волынская губернія. (Спб. Литографир. изд. 1888). Г. Х. Татуръ. Очеркъ археол. памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи (Минскъ 1892). А. М. Сементовскій. Памятники старины Витебской губ. (Спб. 1867). Новое изд. вышло подъ загл. «Бѣлорусскія древности». (Спб. 1890). Kohn & Mehlis. Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östl. Europa. 2 Bände. (Jena 1879). Анатолій П. Богдановъ. Курганное племя Московской губерніи. (Москва 1865). Его-же. Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губерніи. (Москва 1867). А. Гатцукъ. Изслѣдованіе кургановъ Московской губерніи. (Москва 1865). Гр. А. С. Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ. (Москва 1872) и на франц. яз.: Étude sur les peuples primitifs de la Russie. Les Mériens. (S-Pétersbourg 1875). Ср. также: Каталогъ собранія древностей графа А. С. Уварова. I и II. Москва 1887) и Указатель памятниковъ Имп. Росс. Историческаго музея (Москва 2-ое изд. 1893) съ превосходнымъ введеніемъ. А. К. Жизневскій. Описаніе Тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ. (Москва 1888). Ф. Н. Глинка. О древностяхъ въ Тверской губерніи. (Спб. 1836). Архимандр. Макарій. Памятники древности въ Пермской губерніи. (Записки Имп. арх. общ. VIII, стр. 197). Въ видѣ добавленія къ литературѣ, указанной въ Введеніи (стр. XXVI), укажемъ здѣсь еще: П. Полевой. Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. (Спб. 1879—80). Л. Яковлевъ. Древности Россійскаго государства. (Москва 1865). Очень интересная характеристика славянскихъ могилъ была сдѣлана г. Спицынымъ на русск. археол. съѣздѣ въ Вильно въ 1893 г.

[398]) Полный списокъ этихъ кладовъ см. въ Каталогѣ средневѣк. древн. Имп. Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, изданномъ въ 1891 г. проф. Н. Кондаковымъ. О кладѣ, найденномъ возлѣ Старой Рязани въ 1822 г., см.: К. Калайдовичъ. Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губ. и пр. (Москва 1823). О Смоленскомъ кладѣ: Д. И. Прозоровскій. Описаніе Смоленскаго клада (Спб. 1870), о Владимірскомъ: В. Стасовъ. Вла-

димірскій кладъ. (Спб. 1863). Въ послѣднее время вышло замѣч. соч. Н. П. Кондакова: «Русскіе клады домонгольскаго періода». Спб. 1896.

399) О культурѣ древнихъ финновъ вообще см. слѣдующія лингвистическія изслѣдованія: A. Ahlquist. Kulturwörter der westfinnischen Sprachen (1875 Helsingfors), нѣмец. перев. и русское извлеч. Л. Майкова: «О древней культурѣ зап. финновъ по даннымъ языка» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1877, съ дополненіями. V. Thomsen. Den gotiske sprogklasses indflydelse pa den finske. (Копенг. 1869). По нѣмец. въ переводѣ E. Sievers'a «Über den Einfluss der german. Sprachen auf die finnisch-lappische» (Halle 1870). Anderson N. Studien zur Vergleichung der indogerm. und finnisch-ugrischen Sprachen (Dorpat 1879). Штакельбергъ Р. Р. Иранофинскія лексикал. отношенія. «Восточ. Древности», I, 3 p. 283. O. Donner. Über den Einfluss der litauischen auf die finnischen Sprachen. (Techmer's internat. Zeitschrift I, p. 257). Веске М. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. (Казань 1890). Mikkola J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. (Helsingfors 1894). V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske Sprog. (Kopenhagen 1890).

400) В. Поливановъ. Муранскій могильникъ. (Казань 1893).

401) Рядъ изображеній каменныхъ бабъ см. въ атласѣ: Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ трудамъ I археологическаго съѣзда. (Москва 1871). Таб. I и II.

402) Dr. Aug. Hartmann. Die Becherstatuen in Ostpreussen und die Literatur der Becherstatuen. (Archiv für Anthr. XXI, 1893, p. 253).

403) J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien (Helsingfors, Paris 1877—85). Его-же. La Rosmonorum Gens et les Ruotsi. Étude d'histoire et d'archéologie (Helsingfors 1884). J. K. Bähr. Die Gräber der Lieven (Dresden 1850). F. Kruse. Necrolivonia oder Geschichte und Alterthümer Livlands, Esthlands und Curlands (Leipzig 1859). C. Grewingk. Heidnische Gräber Russisch-Litauens, Lettlands und Weissrusslands. (Dorpat 1870). (Katalog der Ausstellung des X archäolog. Kongr. in Riga 1896, mit vielen Tafeln).

404 » 405) Для этой части моей работы я пользовался главн. обр. замѣчательными сочиненіями: G. Jacob'a. Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter (Leipzig 1887). Welche Handelsartikel bezogen die Araber aus den nordisch-baltischen Ländern? (I изд: Berlin 1887, 2 изд. 1891). Die Waaren beim arabischen Verkehr im Mittelalter (Berlin 1891). Ср. также: Stüwe. Die Handelzüge der Araber unter den Abbasiden durch Afrika, Asien und Osteuropa (Berlin 1836). Saveljev. Über den Handel der Wolga-Bulgaren im 9. und 10. Jahrh. (Erman's Archiv. Bd. VI, 1848). Alfred von Kremer. Kulturgeschichte Orients unter den Chalifen (Wien 1877). E. Babelon. Du commerce des Arabes dans le Nord de l'Europe avant les croisades (Paris 1882). Важнѣйшія изданія арабскихъ писателей, касающихся славянъ: v. Hammer. Sur les origines russes. Extraits de manuscrits orientaux (Спб. 1825). Frähn. Ibn Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit (Спб. 1823). Frähn опубликовалъ кромѣ того еще нѣсколько другихъ работъ. Charmoy. Relation de Mas'oudy et d'auteurs musulmans sur les anciens Slaves (St.-Pétersb. Mémoires de l'academie. VI t. II. 1834). В. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ. (Спб. 1860). Д. А. Хвольсонъ. Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Славянахъ и Руссахъ араб. писателя X вѣка Ибнъ-Даста. (Спб. 1869). А. И. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ

съ половины VII до конца X вѣка. (Спб. 1870. Дополненія. Спб. 1871. Приготовляется новое дополненное изд.). Извѣстія Ibrahîm Ibn Jakûb'a были переводимы очень часто. Самое лучшее изд. Куника и бар. В. Розена. Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ (Спб. 1878). Прилож. къ 32 т. Зап. Акад. наукъ.

[406]) Frähn Ch. Topographische Übersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland (Bulletins de l'académie des sciences. T. IX. St.-Pétersb. 1841). Къ этому же см. еще два дополненія Савельева въ томъ же изд. въ 1844 и 1847 гг. П. С. Савельевъ. Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи (Спб. 1846). Изъ ряда другихъ соч. можно указать еще на книгу Minutoli. Topographische Übersicht der Ausgrabungen griech., röm., arab. und anderer Münzen und Kunstgegenstände, wie solche zu verschiedenen Zeiten in den Küstenländern des Baltischen Meeres statt gehabt (Berlin 1843) и новѣйшія соч. A. Müller'a. Arabische Münzen in den baltischen Küstenländern (Königsb. 1885) и Тизенгаузена. Монеты восточнаго халифата (Спб. 1873). Подробную литературу см. у Jacob'a. Der nordisch-baltische Handel der Araber, стр. 98.

[407]) Главныя сочиненія, посвященныя краніологіи нынѣ живущихъ и доисторическихъ европейскихъ племенъ: His W. & L. Rütimeyer. Crania Helvetica (Basel 1864). A. Ecker. Crania Germaniae meridionalis (Freiburg 1865). H. von Hölder. Zusammenstellung der im Würtemberg vorkommenden Schädelformen (Stuttgart 1876). R. Virchow. Beiträge zur physischen Anthropologie der Deutschen, mit besond. Berücksichtigung der Friesen (Berlin 1876, Abhandl. der Academie der Wiss.). A. de Quatrefages et E. T. Hamy. Crania ethnica. (Paris 1873—1882). J. B. Davis and J. Thurnam. Crania britannica. (London 1865). J. Kollmann. Beiträge zu einer Kraniologie der europ. Völker (Archiv für Anthropologie XIII, стр. 79, 179, XIV стр. 1. Изъ болѣе спеціальныхъ работъ особенно важны: J. Gildemeister. Ein Beitrag zur Kenntniss nordwestdeutscher Schädelformen (Archiv f. Anthr. XI, стр. 47). Lissauer. Crania prussica (Zeitschrift f. Ethnologie I, 1874, II 1878) и чешская работа Dr. J. Matiegky. Crania bohemica I. Böhmens Schädel aus dem VI—XII. Jahrhundert, (Praha 1891). Дальнѣйшія серіи чешскихъ череповъ были помѣщены въ журн. «Cesky lid» (roč. II, III). Въ Польшѣ наиболѣе работалъ проф. Isidor Kopernicki (см. рядъ статей, помѣщенныхъ въ Zbiór Wiadomości do Antropologii krajowej издаваемомъ Краковской Академіей (1877—1883). А. П. Богдановъ резюмировалъ результаты цѣлаго ряда своихъ работъ (съ 1815 по 1892 г.) въ статьѣ «Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale (Comptes Rendus du Congrés internat. d'anthropologie à Moscou. T. 1).

[408]) Изъ обширной литературы, касающейся вопроса о происхожденіи славянъ и колыбели первобытнаго арійскаго племени, укажемъ здѣсь только нѣсколько главнѣйшихъ сочиненій: Adolphe Pictet. Les origines indoeuropéennes et les Aryas primitifs (Paris 1859—63, 2-me éd. 1877). Victor Hehn. Die Salz. (Berlin 1873). Th. Poesche. Die Arier (Jena 1878). Blondheit und Albinismus (Archiv für Anthr. XIV. 143). K. Penka. Origines ariacae (Wien 1883). Die Herkunft der Arier (Wien 1886). Über den phys. Typus und die Urheimat der Arier (Mittheil. der anthr. Ges. Wien. XIII. 255). Entstehung der arischen Rasse (Ausland. 1891. № 7—10) и др. J. van der Gheyn. L'origine européenne des Aryans (Anvers 1885). Ch. de Ujfálvy. (Bulletins de la Soc. d'anth. Paris. 1884). Fr.

Spiegel. Die arische Periode und ihre Zustände. (Leipzig 1887). Ch. Morris. The Aryan Race, its Origin. etc. (Boston 1888). G. Rendall. The cradle of the Aryans (London 1889). P. Bradke. Über Methode und Ergebnisse der arisch. Alterthumswissenschaft. (Giessen 1890). C. J. Taylor. The origin of the Aryans (London 1890. Недавно вышелъ русскій переводъ). Изложеніе всего вопроса и его историческаго развитія можно найти въ извѣстной книгѣ O. Schrader'a. Sprachvergleichung und Urgeschichte (2-ое изд. Jena 1890) и у Sal. Reinach'a

[409]) Ср. мою работу: O původu Slovanů. Studie ku slovanskym starožitnostem. (Praha 1896).

[410]) Dr. J. Talko-Hryncewicz. Charakterystyka fizyczna ludów Litwy a Rusi. (Zbiór Wiadomosci XVII, p. 112). Charakterystyka fiz. ludnosci Podola. (Materialy anthropologiczne. I. Kraków 1896, p. 64.

[411]) Н. Зографъ. Антропометрическія изслѣдованія мужскаго великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губ. (Москва 1892). Ср. критическую брошюру г.г. Ивановскаго и Рождественскаго: Насколько вѣрны выводы проф. Н. Ю. Зографа и пр. Москва. 1894.

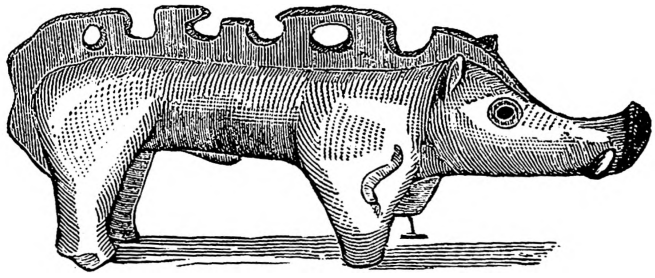


Рис. 456.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

A*bury* (Avebury) стр. 131.
Австрія Верх. и Ниж. въ палеолитич. эп. стр. 44; въ неолит. эп. стр. 96, 110; въ бронз. стр. 306; въ нач. желѣзной стр. 394, въ римскую эп. стр. 480; въ концѣ германской эп. стр. 504; въ славян. эп стр. 560.
Агры (стекл. бусы) стр. 351.
Агителецкая пещера стр. 86.
Аккады см. *Сумеры.*
Алезія стр. 446.
Алеи каменныя (alignements) стр. 130.
Алороды стр. 268, 357.
Англія, *Шотландія и Ирландія* Сочин. объ археол. этихъ странъ стр. XXIV. А. въ камен. вѣкѣ стр. 38, 77, 94, 126, 134, 140; въ бронз. в. стр. 284; въ галльскую эпоху стр. 457; въ герман. эп. стр. 503.
Антимоній см. *Сурьма.*
Антимонитъ стр 197.
Антоновичъ (проф. В. Б.) стр. 55, 56, 78, 147, о бронз. вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра стр. 327, классификація городищъ стр. 540—541; древлян. кург. стр. 564; классфик. кург. въ Украинѣ стр. 566; археол. Кіевск. губ. 572.
Антропологія, отнош. ея къ доисторич. археологіи стр. 1.
Anthropopithèque Мортилье стр. 11.
Ansa lunata s. cornuta стр. 275, 309.
Анучинъ (акад проф. Д. Н.), о домашнихъ животныхъ въ Россіи каменнаго вѣка стр 55, 56; о трепанаціи череповъ въ доистор. вр. стр. 173; о погребальн. обыч. инородцевъ стр. 567; о христіанск. симв въ языч. могилахъ стр. 577; о типѣ великоруссовъ 592, 593.
Арабы ихъ торговля въ восточ. Евр. стр. 684, араб. писатели о славянахъ стр. 535, 583, 595.
Ашёль (Сант—) стр. 35. с. ашельская эпоха стр. 30.

Б*абы* каменныя стр. 580.
Балканы въ камен. в. стр. 57, 128; въ бронзов. в. стр. 270; въ нач. желѣзнаго стр. 379.
Barrows въ Англіи стр. 134, 285.
Баски стр. 187.
Батальяръ (Bataillard) его теорія цыганъ стр. 217, 218.
Bâtons de commandement см. *Жезлы.*
Бегемотъ см. Гиппопотамъ.
Бельгія въ камен. в. стр. 37; въ меровингск. эп. стр. 503.
Бибрактъ стр. 447.
Бизонъ см. *Зубръ.*
Бобринскій (графъ А. А.) стр. 147.
Богдановъ (проф. А. П.) стр. 55, 150, о расѣ древн. обитат. Россіи стр 591, 594.
Бойи и Маркоманы въ Чехіи стр. 418, 458, 461, 481.
Болгарія стр. 128.
Болонья наход. стр. 354, 455.
Боснія и *Герцеговина* находки стр. 98, 270, 379, 459, 460.
Браслеты каменн. стр. 169, изъ раковинъ 169; бронзовые 280—282; венгер. спиральные стр. 289; изъ дутыхъ шариковъ стр. 455, 462.
Брахицефалія стр. 182: брахицефалы камен. в. стр. 184,—среди славянъ стр. 591 слѣд.
Бриксгамская пещ. стр. 39.
Бритвы стр. 230, 298, 355.
Бронза ея составъ стр. 210, происхожд. названія стр. 211; происхожд. бронзов. культуры по мн. Нильссона стр. 213; Гёрнеса стр. 214; Вирхова стр. 215; Томашка стр. 215; Соф. Мюллера, стр. 216; Габр. де Мортилье 217—219 и проч. стр. 213, 220.

Bustum у римлянъ стр. 151.
Бутмиръ раскоп. стр. 98.
Буше де Пертъ (Boucher de Perthes) стр. XVI.
Бычья скала пещ. стр. 48, 401—404.
Bulbe de percussion стр. 31.

В*авилоны* см. *Лабиринты.*
Вачъ наход. стр. 383.
Ведра желобчатыя (ciste a cordoni) стр. 362; дерев. съ оковкой стр. 578.
Венгрія стр. XXVII; В. въ палеолитич. эп. стр. 44; въ неолитич. стр. 96, 97, 141, 153; въ мѣдную стр. 203; въ бронз. стр. 288; въ нач. желѣзной эп. стр. 396, 414; въ готскую эп. стр. 506, 508; въ поздн. славянск. эп. стр. 560.
Венеты стр. 366 и сл.
Verroterie cloisonnée стр. 449, 502.
Викинги эпоха вик—овъ стр. 510.
Вилланова наход. стр 354.
Вирховъ Руд. о неандерт. черепѣ стр. 177.
Височныя кольца стр. 550 и слѣд.
Волнисто-линейная орнаментація посуды стр. 543.

Г*аксильберъ* стр. 551.
Галичина см. *Украина.*
Галлы стр. 441; галльская культура стр. 440; отнош. къ кельтамъ стр. 443; нашествія галловъ стр. 445, 459, галльск. монеты стр. 468.
Галльштаттъ опис. наход. стр. 371; культура стр. 370, 378.
Hamy (Dr E. T.) авт. Crania ethnica (см. *Катрфажъ*) о славянск. народ. стр. 593.
Ganggräber стр. 91.
Германія общ. сочин. по археологіи Герм. стр. XXV; Герм. въ камен. вѣкѣ стр. 40, 109, 126—127, 139; въ бронзов. в. стр. 304, 319; въ нач. желѣз. в. стр. 397, 406, 410, 412; въ латенск. эп. стр. 469; въ эп. римск. вліянія стр. 484; въ германск. эп. стр. 503; въ славянск. эп. стр. 547, 561.
Германцы стр. 490; нашествія ихъ стр. 492; гробницы стр. 494, герман. типъ черепа стр. 590 слѣд.
Гиппопотамъ стр. 23.
Гиттиты см. *Хиттиты.*
Hiatus между палеолит. и неолитич. эпохами стр. 71, 181, 614, 652.
Гіена пещерная стр. 21.
Глазинацъ находки стр. 379.
Глазуръ на керамикѣ стр. 479.
Hoernes (Dr. M) классифик. бронз. вѣка стр. 249;—культурныхъ поясовъ желѣзн. в. стр. 339.
Гомеровская Троя стр. 254; отнош. ея культ. къ наход. въ другихъ городахъ Трои и микенскимъ стр. 266.
Гонці с. Полт. Губ. стр. 54.
Гончарство въ палеолит. эп. стр 61, въ неолит стр. 165; въ бронзов. стр. 233, 285; типъ Эсте стр. 369; лужицкій типъ керамики стр. 412; типъ городищъ стр. 542, 544.
Городища вообще стр. 92, неолитич. стр. 95 и слѣд.; съ остеклованными валами стр. 92, 538; славянскія стр. 537; типъ керамики славян. городищъ стр. 417, 543, 550.
Готы стр. 493, искусст. и стиль стр. 520.
Греція въ бронзов. в. стр. 255; въ желѣзн. стр. 342; греч. колоніи на Средизем. морѣ стр. 353, на Черномъ м. стр. 420.
Гробницы въ жилищахъ стр. 89, 117; развитіе храмовъ изъ мѣстъ погребенія стр. 119, 125; мегалитическія гробницы стр. 124; съ каменными камерами или кистами, датскія стр. 91, вообще стр. 138, 139, 323, 408; плоскія неолитич. эп. стр. 138 и слѣд.; съ костяками въ скорчен. полож. стр. 189; куявскія въ Польшѣ стр 143; гробн. безъ камеръ, но съ камен. плитами (gr. płytowe a podplytowe) въ Польшѣ стр. 146; гроб. котлообразныя съ ост. трупосожженія (grubenbrandgräber) стр. 151; гр. куполовидныя въ Греціи стр. 263; съ гробами выдолбленными изъ древесныхъ пней стр. 301; гр. колоколовидныя (gr. podkloszowe) стр. 319, 409; колодцеобразныя въ Италіи стр. 360; гр. a *camera* стр. 365; гроб. въ Эсте стр. 367; въ Чехіи стр. 559; вендскія гробн. стр. 484. погреб. въ ладьяхъ стр. 512; гробн. славянск. эп. стр. 549; рядовыя гробн. стр. 495.
Грузила для сѣтей и ткацкаго станка стр. 90, 168
Гунны стр. 493.
Hünnenbetten (дольмены) въ Герм. стр. 127.

Д*анія* см. *Скандинавія.*
Дарвинъ Ч. и его ученіе стр. XVII, 13.
Dépôts см. Клады.
Деформація искусств. череповъ стр. 507
Дилиты стр. 121.
Дилювій см. *Четвертичная* эпоха.
Дипильскій типъ керамики стр. 345, 346.
Днѣпръ, пещеры по берег. стр. 56.
Доисторическія времена, опред. стр. II, доисторич. археолог. стр. I; ея значеніе стр. III; ея методъ стр. V; историч. очеркъ стр. VII и слѣд.

Долихоцефалія стр. 182, долихоцеф. камен. пер. 182; древ. славянъ стр. 592.
Дольмены стр. 118, 124.
Друиды стр. 444, друидическіе памятн. стр. 118.
Dryopithecus Fontani стр. 11.
Духцово находки стр. 466.
Дюбуа (Dr Dubois) открытіе *Pithecanthropus'a* стр. 12.

Евреи ихъ торговля рабами стр. 530, 584—585.
Египетъ въ эпоху мѣди стр. 202, 208; въ бронз. эп. стр. 238.

Ядеитъ см. *Ядеитъ.*
Жезлы (Bâtons de commandement) стр. 63, 68.
Желѣзо стр. 335; его распростр. и добываніе стр. 336.
Жертвенники каменные стр. 21.
Жилища въ доистор. врем. стр. 81, 88, 90; шуссенридскіе остатки хиж. стр. 109; лѣтнія и зимнія жил. стр. 91; погреб. урны въ видѣ жилищъ стр. 91.

Заборолo стр. 542.
Золото стр. 193.
Зубръ (бизонъ) стр. 25.

Иберы стр. 186.
Изображенія на дольменахъ стр. 129; на скалахъ въ Скандинавіи стр. 302; на погреб. урнахъ въ Пруссіи стр. 408.
Иллиры стр. 347.
Индексы см. *Черепные показатели.*
Ирландія см. *Англія.*
Искусство въ палеолит. эп. стр. 62, въ неолит. стр. 170.
Испанія и Португалія археолог. литер. стр. XXIV; въ палеолит. эп. стр. 39, 95, 126, 140; въ эп. мѣди стр. 203; 204 въ бронз. эп. стр. 286; въ желѣз. эп. стр. 406
Италійцы или *Италики* стр. 276, 348, 353.
Италія соч. по доист. арх. Ит. вообще стр. XXV; въ камен. вѣкѣ стр. 39, 108; въ эп. мѣди стр. 204; въ бронз. эп. стр. 219, 270; въ началѣ желѣзн. стр. 348;

Кавказъ гробн. стр. 128, 215, 248, 239; кобанскій могильн. стр. 329, поздн. гробн. стр. 507.
Cachettes см. *Клады.*
Каллаитъ (минер.) стр. 83.
Каменный вѣкъ стр. 27—28.
Каменные жертвенники см. *Жертвенники;* камен. сооруженія неолитич. эпохи стр. 112.
Камни употреблявш. для выдѣлки орудій стр. 59, 163; чортовы камни стр. 122; чашечные к. стр. 123; колеблющіеся камни стр. 121.
Карачарово палеолит. нах. стр. 54.
Карійцы стр. 268.
Карнакъ (Carnac) и карнакская эпоха, стр. 75, 130.
Касситеридскіе о-ва, стр. 213.
Castelliere см. *Городища.*
Кастенодоло стр. 10.
Катрфажъ объ отнош. человѣка къ животн. стр. 11, 13, о религіоз. чув. стр. 67. Катрф. и Ами (см. *Нату*) стр. 176.
Кельтъ см. *Цельтъ.*
Кельты какъ предпол. созидатели мегалит. памятн. стр. 136, о всемъ прочем см. *Галлы.*
Кентская пещ. стр. 39.
Керамика см. *Гончарство.*
Кета см. *Хиттиты.*
Кинжалъ въ бронз. в. 228, 289—290, 300.
Кипръ эпоха мѣди стр. 202, бронз. в. 241.
Кирпичъ стр. 529; кирп глина стр. 19.
Кіевъ палеол. эп. стр. 54, 55: кіев. типъ серегъ стр. 556, 568, 569; кіев. клады стр. 569; монеты 573.
Kjökkenmödding'и открытіе ихъ стр. XI, опис. стр. 78; распростран. стр 80.
Клады (dépôts, cachettes) стр. 235, 280, 284, 291; кл. поломанныхъ предметовъ стр. 299, 307, 325; кл. славян. эп. въ Россіи стр. 568, 573.
Кобанскій могильникъ стр. 329.
Колыбель человѣчества стр. 14.
Конь въ палеолит. эп. стр. 24.
Корнето находки стр. 356, 366.
Крайна наход. жел. в. стр. 386 460
Краковъ пещ. въ окр. кр стр. 52, 87.
Кранноги (crannogs) въ Ирл. стр. 105.
Красная краска на костяхъ стр. 147, 148.
Кремень стр. 59 – 60; кр. орудія третич. эп. стр. 8 и сл; четвертич. стр. 59, 60.
Кро-Маньонъ пещ. 36; раса 176.
Крымъ дольмены стр. 128.
Кульна и *Костеликъ* пещ. въ Моравіи стр. 48, 86.
Курганы объясн. слова кург. стр. 146; понятіе стр. 133; англійскіе кург. см. *barrows;* русск. к. стр. 146, 328, 420; классифик. русск. кург. Самоквасова стр. 328, 422; классиф. украинскихъ к. В. Б. Антоновича стр. 566; чешско-моравскіе к. стр. 312, 399, 464, 559; укр. кур. съ костищами стр. 567; курганы безъ погреб. (памятные, сторожевые и пр.) стр. 563.

Кухонныя или *сорныя* кучи см. *Kjökken-möddingʼи*

Лабиринты (вавилоны) въ Финляндіи стр. 135—136.
Лайбахъ см. *Любляны.*
Ларно (Larnaud) кладъ см. стр. 280, Ларнодск. эпоха стр. 279.
Лёббокъ (sir John Lübbock) стр. 28, 67.
Левъ пещерный стр. 21.
Ледниковая эпоха и ея фазисы стр. 17 междуледниковая стр. 18; въ Россіи стр. 53—54.
Ленгіэлъ (Lengyel) городищ. и гробницы стр. 96, 141.
Лёссъ (loess) и его происхожд. стр. 19.
Лигуры стр. 183, 186; лигурійскія пещеры стр. 40, 85.
Лингвистическая палеонтологія стр. 528.
Лось стр. 24.
Лужицкій типъ керамики стр. 417.
Львиныя ворота въ Микенахъ стр. 259.
Любляны (Лайбахъ) музей стр. 460.
Любна пещ. стр. 45.
Людоѣдство въ доистор. врем. стр. 59.
Lunulla стр. 231; ср. также стр. 355.
Лючія (Санта—) наход. стр. 382.

Магдалина (св.) находки, стр. 386.
Мадлэнъ пещ. стр. 36, эпоха—стр. 32.
Мамонтъ стр. 22; въ Сѣв. Россіи 54; въ Украинѣ 55.
Макролитическія оруд. стр. 40.
Маркета св. стр. 386.
Маркоманы см. Бойи.
Марзаботто наход. стр. 360, 458.
Мастерскія (ateliers) каменн. орудій стр. 76,—пряслицъ въ Укр. 569.
Машыца (Maszyca) пещ. стр. 52, 87.
Медвѣдь пещерн. стр. 20.
Мелосъ (о-въ) наход стр, 113.
Менгиры стр. 118—120.
Ментона пещ. и нах стр. 36—37.
Меровингская эпоха и культ. стр. 494,—стиль стр. 520.
Мерянскія древности стр. 577.
Месопотамія въ бронз. эп. стр. 246.
Металлы исторія употребл. ихъ въ Евр. стр. 192, отд. мет. 193 и сл.
Методы типологическій и сравнительн. въ доистор. археол. стр. V—VI.
Мечъ стр. 229, 282, 288—290, 300, 373; ла-тенск. эп. 451, 459—460, 496 и слѣд.
Микены наход. стр. 259.
Миллефіори стр. 351.
Михаилъ (*Св.*) наход. стр. 386, 461.
Міоценъ стр. 5.
Монеты кельтскія стр. 467; радужныя чашечки стр. 469; находимыя при покойникахъ стр. 553; арабскія въ Европѣ стр. 585.
Моногенизмъ стр. 14—15.
Monte-Aperto стр. 7.
Монтеліусъ (Оскаръ) эп. бронзы въ Скандинавіи стр. 211, 294, 304, классификація жел. пер. стр. 486.
Моравія въ палеолит. эп. стр. 46, морав. пещ. стр. 48; Мор. въ неолит. эп. стр. 86, 98, 111, 141; въ эп. мѣди стр. 206; въ бронз. эп. стр. 307, 320; въ нач. желѣзн. стр. 401, 413; въ ла-тенск. эп. стр. 464; въ эп. герм. вл. стр. 505; въ славянск. эп. стр. 547, 557.
Морены стр. 19.
Моржъ (Morges) въ Швейц. нах. стр. 283; эпоха—стр. 279.
Мортилье (Габр. де.—) о третичн. челов. стр. 7 и сл.; раздѣл. каменн. вѣка стр. 29; теорія hiatus'а стр. 71, 181, 614; теорія происхожд. бронзы стр. 217; раздѣленіе неолитич. эп. стр. 74; о человѣч. типахъ четверт. эп. стр. 176 раздѣл. бронз. пер. стр. 279; классификація бронзовыхъ топоровъ стр. 226; мнѣніе о бронз. в. въ Египтѣ стр. 240; о желѣзѣ въ Египтѣ стр. 337.
Музеи археолог. въ Евр. стр. XXI.
Мустье (Moustier) ст. стр. 36; мустьерск. эпоха стр. 30.
Мѣдь стр. 104, 193, 197; эпоха мѣди стр. 197, 202, 207.

Насѣчка стр. 502.
Неандертальская пещ. стр. 41, типъ стр. 177 и сл.
Неолитическая эпоха опред. стр. 70; раздѣл. стр. 74; обозр. культуры стр. 154; хронологич. опред. стр. 174.
Нефритъ мѣстонахожд. въ Евр. стр. 164; орудія изъ нефр. стр. 163.
Niello см. *Черь.*
Ножи бронз. в. стр. 230; жел. в. въ славянск. гробн. стр. 554, 561.
Нолеттская пещ. стр. 38, нол. челюсть стр. 68, 179.
Норвегія см. *Скандинавія.*
Носорогъ (Rhinoceros) стр. 23.
Нуклеусъ стр. 60, 90.
Нураги на о-вѣ Сардиніи стр. 112, 114.

Обезьяны третичн. форм. стр. 5, 6, 11; въ отнош. къ человѣку стр. 11 и сл.
Обсидіанъ стр. 164.
Общества археологич. стр. XVIII.
Овцебыкъ стр. 23.
Огонь стр. 58.
Одежда въ палеолит. эп. стр. 57—58; въ неолит. стр. 167—169; въ бронз.

в. стр. 301; въ курган. пер. въ Россіи стр. 570.
Окрашиваніе костей въ красный цв., стр. 147, 148.
Олень гигантскій (Megaceros hibern.) стр. 23; О. сѣверный (C. Tarandus) стр. 24, 58, 79; О. обыкн. (C. elaphus) стр. 76, 79, 107.
Олигоценъ стр. 3.
Олимпія стр. 341.
Олливье-Борегаръ о металлахъ въ древ. Египтѣ стр. 208, 240.
Олово стр. 195—196.
Орудія каменныя—ихъ приготовленіе стр. 59 и сл., 156—159; просверливаніе ихъ стр. 159; разныя ихъ формы стр. 59 и сл., 156—165; ихъ величина стр. 161, матеріалъ стр. 59, 162; употреб. каменн. ор. въ позднѣйшія эпохи стр. 227; орудія бронзовыя стр. 224 и сл.; ор. желѣзныя 373, ла-тенск. эп. стр. 460.
Отложенія четвертичныя стр. 19—20.
Отта (Otta) въ Португаліи, стр. 8, 39.
Охота въ палеолит. эп. стр. 58; въ неолитич. стр. 155.

П*алафиты* см. *Свайныя поселенія.*
Пальставъ стр. 227.
Паннонскій типъ керамики стр. 415.
Пелазги стр. 268.
Періодич. изданія по доист. археол. стр. XVIII.
Персія въ бронзов. в. стр. 248.
Пескіера свайн. постр. стр. 273.
Петри (Флиндерсъ) его находки въ Египтѣ стр. 208, 240.
Пещеры ихъ происхожд. стр. 20 и сл.; палеолит. эп. стр. 35; неолит. стр. 81; позднѣйш. стр. 285; искуственныя пещ. стр. 82.
Пинтадеры стр. 85.
Pithecanthropus erectus стр. 12 и болѣе подробно въ примѣч. 9, стр. 600.
Платикнемія стр. 179.
Племена европ. въ камен. в. стр. 175; въ концѣ доистор. врем. глава X.
Пліоценъ стр. 5.
Повозочки бронзовыя съ фигурками стр. 380, 391.
Подбабан—скій черепъ стр. 45; проч. находки стр. 500—505.
Показатели черепные стр. 182.
Полигенизмъ стр. 14—15.
Польша въ палеолит. эп. стр. 51; въ неолит. стр. 87, 111, 128, 133, 143; въ бронзов. в. стр. 324, 326; въ нач. желѣзн. стр. 408, 412, въ ла-тенск. эп. стр. 471; въ эпоху римск. вл. стр. 485; въ поздн. славян. эп. стр. 547, 561, 594.
Поля погребальн. урнъ вообще стр. 316, 292, 414; въ Польшѣ стр. 319, 412, въ Лузаціи стр. 319, 412; въ Силезіи стр. 320, 409; въ Чехіи и Моравіи стр. 320, 413, 464, 482; въ Венгріи 292, 414; въ альпійскихъ странахъ стр. 392; въ Италіи стр. 276, 277; принадлежность ихъ вообще стр. 415.
Португалія см. *Испанія.*
Précurseur de l'homme Мортилье стр. 11.
Пряслицы стр. 90, 167, 569.
Пти-Моренъ (Petit-Morin) пещ. стр. 82—83, 170.
Пшедмостъ находки стр. 46.
Пьеттъ его находки и классификація стр. 36, 179.

Р*аздѣленіе* каменн. вѣка вообще стр. 28, четвертичн эп. стр. 29, 33, неолитич. эп. стр. 74, эпохи металловъ стр. 201, 279.
Раскрашиваніе тѣла стр. 170.
Ретушь на каменн. оруд. стр. 60.
Ривначъ городище стр. 100.
Римскія завоев. въ эп. цезарей стр. 472, рим. колоніи стр. 474; рим. древн. въ сѣв. и средн. Евр. стр. 480; упадокъ римск госуд. стр. 489.
Робенгаузенъ стр. 75, 102, 105.
Россія географ. полож. стр. 420; Р. въ палеолит. эп. стр 53, въ неолит. стр. 101, 128, 147, 150, въ эпоху мѣди стр. 207; въ бронз. в. стр. 326, въ желѣзн. в. стр. 420 и сл.; греческіе гробн. въ Россіи стр. 424, Р. въ скиѳосармат. эп. стр. 427 и сл.; въ эп. готскихъ и азіатск. вліяній стр. 506, 509, 518; въ славян. эп. стр. 548, 564, 594; антропологич. типы стр. 593.
Руководства для производ. археологич. изслѣдованій стр. VII.
Руны въ Скандинавіи стр. 513.
Рыболовство въ доист. вр. въ палеолитич. эп. стр. 58, въ неолит. стр. 155.
Рѣзьба на кости стр. 62—66.

С*амоквасовъ* (проф. Д. Я.) классифик. рус. кург. стр. 328, 422, 566; раскоп. Чернигов. кург. стр. 570.
Санторинъ о-въ стр. 114.
Сарматы стр. 430, ихъ гробн. стр. 431.
Свайныя поселенія въ Швейц. открытіе ихъ стр. XIV; опис. стр. 102 и сл.; неолит. свайн постр. въ разн. стр. Евр. стр. 102; бронз. в. 272, 281—283, 306, 322; славянскія св. постр. стр. 549.
Свастика стр. 167, 219.
Свинецъ стр. 195.

Серебро стр. 194, какъ отлич. признакъ славянскихъ гробн. стр. 555.
Серьги славянск. стр. 555 и слѣд; кіевскаго т. стр. 555, 563.
Сибирскія древности стр. 326, 518.
Сизовъ. (Вл. И.) теорія кургановъ сѣв. Россіи стр. 564, 565.
Система трехъ періодовъ стр. 197 и сл.
Ситулы вообще стр. 364; чертозскаясит. стр. 364—365; вачская стр. 384; фрёггская стр. 389; гёттвейгская стр. 396.
Скандинавія (Швеція, Норвегія и Данія) археолог. литература стр. XXVI; Швеція и Данія въ камен. в. стр. 44, 102, 135; въ бронзов. в. стр. 294, 303; въ ла-тенск. эп. стр. 470; въ римск. эп. стр. 486; въ эпоху викинговъ стр. 510.
Скивы стр. 427, скиѳск. кург. стр. 431.
Скрамасаксъ стр. 496.
Славяне доист. археол. славян. земель вообще стр. XXVI; слав. стр. въ каменн. в. стр. 45 и сл., 187, въ эп. мѣди стр. 206; въ бронзов. в. стр. 307; въ нач. желѣзн. стр. 418, 437; славяне вообще стр. 521, славянск. племена стр. 523; древнеславян. культура стр. 528; славяне у восточн. писателей стр. 535, 536, 583, 595; слав. городища стр. 337; слав. керамика стр. 542; славян. височ. кольца стр. 550; слав. свайныя постр. стр. 549; славян. рабы стр. 530, 585; антропологич. классификація славянъ стр. 593; лингвистич. классиф. 526 и сл.; вопросъ о первонач. типѣ славянъ гл. X.
Слизняки съѣдобные стр. 155.
Сміла (Смѣла, мѣст. Кіев. губ.) стр. 147.
Собака въ доистор. вр. стр. 155.
Сожиганіе мертвыхъ см. *Трупосожженіе*.
Солютре стр. 35, сол. эпоха стр. 31.
Сооруженія каменныя неолит. эп. стр. 112.
Сочиненія по доисторич. археологіи вообще стр. XVII: по археол. отд. странъ Евр. стр. XXIV и слѣд.
Спайка металловъ въ доист. вр. стр. 234; въ Южн. Руси стр. 573.
Spatha стр. 497.
Spiennes ст. въ Бельгіи стр. 77.
Spy находки стр. 38, 61, 179.
Стекло въ доист. вр. стр. 349 и сл.
Stonehenge стр. 131.
Стоянки доистор. стр. 76.
Страдоницы наход. стр. 465.
Стрѣлы кам. типа Солютре стр. 32, костяныя стр. 61; съ поперечн. остріемъ стр. 162; бронзовыя стр. 228; желѣзн. у славянъ стр. 535, 554, 567; отравленныя стрѣлы стр. 536.
Судславицы палеолит. наход. стр. 46.
Сумеры и Аккады стр. 247.
Сурьма стр. 197.
Съѣзды археологич. стр. XXI.

Таингенъ (Tayngen) пещ. стр. 44; разные предм. стр. 44, 64.
Тевтона (оружіе) стр. 498.
Террамары итальянскія стр. 273; венгерск. стр. 275, 292.
Тенъ (La Tène) опис. наход. стр. 446, 449 и слѣд.
Таубахъ наход. стр. 40.
Талайоты на Балеарскихъ о-вахъ, стр. 112, 133.
Тенэ (Thenay) наход. третичн. орудій стр. 9.
Thera см. *Санторинъ*.
Тиринтъ наход. стр. 256 и сл.
Тканье въ кам. пер. стр. 167, 168.
Топоры камен. палеолитич. coups de poing стр. 30, неолит. стр. 160; бронзов. стр. 224 и сл.; классификація бронз. топор. Мортилье стр. 226; цельты стр. 227; венгерскіе топ. стр. 289; швейцарскіе 300.
Торфяники въ Даніи стр. 200.
Трепанація череповъ въ доисторич. врем. стр. 172.
Трилиты стр. 121.
Триниль (Trinil) на о-вѣ Явѣ, находка Pithecanthropus'a стр. 12 и прим. 9.
Троя исторія развалинъ ея стр. 114; раскопки и находки стр. 116, 250; полемика Шлиманна и Беттихера стр. 117, 251.
Трупосожженіе начало его стр. 150—152; въ англ. barrows стр. 135, въ Скандинавіи стр. 298, въ Чехіи стр. 313; частичное—стр. 372; у славянъ стр. 532, 564, 566.
Туркестанъ его вліяніе на европ. культуру стр. 515.
Туръ Bos primigenius стр. 25.

Уваровъ графъ А. С. стр. XXIII, XXIV, 54, 147, 149, 577.
Ударный бугорокъ см. *Bulbe de percussion*.
Украина и Галичина археологич. литер. стр. XIII, XXVI; въ палеолит. эп. стр. 54—56; въ неолит. стр. 101, 111, 144, 147, 149, 154; въ эп. мѣди стр. 208; въ бронзов. в. стр. 229, 327; въ желѣз. в. (курганы) стр. 422, 431—438; тенск. эп. стр. 471; валы стр. 478; римск. эп. стр. 488; эп. пересел. народ. стр. 506—507; 509—510, 519; славян. плем. стр. 526; городища желѣз. в. стр. 543; курганы стр. 564,

570—573; височн. кольца стр. 552; серьги кіевск. типа стр. 556; желѣз. в. стр. 561; клады стр. 568, 573: антропологич. типъ укр. стр. 593.
Украшенія стр. 169; у слав. стр. 554 и сл.
Унетицы типъ гробн. въ Чехіи стр. 309.
Урны погребальныя стр. 91, 165, 356; лицевыя урны (urnes à visage) стр. 243, 253, 324, 355; виллановскаго типа стр. 354—355; эденбургскія стр. 396, лужицкія стр. 412.
Устрины стр. 151, ср. также стр. 88.

Ф*ауна* четвертичн. эп. стр. 20 и сл., 58; ея измѣненія стр. 31; домашнія животныя стр. 25, 58, 155.
Фибулы наиболѣе древнія въ бронз. в. стр. 232, со слѣдами починки стр. 234; микенскія стр. 264: въ террамарахъ стр. 275; венгерскія стр. 289; скандинавск. стр. 300; кавказск. стр. 331; фибулы желѣз. в., греческія стр. 344; италійскія стр. 355, 363; галльштаттскія стр. 373; боснійскія стр. 380; вачскія стр. 385 хорутанскія стр. 387; ладьеобразныя и дугообразныя стр. 388; латенскія стр. 452; римской эп. стр. 479; вендскія стр. 489; германскія (меровингскаго типа) стр. 499;
Филигрань стр. 426, 568.
Финикія торговля ея и фин. колоніи на Средиз. морѣ стр. 213, 244.
Финляндія археологич литер. стр. XXVII; финляндск. гробн. стр. 581—582; финнскія древн. въ Россіи стр. 564—565, 575, 579; финны какъ первобыт. обит. Россіи (теорія Европеуса) стр. 594.
Fondi di сарапне стр. 95.
Формочки для отливки бронзов. орудій (льячки) стр. 222, 223.
Францискъ, видъ топора стр. 497.
Франція, археологич. литер. стр. XXIV; въ каменн. в. стр. 34, 76, 109, 125, 138; въ бронз в. стр. 277; въ желѣзн. стр. 405; въ галльск. пер. la Tène стр. 455.
Фрёгъ находки стр. 387.
Фюрфоозъ (Furfooz) пещ. и нах. стр. 38.

Х*атты* (егип. *Кета*) см. *Хиттиты*
Хижины неолит. стр. 88; остатки хиж. въ Шюссинридѣ стр. 109.
Хиттиты стр. 244, 268, 358.
Хлоромеланитъ стр. 163.
Хлѣбныя растенія въ неолит. эп. стр. 155—156; въ бронз. в. стр. 303; у славянъ стр. 528.
Христіанство у слав. нар. стр. 586.
Хронологическое опред. древности четвертич. эп. стр. 68.

Ц*ельтъ* стр. 227.
Цикладскіе о-ва нах. стр. 114 ,255, 265; культура стр. 265.
Циклопическія сооруженія стр. 112.
Цисты см. *Ведра*.
Цыгане какъ носители бронзовой культуры стр. 217—218.

Ч*ародѣйство* въ бронз. в. стр. 303.
Чашечки радужныя стр. 469.
Чашечные камни стр. 123.
Человѣкъ третичный стр. 6 и сл.; антропопитекъ Мортилье стр. 11; питекантропусъ Дюбуа стр. 12 и примѣч. 9; четвертич. чел. Шаффгаузена стр. 178; челов. въ теоріи эволюціи стр. 12, открытіе существ. челов. четвертич. эп. стр. XVI и сл.; четвертичн. челов. вообще стр. 126 и сл.; древность челов. на землѣ стр. 68, 69.
Черепные показатели стр. 182.
Черепъ, отношеніе черепа обезьянъ къ человѣч. стр. 14; чер. Pithecanthropus'а стр. 12 и примѣч. 11; неандертальскій чер. стр. 41, 177; каннштаттскій стр. 177; подбабскій и мостецкій стр. 45, 46, 176; кро-маньонскій стр. 36, 180; разныя измѣренія череповъ и черепные показ. стр. 182; долихо и брахи цефалія стр. 182; чер. германскаго типа (типъ рядовыхъ могилъ) стр. 590; черепъ древ. и современ. славянъ стр. 591.
Черниговъ курганы стр. 571.
Чернь на металлѣ стр. 502.
Чертоза (Certosa) наход. стр. 363; чертоз. фибулы стр. 363.
Четвертичныя отлож. стр. 16, 17; четв. эпоха стр. 16; вопр. о четвертичн. челов. стр. 16; находки въ Евр. стр. 34; хронологич. опред. стр. 68; раса стр. 177.
Чехія въ палеолит. эп. стр. 45, въ неолитич. стр. 98, 111, 141; въ эп. мѣдн. стр. 206; въ бронз. эп. стр. 307, 320; въ нач. желѣзн. стр. 399, 413; въ латенск. эп. стр. 461; въ эп. римск. вл. стр. 481; въ славян. эп. стр. 546, 557, 594.
Чертова дыра пещ. стр. 50.

Ш*вейцарія* археологич. литер. стр. XXV, въ камен. в. стр. 44, 140, въ эп. мѣди стр. 203, въ бронз. эп. стр. 280; см. *свайныя постройки*.
Швейцербильдъ наход. стр. 181.

Швеція см. *Скандинавія.*
Шелль (Chelles) стр. 35; эпоха стр. 29.
Шипка пещ. стр. 50.
Schiffsetzungen стр. 135.
Шлиманнъ и его находки въ Троѣ стр. 116, 250; въ Тиринтѣ стр. 256; въ Микенахъ стр. 259; въ Орхоменѣ стр. 264; полемика съ Беттихоромъ стр. 117, 251.
Шотландія см. Англія.
Шуссенридъ стр. 40.

Эволюція, эволюціон. теорія стр. 13.
Эденбургъ (Oedenburg) нах. стр. 97, 396.
Электронъ (сплавъ зол. и серебра) стр. 195.
Эмаль стр. 331, 448.
Эоценъ стр. 4.
Эпоха, эп. образованія земной коры (геологическія) стр. 2 и сл.; третичная эп. и ея подраздѣленія стр. 4 и слѣд; четвертичная или постпліоценов. эп. стр. 16; эп. ледниковая стр. 17; эп. междуледниковая стр. 18; эп. палеолитическая стр. 28 и сл.; эп. неолитическая стр. 70; эп. металловъ стр. 191; система трехъ вѣковъ стр. 197, 201; классификація доисторич. эпохъ стр. 28, 29, 33, 74, 201, 279; бронз. 210; желѣзн. в. стр. 335, 440; германск. (меровингская) эп. стр. 494; эп. викинговъ стр. 510; эпоха славянская стр. 537 слѣд.
Эсте наход. стр. 367.
Этруски стр. 353, 357, 366.

Юрьевскій жальникъ стр. 147.

Ядеитъ —овые топ. стр. 163.
Языкъ доисторич. человѣка стр. 67—68.
Ямы культурныя опредѣленіе стр. 88; распространеніе стр. 94; ямы для храненія хлѣба стр. 90.
Янтарь украшенія изъ него стр. 169; торговля имъ въ бронзов. вѣкѣ стр. 295—298.

Поправка: на стр. 178 ссылка на рис. 137 сдѣлана по ошибкѣ, такъ какъ соотвѣтствующій этому мѣсту, но не имѣющій научнаго значенія рисунокъ Шаффгаузена въ русскомъ переводѣ выпущенъ.

Примѣчаніе (къ стр. 70—74). Признавая существованіе hiatus'а только въ нашихъ свѣдѣніяхъ, Габр. де Мортилье, благодаря новымъ раскопкамъ, могъ въ послѣднее время (въ 1897 г.) установить въ своей классификаціи палеолитическаго періода двѣ новыхъ эпохи: *Турасгенскую* и послѣ нея *Тарденуазьенскую* (Ep. Tardenoisienne), названную по имени мѣстности Fère-en-Tardenois въ деп. Aisne, которыя и заполняютъ собою прежній hiatus. Такимъ образомъ вопросъ этотъ можетъ считаться окончательно исчерпаннымъ.

Переводч.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе. . . . . .

ВВЕДЕНІЕ.

Что такое доисторическая археологія.—Отношеніе ея къ антропологіи и исторіи.—Ея задачи и методы.—Очеркъ развитія доисторической археологіи.—Современное состояніе этой науки; археологическія учрежденія, общества, съѣзды, періодическія изданія и главнѣйшая общая литература . . . I—XXVII

ЧАСТЬ I.

Періодъ дометаллическій.

ГЛАВА I.

Начала человѣчества.

Вопросъ о происхожденіи человѣка.—Геологическое введеніе.—Европа въ третичный періодъ.—Споръ о третичномъ человѣкѣ.—Anthropopithèque Габр. де-Мортилье и человѣкъ въ теоріи эволюціи.—Колыбель человѣчества. 1—15

ГЛАВА II.

Четвертичный человѣкъ.

Европа въ четвертичную эпоху.—Ледниковый періодъ и его фазы.—Отложенія четвертичной эпохи.—Фауна.—Раздѣленіе четвертичной эпохи на основаніи фауны и на основаніи орудій первобытнаго человѣка.—Подраздѣленія Габр. де-Мортилье.—Обзоръ европейскихъ находокъ четвертичной эпохи.—Культура европейскаго человѣка этого времени.—Вычисленіе древности человѣка и продолжительности четвертичной эпохи . . . . . 16—69

ГЛАВА III.

Человѣчество въ неолитическую эпоху.

Вопросъ о промежуткѣ или перерывѣ между двумя эпохами (hiatus Мортилье). — Подраздѣленія неолитической эпохи. — Неолитическія поселенія:

Стр.

стоянки подъ открытымъ небомъ и мастерскія.—Пещерныя жилища.—Кухонныя кучи (kjökkenmödding'и).—Сорныя ямы, жилища и городища.—Свайныя постройки.—Циклопическія сооруженія.—Города неолитической эпохи (Санторинъ, Мелосъ и Гиссарликъ).—Гробницы и священныя мѣста: мегалитическіе памятники (менгиры, качающіеся камни, жертвенники, дольмены, каменныя аллеи, кромлехи, гробницы).—Простыя могилы въ землѣ.—Польскіе groby skrzyńkowe и русскіе курганы.—Сожиганіе мертвыхъ въ неолитическую эпоху.—Картина культуры этого времени.—Хронологическія опредѣленія . . . . . 70—174

ГЛАВА IV.

Доисторическія племена каменнаго вѣка въ Европѣ.

Древнѣйшія племена четвертичной эпохи.—Мнѣнія двухъ главныхъ французскихъ школъ, Катрфажа и Мортилье.—Неандертальскій человѣкъ и его физическія особенности.—Племена неолитической эпохи.—Древнѣйшіе европейскіе народы: иберы, лигуры, баски и пр.—Теорія первобытнаго лапландскаго населенія.—Арійцы . . . . . 175—188

ЧАСТЬ II.

Эпоха металловъ.

ГЛАВА V.

Начатки употребленія металловъ.

Металлы и ихъ значеніе въ исторія культуры.—Золото, серебро, свинецъ, олово и сурьма въ доисторическія времена.—Система трехъ періодовъ.—Возраженія Гостмана.—Датскіе торфяники.—Мѣдь.—Мѣдный вѣкъ въ Европѣ . . . . . 189—209

ГЛАВА VI.

Бронзовый вѣкъ.

Бронза.—Происхожденіе бронзовой культуры.—Теоріи Нильсона, Гёрнеса, Вирхова, Томашка, Софуса Мюллера, Габр. де-Мортилье и др.—Формы для отливки и главные виды бронзовыхъ издѣлій: топоры и молотки (пальставы, цельты), наконечники копій, стрѣлы, кинжалы, мечи и другіе виды оружія, украшенія и т. п.—Керамика.—Бронзовый вѣкъ на Востокѣ.—Находки Шлиманна въ Малой Азіи и въ Греціи.—Лелеги, Кары.—Италія.—Восточныя вліянія.—Террамары.—Италики.—Франція и Швейцарія.—Британія.—Испанія.—Бронзовый вѣкъ въ Венгріи.—Торговля янтаремъ.—Бронзовый вѣкъ на Сѣверѣ Европы.—Австрійскія земли.—Чехія, Моравія.—Восточная Германія.—Польша, Россія.—Заключеніе. . . . . 210—334

ГЛАВА VII.

Древнѣйшій желѣзный вѣкъ.

Желѣзо, его распространеніе и добываніе въ древности.—Три пояса первобытной желѣзной культуры въ Европѣ.—Греція и греки.—Гипотеза Гёрнеса.—Италія: италики, этруски, венеты.—Галльштаттъ и область гальштаттской культуры.—Балканы, приморскія и альпійскія области Австріи.—Дунайская область.—Чехія и Моравія.—Галлія, Испанія и Британія.—Сѣверъ Европы.—Поля погребальныхъ урнъ этой эпохи и народъ, которому они принадлежали.—Россія и Польша.—Классификація русскихъ кургановъ.—Греческія и скиѳо-сарматскія древности Южной Россіи. . . . . 335—439

ГЛАВА VIII.

Расцвѣтъ желѣзнаго вѣка.

Новыя вліянія съ запада.—Галлія и кельты.—La Tène и область галльской культуры въ средней Европѣ.—Бойи въ Чехіи.—Кельтскія монеты.—Часть римской исторіи въ эпоху императоровъ.—Римскія провинціи въ Галліи, Британніи, Испаніи, Реціи, Норикумѣ, Панноніи, Мизіи, Дакіи; римскія колоніи въ нихъ и ихъ культура.—Маркоманы въ Чехіи.—Вліяніе культуры римскихъ провинцій на Сѣверъ Европы . . . . . 440—488

ГЛАВА IX.

Паденіе римскаго государства.—Германцы.—Великое переселеніе народовъ.—Культура рядовыхъ могилъ и перечисленіе главныхъ ихъ мѣстонахожденій.—Происхожденіе готскаго стиля.—Эпоха викинговъ на Сѣверѣ Европы.—Славяне, ихъ распредѣленіе, распространеніе и очеркъ ихъ первобытной культуры.—Сохранившіеся памятники.—Городища, свайныя поселенія и гробницы въ славянскихъ земляхъ.—Торговля съ арабами.—Появленіе христіанства. . . . . 489—587

ГЛАВА X.

Европейскія племена въ концѣ доисторической эпохи.

Развитіе европейскихъ племенъ и народовъ.—Типъ череповъ германскихъ рядовыхъ гробницъ.—Вопросъ о первоначальномъ типѣ германцевъ и славянъ . . . . . 588—598

Библіографическія примѣчанія . . . . . 599—643

Алфавитный указатель. . . . . 645—652

Оглавленіе . . . . . 653—655

КАРТА ЕВРОПЫ
ВЪ
ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРІОДЪ
ВТОРОЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРІОДЪ
ПЕРВЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРІОДЪ
ГРАНИЦЫ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ЗЛРАТИЧЕСКИХЪ КАМНЕЙ (БАЛУНОВЪ)
НАПРАВЛЕНІЯ БОЛЬШИХЪ ЛЕДНИКОВЪ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ИСЛАНДІЯ
ИРЛАНДІЯ
АНГЛІЯ
ШОТЛАНДІЯ
ФРАНЦІЯ
ИСПАНІЯ
ПОРТУГАЛІЯ
ИТАЛІЯ
АВСТРО—ВЕНГРІЯ
ЧЕХІЯ
ГЕРМАНІЯ
РОССІЯ
КАВКАЗЪ
БАЛКАНЫ
АФРИКА
ЛОНДОНЪ
ПАРИЖЪ
БЕРЛИНЪ
ВАРШАВА
ПРАГА
ВѢНА
МОСКВА
С.ПЕТЕРБУРГЪ
КІЕВЪ
ОДЕССА
ХРИСТІАНІЯ
ГОТЛАНДЪ
ЛАДОЖСКОЕ ОЗ.
ОНЕЖСК. ОЗ.
ВЕНЕРНЪ
ВЕТТЕРНЪ
ВЕТЛУГА
ВЯТКА
ТУЛА
ВОРОНЕЖЪ
ПЕНЗА
САРАТОВЪ
ТАГАНРОГЪ
ЛЕМБЕРГЪ
ОСТРОГЪ
ПОЛТАВА
ХАРЬКОВЪ
ТРИЕСТЪ
МАДРИДЪ
РИМЪ
0 ДОЛГОТА ПО ГРИНВИЧСКОМУ МЕРИДІАНУ